Кир

БУЛЫЧЕВ

МОНУМЕНТЫ МАРСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

МОНУМЕНТЫ МАРСА

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Монументы Марса: Фантастические рассказы и пьесы / Кир Булычев. — М.: Эксмо, 2006. — 992 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-18314-0

Кир Булычев — признанный мастер короткой формы в литературе. Этот том собрания сочинений писателя — первое полное книжное издание всех его рассказов, которые не входят в авторские циклы «Алиса» и «Гусляр». 76 разных по тематике рассказов создавались писателем в течение сорока с лишним лет.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-18314-0

РАССКАЗЫ

ТАК НАЧИНАЮТСЯ НАВОДНЕНИЯ

За окном плыли облака. Таких облаков я раньше не видел. Снизу, с изнанки, они были блестящими, гладкими и отражали весь город — крыши, зеленые и фиолетовые, с причудливыми резными коньками, кривые улочки, мощенные кварцевыми шестигранниками, людей в кирасах и цилиндрах, идущих по улочкам, старомодные автомобили и полицейских на перекрестках. В углу у окна, у рамы, располагалось самое любимое из отражений — кусочек набережной, рыболовы с двойными удочками, влюбленные парочки, сидящие на парапете, женщины с малышами. И дома, и люди на облаках были маленькими, и мне часто приходилось додумывать то, чего я никак не мог разглядеть.

Доктор приходил после завтрака и садился на круглый табурет у моей постели. Он глубоко вздыхал и жаловался мне на свои многочисленные болезни. Наверное, он думал, что человеку, попавшему в мое положение, приятно узнать, что не он один страдает. Я сочувствовал доктору. Названия болезней часто были совсем непонятны и от этого могли показаться очень опасными. Даже удивительно, как это доктор еще живет и даже бегает по коридорам больницы, постукивая высокими каблучками по лестницам. Всем своим видом доктор давал мне понять: разве у вас ожог? Вот у меня зуб болит, это да! Разве это доза — тысяча рентген? Вот у меня в коленке ломота... Разве это удивительно — тридцать два перелома? Вот у меня...

Сначала я лежал без сознания. И это он выходил меня после первой клинической смерти. И после второй клинической смерти. Потом я пришел в себя и пожалел об этом. Правда, у них изумительные обезболивающие средства, но я ведь знал, что они все равно не справятся с тысячью рентген, — все это чистой воды филантропия. Не больше.

— Сегодня на рассвете один старик поймал в реке большую рыбину, — говорю я, чтобы отвлечь доктора от его болезней.

— Большую?

— С руку.

— Это вы в облаках рассмотрели?

— В облаках. Почему они такие?

— Долго объяснять. Да я и не смогу. Вот выздоровеете, поговорите со специалистами. Облака не круглый год. Месяца за два до вашего прилета было солнце. Тогда все меняется.

— Что?

— Наша жизнь меняется. Прилетают корабли. Но это ненадолго.

— К вам редко кто прилетает?

— Пассажирских рейсов нет. Да и откуда им быть? Расписания не составишь...

«Почему?» — хотел спросить я, но пришла сестра. Вместо этого я сказал:

— Доброе утро, мой милый палач.

И сразу забыл о докторе. Сестра — значит, процедуры.

Днем я заснул. Мне снова снилась катастрофа. Мне снилось, что я поседел. Но, наверное, мне никогда так и не узнать, поседел ли я на самом деле. Голова моя наглухо замотана — только глаза наружу.

— С Землей связались, — сказал доктор, заглянув ко мне вечером.

Он казался очень веселым, хотя мы оба знали, что с Земли лететь сюда почти полгода.

— Ну-ну, — вежливо сказал я и стал смотреть в потолок.

— Да вы послушайте. Нам сообщили, что «Колибри» заправляется на базе 12-45. Завтра стартует к нам. Это далеко?

Я хотел бы успокоить доктора, но он все равно узнает правду. Я сказал:

— Будут дней через сорок.

— Замечательно, — ответил доктор, не переставая широко улыбаться. Но ему уже было невесело. Он тоже понимал, что и сорока дней мне не протянуть. Но он был доктором, и поэтому он должен был что-то сказать. — У них на борту врач и препараты. Вас поставят на ноги в три часа.

— Тогда некого будет ставить на ноги...

По реке на облаках плыл вниз трубой длиннющий пароход, и белый дым из его трубы свисал с облака к самому окну.

— Надо быть молодцом, — сказал доктор.

Я не стал спорить.

Ночь была длинной. Я ждал рассвета, а его все не было. Сколько длятся их сутки? Если не ошибаюсь, двадцать два часа с минутами. И поделены они на периоды и доли. Об этом я читал в справочнике. Еще на базе.

Наконец стало светать. Я удивился, увидев на облаках, что улицы полны народу. Обычно прохожие появлялись часа через полтора после рассвета.

Открылась дверь, и вошел доктор.

— Вас еще не кормили? — спросил он.

— Нет, рано еще.

— Пора, пора, — сказал он.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Тринадцать долей третьего периода, — сказал доктор.

Я не стал просить разъяснений. Третьего так третьего.

— Мне придется вас покинуть, — сказал доктор. — Много работы.

Доктор вернулся через час и долго рассматривал ленты с записями моей температуры, давления, пульса и прочих штук, свидетельствующих о том, что я еще жив. Ленты ему явно не нравились, поэтому доктор начал насвистывать что-то веселое.

— Ну и как?

— Совсем неплохо. Жалко, что вам сбили режим. Головы за это отрывать надо!

— За что?

— За полную безответственность. Ему, видите ли, не хотелось с ней прощаться. Ну ладно, потом объясню. Кстати, вы не будете возражать, если к вечеру мы сделаем вам переливание крови?

— А мое возражение будет принято во внимание?

Доктор вежливо улыбнулся и ушел.

На следующий день мне стало хуже. Доктор сидел на круглом табурете и о своих болезнях ни гугу. За окном метет. Вчера еще было тепло и рыболовы покачивали над водой удилищами, как жуки усиками. А сегодня метет.

— Через полчаса кончится, — сказал доктор. — Недосмотрели.

— Вы управляете климатом? — спросил я.

— Да ничем мы не управляем, — вздохнул доктор. — Это не жизнь, а сплошное безобразие. Скорей бы облака уходили.

— Вы вчера что-то говорили о безответственности.

— Ах, вы об этом инциденте? Это неизбежно. Один молодой человек... Что с вами?

Мне было плохо. Я еще слышал доктора, но уже не мог удержаться на поверхности мира. Мне казалось, что я держусь за слова доктора, как за скользкие тонкие бревнышки, но вот слова выскальзывают и остаются на воде, а я ухожу вглубь, не смея открыть рта и вздохнуть...

Я очнулся. Они не знали, что я очнулся. Не заметили. И я слышал их разговор. Доктора и другого врача, специалиста по лучевой болезни.

— Два-три дня, не больше, — сказал специалист. — Очень плох.

Я знал, что говорят обо мне, но очень хотелось, чтобы слова эти не имели ко мне никакого отношения.

Вторично я очнулся ночью. Доктор сидел на своем табурете и раскладывал на коленях нечто вроде пасьянса из карт, похожих на почтовые марки. Мне показалось, что доктор осунулся и постарел. Я был благодарен доктору за то, что он не ушел ночью домой, за то, что он сидит у моей постели, и даже за то, что он осунулся всего-навсего от-

того, что в его отделении умирает человек с Земли, с совсем чужой и очень далекой планеты.

— Спите, — приказал доктор, заметив, что я открыл глаза.

— Не хочу, — ответил я. — Еще успею.

— Не дурите, — сказал доктор. — Безвыходных положений не бывает.

— Не бывает?

— Еще одно слово, и я дам вам снотворное.

— Не надо, доктор. Знаете, что удивительно: я читал, что перед смертью люди вспоминают детство, родной дом, лужайки, залитые солнцем... А мне все чудится, что я чиню какого-то ненужного мне кибера.

— Значит, будете жить, — сказал доктор.

Я задремал. Я знал, что доктор все так же сидит рядом и раскладывает пасьянс. И мне, как назло, приснилась лужайка, залитая солнцем, та самая лужайка, по которой я бегал в детстве. Лужайка была теплой и душистой. На ней было много цветов, пахло медом и жужжали пчелы... Доктору я не стал говорить о своем сне. Зачем расстраивать?

Вошла сестра.

— Все в порядке, доктор, — сообщила она. — Проголосовали.

— Ну-ну?

— Сто семнадцать «за», трое воздержались.

— Чудесненько, — сказал доктор. — Я так и думал.

Он вскочил, и карты, похожие на марки, рассыпались по полу.

— Что, доктор?

— Жизнь чудесна, молодой человек. Люди чудесны. Разве вы этого не чувствуете? Ох, как у меня болит зуб! Вы не можете себе представить... У вас когда-нибудь болели зубы? Вы еще вернетесь на свою поляну. Она вам снилась?

— Да.

— Вернетесь, но со мной. Вам придется пригласить меня в гости. Всю жизнь собирался побывать на Земле, но недосуг как-то. Если мы с вами продержимся еще два дня, считайте, что мы победили.

И он не лгал. Он не успокаивал меня. Он был уверен в том, что я выживу. Это было странно, потому что неоткуда было взяться оптимизму.

— Сестра, приготовьте стимуляторы. Теперь не страшно. — Доктор взглянул на часы. — Когда начинаем?

— Через пять минут. Даже раньше.

Сквозь толстые стекла окон донесся многоголосый рев сирен.

— Через пять минут. Вы уже знаете? — сказал незнакомый врач, заглядывая в палату.

— Закройте шторы, — приказал доктор сестре.

Сестра подошла к окну, и я в последний раз увидел серебряную

подкладку облаков. Я хотел попросить, чтобы они не закрывали шторы, объяснить им, что облака нужны мне, но неумолимая тошнота подкатила к горлу, и я, не успев уцепиться за воркование докторского голоса, понесся по волнам, задыхаясь в пене прибоя.

— ...Так, — сказал кто-то по-русски. — Ну и состояньице!

Я не знал, к какому из отрывочных видений относится этот голос. Он не давал уйти обратно в забытье и продолжал гудеть, глубокий и зычный. С голосом была связана растущая во мне боль.

— Добавь еще два кубика, — приказал голос. — Трогать его пока не будем. Глеб, перегони-ка сюда третий комплект. Сейчас он очнется.

Я решил послушаться и очнулся. Надо мной висели черная широкая борода, длинные пушистые усы и брови, такие же пышные, как и усы. Из массы волос выглядывали маленькие голубые глаза.

— Вот и очнулся, — сказал бородатый человек. — Больше уснуть мы тебе не дадим. А то привыкнешь...

— Вы...

— Доктор Бродский с «Колибри».

Бродский отвернулся от меня и выпрямился. Он казался высоким, выше всех в комнате.

— Коллега, — перешел он на космолингву, — разрешите мне еще разок заглянуть в историю болезни.

Мой доктор достал ворох белых катушек с лентами записей.

— Так, — бормотал Бродский. — День одиннадцатый... день четырнадцатый... А где продолжение?

— Это все.

— Нет, вы меня не поняли. Я хотел спросить, где вторая половина месяца? Ведь не четырнадцать же дней он болеет.

— Четырнадцать, — ответил доктор, и в голосе его прозвучали звенящие нотки смеха.

— Сорок три дня назад мы стартовали с базы, — между тем гудел Бродский. — Мы сэкономили в пути трое суток, потому что больше сэкономить не могли...

— Я вам все сейчас объясню, — сказал доктор. — Но, кажется, приехал ваш помощник...

Через шесть часов я лежал на самой обычной кровати, без лат, без шин, без растяжек. Новая кожа чуть зудела, и я был еще так слаб, что с трудом поднимал руку. Но мне хотелось курить, и я даже поспорил, хоть и довольно вяло, с Бродским, который запретил мне курить до следующего дня.

— Давайте-ка все-таки распутаемся с этой штукой, — продолжал Бродский, склонившись над моей историей болезни. — Сколько же мы летели, и сколько наш больной пролежал у вас?

Бродский достал из кармана большую трубку и принялся ее раскуривать.

— Тогда вы сами не курите, — потребовал я. — А то отниму трубку. Ради одной затяжки я готов сейчас на преступление.

— Больной, — строго сказал Бродский. — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено кому?

— Быку, больным, космонавтам в скафандрах, — ответил я. — У меня высшее образование.

Мой доктор слушал наш разговор, умиленно склонив голову к плечу. У него был взгляд дедушки, внук которого проглотил вилку, но в последний момент умудрился с помощью приезжего медика вернуть ее в столовую.

— Даже не знаю, с чего начать, — наконец сказал доктор. — Все дело в том, что наша планета — весьма нелепое галактическое образование. Большую часть года она целиком закрыта серебристыми облаками, которые полностью отрезают нас от внешнего мира.

— Но ведь мы же прилетели сюда...

— Корабль может пробить слой облаков, но этим обычно никто не хочет заниматься. И вот почему: облака каким-то образом нарушают причинно-следственную связь на поверхности планеты. Вы помните, как несколько дней назад в городе рассвело несколько позже, чем обычно?

— Да, помню, — сказал я. — Я решил сначала, что слишком рано проснулся.

— Нет, это запоздал рассвет. Один влюбленный молодой человек не хотел расставаться со своей возлюбленной. И что же он сделал? Он забрался на башню, на которой стоят главные городские часы, и привязал гирю к большой стрелке. Часы замедлили ход. В любом другом месте Галактики от такого поступка ровным счетом ничего бы не случилось. Ну, может быть, кто-нибудь и опоздал бы на работу. И все. А на нашей планете в период «серебряных облаков» замедлился ход времени. Рассвет наступил позже, чем обычно.

Доктор вдоволь насладился нашим изумлением и продолжал:

— Беда еще и в том, что в одном городе часы могут идти вперед, а в другом отстают. И рассвет наступает в разных местах по-разному. Чего только мы не предпринимали! Запрещали пользоваться личными часами — ведь время зависит даже от них, ввели обязательную почасовую сверку всех часов планеты... Но потом от всех мер такого рода отказались. Просто-напросто каждый житель планеты имеет часы. И раз на планете живут сто двадцать миллионов человек, то среднее время, которое показывают сто двадцать миллионов часов, правильно. Одни спешат, другие отстают, третьи идут как надо. Понятно?

— Значит, — спросил я, — если вы сейчас подведете свои часы вперед, то и время ускорит свой ход?

— Ну, на такую малую долю, что никто не заметит. А если ошибка становится крупной, достаточно чуть-чуть сдвинуть стрелки главных курантов — и все встанет на свои места.

— А ваш влюбленный об этом знал? — спросил Бродский.

— К сожалению, да. Об этом знают все.

— И часто случаются казусы?

— Очень редко. Мы волей-неволей дисциплинированны. Но, с другой стороны, мы знаем, что в случае крайней необходимости можем управлять временем. Так было и с нашим больным. Совет планеты принял решение спасти гостя. Мы знали — жить ему два, от силы три дня. Вашему кораблю лететь до нас сорок дней. Помните, я попросил сестру закрыть шторы?

— Да.

— Для того чтобы вас не смущало мелькание дня и ночи.

— Так эта мера очень болезненна для планеты?

— Мы сознательно пошли на некоторые трудности. Больше того, как сейчас выяснилось, «Колибри» пришел на пять часов раньше, чем мы предполагали. Значит, многие жители города сами подводили вперед ручные часы и будильники.

...Через три дня мы приехали на космодром. Доктор улетал с нами на Землю. Я еще был слаб и опирался на трость. Легкий снежок сыпался с серебряных облаков и мутил их гладкую поверхность. Впервые я увидел собственное отражение. Если задрать голову, то маленький человечек с палочкой тоже закинет голову и встретится с тобой взглядом.

Проводы затянулись, и я, устав, взялся рукой за круглую палку, привинченную к стене космовокзала. Так стоять было удобнее. Бродский говорил довольно длинную речь, в которой благодарил жителей планеты.

— Пора, — сказал стоявший рядом со мной капитан «Колибри». — Через пятнадцать минут старт.

Я обнимаюсь и раскланиваюсь с друзьями...

И тут вдалеке зародился невнятный, зловещий гул, словно кто-то заиграл на огромном контрабасе. Гул разрастался, дробился на отдельные звуки и приближался к нам.

Люди вокруг нас прервали разговоры, оглядывались. Послышался взволнованный женский голос:

— Крошка, где ты? Беги ко мне.

Мне показалось, что на горизонте, у далеких гор, поднимается стена тумана.

— Что такое? — взволновался доктор. — Что случилось?

Провожавшие, видно, разобравшись, в чем дело, бросились в укрытие космовокзала. Доктор по-птичьи покрутил головой и впился взглядом в меня.

— Сейчас же уберите руку! — крикнул он. — Что вы наделали!..

Я отдернул руку и, обернувшись, посмотрел на круглый предмет,

за который я держался. Оказалось, самый обыкновенный ртутный термометр.

— Это не часы, — неловко пошутил я, — это термометр.

— Вот именно! — закричал доктор, схватив меня за руку и волоча к дверям космопорта. — Вы забыли о причинно-следственных связях.

Бродский тяжело топал сзади, оглядываясь через плечо на близкую уже стену тумана.

Я начал догадываться и, надеясь еще, что догадка моя ложна, спросил неуверенно:

— Что случилось, доктор? Что я натворил?

— Неужели вы не понимаете? Посмотрите на термометр. Вы же согрели его и подняли температуру на несколько градусов. Во всем городе! И снег растаял... Не теряйте же ни секунды. Скорее в корабль! Начинается наводнение!

ХОККЕЙ ТОЛИ ГУСЕВА

Разницу между днем и ночью улавливали только приборы. Для нас ничего не менялось. В любое время длинных, пятидесятичасовых суток человека, выбравшегося из тамбура «пузыря», встречали все та же фиолетовая мгла, черное переплетение мертвого леса да редкие снежинки — они всегда носились в воздухе, как комары.

Это была самая настоящая зимовка. Хуже полярной, потому что выйти без скафандра нельзя, потому что ближайшее человеческое жилье — наш «Зенит» — месяц назад ушло к соседней системе и вернется только через два месяца, через шестьдесят наших, или двадцать девять местных, дней.

Мы ждали, пока кончится зима. Оставалось еще недели две. Планета крутилась вокруг своей звезды по сильно вытянутому эллипсу; и зимой, когда она далеко уходила от звезды, смерзались облака и падали на поверхность сплошным ковром. И, разумеется, на ней все умирало. Или засыпало.

Когда нас высаживали, мы подсчитали, что еще недели две — и придет свет: облака должны растопиться, занять соответствующее место, и на планете наступит лето. Мы не отходили далеко от «пузыря». Пурга и замерзший лес окружали нас. Это не значит, что мы ничего не делали. Конечно, мы были заняты и узнали немало, но все-таки это была зимовка, и Толя Гусев решил сделать хоккей.

Есть такая детская игра, которая больше всего интересует детей в возрасте от двадцати пяти и выше. На большой доске прорезаны узкие пазы, в которых двигаются посаженные на штыри хоккеисты. Они гоняют шайбу, а игроки, то есть дети, играющие в хоккей, должны быстро и точно двигать взад и вперед прутьями, на концах которых вертятся хоккеисты.

Толя Гусев делал игру уже вторую неделю, и мы все принимали в этом самое активное участие. В основном мы давали советы и поставляли материалы. Вы не можете себе представить, как трудно достать нужные для детской игры вещи в «пузыре», рассчитанном на шестерых разведчиков и один вездеход. Как назло, не сбросили ничего лишнего. Доставание материалов превратилось в азартный спорт, иногда опасный для дальнейшего существования группы. И Глеб Бауэр, наш командир, каждый вечер, сидя в углу за шахматами, не спускал глаз с добровольных помощников лохматого Гусева.

Дно и бортики мы соорудили из пустых канистр. Прутья-поводки — из стального троса (Глеб сильно возражал). Кое-какие детали — винтики, скобы поводков и так далее — мы извлекли из кинопроектора. Он нам был не очень нужен, потому что запас картин, привезенный на планету, мы просмотрели по три раза в первые же дни. Глеб устроил нам крупный скандал, когда пропали кое-какие не очень важные детали поляризационного микроскопа. Мы их вернули. Зато уговорили его пожертвовать ради коллектива хорошей пластиковой обложкой большого журнала наблюдений. Ведь, в конце концов, не на обложке же мы запечатлевали наши великие открытия! В глубине души Глебу тоже хотелось, чтобы хоккей был готов, и он согласился.

Толя Гусев, худющий и растрепанный, разрешил звать себя народным умельцем, и кто-то пустил слух, что он еще на Земле, в университете, за каких-нибудь три года вырезал на рисовом зернышке полный текст «Трех мушкетеров» с иллюстрациями Доре. И до сих пор студенты читают это зернышко, пользуясь небольшим электронным микроскопом.

И вот наступил день, когда хоккейное поле было готово. Оставалось сделать игроков. Игроков было сделать не из чего. Вот-вот наступит рассвет, и, хотя мы были заняты подготовкой к первой большой экспедиции, хоккейный азарт не ослабевал. Глеб сам предложил вырезать хоккеистов из шахматных фигурок, но мы, оценив его жертву, отказались, потому что фигурки были пластиковыми и притом слишком маленькими для хоккея.

На столе у Варпета лежал кусочек местного дерева. Он, безусловно, пытался вернуть его к жизни, вырвать из зимней спячки и потому подвергал всяким облучениям и химвоздействиям.

— Дай попробую, как его нож берет, — сказал Толя.

— Оно мягкое, — ответил Варпет. — Только стоит посоветоваться с Глебом.

Глеб повертел щепку в руках.

— Там, у резервного тамбура, есть большой сук, отвалился, когда устанавливали «пузырь». Отпили кусок и работай, — сказал он.

— Я как раз собирался из него портсигар вырезать, — сказал я. — На мою долю тоже отпилим.

Древесина была теплого розоватого цвета, и портсигар должен был получиться красивым, главное — совершенно неповторимым.

Мы с Гусевым надели скафандры и вышли в ночь.

Лес, густой до невозможности, подходил почти к самому «пузырю». На ветвистых узловатых сучьях не было листьев, от холода деревья стали хрупкими, и если ударить по суку посильнее, он отламывался с легким звоном. Но мы не ломали леса — мы не были хозяевами на этой планете, мы еще с ней не познакомились.

— Представляешь, — сказал Гусев, поднимая за один конец тяжелый толстый сук, — весной все это расцветет, распустятся листья, защебечут птицы...

— Или не защебечут, — сказал я. — Может, здесь птиц нет.

— Я думаю, что должны быть. Только они на зиму зарывают яйца в землю, а сами вымирают. И звери есть, они закапываются в норы.

— Тебе хочется, чтобы все было как у нас?

— Да, — сказал Гусев. — Заноси тот конец к люку.

Мы помогали Толе Гусеву вырезать хоккеистов. Мы делали заготовки — чурбачки. Один, побольше, для тела и один, поменьше, для вытянутой вперед руки с клюшкой. Дерево было податливым и вязким. Оно оттаяло в тепле, хотя Варпет так и не обнаружил в нем признаков жизни. Я сделал заодно себе портсигар. Он получился не очень элегантным, но крепким и необычным.

Наконец человечки были готовы. Мы раскрасили их. Одних одели в синюю форму, других — в красную.

Хоккеисты были размером с указательный палец. Гусев высверлил в них отверстия для штырей. Работа эта закончилась поздно ночью — нашей ночью, земной, мы продолжали жить по земному календарю.

Мы поставили хоккеистов на места и положили деревянную шайбу на центр поля. Глеб свистнул, и началась игра. Хоккеисты бестолково, но послушно вертелись, размахивая клюшками, шайба как угорелая носилась по полю и не шла в ворота.

— Научитесь, — сказал Варпет.

Я играл против Гусева, и шайба остановилась перед моим нападающим. Я осторожно повернул его вокруг оси, чтобы шайба попала под клюшку, и резко вертанул прут. Хоккеист — фюйть! — ударил по шайбе, и она полетела в ворота, но не долетела, потому что гусевский вратарь вдруг сделал невозможное — вытянулся вперед и перехватил клюшкой шайбу, но и шайба увернулась от него и понеслась в сторону, к другому игроку, который стоял до этого в полной неподвижности, потому что я и не думал браться за его прут. Но и тот игрок задвигался, при этом странно вытянулся и, нагнувшись, потянулся к шайбе. В тот же момент все хоккеисты пришли в движение. Они будто взбесились, будто ожили. Они дергались, вертелись на своих штырях, вытягивались, цепляли друг друга клюшками; движения их были бестолковы, но быстры и энергичны.

Мы с Гусевым бросили прутья и инстинктивно отодвинулись от доски. Но ничего сказать не успели. Нас опередил Глеб, который в это время смотрел в иллюминатор.

— Пришла весна, — сказал он.

За иллюминатором оживал лес. На глазах таявшие облака изменяли его цвет, и он уже не был темным, он был разноцветным — каждый ствол переливался бешеными яркими красками. В просвете туч появилось солнце, и лучи его, падая на лес, вызывали в нем пароксизмы деятельности. Сучья трепетали, дергались, изгибались, переплетались, танцевали; и казалось, деревья вот-вот вырвутся с корнями и пойдут в пляс. Каждая частица, стосковавшаяся по солнцу, — а ведь наши хоккеисты тоже были частицами деревьев, — встречала весну.

На концах корявых ветвей набухали почки и тут же лопались, обнаруживая свернутые в трубку листья или бутоны цветов. Глаза не успевали фиксировать быстролетные перемены, мы лишь отмечали результаты их и перебрасывались растерянными короткими репликами:

— Смотри, цветок раскрылся.

— Словно пожар.

— Камеры включены?

— Ты видишь?

— С ума сойти!

— Где объектив?..

Из густой светлой листвы, из пляшущих цветов, из клубков лиан вылетали птенцы и многокрылые бабочки. Синий жук, вырвавшись из бушующего леса, словно пуля ударился в иллюминатор и боком, боком побежал к краю, кося на нас белым глазом.

На время мы забыли о хоккеистах. Мы столпились у иллюминатора. Пораженные, любовались красками и движениями леса, хотя и понимали, как трудно будет изучать эту дикую, стремительную жизнь, как трудно будет пройти эти леса.

А когда мы снова обернулись к хоккейному полю, то увидели, что шайба залетела в правые ворота, а деревянные человечки, сплетясь в кучу, отчаянно сражаются клюшками. Хотя это, наверное, нам показалось. Просто растительная энергия случайно приняла странную форму.

— Давайте свисток и удаляйте всех с поля, — сказал Глеб. — Хоккейный сезон кончился.

КОГДА ВЫМЕРЛИ ДИНОЗАВРЫ?

В этом доме был современный лифт с голубыми самозакрывающимися дверями. Между створками была щель, настолько широкая, что можно было увидеть ярко освещенную белую стену кабины и со-

временный плафон под потолком. Но влезть в щель было нельзя. Не только Полянову, но и мне, хотя я в два раза тоньше.

— Какой этаж? — спросил Полянов.

— Десятый, Николай Николаевич, — сказал я.

— А другой лифт есть?

— Нет другого. Может, я поднимусь, а вы постепенно ко мне присоединитесь?

— Как так постепенно? — спросил Ник-Ник. — Тебе одному нельзя. Он с тобой и разговаривать не будет.

Ник-Ник тяжело вздохнул и почему-то расстегнул пиджак.

Я бы отлично управился без него, но когда из лаборатории принесли глянцевые, тринадцать на восемнадцать, отпечатки, то принесли их не мне, а прямо к нему в кабинет, он меня тут же вызвал, и я впервые увидел их живописно разбросанными по столу Ник-Ника.

— Ты заказывал пленку печатать? — спросил он, изображая строгость.

— Заказывал.

— А что там, знаешь?

— Нет. Мне Грисман пленки прислал, я думал, может, что срочное, вот и отдал в лабораторию. Ведь по нашему отделу.

— Значит, не видел, говоришь?

— Не видел.

Я старался краем глаза разглядеть, чего там Грисман наснимал такого, что лаборант притащил прямо к Ник-Нику в кабинет. Может, запечатлел местных девчат на память и сейчас произойдет неприятный для меня разговор?

— Где письмо? — спросил Ник-Ник.

— Какое письмо?

— С пленками письмо от Грисмана было?

— *Не было никакого письма, Николай Николаевич, — ответил я.*

— Что же это такое? Присылает фотокорреспондент пленки — и к ним ни письма, ничего? Может, он и не хотел, чтобы их проявляли? Может, он хотел, чтобы их прямо в таком виде в музей отдали? Он где?

— Вы же знаете, на Саянах, в Парыкских болотах, там скелеты ящеров нашли. Сами же ему командировку подписывали.

— Что он должен быть в Парыкских, это я знаю, а вот где он в самом деле, не знаю.

Полянов сгреб фотографии в кучу.

Я воспользовался передышкой, чтобы убийственно посмотреть на лаборанта Леву. Чего-чего, а такого предательства я от него не ожидал.

У Левы были обалдевшие глаза, и он, по-моему, даже не понял, что я смотрю на него убийственно. Из-под широких ладоней редактора выглядывали уголки фотографий, и по уголкам ни о чем догадаться было нельзя.

— Пленки где? — спросил Полянов у Левы.

— В лаборатории остались.

— Быстро принеси, одна нога здесь, другая там. Как ты мог их оставить?

Дело серьезное, понял я.

Полянов постучал ладонью по отпечаткам, потом поправил массивные очки.

— Так, — сказал он ехидно, — когда вымерли динозавры?

— Что?

— Когда, спрашиваю, динозавры вымерли? Давно? Отвечай, ты же отдел науки.

— В меловом периоде, — сказал я.

— Вот-вот, и я так думаю, — сказал Ник-Ник. — А вот твой Грисман так не думает. Что же теперь делать?

— Знаете что, объясните мне, пожалуйста, — сказал я. — Ведь поймите мое положение...

— А я разве не рассказал? Я-то думал, что вы это на пару с Грисманом придумали, меня, старика, разыграть хотели.

Полянов провел ладонью по столу, и фотографии, прижатые к его поверхности, подъехали ко мне.

— Ты садись, — сказал мне редактор, — в ногах правды нет.

Я правильно сделал, что послушался Ник-Ника и сел раньше, чем взглянул на фотографии. Потому что фотографии были хорошие, качественные, некоторые на контражуре, с достаточной глубиной. Хоть тут же, без ретуши, ставь в номер. Но в номер их поставить было нельзя. Ни один уважающий себя редактор не сделал бы этого. На фотографиях были изображены динозавры. Динозавры в болоте, динозавры на фоне далеких гор, динозавры, лежащие на берегу. Самые обычные динозавры из учебника палеонтологии или из популярного труда «Прошлое Земли».

Я перебирал отпечатки, раскидывал их веером, как колоду карт, даже переворачивал на другую сторону в тщетной надежде увидеть объяснительные подписи на обороте.

— Трюк? — донесся до меня издалека голос Полянова. В голосе звучало искреннее сочувствие. Видно, мое изумление было достаточно очевидным.

— Что трюк? — спросил я. — Это? Это не трюк. Ведь, чтобы снять динозавра, надо иметь динозавра. Хотя бы искусственного, чучело, муляж. А откуда у него в лесу, в болоте чучело динозавра?

— Вот и я думаю, — согласился Полянов.

В дверь ворвался Лева, неся, как ядовитую змею за хвост, развевающуюся пленку.

— Она, — сказал он, — цела и невредима, а то вы сказали, и я заволновался.

За Левой в кабинет вошли Куликов и Галя, наша секретарша. Они встали за моей спиной, и ясно было, что не уйдут, пока тайна не разрешится.

— Ты на меня не того, — шепнул мне Лева, — я не мог, такое дело.

— Ладно, потом поговорим, — сказал я, не в силах оторвать глаз от блестящих глянцевых шей динозавров.

— Ты что же думаешь? — продолжал между тем Полянов, не глядя на нас. — Ты думаешь, я сейчас вот так и скажу: в номер? Нет, я этого не скажу.

Полянов аккуратно смотал пленку и, оторвав листок перекидного календаря, завернул ее в бумагу. Потом положил во внутренний карман пиджака.

— Николай Николаевич, — сказал я. — Голову даю на отсечение, это настоящие снимки. Посмотрите на задний план, и дымка, и все тут...

— Что советуешь? — спросил Полянов. И сам ответил: — Нужен специалист.

В кабинет между тем вошли еще человек пять из редакции. Сенсации быстро распространяются в журналистском мире.

— Мошкину позвонить надо, — сказал Сергеев из отдела литературы.

— Только не Мошкину, — ответил я. — Мошкин у Еремина в экспедиции ведал кадрами и хозяйством, а потом брошюру написал. А сам ничего не знает. Лучше самому Еремину. Хотя его сейчас нет в городе. У меня есть домашний телефон Ганковского. Если он здоров, это самый подходящий человек.

— Звони, — сказал Ник-Ник, пододвигая ко мне телефон.

Фотографии Грисмана летали по комнате из рук в руки, и кабинет был наполнен шепотом и шуршанием.

Доцент Ганковский согласился принять нас. Он любезно сообщил свой адрес и предупредил, что лифт может быть испорчен. И вот мы стоим в подъезде дома, где живут ученые из университета, и Полянов расстегнул пиджак, чтобы легче было дышать, когда будет подниматься на десятый этаж.

Мы поднимались быстро.

К десятому этажу сердце мое уже так затолкало легкие, что нечем было дышать. А Полянов шагал и шагал, будто забыл, что в нем сто три килограмма и у него гипертония.

Доцент сам открыл дверь. Видно, ему не было чуждо любопытство.

— Ну что ж... — сказал он, посадив нас в настоящие академические черные кожаные кресла.

Доцент был сух, опален ветрами пустынь и гор. Стены кабинета были заставлены стеллажами, а в промежутках между ними висели

таблицы, изображающие белемниты в натуральную величину. На столе под коренным зубом мамонта лежали стопкой исписанные быстрым почерком листы.

— Мы бы вас не беспокоили, товарищ Ганковский, — сказал Ник-Ник. — Мы понимаем вашу загруженность, мы и сами загружены. Ответьте нам, когда вымерли динозавры?

— В конце мелового периода, другими словами, очень давно, — сказал доцент, и я подумал, что ему раз сто в жизни приходилось отвечать на этот вопрос.

— А сейчас динозавры есть? — спросил Ник-Ник.

Доцент посмотрел на Полянова укоризненно. Он ведь не знал, что у меня в конверте.

— К сожалению, это исключено, — сказал доцент. — Хотя наука от этого много потеряла.

— Еще не все потеряно, — сказал Полянов. — А вот еще один вопрос: почему вы, товарищ Ганковский, так уверены, что динозавры вымерли?

Доцент был человеком терпеливым. Хоть он и усомнился, что Ник-Нику можно доверить журнал, он виду почти не подал.

— Разрешите, я тогда не ограничусь простым ответом «да» или «нет». Во избежание дальнейших вопросов я в двух словах поведаю вам, кто такие динозавры и почему я так уверен, что они вымерли. Вы курите? А вы, молодой человек? Тогда курите, не стесняйтесь. Да, значит, динозавры. Английский ученый Ричард Оуэн в прошлом веке восстановил облик одного из этих ископаемых чудовищ и дал ему название динозавр, что значит — чудовищный ящер. Динозавры были очень многообразны. Среди них встречались и хищники, вооруженные громадными зубами, были и живые танки, закованные в тяжелый панцирь. Были среди динозавров и крупнейшие обитатели земной суши. Бронтозавры, диплодоки превышали в длину двадцать метров. Весь меловой период был эрой господства динозавров. До сих пор мы не можем с уверенностью сказать, сколько видов динозавров существовало тогда на Земле. Почти каждый год ученые открывают новых и новых ящеров — плавающих, летающих, прыгающих... Я, надеюсь, рассказываю достаточно популярно?

В любом другом случае, я уверен, Полянов бы смертельно обиделся, услышав такой вопрос, но сейчас он в отличие от доцента видел юмор во всей этой ситуации. Ведь он мог просто показать фотографии, и дело с концом. Но он с наслаждением оттягивал этот торжественный момент.

— Продолжайте, мы с интересом внимаем, — сказал он.

— Итак, меловой период — эра господства динозавров. Меловой период делится на две части: нижний мел и верхний мел. Так вот, верхний мел — важный момент в истории Земли. Именно тогда, шестьдесят миллионов лет назад, динозавры неожиданно вымирают.

— Как так неожиданно? — заинтересовался вдруг Ник-Ник.

— Я не преувеличиваю. С точки зрения истории Земли промежуток времени, в который полностью исчезли динозавры, очень невелик. Так что мы можем считать их гибель неожиданной. Все многообразие видов и форм этих хозяев нашей планеты исчезло, уступив место млекопитающим — мелким, слабым существам, которые в те времена и не могли мечтать о конкуренции с динозаврами.

— И в чем причина? — спросил Полянов.

— Ага, — торжествующе произнес доцент, — думаете, что вы единственный, кому это показалось странным? Нет. Это загадка, над которой уже десятки лет бьются ученые всего мира. Почему вымерли динозавры? Есть теория — я, правда, не сторонник ее, — что динозавры погибли в результате космической катастрофы, происшедшей в конце мелового периода. Например, Солнце проходит сквозь облако космической пыли. Уровень радиации на Земле резко повышается, и не приспособленные к таким резким изменениям условий существования динозавры погибают.

— А млекопитающие?

— Они теплокровны и поэтому более независимы от окружающей природы.

— А змеи, лягушки? Насекомые?

Мне казалось, что Ник-Ник задает чересчур уж много вопросов, но прерывать разговор не стал.

— Космическая теория многого не объясняет. Есть другая теория. Она связана с изменением климата на Земле к концу мелового периода, с тем, что уменьшилось количество влаги, стали пересыхать болота и реки, поредели леса. Но ведь не все динозавры жили в болотах. Были среди них и летающие, и такие, что могли отлично существовать в сухой местности. Миллионы лет до этого динозавры отлично приспосабливались к изменениям климата — иначе бы им не завоевать всю Землю. А тут вдруг им надоедает приспосабливаться, и они поднимают вверх свои лапы и говорят: «Хватит, мы уж лучше вымрем, чем терпеть и изменяться». Кстати, недавно установлено, что на этом климатическом рубеже появляются новые формы динозавров, отлично приспособленные для сухого климата. Поэтому и для такой теории, на мой взгляд, нет оснований.

— Так и не разгадано?

— Погодите, я еще не окончил. — Доцент вошел в роль лектора и забыл, что перед ним журналисты, а не его студенты. — Вы, наверно, слышали, что время от времени находят кладбища динозавров, чаще всего в тех местах, где раньше были озера, куда реки сносили трупы умерших или погибших ящеров. Находят также, что, казалось бы, более удивительно, громадные кладбища яиц, сотен тысяч. Что вы на это скажете?

— М-да, — сказал Полянов.

— Сотен тысяч, — повторил Ганковский и постучал указательным пальцем по коренному зубу мамонта. — И все яйца отложены приблизительно в одно время. Это говорит о том, что в какой-то исторический момент из яиц динозавров перестали выводиться динозаврята. Почему?

— Может, радиация, как вы говорили? — вмешался я.

— Допускаю, — сказал Ганковский, — хотя не верю. Наши же французские коллеги полагают, что причина тому семь резких, хотя и кратковременных, похолоданий. Похолодания не смогли повлиять на взрослых особей, но уничтожили более нежных зародышей. Если это так, то представляете себе трагическую картину? Еще живы последние старики динозавры, они еще плещутся в пересыхающих болотах, но на смену им уже не придут представители их рода. И теплокровные зверьки, такие мелкие, что динозавры и не подозревают об их существовании, переймут у них эстафету жизни на Земле.

— Картина, — сказал вполне искренне Полянов.

— Кстати, вы не слышали, что у нас на Саянах найдено громадное кладбище динозавров? В этом году там будет работать разведочная группа.

— В Парыке? — спросил Полянов.

— Там, там.

— Наш корреспондент прислал оттуда фотографии, — сказал Ник-Ник. — Мы потому к вам и пришли.

— Ах да, — сказал доцент. — Я совсем забыл. Ну и что он сфотографировал?

— Василий Семенович, покажи товарищу Ганковскому, — сказал Полянов торжественно.

Я протянул доценту конверт.

Доцент вытащил пачку блестящих отпечатков из конверта, надел пенсне и принялся разглядывать верхний снимок. Не говоря ни слова, отложил его, поглядел следующий. Мы с Ник-Ником замерли, не смея дышать.

— Диплодокус, — сказал наконец тихо, задумчиво и как-то робко доцент, и пальцы его нежно коснулись поверхности снимка. — Длина до двадцати пяти — двадцати семи метров. Верхний мел.

Отложив последнюю фотографию, Ганковский взглянул на нас сквозь пенсне и спросил:

— Необходимо мое просвещенное мнение?

— Да-да, — сказал Полянов, — вы понимаете...

— Очень хорошо, я бы сказал, крайне хорошо и убедительно выполнено. Это метод блуждающей маски?

— Это настоящие фотографии, — сказал я. — Сняты на Саянах нашим фотокорреспондентом Грисманом.

— Так наша группа еще не приехала туда.

— Он там один. И снял.

— Как так снял? — Доцент начал что-то понимать. — Подделка? — спросил он.

— Не думаю, — вздохнул Полянов.

— У Грисмана начисто отсутствует чувство юмора, — сказал я. — От него даже жена ушла.

Мой аргумент произвел на доцента впечатление.

— Жена, говорите... — сказал он. — А фотографии очень убедительны. Я на своем веку видел миллионы отпечатков, и весь мой опыт говорит, что это не подделка, не мистификация.

Доцент отложил фотографии и встал.

— У меня и пленка с собой, — сказал Полянов и тоже грузно поднялся с кресла.

— Какие приняты меры? — спросил Ганковский.

— Мы приехали к вам, — сказал Полянов.

— И все?

— Как только вы выскажетесь, мы примем меры, — сказал Ник-Ник.

— Можете воспользоваться моим телефоном, — предложил доцент.

...И Полянов воспользовался. Он не слезал с телефона в течение часа. Он связался с Парыком, он добился того, чтобы Грисмана, мирно отдыхающего в гостинице, вытащили из постели и привели к телефону, он истратил кучу денег на этот телефонный звонок. И своего добился.

Доцент нервно ходил по кабинету и время от времени снова принимался рассматривать фотографии.

— Невероятно, — бормотал он, доставая с полок толстые фолианты с изображениями чудовищных скелетов и сверяя относительные размеры шей и ног чудовищ.

— Есть Грисман, — сказал тут Полянов. — Это ты, Миша? — кричал он в трубку. — Полянов говорит. Ты мне скажи — снимки твои не липа? Нет, говоришь? Сам видел? Сам? Повтори! Так. Ты знаешь, что ты диплодокуса нашел? Живого. Далеко они отсюда? То-то я и говорю: диплодокуса, ди-пло-дока. Раньше не слыхал? Учиться надо! Так ты повтори: видел своими глазами?

Полянов подмигнул нам и сказал:

— Видел. Не врет.

Он повернулся к трубке и продолжал:

— Что? Нет, это не тебе, я тут товарищам из университета говорил. Так вот, далеко они от города живут? Ага. Километров сто, говоришь? А дорога туда есть? Сколько без дороги? Пятьдесят? Теперь слушай. Сейчас этим делом займутся ученые. Так что тебе там на месте помогут. С транспортом, с загонщиками... Понял?

— Пусть ничего не предпринимает. Завтра туда вылетим и я, и мои коллеги, — вмешался Ганковский. На него смотреть было страшно.

— Все ясно. Так ничего особенного не предпринимай. Без авантюр. Увидишь — наблюдай. Сам, говоришь? Ни в коем случае. А там как знаешь. Чтоб камеры из рук не выпускать. Каждый кадр на вес золота. Все. Жди дальнейших указаний.

Полянов передал трубку взволнованному доценту, а сам, переводя дух, уселся рядом со мной и прошептал:

— Ты видел, как я ему не то чтобы запретил организовать охоту, а только для порядка? Если наш человек первого диплодокуса поймает... Если Грисман сам обеспечит — готова сенсация в лучшем смысле этого слова. А с доцентом туда ты сам полетишь.

— Они отправят Грисмана к болотам сегодня же. У них вертолет есть, — сказал доцент, повесив трубку. — Невероятно. Ведь всего сто километров от районного центра, и охотники там бывали. Геологи. И хоть бы кто сообщил.

— Так как же: все динозавры вымерли, а эти диплодокусы остались? — спросил не без коварства Полянов.

— Не знаю, не беру на себя смелость ответить, — сказал доцент, снова снимая телефонную трубку. Он принялся звонить на кафедру.

— Может, они закапываются на зиму? Ведь морозы там.

— Чепуха, — ответил доцент.

На следующий день мы не улетели на Саяны. Была нелетная погода. Как нарочно. До этого две недели была летная. А когда срочно лететь, так нелетная. Мы полдня провели на аэродроме, надеясь на метеорологов, но те ничего сделать с погодой не смогли.

Время от времени репродуктор в зале ожидания неожиданно прокашливался и звал пассажиров лететь в Тюмень, Красноярск или Читу. В Парык он никого не звал. Журналисты и кандидаты наук быстро привыкли друг к другу и к залу ожидания, отгородили креслами самый уютный угол и время от времени уходили небольшими группами в буфет.

Нет ничего удивительного в том, что восемьдесят процентов разговоров в нашем углу касались динозавров и подобных им таинственных причуд природы.

— Я недавно читал, товарищи, — сказал кто-то, — что в Африку отправилась экспедиция за чудовищем, которое обитает неподалеку от озера Виктория. Местные жители его боятся.

— Не исключено, — поддержал рассказчика один из кандидатов наук. — В конце концов, мы не все знаем о нашей старушке Земле. Существует масса неисследованных областей, куда и не ступала нога человека. Почему бы не подтвердиться хотя бы части сведений о морских змеях, озерных змеях и так далее?

— Но, говорят, лабынкырское чудо оказалось мифом?

— Ну, на Лабынкыре чудовищу прокормиться нечем. И на Лох-Нессе тоже. Хотя океаны могут скрывать в себе...

— Но ведь и Парык-то не океан, — прозвучал чей-то трезвый голос.

Я оставил спорящих и отошел к телефону, чтобы позвонить Ник-Нику. Новостей от Грисмана не было.

Вернулся в редакцию я под вечер, когда стало ясно, что улететь раньше завтрашнего утра не придется. Полянов стоял с телефонной трубкой в руке и молчал. Зато все вокруг говорили не переставая. У Полянова одно ухо было малиновым от неоднократно прижимаемой к нему телефонной трубки, он осунулся, но вид у него был победоносный. Я понял, что случилось нечто важное.

— Сейчас говорил с Грисманом, — сказал он.

— Он вернулся?

— Почти. Они поймали ящера.

— Живьем?

— Живьем. Сейчас заказываю спецплатформу.

— А кормить его чем?

— Ученые сообразят. Так что отлет отменяется. Потом полетишь. Сам понимаешь.

И Полянов набрал номер телефона Ганковского, чтобы сообщить ему о первом подвиге Грисмана.

Все мы очень беспокоились, как диплодок перенесет столь длительное путешествие, как его доставят к железной дороге, как... как... как... Наш карикатурист уже подготовил к номеру карикатуру — поезд из одних платформ, а с последней свешивается на рельсы хвост чудовищного динозавра.

А утром, когда я, невыспавшийся и загнанный непрерывными звонками, совещаниями и поездками, вошел в редакцию, меня поразила тишина и пустота в коридоре.

Я посмотрел на часы. Девять. Вроде все должны быть на местах, вернее, должны метаться по коридорам и обсуждать нашу сенсацию. Но никто не метался. Я заглянул в кабинет к Ник-Нику. Кабинет был пуст. Брошенная второпях телефонная трубка тихо раскачивалась у самого пола. Я положил ее на рычаг. Телефон немедленно зазвенел.

— Какие новости от Грисмана? — спросил незнакомый голос.

— Не знаю, — сказал я. — Позвоните через полчаса.

Тяжелое предчувствие тревожило меня. Я вышел в коридор и прислушался. Со стороны зала, где обычно проводятся собрания, вечера и шахматные турниры, раздался взрыв голосов. Снова все смолкло.

Я побежал туда.

Там были все члены редакции и половина сотрудников университета. Я заглянул через головы стоявших в дверях.

На сцене стоял Полянов. Рядом с ним Грисман, обросший свежей, недельной давности бородкой. Между ними стул. На стуле находилось нечто вроде громадной, метра в полтора, стеклянной банки, видимо, взятой в какой-то химической лаборатории. В банке сидел,

свернувшись кольцом, динозавр. Самый настоящий динозавр, сантиметров тридцать в длину.

— ...И, несмотря на некоторое разочарование, которое испытали вы, товарищи, — заканчивал свою речь Полянов, — наука сегодня может сказать, что она сделала шаг вперед. Динозавры не окончательно вымерли. В болоте Парык сохранился и приспособился один из видов ископаемых чудовищ. Правда, он, сами, товарищи, можете убедиться при внимательном рассмотрении представленного объекта, сильно измельчал за последующие геологические эпохи.

Полянов не казался разочарованным. Если появление Грисмана с банкой и опечалило его, он уже успел взять себя в руки и извлекал максимум из того, что произошло. Лучше маленький динозавр, чем никакого динозавра.

Доцент Ганковский тянул шею, не мог дождаться счастливой минуты, когда сможет вцепиться в живое ископаемое.

Только мне почему-то стало грустно. Я поверил Грисману, я ждал появления платформы, с которой свисает хвост чудовища.

— А я-то сначала подумал, что такая ящерица уже науке известна, — сказал тут Грисман. Он переминался с ноги на ногу и почесывал молодую бороду. Фотокорреспонденту явно было не по себе под вспышками коллег-фотографов, под взглядами ученых и журналистов. Он говорил виновато, как человек, случайно дернувший тормозной кран и остановивший поезд. Грисман судорожно вздохнул и закончил: — На всякий случай пленку послал. А тут мне Николай Николаевич звонит и говорит: проследи и, если что, поймай. Ну и поймал, тем более мне помогли транспортом и посудой.

ПОЛОМКА НА ЛИНИИ

Дом наш старый. Настолько старый, что его несколько раз брали на учет как исторический памятник и столько же раз с учета снимали — иногда по настоянию горсовета, которому хотелось этот дом снести, иногда ввиду отсутствия в нем исторической ценности. Со временем его обязательно снесут, но, очевидно, это случится не скоро.

Лет триста назад в доме жила одна семья. Родственники боярина, который ничем не прославился. Потом боярин умер, потомки его измельчали и обеднели, и дом пошел по рукам. К концу прошлого века его разделили на квартиры — по одной на каждом из трех этажей; а после революции дом уплотнился.

В нашей квартире на первом этаже восемь комнат и пять семей. Сейчас в ней остались в основном старики и я, молодежь рассосалась по Химкам и Зюзиным. Меня же моя комната вполне устраивает. В ней двадцать три метра, высота потолка три тридцать, со сводами, и есть альков, в котором раньше стояла моя кровать, а теперь я зава-

лил его книгами. Указывать мне на беспорядок некому. Мать уехала к отчиму в Новосибирск, а на Гале я так и не женился.

В ту ночь я поздно лег. Я читал последний роман Александра Черняева. Недописанный роман, потому что Черняев умер от голода в Ленинграде в сорок втором году. Сейчас, когда вышло его собрание сочинений, роман поместили в последнем томе вместе с письмами и критическими статьями.

Это очень обидно — ты знаешь, что читать тебе осталось страниц десять, не больше. И действие только-только разворачивается. И оно так и не успеет развернуться, и ты никогда уже не узнаешь, что же хотел сделать старик Черняев со своими героями, и никто уже не допишет этот роман, потому что не сможет увидеть мир таким, каким его видел Черняев. Я отложил том и не стал перечитывать ни критических статей, ни комментариев к роману одного известного специалиста по творчеству Черняева. Специалист делал предположения, каким бы был роман, если бы писатель имел возможность его закончить. Я знал, что Черняев писал роман до самого последнего дня, и знал даже, что на полях одной из последних страниц было приписано: «Сжег последний стул. Слабость». Больше Черняев не позволил себе ни одного лишнего слова. Он продолжал писать. И писал еще три дня. И умер. А рукопись нашли потом, недели через две, когда пришли с Ленинградского радио, чтобы узнать, что с ним.

Как видите, мысли у меня в тот вечер были довольно печальные, и герои книги никак не хотели уходить из комнаты. Они силились мне что-то сказать... И тут раздался звон.

Стены в нашем доме очень толстые. Наверно, конструктор конца семнадцатого века сделал запас прочности процентов в восемьсот. Даже перегородки между комнатами кирпича в три. Так что, когда соседи играют на пианино, я практически ничего не слышу. Поэтому я не сомневался, что звон раздался именно у меня в комнате. Странный такой звон, будто кто-то уронил серебряную вазу.

Я протянул руку и зажег свет. Герои книги исчезли. Тишина. Что бы такое могло у меня упасть? Я полежал немного, потом меня потянуло в сон, и я выключил свет. И почти немедленно рядом что-то громыхнуло. Коротко и внушительно.

Мне стало не по себе. Я человек абсолютно несуеверный, но кто мог бы кидаться всякими предметами в моей комнате?

На этот раз я зажег свет и поднялся с кровати. Я обошел всю комнату и даже заглянул в альков. И ничего не нашел. А когда я повернулся спиной к алькову, оттуда снова послышался звон. Я подпрыгнул и повернулся на сто восемьдесят градусов. И опять же ровным счетом ничего не обнаружил.

Позвякивание уже не прекращалось. Через каждые десять секунд раздавалось — дзинь. Потом пауза. Я отсчитывал — раз-и, два-и... После десятой секунды снова — дзинь.

Я, честно говоря, чуть с ума не сошел от беспокойства. У тебя в комнате кто-то звенит, а ты не можешь догадаться, что же случилось. Я начал систематическое исследование комнаты. Я ждал, пока раздастся звон, и потом делал шаг в том направлении, откуда слышался звук. Я уже догадался, что он доносится со стороны гладкого куска стены между альковом и дверью. После четвертого шага я подошел к самой стене и приложил ухо к ней. «Раз-и...» — считал я. На десятой секунде прямо рядом с ухом раздался четкий звон.

Так, решил я, будем думать, чем объясняется этот феномен. Стена выходит другой своей стороной в коридор, в глубокую выемку, в которой раньше стояли два велосипеда, а когда велосипеды уехали в Химки-Ховрино, то бабушка Каплан поставила туда шкаф под красное дерево. В этом шкафу, по общему согласию, мы всей квартирой хранили барахло, которое надо бы выбросить, но пока жалко.

Ясно. Надо выйти в коридор и посмотреть, что происходит в шкафу. Я и не ожидал ничего там увидеть — стена ведь толстая, а звон раздается у самого уха. Но все-таки надел тапочки и выглянул наружу. Все спали. Коридор был темен, я зажег лампочку и при свете ее убедился, что в коридоре никого нет. Я подошел к шкафу, приоткрыл его. Мне пришлось придержать детскую ванночку, полную довоенных журналов, которая сразу решила вывалиться наружу. Другой рукой я подхватил пустую золоченую раму и навалился животом на остальные вещи. В такой позе я стоял, наверное, минуты полторы. Наконец мне показалось, что я слышу отдаленный звон. Может быть, только показалось — уж очень сильно я прислушивался. В любом случае — звуки доносились не из шкафа. Я закрыл шкаф и вернулся в комнату. И только вошел, как тут же услышал — дзинь...

Наверное, целый час я прикладывал ухо к разным точкам стены, пока не убедился совершенно точно, что звук рождается за серым пятном на обоях на уровне моей груди, в восьмидесяти сантиметрах от угла алькова. Теоретическая часть моего истолкования окончилась. Теперь пора было переходить к эксперименту.

Мне уже совершенно расхотелось спать. Я подвинул к стене стул и принялся думать, отрывать мне обои или воздержаться. И не знаю, к какому бы я пришел решению, если бы не сильный удар, почти грохот, сменивший равномерное позвякивание. И тут наступила тишина.

Нож я взял на кухне. Со стола бабушки Каплан. Нож был длинный, хорошо заточенный (моя работа) и с острым концом. То, что нужно. Еще я взял молоток. Простукать стену. Странно, что я не догадался сделать этого раньше, но меня можно понять — не каждый день в вашей стене заводятся привидения. Я стучал по стене не очень громко. Все-таки соседи спят. В стене простукивался четырехугольник, семьдесят на семьдесят, за которым явно находилась пустота. Теперь сомнений не оставалось. Я взялся за нож и вырезал кусок обоев в центре этого квадрата. Обои отделились с легким треском,

обнаружив под собой обрывки газеты и клочок голубой стены. Я вдруг вспомнил, что такой стена была во время войны, и даже вспомнил, какая у нас тогда стояла мебель, и вспомнил, что у нас было затемнение — черное бумажное полотно с мелкими дырочками — как звездное небо. И я его называл не затемнением, а просвещением, и мама всегда смеялась.

У самого уха снова что-то звякнуло. Я постучал острым концом молотка по синей краске и отвалил кусок штукатурки. Потом подумал, что надо бы подстелить газету на пол, но не стал этого делать — все равно уже насорил.

Из-за штукатурки выглянул розовый кирпич и желтоватая полоска раствора вокруг. Кирпич сидел крепко, и я провозился с ним минут десять, пока он не зашатался и не покинул привычное место.

За кирпичом была черная дыра. Я зажег спичку и посветил внутрь. Спичка осветила кирпич на противоположной стороне тайника и что-то блестящее внизу. Я осторожно запустил руку туда и с трудом дотянулся до дна ниши. Пальцы захватили металл. Кружочки металла. Я вытянул их на свет. Это были старинные серебряные монеты.

Они были теплыми.

Вот это да! Клад. В собственной комнате найти клад! Удивительно. А впрочем, разве мало кладов бывает в стенах старых домов? Правда, когда об этом читаешь в газете или в книге — одно, но когда это случается с тобой...

Я снова запустил руку внутрь и достал еще пригоршню. Что-то более крупное лежало там же, но, чтобы достать «это», надо было расширить отверстие. Я рассмотрел монеты получше, они были очень старыми и нерусскими. На них были изображены какие-то древние цари, и на физиономиях царей стояли глубокие клейма с неразборчивым рисунком. Что-то вроде всадника с копьем. Я весь перемазался и чудом не разбудил весь дом, пока вынимал еще ряд кирпичей. Теперь я мог засунуть в нишу голову.

Но делать этого я не стал. Я взял со стола лампу и поставил ее на пододвинутый стул. Второй стул поставил рядом. Теперь у меня были все возможности для изучения дыры на самом высоком научном уровне. Я отряхнул с себя известку, подложил под лампу стопку книг повыше, чтобы свет падал в нишу, и тогда заглянул внутрь.

И вот что я увидел.

Ниша с кладом представляла собой правильный кубик, вытесанный в стене. Задняя стенка ниши была гладкой и новенькой, будто кирпичи уложили в нее только вчера, и для крепости она была армирована железными полосами. Боковых стенок я сразу не разглядел, потому что глаза предали меня — вместо того чтобы систематически изучать открывшуюся передо мной картину, они уставились в дно ниши, заваленное монетами. Кроме того, на дне лежали чаша из ка-

кого-то драгметалла и, как ни странно, железная рука. Наверно, от доспехов.

Я достал руку. Рука была тяжелой, пальцы ее были чуть согнуты, чтобы лучше держать меч или копье, она доставала до середины запястья, как дамская перчатка, и еще на ней были ремешки, чтобы лучше крепить к руке. Я осторожно положил руку на стул и потянулся за чашей, и тут случилась совсем удивительная вещь.

Сверху на мою руку упала еще одна монета. Теплая серебряная монета. Как будто она отклеилась от потолка ниши. Монета скатилась по моей кисти, свалилась на кучку других монет и звякнула очень знакомо: дзинь...

Я даже замер. Обомлел. Ведь совсем забыл, что полез в стенку именно потому, что в ней что-то звякнуло. А как увидел монеты, решил, что это старый клад.

Я посветил лампой на потолок ниши. Потолок был черный, блестящий, без единого отверстия и прохладный на ощупь. Никакая монета приклеиться к нему не могла.

Я подождал, не случится ли что-нибудь еще, но, так как ничего не случилось, выгреб наружу сокровища, разложил их на стуле. И заснул, сидя на стуле, раздумывая, то ли пойти с утра в музей, то ли узнать сначала, не пустяки ли я нашел. Еще будут смеяться.

К утру, сам уже не знаю как, я перебрался на кровать и проснулся от звонка будильника. С минуту я пытался сообразить, что же такое удивительное произошло ночью, и только когда увидел в стене черную дыру, а на полу груду известки, обрывки обоев и обломанные кирпичи, понял, что все это был не сон... Я в самом деле обнаружил клад в своей стене, и притом клад очень странного свойства. Но в чем была его странность, я вспомнить не успел, потому что в дверь постучала бабушка Каплан и спросила, не брал ли я ее нож.

А потом началась обычная утренняя спешка, потому что в ванной был дедушка Каплан, и я вспомнил, что с утра совещание у главного технолога и мне обязательно надо быть там, и кончилось русское масло, и пришлось стрельнуть у Лины Григорьевны. Правда, когда я убегал, то успел задвинуть дыру книжной полкой и сунуть в карман пару монет, а в чемоданчик — железную руку.

На заседании я совсем было забыл о находке, но, как только совещание кончилось, подошел к Митину. Он собирает монеты. Я показал ему одну из моих монет и спросил его, какой это страны.

Митин отложил в сторону портфель, погладил лысину и сказал, что монета чепуха. И спросил, где я ее достал. Наверное, у бабушки и, может, отдам ему? Но надо знать Митина, Митин ведь коллекционер и, хотя всегда жалуется, что его кто-то там обманул, сам любого обманет. Уже по тому, как он эту монету держал в руках и крутил, видно было, что монета непростая.

— Это не важно, откуда я ее достал, — сказал я. — Мне она самому нужна.

— Кстати, ты просил меня достать однотомник Булгакова, — сказал Митин. — У меня, правда, второго нет, но хочешь, я тебе за нее свой экземпляр отдам? Почти новый...

— Ну и ну, — сказал я. — Его же у тебя ни за какие деньги не выманишь.

— Просто, понимаешь... — Потом он, видно, понял, что я его раскусил, и сказал: — Нет у меня этой монеты в коллекции. А нужна, хоть она и подделка.

— Почему же подделка? — спросил я.

— Ну, новодел. Видишь, какая новенькая. Как будто вчера из-под пресса.

— Ага, — сказал я. — Только вчера. Сам их делаю. А как она называется?

Митин с сожалением расстался с монетой и сказал:

— Ефимок. Русский ефимок.

— А почему на ней физиономия нерусская?

— Долго объяснять. Ну, в общем, когда у нас еще не было достаточного количества своих рублей, мы брали иностранные, европейские талеры, это еще до Петра Первого было, и ставили на них русское клеймо. Назывались они ефимками. А теперь скажи, где достал?

— Потом, Юра, — ответил я ему. — Потом. Может, и тебе достанется. Значит, говоришь, до Петра Первого?

— Да.

Я подумал, что если буду в музей сдавать, то одну монету оставлю для Митина. В конце концов, Булгакова он мне своего хочет отдать.

В лаборатории я как бы невзначай достал железную руку. Шутки ради. И сказал ребятам, когда они сбежались:

— Давно нужна была. А то у меня слишком мягкий характер. Теперь будет у меня железная рука. Так что, сослуживцы и сослуживицы, держитесь.

Девчата засмеялись, а Тартаковский спросил:

— Ты и целого рыцаря принести можешь?

— Рыцаря? Хоть завтра.

Но на самом деле в тот день работа у меня валилась из рук. Наконец я не выдержал, подошел к Узянову и попросил его отпустить меня домой после обеда. Сказал, что потом отработаю, что очень нужно. И он, видно, понял, что в самом деле нужно, потому что сказал: иди, чего уж.

Я открыл входную дверь ключом, звонить не стал и быстро прошел к себе в комнату. Запер за собой дверь — зачем пугать бабушку Каплан, если она нечаянно зайдет ко мне? Потом отодвинул полку с книгами и заглянул в свой тайник. Тайник был на месте. Значит, не приснилось. А то, знаете, хоть и железная рука в портфеле, все равно

иногда перестаешь сам себе верить — какое-то раздвоение личности наступает. В нише было темно. Свет из окна почти не падал в нее. Я включил лампу и сунул ее внутрь. И тут я удивился, как давно не удивлялся. В нише лежали разные вещи, которых утром не было. Там были (я их вынимал и потому помню по порядку): кинжал в ножнах, два свитка с красными висячими печатями, кандалы, шлем, чернильница (а может, солонка), украшения всякие и два сафьяновых сапога. Теперь это уже не было похоже на клад. Это было сплошное безобразие. Чья-то наглая шутка.

Постойте, а почему шутка? Кто так будет шутить? Бабушка Каплан? Но ведь ночью она спит, и к тому же у нее с возрастом атрофировалось чувство юмора. Еще кто из соседей? А может, я сошел с ума? Тогда и Митин сошел с ума, а он человек трезвый.

Я взял в руки сапог. Он еще пах свежей кожей и податливо гнулся в руках. Я примерил шлем. Шлем с трудом налез мне на голову. Он был тяжелый и настоящий, не жестяная подделка для «Мосфильма». Так я и сидел в шлеме, с сапогом в руках. И ждал у моря погоды. Я перебирал в памяти все события ночи. Звон и удары в стене, теплые монеты, железная рука. Потом вспомнил, как монета свалилась с потолка ниши мне на руку. Я размышлял и ничего не мог придумать.

Потом в полной растерянности я сунул внутрь руку и ощупал потолок ниши. Он был скользким, как зеркало, отражающее сплошную ночь.

Я вынул еще несколько кирпичей, чтобы удобнее было работать, и через час ниша полностью лишилась передней стенки. Я мог разглядеть нишу во всех подробностях. Железные полосы на задней стенке оказались не железными, а из того же черного зеркального сплава, что и потолок, а одна из боковых стенок была поделена белыми полосками на квадраты. По низу ее шли какие-то линии, и между ними были тонкие щели. Этими щелями я и решил вплотную заняться. Я сунул голову в нишу, чтобы удобнее было работать, и в тот же момент меня ударили по голове, да так сильно, что я чуть не получил сотрясение мозга. Я рванул голову наружу. Больно стукнув меня по кончику носа, на пол ниши упал старинный пистолет с чуть загнутой ручкой. Я посмотрел вверх. Потолок был все так же гладок и черен. Чертовщина. Нужно было тебе жить двадцать шесть лет при советской власти, чтобы на собственном опыте убедиться, что потусторонние силы все-таки есть?

«Ну а если их все-таки нет? — вдруг подумал я, крутя в руке пистолет. — Если вся эта чертовщина имеет какое-то объяснение? Тогда какое?

На что это все похоже? — думал я, глядя в черную пасть ниши. — Что это напоминает из знакомых мне вещей?» Понимаете, я решил искать ответ этой задачи по аналогии.

Я думал минут двадцать. И вдруг мне пришла в голову аналогия.

Эта штука напоминает мне почтовый ящик. Да, самый обыкновенный почтовый ящик. В него через щель кидают письма и бандероли. Так. Пойдем дальше. Если это был бы особенный почтовый ящик, то, значит, в нем должно быть отверстие для получателя. Тут и таилась загвоздка. Получателя не было. Ведь, пока я не сломал стенку, ящик не имел выхода. Все, что в него попадало, оставалось в нем лежать.

Посмотрим на эту проблему с другой стороны. Кто и что в этот почтовый ящик опускает? Кто — пока неизвестно. Но что — я уже знаю. Всякие русские вещи допетровской эпохи. Откуда их берут? Из музея? Воруют? Малоправдоподобно.

И третье. До вчерашней ночи в почтовый ящик никто ничего не клал. Сегодня положил. Если бы это случилось раньше — за последние двадцать лет, — то я бы услышал какой-нибудь звон. Или мама услышала бы. У нее хороший слух. Значит, ящик начал действовать только вчера. А может быть...

И тут мне пришла в голову совершенно сумасшедшая идея, которую можно объяснить только тем, что я попал в совершенно сумасшедшую ситуацию.

Значит, у меня есть почтовый ящик, из которого нет выхода, в него кладут вещи очень давно прошедших лет. И до сегодняшнего дня не клали.

А что, если сегодня отверстия этого нет, а тогда оно было? Понимаете меня? Тогда, когда клали эти вещи. Триста лет назад. Когда этот дом был новеньким. И что, если это отверстие есть, тогда когда эти вещи положено вынимать? В будущем. Через сто лет. Или через двести лет. Когда будут жить те люди, которые смогут ездить на несколько сот лет в прошлое.

Если эта сумасшедшая идея имеет смысл, то становится понятно, почему вещи стали появляться только вчера. Не потому, что ящик заработал вчера, а потому, что вчера он сломался. Ну да, сломался. На линии «прошлое — будущее» полетел какой-то транзистор. И получилась дыра. А может, пробило изоляцию — мало ли что может случиться. И вот ко мне в комнату, в мое время, начали падать вещи, раздобытые археологами будущего в далеком прошлом.

Идея мне понравилась. Но какова моя роль во всей этой истории? Вызвать электрика, чтобы посмотреть нишу? А потом меня отправят в сумасшедший дом? Воспользоваться плодами поломки и собирать жатву с чужой работы? Выменять у Митина всю его библиотеку? Тоже какая-то чепуха получается.

Я поставил горящую лампу в нишу и протер носовым платком боковую стенку. Потом ощупал ее пальцами и вставил в узкую щель внизу кончик ножа бабушки Каплан, который я снова унес из кухни. Я действовал осторожно, потому что боялся сломать машину насосом. И бывает же такое везение — вдруг эта стена поддалась и открылась. За ней оказался пульт, и все стало совершенно ясно. Я был прав.

Центр пульта занимала временная шкала. Вдоль нее шли светящиеся точки. Одна из них, возле года 1667-го, горела ярче других, и именно возле нее стояла стрелка. Кончалась шкала 2056 годом.

Внизу шло густое переплетение проводов и проводников и ряд кнопок неизвестного мне пока назначения. Вдруг точка у года 1667-го загорелась ярче, и в тот же момент я почувствовал над головой гудение. На этот раз я понял, что все это может значить, и отдернул голову. Небольшая книга в кожаном переплете с застежками глухо стукнулась о пол ниши. Я успел заметить, что в тот момент, когда она упала, в потолке появилось отверстие точно в размер книги. Все ясно. Я угадал. Красным светом вспыхнула на мгновение точка 1967 года. Конечная станция не загорелась. Ну что ж, очевидно, пока не заметили поломки и продолжают работать впустую. Как же дать им понять? Может, они так и не видят помаргивания в 67-м? А пока я взял отвертку и стал проверять контакты. Это заняло у меня еще часа два. Я действовал почти наугад. В схеме я так толком и не разобрался, хоть с детства числюсь в радиолюбителях. Я копался и размышлял о том, что интересно бы побывать в будущем и узнать, как там живут люди, и удастся ли мне сделать что-нибудь толковое в жизни, и отчего я умру. И еще я думал, что неплохо бы побывать и в прошлом. И зайти, например, к писателю Александру Черняеву и узнать, как же он собирался окончить свой роман.

И тут я обнаружил поломку. Вы имеете полное право мне не верить. Куда уж мне. Но я замотал разрыв фольгой — паяльника у меня не было — и решил посмотреть, что будет дальше. Я был страшно горд, что нашел все-таки этот чертов контакт. И тут загорелась снова лампочка 1667 года, и снова раздалось над головой слабое гудение. Но я ничего не увидел, и ничего не упало сверху, только загорелась вторая лампочка, уже не в моем году, а прямо в 2056-м. Все правильно. Они получили свою посылку. Я могу спать спокойно.

Я откинулся на стуле и понял, что жутко устал и что уже темно. И что я сам не очень верю в то, что произошло. И не знаю, как отправить по назначению скопившееся у меня барахло.

В дверь постучали.

— Кто там? — спросил я.

— К тебе, — сказала бабушка Каплан. — Ты что, звонка не слышишь? Я должна за тебя открывать? Ты снова мой нож взял?

Я подошел к двери и сказал:

— Нож я отдам позже. Не сердитесь.

Она добрая старуха. Только любит поворчать. Это возрастное.

За дверью стоял человек лет сорока в синем комбинезоне, с чемоданчиком в руках.

— Вы ко мне? — спросил я.

— Да. Я к вам. Разрешите войти?

— Входите, — сказал я и тут вспомнил, что войти ко мне нельзя. — Одну минуту, — сказал я, захлопнул дверь перед его носом и срочно задвинул на место полку с книгами. — Извините, — сказал я, впуская его, — у меня ремонт и немного беспорядок.

— Ничего, — ответил он, закрывая за собой дверь.

И тут он увидел кирпичи на полу. Посмотрел на них, потом на меня. И сказал:

— Я представитель исторического музея. Мы получили сведения, что вами найден клад большой ценности, и мы хотели бы ознакомиться с ним.

Что-то в речи этого человека, в манере держать чемодан и в чем-то еще, неуловимом для других, но понятном мне, проникшему в тайны времени, подсказало единственное правильное решение: не из музея он.

— Я все уже починил, — сказал я.

— Что вы починили?

— Ваш почтовый ящик.

Я отодвинул полку и подвел его к нише. Я показал ему контакт и сказал:

— Вот только паяльника у меня не было, пришлось фольгой замотать.

Тут загорелась лампочка в 1667 году, и он понял, что я все знаю.

Почтальон-механик из 2056 года запаял контакт, переправил в будущее вещи, и потом мы с ним заделали дыру в стене так, что даже мне не догадаться, где она была. И он очень благодарил меня и немного удивлялся моей сообразительности, но когда я его спросил, что будет через сто лет, он отвечать отказался и сказал, что я сам должен понимать — сведения такого рода он разглашать не может.

Потом он спросил, чего бы я хотел. Я сказал, что спасибо, ничего.

— Так, значит, никаких просьб? — спросил он, берясь за ручку чемоданчика.

И тут я понял, что у меня есть одна просьба.

— Скажите, ваши люди бывают в разных годах?

— Да.

— И двадцать лет назад?

— И тогда. Только, разумеется, со всеми предосторожностями.

— А во время войны и блокады кто-нибудь был в Ленинграде?

— Конечно.

— Вот что, выполните такую просьбу. Мне надо передать туда посылку.

— Но это невозможно.

— Вы сказали, что выполните мою просьбу.

— Что за посылка?

— Одну минутку, — сказал я и бросился в кухню. Там я взял две

банки сгущенного молока, и полкило каплановского масла из холодильника, и еще пакет сахара — килограмма в два весом. Я сунул все это в большой пластиковый мешок Лины Григорьевны и вернулся в комнату. Мой гость из будущего подметал пол.

— Вот, — сказал я. — Это вы должны будете зимой сорок второго года, в январе месяце передать писателю Черняеву, Александру Черняеву. Ваши его знают. И адрес его сможете найти. Он умер от голода в конце января. А ему надо продержаться еще недели две. Через две недели к нему придут с радио. И не смейте отказываться. Черняев писал роман до последнего дня...

— Да поймите же, — сказал гость, — это невозможно. Если Черняев останется жив, это может изменить ход истории.

— Не изменит! — сказал я убежденно. — Если бы вы так боялись прошлого, то не брали бы вещей из семнадцатого века.

Гость улыбнулся.

— Я не решаю таких вопросов, — сказал он. — Давайте, я возьму вашу посылку. Только сорвите наклейки с банок. Таких не было в Ленинграде. Я поговорю в нашем времени. Еще раз очень вам благодарен. Спасибо. Может быть, увидимся.

И он ушел, как будто его не было. У меня даже появился соблазн снова сорвать обои и заглянуть в нишу. Но я знал, что этого никогда не сделаю. И он тоже понимал это, а то бы не рассказывал мне так много.

На следующий день я обнаружил у себя в кармане две забытые монеты. Я подарил одну Митину, а другую оставил себе на память. Митин принес мне, как и обещал, однотомник Булгакова, а потом сказал:

— Знаешь, я нашел дома том «Литературного наследника». Там есть воспоминания о Черняеве. Тебе интересно?

Я сказал, что, конечно, интересно. Я уже понимал, что они меня не послушались и не передали старику моей посылки.

Да и, конечно, чепуху же я порол. Ведь большим тиражом отпечатана биография писателя, и там черным по белому сказано, что он умер именно в сорок втором году. Я даже посмеялся над собой. Тоже мне теоретик!

Вечером я прочитал статью о Черняеве. Она рассказала о том, как он жил в Ленинграде в блокаду, как работал и даже ездил в самую стужу, под обстрелом, на фронт выступать перед бойцами. И вдруг в конце статьи я читаю следующее, хотите верьте, хотите нет:

«Зимой, кажется, в январе, я зашел к Черняеву. Александр Григорьевич был очень слаб и с трудом ходил. Мы с ним говорили о положении на фронте, об общих знакомых (некоторых из них уже не было в живых), он рассказывал мне о планах на будущее, о том, что пишет новый роман и, если бы не слабость, закончил бы его к весне. Я не спрашивал, почему мой друг отказался эвакуироваться, несмот-

ря на почтенный возраст и слабое здоровье. Александр Григорьевич только пожал бы плечами и перевел бы разговор на другую тему. Было холодно. Мы подкладывали в «буржуйку» обломки стула. Вдруг Черняев сказал:

— Со мной случилась странная история. На днях получил посылку.

— Какую? — спрашиваю. — Ведь блокада.

— Неизвестно от кого. Там было сгущенное молоко, сахар.

— Это вам очень нужно, — говорю.

А он отвечает:

— А детям не нужно? Я-то старик, а ты бы посмотрел на малышей в соседней квартире. Им еще жить и жить.

— И вы им отдали посылку?

— А как бы вы на моем месте поступили, молодой человек? — спросил Черняев, и мне стало стыдно, что я мог задать такой вопрос.

Это, как ни печально сегодня сознавать, была моя последняя встреча с писателем».

Я раз пять перечитал эти строки. Я сам должен был догадаться, что, если старик получит такую посылку, он не будет сосать сгущенное молоко в уголке. Не такой старик...

Но что странно: этот том литературного наследства вышел в шестьдесят первом году — семь лет назад.

ПОДЕЛИСЬ СО МНОЙ...

Мне хочется туда вернуться. Но я никогда не смогу этого сделать. И наверное, мне придется до конца дней своих мучиться завистью...

Но тогда я ни о чем не подозревал. Щелкнули и зажужжали двери лифта. Я сошел по пологому пандусу на разноцветные плитки космодрома и остановился, мысленно выбирая из толпы встречающих того, кто предназначен мне в спутники, — о моем приезде были загодя предупреждены.

Человек, подошедший ко мне, был высок и поджар. У него были длинные, зеленоватые от постоянной возни с герселием пальцы, и уже по этому, раньше, чем он открыл рот, я догадался — коллега.

— Как долетели? — спросил он, когда машина выехала из ворот космодрома.

— Спасибо, — ответил я. — Хорошо. Нормально долетел.

В моих словах скрывалась вежливая неправда, потому что летел я долго, часами ждал пересадок в неуютных, пахнущих металлом и разогретым пластиком грузовых портах, почти терял сознание от перегрузок, казавшихся вполне безобидными другим пассажирам в этой части Галактики.

Встречавший ничего не ответил. Только чуть поморщился, словно страдал от застарелой зубной боли и прислушивался к ней, к очередному уколу, неизбежному и заранее опостылевшему. Прошло еще минуты три, прежде чем он вновь заговорил.

— Вам, наверное, трудно было лететь на нашем корабле? Вы не привыкли к таким перегрузкам.

— Да, — согласился я.

— Голова болит? — спросил он.

Я не ответил, потому что увидел, что его настиг новый укол боли.

— Голова болит? — спросил он снова. И добавил, словно извинялся: — К сожалению, ваши корабли сюда прилетают редко.

Только теперь, отъехав несколько километров от космодрома, мы очутились в новой стране. До этого был планетный вокзал, а они одинаковы во всей Галактике. Они безлики, как безлики все вокзалы, уезжают ли с них поезда, улетают ли самолеты, стартуют ли космические диски.

И чем дальше мы отъезжали, тем особенней, неповторимей становился весь мир вокруг, потому что здесь, вне большого города, легко воспринимающего моды Галактики, все развивалось своими путями и лишь деталью, мелочью могло напоминать виденное раньше. Но, как всегда, именно мелочи скорее останавливали взгляд.

Было интересно. Я даже забыл о боли в голове и дурноте, преследовавшей меня после посадки. Я чувствовал себя бодрее, и воздух, влетавший в открытое окно машины, был свеж, пахнул травой и домашним теплом.

На окраине города, среди невысоких зданий, окруженных садами, мой спутник снизил скорость.

— Вам лучше, надеюсь? — спросил он.

— Спасибо, значительно лучше. Мне нравится здесь. Одно дело читать, видеть изображения, другое — ощутить цвет, запах и расстояние.

— Разумеется, — согласился мой спутник. — Вы остановитесь пока у меня. Это удобнее, чем в гостинице.

— Зачем же? — сказал я. — Я не хочу вас стеснять.

— Вы меня не стесните.

Машина свернула в аллею, огибавшую крутой холм, и вскоре мы подъехали к спрятавшемуся в саду двухэтажному дому.

— Подождите меня здесь, — сказал мой спутник. — Я скоро вернусь.

Я ждал его, разглядывая цветы и деревья. Я чувствовал себя неловко оттого, что вторгся в чужую жизнь, не нуждавшуюся в моем присутствии.

Окно на втором этаже распахнулось, худенькая девушка выглянула оттуда, посмотрела на меня быстро и внимательно и согласно кивнула головой, не мне, а кому-то стоявшему у нее за спиной. И тут же отошла от окна.

И мне вдруг стало легко и просто. Что-то в лице девушки, в дви-

жении рук, распахнувших окно, во взгляде, мимолетно коснувшемся меня, отодвинуло в глубину сознания, стерло превратности пути, разочарование, вызванное сухой встречей, неизвестно чем чреватую необходимость прожить здесь два или три месяца, прежде чем можно будет отправиться в обратный путь.

Я был уверен, что девушка спустится ко мне, и ожидание было недолгим. Она возникла вдруг в сплетении ветвей, и растения расступились, давая ей дорогу.

— Вам скучно одному? — спросила она, улыбаясь.

— Нет, — сказал я. — Мне некуда спешить. У вас чудесный сад.

Девушка была легко одета, жесты ее были угловаты и резки.

— Меня зовут Линой, — сказала она. — Я покажу вам, где вы будете жить. Отец очень занят. Больна бабушка.

— Простите, — извинился я. — Ваш отец ничего не говорил мне об этом. Я поеду в гостиницу...

— И не думайте, — возразила Лина. Ее глаза были странного цвета — цвета старого серебра. — В гостинице будет хуже. Там некому за вами присмотреть. А нас вы никак не стесните. Отец поручил мне о вас заботиться. А сам остался с бабушкой.

Наверное, я должен был настоять на переезде в гостиницу. Но я был бессилен. Мной овладела необоримая уверенность, что я очень давно знаком с Линой, с этим домом-садом, что принадлежу этому дому, и все во мне воспротивилось возможности покинуть его и остаться одному в безликом равнодушии гостиницы.

— Вот и отлично, — сказала Лина. — Дайте мне руку. Пойдем в дом.

Лина показала комнату, в которой мне предстояло жить, помогла разобрать вещи, провела в бассейн с теплой, бурлящей колючими пузырьками водой. Бассейн был затенен почти сомкнувшимися над ним ветвями деревьев.

Потом она увела меня на плоскую крышу дома, где расположился ее шумный зоопарк — полосатые говорящие кузнечики, шестикрылые птицы, синие рыбки, дремлющие в цветах, и самая обычная для меня, но крайне ценимая здесь земная кошка. Кошка не обратила на меня никакого внимания, и Лина сказала:

— А я была уверена, что она обрадуется. Даже обидно.

Лина оставалась со мной до самого вечера, и я мало кого видел, кроме нее. Иногда Лина просила прощения и убегала. Я говорил: «У вас же, наверное, много дел. Не обращайте на меня внимания». Но как только я оставался один, возвращалось тягостное ощущение одиночества, физического неудобства и тоски. Я подходил к полкам с книгами, вытаскивал какую-нибудь из них и тут же ставил на место, выходил в сад и возвращался снова в дом и все время прислушивался к звуку ее шагов. Лина прибегала, касалась меня кончиками пальцев и спрашивала:

— Вы не соскучились?

И я отвечал:

— Немного соскучился.

Раз я решился и даже рассказал ей о том, как меня излечивает от недомоганий и дурных мыслей ее присутствие. Лина улыбнулась и ответила, что к ужину вернется ее брат, привезет лекарства, которые излечат меня от последствий перелета.

— К утру вы будете как новенький. Все исчезнет.

— А вы?

— Я?

— Вы не исчезнете? Как добрая волшебница?

— Нет, — сказала Лина уверенно. — Я буду завтра.

За ужином вся семья, кроме больной бабушки, собралась за длинным столом. Неожиданно для меня обнаружилось, что в доме, который казался совершенно пустым, живет не меньше десяти человек. Хозяин дома, усталый и бледный, сидел рядом со мной и следил за тем, чтобы я выпил все лекарства, привезенные его сыном, студентом-медиком. Лекарства, как им и положено, оказались неприятными на вкус, но я был послушен и никому не сказал, что единственным настоящим и безотказным лекарством считаю Лину. Лина сочувствовала мне и даже морщилась, если в ходе лечения мне попадалась особенно отвратительная таблетка.

Хозяин дома сказал, что его матери лучше. Она уснула. Несмотря на усталость и бледность, он был разговорчив, смешлив и являл собой контраст тому угрюмому человеку, который встретил меня на космодроме. Тогда он был обеспокоен состоянием матери, теперь же...

— Она проснулась, — сказал вдруг хозяин.

Я невольно прислушался. Ни кашля, ни вздоха — в доме абсолютная тишина.

— Я поднимусь к ней, — сказал его сын. — Ты устал, отец.

— Что ты, — возразил хозяин. — У тебя завтра занятия.

— А разве ты свободен?

— Мы пойдем вместе, — сказал отец. — Извините.

Лина проводила меня до комнаты и сказала:

— Надеюсь, вы уснете.

— Обязательно, — согласился я. — Особенно если среди лекарств было и снотворное.

— Разумеется, было, — подтвердила Лина. — Спокойной ночи.

Я и в самом деле быстро заснул.

На следующий день я встал совершенно здоровым. Я поспешил в сад, надеясь встретить Лину. Она меня ждала там, у бассейна. Я хотел было рассказать ей, как хорошо я спал, как я рад этому душистому утру и встрече с ней, но Лина мне и рта не дала раскрыть.

— Ну и отлично, — сказала она, словно прочла мои мысли. — Ба-

бушке тоже лучше. Сейчас отец отвезет вас в институт. А вечером я буду ждать. И вы расскажете, как работаете, что интересного увидели.

— Вы и сами догадаетесь.

— Почему?

— Вы можете читать мысли.

— Неправда.

— Я не могу ошибиться. Вы ведь не стали дожидаться, пока я сам скажу, как я себя чувствую. Вчера ваш отец поднялся из-за стола, потому что проснулась бабушка. А в доме было тихо. Он ничего не мог услышать.

— Все равно неправда, — настаивала Лина. — Зачем читать чужие мысли? И ваши в том числе.

— Незачем, — согласился я. И мне было чуть грустно, что Лине дела нет до моих столь лестных для нее мыслей.

— Доброе утро, — поздоровался отец Лины, спускаясь в сад. — Вы сегодня совсем здоровы. Я рад.

— Все-таки я прав, — сказал я тихо Лине, прежде чем последовать за ее отцом.

— Зачем читать мысли? — повторила она. — У вас все на лице написано.

— Все?

— Даже слишком много.

Прошло несколько дней. Днем я работал, а вечером бродил по городу, выбирался в поля, в лес, к берегу большого соленого озера, в котором водились панцирные рыбы. Иногда я был один, иногда с Линой. Я привык к моим хозяевам, познакомился еще с двумя или тремя инженерами. Но при всей обычности моего существования меня ни на минуту не оставляло ощущение действительной необычности окружающих людей. Я почти уверился в их способности к телепатии.

Порой я чувствовал себя неловко с Линой, потому что ловил себя на какой-нибудь мысли, которой не хотел бы делиться с ней. Мне казалось, что она слышит беззвучные слова и посмеивается надо мной.

Раз я шел по улице. Улица была зеленой и извилистой, как почти все улицы в том городе. Передо мной шли мальчишки. Они гнали мяч, а я шел сзади, смотрел и боролся с желанием догнать их и ударить по мячу.

Я не заметил торчащего из земли корня. Споткнулся, упал, ушибся коленом о камень, и боль была так неожиданна и резка, что я вскрикнул. Мальчишки остановились, будто мой крик ударил их. Мяч одиноко катился под откос, а они забыли о нем, обернулись ко мне. Я попытался улыбнуться и помахал им рукой — идите, мол, дальше, догоняйте свой мячик, пустяки, мне совсем не больно. А они стояли и смотрели.

Я приподнялся, но встать не смог. Видно, растянул сухожилие. Мальчишки подбежали ко мне. Один, постарше, спросил:

— Вам очень больно?

— Нет, не очень.

— Я сбегаю за врачом, — предложил другой.

— Беги, — кивнул старший. — Мы подождем здесь, пока ты вернешься.

— Да что вы, ребята, — сказал я. — Растянул сухожилие. С кем не бывает? Сейчас пройдет.

— Конечно, — подтвердил старший.

И, как будто послушавшись его, боль ослабла, спряталась.

Мальчишки смотрели на меня серьезно, молчали. Только самый маленький вдруг заплакал, и старший сказал ему:

— Беги домой.

Тот убежал.

Подошел врач. Он жил, оказывается, в соседнем доме. Осмотрел ногу, сделал укол, и мальчишки сразу исчезли, лишь стук мяча еще некоторое время напоминал о них.

Врач помог мне добраться до дома. Я отказывался, уверял его, что дойду и сам.

— Мне уже не больно. Больно было только в первый момент. Мальчики могли бы подтвердить.

— Вы гость у нас? — спросил врач.

— Да.

— Тогда понятно, — сказал он.

Дома, несмотря на ранний час, все были в сборе. Бабушке стало хуже. Настолько, что надо было срочно везти ее в больницу, оперировать.

Я подошел к Лине. Она была бледна, под глазами синяки, лоб морщился.

— Все обойдется, все будет хорошо, — сказал я.

Она не сразу расслышала. Оглянулась, будто не узнала.

— Все обойдется, — повторил я.

— Спасибо. Вы упали?

— Ничего страшного. Уже не больно.

— А бабушке очень больно.

— А почему ей не сделают укол? На меня он подействовал сразу.

— Нельзя. Уже ничего не помогает.

— Я хотел бы быть чем-нибудь полезен.

— Тогда уйдите. — Она произнесла это, явно не желая меня обидеть. Ровным, бесцветным голосом, будто попросила принести воды. — Отойдите подальше. Вы мешаете.

Я ушел в сад. Я был лишним. Я и в самом деле старался не обижаться. Ей ведь плохо. Им всем плохо.

Я видел, как они уехали. Я остался один в доме. Поднялся наверх,

в зоопарк. Кошка узнала меня, подошла к сетке и потерлась о нее, выгибая хвост. Домашним кошкам не положено жить в клетках, но она была здесь экзотическим, редким зверем. Я тоже был редким зверем, который не понимал происходящего и не мог рассчитывать на понимание. А ведь мне казалось, что мы с этими людьми стали близки. Моя неполноценность обнаружилась в неподходящий момент, но в чем неполноценность? Я понимал, что надо поехать в больницу, — там я узнаю нечто важное. Никто не звал меня туда, и, вернее всего, мое присутствие будет нежелательным. И все-таки я не мог не поехать.

Меня никто не остановил у входа в больницу. Лишь девушка у серого пульта спросила, не помочь ли мне. Я назвал имя бабушки, и девушка проводила меня до лифта.

Я шел по длинному коридору, странному, совсем не больничному коридору. Вдоль стен его стояли кресла, вплотную друг к другу. В креслах сидели люди. Они были здоровы, совершенно здоровы. Они сидели и молчали, и им было больно.

У матовой двери в операционную я увидел моих друзей. И Лину, и ее отца, и братьев. Тут же, в соседних креслах, сидели наши общие знакомые — те, кто работал вместе с нами, жил рядом. Лина взглянула на меня. Зрачки ее скользнули по моему лицу. И в них была боль.

Я опустился в свободное кресло. Неловко было рассматривать людей, которым до меня нет дела. Я уже знал то, что казалось тайной час назад.

Ждать пришлось недолго. Неожиданно, словно невидимый колдун провел над ними ладонью, они ожили, просветлели, зашевелились. Кто-то сказал: «Дали наркоз». Они договорились, кто останется дежурить здесь, кто вернется после операции, когда наркоз перестанет действовать.

Лина подошла ко мне. Я встал.

— Извините, — сказала она. — Я очень виновата, но вы же понимаете...

— Понимаю. Как же я могу сердиться? Мне только грустно, что я чужой.

— Не надо. Вы ведь не виноваты.

— Знаете, когда я сегодня упал, ко мне подбежали ребята. И оставались рядом, пока не пришел доктор.

— А как же иначе?

К нам подошел ее отец.

— Спасибо, что вы пришли, — сказал он. — Захватите, пожалуйста, с собой Лину. Мы тут без нее справимся. Профессор уверил меня, что операция пройдет удачно.

— Я останусь, отец, — возразила Лина.

— Как знаешь.

— Поймите, — сказала Лина, когда отец отошел. — Очень трудно

было бы объяснить все с самого начала. Для нас это так же естественно, как есть, пить, спать. Детей учат этому с первых дней жизни.

— Это всегда так было?

— Нет. Мы научились этому несколько поколений назад. Но потенциально это было всегда. Может, и в вас тоже, скрытое в глубине мозга. Даже странно думать, что другие миры лишены этого. Ведь в каждом разумном существе живет желание обладать такой способностью. Неужели нет?

— Да, — подтвердил я. — Если рядом с тобой человеку плохо. Особенно если плохо близкому человеку. Хочется разделить боль.

— И не только боль, — возразила Лина. — Радость тоже. А помнишь первый день? Когда ты прилетел? Ты себя гадко чувствовал. Отец мало чем мог тебе помочь — основной груз бабушкиной боли падает на него, он сын. Даже встречая тебя на космодроме, он должен был помогать бабушке. А это тем труднее, чем дальше ты от человека, которому помогаешь. А тебе показалось, что отец невежлив. Правда?

— Не совсем, но...

— А ведь ему пришлось еще взять на себя и твою дурноту. Ты гость. И у тебя болела голова.

— Жутко болела.

— Я просто удивляюсь, как отец доехал до дома. И он сразу сменил меня у бабушкиной постели. Я увидела тебя в окно, и ты мне понравился. Я оставалась с тобой весь день, и весь день из-за тебя у меня разламывалась голова.

— Прости, — сказал я. — Я же не знал.

Я подумал, что именно сейчас, в больнице, мы незаметно перешли на «ты». Наверное, следовало бы сделать это раньше.

— Прости, — повторил я.

— Но ведь так даже лучше. Представляю, как бы ты расстроился, узнав об этом.

— Я бы уехал.

— Я знаю. Хорошо, что ты не уехал. А теперь иди. Я вернусь утром. И постучу к тебе в дверь. Мы договорим.

Я вновь миновал длинный коридор больницы, где сидели родственники и друзья тех, кому плохо. Они пришли сюда, чтобы разделить боль других людей. И не было никакой телепатии. Просто люди знали, что нужны друг другу.

Я добрел до дому пешком. Чуть побаливала нога, но я старался не думать о боли. Иногда она возникала и пыталась овладеть мною. И тот из прохожих, кто оказывался ко мне ближе всех, оглядывался, смотрел на меня, и мне сразу становилось легче. Но я прибавлял шагу, чтобы не утруждать людей.

Мне встретились молодые женщины. Они несли по большой охапке цветов. Они смеялись, болтая о чем-то веселом. Женщины увиде-

ли мою постную физиономию и наградили меня своей радостью. Чужая радость обдала меня душистыми свежими брызгами. Старик, сидевший на лавочке, опершись о трость, подарил мне спокойствие. Так бывало со мной и раньше, но я не замечал связи между своими ощущениями и другими людьми.

Им и труднее, и легче жить, чем нам. Они могут дарить и принимать дары, вернее — должны. Ни один из них не может отгородиться от людей потому, что если мы видим человеческие слезы, то они чувствуют их. А ведь зрение куда менее совершенно.

В тот день я стал завистником. Я завидую им и даже порой чувствую к ним нечто вроде неприязни. Я всегда буду чужим для них, как нищий среди щедрых богачей. Я могу принимать дары, но не способен дарить сам.

Когда настал срок, я улетел на Землю. На космодром меня провожала только Лина. С остальными я простился в городе. Так было оговорено заранее.

— Я хотела бы улететь с тобой на Землю, — сказала Лина.

— Нет, — ответил я. — Ты же знаешь. На Земле тебе будет слишком трудно. Ты же не сможешь делить только мою радость и только мою боль.

— Не смогу, — согласилась Лина. — Ты прав. И это очень печально.

— А я не смогу жить с тобой, понимая, как ты одинока, и не в силах прийти к тебе на помощь, если моя помощь станет тебе нужна.

— Но, может, ты все-таки останешься с нами? Здесь? Со мной? — В голосе ее не было уверенности.

— Ты вспомни, — сказал я, — в тот день, когда твоей бабушке сделали операцию, я пришел к вам, но я был слепым между зрячими. Я не смогу остаться.

Это все уже было сказано и вчера, и позавчера. Мы лишь повторяли диалог, зная, чем он закончится, но мы не могли не повторить его, потому что оставалась нелепая надежда, будто можно найти какой-то компромисс, что-то придумать и тогда не будет нужды расставаться.

А когда я уже стоял у трапа, Лина подошла ко мне совсем близко, так что я видел черные точки в ее серебряных глазах, и сказала:

— Запомни, каково мне сейчас.

И к моей тоске прибавилась ее тоска, и стало темно, и я схватился за ее руку, чтобы не упасть. Но никто из проходивших мимо пассажиров не помог мне, не разделил со мной эту тоску, потому что в жизни есть моменты, когда надо удержаться от того, чтобы прийти на помощь.

Потом был путь, перегрузки и тряска. Пересадки в неуютных, пахнущих металлом и разогретым пластиком грузовых портах, безликие гостиницы и пресные завтраки у блестящих одинаковых стоек буфетов. Но я был совершенно здоров и чувствовал себя отлично.

Я знал почему — там, далеко, Лина сидит в своей комнате на втором этаже и сжимает ладонями голову — так больно и дурно ей. И я был сердит на нее, я старался убедить ее — забудь обо мне, глупая, милая, не отнимай у меня эту боль...

Мне так хочется вернуться туда, но я никогда не смогу этого сделать.

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА АНАНДА

Наша станция, столь обширная — трубы коридоров, шары лабораторий и топливных складов, сплетения тросов и гравитационных площадок, — наша станция кажется пассажиру подлетающего корабля лишь зеленой искоркой на экране локатора. А я ведь за три недели еще не во всех лабораториях побывал, не со всеми обитателями станции знаком.

— Вы не спите, профессор?

Я узнал голос Сильвии Хо.

— Нет. Я думаю. Я потушил свет, потому что так легче думается.

— Неужели можно специально думать? Я вот хожу и думаю, ем и думаю, разговариваю и думаю.

— Раньше я тоже не замечал, думаю я или нет. И лишь теперь, на седьмом десятке, догадался, что мышление достойно того, чтобы выделить его в самостоятельный процесс.

— Вы шутите, профессор. А я к вам на минутку. Капитан просил напомнить, что через полчаса включаем экран.

— Спасибо. Иду.

Я сел на койке и еле успел схватиться за скобу. С утра была невесомость. Перед опытами с экраном вращение прекращалось — станцию ориентировали с точностью до микрона. Я не люблю невесомость. Она дарит лишь несколько минут детского удивления перед возможностями своего тела. Потом быстро надоедает, утомляет, вызывает легкую тошноту и мешает спать.

— Вы не спите, профессор?

— Это ты, Тайк?

— Вы не забыли, что через полчаса включаем экран?

— Иду, иду.

Я нашарил под кроватью башмаки на магнитных подошвах. Они слишком легко скользят по полу и требуют значительного усилия, чтобы оторвать их. Старожилы похожи здесь на конькобежцев. Я подобен новичку, впервые вступившему на лед.

— Профессор, вы не спите?

— Спасибо. Я помню. Я знаю, что через полчаса включаем экран.

— Я проходил мимо и решил предупредить. Сегодня ваш день, профессор.

Я посидел с минуту, прислушиваясь к легким шумам и шорохам, пронизывающим станцию. Звуки эти, как бы слабы они ни каза-

лись, — удивительное свидетельство жизни, контраст с безнадежной пустотой пространства. Вот звякнула кастрюля в камбузе, застрекотал робот, прошуршал воздух в дакте кондиционера, комаром отозвался какой-то прибор в лаборатории, пискнул котенок... Котят, по-моему, восемь. Может, и больше. Они выпархивают из дверей, топыря шерсть, плавают перед глазами и норовят ухватиться когтями за что-нибудь надежное.

— Вы пришли, профессор? Сегодня ваш день.

Это русский физик. Физики свое дело сделали, им остается лишь ждать и волноваться вместе с нами.

— Это наш общий день, — отвечаю я. — И в первую очередь для Сильвии.

Сильвия сидит у дальней от экрана стены, на острых коленках — блокнот. Она улыбается мне благодарно и робко. Не бойся, мышонок, тебя никто не выгонит. Сегодня и вправду наш день. Мы с Сильвией единственные пока специалисты, на которых будет работать экран. Остальные его проектировали, рассчитывали, монтировали, настраивали и снова настраивали. Мы будем глядеть. Сильвия — антрополог. Я — историк.

— Жарко, профессор? — спросил Тайк. Тайк сидел на корточках перед раскрытой панелью пульта управления.

— Хоть форточку открывай, — сказал русский физик. — В космос.

— Простудишься, — сказал капитан. — Сегодня ваш день, профессор. Если физики нас не обманули.

Капитан уселся в кресло перед самым экраном, большим, во всю стену, черным и оттого бездонно глубоким.

Русский физик достал из кармана миниатюрные шахматы, но не удержал в руке, коробочка открылась, и фигурки веером, словно воробьи, спасающиеся от коршуна, разлетелись по лаборатории.

— Пятнадцать минут, — сказал Ричард Темпест.

Все вокруг были спокойны, может, даже излишне спокойны. Бесшумно, конькобежцами, в лабораторию въезжали техники, колдовали у пульта, переговаривались тихо, коротко и большей частью непонятно. Понемногу лаборатория заполнялась зрителями. Стало тесно. Кто-то из молодежи снял ботинки и устроился на стене, под потолком, повиснув на скобе.

— Садитесь сюда, поближе, — сказал капитан. — А где Сильвия?

Парасвати уступил мне место. Сжав в ладонях подлокотники, я почувствовал себя уверенней.

— Я все-таки не верю, — сказала Сильвия, глядя на Тайка. Тайк склонился к микрофону, диктовал на мостик какие-то цифры.

Тайк выпрямился, оглядел нас, словно полководец перед сражением, посмотрел на экран и сказал:

— Свет.

— Да будет свет, — прошептал физик, так и не собравший шахмат.

Лампы в лаборатории померкли, и ярче стали разноцветные индикаторы на пульте.

— Начинайте, — сказали с мостика.

На черном эллипсе экрана возникло светлое облако, оно зародилось в глубине его, разгоралось и приближалось, распространяясь к его пределам, и по нему пробегали зеленые искры. Так продолжалось минуту, а затем экран внезапно стал голубым, и в нижней части его обнаружились рыжие и белые пятна, словно изображение, рожденное в нем, было не в фокусе.

— Получается, — сказал Парасвати. — Куда лучше, чем вчера.

— Куда уж лучше, — сказал разочарованно кто-то из зрителей.

— Ах! — воскликнула Сильвия.

Волшебник сорвал пелену с экрана, навел изображение на резкость, и нашим глазам представился обычный земной пейзаж, настолько реальный и рельефный, словно экран был окном в соседний мир, залитый жарким солнцем, пропитанный пылью и свежим ветром. Синяя широкая полоса превратилась в небо. На охряном песке обозначились дома, глубокие колеи на узкой дороге и редкие пальмы.

— Все в порядке, — сказал Тайк. — Мы на месте.

— Правильно? — спросил капитан.

— Одну минутку, — сказал я.

Был полдень. Тонкая пыль крутилась над землей, изрытой и истоптанной буйволами. Опутанное бамбуковыми лесами и прикрытое тростниковыми циновками, возвышалось строящееся здание. Оно было логическим центром сцены, которую мы наблюдали. Многочисленные упряжки волов и буйволов тянулись к нему, груженные желтым кирпичом. Балансируя на гибких бамбуковых жердях, поднимались на леса вереницы почти обнаженных людей. Наверху трудились каменщики. В левой части экрана видна была веранда, столбы которой были обильно украшены тонкой резьбой. Перед ней дремали два воина с копьями в руках...

— Ну и что, профессор?

Все в лаборатории ждали моего ответа.

— Это Паган, — сказал я. — Конец одиннадцатого века.

— Ура! — произнес кто-то негромко.

— Удалось? — спросил динамик. Дежурный на мостике волновался.

— Ур-ра! — ответил ему физик. — Какие же мы молодцы!

— Качать профессора, — предложил лукавец Тайк.

— Я совершенно ни при чем. Вы могли бы показать это изображение еще десятку ученых, и они сказали бы то же самое.

— Но профессор сказал первым!

Им нужна была разрядка. Уж лучше пускай качают меня, чем

Сильвию. Я лишь старался не удариться о какой-нибудь прибор, хотя в этом не было нужды — летал я медленно и солидно, как воздушный шарик. Мои мучители также отрывались от пола и взлетали вслед за мной, отчего в полумраке лаборатории, освещенной солнцем далекого мира, шевелилось одно многорукое, многоголовое чудовище. И не дай бог людям с той стороны экрана заглянуть к нам. Они бы умерли от страха.

— Смотрите! — сказала Сильвия, которой удалось спрятаться в углу и избежать всеобщего ликования. — Смотрите — человек!

Сморщенный, высохший старик нес, прижимая к груди, глиняный горшок. Он шел так близко и виден был так четко, что можно было пересчитать все морщинки на его лице. И даже удивительным казалось, что он нас не видит. Он остановился на мгновение, повернув голову в нашу сторону, вздохнул и продолжил путь. И взгляд его мгновенно прервал возбужденное веселье. Люди опускались вниз, будто осенние листья.

— Он хотел сказать нам: «Чего подсматриваете?» — да не знает, на каком языке говорить с нами.

— Жалко, кино не звуковое.

— А профессор смог бы понять, о чем они говорят?

— С трудом. Прошла почти тысяча лет.

— Какая разрешающая способность!

— Профессор, расскажите нам о них.

— Это не покажется скучным?

— Никогда.

— Расскажите, профессор.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказал я. Я не люблю быть центром внимания. Тем более что я никак не мог отделаться от ощущения, что в действительности я узурпатор. Самозванец. Главное сегодня не история. Главное то, что людям наконец удалось заглянуть в свое прошлое.

Черными молниями пробежали по экрану помехи, земля заколебалась.

— Прибавь мощности, — сказал капитан Тайку.

— Уже уходит, — сказал Тайк. — Еще минуты три-четыре, не больше.

— Рассказывайте, профессор.

— Это было великое государство. Владения его тянулись от Гималаев и гор Южного Китая до Бенгальского залива. Оно существовало двести пятьдесят лет, и столицей его был город Паган. Здание в лесах — храм Ананда, первый из гигантских храмов Пагана, построенный при царе Чанзитте. Храм этот, как и множество других храмов и пагод общим числом около пяти тысяч, стоит в центре Бирмы, на берегу реки Иравади.

— И сейчас стоит?

— И сейчас.

Старик с горшком в руках вновь прошел по экрану. Ему было тяжело и жарко. Глядя на него, я понял, что в зале тоже очень жарко. И вдруг экран потускнел. Последнее, что мы увидели, — к старику подбежала девушка, взяла горшок. Черные молнии исчертили древний город, и нельзя уже было угадать лица девушки.

Вспыхнул искусственный, мертвый свет плоских плафонов. Капитан сказал, осторожно поднимаясь с кресла:

— Сеанс окончен.

— А может, ничего и не было? Нам показалось? — спросил Парасвати.

— Все снято, — сказал Тайк. — Хоть сейчас можно прокрутить фильм.

Люди не спешили расходиться. Это и в самом деле было похоже на зал кинотеатра, где только что показали картину невероятно талантливую, странную и неожиданную.

— Тайк, передай на мостик, чтобы начали вращение. До утра.

Капитан помог мне добраться до двери.

— Это великолепно, — сказал я ему.

— А вы, профессор, отказывались от поездки сюда.

— Вы знаете об этом?

— Да.

— Я консерватор. Трудно поверить в хроноскопию.

Я и в самом деле отказывался лететь на станцию. Я убеждал ректора выбрать кого-нибудь помоложе, не столь занятого, более легкого на подъем. «Хорошо, — говорил я ему. — Допустим, что эта хроноскопия имеет под собой какую-то основу. Допустим даже, что при определенных условиях можно отыскать точку в пространстве, собственное время которой идет с отставанием на тысячу лет от земного. Допустим даже, что из этой точки можно будет взглянуть на Землю. Но что мы увидим на таком расстоянии?» Ректор был терпелив, вежлив. Таким же он был двадцать лет назад, когда держал у меня экзамен по истории Бирмы. В нем всегда была вежливая снисходительность к собеседнику, будь он его учителем или одним из подчиненных ему профессоров. «Нет, — отвечал он, — вы не правы, профессор. С таким же успехом можно говорить, что паровоз не поедет, потому что в него не впряжена лошадь. Никто не стал бы тратить годы усилий на сооружение станции, если бы хроноскопия была мифом. Если физики считают, что экран на станции сможет заглянуть в Бирму, в одиннадцатый век, значит, так и будет... — Ректор пригладил на макушке несуществующие волосы и посмотрел на меня укоризненно: прожил столько лет на свете и сомневается во всесилии науки. Затем сказал другим тоном, тоном, требующим доброй улыбки: — В любом случае мы желали бы видеть на станции лучшего историка Бирмы. Вы, профессор, лучший историк Бирмы, я говорю это не только как ректор,

но и как ваш ученик. И если вам дорог престиж университета...» Здесь голос его сошел на нет, и ректор предложил мне стакан холодного апельсинового сока. Допивая сок, я подумал: а почему бы и нет? Ведь я никогда еще дальше Луны не забирался.

Станция возникла сначала зеленой искрой на экране локатора, выросла постепенно в сплетение труб, шаров и тросов, встретила меня рукопожатиями незнакомых, большей частью молодых, легко одетых людей и жарой. На станции было как в Рангуне майским вечером, влажным от близких муссонных туч, душным оттого, что лучи солнца, заблудившиеся в листве тамариндов, подогревают синий воздух.

— У нас барахлят отопительные установки, — сказал Тайк, молодой человек, длинные ресницы которого бросали тени на выступающие скулы. — Вчера было всего восемь градусов тепла. Но мы терпим.

Капитан проводил меня до каюты.

— Хорошо, что вы прилетели, — сказал он. — Значит, не зря работаем.

— Почему?

— Вы занятой человек. И коль уж вы смогли бросить все дела и прибыть к нам, значит, хроноскопия стоит того, чтобы заняться ею всерьез.

Капитан шутил. Он верил в хроноскопию, он верил в то, что экран будет работать, и хотел, чтобы я тоже уверовал в это.

С тех пор прошло три недели, и в моем лице энтузиасты экрана (не энтузиастов здесь не было) приобрели страстного неофита. Три раза за эти три недели экран светлел, заполнялся разноцветными облаками, дарил нам мимолетные непонятные образы, но не более. И вот наконец мы увидели Паган.

В семь часов по бортовому времени мы собирались в лаборатории. Один сеанс в день. Двадцать семь минут с секундами. Затем изображение уходило из луча...

Мое первоначальное предположение, что веранда с резными колоннами принадлежит дворцу царя Чанзитты, блистательно подтвердилось на следующий же день, когда в середине сеанса вдали заклубилась пыль и из облака ее вылетели всадники, загарцевали у ступенек. Стражники выпрямились, приподняли копья. К веранде приблизился слон с окованными медью бивнями. На спине его под золотым зонтом сидел нестарый человек с крупными чертами лица. Я узнал его. По статуе, которую столько раз видел в полутемном центральном зале храма Ананда. Художник был правдив, изобразив царя именно таким. Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что матерью царя действительно, как уверяли хроники, была индианка.

— Вот, — сказал я тогда. — Я был прав. Хроникам надо верить

именно в деталях, которые нельзя объяснить поздними политическими соображениями.

— Кто это? — спросил Тайк.

— Царь Чанзитта, — удивился я. — Это же видно.

— Профессор, вы великолепны, — сказал капитан. — Разумеется, это царь Чанзитта, знакомый всем нам с детства.

Царя неотступно сопровождал первосвященник, личность также хорошо известная по хроникам, Шин Арахан, сморщенный, благостный старец. Старец не последовал во дворец за царем, а принялся давать какие-то ценные указания архитектору Ананды, даже рисовал арки тростью в пыли.

В тот же день мы видели, как надсмотрщики избивали бамбуковыми палками провинившихся в чем-то рабочих. Зрелище было жутким, казалось, что крики людей сквозь века и миллиарды километров проникают в лабораторию. Через две минуты вся станция уже знала о происходящем, в зал набились физики, электронщики, монтажники, и их оценка происходящего была настолько резка, что мне стало стыдно за средневековую Бирму, и, может, поэтому я сказал, когда угас экран:

— Разумеется, если показать крестовые походы или опричников Ивана Грозного, никто бы из вас не возмутился.

— Не расстраивайтесь, профессор, — ответил мне за всех капитан. — Бывало куда хуже. За этим не стоит даже углубляться на тысячу лет в прошлое. Но нам пришлось увидеть именно Бирму. И мы не можем войти в экран и схватить надсмотрщика за руку.

На следующий день на песке, там, где проходила экзекуция, были видны бурые пятна крови. К концу сеанса поднялся ветер и занес их пылью.

Жизнь моих далеких предков была тяжела, грязна и жестока. Золотой век хроник и легенд не выдержал испытания. И тем удивительнее казался храм Ананда, совершенный, легкий, благородный, призванный на века прославить Паганское государство. Он гордо возносился над страданиями маленьких людей и становился памятником им, все-таки не зря проведшим на земле отведенные годы.

У старика, что нес воду в первый день, была дочь. Дочь эту знали все на станции, и беспокойные физики, приходившие повидаться с ней, держали пари, появится она сегодня или нет.

Дочь (а может быть, внучка) старика была невысока ростом, тонка и гибка, как речной тростник. Ее черные волосы были собраны в пучок на затылке и украшены мелкими белыми цветами. Кожа ее была цветом как тиковое дерево, глаза подобны горным озерам. Не пытайтесь упрекнуть меня в романтическом преувеличении — именно такой я ее помню, именно такие сравнения пришли на ум, когда я впервые разглядел ее. И если я, старый человек, говорю о девушке столь приподнятым слогом, то о молодежи и говорить нечего. Лишь

Сильвия была недовольна. Она глядела на Тайка. А Тайк глядел на паганскую девушку.

Как-то я нечаянно подслушал разговор Сильвии Хо с Тайком.

— Все, что мы видим, подобно спектаклю, — сказала Сильвия. — Ты чувствуешь это, Тайк?

— Ты хочешь сказать, что это все придумано?

— Почти. Этого нет.

— Но они реальны. И мы не знаем, что случится с ними завтра.

— Нет, знаем. Профессор знает. Эти люди умерли почти тысячу лет назад. Остался только храм.

— Нет, они реальны. Отсюда, со станции, мы видим их живыми.

— Они умерли тысячу лет назад.

— Посмотри, как она улыбается.

— Она тебя никогда не увидит.

— Зато я ее вижу.

— Но она умерла тысячу лет назад! Нельзя влюбиться в несуществующего человека.

— Что за чепуха, Сильвия. С чего ты взяла, что я влюбился?

— Иначе бы ты не защищал ее.

— Я ее и не защищаю.

— Ты хотел бы, чтобы она была сегодня.

— Хотел бы.

— Сумасшедший...

Я сидел в кресле, не замеченный ими. Я улыбнулся, когда Сильвия убежала по коридору, прижимая к груди папку с рисунками и фотографиями обитателей паганской эры. Тайк вернулся к пульту и принялся копаться в схемах, насвистывая что-то печальное. Он был подобен человеку, полюбившему Нефертити — запечатленный в камне прекрасный момент далекого прошлого.

Еще через три дня произошло новое событие, взбудоражившее всю станцию, ибо станция близко к сердцу принимала события, происходившие в Пагане. Приехали кхмерские послы. Пожалуй, человеку, незнакомому с историей Бирмы, трудно понять мое волнение, когда я угадал кхмеров в утомленных долгим путем, длинноволосых, богато разодетых людях. Они слезали с опустившихся на колени слонов, скребя пятками по морщинистым серым бокам, и слуги раскрывали над ними золотые зонты — знаки знатности и власти. Да, это были кхмеры, с империей которых граничил Паган. И возможно, именно сейчас, завтра, послезавтра, будет разрешен долгий спор историков, платил ли Паган дань Ангкору или права была хроника Дхаммаян Язавин, утверждавшая, что цари кхмеров признавали власть Пагана.

Послы проследовали в глубь дворца. За ними несли коробы с подарками, чаши с бетелем, подносы с фруктами. Дворец был охвачен суетой, окружен толпой любопытных, и сквозь поднявшуюся пыль

можно было разглядеть, как в спешке рабочие сдирали леса и циновки с храма Ананда — видно, его будут показывать высоким гостям.

Ночью мне пришлось принять снотворное. Сон не шел ко мне. Время остановилось. В любой момент послы могли уехать и избежать моего наблюдения. И останутся скрытыми для меня и для истории те мелкие детали, понятные лишь мне, по которым можно безошибочно определить истинные отношения между бирманцами и кхмерами — древними соперниками и великими строителями.

...И снова загорелся экран. Любопытные все еще толпились перед дворцом, и было их немало. Следовательно, сказал я себе, и чуть отлегло от сердца, следовательно, послы не уехали.

От колодца с полным кувшином шла наша знакомая девушка. Она поставила кувшин на ступеньку веранды и заговорила о чем-то со стражником. Нравы в Пагане были просты, стражник не отогнал девушку. Говорил с ней о чем-то оживленно. Потом к ним присоединился монах в синей тоге лесных братьев, заглянул через перила внутрь дворца, и второй стражник крикнул ему что-то веселое. Некто, толстый и намасленный, из дворцовой челяди, вышел на веранду, поднял кувшин и отпил из него.

Тайк забыл о пульте. Он смотрел на девушку. Я незаметно взглянул в другую сторону, где сидела Сильвия. Сильвия делала вид, что углублена в записи.

Один из кхмерских послов медленно и торжественно, словно актер в плохом театре, появился из-за края экрана и остановился у перил, рассеянно глядя на белый храм. За ним легко, чуть постукивая палкой, следовал Шин Арахан, первосвященник. Он спросил что-то у кхмера, и физик, сидевший со мной рядом, угадал его вопрос:

— Ну как, нравится вам наш храм?

Кхмер ответил. Физик вновь перевел:

— Ничего храм. У нас лучше.

Тайк глядел на девушку. Девушка глядела на кхмера. Тот был для нее экзотичным представителем чужого, недосягаемого мира. Кхмер, видно, почувствовал ее взгляд и, повернувшись к Шину Арахану, улыбнулся и сказал что-то. Физик немедленно перевел:

— Девушки у вас здесь лучше, чем храмы.

Кто-то сзади хихикнул. Тайк насупился. Шин Арахан кивнул и тоже посмотрел на девушку. Та растерялась и отступила на несколько шагов. Стражники захохотали. Кхмер тоже засмеялся. Он уговаривал Арахана, тыча унизанным перстнями пальцем в девушку, но первосвященник улыбался вежливо и, видно, не давал нужного ответа.

— «Отдай ее мне», — требует высокий гость, — сказал физик.

— Помолчи, — оборвала его Сильвия.

— И в самом деле, помолчи, — поддержал ее Парасвати. — Что мы без нее будем делать?

— Он же старый, — сказала Сильвия.

Тайк не слышал их. Он глядел на экран. Потом он сказал мне, что все время боролся с желанием выключить его, будто это могло бы что-нибудь изменить, прервать цепь событий. Но это он сказал потом.

Кхмер ушел, явно неудовлетворенный. Я сказал:

— Совершенно ясно, что Паган не был вассалом кхмеров. Иначе Шин Арахан не посмел бы отказать послу. Он был большим дипломатом. Если, конечно, кхмер и в самом деле требовал подарить ему девушку.

— Хорошо бы обошлось... — сказал Парасвати.

И он был прав в своих сомнениях. Шин Арахан с минуту стоял на веранде, раздумывая, чуть покачиваясь, спрятав глаза в сетке морщин. Казалось, он не видит никого вокруг. Но, когда девушка подкралась к террасе, чтобы взять кувшин, Шин Арахан вдруг очнулся, крикнул стражникам, повернулся и быстро ушел с веранды. Стражники подошли с двух сторон к замершей девушке, и один из них подтолкнул ее в спину древком копья. Девушка покорно пошла перед ними через площадь, и толпа зевак молча расступилась перед ней. Сеанс кончился.

На этот раз никто не покинул лабораторию. Когда зажегся свет, я обнаружил, что все смотрят на меня, словно я мог объяснить случившееся и, главное, убедить их, что с девушкой ничего не случится. И я сказал:

— В лучшем случае Шин Арахан приказал убрать ее с глаз кхмера. Может, он знает ее отца, может, пожалел ее.

— А в худшем?

— В худшем — не знаю. Худших вариантов всегда больше, чем лучших. Возможно, первосвященник решил все-таки сделать сюрприз кхмеру и вручить ему подарок перед отъездом. Возможно, девушка чем-то оскорбила кхмера и будет наказана...

— Но она же ничего не сказала...

— Мы так мало знаем о нравах тех времен.

Тайк пришел вечером ко мне в каюту.

— Я сойду с ума, профессор, — сказал он.

— Чем я могу помочь тебе? — спросил я его. — Постарайся понять, что это иллюзия, чудесным образом сохранившийся документальный фильм, — и мы первые зрители его.

— В это невозможно поверить. Мне хотелось выключить экран. Словно тогда она смогла бы убежать. В темноте.

Тайк ушел. Проверять приборы, удостовериться, что завтра сеансу не помешает случайная поломка. Но в тот день ничего особенного не случилось.

Правда, мы видели старика. Он валялся в пыли у ступеней дворца, умолял стражников пропустить его внутрь, но на этот раз они были строги и неразговорчивы. Значит, девушке все еще грозила опасность. С храма снимали последние леса и наводили на него лоск. У подножия его вырыли небольшую глубокую яму, от дворца до главного входа постелили циновки, и солдаты с короткими кривыми мечами разгоняли любопытных, чтобы те не наступили на дорожку.

Основные события были перенесены на завтра.

Интересное создание человек. Еще два дня назад меня волновала лишь одна проблема — каковы взаимоотношения Пагана и Ангкора. Кто был чьим данником. Это был вопрос, важный для истории Бирмы, но мало интересовавший кого-нибудь, кроме меня. В день же последнего сеанса, в день, на который выпало освящение храма Ананда, торжественное событие, особо торжественное из-за присутствия иностранных гостей, я забыл о данниках, вассалах и царях. Как и все другие обитатели станции, я беспокоился о судьбе девушки, фотографии которой украшали каждую вторую каюту на станции, ради возвращения улыбки которой все мы были готовы на любое безрассудство. И были бессильны совершить безрассудство.

— Позиция, — говорит в микрофон Тайк. — Свет. Сеанс.

— Есть позиция, — отвечает мостик.

Гаснет свет в зале. На экране площадь. Площадь полна народу. Лишь дорожка из циновок, ведущая к храму, свободна. По сторонам ее стоят в два ряда солдаты. Ближе к храму толпа распадается на яркие пятна. В синих тогах стоят ари — лесные братья. В белых одеяниях — брамины. В оранжевых и желтых — истинные буддисты, последователи Шина Арахана. Пыль пробивается между плотно стоящими зрителями и окутывает сцену легкой дымкой.

Торжественная процессия спускается с веранды. Первым ступает на дорожку Шин Арахан, которого ведут под руки монахи. За ним под двенадцатью золотыми зонтами — царь Чанзитта. Затем министры, чиновники, послы Камбоджи, послы Аракана, послы Цейлона...

Техники дают максимальное увеличение, и потому кажется, что рама экрана сдвигается внутрь, храм растет и мы следуем за царем к храму, чудесному и зловещему сегодня. Никто, даже я, старый дурак, не знает, что может произойти. Мы ждем.

Мы ждем, пока царь преодолеет расстояние до храма. Я смотрю на часы. Осталось десять минут до конца сеанса. Пусть, думаю я трусливо, то, что будет, будет потом, когда мы уйдем отсюда. И тут же я понимаю, чего боюсь, в чем не смею признаться даже себе самому и чего никто не может знать.

Есть легенда. Ее повторяют многие хроники. И ей верят многие ученые. В день освящения храма у подножия его выкапывалась яма, в которой погребали самую прекрасную девушку в царстве.

И я вижу, как царь и вся процессия останавливаются у свежевырытой ямы. У могилы. И я говорю:

— Да.

— Что? — спросил Тайк. — Что будет?

— Я могу ошибаться.

— Что будет, профессор?

И я говорю им о легенде. И не успеваю досказать ее, как толпа расступается и монахи в желтых тогах подводят обнаженную до пояса, заплаканную, прекрасную, как никогда, нашу девушку. Я смотрю на часы. Осталось четыре минуты сеанса. Скорей бы он кончился. Мы ничего уже не изменим. Тайк мешает мне смотреть. Он стоит перед самым экраном, словно пытается навсегда запомнить эту минуту, будто собирается запомнить лица монахов, ведущих девушку, и отомстить им, будто хочет запомнить лицо палача, здорового темнолицего человека с ножом в руке, который выходит навстречу девушке и ждет, полуобернувшись к Шину Арахану, ждет сигнала.

— Тайк, отойди, — говорит кто-то за моей спиной.

Тайк не слышит. Шин Арахан наклоняет голову.

Мы так близки к людям перед храмом, что, кажется, слышим их дыхание и оборвавшийся стон девушки, которая как зачарованная смотрит на блестящий нож. Сейчас она вскрикнет...

— Ай! — раздался крик.

Мы оборачиваемся. Все. В дверях стоит Сильвия. Она опоздала. Она, наверное, и не хотела приходить, но не выдержала одиночества. Сильвия зажимает рот рукой и смотрит на экран. Мы тоже смотрим туда. Но поздно. Мы упустили момент.

Мы упустили момент, в который Тайк приблизился к экрану вплотную и вошел в него.

Тайка нет в зале.

Тайк в Пагане. Невероятным, необъяснимым образом он оказался в тысяче лет и миллиардах километров от нас, в толпе монахов, вельмож, солдат, синих ари и белых браминов.

Распахнутые в криках рты... Рука палача, замершая в воздухе... Монахи, падающие ниц... Тайк уже рядом с девушкой. Он отталкивает растерянного палача, подхватывает ее на руки, и девушка, видно в обмороке, обвисает на его руках.

На мгновение Тайк замирает.

Живы лишь глаза. Зрачки мечутся, разыскивая путь к спасению. Он понял уже, что не вернется к нам, что он один в далеком прошлом.

Таким я его и запомнил: высокий, широкоплечий смуглый юноша в серебряном, в обтяжку, комбинезоне и мягких красных башмаках до щиколоток. На груди золотая спираль — знак Службы Времени. Он стоит, широко расставив ноги, и девушка на его руках кажется невесомой.

Кадр неподвижен. Лишь пыль медленно плывет в горячем воздухе.

И тут же неподвижность взрывается стремительным движением.

Тайк бежит по циновкам к нам навстречу, но перед ним нет экрана. Перед ним пыльная площадь, а за ней обрыв к Иравади. Тайк исчезает под нижним срезом экрана, и опомнившиеся солдаты, монахи, чиновники бросаются вслед за ним... Экран тускнеет, идет черными полосами и гаснет.

Вот и все. Больше мы не видели Тайка. Может, они разбились, прыгнув с обрыва. Может быть, их догнали и убили. Или ее убили, а его отдали в рабство. Может быть, им удалось убежать и скрыться в чинских холмах. Может быть...

Мы больше не смогли толком поймать Паган. Что-то разладилось в системе связи, и понадобится несколько месяцев работы, прежде чем она восстановится.

Мы с Сильвией улетели с первым кораблем. Физики остались. Они спорят и будут спорить о причинах необычного явления, которое они пытаются объяснить с помощью формул. Я в этом не разбираюсь, я старый историк, приверженец консервативных методов исследования.

На столе у меня стоит фотография девушки с глазами, как горные озера.

Я ВАС ПЕРВЫМ ОБНАРУЖИЛ!

Джерасси не спится по утрам. В шесть, пока прохладно, он включает динамик и спрашивает Марту:

— Ты готова?

Мы все слышим его пронзительный голос, от которого не спрячешься под одеяло, не закроешься подушкой. Голос неизбежен, как судьба.

— Марта, — продолжает Джерасси. — Я верю, что сегодня мы найдем что-то крайне любопытное. Ты как думаешь, Марта?

Марте тоже хочется спать. Марта тоже ненавидит Джерасси. Она говорит ему об этом. Джерасси хохочет, и динамик усиливает его хохот. Капитан подключается к внутренней сети и говорит укоризненно:

— Джерасси, до подъема еще полчаса. Кстати, я только что сменился с вахты.

— Прости, капитан, — говорит Джерасси. — Сейчас мы быстренько соберемся, уйдем на объект, и ты спокойно выспишься. Утренние часы втрое продуктивнее дневных. Надо спешить. Не так ли?

Капитан не отвечает. Я сбрасываю одеяло и сажусь. Ноги касаются пола. Ковер в этом месте чуть протерся. Сколько раз я наступал на него по утрам? Приходится вставать. Джерасси прав — утренние часы лучше.

После завтрака мы выходим из «Спартака» через грузовой люк. По пандусу, исцарапанному грузовыми тележками. За ночь на пандус намело бурого песку, принесло сухих веток. Мы без скафандров. До полудня, пока не разгуляется жара, достаточно маски и легкого баллона за спиной.

Безнадежно бурая, чуть холмистая долина тянется до близкого горизонта. Пыль висит над ней. Она забирается повсюду: в складки одежды, в башмаки, даже под маску. Но пыль все-таки лучше грязи. Если налетит серая туча, выплеснется на долину коротким бурным ливнем, придется бросать работу и ползти по слизи до корабля, пережидать, пока просохнет. После ливня бессильны даже вездеходы.

Один из них ждет нас у пандуса. Можно дойти до раскопок пешком, десять минут, но лучше эти минуты потратить на работу. Нам скоро улетать — продовольствия и других запасов осталось только-только на обратный путь. Мы и так задержались. Мы и так уже шесть лет в поиске. И почти пять лет займет обратный путь.

Захир возится у второго вездехода. Геологи собираются на разведку. Мы прощаемся с Захиром и занимаем места в машине. Места в ней так же привычны, как и места за столом, как места в зале отдыха, как места по аварийному расписанию. Я вешаю аппаратуру на крючок справа. Месяц назад мы попали в яму, и я разбил об этот крючок плечо. Тогда я обмотал его мягкой лентой. Вешаю на него сумку с аппаратурой не глядя. Моя рука знает место с точностью до миллиметра.

Джерасси протягивает длинные ноги через проход и закрывает глаза. Удивительно, что человек, который так любит спать, может просыпаться раньше всех и будить нас отвратительным голосом.

— Джерасси, — говорю я. — У тебя отвратительный голос.

— Знаю, — отвечает Джерасси, не открывая глаз. — У меня с детства пронзительный голос. Но Веронике он нравился.

Вероника, его жена, умерла в прошлом году. Занималась культурой вируса, найденного нами на заблудившемся астероиде.

Вездеход съезжает в ложбину, огороженную пластиковыми щитами, чтобы раскоп не засыпало пылью. Я вылезаю на землю третьим. Вслед за Мартой и Долинским. Щиты мало помогают — пыли за ночь намело по колено. Джерасси уже тащит хобот пылесоса, забрасывает его в раскоп, и тот, будто живой, принимается ползать по земле, пожирая пыль.

Вести здесь археологические работы — безумие. Пылевые бури способны за три дня засыпать небоскреб, следа не останется. А за следующие три дня они могут вырыть вокруг него стометровую яму. Бури приносят также сажу и частицы древесного угля с бесконечных лесных пожаров, что бушуют за болотами, — в результате мы не смогли пока датировать ни единого камня.

Мы так и не знаем, кто и когда построил это поселение, кто жил в нем. Мы не знаем, что случилось с обитателями этой планеты, куда они делись, отчего вымерли. Но все, что мы сможем, — сделаем. И мы ждем, пока пылесос кончит возню в раскопе и мы спустимся туда, вооружимся скребками и кисточками и будем пялить глаза в поисках кости, обломка горшка, шестеренки или, на худой конец, какой-нибудь органики.

— Они основательно строили, — говорит Джерасси. — Видно, бури и тогда им мешали жить.

В раскопе вчера обнаружилась скальная порода — фундамент здания или зданий, которые мы копали, врезался в скалу.

— Они очень давно ушли отсюда, — сказала Марта. — И если переворошить пустыню, мы найдем и другие строения. Или их следы.

— Надо было бы получше проверить горы за болотом, — говорю я. — Здесь мы ничего так и не найдем. Поверьте мне.

— Но мачта, — возразил Джерасси.

— И пирамидка, — добавила Марта.

Мачту мы увидели еще на первом облете. Ее унесло очередной бурей раньше, чем мы сюда добрались, и схоронило в недрах пустыни. Пирамидку мы откопали. Если бы ее не было, мы не стали бы третью неделю подряд барахтаться в раскопе. Пирамидка стояла перед нами гладкая, влившаяся в скалу и будто вытесанная из скалы. Ее мы возьмем с собой. Остальные находки — каменная крошка и рубцы на скале. Ни надписей, ни металла...

— В горах за болотом жить было нельзя. Воды даже в лучшие времена не было. И вообще это одно из немногих мест...

Джерасси опять прав. Бездонные болота, по которым плавают, сплетя корни, кущи деревьев, горы, придуманные словно нарочно такими, что к ним не подберешься. И океан — беспредельный океан. И в нем лишь бури и простейшие организмы. Жизнь куда-то ушла отсюда, может, погибла — и вот понемногу начинается вновь, с простейших.

Мы спускаемся в раскоп.

Рядом со мной Долинский.

— Пора домой, — говорит он, расчищая угол квадратного углубления в скале. — Тебе хочется?

— Конечно, — говорю я.

— А я не знаю. Кому мы там нужны? Кто нас ждет?

— Ты знал, на что идешь, — отвечаю я.

Что-то блестит в щели.

— И знал, и знаю. Когда мы улетали, то были героями. А что может быть печальнее, чем образ забытого героя? Он ходит по улицам и намекает: вы меня случайно не помните? Совершенно случайно не помним.

— Мне легче, — говорю я. — Я никогда не был героем.

— Ты не представляешь, насколько изменился мир, в который мы вернемся спустя двести лет. Если мир еще существует.

— Смотри, по-моему, металл, — говорю я.

Мне надоели разговоры Долинского. Он сдал. Мы все сдали, мы все жили эти годы целью пути. Планетной системой, которую никто до нас не видел, звездными течениями, метеоритными потоками, тайной великого открытия. И все это материализовалось миллиона-

ми символов, сухих цифр и спряталось в недрах Мозга корабля, в складах, на лабораторных столах... Последний год мы метались по системе, высаживаясь на астероидах и мертвых планетах, тормозя, набирая скорость, понимая, что приближается время возвращения, что елка уже убрана игрушками, праздник в полном разгаре и скоро он закончится. Только праздник, как и случается обычно с ними, оказался куда скромнее, чем ожидалось. Мы достигли цели, мы выполнили то, что должны были выполнить, но, к сожалению, не более. Мозг корабля наполнялся информацией, но мечты наши, взлелеянные за долгие годы пути, не оправдались...

К последней планете мы подлетели, когда в резерве оставался месяц. Через месяц мы должны были стартовать к Земле. Иначе мы не вернемся на Землю. Нас было восемнадцать, когда мы стартовали с Земли. Нас осталось двенадцать. И только на последней планете, мало приспособленной для человека (остальные были вовсе не приспособлены), мы нашли следы деятельности разумных существ. И в промежутках между пыльными бурями мы вгрызались в скалы, рылись в песке и пыли, мы хотели узнать все, что можно узнать об этой разумной жизни. Через два дня старт. И почти пять лет возвращения, пять лет обратного пути...

Тяжелый шарик, размером с лесной орех, лежал у меня на ладони. Он не окислился. Он был очевиден, как песок, скалы и туча, нависшая над нами.

— Джерасси! — крикнул я. — Шарик.

— Что? — *Поднимающийся ветер относил слова в сторону.* — Какой шарик?

Заряд пыли обрушился на нас сверху.

— Переждем? — спросила Марта, подхватив шарик. — Тяжелый...

— К вездеходу, — сказал по рации капитан. — Большая буря.

— Может, мы ее переждем здесь? — спросил Долинский. — Мы только что нашли шарик. Металлический.

— Нет, к вездеходу. Большая буря.

— Погоди, — засомневался Джерасси. — Если в самом деле большая буря, то лучше нам забрать пирамидку. Ее может так засыпать, что за завтрашний день не раскопаем. И придется улетать с почти пустыми руками.

— Не раскопаем — оставим здесь, — сказал капитан. — Она снята нами, обмерена... А то вас самих засыплет. Раскапывай тогда...

Долинский засмеялся.

— Зато мы будем держаться за находки. Нас не унесет.

Новый заряд пыли обрушился на нас. Пыль оседала медленно, крутилась вокруг нас, как стая назойливой мошкары.

Джерасси предложил:

— Взялись за пирамидку?

Мы согласились.

— Долинский, подгони сюда вездеход. Там все готово.

Там и в самом деле было все готово. Вездеход был снабжен подъемником.

— Приказываю немедленно вернуться на корабль, — сказал капитан.

— А где геологи? — спросил Джерасси.

— Уже возвращаются.

— Но мы не можем оставить здесь эту пирамидку.

— Завтра вернетесь.

— Буря обычно продолжается два-три дня.

Говоря так, Джерасси накинул на пирамидку петлю троса. Я взялся за резак, чтобы отпилить лучом основание пирамидки. Резак зажужжал, камень покраснел, затрещал, борясь с лучом, сопротивляясь ему.

Туча — такой темной я еще не видел — нависла прямо над нами, и стало темно, пыль залетала облаками, ветер толкал, норовил утянуть вверх, закрутить в смерче. Я оттолкнул Марту, которая принялась было помогать мне, крикнул ей, чтобы пряталась в вездеходе. Краем глаза я старался следить за ней — послушалась ли. Ветер налетел сзади, чуть не повалил меня, резак дернулся в руке и прочертил по боку пирамидки алую царапину.

— Держись! — крикнул Джерасси. — Немного осталось!

Пирамидка не поддавалась. Успела ли Марта спрятаться в вездеход? Там, наверху, скорость ветра несусветная. Трос натянулся. По рации что-то сердитое кричал капитан.

— Может, оставим в самом деле?

Джерасси стоял рядом, прижавшись спиной к стенке раскопа. Глаза у него были отчаянные.

— Дай резак!

— Сам!

Пирамидка неожиданно вскрикнула, как вскрикивает срубленное дерево, отрываясь от пня, и маятником взвилась в воздух. Маятник метнулся к противоположной стенке раскопа, разметал пластиковые щиты и полетел к нам, чтобы размозжить нас в лепешку. Мы еле успели отпрыгнуть. Пирамидка врезалась в стену, взвилось облако пыли, и я потерял из виду Джерасси — мной руководил примитивный инстинкт самосохранения. Я должен был любой ценой выскочить из ловушки, из ямы, в которой бесчинствовал, метался маятник, круша все, стараясь вырваться из объятий троса.

Ветер подхватил меня и понес, словно сухой лист, по песку, и я старался уцепиться за песок, а песок ускользал между пальцев; я даже успел подумать, что чем-то похож на корабль, несущийся на скалы, якоря которого лишь чиркают по дну и никак не могут вонзиться в грунт. Я боялся потерять сознание от толчков и ударов, мне казалось,

что тогда я стану еще беззащитнее, тогда меня будет нести до самых болот и никто никогда меня не отыщет.

Меня спасла скала, обломком вылезавшая из песка. Ветер приподнял меня, оторвал от земли, словно хотел забросить в облака, и тут эта скала встала на пути, подставила острый край, и я все-таки потерял сознание.

Наверное, я быстро пришел в себя. Было темно и тихо. Песок, схоронивший меня, сдавливал грудь, сжимал ноги, и стало страшно. Я был заживо погребен.

«Теперь спокойно, — приказал я себе. — Теперь спокойно».

— «Спартак», — произнес я вслух. — «Спартак».

Рация молчала. Рация была разбита.

— Что же, мне повезло, — сказал я.

Могло разбить маску, и я бы задохнулся. Пошевелим пальцами. Это мне удалось сделать. Прошла минута, две, вечность, и я убедился, что могу двинуть правой рукой. Еще через вечность я нащупал ею край скалы.

И когда я понял, что все-таки выберусь на поверхность, когда ушла, пропала паника первых мгновений, вернулось все остальное.

Во-первых, боль. Меня основательно избило в бурю, в довершение ударило о скалу так, что не только больно дотронуться до бока, но и дышать больно. Наверное, сломано ребро. Или два ребра.

Во-вторых, воздух. Я взглянул на аэрометр. Воздуха оставалось на час. Значит, с начала бури прошло три часа. И почему я не взял в вездеходе запасной баллон? Их там штук пятьдесят, резервных. И каждый на шесть часов. Положено иметь при себе как минимум два. Но лишний баллончик мешает работать в раскопе, и мы оставляли их в вездеходе.

В-третьих, как далеко я от корабля?

В-четвертых, стихла ли буря?

В-пятых, добрались ли до корабля остальные? И если добрались, догадались ли, в какую сторону унесло меня, где искать?

Рука схватилась за пустоту. Я вылезал, как крот из норы, и ветер (ответ на четвертый вопрос отрицательный) пытался затолкнуть меня обратно в нору. Я присел под скалу, переводя дыхание. Скала была единственным надежным местом в этом аду. Корабля не было видно. Даже если он стоял совсем близко. В пыли ничего не разглядишь и за пять метров. Ветер был не так яростен, как в начале бури. Хотя, может быть, я себя обманывал. Я ждал, пока очередной порыв ветра разгонит пыль, прижмет к земле. Тогда осмотрюсь. Мне очень хотелось верить в то, что ветер прижмет пыль и тогда я увижу «Спартак».

В какую сторону смотреть? В какую сторону идти? Очевидно, так, чтобы скала оставалась за спиной. Ведь именно она остановила мой беспорядочный полет.

Я не дождался, пока ветер прижмет пыль. Я пошел навстречу буре. Воздуха оставалось на сорок четыре минуты (плюс-минус минута).

Потом его осталось на тридцать минут. Потом я упал, меня откатило ветром назад, и я потерял на этом еще пять минут. Потом осталось пятнадцать минут. А потом я перестал смотреть на указатель.

Неожиданная передышка случилась уже тогда, когда, по моим расчетам, воздуха не оставалось вовсе. Я брел сквозь медленно опускающуюся пыль и старался не обращать внимания на боль в боку, потому что это уже не играло никакой роли. Я старался дышать ровно, но дыхание срывалось, и мне все время чудилось, что воздух уже кончился.

Он кончился, когда в оседающей пыли, далеко, на краю света, я увидел корабль. Я побежал к нему. И воздух кончился. Задыхаясь, я сорвал маску, хоть это не могло спасти меня, легкие обожгло горькой пылью и аммиаком...

Локатор увидел меня за несколько минут до этого.

Я пришел в себя в госпитале, маленьком белом госпитале на две койки, в котором каждый из нас побывал не раз за эти годы. Залечивая раны, простуды или отлеживаясь в карантине. Я пришел в себя в госпитале и сразу понял, что корабль готовится к старту.

— Молодец, — сказал мне доктор Грот. — Молодец. Ты отлично с этим справился.

— Мы стартуем? — спросил я.

— Да, — кивнул доктор. — Тебе придется лечь в амортизатор. Твоим костям противопоказаны перегрузки. Три ребра сломал, и порвана плевра.

— Как остальные? — спросил я. — Как Марта? Джерасси? Долинский?

— Марта в порядке. Она успела забраться в вездеход. Тебя послушалась.

— Ты хочешь сказать...

— Джерасси погиб. Его нашли после бури. И представляешь, в тридцати шагах от раскопа. Его швырнуло на вездеход и разбило маску. Мы думали, что ты тоже погиб.

И больше я ни о чем не спрашивал. Доктор ушел готовить мне амортизатор. А я лежал и снова по секундам переживал свои действия там, в раскопе, и думал: вот в этот момент я еще мог спасти Джерасси... И в этот момент тоже... И тут я должен был сказать: к черту пирамидку, капитан приказал возвращаться, и мы возвращаемся...

На третий день после старта «Спартак» набрал крейсерскую скорость и пошел к Земле. Перегрузки уменьшились, и я, выпущенный из амортизатора, доковылял до кают-компании.

— Я поменялся с тобой очередью на сон, — сообщил мне Долинский. — Доктор говорит, тебе лучше с месяц пободрствовать.

— Знаю, — сказал я.

— Ты не возражаешь?

— Чего возражать? Через год увидимся.

— Я вам кричал, — продолжал Долинский, — чтобы вы бросили эту пирамидку и бежали к вездеходу.

— Мы не слышали. Впрочем, это не играло роли. Мы думали, что успеем.

— Я отдал шарик на анализ.

— Какой шарик?

— Ты его нашел. И передал мне, когда я пошел к вездеходу.

— А... Я совсем забыл. А где пирамидка?

— В грузовом отсеке. Она треснула. Ею занимаются Марта и Рано.

— Значит, моя вахта с капитаном?

— С капитаном, Мартой и Гротом. Нас теперь мало осталось.

— Лишняя вахта.

— Да, лишний год для каждого.

Вошел Грот. Доктор держал в руке листок.

— Чепуха получается, — сообщил он. — Шарик совсем молодой. Добрый день; Долинский. Так я говорю, шарик слишком молод. Ему только двадцать лет.

— Нет, — возразил Долинский. — Мы же столько дней просидели в раскопе! Он древний как мир. И шарик тоже.

Капитан стоял в дверях кают-компании и слушал наш разговор.

— Вы не могли ошибиться, Грот? — спросил он.

— Мне бы сейчас самое время обидеться, — проворчал доктор. — Мы с Мозгом четыре раза повторили анализ. Я сам сначала не поверил.

— Может, его Джерасси обронил? — спросил капитан, обернувшись ко мне.

— Долинский видел — я его выскоблил из породы.

— Тогда еще один вариант остается.

— Он маловероятен.

— Почему?

— Не могло же за двадцать лет все так разрушиться.

— На этой планете могло. Вспомни, как тебя несло бурей. И ядовитые пары в атмосфере.

— Значит, вы считаете, что нас кто-то опередил?

— Да. Я так думаю.

Капитан оказался прав. На следующий день, распилив пирамидку, Марта нашла в ней капсулу. Когда она положила ее на стол в лаборатории и мы столпились за ее спиной, Грот сказал:

— Жаль, что мы опоздали. Всего на двадцать лет. Сколько поколений на Земле мечтало о Контакте! А мы опоздали.

— Несерьезно, Грот, — возразил капитан. — Контакт есть. Вот он, здесь, перед нами. Мы все равно встретились с ними.

— Многое зависит от того, что в этом цилиндре.

— Надеюсь, не вирусы? — забеспокоился Долинский.

— Мы его вскроем в камере. Манипуляторами.

— А может, оставим до Земли?

— Терпеть пять лет? Нет уж, — сказала Рано.

И все мы знали, что любопытство сильнее нас, — мы не будем ждать до Земли. Мы раскроем капсулу сейчас.

— Все-таки Джерасси не зря погиб, — сказала тихо Марта. Так, чтобы только я услышал.

Я кивнул, взял ее за руку. У Марты были холодные пальцы...

Щупальца манипулятора положили на стол половинки цилиндра и вытащили свернутый листок. Листок упруго развернулся. Через стекло всем нам было видно, что на нем написано.

«Галактический корабль «Сатурн». Позывные 36/14.

Вылет с Земли — 12 марта 2167 г.

Посадка на планете — 6 мая 2167 г.».

Дальше шел текст, и никто из нас не прочел текста. Мы не смогли прочесть текста. Мы снова и снова перечитывали первые строчки. «Вылет с Земли — 12 марта 2167 г.» — двадцать лет назад. «Посадка на планете — 6 мая 2167 г.» — тоже двадцать лет назад.

— Вылет с Земли... Посадка... В тот же год.

И каждый из нас, как бы крепки ни были у него нервы, как бы рассудителен и разумен он ни был, пережил в этот момент свою неповторимую трагедию. Трагедию ненужности дела, которому посвящена жизнь, нелепости жертвы, которая никому не потребовалась.

Сто лет назад по земному исчислению наш корабль ушел в Глубокий космос. Сто лет назад мы покинули Землю, уверенные в том, что никогда не увидим никого из наших друзей и родных. Мы уходили в добровольную ссылку, длиннее которой еще не было на Земле. Мы знали, что Земля отлично обойдется и без нас, но мы верили, что жертвы наши нужны ей, потому что кто-то должен был воспользоваться знаниями и умением уйти в Глубокий космос, к мирам, которые можно было достигнуть, только пойдя на эти жертвы. Космический вихрь унес нас с курса, год за годом мы стремились к цели, мы теряли наши годы и отсчитывали десятки лет, прошедшие на Земле.

— Значит, они научились прыгать через пространство, — произнес наконец капитан.

И я заметил, что он сказал «они», а не «мы», хотя всегда, говоря о Земле, употреблял слово «мы».

— Это хорошо, — сказал он. — Это просто отлично. И они побывали здесь. До нас.

Остальное он не сказал. Остальное мы договорили каждый про себя. Они побывали здесь до нас. И отлично обошлись без нас. И через четыре с половиной наших года, через сто земных, мы опустимся на космодром (если не погибнем в пути), и удивленный диспетчер будет говорить своему напарнику: «Погляди, откуда взялся этот

бронтозавр? Он даже не знает, как надо приземляться. Он нам все оранжереи вокруг Земли разрушит, он расколет зеркало обсерватории! Вели кому-нибудь подхватить этого одра и отвести подальше, на свалку к Плутону...»

Мы разошлись по каютам, и никто не вышел к ужину. Вечером ко мне заглянул доктор. Он выглядел очень усталым.

— Не знаю, — сказал он, — как теперь доберемся до дому. Пропал стимул.

— Доберемся, — ответил я. — В конце концов доберемся. Трудно будет.

— Внимание всех членов экипажа! — раздалось по динамику внутренней связи. — Внимание всех членов экипажа!

Говорил капитан. Голос его был хриплым и чуть неуверенным, словно он не знал, что сказать дальше.

— Что еще могло случиться? — Доктор был готов к новой беде.

— Внимание! Включаю рацию дальней связи! Идет сообщение по галактическому каналу.

Канал молчал уже много лет. И должен был молчать, потому что нас отделяло от населенных планет расстояние, на котором бессмысленно поддерживать связь.

Я посмотрел на доктора. Он закрыл глаза и откинул назад голову, будто признал, что происходящее сейчас — сон, не более как сон, но просыпаться нельзя, иначе разрушишь надежду на приснившееся чудо.

Был шорох, гудение невидимых струн. И очень молодой, чертовски молодой и взволнованный голос закричал, прорываясь к нам сквозь миллионы километров:

— «Спартак», «Спартак», вы меня слышите? «Спартак», я вас первым обнаружил! «Спартак», начинайте торможение. Мы с вами на встречных курсах. «Спартак», я — патрульный корабль «Олимпия», я — патрульный корабль «Олимпия». Дежурю в вашем секторе. Мы вас разыскиваем двадцать лет! Меня зовут Артур Шено. Запомните, Артур Шено. Я вас первым обнаружил! Мне удивительно повезло. Я вас первым обнаружил!.. — Голос сорвался на высокой ноте, Артур Шено закашлялся, и я вдруг четко увидел, как он наклонился вперед, к микрофону, в тесной рубке патрульного корабля, как он не смеет оторвать глаз от белой точки на экране локатора. — Извините, — продолжал Шено. — Вы меня слышите? Вы себе представить не можете, сколько у меня для вас подарков. Полный грузовой отсек. Свежие огурцы для Долинского. Долинский, вы меня слышите? Джерасси, Вероника, римляне шлют вам торт с цукатами. Вы же любите торт с цукатами...

Потом наступила долгая тишина.

— Начинаем торможение! — нарушил ее капитан.

ТАКАН ДЛЯ ДЕТЕЙ ЗЕМЛИ

Такана поймали на границе Большого Плоскогорья, там, где серые непроходимые джунгли уступают место редким кущам сиреневых деревьев, источающих едкий запах камфары и эфира. У сиреневых деревьев ядовитые длинные иглы, и, если неосторожный путник остановится переночевать в куще, он никогда больше не проснется. Туда, на Плоскогорье, не добираются влажные серые туманы, и покрытые снегом вершины Облачного хребта видны в любую погоду.

Такана поймали канские охотники и принесли в деревушку у водопада, привязав за ноги к гибким слегам. Он еще не умел летать. Такана не добили, потому что зимней ночью в деревню приезжал начальник поста в Дарке и сказал, что за живого такана можно получить много денег.

Рана на плече такана быстро затянулась, но он не убежал в горы. Ему не было еще и года, он пасся за деревней с длинноногами и вечером возвращался в загон. Дочка старосты подкармливала его солью и смотрела, чтобы длинноноги его не обидели. Староста запряг прыгающего червя и отправился в Дарк. Там он сказал, что охотники поймали такана и ждут теперь больших денег. Начальник поста послал сообщение об этом в столицу, так я об этом узнал. Староста уехал обратно, проиграв на базаре все деньги, что взял с собой на покупку одежды, и перед отъездом поклялся духами гор, что с таканом ничего не случится.

Это был первый такан, которого поймали живым. Лет десять назад ботаник Гуляев, путешествуя по Большому Плоскогорью, увидел в пещерном храме секты Синего Солнца шкуру неизвестного зверя. Шкура была старой, потертой, густая золотистая шерсть кое-где вылезла. На шкуре восседал глава секты. Гуляева интересовала орхидея Окса, невзрачное на вид растение с белыми пятилепестковыми цветами, корни которого содержат паулин. Паулин позволяет не спать до месяца без вредных побочных эффектов. Секта Синего Солнца была известна своими многодневными радениями, и в Дарке Гуляеву посоветовали поговорить с ее главой. Глава секты сделал вид, что ничего не знает об орхидее, но зато рассказал ботанику, что зверь, шкура которого понравилась гостю с Земли, водится высоко в горах и его нельзя поймать живым. Зверь называется таканом, и его охраняют злые духи гор. Потом глава секты сказал что-то послушнику, и тот принес прозрачную тонкую пластину и сказал, что это кусок крыла такана. Таканы летают с наступлением тепла, а осенью сбрасывают крылья. Гуляев забыл об орхидее и предложил высокую цену за шкуру и кусок крыла. Но глава секты не расстался с ними, хотя и разрешил сфотографировать.

Я видел фотографию шкуры и крыла еще на Земле. Гуляев принес ее в зоопарк. Фотография была объемной, послушник держал про-

зрачную пленку, в ней отражалось солнце, и моя дочь Алиса сказала: «Они, наверное, стекла для окон из этого делают».

Я собрал на Зие хорошую коллекцию, больше всего в ней было прыгающих червей, и в музее меня уверяли, что они отлично акклиматизируются на Земле, что они незаменимы как вьючный транспорт. Но у меня было какое-то предубеждение против езды на червяках, и я опасался, что мои соотечественники его разделят. Я разузнал о такане все, что мог. То есть немного. Его и в самом деле не было ни в одной из коллекций планеты, и многие зоологи считали его легендой. Мне помогли разослать в горные области обещания щедрой награды за поимку такана. И через два месяца пришло известие, что молодой такан пойман. Это было исключительным везением.

До деревни меня проводил начальник поста в Дарке. Староста вышел встретить нас к изгороди. Его четыре руки были украшены каменными браслетами. За ним шли охотники с короткими копьями.

Такан за месяц подрос и догнал своих сверстников длинноногов. Он узнал старосту и подошел, когда староста его позвал. Приподняв голову, он глядел на нас большими золотистыми глазами. Он был очень мил, и мне даже стало жалко, что на Зие не знают той сказки. Оказывается, она все-таки существует в шестнадцати парсеках от Земли.

Я протянул руку, чтобы погладить такана, и староста сказал:

— Он добрый.

Старосте очень хотелось, чтобы такан мне понравился.

Мы остались ночевать в деревне. Ночью мне стало трудно дышать, и я проснулся. Я добрался до чемодана и достал кислородную маску. Пока я возился с ней, сон прошел, и я вышел на улицу. Улица упиралась в загон для скота, и я увидел такана. Он тоже не спал. Он стоял, прислонившись к ограде, и глядел на синие рассветные горы. Его шерсть чуть светилась. Он услышал мои шаги и повернул голову. Я остановился, пораженный уверенностью, что такан сейчас заговорит. Но он молчал. Мне вдруг стало стыдно, что я лишил его гор, что я собираюсь посадить его в тесный корабль и увезти на Землю. Но я постарался отогнать от себя эту мысль. Ведь звери живут в зоопарках дольше, чем на свободе.

— Спи, — сказал я ему. — Нам предстоит долгий путь. Тебя ждут.

Такан вздохнул и переступил с ноги на ногу.

Мы заплатили старосте тысячу. Это было ровно столько, сколько он запросил. Еще четыре тысячи пришлось отдать даркскому начальству. Староста жалел, что запросил мало. Он сказал «тысяча», потому что не надеялся, что найдутся существа, способные заплатить такие деньги за такана.

Мы не могли в тот же день отвезти такана в Дарк. Вездеход был мал. Тогда все уехали, а я остался в деревне ждать большую машину. У меня была кинокамера, и я целый день снимал такана, мальчишек, которые не отставали от меня ни на шаг, и старика Сопу. У старика

было на две руки больше, чем у других охотников этого племени, и он напоминал шестирукого Шиву. Старик сидел у дверей хижины и равнодушно щурился в объектив. Я был рад, что задержался в этих местах. Над деревней висели сизые горы, под сосной на площади стоял измазанный жиром деревянный идол. Одно крыло у него треснуло и было подвязано грязной веревкой.

Я быстро уставал, но кислородом почти не пользовался. Ночью меня мучил сон — такан ушел в горы, и я лезу за ним сквозь ядовитые колючки к снежному перевалу и никак не могу его догнать. Только болят глаза от сияния его шкуры. Потом такан взлетает к облакам, и его стрекозиные крылья кажутся издали голубоватой дымкой.

Охотники взяли меня с собой в лес искать змей. Лес был по-осеннему пустым и тихим. Дождей уже не было несколько недель. Под ногами шуршала сухая трава. Я набрал букет мелких розовых цветов. Цветы пахли гнилью, и лепестки их были влажными на ощупь. Мне хотелось засушить цветы на память, но они к вечеру растаяли.

Через два дня приехала большая машина с клеткой. За полчаса до того, как она появилась на площади, слышно было, как тяжело дышал ее мотор, осиливая подъем. Мне хотелось остаться в деревне, и я лелеял надежду, что мотор сломается. Мне хотелось каждое утро видеть сизые горы. Но я пошел к такану, чтобы осмотреть его перед отъездом. Дочка старосты, которая не любила меня за то, что я хотел увезти такана, помахала нам, когда машина сворачивала за последний дом. Клетка покачивалась на поворотах, и такан быстро переступал с ноги на ногу, чтобы не потерять равновесия.

В самолете такан стоял, положив мне на колени теплую голову, и глаза у него были печальными. Он шевелил губами, будто шептал мне что-то, а я успокаивал его и чесал крутой лоб.

В столичном порту самолет встречало неожиданно много народа. Здесь были высокопоставленные чиновники, инопланетчики и просто любопытные. Первым подошел к самолету директор зоопарка. Ему не терпелось увидеть такана. Он предпочел бы оставить такана у себя, но даркские власти продали его Земле, и правительство не возражало. Правительству хотелось, чтобы такан был подарком Земле. Никто не сомневался, что теперь, когда исчезли сомнения в его реальности, можно будет достать еще нескольких для себя.

Я свел такана по трапу на пластиковое покрытие аэродрома, и встречающие подходили и гладили его по теплому шелковистому боку. Такан терпеливо ждал, когда можно будет уйти в прохладу. В долине ему было душно, жарко, и бока его тяжело раздувались.

Такана поместили в кондиционированной комнате космослужб. Мы хотели, чтобы он акклиматизировался и окреп перед новым путешествием.

Такан тосковал. Он отказывался от незнакомой травы. Я каждый день надоедал химикам, которые искали пригодную пищу для пленника. По вечерам у комнаты толпились посетители. В столице стало

модным ездить к такану. Но я старался не пускать гостей. Такану надоели посетители. Я привязался к такану. Мне казалось, что ему тоже снятся сизые горы и далекие снежные тучи.

В столице было жарко. К утру таяли перистые облака и за окнами повисала мелкая серая пыль. Я приспособился работать в комнате такана. Там было прохладнее. Такан иногда поднимался с жухлой подстилки, подходил ко мне сзади и, стараясь не мешать, смотрел, как я печатаю на машинке.

Корабль с Земли запаздывал. Я слал панические депеши, сообщал о критическом положении ценных животных. Меня хорошо знали связисты на космостанции и думали, что у меня денег куры не клюют. Я складывал в карман квитанции и ждал субботнего визита в наше представительство, где потный, раздраженный бухгалтер отсчитывал валюту за содержание животных и зоолога, меня. Бухгалтер до смерти боялся прыгающих червяков и старался не выходить на улицу, все ждал, что один из них прыгнет на него. Я уговаривал его посмотреть на такана, но он не соглашался и уверял меня, что начисто забыл детские сказки.

Иногда по вечерам мы с таканом разговаривали. Вернее, разговаривал я, а такан соглашался. Или не соглашался.

— Слушай, — говорил я. — Мы должны делать людей счастливыми. Такая у нас задача. У нас с тобой.

Такан склонял голову набок. Он не верил мне. Ресницы его, длинные и прямые, как шпаги, скрещивались, если он прищуривался.

— Дети должны верить в сказки, — говорил я. — Они ждут тебя, потому что ты сказка. Ты олицетворяешь для них доброту и верность. Поедем со мной на Землю. Я прошу тебя.

— Хорошо, — сказал он однажды. У него прорезались крылья. Они чесались, и он исцарапал их остриями стены в комнате.

— Представляешь, — говорил я. — По всем каналам телевидения объявят, что ты прилетел. И все придут посмотреть на тебя.

Такан положил мне на колени тяжелую теплую голову.

— Тебе понравится наша трава. Она совсем такая же, как в горах.

Город душили жаркие туманы. Они мешали дышать. Ко мне пришел директор зоопарка. Он пил земной лимонад и долго рассказывал мне о трудностях работы, о болезнях хищных цветов и приплоде трехголовых змей. Я рассеянно слушал его и думал, что такана придется отдать в зоопарк. Временно.

Я послал еще две «молнии» на Землю. Из представительства позвонили, что пассажирский лайнер «Орион» изменил курс для того, чтобы забрать нас. Лайнер будет в столице минимум через две недели. Надо дождаться.

Пришло письмо от дочки старосты. Оно было написано грамотеем в Дарке, на базаре. Дочка старосты писала, что отец разделил сотню между охотниками, которые поймали такана, а девятьсот положил в банк в Дарке. Старик знал цену деньгам. Каждому охотнику пришлось по двадцатке. Они проиграли их на базаре. Еще дочка старосты писала, что охотники видели следы взрослых таканов, но они улетели.

Я ответил дочке старосты, что такан чувствует себя хорошо, а когда придет корабль с Земли, то ему будет лучше. Я просил ее не беспокоиться, потому что я всегда думаю о такане.

Мы перевели такана в зоопарк. Он совсем ослаб и с трудом доплелся до зеленой рощи посреди загона, где жили волосатые птицы. Птицам жара нипочем, они живут в горячих вулканических болотах. У входа в зоопарк директор повесил объявление, где говорилось, что единственный пойманный живьем такан перед отправкой на Землю доступен для обозрения.

В загоне росли деревья и было болотце с подогревом воды. В болотце возились в иле волосатые птицы, и иногда из воды выпрыгивала трехрукая рыба. Птицы дрались и верещали.

Посетители приходили в парк семьями, оставляли червяков у ворот. Они приносили с собой коврики и кастрюли. Посетители разглядывали золотистое пятно в тени деревьев, но больше интересовались волосатыми птицами, потому что на Земле и на Зие совсем разные сказки. И в их сказках главными героями были огненные змеи и волосатые птицы.

Директор зоопарка был доволен. Ему хотелось бы, чтобы такан остался в зоопарке навсегда. Он был патриотом зоопарка и неплохим зоологом.

Позавтракав на траве, посетители шли к поющим змеям, суетливым и немузыкальным. Змеи подражали людям, и посетители старались угадать, на что это похоже. И смеялись. Иногда мальчишки кидали в такана камешками, чтобы он поднялся и подошел к загородке. Они дразнили его длинноногом. Такан не вставал. Когда я приходил к нему, он вздыхал и старался приподнять крылья, почти невидимые в тени. Тогда у загородки собиралось очень много народа, ибо я был куда большей диковинкой, чем такан. Мальчишкам казалось, что я тоже экзотическое животное, потому что у меня только две руки и два глаза, но камешками в меня они не кидали.

Телефон в моем номере зазвонил в три часа ночи. Директор зоопарка, путаясь от волнения, сказал, что такан совсем плох. Я крикнул в трубку, что сейчас буду. Я включил настольную лампу и никак не мог попасть в рукава рубашки.

Такану стало плохо еще вечером, до закрытия зоопарка, но директор не позвонил мне, надеясь вылечить его сам. Он не хотел, чтобы я подумал, будто кто-то из сотрудников зоопарка виноват в болезни зверя.

Я долго бежал по ночным улицам, спотыкаясь о трещины в мостовых, скользя в лужах, распугивая ящериц и слепунов. У ворот меня встретил служитель, средний глаз его был закрыт — служителю хоте-

лось спать. Я не понял, что он говорит, и побежал в гору, мимо клеток с червяками и загонов, где, разбуженные моими шагами, возились черные тени.

Такан лежал в кабинете директора. Директор в белом халате сидел у стола, заставленного бутылками, ампулами, коробочками. Директор был смущен, но мне некогда было его утешать.

Глаза такана были затянуты белыми пленками, словно у птицы. Он редко, со всхлипом дышал, и порой по его шкуре пробегала дрожь. Тогда он мелко стучал по полу белыми копытцами.

Я подумал, что перед смертью такан видит сизые горы, но я не успею увезти его обратно.

Шерсть у меня под ладонью была такой же мягкой и теплой, как всегда, но я знал, что она остынет до рассвета. Я не мог пристрелить его, потому что он был моим другом.

Вдруг такан, будто захотев попрощаться со мной, открыл глаза. Но он смотрел мимо меня, на дверь. Там стояла дочка старосты.

— Я приехала, — сказала она. — Я поняла по письму, что такану плохо. Я привезла горную траву. Когда длинноноги болеют, они едят эту траву.

Девушка сняла с плеча мешок, от которого по комнате распространился тонкий аромат горных лугов и ветра.

Такан сказал ей что-то, и девушка достала из мешка охапку сизых, как горы, цветов...

Дочь старосты пришла проводить нас на космодром. За те два дня, что мы просидели с ней у больного такана, мы подружились, и она поверила мне, что такану стоит поехать на Землю.

Такан был еще слаб, но когда стюардесса «Ориона» увидела, как мы втроем выходим на поле, она взвизгнула от восторга, а я сказал такану:

— Вот видишь, я же тебе говорил.

— Я разбужу пассажиров, — предложила стюардесса. — Они обязательно должны удивиться. А он умеет летать?

— Будет летать, — сказал я. — Не надо будить пассажиров. Они еще успеют на него наглядеться.

Мы с таканом проследили, как идет погрузка нашего зверинца, а потом проследовали в каюту, где нас ждал капитан, который сказал, что это нарушение правил, но он не имеет ровным счетом ничего против.

Мы прилетели на Землю через три недели. За это время такан успел познакомиться с пассажирами, он гордился тем, что оказался в центре внимания. Крылья у него настолько отросли, что он мог летать по длинному коридору корабля и даже возил на спине одну десятилетнюю девочку.

У этой девочки оказалась нужная нам книга, и я прочел ее такану. Такан повторял за мной некоторые стихи и рассматривал картинки, удивляясь, до чего похож он на книжного героя.

Мы договорились, что появление такана на Земле будет обставлено как можно более театрально. Девочке мы сшили красные сапожки и красную рубашку с пояском. И полосатые штаны. Это оказалось нелегким делом. Три дня ушло на поиски материала, и если штаны и рубашку сшили потом стюардесса с матерью девочки, то сапоги пришлось тачать мне самому. Я исколол до ногтей пальцы и перевел несколько метров красного пластика.

Такан попросил, чтобы девочку одели, и остался доволен результатом.

Последнюю ночь перед приземлением он не спал и нервно постукивал копытом о переборку.

— Не беспокойся, — говорил я ему. — Спи. Завтра будет трудный день.

Когда «Орион» приземлился и телевизионные камеры подъехали поближе, такан подошел к люку и сказал девочке:

— Держись покрепче.

— Я знаю, — сказала девочка.

Капитан приказал открыть люк. Зажужжали камеры, и все, кто собрался на громадном поле, смотрели на черное отверстие люка.

Я никак не мог подумать, что весть о нашем прилете вызовет такое волнение на Земле. Десятки тысяч человек съехались к космодрому, и телеспутники, встретившие нас на внешней орбите и проводившие почетным эскортом до поля, кружили рядом, словно толстые жуки.

Такан легко прыгнул вперед, взлетел над полем и медленно поплыл к широко открытым глазам телевизионных камер. Крылья его, тонкие и прозрачные, были не видны. Казалось, что всадника прикрывает легкое марево. Девочка подняла приветственно руку, и миллионы детей закричали:

— Лети к нам, конек-горбунок!

Конек-горбунок позировал перед камерами. Он несся к ним, тормозил неподалеку, поводил длинными ушами и снова взмывал к облакам. Девочка крепко держалась за гриву и пришпоривала конька-горбунка красными пластиковыми сапожками.

— Он не устанет? — спросила стюардесса.

— Нет, — ответил я. — Оказывается, он не лишен тщеславия.

СКАЗКИ

Мне хотелось представить, как выглядели бы всем известные сказки, если бы их придумали писатели-фантасты, которые умеют самым невероятным вещам найти почти научное объяснение.

Условия игры понятны? Тогда начинаем. Первая сказка называется...

Репка

Старик закатал рукава тельняшки, повесил на березку телетранзистор, чтобы не упустить, когда начнут передавать футбол, и только собрался прополоть грядку с репой, как услышал из-за забора из карликовых магнолий голос соседа, Ивана Васильевича.

— Здравствуй, дед, — сказал Иван Васильевич. — К выставке готовишься?

— К какой такой выставке? — спросил старик. — Не слыхал.

— Да как же! Выставка садоводов-любителей. Областная.

— А что выставлять-то?

— Кто чем богат. Эмилия Ивановна синий арбуз вывела. Володя Жаров розами без шипов похвастаться может...

— Ну а ты? — спросил старик.

— Я-то? Да так, гибрид есть один.

— Гибрид, говоришь? — Старик почувствовал что-то неладное и в сердцах оттолкнул ногой подбежавшего без надобности любимого кибера по прозванию Мышка. — Не слыхал я, чтобы ты гибридизацией баловался.

— Пепин шафранный с марсианским кактусом скрестил. Интересные результаты, даже статью собираюсь написать. Погоди минутку, покажу.

Сосед исчез, только кусты зашуршали.

— Вот, — сказал он, вернувшись. — Ты отведай, дед, не бойся. У них аромат интересный. А колючки ножичком срежь, они несъедобные.

Аромат старику не понравился. Он попрощался с соседом и, забыв снять с березы телетранзистор, пошел к дому. Старухе он сказал:

— И на что это людям на старости лет колючки разводить? Ты скажи мне, зачем?

Старуха была в курсе дела и потому ответила не задумываясь:

— Ему эти кактусы с Марса в посылке прислали. Сын у него там практику проходит.

— «Сын, сын»! — ворчал старик. — У кого их нет, сыновей? Да наша Варя любому сыну сто очков вперед даст. Правду говорю?

— Правду, — не стала спорить старуха. — Балуешь ты ее только.

Варя была любимой внучкой старика. Жила она в городе, работала в Биологическом институте, но деда с бабкой не забывала и отпуск всегда проводила с ними, в тишине далекой сибирской деревни. Вот и сейчас она спала в солярии скромной стариковской избушки и не слышала, как ее старики нахваливали.

Дед долго сидел на лавке, пригорюнившись. Слова соседа его сильно задели. Соперничали они с ним давно, лет двадцать, с тех пор, как оба вышли на пенсию. И все сосед его обгонял. То привезет из города кибердворника, то достанет где-то электронный грибоискатель, то вдруг марки начнет собирать и получит медаль на выставке в Брати-

славе. Неугомонный был сосед. И теперь вот этот гибрид. А что у старика? Только репок грядка.

Старик вышел в огород. Репки тянулись дружно, обещали стать крепкими и сладкими, но ничем особенным не отличались. Такие и на выставку не повезешь. Дед так задумался, что не заметил, как подошла к нему, потягиваясь, заспанная внучка.

— Что невесел, дедушка? — спросила она.

— Опять Жучка киберу ногу отгрызла, — соврал дед. — Стыдно перед людьми за такое бессмысленное животное.

Деду не хотелось сознаваться, что причина расстройства зависть. Но внучка и так догадалась, что дело не в собаке Жучке.

— Из-за кибера ты бы расстраиваться не стал, — сказала она.

Тогда старик вздохнул и вполголоса рассказал ей всю историю с выставкой и соседским гибридом.

— Неужели у тебя ничего не найдется? — удивилась внучка.

— Не в том дело, чтобы на выставку попасть, а в том, чтобы призовое место занять. И не с марсианскими штучками, а с нашим, земным, родным фруктом или овощем. Понятно?

— Ну а репки твои? — спросила внучка.

— Малы, — ответил дед, — куда как малы.

Варя ничего не ответила, повернулась и ушла в избу. Ее фосфоресцирующий комбинезончик-туника оставил в воздухе легкое приятное благоухание.

Не успело благоухание рассеяться, как она уже вернулась, держа в руке большой шприц.

— Вот, — сказала она. — Тут новый биостимулятор. Мы над ним три месяца в институте бились. Мышей извели видимо-невидимо. Опыты еще, правда, не завершены, но уже сейчас можно сказать, что оказывает он решающее влияние на рост живых организмов. Я как раз собиралась его на растениях опробовать, вот и случай подвернулся.

Дед в науке немного разбирался. Как-никак проработал тридцать лет шеф-поваром на пассажирской линии Луна — Юпитер. Взял старик шприц и собственной рукой вкатил в золотой бочок ближайшей к нему репки полную дозу. Обвязал листочки красной тряпочкой и пошел спать.

Наутро и без тряпочки можно было узнать уколотую репку. За ночь она заметно подросла и обогнала своих товарок. Дед обрадовался и на всякий случай сделал ей еще один укол.

До выставки оставалось три дня, и надо было спешить. Тем более что сосед Иван Васильевич ночей не спал, настраивал электропугал, чтобы вороны урожай не склевали.

Еще один день прошел. Репка уже выросла размером с арбуз, и листья ее доставали старику до пояса. Старик осторожно выкопал остальные растения с грядки и вылил на репку три лейки воды с орга-

ническими удобрениями. Потом окопал репку, чтобы воздух свободнее к корневой системе проходил.

И никому эту работу не доверил. Ни бабке, ни внучке, ни роботам.

За этим занятием его и застал сосед. Иван Васильевич раздвинул листья магнолии, подивился и спросил:

— Что это у тебя, старик?

— Секретное оружие, — ответил дед не без ехидства. — Хочу на выставку попасть. Достижениями похвалиться.

Сосед долго качал головой, сомневался, потом все-таки ушел. Ворон отпугивать от своих гибридов.

Утром решающего дня старик поднялся рано, достал из сундука мундир космонавта, надраил мелом почетный знак за десять миллиардов километров в космосе, почистил ботинки с магнитными подковками и при полном параде вышел в огород.

Зрелище, представшее перед его глазами, было внушительным и почти сказочным.

За последнюю ночь репка выросла еще вдесятеро. Листья ее, каждый размером с двуспальную простыню, лениво покачивались, переплетаясь с ветвями березы. Земля вокруг репки потрескалась, будто старалась вытолкнуть наружу ее громадное тело, верхушка которого достигала старику до колен.

Несмотря на ранний час, на улице толпились прохожие, и они встретили деда бестолковыми расспросами и похвалой.

За забором из карликовых магнолий суетился пораженный сосед.

«Ну, — сказал сам себе старик, — пора тебя, голубушка, вытягивать. Через час машина придет из выставочного комитета».

Он потянул репку за основание стеблей.

Репка даже не шелохнулась. На улице кто-то засмеялся.

— Старуха! — крикнул дед. — Иди сюда, подсоби репку вытянуть!

Старуха выглянула в окошко, ахнула и через минуту, сопровождаемая внучкой и собакой Жучкой, присоединилась к старику.

Но репка не поддавалась. Старик тянул, старуха тянула, внучка тянула, даже собака Жучка тянула, — из сил выбились.

Кот Васька, который обычно в жизни семьи не принимал никакого участия, сиганул с крыши солярия деду на плечо и тоже сделал вид, что помогает тянуть репку. На самом-то деле он только мешал.

— Давай Мышку позовем, — сказала старуха. — Ведь в ней как-никак по инструкции семьдесят две лошадиные силы.

Кликнули кибера по прозвищу Мышка.

Репка зашаталась, и листья ее с шумом зашелестели над головами.

А тут и сосед Иван Васильевич перепрыгнул через забор, и зрители с улицы бросились на помощь, и подъехавший автомобиль-платформа выставочного комитета подцепил репку автокраном...

И вот так, все вместе: старик, старуха, внучка, Жучка, кот Васька, кибер по прозвищу Мышка, сосед Иван Васильевич, прохожие, автокран, — все вместе вытащили из земли репку.

Остается только добавить, что на областной выставке садоводов-любителей старик получил первую премию и медаль.

Теремок

Астероид был маленький. На нем умещалась только автоматическая станция-маяк, чтобы на него случайно не налетел рейсовый корабль. Раз в год к астероиду подлетал Рустем Северьян, делал маяку профилактику и отправлялся к следующему маяку, за несколько миллионов километров. А уж больше, разумеется, никто к астероиду не причаливал.

И надо же было так случиться, что, когда Рустем прилетел туда в прошлом году, он при посадке повредил горизонтальный руль — авария редкая, но несложная. Кислорода и воды у Рустема было достаточно, и он спокойно принялся за ремонт.

Часа через три, притомившись, сел Рустем на уступ астероида и поглядел на звездное небо. Смотрел и думал: «Вот живу среди такой красоты, а все некогда полюбоваться!» И даже порадовался поломке.

Тут он обратил внимание на одну из звезд. Она увеличивалась в размерах, приближалась. «Уж не ракета ли?» — подумал Рустем. И правда, это была ракета.

— Астероид И-34, астероид И-34! — трещало радио. — Иду на посадку!

— Вы кто? — спросил Рустем приближающуюся ракету.

— На астероиде люди? — удивилось радио. — Отвечаю: геологическая партия. Поисковый полет по поясу астероидов. А ты кто?

— Смотритель космических маяков Северьян. У меня вынужденная посадка. Добро пожаловать.

Рустем спустился в маленький бункер под маяком, специально оборудованный на случай, если кто-нибудь случайно забредет на астероид, и принялся готовить кофе для гостей. Он был очень рад, что поговорит с живыми людьми, — ведь как-никак второй месяц в одиночном полете.

Геологи оказались славными, веселыми ребятами. Их было трое. Они носились по поясу астероидов и искали ценные металлы. Вчетвером жители астероида еле уместились в бункере.

У одного из геологов была с собой гитара, и перед сном они хором пели новые марсианские песни.

Проснулся Рустем от сильного толчка. Из-за того что тяготения на астероиде не было, обитатели бункера взлетели в воздух и долго не могли опуститься на пол.

— Что случилось? — волновались геологи, паря над столом.

— Мы столкнулись с кем-то?

— Нет, — сказал Рустем, — не думаю. Наверное, у нас гости.

И он включил систему внешней связи.

— Ой-ой! — услышали обитатели бункера. — Это же должен быть необитаемый астероид. А тут две ракеты к нему привязаны. Колька, что теперь делать?

— Вы кто такие? — спросил Рустем грозным голосом. — Швартоваться в космосе не умеете?

— Нет, не умеем! — услышал он. — Мы школьники из Юпитерска. А вы кто?

— Я смотритель маяков Рустем Северьян. Со мной еще геологи-разведчики. Спускайтесь с корабля и заходите в бункер.

Через несколько минут дверь тамбура отворилась, и в помещение втиснулись два мальчика — один лет тринадцати, другой чуть постарше. Их со всем пристрастием допросили, и оказалось, что Коля и Жак угнали у завхоза в школе ракету и отправились искать необитаемый астероид, чтобы пережить настоящие приключения.

— Сейчас же отправляйтесь обратно, — сказал сердито главный геолог. — Ведь родители с ума сойдут.

— Не надо, дядя! — заплакали школьники. — Мы будем себя хорошо вести, будем готовить пищу и разводить хлореллу. Только не отправляйте нас домой!

Но геологи были неумолимы. Они надели скафандры, вышли наружу вместе с мальчиками и хотели уж было улететь, как обнаружили, что ребята при посадке так покорежили их корабль, что его придется чинить по меньшей мере неделю.

Рустем тем временем сварил на всех кофе, и, когда расстроенные жители бункера кое-как разместились в два этажа и стали держать совет, что же делать дальше, астероид снова мягко качнулся.

— Ну вот, — сказал Рустем, — это, наверно, за вами, мальчики. Ваши родители.

И он включил систему внешней связи.

— Кто на астероиде? — спросил мужской голос.

— Я, Рустем Северьян, смотритель маяков, геологи-разведчики и мальчики — искатели приключений. А вы кто?

— Мы молодожены и ищем необитаемый астероид, чтобы провести на нем медовый месяц, — ответил мужской голос. — Оказывается, мы попали не по адресу.

— Что ж теперь делать, швартуйтесь как следует и идите кофе пить. Вы, наверное, устали.

Не успели молодожены снять скафандры, как внешняя связь снова ожила.

— Астероид И-34, астероид И-34! Отзовитесь. Кто на астероиде?

— Я, Рустем Северьян, смотритель маяков, а со мной геологи-

разведчики, два мальчика — искатели приключений, и молодожены. А вы кто?

— Вот хорошо, мы попали, куда нужно! Мы родители мальчиков — искателей приключений. Мы их уже два дня по всему космосу ищем, чтобы наказать. Сейчас мы пришвартуемся и с ними поговорим.

Рустем вздохнул и открыл последнюю банку с кофе. В бункере было душновато. Регенерационная установка не успевала очищать воздух. Пока он варил кофе, вошли родители мальчиков, общим числом четыре человека, а также штурман корабля, на котором они прилетели. Кофе они пили, стоя плечом к плечу. В бункере было шумно. Родители корили мальчиков, молодожены обсуждали планы на будущее, геологи пели песни. Поэтому никто даже не заметил, что к астероиду причалила еще одна ракета. Небольшая грузовая ракета.

Раздался стук в дверь, и усталый голос спросил:

— Скажите, астероид обитаемый?

— Да, — ответил Рустем, открывая дверь в тамбур. — Здесь я, Рустем Северьян, смотритель маяков, со мной геологи-разведчики, мальчики — искатели приключений, родители мальчиков и молодожены, которые ищут необитаемое место. А вы кто?

— И не спрашивайте, — ответил усталый голос. — Я дрессировщик Уголка Дурова. Я везу на Юпитер лису и волка, чтобы показать тамошним ребятам, что они умеют делать. Звери у меня ручные, в намордниках, но плохо переносят перегрузки. Пустите нас отдохнуть.

— Что вы! — сказали родители мальчиков. — У нас же здесь дети. А вдруг волк их съест?

Но было поздно. Рустем уже впустил в бункер дрессировщика и его животных. Звери никого не кусали, а легли спать в углу, даже не сняв намордников. А дрессировщик принялся пить кофе и рассказывать мальчикам удивительные случаи из своей богатой приключениями жизни.

Рустем не стал выключать внешнюю связь. Он пытался связаться с Марсом, чтобы оттуда выслали рейсовый корабль. Но связь никак не удавалось установить.

— Марс-сортировочная, Марс-сортировочная, — повторял Рустем.

— Вижу незарегистрированный астероид прямо по курсу, — раздался вдруг незнакомый голос. — Астероид, отзовитесь. Почему не на орбите?

— Мы на орбите, — сказал Рустем. — Мы — И-34.

— Ваши координаты не совпадают с расчетными, — сказал голос.

— Ну конечно, — сказал один из геологов. — Наш астероид за сегодняшний день столько толкали ракетами, что он изменил орбиту. Маленький ведь.

— Почему вышли на пассажирский путь? — волновался голос. — Кто на астероиде?

— Я, Рустем Северьян, смотритель маяков, со мной геологи-разведчики, мальчики — искатели приключений, родители мальчиков, молодожены, которые ищут необитаемое место, лиса и волк из Уголка Дурова и дрессировщик. А вы кто?

— Мы «Медведь», рейсовый Марс — Трансплутон. Находимся в опасной близости.

В бункере наступила трагическая тишина. Все понимали, что громадный рейсовый корабль не может затормозить.

— Он нас раздавит, — тихо сказал штурман с ракеты, на которой прилетели родители мальчиков.

— Перехожу к экстренному торможению. Всем пассажирам пристегнуть привязные ремни! — сказал голос с «Медведя».

— ...Пятьдесят один, пятьдесят два, пятьдесят три... — отсчитывал Рустем.

Минуты тянулись еле-еле. Старший из мальчиков заплакал.

— Торможение завершено. Нахожусь около астероида, — сказал «Медведь». — Я горючее на этом маневре перерасходовал. Не знаю, как теперь доберусь до Марса.

— Ничего! Это ничего! — радостно крикнул Рустем. — Мы перекачаем из наших ракет. У нас тут шесть кораблей, и все заправлены.

Так и сделали. А когда баки «Медведя» были снова полны, он взял на буксир шесть ракет и привез всех на Марс: и Рустема Северьяна, смотрителя маяков, и геологов-разведчиков, и мальчиков — искателей приключений, и их родителей, и молодоженов, и лису, и волка, и дрессировщика из Уголка Дурова.

Гуси-лебеди

На Земле, на высокогорном космодроме Каракорум, в двух километрах от карантинного сектора возвышается одинокий, забытый и покинутый всеми корабль. Это совсем неплохой, почти новый звездолет класса «Оптима», который совершил всего одно путешествие, причем путешествие удачное, принесшее Земле множество разнообразных интереснейших открытий и находок.

Казалось бы, звездолету еще летать и летать. Но он стоит холодный и недвижимый под ярким небом, и никто не подходит к нему ближе чем на двести метров.

О тайне его космонавты предпочитают не рассказывать, и мне удалось узнать ее совершенно случайно — я оказался соседом по даче геолога Питера, молчаливого, замкнутого человека, от которого всегда пахнет одеколоном и нашатырным спиртом. Питер и открыл мне тайну покинутого корабля...

Питер называл их лебедями. Правда, он вкладывал в это слово

столько ненависти, что понятно было — никакие они не лебеди, дрянь птицы, и только. Когда лебеди пролетали утром над долиной — длинные трехметровые шеи с непомерно большими клювами, черные перепончатые крылья и серые чешуйчатые ноги, убирающиеся в складчатый живот, как шасси, — Питер подходил к окну и бессильно грозил им кулаком.

Они с Игорем пробовали их стрелять, но на труп сбитого лебедя слеталась сразу такая стая, что приходилось все бросать и отступать под защиту стен дома.

Третий месяц геологи сидели на этой планетке. Их сбросили на разведракете вместе с домом и запасом продуктов на полгода. Корабль ушел дальше, обследовать другие планеты этой системы. Когда осматривали планету с воздуха, лебедей не заметили и не знали, что они могут стать основным препятствием к исследованию нового мира.

Питер ненавидел их не столько за хищный и злой нрав, не столько за быстроту полета и силу когтей, сколько за то, что они срывали все планы. Планета оставалась такой же неисследованной, как и в первый день. Невозможно же передвигаться только в вездеходе, боясь высунуть нос наружу.

В то утро они отъехали от дома километров на пять, а потом полчаса просидели закупоренными в вездеходе, потому что пара любопытных лебедей кружила низко над машиной, будто поджидала, когда же появится дичь поменьше размером, чем вездеход.

Наконец, когда терпение Питера уже совсем было лопнуло, лебеди взмыли вверх и растворились в низких облаках.

— Вроде миновало, — сказал Игорь. — Пошли?

— Пошли. Проверь пистолет.

Они вышли наружу, стараясь держаться в нескольких шагах от вездехода, так, чтобы успеть нырнуть в него в случае опасности. Они даже старались тюкать молотками как можно тише.

Питер завернул за выступ скалы и склонился над интересным обнажением, когда услышал характерный шелест крыльев. Он резко обернулся и прижался спиной к скале, доставая пистолет. Но над ним никого не было.

И тут в наушниках раздался крик Игоря:

— Питер!

— Что с тобой?

Питер уже бежал в сторону товарища.

Он не успел. Над скалой поднимался, быстро, как черная молния, лебедь, который держал в когтях Игоря.

Питер поднял пистолет. Надо как следует прицелиться, чтобы не попасть в человека...

— Не стреляй, Питер! — крикнул Игорь. — Скафандр выдержит. А то разобьюсь о скалы.

Питер опустил оружие. Игорь был прав. Лебедь поднялся уже

метров на сто. Он повернулся и взял курс на север. К нему присоединились, вынырнув из-за облаков, еще три лебедя. Они описывали круги, будто дивясь, какая сказочная добыча попалась в лапы их товарищу.

— Как бы он не бросил, как орел черепаху, — подумал вслух Питер.

Игорь услыхал.

— Надеюсь, нет, — сказал он. — Но чертовски неудобно.

— Держись, Игорек, держись, друг, — сказал Питер, заводя вездеход.

Он пытался проглотить комок, застрявший в горле. Вездеход взревел, протестуя против лихорадочных движений Питера, подпрыгнул на месте и рванулся через каменные россыпи к северу, где вставало восьмое сиреневое солнце планеты.

Хуже всего, что дорога была совсем неизвестна. Никогда еще геологи не отходили так далеко от базы. Вездеход, расшвыривая гравий и разрывая корни сухих кустов, спускался все ниже в долину.

— Игорь! Игорь! Как ты?

— Жив еще, — ответил Игорь. — Мы спускаемся к невысокой гряде. В ней вижу несколько пещер. Наверно, это их гнезда.

Вездеход затормозил перед белой, будто молочной, мутной речкой, протекающей меж вязких, топких берегов. Кисельная жижа не выдерживала машину. Пришлось взять правее в поисках более удобного места для переправы.

— Снижаемся, — продолжал Игорь. — Вход в пещеру довольно широк, но на вездеходе в него не пройти.

— Оружие у тебя с собой? — спросил Питер.

— Нет, потерял, когда меня перевернули вверх головой.

— Смотри, чтобы они тебе скафандр не прорвали, — когти у них что надо.

— У меня нож остался.

Но ни Игорь, ни Питер не были уверены, что нож поможет Игорю отбиться от когтей хищников.

Вездеход форсировал реку и сквозь редкий лес направился к холмам на горизонте. Ветви деревьев сгибались под тяжестью крупных круглых плодов, немного похожих на яблоки. Яблоки с треском лопались под гусеницами вездехода. Пришлось снизить скорость, чтобы ненароком не врезаться в толстый узловатый ствол.

Лес кончился. Последним препятствием на пути к ясно видневшейся гряде скал, испещренных черными точками пещер, оказалось поле гейзеров и вулканчиков. Долина дышала жаром, как раскаленная печь. Вездеход чуть не провалился в присыпанный камнями кратер, и на секунду ветровое стекло заволоклось густым серым дымом.

— В пещере темно, — раздавался в ушах голос Игоря. Голос доно-

сился еле-еле — экранировали стены пещеры. — Эти гады решили, видно, меня свежевать. Уж очень треплют.

— Включи фонарь! — крикнул Питер.

— Неплохая идея!.. Они отлетели. Не понравилось. То-то, голубчики! Слышишь стук?

— Нет, а что?

— Бьют клювами по фонарю. Разбить хотят. Понимают все-таки. Ах, вы...

— Игорь!

— Я жив, просто некогда разговаривать. Поспеши, пожалуйста, они наглеют.

Питер и так спешил. Вездеход упорно полз вверх по склону, и пасти пещер приближались с каждой секундой.

Вдруг всхлипнул и на мгновение замолк двигатель. Топливо! Ведь никто не думал, что вездеходу придется отойти на столько километров от базы. Мотор еще тянул, но Питеру уже приходилось мысленно повторять пройденный путь и ломать голову над тем, как пройти его пешком.

— В какой ты пещере? Я близко.

— Третья слева.

Питер выскочил из вездехода. До черного жерла пещеры оставалось десять шагов.

Вокруг пусто. Только высоко кружит одинокий лебедь, не обращая внимания на замерший вездеход.

Но в тот момент, когда Питер готов был нырнуть в темный лаз, навстречу ему появился лебедь и удивленно замер, увидев, что еще кто-то по собственной воле пожаловал прямо к нему домой. Лебедь щелкнул твердыми костяными ресницами и громко квакнул.

— Они меня оставили в покое. Берегись! — сказал Игорь.

— Ты можешь идти?

— Сейчас попробую.

Забыв об Игоре, лебеди выскакивали на свет, щурились, расправляли крылья и по очереди бросались на Питера.

Питер был готов к встрече. Один за другим хищники сваливались ему под ноги и, ломая крылья, катились вниз под уклон.

— Ты скоро? — спросил Питер. — Как бы мне тебя заодно не подстрелить.

— Погоди. Тут еще осталось с полдюжины добровольцев. Патронов хватит?

— Хватит. Раз, два... Где же третий? Ага, вот третий. Четыре. Еще два осталось?

— Да. Вот один полез.

— Вижу. Пять и... шесть. Прекращаю стрельбу.

Его скафандр был густо измазан грязью и пометом лебедей. В отверстии пещеры показался Игорь.

Геолог пошатывался и, казалось, сам не верил в то, что выбрался из плена.

Питер подбежал к нему:

— Сильно помяли?

— Есть немного, — попытался улыбнуться Игорь. — Я уж думал, что не успеешь. Посмотри.

Скафандр был исцарапан когтями, и в некоторых местах сквозь разодранный верхний слой просвечивала белая внутренняя ткань.

— Скорей в машину, — сказал Питер. — Видишь?

Из соседней пещеры выскочили еще три лебедя. Лебединая колония, встревоженная выстрелами и криками своих умирающих собратьев, готовилась вступить в бой. Этот бой ничего хорошего геологам не сулил.

Последние капли топлива позволили вездеходу развернуться и на холостом ходу скатиться вниз. Здесь мотор окончательно замолчал.

— Пойдем пешком? — спросил Игорь.

— Боюсь, тебе это сейчас не под силу. Давай отдохнем немного. Лебеди разлетятся, тогда отправимся к дому.

Лебеди с налету ударяли когтями о крышу вездехода, и суматошно мелькающие крылья закрывали свет.

— Надолго ли их хватит? Я проголодался, — сказал Питер.

Игорь не ответил. Он пытался ветошью стереть со скафандра куски грязи.

Прошло полчаса, потом час.

— Как у нас с воздухом? — спросил Игорь.

— Еще часа на два осталось.

— Если через пятнадцать минут они не улетят, придется идти.

Когда прошли эти пятнадцать минут и геологи вылезли из вездехода, над ним кружил только один лебедь — наверно, дежурный.

Геологи как можно быстрей зашагали вниз, к лесу.

Лебедь сделал круг над ними, но нападать не стал, а полетел по направлению к пещерам. Еще через две минуты он вернулся в сопровождении целой стаи. Геологи побежали. Игорь прихрамывал, и бежать ему было трудно. Лебеди круг за кругом снижались, высматривая людей среди столбов дыма, подымавшихся из подземных печек.

Питер нагнулся и поднял с земли похожую на пирог вулканическую бомбу и запустил ею в самого смелого лебедя. «Пирог» угодил в него, лебедь заквакал и исчез в столбе дыма, поднявшегося над маленьким кратером.

Еще рывок, и люди скрылись под тенью деревьев.

— Передохни, — сказал Питер. — Они сюда не сунутся.

Но, как будто услышав его, двое лебедей опустились на землю и пешим ходом бросились в атаку. Питер выстрелил в упор, и один из лебедей упал. Игорь сорвал с ветки яблоко и разбил его о голову второго лебедя. Яблоко залепило лебедю глаза.

— Видишь, там погуще, — сказал Питер, — спрячемся.

Следующие пятнадцать минут они прятались среди густых яблоневых ветвей, перебегая к следующей куще, как только лебеди теряли их из виду. Наконец лес кончился, и внизу открылась река — белая вода среди топких берегов.

— Тут придется совсем туго, — задумчиво произнес Игорь.

— Она неглубокая, — сказал Питер. — Вон там, левее, место, где я перебирался на вездеходе.

Они подождали под последним деревом, пока лебеди поднялись повыше, и побежали к реке. Топкий кисельный берег хватал за ноги, молочная вода сбивала с ног. Геологи вышли в тень противоположного берега и остановились по колено в сером киселе.

Наступали сумерки.

— Вот мы почти и дома, — сказал Питер. — Осталось три патрона.

— И воздуха на полчаса, — добавил Игорь, взглянув на прибор.

— В темноте легче скрыться.

— Но темноты нам не дождаться.

— А почему они не нападают? — спросил Игорь. — Смотри, вертятся в высоте и не спускаются.

— Дай-ка я попробую пройти дальше, — сказал Питер.

Не успел он сделать и трех шагов по твердой земле, как сразу десяток лебедей кинулись на него. Питер быстро отступил в грязь. Лебеди взмыли вверх. Питер еще раза два повторил маневр, и каждый раз с одинаковым успехом. Ему в голову пришла спасительная идея. Он нагнулся, зачерпнул перчаткой кисельной грязи и, выйдя на сухое место, сунул грязь под нос первому из бросившихся на него лебедей. Догадка оказалась правильной. Лебедь, не долетев метра до протянутой вверх ладони, резко взмыл вверх и умчался в небо, будто ему предложили откушать соляной кислоты.

— Обмажься грязью! — крикнул Питер Игорю. — Они ее не выносят.

Дальнейший путь прошел без всяких приключений. Когда закрылась дверь шлюза, воздуха в скафандрах оставалось еще на пять минут.

Питер задраил дверь и отвинтил шлем.

— Вот, — начал он. — Мы и наш... — И тут же лихорадочными движениями стал всовывать голову обратно в шлем.

— Что с тобой? — спросил Игорь.

— Не снимай шлема! Я, кажется, понимаю лебедей... Подключи запасной баллон. У тебя стрелка на нуле.

— Грязь? — догадался Игорь.

— Она самая. Боже мой, более отвратительного запаха мне не приходилось встречать!..

Большую часть оставшихся до прилета корабля трех месяцев геологи провели в скафандрах. Они бы их совсем не снимали, но иногда

приходилось — хотя бы для того, чтобы поесть. На третий день закончились все запасы одеколона и нашатырного спирта, который неплохо отбивал гнуснейший запах кисельного берега.

Приспособиться к запаху было совершенно невозможно. Игорь потерял восемь килограммов веса и полюбил фразу, приписываемую Амундсену. «К холоду привыкнуть нельзя, — повторял он, — можно научиться терпеть его».

Автомат-планер спустился на планету в условленный срок. Геологи в последний раз промыли карболкой образцы пород и те немногие необходимые вещи, что они решили взять. И все равно на борт корабля они поднимались с внутренней дрожью.

Радостная улыбка штурмана, который встретил их у люка, тут же сменилась брезгливой гримасой.

— Ребята, — сказал он, — вы что же...

И тут же раздался голос подошедшего капитана:

— Немедленно в карантин!

Но было поздно. Корабль спасти не удалось. Так он и стоит в нескольких стах метрах за карантинным сектором космодрома Каракорум. По расчетам ученых, запах выветрится через восемьдесят лет.

Сестрица Аленушка и братец Иванушка

Иван прислонился к плоской стене оврага и закрыл глаза.

— Ты чего? — спросила Алена.

— Не могу больше. Минутку передохну.

— Нам надо успеть до сумерек, — сказала Алена.

— Знаю. Но, если я помру на полпути, тебе от этого лучше не будет.

— Не говори глупостей! — разозлилась Алена. — Здесь не жарче, чем в Сахаре.

— Никогда не был в Сахаре, — ответил Иван. — Но, насколько понимаю, там днем все живое прячется в тени или зарывается в песок.

— Здесь песка нет, — сказала Алена.

— На этой планете вообще ничего нет. Только скалы и чудища. Интересно, чем они питаются?

— Пойдем, — сказала Алена. — Скоро у тебя откроется второе дыхание.

— Восьмое, — поправил ее Иван. — У тебя вода осталась?

— Нет, ты же знаешь.

— Персидский царь Кир, спасаясь от Александра Македонского, напился из грязной лужи и признался, что чище и вкуснее напитка ему не приходилось пробовать.

— Если бы мы были на Земле, то я и сама бы напилась сейчас из лужи, — сказала Алена. — Потерпи. Километров через пять будет родник.

Минут десять они брели молча. Впереди показалась куща серых колючих кустов.

— Не смотри в ту сторону, — предупредила Алена.

— Там вода! — прохрипел Иван. — Там вода!

— Ее нельзя пить, — сказала Алена. — Видишь рядом сказозубов?

— Они безвредны.

— Это их водопой.

Похожие на жаб-переростков сизые животные размером с корову медленно поводили многорогими головами, разглядывая пришельцев.

— Ты боишься, что со мной что-нибудь случится?

— Не что-нибудь, а то же, что случилось с экспедиционной собакой. Помнишь?

— Мне рассказывали.

— А я сама видела, как Шарик превратился в одно из этих чудищ.

— Уж очень похоже на сказку.

— Может быть. Доктор Фукс вскрыл его потом: даже все внутренние органы изменились.

— Как он это объяснил?

Алена не ответила.

Путники миновали водоем, и Иван оглянулся, будто бурая вода прудика звала его вернуться.

— Доктор Фукс предложил интересную гипотезу, — продолжала Алена. — Местные виды фауны однополы. Обычно они никогда не покидают своего водоема. Как только одно из животных умирает — от старости ли, от болезни, — другой сказозуб подходит к водоему, напивается этой жидкости (на базе есть фильм — дойдем, посмотришь) и тут же распадается на две особи, такие же точно, как прежние.

— И какой вывод?

— Фукс предполагает, что водоем — хранитель наследственности стада. В нем содержится не вода — хотя по составу жидкость и близка к воде, — а слабый раствор фермента, может быть, несущего в себе цепочки наследственных молекул.

— И много таких водоемов? — спросил Иван.

— Мы пока открыли шесть. И у каждого пасется свое стадо.

— А сказке про собаку ты веришь?

— Я же говорю — сама видела. Ты знаешь, на планете ни лесов, ни больших озер, ни океанов. И в ходе эволюции водоем выработал способность не только поддерживать свой вид, но и влиять на другие живые организмы. Так выражается здесь борьба за существование.

Если одна из этих жаб доберется до соседнего, чужого водоема и напьется из него, она превратится в жителя того водоема. Понятно?

— Мне понятно одно: я согласен стать жабой, только бы не умереть от жажды.

— До базы еще два часа ходу. Неужели не дотерпишь? Я думала, что астронавты крепче духом.

Но Ивана не смутил укор. Металлические подошвы равномерно цокали по раскаленным камням, и оба солнца планеты безжалостно жгли сквозь скафандр. Здесь не было теней. Одно солнце светило прямо с зенита, второе катилось вдоль горизонта, не собираясь заходить, и за час успевало трижды обернуться по белесому раскаленному небу.

Снова скала, и у нее — водоем, окруженный стаей нежащихся на солнцепеке рыжих одров, отдаленно напоминающих лошадей, доведенных до последней стадии истощения.

— Аленушка, — взмолился Иван, — я должен напиться! Я обязательно должен напиться!

— Не говори глупостей! Идем. Я все тебе объяснила.

— А я тебе не верю, — сказал Иван с неожиданным озлоблением. — И твоему доктору Фуксу.

Аленушка ничего не ответила. Она продолжала идти вперед, маленькая, тонкая, прокаленная насквозь жаром этой планеты, старожил из первой экспедиции, встречающий на планете четвертый месяц. Иван увидел ее впервые вчера вечером. Командир корабля «Смерч» вызвал его в салон управления и сказал:

— Возьмешь почтовый планер и спустишься с Аленой Сергеевной на базу. Продовольствие и приборы отвез Данилов. Тебе остается только взять письма. И еще: вот лекарства. Алена Сергеевна поднималась к нам на орбиту специально за ними.

...Планер сделал вынужденную посадку на плоском, как блюдо, плато, не долетев до базы полсотни километров. При посадке вдребезги разлетелась рация. Но ящик с лекарствами уцелел. «Смерч» был высоко на орбите, и связаться с ним было нельзя. Пришлось идти пешком. До рассвета, до того, как на небо выскочили оба солнца, путь казался нетрудным. Теперь же...

Впереди появился еще один водоем. Третий по счету. Возле него никого не было.

— Все, — сказал Иван, скидывая рюкзак. — Я пью.

— Здесь тоже нельзя, — сказала Алена. — Животные просто пасутся за холмами. Я же знаю.

— И я знаю, — ответил Иван, — и я знаю, что ничего со мной не случится.

Он стал на колени и принялся пить солоноватую теплую жидкость.

Алена пыталась оттащить его от воды, кричала что-то, плакала, но он не слышал — он пил, и пил, и пил...

Из-за бугра показалось стадо рогатых мохнатых животных. Они заверещали и заблеяли, увидев, как у них на глазах двуногий пришелец превращается в подобного им.

Иван вскочил, стараясь стряхнуть с себя прилипшие капли и пытаясь выплюнуть воду. Он хотел крикнуть, но вместо этого послышалось жалобное блеяние. И, не в силах держаться на задних ногах, Иван рухнул на камни, ударившись о них копытами передних ног.

Стадо приблизилось к нему и остановилось. Животные были настроены вполне миролюбиво.

Алена не помнила, сколько она просидела на камне, захлебываясь от слез, от бессилия, от страха. Животное, недавно бывшее Иваном, жалось к ней, тыкалось носом в колени, будто упрашивало: «Помоги!» Скафандр обвис и болтался нелепо, словно какой-то шутник обрядил в него козленка.

Наконец Алена встала, соорудила из ремешка ошейник, взвалила на спину второй рюкзак и поплелась дальше, к базе. Она не чувствовала больше ни иссушающей жары, ни жажды.

Через пятьсот метров ее встретила спасательная партия...

На базе любят рассказывать о том, как после многочасовых поисков спасатели наткнулись в пустыне на Алену Сергеевну, заплаканную, изможденную. Она несла два рюкзака и тащила на ремешке уродливого «козла» в скафандре. Если вам придется когда-нибудь побывать на этой базе, вам обязательно расскажут эту историю. А если вы выразите сомнение, то вас поведут на двор, где уныло бродит зеленый козел с пятью рогами. «Вот он, — будут уверять вас, — тот самый астронавт Иван, который не послушался Алену». Иван обязательно подойдет к вам и прислонится мордой к коленям. Он очень привязан к людям.

Если же вы начнете проявлять любопытство, даже ужасаться, вам обязательно сообщат, что доктор Фукс обещает со дня на день создать противоядие и вернуть Ивану человеческий облик.

Только лучше не ходить после этого к самому доктору Фуксу. Он ужасно разозлится и скажет, что ему надоели эти глупые шутки, что это самый обыкновенный местный козел и что астронавт Иван благополучно улетел обратно на Землю.

Кто знает, может быть, доктору Фуксу стыдно признаться, что ему до сих пор не удалось выработать противоядие.

Синяя Борода

Он разбудил ее на рассвете. За окном висела непрозрачная синева, в которой утонули леса, поля, озера. Редкие огоньки дальней деревни с трудом продирались сквозь густую синь.

— Вставай, красавица, — сказал он ей. — Я хочу, чтобы тебе понравилось в нашем доме.

Она отвела от него глаза. Иссиня-черная борода, занимавшая половину лица и лопатой ложившаяся на грудь, пугала ее.

— Смотри на меня, — приказал он. — Тебе все равно придется ко мне привыкнуть. Я тебе неприятен?

— Не знаю, — сказала она.

— Я буду добр к тебе, — сказал он. — Я не буду тебя обижать. Но ты должна будешь меня во всем слушаться.

— Хорошо, — ответила она, не поднимая головы.

— Ну, теперь иди, — сказал он. — Ты можешь делать что хочешь. Только прошу — не открывай маленькой двери под лестницей.

— Хорошо, — повторила она, мечтая об одном: чтобы он скорее ушел и оставил ее одну.

— Может быть, мне придется сегодня уехать, — сказал он. — Я вернусь к вечеру.

Она посмотрела ему вслед. Он медленно шел по коридору. Спина его, широкая и сутулая, таила в себе непонятную угрозу.

Через несколько минут она услышала, как под окном раздались голоса. Она подошла к окну и увидела, что он прощается с одним из слуг. Он и в самом деле уезжал. Ей сразу стало легче. Необходимость подчиняться Синей Бороде угнетала ее, но она отлично понимала, что у нее нет другого выхода: он был ее хозяином, и помощи ждать было неоткуда.

Все затихло в доме. Она открыла дверь и вышла из своей комнаты. Длинный коридор вел до самой лестницы. Она наугад толкнула дверь направо и увидела большую комнату, почти пустую, если не считать стола, кресла с высокой узорчатой спинкой и книжных шкафов у стен. Она подошла к книжным полкам. Названия книг ей ничего не говорили. Она перелистала одну из них и поставила на место. Потом она покинула библиотеку и дошла до лестницы. Она спустилась, постукивая задумчиво кулачком по перилам, и остановилась в нерешительности в высоком холле, пол которого был устлан необъятным ковром. Один из поварят, одетый в белый халат и колпак, вышел из кухни. Она не обратила на него внимания. Она предпочитала не обращать внимания на его слуг, потому что это значило бы, что она собирается навсегда оставаться в этом доме. Слуга прошел мимо и исчез.

Что Синяя Борода запрещал ей делать? Ага, открывать маленькую дверь под лестницей. Где же она?

Вот и дверца. Она провела ладонью по прохладной плоскости и отдернула руку. Она вспомнила, какие глаза были у Синей Бороды, когда он велел ей слушаться его во всем.

Она вышла в сад. Уже совсем рассвело, но день оставался таким же туманным и сумрачным. Желтые листья кленов складывались в

прихотливые калейдоскопические узоры на черной мокрой земле. Она подумала, что может простудиться, и решила подняться наверх, чтобы накинуть на себя что-нибудь теплое. Ей хотелось дойти до ограды и увидеть поля и лес, над которыми Синяя Борода был не властен.

Но она не дошла до своей комнаты. Маленькая дверца под лестницей необъяснимо притягивала ее к себе. Что могло быть спрятано за ней?

Какая тайна скрывалась за этой обыденной и невзрачной дверью?

Ощущение тайны, не покидавшее ее с утра, тайны, которой, казалось, был пропитан этот дом, тяготило и тревожило. И если бы не страх перед Синей Бородой...

Она с минуту постояла перед дверью, прислушиваясь. Когда неподалеку прошел слуга, она прижалась к стене, стараясь слиться с ней, стать незаметной. Слуги могли донести Синей Бороде. Шаги стихли. Рука сама поднялась к двери и нажала на нее. «Я только чуть-чуть приоткрою ее, — успокаивала она себя. — Только самую, самую малость. Я не буду заходить внутрь».

Она толкнула дверь и зажмурилась.

Так она простояла еще несколько секунд. Она знала, чувствовала, что дверь уже распахнута и надо только открыть глаза, чтобы разгадать тайну дома. «Ну, — уговаривала она самое себя, — открой глаза. Что сделано, то сделано».

И она открыла глаза.

Она ожидала увидеть что угодно, только не то, что предстало ее взору.

В небольшой полутемной комнате лежали шесть таких же, как она. Некоторые из них были без головы. И все были мертвы. Она поняла, что она не первая и, может быть, не последняя живая обитательница этого дома и судьба ее несчастных предшественниц уготована и для нее.

Она вскрикнула и, не закрыв двери, бросилась вверх по лестнице, не заметив, что слуга видел все.

Она бежала по коридору, не помня себя, в ужасе от своего открытия. Ей хотелось спрятаться, скрыться, убежать — но куда? В лес?

Она повернула обратно и понеслась к выходу из дома, к саду.

И на пороге столкнулась с Синей Бородой.

Он все понял с первого взгляда.

— Ты была там? — спросил он, и голос его был скорее печален, чем зол. — Ты все видела?

— Они... они... ты убил их! — всхлипывала она. — Ты убьешь и меня!

— К сожалению, ты права, — ответил он тихо. — У меня нет другого выбора.

Вечером, демонтировав очередную неудачную модель, Роберт Кямилев, по прозвищу Синяя Борода, начальник центральной лабо-

ратории биороботов, сидел, пригорюнившись, в столовой главного корпуса и нехотя пил восьмую чашку крепчайшего чая.

— Опять неудача? — спросила Геля.

— Как только они получают свободу воли, тотчас же выходят из повиновения, — пожаловался ей Роберт, сокрушенно выщипывая волоски из черной бороды. — Система теряет надежность. Любопытство оказывается сильнее комплекса повиновения.

— Бедняга, опять месяц работы впустую!

— Почему впустую? — обиделся вдруг Роберт. — Завтра принимаюсь за новую модель. Какая-то из жен Синей Бороды окажется достаточно дисциплинированной.

— А если сотая? — вздохнула Геля.

Принцесса на горошине

Члены Верховного Труля планеты Локатейпан не были бы так подозрительны, если бы не бесконечные интриги жителей Колатейпана — планеты-близнеца. Локатейпан и Колатейпан вращаются вокруг одного и того же солнца, по одной и той же орбите, с одной и той же скоростью. И на той, и на другой планете колесо было изобретено в V веке до их эры, и первый воздушный шар поднялся в воздух в 1644 году их эры. И те и другие вступили в Большое Кольцо Галактики почти одновременно — то есть Локатейпан первым послал заявление, а Колатейпан первым получил ответ. В Галактике считают, что произошло это по той простой причине, что «К» в галактическом алфавите стоит перед «Л». Но на планетах-близнецах думают иначе. Колатейпанцы полагают, что Галактика таким образом признала их превосходство над Локатейпаном, а локатейпанцы уверены, что Колатейпан перехватил и задержал их заявление.

Нет возможности, да и не обязательно перечислять все обиды, которые Колатейпан нанес Локатейпану, тем более что тогда пришлось бы перечислять все обиды, которые Локатейпан нанес Колатейпану. Уже сказанного вполне достаточно, чтобы понять, почему Верховный Труль Локатейпана, узнав, что с Земли летит к ним посол, испугался, как бы соседи не перехватили посла и не оставили его у себя.

— Они могут пойти на подмену посла, — сказал Жуль Ёв, самый мудрый в Труле. — Они все могут.

— Но к ним тоже летит посол с Земли, — сказал молодой оппозиционер-скептик.

— А разве мы отказались бы иметь у себя обоих? — резонно возразил Жуль Ёв.

И скептики были вынуждены замолчать.

Несколько минут члены Верховного Труля молчали и думали. Потом решили: надо испытать посла. Вдруг это не посол с Земли, а элементарный колатейпанец?

— Но как?

— Мы устроим ему экзамен. Соберем всех знатоков земных обычаев и спросим что-нибудь такое...

— Неудобно, все-таки посол. А вдруг обидим его? Нужно быть предельно деликатными.

— Где эксперт по земным обычаям? — спросил Жуль Ёв. — Позвать его.

Привели эксперта. Эксперт прочел все книжки, которые удалось купить или выменять на марки на пролетавших мимо галактических кораблях, и просмотрел все телепередачи, которые передавались с Земли по четырнадцатой космической программе. Эксперт долго думал. Может быть, несколько дней — мы точно не знаем, — наконец придумал.

— Есть на Земле древний обычай, — сказал он. — Я читал о нем в одной очень редкой книге, изданной на аммиачной планете Сугре, но наверняка переведенной с земных языков.

— Какой обычай? Какой обычай? — заволновались члены Верховного Труля.

— Когда на Землю попадает неизвестный человек и они, люди, хотят узнать, принцесса ли он (я не знаю, что такое принцесса, но полагаю, что это признак принадлежности к истинным людям), ему подкладывают под тюфяки горошину.

— Ну и что?

— Если он — принцесса, то утром он обязательно жалуется, что он плохо спал и весь покрыт синяками. Он почувствует горошину даже сквозь десять перин.

— Замечательно! — сказали члены Труля. — Мы подложим ему горошину, а когда он нам пожалуется, то извинимся и скажем, что не заметили, как она туда попала.

На этом бы совещание окончилось, если бы вдруг молодой оппозиционер-скептик не спросил у уважаемого собрания:

— А что такое горошина?

Оказалось, эксперт не знает, что такое горошина.

Вызвали всех других экспертов, и они тоже не знали, что такое горошина. Стали рассуждать логически: известно, что у жителей Земли куда более тонкая и чувствительная кожа, чем у локатейпанцев и колатейпанцев, — пожалуй, это единственное, что их отличает. Значит, надо подложить в кровать послу такую вещь, которая совершенно не чувствительна для местного жителя, но осязаема для кожи дорогого гостя. Решив так, члены Верховного Труля провели небольшой эксперимент. Принесли десять кроватей и на каждую положили по десять перин. Под перины спрятали по предмету разной формы и степени твердости. Вечером уложили на кровати по локатейпанцу, не сказав им о сущности смелого эксперимента.

Утром в присутствии членов Труля и медицинской комиссии

подопытных локатейпанцев допросили и осмотрели. Оказалось, что шестеро из них спали спокойно и ничего не заметили, а четверо жаловались на неудобства и синяки. Шестой, последний из ничего не почувствовавших, провел ночь на зерне местного растения, называемого научно Пуралон Ами-апа-ана, а в просторечье — чертово семя. Выяснив это, члены Труля отнесли чертово семя в резиденцию посла и положили под десять перин.

Посол Земли Ольга Барышникова, подлетавшая в это время на попутной сирианской ракете к Локатейпану, ничего, разумеется, не знала.

Ракетодром был подметен и полит импортным одеколоном. Части национальной гвардии выстроились шпалерами от ракеты до здания космопорта. Играли оркестры народных инструментов, и дети, не успела Ольга спуститься по трапу, поднесли ей букеты местных цветов. Старейший из членов Верховного Труля, достопочтенный Жуль Ёв, произнес небольшую, но прочувствованную речь и пригласил Ольгу проследовать к ожидающей ее машине.

— Хорошо ли вы доехали? — спросил Жуль Ёв Ольгу, когда машина выехала с космодрома и по праздничным улицам столицы поплыла к резиденции земного посла.

— Спасибо, путешествие было отличным, — ответила Ольга, раскланиваясь с приветствовавшими ее горожанами.

— Мы надеемся, что вам у нас понравится, — сказал Жуль Ёв.

— Я тоже. Я тронута теплой встречей.

Она и в самом деле была тронута встречей, и, если бы не опасение нарушить какой-нибудь местный обычай, обидеть чем-нибудь любезных хозяев, она вела бы себя куда менее сдержанно.

Жуль Ёв и сопровождающие его лица провели Ольгу по всем комнатам посольской резиденции и с особенной гордостью показали ей спальню — громадное помещение, облицованное мореным дубом, посреди которого возвышалась под альковом квадратная кровать, увенчанная грудой перин.

— Это слишком роскошно для меня, — сказала Ольга. — Я, честно говоря, не привыкла к такой роскоши.

И... сказав это, тут же поняла, что совершила какую-то ошибку. Жуль Ёв переглянулся с другим стариком, и, как ей показалось, неодобрительно. И еще Ольга заметила, что молодой локатейпанец бочком-бочком пододвигается к кровати, будто хочет залезть под перину.

Жуль Ёв зашипел на него и, чтобы загладить неловкость, познакомил его с Ольгой.

— Это представитель нашей оппозиции, скептик, — сказал он.

Молодой скептик Ольге понравился. Ее только смутили его слова, сказанные вполголоса:

— Я вам не завидую.

— Так пройдем дальше, — предложил Жуль Ёв. — Мы еще не осмотрели кухню и библиотеку.

Да, локатейпанцы были очень любезны, очень рады, что она прилетела к ним, и все-таки Ольга чувствовала какую-то недоговоренность, шепоток за спиной, взгляды, пролетающие рядом, жесты, не предназначенные для ее глаз.

У входа в библиотеку их ожидал сухощавый локатейпанец в очках. Взгляд его был тяжел и настойчив.

— Наш эксперт по земным вопросам, — сказал о нем Жуль Ёв. — Не хотите ли с ним побеседовать?

— С удовольствием, — сказала Ольга, которая решила не отказывать ни в одной просьбе хозяев, хотя ей, по правде говоря, очень хотелось спать — ракета шла с перегрузками и Ольга очень устала.

— Сколько колонн у Большого театра? — неожиданно спросил эксперт.

Вопрос был странным и по крайней мере неделикатным. Но Ольга почувствовала, что ее ответу локатейпанцы придают большое значение. А сколько колонн в самом деле? Никогда в жизни ей не приходилось задумываться над этим. Она постаралась представить себе здание Большого театра, коней на фронтоне, толпу, жаждущую лишнего билетика под колоннами, но сколько же их? Четыре? Нет, больше. Шесть? Семь? Наверняка четное число.

— Шесть, — сказала она.

И по вытянувшимся лицам хозяев поняла, что совершила ошибку.

— Хотя я не помню точно, — добавила она, — может быть, и восемь. Как-то не приходилось считать.

— Не обращайте внимания на нашего эксперта, — любезно улыбнулся Жуль Ёв. — Любознательность его когда-нибудь погубит. А сейчас мы позволим себе откланяться. Вам надо отдохнуть.

И Ольга осталась одна. Ее не покидало ощущение, что за ней следят. Может быть, она чем-нибудь вызвала недовольство гостеприимных хозяев? Обидела их? Вроде нет. «Ну ладно, утро вечера мудренее. Высплюсь и тогда примусь за работу», — решила она.

Но и заснуть ей толком не удалось. Перины, которыми была завалена кровать, были податливыми, мягкими, даже слишком мягкими, и она с удовольствием бы выбросила по крайней мере половину, но все равно что-то твердое все время впивалось ей в бок, будто она спала на камнях. Ольга слишком устала, чтобы подниматься и разыскивать причину неудобства. Она заставила себя уснуть.

Ночью ей снилось, что она попала в лавину на Кавказе и камни с размаху падают на нее.

Это была далеко не самая приятная ночь в ее жизни. И, когда Ольга проснулась, она чувствовала себя избитой, невыспавшейся. Она с трудом поднялась и увидела, что бока ее покрыты синяками.

«Ну и жизнь у послов! — подумала она. — Надо будет вечером обязательно перебрать эти перины и соорудить себе ложе по вкусу. Ведь придется здесь жить несколько месяцев...»

У двери в спальню ждали локатейпанцы.

— Как вы спали? — хором спросили они.

— Спасибо, хорошо, — ответила машинально Ольга и подумала, что обязательно надо будет выкинуть эти перины.

— Вам ничего не мешало спать? — спросил посуровевший Жуль Ёв.

— Что вы! — Ольга улыбнулась самой дипломатической из известных ей улыбок. — Я очень благодарна вам за заботу. Я чувствовала себя совсем как дома.

— Все ясно, — сказал голос из задних рядов.

Голос был далеко не дружелюбен.

Знакомый оппозиционер-скептик скорчил жалобную мину и старался передать Ольге какой-то знак, которого она так и не поняла.

— У Большого театра восемь колонн, — сказал протиснувшийся в первый ряд эксперт. — А вот скажите нам, кто построил Тадж-Махал?

— Что? — удивилась Ольга. — Тадж-Махал?

— Не знает, — сказал Жуль Ёв.

— Не знает, — повторил мрачный голос из задних рядов. — Она такой же посол, как я.

Толпа угрожающе надвигалась на Ольгу, и та в полной растерянности отступала к спальне, проклиная свою неосмотрительность, проклиная неизвестную ей самой ошибку, которая ставит под угрозу дружеские отношения между Землей и Локатейпаном.

— Выбросить ее с планеты!

— Самозванка!

— Колатейпанская шпионка!

— Верните нам земного посла!

— Остановитесь! — крикнул молодой оппозиционер. — Вы можете совершить непоправимое!

— Она не знает, сколько колонн у Большого театра! — возразил голос из толпы. — Ей даже чертово семя нипочем.

«Ну вот, еще чертова семени не хватало», — подумала Ольга. Она неосторожно прислонилась к косяку двери и сморщилась от боли.

— Что с вами? — крикнул, перекрывая шум сановников, молодой оппозиционер.

— Ничего особенного, — силилась улыбнуться Ольга. — Что-то попало под перину и искололо мне бока.

«Что я делаю! — подумала она, произнося эти слова. — Теперь они окончательно обидятся. Готовили мне резиденцию, готовили, а я вместо этого...»

— Покажите, — сказал резко Жуль Ёв.

— Что показать?

— Синяки.

— Как так? — удивилась Ольга.

— Покажите им! — кричал молодой оппозиционер. — Не стесняйтесь. Они подложили вам под перину горошину, чтобы испытать, настоящий ли вы посол. Вы, наверно, слышали о таком методе?

Ольга поняла, что локатейпанцы не шутят, и, закатав рукав куртки, показала огромные синяки на руке.

— Ура! — закричали локатейпанцы. — Простите нас!

— Покажите хоть горошину, — попросила Ольга, стараясь сдержать смех.

Жуль Ёв собственноручно извлек из-под перин горошину, очень похожую на морского ежа, только чуть побольше размером.

МОЖНО ПОПРОСИТЬ НИНУ?

— Можно попросить Нину? — сказал я.

— Это я, Нина.

— Да? Почему у тебя такой странный голос?

— Странный голос?

— Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?

— Не знаю.

— Может быть, мне не стоило звонить?

— А кто говорит?

— С каких пор ты перестала меня узнавать?

— Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

— Ну ладно, — сказал я. — Послушай, я звоню тебе почти по делу.

— Наверное, вы все-таки ошиблись номером, — настаивала Нина. — Я вас не знаю.

— Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?

— Ну вот! — Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор. — Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.

— Простите, — извинился я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал на столе пачку кубинских сигарет. Крепких, как сигары. Их, наверное, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она мо-

жет быть, например, у мамы. Или в театре, потому что она тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

— Нина? — спросил я.

— Нет, Вадим Николаевич, — ответила Нина. — Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

— 149-40-89.

— А у меня Арбат — один — тридцать два — пять три.

— Конечно, — сказал я. — Арбат — это четыре?

— Арбат — это Г.

— Ничего общего, — пробормотал я. — Извините, Нина.

— Пожалуйста, — сказала Нина. — Я все равно не занята.

— Постараюсь к вам больше не попадать, — пообещал я. — Где-то заклинило. Вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

— Да, — согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», — ответила женщина по телефону 100. Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер 100, когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

— Я вас слушаю, — отозвалась Нина молодым голосом. — Это опять вы, Вадим Николаевич?

— Да, — сказал я. — Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

— Конечно, конечно, — быстро согласилась Нина. — Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

— Нет, — ответил я.

— У вас важное дело к Нине?

— Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.

— Соскучились?

— Как вам сказать...

— Я понимаю, ревнуете, — предположила Нина.

— Вы смешной человек, — произнес я. — Сколько вам лет, Нина?

— Тринадцать. А вам?

— Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

— И каждый кирпич — это месяц, правда?

— Даже один день может быть кирпичом.

— Да, — вздохнула Нина, — тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

— Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

— А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться, — сказала Нина. — Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

— Как когда.

— И у Пушкина?

— Не совсем. Мы как-то встречались у «России».

— Где?

— У кинотеатра «Россия».

— Не знаю.

— Ну, на Пушкинской.

— Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

— Не важно, — сказал я.

— Почему?

— Это давно было.

— Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. Почему-то она упорно продолжала разговор.

— Вы одна дома? — спросил я.

— Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

— Ага, — согласился я. — Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

— Вы со мной заговорили как с ребенком.

— Нет, что ты, я говорю с тобой как со взрослой.

— Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками и решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

— Я так и знала, что вы еще раз позвоните, — сказала Нина, подойдя к телефону. — Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

— Ладно, — согласился я. — Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

— Сейчас только восемь, — сказала Нина.

— У вас часы отстают, — отозвался я. — Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

— Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, — объяс-

нила она. — Сейчас октябрь, и поэтому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

— Теперь ваша очередь шутить? — спросил я.

— Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

— Почему врет?

— А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

— Нет, декабрь, — ответил я. И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря» — было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

— А вы ужинали?

— Не помню, — сказал я искренне.

— Значит, не голодный.

— Нет, не голодный.

— А я голодная.

— А что, дома есть нечего?

— Нечего! — подтвердила Нина. — Хоть шаром покати. Смешно, да?

— Даже не знаю, как вам помочь, — сказал я. — И денег нет?

— Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

— Да, — согласился я, — все закрыто. Хотите, я пошурую в холодильнике, посмотрю, что там есть?

— У вас есть холодильник?

— Старый, — ответил я. — «Север». Знаете такой?

— Нет, — призналась Нина. — А если найдете, что потом?

— Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

— А вы далеко живете? Я — на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

— А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

— Опять не знаю. Только это не важно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

— Если бы я помнил, — пробормотал я. — Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.

Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

— Итак, — сказал я, — открываем холодильник.

— А вы можете телефон носить с собой? Никогда не слышала о таком.

— Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

— В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

— Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

— Яйца?

— Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженая. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

— Да, — ответила Нина совсем тихо. — Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.

— Это еще почему? В самом деле так проголодались?

— Нет, вы же знаете.

— Что я знаю?

— Знаете, — настаивала Нина. Потом помолчала и добавила: — Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?

— Нет, — признался я. — Зато есть филе палтуса.

— Не надо, хватит, — сказала Нина твердо. — Давайте отвлечемся. Я же все поняла.

— Что поняла?

— Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?

— Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

— И вы все видите?

— Электричка, правда, далеко идет. Видна только цепочка огоньков, окон!

— Вот вы и врете!

— Нельзя так со старшими разговаривать, — отозвался я. — Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?

— Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.

— Что же она, невидимая, что ли?

— Нет, она видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.

— Почему? Я стою перед самым окном.

— А у вас в кухне свет горит?

— Конечно, а как же я в темноте в холодильник бы лазил. У меня в нем перегорела лампочка.

— Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.

— Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.

— Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?

— Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?

— Ой-ой-ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?

— Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.

— И я не об этом... Постойте, а вы инвалид?

— К счастью, все у меня на месте.

— У вас бронь?

— Какая бронь?

— А почему вы тогда не на фронте?

Вот тут я в первый раз заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.

— На каком я должен быть фронте, Нина?

— На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врете о курице и яйцах?

— Не вру, — признался я. — И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?

— Так я в самом деле не шучу! — почти крикнула Нина. — И вы перестаньте. Мне было сначала интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.

— Честное слово, девочка, я говорю правду, — сказал я.

— Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только коптилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

— Вы почему не на фронте?

— На каком я могу быть фронте? Какой может быть фронт в семьдесят втором году?!

— Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменил тон, был он недоверчив, был он маленьким, три вершка от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами — то, что было со мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. Когда мне тоже было двенадцать лет. И в комнате стояла «буржуйка». И я сижу на диване, подобрав ноги. И горит свечка, или это была керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

— Вы почему замолчали? — спросила Нина. — Вы лучше говорите.

— Нина, — сказал я, — какой сейчас год?

— Сорок второй, — ответила Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И номер телефона у нее только из шести цифр. И затемнение...

— Ты не ошибаешься? — спросил я.

— Нет, — стояла на своем Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

— Послушайте, — сказал я спокойно, — не вешайте трубку. Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

— Нет, — сказала Нина.

— Теперь знайте. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

— Ладно, — сказала Нина покорно. — Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских кур не бывает.

— Почему?

— Во Франции немцы.

— Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

— Как так? Кто их пускает?

— А почему не пускать?

— Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверное, просто вредитель или шпион?

— Нет, я работаю в СЭВе, в Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

— Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

— Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия — социалистическая республика.

— Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как мне хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

— Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

— Не может быть! Очень долго ждать.

— Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль — «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже

хуже, чем у Нины: хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну карточку — рабочую карточку, потому что Вадик посеял свою где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться, потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь погонять в футбол. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать то, что полагала хорошей сказкой:

— Ты знаешь Петровку?

— Знаю, — сказала Нина. — А ее не переименуют?

— Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего, лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе играли в футбол, и я эту карточку потерял.

— Какой ужас! — сказала Нина. — Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, — мы были вне времени, ближе к ее сорок второму году.

— Я не могу найти карточку, — объяснил я. — Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке, женский голос произнес:

— Это 143-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

— Вы ошиблись номером, — ответил я.

— Извините, — сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки.

Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получилась, в общем, чепуха...

— Да, — сказал голос Нины. Другой Нины.

— Это вы? — спросил я.

— А, это ты, Вадим? Что, тебе не спится?

— Извини, — сказал я. — Мне другая Нина нужна.

— Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

— Ты с ума сошел? — спросила Нина. — Ты пил?

— Извини, — сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить было бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат — три, нет, Арбат — один — тридцать два — тринадцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

— Я весь вечер сидела дома, — сказала она. — Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так вел себя. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

— Наверное, — согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

— Какая еще другая Нина? — спросила она. — Это образ? Ты хочешь видеть меня иной?

— Спокойной ночи, Ниночка, — сказал я. — Завтра все объясню.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антресоли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложенных бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга была настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, — если б не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничем не поняла, улыбнулась только, проходя мимо, и сказала:

— Ты всегда так. Начинаешь разбирать книги, зачитываешься через десять минут, и уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу.

Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, сделали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жили ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с

тридцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

— Скажите, Фролова Нина Сергеевна — ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке, ответил равнодушно:

— Они уехали.

— Куда?

— Месяц как уехали на Север. До весны не вернутся. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

— Погодите, — сказал тот же парень. — Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

— А вы кем ей будете?

— Так просто, — ответил я. — Знакомый.

— Не Вадим Николаевич?

— Вадим Николаевич.

— Ну вот, — обрадовалась женщина, — чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверное, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пытала: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе самой уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

О СТРАХЕ

Перед Курским вокзалом с лотка продавали горячие пирожки с мясом. Мягкие и жирные. По десять копеек. Раньше их продавали везде, но, видно, с увеличением дефицита мясных продуктов, при косной политике цен, когда нельзя волюнтаристски увеличить цену

на пирожок вдвое, столовые предпочитают сократить производство пирожков.

Я смотрел на короткую очередь к лотку и представлял, как эти пирожки медленно вращаются, плавают в кипящем масле, и мне хотелось пирожка до боли под ложечкой. И я был горд собой, когда сдержался и вошел в стеклянную дверь, отогнав соблазнительное видение. Мне категорически нельзя есть жирное тесто. Еще пять лет назад у меня был животик, а теперь некоторые называют мой животик брюхом. Я слышал, как моя бывшая возлюбленная Ляля Ермошина говорила об этом подруге в коридоре. Они курили и не заметили, что я подошел совсем близко. А когда увидели меня, то засмеялись. Как будто были внутренне рады, что я случайно подслушал их слова.

Сентябрь. Вокзал переполнен народом. Такое впечатление, что вся страна сорвалась с мест, с детьми, бабками, тюками, чемоданами, ящиками... Бесконечные ряды сидений на втором этаже были вплотную заполнены людьми. Если кто засыпал, то склонял голову на плечо соседу. Не больше. Некоторые транзитники проводят на вокзале по нескольку дней, отстаивая безнадежно длинные очереди к кассам, толпясь в переполненном буфете, торча часами у киосков «Союзпечати», и, если билет наконец добыт, но до отхода поезда остались еще часы, а то и дни, бросаются на милость экскурсоводов и отправляются в автобусах поглядеть на Москву при электрическом освещении. Даже громадный, высокий новый зал вокзала не может рассеять российский железнодорожный запах, который, как мне кажется, живет в полосе отчуждения с середины прошлого века, так как в нем смешиваются не только ароматы современные — дух электрических искр и разогретой пластмассы, — но и такие давно умершие в иных местах запахи, как вонь онуч, скисшего молока, избы, которую топят по-черному. И все это смешивается с извечными признаками дороги — смесью воздуха из плохо промытых, пропитанных хлоркой уборных, бурого угля и просмоленных шпал. Никуда нам не деться от этой симфонии запахов. Я подозреваю, что даже на космодромах, когда космические путешествия станут обычным делом, возникнет и приживется этот обонятельный комплекс.

Внизу, где потолок нависает над подземным залом, где покорные хвосты пассажиров маются у камер хранения, за рядом столов, где молодые люди с острыми глазками торгуют старыми журналами и книжками, что никто не покупает за пределами вокзала, на стене висели телефоны-автоматы. Перед каждым по три-четыре человека, внимательно слушающих, что может сообщить родным или знакомым тот, кто уже дождался своей очереди. Я был четвертым к крайнему автомату.

Я полез в карман и, конечно же, обнаружил, что двухкопеечной монеты нет. Даже гривенника нет. Я достал три копейки и голосом

человека, который умеет просить (а я не выношу просить), обратился к человеку, стоящему передо мной.

— Простите, — сказал я. — Вы мне не разменяете три копейки?

Человек, видно, глубоко задумался. Он вздрогнул, будто не мог сообразить, что мне от него надо. Он обернулся, сделав одновременно быстрый шаг назад. Я впервые увидел его глаза. Сначала глаза. Глаза были очень светлые с черным провалом в центре зрачка и черной же каемкой вокруг. Они мгновенно обшарили мое лицо, а я в эти секунды смог разглядеть человека получше. Лицо его было таким узким и длинным, словно в младенчестве его держали между двух досок. Мне в голову сразу пришла дурацкая аналогия с ногами знатных китаянок, которые туго пеленали, чтобы ступни были миниатюрными. Нос этого человека от такого сплющивания выдался далеко вперед, но еще больше вылезли верхние зубы. Я бы сказал, что лицо производило неприятное впечатление. На человеке был старомодный плащ, застегнутый на все пуговицы.

— Какие три копейки? — спросил он, словно я потребовал от него кошелек.

— Ну вот... — Я чувствовал себя неловко, но отступать было поздно. — Видите? — Я показал ему трехкопеечную монету. — Мне надо разменять. А как назло, срочный звонок. Понимаете? Может, по копейке?

— Нет, — быстро ответил человек. — Я сам достал. С трудом.

— Не беспокойтесь. — Мне хотелось как-то утешить человека, который явно находился под гнетом страха. — Я найду. Извините. Только, если кто-то подойдет, скажите, что я за вами.

Человек быстро кивнул.

Я пошел по залу к столам с журналами, и мне казалось, что он смотрит мне вслед.

Молодые люди, которые торговали журналами, разменять монету не смогли. Или не хотели. Им надоело, что в течение дня сотни людей подходят к ним с подобной же просьбой. Наверное, если бы я купил прошлогодний номер «Науки и жизни», они отыскали бы две копейки. Но тратить рубль только из-за того, чтобы эти бесчестные люди снабдили меня монетой, я не мог.

После неудачной попытки у аптечного киоска я остановился и еще раз обшарил свои карманы. Оттуда мне был виден испуганный узколицый человек. Как раз подходила его очередь.

Вдруг я нашел монетку. В верхнем кармане пиджака. Как она могла туда попасть, ума не приложу.

Я вернулся к автоматам. За узколицым человеком стояла девушка с сумкой через плечо.

— Я здесь стоял, — сообщил я ей.

— А мне никто не сказал, — заявила девушка агрессивно.

Меня смущает агрессивность в нашей молодежи. Как будто эти

хорошо одетые, сытые подростки заранее готовы огрызнуться и даже ждут предлога, чтобы тебя укусить.

— Подтвердите, товарищ, — сказал я узколицему человеку, который уже взялся за телефонную трубку.

— Да, — сказал тот, — это так. Гражданин занимал очередь. Я подтверждаю.

Девушка отвернулась, ничего не ответив. Могла бы и попросить прощения за грубость тона. Хотя, впрочем, она же этого тона не ощущала.

Узколицый человек позвонил в справочную. Я не мог не слышать, о чем он говорит. Но я стоял слишком близко к нему, опасаясь, что по окончании его разговора нахальная девушка может оттеснить меня.

— Девушка, — сказал узколицый человек, дождавшись ответа, — я хотел бы выяснить у вас телефон одного лица... Да, эти данные мне известны. Мик Анатолий Евгеньевич. Год рождения тысяча девятьсот первый... Нет, адреса не знаю. Но ведь фамилия редкая!..

Он ждал, пока девушка найдет нужную строчку в своей справочной книге, прикрывая ладонью трубку. Даже в полутьме этого угла зала мне было видно, что ногти у него грязные.

— Не значится? Ну конечно, он мог уехать... Ну конечно, он мог умереть... давно, еще до войны. Нет, не вешайте трубку! Пожалуйста, проверьте тогда: Мик Иосиф Анатольевич или Мик Наталья Анатольевна. Год рождения? Соответственно тридцать первый и тридцать третий. Я подожду.

Девушка перешла к другому автомату, где уже кончали говорить.

Узколицый человек снова зажал трубку ладонью и поглядел на меня загнанно и виновато.

— Сейчас, — сказал он. — Она скоро.

Я постарался вежливо улыбнуться. Ситуация выглядела банально. Человек приехал в Москву. Вернее всего, его поезд уходит завтра, в гостиницу он не устроился, ночевать на вокзале не хочет. Вот и принялся искать давно забытых родственников.

— Нет? — услышал я голос узколицего. — Вы уверены? Вы хорошо посмотрели?.. Да-да, простите за беспокойство.

Он повесил трубку.

— Я так и думал, — сказал он мне.

— Ну ничего, — ответил я. — Они в самом деле могли уехать.

— Куда? — спросил он, как будто я должен был дать ему ответ.

— Столько лет прошло, — сказал я.

— Вы откуда знаете? — Глаза его сразу стали почти белыми от вспыхнувшего недоверия ко мне.

— Я ничего не знаю, — ответил я мирно. Я вообще мирный человек. Я согласен с теми, кто утверждает, что толстые люди более добры и великодушны, чем худые. Хотя, конечно, не мешало бы и похудеть.

— Я был вынужден слушать ваш разговор. И вы сами сказали, что видели своих родственников еще до войны. Маленьким мальчиком.

— Кто мальчик?

— Простите, — сказал я, чувствуя, что есть опасность снова потерять очередь — высокий мужчина в японской голубой куртке стал проталкиваться к телефону, и я, чтобы не упустить очередь, схватил трубку.

Далеко этот человек не ушел.

Я увидел его через пять минут в очереди за мороженым.

Я завистлив. Увидев, как он стоит за мороженым, я сразу захотел мороженого. Отказав себе в пирожках, я тем самым совершил определенное насилие над собственным организмом. Мороженое было паллиативом. Я мог себе его позволить после того, как не позволил пирожка. И тогда я пошел на маленькую хитрость. Я прямо направился к узколицему человеку и протянул ему двадцать копеек.

— Возьмите мне тоже, — сказал я, улыбаясь, словно мы были хорошо и давно знакомы.

— Что? — Он растерялся от такой наглости с моей стороны, но отказать не смог. К счастью, в очереди, которая выстроилась сзади, никто не заметил его мгновенного колебания.

Человек держал мои двадцать копеек осторожно, двумя пальцами, словно это были заразные деньги. В другой руке у него была десятка. Он взял четыре порции мороженого, а потом протянул продавщице мои двадцать копеек и сказал:

— И еще одну.

Брать он мое мороженое не стал, предоставив это мне, а сам свободной рукой принял стопку мятых бумажек и монеток и не глядя сунул в карман плаща.

— Спасибо, — сказал я, ожидая, пока он управится с деньгами. — Помочь вам?

— В чем?

— Давайте, я подержу мороженое.

Слова мои звучали глупо. Любой человек может удержать в руке четыре пачки мороженого.

Мне следовало как-то уладить этот конфузливый момент, чтобы человек не подумал, что я к нему пристаю, что мне от него что-то нужно.

— Поймите меня правильно, — сказал я и почувствовал, что краснею. — Но вы оказали мне любезность, и мне хотелось бы отплатить вам тем же. Если вам мое вмешательство неприятно, то простите ради бога, и я уйду.

Он ничего не отвечал и пошел медленно прочь. Я шел рядом и не мог остановиться.

— Получилось так, — продолжал я, — что мне пришлось застрять на вокзале. Я здесь уже второй день. Я страшно истосковался по нор-

мальному человеческому общению. Мой поезд уходит только вечером. Я уже дважды ездил на экскурсии по памятным местам, я изучил все вывески и объявления, узнаю в лицо всех милиционеров на вокзале. Я просто не представляю, как переживу еще четыре часа. Если не верите, то посмотрите, вот мой билет.

Я полез в карман за билетом, но тот человек сказал:

— Не надо. Зачем?

— Я сам из Мелитополя, — сказал я. — Я технолог, был в Ленинграде у моей тети. Знаете, из старых петербуржских дев. А теперь вот болеет. Возраст.

Так, разговаривая (вернее, разговаривал я, а узколицый человек лишь кивал в знак того, что слышит), мы поднялись по эскалатору наверх. За стеклянной стеной начало смеркаться. У дверей толпились автобусы.

— Извините, — сказал я, останавливаясь наверху. — Я пойду. Еще раз тысячу извинений.

Он ничего не ответил, и я пошел к кассам, но тут же человек меня окликнул.

— Подождите, гражданин, — сказал он. — Вы едете в Мелитополь?

— Да, — сказал я, возвращаясь. — Сегодня вечером.

— Вы там живете?

— Разумеется.

— Мой отец жил в Мелитополе, — сказал узколицый человек.

— Не может быть!

Мороженое, которое он держал обеими руками, размягчилось, и мне было видно, как его пальцы продавили углубления в брикетах. Но он этого не замечал.

— Я хотел бы поехать в Мелитополь, — сказал человек.

— Приезжайте, — сказал я. — Я могу вам оставить адрес. Я живу один в трехкомнатной квартире. Моя жена покинула меня, вот и остался я один.

Наверное, я показался ему человеком с недержанием речи. И, чтобы отвлечься от мелитопольской темы, я сказал:

— Ваше мороженое вот-вот потечет.

— Да, конечно, — согласился он, думая о чем-то другом.

— Вы отнесите его, — посоветовал я.

— А вы уйдете? — Я понял, насколько одинок и не уверен в себе этот человек. — Вы, пожалуйста, не уходите. Если, конечно, можете.

— Разумеется, — сказал я. — Конечно, я буду с вами.

Мы с ним пошли через зал. Его семья ждала его в дальнем конце зала, за закрытым киоском. Двое детей сидели по обе стороны женщины средних лет с таким же узким лицом, как у моего нового знакомого, и с еще более длинным носом. Я даже вообразил сначала, что это его сестра. Но оказалось, что жена. При виде нас женщина поче-

му-то прижала к груди черную матерчатую сумку, а дети, один совсем маленький, другой лет семи, замерли, будто крольчата при виде волка.

Женщина была коротко подстрижена, почти под скобку, и лишь на концах волосы были завиты. И платье, и пальто с большими серыми пуговицами были очень неправильными, именно неправильными. Я бы даже не сказал, что они немодны или старомодны. Они принадлежали к другому миру.

— Маша! — сказал быстро мой спутник. — Не волнуйся, все в порядке. Этот гражданин из Мелитополя, мы с ним покупали мороженое.

С этими словами он положил ей на руки полурастаявшие пачки, и женщина инстинктивно вытянула вперед руки, чтобы капли сливок не падали на пальто.

— Моя жена, — сказал узколицый человек. — Мария Павловна.

Женщина как-то сразу обмякла, видно, она боялась тут сидеть одна, с детьми. Дальше на длинной скамье дремал казах с электрогитарой, затем сидела парочка голубков лет пятидесяти. На нас никто не смотрел.

Женщина оглянулась, куда деть мороженое.

— Дай сюда, — сказал семилетний мальчик. — Я подержу.

— Только не накапай на штанишки, Ося, — сказала женщина.

— А мне? — спросила малышка. Она сидела на лавке, поджав ноги, покрытая серым одеялом, на котором можно было угадать изображение белки с орехом.

— Сейчас, Наташенька, сейчас, — сказала женщина.

Она быстрым кошачьим движением извлекла из сумки носовой платок, вытерла руки и, поднявшись, протянула мне ладонь.

— Мик, Мария Павловна, — сказала она. — Очень приятно с вами познакомиться.

— Мы тут проездом, — быстро сказал узколицый. — Да вот застряли.

Он вдруг засмеялся, показав, как далеко вперед торчат его длинные зубы.

— И очень хотим уехать, — сказала его жена.

— Простите, — я не хотел ничем пугать этих странных людей, — но мы с вами так и не познакомились. Меня зовут Лавин, Сергей Сергеевич Лавин.

Я протянул ему руку.

Он с секунду колебался, будто не знал, сказать ли настоящее имя или утаить. Потом решился.

— Мик, — сказал он. — Анатолий Евгеньевич.

Мне было знакомо это имя. Я его слышал, когда Анатолий Евгеньевич говорил по телефону. Но я не стал ничего говорить. Рука у него была холодной и влажной, и мне показалось, что я ощущаю, как быстро и мелко бьется его пульс.

— Подвиньтесь, дети, — сказала жена Мика. — Дайте товарищу сесть.

— Спасибо, я постою.

Дети покорно поднялись. Одеяло упало на пол. Дети стояли рядышком. Они так и не ели мороженое, которое текло между пальцев Оси и капало на пол.

— Ешьте, дети, а то будет поздно, — сказал я. — Видите, я уже доедаю.

— Почему поздно? — спросил мальчик.

— А то придется лизать с пола.

Дети удивились, а родители вежливо засмеялись.

— Вы оставайтесь здесь и не волнуйтесь, — сказал Мик жене. — Нам с Сергеем Сергеевичем надо поговорить.

— Не уходи, папа, — сказал мальчик.

— Мы будем стоять здесь, где вам нас видно.

Он взял меня за руку и повел к стеклянной стене. Воздух за ней был синим. Очередь на такси казалась черной.

— Они очень нервничают, — сказал Мик. — Я в отчаянии. Моя жена страдает от гипертонической болезни. Мы с утра здесь сидим.

— У вас никого нет в городе? Я слышал, что вы звонили, но вам сказали...

— Это уже не играет роли. Но вы мне показались достойным доверия человеком. Я решил — мы поедем в Мелитополь. Как вы думаете, можно ли будет купить билет?

— Я достал его с трудом, — честно признался я. — Много желающих.

— Впрочем, мы можем уехать и в другой город. Но приехать на место, где тебя никто не знает и ты никого не знаешь...

— Честно говоря, Анатолий Евгеньевич, — сказал я, — мне все это непонятно.

Мальчик Ося подошел к нам и протянул отцу газету.

— Мама сказала, чтобы ты почитал, — заявил мальчик. — Тут написано про космонавтов. А кто такие космонавты?

Мик перехватил мой удивленный взгляд.

— Я тебе потом расскажу, сынок, — сказал он.

Я погладил мальчика по головке.

— Космонавты, — сказал я, — осваивают космос. Они летают туда на космических кораблях. Разве тебе папа раньше не говорил?

— Мы жили уединенно, — сказал Мик. — Ося, возвращайся к маме.

К счастью, Ося не был похож на родителей. У него было обыкновенное круглое лицо и нормальный нос. Может, его мама согрешила с другим? Впрочем, какое мне дело?

— А почему ты мне не говорил про космонавтов? — спросил мальчик. — Их никогда раньше не было.

— А кто же был, Ося? — спросил я, улыбаясь.

— Раньше были челюскинцы, но я их не видел, — сказал мальчик серьезно. — А теперь есть Чкалов. Чкалов космонавт или нет?

— А что ты знаешь о Чкалове?

— Ося, немедленно назад! — Мик буквально шипел, словно кипящий чайник. Я испугался, что он ударит мальчика.

— А Чкалов скоро полетит в Америку. Я знаю, — сказал мальчик.

Прическа, понял я. Такой прически сегодня просто никто не сможет сделать. Даже в отдаленном районном центре. Парикмахеры забыли, как стричь «под бокс», а Мик подстрижен «под бокс».

— Твое имя Иосиф, мальчик? — спросил я.

Мальчик не уходил. Ему было интереснее со мной, чем с мамой.

— Мария! — крикнул пронзительно Мик, и я понял, что он всегда в жизни кричит, зовет на помощь Марию, если не знает, что делать. — Мария, возьми мальчика.

— А меня назвали в честь дяди Сталина, — сказал мальчик. — А почему нет портрета дяди Сталина?

— Дядя Сталин, — сказал я, — давным-давно умер.

И тут испугался мальчик. Мне даже стало неловко, что я так испугал мальчика.

Мать уже спешила к нам через зал. Она резко схватила мальчика за руку и поташила от нас, она не спрашивала, она обо всем догадалась. Мальчик не оборачивался. Он плакал и что-то говорил матери.

— М-да, — сказал я, чтобы как-то разрядить молчание. — Наверное, мне лучше уйти. Вы нервничаете.

— Да, — согласился Мик. — Хотя, впрочем, зачем вам теперь уходить? Вы же догадались, да?

— Я теряюсь в догадках, — сказал я. — У меня создается впечатление, что вы много лет где-то прятались, что вас не было... Я не знаю, как это объяснить...

— Давайте выйдем наружу, покурим. Вы курите?

Мы вышли из вокзала. Сквозь освещенную стеклянную стену я видел сидевших кучкой жену и детей Мика. Девочка спала, положив голову на колени матери. Мальчик сидел, подобрав коленки. Коленки были голыми. На мальчике были короткие штанишки, что теперь редко увидишь.

Мик достал из кармана смятую пачку папирос «Норд». Предложил мне. Я предпочел «Мальборо». Мы закурили.

— Мы не прятались, — сказал Мик, оглядываясь на старуху, стоящую неподалеку с букетом астр. — Нас просто не было.

Горящие буквы новостей бежали по крыше дома на другой стороне Садового кольца. «Высадка на Марсе ожидается в ближайшие часы». У нас плохо с мясом, подумал я, но мы добрались до Марса. Этого я, разумеется, не сказал вслух.

— Мы живем в прошлом. Вернее, жили в прошлом до вчерашнего

дня. И вот, простите, бежали. Скажите и не поймите меня ложно: в самом ли деле портретов Сталина нет в вашем времени?

— Как-то я видел один на ветровом стекле машины. Она была с грузинским номером, — сказал я. — Он для нас — далекая история.

— А вы знаете, что по его вине погибло много людей? Об этом вам известно?

— Известно, — сказал я. — Давно известно.

— И что вы сделали?

— Мы сделали единственное, что можно было сделать, чтобы не отказываться от собственной истории, — сказал я. — Мы предпочли забыть. И о нем, и о тех, кто погиб. Наверное, я не совсем точен. Наверное, правильнее сказать, что мы отдаем должное тем, кто погиб безвинно. Но стараемся не обобщать.

— Может, это выход. Трусливый, но выход. Я не хочу вас обидеть. Я специально выбрал это время, чтобы быть уверенным, что никого из них уже не будет в живых.

Я промолчал.

— Еще вчера... — сказал Мик, глубоко затягиваясь. Табак в папиросе был плохой, он потрескивал, будто Мик раздувал печку. — Еще вчера мы жили в 1938 году. Вы не верите?

— Не знаю, — сказал я. — Если вы мне объясните, то я постараюсь поверить.

— Я работал в институте. Вам название ничего не скажет. Нас было несколько экспериментаторов. И должен сказать, что во многом мы даже обогнали время. Это звучит наивно?

— Нет, всегда есть ученые, которые обгоняют время.

— Во главе института стоял гениальный ученый. Крупинский. Вы слышали о нем?

— Простите, нет.

— Он работал у Резерфорда. Эйнштейн звал его к себе. Но он остался. С нами, с его учениками. А времена становились все хуже. И к власти в институте пришли... мерзавцы.

Он потушил папиросу и сразу достал новую.

— И потом взяли одного из нас, и он исчез. И было ясно, что очередь за другими. Многие из нас бывали за границей. И потом, мы не могли быть осторожными. В самые тяжелые времена наверх вылезает осторожная, но наглая серость. Она везде. Она в биологии, она в генетике, даже в истории. Вы знаете, что генетика фактически под запретом?

— Я слышал, что так было.

— Слава богу, я не зря приехал сюда. Хоть генетика... И мы стали работать. Крупинский сказал нам, что если мы не можем уехать, не можем спрятаться, то мы не имеем права бесславно и незаметно умирать. Наука нам этого не простит. Наш долг — остаться в живых. И есть одна возможность — уйти в будущее. Пока теоретическая. Но

если нам очень хочется жить, то мы сделаем это. Практически. И знаете, никто не донес. Мы все работали вечерами, даже ночами, а днем делали вид, что прославляем и так далее. И все было готово.

— А в каком институте, если не секрет?

— Ну какой теперь может быть секрет. Институт экспериментальной физики имени Морозова. Слышали?

Я кивнул.

— Все было готово. Позавчера. И знаете, почему мы особенно спешили? Три дня назад взяли Кацмана. Аркашу Кацмана. Совсем по другому делу. Там что-то с его родственником. Но мы знали, что его будут допрашивать и, когда начнут сильно допрашивать, он расскажет. Знаете, когда пишут про Гражданскую войну, там всегда есть герои, которых белогвардейцы пытают целыми неделями, но те молчат. В самом деле так не бывает. Они ведь профессионалы. Они умеют пытать. Сознаются все. И мы знали, что, даже если Аркашу не будут спрашивать об институте, что было маловероятно, он все равно все расскажет, чтобы купить жизнь. Он очень хороший человек, Аркаша. Но мы были правы. Я дежурил в институте, и в срок никто не пришел, даже Крупинский. Я думал, что Крупинского не посмеют тронуть. Я позвонил ему домой, а незнакомый мужской голос спросил, кто его просит. И я сразу понял. По интонации. Знаете, они почему-то привозят людей с Украины, с таким мягким южным акцентом. Я не знал, сколько у меня времени. Я позвонил домой. Я сказал Марии, чтобы она взяла детей и больше ничего. Правда, она догадалась взять свои кольца. Иначе бы я забыл. Зато здесь я продал сегодня одно кольцо — знаете, мне за него дали двадцать рублей. Такой черненький человек. Иначе и по телефону не позвонишь. Она догадалась и больше не спрашивала. Хорошо, что мы рядом живем. А знаете, что я сделал, когда уже включил машину? Я позвонил к себе домой. И там подошел к телефону человек с таким же мягким акцентом. Мои успели уйти буквально за считаные минуты. И мне кажется, что, когда машина уже работала, они ворвались в лабораторию. Но, может быть, мне показалось.

— Трудно поверить, — сказал я.

— Ах, это так просто...

Теперь, когда он мне все рассказал, он чувствовал себя иначе, страх отпустил его. Я стал его сообщником. Почти родным ему человеком. Не важно, что произойдет с нами потом, но сейчас мы были сообщниками в бегстве из прошлого. Он извлек из внутреннего кармана пиджака черный кожаный бумажник и из него паспорт в серой мягкой обложке. Мне было любопытно поглядеть на его паспорт. В паспорте значилось, что мой собеседник — Мик Анатолий Евгеньевич, год рождения — 1901. И фотография была правильная. Узкое лицо. Светлые глаза. Конечно, можно сделать все — и паспорт, и фотографию. Но ради чего? Чтобы удивить меня? И я поверил этому человеку.

— Что же теперь делать? — спросил я.

— Не представляю. Мы выбрались из машины ранним утром. На наше счастье, здание института сохранилось. Только там все иначе. Это было на рассвете. Никого не было. Мы вышли...

— Вы не боялись, что кто-нибудь пойдет вслед за вами?

— У нас все было оговорено. У нас была сделана очень маленькая мина замедленного действия. Она должна была разрушить только пульт управления. Через тридцать секунд после того, как уйдет в будущее последний. Но я был единственным... Нет, они не догадаются. И я думаю, что они не поверят. Ну как можно поверить? Куда проще предположить, что это заговор шпионов.

Он ухмыльнулся и показал длинные зубы. Потом достал третью папиросу.

— Вы много курите, — сказал я.

— Нервничаю. — Он робко улыбнулся.

— Ну и что дальше?

— Дальше? Дальше я рассудил... Я уже ночью придумал, что, если никого, кроме меня, не будет, я сначала поеду на вокзал. И знаете, я оказался прав. Здесь так же много людей, как полвека назад. И такая же неразбериха.

Он поглядел сквозь стеклянную стену в зал. Мария Павловна сидела прямо и смотрела перед собой. Она ждала. Ей было страшно, куда страшнее, чем ее мужу. Дети спали.

— Ей страшно, — сказал Мик. — Она не знает, чем это кончится. Но я теперь надеюсь, что мы уедем в тихий город, ведь теперь не арестовывают, не убивают?

— Нет, — твердо сказал я. — Теперь этого не бывает.

— Все кошмары кончаются, — сказал Мик. — Я всегда знал, что тот кошмар тоже кончится. По крайней мере, я спокоен за детей. Они будут учиться... Я тоже могу преподавать физику в школе. Я не так уж отстал от школьного уровня.

— Разумеется, — сказал я.

— Мы возьмем билеты в Мелитополь и затеряемся... Знаете, может, даже мы сойдем на какой-нибудь станции и я скажу, что потерял документы. Что мне за это будет?

— Не знаю, — сказал я. — Наверное, выдадут новые. Только трудно будет проверить...

— До встречи с вами я был в каком-то шоке, — сказал Мик. — Я вам очень признателен. От вас исходит какое-то спокойствие, уверенность в себе. Я позвонил в справочное... А, вы слышали? Я позвонил и думал спросить, не дожил ли кто-нибудь из нас... Глупая мысль.

— Нелепая мысль, — сказал я. — Получается, что вас двое. А этого быть не может.

— А вы где будете ночевать? На вокзале?

— Нет, — сказал я. — У меня здесь живет знакомая. Одна из моих тетушек. У нее отдельная квартира.

— Счастливец.

— И у меня есть к вам предложение. Детям плохо на вокзале. И жене вашей нехорошо. Я думаю, что у тетушки мы поместимся. Мы скажем ей, что вы мои мелитопольские родственники.

— Вы с ума сошли. Это же такое неудобство...

— Если вам не накладно, — сказал я, — то вы утром ей заплатите. Немного. Она на пенсии, и лишние пять рублей ей не помешают.

— Разумеется, у меня значительно больше денег. И у Маши остались еще кольца. Это было бы великолепно...

— Вот и решили, — сказал я. — Собирайте свою гвардию, а я пойду ловить машину.

— Такси?

— Такси вряд ли, — сказал я. — Поглядите, какая очередь. Это часа на полтора как минимум. Я думаю, что отыщу левака. Частника.

— А это можно?

— У нас многое можно, — улыбнулся я.

— Так я пошел?

— Давайте. Встречаемся здесь.

Я поглядел ему вслед. Он бежал через зал к своей жене. Он был счастлив — длинные зубы наружу в дикой улыбке. Он махал руками и, нагнувшись к жене, начал ей быстро, возбужденно что-то говорить...

Когда они выползли всем семейством к выходу, голубой «рафик» уже стоял неподалеку. Шофер выглянул из окошка.

— Поторапливайтесь, — сказал он. — Тут фараоны не дремлют.

— Он согласился, — сказал я. — Он еще одну семью взял, их отвезет к площади Маяковского, а потом нас, дальше, на Ленинский.

— Мы на этой машине поедем? — спросил Ося. — Я такой не знаю.

— Привыкнешь, — сказал Мик. — Ты еще не такие машины увидишь.

Сначала в машину Мария Павловна внесла спящую девочку. Потом забрались Мик и мальчик. Я последним.

Я поздоровался со средних лет четой, сидевшей на заднем сиденье. Мария Павловна уложила девочку на сиденье.

— Все в норме? — спросил шофер.

Машина ехала по Садовому кольцу, и Мик не отрываясь глядел по сторонам. Ему все нравилось. И яркое освещение, и движение на улицах. И даже рекламы. Мальчик все время спрашивал: «А это что? А это какая машина?» Мать пыталась его оборвать, но я сказал:

— Пускай спрашивает.

Перед площадью Маяковского машина свернула в переулок.

Мы сидели с Миком на переднем сиденье, и поэтому, когда я наклонился к нему и начал тихо говорить ему на ухо, его жена ничего не слышала.

— Мик, — сказал я, — только не надо шуметь и устраивать истерику. Сейчас мы приедем в одно место, и вы тихо выйдете из машины. Там нас ждут.

— Кто? — прошептал он, тоже стараясь, чтобы жена не услышала. — Кто может ждать... здесь?

— Мик, — сказал я, — вы ведь думаете только о себе. Мы вынуждены думать о более серьезных вещах. Путешествия во времени невозможны. Успешное путешествие во времени может нарушить, как говорил поэт, «связь времен». Вы исчезли в прошлом, образовав там опасную лакуну. От вашего отсутствия нарушается баланс сил в природе. Вы же физик, вы должны были это предусмотреть.

— И ждать, пока нас убьют и отправят куда-то наших детей?

— Ваши товарищи не избегли этой участи. Поймите, Мик, я не имею ничего против вас и вашей семьи. Я искренне вам сочувствую и надеюсь, что обвинение против вас будет снято. Известно множество случаев, когда людей отпускали на свободу.

— В каком году умер академик Крупинский? — спросил вдруг Мик в полный голос.

— Не знаю, — сказал я. Хотя знал, что в 1938 году.

Мария Павловна почувствовала что-то в его голосе.

— Что случилось? — спросила она. И, когда ей никто не ответил, сказала очень тихо: — Я так и знала.

Машина въехала во двор управления, железные ворота закрылись за ней. Не замедляя хода, она нырнула в знакомые мне ворота и резко затормозила во внутреннем зале. Два наших товарища уже ждали. Один из них открыл дверь.

Два других наших товарища, которые сидели на заднем сиденье, спрятали оружие, и женщина средних лет — я ее знал только в лицо — сказала:

— Выходите спокойно, товарищи.

Они вышли совершенно спокойно. Я хотел взять девочку из рук Марии Павловны, чтобы помочь той. Но Мик оттолкнул меня. Я не обиделся. Я понимал, что, с его точки зрения, я кажусь коварным человеком, заманившим его в ловушку.

— Куда нас денут? — спросил он визгливым голосом. Я подумал, что с облегчением забуду это длинное сплюснутое лицо и эти длинные желтые зубы.

— Назад, — сказал один из наших товарищей.

— Но ведь этого нельзя делать, — сказала Мария Павловна. — Они там нас ждут.

Товарищ пожал плечами.

В низкую железную дверь вошел Степан Лукьянович. Он быстро взглянул на беглецов, потом пожал мне руку и поблагодарил за работу.

— У меня были данные, — сказал я. — Остальное лишь опыт и наблюдательность.

— Скажите, — Мик так и не выпускал из рук девочку, — а вы знали? Давно?

— Это третий случай, — вежливо ответил Степан Лукьянович. — Все три нам удалось пресечь.

Он немного лукавил, мой шеф. Второй из этих случаев кончился трагически. Тот человек, который попался, имел при себе яд. Но эти наверняка яда не имеют. Совсем другие люди.

— А мы куда поедем? — спросил мальчик.

— Я вас очень прошу, — сказала вдруг Мария Павловна. — Ради наших детей. Посмотрите на них. У вас же тоже есть дети?

— Я вам искренне сочувствую, — ответил Степан Лукьянович. — Но, простите за народную мудрость, каждому овощу свое время.

— Не надо, Маша, — сказал Мик, — не проси их. Они те же самые.

— Ну тогда оставьте детей. Мы вернемся, мы согласны! — кричала Мария Павловна. Она старалась вырвать ребенка у своего мужа, он не отпускал девочку, одеяло развернулось и упало на пол, девочка верещала. Это была тяжелая сцена.

Мик первым побежал к открытой двери, но его остановил один из наших товарищей.

— Не сюда, — сказал он.

И показал на другую дверь, которая как раз начала открываться.

ПУСТОЙ ДОМ

Мы схожи с мореплавателями семнадцатого века. Океаны безбрежны и полны тайн. Карты — сплошные белые пятна, кое-где пересеченные маршрутами капитанов, что побывали в этих широтах десять, сто лет назад. Богатая фантазия картографов заполнила плоскости белых пятен двухголовыми чудовищами, морскими змеями, огнедышащими горами и сиренами.

Завтра моряку, быть может, повезет: пролетит над бушпритом зеленый попугай, закачается на волнах скорлупа кокосового ореха, туманным облаком повиснет над горизонтом неизвестный остров.

— Не будет на острове двухголовых чудовищ и темнокожих красавиц. И тайн не будет. Остров окажется точно таким же, как сто островов до него, — сказал Гусев.

— Сила тяжести восемь «ж», метеоритные кратеры и выходы базальтов, — сказал Бауэр.

— Мне с вами скучно, — сказал я. — Мне давно с вами скучно. Метеоритных кратеров не будет. В такой плотной атмосфере сгорит без следа даже аризонский метеорит.

— Там все уже сгорело, — не сдавался Гусев. — Температура у поверхности плюс триста. Поверь моему опыту.

В кают-компанию спустился Янсон и принес расшифрованный отчет зонда. Температура у поверхности по экватору — минус сорок четыре Цельсия. Атмосфера практически нормального типа. Пальмы кивали головами с далекого берега.

— Жуткие ветры, — сказал капитан, когда мы поднялись на мостик. — Отвратительный климат. Но жить можно.

На экране клубились снежные вихри, в просветах туч изредка мелькали пятнистые прогалины. Бауэр разложил на штурманском столе фотографии, принесенные зондом. Он был похож на дедушку, раскладывающего любимый пасьянс «Невский проспект».

— А вот и город, — сказал Бауэр и протянул капитану нечеткий снимок. Снимок был заштрихован полосами вихрей, и при желании сквозь них можно было разглядеть прямые линии и круги.

Мы оставили корабль на орбите. Сели скромно, в катере. При посадке катер швыряло ветром и сносило к острым зубьям скал.

— Тропический рай, — сказал Бауэр, застегивая скафандр.

Если бы на корабле нашлись шубы, можно было бы обойтись и без скафандров. Но шуб мы с собой не везли.

— Потом, когда познакомимся поближе, — ответил я, — одолжим у них валенки.

— Кому что, дуся, — сказал Бауэр. — Мне выдадут горные лыжи. Здесь чудесно развит зимний спорт.

Температура снаружи упала до пятидесяти трех градусов. Пурга ярилась, раскачивая катер.

— Они не занимаются зимним спортом, — сказал серьезно Гусев, готовя к спуску вездеход. — Они смотрят телевизор.

— В такой обстановке нельзя изобрести телевизор, — сказал Бауэр. — Никто не полезет на крышу ставить антенну.

— Скоро выходите? — спросил по рации капитан.

— Мы готовы, — сказал Бауэр.

— В катере Гусев?

— Да.

Об этом было уговорено еще на корабле. Гусев лишь улыбнулся. Мы с Бауэром перешли в вездеход. Машина вздрогнула, когда по ветровому стеклу полоснуло снегом. Колеса до половины утонули в сыпучей каше.

Город возник из ничего в тот момент, когда мы поравнялись с первым домом. Приземистые купола вылезали из-под снега, как шляпки боровиков из-под вороха осенних листьев. Вездеход медленно плыл по уши в снегу, ворчал, вздыхал, медлил, когда пурга хлеста-

ла по глазам. Самый большой купол был полупрозрачным. Под ним скрывалась площадь, окруженная невысокими зданиями. Снежные струи не задерживались на скользких боках купола, стекали ручейками, но на полпути вновь взвивались смерчами, метались у преграды и били по ней кулачонками.

Площадь была пуста.

— Почему молчите? — спросил капитан.

— Их нет дома, — сказал Бауэр.

Я закрепился тросом, вылез наружу, и меня сильно толкнуло ветром в спину. Я попытался укрыться за покатой стеной. Навстречу мне зыркнул глазами белый мохнатый зверь чуть больше овчарки ростом. Присел на задние лапы и оскалился крокодильими зубами.

— Погоди, — сказал я зверю. — Куда ты?

Зверь закинул на спину длинный хвост и исчез в пурге.

— С кем ты? — спросил Бауэр.

— С волком, — сказал я. — Он убежал.

Из снега вылезла стенка. На ней мозаичная картинка — желтые и фиолетовые улыбки без лиц, разноцветные спирали и овалы. За стенкой снег вымело до мостовой, сложенной из серых плиток.

— Летом здесь тепло, — сказал я.

— Да, летом тепло, — сказал Бауэр. — Летом планета возвращается к их солнцу.

Мы нашли вход на площадь. Двойные двери в конце короткого туннеля пропустили вездеход внутрь и бесшумно закрылись, отрезав суетню бури. Снег, влетевший вслед за нами, не растаял, а лег веером по плитам. Я потоптался, стряхивая снег с башмаков, и снял шлем. На площади было тихо и холодно. Окна домов были закрыты, мостовая припудрена тонким слоем пыли. Бауэр подогнал вездеход к большой застекленной двери, спрыгнул на мостовую.

— Хоть бы муха пролетела, — сказал я.

— Холодно, — сказал Бауэр. — Надень шлем, простудишься.

Я запрокинул голову. По куполу суетились, разыскивали щель снежные струи. Бауэр шел ко мне, и его башмаки гулко цокали по плитам. Казалось, что мы на сцене огромного театра, где расставлена мебель и нарисованы декорации для спектакля, но нет еще ни актеров, ни зрителей — лишь мы, безбилетники, заблудились среди фанерных задников, разрисованных под дуб дверей и окон, за которыми нет комнат.

Бауэр постучал каблуком по плите.

— Там, внизу, пусто, — определил он.

— Надо войти в дом, — сказал я.

Бауэр кивнул, но некоторое время мы не двигались с места. Разумеется, мы должны были что-то делать. Не стоять же век посреди пустой площади. И проще было бы сделать первый шаг, если бы город был разрушен, объеден ветрами, если бы город был мертв.

Но он не был мертв. Город притворялся. Будто замыслил странную игру, будто был построен специально для нас, будто бы это был не город, а видение, голос сирены, приманка и там, под плитами, затаился Минотавр, ждущий своей жертвы.

Так же думал и Бауэр. За долгий полет начинают думать схоже. И вести себя схоже. Бауэр сказал:

— Сейчас из-за угла выйдет Житель города и скажет: «А вот и я».

— Пошли? — сказал я.

— Осторожнее, — послышался голос.

Я вздрогнул. Это капитан услышал наш разговор.

— Может быть, там скрывается всякое зверье.

Скрипнула дверь. Помещение за ней было обширным, гулким и сумрачным. Потертый ковер тянулся между двумя рядами круглых столов. Столы были одинаковы, лишь на одном лежала на боку ваза с отбитой ручкой.

Мы шли между рядов, становилось все темнее, и серые окна за спиной превратились в глаза, сверлящие взглядом. Бауэр включил шлемовой фонарь и щелкнул кнопкой на кобуре. Крышка отскочила, и рукоятка пистолета блеснула тускло и зловеще. Луч фонаря скользнул по длинному барьеру, который перегораживал дорогу. Бауэр наклонил голову, и луч света выхватил темное пятно на барьере. Кто-то опрокинул на барьер чернильницу. Или бутыль с краской. В темном пятне отпечаталась человеческая ладонь. Бауэр провел пальцем по пятну. Чернила давно высохли.

— Может, вернетесь? — спросил Гусев по рации.

— Здесь лестница вниз, — сказал Бауэр. — Спустимся. Поздно уж убегать.

Дверь в конце неширокой лестницы была прикрыта. Бауэр нажал ручку. И тут же вокруг нас вспыхнул свет. Неяркий, ровный, желтоватый. Со скрипом отъехала в сторону решетка. Мы оказались на складе. До самого потолка громоздились штабеля ящиков, контейнеров, шаровых сосудов, коробок и пачек. Склад ждал хозяев. Они не пришли, и он готов был щедро поделиться с нами своими богатствами...

— Ну хоть бы один труп, — говорил Гусев, расхаживая по каюткомпании. Он высоко поднимал ноги, перешагивая через кипы фотографий, графиков, отчетов. — Хоть бы одна живая душа! Как они умудрились себя уничтожить без всякого следа? Вы мне можете сказать?

— Нет.

— Что это за беда, которая стерла с планеты всех живых людей? Ведь мы обыскали уже несколько городов, гоняли биозонд в море, рыскали по горам. Что это? Абсолютное оружие?

— Абсолютное оружие уничтожило бы и волков, и оленей, и

птиц, — ответил капитан. — А звери живы. Почти все в спячке, но живы. Ждут лета.

— Или они ушли в подземные пещеры? Но зачем? Да и не пропустили бы мы пещер, в которых может скрыться полтора миллиарда разумных существ.

Бауэр сидел на полу, вытянув вперед длинные ноги, глядел на Гусева снизу. Он сказал:

— Классическая ситуация. Тайна «Марии Целесты».

— Что?

— Не помнишь?

— Не помню.

— Лет двести назад в океане обнаружили судно. «Мария Целеста». Белые паруса, наполненные ветром, и так далее. Все в полном порядке — ни течи, ни следов пожара. Но ни одного человека на борту. Идет себе по морю пустой невредимый корабль. Кастрюля на плите в камбузе, детская игрушка на палубе. Шлюпки целы. До сих пор тайна не раскрыта.

— А почему детская игрушка? — спросил капитан.

— На борту была чья-то жена. С ребенком. За детали не ручаюсь. Главное — все исчезли.

— Если это эпидемия, — сказал я, — то уж очень много придется делать допущений. И что умершие растворялись в воздухе, и что диких зверей не затрагивала болезнь.

— Кстати, — сказал Бауэр. — У них в домах жили домашние животные. Их тоже нет.

— И еще одна деталь, — сказал Гусев, разглядывая какую-то фотографию, — нет зимней одежды.

— И системы отопления, которая могла бы справиться с зимой.

Капитан потянулся, хрустнул пальцами.

— Значит, можем пока остановиться на рабочей гипотезе. Раньше таких холодов они не знали. А когда грянул мороз, он застал их врасплох. И тогда что-то случилось.

— Кстати, — сказал Гусев, — вчера я был в музее. В большом городе, километрах в ста пятидесяти от места первого приземления. Там, в исторической секции, масса изображений людей в зимней одежде. Есть и шубы, и всякие меховые вещи.

...Мы с Бауэром остановились в коридоре жилого дома. У нас в плане поисков стоял жилой дом: обмер, фотографирование, сбор образцов.

— Вытирай ноги, — сказал Бауэр, который уже прошел в первую комнату. — Здесь ковер. Наследишь.

Внешняя стена комнаты была округлой, повторяла форму купола, прикрывавшего здание. На стене висела большая картина — лес. Буйный, зеленый, цветущий, ничего общего не имеющий с крючковатыми палками, покрывающими долину за городом. Во весь пол лежал голубой ковер. В доме все было так, будто хозяин ушел из него вчера. Если с площади люди успели все убрать, то здесь времени на это не хватило. На столе свалены журналы, маленькие ночные туфли стоят около дивана, дверцы шкафа приоткрыты, и на вешалках висят платья, куртки, туники, накидки — все летнее, легкое.

Бауэр сдул пыль с журнала, раскрыл его.

— Удивительно все-таки, — сказал он, — что наш корабельный Мозг до сих пор не раскусил языка. Возможно, именно в этом журнале написано: «Надвигаются холода. Собирайте вещи и бегите».

— Нет, — сказал я, перейдя в следующую комнату. — Все случилось неожиданно. Она даже не успела убрать за собой постель.

— Почему она?

— Здесь жила женщина.

Я прошел на кухню. Холодильник был пуст. Я откинул створку ставен. Там все так же бушевала метель, и белые волки, собравшись у вездехода, старательно обнюхивали колеса.

— Ты был прав, — сказал Бауэр.

— В чем?

— Она была женщиной.

Я поднял полотенце. Хозяйка дома бросила его небрежно на стол, и оно свешивалось до пола.

— Крысолов, — сказал я.

— Что? — крикнул Бауэр.

— Крысолов загудел в дудочку, и она побежала на улицу.

— Но дверь за собой заперла. Иди сюда. Посмотри, какой она была.

Бауэр держал на коленях толстый альбом. В нем были рисунки, любительские, робкие, несколько фотографий, надписи разноцветными чернилами, глазастые цветы и шестиногие зверюшки в углах страниц.

— Она училась в Смольном институте, — сказал Бауэр, раскрывая альбом на первой странице, где был приклеен акварельный портрет девушки с удивленными бровями, мягким коротким носом и пухлыми, четко очерченными губами. Глаза были темно-синими, с черными ободками. — Она была дочерью небогатых, но благородных родителей.

— Тебя не приглашали в этот дом, — сказал я. — И никто не разрешал тебе брать этот альбом.

— Я не виноват, что хозяева не захотели меня дождаться.

Я взял альбом с собой. Ведь он никому уже не понадобится.

— Ты даже никогда не узнаешь, как ее звали, — сказал Бауэр, когда мы возвращались к катеру.

— Не важно, — ответил я. — Буду звать ее Кристиной. Я давно хотел познакомиться с девушкой по имени Кристина.

На самом деле мне было очень грустно, что я никогда ее не увижу.

Я вспомнил, как давно, лет десять назад, я увидел в старом альбоме фотографию готической статуи, что стоит в Нюрнбергском, а может быть, в Кельнском соборе. Статуя изображала тонкую, гибкую, очень печальную женщину, красивей которой я не видел. Кажется, звали ее Ута и умерла она восемьсот лет назад. Мастер умудрился вылепить ее живые, нервные руки и тоску в глазах. Рядом была статуя ее мужа — сытого, крепкого графа. Я уверен, что он жестоко обращался с Утой. И несколько дней я мучился глупо и бездарно из-за того только, что никогда не смогу защитить ее от этого графа, увезти в Москву или в Луноград, уговорить пойти на курсы бионики или программистов, приезжать за ней после рейса и везти ее в Калькутту, Рио-де-Жанейро или какое-нибудь другое чудесное место...

— Мы останемся здесь до весны, — сказал капитан. — Я связался с Землей. Завтра сюда вылетает экспедиция. Просили нас пока собирать информацию.

На две недели, что оставались до прилета экспедиции, я переселился в город. Мне ничего не грозило в городе, и капитан разрешил мне жить в доме Кристины. Бауэр посмеивался надо мной, но порой, если мы изматывались за день, то исследуя подземные гаражи и энергохозяйство, заводы в соседней долине, то пытаясь пробраться в Синие башни, торчавшие свечками на окраинах города, он устраивался на втором диване, варил крепкий чай, большую пачку которого нам выдал Янсон, и за полночь мы с ним разговаривали о городе, таком знакомом уже и чужом, пока мы не разгадали его, не поняли его языка.

Портрет Кристины я поставил на столике у дивана. А рядом посадил игрушечного белого волчонка, которого взял в подземном гараже дома, из ее машины.

Мне часто снился один и тот же сон. Может быть, потому, что я хотел его увидеть. Будто я просыпаюсь. Утро. В прихожей слышны легкие шаги. Потом кто-то входит в комнату, открывает ставни, солнце врывается в окна. Я открываю глаза — Кристина стоит возле дивана и говорит: «Вставай, проспишь все на свете».

Но утро всегда было серым, ветреным и безжизненным.

Постепенно планета приближалась к солнцу. Стало теплее. Солнечные лучи порой уже прорывались сквозь сизые тучи, и тогда на глазах оседали сугробы, стихала на минуту пурга. И тут же вновь с яростью бросалась на город, как только тучам удавалось упрятать солнце. Глеб Бауэр притащил откуда-то ветку с разбухшими почками и уверял меня, что она расцветет до нашего отъезда.

— Завтра-послезавтра, — сказал он, разлегшись на ковре, — Мозг одолеет их язык.

— Откуда знаешь?

— Он сам сказал.

— Послезавтра кончается наша вахта.

— Ничего, придут другие. А нам пора приниматься за дело. Мы не археологи, а моряки. И еще меня смущают Синие башни. Хотел бы я узнать, что в них спрятано. Это единственные строения на планете, которые нам так и не удалось открыть.

— Отвечу твоими же словами: придут другие. Ведь мы не археологи, а моряки. Кстати, а вдруг люди скрывались в них?

— Спрашиваешь, а сам знаешь, что чепуха.

— Ладно, это я так. Чай пить будешь?

— Сейчас поставлю.

Но он не успел этого сделать. Включился динамик, и капитан сказал:

— С экватора идет теплая волна. Часа через два у вас начнется черт знает что. Такой бури мы еще не видали. Катер надежно укрыт?

— Сейчас проверю, — сказал Глеб, нагибаясь за башмаками. — Наверно, мне лучше подняться к кораблю.

— А я останусь, — решил я. — В доме мне ничего не угрожает. Камера у меня с собой — сниму бурю.

— Отлично, — согласился капитан. — До связи.

— Вот и весна идет, — сказал Бауэр. — Куда же я шлем положил?

Буря поднялась через час. Бауэр еле успел вырваться с планеты. Буря не утихла и к утру. Скорость ветра достигала восьмидесяти метров. Температура поднималась на глазах, и по снегу неслись, вгрызаясь в него, бурные ручьи. Водяная пыль смешивалась со снежной пылью. Под вечер второго дня город затопило, вода поднялась вровень с окнами, и потоки рушились вниз, к озерам и морю.

В ту ночь я допоздна засиделся за сводками и списками. Спал я тяжело, просыпался. Ночью почему-то меня вызвал Бауэр — он восторженно кричал о том, что Мозг расшифровал наконец их язык, что он теперь все знает, что тайны никакой нет, но мне очень хотелось спать, и я сравнительно вежливо попросил его сообщить мне все завтра и не стал его слушать. Отключил рацию, нарушив тем самым важное правило поведения на неисследованных планетах. Но я очень хотел спать.

...Было утро. Я лежал, прислушиваясь, как всегда, к шорохам дома. У двери раздались голоса. Потом кто-то засмеялся. Смеялась Кристина. Я не открывал глаз, потому что не знал, сон это или Кристина в самом деле вернулась домой. Я ждал, когда в прихожей раздадутся легкие шаги.

Хлопнула дверь. Кристина замешкалась в коридоре. Конечно же, там висит мой скафандр. Я хотел сказать, чтобы Кристина не боялась, но вспомнил, что она не поймет. Так я и лежал, не открывая глаз.

Кристина вошла в комнату и остановилась у двери. Сейчас она увидит белого волчонка и свой портрет на столике. Кристина не двигалась. Комната наполнилась жужжанием — она включила шторы.

Стало светлее. Даже сквозь сомкнутые веки солнце било в глаза. Тогда я понял, что это не сон.

Кристина стояла у двери. Я открыл глаза и постарался улыбнуться ей. Окна были открыты, и сквозь них виднелось синее небо. Ветка на столе распустилась, и цветы оказались такого же цвета, что и глаза у Кристины.

— Доброе утро, — сказал я. — Извините, что я напакостил в вашем доме.

— Доброе утро, — отозвалась Кристина. — Я не обижаюсь.

Только тут я заметил у нее на груди коробочку лингвиста.

Из-за ее спины неожиданно возник Глеб.

— Мы не спали всю ночь, — сказал он. — А ты отключил рацию, и за это тебе влетит от капитана по первое число.

— Пожалуйста, — сказал я, не отрывая взгляда от Кристины.

...В день отлета я спросил Кристину:

— Ты что сегодня делаешь?

— Работаю, — сказала Кристина. — Ты же знаешь. Первую неделю мы приводим город в порядок. Все работают.

Лингвист точно переводил смысл слов, но совершенно не умел передать интонации и оттенки эмоций.

— Если бы ты остался, — сказала Кристина, — я бы научилась говорить по-русски.

Лингвист опять перевел только формальную суть ее слов.

— Я не могу, — сказал я. — Но прилечу, как только станет возможно.

— Я не верю, — сказала Кристина.

— Можно, я возьму на память твой портрет и белого волчонка?

— Зачем?

— Я возьму.

— Как хочешь.

Мы стояли у летнего кафе. Несколько человек помогали машине натягивать над ним полосатый тент. Пахло свежей краской. Бауэр рискованно обогнал автобус и затормозил рядом с нами.

— Я знал, где тебя искать, — сказал он. — Доброе утро, Дели.

— Кристина, — поправила она.

— Мы едем в Синюю башню, — сказал Глеб. — Хочешь с нами?

— Зачем? — удивилась Кристина. — Я совсем недавно там была. Я не люблю их. Тошнит.

— Сегодня придут последние. Те, кто задержался осенью, консервируя энергостанцию.

— Ты рассказывал мне про «Марию Целесту», — сказала Кристина. — А может, там случилось то, что у нас?

— Вряд ли. Случайно такие вещи не случаются.

— У нас сначала тоже было случайно. Потом только появилась теория. И первые машины времени.

— Любое открытие вызывается необходимостью. На Земле это еще не необходимость.

— У нас необходимость.

— Еще бы, — сказал Бауэр. — Зима отнимала у вас половину жизни. На шесть месяцев планета вымирала. Можно терпеть мороз, можно изобрести валенки, но это лишь защита, а не нападение.

— Вот мы и напали на зиму, — сказала Кристина. — Простите, мне пора.

— Мы подвезем тебя, — сказал Бауэр.

— Мне близко, спасибо. Увидимся перед отлетом.

Кристина запахнула накидку и убежала.

Мы успели к Синей башне. Техник провел нас к временным камерам как раз тогда, когда из них выходили рабочие с энергостанции.

Было странно смотреть, как открываются двери в ничто, во время, в прошлую осень. И странно сознавать, что через эту башню за последние три дня прошло население всего города. Сейчас выйдут последние, и башня заснет до осени. Осенью, когда зарядят дожди, когда первый снег брызнет из сизых туч и ветры начнут срывать с деревьев бурые листья, вновь загорятся контрольные приборы, загудят генераторы, создавая временное поле. И, убрав за собой дома, заперев все двери, смазав станки, загнав в гаражи машины, выключив свет, захватив с собой домашних зверюшек, жители города соберутся у Синих башен, взглянут в последний раз на хмурое сизое небо и войдут во временные камеры. На мгновение замутится сознание, охватит дурнота, потом вновь вспыхнут лампы под потолком: можно выходить.

В жизни людей пройдет минута. В жизни планеты — шесть месяцев. Люди постареют на минуту, планета — на полгода. И нет зимы, нет месяцев, потраченных на борьбу со злой природой, не нужны теплые вещи и топливо...

Несколько дней уходит весной на уборку города, на окраску домов, обглоданных метелями, — и жизнь продолжается. До осени. А там вновь вся планета уйдет в машины времени, чтобы вычеркнуть зиму. И вновь на шесть месяцев на пустой планете воцарится холод и в покинутых людьми городах будут хозяйничать белые волки и пурга.

Выходивший последним пожилой мужчина в белом комбинезоне с синей «молнией» на рукаве передал технику квадратную карточку. Тот сверил ее с другой, такой же.

— Хорошо, — сказал он. — Идите.

Люди, вышедшие из башни, останавливались, поправляли волосы, жмурились, разминались, как после короткого дневного сна. Один из них присел на корточки, сорвал тонкую травинку, пробившуюся сквозь холодную еще землю.

— Никак не могу привыкнуть, — сказал он, поднимая голову. — Никак.

Кто-то коротко засмеялся.

Техники суетились у входа.

Короткие команды раздавались из динамика над дверью башни.

Минут через пять все было кончено: тяжелая стальная дверь опустилась сверху и отрезала от сегодняшнего дня прошлую осень.

...Кристина не пришла нас проводить.

Ничего, я прилечу сюда следующей весной, без спроса войду в ее пустой дом, улягусь на диване в первой комнате и буду ждать того утра, когда в прихожей раздадутся легкие шаги, Кристина войдет в комнату и откроет ставни, чтобы впустить в дом солнечные лучи.

КОРАЛЛОВЫЙ ЗАМОК

Над дачным поселком висела розовая пыль. Поселок был устроен всего пять лет назад, и молодые яблони поднялись чуть выше человеческого роста. Крыши времянок блестели под солнцем. Коралловая пыль медленно оседала на крыши, на листву и искрилась, словно иней.

Сооружение на краю поселка спасатели уже прозвали «замком». Говорили, что утром оно и на самом деле было схоже с готическим замком, украшенным острыми башенками и флюгерами. Теперь же сооружение ни на что не было похоже. Розовая, с желтоватыми потеками глыба размером с трехэтажный дом пузырилась наростами, между которыми образовались впадины и ямы.

Метрах в ста, за линейкой сосен, пролегало шоссе. Пораженные странным зрелищем, шоферы останавливали машины, Грикуров уже вызвал милиционеров, и те, маясь от жары, перехватывали любопытных, не пропускали к поселку.

Жители ближайших времянок были выселены. Часть вещей они перетащили в дальние дома, остальные так и остались лежать на траве. Все это напоминало пожар, розовую пыль при некотором воображении можно было представить дымом, а дачников, расположившихся на матрасах, в соломенных креслах и на старых кушетках, принять за погорельцев. Не хватало лишь страха и суматохи, обязательных при большом пожаре.

Грикуров не успел позавтракать. Между разбудившим его звонком и появлением машины прошло минут десять, не больше. Приехавший за ним молодой человек был так взволнован, что пришлось отказаться даже от кофе. Разумеется, дачники не отказались бы накормить Грикурова, но сами они не предложили, а напрашиваться он не стал — рабочие тоже были голодны, а посланный на «газике» в станционную столовую старшина до сих пор не вернулся.

Грикуров подошел к палатке, в которой устроились химики, но войти в нее не успел.

— Кушак приехал, — сказал сзади молодой человек.

Говорил он тихо, со значением и обладал завидной способностью всем своим видом показывать, что знает больше, чем может показать непосвященным.

— Кто приехал?

— Кушак, Николай Евгеньевич, из Ленинграда.

— Ясно, — сказал Грикуров, поворачиваясь к дороге, где скопилось уже несколько «газиков», «Волг», стояла красная пожарная машина и «Скорая помощь». Санитары дремали под кустом сирени, пожарники играли в волейбол с девчатами из поселка.

У серой «Волги» стоял, глядя зачарованно на замок, высокий худой мужчина в слишком теплом, не по погоде костюме, с плащом, перекинутым через руку.

Грикуров подошел к нему. Кушак протянул узкую прохладную ладонь, потом достал из кармана мокрый платок и вытер пот со лба и залысин.

— В Ленинграде, знаете, дождь, — сказал он, словно оправдываясь. — Трудно было предположить, что в Москве такая жара.

— А вы плащ в машине оставьте, — посоветовал Грикуров.

— Правильно. Спасибо. Ведь машина подождет?

— Конечно.

— Поздно спохватились, — сказал Кушак. — На какую глубину он уходит?

Они подошли к замку. Он нависал над ними, как бочка над муравьями. Рядом была глубокая яма, возле которой валялась лопата.

— Вот видите, на два метра мы углубились, потом бросили.

Навстречу шагнул похожий на мельника бригадир бурильщиков. Брови, волосы, ресницы его были светло-розовыми. Розовая пыль пятнами покрывала комбинезон.

— Зарастает, — пояснил он. — Если заряд заложить, успели бы.

— Сами понимаете, что нельзя, — сказал Грикуров.

— А так — мартышкин труд, — сказал бригадир. Он сплюнул. Плевок был розовым.

— Отзывается? — спросил Грикуров.

— Стучит, — ответил молодой человек, шедший на полшага сзади.

— Сначала мы подумали, что эти звуки представляют собой некоторое подобие азбуки Морзе, однако затем мы пришли к выводу, что первоначальное заключение ошибочно...

Кушак покосился на блестящий портфель молодого человека, к которому почему-то не приставала пыль.

Со стороны Москвы показался вертолет. Вертолет летел низко и чуть в сторону. Но в полукилометре пилот разглядел замок и свернул к поселку.

— Я его вызвал, — сказал Грикуров. — У нас один парень забрался почти до вершины, но пришлось вернуться. Мне кажется, что наверху есть отверстие. Иначе бы он задохнулся.

— Может, ему с вертолета обед спустить? — спросил бригадир.

Он взмахнул рукой, показывая, как обед попадет к человеку, заключенному в замке. Взлетела розовая пыль, и молодой человек отстранился, оберегая портфель и костюм.

— Как его зовут? — спросил Грикуров.

— Вы не знаете?

— Только фамилию. Вольский. Правильно?

— Вольский. Гриша Вольский. Никогда не знал его отчества.

— Григорий Вениаминович, — подсказал молодой человек. — Он является владельцем садового участка. Однако там мог оказаться кто-то иной?

— Нет, — улыбнулся Кушак. — Это именно он. Когда его обнаружили?

— Часов в шесть утра его сосед позвонил в Москву. Со станции.

— В шесть сорок, — поправил молодой человек.

— Сосед рано поднялся, собирался на рыбалку. И вдруг увидел, что на крайнем участке стоит розовый термитник. Метров пять высотой.

— Это сосед сказал, что термитник?

— Да, он инженер, работал в Гвинее и видел термитники, — объяснил Грикуров. — А мне вот не приходилось.

— Я тоже не видел термитников, — сказал Кушак.

— А потом уж ребята прозвали его замком.

— Ну и что сосед?

— Услышал стук изнутри. А выхода из термитника нет. Он Вольского вчера вечером видел. Тот строил на участке какую-то загородку.

— Ну разумеется, — сказал Кушак.

— Сосед обалдел, — сказал бригадир. — Представляешь, идет на рыбалку, а у соседей сооружение. А изнутри стучат.

— Он и позвонил в милицию, — сказал Грикуров. — Приехал наряд — патрульная машина с шоссе. Ничего понять не смогли. А дальше все развивалось в геометрической прогрессии.

Грикуров показал на скопление машин у поселка.

— Позвать соседа? — спросил Грикуров.

— Гражданин Нестеренко отбыл в Москву, — уточнил молодой человек. — У меня все его показания при себе. — Молодой человек хлопнул чистой ладонью по блестящему боку портфеля.

— Он нам не нужен, — сказал Кушак.

Кушак подошел к розовой громаде замка и постучал костяшкой пальца по стене. Розовая масса чуть-чуть пружинила и, если приглядеться внимательно, была усеяна мелкими порами.

— Быстро меня разыскали, — сказал Кушак.

Розовые рабочие стояли, опершись о буры, и разглядывали Кушака. Перед ними в стене была глубокая впадина с оплывшими краями. Нижний ее край поднимался валиком, будто замок спешил залечить нанесенную бурами рану. Под ногами скрипела розовая крошка. В одном месте из нее выглядывала вершинка розовой пирамидки.

— На глазах выросла, — сказал один из рабочих, проследив за взглядом Кушака.

— Понятно, — сказал Кушак.

Изнутри, словно из бочки, донесся глухой удар. Потом серия коротких.

— Как бы он не задохнулся, — сказал Грикуров.

Вертолет, сделав последний круг над замком, спустился неподалеку, в поле. Уходя к машине, Кушак услышал, как подбежавший к Грикурову пилот говорит:

— Там дыра есть. На самой вершине.

— Вы слышали? — крикнул Грикуров вслед Кушаку.

— Я так и думал, — остановился Кушак. — У него тенденция расти по вертикали.

Кушак достал с заднего сиденья «Волги» чемодан. Настроение не улучшилось. Конечно, ничего страшного не случилось, но могло случиться. И виноват в этом только он сам. Кушак открыл чемодан. Ампулы были целы.

— Бурильщики вам нужны? — спросил, возвращаясь, Грикуров.

— Нет, я один справлюсь.

Вместе с Грикуровым к машине подошел один из химиков, расположившихся в палатке.

— Вас анализ интересует?

— Спасибо, я знаю состав.

— Там ничего особенного, — сказал химик.

— Тогда я отпущу бурильщиков пообедать, — сказал Грикуров.

— Конечно. Вы, наверное, и сами голодны?

— Это полезно, — ответил Грикуров. — А то я толстеть начал. Стыдно.

Грикуров провел ладонью по круглому крепкому животу. Теперь, когда появился человек, знающий, что надо делать, Грикуров сразу помолодел, скинул лет десять. К Кушаку он проникся благодарным расположением.

Гришу Вольского Кушак знал еще по школе. Класса с третьего. Гриша Вольский собирал марки и монеты. Гриша был самым младшим в классе. Он был белокур и похож на ангела. Мать Гриши жалела его прекрасные кудри, и потому волосы у Вольского были длиннее, чем у других ребят, и он дольше всех носил короткие штаны и гетры. В войну этот наряд выглядел странно, и Гришу дразнили девчонкой.

Гриша краснел и смущенно улыбался. Уже потом, подружившись с Кушаком, он сказал как-то:

— Мама очень хотела девочку, а папе было все равно.

Гриша был тихий, учился прилично, в классе к нему привыкли и не обижали. Тем более что Гриша всегда находил себе друга и покровителя из сильных ребят. Если Грише нужна была марка или какая-нибудь другая вещь, он не жалел времени и усилий, чтобы ее раздобыть. Брал он настойчивостью и терпением, не свойственными возрасту, провожал хозяина нужной вещи до дома, давал списывать на контрольной и угощал маминым бутербродами. Он мало ел, потому что в войну бутерброды были выгодным обменом. Кушак с седьмого класса считался другом Гриши. Гриша умел вовремя сказать, что Кушак очень хороший парень, замечательный спортсмен, такой талантливый и добрый. Кушак не ценил вещей, и Вольский всегда у него чего-нибудь получал. А Кушак привык к искреннему восхищению, которым его обволакивал Гриша.

В десятом классе Кушак встречался с одной девушкой, а Вольский был его оруженосцем. Он передавал записки, стоял в очереди за билетами в кино и даже ходил с ней в кино, когда у Кушака оказывалась неожиданная тренировка или кружок в университете. Однажды та девушка сказала, что больше с Кушаком встречаться не будет, потому что сделала выбор. В пользу Вольского. Пусть Вольский маленького роста и не так знаменит в школе, но по своей отзывчивости и другим человеческим качествам он превосходит Кушака. Кушак был склонен примириться с потерей, потому что готовился к соревнованиям, но кто-то в классе пошутил, что Вольский выцыганил у Кушака девушку, наверное, за бутерброд — все помнили о бутербродах военных лет. Кушак обиделся на Вольского, и все думали, что он Гришу изобьет, но Кушак его не тронул. Вольский смотрел на него робко, жутко раскаивался и, как сам признался лет через пятнадцать, готов был в любой момент отказаться от девушки ради дружбы. Но девушка была против.

Кушак вернулся к розовому замку и, присев на корточки у раскрытого чемодана, начал собирать распылитель. Грикуров стоял рядом, молчал, думал, успеет ли домой к семи тридцати, к началу футбольного матча. Еще полчаса назад такие мысли не приходили Грикурову в голову — замок казался зловещей и неодолимой загадкой.

— Хорошо, что внутри человек сидит, — пробормотал Кушак, не поднимая головы,

— Почему? — удивился Грикуров.

— Какая-нибудь светлая голова додумалась бы кинуть на замок бомбу и подложить заряд. Колония бы разлетелась на куски и прижилась. Имели бы тридцать замков вместо одного. — Кушак махнул рукой в сторону заметно подросшей пирамидки.

— Колония? — спросил Грикуров. Он раздобыл где-то белую панамку, и в ее тени лицо казалось совсем черным, лишь голубели белки глаз.

— Колония. — Кушак кивнул в сторону палатки химиков. — Они вам, наверное, уже сказали?

— Я не очень поверил. А что вы будете делать?

— Это активная культура бактерии, которая их убьет. Чума.

— А не опасно?

— Чума только для них. Ни людям, ни растениям ничего не угрожает.

Они встретились через пятнадцать лет на стоянке такси. Кушак к тому времени переехал в Ленинград и бывал в Москве наездами. Наверное, поэтому и не приходилось встречаться со школьными товарищами. Кушак обрадовался, увидев Вольского. Вольский не потерял сходства с ангелом, хотя золотые кудри поредели и узкое тело равномерно обросло жирком. В тридцатилетнем мужчине сходство с ангелом не так чарует, как в мальчике. Вольский был одет в недорогой, но тщательно отглаженный костюм. Галстук тоже был недорогой, скромный, но респектабельный. Вольский был строителем и сравнительно высоко поднялся по служебной лестнице. Он очень интересовался жизнью Кушака. Спрашивал, повторял с сожалением:

— Только младший научный? Чего же ты, Коленька? И диссертацию не защитил? Чего же ты, милый? Ты же такие надежды подавал! — В голосе Вольского звучали материнские интонации.

Хотя нет, Кушак подумал, что, наверное, так реагировал бы на рассказ блудного сына его удачливый и послушный брат, пока на кухне свежевали тельца.

— И марки все собираешь? Нет? А я собираю, хотя времени мало. Не отказываюсь от детских привязанностей. Нужно расслабляться. Правда? У меня восемь медалей за участие в выставках. Ты случайно не видел последний номер «Заммлер экспресс»? Это филателистический журнал из ГДР. Солидное издание. Там обо мне написано. А что-нибудь от старой коллекции осталось?

Подарил кому-нибудь? У тебя неплохие вещи были, я очень жалел, что не выменял их в свое время. Помнишь, в шкафу альбомы лежали? На нижней полке. Так и лежат? Здесь? У стариков? Не может быть.

Вольский затащил Кушака к себе.

— Ты же в Москве редко бываешь. Хочешь, чтобы мы еще десять лет не увиделись? Не хочешь? Тогда пошли. У меня кооперативная квартира. Две комнаты с лоджией. А мама в старой осталась. Недалеко, час потеряешь, не больше. И не мечтай отказываться.

У Вольского дома оказалась бутылка сухого вина, припасенная для гостей. Вольский подробно рассказывал, как, будучи членом

правления кооператива, раздобывал польские кухни и дубовый паркет. Кушак жалел, что зазря потерял вечер, рассматривая марки, которые расплодились настолько, что занимали целый шкаф, запирающийся на ключик. Вольский записал адрес и телефоны Кушака, сказал, что приедет навестить, заодно возьмет у него марки.

— Если они, конечно, Коленька, тебе не нужны. За новинки я, разумеется, плачу, но ведь у тебя так, мелочь.

Кушак вспомнил, что собирался подарить марки племяннику.

— Сколько племяннику лет?

— Десять.

— Ты с ума сошел, он же ничего еще не понимает. Я ему подберу из дублетов, мы его не обидим. Зачем так, Коленька? — сказал он. — Ты же знаешь, как я всегда к тебе относился.

В комнате Вольского было много лишних вещей. Как и раньше. Солдатиков и автомобильчики школьных лет сменили фарфоровые статуэтки, часы, плохие картины конца прошлого века и иконы в штампованных посеребренных окладах. Кушак представил себе, как Гриша провожает домой пенсионерок и чьих-то наследниц.

Расставшись с Вольским, Кушак малодушно решил не подходить утром к телефону — с какой стати он должен отдавать Вольскому марки? Вечером он все равно уезжает в Ленинград.

Вольский оказался хитрее. Он пришел без звонка, в восемь часов разбудив Кушака.

— Я на минутку, перед работой, по дороге...

Он пришел с пустым потрепанным портфелем, долго говорил о том, как его ценят в министерстве, где он имеет отношение к внедрению новой техники, говорил, что получил участок и собирается строить домик. За разговором залез в шкаф, потому что помнил, где лежат альбомы, положил трофеи в портфель, обещал, если что нужно в Москве, достать, прихватил на прощанье пастушку — любимую статуэтку покойной бабушки.

Он быстро передвигался по комнате, маленький и красивый, шутил, смеялся, махал ручками, дотрагивался до книг на полках и отодвигал их, чтобы посмотреть, не спрятаны ли другие, более ценные, во втором ряду, называл Кушака Колей, Коленькой, Колюшечкой, а Кушак потом весь день злился на себя, потому что ему было жаль и марок, и фарфоровой пастушки, — стыдно было, что не отказал Вольскому.

Кушак, думая о Вольском, отламывал головки от ампул и сливал жидкость в контейнер распылителя. Потом поднялся и направился к стене замка. За последний час замок несколько раздался в боках. Стук изнутри раздавался реже и доносился слабее. За спиной Кушака собралась толпа. Там были и дачники, и спасатели, и санитары, и по-

жарники в майках и брезентовых штанах, и милиционеры, и, конечно, химики. Грикуров не возражал. Он и себя ощущал зрителем.

Все ожидали чуда от высокого лысеющего мужчины с большим пистолетом в руке. Кушак знал, что чуда не будет. Его беспокоило, сохранил ли раствор вирулентность. Раньше никогда не приходилось сталкиваться с такими масштабами. Кушак нажал кнопку. Мельчайшие капельки жидкости конусом устремились к стене. Кушак медленно шел вокруг замка, и толпа послушно двигалась за ним...

Вольский не пропал. Он дважды появлялся в Ленинграде и каждый раз разыскивал Кушака, привез ему в подарок ремешок для часов и растрепанную книжку по переплетному делу.

— Я помню, ты этим увлекался в шестом классе, — объяснил он. — Я стараюсь не забывать о друзьях. Пришлось много за нее отдать. Редкая вещь. Ну бери, бери.

— Я уже не увлекаюсь, — ответил Кушак. — И никогда не увлекался.

Но Вольский так и не согласился взять книгу обратно. Ремешок тоже пришлось оставить.

— Конечно, у тебя есть. Странно, если бы не было. Подаришь кому-нибудь. Мне из Тбилиси привезли. Три штуки.

Кушак понимал, что щедрые дары Вольского небескорыстны. За них придется расплачиваться. Так и случилось. Вольский оба раза уезжал в Москву, отягощенный трофеями, и с каждым разом его искренняя любовь к Кушаку крепла. Как-то Кушак дал ему решительный бой за часы-луковицу, купленные за бешеные деньги в комиссионном магазине, которые он все собирался починить, да времени не было. Он наотрез отказался расставаться с часами. Этот бой был битвой при Ватерлоо, и Кушак играл в ней грустную роль Наполеона.

В третий раз Кушак сказал Вольскому по телефону, что спешит на работу и увидеть его не сможет. Вольский расстроился и пришел в лабораторию. Каким-то образом ему удалось обойти вахтера, и он возник на пороге пустой лаборатории, как опостылевший черт, требующий расплаты за дружбу с нечистой силой. Вольский еще больше раздался в талии, но был по-прежнему оживлен, и Кушак с тревогой оглядел лабораторию, борясь с желанием запереть шкафы, чтобы гость чего не выцыганил.

— А почему пусто? — спросил Вольский. — Где народ?

— Библиотечный день, — сказал Кушак. — И в любом случае — людям надо выспаться. Мы три дня отсюда не вылезали.

На длинном столе, разделявшем лабораторию надвое, возвышались кубики и пирамидки розового цвета.

— А это что? Не секрет? — спросил Вольский.

— Это чтобы тебя оставить без работы, — сказал Кушак, отнимая у Вольского кубик, легкий и теплый на ощупь. — Придется тебе переучиваться.

— Я всегда учусь, Коленька, — сказал укоризненно Вольский. — Без этого в наши дни окажешься в хвосте событий. А при чем здесь строительство? Ты же какими-то беспозвоночными занимаешься.

Настроение у Кушака в тот день было отличное. Он даже с Вольским готов был поделиться радостью, понятной пока лишь ему и еще шести сотрудникам лаборатории.

— Это строительный материал будущего, — сказал Кушак. — Легок, как пемза, водонепроницаем, прочность выше, чем у бетона. — Вольский двигался вокруг стола, как кот вокруг слишком большого куска мяса, трогал суетливыми пальцами розовые кубики, поглаживал, несколько раскрывал рот, закрывал снова, и Кушаку казалось, что сейчас он скажет: «Дай мне».

Распылитель фыркнул и заглох. Раствор кончился.

— Все, — сказал Кушак. — Если ничего не случится, через полчаса ее можно будет распиливать. Больше расти не будет.

— Все? — спросил молодой человек и с упреком посмотрел на Грикурова.

Грикуров улыбнулся. Борьба с замком завершилась буднично.

Грикуров сказал:

— Тогда пойдем перекусим. Обед привезли. Расскажете нам.

Они прошли к палатке химиков. Там, на столе, освобожденном от приборов, стояла кастрюля с супом, окруженная разномастными, пожертвованными дачниками тарелками и ложками. Кушак понял, что проголодался. Суп остыл, но в жару это было даже приятно. Кто-то из химиков пожалел, что не привезли пива.

— Вольский, наверное, с голоду помирает, — сказал Грикуров.

— Несчастный человек, — согласился химик.

— Как сказать, — ответил Кушак.

— Сознайтесь, — сказал Грикуров, — что у вас не сработало?

— Все сработало, даже слишком хорошо. Только я, с вашего разрешения, начну с самого начала.

— С самого начала вы поешьте, — сказал Грикуров.

— Одно другому не мешает. В общем, идея родилась от неудовлетворенности тем, как мы, люди, строим свои дома. Сначала добываем и заготавливаем материалы — цемент, лес, камни, потом все это надо свезти на площадку, сложить из этого дом и так далее... А почему бы не воспользоваться опытом наших соседей по планете? Мы им уже пользуемся. Тутовый шелкопряд прядет для нас шелковую нить, наша обувь — кожа животных...

Вертолет зажужжал в поле, раскручивая винт. Словно нехотя оторвался от земли и низко завис, борясь с земным притяжением. Потом сразу набрал высоту и скрылся за лесом.

— Сначала мы остановились на кораллах, — продолжал Кушак. — Коралловые рифы тянутся на тысячи километров. Миллионы поколений коралловых полипов, умирая, вкладывают свои скелеты в стену общего дома. Но кораллы живут в воде, строят рифы в течение тысячелетий и, кроме того, нуждаются в органической пище, дабы ускорить процесс размножения мадрепор, а с попытками извлечь их из воды мы потерпели неудачу. И успеха мы добились в конце концов не с кораллами, а с мутациями фораминифер, раковинных амеб...

— Материал этот, — объяснил Кушак Вольскому, — если рассматривать под микроскопом, состоит из ракушек амеб.

— У амеб нет ракушек, — поправил его Вольский.

— Это раковинные амебы, близкие к фораминиферам.

— Так бы и говорил. — Вольский сказал это так, словно всю жизнь возился с фораминиферами.

— Из останков этих простейших, — сказал Кушак, — сложены известняки Крыма и Усть-Урта. Мы научили их жить в воздухе и размножаться с завидной быстротой. Вот этот кубик, который ты держишь в руке, вырос у нас вчера за пятнадцать минут. Ты представляешь, что это значит?

— Представляю, — сказал Вольский.

Пока что он ничего не представлял. Он только хотел заполучить этот кубик.

— Скоро начнем полевые испытания, — сказал Кушак. — И, возможно, столкнемся с тобой на деловой почве.

— Разумеется, — сказал Вольский, — я окажу всяческое содействие.

— Мы представляем себе это так: делается металлическая опалубка, и в нее закладывается затравка амеб. — Кушак показал на полку, где выстроились рядами пробирки, заполненные розовым веществом. — Как только раковины амеб заполнят пространство внутри опалубки, их убивают, и дом готов. Конечно, это не так просто, как кажется на словах...

Вольский подошел к полке, снял одну из пробирок.

— А что они жрут?

— Это самое главное. Извлекают азот из воздуха. А материал для раковин берут из земли, одновременно строя фундамент дома.

— А дом в яму не ухнет?

— Нет, наш «раковин» — материал пористый, он как бы вытесняет почву и заполняет свободное пространство. А вес дома невелик.

— Теперь все ясно, — сказал Вольский. — Значит, так: ты даешь мне образцы материала, я еду в Москву. Это же докторская диссертация. И не одна. Тут и тебе, и твоим людям, и мне самому хватит. Правда, Колюша?

В глазах Вольского горели светлые огни подвижника, жертвующего всем ради дружбы. Судьба намеревалась отплатить ему сторицей за бескорыстие. Он все понял.

— И попрошу тебя, Коленька, пойми меня правильно, без моего сигнала в министерстве ни с кем не связываться. Я сам организую. Завтра же я на приеме у замминистра. Он меня лично знает. Какое счастье, что ты обратился за помощью именно ко мне!

Когда Кушак постарался как-то приглушить его энтузиазм, Вольский и слушать его не стал. Он совершал выгодный обмен. Он засовывал в портфель куски розового «раковина», и Кушак в очередной раз сдался. В конце концов, внедрение займет много месяцев, а энергичный Вольский лучше многих сможет пробить ведомственные барьеры. А куски «раковина» были мертвы и никакой опасности для окружающих не представляли.

Потом Вольский принялся выпрашивать пробирку с живой культурой, но тут уж Кушак встал намертво. Полчаса они спорили, и в конце концов Вольский ушел ни с чем, а Кушак остался в лаборатории, оглушенный, но гордый тем, что впервые устоял перед натиском Гриши.

А когда на следующий день лаборантка сказала, что одной пробирки не хватает, Кушак не связал ее исчезновение с визитом Вольского. Он представлял себе, как Вольский обходит служебные кабинеты и выкладывает на столы розовые кубики. Он ждал звонка из Москвы. На третий день ему позвонили. И попросили немедленно вылететь. Но не в министерство, а в подмосковный дачный поселок. Там растет его «коралл». И ничего с ним не могут поделать. Стоит отрубить от него кусок, как это место зарастает вновь. Подкоп тоже не дал результатов. Но самое грустное — внутри «коралла» оказался человек. И извлечь его пока не могут.

— Он унес одну из пробирок, — сказал Кушак, поднимаясь из-за стола. — Добро бы притащил в министерство, а то решил извлечь из нее маленькую личную пользу — бесплатный домик.

— Я полагаю, — проговорил задумчиво Грикуров, — что, если снять слой материала, там найдем самодельную опалубку. Он только недооценил возможностей ваших амеб.

Поджидая, пока бурильщики выпилят отверстие в стене замка, они уселись в жидкой тени яблонек. Косые лучи солнца прорезали розовую пыль.

— Он так спешил, — продолжал Кушак, — убраться из лаборатории, пока я не обнаружил пропажу пробирки, что не захватил ампулу с бактериями, убивающими фораминифер. Его счастье, что колония имеет тенденцию развиваться по вертикали — они оставили ему жизненное пространство.

— Его будут судить, — сказал убежденно молодой человек.

— Судить надо меня, — возразил Кушак. — Я его избаловал. Ни разу не хватило духа послать его ко всем чертям.

— Вы не один такой, — сказал Грикуров.

— А с другой стороны, — сказал Кушак, — объективно он принес нам пользу. Поставил опыт в промышленном масштабе.

— Нет, — не согласился с ним молодой человек. — Его надо судить. Или заставить возместить ущерб. — Молодой человек показал на дачников, стаскивающих матрасы и посуду обратно в домики.

— Здесь он! — закричал бригадир бурильщиков. — Живой!

— Пошли, — сказал Кушак, поднимаясь. Он не сомневался, что Гриша выберется. — Года через два мы будем жить в домах, построенных по «методу Вольского».

— Тогда я напишу в газету, — сказал Грикуров. — Это будет фельетон века.

Вольского извлекли из отверстия. Он обессилел, ноги его не держали. Он увидел Кушака, но взгляд его тут же ушел в сторону.

— Воды, — прошептал он.

Шепот показался Кушаку несколько театральным. Хотя, может, он несправедлив к Вольскому. Тому пришлось немало перенести: несколько часов в розовой душной камере...

Напившись, Вольский разрешил санитарам доставить себя к «Скорой помощи». Его пронесли совсем рядом с Кушаком.

— Как же ты мог, Коленька? — сказал Вольский тихо.

— Что? — удивился Кушак.

— Зачем же ты непроверенный материал пустил в производство? — продолжал Вольский. — Я же чуть не погиб на испытаниях.

— Ты все продумал, пока сидел там? — спросил Кушак.

— Да, Колюша, — сказал Вольский. — Я многое продумал.

Носилки скользнули внутрь машины. Оттуда глухо донеслось:

— И все-таки у нашего материала большое будущее.

«Скорая помощь», взревев, умчала Вольского. Розовая пыль медленно оседала. Трехэтажная бочка возвышалась над дачным поселком, обещая стать долговечной достопримечательностью этих мест. Химики сворачивали палатку. Пожарники напяливали брезентовые робы, разбирали каски и занимали места в красной машине.

МОНУМЕНТЫ МАРСА

Памятников и монументов на Марсе немного. История его освоения скорее буднична, чем драматична.

Монументы на Земле накапливались тысячелетиями. На Марсе их стали возводить лет двадцать назад. До этого их ставили на Земле, дома, откуда летели экспедиции к Марсу и куда они возвращались. Тогда не существовало жителей Марса. Каждый знал, что вернется на Землю. И ждал этого дня.

А когда первые люди остались здесь жить навсегда, когда здесь родились дети, лишь по картинам знавшие, какого цвета небо на

Земле, пришла пора обратиться к прошлому, потому что оно появилось в тот самый день, когда будущее обрело черты постоянства.

Первые экспедиции и не помышляли о том, чтобы отмечать свои заслуги монументами. Правда, от них монументы остались — геодезические знаки и засыпанные песком купола покинутых баз. Тогда казалось, что на Марсе нет ничего долговечного. Пыльные бури пожирали металл, а перепады температур в порошок дробили скалы. Монументы ставили на Земле.

И первым памятником Марса стал памятник Петкову. Он был воздвигнут по решению Совета марсианских баз через восемнадцать лет после события, которому он посвящен.

Памятник Славко Петкову стоит в двух километрах от Третьей базы, в том месте, где, словно спина кита, над желтой равниной поднимается гнейссовый холм. Петков погиб значительно дальше от базы, в низине. Но поставить там памятник очень трудно — его все время заносило бы песком.

В тот день Славко Петков с доктором Григоряном выехали на вездеходе к Третьей базе, где располагалась геологическая партия. В партии случилась беда — четверо из шести геологов свалились от песчаной лихорадки.

Была пора бурь, и до базы мог добраться только вездеход. Григорян взял с собой сыворотку, а Славко Петков, который вел вездеход, — почту, потому что как раз за три дня до того пришел корабль с Земли.

Надо было проехать сто восемнадцать километров по пустыне, и Петков с Григоряном думали, что доберутся до базы, переночуют там и вернутся домой.

Когда до базы оставалось чуть больше двадцати километров, у вездехода полетела гусеница. Они могли бы сообщить об этом на центральный пункт и ждать помощи. Они были обязаны так сделать. Но рассудили иначе. В бурю флаер приземлиться не может. Второй вездеход ушел в другую сторону, и если дожидаться его — опоздаешь на базу. Сыворотка действует только в первые два дня болезни. Потом уже ничего не поможет. А вездеход геологов с Третьей базы был сломан — не случись так, они бы сами приехали за сывороткой.

Петков с Григоряном взяли с собой запасные баллоны и пошли к базе пешком, рассчитывая, что дойдут до нее часа за три, потому что даже в бурю идти по Марсу можно быстрее, чем по Земле.

А чтобы не поднимать тревоги, которая вряд ли изменила бы их решение, они сообщили перед уходом на базу, что у них все в порядке.

К несчастью, они попали в зыбучие пески и потеряли больше часа, прежде чем выбрались на твердое место. Буря разыгралась, и шли они куда медленнее, чем рассчитывали.

Через три часа диспетчер центрального пункта встревожился, потому что вездеход на вызовы не отвечал. Он связался с Третьей базой

и узнал, что Петков с Григоряном так туда и не приезжали. Тогда диспетчер объявил всеобщую тревогу.

Второй вездеход получил приказ немедленно вернуться и идти на поиски пропавших. Дежурным спутникам было приказано засечь вездеход сквозь разрывы в пылевых тучах. Однако разрывов в тучах в тот день не было.

Через четыре с половиной часа ходу Григорян с Петковым были, по их расчетам, километрах в пяти от базы. А воздуха в баллонах оставалось минут на двадцать.

К тому же оба так устали, что идти быстрее не могли.

Но они шли, потому что останавливаться и ждать, пока кончится воздух, глупо. И оставалась надежда, что геологи выйдут им навстречу. По крайней мере, так думал Григорян. И еще он думал о том, чтобы не споткнуться и не разбить ампулы с сывороткой.

Григорян шел шагах в десяти впереди Петкова. И он услышал, как тот сказал:

— У меня воздуха на двадцать минут.

— У меня тоже, — сказал Григорян, не оборачиваясь, чтобы не сбиться с шага.

— Мы не успеем, — сказал Петков.

— Не знаю, — ответил Григорян.

Ему бы в этот момент обернуться, но он не оборачивался и был уверен, что Петков идет сзади.

— Возьми баллон, — сказал тогда Петков. Голос его был обычный, будничный, и Григорян сначала не понял, о чем он говорит.

Он удивился и обернулся. Но было поздно.

Петков отстегнул крепления шлема. Он стоял так далеко, что Григорян не успел к нему подбежать. Уже снимая шлем, Петков сказал громко:

— Не забудь почту.

Когда Григорян подбежал к Петкову, тот был уже мертв. Баллон лежал рядом, на песке. Там же лежала сумка с почтой.

Григорян потерял несколько минут, потому что надел на Петкова шлем и подключил баллон, надеясь вернуть своего спутника к жизни, хотя, как врач, он отлично знал, что Петков умер.

Потом Григорян подключил к своему скафандру баллон Петкова и пошел к базе. Он знал, что обязан дойти до базы, иначе он предал бы своего друга.

Он дошел. К счастью, оба здоровых геолога, предупрежденные с центрального пункта, вышли навстречу и увидели Григоряна в тот момент, когда он упал, теряя сознание, на вершине холма.

Памятник Петкову стоит на том месте, где геологи нашли Григоряна, а не там, где Петков погиб. На постаменте памятника написано:

«Не забудь почту».

Это были последние слова Петкова.

Совсем иные воспоминания вызывает у жителей Марса обелиск «Марсианка».

Это название неофициальное, но все называют его именно так. Обелиск — двадцатиметровая металлическая игла. Он возвышается за пределами купола Марсограда, но отлично виден из любой точки города. Раньше на том месте был Поселок строителей. Там 8 января 2021 года родился первый ребенок на Марсе, девочка по имени Аустра. Когда Аустра подросла, она улетела на Землю учиться и осталась там, выйдя замуж и выбрав профессию ботаника. Но к тому времени на Марсе уже было много детей.

Обелиск был поставлен через пять лет после рождения Аустры. Аустру тогда попросили написать свое имя на каменной плите, и эту плиту врезали в основание обелиска и прикрыли прозрачной пленкой. Написанное мелом крупными неровными буквами слово «Аустра» не боится бурь и морозов.

У детей Марса есть традиция приходить к обелиску и расписываться на нем в тот день, когда они идут в первый класс. Бури быстро сдувают подписи ребят, а к следующему году на нем сохраняется только одна надпись.

В самом Марсограде стоит памятник доктору Тин Шве, который нашел вакцину от песчаной лихорадки. Без этой вакцины люди не смогли бы жить на Марсе. Доктор Тин Шве никогда не был здесь, но памятник ему воздвигнут на главной площади Марсограда.

Когда после нескольких серий опытов на животных доктор Тин Шве пришел к выводу, что сыворотка безопасна, настало время испытать ее на людях. И несмотря на то что нашлось много добровольцев сделать это, доктор Тин Шве первым испытал ее на себе. С тех пор песчаная лихорадка перестала быть опасной болезнью, и, улетая на Марс, люди делают прививки от песчаной лихорадки, даже не подозревая, каким бедствием она была для первых исследователей.

Полет, о котором пойдет речь, начался обычно. Домбровский проследил за погрузкой груза взрывчатки, проверил судовые документы и попрощался с диспетчером. Кроме Домбровского, на борту никого не было, да и сам пилот брал на себя управление ракетой лишь в самых экстренных случаях.

Домбровский в последний раз вышел на связь с Эросом в начале торможения. Он сообщил, что через несколько минут опустится на посадочной площадке Марсограда. Через минуту приборы показали приближение метеоритного потока. В этом тоже не было ничего страшного. Ведь Домбровский не мог предположить, что метеоритная защита откажет. Но через мгновение стая метеоритов прошила пульт управления, вывела из строя тормозную систему. Пилот корабля Юлиан Домбровский погиб.

И все-таки Домбровский успел понять, что если он не изменит

курс корабля, то корабль, груженный взрывчаткой, разобьется у самого Марсограда и весь город будет уничтожен взрывом.

И тогда Домбровский бросился к пульту ручного управления.

Он знал лишь одно — он обязан изменить курс корабля. Он рвался вперед, а все новые метеориты, будто стремясь остановить его, пронзали его тело.

Экспертная комиссия, которая исследовала остатки корабля в пустыне, в трехстах километрах к востоку от Марсограда, пришла к заключению, что для изменения курса корабля Домбровскому понадобилось более половины минуты. И он успел это сделать, несмотря на то что, по авторитетному мнению комиссии, он погиб за полминуты до того, как дотянулся до пульта.

Когда скульптор создавал памятник Домбровскому, он задался целью передать порыв, стремление вперед, преодолевающее все. Даже смерть. Памятник изображает наклоненную вперед, словно летящую человеческую фигуру. Если встать перед памятником, то можно увидеть, что он изрешечен сквозными отверстиями.

Последний монумент, который жители Марса обязательно покажут гостю, — это монумент в честь первых исследователей планеты. Он возвышается над гладкой, отшлифованной бурями каменной равниной неподалеку от Марсограда.

Этот монумент — точная модель Земли. Вращающийся шар диаметром в двадцать метров реет в воздухе, поддерживаемый гравитационной установкой. До мельчайших деталей он повторяет родную планету людей, вплоть до того, что над ним движется зыбкая пелена облаков, точно отражающая положение облачных масс над Землей.

Рядом с «Землей» стоит недавно привезенный на буксире с Земли корабль, доставивший когда-то на Марс первую экспедицию.

После того как на Марсе будет создана пригодная для дыхания атмосфера, здесь решено посадить парк из земных деревьев.

СНЕГУРОЧКА

Я всего раз видел, как погибает корабль. Другие ни разу не видели.

Это не страшно — ты даже не успеваешь мысленно перенестись туда и почувствовать себя участником. Мы смотрели с мостика, как они пытались опуститься на планету. И казалось, что им это удается. Но скорость все-таки была слишком велика.

Корабль коснулся дна пологой впадины и, вместо того чтобы замереть, продолжал двигаться, словно хотел зарыться в камень. Каменное ложе не поддалось металлу, и корабль стал расползаться, словно упавшая на стекло капля. Движение это замедлялось брызгами, лениво и беззвучно; какие-то части отделялись от массы корабля

и черными точками взлетали над долиной, словно отыскивая удобные места для того, чтобы улечься и замереть. А потом это бесконечное движение, продолжавшееся около минуты, прекратилось. Корабль был мертв, и только тогда мое сознание с опозданием реконструировало грохот лопающихся переборок, стоны рвущегося металла, вой воздуха, кристалликами оседающего на стенах. Живые существа, которые там только что были, наверное, успели услышать лишь начало этих звуков.

На экране лежало многократно увеличенное лопнувшее черное яйцо, и потоки замерзшего белка причудливым бордюром окружали его.

— Все, — сказал кто-то.

Мы приняли сигнал бедствия и почти успели к ним на помощь. И мы увидели его гибель.

Мы спустили катер и вышли к долине. Черные точки превратились в лоскуты металла размером с волейбольную площадку, части двигателей, дюзы и куски тормозных колонн — поломанные игрушки гиганта. Казалось, что, когда корабль, растрескиваясь, вжимался в скалы, кто-то запустил лапу внутрь и выпотрошил его.

Метрах в пятидесяти от корабля мы нашли девушку. Она была в скафандре — они все, кроме капитана и вахтенных, успели надеть скафандры. Видно, девушка оказалась вблизи люка, вырванного при ударе. Ее выбросило из корабля, как пузырек воздуха вылетает из бокала с нарзаном. То, что она осталась жива, относится к фантастическим случайностям, которые беспрестанно повторяются с тех пор, как человек впервые поднялся в воздух. Люди вываливались из самолетов с высоты в пять километров и умудрялись упасть на крутой заснеженный склон или на вершины сосен, отделываясь царапинами и синяками.

Мы принесли ее на катер, она была в шоке, и доктор Стрешний не позволил мне снять с нее шлем, хотя каждый из нас понимал, что, если мы не окажем помощи, она может умереть. Доктор был прав. Мы не знали состава чужой атмосферы, не могли предвидеть, какие безвредные для нее, но смертоносные для нас вирусы могла занести с собой эта девушка.

Теперь следует сказать, как выглядела эта девушка и почему опасения доктора показались мне, да и не только мне, преувеличенными и даже несерьезными. Мы привыкли связывать опасность с существами, неприятными нашему глазу. Еще в двадцатом веке один психолог утверждал, что может предложить надежное испытание для космонавта, уходящего к дальним планетам. Надо только спросить его, что он будет делать, если встретится с шестиметровым пауком отвратительного вида. Ответы практически всех испытуемых были стереотипны: извлечь бластер и всадить в паука весь заряд. Паук же мог оказаться бродящим в одиночестве местным поэтом, исполняющим

обязанности непременного секретаря добровольного общества защиты мелких птах и кузнечиков.

Ждать подвоха от хрупкой девушки — длинные ресницы отбрасывают тень на бледные нежные щеки, одного взгляда на ее лицо достаточно, чтобы тебя охватило необоримое желание увидеть, какого же цвета у нее глаза, — ждать от этой девушки подвоха, каких-то вирусов, было не очень по-мужски.

Этого никто вслух не сказал, но у меня появилось ощущение, что доктор Стрешний чувствовал себя мелким подлецом, чиновником, который ради буквы инструкций отказывает беспомощному посетителю.

Я не видел, как доктор дезинфицировал тончайшие щупы, чтобы ввести их сквозь ткань скафандра и набрать пробы воздуха. И не знал, каковы результаты его трудов, потому что мы снова ушли к кораблю, чтобы забраться внутрь и поискать: не остался ли кто-нибудь еще в живых. Это было бессмысленным занятием — из тех бессмысленных занятий, которые нельзя бросить, не доведя до конца.

— Плохо дело. — Мы услышали в наушниках эти слова доктора, когда пытались забраться внутрь корабля. Это было нелегко, потому что его помятая стена нависала над нами, как футбольный мяч над мухами.

— Что с ней? — спросил я.

— Она еще жива, — замялся доктор. — Но мы ничем ей не сможем помочь. Она Снегурочка.

Наш доктор склонен к поэтическим сравнениям.

— Мы привыкли, — продолжал доктор, и хотя могло показаться, будто он обращался ко мне, я знал, что говорит он в основном для тех, кто окружает его в каюте катера, — что основой жизни служит вода. У нее — аммиак.

Значение его слов дошло до меня не сразу. До остальных тоже.

— При земном давлении, — сказал доктор, — аммиак кипит при минус тридцати трех, а замерзает при минус семидесяти восьми градусах.

Тогда все стало ясно.

А так как в наушниках было тихо, я представил, как они смотрят на девушку, ставшую для них фантомом, который может превратиться в облако пара, стоит лишь ей снять шлем...

Штурман Бауэр рассуждал вслух, не вовремя демонстрируя эрудицию:

— Теоретически предсказуемо. Атомный вес молекулы аммиака семнадцать, воды — восемнадцать. Теплоемкость у них почти одинаковая. Аммиак так же легко, как вода, теряет ион водорода. В общем, универсальный растворитель.

Я всегда завидовал людям, которым не надо лезть в справочник за сведениями, которые никогда не могут пригодиться. Почти никогда.

— Но при низких температурах аммиачные белки будут слишком стабильными, — возразил доктор, будто девушка была лишь теоретическим построением, моделью, рожденной фантазией Глеба Бауэра.

Никто ему не ответил.

Мы часа полтора пробирались по отсекам разбитого корабля, прежде чем нашли неповрежденные баллоны с аммиачной смесью. Это было куда меньшим чудом, чем то, что случилось раньше.

* * *

Я зашел в госпиталь, как всегда, сразу после вахты. В госпитале пахло аммиаком. Вообще весь наш корабль им пропах. Бесполезно было бороться с его утечкой.

Доктор сухо покашливал. Он сидел перед длинным рядом колб, пробирок и баллонов. От некоторых из них шли шланги и трубы и скрывались в переборке. Над иллюминатором чернел небольшой ячеистый круг динамика-транслятора.

— Она спит? — спросил я.

— Нет, уже спрашивала, где ты, — сообщил доктор. Голос был глухим и сварливым. Нижнюю часть его лица прикрывал фильтр. Доктору приходилось каждый день решать несколько неразрешимых проблем, связанных с кормлением, лечением и психотерапией его пациентки, и сварливость доктора усугублялась преисполнившей его гордыней, так как мы летели уже третью неделю, а Снегурочка была здорова. Только отчаянно скучала.

Я почувствовал резь в глазах. Першило в горле. Можно было тоже придумать себе какой-нибудь фильтр, но мне казалось, что это могло быть воспринято как брезгливость. На месте Снегурочки мне было бы неприятно, если бы ко мне приближались в противогазе.

Лицо Снегурочки, как старинный портрет в овальной раме, обозначилось в иллюминаторе.

— Страствуй, — сказала она.

Потом щелкнула транслятором, потому что исчерпала почти весь свой словарный запас. Она знала, что мне иногда хочется услышать ее голос, ее настоящий голос. Поэтому, прежде чем включить транслятор, она говорила мне что-нибудь сама.

— Ты чем занимаешься? — спросил я. Звукоизоляция была несовершенна, и я услышал, как за перегородкой раздалось стрекотание. Ее губы шевельнулись, и транслятор ответил мне с опозданием на несколько секунд, в течение которых я любовался ее лицом и движением ее зрачков, менявших цвет, как море в ветреный, облачный день.

— Я вспоминаю, чему меня учила мама, — произнесла Снегурочка холодным равнодушным голосом транслятора. — Я никогда не думала, что мне придется самой готовить себе пищу. Я думала, что мама чудачка. А теперь пригодилось.

Снегурочка засмеялась раньше, чем транслятор успел перевести ее слова.

— Еще я учусь читать, — проговорила Снегурочка.

— Я знаю. Ты помнишь букву «ы»?

— Это очень смешная буква. Но еще смешнее буква «ф». Ты знаешь, я сломала одну книжку.

Доктор поднял голову, отворачивая лицо от струйки вонючего пара, ползущей из пробирки, и заметил:

— Мог и подумать, прежде чем давать ей книгу. При минус пятидесяти она становится хрупкой.

— Так и случилось, — подтвердила Снегурочка. Когда доктор ушел, мы со Снегурочкой просто стояли друг против друга. Если коснуться пальцами стекла, то оно на ощупь холодное. Ей оно казалось почти горячим.

У нас было минут сорок, прежде чем придет Бауэр, притащит свой диктофон и начнет мучить Снегурочку бесконечными допросами. А как у вас это? А как у вас то? А как проходит в ваших условиях такая-то реакция?

Снегурочка смешно передразнивала Бауэра и жаловалась мне: «Я же не биолог. Я могу все перепутать, а потом будет неудобно...»

Я приносил ей картинки и фотографии людей, городов и растений. Она смеялась и спрашивала о деталях, которые мне самому казались несущественными и даже ненужными. А потом вдруг перестала спрашивать и смотрела куда-то мимо меня.

— Ты что?

— Мне скучно. И страшно.

— Мы тебя доставим до дома.

— Мне страшно не поэтому.

А в тот день она спросила меня:

— У тебя есть изображение девушки?

— Какой? — спросил я.

— Которая ждет тебя дома.

— Меня никто не ждет дома.

— Неправда, — сказала Снегурочка. Она могла быть страшно категорична. Особенно если чему-нибудь не верила. Например, она не поверила в розы.

— Почему ты мне не веришь?

Снегурочка не ответила.

Облако, плывущее над морем, закрыло солнце, и волны изменили цвет — стали холодными и серыми, лишь у самого берега вода просвечивала зеленым. Снегурочка не могла скрывать своих настроений и мыслей. Когда ей было хорошо, глаза ее были синими, даже фиолетовыми. Но когда ей было грустно, они сразу словно выцветали, серели и становились зелеными, если она злилась.

Не надо было мне видеть ее глаза. Когда она открыла их впервые

на борту нашего корабля, ей было больно. Глаза были черными, бездонными, и мы ничем не могли ей помочь, пока не переоборудовали лабораторный отсек. Мы спешили так, словно корабль мог в любой момент взорваться. А она молчала. И лишь через три с лишним часа мы смогли перенести ее в лабораторию и доктор, оставшийся там, помог ей снять шлем.

На следующее утро ее глаза светились прозрачным сиреневым любопытством и чуть потемнели, встретившись с моим взглядом...

Вошел улыбающийся Бауэр. Снегурочка улыбнулась ему в ответ:

— Аквариум к вашим услугам.

— Не понял, Снегурочка, — насторожился Бауэр.

— А в аквариуме подопытный слизняк.

— Лучше скажем — золотая рыбка. — Бауэра не так легко смутить.

У Снегурочки все чаще было плохое настроение. Но что делать, если ты проводишь недели в камере два на три метра. И сравнение с аквариумом было справедливым.

— Ну, я пошел? — спросил я, и Снегурочка не ответила, как обычно: «Приходи скорей».

Ее серые глаза с тоской смотрели на Глеба, словно он был зубным врачом. Я пытался анализировать свое состояние и понимал его противоестественность. С таким же успехом я мог влюбиться в портрет Марии Стюарт или статую Нефертити. А может, это была просто жалость к одинокому существу, ответственность за жизнь которого удивительным образом изменила и смягчила отношения на борту. Снегурочка внесла в нашу жизнь что-то хорошее, заставляющее всех непроизвольно прихорашиваться, быть благороднее и добрее, как перед первым свиданием. Безнадежность моего чувства вызывала, по-моему, у окружающих одновременно жалость и зависть, хотя они, как известно, несовместимы. Иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь подшутил надо мной, усмехнулся бы, чтобы я мог взорваться, нагрубить и вообще вести себя хуже других. Никто себе этого не позволял. В глазах моих товарищей я был блаженно болен.

Вечером доктор Стрешний вызвал меня по интеркому:

— Тебя Снегурочка зовет.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Не беспокойся.

Я прибежал в госпиталь, и Снегурочка ждала меня у иллюминатора.

— Извини, — сказала она. — Но я вдруг подумала, что если умру, то не увижу тебя больше.

— Чепуха какая-то, — проворчал доктор.

Я невольно провел взглядом по циферблатам приборов.

— Посиди со мной, — попросила Снегурочка.

Доктор вскоре ушел, выдумав какой-то предлог.

— Я хочу коснуться тебя, — голос Снегурочки дрогнул. — Это несправедливо, что нельзя дотронуться до тебя и не обжечься при этом.

— Мне легче. — Я попытался улыбнуться. — Я только обморожусь.

— Мы скоро прилетим? — спросила Снегурочка.

— Да, — кивнул я. — Через четыре дня.

— Я не хочу домой. — Снегурочка опустила голову. — Потому что пока я здесь, то могу представить, что касаюсь тебя. А там тебя не будет. Положи ладонь на стекло.

Я послушался.

Снегурочка прижалась к стеклу лбом, и я вообразил, что мои пальцы проникают сквозь прозрачную массу стекла и ложатся на ее лоб.

— Ты не обморозился? — Снегурочка постаралась улыбнуться.

— Может быть, удастся найти нейтральную планету, — нерешительно начал я.

— Какую?

— Нейтральную. Посередине. Чтобы там всегда было минус сорок.

— Это слишком жарко.

— Минус сорок пять. Ты потерпишь?

— Конечно, — быстро ответила Снегурочка. — Но разве мы сможем жить, если всегда придется только терпеть?

— Я пошутил.

— Я знаю, что ты пошутил.

— Я не смогу писать тебе писем. Для них нужна специальная бумага, чтобы она не испарялась. И потом, этот запах...

— А чем пахнет вода? Она для тебя ничем не пахнет? — спросила Снегурочка.

— Ничем.

— Ты удивительно невосприимчив.

— Ну вот ты и развеселилась.

— А я бы полюбила тебя, если бы мы были с тобой одной крови?

— Не знаю. Я сначала полюбил тебя, а потом узнал, что никогда не смогу быть с тобой вместе.

— Спасибо.

* * *

В последний день Снегурочка была возбуждена, и хотя говорила мне, что не представляет, как расстанется с нами, со мной, мысли ее метались, не удерживались на одном, и уже потом, когда я запаковывал в лаборатории вещи, которые Снегурочка должна была взять с собой, она призналась, что больше всего боится не долететь до дома. Она была уже там и разрывалась между мной, который оставался

здесь, и всем миром, который ждал ее. Рядом с нами уже полчаса летел их патрульный корабль, и транслятор на капитанском мостике непрерывно трещал, с трудом управляясь с переводом. Бауэр пришел в лабораторию и сказал, что мы спускаемся в космопорт. Он постарался прочесть записанное название. Снегурочка поправила его, словно мимоходом, и тут же спросила, хорошо ли он проверил ее скафандр.

— Сейчас проверю, — пообещал Глеб. — Чего ты боишься? Тебе же пройти всего тридцать шагов.

— И я хочу их пройти, — сказала Снегурочка, не поняв, что обидела Глеба. — Проверь еще раз, — попросила она меня.

— Хорошо, — *согласился я.*

Глеб пожал плечами и вышел. Через три минуты вернулся и разложил скафандр на столе. Баллоны глухо стукнулись о пластик, и Снегурочка поморщилась, словно ее ударили. Потом постучала по дверце передней камеры.

— Передай мне скафандр. Я сама проверю.

Чувство отчуждения, возникшее между нами, физически сдавливало мне виски: я знал, что мы расстаемся, но мы должны были расстаться не так.

Мы сели мягко. Снегурочка уже была в скафандре. Я думал, что она выйдет в лабораторию раньше, но она не рискнула этого сделать до тех пор, пока не услышала по интеркому голос капитана:

— Наземной команде надеть скафандры. Температура за бортом минус пятьдесят три градуса.

Люк был открыт, и те, кто хотел еще раз попрощаться со Снегурочкой, стояли там.

Пока Снегурочка говорила с доктором, я обогнал ее и вышел на площадку, к трапу.

Над этим очень чужим миром ползли низкие облака. Метрах в тридцати остановилась приземистая желтая машина, и несколько человек *стояли возле нее на каменных плитах. Они были* без скафандров, разумеется, — зачем дома надевать громоздкий космический костюм? Маленькая группа встречавших затерялась на бесконечном поле космодрома.

Подъехала еще одна машина, и из нее тоже вылезли люди. Я услышал, что Снегурочка подошла ко мне. Я обернулся. Остальные отступили назад, оставив нас вдвоем.

Снегурочка не смотрела на меня. Она старалась угадать, кто встречает ее. И вдруг узнала.

Она подняла руку и замахала. И от группы встречающих отделилась женщина, которая побежала по плитам к трапу. И Снегурочка бросилась вниз, к этой женщине.

А я стоял, потому что я был единственным на корабле, кто не попрощался со Снегурочкой. Кроме того, в руке у меня был большой

сверток со Снегурочкиным добром. Наконец, я был включен по судовой роли в наземную команду и должен был работать внизу и сопровождать Бауэра на переговорах с космодромными властями. Мы не могли здесь долго задерживаться и через час отлетали. Женщина сказала что-то Снегурочке, та засмеялась и откинула шлем. Шлем упал и покатился по плитам. Снегурочка провела рукой по волосам. Женщина прижалась щекой к ее щеке, а я подумал, что обеим тепло. Я смотрел на них, и они были далеко. А Снегурочка сказала что-то женщине и вдруг побежала обратно, к кораблю. Она поднималась по трапу, глядя на меня и срывая перчатки.

— Прости, — сказала она. — Я не простилась с тобой

Это был не ее голос — говорил транслятор над люком, предусмотрительно включенный кем-то из наших. Но я услышал и ее голос.

— Сними перчатку, — попросила она. — Здесь только минус пятьдесят.

Я отстегнул перчатку, и никто — ни капитан, ни доктор — не остановил меня.

Я не почувствовал холода. Ни сразу, ни потом, когда она взяла мою руку и на мгновение прижала к своему лицу. Я отдернул ладонь, но было поздно. На обожженной щеке остался багровый след моей ладони.

— Ничего. — Снегурочка попыталась улыбнуться, тряся руками, чтобы было не так больно. — Это пройдет. А если не пройдет, тем лучше.

Снизу женщина что-то кричала Снегурочке.

Снегурочка смотрела на меня, и ее темно-синие, почти черные глаза были совсем сухими...

Когда они подошли к машине, Снегурочка обернулась и взглянула на меня в последний раз.

— Зайди потом ко мне, — услышал я сзади голос доктора. — Я тебе руку смажу и перевяжу.

— Мне не больно, — ответил я, не поворачиваясь.

— Потом будет больно, — вздохнул доктор.

КРАСНЫЙ ОЛЕНЬ — БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

В сумерках Лунин пристал к берегу, чтобы переночевать. Место было удачное — высокий берег, поросший поверху старыми деревьями. Под обрывом тянулась широкая полоса песка, утрамбованного у воды и мягкого, рассыпчатого, прогретого солнцем ближе к обрыву. Кое-где на песке лежали стволы свалившихся сверху деревьев — река постепенно размывала высокий берег. Лунин привязал катер к черному, ушедшему корнями в воду пню. Катер легонько мотало на мелкой волне. Палатку он решил разбить наверху. Там не будут досаж-

дать москиты — снизу было видно, как гнутся от ветра вершины деревьев.

Лунин приторочил палатку на спину и начал подъем. Обрыв был сложен из рыхлого песчаника и слежавшегося, но предательски непрочного кварцевого песка. Лунин цеплялся за корни и колючие кусты, которые поддавались с неожиданной легкостью, и приходилось прижиматься всем телом к обрыву, чтобы не сползти обратно.

Никто не мешал Лунину остаться внизу и переночевать в катере, но Лунин предвкушал час отдыха, неспешных размышлений и воображаемой разборки сегодняшних трофеев. Трофеи остались на катере, но Лунин знал их наизусть. Да и не находки были важны сейчас, а связанная с ними возможность подтверждения идей, которые еще не успели отстояться и стать теорией.

Наверху дул свежий, набиравший силу над зеркалом реки ветер. Дальний берег уже утонул во мгле. Ветер разгонял москитов. Поставив палатку и перекусив, Лунин уселся спиной к корявому стволу, свесил ноги с обрыва.

Где-то неподалеку перекликались птицы. Треснул сук. Лунин слышал голоса леса, но они не мешали ему. Он знал, что в случае опасности успеет одним прыжком достигнуть палатки и включить силовое поле. Лунин нагнулся и поглядел на катер. Тот тоже в безопасности. Катер казался сверху маленьким, словно жучок, прибитый к берегу волной. Лунин почувствовал приближение приступа одиночества, преследовавшего, как болезнь. Здесь не было своих. Только чужие. И геологи, которые тоже где-то в тысяче километров отсюда разбили сейчас палатки и сидят около них, прислушиваясь к звукам леса или степи. И ботаник тоже ночует где-то. Один.

Лунин поглядел наверх. Словно знал, что именно сейчас Станция пролетает над ним. Станция была яркой звездочкой. Но не более как звездочкой. Можно заглянуть в палатку и вызвать Станцию. И спросить, например, какая здесь завтра будет погода. Ответят, пожелают спокойной ночи. Диспетчеру скучно. Он ждет не дождется, когда наступит его очередь спуститься вниз. Он геолог. Или геофизик. Ему кажется — планета так интересна и богата, что ему некогда будет почувствовать свое одиночество. Может, он прав. Наверное, Лунин исключение.

Эта планета могла быть другой. Совсем другой. Может быть, из-за сознания того, что Лунин нечаянно овладел ее невеселым секретом, он и мучился одиночеством.

На Станции он единственный палеонтолог. Сначала он работал вместе с партией геологов. Потом оставил их. Все равно он мог лишь угадывать, чего ждать, вести самую предварительную разведку. Не более. Искать планомерно, делать открытия, подготовленные временем, предстояло другим. На долю Лунина оставались случайности и

догадки. Одна из случайностей произошла вчера. Вторая сегодня утром.

Утром он нашел вторую стоянку. Она оказалась не старше, чем вчерашняя...

— Ух, — послышалось в кустах. Такое «ух» могло значить лишь одно — сигнал к нападению. Лунин метнулся к палатке, успев подумать, что плуги, к счастью, никогда не нападают молча. Всегда оставляют тебе секунду на размышление. Правда, не более секунды.

Он не успел спрятаться в палатке. Плуги бросились к нему из-за стволов и сверху, с вершин деревьев. Падая под тяжестью горячей шерсти, Лунин дотянулся до кнопки силовой защиты, и поле придавило к земле ноги чуть ниже колен. Он рванул ноги, стараясь поджать их, но это оказалось трудно сделать — не столько из-за поля, сколько потому, что один из плугов успел вцепиться лапой в башмак и тянул к себе. Остальные — трое или четверо — бились о невидимую стенку, отделявшую их от Лунина.

В полумраке было видно, как светятся красным их слишком большие по земным меркам глаза. Оттого выражение яростных морд казалось двусмысленным — глаза никак не вязались с оскалом клыков и морщинами, топорщившими редкую шерсть на низком покатом лбу. В глазах виделись удивление, растерянность и даже жалоба. Но плуги лишены жалости и милосердия. Они непобедимые и мрачные хищники, господа ночи. Величина и форма глаз — необходимость. Они видят почти в полной темноте.

Башмак остался в лапе плуга, и тот сразу вгрызся в него, но насладиться добычей не успел. Другой плуг, покрупнее, преисполнился зависти. И плуги забыли о Лунине. Он знал, что забыли ненадолго — вернутся. Но пока они рвали башмак.

Лунин устроился у входа в палатку и нашарил сзади себя кинокамеру. Луч света, вышедший из нее, обозначил лишь черный громадный ком, шевелящийся, словно рой пчел, — плуги дрались. И тогда из-за дерева вышел крупный матерый самец. Он шел на задних лапах и ставил их уверенно и прочно. Он не смотрел на пустую драку: его интересовала добыча покрупнее — палатка и человек в ней.

Плуг не обращал внимания на свет — лишь зрачки сузились до ниточек, и Лунин, глядя на него сквозь видоискатель камеры и поджимая разутую ногу, невольно улыбнулся. (Когда первые фотографии этих гигантских обезьян прибыли на Станцию, доктор Павлыш с «Космоса» сказал совершенно серьезно: «Там побывал Густав Плуг». Густава Плуга знали многие. Он был главным врачом на «Земле-14» и отличался ангельским характером, умением отыскивать болезни у самых здоровых на вид космонавтов — и устрашающей внешностью. Он был похож на черную гориллу. Только в очках. Тогда-то Павлыш нарисовал на фотографии очки, и питеков назвали плугами.)

— Здравствуйте, доктор Плуг, — сказал Лунин медленно подхо-

дившему зверю. — Я кажусь легкой добычей? Со мной можно поступать по законам джунглей? Ну так постарайтесь вообразить, что и я могу вас съесть...

На мгновение Лунину показалось, что силовое поле может отказать. Он даже вытащил из-под себя босую ногу и ткнул ею вперед. Нога уперлась в преграду. Тут же Лунин подумал, что завтра придется слетать на Станцию. Босиком здесь долго не проходишь.

Вожак распластал лапы по невидимой стенке и прижал к ней морду. Он исходил злобой. Лунин внушал ему воспоминания. И именно поэтому Лунин сегодня относился к плугам без того интереса, с каким привыкший жить в поле исследователь относится к неразумной жизни вокруг. Сегодня Лунин испытывал некоторые весьма обоснованные подозрения. Подозрения внушили стоянки.

Их было пока две. Вчерашняя, в распадке, на склоне, где несколько неглубоких пещер смотрели на травянистую лужайку. В одной из пещерок Лунин вчера обнаружил следы копоти, а на полу, под пометом летучих мышей, кухонные отбросы — разбитые кости, золу и осколки кремня. Часа через полтора, опомнившись и отдышавшись от возни с камерами и фиксаторами, Лунин вызвал Станцию и сообщил дежурному о находке. Говорил Лунин спокойно, буднично, и поэтому сначала дежурный не осознал значения его слов.

— Записываю координаты, — отвечал дежурный равнодушно, как по нескольку раз за день отвечал различным группам, каждая из которых была уверена, что ее сегодняшнее открытие войдет в историю. — Палеолитическая стоянка... Предварительный анализ кухонных отбросов... восемьсот-девятьсот лет плюс-минус пять... Постой, — сказал тут дежурный. — Какие кухонные отбросы?

— Кости, — пояснил Лунин. — Зола.

— Ты что хочешь сказать?..

— Сообщение принято? Продолжаю работу, — сказал Лунин и отключился, представляя себе, как суматоха, вызванная его сообщением, прокатывается волной по Станции, отрывает от срочной и недавно еще Самой Важной Работы физиков, астрономов, зоологов, перекидывается на планету и становится достоянием работающих внизу групп. «Послушай, ты знаешь, что Лунин нашел?»

Минут пять прошли спокойно. Лунин не заблуждался относительно этого спокойствия. Он сидел на валуне и ждал событий.

— Лунин, — произнес голос в рации. — Ты слышишь меня?

Говорил Вологдин, шеф экспедиции.

— Слышу, — ответил Лунин, покусывая тонкую травинку.

— Ты не ошибся?

Лунин игнорировал такое предположение.

— Лунин, ты чего молчишь?

— Я уже послал сообщение.

— Но ты уверен?

— Да.

— Мы вышлем тебе группу?

— Пока не надо. Ничего особенного не произошло.

— Вот это да.

Лунин представил, как вся Станция стоит за спиной у шефа и слушает разговор.

— Послушай, Вологдин, — сказал Лунин. — Я нашел палеолитическую стоянку. Но не знаю, кто был ее хозяином. Стоянка, по нашим масштабам, свежая. Значит, если даже на планете есть разумные существа, то они на уровне троглодитов. В ином случае мы отыскали бы их уже давно.

— Но почему раньше никто не видел даже следов?

— А что мы знаем о планете? Работаем здесь всего третий месяц. И нас горстка.

— И все-таки планета уже вся заснята, и любое свидетельство...

— Они, наверное, живут в лесу.

— Может, это плуги?

— Не надейся. О плугах тебе расскажет Ли. Он за их стаей следил две недели. Жуткие звери, чуть поорганизованнее горилл, зато вдесятеро злее и сильней. Отлично обходятся без огня.

— Так ты справишься?

— Да. Можешь прислать капсулу. Я положу в нее пленки. Сами посмотрите, своими глазами. Но ничего сенсационного не обещаю.

— Сейчас высылаем. Ты, по-моему, недооцениваешь значение открытия.

— Это даже не открытие. Я наткнулся на стоянку внезапно. Но в любом случае пройду теперь вниз по реке. Может, еще что-нибудь увижу.

Капсулу за пленками прислали ровно через двадцать минут. Лунин к тому времени как раз перебрался на катер, чтобы пообедать. В капсуле обнаружилась записка от Володи Ли. Частного характера. «Послезавтра кончаю обработку темы. Могу присоединиться». На записку Лунин отвечать не стал. Сможет — прилетит.

В течение дня его еще раз десять вызывала Станция. Как будто Лунин нашел не следы палеолита, а по крайней мере город с железной дорогой. И через каждый час должен находить по новому городу.

Так и прошел день. И вот сегодня утром он обнаружил вторую стоянку. Может быть, он даже пропускал палеолит раньше. Не рассчитывал найти. Искал кайнозой, в одном месте наткнулся на триас. А на следы человека не смотрел. Теперь же глаза крутились, словно радарные установки. Нет ли скола на куске кремня? Не вход ли в пещеру — темное пятно на обрыве?

Стоянка оказалась небольшой, отбросов мало. Зато в яме, полузасыпанной песком, Лунин отыскал первый череп. И остатки скелета. Череп пришлось собирать по кусочкам — он был раздроблен сильны-

ми зубами хищника. А может, зубами сородичей. Стоянка принадлежала гуманоидам. Лунин оказался прав — они не имели никакого отношения к плугам. Вдвое ниже плугов, куда тоньше в кости, с покатым лбом и скошенным подбородком, они все же были куда ближе к разумным людям, чем черные обезьяны. Покружившись по стоянке, Лунин нашел еще несколько человеческих костей. И смог предположить, что жители ее подверглись нападению. Причем враги не только перебили, но и сожрали обитателей стоянки.

Потратив несколько часов на сбор и фиксацию трофеев, на прием и отправку капсул, на разговоры с нахлынувшими на катерах и флаерах визитерами, Лунин пошел дальше. Уже тогда у него появились первые подозрения, но проверить их он не мог. В этом поясе водились медведи и хищники, схожие с крупными волками. Ни те, ни другие не собирались, как установил Ли, в стаи. И вряд ли они могли перебить всех жителей стоянки, числом более десяти. Убить, разодрать буквально на мелкие клочки. Оставались плуги.

И вот теперь, сидя в палатке и глядя на яростную, в пене, морду вожака-плуга, Лунин испытывал к нему почти ненависть.

Природа жестока к разуму. Еще не окрепнув, не научившись толком осознавать собственное потенциальное могущество, он оказывается среди сильных врагов, и борьба с ними все время нависает дамокловым мечом над самим существованием разумной жизни. Враги — и здесь, и на Земле — всегда зубастее и нахальней, чем предки разумных существ. И нужно перехитрить их, спрятаться от них, выжить... хотя без сильных врагов тоже не станешь разумным.

А плуг все не желал отказываться от добычи. Лунину даже казалось уже, что плуг отождествляет его с троглодитами и относится к нему не только как к добыче, но и как к злейшему врагу, существу, с которым не поделишь власть на планете.

К вожаку присоединились остальные плуги, которые благополучно разделались с башмаком, и в конце концов, когда Лунину надоело глядеть в мохнатые озлобленные морды, он дал ослепляющую вспышку, и плуги разбежались.

Заснуть сразу не удалось. Вызвал Володя Ли. Он, оказывается, уже закончил исследование царапин на костях людей. Следы соответствовали зубам плугов. Обвинение подтвердилось. И, засыпая наконец, Лунин понял, что положение его на этой планете изменилось. Он не только исследователь. Он должен стать и защитником. Наверное, людей здесь осталось не так уж и много. Плуги оказались более опасными врагами, чем пещерные медведи для наших предков.

На следующий день пришлось вернуться на Станцию. Из-за башмака. Показалось неудобным просить дежурного: «Пришли мне, голубчик, в капсуле правый башмак сорок второго размера, желательно черный. Мой плуги съели». Да и надо было посоветоваться с Ли и шефом и получить флаер хотя бы недели на две, чтобы обшарить на бреющем полете бассейн большой реки.

А потом Лунин с Ли три недели обследовали бассейн, возвращаясь на Станцию, чтобы разобрать материалы. И попытались опровергнуть выводы, к которым их толкали новые находки.

Плуги пришли сюда тысячи четыре лет назад. Совсем недавно. Может быть, с другого континента, где их видимо-невидимо. К тому времени первые люди на планете уже научились обкалывать камень и зажигать огонь. Люди не были готовы к войне с громадными обезьянами, организованными в яростные стаи, видящими ночью как днем, с такой толстой шкурой, что каменные наконечники копий не могли ее пробить. Разбросанные по лесу горстки людей становились одна за другой жертвами яростных нападений. Тысячу пятьсот лет, тысячу лет, восемьсот лет насчитывали покинутые и разоренные стоянки. И наконец, на берегу большого мелкого озера, среди торчащих, словно растопыренные пальцы, сизых скал Лунин нашел поле одной из последних, если не последней битвы. Здесь погибло более восьмидесяти людей. Тут же валялись и кости плугов. Люди научились объединяться, но, видно, опоздали. Битва датировалась полутысячелетием назад. Плюс-минус десять лет. Поиски можно было прекращать. Ни одного человека на планете не осталось.

— Эх, поспешить бы, — сказал кто-то из физиков. — Мы бы их силовым полем прикрыли.

— Пятьсот лет назад?

— А может, еще в прошлом году последние здесь скрывались? Мы же не знаем.

— Вряд ли, — усомнился Ли.

— Я понимаю, — вздохнул физик. — И все-таки жалко младших братьев.

На следующий день Лунин вылетел на большую стоянку у обрыва, где из розоватого песчаника вывалились на берег речушки черные конкреции и аммониты высовывались из обрыва, словно завитые рога горных баранов. Там была пещера, у которой тоже лет восемьсот назад шумела битва, наверное, короткая, ночная, как и все битвы, когда в свете костра у пещеры крутились, рычали плуги и, сопя, отмахивались от ударов копий, растаскивали камни, которыми люди завалили вход в пещеру.

Лунин осмотрел все закоулки пещеры, разыскивая следы долгой жизни, подобрал рыболовный крючок из согнутой и обточенной кости, нашел выдолбленный камень, куда с потолка пещеры капала вода. Второй, дальний ход в пещеру был широким, и солнце заливало плоский песчаный пол и гладкие стены. У одной из стен лежал обтесанный камень. Над ним были рисунки. Первые рисунки, найденные на планете. Лунин затаил дыхание, словно опасался, что от дуновения воздуха рисунки могут осыпаться, пропасть.

Кто-то выбрал эту стену, чтобы выразить на ней свое удивление перед миром, остановить движение, заколдовать его волшебной силой единства с этим миром и зарождающейся властью над ним. Там был нарисован медведь — горбатый, с неровными вертикальными полосками под брюхом, изображавшими длинную шерсть. Были смешные человечки — две палочки ножек, две палочки ручек. Человечки куда-то бежали. Была лодка и над ней солнце. Песчаник и мел надоумили художника (а может, он был и первым жрецом?) пользоваться разными красками. Солнце было красным, человечки белыми.

Лунин медленно продвигался вдоль стены, читая все новые рисунки. Черный плуг. Сутулый и оскаленный. Плуг был маленький. А рядом большой красный человек, который пронзил плуга копьем. Рисунок был неправдой. Искусство, еще не родившееся толком, уже начало мечтать.

И у Лунина испортилось настроение.

Он вспомнил, что камера осталась во флаере и надо возвращаться туда.

Но перед тем как уйти, он выглянул наружу, нет ли там других рисунков. Рисунок был. Один. Плоская глыба, нависшая над стеной у входа, сохранила его от дождей. Рисунок был крупнее других, свободнее в линиях, будто вне пределов пещеры художник мог отступить от канонов, рождающихся вместе с искусством.

Это был олень. Красный олень, нарисованный легко и небрежно, запечатленный памятью художника в момент прыжка.

Лунин бежал к флаеру. За камерой. У него даже защемило сердце. Он свыкся уже с тем, что разум на этой планете погиб, только успев родиться. И сожаление по этому поводу и даже раздражение против плугов были несколько абстрактными. В конце концов, перед ним был исторический факт.

А существование оленя, его полет разрушили ход абстрактного мышления. Окончательность смерти разума стала трагедией, задевшей самого Лунина. И оттого родился страх перед возможной гибелью красного оленя. От землетрясения, дождя — черт знает от чего.

Он сказал только, включив на секунду рацию: «Нашел наскальные рисунки. Сниму, зафиксирую, потом выйду на связь. Ждите». Схватил камеру, консервант и поспешил обратно. Он шел быстро, но осторожно, стараясь не наступить на кости и осколки камней. И когда до второго выхода из пещеры оставалось несколько шагов, замер. Ему показалось, что там кто-то есть. Да, он теперь уже ясно слышал сопение. Лунин закинул камеру за плечи, положил ладонь на бластер, заряженный парализующими патронами. Сопение не смолкало. Будто маленький паровоз разводил пары под скалой. Лунин на носках дошел до края пещеры и выглянул.

Худшие его опасения оправдались. Перед красным оленем сидел

на корточках громадный черный плуг и старался уничтожить рисунок. Лунин поднял бластер. Еще не поздно. Но не выстрелил.

Он заметил в лапе плуга кусок мела. Лапа дрожала от напряжения. Сопя, подвывая, скалясь, плуг царапал мелом по стене. Как раз под красным оленем. Он уже провел почти прямую горизонтальную линию, от нее пошли короткие палочки вверх. Палочек было четыре, разной длины, одна из них не достала до горизонтальной линии, и плуг принялся тыкать мелом в стену, стараясь белыми точками соединить палочку с линией, прежде чем продолжить свой изнурительный труд.

И Лунин понял, что же старается плуг изобразить на стене. Того же оленя, но белого и перевернутого вверх ногами, убитого, ставшего пищей.

Плуг взялся за задачу, которая оказалась ему не по плечу. Ни лапы его, ни глаза не были подготовлены к тому, чтобы снимать копии с произведений искусства. И тем более творчески переработанные копии.

Плуг возил куском мела у конца горизонтальной линии — получилась звезда. Это была голова оленя. Не важно, что она не была похожа на голову, — Лунин и плуг признавали за искусством право на условность.

Плуг отодвинулся от стены, склонил морду набок и замер, наслаждаясь лицезрением рисунка. В нем зарождалось тщеславие. В палочках он видел громадную, теплую еще тушу оленя и потому не искал сравнений с тем, что умели делать уничтоженные враги. Теперь оленю не убежать. Он повержен.

А Лунин почувствовал какую-то странную благодарность, чуть ли не нежность к черной обезьяне, и сделал шаг вперед. Плуг в этот момент оглянулся, словно искал взглядом кого-нибудь, кто оценил бы его труд. Взгляды человека и плуга встретились.

И плуг забыл об олене. В плошках красных глаз вспыхнула бессмысленная злоба, бешенство и страх застигнутого врасплох зверя. Эволюция, сделав неожиданный шаг вперед, была бессильна еще удержаться на новой ступеньке, и шаг был забыт. Не навсегда, конечно.

Плуг метнул куском мела в Лунина — под рукой не оказалось ничего более существенного. Кусок мела отскочил к стене, оставив на груди скафандра белую точку. Лунин инстинктивно отпрянул за выступ скалы.

А когда выглянул вновь, увидел лишь черное пятно — спину плуга, ломящегося сквозь заросли.

Черное пятно исчезло. Листья трепетали, словно под порывом ветра. Треск сучьев затих.

Лунин обернулся к скале. Камень в тени был сиреневым, и на нем светились два оленя. Красный и белый.

ЗАГАДКА ХИМЕРЫ

Комету назвали Химерой, потому что у нее было три ядра, что необычно, и хвост загибался на конце подобно драконьему. А как известно, драконий хвост и трехглавость считаются атрибутами этого мифологического чудовища.

Вблизи, когда хвост расплылся вуалевым облаком, сквозь которое просвечивали звезды, сходство с Химерой поблекло.

Глеб Бауэр сказал:

— «Земля-14», скорость мы подравняли. Ты меня слышишь, Агнесса?

Ответ пришел через несколько секунд:

— Батрак спрашивает, вы уверены?

— Уверен, — сказал Бауэр. — Мы войдем в хвост практически ползком. Льдинки невелики. Как и ожидалось.

— Ядра?

— Тоже как и ожидалось. Боковые — глыбы льда. Центральное ядро потяжелее...

Вход в хвост кометы был незаметен. Только приблизившись к ядрам километров на пятьсот, патрульный корабль впервые столкнулся с осколком льда — ни Бауэр, ни Крайтон этого не почувствовали, лишь на экранах внешней защиты вспыхнули зеленые искры.

— Концентрация твердого материала увеличивается, — сказал Бауэр, снова вызвав «Землю-14». — Даю торможение на тридцать секунд.

— Только лед? — донесся голос Эдуарда Батрака.

— Включаю анализатор, — сказал Крайтон, переводя компьютер на связь с базой. — А визуально здесь и пыль, и камешки, и прочая ерунда, которую Химера подобрала на своем пути.

Корабль завис над центральным ядром. Теперь он стал неотличим от сотен льдин и камней, тянущихся за ядром, беззвучно, спокойно, с неуловимой для глаза скоростью несущихся к Солнцу. Пройдет еще несколько недель, и комета взорвется, испарится, исчезнет, приблизившись к светилу. Поэтому и пришлось спешить, снимать с рейса патрульный корабль. Особых открытий не ждали, но проверить неизвестную комету следовало. Ведь, вернее всего, она летела миллионы лет навстречу гибельному столкновению с Солнцем.

— Все правильно, — услышали они голос Батрака. — Анализатор подтверждает: слой льда скрывает базальтовую основу. Лед неровный, кое-где базальт выходит на поверхность. Вы уверены, что сможете спуститься?

— Не беспокойтесь, Эдуард, — мягко ответил Крайтон. — Будет вам к ужину кусочек базальта.

Корабль широко расставил опоры, шипы опор вгрызлись в корку льда. Гравитация была почти нулевой.

Крайтон с Бауэром быстро подготовили портативный бур, гравиметр, микрокомпьютер, аппарат для плавления льда, кинокамеру, потом надели на скафандры ракетные ранцы.

До базальтового участка от ракеты было метров триста. Поверхность базальта оказалась гладкой, словно отшлифованной временем и пространством.

— Как будто искусственный, — с надеждой произнес Крайтон.

— Не думаю, — отозвался в его шлеме голос Бауэра. — Общая форма ядра неправильна.

— Знаю, — согласился Крайтон. Молодых разведчиков всегда терзает мечта о Контакте.

Бауэр собрал бур, Крайтон пролетел с гравитометром чуть дальше. Базальт был обыкновенным. Природа однообразна — она никак не может выйти за пределы периодической системы Менделеева. Что обычно на Земле, то обычно и на другом конце Галактики. Крайтон только хотел поделиться этой светлой мыслью с Бауэром, как стрелка гравитометра колыхнулась.

«Наверное, каверна, полость естественного происхождения», — подумал Крайтон, которому очень хотелось, чтобы это была не каверна.

Он пролетел несколько метров, и стрелки вернулись в исходное положение. Так. Теперь немного назад. Потом вправо...

— Ты чего не отвечаешь? — спросил Бауэр.

— Погоди, полость отыскал, хочу проследить.

— Ладно. Иду к тебе. Ты только не спеши, а то еще свалишься с планеты. — Глеб усмехнулся собственной остроте. Крайтон не отвечал, он был занят. Как он определил по гравитометру, полость была узкой и тянулась словно туннель.

Стоп! Стрелки колыхнулись сильнее. Призраком подлетел Глеб Бауэр, затормозил, замер рядом. Ему ничего не надо было рассказывать — он только заглянул Крайтону через плечо. Потом дотронулся до клавиши, включая экран гравитометра, что Крайтон попросту забыл сделать. По экрану пробежала желтая полоска — гравитометр запомнил аномалию, прочертил исследованную часть. Под желтой полосой, перпендикулярно к ней, пробегала вторая, тусклее. Значит, второй туннель был расположен ниже. И если присмотреться, можно было понять, что вторая полоса пересекала третью, совсем тусклую.

— Шесть метров, восемь и двадцать пять, — сказал Бауэр.

— Что ж я не включил? — удивился Крайтон. — Замечтался?

— Самокритика хороша только тогда, когда из нее делают выводы. Теперь лучше проверь свою интуицию.

Крайтон включил микрокомпьютер. Глубину туннелей Бауэр угадал почти точно.

— Пробурим? — спросил Крайтон.

— Успеем...

Они медленно пролетели над центральным ядром еще метров сто. Корабль почти скрылся за близким горизонтом.

Желтая полоса ближайшего туннеля засветилась, словно раскаленная вольфрамовая нить. Туннель подошел к самой поверхности.

— А ты говорил — бурить, — сказал Глеб, останавливаясь. Достаточно было поглядеть под ноги, чтобы увидеть округлую линию.

Это был шов закрытого люка.

— Я говорил, что базальтовый участок показался мне слишком гладким. — Голос Крайтона дрогнул. Он поднял голову и увидел близкий, в протуберанцах, диск Солнца. — А могли бы и не полететь — сколько Батрак уламывал совет.

— Все равно полетели бы, — сказал Бауэр равнодушным голосом старого космического волка, который сотни раз сталкивался с чужими цивилизациями, хотя это и было неправдой.

Он пристально смотрел на люк.

— Базальт. Такой же базальт...

— У нас мало времени, — энергично отозвался Крайтон.

— Правильно. Но не совсем так. Сначала вернемся на корабль, поговорим с «Землей-14».

— Но... — И Крайтон осекся: Бауэр действовал по инструкции.

— Не думаю, что они скроются от нас, — сказал Глеб, подталкивая Крайтона в сторону корабля, и взлетел. — Они ждали миллионы лет.

— Ты думаешь, там кто-то есть?

— Ни одного шанса, — сказал Бауэр. — Но кто-то был.

Полчаса ушло на переговоры с «Землей-14». Агнесса, подобно Крайтону мечтавшая о Контакте, прежде чем передать информацию Батраку, разразилась восторженными восклицаниями. Батрак связывался с другими станциями. Бауэр был на связи, а Крайтон еле сдерживал нетерпение. Наконец пришел ответ...

Прежде чем бурить люк, решено было подробнее обследовать с помощью гравитометра систему туннелей. Крайтону это занятие было куда больше по душе, чем сидение в корабле, но все равно он спешил, надеясь как можно скорее вернуться к люку.

Возвращаться к нему не пришлось.

Еще один закрытый люк обнаружили под тонким слоем льда в километре от корабля. Затем нашли третий. Дальше толщина льда увеличивалась, и потому поиски люков пришлось прекратить. Но люки были и там.

Они стояли у третьего люка. Бауэр подготовил бур. Бурить надо было очень осторожно. Прежде всего следовало узнать, есть ли в туннеле давление. Если в них воздух, можно погубить... ну, если не существ, которых там могло и не быть, так то, что от них осталось. Крайтон, пока суд да дело, отлетел в сторону, чтобы обследовать последний участок базальта.

Там он и нашел открытый люк.

Почему-то базальтовая крышка провалилась внутрь выходившего на поверхность туннеля и застряла под углом в вертикальной шахте. В щель набился лед. Крайтону стало грустно. Где-то в глубине души он хотел верить, что в ядре кометы скрываются живые существа. Теперь стало ясно, что там давно уже никого нет.

Они быстро расплавили лед и базальтовую крышку. Потом спрыгнули, вернее, слетели вниз, в туннель.

Туннель был прям, кругл, его черные стены были тщательно отшлифованы и мрачно отражали свет фонарей. Чуть заворачивая вправо, туннель вел в глубь ядра.

— Они были чуть ниже нас ростом, — сказал негромко Крайтон, словно боялся потревожить хозяев.

— Да, — согласился Бауэр, включая кинокамеру.

Через несколько метров они остановились. Бауэр решил взять образец облицовки туннеля. Облицовка была настолько твердой, что трижды пришлось сменить сверло бура. Наконец в стене образовалась небольшая впадина.

— Базальт проанализируем на корабле, — оказал Бауэр. — Но думаю, что они работали относительно просто. Спрессовывали базальт под большим давлением.

Крайтон кивнул. Он включил ракетный ранец и полетел дальше. Туннель однообразно и бесконечно разворачивался навстречу. На пересечении с другим точно таким же туннелем он остановился и подождал Бауэра.

— Зачем? — спросил он. — Зачем они это делали?

Бауэр пожал плечами, насколько это возможно в скафандре.

— Мы пролетели метров двести — здесь ни двери, ни комнаты. Один туннель, второй туннель...

— Под нами тоже туннель... — сказал Бауэр.

Через двадцать минут, на несколько уровней ниже, они вновь остановились.

— Этого не может быть, — сказал Крайтон. — Во всем должен быть смысл. А какой может быть смысл в том, чтобы изрезать эту глыбу базальта туннелями и ничего не оставить нам больше...

— Смысл есть, — буркнул Бауэр. — Беда в том, что мы не можем его понять.

— Не поймем?

— Закинь нас сейчас к древним майя или ацтекам. Ты думаешь, нам были бы понятны все их действия, логика их поступков? Здесь же иная цивилизация, исчезнувшая неизвестно сколько миллионов лет назад, зародившаяся неизвестно в скольких парсеках от нашей Земли...

— А если это шахты? — спросил Крайтон.

— Зачем? Чтобы добывать базальт из базальтового куска?

— А если тут были алмазы?

— В базальтах не бывает алмазов.

Туннель впереди расширился. Это было уже разнообразием. Бауэр снова включил кинокамеру. От широкого туннеля отходили в разные стороны несколько узких ходов. Предчувствие чего-то нового, разгадки или хотя бы намека на разгадку охватило Крайтона. Он обогнал Глеба, и... туннель оборвался. Прямо перед ними была стена льда.

— Ну вот, — сказал Бауэр. — Выход закрыт.

— Он когда-то продолжался дальше?

— Без сомнения. Может быть, катаклизм, погубивший планету, оторвал от нее этот кусок, а все остальное осталось неизвестно где...

И именно здесь, под ледяной стеной, Крайтон увидел первый предмет, относившийся к обитателям или строителям туннелей, — вогнутый кусок металла сантиметров шестьдесят длиной, шириной — двадцать.

— Похоже на сегмент трубы, — сказал Бауэр. Он немного помедлил. — Ну а теперь нам пора возвращаться. Боюсь, что, когда они уходили отсюда, все тщательно подчистили, чтобы мы ни о чем не догадались.

— Хитрецы, — вздохнул Крайтон и бросил взгляд на экран гравитометра. Неизвестно, что заставило его сделать это, — может быть, слова Бауэра: «Ну а теперь нам пора возвращаться».

В сетке желтых полосок-туннелей на экране светился круг. Близко, метрах в двадцати от них, была какая-то шарообразная полость.

...Туннель, подводивший к ней, заканчивался базальтовым люком. Они вскрыли его и оказались внутри странной сферы, вся поверхность которой состояла из гигантских сотов, закрытых крышками. Впрочем, нет, некоторые соты были открыты. В них не было ничего.

— Как солнечные батареи, — сказал Крайтон. — Возможно, это энергоцентр?

— Да нет, все проще, — устало отозвался Бауэр. — Мы с тобой оказались под властью заблуждения. Антропоморфного.

— Не понял.

— Мы вбили себе в головы, что столкнулись с чужой цивилизацией. Высокой...

Бауэр подошел к закрытой ячейке, поддел крышку буром.

В ячейке они увидали метровую личинку. Бауэр дотронулся до ее покрова, и личинка рассыпалась в пыль.

— Вот и все, — вздохнул Глеб.

Крайтон вспомнил кусок «металла» в туннеле. Теперь было ясно, что это обломок покрова взрослого существа — инопланетного червя, муравья? — пробивавшего бесконечные ходы в своем муравейнике...

— Ну что ж, — сказал Крайтон. — Самый неожиданный результат всегда лучше, чем загадка. Чем отсутствие результата. Пусть теперь ученые разбираются в том, что мы нашли на Химере.

КОРОНА ПРОФЕССОРА КОЗАРИНА

Когда я сошел с электрички, уже стемнело. Шел мелкий бесконечный дождик. Оттого казалось, что уже наступила осень, хотя до осени было еще далеко. А может, мне хотелось, чтобы скорее наступила осень, и тогда я смогу забыть о вечерней электричке, этой платформе и дороге через лес. Обычно все происходит автоматически. Ты садишься в первый вагон метро, потому что от него ближе к выходу, берешь билет в крайней кассе, чтобы сэкономить двадцать шагов до поезда, спешишь к третьему от конца вагону, потому что он останавливается у лестницы, от которой начинается асфальтовая дорожка. Ты сходишь с дорожки у двойной сосны, потому что если пройти напрямик, через березовую рощу, то выиграешь еще сто двадцать шагов, — все за месяц измерено. Длина дороги зависит от того, насколько у тебя сегодня тяжелая сумка.

Шел дождик, и, когда электричка ушла и стало тихо, я услышал, как капли стучат по листьям. Было пусто, словно поезд увез последних людей и я остался здесь совершенно один. Я спустился по лестнице на асфальтовую дорожку и привычно обошел лужу. Я слышал свои шаги и думал, что эти шаги старше меня. Наверное, я устал, и жизнь у меня получалась не такой, как хотелось.

Я возвращался так поздно, потому что заезжал к Валиной тетке за лампой синего света для Коськи, только в четвертой по счету аптеке отыскал шиповниковый сироп, должен был купить три бутылки лимонада для Раисы Павловны, не говоря уже о колбасе, сыре и всяких продуктах — там двести граммов, там триста, — вот и набралась сумка килограммов в десять, и хочется поставить ее под сосну и забыть.

Я сошел с асфальтовой дорожки и пошел напрямик по тропинке через березовую рощу. Тропинка была скользкой, приходилось угадывать ее в темноте, чтобы не споткнуться о корень.

Я согласен бегать после работы по магазинам и потом почти час трястись в электричке, если бы в этом был смысл, но смысла не было, как не было смысла во многом из того, что я делал. Я иногда думал о том, как относительно время. Мы женаты полтора года. И Коське уже скоро семь месяцев, он кое-что соображает. И вот эти полтора года, с одной стороны, начались только вчера, и я все помню, что было тогда, а с другой стороны, это самые длинные полтора года в моей жизни. Одна жизнь была раньше, вторую я прожил теперь. И она кончается, потому что, очевидно, умирает человек не однажды и, чтобы жить дальше и оставаться человеком, нужно не тянуть, не волынить, а отрезать раз и навсегда. И начать сначала.

Я поскользнулся все-таки, чуть не упал и еле спас лампу синего света. Правый ботинок промок; я собирался забежать в мастерскую, но, конечно, не хватило времени. Я вошел в поселок, здесь горели фонари, и можно было идти быстрее. У штакетника металась белая дворняга и захлебывалась от ненависти ко мне. Это, по крайней мере, какое-то чувство. Хуже нет, когда чувства пропадают и тебя просто перестают замечать. Нет, все в пределах нормы, видимость сохраняется, тебя кормят, пришивают тебе пуговицы и даже спрашивают, не забыл ли ты зайти в мастерскую и починить правый ботинок. Так недолго и простудиться. Дальнейший ход мыслей довольно элементарен. Если я простужусь, то некому будет таскать из Москвы сумки.

Дача Козарина вторая слева, и за кустами сирени виден свет на террасе. Раиса Павловна сидит там и трудится над амбарной книгой, в которой записаны все ее расходы и доходы. В жизни не видел человека, который так серьезно относился бы к копейкам. И меня сначала поразило, что Валентина, такая беззаботная и веселая раньше, нашла с ней общий язык. Может, скоро тоже заведет амбарную книгу и разлинует ее по дням и часам?

Мы сняли эту дачу, потому что ее нашла Валина тетка. Дача была старой, скрипучей и седой снаружи. Раньше там жил профессор Козарин, но он года три как умер, и дача досталась его племяннице Раисе, потому что у профессора не было других родственников. Все вещи, принадлежавшие когда-то профессору, Раиса закинула в чулан, словно хотела вычеркнуть его не только из жизни, но и из памяти тоже. Не знаю, был ли у нее когда-нибудь муж, но детей не было точно. Коську она не любила, он ее раздражал, и, если бы не эта дружба с Валентиной, нам бы с Коськой несдобровать. Дача была небольшая: две комнаты и терраса. Не считая кухни и чулана. Раиса рада была бы сдать все, но комнату пришлось оставить себе — она развела огород, а за ним надо следить. Мы как жильцы Раису не очень устраивали, но у нее не было выбора — дача далеко от станции и от Москвы, ни магазинов, ни другой цивилизации поблизости нету, а Раиса заломила за нее цену, как за дворец в Ницце, и в результате, как разборчивая невеста, осталась ни с чем. Пришлось соглашаться на нас.

Я перегнулся через калитку, откинул щеколду и прошел по скользкой дорожке к дому, нагибаясь, чтобы не задеть сиреневых кустов и не получить холодного душа за шиворот. Раиса сидела за столом, правда, не с амбарной книгой, а с фармацевтическим справочником, любимым ее чтением. В ответ на мое «здравствуйте» она сказала только:

— Опять загулял?

Мне хотелось метнуть в нее три бутылки лимонада, как гранаты, но я поставил бутылки в ряд перед ней, и она рассеянно сказала:

— А, да, спасибо.

Так королева английская, наверное, говорила лакею, который

принес мороженое. Тут вошла Валентина и изобразила радость по поводу моего приезда:

— А я уж волновалась.

Наверное, она могла отыскать какое-то другое приветствие, и все кончилось бы миром, но я-то знал, что она не волновалась, а блаженно вязала или дремала в теплой комнате, пока я тащился сюда, и думала о том, что вот кончится лето и ее тюремное заключение на даче и она наконец встретит своего принца. А может, даже об этом не думала. Она живет в спокойном, растительном состоянии и выходит из него только под влиянием неприязни ко мне.

— Гулял я. — Мне было любопытно следить за ее реакцией. — Выпили с Семеновым, потом хоккей смотрели.

Валентина скептически улыбнулась и облила меня волной снисходительного презрения. Глаза у нее были не накрашены, и оттого взгляд оставался холодным. А я стоял и учился ненавидеть эти тонкие пальцы, лежащие равнодушно на столе, и прядь волос над маленьким ухом. Это трудная школа — куда легче ненавидеть самого себя.

— Ты устал, милый, — сказала Валентина. — Настоялся в очередях?

— Да говорю же, что пил с Семеновым!

Как мне хотелось вывести ее из себя, чтобы потеряла контроль, чтобы вырвалось наружу ее настоящее, злобное и равнодушное нутро!

— Удивительно, — проскрипела Раиса, — юноша из хорошей семьи...

— Какое вам дело до моей семьи!

И я сразу представил себе, как они хихикают с Валентиной, когда моя супруга рассказывает ей, как мой отец пытался запретить мне жениться на Валентине. Он сказал тогда: «Ты ни копейки не заработал за свою жизнь и хочешь теперь, чтобы я кормил и тебя, и твою жену?» Потом, глядя в прошлое, я понял, что расчет Валентины был на нашу квартиру, на отцовскую зарплату и благополучную жизнь, ведь, когда отец сказал все это, она быстренько пошла на попятный. Она умело замаскировала свои мысли беспокойством о моем институте: «Тебе надо учиться, твои идеи бросить институт, уйти со второго курса, работать и снимать комнату не выдержат испытания. Нам будет трудно». Она отлично сыграла свою роль. Ей было нечего терять, разве только койку в общежитии. С ее внешними данными она могла выбрать квартиру получше нашей. И желающие были, я-то знаю.

Первые три-четыре месяца казалось, что стенок между нами не существует. Валентина работала, я работал, комнату мы нашли, и на вечерний я перешел без скрипа. Но тут в перспективе замаячил Коська, а когда Валентина ушла с работы и Коська материализовался, стало и в самом деле нелегко. Ей тоже. Она еще как-то рассчитывала на

мое примирение с отцом, ради моего блага, как она объясняла, чтобы не платить за комнату и не ждать, что хозяйке надоедят ночные сцены, которые умел закатывать Коська, и она попросит нас покинуть помещение. Но я был упрям. Я тогда начал догадываться о ее игре, вернее, ее проигрыше, но все на что-то надеялся.

— Мне нет никакого дела до вашей семьи, — поджала губы Раиса. — Я имею в виду ту семью.

Другими словами, до моей — этой — семьи ей дело есть. Хороший стандартный союз двух гиен против одного зайца.

— Как Коська? — спросил я, чтобы не заводиться.

— Спит, — сказала Валентина и поджала губы точно как Раиса. Валентина легко поддается влияниям.

Раиса поднялась, собрала бутылки и, прижав их к животу книгой, поползла к себе. Вообще-то террасу она нам сдала и получила за это деньги, но предпочитала проводить время на ней.

Я заглянул в комнату к Коське. Сын спал, и я поправил на нем одеяло. Коська ни на кого не похож, и поэтому те, кто хочет сделать мне приятное, уверяют, что он моя копия, а Валентинины тетки и подруги повторяют на все лады: «Валечка, какое сходство! Твой носик, твой ротик! Твои ушки!»

Ребенку, говорят, плохо расти без отца. Хорошо бы, Валентина согласилась, когда мы разведемся, оставить Коську со мной. Я знал, что мать согласится получить меня обратно с сыном. Она его любит. Она из тех, кто считает Коську моей копией. Да и Валентине он не нужен — грустное свидетельство жизненного просчета. Когда она наконец отыщет свое счастье, у нее будут другие дети. Мне больше ничего не надо. Я поймал себя на том, что думаю о разводе как о чем-то решенном.

— У тебя ботинок промок? — с издевкой спросила Валентина, входя за мной. — Ты ведь к сапожнику не успел?

— Угу, — сказал я, чтобы не ввязываться в разговор. Я был весь накален внутри, нервы плавились. Сейчас она найдет способ побольнее упрекнуть меня в бедности.

Она нашла.

— Знаешь, Коля, — сказала она лицемерно. — Пожалуй, я обойдусь без плаща. Мой старый еще в норме. А ботинки тебе нужнее.

Я поймал ее взгляд. Глаза были холодными, издевающимися. Слова хлынули мне в горло и застряли клубком. Я закашлялся и бросился к двери. Валентина не побежала за мной, и я ясно представил, как она стоит, дотронувшись пальцем до острого подбородка, и загадочно улыбается. Удар был нанесен ниже пояса, запрещенный удар.

Был уже одиннадцатый час, и, хоть назавтра намечалась суббота, когда можно понежиться, я решил лечь пораньше. Устал. Лечь я могу на террасе, как всегда, все равно Валентина в комнате с Коськой, на случай перепеленать его, когда проснется. Но надо было идти в ком-

нату за бельем и подушкой. А этого делать я не хотел. Мог сорваться. Поэтому я достал «Коррозию металлов» — увлекательное чтение в таком настроении — и принялся за книгу. Валентина вскоре заглянула в щелку и спросила шепотом (Коська что-то возился во сне), буду ли я пить чай. Я на нее зашипел, и она спряталась. Я понял: Валентина что-то задумала, иначе бы давно оказалась на террасе и мурлыкнула бы раза два, чтобы привести меня в смирное состояние. Пока, до осени, я ей нужен. Таскать сумки и угождать по хозяйству.

Скоро двенадцать. Заскрипела в дальней комнате кровать Раисы, хозяйка укладывалась, ей рано вставать — кур кормить. У меня слипались глаза. Ни строчки я не запомнил из «Коррозии». У меня в душе коррозия, это я понимал. И понимал еще, что в двадцать один год можно начать жить снова. Валентина тоже не ложилась. Она планировала новые унижения для меня, ждала, когда я не выдержу и приду за подушкой. Нет уж, не дождешься. Я посмотрел на свою ладонь — она была в крови. Значит, убил комара и сам этого не заметил. Дождик стучал по крыше, и ему вторил ровный шум струйки воды, сливавшейся с водостока в бочку у террасы. Мне даже нечем было накрыться — пиджак, еще не высохший, висел где-то на кухне над плитой. Взять, что ли, скатерть со стола? А почему бы и нет? Могу же я доставить утром удовольствие Раисе, когда она сунется на террасу и увидит, как я использовал рыночное произведение искусства с четырьмя оскаленными тигровыми мордами по углам. Я поставил пустую тарелку и прочую посуду на пол и только взялся за угол скатерти, как Валентина подошла к двери — мне слышен каждый ее шаг, особенно ночью. Я успел раскрыть книгу.

— Коля, — сказала она тихо, — ты занят?

— Я работаю, — отрезал я. — Спи.

Наверное, я потом задремал за столом, потому что очнулся вдруг оттого, что дождь кончился. И было очень тихо, только шелестели шаги Валентины за дверью. «Как она ненавидит меня!» — подумал я почти спокойно. Большая ночная бабочка билась о стекло веранды. Я бесшумно шагнул к дивану и, не погасив света, тут же заснул.

Проснулся я довольно рано, хотя Раиса уже беседовала со своими драгоценными курами под самой верандой. Было солнечное и ветреное утро, скрипели стволы сосен, и в углу веранды жужжали осы. Я не сразу понял, почему я сплю вот так, словно на вокзале. Первые несколько секунд у меня было отличное настроение, но тут квантами стали возвращаться мысли и слова вчерашнего вечера, и я сбросил ноги с дивана — мне не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел меня. В комнате было тихо, я заглянул туда. Семья спала. Только Коська делал это безмятежно, а Валентина — сжавшись в комок и спрятав голову под одеяло, — даже во сне она избегала моего взгляда.

Я взял полотенце и зубную щетку и спустился в сад, к умывальни-

ку, висевшему на стволе сосны. Пока я мылся, Раиса неслышно подкралась из-за спины и прошептала:

— Сладко спите, голубки, без молока останетесь.

Она не здоровается, и я не буду. Но в ее ехидной фразе был здравый смысл. За два дома жила бабка Ксения, у которой мы брали молоко. Я, не говоря ни слова, подхватил с террасы бидон и пошел к калитке. Я шел и удивлялся себе: я был спокоен. И не мог сразу понять причины своего спокойствия. И только когда возвращался обратно, понял, в чем дело: оказывается, пока я спал, принял решение. Как будто решил во сне задачу, которую не мог решить несколько дней подряд. Сегодня я поговорю с Валентиной. И скажу ей все. Так можно откладывать разговор на годы. Есть семьи, в которых кто-то тоже откладывает такой разговор. Год откладывает, два, пять, а там уже поздно.

Валентина уже вскочила. Она звенела посудой на кухне и, услышав, как я поднимаюсь по лестнице на веранду, крикнула оттуда:

— Молодец, что про молоко догадался!

Расшифровать эти слова было легче легкого. Значит, Раиса сообщила, что без ее напоминания я оставил бы ребенка без молока.

Сначала я хотел сказать о разводе прямо за завтраком и даже придумал первые слова, но испугался, что Валентина примет мои слова с полным равнодушием — это она умеет — и скажет только: «Пожалуйста». Мне хотелось, чтобы она почувствовала то, что чувствую я, хотя бы пять процентов от этого. И я старался держать себя за завтраком в норме, и, когда Валентина рассказывала мне, как Коська вчера отвертел пупсу голову, я послушно улыбался.

— Ты сыт? — спросила Валентина, допивая кофе.

— Разумеется, — ответил я и потянулся за «Коррозией металлов». Она намекала на то, что я съедаю больше, чем зарабатываю. Кроме того, в любой момент она могла спросить, хорошо ли я провел ночь. «Коррозия металлов» нужна была мне как ширма. Мне надо было сообразить, когда начать разговор.

— Коль, — сказала Валентина, — у меня к тебе есть серьезное дело. Только не обижайся.

У меня оборвалось и упало сердце. Я никак не предполагал, что Валентина опередит меня. Неужели она нашла себе нового принца? Может, с помощью Раисы Павловны, услужливой старшей подруги? Почему я сам не заговорил до завтрака!

— Да, — буркнул я равнодушно. Мне казалось, что у меня шевелятся волосы, — так метались в голове мысли.

— Я обещала Раисе Павловне, — продолжала Валентина, — сделать одну вещь. Мы ей многим обязаны... ну, в общем, ты понимаешь...

Я ничего не понимал. Я сжался, как собака перед ударом, но при чем здесь Раиса?

— Ты знаешь, что ей трудно нагибаться, а она хочет сдать чулан. Если пробить в нем окно, он станет неплохой комнатой.

— Ну и пускай сдает, — ответил я автоматически. Это был какой-то очередной заговор, но, пока я не раскушу его, лучше не сопротивляться. — Она скоро и чердак сдаст. И пустую собачью конуру.

— Раиса просила вытащить из чулана старые профессорские журналы и бумаги, потом, там два сундука и еще какая-то рухлядь. Она мне показывала.

Я мог бы сказать, что должен заниматься. Я мог бы даже сказать, что имею право хоть раз в неделю отдохнуть. Но я растерялся. Ведь я готовился к другому разговору.

— Как хочешь, — сказал я.

— Ну вот и отлично.

В чулане пахло кошками. В маленькое окошко под потолком пробивался луч солнца, и в нем важно плавали пылинки. Бумаги были связаны стопками, журналы грудами возвышались в углах и на ящиках.

Сзади возникла Раиса и сказала, хотя никто не просил ее:

— Все ценное я в институт отдала. Приезжали из института. Я отдала безвозмездно.

Ей понравилось последнее слово, и она повторила:

— Безвозмездно.

— За некоторые книги в букинистическом вам бы неплохо заплатили, — заметил я.

Она не уловила иронии и сразу согласилась, словно сама об этом жалела:

— Тут была масса книг, и некоторые из них старые, ценные. У профессора была изумительная библиотека.

Валентина надела пластиковый передник и косынку. Она вошла в чулан первой, и луч света зажег ее волосы. Ну почему у нас не получилось? Почему кто-то другой должен любоваться ее волосами?

— Бумагу и журналы складывайте у кухни, — напомнила Раиса.

Валентина не ответила. Видно, была информирована об этом заранее.

— Я уже договорилась со старьевщиком. Он приедет за макулатурой на грузовике, — сообщила Раиса.

Они и не сомневались, что я потрачу субботу на черный труд. Мое согласие было пустой формальностью.

Валентина наклонилась и передала мне первую пачку журналов. Я отнес их в сад и положил на землю. Журналы были немецкие, кажется, «Биофизический сборник» десятилетней давности. Я подумал, как быстро человек исчезает из жизни. Как быстро все забывается. Эти журналы стояли на полках рядом с книгами, и человек по фамилии Козарин, которого я никогда в жизни не видел даже на фотографии, подходил к этим полкам, и содержимое этих журналов было от-

печатано у него в мозгу. Я открыл один из журналов наугад и увидел, что на полях расставлены восклицательные знаки и некоторые строчки подчеркнуты. Существовала стойкая обратная связь между жизнью Козарина и жизнью этих статей. И наверное, эти журналы и еще большие кипы бумаги, исписанные самим Козариным, потеряли выход к людям, как только не стало самого профессора. Вот сейчас приедет старьевщик и заберет их, чтобы потом их перемололи и напечатали на чистой бумаге новые журналы, каждый из которых прилепится к какому-то человеку, срастется с ним и, вернее всего, умрет с ним. Три года назад на этой даче существовал замкнутый мир, построенный Козариным за многие годы. Теперь мы с Валентиной дочищали остатки его, чтобы новый, Раисин, безликий и маленький мирок полностью восторжествовал здесь. И я подумал, что обязательно, когда буду в Ленинке, загляну в каталог: что же написал, что придумал сам Козарин, есть ли ниточка, которую мы обрываем здесь и которая обязательно должна тянуться в другие места и в другое время?..

— Коля, — позвала Валентина и вернула меня на землю, где от меня, наверное, не останется никакой ниточки. — Ты куда пропал?

Раиса возилась на кухне, я думаю, чтобы поглядывать, не украду ли я по дороге килограмм-другой макулатуры. Я спросил ее, проходя:

— А Козарин кто был по специальности?

— Профессор, — ответила она простодушно.

— Профессора разные бывают. Химики, физики, историки.

— Ну, значит, физик, — сказала Раиса, и я ей не поверил. Просто слово «физик» звучало для нее уважительнее.

Валентина уже вытащила из чулана несколько пачек, и мне оставалось лишь проносить через кухню, и я краем глаза поглядывал на Раису, и мне казалось, что она шевелит губами, подсчитывает число пачек, чтобы потом занести никому не нужную цифру в амбарную книгу.

Так мы и работали около часа. Раз мне пришлось оторваться и сбегать к Коське, но вообще-то он вел себя в то утро очень благородно, будто предчувствовал наступление решительного момента и старался быть на высоте.

Валентина вымела пыль, и мы принялись за сундуки. Разумеется, Раиса уже прошлась сквозь них частым гребешком, а потом сваливала в беспорядке туда все, что для нее не представляло коммерческого или хозяйственного интереса. В сундуках лежали вперемешку старые дырявые ботинки, битые чашки, тряпье, книги без начала и конца, но главное — масса обрывков проводов, проволоки, гаек, шурупов, коробочек с диодами, обломков печатных схем и, что совсем уж странно, два тщательно сделанных макета человеческого мозга, исчерканных и даже проткнутых кое-где булавками.

— У профессора было хобби, — сказал я. — Какое — неизвестно.

Раиса, которая все слышала, тут же отозвалась из кухни:

— Вы не представляете, в каком я застала все состоянии. Дача была абсолютно не приспособлена для жилья. Банки, склянки и проволочки. Еще было много целых приборов, но эти, из института, с собой увезли. Целую машину.

Тогда ты боялась, была не уверена в своих правах. Еще бы, целая дача в наследство. Теперь бы так просто не отдала. Но вслух я выражать свое мнение не стал.

Мы вытаскивали барахло на улицу, пока сундуки не стали достаточно легкими, потом протащили их через кухню. Снаружи уже возвышалась гора макулатуры, и вид у нее был жалкий — в чулане это не так чувствовалось. Потом я выволок из чулана последние мешки и коробки, Валентина взяла мокрую тряпку, чтобы стереть пыль, а я задержался в саду, потому что вдруг захотелось поразмышлять о бренности человеческого существования. Но ничего из этого не вышло, размышления по заказу у меня не получаются. Вместо этого я вспомнил о том, что подходит решительный момент, а я почти забыл о нем, потому что не хотел о нем помнить, и за этот час или два, пока мы чистили авгиев чулан, Валентина умудрилась ни разу не напомнить мне о грустной действительности.

Я вытащил из груды хлама толстый обруч с выступами, словно зубцами короны, и подумал, что раньше, найдя такую штуку, я обязательно придумал бы что-нибудь веселое и короновал бы Валентину, как царицу Тамару. Теперь она таких шуток не понимает. Ну что же, можно короноваться самому — царь дураков и простофиль!

Я вернулся на террасу, туда, где придется начинать разговор. И наверное, теми же словами, как начала недавно Валя: «У меня к тебе есть серьезное дело». Ненавижу такие разговоры. К хорошему они не ведут. Но я и не надеялся на хорошее. Сейчас войдет Валентина.

Я испугался, что она войдет, и тут же появилась спасительная мысль — надо умыться. Я бросил обруч на диван и долго полоскался под тонкой струйкой из зеленого умывальника на сосне. Потом я увидел, что к умывальнику спешит Валентина с полотенцем в руке, и вернулся на террасу. Ну, сказал я себе, пора. Все случилось именно потому, что ты слишком долго был тряпкой. Хватит.

Я услышал, как скрипят ступеньки под ногами Валентины. Мне некуда было деть руки. Я взял обруч. Валентина подошла поближе, и я отодвинулся на шаг.

— Что это у тебя? — спросила она.

«А что, если Раиса услышит? — подумал я. — Нельзя же говорить при Раисе». Это был замечательный предлог, чтобы потянуть с разговором, но, как назло, Раиса промелькнула перед террасой и направилась к калитке. Она наверняка спешила поторопить старьевщика. Отступать было некуда.

— Что это? — повторила Валентина.

— Корона царицы Тамары, — сказал я. — Или царя Соломона. Все равно.

И я надел обруч на себя, а мой язык уже начал произносить подготовленные и тщательно отрепетированные за утро слова:

— Валя, у меня к тебе серьезное дело...

И в этот момент я замолчал. Я не слышал, что ответила Валентина, потому что меня не стало. Это было странное мгновенное чувство исчезновения. У меня сохранились ощущения, во мне были образы и мысли, но это все не имело ко мне ровным счетом никакого отношения. Описать это невозможно, и я клянусь, что ничего подобного не испытывал никто из людей. За исключением, наверное, Козарина.

Я анализировал эти свои необыкновенные ощущения потом. В мозгу человека миллиарды нервных клеток, у каждой свои дела и свои задачи. И наверное, среди них есть сколько-то таких, что ничего не делают, но ждут своего момента, в который мозгу приходится сталкиваться с настолько новыми ощущениями, что обычным рабочим клеткам с этим не справиться. И они, как детективы, бросаются на выручку, схватывая и отбрасывая различные возможности, перебирая варианты, пока не найдут тот единственный, верный выход, который можно сообщить остальным клеткам. Если не так, то почему же после первых мгновений паники мой мозг узнал, что со мной случилось?

Я увидел, узнал, услышал — называйте как хотите, — что творится в голове у Валентины. Если вы думаете, что я прочел ее мысли, это будет неверно. Мыслей я не читал. Просто я оказался внутри Вали, и то, что в описании занимает немало строк, стало моим достоянием мгновенно...

Был страх, потому что Николай, который с вечера нервничал, места себе не находил, наконец решился на что-то ужасное, что потом уже не исправишь. И его слова о серьезном разговоре, и то, как дрожат его руки, когда он напяливает на себя этот обруч... Он скажет, он обязательно должен сказать, что так больше жить нельзя, что он уйдет. И он, конечно, по-своему прав, потому что с самого начала было понятно, что он будет несчастлив. Он ведь как мальчишка, не может смотреть в будущее. И тогда не смог, вернее, не захотел. Когда случился тот разговор с отцом и ясно стало, что родители не одобряют, вот тогда нужно было уйти от него, уехать, завербоваться куда-нибудь на стройку. И не было бы трудностей, таких страшных трудностей для Коли. Как только он тянул все эти месяцы! И ведь еще учился — похудел и издергался. Как она посмела навесить на шею любимому человеку такой груз — себя и Коську. Ой, если бы он чуть-чуть еще подождал, ведь осенью Коську устроили бы в ясли на пятидневку и она пошла бы работать. Но поздно. Потому что Колина любовь умерла, да и не сейчас умерла, а еще весной или зимой. Вот руки, обычные руки, даже не очень сильные, а можно смотреть часами

на них, знать на ладони каждую морщинку и мечтать о том, чтобы нагнуться к ним и положить голову. И нельзя, потому что она так виновата перед ним: не хватило силы отказаться от счастья. А вся жизнь тогда складывалась из маленьких и больших чудес. Было чудом идти с ним в кино и знать, что в буфете он купит ириски «Забава» и будет давать ей по штучке, и каждый раз его рука будет задерживаться на ее ладони. Было чудом бежать в соседнюю комнату общежития и за большие услуги в будущем выпрашивать черное платье у Светки, потому что Коля купил билеты на французского певца, и потом сидеть в очереди в парикмахерской и смотреть на часы, а времени остается всего ничего, и можно опоздать, хотя Коля ничего не скажет. И было главное чудо, о котором даже нельзя рассказать никому в общежитии, а то оно растает. Ну почему она не сумела вовремя спасти Колю от себя самой? Он ведь гордый, он не отказался бы сам от своего слова. А она женщина. А женщина всегда старше мужчины, если и мужчине, и женщине нет двадцати лет. Его старики не полюбили ее. Если бы она была другая — студентка, москвичка, может, все было бы иначе. Ему и нужна другая. Как глупо вспоминать теперь, что она старалась понравиться отцу и мыла окна, когда ее не просили об этом, и все было невпопад и только раздражало! И она видела, что раздражает, но ничего не могла с собой поделать... А потом у Коли пропало все. Высохло, как ручей в засуху. Остался долг. Коля совестливый. Ему давно бы уйти. Он будет Коське помогать, он добрый. Как она устала за это лето! Не только физически, это не главное. Устала держать себя всегда в руках, не срываться, не напрашиваться на любовь, которую не могут дать. Как он обиделся вчера, когда она сказала, что надо купить ботинки, а плащ подождет! Не надо было так говорить, но вырвалось. Ей и в самом деле не нужен плащ, когда есть старый. Коля должен быть хорошо, красиво одет. Ведь он бывает в гостях, у друзей, заходит к своим родителям. И никто не должен знать, что ему трудно с деньгами, что дача сожрала все на два месяца вперед. Хорошо еще, удалось уговорить тетку, чтобы Коля не узнал, сколько она стоит на самом деле. А сто недостающих рублей она наскребла. Коля пока не заметил, что она продала сапоги и зеленую кофту. Это пустяки. Ей не перед кем красоваться. Еще очень страшно всегда, что Коля может подумать, будто она укоряет его за малый заработок. Он так может подумать из гордости. Ну и что, если у него нет еще специальности? Ведь она скоро пойдет работать, а там и институт он окончит, это все такие пустяки, хотя поздно об этом думать. Он так много работает и занимается. Ведь она знает, что ни с кем он не пьет и почти всех друзей растерял. И вчера сидел занимался до полуночи. А у нее так зуб болел, хоть умри, а аспирин на террасе. Она сунулась было туда, но испугалась помешать. Он был раздраженный, усталый, лучше потерпеть. Наверное, раньше бы она так не подумала — пустяки какие: войди и возьми таблетку, но уже давно она как будто висит над

пропастью, и слабнут руки, а внизу река. Зуб болел, она ходила по комнате на цыпочках, на Костика смотрела, на маленького Колю, и все ей хотелось, чтобы Коля вошел и положил ей руки на плечи. Хотя она знала, что не войдет. Она пыталась вязать. Она ненавидела это вязание, но надо же как-то зарабатывать, помогать Коле. Раиса устроила своей знакомой платье. Раиса такая корыстная, что наверняка с двадцати рублей за вязание пятерку себе за труды присвоила. Но с ней все просто. Она плохой человек, но хорошим не притворяется. С ней напрямик можно. Когда просила чулан разобрать, пришлось ей прямо сказать, что не в подарок. Договорились, что можно будет клубникой и другими ягодами с ее огорода бесплатно пользоваться. Для Костика, конечно. И очень неловко было идти к Коле. Она под утро вставала, поцеловала его в щеку, а он во сне нахмурился. Он весь уже против нее настроен, все тело его возмущается. И об этом она тоже старалась поменьше думать, потому что до последнего момента, пока Коля не сказал про серьезный разговор, она надеялась дотянуть до осени, как будто это спасительный рубеж, берег, до которого надо доплыть. А ведь сама понимала, что себя обманывает. Черепки как ни складывай, чашка не получится. А когда он в чулане трудился, ей показалось, что его неприязнь к ней прошла на время. И ей даже петь захотелось. И снова себя обманывала. Может, взять Костика и уехать с ним, а потом прислать письмо: «Я тебя, дорогой, всегда любить буду, но не хочу быть обузой». Ведь не пропадет же она. А сейчас уже поздно. Он сам ее выгонит. И будет прав. Бедный мой Колька, мальчишка мой упрямый. Что с ним?..

Я потом понял, что все это продолжалось мгновение, ну, от силы две-три секунды, потому что Валя заметила, что я пошатываюсь, что я отключился, и бросилась ко мне, а я упал, и обруч скатился на диван.

Я пришел в себя сразу же, и глаза Валентины были близко, она так напугалась, что сказать вслух ничего не могла. У нее дрожали губы. Это литературное выражение, и я раньше никогда не видел, чтобы у людей в самом деле дрожали губы. Голова у меня кружилась, но я все-таки сел на полу, потом встал, опираясь на ее руку. У нее тонкая и сильная рука. И я держал ее за пальцы и думал, что ее пальцы жесткие от постоянной стирки.

— Ничего особенного, — сказал я. — Уже прошло. Честное слово.

— Ты переутомился, посиди, пожалуйста.

От страха за меня она потеряла способность владеть собой, она готова была залиться слезами и прижаться ко мне. И хотя я не знал уже ее мыслей и никогда в жизни не надену больше этот обруч (завтра же отвезу его в институт), я продолжаю читать их. И я испугался, что она заплачет, что она сломится так вот, сразу, а до этого допускать нельзя — на ближайшие пятьдесят лет у меня четкая задача: ни разу не допустить, чтобы этот глупый ребенок заревел. Пускай ревут

другие. И тогда мне пришла в голову вредная мысль, это со мной бывает, если мне хорошо и у меня отличное настроение. Я сказал, не отпуская ее пальцев:

— Так я говорю, что у меня к тебе серьезный разговор.

Пальцы, которые жесткими подушечками осторожно притрагивались к моей ладони, сразу ослабли, стали безжизненными.

— Да, — сказала она детским голосом.

— В четверг твоя тетка приедет?

Я разглядывал Валентину, будто только вчера с ней познакомился. Она не посмела поднять глаза.

— Обещала.

— Давай уговорим ее остаться ночевать. А я возьму билеты на концерт или в кино. Мы же тысячу лет нигде с тобой не были.

— Лучше в кино, — сказала она, прежде чем успела осознать, что я сказал.

А потом вдруг бросилась ко мне, отчаянно вцепилась в рукава рубашки, прижала нос к моей груди, словно хотела спрятаться во мне, и заревела в три ручья.

Я гладил ее плечи, волосы и бормотал довольно бессвязно:

— Ну что ты, ну перестань... Сейчас Раиса придет... Не надо...

ТЕРПЕНИЕ И ТРУД

Коля Широнин застрял в двери вагона, и рыбаки, которые боялись, что поезд тронется, толкали его в спину и негодовали. Коля прижимал мотор к груди, и тот все время норовил свалить его вперед. Рюкзак тянул назад и уравновешивал. Это еще можно было вытерпеть, если бы не сложенная тележка, наподобие тех, с которыми бабушки ходят по магазинам, но побольше, усовершенствованная. Тележка висела через плечо, клонила Широнина влево и всюду застревала.

Когда Коля оказался наконец на крупном речном песке, устилавшем площадку перед бревенчатым зданием станции, он долго стоял, пошатываясь и стараясь восстановить равновесие. Вокруг летали по воздуху палатки, рюкзаки и спиннинги, метались люди в ватниках, брезентовых куртках и резиновых сапогах. Поезд стоит в Скатине минуту, а из каждого вагона хотело выйти человек по двадцать, не меньше.

Отдышавшись, Коля разложил тележку и привязал к ней мотор и рюкзак. Поезд уполз дальше, как будто отодвинулся театральный занавес. Вместо зеленых вагонов обнаружилось пологое, стекающее к Волге поле, живописно уставленное купами деревьев, деревнями с разложенными между ними коричневыми и салатными одеялами весенних полей. Рыбаки и туристы спешили туда, за железнодорожный путь, к базе «Рыболов-спортсмен», к воде и далекому лесу. Коля не

без труда приподнял ручку тележки и поволок тележку за собой в другую сторону, вдоль полотна, к железнодорожному мосту, у которого надо было свернуть в лес, по берегу речки Хлопушки, к деревне Городище.

Дорога была неровной, она прерывалась широкими грязевыми преградами, посреди которых текли к Хлопушке мутные ручьи. Тележка завязала на каждой переправе, Широнин, вытащив ее на сухое место, присаживался отдохнуть, а мимо пролетали на мотоциклах местные ребята. По Хлопушке наперегонки с мотоциклами спешили моторки, и Широнин на слух определял, какие на них моторы и что в моторах не в порядке. На моторках стояли большей частью «Ветерки», реже на «казанках» ревели «Вихри». Речка была самым верным и легким путем от станции к деревням, стоявшим по Хлопушке, но у бабушки нет моторки, к тому же она не знает, когда приедет Коля.

Широнин тянул тележку, как древний раб камень на строительство пирамиды Хеопса, и старался думать о посторонних вещах — например, почему дорога становится все уже, чем дальше отходит от станции, хотя от нее нет никаких ответвлений, или почему вода не хочет стекать вниз, к реке, а хлюпает под ногами. Или что скажет бабушка, когда он приедет. Она его ждет, но сделает вид, что страшно поражена и по поводу такой радости она может помереть спокойно. Бабушке было семьдесят шесть лет три года назад. В прошлом году тоже было семьдесят шесть...

Потом Широнину попалась мелкая на вид, но предательская лужа, похожая на океанскую впадину Тускарору, тележка завалилась набок, и мотор чуть не упал в воду. Пришлось пожертвовать собой и залезть в грязь чуть ли не по пояс. Тогда Коля дал себе торжественную клятву, что, как только дотащит мотор до дома, тут же испытает его, запрет в сарай и никогда в жизни сюда не вернется. Хватит. Он пытался выжать брюки, и бурая жижа потекла на ботинки. Разумный человек, думал Широнин, не покупает мотор неизвестной марки и не мчится сломя голову к воде.

На другом берегу Хлопушки была деревня Городище. Коля спустился к самой реке и крикнул. С того берега никто не откликался, хотя там какие-то люди красили лодку, а под большой ольхой у бани дремали рыбаки. Но в конце концов Колю узнал по голосу Сергей и перевез на своей лодке. По дороге Сергей успел рассказать, что ему в Калинине сделали новый протез, Глущенки продали свой дом, а Клава-бригадирша купила щенка охотничьей породы. Еще он спросил Колю, как его успехи в учебе и правда ли, что он отличник, первый в школе. Коля понял, что эти порочащие его слухи распространяет в деревне бабушка, и ответил, что успехами не блещет, а учиться ему осталось еще год и два месяца.

Бабушка уже ждала на берегу и при виде Коли замахала руками и сказала со слезами, что не надеялась дожить до такого счастливого

дня, а теперь умрет спокойно. Сергей помог донести до дома мотор и спросил, какой он марки, и Коля ответил, что «Бурун».

— Не пойдет он у тебя, — неожиданно сказал Сергей, хотя вряд ли мог слышать о моторе, потому что тот только что появился в продаже.

— Почему? — удивился Коля.

— А у Тимохиных вчера один из Москвы приехал с таким же. Ругается сильно. Нюркин сын тоже хотел ехать покупать, а я его отговорил.

Коля даже немного расстроился: он рассчитывал, что никто, кроме него, не слышал о таком моторе.

Бабушка слушала их разговор и печалилась, потому что в этой деревне мотор был как до революции лошадь. Хороший у тебя мотор — тебя уважают. А если барахло купил, значит, ты не особо умный.

— Мотор интересный, — сказал Коля специально, чтобы успокоить бабушку. — Если хотите, потом проспект покажу. Гарантия сорок пять сил при весе в двадцать килограммов. Бензина берет меньше, чем «Ветерок».

— Не пойдет, — сказал Сергей, закуривая.

— Ты чепуху не молоти, — строго сказала бабушка. — Тебе все одно — что мотор, что камень. Все равно потопишь.

Этим бабушка намекала на то, что Сергей еще в прошлом году, возвращаясь со свадьбы, потопил в Волге свой мотор.

Бабушка стала верным союзником мотора «Бурун-45». Вечером она достала очки и прочла весь проспект. Иногда она прерывала чтение, держа пальцем строчку, чтобы не потерять, и задавала посторонние вопросы.

— Деньги отец дал? — спрашивала она.

— У меня еще с зимы были, — отвечал Коля, разбирая мотор и снимая заводскую смазку. — И еще я велосипед продал. И отец, конечно, помог.

— Правильно, — говорила бабушка минут через пять. — Дело стоящее. Ты надолго?

— Завтра вечером уеду. В школу же надо.

— Правильно, — говорила бабушка и снова начинала шевелить губами, разбирая сложные слова.

— Данные у него прямо фантастические, — сказал Широнин. Мотор лежал посреди комнаты на газетах, и его заводские чужие запахи потеснили мирные и теплые запахи бабушкиного дома. — Но модель экспериментальная. Придется повозиться.

— Возись, — ответила бабушка. — Мы все, Широнины, упрямые. А это что?

Она достала из проспекта несколько листков.

— Заводские анкеты, — сказал Коля. — Через месяц я должен послать отчет, как их детище трудится. А через полгода еще один отчет.

И список неисправностей. Они и сами будут узнавать. Адрес взяли, телефон.

— Значит, сами себе не доверяют, — сказала бабушка. — А денег много взяли?

— Сто восемьдесят. Недорого.

— Значит, по справедливости решили. А гарантия есть?

— Гарантия — год. Можно деньги назад получить.

На следующее утро Коля перетащил мотор к лодке. Он решил сначала укрепить у лодки транец. От соседнего дома спустился человек в джинсах, вытирая руки тряпкой.

— У вас, говорят, тоже «Бурун»? — спросил человек.

— А вы, наверное, турист из Москвы? — сказал Коля.

— Да, — вздохнул человек в джинсах и поправил очки толстым коротким пальцем. — Новости здесь распространяются мгновенно. Нам с вами не повезло.

— Почему? Не ладится с мотором?

— Не то слово, — сказал турист из Москвы. — Это сплошной ужас.

Затем турист уселся на бревно и молча наблюдал, как Коля обтесывал доску, прибивал ее к лодке, устанавливал мотор и подливал в бак масло. Коле очень хотелось, чтобы у него мотор завелся сразу и этим он уязвил бы москвича. Ему казалось, что москвич смотрит на него снисходительно, как на мальчишку. Укрепив мотор, Коля сел в лодку, оттолкнулся веслом от берега. Лодку мягко качнуло. Сверху спешила бабушка.

Мотор завелся сразу. Москвич даже привстал от удивления. Коля не спешил. Он дал мотору хорошенько покрутиться на холостых оборотах. Он слушал, как стучит мотор, и звук ему не нравился. Но Коля не подавал виду, что беспокоится. И только он хотел переключить его на скорость, как мотор заглох.

Коля долго дергал за шнур, даже рука онемела, но мотор больше не издал ни звука. Москвич крикнул: «Я же предупреждал!» — и довольный ушел, а бабушка стояла у воды и переживала.

Когда вечером зашел Сергей, чтобы поговорить о политике, он увидел, что Коля сидит на полу, а вокруг него разложены части мотора. Широнин был неразговорчив. Пока что он понял одно — то, что мотор вначале завелся, было чистым чудом. С мотором было что-то принципиально неладно.

В Москву Коля уехал с последним поездом, хорошо еще, что Сергей подкинул до моста на моторке. Коля жалел, что не собрал мотор и не взял с собой. Отвез бы в магазин, получил обратно деньги, и дело с концом. В опустевшем рюкзаке лежал только карбюратор. Коля уже знал, что, раз он не отказался от мотора сразу, теперь он его добьет, он заставит его подчиниться, даже если придется приезжать сюда каждую субботу и потратить на это половину каникул.

В следующую субботу Коля и в самом деле вернулся в деревню. Когда он, приладив верстак на подоконнике, распиливал отверстия под болты, которые к этим отверстиям не подходили, хотя должны были подходить, вошел москвич. Он вел себя как старый приятель, как товарищ по несчастью.

— Это какой-то конструкторский урод, — сказал он. — Его делали сумасшедшие. Вы со мной согласны?

Бабушка громко вздохнула. Широнин вздыхать не стал, он ломал себе голову, как тот сумасшедший добирался вон до той шпонки. Может, у него был пинцет длиной в пятнадцать сантиметров с крючком на конце?

— Туда я залезть не сумел, — сказал москвич, дыша Коле в ухо. — Это выше человеческих сил.

Москвич сидел до самого обеда, и наконец бабушка сказала:

— Что-то вы все на чужой смотрите. Свой-то небось заржавеет.

— Пускай ржавеет, — сказал москвич. — Отвезу назад. А вы?

— Нет, — сказал Широнин. Он придумал, как снять ту шпонку.

В следующую субботу Коля в деревню не приехал. Он сидел в библиотеке. Война с мотором приняла ожесточенный характер. В тот момент, когда казалось, что Коля прорвал очередную линию обороны мотора, мотор успевал построить новые доты, и обе стороны вновь переходили к позиционной войне. Пришлось всерьез заняться теорией. Коля набрал десятка два книг, мама переживала, что он нахватает двоек в последней четверти, а отец старался помочь, но толку было мало — он все забыл, чему его учили в институте, а его умение руководить другими Коле не требовалось. В школе Широнин задал физику два вопроса, на которые тот не смог ответить, зато напомнил, что на носу годовая контрольная. В общем, жить стало трудно, но Коля не намеревался отступать перед куском мертвого металла.

Когда он через две недели вновь добрался до деревни, лужи почти просохли и через ручьи можно было перешагивать, не замочив подошв. Лес стал зеленым и непрозрачным. Москвича не было. Сергей сказал, что он собрал свой мотор и увез в Москву. Широнин вывалил из рюкзака книги и несколько выточенных им деталей и повел на мотор еще одну атаку. Бабушка уже привыкла к тому, что Коля приезжает регулярно, и перестала говорить о смерти, а старалась приспособить Колю по хозяйству, и он, чтобы не воевать на два фронта, вскопал гряды и починил забор.

Москвич появился в деревне к вечеру.

— Вы знаете, молодой человек, — сказал он, — они даже не стали спорить. Предложили мне на выбор либо «Вихрь» с доплатой, либо деньги. Я доплатил. И вам советую.

— Спасибо, — поблагодарил Широнин.

— Знаете что, — сказал москвич, — вы же варите суп из топора.

— Мне отступать некуда, — сказал Коля, оглядывая комнату, заваленную книгами, чертежами и металлическими деталями.

Экзамены Коля сдал и отказался от поездки в альплагерь, куда все собирались еще с зимы. К этому времени мотор сопротивлялся из последних сил. Москвич проводил все дни на Волге, куда его каждое утро уносил обыкновенный и безотказный «Вихрь». Сергей купил себе «Стрелу», а когда Коля шел по деревне, с ним здоровались с усмешками и шутили, что он строит самолет.

В конце июня из Москвы приехали Валюжанин и Таня с Эммой. Коля вспомнил о том, что приглашал их к себе, в самый последний момент, а то бы им пришлось топать по деревне пешком. Коля выпросил моторку у Сергея и встретил ребят на платформе.

— Ой, какой ты загорелый, словно кубинец, — сказала Эмма.

— Тебе идет жить в деревне, — сказала Таня.

Они привезли с собой кастрюлю мяса для шашлыка, всякую зелень для приправы и московские новости: кто куда поехал или собирается поехать. Коля познакомил их с бабушкой и показал разобранный мотор, который не произвел на ребят особенного впечатления, потому что Валюжанин типичный гуманитарий и будет поступать на филфак, а девчата интересовались мотором только как средством передвижения и предпочитали ахать при виде бабушкиных овечек или какого-нибудь цветка. Коле было даже странно, что такие обычные вещи вызывают у них восторг, его мысли все время возвращались к мотору, и, хотя он старался не показать этого ребятам, Эмма спросила его:

— Тебе с нами скучно? Неинтересно?

А это надо было понимать: «Ты относишься ко мне не так, как зимой?»

— Ты ошибаешься, — сказал Коля.

Потом Коля отвез ребят на остров, они отыскали место между туристскими палатками, жарили шашлыки, купались и пели песни, и, может быть, даже хорошо, что Коля отвлекся, потому что, когда он стоял на платформе и махал рукой вслед поезду, увозившему гостей, он вдруг догадался, как зафиксировать переключатель реверса.

— А эта, черненькая, — сказала бабушка, когда Коля вернулся домой, — она приятная, воспитанная.

Бабушка ждала ответа, чтобы углубиться в тему, всегда интересующую бабушек, но Коля буркнул что-то и достал инструменты. Если сделать миллиметровый пропил...

Коля Широнин завершил борьбу с мотором 12 июля. В который раз он укрепил его на транце. Бабушка даже не вышла к берегу. Коля поглядел на тропинку от дома к воде, протоптанную за эти недели. Потом оттолкнулся от берега веслом и подождал, пока его отнесет подальше от вымахавшего в человеческий рост тростника.

Широнин завел мотор и, когда тот прогрелся, включил скорость — лодка послушно осела кормой в воду. Лодка глиссировала, поднимая облако водяной пыли, мотор гудел тихо, уверенно и солидно, как мотор легкового автомобиля, железнодорожный мост приближался, словно его притягивали канатом, в ушах ревел ветер, и моторка Гаврилова, которую он обогнал, казалось, стояла на месте.

— Ну вот, — сказал Коля мотору, — один—ноль в нашу пользу.

Он не испытывал торжества. И вообще ему все надоело. Другие ходят по горам и загорают, а он провел каникулы в виде кустаря-одиночки. Бабушка сначала не поверила, а потом сказала:

— Мы, Широнины, ужасно какие упрямые.

Когда Коля уже вернулся в Москву, неожиданно раздался телефонный звонок.

— Тебя, — сказала мама подозрительно. — Очень милый женский голос.

Очень милый женский голос спросил:

— Это Широнин, Николай Викторович?

— Я, — сказал Коля.

— Вас беспокоят из магазина, в котором вы приобрели мотор «Бурун-45». Мы не имеем от вас никаких сведений. Скажите, довольны ли вы работой мотора?

— Еще как, — мрачно сказал Коля. — Большое спасибо за внимание.

Он повесил трубку. Все ясно, они получили столько жалоб, что теперь весь завод отдают под суд за головотяпство. Так им и надо. Можно представить, как злятся на завод продавцы в магазине. Сколько им всего пришлось выслушать.

И тут же телефон зазвонил снова.

— Простите, — сказал все тот же женский голос. — Нас разъединили. Вы уверены, что ваш мотор работает?

— Да, — ответил Коля, решив не жалеть бракоделов. — Но только потому, что я в нем живого винта не оставил. Можете смело отдавать бракоделов под суд.

Женщина хихикнула и сказала:

— Большое спасибо.

Через три минуты позвонил взволнованный бас и попросил разрешения взглянуть на мотор товарища Н.Широнина.

— Вы тоже из магазина? — удивился Широнин.

— Нет, — ответил бас.

— С завода?

— Можете считать, что с завода.

— Тогда учтите, — сказал Широнин твердо. — Моего мотора вы не увидите. Вас все равно будут судить. И мне вас не жалко.

— Но я очень прошу, — сказал бас.

— Да мой мотор на Волге! — воскликнул Коля. — Что же, мне тащиться три часа на поезде, чтобы доставить вам удовольствие?

— Коля! — крикнула мама из комнаты. — Как ты разговариваешь?

— Зачем на поезде? — сказал бас. — Вы только скажите нам адрес и разрешите от вашего имени его осмотреть. Если же у вас есть свободное время, то можете полететь с нами на вертолете.

— Что? На вертолете? А вы меня не разыгрываете?

— Зачем нам это делать?

— Коля, ужинать, — сказала мама. — Ты совершенно распустился за лето.

— Деревня Городище, — сказал Коля, — Калининской области...

Он вдруг поверил, что бас не шутит, что у них и в самом деле так плохо все обернулось, что не жалко денег на специальный вертолет, чтобы отыскать действующий мотор «Бурун-45». Пусть смотрят.

— Вот, — объявил он маме не без гордости. — От моего мотора зависит судьба целого завода.

— Завтра они медаль тебе дадут, — сказала мама, которую серьезно беспокоило, что Коля стал таким грубым.

Назавтра они пришли к Широниным. Без медали, но пришли. Солидный толстяк в больших очках и еще один, непонятного возраста, весь встрепанный.

— Мы хотели бы видеть Николая Викторовича, — сказал солидный толстяк.

Отец, который открыл дверь, не понял и поправил их:

— Виктора Степановича.

— Нет, — сказал солидный толстяк. — Николая Викторовича. Вы приобрели мотор «Бурун-45»?

— Коля, — позвал отец.

Коля стоял за дверью и все слышал. Он сразу вышел в коридор.

— Николай Викторович? — спросил солидный толстяк, никак не удивившись.

— Я. И я покупал мотор «Бурун». А вы со мной вчера говорили по телефону.

— Правильно, — сказал толстяк и повернулся к встрепанному. — Что же будем делать?

Встрепанный склонил голову набок и подмигнул Коле. Потом спросил:

— Тебе никто не помогал?

— С чем? С мотором? Нет. Я бы никого и не подпустил — там голову сломишь.

— И правильно сделал, — похвалил толстяк. — Поехали с нами.

— Простите, — сказал отец. — Я не совсем понимаю...

— Нам хотелось бы, — сказал солидный толстяк, — чтобы ваш сын побывал на нашем экспериментальном производстве.

Коля чуть не произнес вслух: «Им моя консультация нужна», но удержался, чтобы не показаться хвастуном.

Мама сказала из кухни будничным тоном:

— Простите, что я к вам не вышла, я лук режу. Только чтобы к ужину быть дома.

— Постараемся, — сказал встрепанный отцу. — Спасибо за содействие, — хотя неясно было, в чем заключалось содействие отца.

Внизу ждала «Волга», толстый сел впереди, с шофером, а второй устроился на заднем сиденье рядом с Колей. Коля выглянул в окно, ему захотелось, чтобы совершенно случайно мимо дома прошла Эмма и спросила бы его: «Ты куда, Широнин? Завтра же сочинение». А он ответил бы небрежно: «Надо заехать на один завод, вот за мной машину прислали». Ну, разумеется, если бы Коля шел с авоськой в магазин за молоком, он встретил бы двадцать знакомых. А когда за тобой присылают «Волгу», то все как будто сквозь землю проваливаются.

— Слушай, Коля, — сказал встрепанный, — а чем тебе не понравился наш фирменный конденсатор? Ты зачем радиотехнические поставил?

Коля вернулся с небес на землю. «Много еще во мне мальчишества, — подумал он с некоторым осуждением. — С тобой разговаривают как с серьезным человеком, а ты думаешь неизвестно о чем».

— А вам ваши фирменные конденсаторы нравятся? — спросил Коля у встрепанного, сделав ударение на слове «фирменные». — Тоже мне, фирма.

Встрепанный хихикнул, а толстяк обернулся с переднего сиденья и спросил:

— Широнин, я хотел задать вопрос, хорошая ли у вас успеваемость в школе?

Вопрос к делу не относился и Коле не понравился.

— Успеваемость как успеваемость, а что?

— Имеет прямое отношение, — сказал толстяк. — Надеюсь, вы не вводите меня в заблуждение.

— А зачем вводить?

— Бывают различные варианты, — загадочно сказал толстяк и отвернулся.

Завод располагался в Черемушках, в здании, в котором было много стекла и алюминиевых конструкций. Широнина провели в большую комнату, похожую на холл в санатории. У стены стояли кресла, а посередине лежал разноцветный ковер.

— Подожди, Коля, — сказал встрепанный. — И познакомься пока.

В креслах сидели еще два человека. У них был скучный вид, как на приеме к зубному врачу. Коля сел рядом с худым лохматым мужчиной, до самых глаз заросшим черной бородой.

— Широнин, — представился он.

— Туманян, — ответил бородач. — Вы тоже насчет мотора?

— И что он им сдался? — удивился третий человек, совсем пожи-

лой, лет сорока, не меньше, в модном костюме и галстуке «бабочке». — И так ухлопал на него весь отпуск.

И тут в комнату вошли встрепанный, толстяк и незнакомый старик в синем халате.

— Здравствуйте, — сказал старик высоким голосом. — Я рад вас видеть. И надеюсь, мы достигнем взаимопонимания. — Потом он обернулся к толстяку и спросил потише, показывая глазами на Колю: — А это Широнин?

— Да, — ответил толстяк, будто Широнин был виноват во всех страшных грехах.

— Ну-ну, — сказал старик весело и уселся в кресло. — Я, — продолжал старик, — то есть академик Беккер, Сергей Петрович, и мой друг профессор Столяров, — он указал на встрепанного, — пригласили вас сюда потому, что именно мы изобрели мотор «Бурун-45».

Академик сделал паузу и поглядел на гостей, словно ждал, что они накинутся на него с проклятиями. Но гости молчали и ничего не понимали.

— Вопросов нет? — спросил Беккер. — Отлично. Вы все выдержанные и упрямые люди. Итак, я повторяю, что мы изобрели моторсказку, мотор завтрашнего дня. И по договоренности с торговыми организациями пустили его в продажу. Мы продали восемнадцать тысяч шестьсот дешевых моторов «Бурун». Так вот, на сегодняшний день в магазин возвращено восемнадцать тысяч пятьсот девяносто шесть моторов. Один мотор утоплен с горя его хозяином. Три мотора приведены владельцами в порядок и отлично работают. О чем это говорит?

Ответа не последовало.

— А говорит это о том, что мотор мы изобрели никуда не годный. Потенциально — это замечательная машина. На практике довести его до рабочего состояния невозможно. И чтобы не было случайностей, об этом позаботился весь наш институт. Я не шучу: мотор запустить нельзя, хотя он и лучший из существующих сегодня лодочных подвесных моторов.

— Теперь я ничего не понимаю, — сознался Туманян.

— А мы понимаем. Мы понимаем, что среди тысяч людей, большая часть которых любит технику и обладает смелостью, чтобы купить совершенно незнакомую марку мотора, нашлись три человека, которые настолько нелогично устроены и упорны, что не согласились с логикой и привели моторы в отличное состояние.

— Так зачем? — решился спросить Коля.

— Я отвечу. Только сначала объясню, почему мы выбрали для нашего эксперимента именно лодочный мотор. Могли бы сделать автомобильный. Но ведь если бы мы снабдили такими уродцами, скажем, партию «Запорожцев», их владельцы отправились бы в мастерские, а оттуда моторы тут же вернулись бы к нам. Владельцы лодочных моторов занимаются своим делом вдали от городов, в свободное время, в одиночестве. Они знают, что их моторы капризны и требуют личного, гуманного отношения. Водники привыкли полагаться на себя, потому что, если мотор заглохнет в десяти километрах от населенного пункта, мало шансов, что мимо проедет добрый умелец и все за них сделает. Именно поэтому лодочный мотор — идеальный полигон для отыскания и испытания технических талантов. Наш эксперимент удался. Он стоил государству очень дорого, но надеюсь, что вы окупите наши расходы.

— А я думал, вас судить будут, — сказал Туманян.

— Так что же дальше? — спросил Коля.

— Дальше что? С Туманяном и Песковским, — академик кивнул в сторону пожилого франта, — все ясно. С сегодняшнего дня они зачисляются в наш институт. Мы начинаем работать над новым универсальным двигателем, который, к сожалению, изобрести невозможно. Все вы прошли испытание на моторе «Бурун» и выдержали его.

— Но как же... — начал Туманян.

— Все согласовано, — ответил академик. — Даже ваша жена согласна. Что касается Песковского...

— А что обо мне говорить, — улыбнулся пожилой франт. — Я всю жизнь мечтал заняться невозможным делом.

— Труднее всего с Колей Широниным, — сказал солидный толстяк, который оказался заместителем академика по хозяйственной части. — У него впереди десятый класс.

— А он не виноват, что моложе всех нас, — запротестовал профессор Столяров. — Он будет учиться и работать. Ведь Широнины упрямые.

Коля догадался, что Столяров ездил в Городище и услышал эти слова от бабушки.

— Уж наверно, это будет не труднее, чем чинить «Бурун», — сказал Коля.

— Гарантирую, что труднее, — ответил академик.

ГЛАЗ

1

Когда Борис Коткин оканчивал институт, все уже знали, что его оставят в аспирантуре. Некоторые завидовали, а сам Коткин не мог решить, хорошо это или плохо. Он пять лет прожил в общежитии, в спартанском уюте комнаты 45. Сначала с ним жили Чувпилло и Дементьев. Потом, когда Чувпилло уехал, его место занял Котовский. Дементьев женился и стал снимать комнату в Чертанове, и тогда появился Горенков. С соседями Коткин не ссорился, с Дементьевым

одно время даже дружил, но устал от всегдашнего присутствия других людей и часто, особенно в последний год, мечтал о том, чтобы гасить свет, когда захочется. Он даже сказал Саркисьянцу, что вернется в Путинки, будет там преподавать в школе физику и биологию, а Саркисьянц громко хохотал, заставляя оборачиваться всех, кто проходил по коридору.

Коткин не ходил в походы и не ездил в стройотряд. На факультете к этому привыкли и не придирались: он был отличником, никогда не отказывался от работы, собирал профсоюзные взносы и отвечал за Красный Крест. А на все лето Коткин непременно ехал в Путинки — его мать ослепла, жила одна, ей было трудно, и нужно было помочь.

У них с матерью была комната в двухэтажном бараке, оставшемся от двадцатых годов. Барак стоял недалеко от товарной станции. Раньше мать преподавала в путинковской школе, потом вышла на пенсию. Кроме Бориса, родных у нее не было.

Как и в школьные времена, мать спала за занавесочкой, спала тихо, даже не ворочалась, словно и во сне боялась обеспокоить Бориса. За окном перемигивались станционные огни, и гулкий голос диспетчера, искаженный динамиком, распоряжался сцепщиками и машинистами маневровых паровозов.

Мать вставала рано, когда Коткин еще спал, одевалась, брала палочку и уходила на рынок. Она полагала, что Боре полезнее пить молоко с рынка, чем магазинное. Боря прибирал комнату, приносил от колонки воды и все время старался представить себе, какова мера одиночества матери, зримый мир которой ограничивался воспоминаниями.

А мать никогда не жаловалась. Возвращаясь с рынка или из магазина, на секунду замирала в дверях и неуверенно улыбалась, стараясь уловить дыхание Бориса, убедиться, что он здесь. Она иногда говорила тихим учительским голосом, что ему надо пореже приезжать в Путинки, он здесь зря теряет время, мог бы отдыхать с товарищами или заниматься в библиотеке. Если ты на хорошем счету, не стоит разочаровывать преподавателей. Они ведь тоже люди и разочарование переносят тяжелее, чем молодежь. Матери тоже приходилось иногда разочаровываться в людях, но она предпочитала относить это за счет своей слепоты. «Мне надо увидеть выражение глаз человека, — говорила она. — Голосом человек может обмануть. Даже не желая того».

Ей нравилось, что Коткин увлечен своей биофизикой, она помнила когда-то давно сказанную им фразу: «Я буду хоть сто лет биться, но верну тебе зрение». Мать считала, что до этого дня не доживет, но радовалась за других, за тех, кому ее сын возвратит зрение. «А помнишь, — говорила она, — ты еще в седьмом классе обещал мне...»

В феврале, когда Коткин был на пятом курсе, мать неожиданно умерла. Коткину поздно сообщили об этом, и он не успел на похороны.

Аспирантура означала еще три года общежития. Замдекана, бывший факультетский гений Миша Чельцов, которого слишком рано начали выпускать на международные конференции, сочувственно мигал сквозь иностранные очки и обещал устроить отдельную комнату.

— Сделаем все возможное, — говорил он. — Все от нас зависящее.

Но пока свободных отдельных комнат в общежитии не было.

Весной, в конце марта, Коткин был на факультетском капустнике. Он устроился в заднем углу, поближе к двери, чтобы уйти, если станет скучно. Рядом сидела Зина Пархомова с четвертого курса. Ей было весело, и она с готовностью смеялась, если это требовалось по ходу действия. Потом оборачивалась к Коткину и удивлялась, почему он не смеется. Коткин улыбался и кивал головой, чтобы показать, что он с ней согласен: очень смешно. У Зины было овальное, геометрически совершенное лицо и белая кожа. Она единственная на факультете не рассталась с косой и закручивала ее вокруг головы венцом. В тот вечер коса лежала на груди, и это было красиво.

Зина смотрела на него заинтересованно, как на зверюшку в зоопарке. Хуже нет, чем увидеть себя отраженным в чужих глазах как в зеркале, когда невзначай пройдешь мимо него, посмотришься случайно и увидишь, до чего же ты некрасив. Растерянный взгляд серых глазок под рыжими бровями. Тонкий, будто просвечивающий, и красный на конце нос. А рот и подбородок от другого, совсем уж маленького человека.

— Простите, — сказал Борис. — Разрешите, я выйду.

— Куда же вы? — спросила Зина. — Сейчас оркестр будет. Они такие лапочки.

Коткин поднялся и ждал, пока Зина пропустит его, стараясь не встретиться с ней глазами.

Потом он курил в коридоре, у лестницы, и никак не мог уйти домой. В общежитие возвращаться не хотелось, а ничего иного придумать он не мог. Он глядел на ботинки. Ботинки за день запылились, и правый треснул у самого ранта.

— Коткин, у меня создалось впечатление, что я вас прогневила. Так ли это?

Рядом стояла Зина.

— Что вы, что вы, — возразил Коткин. — Мне пора идти.

Два года назад в него влюбилась одна первокурсница, умненькая и старательная. Она даже стала собирать, как и Коткин, марки с животными, показывая этим родство их душ. Но первокурсница была некрасива и робка, и его мучило, что это подчеркивает его собственную неприглядность. Коткин был с ней вежлив, но прятался от нее. Скоро об этом узнали на курсе, и над ним смеялись. Коткин хотел бы влюбиться в значительную, яркую девушку, такую, как Пархомова.

Но он понимал крамольность такой мечты и красивых девушек избегал.

Дня через два, встретив Бориса в коридоре, Зина Пархомова улыбнулась ему как хорошему знакомому, хотя в этот момент разговаривала с подругами. Подруги захихикали, и потому Коткин отвернулся и быстро прошел мимо, чтобы не ставить Зину в неудобное положение.

Избежав встречи с Зиной, Борис минуты три оставался в убеждении, что поступил правильно. Но когда эти три минуты прошли, он понял, что должен отыскать Зину и попросить у нее прощения.

Ночь Коткин провел в предоперационном трепете. К утру он настолько потерял присутствие духа, что взял из тумбочки соседа градусник и держал его минут двадцать, надеясь, что заболел. Вышло 36,8. Днем на факультете Коткин несколько раз видел Зину, но издали и не одну, пришлось ждать ее на улице после лекций. Он не знал, в какую сторону Зина идет из института, и спрятался в подъезде напротив входа. В подъезд входили люди и смотрели на Коткина с подозрением, а он делал вид, что чем-то занят, — завязывал шнурок на ботинке, листал записную книжку. Ему казалось, что Зина уже прошла мимо, и он прижимался к стеклу двери, глядя вдоль улицы.

Зина вышла не одна, ее провожал широкоплечий парень, они пошли налево, и после некоторого колебания Коткин, проклиная себя, последовал за ними. Он шел шагах в пятидесяти сзади и боялся, что Зина обернется и решит, что он следит за ней. Так они дошли до угла, пересекли площадь, и Коткин дал слово, что, если они не расстанутся тут же, он уйдет и никогда больше не приблизится к Зине. Зина и ее знакомый не расстались на углу, а пошли дальше, Коткин за ними, отыскивая глазами следующий ориентир, после которого он повернет назад. Но он не успел этого сделать. Неожиданно Зина протянула широкому парню руку и направилась к Коткину, который не успел спрятаться.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты за мной следил. Я очень польщена.

— Нет, — возразил Коткин. — Я просто шел в эту сторону и даже не видел...

Зина положила ему на плечо красивую руку.

— Борис, — спросила она, — ты не очень спешишь?

— Я хотел попросить у вас прощения, — начал Коткин. — Но так неловко получилось...

Они были в кино, потом Коткин проводил Зину на Русаковскую, и Зина показала ему окна своей квартиры.

— Я тут живу со стариками. Но отцу дают назначение в Среднюю Азию. Он у меня строитель. Так что я останусь совсем одна.

Коткин сказал:

— А у меня только мать...

— Она там? В твоих Путинках?

— Да, — кивнул Коткин, — там. Она в феврале умерла.

На следующий день Зина пригласила Коткина на концерт аргентинского виолончелиста. Коткин не понимал музыки, не любил ее. Он занял у Саркисьянца двадцать рублей и купил себе новые ботинки.

В апреле Зина еще несколько раз бывала с Коткиным в разных местах, он запутался в долгах, но отказаться от встреч не мог. Иногда Зина просила Коткина рассказать, над чем он работает, но ему казалось, что все это ей не совсем интересно. И сам он, такой некрасивый и неостроумный, ее интересовать не мог — в этом Коткин был уверен.

Саркисьянц поймал его в коридоре и спросил:

— Зачем кружишь голову такой девушке?

— Я не кружу.

— Она, что ли, за тобой ухаживает? Весь факультет поражен.

— А что в этом удивительного? — озлился вдруг Коткин.

Еще больше смутила Коткина черноглазая Проскурина. Она была лучшей подругой Зины, и оттого Коткин готов был простить ей перманентную злость ко всему человечеству, вульгарные наряды и громкий, пронзительный хохот. Проскурина ехала с Коткиным в метро. Она сказала:

— Конечно, это не мое дело, но ты, Борис, не обольщайся. Как подруга, я имею право на откровенность. Ты меня не выдашь?

— Нет, — пообещал Коткин.

— Она тебя не любит, — наябедничала Проскурина. — Никого она не любит. Понял?

— Нет, не понял.

— Когда поймешь, будет поздно. Мое дело предупредить муху, чтобы держалась подальше от паутины. — Сравнение Проскуриной понравилось, и она захохотала на весь вагон.

— У нас чисто товарищеские отношения, — пояснил Коткин. — Я отлично понимаю, что Зину окружают куда более интересные и яркие люди...

— Молчи уж, — перебила Проскурина. — Яркие личности... А что ей с этих ярких личностей? Распределение будущей весной.

Коткин забыл об этом разговоре. Ему было неприятно, что у Зины такая подруга. Забыл он о разговоре еще и потому, что после него долго, почти месяц, не виделся с Зиной. Здоровался — не более. Зина увлеклась аспирантом с прикладной математики и сказала Коткину:

— Пойми меня, Боря, я не могу приказать сердцу.

Так все и кончилось. Коткин сдал госэкзамены и засел за реферат. Миша Чельцов, замдекана из гениев, убедил его, что науке нет дела до настроений Коткина. Борис расплачивался с долгами, много читал, работал, потому что любил свою работу.

В августе Зина вернулась с юга. Проскурина сообщила Коткину,

что она ездила с тем аспирантом, но поссорилась с ним. Зина увидела Коткина в библиотеке и от двери громко сказала:

— Борис, выйди на минутку.

Коткин не сразу понял, кто зовет его, а когда увидел Зину, испугался, что она уйдет, не дождавшись, и бросился к двери, задел книги, и они упали на пол. Ему пришлось нагнуться и собирать их, книги норовили снова вырваться, и он думал, что Зина все-таки ушла.

Но она ждала его. Ее волосы выгорели и казались совсем белыми.

— Как ты без меня существовал? — спросила она.

— Спасибо, — ответил Коткин.

— А я жалею, что поехала. Такая тоска, ты не представляешь. Ты что делаешь вечером?

Коткин не ответил. Он смотрел на нее.

— Надо поговорить. А то ты, наверное, сплетен обо мне наслушался. Извини, что отвлекла тебя.

Зина ушла, не договорившись, где и когда они встретятся.

Коткин сдал книги и поспешил вниз.

Искать ее не пришлось. Она сидела на скамье в вестибюле, вытянув длинные бронзовые ноги, а возле нее стояли два программиста из ВЦ, наперебой шутили и сами своим шуткам смеялись. Коткин остановился у лестницы, не зная, что делать дальше, а Зина увидела его и крикнула:

— Боренька, я тебя заждалась.

Она легко вскочила со скамьи и поспешила ему навстречу, забыв о программистах.

...Они сидели на скамейке в парке, и Зина спросила:

— Боря, можно быть с тобой откровенной?

Коткин испугался, что она станет говорить о том аспиранте или о каком-нибудь поклоннике, за которого она собралась замуж, и будет спрашивать совета.

— Ты все еще живешь в общежитии?

— Да.

— Понимаешь, какое дело... Только ты надо мной не смейся, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Мои старики уехали в Нурек. Наверное, лет на пять. Пока отец не построит там свою плотину, он ни за что не вернется. А может, он вообще там останется. Ты слушаешь?

— Слушаю.

Коткин смотрел на руку Зины и удивлялся совершенству ее пальцев.

— Я остаюсь одна в квартирке, а ты живешь в общежитии. Это несправедливо. Ты меня понимаешь?

— Нет, — ответил Коткин.

— Я так и думала. В общем, я предлагаю: бери свои марки, рыжик, и переезжай ко мне.

— Как это?

— Пойми меня, Боренька. Я за последние месяцы разочаровалась в людях. Я поняла, что ты единственный человек, на которого можно положиться. Не удивляйся. Я знаю, что ты некрасив, не умеешь держать себя в обществе, что у нас тобой различный круг друзей. Все это, в конечном счете, не так важно. Ты меня понимаешь? Я знаю, какой ты талантливый и как тоскливо тебе без мамы... Тебе нужен кто-то, кто может о тебе позаботиться... Я слишком откровенна? Но мне казалось, что и я тебе небезразлична. Я не ошиблась? Ты можешь отказаться...

Последняя фраза оборвалась, и Коткин чувствовал присутствие в воздухе важных, почти страшных в своей значимости слов, схожих с эхом колокольного звона.

— Нет, — сказал Коткин. — Что ты, как можно?

Он был так благодарен ей, такой красивой и умной, что чуть было не заплакал и отвернулся, чтобы она не заметила этого. Зина положила ему ладонь на колено и произнесла:

— Я бы заботилась о тебе, милый... Прости меня за откровенность.

А когда они уже выходили из парка, Зина остановилась, прижала ладонь к губам Коткина и сказала:

— Только, понимаешь, вдруг старики приедут, а у меня мужик живет... Распишемся?

2

Прошло девять с половиной лет. Коткин вернулся из магазина и выкладывал из сумки продукты на завтра. В комнате булькали голоса. К Зиночке пришли Проскурина и новый муж Проскуриной, о котором еще вчера Зина сказала Коткину:

— Когда я тебя сменю, никогда не опущусь до такого ничтожества.

Сейчас они смеялись, потому что новый муж Проскуриной вернулся из Бразилии, принес бутылку японского виски и рассказывал бразильские анекдоты. Коткину хотелось послушать о Бразилии, его в последнее время тянуло уехать хоть ненадолго в Африку или Австралию, но было некогда и нельзя было оставлять Зину одну. У нее опять началось обострение печени, и ей была нужна диета.

Коткин поставил чайник и заглянул на секунду в комнату.

— Кому чай, кому кофе? — спросил он.

— Всем кофе, — приказала Зина.

— Тебе нельзя, — сказал Коткин. — Тебе вредно.

— Я лучше тебя знаю, что мне вредно.

Проскурина засмеялась.

Коткин вернулся на кухню и достал кофе. Он сегодня шел домой в отличном настроении и хотел показать Зине последний вариант Глаза. Глаз функционировал. Четыре года, и вот все позади. Он хотел

сказать Зине, что будет премия: директор института — тот самый Миша Чельцов, который был когда-то замдекана на их факультете, еще вчера сказал Коткину:

— Ребята, на вашем горбу я и в рай въеду.

И Коткин пришел домой с Глазом, чтобы показать его Зине, хотя знал, что на Зину это вряд ли произведет особое впечатление. Она любила повторять где-то подслушанную фразу, что исчерпала свой запас любопытства к мирской суете.

Зина неделю назад вернулась из Гагры, куда ей нельзя было ездить и где она хорошо загорела, хотя загорать ей было противопоказано. Коткин знал, что, когда Проскурина с мужем уйдут, Зина будет их ругать и жаловаться, что от виски у нее изжога, и ему придется подниматься среди ночи, чтобы дать ей лекарства.

Чельцов, который помнил Зину по институту, слегка захмелев — они сегодня, конечно же, слегка обмыли Глаз, — опять говорил Коткину:

— Слушай, она с тобой обращается, как с римским рабом. Ты весь высох.

— Ты ничего не понимаешь, Миша, — отвечал, как всегда, Коткин. — Я ее вечный должник.

— Это еще почему? — спросил Чельцов. Он знал ответ, потому что этот разговор повторялся неоднократно.

— Есть такое старое слово — благодеяние. Оно почему-то употребляется теперь только в ироническом смысле. В тяжелый момент Зина пришла мне на помощь.

За девять с половиной лет Коткин почти не изменился. Он был так же сух, подвижен, так же неухожен и плохо одет. Но так уж повелось, что Коткиным положено было гордиться, и гордиться так, как гордятся природной достопримечательностью, не ожидая ничего взамен.

...А Зина за последние годы сменила несколько институтов, где ее не смогли оценить по достоинству. Потом работала в главке и пережила неудачный роман с директором одного из сибирских заводов, приезжавшим в командировки, которому льстило внимание красивой москвички. Убедившись в том, что намерения того директора по отношению к ней недостаточно серьезны, Зина с горя бросила главк и устроилась в издательство, работой в котором тяготилась, поскольку полагала, что создана для жизни неспешной, для встречи с подругами, для прогулок по магазинам, поездок в Карловы Вары и борьбы с болезнями, которые все ближе подбирались к ее стройному телу. Но и уйти с работы совсем она не могла, чему существовало несколько различных объяснений. Объяснение для Коткина заключалось в том, что он не может обеспечить должным образом жену и она вынуждена трудиться, чтобы дом не погряз в пучине бедности. Объяснение для себя, будь оно сформулировано, звучало бы так: «Дома одна я

от скуки помру. Три дня в неделю, которые я должна отсиживать в издательстве, — это живой мир, мир разговоров, встреч с авторами, коридорного шепота, и дни эти продолжаются за полночь в сложных схемах телефонных перезвонов». Было и третье объяснение — для знакомых мужчин, далеких от издательского мира. В нем на первое место выдвигалась ее незаменимость: «Нет, сегодня я не смогу вас увидеть. Конец квартала, а у меня еще триста страниц недовычитанного бреда одного академика...»

Зина отрезала косу, лицо ее потеряло геометрическую правильность и чуть обрюзгло, хотя она все еще была очень хороша.

3

Когда Коткин вернулся с готовым кофе, Проскурина подвинула ему полную окурков пепельницу, чтобы он ее вытряхнул, а новый муж Проскуриной протянул ему стопочку виски и обратился с вопросом, в котором смешивались мужская солидарность и скрытая ирония:

— Над чем сейчас трудитесь, Боря?

— Я? — Коткин удивился. Как-то получилось, что его работа давно уже перестала быть предметом обсуждения дома, тем более при гостях.

— Ведь вы, — улыбнулся новый муж Проскуриной, который был журналистом-международником, — если не ошибаюсь, инженер? Давайте я о вас напишу.

— Он биофизик, — пояснила Проскурина. — И собирает марки со зверями.

— Чистые или гашеные? — спросил новый муж.

— Гашеные, — сказал Коткин, разливая кофе. — Сейчас я торт принесу.

— Сахар захвати, — крикнула ему вслед Зина, — биофизик!

На кухне Коткин резал торт, довольный тем, что муж Проскуриной так вовремя спросил его о работе. Можно будет рассказать о Глазе, не показавшись в глазах Зины и гостей пустым хвастуном.

Коткин вынул из портфеля Глаз и осторожно размотал проводки. Присоски с датчиками удобно прижались к вискам. Глаз можно было прикрепить ко лбу, для чего был сделан специальный обруч, можно было держать в руке. Коткин нажал кнопку. Из комнаты доносился смех — муж Проскуриной снова рассказывал что-то веселое. Коткин уже не раз испытывал это странное чувство в опытах с Глазом. Коткин увидел потолок кухни, полки с посудой и чуть закопченные стены наверху. И в то же время он видел то, что было перед ним, — свою вытянутую руку, Глаз в ней, обращенный зрачком кверху, кухонный стол с нарезанным тортом, плиту. Поведя рукой в сторону, Коткин заставил себя скользнуть взглядом Глаза по стене и в то же время не

выпустил из поля зрения собственную ладонь. Он зажмурился. Мозг, пославший глазам сигнал зажмуриться, ожидал, что наступит темнота. Вместо этого он продолжал видеть Глазом, и, обернув его к лицу, Коткин смог заметить им свои зажмуренные глаза.

Они четыре года бились с этим Глазом. Идея заключалась в том, что у подавляющего большинства слепых сами зрительные центры не повреждены. Значит, если воздействовать, подобрав нужные частоты, непосредственно на мозг, минуя вышедшие из строя глаза, можно восстановить зрение. Поэтому они поделили Глаз на две части: одним достался приемник, улавливающий свет, другим — транслятор, передающий информацию к мозгу. Лаборатория Коткина разработала приемник. Верховский занимался передачей изображения от присосок прямо на шпорную борозду, на зрительный центр. Вот и все. Только прошло два года, прежде чем человек, включивший приемник, увидел сначала мутный свет, потом контуры предметов и, наконец, четкое цветное изображение. И еще два года ушло на то, чтобы превратить приемник из ящика размером в телевизор в подобие настоящего глаза. Оттого-то Коткин и взял Глаз домой, хотя и не стоило выносить рабочую модель из института. Но ему хотелось показать ее Зине.

...Коткин ждал, когда муж Проскуриной повторит вопрос о его работе, но разговор уже необратимо ушел в сторону. И Коткин не утерпел, сказал, откашлявшись:

— Мы сегодня одну работу закончили.

И все удивились, что он, оказывается, в комнате.

— Любопытно, — хмыкнул муж Проскуриной.

Тогда Коткин проклял себя и замолчал, и никто не предложил ему продолжать. Тут позвонили в дверь, пришла Настя со своим приятелем, потому что им некуда было деться, и Коткину пришлось снова ставить кофе. Гости разбили любимую чашку Зины, она огорчилась, но не подала виду, а Коткин расстроился, потому что вина за разбитую чашку будет возложена на него. Потом позвонил Верховский, хотя Зина просила, чтобы телефон не занимали рабочими разговорами, если дома гости. Но Коткин не повесил трубку, а говорил минут пять, потому что речь шла о конференции, на которую Верховскому завтра ехать. В Баку приедут Полачек, Браун и Леви, и Коткин объяснял, что он бы тоже поехал туда, но нельзя оставить Зину, она нуждается в заботе и хорошем питании, да и с деньгами опять плохо. Верховский твердил, что, если доклад будет делать не сам Коткин, это верх неприличия, но Коткин повесил трубку и принялся мыть посуду. Проскурина пришла на кухню и закурила, прислонившись к стене.

— Все суетишься? — спросила она.

— Не понял, — сказал Коткин. — Я вообще стараюсь не суетиться.

— Я в переносном смысле. Надо было меня слушаться. Бежал бы ты от нее. Был бы уже доктором наук и жил в свое удовольствие. Мы всегда хохотали: Зинка, тупая сила, дура, темнота, непонятно, как с курса на курс переползала, а какая хватка! Какая хватка!

Коткин расставлял чашки на подносе, сыпал печенье в зеленую салатницу. Он думал, что надо ночью еще раз пробежать английский текст доклада Верховского.

— Так и будешь до пенсии бегать по лекциям, писать рецензии и давать уроки, чтобы она могла купить себе еще одни сапоги?

— Борис, — Зина стояла в дверях, голос у нее отчего-то охрип, и смотрела она не на Коткина, а на Проскурину, — мы умираем от жажды. Ты меня заставляешь подниматься, хоть знаешь, что мне нельзя.

— Да, — засуетился Коткин. Он понял, что не стоило брать Глаз домой.

— А от тебя, Лариса, я этого не ожидала, — сказала Зина.

— Ожидала, — возразила Проскурина. — Чего я сказала новенького?

Вечер кончился неудачно, все быстро ушли. Коткин отпаивал Зину корвалолом, а она отворачивалась и отталкивала рюмку, лекарство капало на пол, и Зина жаловалась, что Коткин загубил ее жизнь, разбил любимую чашку, поссорил с подругой. Слова ее были несправедливы и неумны. Коткин устал, и в нем накапливалось странное, тяжелое раздражение, которое жило в нем давно, которое он всегда подавлял в себе, потому что оно было направлено против Зины. Ему пора было повиниться во всем, но он не стал этого делать, чем еще больше разгневал Зину. Хотелось спать, но надо было убраться, а потом набросать статью для «Вестника»: он обещал Чельцову, а завтра последний срок.

— Зиночка, — сказал Коткин, внося в комнату портфель, — я думаю, тебе будет интересно поглядеть на одну штуку, которую мы сделали. Кажется, мы добились...

— Помолчи. Я уже все это слышала.

И все-таки Коткин достал Глаз и показал ей. Глаз был мало похож на настоящий, скорее напоминал небольшую непрозрачную черную рюмку. Плоским основанием ножки он мог крепиться ко лбу, а в самой рюмке, заполняя ее, помещался приемник, и выпуклая поверхность искусственного зрачка казалась глубокой и бездонной. Когда Глаз включался, в глубине загорался холодный бесцветный огонек.

— Убери эту гадость, — приказала Зина. — На паука похоже.

А Коткину Глаз казался красивым.

— Зина, — сказал Коткин. — Мы четыре года бились, и вот он работает.

Зина тяжело вздохнула, у нее не осталось сил спорить, и она отвернулась к стене. А Коткин все не раскаивался. Он собрал поднос и понес его на кухню.

— Погаси свет, — сказала Зина слабым голосом. — Неужели ты не видишь, как мне паршиво?

Спать, к счастью, расхотелось. Он выключил верхний свет, забрал свои бумажки со столика и устроился на кухне. Он сидел так, чтобы можно было, обернувшись, увидеть Зину: диван, освещенный настенным бра, похожим на маленький квадратный уличный фонарь, вписывался в прямоугольник двери.

«Ну что ж, поработаем, — сказал себе Коткин, — ничего страшного не случилось». Он начал писать и понемногу втянулся в работу, потому что давно уже привык работать в неудобное для других время, в неудобных местах, потому что работать надо было всегда, а никому не было дела до того, как Коткин это делает.

Чтобы Глаз не мешал, Коткин закинул его за спину, а потом включил его, потому что таким образом можно смотреть на Зину и, если ей будет нужно, подойти.

С Глазом на спине работать было трудно. Трудно смотреть на лист бумаги, на свою руку и в то же время видеть дверь в комнату, диван, лампу, похожую на уличный фонарь, и круглую спину Зины. Он видел каждый волос на ее голове, видел облезший лак на ногтях закинутой на затылок руки.

Коткин полагал, что Зина переживает ссору с Проскуриной. На самом же деле Зина уже забыла о Проскуриной, потому что умела пропускать мимо ушей неприятные слова. Все эти десять лет она пробыла в глубокой уверенности, что облагодетельствовала Коткина и потому душевно его превосходит. И вот, разглядывая потертый узор спинки дивана, Зина вдруг почувствовала в себе силу прекратить это прозябание с ничтожеством, поняла, что, если сегодня она прикажет ему выматываться окончательно и всерьез, перед ней откроется яркая, интересная жизнь. Жизнь, начать которую мешает Коткин. Она повернула голову и увидела в проем двери сгорбленную спину мужа. Он, как всегда, писал свои бездарные штучки, и на спине его поблескивал глупый приборчик, которым он пытался хвастать, заставив ее краснеть перед гостями. «Господи, — подумала она, глядя на эту жалкую спину, — ради кого я угробила десять лет!»

Это было неправдой, потому что решение отделаться от Коткина она принимала уже много раз, но когда вспышка гнева проходила, она начинала рассуждать здраво и откладывала разрыв на более удобное время.

Глаз уловил ее движение, увидел, как она повернула голову. Коткин зажмурился, а рука привычно потянулась к пузырьку с корвалолом.

Он не подумал о том, что Глаз — чужой. Что он видит лучше, чем его глаза, привыкшие ко всему и примирившиеся со всем. Он смотрел на Зину так, словно это был не он, а другой человек, увидевший ее впервые, четко, до мельчайших деталей. Круглолицая, голубогла-

зая женщина, сжав красивые губы, устало смотрела на затылок Коткина, и Глаз тут же сообщил мозгу, что этой женщине смертельно надоел этот затылок, что ей надоело презирать Коткина — всего, до подошв на ботинках, презирать его вечную покорность и неумение одеваться, что она устала стесняться его перед своими друзьями, устала ждать чего-то и что ей страшно подумать о том, что этому прозябанию и конца не видно.

Коткин даже испугался того, что увидел. Он не был готов к этому. Он выключил Глаз и обернулся к Зине. Она смотрела на него с вызовом, словно бросилась в воду и теперь придется плыть до того берега.

— Ты что? — спросила она.

— Зина...

— Тридцать три года Зина. Оставь меня в покое! Убирайся куда угодно. В общежитие. К своему Верховскому. Куда-нибудь, только оставь меня в покое...

Это уже было. Год назад, полгода назад. И всегда Коткин жалел Зину и корил себя за то, что мало о ней заботился. Но тогда не было Глаза.

— Хорошо, — ответил Коткин так же, как отвечал на эти слова год и полгода назад. — Хорошо. Конечно, я уйду.

Он снял Глаз, отцепил присоски и осторожно спрятал его в портфель.

— Ничего твоего в этом доме нет, — сказала Зина.

— Нет, — как всегда, согласился Коткин.

Он разложил на кухне свою раскладушку. Он нередко спал в кухне на раскладушке, а Зина, разочарованная легкой победой, достала из шкафа одеяло и заснула на диване сразу, словно провалилась.

И Коткин вдруг понял, что он ни в чем не виноват перед Зиной. Это было удивительное чувство — не быть виноватым. И когда он проснулся утром, рано, часов в семь, ему показалось, что он спал всего несколько минут, и те мысли, с которыми он засыпал, сохранились, и он мог продолжить их с той точки, в которой его застал сон.

4

Коткин согрел чайник, собрал свои бумаги, самые нужные книги и кляссеры с марками. Зина мирно посапывала на диване. Коткин поправил на ней одеяло и попытался понять, что же случилось, что изменилось, почему он не виноват? Может, он вчера расплатился наконец с долгами? Ну да, расплатился и ничего никому не должен. Это было чудесно: никому ничего не должен!

Он оставил на столе квитанции из прачечной и химчистки и двадцать рублей, которые у него были с собой, вышел на лестницу, остановился, посмотрел на дверь, к которой подходил тысячи раз, и испытал новую радость от того, что никогда уже к ней не подойдет.

Он шел по улице, люди спешили на работу, а он не спешил, потому что у него был целый час впереди. Он представил, как удивится Верховский, когда узнает, что он, Коткин, тоже поедет на конференцию. Верховский обрадуется, и они оба приедут в Баку, будут жить в гостинице и есть шашлыки. Он встретится с Гюнтером Брауном, который писал, что отправится в Баку специально, чтобы познакомиться с профессором Коткиным. А о Зине он не думал.

Коткин сел на лавочку на бульваре и стал глядеть на прохожих.

По бульвару шла пожилая сухонькая женщина. Она шла, выставив перед собой палку и постукивая ею по земле. Она шла уверенно, не спеша, и голова ее была откинута назад. Коткину вдруг показалось, что это его мать, — у него даже в затылке застучало, хотя этого и быть не могло, и не было.

Женщина, поравнявшись с ним, остановилась, поводя палкой перед собой, подошла к скамейке и дотронулась до нее палкой.

— Садитесь, — предложил Коткин.

— Спасибо, — сказала женщина. Она села и обернулась к Коткину. Казалось, что она видит его. Женщина сказала, улыбнувшись чуть виновато: — *Я часто выхожу из дому пораньше. Утром здесь так хорошо...*

— Вы работаете? — спросил Коткин.

— Конечно. А что мне еще делать?

— Извините, а что вы делаете? — Коткин знал ответ заранее: она учительница.

— Я преподаю. В техникуме. Мне племянница помогает быть в курсе новостей. Ну, и радио слушаю, телевизор слушаю...

— Я сегодня тоже вышел из дому пораньше, — сказал Коткин. — Обычно спешишь, опаздываешь. А вот сегодня так получилось.

Женщина кивнула. Тогда Коткин спросил то, о чем не успел спросить у матери:

— Простите, вам трудно жить?

— Странный вопрос... Нет, мне нетрудно. Правда, бывает, я жалею о том, что мне недоступно. Но чаще об этом не думаю. Зачем растравлять себя? Я счастливее многих. Я ослепла в войну и многое помню. Я помню листья, цвет неба, деревья, дома и людей. Я могу представлять. Хуже тем, кто слеп с рождения. Правда, и у них есть свои преимущества.

— А если бы вам сказали, что сегодня вы сможете видеть снова?

— Кто сказал бы?

— Я.

Женщина улыбнулась.

— Самая большая радость — делать другим подарки. Волшебников все любят.

Коткин раскрыл портфель. Он знал, что этого делать нельзя. Чельцов ему голову снимет и правильно сделает.

— Сейчас вы сможете видеть, — сказал он. — Только слушайтесь меня. Я укреплю у вас на висках присоски... Вы не боитесь?

— *Почему я должна бояться? Просто мне будет обидно, когда ваша шутка кончится. Она жестокая, но вы об этом не подумали.*

— Это не шутка, — возразил Коткин. — Погодите.

Неловкими пальцами он стал отводить волосы с висков женщины, чтобы присоски держались получше. Она все еще старалась улыбаться. Коткин укрепил на лбу женщины обруч с приемником. Двое малышей с лопатками подошли к ним поближе и смотрели, что он делает. Коткин вложил выключатель в ладонь женщины.

— Пожалуй, — предупредил он, — вам не следует смотреть на ярко освещенные предметы. Наклоните голову. Вот тут нажмите.

Тонкий худой палец женщины замер над кнопкой, и Коткин, положив поверх свою руку, надавил на палец. Кнопка щелкнула.

Женщина молчала. Она сидела, склонив голову, и Коткин не решался заглянуть ей в лицо.

Потом женщина с трудом подняла голову, повернулась к Коткину, и он увидел загадочный холодный огонек, горящий в приемнике. Из незрячих глаз покатились слезы. *Они, как дождь на стекле, оставляли ломаные дорожки на белой сухой коже.*

Коткину было неловко. Он поднялся и сказал:

— До свидания. Я, понимаете, поступаю неправильно, я не имел права... Потом, когда придете в себя, позвоните мне по этому телефону, моя фамилия Коткин.

И на листке, вырванном из записной книжки, написал свой институтский телефон.

ЕСЛИ БЫ НЕ МИХАИЛ...

1. МАРИНА:

— Разумеется, я расскажу обо всем по порядку. Мне нет никакого смысла что-нибудь скрывать, тем более что я с самого начала подумала — лучше бы мне остаться дома. Но Рая такая милая, вы не представляете, какая она чудесная женщина, всегда готова помочь, никогда ни в чем не откажет, а потом, с ней по-человечески интересно. У меня немного друзей и, знаете, с возрастом становится все меньше, но я иногда говорила себе, что жизнь имеет смысл, если среди нас еще существуют такие люди, как Рая. С ее мужем я была знакома раньше, но очень поверхностно. Я знала, что ей с ним нелегко. Он подавал надежды, изобрел что-то интересное, ему прочили большое будущее, но он стал самым обыкновенным конструктором, не лучше других, а может, даже хуже. Ну и что из того? Но Михаил всегда помнил о том часе, когда он был у всех на виду, о своем звездном часе, вы читали у Цвейга? А неудачи свои он никому не прощал. И меньше всех прощал их Рае, которая кормила его, одевала, брала на дом рабо-

ту, если он уходил из очередного института, потому что ему, видите ли, завидовали. В общем, такие люди бывают везде, с ними всем тяжело, но домашним всего тяжелее. Вы меня понимаете? Нет, это относится к делу, непосредственно относится, потому что все бы сложилось иначе, будь у Михаила другой характер, или если бы Рая была не такой, какая она есть, или если бы я вела себя по-другому.

Ну вот. Рая позвала меня поехать с ними за грибами. Все знают, как я люблю собирать грибы. Бывает, что окружающие соберут по десятку сыроежек, а я никогда не возвращаюсь без полной корзины. У них есть один знакомый художник, я не помню его фамилии, он вообще где-то на заднем плане остался, мы приехали, погода так себе, собирается дождь, посидели с художником, он один живет, а потом художник уехал в Москву и оставил нас на даче. Все еще было ничего, но потом Михаил спрашивает:

— Вы когда собираетесь вставать?

А нас разморило с дороги, да мы в тот день работали, устали, мы и говорим, что спешить не собираемся. Когда встанем, тогда встанем. Михаил говорит:

— Я вас подниму в шесть утра.

Мы просим: ну хотя бы в восемь. А он отвечает, что если мы хотим отправиться в лес просто так, играть в бадминтон, то мы вольны поступать как нам вздумается, он же встанет в шесть и отлично обойдется без нас. Ну я вижу, что человек уже заводится — он несколько раз за вечер пытался взбунтоваться на разные темы, но все ему не удавалось. Рая сразу шла на компромисс, а у него не было еще достаточно запала, чтобы устроить войну. Мы с ним не стали спорить, легли спать, в шесть меня Рая разбудила, мы собрались, приготовили завтрак, а Михаил, естественно, спит и не собирается вставать. Мы его спрашиваем: зачем же нам было подниматься ни свет ни заря? А он, не раскрывая глаз, начинает вещать, что погода плохая и никаких грибов здесь нет, а кроме того, он приехал отдыхать, — в общем, выдает весь наш текст, только с другой стороны.

Мы вышли из дома в половине десятого и направились к лесу. Погода в самом деле ненадежная, и с полдороги Михаил начинает уверять нас, что сейчас начнется гроза, и мы все вымокнем, и надо спешить домой, и что это за дурацкая идея пойти за грибами в такую погоду? Грозы, правда, никакой не намечалось, мог пойти самый обыкновенный дождик, в жару в лесу это даже приятно, не сахарные, не растаем.

Тут выглянуло солнце, и тогда Михаил начал рассказывать, что ему угрожает солнечный удар, и растительность ему там не нравится, и сейчас вот-вот налетят комары. В таком настроении мы вошли в лес.

В лесу Михаил сразу сообщил нам, что если тут когда-нибудь и были грибы, то до революции и до демографического взрыва. Теперь

же здесь больше населения, чем грибов. Но если в поле я готова была вообще повернуться и уехать в Москву и только жалость к Рае меня удерживала, то в лесу я от них не зависела. Я сказала им «гуд бай» и пошла своей дорогой. Рая пыталась за мной последовать, но Михаил устроил представление на тему, что его никто не любит и все норовят бросить его на растерзание волкам и комарам. В результате я осталась совсем одна и до двенадцати собирала грибы в свое удовольствие.

Что вы спрашиваете? Как я нашла? Никто бы и не нашел, кроме меня. Я поднимала ветви елей, в кусты заглядывала — искала грибы, а нашла железку. Железка из земли высовывалась сантиметра на два, не больше, будто когда-то, тысячу лет назад, в землю попала и вглубь ушла. Меня удивило, что никакой ржавчины. Блестит. У меня ножик с собой был. Я вокруг ножиком хвою отгребла, пошатала, она из земли вышла. Какая она была? Ну я ведь ее вам рисовала, описывала. Ладно, повторю. Длиной она была сантиметров в двенадцать, похожа на кристалл, но сбоку что-то вроде шестеренки высовывается. И она мне показалась интересной, не то чтобы красивой, но интересной. Как будто абстрактная скульптура. Я подумала, что если ее поставить на буфет, то она будет смотреться лучше любых безделушек. Она была тяжелая, но в меру. Я вернулась на полянку, где мы договорились встретиться, а Михаил уже рвет и мечет: «Зачем мы с ней связались! Полдня потеряли! Грибов совсем нет, я бы лучше дома отдохнул». Это все относится ко мне, но я не реагирую, а показываю им корзинку с грибами. Михаилу хочется, вижу, сказать, что я сбегала на соседний рынок и купила их по рублю кучка, но сказать он так не может и потому заявляет, что грибы эти не стоят выеденного яйца и все они поганки, даже те, что кажутся белыми, и вообще это не белые, а сатанинские грибы, есть такие поганки, но их каждый дурак от белого отличит. В общем, Рая уже близка к слезам, и она раскаивается, что меня завлекла, но я-то не очень расстраиваюсь... Тут Михаил видит у меня железку и заявляет, что железку надо выкинуть по возможности скорей, и вообще он не понимает, как только люди могут разбрасывать по лесам железо, словно это я разбрасываю по лесам железо, и он вырывает у меня из рук железку и со словами, что мы губим природу, кидает ее в кусты, я пытаюсь сохранить чувство юмора и отвечаю, что это он сам губит природу. Я хотела поставить железку в комнате у себя, и она там никому бы не мешала. А здесь, в кустах, наверняка на нее какой-нибудь заяц напорется. С этими словами я лезу в кусты, подбираю железку и несу ее дальше. Михаил ворчит, но мне его приказы не закон.

Потом, когда мы уже ехали в электричке, Михаил еще раз бросил взгляд на железку и заинтересовался. Он стал ее крутить и так, и эдак и увидел в железке какую-то не такую ось симметрии и в шестеренке тоже что-то углядел и принялся ругать конструкторов, которые до та-

кой простой вещи раньше не додумались, а додумались другие и с ним, Михаилом, своими мыслями не поделились. И потом он вообще забрал у меня железку и говорит, что должен показать ее начальству, потому что все это безобразие — им фондов не дают, а кто-то другой выкидывает их на ветер. Я отвечаю, что расставаться с железкой не намерена и я ее на буфет поставлю. Михаил чуть ли не в слезы, я бы не отдала, но Рая такими умоляющими глазами на меня глядела, что пришлось отдать, а он слово дал, что обязательно вернет, как только покажет своему начальству. Больше я этой железки не видела.

2. РАИСА:

— Мне очень трудно говорить о собственном муже. Я понимаю, у него множество недостатков, но кто из нас лишен недостатков? Михаил большой ребенок. У него была нелегкая жизнь, и ему пришлось сталкиваться с несправедливостями и непониманием. Я уверяю вас, он очень талантливый конструктор, и, может, моя вина в том, что я не подталкивала его, не развивала в нем тщеславия и даже ему потакала. Как мать, которая знает, что баловать дитя нельзя, но все равно балует. Поэтому за все, что случилось, я беру вину на себя.

Что вы говорите? Да, конечно, мне следовало тогда, в электричке, встать на сторону Марины. Но я очень устала в тот день: мы много ходили по лесу, грибов было мало, у Михаила испортилось настроение, и, когда я увидела, что ему хочется получить эту игрушку, я решила, пускай уж балуется, может, она пригодится ему для развития конструкторской мысли. Ему иногда достаточно небольшого толчка, чтобы его фантазия начала работать, а ведь в конечном счете это идет на пользу всем людям. А у Марины это украшение стояло бы на буфете без всякой пользы.

Марина меня послушалась, она чудесная, умная и добрая девушка, и, хоть ей очень не хотелось расставаться с железкой, она ее отдала Михаилу.

Дома Михаил весь вечер чертил что-то на листе бумаги, говорил, что его потрясает сказочная асимметрия этой железки, он ее со всех сторон рассмотрел и измерил, сказал, что куда-то понесет, однако я относилась к этому скептически, потому что Михаил не раз уже так загорался и потом остывал. Вот и к железке он остыл дня через два. Она валялась у него на столе, и я сказала Михаилу: «Давай вернем ее Марине. Марина меня уже спрашивала». Он, разумеется, вскипел, и тогда я перестала спорить, а утром тихонько унесла железку на балкон и там положила. Я рассудила, что если я отдам ее Марине сразу, то Михаил может спохватиться и будет очень оскорблен. А если он спохватится сейчас, я скажу — она на балконе. Пройдет еще несколько дней, и он забудет.

Нет, я не заметила тогда никакой разницы. Ни в весе, ни в размере. А на следующий день пошел сильный дождь, Михаил выглянул в

окно и увидел, что железка лежит на балконе. Он очень огорчился. Он принес железку с балкона, вытер и сказал мне, что я совершенно не думаю о его будущем. Извините, что я так говорю о Михаиле, но в тот момент я вела себя невыдержанно, сказала, что все эти игрушки только составляют видимость жизни, а настоящая жизнь проходит мимо, в общем, я была груба, накопилось многое, и я несправедливо напала на Михаила. А после тяжелого разговора я ходила прибитая, как собачонка, а Михаил тоже стал мрачный и начал снова измерять эту железку и что-то чертить. Потом, когда я уже накормила его ужином и он снова стал со мной разговаривать, он вдруг предъявил мне претензию, будто я ему подсунула неправильную линейку. Я ничего не поняла. Какая неправильная линейка? Все линейки одинаковые. Нет, говорит, я ему все измерения испортила, где его линейка? Ну, я нашла его линейку, он снова свою железку смерил, что-то записал, совсем расстроился. А я хотела его пожалеть, подошла поближе, он сначала не хотел со мной разговаривать, ворчал, потом смилостивился и показывает мне железку. «Немного, — говорит он, — подросла». Я смотрю, ничего не вижу, но спорить с ним не стала, думала — переутомился. Только вечером, когда Михаил ушел куда-то, я взяла железку, пригляделась, и мне показалось, что сбоку у нее появилось второе колесико, маленькое, совсем миниатюрное, как горошинка. Где показать колесико? На этом рисунке? Так вот здесь оно было.

И тут я совершила еще одну ошибку. Я сказала Михаилу, что, может, пора показать железку специалистам. Вдруг они ее потеряли и теперь ищут. Я даже попыталась на самолюбие Михаила подействовать. «Тебе же, — говорю, — интуиция подсказывает, что с железкой неладно. С первого мгновения». — «Нет, — говорит, — интуиция меня обманула». И велел больше к нему не приставать, потому что он сам примет решение. Мне бы самой принять меры, но дел у меня по горло... Я в последний раз сказала, что на его месте я бы все-таки... и так далее. Он вспылил и сам железку в помойное ведро бросил. Я ее потихоньку снова на балкон вынесла, чтобы Марине вернуть.

Прошло дня три-четыре. Я на железку и не смотрела. Дожди были? Да, как раз все эти дни дожди шли. Я только на четвертый день на балкон вышла, вечером, цветочки посмотреть. Уже стемнело, и, когда я о железку споткнулась, не сразу поняла, в чем дело. Лежит большая, сложная, с колесиками в разные стороны, а когда я нагнулась и попыталась ее поднять, вижу, что она проломила ящик на балконе, в котором земля и цветы посажены. Лежит она, поблескивает в сумерках, а я так перепугалась, что кричу Михаилу, чтобы бежал на помощь. Он пришел, сделал вид, что не удивился, и даже говорит: «Я это предвидел». Меня, конечно, черт потянул за язык: «Ты предвидел, что твоя железка ящик с цветами сломает?» А он серьезно ответил: «Это самопроизводящая автоматическая система, я подозреваю, засланная с иных миров для сборки и накопления информации». Может, я

и неправильно слова его запомнила, но смысл точный. А я тогда добавила масла в огонь: «Вот она в помойном ведре и собрала бы информацию». А он осторожно ее поднимает, молча несет в комнату, кладет прямо на скатерть, словно хрустальную вазу. Я тогда тоже ее разглядела. Если раньше ее можно было назвать железкой, то теперь это была целая машина. Даже то колесико, которое было размером с горошинку, стало с мою ладонь, да не просто колесиком, а тройным, переливающимся, и если его тронуть, то начинало вертеться. И шестеренок я насчитала восемь. Там и проводки были, и кристаллы — все, что угодно. Не могу сказать, что поверила в то, будто это автоматическая система, но, конечно, удивилась и сказала: «Ну уж теперь ты отнесешь эту штуку?» А он посмотрел на меня как-то даже испуганно и говорит: «Ты с ума сошла! Это же мой шанс!» Уволок машину в угол, к себе на письменный стол, и начал ее обрисовывать, мерить, взвешивать, как мальчик с новой игрушкой — не отдам, и все! А что мне прикажете делать? Звонить в милицию или в Академию наук? У нас, видите ли, есть железка с колесиками, в лесу нашли, она на балконе растет, и мой муж считает, что ее нам марсиане подкинули, чтобы собирать информацию.

В тот вечер он засиделся с ней допоздна. Я заснула, потому что устала за день, но была очень обеспокоена и ночью проснулась от какого-то неприятного предчувствия. Вижу, Михаил спит, голову положил на стол и уснул. А машина стала еще больше, почти весь стол заняла, банка с цветами лежит на боку, придавленная шестеренками, и из нее вода вылилась, но на полу сухо и на столе сухо. И вот тогда у меня возникло ощущение, что эта машина живая. Живая, умная, злая, ей хочется пить, но ей захочется и есть — и меня обуял ужас за Михаила. Я как закричу: «Миша! Миша! С тобой все в порядке?» А Миша поднял голову, тяжело так глазами мигает, ничего не понимает, где он, что с ним. Потом говорит: «Иди спать». Я послушалась, только не спала долго, ворочалась, переживала, понимала, что у Михаила сейчас внутренний конфликт.

Утром я уходила на работу, Михаил еще спал, я поглядела на машину. Вокруг бумаги набросано — просто ужас. Все исчеркано цифрами, формулами, рисунками. Одно из колесиков валялось отдельно. Я поглядела — может, само образовалось. Но потом вижу — лежит напильник и много металлической трухи. Значит, отпилил. Я хотела его спросить об этом, но не решилась будить, ему на работу скоро. Поставила будильник на полдевятого и ушла. Днем у меня очень плохое настроение было. Я даже Михаилу позвонила на службу. Говорят, нет его. Тогда я домой позвонила. Михаил долго не подходил к телефону, подошел наконец, голос злой. Я спрашиваю: «Как дела?» Он отвечает: «Все в порядке, занят». Спрашиваю: «Может, плохо себя чувствуешь?..» — «Нет, чувствую себя нормально». Я тогда сдуру упрекнула его за то, что он от машинки колесико отпилил. Вы бы зна-

ли, что тут случилось! «Ты, — говорит, — не могла бы всей Москве растрезвонить? Я, — говорит, — ночью не сплю, проникаю в тайну прибора, от которого зависит мое будущее. Это же единственная и, может, последняя для меня возможность сделать рывок в бессмертие». Так и сказал: «в бессмертие». «Я, — говорит, — должен сегодня, сейчас, понять функциональный смысл этой машины. Это, — говорит, — дар богов мне лично, вызов моему самолюбию и таланту». И повесил трубку.

Еще часа два я на работе помаялась, потом отпросилась и бросилась домой. Уж очень Михаил был нервный. Как бы чего не натворил. Мне и Мишу жалко было, и машинку тоже, я понимаю, что не может быть сравнения между живым и близким человеком и неизвестно откуда взявшейся железкой. Но у меня к ней было какое-то странное чувство, словно она живая. Я троллейбуса долго ждала, потом вспомнила, что дома есть нечего, в магазин забежала, сама виновата — когда пришла, Михаила дома нет, и машинка лежит вся разломанная на мелкие детали. Я даже заревела. В квартире чад, он еще записки и бумаги жег. Не выдержал напряжения, не справился с собственным шансом. Этого я и боялась. Тут открывается дверь, и появляется мой Михаил. Навеселе, море ему по колено. «Что ты наделал?» — спрашиваю. А он расстроился, что я раньше времени пришла. «Зачем, — говорит, — трогала? — А потом подумал и новую версию мне выдает: — Это, — говорит, — чуждый нам разум. Зловещий. Я его понять не в силах, и человечество не в силах. С ним надо бороться...» А я-то вижу, что он от собственного бессилия.

3. МИХАИЛ:

— Мне вообще непонятен этот допрос, и я считаю, что вы не имеете права. Ну ладно, пускай не допрос, пускай беседа, однако здесь мы не на равных. Я не считаю себя в чем-либо виноватым. Я руководствовался разумными соображениями — это изделие чуждого нам и враждебного разума, и если бы я не уничтожил его собственными руками, весь мир мог бы от этого погибнуть. Какие у меня основания так полагать? Мой опыт. Мой опыт инженера и изобретателя, моя интуиция, в конце концов.

— Вы нелогичны, Михаил Анатольевич. Если вы так уверены в своей правоте, что заставило вас на следующий день собрать детали и отнести их в институт?

— Я убил эту тварь. Но ее части могли пригодиться науке. Мой шаг очевиден.

— Вы это сделали по настоянию жены?

— Ни в коем случае. Моя жена малообразованный человек, и она не могла понять мотивов моих поступков. А что, она вам и это рассказала?

— Нет. Она этого не рассказывала. Я предположил, что, увидев

плоды вашей исследовательской деятельности, она решила отнести остатки куда-нибудь, а вы испугались и сделали это сами.

— Значит, рассказывала.

— Так и было?

— Это непринципиально.

— Вы полагали, будто сможете показать окружающим, что стоите большего, чем они о вас думают. А когда поняли, что это сооружение выше вашего понимания, что вам из него ничего не извлечь, вы разломали его, чтобы оно не попало в руки тем, кто сможет понять, разобраться, а вас при этом не будет, вашего участия не потребуется.

— Если вы собираетесь мне угрожать, я поднимусь и уйду. Я не был заинтересован в этой штуке. Я защищал человечество от угрозы извне. Вы можете навязывать мне любые мысли, но я вас не боюсь, я никого не боюсь, ни здесь, ни в другом месте.

— Хорошо. Я, видно, не смогу поколебать вашу уверенность в себе. Хотя, подозреваю, ее и не было с самого начала. Но зачем вы сожгли утром все ваши записи и рисунки? Они могли бы нам помочь.

— Понимание опасно. Это игрушка, присланная нам издалека для того, чтобы потом поработить человечество.

— Мне приятнее было бы думать, что вы искренни. Но, к сожалению, я не могу вам поверить. Вы хотели забыть об этом, как забываете о своих неудачах, взваливая ответственность за них на других людей. Но когда вы увидели, что ваша всегда покорная жена все-таки собрала остатки железки и собирается отнести их, вы поняли, что на этот раз вам не удастся настоять на своем, и бросились к нам со своей первой версией. Вы помните свою первую версию?

— У меня всегда была одна версия.

— Я напомню. Вы пришли к нам и сообщили, что нашли в лесу эти детали. Как есть. А потом запутались в своем рассказе, и мы вам не поверили. Вы даже не смогли назвать место, в котором это случилось. Потом на сцене появилась ваша жена...

— Я не хотел вовлекать в эту историю близких мне людей.

— Сомнительно...

4. МАРИНА:

— Вот этот лес... Конечно, я помню. Здесь Михаил начал капризничать, что пойдет дождь и нам надо спешить обратно. А вот оттуда, от кустиков, я пошла одна. Вы думаете, что это была разумная машина? Представляете, какой ужас — я собиралась ее поставить на буфет как украшение! И еще эта история, когда Рая рассталась с Михаилом, я как будто чувствую свою вину — не отдала бы я железку, все бы осталось по-прежнему. Вы не думайте, что я жалею Раю. Нет, ей давно надо было с ним разойтись — это не жизнь, а сплошная каторга. Но все-таки семья...

Теперь левее, вот по этой дорожке. Я обычно никогда не хожу по

дорожкам, но в то утро я сразу увидела, что мы опоздали и тут уже прошли грибники, поэтому я сначала углубилась в лес, шагов на двести, а потом уже стала искать. Здесь я первый гриб нашла. А скажите, вы тоже думаете, что эта штука нам угрожала? Нет? Я тоже так не думаю, она была такая милая, красивая. Но если она машина, почему она росла и питалась? Я знаю, мне Рая рассказывала, как она всю воду у цветов выпила. Значит, Михаил совершил убийство? Я читала один фантастический роман, там как раз поднимается эта проблема, что ни в коем случае нельзя стрелять по представителям иноземных цивилизаций, даже если они совсем не похожи на людей. Конечно, Михаил совершенно не прав, и когда мы обсуждали на работе эту проблему... Ну и что, если вы просили не говорить, но как можно не говорить, если там и я, и Рая, и все ее проблемы, все равно нам мало кто поверил. Когда мы обсуждали, то Темников, а он очень образованный и умный, сказал, что долг Михаила был найти контакт с этим существом, а не пороть панику и не заниматься уничтожением. Я не осуждаю Михаила, то есть я его осуждаю, но не настолько, потому что я тоже перепугалась бы и убежала... Куда теперь? Дайте подумать. Направо, дойдем до овражка и перейдем его. Хорошо, что я надела резиновые сапоги, там мокро внизу. А ведь у вас должна быть своя версия. Как вы думаете, она инопланетная? А как она прилетела?

— Нам, Марина, трудно сделать окончательные выводы. Мы полагаем, что эта штука попала к нам из космоса. Но вам расскажешь, а вы тут же побежите поднимать панику в масштабе всей Москвы. Вас не удержать.

— Я никому лишнего не скажу, на меня можно положиться. Знаете, как меня в институте девчата звали? Маринка-могилка, это потому, что никто не умел лучше меня держать секреты. А как же она попала на Землю? Ее сбросили с космического корабля? Да? Они за нами следят, я в кино смотрела, они прилетают, строят нам пирамиды и статуи на острове Пасхи. А вы знаете о Баальбекской террасе? Ее совершенно невозможно построить без инопланетной техники. А теперь все-таки признайтесь: это был такой разведчик, который должен выяснить, насколько мы развитые и стоит ли нам помогать?

— Мы должны вас разочаровать, Марина. Никто нам эту штуку не кидал, и вряд ли она может быть использована как разведустройство. В ней ничего подобного нет. Это живой организм.

— Железный?

— Нет, не только железный. У него сложный состав.

— Я всегда говорила, что Михаил может убить человека. У него такой особенный взгляд. А вы думаете, что его товарищи могут скрываться тут же в лесу и ждать нас? А если они захотят отомстить за своего товарища? Вам выдают пистолеты?

— Взгляд у Михаила Анатольевича самый обыкновенный, быва-

ют и хуже. Он просто понял свое бессилие перед тем, с чем столкнулся. Он этого не смог вынести. Вот и отомстил.

— Железке?

— Да. Железке. И себе. И всем, кого считает своими недоброжелателями. Но это долгий разговор. Мы скоро придем к тому месту?

— Да. Уже рядом. У меня отличная зрительная память. Вот сейчас будет ельничек, а потом то место. А если вы думаете, что его товарищи нас не ждут, почему мы идем в лес? Я там хорошо смотрела. Там только одна такая штука была. Маленькая совсем.

— Мы верим вам, Марина. Но если наши подозрения правильны, то мы можем увидеть и другие такие же железки.

— Но почему никто не заметил, как они падали? Ведь если они падали, обязательно бы раскалились и показались метеоритами. Здесь не Сибирь, а Подмосковье. Кто-нибудь обязательно бы заметил. А особенно если несколько метеоритов.

— А если это были не метеориты?

— А что же?

— Микроскопические споры.

— Споры?

Марина не успела выяснить, что же они имеют в виду. Впереди, среди елей, что-то блестело. Они пробежали несколько шагов и оказались на небольшой полянке, окруженной густым ельником. На полянке стояло три дерева. Деревья были металлические и чем-то напоминали на первый взгляд новогодние елки, потому что были густо увешаны какими-то геометрическими деталями, шарами, зубчатыми колесами, и все эти украшения двигались под ветром, позвякивали друг о дружку. Деревья были довольно большими, выше Марины, они стояли крепко, и стволы их у самой земли расходились трубками, как будто они стояли на ножках от торшера.

— Чего же вы мне раньше не сказали! — воскликнула Марина, останавливаясь на краю лужайки.

— Мы не были уверены, — сказал профессор Смирнов.

— А это у них плоды?

— Нет, наверно, нечто вроде листьев. Ими они собирают солнечную энергию.

— И вот они прилетели сюда микроскопическими спорами?

— Наверно.

— А какие же у них будут плоды?

— Вот это самое интересное.

— Как жаль, что Рая не видит... Знаете что, не говорите пока Михаилу, что вы нашли их. Пускай помучается, что погубил первый саженец.

ВЫБОР

Было душно, хотелось устроить сквозняк, но все время кто-нибудь закрывал дверь. Я устал настолько, что минут пять, прежде чем поднять трубку, старался придумать правдоподобный предлог, который помешает мне увидеть Катрин. А потом, когда набирал номер, я вообразил, что Катрин сейчас скажет, что не сможет со мной встретиться, потому что у нее собрание. Катрин сама сняла трубку и сказала, что я мог бы позвонить и пораньше. Возле стола с телефоном остановился Крогиус, положил на стол сумку с консервами и сахарным песком — он собирался на дачу. Он стоял и ждал, пока я не закончу разговор, жалобно глядя на меня. Катрин говорила тихо.

— Что? — спросил я. — Говори громче.

— Через сорок минут, — сказала Катрин. — Где всегда.

— Все, — кивнул я Крогиусу, положив трубку. — Звони.

— Спасибо, — обрадовался Крогиус. — А то жена с работы уйдет.

У входа в лабораторию меня поджидала девочка из библиотеки. Она сказала, что у меня за два года не уплачены взносы в Красный Крест и еще что мне закрыт абонемент, потому что я не возвратил восемь книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере две из них взял у меня Сурен. А Сурен уехал в Армению.

— Вы будете выступать в устном журнале? — спросила меня девочка из библиотеки.

— Нет, — ответил я и улыбнулся ей улыбкой Ланового. Или Жан-Поля Бельмондо.

Девочка сказала, что я великий актер, только жалко, что не учусь, и я сказал, что мне не надо учиться, потому что я и так все умею.

— С вами хорошо, — вздохнула девочка. — Вы добрый человек.

— Это неправда, — сказал я. — Я притворяюсь.

Девочка не поверила и ушла почти счастливая, хотя я ей не врал. Я притворялся. Было душно. Я пошел до Пушкинской пешком, чтобы убить время. У Зала Чайковского продавали гвоздики в киоске, но гвоздики были вялыми, к тому же я подумал, что, если мы пойдем куда-нибудь с Катрин, я буду похож на кавалера. Мной овладело глупое чувство, будто все это уже было. И даже этот осоловелый день. И Катрин так же ждет меня на полукруглой длинной скамье, а у ног Пушкина должны стоять горшки с жухлыми цветами и вылинявший букетик васильков.

Так оно и было. Даже васильки. Но Катрин опаздывала, и я сел на пустой край скамьи. Сюда не доставала тень кустов, и потому никто не садился. В тени жались туристы с покупками, а дальше вперемежку сидели старички и те вроде меня, которые ожидали. Один старичок громко говорил соседу:

— Это преступление — быть в Москве в такую погоду. Преступление.

Он сердился, будто в этом преступлении кто-то был виноват. Кат-

рин пришла не одна. За ней, вернее рядом, шел большой, широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался обманщиком. На мужчине была белая фуражечка, а если бы было прохладнее, он надел бы замшевый пиджак. Я смотрел на мужчину, потому что на Катрин смотреть не надо было. Я и так ее знал. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин отыскала меня, подошла и села. Мужчина тоже сел рядом. Катрин сделала вид, что меня не знает, и я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина сказал:

— Здесь жарко. Самый солнцепек. Можно схватить солнечный удар.

Катрин смотрела прямо перед собой, и он любовался ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее руки, но он не осмеливался, и его пальцы невзначай повисли над ее кистью. У мужчины был мокрый лоб и щеки блестели.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя мимо меня, прошептала одними губами:

— Превратись в паука. Испугай его до смерти. Только чтобы я не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Я наклонился вперед, чтобы встретиться с ним глазами, и превратился в большого паука. У меня было тело почти в полметра длиной и метровые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные смердящим ядом.

Мужчина не сразу понял, что случилось. Он зажмурился, но не убрал руку с локтя Катрин. Тогда я превратил Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод и слизь хитинового панциря. Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди и другой рукой взмахнул перед глазами.

— Черт возьми, — пробормотал он. Ему показалось, что он заболел, и, видно, как многие такие большие мужчины, он был мнителен. Он заставил себя еще раз взглянуть в мою сторону, и тогда я протянул к нему передние лапы с когтями. И он убежал. Ему было стыдно убегать, но он ничего не мог поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками. Старички смотрели ему вслед.

Катрин засмеялась.

— Спасибо, — кивнула она. — У тебя это здорово получается.

— Он бы не убежал, — объяснил я, — если бы я не превратил тебя в паучиху.

— Как тебе не стыдно, — укорила меня Катрин.

— Куда мы пойдем? — спросил я.

— Куда хочешь, — сказала Катрин.

— Где он к тебе привязался? — поинтересовался я.

— От кинотеатра шел. Я ему сказала, что меня ждет муж, но потом решила его наказать, потому что он очень самоуверенный. Может быть, пойдем в парк? Будем пить пиво.

— Там много народу, — возразил я.

— Сегодня пятница. Ты же сам говорил, что по пятницам все разумные люди уезжают за город.

— Как скажешь.

— Тогда пошли ловить машину.

На стоянке была большая очередь. Солнце опустилось к крышам, и казалось, что оно слишком приблизилось к Земле.

— Сделай что-нибудь, — попросила Катрин.

Я отошел от очереди и пошел ловить частника. Я никогда не делаю этого, только для Катрин. На углу я увидел пустую машину и превратился в Юрия Никулина.

— Куда тебе? — спросил шофер, когда я сунул голову Никулина в окошко.

— В Сокольники.

— Садись, Юра, — пригласил шофер.

Я позвал Катрин, и она спросила меня, когда мы шли к машине:

— Ты кого ему показал?

— Юрия Никулина, — ответил я.

— Правильно, — одобрила Катрин. — Он будет горд, что возил тебя.

— Ты же знаешь...

— Что-то давно тебя в кино, Юра, не видел, — сказал шофер, наслаждаясь доступностью общения со мной.

— Занят в цирке, — объяснил я.

Мне приходилось все время думать о нем, хотя я предпочел бы смотреть на Катрин. Катрин веселилась. Она прикусила нижнюю губу, и кончики острых клыков врезались в розовую кожу. Шофер был говорлив, я дал ему рубль, и он сказал, что сохранит его на память.

Под большими деревьями у входа было прохладно и все места на лавочках заняты. Впереди, за круглым бассейном, поднимался купол, оставленный американцами, когда они устраивали здесь выставку. Теперь тоже была выставка «Интер что-то-71». Я подумал, что если Гуров прочтет наш с Крогиусом доклад к понедельнику, то во вторник приедет в лабораторию. Крогиус сам не понимал, что мы натворили. Я понимал.

— Пойдем левее, — предложила Катрин.

В лесу, изрезанном тропинками, у какого-то давно не крашенного забора Катрин постелила две газеты, и мы сели на траву. Катрин захотела пива, и я достал бутылку из портфеля. Я купил ее по дороге с работы, потому что подумал, что Катрин захочет пива. Открыть бутылку было нечем, и я пошел к забору, чтобы открыть ее о верх штакетника. Перед забором была большая канава, и я подумал, что могу

ее перелететь — не перепрыгнуть, а перелететь. Но на тропинке показались две женщины с детскими колясками, и я перепрыгнул через канаву.

— Ты хотела бы летать? — спросил я Катрин.

Катрин посмотрела на меня в упор, и я заметил, как ее зрачки уменьшились, когда в них попал солнечный свет.

— Ничего ты не понимаешь, — фыркнула она. — Ты не умеешь читать мысли.

— Не умею, — согласился я.

Мы пили пиво из горлышка и передавали друг другу бутылку, как трубку мира.

— Очень жарко, — пожаловалась Катрин. — И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы.

— Я?

— Ты сказал, что тебе больше нравится, когда у меня распущенные волосы.

— Мне ты нравишься в любом виде, — заверил я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Катрин сидела, упершись ладонью в траву, рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин, — предложил я, — выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

— Ты меня не любишь.

— Глупый, — сказала Катрин.

Я наклонился к земле и поцеловал по очереди все ее длинные загорелые пальцы. Катрин положила мне на затылок другую ладонь.

— Почему ты не хочешь выйти за меня замуж? — спросил я. — Хочешь, я буду всегда для тебя красивым? Как кинозвезда.

— Устанешь, — сказала Катрин.

— Давай попробуем.

— Я никогда не выйду за тебя замуж, — вздохнула Катрин. — Ты пришелец из космоса, чужой человек. Опасный.

— Я вырос в детском доме, — объяснил я. — Ты знаешь об этом. И я обещаю, что никогда не буду никого гипнотизировать. Тебя тем более.

— А ты мне что-нибудь внушал?

Она убрала ладонь с моего затылка, и я почувствовал, как ее пальцы замерли в воздухе.

— Только если ты просила. Когда у тебя болел зуб. Помнишь? И когда ты так хотела увидеть жирафа на Комсомольской площади.

— Ты мне внушал, чтобы я тебя любила?

— Не говори глупостей и верни на место ладошку. Мне так удобнее.

— Ты врешь?

— Я хочу, чтобы ты в самом деле меня любила.

Ладонь вернулась на место, и Катрин повторила:

— Я тебе не верю.

Мы допили пиво и поставили бутылку на виду, чтобы тот, кому она нужна, нашел ее и сдал. Мы говорили о совсем ненужных вещах, даже о Татьянином отчиме, о людях, которые проходили мимо и смотрели на нас. Мы вышли из парка, когда стало совсем темно, и долго стояли в очереди на такси, и когда я проводил ее до подъезда, Катрин не захотела поцеловать меня на прощание, и мы не договорились о завтрашней встрече.

Я пошел домой пешком, и мне было грустно, и я придумал вечный двигатель, а потом доказал, что он все-таки не будет работать. Доказательство оказалось очень трудным, и я почти забыл о Катрин, когда дошел до своей улицы. И тут я понял, что, когда я приду домой, зазвонит телефон и Крогиус скажет, что у нас ничего не выйдет. Мне не захотелось обходить длинный газон, и я решил перелететь через него. Летать было непросто, потому что я все время терял равновесие, и поэтому я не решился взлететь к себе на четвертый этаж, хотя окно было раскрыто. Я взошел по лестнице.

Когда я открывал дверь, то понял, что кто-то сидит в темной комнате и ждет меня. Я захлопнул за собой дверь, не спеша закрыл на цепочку. Потом зажег свет в прихожей. Человек, который сидел в темной комнате, знал о том, что я чувствую его, но не шевелился. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — ответил человек. — Вас долго не было.

Я вошел в комнату, нажал на кнопку выключателя и сказал:

— Может быть, я поставлю кофе?

— Нет, только для себя. Я не буду.

От человека исходило ощущение респектабельности. Поэтому я тоже напустил на себя респектабельный вид и внушил гостю, что на мне синий галстук в полоску. Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, ставьте лучше кофе.

Он прошел за мной на кухню, достал из кармана спички и зажег газ, пока я насыпал в турку кофе.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил он.

— Нет.

— Даже сегодня?

— Сегодня чувствую.

— А почему вы до сих пор не женились?

— Меня не любят девушки.

— Может быть, вы привыкли к одиночеству?

— Может быть.

— Но у вас есть друзья?

— У меня много друзей.

— А им до вас и дела нет?

— Неправда. А как вы вошли в квартиру?

Человек пожал плечами и объяснил:

— Я прилетел. Окно было открыто.

Он стоял, склонив голову набок, и рассматривал меня, будто ждал, что я выражу изумление. Но я не изумился, потому что сам чуть не сделал то же самое — только побоялся потерять равновесие и удариться о перила балкона. Человек сокрушенно покачал головой и сказал:

— Никаких сомнений, — и поправил пенсне.

Я мог поклясться, что никакого пенсне на нем три минуты назад не было. Я налил кофе в чашку, взял пачку вафель и пригласил гостя в комнату. Я устал от жары и ни к чему не ведущих разговоров.

— Снимите ботинки, — предложил гость, проявляя заботливость. — Пусть ноги отдыхают.

— Вы очень любезны, — ответил я. — Я сначала выпью кофе, а то спать хочется.

Человек прошелся по комнате, остановился у стеллажа и провел пальцем по корешкам книг, словно палкой по забору.

— Итак, — произнес он профессиональным голосом. — Вы себе не раз задавали вопрос: почему вы не такой, как все. И ответа на него не нашли. И в то же время что-то удерживало вас от того, чтобы обратиться к врачу.

— Я такой же, как все, — ответил я и подумал, что зря не послушался его. Снял бы ботинки.

— Еще в детском доме вы учились лучше своих сверстников. Значительно лучше. Даже удивляли учителей.

— Второй приз на математической олимпиаде, — подтвердил я. — Но учителей я не удивлял. И медали не получил.

— Вы ее не получили нарочно, — объяснил гость. — Вы смущались своих способностей. Вы даже убедили Крогиуса, что он — полноправный ваш соавтор. И это неправда. Но в вас заключена могучая сила убеждения. Вы можете внушить любому обыкновенному человеку черт знает что.

— А вам? — спросил я.

— Мне не можете, — ответил мой гость и превратился в небольшой памятник первопечатнику Ивану Федорову.

— Любопытно, — пробормотал я. — Сейчас вы скажете, что вы мой родственник и нас объединяют невидимые генетические связи.

— Правильно, — сказал гость. — Если бы это было не так, вы бы не догадались, что я жду вас, вы бы проявили хотя бы удивление, увидев незнакомого человека в запертой квартире. Вы бы удивились моему признанию, что я взлетел на четвертый этаж. Кстати, вы уже умеете летать?

— Не знаю, — сознался я. — Сегодня первый раз попробовал. А что я еще умею делать?

— Вам достаточно взглянуть на страницу, чтобы запомнить ее текст; вы складываете, умножаете, извлекаете корни с такой легкостью и быстротой, что могли бы с успехом выступать на эстраде, вы можете не спать несколько суток, да и не есть тоже.

— Хотя люблю делать и то и другое. И меня не тянет на эстраду.

— Привычка, — холодно сказал гость. — Влияние среды. В детском доме следили за тем, чтобы все дети спали по ночам. Вы умеете видеть связь между фактами и явлениями, очевидно между собой не связанными. Вы — гений по местным меркам. Хотя далеко не всеми вашими способностями вы умеете распоряжаться и не обо всех подозреваете.

— Например? — спросил я.

Гость тут же растворился в воздухе и возник за моей спиной, в дверном проеме. Потом не спеша вернулся к стеллажу, достал оттуда англо-русский словарь и бросил его. Словарь застыл в воздухе.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это еще не все.

— С меня достаточно.

— Если вы будете учиться. Если вы вернетесь в естественную для вас обстановку. Если вы окажетесь среди себе подобных.

— Так, — сказал я. — Значит, я мутант, генетический урод. И не одинок при этом.

— Не так, — возразил гость. — Вы просто чужой здесь.

— Я здесь родился.

— Нет.

— Я родился в поселке. Мои родители погибли при лесном пожаре. Меня нашли пожарники и привезли в город.

— Нет.

— Тогда скажите.

— Нам следовало найти вас раньше. Но это нелегко. Мы думали, что никого не осталось в живых. Это был разведывательный корабль. Космический корабль. Ваши родители были там. Корабль взорвался. Сгорел. Вас успели выбросить из корабля. И был лесной пожар. В пожаре сгорел поселок леспромхоза. Пожарники, нашедшие вас живым и невредимым, только очень голодным, не знали, что до конца пожара вас окружало силовое поле.

Я слушал его, но меня мучило совсем другое.

— Скажите, — спросил я, — а на самом деле я какой?

— Внешне? Вам это нужно знать?

— Да.

Гость превратился в некую обтекаемую субстанцию, полупрозрачную, текучую, меняющую форму и цвет, но не лишенную определенной грации.

— Это тоже внушение?

— Нет.

— Но ведь я не стараюсь быть человеком. Я — человек.

— Без этого вы не выжили бы на Земле. Мы думали, что вы погибли. А вы приспособились. Если бы не мой визит, вы бы до конца жизни ни о чем не догадались.

— Я должен буду улететь с вами? — спросил я.

— Разумеется, — сказал гость. — Вы же мне верите?

— Верю, — кивнул я. — Только позвоню Крогиусу.

— Не надо, — возразил гость. — То, что вы с ним сделали, пока не нужно Земле. Вас не поймут. Над вами стали бы смеяться академики. Я вообще удивлен, что вы смогли внушить Крогиусу веру в эту затею.

— Но ведь она бред?

— Нет. Лет через сто на Земле до нее додумаются. Наше дело — не вмешиваться. Правда, иногда нам кажется, что эта цивилизация зашла в тупик.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил вас не звонить Крогиусу.

— Хорошо, — ответил я. И набрал номер Катрин.

Гость положил ладонь на рычаг.

— Это кончилось, — настаивал он. — И одиночество. И необходимость жить среди существ, столь уступающих вам. Во всем. Если бы я не нашел вас, вы бы погибли. Я уверен в этом. А теперь мы должны спешить. Корабль ждет. Не так легко добраться сюда, на край Галактики. И не так часто здесь бывают наши корабли. Заприте квартиру. Вас не сразу хватятся.

Когда мы уходили, уже на лестнице я услышал, как звонит телефон. Я сделал шаг обратно.

— Это Крогиус, — сказал гость. — Он разговаривал с Гуровым. И Гуров не оставил камня на камне от вашей работы. Теперь Крогиус забудет обо всем. Скоро забудет.

— Знаю, — ответил я. — Это был Крогиус.

Мы быстро долетели до корабля. Он висел над кустами, небольшой, полупрозрачный и совершенно на вид не приспособленный к дальним странствиям. Он висел над кустами в Сокольниках, и я даже оглянулся, надеясь увидеть пустую пивную бутылку.

— Последний взгляд? — спросил гость.

— Да, — кивнул я.

— Попытайтесь побороть охватившую вас печаль, — посоветовал гость. — Она рождается не от расставания, а от неизвестности, от невозможности заглянуть в будущее. Завтра вы лишь улыбнетесь, вспомнив о маленьких радостях и маленьких неприятностях, окружавших вас здесь. Неприятностей было больше.

— Больше, — согласился я.

— Стартуем, — предупредил гость. — Вы не почувствуете перегрузок. Приглядитесь ко мне внимательнее. Ваша земная оболочка не хочет покинуть вас.

Гость переливался перламутровыми волнами, играя и повелевая приборами управления.

Я увидел сквозь полупрозрачный пол корабля, как уходит вниз все быстрее и быстрее темная зелень парка, сбегаются и мельчают дорожки уличных огней и россыпи окон. И Москва превратилась в светлое пятно на черном теле Земли.

— Вы никогда не пожалеете, — сказал мне гость. — Я включу музыку, и вы поймете, каких вершин может достичь разум, обращенный к прекрасному.

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила нас и устремилась к звездам, и была она совершенна, как совершенно звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в моменты усталости и раздражения.

И я услышал, как вновь зазвонил телефон в покинутой, неприбранной квартире, телефон, ручка которого была замотана синей изоляционной лентой, потому что кто-то из подвыпивших друзей скинул его со стола, чтобы освободить место для шахматной доски.

— Я пошел, — сказал я гостю.

— Нет, — возразил тот. — Возвращаться поздно. Да и бессмысленны возвращения в прошлое. В далекое прошлое.

— До свидания, — уперся я.

Я покинул корабль, потому что за этот вечер я научился многому, о чем и не подозревал раньше.

Земля приближалась, и Москва из небольшого светлого пятна превратилась вновь в бесконечную россыпь огней. И я с трудом разыскал свой пятиэтажный блочный дом, такой одинаковый в ряду собратьев.

Голос гостя догнал меня:

— Вы обрекаете себя на жизнь, полную недомолвок, мучений и унижений. Вы будете всю жизнь стремиться к нам, ко мне. Но будет поздно. Одумайтесь. Вам нельзя возвращаться.

Дверь на балкон была распахнута. Телефон уже умолк. Я нащупал его, не зажигая света. Я позвонил Катрин и спросил ее:

— Ты звонила мне, Катюшка?

— Ты с ума сошел, — ответила Катрин. — Уже первый час. Ты всех соседей перебудишь.

— Так ты звонила?

— Это, наверное, твой сумасшедший Крогиус звонил. Он тебя по всему городу разыскивает. У него какие-то неприятности.

— Жалко, — сказал я.

— Крогиуса?

— Нет, жалко, что не ты звонила.

— А зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что согласна выйти за меня замуж.

— Ты с ума сошел. Я же сказала, что никогда не выйду замуж за пришельца из космоса и притом морального урода, который может внушить мне, что он Жан-Поль Бельмондо.

— Никогда?

— Ложись спать, — настаивала Катрин. — А то я тебя возненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Тебя не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной, — сказал я строго.

— Ладно, с тобой, — согласилась Катрин. — Только лишнего не думай.

— Я сейчас думать почти не в состоянии.

— Я тебя целую, — сказала Катрин. — Позвони Крогиусу. Успокой его. Он с ума сойдет.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом снял ботинки и, уже засыпая, вспомнил, что у меня кончился кофе и завтра надо обязательно зайти на Кировскую, в магазин, и выстоять там сумасшедшую очередь.

ПЕРВЫЙ СЛОЙ ПАМЯТИ

В среде самоубийц принято оставлять записки: «В смерти моей прошу никого не винить». Так вот: в моих несчастьях прошу винить телефон. Он мой враг, я его раб. Более решительный человек на моем месте обязательно оборвал бы шнур или разбил аппарат. Я не могу. Телефон вне моей юрисдикции. Если бы каждый, вместо того чтобы носить свой крест, рубил его на дрова, некому было бы становиться мучениками. Когда человеку что-то от меня нужно, он добирается до меня с помощью телефона. Еще бы, если бы он отправился ко мне пешком или воспользовался городским транспортом, он трижды подумал бы, прежде чем решиться на такое. Если у вас есть телефон, вы меня поймете. А если нет, вы меня не поймете, потому что обиваете пороги в телефонном узле, доказывая, что по роду службы вам телефон необходим, как горный воздух. Кстати, я и сам обивал пороги, но самое страшное — если бы телефон у меня сняли, начал бы обивать пороги вновь. Как видите, я предельно откровенен.

Я еле добрался до дома. Был жаркий, обманчивый весенний день, который обязательно должен был обернуться к ночи чуть ли не морозом. Так и случилось. Если учесть, что отопление уже было выключено, то ясно, почему я, забравшись в постель и зачитавшись полученной на два дня Агатой Кристи, с таким негодованием воспринял телефонный звонок, раздавшийся в половине двенадцатого. Я дал ему отзвонить раз десять, надеясь, что ему надоест и он поверит, что меня нет дома. Но телефон не поверил. Я снял трубку и, ежась от холода,

прорычал в него какое-то слово, которое можно было трактовать как угодно.

— Гиви, — сказал телефон голосом Давида. — Я тебя не разбудил?

— Разбудил, — не отрицал я.

— Я так и думал, — продолжал Давид, не зная, что в таких случаях следует извиняться. — Так вот, сейчас за тобой заедет наша машина. Шеф уже в институте.

— Очень тронут, — признался я. — А что делает наш дорогой шеф в институте в двенадцать часов ночи? Несовершеннолетние преступники украли установку и разобрали ее на винтики для детского конструктора?

— Не паясничай, Гиви, — сказал Давид скучным голосом. Он всегда говорит скучным голосом, когда я паясничаю. — Серьезное дело, машина будет у тебя с минуты на минуту. Она заедет за Русико, это ведь недалеко?

— Совсем рядом. Я только вчера провожал ее до дому, и, по-моему, ее отец целился в меня с балкона из крупнокалиберного ружья.

Давид повесил трубку, чем показал всю серьезность заявления. Я решил никуда не ехать, но на всякий случай начал одеваться. В этом вся моя непоследовательность, но, наверно, она происходит от того, что я рос без отца. Я принимаю решение и тут же начинаю действовать наоборот.

Я не успел натянуть пиджак, как под окном коротко тявкнула машина. По голосу это была директорская машина.

Было холодно, как в феврале высоко в горах. Русико сидела в черной «Волге», она была не накрашена и полна сознания собственного достоинства. Не каждый день за хирургической сестрой присылают черную «Волгу».

— Русико, — спросил я, усаживаясь с ней рядом, — что там приключилось в институте?

— Не знаю, — ответила Русико таким тоном, как будто она-то знала, а вот еще неизвестно, допущен ли я к такой великой тайне. — Мне позвонили. Мне Давид звонил, — добавила она.

— Какая честь, — сказал я. — И чем ты ее заслужила?

Русико пожала круглыми и, подозреваю, очень белыми плечами.

— А в самом деле, что он тебе сказал? Ведь он не имеет морального и служебного права поднимать с постели молодую и прекрасную женщину.

— Будет операция. Наверное, из-за землетрясения.

— Чего? Какое еще землетрясение?

— Утром было землетрясение, — включился в разговор шофер. — Далеко было, в горах.

— И опять мне ничего не сообщили, — обиделся я. — Наверное, обсуждали, судачили, а когда я вылез из лаборатории, ни единого

слова. А ведь я обожаю поговорить о землетрясениях и пожарах. Скажите, а сегодня в Тбилиси не было извержения вулкана?

— У нас здесь нет вулканов, — объяснила мне прекрасная Русико. — Вулканы на Камчатке.

— Спасибо, — сказал я, и тут мы приехали.

Перед институтом было вавилонское столпотворение, как будто дело происходило в конце рабочего дня. Стояли машины, бегали люди, в половине окон горел свет.

— Землетрясение продолжается, — сказал я, вылезая из машины, и, надо признаться, мной овладели всевозможные предчувствия.

Давид и сам Лордкипанидзе стояли посреди холла.

— Всегда на посту, — приветствовал я их, не здороваясь, потому что имел уже честь утром засвидетельствовать свое почтение обоим моим коллегам.

— А вот и Гиви, — сказал Лорд и, обернувшись к Русико, приказал: — Сейчас же наверх, в операционную, я скоро там буду.

— Простите, — сказал я, — где здесь у вас справочное бюро? Я хотел бы получить информацию о своем ближайшем будущем.

— Разъясните, — бросил Лорд Давиду и понес свое грузное тело на второй этаж.

— Только в двух словах, — предупредил меня Давид, словно моя минимальная норма на объяснения состояла из четырех слов и одной запятой. — Мне позвонил Пачулия. Ты его знаешь? Пачулия на «Скорой» работает. Ты его не знаешь? Странно.

— Ближе к делу, — сказал я Давиду строгим голосом. — Тебя просили все мне разъяснить, а не выяснять мои личные отношения с Пачулия.

— Да, конечно, правильно. — Давид поковырял ногтем дужку очков. — У них больной, шоковый, неизвестно еще, вытянут они его или нет. А там как раз эпицентр землетрясения. Маленького землетрясения.

Пальцы Давида непроизвольно показали, какие маленькие бывают землетрясения.

— Не может быть, — поразился я. — Таких маленьких не бывает.

— Говорят, в Тбилиси в некоторых районах звенела посуда в шкафах.

— Это от городского транспорта, — постарался я утешить Давида. — А все-таки при чем тут мы? Мы не «Скорая помощь». Мы научно-исследовательский институт, можно сказать. Институт мозга.

— Вот именно. Институт мозга. А Пачулия знал, над чем мы работали. Он в феврале был на конференции в Киеве, где Лорд делал доклад. Вот он и запомнил. Идея, конечно, дикая, малореальная, но от этого зависят жизни других людей.

Тут Давида отвлекли. В вестибюль вбежала очаровательная тоненькая девушка, растрепанная, она бросилась к нам и прошептала:

— Он где? Он жив?

У девушки было такое большое и детское горе, что даже столь закоренелый эгоист и циник, как я, отвернулся и не сказал ни слова. Я вообще в таких случаях ничего не умею говорить. Зато Давид — великий мастер врачебного обхождения.

— Вы, простите, о ком спрашиваете? — спросил он почти нежно.

— О Бесо. О Бесо Гурамишвили.

— Конечно, конечно, — сказал Давид. — Состояние, прямо скажу, тяжелое, но нет никаких оснований отчаиваться.

— Можно мне к нему? — перебила Давида девушка.

— Нет, сейчас нельзя. Завтра можно будет.

— Но вы меня не обманываете?

— Зачем я буду вас обманывать? Сейчас Бесо спит, и его нельзя беспокоить. Я вам советую завтра с утра сюда приехать и тогда...

— Он разбился? Да? Он в пещере разбился? — Девушка заметила, что Давид, взяв меня под локоть, старается увести наверх, и подошла поближе.

— Нет, — сказал Давид, — его нашли наверху. На дороге.

— А остальные?

— Их ищут.

— А как же он мог выйти, а они нет?

Давид посмотрел на круглые электрические часы над лестницей и принял кардинальное решение.

— Слушайте. Два часа назад на дороге, в сорока километрах от города, был найден Бесо Гурамишвили. Его нашел шофер грузовика и хотел было отвезти в больницу, в район, он ехал от Тбилиси, но, пока шофер пытался помочь Бесо, появилась машина спасателей. И они узнали Бесо. Они его не трогали, пока не приехала «Скорая помощь» из города. Теперь ясно?

Я сказал, что мне ничего не ясно, а девушка хотела было сказать то же самое, но не посмела.

— Что не ясно? — удивился Давид.

— Почему спасатели искали Бесо. Он альпинист?

— Нет, он спелеолог. Ты, конечно, не читал. Ты ничего, кроме развлекательной литературы, не читаешь. В прошлом году спелеологи начали прохождение пещеры, всего в сорока километрах отсюда. Об этом писали везде. Это большая экспедиция.

— Восемнадцать человек, — уточнила девушка.

Она немного успокоилась. Я представил себе, каково ей было мчаться сюда по ночному городу, когда ее возлюбленный в больнице и неизвестно еще, жив ли он.

— Они в прошлом году начали, шестнадцать километров на карту нанесли. Вы не представляете, как там интересно. Он меня той осенью брал, только до базы. Там такой сталактитовый зал... Алеша!

Оказывается, она увидела рыжего бородатого детину в штормов-

ке, из той довольно скучной породы людей, которым всегда надо залезть в такие места, куда нормальных людей не тянет.

Девушка бросилась к Алеше, словно пустынник к воде. Давид уточнил:

— Спасатель.

— Ну и что дальше? — говорю я. — Где мы появляемся на сцене?

— Бесо — один из спелеологов. Группа работала под землей уже вторую неделю. У них там врач. Есть связь с землей по рации, а наверху контрольная группа. Сегодня днем было землетрясение. В общем, вход в подземелье завалило, связь прервалась, и, что случилось со спелеологами, никому не известно. Представляешь, до самой ночи спасатели пытаются бурить завал, ищут, нет ли других входов в пещеру, и вдруг на дороге, в десяти километрах от основного входа, оказывается Бесо Гурамишвили.

— А он ничего не может рассказать.

— Правильно. Он ничего не может рассказать, и есть основания полагать, что привести в сознание его сегодня не удастся. А когда удастся...

— Вход сильно завалило?

— Видно, сильно. Спроси у Алеши. Он привез Бесо. Он его друг.

— Сам спрашивай. Моей помощи там не потребуется.

— Наша с тобой помощь может потребоваться.

— Каким образом?

— Установка.

— И как с ее помощью добраться до спелеологов?

— Идем наверх, по дороге ты будешь думать, Гиви. Может, догадаешься.

Я шел по лестнице. Передо мной покачивалась широкая мягкая спина Давида, и я все не мог придумать, как с помощью нашей установки можно откопать спелеологов. Сразу восемнадцать человек, нет, семнадцать, один из них как-то выкарабкался...

— Слушай, Давид, а не могло так быть, что этот Бесо выбрался наверх до обвала?

— Не могло, — ответил Давид. — Он был в пещере со всеми.

— А может, его как-то выкинуло наверх?

— Не мели чепухи.

— Значит, он выходил потом?

— Потом.

Мы подошли к кабинету Лорда. Лорд был там. Он разговаривал с незнакомым мне мужчиной, на котором белый халат сидел неловко, словно плохо подогнанный маскарадный костюм доктора Айболита.

— Понял, — сказал я. — Значит, Бесо знает, как к ним спуститься, не разбирая завала.

— Ты почти гений, — ответил Давид серьезно. — Эта мысль пришла Пачулия, когда он вез Бесо в Тбилиси на «Скорой помощи».

Мы стояли в дверях кабинета Лорда. Лорд нас не замечал.

— Гурамишвили — мастер спорта по альпинизму, — объяснил человек в неловко сидящем халате, обращаясь к Лорду, как будто бы отвечая на мой следующий вопрос. — В первой десятке скалолазов республики. Логично, что, если у них была возможность добраться до какой-то трудной щели, пошел Бесо. Второго такого среди них не было. А он молчит.

Человек сказал это с осуждением, как будто Бесо молчал назло ему. У него были большие черные усы и рыжие печальные глаза.

— Итак, молодые люди, — обратился к нам Лорд. — Вот, присутствующий здесь товарищ Кикнадзе полагает, что мы можем ему помочь.

— Не мне, — поправил его товарищ Кикнадзе. — Тем, кто ждет помощи.

Лорд фыркнул. Лорд не терпит, когда его поправляют.

— Мы должны узнать, — продолжал Лорд после некоторой паузы, — как найти спелеологов. И очевидно, никто, кроме нас, этого сделать не сможет.

— Никто, профессор, — согласился товарищ Кикнадзе, осознавший свой промах.

Давид спросил Лорда:

— Будем готовить установку?

— Я уже распорядился, — сказал Лорд. — Меня интересует другое — кто будет принимать?

— Я, — сказал Давид.

Лорд посмотрел на него в глубоком сомнении. Я понимал Лорда. Давид — мальчик из хорошей семьи, которого много и вкусно кормили в детстве и не заставляли заниматься спортом. Давид получился мягкий, теплый, округлый, но, на удивление родственников, работящий. Он близорук, из-за чего его возили ко всем окулистам Москвы, Ленинграда и чуть ли не Владивостока. Любой другой на месте Давида возненавидел бы медицину, а он, наоборот, полюбил ее. За муки, что ли?

— Если получится, — сказал Лорд, — то ведь придется туда идти...

И он обратил свой взор ко мне, из-за чего я непроизвольно расправил плечи. Теоретически у меня в роду все должны были быть долгожителями, но мои дяди и тетушки умудрялись погибать в молодости или максимум в допенсионном возрасте. Они уходили на войну, падали со скал, а один дядя утонул в Атлантическом океане. Мне тоже было суждено погибнуть в молодом возрасте, и никто, кроме меня, в этом не сомневался.

— А ты как, Гиви, об этом думаешь? — спросил меня Лорд.

— Я думаю, что можно приступить, — сказал я.

Давид замурлыкал что-то о своем опыте и готовности... Лорд уже шел к лаборатории.

— Давид, — попытался я его утешить, — каждому свое, как говорили греки.

— Римляне, — поправил меня образованный Давид.

— Каждому свое, — повторил я. — Кто-то должен работать головой, а кто-то бегать ножками.

Я люблю нашу установку, наверно, потому, что за эту любовь мне платят зарплату и иногда дают премии. И еще потому, что понимаю в ней куда меньше Лорда и даже меньше Давида. Хотя никто не понимает ее целиком. Она настоящая женщина: непредсказуема и капризна. Она может одарить тебя потрясающими данными, а затем обидеться на что-то и отказаться с тобой сотрудничать. Она занимает половину второго этажа и подвал, куда уходят инженеры, относящиеся к нам, медикам, как к людям второго сорта, годным лишь на то, чтобы губить их изобретения. Инженеры сделали установку, мы разработали методику ее применения, и все друг другом взаимно не удовлетворены. Хотя в этом есть определенная доля кокетства.

Операционную лабораторию недавно отремонтировали и облицевали голубой плиткой. С тех пор операционная казалась мне похожей на ванную комнату в гостинице, особенно если ломался кондиционер. А кондиционеры, как известно, ломаются только в самую жару. Не покрыта плиткой была лишь правая от двери стена, которую занимали контрольная панель и пульт управления.

Я заглянул в операционную через стеклянную дверь. Русико готовила инструменты. В желтом халате она выглядит эффектно. Когда Русико подняла голову и улыбнулась мне, я изобразил на лице восхищение ее неотразимой красотой, но боюсь, что она снова меня не поняла...

Я пошел бриться. Я уже смирился с тем, что раз в неделю мне приходится брить голову, и утешаю себя тем, что после этого я похож на Маяковского. Мои знакомые полагают, что бритье — мое чудачество, способ побороть интеллектуальную неполноценность. Большинство моих знакомых интеллигенты, и поэтому они ни черта не понимают в жизни.

Я брился и вспоминал, как мы в первый раз два с лишним года назад включили установку. Руслан и рыжая собачка из цирка, не помню, как ее звали, лежали привязанные к столам в этой самой операционной. Только операционная тогда была белая, крашенная масляной краской, потолок протекал, и на нем были красивые разводы. Про разводы я узнал позже, когда сам попал на один из столов. Я ввел иглу в мозг Руслана, Нателла фиксировала датчики. Лорд волновался и потому был с нами резок и рычал на Русико. Давид и инженеры суетились у пульта, и, хотя через десять минут главный инженер сказал: «Пошла запись», мы ни в чем не были уверены.

Когда собаки проснулись, мы следили за ними, как ревнивцы за женами, а собаки лакали молоко, жрали мясо, и Руслан смотрел на

дрессировщика пустыми глазами. А мы ведь специально выбрали цирковую собаку, потому что она многое в жизни испытала и умела куда больше, чем ординарный пес Руслан. Дрессировщик ворчал. Он не верил, что можно записать память, записать и передать Руслану все то, что знает его рыжая собачка. Мы и сами сомневались, и это было самое паршивое, потому что на это дело было ухлопано несколько лет и масса денег, и все эти годы многие серьезные люди считали Лорда шарлатаном, его друзей-инженеров шарлатанами, а нас с Давидом и прочую мелочь даже не шарлатанами, а просто идиотами.

К вечеру того же дня, когда скептически настроенный дрессировщик вновь приступил к Руслану со своими приставаниями, наш драгоценный пес изобразил на морде профессиональное отвращение, прошелся на задних лапах, сделал сальто и неловко прыгнул сквозь затянутое папиросной бумагой кольцо. Рыжая собачка смотрела на него во все глаза и подсказывала на собачьем языке, что делать дальше. Руслану противно было заниматься делами, не достойными честного крупногабаритного пса, но он занимался, потому что в его памяти уже лежали знания, полученные им от рыжей собачки. Через два дня он обо всем забыл и вернулся к обычной непритязательной жизни.

Дрессировщик, не поверив, что собаку можно в пять минут научить всему, что его подопечные впитывали в себя месяцами изнурительного труда, забрав свою бритую собаку, рассчитался в бухгалтерии и остался нами недоволен. А мы устроили большой пир на даче Лорда и нескромно прославляли друг друга в тостах и речах. А еще через три месяца я впервые попал на операционный стол в качестве подопытного кролика и с тех пор хожу обритый наголо и стараюсь никому не показывать шрамов над правым ухом.

Все это не значит, что мы с тех пор катились к славе по рельсам. Мы плелись к ней, проваливаясь в волчьи ямы, блуждая по горным тропинкам, и регулярно возвращались к началу пути, охваченные удручающей мыслью о том, что никогда из этого лабиринта не выберемся. Мы работали с самыми умными собаками в Грузии, а они почему-то передавали своим преемникам лишь обрывки глупых воспоминаний или манеру кусаться исподтишка. Мы лелеяли макак и мартышек, которые никак не могли получить от информантов элементарные навыки кидать кожурой банана в нелюбимого смотрителя. Мы, наконец, жертвовали собой, и я два дня подряд мучился застарелым раскаянием Давида, который, оказывается, в семилетнем возрасте украл запонку у дедушки Ираклия и в ужасе от содеянного запустил ее в Куру. Это преступление не было раскрыто, но Давид все равно мучился.

У меня голова разламывалась от его раскаяний. Его больше всего

заботило, чтобы я не вводил в дневник эксперимента имени дорогого дедушки.

Цельной картины у нас не получилось, передача была ненадежной, и хотя принято говорить, что отрицательный результат — тот же результат, у нас их накопилось столько, что хватило бы на полное отрицание всех достижений Ньютона, Эйнштейна и Нильса Бора, вместе взятых.

— Гиви, ты готов? — спросила Нателла. — Больного уже привезли.

— Я как пионер, — ответил я, — всегда готов. Ты была когда-нибудь пионеркой?

— Гиви. — Нателла посмотрела на меня с укором. Ей хотелось, чтобы я был такой же серьезный и талантливый, как Лорд, чтобы я был альтруистом. Она с женской недальновидностью не понимала, что, выполнив все ее условия, я потерял бы для нее всяческую привлекательность. Чтобы отвлечь Нателлу, я сообщил ей:

— Лорд разговаривал с директором, а знаешь, что сказал директор? Он умыл руки. Он отлично понимает, что надо крепить связи науки с производством, а если у нас ничего не выйдет, всегда можно раскритиковать Лорда за то, что тот пытается навязать производству недостроенную сноповязалку.

Я последовал за Нателлой в операционную. В коридоре нам встретился товарищ Кикнадзе, который уже обжился здесь и выглядел орлом.

— Желаю успеха, — сказал он мне. — Вам еще никогда не приходилось проводить более ответственной операции.

— Большое спасибо, — поблагодарил я вежливо. — Как хорошо, что вы мне об этом сказали.

Кикнадзе стоял и думал, обидеться ему на меня или нет.

— Зачем ты так разговариваешь с людьми, Гиви? — задала мне Нателла очередной риторический вопрос. Она большой мастер риторических вопросов. — Ты не представляешь, как он переживает. А там еще родственники спелеологов, и все от него чего-нибудь требуют.

— Но я ничего от него не требовал. Меня можно было оставить в покое. Ты же знаешь, что перед приемом надо расслабиться и пребывать в спокойном состоянии духа.

— Я тебя подготовлю, — сказала Нателла.

— Не надо. Меня будет готовить Давид. Не лишай его этого удовольствия. Если же ты этим займешься, то я не смогу настроиться на прием. Я буду думать только о тебе. Кстати, ты не хотела бы стать моим информантом? Я потом тебе достану парик.

— Ни в коем случае, — сказала Нателла. — И не из-за волос.

— Ты боишься, что я узнаю о твоем настоящем отношении ко мне?

— Да, боюсь.

— Ты мне льстишь.

— Наоборот.

Когда я, благоухающий йодом, появился в операционной, там уже все было готово. Я подошел к столу, на котором лежал Бесо Гурамишвили. Наш анестезиолог проводил военный совет с седовласым и заслуженным коллегой из Института хирургии. Я им не завидовал. Даже мне было ясно, что они поддерживают в Бесо жизнь из последних сил. Бесо мне понравился. Его обрили, и он стал похож на меня. Или на Маяковского. Только молодого.

Я кивнул Пачулия, который привез Бесо к нам. Пачулия был хорошим хирургом. Я был с ним знаком, хотя и не признался Давиду. Мы учились с Пачулия на одном курсе, но он был отличником, а я нет. И этот Пачулия проводил со мной воспитательные беседы.

— Ты готов, Гиви? — спросил Лорд отеческим голосом, как будто собирался пригласить меня в парк или в кафе-мороженое.

Я постарался расслабиться и занялся самовнушением. Сначала расслабил мышцы лба, потом представил, что расслабляю мышцы глаз.

Я лежал на столе и, если повернуть голову, мог увидеть острый темный профиль Бесо. Анестезиологи пришли к какому-то решению, и молоденькая кардиологичка из нашего института была допущена в их высокое совещание. Я попытался представить себе, каково там, в пещере, наверное, очень темно и страшно.

— Надеюсь, Бесо никогда не крал запонок у дедушки Ираклия, — сказал я Давиду, и это были мои последние слова, потому что они дали мне наркоз, чего я также не выношу.

Наверно, моей последней мыслью было рассуждение о том, что анестезиологи меня надолго отключать не будут, потому что я пришел в себя именно с этой мыслью в голове. Однако, кто я такой и почему меня не надо надолго отключать, я догадался не сразу. А догадавшись, заснул, потому что испугался, что они будут задавать мне вопросы, а ответить мне нечего. Плохо, когда от тебя чего-то ждут, а ты помочь не можешь. Это отлично знают все, кому доводилось проваливаться на экзаменах. Мне доводилось.

Сквозь сон мне были слышны их голоса, и мне казалось, что я все понимаю и даже в любой момент могу непринужденно включиться в беседу. И не включаюсь по собственному желанию.

Снова проснулся я в палате. Было темно. За стеклянной матовой дверью горел свет, и по стеклу, как в театре теней, проплывали человеческие силуэты.

Как всегда, болела голова, и меня мучило чувство разочарования в себе и еще больше вина перед Лордом, который на меня так рассчитывал, а я его подвел.

Я поднял руку, чтобы посмотреть на часы, но, конечно, никаких

часов на мне не было. За дверью зашелестели голоса. Слух у меня был обостренный, и я различил чей-то низкий голос, наверно, Лорда:

— По нашим данным, обычно проходит два-три часа, прежде чем начинается приживание информации.

Дверь открылась, и на цыпочках вошла Нателла. Я закрыл глаза, мне не хотелось с ними разговаривать. Нателла что-то делала на столике у койки, звякнул стакан. Она вышла. Сказала там, в коридоре:

— Спит еще.

— Кофе готов, — послышался голос Русико.

Я почувствовал благодарность к Русико, которая догадалась, чем можно их всех отвлечь от двери. Они, видно, тоже обрадовались, и мелькание теней на стекле прекратилось.

Мне надо было что-то вспомнить. Я что-то забыл. Что-то важное. Я представил себе Бесо, лежащего на соседнем столе, и подумал, что никогда еще не видел себя со стороны. То есть не себя, а ЕГО. Я чего-то не сделал, что обязательно должен был сделать, хотя эта обязательность относилась не ко мне, а к Бесо, и меня беспокоило, не потерял ли я ЭТО. Где-то в глубине сознания я оставался самим собой и понимал, что во мне просыпаются мысли Бесо, и рад был тому, что они существуют, но в то же время не только для Бесо, но и для меня важнее было вспомнить об ЭТОМ. «О пещере?» — удалось мне спросить самого себя. Нет, не о пещере. Я понимал, что ЭТО важнее сейчас, чем пещера, и я ничего не знаю о пещере. Я не могу вспомнить о ней, потому что никогда в ней не был, близко не подходил. А ЭТО должно было лежать в кармане джинсов.

Тут уж пришлось мне думать самому, без помощи Бесо, мысли которого мне только мешали, тревожили и подгоняли. Бесо не знал, где могут быть джинсы. Он ничего не знал об институте. Это знал только я.

За дверью тихо. Прошло лишь несколько минут, и они сейчас пьют кофе и рассуждают, получилась передача памяти или нет. Но их интересует путь в пещеру, о котором я ничего не знаю. Их ЭТО не интересует, ЭТО важно лишь мне. Мне и кому еще? ЭТО важно Резо, потому что я дал слово...

Когда Бесо привезли в институт, его раздели, а одежду отправили на первый этаж, в кладовую. Следовательно, мне нужно пойти в кладовую и взять там джинсы.

Вот теперь Гиви должен взять верх над Бесо и нажать на кнопку звонка. Прибежит Нателла, придет Лорд, и я им расскажу о джинсах и о том, что надо взять оттуда. Но почему-то я этого сделать не мог. Почему-то я должен был заняться этим сам. Так думал Бесо, который сейчас в лучшем случае лежит без сознания за стеной.

Я должен сам пойти в кладовую, но выходить через дверь опасно, потому что в любой момент может вернуться Нателла. Придется спускаться со второго этажа, это неразумно, и даже при моей склонности к необдуманным поступкам я должен был взять себя в руки и вспомнить о том, что я в первую очередь ученый и только во вторую — запасной склад для воспоминаний Бесо.

Я сел на кровати и с минуту старался унять тошноту и головокружение. Ах, как трогательно! Родовое привидение увлекает наследника шотландского замка в загадочные болота. Надо, Гиви, надо. Я обнаружил, что мой наряд ограничивается трусами. Друзья забыли меня облачить хотя бы в больничную пижаму.

Я подошел к окну и раскрыл его. Как и положено в авантюрном романе, окно раскрылось со скрипом, способным разбудить тени предков в фамильном склепе. Черная клумба находилась далеко внизу. Может, они ошиблись и положили меня не на втором этаже, а на десятом? Я стоял в нерешительности. В окно проникал жгучий холод. Наверно, с луны, которая освещала вершины деревьев.

И вдруг я пропал. Пропали мои слова, мои настроения и даже мое чувство юмора. Мне надо было как можно скорее взять ЭТО и сделать то, что мне положено было сделать. В коридоре послышались шаги. Мне показалось, что Нателла, почувствовав неладное, спешит к палате. Я перекинул ноги через подоконник и встал на карниз. Потом оттолкнулся от стены и прыгнул. Земля ударила меня по ногам, я не удержал равновесия, упал на бок, ушибся, измарался в земле, но не ощутил боли — только раздражение от того, что так неудачно прыгнул. Бесо прыгнул бы лучше.

Я сидел на клумбе и прислушивался, не в мою ли палату вошли. Если это Нателла, то сейчас начнется паника и до кладовой мне не добраться. Но все было тихо. Я поднялся, стряхнул с колен землю и пошел вдоль стены к служебной двери.

Луна светила мне в спину, и на фоне белой стены я выделялся, как жук на листе бумаги. Вот и окно кладовой. Оно забрано решеткой и для непосвященного недоступно. Но я еще вчера слышал сетования кладовщицы на ненадежность замка и знал, что институтский слесарь намеревался снять замок и поставить новый. Зная нашего слесаря, я мог надеяться, что он, как человек обязательный, замок снял, а вот новый поставил вряд ли.

Я вошел в служебную дверь и тут обнаружил, что продрог до костей. С полминуты стоял, вдыхая теплый воздух неосвещенного коридора, потом нащупал дверь в кладовую и толкнул ее. Дверь послушно открылась. Мой психологический этюд об институтском слесаре оправдался. Я зажег свет, полагая, что сегодня ночью в институте не до грабителей. Одежда Бесо лежала на столе. Когда его привезли, кладовщицы не было, одежду просто сложили здесь. Я не удивился тому, что с первого взгляда узнал вещи Бесо, удивительнее было бы, если бы я их не помнил.

Я замерз и не хотел, чтобы меня здесь застали в обнаженном виде. Я натянул влажные джинсы, которые оказались почти впору, надел

майку и видавший виды свитер. Все это было грязным, на рукаве свитера запеклась кровь. Я отыскал под столом башмаки Бесо, но они были мне малы. Это оказалось неожиданным осложнением, которого мы с Бесо никак не ожидали. Я открыл шкаф. Там были вещи больных из лечебного отделения. Я выбрал пару ботинок. Ботинки были блестящие, лаковые, они никак не вязались с остальным моим нарядом, но не жали, а это было главным. Из кармана джинсов я извлек пластиковый пакет с газетным кульком внутри.

«Резо протянул мне пакет. Лицо его в свете последнего нашего фонаря казалось еще более изможденным, чем обычно. Фонарь светил сверху, и глаза казались черными ямами. «Ты мне обещаешь?» — спросил Резо. «Обещаю», — сказал я».

Эта картинка промелькнула у меня в сознании четко, словно я сам видел этого неизвестного мне Резо. Я стоял в нерешительности.

«Дальше что? — мысленно спросил я Бесо. — Может, вернемся? Они вот-вот хватятся».

И тут же я понял, куда мне надо ехать. Именно надо ехать, и немедленно. В деревню Мокви. Туда идет автобус. От автобусной станции. Я взял со стола свои часы. Часы Бесо. Часы еще шли. Было двадцать минут пятого. После операции не прошло и трех часов.

Больше задерживаться было нельзя. Я потушил свет и вышел из кладовой. Городской транспорт еще спит и видит сны. Но до автобусной станции сравнительно недалеко. И может быть, удастся поймать такси. Это было бы идеально. Я по возможности быстро пересек газон, отделявший институт от ворот. Чем дальше я буду от него в ближайшие минуты, тем лучше для меня, для Бесо и для кого еще?

«Ты узнаешь его дом. Он последний на улице. Весь в диком винограде. А перед ним розы. Ни у кого в деревне больше нет роз».

Это говорил Резо. Его голос.

Я вошел в полуоткрытые ворота. В институте была сумасшедшая ночь, и потому все правила были забыты. Где сейчас ночной сторож?

Близко шуршала Кура. Залаяла собака. Ей откликнулись собаки, заточенные в подвале института. Мне показалось, что со стороны института раздался крик. Меня зовут? Я пошел по шоссе к городу. Я бы бежал, но снова подступила тошнота, и в голове шумело. Я обернулся. Зеленый огонек такси выскочил из-за поворота. Выйдя на середину дороги, я поднял руку. Машина затормозила.

— Разве не видишь, что в парк еду? — спросил таксист, высовываясь из окна. — Никуда я тебя не повезу.

— Мне только до автобусной станции.

— Не по дороге, — сказал таксист.

— Сколько? — спросил я, норовя попасть в тон таксисту.

— У тебя таких денег нету, чтобы я к автобусной станции поехал.

— У меня срочное дело. Пожалуйста, подвези.

Сторговались на трех рублях. Шофер был вынужден покориться силе денег, но это не сняло его раздражения. Он смотрел прямо перед собой, но ко мне не оборачивался и сердился на меня, потому что был недоволен собственной уступчивостью.

«Камень рванулся из-под ног, и воздух ударил в лицо. Воздух был плотный, и в нем потонул звук обвала. Кто-то вскрикнул. Я упал на пол пещеры и больно ударился о чью-то каску. Я не думал, что мог умереть. Мне только хотелось, чтобы все это скорее кончилось. Тогда я выйду наружу. Но рычание горы не прекращалось, словно порода старалась заполнить все пустоты в горе...»

— Приехали, — сказал таксист. — Теперь мне до парка лишних десять километров ехать. Расплачивайся.

Я замер. Мои руки не знали, в каком кармане лежат деньги. Деньги лежали в пиджаке Гиви, а на мне были джинсы и свитер Бесо. И в них не было денег.

— Я деньги забыл, — ответил я спокойно, потому что уже был на автобусной станции и до Мокви ехать не больше часа.

— Шутишь, — убежденно сказал шофер. — Шутишь.

Такое коварство не укладывалось в его сознании.

— Завтра придете ко мне в институт. Десять рублей уплачу.

— Шутишь, — говорил шофер еще более убежденно. — Дорого тебе обойдутся эти шутки. В парк поехали. Там поговорим.

Шофер перегнулся через меня, притягивая дверь к себе.

— Возьмите что-нибудь в залог, — попросил я.

— Что с тебя возьмешь? — сказал шофер, оглядывая меня. — Что с такого возьмешь?

Он был разочарован в человечестве.

— Часы, — вспомнил я. — Возьмите часы.

Я не стал ждать его ответа. Потянул браслет, передал ему часы.

— Не нужны мне твои часы, — рассердился таксист. Я так и не рассмотрел его лица.

— Хорошие часы, «Сейко», — сказал я. Часы принадлежали Бесо, поэтому я знал, что они «Сейко».

Это убедило шофера.

— Ладно, — сказал он. — Всякое бывает. Ты только мой номер запомни.

Он сказал номер, но мне было некогда. Какой-то ранний автобус

подъехал к зданию вокзала. Я побежал к нему. Над ветровым стеклом автобуса был написан маршрут. Автобус шел в другую сторону. Таксист догнал меня.

— Номер не забудь! — крикнул он.

— Хорошо, — сказал я и поспешил к зданию вокзала.

На вокзале еще царила ночь. Несколько случайных пассажиров, коротая время, дремали на скамейках. Лысый человек в грязном свитере и рваных джинсах (это я) ворвался в зал и начал дико озираться в поисках расписания. Наконец я углядел доску и бросился к ней. Я сам никогда не ездил в Мокви, но Бесо бывал там, давно, но бывал. Ближайший автобус в том направлении уходил через полтора часа.

Я стоял перед доской. Последняя моя ценность — часы Бесо — уже исчезла. Придется идти на шоссе, ловить попутные грузовики, потому что шоферы грузовиков более отзывчивые люди, чем таксисты. Но до шоссе еще нужно добраться.

Знакомая девушка спала, положив голову на спинку скамейки. Это была та девушка, которая искала Бесо и волновалась за него в институте. Нет, что я говорю! Это была моя сестра Нана. Ее, наверно, выгнали до утра из института, велели раньше восьми там не появляться. А может, она хочет съездить к маме. Мама ничего не знает, от нее, конечно, все скрыли...

Я сделал шаг к Нане, чтобы успокоить ее, сказать, что со мной все в порядке, и замер, испугавшись своего движения.

Нана подняла голову, словно я ее окликнул. Она смотрела на меня в упор, и я испугался, что она узнает свитер и джинсы Бесо. Я сделал шаг назад, а она пыталась понять, откуда ей знакомо мое лицо. Она ведь видела меня так недавно, но в институте я был респектабелен, в костюме, при галстуке. Она еще смотрела на меня, а сзади послышались тяжелые шаги, и я знал, что это ко мне.

Я быстро обернулся, готовый бежать. По залу шел шофер такси. На его толстом указательном пальце болтались часы «Сейко».

— Ты куда убежал? — спросил он строго. — Я уже час как работу кончил, а должен за тобой по всему Тбилиси бегать.

Я понял, что Нана сейчас узнает часы, и пошел навстречу таксисту, чтобы загородить его спиной.

— Ты номер не записал, — продолжал таксист. Он был немолод, похож на Лорда, словно был его старшим братом. У таксиста был крупный пористый нос, тщательно ухоженные усы.

— Пойдем, — сказал я, стараясь оттеснить его от Наны. — На улице поговорим.

Таксист подчинился. Моя беготня по залу разбудила ожидающих, они смотрели на меня с подозрением, словно я заодно собирался утащить их чемоданы.

На улице было зябко. Сверху дул ледяной ветер. Свитер Бесо почти не грел. Я поежился.

— Тебе куда надо? — спросил таксист.

— В Мокви.

— Знаю, — ответил таксист. — У меня там брат жил. До войны еще. Женился и жил. Потом уехал в Телави. А у тебя там любимая девушка?

— Почему?

— Очень переживаешь, — сказал таксист. Он достал пачку сигарет, протянул мне.

— Спасибо, не курю, — сказал я.

— Ты не думай, что я из-за трех рублей на тебя накинулся, — сказал таксист. — Я уже час как отработал. Я обманщиков не люблю. А то, бывает, сядет: денег нет, а сам легенды придумывает.

— У меня деньги в других брюках, — сказал я чистую правду.

Я оглядел площадь, надеясь, что случится чудо — появится автобус с надписью «Мокви» над ветровым стеклом.

— Важное дело у тебя в Мокви? — спросил таксист.

— Вы уже отработали, и денег у меня нету.

— А ты в мои дела не вмешивайся, — сказал таксист. — Я лучше тебя знаю, что мне делать. Садись в машину.

— Что?

— Садись в машину, говорю. Сколько я тебя посреди площади ждать обязан?

Мы выехали из города. Уже светало. В кабине было тепло, уютно и тянуло в сон. Поливальная машина обдала нас струей воды, и капли скатывались по стеклу.

— Я сумасшедший, да? — спросил шофер.

— Нет. Добрый человек.

— Я не добрый. Я твои часы все равно в залог оставлю.

Загорелся красный свет. Мы стояли на пустынном перекрестке, и свет никак не переключался.

— Сколько времени? — спросил я.

— Все равно часы не отдам, — сказал шофер. — Половина шестого. Опаздываешь?

— Опаздываю.

— А тебе в какой дом в Мокви надо? Я там всех знаю.

Я не ответил. Я забыл, в какой дом мне надо. Я доверился Бесо. А он не хотел подсказать.

«Глаза Резо мне были не видны. Свет падал сверху. Рядом стонал доктор. Надо же было, чтобы именно доктор сломал ногу. Доктор должен был лечить других, а не стонать. «Ты сразу узнаешь его дом...»

— Последний дом на улице, — сказал я. — Весь в винограде. И розы. Ни у кого в Мокви больше нет роз.

— Так бы и говорил. Там хромой Баграт живет. Ты к нему?

— К нему. Он один живет?

— Не знаю. Я там давно не был. Раньше один жил. Сын у него в Тбилиси работает.

«Я обещал отцу, — сказал Резо. — Постараюсь найти. Я сам не верю в это, а он очень верит. Я к нему профессора возил, но профессор сказал, что вряд ли можно помочь. Старый отец у меня. Но он верит, говорит, что старики верили. Знали ход в пещеру. До революции один князь приезжал, тысячу рублей золотом обещал тому, кто принесет, громадные тогда деньги».

Я достал из кармана джинсов пластиковый пакет, вытащил из него газетный сверток. В газете лежали кусочки желтой смолы, похожей на янтарь. На ощупь они были мыльными, легкими и испускали восковой сладковатый запах.

— Что это у тебя? — спросил шофер. — Пчел разводишь?

— Нет. Лекарство, — сказал я.

Шофер нажал на тормоза. Я еле успел подхватить кусочки смолы. Машина въехала на обочину.

— Слушай, — спросил шофер. — Ты это где нашел?

— В пещере.

— Правильно! — обрадовался шофер. — Чего же молчишь? Горный бальзам нашел. От всех болезней лечит?

— Старики верят, — сказал я.

— Ты старому Баграту сын? Чего же раньше молчал?

— Не сын я ему. Сын поручил передать.

— У меня мать умирала, просила меня достать. А где достанешь? Теперь все горы уже известны, а места настоящие забыли. И медицина не верит. Не проверено, говорят.

— Вам нужно? — спросил я.

— Зачем? Я здоровый. А думаешь, поможет? Мне участковый врач тогда сказал, что в старинной медицине был смысл. Ты тоже так думаешь?

— Не знаю, — сказал я. — Очень важно, когда больной верит в лекарство.

— Правильно. Мне от всех болезней аспирин помогает.

Мы снова выбрались на дорогу и километра через два съехали с нее на проселок. Синяя стрелка указывала на вывеске: «Мокви — 4 км».

Старый дом был обвит диким виноградом. За забором нежились в рассветном холодке розовые кусты. Роз еще не было. Рано быть розам. Щенок, подняв рваное ухо, подбежал к калитке и, виляя хвостом, попрошайничал.

— Спасибо, — сказал я шоферу. — Я запомнил ваш номер, не беспокойтесь. Я завтра вас найду.

— Завтра я не работаю, — сказал шофер, вынимая из кармана часы. — Возьми. С самого начала сказал бы, в чем дело...

— Пускай часы у вас останутся.

— Ты что, думаешь, я тебя за паршивые деньги возил?

Я взял часы.

— Хотите, поделюсь с вами бальзамом?

— Зачем мне. Моя мать уже умерла, а я здоровый.

— Может, пригодится.

— Мне от всех болезней аспирин помогает. Ты спеши, сынок, может, старик Баграт тебя ждет.

Я толкнул калитку. Щенок вежливо отступил в сторону и побежал передо мной к веранде. Виноградные лозы туннелем перекрывали дорожку, и приходилось нагибаться.

«В полной темноте я услышал голос Теймура: «У кого аварийный фонарь?» В тот момент, когда начался обвал, мы сидели за нашим длинным каменным столом и ждали, когда доктор, была его очередь дежурить, принесет суп. Мы только что умылись в подземном ручье, сложили в углу, возле рации, каски и резиновые костюмы. Мы вымотались, потому что прошли за тот день полкилометра и один коварный и трудный сифон. Мы сидели за длинным столом, и нам было весело, потому что все получалось хорошо и дальше должен был быть еще один зал, и, видно, не маленький. Завтра мы будем искать к нему подходы. И вот тогда начался обвал. В лицо ударил тугой и холодный воздух...»

Я остановился на веранде. В доме было тихо. Отсюда была видна деревня, убегающая вниз, к реке, стадо, рассыпавшееся по слишком зеленой, молодой траве косогора. Пахло дымом. Речка была закрыта туманом. По улице скрипела арба. Было уже совсем светло.

Маленькая старушка в длинной, до земли, черной юбке и в платке, закрывающем лоб, выглянула из двери. В руке у нее было ведро.

Я поздоровался.

— Ты к Баграту, сынок? — спросила старушка, ничуть не удивившись раннему гостю. — Он уже проснулся.

Баграт оказался могучим старцем. Широкая, старая, с блестящими шарами на спинке кровать была ему тесна. Старик, видно, давно болел. Он иссох, и кожа щек и лба казалась очень темной, особенно по контрасту с белой, желтоватой бородой и длинными прядями белых волос. Голубые глаза старика сохранили чистоту цвета и зоркость. Старик поднял широкую, костистую ладонь, будто вырезанную из старого дерева.

— Что с Резо? — спросил он.

Он смотрел на меня так, будто я стоял далеко-далеко, на склоне горы, будто я был гонцом, от которого нельзя ждать добрых вестей, как их не ждут от посланцев судьбы. И старик заранее был готов вынести еще один удар, на которые так щедра долгая жизнь, но и сдаваться перед судьбой он был не намерен.

— Садись, — сказал он мне раньше, чем я мог ответить.

— Резо жив и здоров, — сказал я.

— Садись, — повторил старик. По-моему, он мне не поверил.

— Резо жив. Передает вам привет и беспокоится о вашем здоровье.

— Когда ты его видел?

— Вчера.

— Утром?

— Днем.

— У меня было плохое предчувствие вчера утром, — сказал старик. — Ты где его видел?

— В пещере. Мы там работаем. В экспедиции.

— Правильно. В пещере. И ты говоришь, что ничего не было?

Врать ему было нельзя.

— Был обвал, — сказал я. — Но мы успели отойти. Все живые.

— А почему сам Резо не пришел?

— Он остался там работать.

— А почему ты так грязен? Что с твоей головой? Ты устал?

Старушка принесла поднос с нарезанным сыром, лепешками и граненым графином, наполненным желтым вином.

— Подвинь сюда стол, — приказал мне старик. — Будем завтракать.

Я сделал, как велел старик.

— Как тебя зовут? — спросил старик, наливая вино в стаканы.

— Гиви, — ответил я.

— Я не знаю Гиви среди друзей моего Резо.

— Я недавно в экспедиции.

— Ты лжешь мне, — сказал старик, не осуждая меня. Просто констатировал печальный факт. Потом добавил: — Врач запретил мне пить вино. Особенно утром. Я не слушаюсь врача.

— Резо просил меня привезти вам горный бальзам. Он не мог приехать сегодня, а мне было по дороге.

Я развернул газету и протянул кусочки смолы старику. Если бы на моем месте был Гиви, он оценил бы патетичность момента. Но ведь я и есть Гиви. Или я Бесо?

— Спасибо, сынок, — сказал старик. Он понюхал комок смолы. — Это настоящий горный бальзам. Резо уже второй год ищет его для меня. Спасибо, что не пожалел времени и привез старику лекарство. Когда тебе много лет и ты знаешь о бессилии врачей, приходится верить в средства, которыми пользовались твои предки. Когда увидишь Резо, передай ему, что отец благодарит его и я постараюсь встать на ноги к его возвращению. А скоро Резо вернется?

Старик мне верил. Но старик был горд.

— Я думаю, что он вернется даже раньше срока. Может быть, через день или два он уже будет здесь.

И тут же я понял, что попался. Нельзя было этого говорить. Старик лучше меня знал, что Резо должен был работать под землей по крайней мере еще две недели. Мне следовало раньше обратить внимание на настенный календарь, который висел над головой старика. Месяц апрель был обведен красным карандашом, и дни со второго числа до сегодняшнего дня были перечеркнуты крестиками. Старик считал дни.

И я ему почти все рассказал. Я рассказал, что экспедицию завалило под землей. Что все живы, мы знаем это наверняка, но тот, один человек, который выбрался наверх, болен и не может показать путь к остальным. Он в больнице. Я работаю в той больнице, и он просил отвезти бальзам.

Старик слушал молча, не перебивая. Он закрыл глаза и был неподвижен, даже, казалось, не дышал.

— Я знаю вход, через который они пошли вниз, — сказал он, когда я кончил рассказ. — Много лет назад люди искали горный бальзам, но потом они потеряли дорогу, забыли. А как далеко они прошли в этом году? В каком месте их покинул Бесо?

И я представил себе пещеру так, как она была нанесена на плане у Теймура. Я хорошо помнил план, обведенные тушью участки, обследованные в прошлом году, карандашные извивы ходов этого года и пунктирные линии будущих разведок.

Обвал застал их на базе, в зале, где стояла рация. Это в четырех километрах от главного входа. Он задел часть зала, там было оборудование. И когда они нашли фонарь и осмотрели завал, то оказалось, что пробиться к выходу не удастся.

— Ты говоришь, что люди не пострадали?

— Доктор сломал руку, и еще одна женщина сильно ушиблась.

— Я всегда говорил Резо, что нельзя брать женщин под землю.

— А остальные отделались легко. И тогда все перебрались в соседний зал, а Теймур послал Бесо и еще одного человека искать путь наверх. Им дали фонарь, и они пошли.

— В каком направлении?

Я попытался вспомнить. Я представил себе этот ход, сужающийся до размеров кроличьей норы, когда приходится вжиматься в породу и не знаешь, расширится ли он когда-нибудь или придется ползти назад.

— Он шел на восток.

— И далеко они прошли?

— Нет. Они вернулись за акваланго́м. Это...

— Я знаю, что такое акваланг.

— Ход расширился. Там был еще один зал, но выход из него был под водой.

— И дальше Бесо пошел один?

— Да. У них оставался один акваланг, притом они все равно не могли протащить доктора и ту женщину. А Бесо скалолаз. И он худой. И все надеялись на него.

— А что сказал Резо, когда они прощались?

— Резо сказал, чтобы он обязательно нашел вас и отдал пакет с бальзамом, когда выйдет. Он объяснил, как найти ваш дом.

— Почему ты сказал мне, что тебя зовут Гиви и ты работаешь в больнице? Ты ведь там был? И ты вышел наверх?

— Я клянусь вам, что сказал правду. Бесо лежит в больнице.

— Ты кажешься мне хорошим человеком, но ты все время почему-то обращаешься ко лжи. Если ты Бесо, то почему ты поехал сюда, а не привел людей к тому месту и не показал им путь? Если ты Гиви, то как же Бесо вспомнил, что было под землей, и не сказал, где он вышел наверх?

— Он плохо чувствует себя. Он забыл.

Старик вздохнул. Он устал со мной бороться.

— Если пройти от деревни вверх по ущелью три километра, — сказал он, — там есть щель в земле. Я сам туда не спускался. Но я думаю, что, если идти, как ты сказал, можно приблизиться к людям. Скажи, сколько Бесо шел?

— Его нашли на дороге поздно вечером. Часов в десять.

— Где?

Я сказал где.

— Нет, это далеко от того места, но все-таки можно попробовать. Я пошлю с тобой Георгия. Он ловкий парень и знает те места.

За дверью зашуршали шаги, скрипнули доски веранды. Старик чуть улыбнулся.

— Она уже побежала, — сказал он. — Она слушала за дверью.

«Я вынырнул из ледяного потока. Я боялся, что у меня остановится сердце. Ведь у меня не было резинового костюма, только акваланг. Костюм остался в завале. Я снял акваланг и несколько раз подпрыгнул, чтобы согреться. Воздух казался теплым после воды, но это была обманная теплота. Каково им там, в пещере, без фонаря? Когда я уходил, они пели песню. В четыре голоса. Красиво пели. Ничего, выберусь наверх — отогреюсь. Я проверил компас, не попала ли вода. Нет, все нормально. Я выбрал ход, который вел выше других к востоку...»

Доски веранды заскрипели резко и часто. В дверях стоял невысокий парень в армейских брюках и синей рубашке.

— Вы меня звали, дядя Баграт?

— Доброе утро, Гоги. Мне нужна твоя помощь. Проснись.

Гоги протер заспанные глаза.

— Ты можешь провести нашего гостя к трещине в верхнем ущелье?

— Сейчас?

— Очень спешное дело. Он тебе объяснит по дороге. Возьмите веревку и крючья. Там, под землей, люди. Надо им помочь.

Он не сказал, что среди них его сын.

— Конечно, дядя Баграт.

— И возьмите лепешек и воды. Может, вам придется идти долго.

Я думал о том, что мне, Гиви, мысль о том, чтобы спуститься в какую-нибудь темную, холодную пещеру даже ради спелеологов, была бы ужасна. Бесо этого не боялся. Я тоже этого не боялся.

— Я буду ждать, — сказал старик.

Старушка стояла на веранде. Она протянула мне моток крепкой веревки и хурджин с лепешками и бутылью. Она перекрестила меня и оставалась на веранде, пока мы не скрылись из глаз. Щенок проводил нас до калитки и вежливо тявкнул на прощанье.

— Почта открыта? — спросил я.

— А что вам нужно? — спросил Гоги. Он был ниже меня на голову, но шагал широко, стараясь попасть мне в ногу.

— Телефон.

— Почта закрыта, а телефон есть у Левана. Вот его дом.

— Мы их не разбудим?

— Все уже встали.

Георгий обогнал меня. Когда я вошел в комнату, хозяин дома, в пиджаке поверх майки, коротко поздоровался со мной, показал на телефон и сразу вышел из комнаты. Георгий взял у меня веревку, хурджин и тоже вышел, сказав: «Через восемь набирайте».

Я позвонил в институт. Вниз, в справочное. Там не отвечали. Я совсем забыл, что еще нет семи, а город просыпается куда позже, чем Мокви. Я позвонил наверх, в ординаторскую. Вряд ли наши ушли, тем более после моего таинственного исчезновения.

Трубку подняли сразу. Это была Нателла. Я спросил басом:

— Как состояние больного Бесо Гурамишвили?

— А кто говорит? — спросила Нателла.

— Его дядя.

Я боялся, что, если она меня узнает, начнутся расспросы.

— Бесо немного лучше, но он еще без сознания. Это не ты, Гиви?

Нателла была не уверена. Она спросила, словно извинялась. Мне стало жалко ее.

— Да, это я. Но мне сейчас некогда. Я потом позвоню.

Я сразу повесил трубку.

Георгий с Леваном ждали меня.

— Он пойдет с нами, — сказал Георгий.

Мы поспешили к горам. Свернули с дороги и начали подниматься по тропе. Мои спутники шли быстро. Солнце начало пригревать. Я чувствовал, как бьется у меня сердце. Это от малоподвижной жизни. Надо по утрам делать гимнастику.

«...Я поднялся и заставил себя опереться на локти. Там, откуда я только что свалился, горела вечерняя звезда. Она уместилась точно в центре отверстия, и, хотя я знал, что вряд ли теперь доберусь до него, звезда была чем-то надежным, принадлежащим к светлому и сухому верхнему миру. Я сел. Было трудно дышать. Нет, не трудно, невозможно дышать. Надо было лечь и заснуть. Сколько часов я пробирался сюда? Десять, сто? Наверно, я на несколько минут потерял сознание, потому что, когда я снова открыл глаза, звезда сместилась к краю отверстия. Я стянул с себя куртку. Она мне только мешала. Сейчас я передохну и начну все снова...»

— Еще минут пять осталось, — сказал Георгий, — и будет та щель.

Далеко внизу, поблескивая под солнцем, вилась дорога. Где-то там и нашли Бесо...

«Нет, меня нашли дальше. Я лежал на земле. Было холодно. Был поздний вечер, я не мог поднять головы, чтобы посмотреть на ту звезду и сказать ей спасибо. Дорога была совсем рядом. Проехала машина, но у меня не было голоса, чтобы крикнуть. У меня ничего не было. Я попытался сползти по откосу вниз. Рука не послушалась меня, запуталась в свитере, свитер был мокрым то ли от воды, то ли от моей крови. Я знал, что кровь течет из виска, но мне нечем было ее остановить. Я знал, что сползу по осыпи дороги и меня заметят. И по моему следу на осыпи найдут отверстие в горе. На другой стороне дороги, чуть наискосок, стоит дерево с двумя вершинами. Я лягу вдоль осыпи и покачусь вниз, как бревно. Только бы не потерять пакет Резо. Ни в коем случае не потерять... Там бальзам для его отца... В деревне Мокви, крайний дом, и там он меня ждет. Я покатился вниз по осыпи, а камни высовывались из нее и били меня, как кулаками...»

— Стойте, — сказал я.

— Устали? — спросил Георгий.

— Вы знаете эти места? Там, внизу, у дороги, есть большое дерево с двумя вершинами...

Они задумались.

— Может, у поворота?

— Нет. Там два дерева... А знаешь, у...

— Конечно, оно там.

— Слушайте тогда. Георгий, беги быстрее обратно в деревню и звони по телефону, который я тебе дам. Пускай они берут машину и едут туда, где нашли Бесо Гурамишвили. Понял? Но не к тому самому месту, а к дереву с двойной вершиной. Там серпантин, и он скатился на один виток дороги ниже, поэтому они не нашли выход. Ясно? А вы, Леван, ведите меня туда, только не бегом, я очень устал.

— Ничего, — сказал Деван. — Это под горку. А кто скатился на виток ниже?

— Я же сказал — Бесо.

— А почему вы раньше об этом не знали?

Тут бы мне ответить колкостью. Все равно же человек ничего не поймет. Но я поспешил ответить в лучших традициях Бесо, серьезно и по мере сил обстоятельно:

— Я не мог раньше вспомнить. Это был, очевидно, второй слой памяти. Сверху осталось то, что беспокоило Бесо в последнюю минуту перед тем, как он потерял сознание. И я вспомнил о старике Баграте.

— Вы вспомнили?

— Хорошо, считайте, что мы вместе вспомнили.

Скорей бы рассеялось наваждение. Бесо влиял на меня положительно. Если так пойдет дело, скоро я стану хорошим и меня все станут любить. Нателла будет счастлива, Давид будет счастлив...

Мы спускались по узкой тропинке к дороге, которая казалась тонкой извилистой речкой, потому что от нее отражались лучи утреннего солнца.

БОГАТЫЙ СТАРИК

1

Ольга Герасимовна угадывала старика по звуку шагов. Он шел тяжело, медленно, но не шаркал, не волочил ноги, а придавливал землю, и доски тротуара коротко ухали и взвизгивали под его сапогами. Старик подходил к киоску, кланялся и молчал. У него было лицо благородного актера, с крупным носом и глубокими морщинами на щеках. Ольга Герасимовна доставала новый журнал и клала перед стариком. Старик медленно листал его и возвращал. Он никогда ничего не покупал, и Ольге Герасимовне это нравилось, потому что она считала трату денег на журналы неразумной.

— Уже осень, — говорил старик.

— Осень, — соглашалась Ольга Герасимовна.

В словах старика была угроза. Осень казалась стихийным бедст-

вием. Ольга Герасимовна произносила это слово мягко и лирично, успокаивала, что не все еще потеряно, что и в осени есть своя прелесть.

— Картофель не успеют убрать, — говорил старик.

— Может, успеют еще, — говорила Ольга Герасимовна.

Если кто-нибудь подходил, старик замолкал и ждал. Ольга Герасимовна спешила отпустить покупателя.

— Завтра получу «Советский экран». И «Здоровье», — говорила Ольга Герасимовна.

— Обязательно зайду, — отвечал старик, словно давно ждал этих журналов. — Вас очки не беспокоят?

У Ольги Герасимовны были новые очки, она как-то пожаловалась, что давят в переносице.

— Спасибо, привыкаю, — отвечала Ольга Герасимовна. — Как ваша работа?

Старик был на пенсии, жил один и сказал как-то Ольге Герасимовне, что производит опыты.

— Спасибо, продвигается, — говорил старик.

Ольга Герасимовна наклоняла голову и смотрела на старика сбоку, жалела его. Верхняя пуговица на пальто висела на одной ниточке. У старика где-то погиб единственный сын, жена умерла давно, и позаботиться о нем было некому.

— Я пойду, — говорил старик.

— Завтра приходите, — отвечала Ольга Герасимовна.

Ей хотелось еще добавить, чтобы он не забыл надеть кашне, но сказать об этом она не решилась.

2

Алла спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж. Она была недовольна, что посетитель пришел так не вовремя. Завтра должна приехать ревизия из областного музея, а она еще не кончила проверять серебро. И, как назло, директорша уже неделю как читает лекции в районе.

В первом зале, у витрины с ископаемыми костями и макетом жилища первобытного человека, ее ждал благородного и сурового вида старик в черном пальто и с потертым портфелем в руке.

— Вы будете директор? — спросил старик строго.

— Я замещаю директора, — сказала Алла. — Что вы хотели предложить?

— Имею коллекцию древних монет, — сказал старик. — Не желает ли музей ее приобрести?

— Нет, — сказала Алла. — Мы сейчас не покупаем. Конец года, совсем нет денег.

— Значит, мне обратиться в областной центр? — Старик был разочарован.

— Я посмотрю сначала, — сказала Алла. В небольших провинциальных городах случаются находки, которым может позавидовать столица.

В директорском кабинете старик вытащил из портфеля парусиновый мешочек, развязал его и приподнял за донышко. Монеты хлынули на стол, растекаясь к углам. Подставив ладони, чтобы удержать их, Алла поняла, что это не коллекция, а клад — монеты были одинаковыми, нечищеными и лишь недавно лежали в горшочке. Рука коллекционера к ним не прикасалась.

— Где вы нашли их? — спросила Алла.

— Я не находил, — сказал старик. — Я их собирал. Много лет.

— Я вам не верю, — сказала Алла. — Это не коллекция.

— Как угадали? — Старик был саркастичен.

— Это моя специальность. И поймите, если это клад, то для нас очень важно знать, где он найден, в чем, при каких обстоятельствах...

— И потом вы заберете у меня за спасибо.

— Почему? Вы получите соответствующее вознаграждение.

Старик приподнял мешочек и свободной рукой начал сгребать монеты в кучку.

— Разговор у нас не получится, — сказал он. — Я не хотел признаваться сначала, но теперь вынужден сказать: это коллекция моего покойного сына. Придется везти ее в область.

— Оставьте свой адрес, — сказала Алла, не надеясь на то, что старик ее послушает. Монеты она успела разглядеть. К счастью, это были рубли второй половины XVIII века, большой ценности они не представляли.

— И не подумаю, — сказал старик.

3

Старик вернулся домой огородами. Эта ворона из музея могла устроить за ним слежку. Старик был собой недоволен. Он даже порой смотрел на себя со стороны и удивлялся тому, как некрасиво и неправильно он живет. Скупость влекла его к необдуманным поступкам. В предвкушении денег он терял осторожность.

На лестнице сидел грузный мужчина, сосед Северов, которого выгоняли курить из дома. Он курил с наслаждением. Старик набрал в легкие воздуха и задержал дыхание, чтобы не отравиться дымом. Старик не любил Северова за вялость мыслей и готовность заранее со всем согласиться. Он сторонился его жены, считавшей весь мир своей собственностью, а Северова — вещью, от которой пользы немного, но выкинуть жалко. Их дочка Светлана в шесть лет была похожа на отца. В ней его раздражала добродушная лень и привязанность к нему, старику, незаслуженная и ненужная.

Старик прошел к себе в комнату, не раздеваясь, бросил мешочек с монетами на стол, монеты звякнули, а Светлана спросила от двери:

— Это столько денег у тебя, дедушка?

Старик прикрыл мешочек ладонью и велел Светлане уходить. Сказал сердито и обидел Светлану. И хотя обида у нее была краткой, на десять минут, она заревела в коридоре, тут же хлопнула дверь, и ее мать спросила деловито:

— Кто обидел?

Старик запер дверь на щеколду.

Потом снял пальто и спрятал мешочек за шкаф. В областной музей он не поедет, потому что женщина из музея могла позвонить туда, предупредить.

4

Старик шел по улице. Было уже совсем темно, и последний фонарь остался позади. Ночь была лунная, но облачная, и свет на дороге обманчивый и неверный. Стены монастыря, частично побеленные реставраторами, светились под луной будто в театре, где играют оперу с ночными встречами героев.

Старик подошел к лесам и осторожно поднялся по лестнице к верху стены. Он двигался медленно, не потому, что опасался непрочности лесов, но мог услышать сторож.

Отдышавшись, старик дошел до окна. Сторож читал газету и качал головой, переживая прочитанное. Он был моложе старика, но ему не надо было ночью, словно вор, красться по лесам и пробираться кустами. Старик пожалел собственную неустроенную старость, но тут же забыл об этом, потому что пора было действовать.

В следующем дворе реставраторы уже закончили работу, но не успели убрать бочки из-под краски и доски. На двери в собор висел большой замок, старик прошел мимо, он знал ход вниз, под зимнюю церковь у трапезной.

В подвале было зябко, под ногами шуршали листья и скрипела кирпичная крошка. Старик сделал три шага вперед и потом зажег фонарик. Низкое помещение тянулось далеко вперед, и на штукатурке какой-то турист уже успел написать квадратными буквами «Костя». Здесь тоже были могильные плиты, совсем старые.

Раньше старик боялся таких помещений. Если бы его спросили почему, ответил бы, что здесь могут прятаться хулиганы. Хулиганы были ни при чем. Он боялся чего-то потустороннего, в чем сознаваться было стыдно. Теперь потустороннее не пугало, потому что сам старик проник за грань того, что доступно другим людям.

Старик достал из кармана аппарат и повернул свет фонаря так, чтобы видеть деления на циферблате. Потом поддел ногтем и вытянул тонкую антенну.

Он начал свое путешествие от того места, где прошлый раз нашел

в стене тайник с монетами. Осколки горшка, в котором были монеты, и сейчас валялись под ногами. Их никто не заметит в каменной трухе.

Старик поставил стрелку на индекс серебра. Неудобство поисков в темноте заключалось в том, что, переводя стрелку на иное вещество, приходилось доставать таблицу и искать по ней нужную шкалу. А это сделать неловко, если у тебя в руках и фонарь, и аппарат.

Старик повел антенной вдоль стены, сверху вниз, смотрел, не загорится ли лампочка. Но она не загоралась долго, пока он не прошел до конца подвала и не повернул вдоль стены налево. Потом лампочка разок вспыхнула, но радость была преждевременной. Когда он проверил расстояние и вес серебра, понял, что где-то, в трех метрах под ногами, лежит одна монета. Ради нее копать не стоило.

Через пятнадцать минут старик уморился, вернулся к могильным плитам у входа и сел на одну из них. Надо бы вернуться к сторожке и проверить, не вышел ли в обход сторож. Но поиски с аппаратом всегда отнимали у старика много сил, он был весь как выжатый. И он решил, что все равно сторож сюда не заглянет.

Старик был недоволен аппаратом, потому что его каждый раз приходилось устанавливать на новую шкалу. Надо было бы придумать, как настраивать его вообще на металл. Чтобы с самого начала искать сразу все. И золото, и серебро, и даже платину. Ему представилось, что он уже изобрел, как это сделать. Ему вообще последнее время казалось, что аппарат — его изобретение и он его обязательно усовершенствует.

В подвале было сыро и зябко. Старик отыскал в таблице номер и переключил аппарат на золото. Следовало бы, раз уж такой неудачный день, вернуться домой, все равно ничего не найдешь. Но тут же старику показалось, что в самом центре подвала зарыт золотой клад.

И он угадал. Пока шел к центру подвала, лампочка разгоралась. Здесь было золото.

Старик сужал круг, пока не нашел ту точку, где под землей, неглубоко, сантиметрах в тридцати, лежало что-то небольшое, но золотое. У старика не было лопаты, только нож, он сел на корточки и начал царапать ножом слежавшуюся землю. Ему стало жарко, потому что он в первый раз нашел золото.

5

Ночной сторож дочитал газету, надел ватник и кепку и решил обойти двор. На прошлой неделе сюда забрались мальчишки из техникума. Шли из кино и забрались, без цели, с глупого веселья. Один из них упал с лесов и сломал ногу. Сторожа вызывали в горисполком, хотя он был не виноват.

По монастырю гулял несильный, но холодный ветер, и было неуютно. Сторож пожалел, что сдохла собака, с ней спокойнее.

Он прошел мимо собора, поднялся на ступеньки и пощупал замок. В дальний конец двора, где стояла часовня с мощами святого Иннокентия, он ходить не стал. Решил дойти до трапезной и потом вернуться домой, а к тому времени вскипит чайник.

За дверью в подвал ему послышалось сопение. Сторож послушал и хотел было пойти к себе, взять ружье или позвать милицию. Сопение не прекращалось, и тогда сторож осторожно спустился к подвалу и заглянул в дверной проем. Какой-то человек сидел посреди подвала и ковырял землю, подсвечивая себе фонариком. Человек был один. Тогда сторож крикнул ему:

— Стой! Выходи оттуда!

Человек охнул и выронил фонарик. Фонарик покатился по полу, бросая луч света на стены и своды подвала.

Сторож осмелел, но не настолько, чтобы войти в подвал. Он угрожал неизвестному человеку судом и милицией, но, для того чтобы привести угрозу в исполнение, требовалось покинуть пост у входа. А старик, застигнутый в тот момент, когда до золота оставалось несколько сантиметров, из подвала не выходил.

Как только он опомнился от испуга, он ощутил глубокий гнев на сторожа, который мог бы прийти на десять минут позже. Старик с удивлением заметил, что его рука с ножом двигается, нож гнется и вгрызается в слежавшиеся камешки. Все было против этого — надо бежать, спрятаться в кустах, но рука трудилась.

А сторож так и не решился войти внутрь. Он не видел человека, но молчание было угрожающим, и наконец сторож замолчал и даже сделал шаг назад, потому что ему показалось, что человек в подвале подкрался к выходу.

А старик еще раз ударил ножом, нож скрипнул и сломался. Опустив пальцы в ямку, старик нащупал гладкий, округлый кусочек металла и ощутил внутреннюю теплоту настоящей драгоценности. Наверно, это было кольцо или перстень... Снаружи быстро застучали шаги, и старик догадался, что сторож побежал к себе, то ли за ружьем, то ли позвонить в милицию. И с некоторым удивлением старик подумал, что на этот раз жадность его спасла, потому что заставила не двигаться с места, пока нервы сторожа не сдадут.

6

Шаги старика были иными, чем всегда. Ольга Герасимовна сразу это поняла. Они потеряли четкость и равномерность. Старик возник перед киоском, и Ольга Герасимовна посмотрела на него тревожно, решила, что болен. Но старик был пьян.

— Мое почтение, — сказал старик. Он никогда раньше не говорил

этих слов, они с ним не вязались. Ему больше шло корректное «здравствуйте».

Ольга Герасимовна удивилась. Шляпа старика сдвинулась на ухо, и черное пальто было расстегнуто. Ольга Герасимовна уже сложила для себя образ старика. И по этому образу старик был непьющим. Он должен был презирать спиртные напитки.

— Не обращайте внимания, — сказал старик. — Не обращайте внимания, потому что я достиг больших успехов.

— Поздравляю, — сказала сухо Ольга Герасимовна, глядя поверх старика.

— А ведь в самом деле, — сказал старик. — В самом деле.

— Новые журналы поступили, — сказала Ольга Герасимовна. — Хотите посмотреть?

— Зачем смотреть? — сказал старик. — Я покупаю.

Ольга Герасимовна аккуратно выложила перед ним на прилавок «Советский экран» и «Здоровье», а старик вынул из кармана пять рублей и кинул ей. Ольга Герасимовна вдруг испугалась, что он скажет «сдачи не надо», что было бы полным крушением сердечных отношений, существовавших между ними ранее.

Но старик не сказал. Он заметил, что взгляд Ольги Герасимовны задержался на массивном золотом перстне, старинном, с печаткой, изображающей какой-то герб.

— Принадлежит мне, — сказал старик. — Лично мне принадлежащая ценность.

Ольга Герасимовна отсчитала сдачу и, чтобы старик не успел сказать «сдачи не надо», спросила его:

— Это очень старинное?

— Еще не определял, но подозреваю.

Он задумался, и вдруг его повело вбок, так что он еле успел вцепиться пальцами в край прилавка.

— Фактически, — сказал он, — я нахожусь в загуле. Что для меня непривычно, хотя имеет оправдание. И все ее подозрения беспочвенны. Понимаете?

Старик подмигнул Ольге Герасимовне, но она не знала, что старик имеет в виду Аллу из городского музея, хотя послушно кивнула. Ольге Герасимовне хотелось сказать старику, чтобы он шел домой.

— Вот это, — сказал старик и поднял руку с перстнем, — плоды моей научной работы.

Ольга Герасимовна поняла, что перстень старику мал. Он был с трудом надет на мизинец.

— Если желаете, — сказал старик, — могу вам подарить. К вашим чудесным пальчикам это украшение пойдет. А вы как думаете?

— Перестаньте, прошу вас, — сказала Ольга Герасимовна. — Вы ведете себя так странно...

— И неестественно, — сказал старик. — Правильно. Потому что

мне долгие недели не везло. А теперь повезло. И будет везти всегда. У вас отдельная квартира?

— Я живу с сестрой, — сказала Ольга Герасимовна.

— Вы еще не старая, — сказал старик.

Ольга Герасимовна промолчала.

— Не старая, повторяю. А люди тянутся друг к другу. Особенно если я могу вас обеспечить.

— Как вам не стыдно!

— А ничего особенного. Вы придете ко мне пить чай? Я куплю торт.

— Нет, спасибо, — сказала Ольга Герасимовна. — Я не приду к вам.

— Придете, — сказал старик. — Не сегодня, так завтра. Я вам вот что покажу, — сказал он и вынул из внутреннего кармана пальто аппарат.

Ольга Герасимовна увидела коробочку, похожую на транзисторный приемник.

— Я с этой штукой, которую лично изобрел, за один вчерашний вечер вот что заработал.

Перстень описал дугу перед лицом Ольги Герасимовны. Она отвернулась.

— Стыдитесь? — спросил старик. — А ложно.

7

Старик лгал, но сам не замечал этого. Никакого аппарата он не изобретал. Лишь недавно догадался о его пользе, но возможности машинки так потрясли старика, что он поставил ее выше, чем само изобретение.

Аппарат лежал больше года вместе с вещами сына, и старик знал о нем, даже был знаком с принципом. Аппарат, как объяснял сын, был нужен геологам для поисков металлов и всяких полезных ископаемых. Это был молекулярный приемник. Если поставить его на индекс того вещества, которое следовало найти, он определял, есть ли поблизости вещество с такой же молекулярной структурой, и давал сигнал лампочкой. А потом можно было определить, далеко ли вещество и даже сколько его.

Аппарат делал сын и еще один, Иванов, которого старик никогда не видел. Готовили его к экспедиции, а перед этим сын побывал дома, собирался в отпуск, много рассказывал отцу о том, сколько от этого аппарата зависит в геологии, и старик сочувствовал сыну и полагал, что теперь он будет много зарабатывать и женится. Хотя вслух своих надежд не высказывал, потому что сын таких разговоров не любил.

А весной сын поехал в отпуск, зарядиться солнцем, как сам объ-

яснил, и утонул в Черном море, хотя отлично умел плавать. Старик остался один. А через месяц, когда старик уже вернулся из Сухуми, где похоронили Колю, и был в сумеречном, безысходном настроении, пришло письмо от Иванова, который спрашивал, где бумаги сына и прибор. Старик ответил, что не знает. Он тогда и не помышлял присваивать себе аппарат, ему не было дела до аппарата, но он винил в смерти Коли многих людей. Непрощение распространил и на тех, с кем сын раньше работал. Они не уберегли Колю. Если бы не эта экспедиция, не поехал бы Коля так не вовремя на Кавказ, когда море еще холодное и бурное, а поехал бы как все люди и остался жив.

Через год старик разбирал бумаги Коли, нашел таблицу индексов и догадался, что она имеет связь с аппаратом. От тоски и безделия достал аппаратик, вставил батарейки и научился им управлять, потому что раньше работал инженером, хоть и в другой области.

На окне стоял оловянный солдатик, память о Коле; когда-то Коля играл в солдатики и этого знаменосца выделял из других и сберег. Старик тогда отыскал индекс олова, и лампочка на аппарате загорелась. Потом он понял, как работает антенна направления, и даже определил вес солдатика, проверил его на весах и задумался.

Всю жизнь старик зарабатывал деньги. Не всегда удачно, потому что был неуживчив и не смел. Он старался экономить, но пока была жена, экономить не удавалось. А старик хотел иметь много денег. Он не знал точно сколько, но полагал, что долгим трудом и бережливостью заслужил право на большие суммы.

И вот, сидя с аппаратом посреди комнаты и уже испытав его на разных вещах, найдя в комнате друзу аметиста, привезенную Колей еще с первой студенческой практики, определив вес всех стаканов, чашек и чайника, узнав расстояние до стен, он задумался, что же делать дальше.

Вошла соседская девчонка Светлана, и, привыкши за последние дни с вниманием глядеть на различные металлы, старик заметил на ее запястье желтый браслет. Он не одобрял в маленьком ребенке раннее стремление к украшениям и осуждал за то Светланину мать, но тут подумал и спросил:

— Это медь, Светлана?

— Что, дедушка? — не поняла Светлана. — Это у тебя приемник?

— Приемник, — ответил старик и поставил индекс бронзы.

Индекс был сложный, как у всех сплавов. Лампочка не загорелась. Чтобы Светлана не ушла, пришлось дать ей поиграть аметистовой друзой. Старика задело, что он не может опознать дешевую браслетку. Хотел было спросить у родителей, но тут нашел индекс латуни и, оказалось, угадал. Это было приятно.

А когда Светлана ушла, довольная тем, что дед был таким добрым и не гнал ее, как обычно, старик лег спать, а ночью ему снились брас-

леты и кольца. Но не латунные, а золотые, все в драгоценных камнях. И лежали они почему-то в земле, в ямке, вырытой стариком.

Как приходит во сне решение задачи к школьнику, мучившемуся весь вечер, так и решение проблемы, что делать с аппаратом, пришло во сне к старику.

Городок был небольшим, но в нем было много старых домов, два кладбища и монастырь на окраине. В них должны быть спрятаны ценные вещи, которые никому не принадлежали, вернее, принадлежали старику, как ближайшему родственнику Коли. И с тех пор, отправляясь на охоту, с каждым днем все более погружаясь в азарт кладоискателя, старик называл это опытами. Даже для самого себя.

Он начал с кладбища, где его ждало большое разочарование, потому что аппарат несколько раз показывал ему отдельные серебряные и золотые вещи, но все эти вещи лежали в метре-двух под землей, и добраться до них было нельзя. Старик начертил план кладбища, похожий на пиратскую карту, и условными значками отметил на нем ценности.

А потом он отправился в монастырь, где на второй день нашел горшок с серебряными монетами, а на третий, когда чуть не попался в руки к сторожу, — золотой перстень.

8

— Вы полагаете, — сказал старик, — что я этот перстень купил или даже украл.

— Избави боже, — возразила Ольга Герасимовна. — Мне и в голову не пришло.

— Могло и прийти, я не в обиде, — сказал старик. — Потому что я этот перстень нашел. Не смотрите так, я его не случайно нашел, а целеустремленно. И возвращать не намерен. Сейчас объясню.

Но объяснить сразу не удалось, потому что к киоску подошел человек в синем плаще и спросил журнал. Старик протянул руку за аппаратом, но Ольга Герасимовна, словно чувствуя, что машинка не предназначена для чужих глаз, накрыла ее газетой, за что старик был ей благодарен и даже понял, что не ошибся, решившись довериться этой доброй женщине.

— Так вот, — сказал старик уже увереннее, когда покупатель отошел, а Ольга Герасимовна подтолкнула аппарат к руке старика, — скажите мне, из какого металла изготовлены, простите, ваши сережки? Подозреваю, что из серебра.

— Они платиновые, — чуть было не обиделась Ольга Герасимовна. — Может, они и не производят впечатления драгоценных, но были оставлены мне моей мамой. И камни в них настоящие, гранаты.

— А мне все равно, — ответил старик. Он уже достал из кармана список индексов и искал номер платины.

С реки дул пронзительный ледяной ветер и нес мелкие сухие снежинки. Казалось, что они родились не в сером, темном небе, а где-то внизу, под обрывом, и летают, как тополиный пух.

— Вот, — сказал старик, — видите? Ставлю индекс платины, и что получается?

На аппарате загорелась маленькая лампочка.

Ольга Герасимовна наклонилась вперед и чуть поморщилась, потому что от старика пахло водкой.

— Мы наблюдаем, — сказал он, — что поблизости находится платина. Вы угадали. Ваша мамаша вас не обманула.

— Зачем же ей меня обманывать? — удивилась Ольга Герасимовна. — Я же лет пять назад ювелиру сережки показывала.

— Проверили все-таки, — с удовлетворением заметил старик. — Правильно.

Ольга Герасимовна покраснела, потому что, оказывается, сказала не то, что хотела, а в словах старика ей почудилась ирония.

— Я не потому, — сказала она, — что...

— Так вот, — старик не слушал ее, — смотрите. Мы ведем эту стрелку, которая показывает направление на платину, пока она не остановится. Не придвигайтесь. Вот так. Семьдесят сантиметров. Точно. От ваших ушей до машины. Посмотрим вес — сюда вот смотрите. Вес всего четыре грамма, нет, восемь — потому что у нас два объекта. Ясно?

— Нет, — сказала Ольга Герасимовна.

— Объясняю. С помощью моей машины мы можем не только найти любой металл или минерал, но и узнать, на каком расстоянии, в каком направлении и сколько его имеется. Теперь ясно?

— Это же такое изобретение!.. И вы сами?

— Вместе с Колей, покойным сыном, — сказал старик честно.

— Но ведь это надо сдать куда следует? — неуверенно сказала Ольга Герасимовна.

— А вот это неразумно, — возразил старик. Он протрезвел на холоде и уже начинал жалеть о своей болтливости.

— Вы не сомневайтесь, — сказала Ольга Герасимовна, которая правильно истолковала жест старика. — Я никому не скажу. Я понимаю, что могут неправильно понять...

9

Снег как начал сыпать вчера, так и не переставал всю ночь и все утро. Он был холодным, колючим. Старик проснулся поздно, с отвращением к себе, ощущая и собственную старость, и неладное нежелание мышц трудиться, нести его тело. Лишь часам к десяти он заставил себя подняться с кровати и пойти на кухню, поставить чайник.

День был субботний, и Светлана поднялась позже, с родителями. Северов, как всегда, сидел на лестнице, курил, а жена его собирала Светлану на экскурсию с детским садом. Детей вели в парк, на окраину, где тянулись поросшие рыжей травой валы городища, давшего когда-то начало городу. Светлана воевала с матерью, настаивала, чтобы ей разрешили взять браслетку, потому что любила прихорашиваться.

Старик в разговоры не вмешивался. У него ныло в висках и дрожали колени. В этом была несправедливость, потому что именно теперь, когда ему с таким опозданием улыбнулось счастье, здоровье было необходимым дополнением к этому счастью.

Старик обернул ручку чайника полой не очень чистой пижамной куртки и поплелся к себе в комнату, вспомнив по дороге с неудовольствием, что забыл вчера, когда был пьян, купить булку. И молоко тоже кончилось.

Тут он вспомнил еще о своем таком глупом, нелепом визите к Ольге Герасимовне, и стало стыдно.

Пустая четвертинка, забытая на столе, напомнила о позоре, и он сшиб ее в угол, не поглядев, куда покатилась.

А где перстень?

Старик поставил чайник на подставку и кинулся к висевшему в углу черному пальто. Золотой перстень лежал в боковом кармане.

Старик положил перстень на стол и, поглядывая на него, заварил чай. Потом сел за стол и в ожидании, пока чай станет покрепче, старался вспомнить, где у него лежит аспирин.

Так и не вспомнив и не решившись идти к соседям, он переоделся, не потому, что собирался выходить вскоре из дома, но привык к минимальному распорядку жизни одинокого человека, состоявшего из маленьких ритуалов. Переодевание входило в их число и происходило между кипячением чайника и завтраком.

Затем старик достал из буфета тарелочку с печеньем и сахар и позавтракал. Чай согрел его, и, усевшись у окна, старик начал думать о том, что будет дальше, в будущем году или через год.

Мысли были неконкретны, расплывчаты, но приятны. Старик в задумчивости катал пальцем по столу золотой перстень. Он не собирался становиться миллионером, не хотел дачи в Крыму или машины «Волга». Всю жизнь старик был жаден, знал об этом, не любил собственной жадности и с завистью относился к людям, которые могли сорить деньгами или покупать жене цветы букетами. И старик считал, что он сам в собственных недостатках не виноват, потому что виной тому обстоятельства его жизни. Теперь с этим будет покончено. Он победит собственную прилипчивую, гадкую жадность. Он будет богат ровно настолько, чтобы до конца своих дней не думать о деньгах.

Из-за облаков, все еще сыпавших мелким снегом, выглянуло солнце, и снежинки загорелись искрами на темном фоне. Старика охватило тихое умиление перед красотой природы, смешанное с грустью, потому что красота эта открывалась слишком поздно и неизвестно, сколько еще придется ею любоваться.

Время текло незаметно, и лишь голод да голоса в коридоре заставили отвлечься и взглянуть на часы. Был уже двенадцатый час.

Старик прислушался. Северова ругалась в коридоре, что пора обедать, а Светлана не возвращается. Старик решил тоже пообедать в городе, в столовой. Он спрятал перстень под белье в шкаф, потом решил взять с собой аппарат, чтобы так, для собственного невинного развлечения, посидеть после обеда в садике и проверить, многие ли из прохожих носят с собой золотые вещи. Потом следовало зайти к Ольге Герасимовне и извиниться за вчерашнее поведение.

Старик постарался вспомнить, где же лежит аппарат. Из кармана он его, видно, вытащил, но куда положил потом, запамятовал. Сначала старик заглянул в ящик шкафа, куда клал аппарат обычно, но черной коробочки там не было. Старик обыскал карманы пальто и костюма, поднял подушку на диване, заглянул под матрас. Тяжело нагнулся и посмотрел, не лежит ли аппарат под шкафом. Он поочередно вспоминал об всех захоронках, которые придумывал для машинки, но ее не было.

Осознание того, что аппарат он где-то оставил, потерял, прогрохотало в мозгу как гром. И опустились руки. Аппарата не было. Это следовало понять раньше и бежать искать его, а не копаться по углам. Не было аппарата, не было денег, не было будущего. Жизнь, так удачно придуманная, завершилась... Старик стоял посреди комнаты. Он был очень стар и никому не нужен.

В коридоре раздался звонок, шаги Северовой и голос ее:

— Наконец-то.

Старик старался вспомнить, где он последний раз держал аппарат в руках. Получалось, у киоска. Он его даже клал на прилавок. А что было дальше? Вернула ли она машинку?

Господи, она ее не возвращала.

И лицо Ольги Герасимовны, которое представилось старику, было недобрым и таящим хитрую угрозу. А что ей стоило обмануть пьяного, беззащитного старика? Он пришел к ней, выворачивал наизнанку душу, все объяснил... И конечно, киоскерша поняла, что ей машинка нужнее, чем старику. И теперь она уже пробирается по кладбищу или еще где в укромном месте, жмет на кнопки, подбирает индексы...

Старик не двигался. Он смотрел пустыми глазами в окно и старался вспомнить, видела ли Ольга Герасимовна список индексов, могла ли запомнить номер золота? Он ведь все объяснял подробно.

Он не слышал очередной вспышки голосов в коридоре. Пришел Северов, и жена приказывала ему идти к соседям, узнать, не вернулась ли дочка с экскурсии.

Потом он начал собираться, никак не мог найти шляпу — спешил застать Ольгу Герасимовну в киоске, если она, конечно, вышла на работу, не уехала в другой город.

Снова раздался звонок в дверь. Северова промчалась по коридору, кляня на ходу мужа и дочку. Но пришел кто-то другой, Северова сказала:

— Я думала мои, а вам кого нужно?

Что-то ей ответили, старик не прислушивался, шнуровал ботинки. Северова объясняла, почему тревожится, обед на столе, никого не дозовешься. Другой голос ее успокаивал. Еще раз хлопнула дверь, вернулся Северов, его голос вплелся в женские голоса в коридоре. Потом из общего гула вырвался голос Северовой: «...И чтобы без нее не возвращался!»

Раздался стук в дверь к старику, и он, так и не успев зашнуровать ботинок, кинул взгляд на стол — нет ли там чего лишнего, сделал шаг к двери и сказал раздраженно, как человек, оторванный от дела:

— Кто там? Входите.

И вошла Ольга Герасимовна.

Она была в новом пальто и пуховом платке, и от нее распространялось уютное и приятное ощущение здоровья, зрелой красоты и благорасположения к людям.

— Простите, — сказала она, — что я к вам пришла без приглашения.

Старик был растерян, ничего не ответил.

— Просто несчастье, — сказала она, — не знаю, как только таких малышей в мороз на экскурсии водят. Извините, но я подумала, что вы волнуетесь, во вчерашнем состоянии и голову можно было оставить, но надеюсь, это для вас не типично. Понимаете, когда к человеку чувствуешь расположение, не хочется разочаровываться, вы просто не представляете...

Речь ее лилась ровным, теплым потоком, она не переставала говорить ни на секунду, потому что старалась скрыть этим свое смущение, так как не привыкла приходить куда-нибудь без приглашения.

Она достала из сумочки черную коробку аппарата, протянула его старику, и он схватил машинку, удивившись силе и цепкости своих пальцев.

— Вы когда ушли, — продолжала Ольга Герасимовна, не обращая внимания на то, что пальцы старика гладят, ласкают аппаратик, — я не сразу заметила. Потом спохватилась, думаю: вот ужас-то, как вы переживать будете, а у меня вашего адреса нет. Я сначала думала, что вы скоро вернетесь, а вы не пришли. Ну ладно, значит, сильно были выпивши и легли спать, с утра придете. Я ведь рано открываю, сразу вас разыскивать не будешь. А потом больше волноваться стала, вспомнила, что вы как-то про Садовую улицу говорили, у спуска. Закрыла

киоск; я бы не стала так волноваться, но вы вчера мне о качествах говорили, представляю, какая ценность...

Она все стояла в дверях, и старик понял, что надо ее как-то утешить, пригласить в гости, а самому более всего хотелось проверить, работает ли машинка, не сломалась ли от неловкого обращения, а сделать это было нельзя, потому что Ольга Герасимовна этим могла оскорбиться.

10

Они сидели в кафе, на улице Толстого. Народу было немного, Ольге Герасимовне совсем не хотелось есть, она согласилась пойти сюда, потому что была растрогана тем, как рад и благодарен ей старик за то, что не поленилась, принесла машинку, и ей было чуть смешно от того, что старик перед ней робеет.

Старик, как прошло первое потрясение, ощутил страшный голод. Подчистив тарелку борща, он управлялся с мясом, был оживлен и, к смущению Ольги Герасимовны, успевал в промежутках своей исповеди говорить неловкие комплименты ее внешнему виду и одежде.

Машинку он из кармана не доставал, но говорил о ней, похлопывая себя по груди, убеждаясь с радостью, что аппарат на месте.

Потом они сидели на лавочке в сквере, и проходящим мимо это было странно, потому что стоял сильный холод и даже молодые люди на лавочки не присаживались. Старик холода не чувствовал, а Ольга Герасимовна не хотела расстраивать его желанием уйти в тепло. Лишь когда закоченели ноги, она сказала об этом старику с виноватой улыбкой, и тот очень был этим обескуражен и клеймил себя за невнимательность, что также было Ольге Герасимовне приятно.

Они пошли по улице к дому Ольги Герасимовны и тут встретили бегущего Северова. Старик не обратил бы на это внимания — что ему за дело до Северова, пустякового человека, но Ольга Герасимовна, которая быстро вживалась в судьбы других людей и принимала их близко к сердцу, окликнула Северова и спросила, нашлась ли Светлана. И тот на ходу крикнул, что Светлана так и не вернулась с экскурсии, хотя другие пришли, и что он бежит в милицию, где находится воспитательница из детского сада, которая виновата в том, что Светлана потерялась.

Ольга Герасимовна пришла в ужас и тут же пошла к Северовым, чему старик был рад, потому что хотел отложить расставание.

Северова плакала на кухне, там уже были соседки и родственницы, ей сочувствовали, и Ольга Герасимовна сразу же включилась в эту женскую сумятицу, как будто была сама родственницей Северовой. Старик вернулся к себе в комнату, потому что знал, что девчонку найдут — как можно пропасть в небольшом городе?

По коридору протопали тяжелые мужские шаги. Выглянув в

дверь, старик увидел, что пришли два милиционера с собакой, и он сразу захлопнул дверь, потому что собака могла унюхать лишнее, не исключено, что ее ночью водили в монастырь.

Но собаку провели в комнату к Северовым, чтобы нюхать Светланины вещи. Старик сидел и ждал, когда вернется Ольга Герасимовна, и даже достал из шкафа праздничные чашки, чтобы потом напиться чаю в семейном кругу. Он торопил время, чтобы скорее нашлась эта девочка, потому что понимал, что, пока длится эта неизвестность, ему трудно вернуть Ольгу Герасимовну к личным разговорам.

Когда Ольга Герасимовна заглянула все-таки в комнату, было почти совсем темно и старик зажег верхний свет.

— Сейчас заводские выходят, — сказала она. — Только трудность, что суббота, от дома к дому пришлось ходить.

— Как ее угораздило? — спросил скучным голосом старик, понимая, что сейчас в жизни Ольги Герасимовны он занимает не главное место.

— Они на холм ходили, на городище. Это преступление, что только одна воспитательница с ними. Совсем девчонка. Не догадаться пересчитать детей, когда домой пошли! И спохватились уже в городе, когда к садику вернулись.

— Надо было в кустарниках поискать, — сказал старик.

— Конечно, искали. Сначала сама воспитательница там бегала — еще больше времени потеряла. Потом Северов. Но вы же знаете...

Старик знал, что кустарник, начинающийся за городищем, переходит постепенно в лес, пересеченный оврагами и уходящий километров на двадцать.

— Вообще-то нестрашно, — сказал он. — Только холодно.

— Вот именно, — сказала Ольга Герасимовна. — Сейчас минус четыре, а ночью до минус десяти обещают...

И вдруг она заплакала. И это было неожиданно и странно для старика, который никак не связывал ни себя, ни Ольгу Герасимовну с пропавшей девочкой.

Ольга Герасимовна вытирала платком нос вместо того, чтобы вытирать глаза, и старику захотелось улыбнуться. Но он не улыбнулся, потому что была грустная ситуация и девочка могла замерзнуть. И старик подумал, что у Северовых еще будут другие дети, а вот у него никогда уже не будет детей. Но вслух об этом не сказал, чтобы не показаться бессердечным.

— Найдут, — сказал он, — обязательно найдут. Ведь не тайга.

— Темнеет уже, — ответила Ольга Герасимовна.

— Собака след возьмет.

— Милиционер сказал, что сомневается — ветер сильный, поземка. Но они постараются.

— Ольга Герасимовна, — заглянула в дверь незнакомая женщина, — у вас валидола нету?

Она вела себя так, словно Ольга Герасимовна жила в этой комнате. Старик не обиделся. Он подошел к шкафу, достал валидол.

— Я им сказала, что здесь буду, — оправдываясь, объяснила Ольга Герасимовна.

— Ничего, — ответил старик.

— Жалко, что ваша машинка только металлы ищет, — сказала Ольга Герасимовна. — Вот было бы чудо, если бы девочку вы нашли.

— Да, — согласился старик. — Только металлы.

— Ну я пошла, — сказала Ольга Герасимовна. — Может, я там нужна.

«Вот неудачно-то, — думал старик. — Она может про аппарат рассказать. Будет там стоять какой-нибудь милиционер или кто-то из начальства. А она скажет: «Вот у старика есть аппарат. Вроде миноискателя. От сына остался. Может найти любой металл». И тут милиционер припомнит заявление из музея или заявление сторожа. Девочку искать долго, найти и отнять аппарат — дело двух минут».

Старик достал аппарат из кармана, постоял, прислушиваясь к звукам из коридора. Пока они не имели отношения к нему. Куда спрятать аппарат? Он постарался поставить себя на место милиционера, который будет обыскивать его комнату. Куда он не посмотрит? Старик потратил следующие пятнадцать минут, перепрятывая машинку. Он устал, взмок, ему казалось, что вот-вот войдут и спросят: «Это вы используете не по назначению государственное изобретение?»

11

— Нет, я не могу больше, — сказала Ольга Герасимовна, снова входя в комнату, опускаясь на стул и не замечая настороженного и измученного лица старика, который только что сунул аппарат в ящик с грязным бельем. — Ну придумайте же что-нибудь! У вас есть опыт.

— А какие новости? — заставил себя спросить обычным голосом старик. — Не нашли еще?

— Я не думала, что вы такой черствый, — ответила Ольга Герасимовна.

Глаза Ольги Герасимовны распухли, волосы растрепались, и она казалась куда старше и грузней, чем днем. И старику было жалко, что она так расстраивается, и эта жалость непонятным образом распространилась на девочку. Старик был не лишен воображения, и он представил вдруг, как страшно и холодно в лесу, как жгут лицо снежинки и как немилосерден ледяной ветер.

— Вы бы шли домой, — сказал старик. — Я вас провожу, если желаете.

— Как домой? — удивилась Ольга Герасимовна. — Я в лес пойду.

— Куда?

— Лиду все равно дома не удержишь. Она туда рвется. И грех ее удерживать.

Старик удивился. За несколько лет, что он жил в этом доме, он не запомнил имя соседки. Была она для него Северовой, женой Северова.

— Там холодно, — сказал старик. — И темно. Еще сами заблудитесь.

— Ничего со мной не случится. — Ольга Герасимовна задумалась и сказала потом: — Честное слово, если бы можно было поменяться с девочкой местами, не задумываясь осталась бы вместо нее в лесу.

— Чепуха какая-то, мистика, — сказал старик.

— У вас какая-нибудь фуфайка найдется? Я завтра верну.

— Ну конечно, конечно. — Старик достал свитер сына, почти новый, и положил на стол перед Ольгой Герасимовной.

— Спасибо, — сказала она.

— Я бы рад помочь, — сказал старик. — Всеми силами...

— Куда уж вам, — сказала Ольга Герасимовна, не желая обидеть старика. — Холодно, темно в лесу. Вот если бы вам аппаратик использовать... Я, знаете, спросила у Лиды...

У старика оборвалось сердце.

— Я спросила у Лиды, может, на девочке были какие-нибудь металлические части. То есть пуговицы или сережки. Но от нее разве добьешься толку?

— Даже если и были, — сказал старик быстро, — мы не знаем, из какого металла...

И он с ужасом понял, что знает: на девочке латунный браслет. И это тоже было тайной, которую нельзя открывать.

И потому старик добавил:

— Если бы даже было известно, такой маленький предмет не найти. И расстояние велико.

— Но перстень-то вы нашли, — сказала Ольга Герасимовна.

— Может, собаки отыщут ее. — Старик постарался отвлечь Ольгу Герасимовну, но та только покачала головой.

— Может, у вас в списке, который вы показывали, другие вещи есть, которые аппарат определяет? — спросила Ольга Герасимовна.

Старику хотелось прикрикнуть, чтобы она замолчала, но он сдержался.

— Нет, — сказал он, — только металлы.

Это тоже было неправдой. Но старик уже нашелся:

— Там же, в лесу, сейчас народу много.

Ольга Герасимовна не услышала.

— Погодите! — воскликнула она. — На ней же сапожки. А в них железные гвоздики! Конечно. Давайте, я кого-нибудь помоложе позову. Вы все расскажете.

Она взглянула на старика, поняла, видно, его чувства, но не совсем правильно истолковала их.

— Не беспокойтесь. Не сломаем. Я от него ни на шаг не отойду.

— Нет, — отрезал старик со злостью. — Гвоздиков машинка не найдет. Ни за что не найдет.

— Почему?

— Она на два метра работает. Только на два метра. Она хуже, чем человек, видит. Бесполезно.

Ольга Герасимовна готова была поверить старику, она забыла, как он вчера говорил ей, что аппарат может уловить грамм вещества за километр, но старика выдал голос, неожиданное дрожание рук и нежелание встретиться взглядом. И она поняла, что разговаривать им не о чем.

Она медленно поднялась и пошла к двери, не оборачиваясь, словно старик ее тяжело обидел, а он ничего не придумал, как сказать, подавляя сладкое облегчение:

— Свитер оставили, Ольга Герасимовна.

Женщина лишь пожала плечами. И затворила за собой дверь медленно, но окончательно.

12

В доме было тихо. Это была мертвая тишина. Если кто и остался в других квартирах, то люди молчали, даже дети не плакали. Старик представлял себе, как сотни людей идут по лесу, как горят огоньки и как все кричат, шумят и мешают друг другу. А девочка уже померла от холода. И среди них идет Ольга Герасимовна, полная пожилая женщина. И ей холодно, потому что она не взяла с собой свитер. И еще старик думал о том, что придется отказаться от ежедневных посещений газетного киоска. Ольга Герасимовна — женщина мягкая и добрая, но все равно обратного пути нет. И от этого было еще грустнее, и старик почему-то представил себе, как он сейчас тоже идет по лесу, но ищет не Светлану, а Ольгу Герасимовну, спасает ее и несет к городу, а она говорит ему старомодно и тихо: «Благодарю вас, мой спаситель». Старик поднялся, прошел на кухню, выпил воды. Тишина в доме угнетала, а радость по поводу того, что удалось все-таки сохранить аппарат, не отдать свое будущее богатство людям, которые в этом ничего не понимают, уже миновала.

Старик еще выпил воды. Он хотел идти обратно, как услышал тихий стон. От неожиданности он даже схватился за край плиты. Оказалось, это только котенок, который вовсе не стонал, а пискнул, тоже чувствовал страх и одиночество. Старик хотел цыкнуть на котенка, но увидел, что на шее котенка повязана красная ленточка, и вспомнил, что еще два-три дня назад видел эту ленточку в косичке у Светланы. И не прогнал котенка. Так они и стояли посреди кухни.

— Нет, — сказал старик вслух, — все равно уже поздно.

Котенок сел и облизнулся. Он был рад, что не один в доме.

Старику было трудно дышать, и ломило в затылке. Победа, спасение аппарата лишь усложнили жизнь, и не было на самом деле никакой победы.

Котенок слушал, наклонив голову, как старик рассуждал с невидимым собеседником:

— Тысяча человек не нашли, а я им найду... ну как я им найду?

Котенок поднял хвост и пошел в угол, к миске, проверить, нет ли там молока. Молока не было. Забыли налить.

— Человека презирать нетрудно. Каждый из нас одинок. И ты одинок, и я одинок. А понять никто не может. Могли бы, но не хотят. Скажу: держите, пользуйтесь. А кто спасибо скажет? Скорее всего, привлекут за незаконное хранение.

Старик поглядел на котенка, стоявшего в растерянности перед пустой миской.

— А долг перед тобой никто не выполнил. Ушли, забыли. Не беспокойся, сейчас все вернутся, на радостях, может, и накормят. Или снова забудут.

Старик прислушался. Ему показалось, что по лестнице звучат шаги. Нет, показалось. На кухне было жарко.

А там, в лесу, холодно.

Раньше он всегда кому-то был нужен... Жене, сыну, на работе. Потом, когда оставался сын, он уже был мало чем нужен сыну, хотя тот приезжал и слал письма. А теперь никому не нужен.

Но сейчас они придут, приведут девочку. А никого нет дома. Надо воду поставить на плиту, чтобы согрелась к их приходу. Наверно, Светлане горячую баню надо устроить.

Он долго искал спички, а когда нашел, понял, что зря ждет людей здесь. Девочку повезли в больницу. Там ее смажут, если обморозилась, и выкупают. Старик положил спички у плиты и постарался вспомнить индекс латуни. Не вспомнил. Вернулся в комнату, достал список, поглядел, спрятал список в карман брюк.

Его мысль вернулась к Ольге Герасимовне. Она тоже может обморозиться. Надо бы ее встретить, проводить. Если она захочет с ним разговаривать. А почему не захочет, когда он ее встретит из леса и проявит заботу?

Старик вернулся в комнату, натянул свитер сына: на улице холодно. Зря Ольга Герасимовна его не взяла.

Он решил дойти до леса, встретить Ольгу Герасимовну, не более. На лестнице ему пришла в голову простая мысль: ведь он нарочно обманул Ольгу Герасимовну. Конечно, обманул, потому что сейчас пойдет в лес, найдет девочку и приведет ее домой. А когда Ольга Герасимовна спросит, почему не сделал это раньше, со всеми, ничего не ответит. Пускай сама догадывается. Конечно же, он из скромности не сделал этого раньше. А если он пойдет сам по себе, в стороне от людей, никто не увидит аппарата. И никто не отнимет его. А Ольге

Герасимовне он скажет, что оставил аппарат дома. Конечно же, он оставлял аппарат дома.

Теперь главное, чтобы девочку не нашли раньше, чем это сделает он сам. Он должен ее найти. Не тысячи людей с собаками, а он один.

И пока он спешил, почти бежал через пустой, замерший городок, то ему все казалось, что люди возвращаются из леса, нашли девочку без него. И он все прибавлял и прибавлял шаг, чтобы этого не случилось.

За последними домами, у пустоши, тянущейся до городища, стояла санитарная машина. Огни в ней были потушены, и никого не было внутри. Значит, и шофер, и санитары тоже там, в лесу.

На краю кустарника мелькали огоньки. Там уже были люди.

Старик прошел в лес вдоль самого берега реки. Здесь людей не было. Он представил себе лес и решил подняться туда по глубокому оврагу. Фонарик он не включал. Вышла луна, и, если наступать на белые снежные пятна, можно идти почти как днем. На зрение старик не жаловался, всегда гордился своим зрением, острым не по годам. Сверху, от леса, доносились слабые крики, казалось, что перекликаются грибники.

Когда старик поднялся по склону оврага и углубился в лес, то стало чуть теплее. Старик снял перчатки и сунул в карманы, чтобы согреть пальцы. Близко прошли люди. Несколько человек. Они шарили перед собой фонариками и перекликались. Старик прижался к стволу осины и переждал, пока пройдут. Хорошо, что они еще не нашли девочку.

Наконец начался сосновый бор. Старик вынул из кармана аппарат и поставил индекс латуни. Лампочка не загоралась. Он перевел стрелку на максимальное расстояние, больше километра, увидел, как засветился волосок лампы. Неужели так сразу и нашел? Он развернул аппарат к источнику. Оказалось, сигналы шли оттуда, где были крики. Несколько латунных точек передвигались по лесу. Нет, там искать не надо. Там милиция, может, лесники, солдаты. Пуговицы у них. Старик выключил аппарат и пошел дальше, в глубь леса, но не по оврагам, где особенно старались, прочесывали каждый куст люди, а по высоким местам. Почему-то ему казалось, что девочка должна тоже искать самое высокое место.

Минут через двадцать крики отдалились, хотя и не пропали. Они стали частью ветра и потрескивания ветвей. Старик через каждые пять минут останавливался, включал аппарат, но впустую.

Потом стало холодно. Старик пожалел, что не достал валенки. В ботинках, хоть и с галошами, мороз добирается до пальцев. Уверенность старика в том, что он не только отыщет девочку, но и приведет ее домой раньше, чем вернутся из леса расстроенные и разочарованные прочие люди, начала оставлять его. Уж очень холодно, пусто и безлюдно было здесь, среди черных деревьев.

13

Наступил момент, когда старик понял, что устал так, что дальше не сможет сделать ни шагу. Пальто было в трухе, листьях и сучьях, руки исцарапаны, и в одном месте лопнули брюки. Напряжение, помогавшее старику два часа пробираться сквозь чащу, сменилось апатией. И старик вдруг без особого волнения или негодования подумал, что может и не выбраться из леса. И его никто не будет искать так, как ищут эту девочку, которая ничего еще не сделала в жизни, и если сложить все деньги, которые истрачены на ее поиски, все время, которое тратят на это сотни взрослых людей, окажется, что она и десятой части того не стоит. Но ее ищут. А старика, когда хватятся завтра, никто искать не будет, хотя он прожил долгую жизнь и тридцать с лишним лет работал, кормил семью и вырастил талантливого сына. И не он виноват, что сын погиб. Вот и кончится его семья, его род. И никто не заметит.

Пальцы онемели, и старик, сидя на поваленном дереве, с трудом извлек из-за пазухи аппарат, вытянул антенну и нажал на кнопку, включая индекс латуни. Не потому даже, что верил, что найдет девочку. Просто в этом действии сейчас заключался смысл его существования.

И лампочка загорелась ярче, чем прежде.

Старик не очень удивился. Ему было уже почти все равно. Он повел антенной, и оказалось, что латунный предмет, небольшой латунный предмет находится в сорока метрах от старика, во впадине за молодыми елками.

Старик встал не сразу. Ему не хотелось вставать. Его клонило ко сну. А ведь если девочка чувствует то же, что и он, ее лучше не беспокоить, пускай поспит...

Сильный порыв ветра, треск сломившегося сучка неподалеку и высокий, пронзительный вой, пролетевший с ветром, словно разбудили старика. Его руки зашевелились, он потряс головой, будто выливая из ушей воду, и так резко поднялся, что чуть не упал на мерзлую землю. Нет, еще не все кончено, мы еще повоюем...

Старик уверенно шел к латунному браслету. Он не допускал мысли о том, что там может оказаться что-то иное. Сорок шагов дались нелегко, потому что впереди оказался завал, а старик стал обходить его, чтобы еще раз не включать аппарат, не студить рук. Треснуло, расстегнулось пальто, и нога попала в какую-то щель. Старик рванул ногу и оставил в щели галошу, но, заметив это, не придал тому значения, потому что вдруг понял, что все кончится хорошо, что найдет девочку, он выйдет к людям...

Полянка была окружена густой еловой порослью. Трава на ней была вытоптана. Старик включил фонарик, и его луч задрожал, заметался по листве и сухой траве.

Браслетик лежал у пенька, он заблестел под лучом фонаря, как золотой.

Старик присел на корточки и поднял браслетик. Браслет был холодный, ледяной, и неизвестно было, когда его потеряла девочка. А без браслета старику ее было не найти.

Он с трудом заставил себя выпрямиться. Он был очень стар, куда старше своих лет. Ему не было жалко себя или богатство, которого он не дождется, а он вдруг пережил весь страх, который достался на долю Светланы, и надежду ее на то, что кто-то придет и уведет ее отсюда. И виноват в этом был он, старик. Потому что он уже несколько часов знал, что может найти ее. И если бы не он, девочка давно была бы дома. Он мог найти ее днем, когда было светло и не так холодно, он мог позвать с собой в лес Ольгу Герасимовну, и они вдвоем привели бы домой Светлану. И Ольга Герасимовна никому бы не рассказала об аппарате, потому что она человек серьезный. Ну а если бы рассказала? Что, не прожили бы они вдвоем на его пенсию и ее зарплату?

И старик в отчаянии бродил кругами вокруг поляны, раздвигал ветви елок и сипел: «Светлана!» — на крик не хватало голоса и силы. И никто не отзывался. А у старика уже не было сил вернуться туда, где были люди, и позвать их сюда, чтобы они прочесали эти елки.

Последней вспышкой энергии в старике бушевала злость на себя, погубившего девочку и себя самого. Он не чувствовал ног, и сердце билось частыми неровными толчками, замирая и останавливаясь. А он шел и не чувствовал ни уколов, ни ударов ветвей по лицу.

Раз он упал и, когда поднимался, увидел на земле черную коробочку. И с удивлением отметил, что это его аппарат, который он выронил или только что, или несколько минут назад, проходя по этим же местам, совершая круги по ельнику. И это его не волновало, потому что аппарат относился к какому-то далекому прошлому, а сейчас его вроде даже и не было и быть не могло.

Старик силился подняться, аппарат лежал совсем рядом, и тут возникла мысль, как-то связанная с аппаратом. Но старик не сразу смог понять, почему аппарат еще может ему пригодиться. И в ушах звучали какие-то важные слова Ольги Герасимовны о гвоздях. При чем тут гвозди? Где гвозди?

Старик, лежа, протянул руку к аппарату и, не осознав, что делает, включил аппарат и на память поставил его на индекс железа, который бы никогда не вспомнил днем. И глядя, как разгорается лампочка, он понял, зачем подобрал аппарат. Гвоздями подбиты сапожки Светланы.

14

Светлана сидела, удобно свернувшись в комочек, засыпанная листьями, и ее можно было не увидеть, пройдя в двух шагах. Сначала старику показалось даже, что она не дышит. Она была такая холодная и неподвижная.

Старик сел рядом с нею и начал расталкивать ее, хрипеть над ухом, а Светлана не отзывалась. Он, сидя, притянул ее к себе и свободной рукой принялся расстегивать пальто, чтобы прикутать девочку к своему телу, а Светлана была вялой, послушной и никак не хотела просыпаться и помочь старику, у которого не было сил, чтобы согреть ее как следует.

Ему мешал аппарат. Он откинул его подальше, и аппарат скрылся в ворохе листьев. Аппарат мог пригодиться, чтобы найти дорогу назад, но об этом старик не думал, потому что важнее было, чтобы девочка была живой, ведь все равно возвращаться к людям, делать такое невероятное усилие можно было бы, лишь если она жива. А так и не нужно было возвращаться к людям.

Старик держал Светлану обеими непослушными руками, прижимая к груди, и ему показалось, что ее сердце бьется. Он не мог быть в этом уверен, но надежда на то, что девочка жива, придала ему сил, о существовании которых старик и не подозревал. Он, сидя, смог положить девочку себе на колени, стащить с себя пальто и свитер сына. Он закутал девочку в свитер, потом в пальто. Он даже растер ей пальцы, совсем холодные, ледяные пальцы, и девочка всхлипнула, как во сне.

Теперь самое главное было встать на ноги и поднять девочку. Старик увидел, что совсем низко протянулся толстый сук. Он обхватил сверток с девочкой правой рукой, а левой вцепился, не чувствуя пальцев, в сук и постарался подтянуться.

Ему не удалось этого сделать. Пришлось отпустить сук, встать на колени, обхватить Светлану и медленно выводить ногу вперед, поднимая колено, потом стоять с минуту на одном колене, пытаясь унять сердце, и после нескольких неудачных попыток все-таки встать на ноги и сделать первый шаг.

15

Он шел, почти не видя дороги впереди, оборачиваясь спиной, если приходилось пробираться сквозь заросли, и защищая Светлану телом. Он шел вперед и не боялся, что может заблудиться, потому что в этом была бы такая несправедливость, на какую не может решиться даже судьба.

Он шел вниз, туда, где вдоль реки тянется проселочная дорога, потому что знал, что скоро упадет и не сможет нести девочку. Хоть руки и онемели, их все время тянуло вниз, и они могли в любую минуту просто упасть, и тогда уже их ничем не заставишь поднять девочку снова.

Но руки еще некоторое время служили ему. До самой дороги. Он все-таки вышел на дорогу, не увидев ее, а угадав, что стоит на ней, и пошел по дороге. Ему казалось, что он идет быстро и ровно, и он да-

же отсчитывал шаги, только все время сбивался, потому что не мог вспомнить некоторых цифр. На самом деле он продвигался редкими, неверными шагами, порой топтался на месте, со стороны могло бы показаться, что он смертельно пьян.

Светлана вдруг сказала что-то неразборчиво, и старик ей ответил, успокаивая. Вместо слов у него получилось мычание, хотя старик думал, что говорит убедительно и мягко.

Потом он уже ничего не думал и не считал шагов, а боролся с видениями, которые уговаривали его остановиться и лечь, видел разных людей — и сына, и покойную жену, и Ольгу Герасимовну, но их увещеваниям не верил.

Он упал у самого края леса и инстинктивно лег так, чтобы обнять Светлану, подтянул колени и спрятал ее от ветра в кольце рук. А ему казалось, что он идет.

Так их и нашли. Минут через десять после того, как старик упал. Их нашли люди, которые возвращались из леса по той же дороге, потому что многие уже замерзли и торопились домой, чтобы немного отогреться, передохнуть и с рассветом снова идти в лес.

А когда потом Светлану спрашивали, как и где нашел ее старик, она не могла вспомнить.

ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК

1

Мне запомнился один разговор. Ничего в нем особенного — я таких разговоров наслушалась сотни. Но тогда мне вдруг пришло в голову, что постороннему человеку ни за что не догадаться бы, в чем дело.

Моя бабушка сидела в соседней комнате и жаловалась на жизнь своей подруге Эльзе. Я к таким беседам отношусь положительно: бабушке полезно выговориться. Специально я не вслушивалась, но работа у меня была скучная, механическая, и некоторые фразы запали в голову.

Я ползала на коленях по полу с тюбиком в руке и скальпелем в зубах и подклеивала подкладку пузыря. Разница между дилетантом и настоящим спортсменом-пузыристом заключается в том, что дилетант старую подкладку выбрасывает — невелика ценность. Профессионал склеит подкладку собственными руками и подгонит пузырь по себе так, что его конструктор не узнает. Ведь скорость и маневренность пузыря зависят порой от таких неуловимых мелочей, что просто диву даешься. Мы все такие — профессионалы. Как-то я была на сборах, рядом тренировались велосипедисты — славный пережиток зари механического века. Вы бы посмотрели, как они обхаживали, перекраивали, сверлили свои машины.

И тут я услышала голос бабушки:

— Иногда у меня руки опускаются. Вчера он прыгнул на верхнюю раму телеэкрана и с такой яростью отломал ее, что я боялась — потеряет пальцы.

— Это ужасно, — согласилась подруга.

Всю жизнь у бабушки происходят события, и всю жизнь Эльза выражает бабушке сочувствие.

Они поговорили немного, я не слышала, о чем, потом голос бабушки опять проник в мою комнату:

— Я думала, что мы его никогда не достанем из-под плиты. Там щель крохотная. А он умудрился забраться в нее ночью, пока все спали.

— Ты, наверно, страшно переволновалась?

— Не то слово. Утром встаем, его нигде нет. Олег (имелся в виду мой папа) чуть с ума не сошел. А я пошла на кухню, только набрала на плите код, как у Катерники возникло предчувствие. Она заглянула в щель. Просто счастье, что я не успела нажать кнопку. Потом техник мне сказал, что под плитой температура поднимается до ста градусов.

— И он вылез?

— Ничего подобного. Он застрял. Лежит и шипит. Пришлось демонтировать плиту. А техник сказал...

— Но должны же быть какие-то светлые моменты, — настаивала Эльза.

— Ни одного! — отрезала бабушка. — Но самое страшное, я не представляю, что он выкинет завтра.

— Нырнет в мусоропровод? — предложила в качестве рабочей гипотезы Эльза.

— Это он уже делал. Катерника поймала его за задние лапы. Все приходится держать под замком, все проверять, все прятать. За последние полгода я состарилась на десять лет.

Последние слова бабушки не соответствовали истине. Выглядела она великолепно. Борьба с Кером придавала ее жизни определенную остроту. Мученический венец бабушку молодил.

И вот, прислушиваясь к этой неспешной беседе и ползая притом со скальпелем в зубах по скользкой подкладке, я пыталась представить себе, что я ничего не знаю. Допустим, я случайный человек, Кера в глаза не видела. Кем он мне привидится? Котенком? Щенком?.. Но уж совсем не чертенком со старой гравюры...

Меня дома не было, когда отец привез Кера. Я задержалась на тренировке, поэтому и увидела его последней.

Он сидел на столе и показался мне похожим на голодную, замерзшую обезьянку, забывшую о живости и лукавстве обезьяньего племени. Он кутался в какую-то серую тряпку, с которой ни за что не желал расставаться, и его светло-серые глазищи были злыми и настороженными. При виде меня он оскалился, отец хотел его приласкать, но

Кер отмахнулся от отца длинной ломкой рукой. Потом неловко спрыгнул со стола и заковылял в угол.

— Вот, Катерника, у нас прибавление семейства, — печально сказала бабушка, которая обожает всяческую живность, но которую, как и меня, Кер страшно разочаровал.

Еще вчера мы были полны энтузиазма и предвкушали радостную и трогательную встречу с несчастным сироткой, которого будем голубить, нежить и терпеливо воспитывать. И вот сиротка сидит в углу, шипит, а из-под серой тряпки выглядывает краешек недоразвитого перепончатого крыла.

До встречи я знала о Кере столько же, сколько любой другой житель нашей планеты. Его и еще пятерых таких же малышей нашли в спасательной капсуле на орбите вокруг второй планеты в системе, номер которой я, конечно, забыла. На планете было поселение или база. База погибла при неизвестных обстоятельствах. Корабль подняться не успел, но они смогли погрузить своих детишек в спасательную капсулу и вывести ее на орбиту. Может, они рассчитывали, что к ним придет помощь, не знаю. Помощь не пришла, а сигналы капсулы были приняты экспедиционным судном «Вега». Малыши, когда их нашли, были чуть живы. Вот их и привезли на Землю. Куда еще прикажете их везти, если дома у них теперь не было?

«Вега», разумеется, оставила на орбите маяк. Так что, если прилетят спасатели, они будут знать, куда эвакуировали малышей.

Сначала их хотели оставить в специальном интернате. Потом решили распределить по семьям: малышам нужна постоянная забота и родительская ласка. И мой отец получил разрешение взять сироту на воспитание. Я думала тогда, что некоторые мои подруги лопнут от зависти. Наша семья оказалась почти идеалом по представленным в ней профессиям: отец — биолог, точнее, космобиолог, мама — медик, а бабушка — известный специалист-теоретик по дошкольному воспитанию.

Вот мы и стали жить вместе, если это можно назвать «вместе». Мне не хотелось бы обижать Кера, но некоммуникабельность, существовавшая между нами, была сродни той, что возникает порой между людьми и дикими животными. Допустим, вы селите у себя горностая. Животное подвижное, сильное и красивое. Вы окружаете его лаской, кормите его мясом вдосталь, сооружаете ему удобную постель, но вы думаете при этом, что он если не сегодня, то потом, через неделю, месяц отплатит вам взаимностью. Но он и сегодня, и завтра, и послезавтра преспокойно кусает протянутую руку, все ворует, создает под подушками запасы гниющего мяса и ждет только возможности, чтобы удрать из дома, вернуться к голоду и неуверенности своего лесного существования. Он убежден, что вы его враг, что все вокруг его враги, заманившие его сюда, чтобы съесть. Вот такую аналогию можно было бы провести и с Кером.

Он ничего не хотел понимать. Это не значит, что он в самом деле не понимал. Ему был внушен русский язык, нам — его язык, так что при желании мы могли бы побеседовать. Как бы не так.

Помню, недели через две такой жизни я в минуту раздражения, когда Кер только что разодрал на мелкие клочки очень нужное мне письмо, да притом сожрал эти клочки, сказала ему:

— Дружище, ты что, провоцируешь меня на рукоприкладство? Не добьешься. Я маленьких не бью.

Он сделал вид, что ни слова не понял, подпрыгнул и укусил меня за назидательно протянутый в его сторону палец. Честно говоря, я вечно ходила с распухшими, ноющими пальцами, а в школе или на тренировках мне не хотелось признаваться, что это работа моего очаровательного сиротки, и я врала напропалую о приходящем ко мне скунсе-вонючке да рассказывала легенды о благодарности и отзывчивости Керочки.

Бабушку он вообще ни в грош не ставил, все ее воспитательные теории разрушал одним махом, маму не замечал, только отца побаивался, что того очень огорчало.

Отец уверял, что по уровню физического и умственного развития наш новый ребенок равен десятилетнему. И растет он быстрее, чем мы. Так что мы встретились с ним, когда мне было тринадцать, ему будто бы десять. А к моим семнадцати мы должны будем сравняться. При условии, конечно, что физиологи не ошиблись.

Глупым его назвать было нельзя. Доказательством тому случай с дневником наблюдений. Дневник — название условное. Над Кером, как и над другими малышами, велось постоянное наблюдение. Камеры, скрытые в стене комнаты, постоянно фиксировали его жизнь. А кроме того, мы договорились записывать в толстенную книгу — не знаю, где ее раскопала бабушка, — все интересное, что, на наш взгляд, происходило с Кером. Читать он не умел. Его этому еще не учили, но он как-то догадался, что периодические обращения людей к толстой книге имеют к нему прямое отношение. Может, просто связал последовательность событий — дети ведь такие наблюдательные. Стоило ему чего-нибудь натворить, бабушка или я, папа реже, хватались за книгу и начинали в ней царапать. Так вот, книга исчезла, и мы сначала даже не догадались, что это его рук дело. Он и виду не подал. Так же кусался, отказывался от бабушкиных коржиков и бабушкиных нотаций. И в глазах у него стояла та же пустота и злоба на нас, на весь наш земной, в общем, тепло к нему расположенный мир.

Я тогда пыталась узнать у отца, как обстоит дело в других семьях, которые взяли на воспитание малышей. Оказалось, то же самое. В той или иной степени. У одного профессора Кембриджского университета жила девочка из спасенных. Она никого даже узнавать не хотела. К нам приезжал психиатр, так он сознался, что «на данном этапе мы

бессильны найти путь к их сердцам», и уехал, а бабушка потом корила его: «Разве можно так говорить о детях?»

Так вот, книгу он боялся, ждал, видно, от нее каких-нибудь неприятностей и решил сжечь ее в саду, для чего обломал ночью ветви яблони, сломал сиреневый куст, сложил все в кучу, поджег, только сырые ветви плохо горели, этого он не знал.

Сначала приехали пожарники, потом мы сами проснулись. Гляжу в окно — там страшные прожектора, тревожно: оказывается, пожарный разведчик унюхал дым и приехал нас спасать. Кер сбежал в дом, улегся, весь мокрый, измазанный сажей, в постель и делал вид, что ничего не произошло. Книгу он испортил намертво, но был собой доволен и в ответ на наши укоризненные взгляды радостно скалился — зубки острые, хищные.

Летать он не может. Растопыривает крылышки, становится похожим на летучую мышь и как будто понимает при этом, что нелеп и даже смешон в наших глазах. А летать ему хочется, он может часами сидеть у окна, смотреть на птиц, он себя чувствует ближе к птицам, чем к нам. А однажды кошка поймала летучую мышь. Он, как увидел, бросился к кошке, чуть не убил ее, мышь отнял, только она уже была задушена. Никто у него эту мышь отнять не смог, бабушка переживала, плакала у себя в комнате, он сам мышь похоронил где-то, закопал. Наверно, решил, что мышь ему дальняя родственница. А за кошкой с тех пор гонялся, шипел на нее, бабушка даже отдала ее потом своей племяннице от греха подальше.

2

Я нашла эти мои записки, личные записки, только для себя, и удивилась — ведь прошло три года. Мне уже шестнадцать, нашему чуду полосатому — неизвестно сколько, но он уже почти взрослый. Он подрос. Но так как я тоже подросла, и солидно, то он все равно только-только достает мне до пояса. Три года — это очень много, жутко много, то, что было со мной три года назад, то, что я делала и думала, мне кажется совершенно чужим и глупым, словно происходило это с другим человеком. Это была неглупая и довольно образованная тринадцатилетняя девочка, а теперь... теперь у меня другие интересы.

А вот что касается Кера, то мне кажется, он появился в нашем доме всего несколько дней назад. Я отлично помню и тот день, и первые слова, которые были сказаны, и первые переживания.

Кер тогда сначала прожил у нас год. Весь год мы носились с ним как с писаной торбой. Мама мне потом как-то сказала: «Мне даже неловко, сколько родительской ласки мы отняли у тебя ради нашего звереныша». Я не очень из-за этого расстраивалась. Мне родитель-

ской ласки хватало, особенно если учесть, что я человек самостоятельный и отлично могу обойтись половиной нормы.

Всем нам было грустно от того, что наши терпение и внимание пропадали втуне. Он разорвет мой рисунок или еще чего нашкодит, я ему говорю: «Ну скажи, чудо глазастое, за что ты меня ненавидишь?» «За то», — отвечает. Он вообще предпочитал обходиться без помощи внятной речи. Фраза длиннее двух слов ему была отвратительна. Чаще всего он ограничивался двумя выражениями: «Нет» и «Не хочу». Потом добавил к этому словарю «уйди». Учиться он тоже не хотел. Тут уж мы были совершенно бессильны. А через год его у нас вдруг забрали.

Тогда отец пришел домой и сказал:

— Завтра Кер уезжает.

В этот момент Кер был занят тем, что рисовал черной краской квадраты на золотистой обивке дивана. Он не знал, что краска смываемая, и его смущало, что его никто не останавливает. Кер поднял ухо, услышав эти слова, но рисовать не перестал.

— Почему? — удивилась бабушка. — Разве ему у нас плохо?

— Плохо, — сказал отец. — Он здесь всегда себя чувствует подавленным.

Кер провел черной краской длинную полосу, довел ее до пола и застыл в неудобной позе, подслушивая, что будет дальше.

— Мы настолько чужды ему, что боюсь, мы скорее травмируем его, чем воспитываем.

— И куда же его отправляют?

— Создана база — изолированный центр, где условия, надеются ученые, приближены к привычному для него окружению. Туда отправляют всех малышей. Они будут дальше расти все вместе.

— Но он уже к нам привык, — возразила я без особой убежденности.

— Привык? — удивился отец.

Кер обмакнул кисть в краску и умело забрызгал меня с головы до ног. Когда я отмылась, отец объяснил, что малышу надо жить в коллективе себе подобных, что еще неизвестно, когда ему удастся вернуться домой, а пока я должна представить себе, хотела бы я провести годы в одиночестве, среди родственников Кера, или предпочла бы жить в детском саду, вернее, интернате, с такими же, как я, детьми? Я не смогла дать вразумительного ответа, а Кер всю ночь не спал, ворошил накопленные им за последний год богатства — он великий барахольщик, тащит к себе в комнату все, вплоть до склянок, черепков, камешков, старых бумажек, сучков и веток, удививших его своей формой или фактурой. Утром обнаружили Кера внизу, в прихожей. Завтракать он не хотел, собрав все свои богатства в мешок, сидел рядом с ним, словно боялся пропустить поезд.

— Нет, — сказала бабушка, которая встала первой и очень расстроилась, что Кер никак не выразил жалости по поводу отъезда. — Так ты не уедешь. Ты сначала позавтракаешь, как все люди.

— Не хочу, — проквакал Кер. Губ у него нет, рот смыкается плотно, даже не увидишь, где эта щель, зато как откроет — словно у лягушки.

— Рад, что уезжаешь? — спросила я, спустившись вслед за бабушкой. В этот вопрос я попыталась вложить всю свою обиду на неблагодарного звереныша.

Кер поглядел на меня в упор и не удостоил ответом.

Завтракать он так и не стал, дождался отца на пороге. Мы вышли с ним попрощаться, он нырнул во флаер и спрятался там. Флаер улетел. Мы с бабушкой вернулись в дом, настроение было поганое, реветь хотелось, а бабушка все время казнила себя за то, что не нашла к нему подхода.

— Пойми, Катерника, — говорила она мне. — Ведь, в конце концов, отец прав. Совершенно прав. Нас все-таки много, а он один. А что мы знаем о том, как с ним обращалась его мать? Может, его надо по утрам гладить по голове?

— Я видела, как ты гладила, экспериментировала. Он тебя цапнул.

Я была непримирима. Кер меня оскорбил. Ну и скатертью дорога.

Так мы и злились целый день. Вечером вернулся отец, рассказал, как все удачно придумали для малышей, как там все рассчитано по их росту, а температура, влажность и так далее вычислены по оптимальным параметрам.

— А как они его встретили? — спросила бабушка.

— Кто?

— Ну, остальные малыши.

— Как? — Отец пожал плечами. — Спокойно. Равнодушно встретили. И не пытайся, мама, прилагать к ним наши эмоции. Взглянули на него и занялись своими делами...

А той же ночью произошло чрезвычайное происшествие. Трое из шестерых малышей удрали из своего нового дома, проявив при этом большую сообразительность. Нас предупредили, потому что Кер мог вернуться и домой. Но он не вернулся. Их всех поймали у космодрома, как они умудрились добраться до него — непостижимо. За ночь они прошли шестьдесят километров. А ведь они еще дети.

Беглецов вернули на базу, объяснили им в который раз, что никто, к сожалению, не знает, в какой стороне находится их дом, они в который раз не обратили никакого внимания на эти слова и уговоры. Будто не слышали.

Потом прошло три или четыре дня без всяких происшествий. Это не значит, что мы забыли о Кере, нет, все-таки в доме оставалось множество следов его разрушительной деятельности — и утром четвертого дня, когда я поднялась за чем-то в ту комнату, где раньше

жил Кер, а теперь отец решил сделать мастерскую, Кер мирно спал на верстаке, подложив под голову мешок со своими богатствами.

— Ах! — сказала я. И очень обрадовалась.

Он открыл глазищи и показал мне кулачок. Молчи, мол.

— Ни в коем случае, — сказала я. — Ты же рецидивист. Все хотят сделать для тебя как лучше, а ты всем делаешь как хуже.

Кер изобразил полное отчаяние, уткнулся носом в мешок, но я продолжала:

— Сейчас тебе придется отправляться обратно на базу, где живут твои товарищи, потому что из-за тебя беспокоятся люди...

Не знаю, что меня тянуло за язык. Может, когда ему сказали, что нужно уезжать, он слишком быстро собрал свой мешок и уж очень хотел скорей убраться отсюда?

Тут Кер сиганул в открытое окно, и, когда я, спохватившись, что же я делаю, бросилась за ним, его и след простыл.

На шум поднялась бабушка, которую мучили предчувствия, а там прибежала и мама, потому что уже позвонили с базы и сказали, что Кер и еще один малыш, который тоже жил недалеко от Москвы, снова сбежали.

Мы искали Кера всей семьей, облазили сад, все его укромные уголки, но не нашли. Обнаружил его отец. Кер, оказывается, незаметно вернулся в свою комнату и уже успел разорить верстак, на котором ему спать неудобно, показывая этим, чтобы ему возвратили его постель.

После долгих переговоров с базой нам разрешили оставить Кера у себя, раз уж он сам того хочет. А вскоре и остальные малыши разъехались по прежним домам. Только двое остались на базе. Видно, как рассудила бабушка, в своих земных семьях они не получили той заботы, которую мы, то есть в первую очередь бабушка, смогли обеспечить нашему сорванцу. Бабушка тщеславна, но, очевидно, это характерно для всех бабушек, когда дело касается их внуков.

И вы думаете, что после всех этих приключений Кер стал спокоен, послушен, начал учиться и уважал старших? Как бы не так. Все пошло почти по-прежнему. Не совсем по-прежнему, потому что бабушка ввела в разряд наказаний угрозу вернуть его на базу, которую почему-то именовала «приютом», и эта угроза действовала. И еще не совсем по-прежнему, потому что Кер немного повзрослел, и я стала замечать, что он ворует у меня видеопленки и ночами крутит их на своей учебной машине. Не знаю уж, что он в них понимал, но, наверное, ему было интересно.

А в общем, хоть и стал он членом нашей семьи и мысль о том, чтобы он куда-то уехал, кажется даже смешной, родным я его не чувствую. Может, и оттого, что он мне не простил маленькой мести в тот день, когда сбежал из «приюта». С другими членами нашего семейства он, скажем, лоялен, мне он — враг номер один. И несколько раз,

когда ко мне приходили гости, он врывался в комнату и нахально безобразничал, специально, чтобы довести меня до белого каления. Правда, ему это не удавалось, а если гости не пугались его, а смеялись, то он быстро скисал и уползал к себе в комнату.

И еще одно: в этом году Кер научился летать. Сначала он насажал себе шишек, сигая с деревьев и крыши, а потом у него стало получаться вполне прилично, правда, он высоко не поднимается и летит довольно медленно. Крылья у него отросли и напоминают мне крылья самых первых аэропланов. Но они очень тонкие и складываются на спине, словно хребет древнего ящера. Иногда он позволяет бабушке почесать крыло, расправляет его, и зрелище это, доложу я вам, совершенно фантастическое: представьте мою интеллигентную старушку, которая сидит в кресле, полузакрытая серым тонким крылом, у ног ее расположился самый настоящий черт, который жмурится от удовольствия. Кер стесняется, если кто-нибудь увидит его в столь легкомысленной позе, шипит и делает вид, что пришел за книжкой или пленкой, а бабушка ворчит, что им с Кером не дают поговорить по душам, хотя я клянусь, что ни о чем они не разговаривают. Они молчат и наслаждаются самим процессом общения.

А с поисками их настоящего дома дело пока не движется. Я все понимаю, но мне грустно сознавать, что, может быть, этим существам придется всю жизнь провести здесь.

А я уже три месяца как в сборной Москвы. Я считаю себя неплохой пузыристкой. Странное это слово — «пузыристка», мне всегда кажется, что за этим должно скрываться что-то толстое и розовое. А я, как известно, не толстая и не розовая. Вот научится Кер летать получше, возьму его как-нибудь с собой. Пусть посмотрит, что его врагиня тоже на что-то годится.

3

Никогда ничего нельзя предусмотреть в жизни. Я сейчас достала свои старые двухслойные записки с промежутком в три года и подумала уже не о том, изменилась ли я сама, а об изменении самой сути событий. Я прочла записки, не думая, что продолжу их — подростковая графомания меня уже оставила, — но незаметно для себя самой начала писать, окунаясь в прошлое, далекое и совсем недавнее.

В общем, прошло немного времени. Несколько месяцев. И конечно, если бы все шло как положено, писать было бы не о чем. Но заболела и умерла бабушка. И случилось это, в общем, незаметно для всех. Бабушка была вечной, и, если она прихварывала, это воспринималось в порядке вещей. Бабушка часто прихварывала, у нее было плохое сердце, а на операцию она не соглашалась, почему-то она искренне была уверена, что искусственные клапаны человеку противоестественны.

Умерла бабушка, когда никого не было дома. Кер в тот день улетел к своему соотечественнику, жившему километрах в ста от нас, в доме одинокой профессорши. Улетел он не на крыльях, а на флаере, он не любил любопытных взглядов и расспросов. Он, разумеется, уже не кусался, не шипел, встретившись с незнакомым человеком, но старался уйти или улететь, в общем, избегнуть встречи. Я была на соревнованиях, отец с матерью на работе. Кер вернулся домой раньше всех и нашел бабушку мертвой. Он, конечно, не сообразил вызвать «Скорую помощь», хоть это уже никому бы не помогло — бабушка умерла часа за два до его возвращения, — а попытался вытащить ее из дома, положить во флаер... Тут вернулся домой отец.

Я несколько недель после этого жила под впечатлением бабушкиной смерти. Все из рук валилось. Ну как же так? Ведь вот бабушкины вещи, вот ее книга недочитанная, а в шкафу ее платье, которое она с такой помпой шила себе к семидесятилетию и с тех пор ни разу не надела. Какая несправедливость, что вещи живучее людей. И я даже подумала, что был смысл в обычаях скифов, которые предавали огню все, что оставалось на этом свете от человека, чтобы ничего не напоминало о нем близким. Они знали цену забвению. А может, это были не скифы, а может быть, они были не правы... Я места себе не находила, не появлялась в Институте времени, где у меня была практика, забросила все тренировки, хотя на носу было первенство города. Всем было плохо, но оказалось, что хуже всех Керу.

То ли он еще не сталкивался в своем мире со смертью, то ли забыл об этом, маленький был, но удивительнее всего, что он просто возненавидел всех нас за это. Ни с кем не хотел общаться. Сидел у себя, никуда не вылезал. Только один раз спустился вниз, зашел в библиотеку, подставил стул к шкафу и вытащил оттуда все старые детские книги, которые когда-то принадлежали мне, а потом бабушка читала их Керу. В первый год, пока он у нас жил. Я тогда думала, что он их и не слушает, даже посмеивалась над бабушкой: «У них крокодилы по улицам не ходят, а что такое рассеянность, он никогда не поймет». — «Ты же поняла, — отвечала бабушка и продолжала: — «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной...» Кер сидел в углу и делал вид, что рассматривает потолок.

Так вот, он все эти книги собрал, отнес к себе и положил у кровати. Больше ничего не взял. На похороны бабушки не пошел, может, и не знал, что это такое, или не захотел. И на ее могилу ни разу не пошел. Он стал уже коренастый, как шар, ноги у него короткие, кривые, никакой одежды он не признавал, даже в самые морозы, и вообще, по-моему, на перемены температуры не реагировал. Только в последний год накидывал распашонку на меху с прорезью на спине. Когда бабушка умерла, он эту распашонку выкинул, и я поняла, что носил он ее только ради бабушки. А может, я так придумала, потому что тогда мне хотелось так думать.

И стал он какой-то потерянный, словно его обманули. Он стал внимательно смотреть за мамой, я думаю, потому, что она казалась ему похожей на бабушку. Он боялся и ее потерять. Мы с мамой об этом ни разу не разговаривали, но она наверняка понимала, и даже тон у нее в разговорах с Кером (какие там разговоры — мама говорит, он, как всегда, молчит) стал какой-то заговорщицкий, словно они знали что-то, чего нам, непосвященным, знать было нельзя.

Со мной он общаться не хотел.

Прошло месяца три с бабушкиной смерти, и наша жизнь как будто вошла в колею. Кер все чаще пропадал у своего соотечественника, тот тоже к нам прилетал. Они уходили далеко от дома, в лес, о чем-то говорили, и мне их было жалко.

Иногда Кер прилетал со мной на тренировки. Ему, видно, нравилось смотреть, как мы гоняли в пузырях. Он чаще всего оставался во флаере, наблюдал за мной из окошка, и я всегда чувствовала его взгляд. Однажды он почему-то обеспокоился за меня, или мне хотелось так думать, поднял флаер и взлетел.

Попало за это мне — считается, что флаер может повредить шар, хотя это чистая теория. Инструктор читал мне нотацию. Он отлично знал, что я ни при чем, но читал, чтобы приструнить Кера. Кер тут же улетел, даже не подумав, что мне тоже нужен флаер, чтобы вернуться домой. И месяц после этого на аэродроме не появлялся. Потом возобновил свои поездки со мной.

В июле мы отправились на соревнования в Крым. Там в Планерной отличные восходящие потоки. Мы с Кером подогнали мой пузырь, проверили каждый квадратный миллиметр, ставка была высока — если я войду в тройку, значит, я войду в сборную. Кер знал об этом.

Когда мы утром выгрузились в долине, я долго стояла, глазела в небо, я всегда люблю глазеть на летающие пузыри. Они казались воздушными шариками, упущенными неловкими малышами, они отсвечивали как мыльные пузыри, и люди внутри пузырей были почти не видны.

Участников на те соревнования собралось человек триста, не меньше. Некоторые прибыли издалека. Прямо над моей головой тянулась цепочка пузырей киевской команды. Мне ребята еще в Москве говорили об их шарах: их шары больше размером, чем наши, и казались полосатыми — красными с желтым. Изнутри они, конечно, прозрачные, но снаружи цветные. Киевляне сильны в групповых соревнованиях. Их шары крепятся друг к дружке с лету, словно прилипают, и мгновенно перестраиваются в цепочки, круги, кресты, рассыпаются, как разорванная нитка бисера, и вновь безошибочно находят соседа. Я знаю, как сложно работать в фигурном летании, сама больше года была в московской команде, пока не перешла в одиночницы.

Потом я залюбовалась таджиками-слаломистами. Один за другим их шарики скользили между прихотливо натянутыми тросами трассы, замирали на мгновение, падали вниз и спиралью взмывали к небу. Хотелось даже прищуриться, чтобы разглядеть тонкие ниточки, за которые их тянул, как марионеток, невидимый кукловод. И тут же я увидела голубой, известный здесь каждому шар Раджендры Сингха — скоростного аса, прошлогоднего чемпиона, моего соперника. Сингх своих карт не раскрывал, парил неспешно над полем, словно взлетел, чтобы полюбоваться природой. Я помахала Сингху, хотя вряд ли он мог узнать меня с высоты.

Я подошла к знакомому парню из ленинградской команды. Он только что влез в пузырь и не успел еще застегнуться. Пузырь казался прозрачной тряпкой, пластиковым мешком.

— Помоги мне, — сказал ленинградец.

Тут он увидел Кера, раньше они не встречались, и вздрогнул от неожиданности.

— Ой, — сказал он. — Что это?

Кер обиделся, насупился, он такого фамильярного обращения не терпел. Я выругала ленинградца:

— Разве так можно? Ты к нему как к собачонке обратился.

— Я ничего такого не сказал. А он откуда?

— Это мой брат, — сказала я.

— Родной? — не унимался ленинградец, который все еще не мог уразуметь, что я не намерена шутить.

Я краем глаза следила за Кером, но его увидали ребята из моей команды, они его знали и нещадно эксплуатировали. Это было лучше, чем умиление или удивление. Я услышала, как Света Сахнина крикнула ему:

— Кер, голубчик, ты что такой грустный? Поднимись метров на пять, проверь направление потока.

Тот послушно взмыл в небо и начал парить, поднимаясь все выше и опускаясь, а мой ленинградец смотрел на это разинув рот. Тогда я сказала ему:

— Залезай внутрь. Сколько я должна тебя ждать?

Я, надо сказать, гордилась Кером и с каждым днем все более проникалась уверенностью в том, что он по-своему красив, как красиво любое функционально устроенное тело.

Ленинградец, продолжая удивляться, забрался в свой пластиковый мешок. Я задраила ему верхний люк, и он начал надувать свой пузырь. Он проверил винт — тот нормально отработал на холостом ходу, махнул мне рукой, чтобы я отцепила балласт. Я сняла чушку, пузырь резко взлетел в воздух и завис над моей головой. Ленинградец висел внутри пузыря, как паук в паутине, и я отметила, что крепления у него расположены не очень надежно. Ленинградец накренил

пузырь, проверяя его маневренность, винт сзади превратился в сверкающий круг, и пузырь пошел вверх, набирая высоту.

Кер притащил мне мой пузырь, и я решила его испытать. Поднимаясь в воздух, я никогда не включаю винт, пока не наберу порядочной высоты. Очевидно, никто, кроме самых первых авиаторов, не испытывал никогда этого удивительного ощущения — лететь в небе, как будто под тобой ничего нет. В любительских пузырях именно из-за этого делается небольшая непрозрачная подстилка внизу, а то с непривычки кажется, что ты можешь упасть с высоты.

Изнутри стенки почти не видны, а крепления, которыми я подвешена к центру пузыря, мы с Кером сделали тоже прозрачными. Поэтому ничто не мешает мне представлять, что я лечу сама по себе, как во сне.

Кер поднимался рядом со мной, смотрел на меня злыми глазами, я знаю почему — он не выносит, когда я поднимаюсь больше чем на полкилометра: тогда он не может следовать за мной и перестает ощущать собственное превосходство.

Я включила двигатель и быстро оставила Кера внизу. Пузырь слушался меня безукоризненно. И именно в тот момент я поняла, что нет у меня соперников здесь, что я всех обгоню и на скоростных гонках, и на слаломе — трасса его, проложенная между подвешенными с аэростатов тросами, была одной из сложнейших в мире, и с утра мне надо будет опробовать ее. Кер черной точкой реял подо мной, спускаться на землю не хотел, но и выше ему было не подняться.

И тут мои мечты потерпели неожиданное крушение. Все из-за какого-то сумасшедшего курортника. Он вылетел на флаере из-за горы и быстро пошел напрямик. Никто его вовремя не заметил, не приземлил. Увидев столько шаров, парящих в воздухе, он испугался, что может столкнуться с ними, пустил флаер как-то наискосок, чтобы уйти от верхних пузырей, свободно паривших в воздушных потоках, и я оглянуться не успела, как он благополучно врезался в мой шар. Такое случается раз в десять лет. Если бы я взлетела по расписанию, если бы не моя самодеятельность, когда я, думая, что лишь проверю крепления, даже парашюта надевать не стала, ничего бы не случилось. Пузырь — самый безопасный в мире вид транспорта, у него два слоя обшивки, он прочен и эластичен.

Когда этот курортник в меня врезался, он умудрился ударить по пузырю единственной острой деталью флаера — стабилизатором, ровненько так распороть внешнюю оболочку почти пополам и сделать значительную дыру во внутренней. Воздух стал уходить с такой скоростью, что шар сморщивался на глазах и пошел вниз. Я только успела включить до отказа поступление воздушной смеси, но результат совсем не оправдал ожиданий: с таким же успехом я могла бы вычерпывать воду из сита.

Все слишком быстро произошло; я даже испугаться не успела. Да

и высота у меня была небольшая. Земля неслась мне навстречу, а я все придумывала, что мне надо сделать по инструкции, чтобы не разбиться. Я ничего не успела.

Ребята, которые смотрели снизу, только ахнули, когда увидели, как меня погубил дурацкий флаер, а тренер крикнул им, чтобы развернули еще не надутый пузырь и подняли. Но конечно, они бы не успели ничего сделать — уж очень быстро я падала вниз.

Володя Дегрелль, один из немногих сообразивших, что произошло, бросил свой пузырь так, чтобы попасть под меня у самой земли. Он страшно рисковал, он, конечно, большой мастер, один из десятки лучших слаломистов Европы, он почти успел, но тоже только почти. Успел лишь Кер.

Ему (и мне, конечно) повезло, что он кружил почти подо мной, поглядывал вверх, словно предчувствуя неладное. И тут он видит, что я благополучно валюсь с неба в пузыре, который на глазах превращается в прозрачную тряпку со мной в центре. Надо ж было ему сообразить — он полетел вниз с такой же скоростью и, когда поравнялся со мной, всего метрах в пятидесяти-семидесяти от земли, подхватил меня и начал отчаянно бить крыльями, чтобы задержать мое падение.

И в результате мы с ним грохнулись на киевский пузырь, который подбросил нас вверх, и упали на растянутое ребятами полотно. Это не значит, что мы не расшиблись. Я отделалась синяками, а Кер сломал пальцы правой руки и вывихнул ногу.

Нас кое-как залатали, все слишком много говорили о Кере, о его сообразительности, решительности, а он терпел перевязки — наркоза ему дать нельзя, — было ему страшно больно, но он терпел. Очень был на меня зол, шипел, как три года не шипел, тогда я, хоть и все во мне болело, протянула ему руку и сказала:

— Хочешь, укуси, если легче станет.

А он отвернулся и больше на меня не смотрел, хоть я, как только встала через два дня, сразу приползла к нему и уж не отходила от его постели.

Приходил с извинениями идиот-турист, он оказался очень милым парнем, океанологом, он мне даже понравился, и я на него не сердилась, но Кер глядел на него таким мрачным взглядом, что океанолог вскоре ушел, смущенный и запуганный.

Мы вернулись в Москву. Так я и не попала в сборную, меня даже на полгода отстранили от полетов за то, что я поднялась без парашюта.

Я уже встала, Кер еще лежал, у него плохо срастались пальцы, все светила космобиологии побывали у нас дома, его навещали и другие бывшие малыши, я часто сидела с ним, и он, большой уже, взрослый, когда никто не видел, просил меня знаками — ему все время было больно, — чтобы я читала ему вслух детские книжки, которые читала ему бабушка.

Но бывают такие заколдованные круги. Вот меня не было дома,

когда Кер приехал, и не было дома, когда стало известно, что ему надо уезжать.

Раз уж я совсем выздоровела, то сидеть дома до конца каникул не было смысла. И Кер это тоже понимал. Он немного окреп, ходил по дому, стал заниматься — он решил все-таки пройти университетский курс. А я отправилась в туристский поход. В самый обычный, на байдарке, на две недели. Кер остался в Москве.

Я помню, вечером лежала я у костра, смотрела на звезды и думала: «Вот на одной из них живет родня моего Кера и не знает, как далеко его занесло от дома и он вынужден рисковать своей жизнью из-за своей старшей сестры, которая ему вовсе и не сестра и которую он в лучшие времена и узнавать бы не захотел». И еще я думала, каково ему смотреть на эти звезды и понимать то же, что понимаю я.

Тут я услышала, что к берегу пристала чья-то чужая байдарка — другие туристы приехали. Я не стала вставать: не было настроения. Только краем уха слышала, о чем они там говорят. Потом слышу, один из приехавших, прихлебывая чай, вещает:

— А вы когда-нибудь видели крылатиков?

— Кого? — спрашивает Ирина, моя подруга.

— Крылатиков. Знаете, несколько лет назад их нашли в космосе и потом на Землю привезли?

Я насторожила уши, догадавшись, о чем речь. Правда, я никогда раньше не слыхала, чтобы их так называли. Ну ладно, что делать, надо же какое-то им иметь название.

— Знаю, видела, — говорит Ирина равнодушным голосом. Она человек сдержанный и не стала объяснять им, что с одним из крылатиков, с Кером, она даже отлично знакома.

— Вот, а я не видел, — говорит приехавший. — И чуть было конфуз не получился. Мы сейчас, часа полтора назад, шли по реке, вдруг прямо из-за облаков выныривает громадная птица...

— Скорее летучая мышь, — поправил его другой голос.

— Ну, летучая мышь. И прямо на нас. Хорошо еще, что мы не охотники и нет у нас ничего с собой.

Я вскочила. Что-то случилось. Кер ищет меня.

— Катерника, — позвала меня Ира, — ты слышала?

— Я возьму байдарку, — сказала я.

— Хорошо, конечно.

Я искала в темноте весла. Сергей подошел ко мне и помог снести байдарку в воду.

— Я поеду с тобой? — спросил он.

— Нет, — сказала я. — Мне одной быстрее.

— Ты ошибаешься, — сказал Сергей. — Мы будем грести вдвоем.

Я больше не стала спорить.

— А он покружился над нами и полетел дальше, — донесся до меня голос.

До поселка мы добрались только к трем часам ночи. В поселке на почте лежала телеграмма от отца: «Прилетай немедленно. Кер уезжает».

Именно будничное слово «уезжает» поразило меня своей окончательностью.

Я разбудила лесника, вымолила у него рабочий флаер и полетела домой. Может быть, если бы я догадалась прямо рвануть на космодром, я бы успела.

Дома никого не было. Только записка от Кера. Она была наговорена на машинку, и буквы были правильные, равнодушные:

«Я вернусь».

И все. Тогда я бросилась к видеофону, набрала информацию. Там мне сказали, что особый рейс уходит через шесть минут. И подключить меня к нему уже не могут.

И тогда еще я могла бы успеть. Как оказалось, рейс все-таки задержался, почти на полчаса, а мой запасной пузырь домчал бы меня до космодрома скорее. Но я, как последняя дура, бросилась на диван и разревелась. Я была жутко обижена на жизнь, на себя, на отца, который не предупредил, на Кера, который не нашел меня. Тогда я не знала, что вылет задержался именно из-за него, потому что он обшарил все притоки Оки и вернулся еле живой, что его чуть ли не силком затащили в корабль его соотечественники. Потому что там все решали минуты: корабль, шедший к их системе, принадлежал не Земле, надо было на планетарном судне выбросить их на орбиту Плутона, чтобы перехватить звездный корабль. И узнали об этом слишком поздно, потому что информация, полученная о планете Кера, пришла на Землю с оказией и не сразу разобрались, что к чему.

Отревевшись, я поднялась к Керу в комнату. Там все осталось на своих местах. Он ничего не стал брать с собой. Кроме трех детских книжек. А отказаться от полета он тоже не мог. У каждого есть свой дом.

СКАЗКА О РЕПЕ

1

Я привез Люцине «полянку». При виде этого подарка Люци села на диван и долго сидела в полном оцепенении. Нет ничего приятнее, как делать подарки. От которых человек цепенеет. Я сел напротив и рассматривал Люцину, преисполненный тщеславия, и ждал, пока она придет в себя, чтобы сообщить мне мои жизненные планы на ближайшие дни.

— Полянка, — сказала Люцина бархатным голосом. Получилось «польанка» — изящно и нежно.

— А ты знаешь, почему «полянка»? — спросил тогда я.

— Нет. Наверное, потому, что красиво, наверное, потому, что на ней узоры переливаются, как цветы на полянке, как полянка в лесу...

— Ничего подобного. Эту бабочку назвали по имени Теодора Поляновского, Теодора Федоровича, такое вот странное имя.

— Да? — произнесла Люцина рассеянно, поглаживая тонкими длинными пальцами нежнейший ворс «полянки». — Это интересно. Польановский.

Ей это было совершенно неинтересно, она вновь оцепенела, а мне хотелось рассказать Люцине о Поляновском, мне хотелось доказать ей, что Поляновский некрасив, скучен и зануден, неосмотрителен и даже глуп. Что его отличает от прочих смертных удивительная настойчивость, упорство муравья, цепкость бульдога и способность к самопожертвованию ради дела, даже если это для других смертных и яйца выеденного не стоит. Хотя кто может рассудить, что важнее в нашем перепутанном, сложном мире? Хорошо было жить в тихом, провинциальном двадцатом веке, когда все было ясно, Ньютона почитали за авторитет и Евклида изучали в школах, когда люди передвигались с черепашьей скоростью на самолетах, а на маленьких полустанках притормаживали ленивые поезда. Теперь о тихой глади того времени могут лишь мечтать бабушки, а внуки, как и положено внукам, не дослушивают медленных бабушкиных рассказов, убегают, улетают... Наверное, я старею, иначе чего это меня тянет в спокойное прошлое?

2

Поляновский сочетал в себе скорость и решительность нашего времени с настойчивой последовательностью прошлого века. Он идеал, выпавший из времени и чудом державшийся в пространстве.

Меня вызвал к себе начальник шахты Родригес и сказал:

— Ли, к нам приехал гость. Гостю надо помочь. Поведешь его в шахту?

— Поздно, — отказался я. — Со вчерашнего дня шахта закрыта, и ты знаешь об этом лучше меня. Со дня на день пойдет вода.

— Особый случай, Ли, — объяснил Родригес, прикрывая правый глаз. — Познакомься.

И тут я увидел в углу человека, который сидел, сложившись, наверное, втрое, и глядел в землю. Но первое впечатление было обманчивым. Он только ждал момента, чтобы броситься в бой. Он уже сломил несгибаемого Родригеса и намеревался подавить меня.

— Здравствуйте, — поздоровался он, разгибая один за другим не по размеру подобранные суставы. — Меня зовут Поляновский, Теодор Федорович. Слышали?

Он не сомневался, что я слышал. Я не слышал. В чем и признался.

— А вот я о вас слышал, — выговорил он с некоторой обидой. —

Родригес сказал мне, что вы лучший разведчик в шахте, что вы знаете ее как свои пять пальцев. И что вам сейчас нечего делать, правильно?

— Начальнику лучше знать, — сказал я.

— Теперь, когда я вас увидел, я тоже в этом не сомневаюсь, — объявил Теодор голосом экзаменатора. — И я на вас надеюсь.

Я повернулся к Родригесу и изобразил на лице полное недоумение. Этот Теодор мне не понравился. И вообще у меня была свободная неделя, я намеревался съездить в горы.

— Вы слышите, — вещал Теодор, уткнув в меня могучий нос, которому было тесно на узком лице. — Я на вас надеюсь. Вы моя последняя надежда. Родригес почему-то не желает пускать меня в шахту одного.

— Еще чего не хватало, — возразил я. — Вы оттуда живой не выберетесь.

— Я вас предупреждаю, — заявил тогда Теодор, — что все равно пойду в шахту. Хоть один. И если я там погибну, вся ответственность, я имею в виду моральную ответственность, ляжет на вас.

Он извлек из кармана громадную ладонь, отогнул массивный указательный палец, чтобы ткнуть им в Родригеса. И в меня.

— Простите, профессор, — сказал Родригес с не свойственным ему пиететом. — Если бы заранее знать о вашем приезде, мы бы предупредили, что ни в коем случае не даем согласия на спуск в такое время года. Прилетайте к нам через три месяца.

— Мне нечего здесь делать через три месяца, и вы об этом знаете, — заявил Теодор. — Мне нужно побывать в шахте сегодня или завтра.

— Но ведь вода же пойдет! — воскликнул я. Мне стало жалко Родригеса. Он ни в чем не виноват. И позвал меня, чтобы кто-то мог подтвердить, что в шахту спускаться невозможно.

— Я успею, — возразил Теодор. — Я бывал в куда худших переделках. Вы не представляете. И всегда возвращался. Я же на работе.

— Мы все на работе, — сказал я. Родригес перебирал на столе какие-то бумажки. Борьба с Теодором легла на мои плечи.

— Но если я не пойду в шахту, то не состоится открытие.

— У нас в шахте уже все открытия сделаны.

— Да? Что вы понимаете в энтомологии?

— Ничего.

— Тогда как вы можете утверждать, что все открыто?

Он раскрыл папку, зажатую у него под мышкой. Там, между двумя листками прозрачного пластика, лежал, словно великая драгоценность, кусок крыла бабочки. С ладонь, не больше. Он был глубокого синего цвета, но я-то знал, что стоит повернуть его на несколько градусов — и окажется, что он оранжевый, а если повернуть дальше, то он позеленеет, потом вспыхнет червонным золотом.

— Знаете, что это такое? — спросил Теодор.

Мне не нравился его экзаменаторский тон.

— Знаю, — ответил я. — Почему не знать. Это бабочка, ее называют у нас радужницей. И другими именами.

— Вы ее сами видели?

— Сто раз.

— Что вы о ней знаете?

— Ничего особенного. Живет на деревьях.

— Размер?

— Они высоко летают. Ну, до полуметра в размахе крыльев.

— А сколько крыльев?

— Два, четыре? Не считал.

— Восемь, — сказал Родригес, не отрываясь от бумажек. — И шесть пар ног. Мне один раз ребята принесли. Я хотел сохранить, отвезти домой, но моль съела.

— Вы можете мне поймать хотя бы один экземпляр? — спросил профессор.

— Когда же? Сейчас их нет. Будут деревья, будут и бабочки. Поэтому вам и советуют приехать через три месяца. Налюбуетесь в свое удовольствие. Только воняют они сильно. Хуже нашатыря.

— Не важно, — отмахнулся Теодор. — Пахнет — не пахнет, какое до этого дело науке, если ни в одной коллекции мира нет целого экземпляра. Если никто не знает жизненного цикла этого существа, если только у меня есть идеи по этому поводу...

— Так зачем же в шахту лезть?

— Послушайте, а вы не задумывались, откуда появляются ваши радужницы?

— Из репы. Откуда же еще?

Мое утверждение ввергло нашего гостя в полную растерянность.

— Вы так думаете? Вы сами догадались или видели?

— Им неоткуда больше браться, — сказал я.

— Тогда пошли в шахту. Мы там найдем куколок.

— И что дальше?

— Дальше? Мы будем разводить радужниц на Земле. Вы знаете, что представляет собой материал, из которого сделаны эти крылья? Это же самый красивый, самый прочный, просто невероятный материал!

Родригес извлек из кипы бумаг метеосводку на ближайшие дни.

— Поглядите, — протянул он ее Поляновскому. — Температура уже поднялась выше нормы. Началось движение соков. Сегодня в полдень уровень солнечной радиации достигнет критического. Вы видите, я пошел вам навстречу, вызвал Ли и, ничего не рассказывая ему, предложил спуститься в шахту. Его мнение совпадает с моим. Так что вопрос закрыт. Завтра вы посмотрите на появление побегов — зрелище, скажу я вам, исключительное: приезжают операторы,

художники. Потом вы поймаете бабочек, и мы в этом вам с удовольствием поможем.

— Сейчас мне нужны не бабочки. Необходимо отыскать ранние стадии метаморфоза. Когда начнется лет бабочек, будет поздно. Неужели вы не понимаете?

— Все понимаю, но в шахту не пущу, — сказал Родригес окончательно. И потянулся к селектору, потому что и в самом деле с минуты на минуту должны появиться гости, их надо было размещать: каждый уверен, что именно он главная фигура на торжестве. — Космодром? — спросил Родригес. — Второй с Земли еще не прибыл?

— Я попаду в шахту. И не думайте, что сможете меня остановить. Меня пытались останавливать куда более сильные личности, чем вы.

— И как? — поинтересовался Родригес, который тоже относил себя к сильным личностям.

— Ничего не вышло.

Теодор захрустел суставами, развернулся и сделал невероятной длины шаг, вынесший его из комнаты.

— Вы хорошо устроились? — спросил вслед ему Родригес голосом гостеприимного хозяина.

Поляновский ничего не ответил. Родригес повернулся ко мне:

— Ты за ним присмотри. Он и в самом деле может туда полезть.

— У шахты дежурный.

— И все-таки подстрахуй.

Я ушел. Над долиной, голой, серой, скучной до отвращения, висела холодная пыль. Во впадинках лежал иней. Приближался вечер. В воздухе была какая-то тревога, напряжение, которое всегда предшествует взрыву весны. Над долиной дул ветер, и пыль вздымалась у куба шахтных подъемников, засыпала подъемные пути и валом скапливалась у кольца сушильной фабрики. В темнеющем небе возникла зеленоватая полоса — садился корабль. До космодрома двести километров. Мне страшно хотелось туда. Меня тянула сама атмосфера космогородка, где много незнакомых людей, где суматоха и шум, куда сваливаются с неба новости. Я вернулся к Родригесу и предложил ему съездить на космодром за гостями. Все равно кому-то придется гнать туда вездеход.

Вернулся я из космогородка поздно, было почти темно, луны, а их здесь штук тридцать, по очереди выкатывались из-за горизонта и неслись по небу. Я прошел к шахте посмотреть, все ли в порядке. На вершине холма, у будущего ствола, я нашел ребят из первой смены. Они окружили бугор и спорили, пойдет ли завтра росток. Бугор подрос за день, был уже с меня ростом. Я сказал, что завтра росток еще не пойдет, и мне поверили, потому что я здесь уже пять сезонов и хожу в ветеранах. Теодора я за вечер нигде не видел и, по правде сказать, забыл о нем. И я пошел спать.

Росток меня мало интересовал. Я видел это уже пять раз. В конце

концов, даже самое восхитительное зрелище, ради которого люди пролетают пол-Галактики, может надоесть. Для них это чудо — для меня работа. Я начал собираться в горы. В горах я знал одну пещеру, где на стенах были чудесные кристаллы изумруда. Я хотел привезти друзу Люцине. До гор добираться полдня, да еще по пещере идти день, не меньше.

Я улегся спать часа в два ночи. А еще через час меня разбудил Родригес и спросил, когда я видел Теодора Поляновского.

— Его нет в комнате. И нигде на территории нет.

— Потыкается в шахте — вернется, — ответил я. — Там Ахундов. Не пустит.

— И все-таки...

В общем, я оделся и, проклиная энтомологию, пошел к подъемнику, чтобы узнать, не видел ли Ахундов, дежуривший в тот вечер, Теодора.

Ахундов Теодора не видел. По простой причине — потому что лежал без сознания у входа в шахту. Видимо, Теодор подошел к нему сзади, приложил к носу тряпку, пропитанную чем-то, и Ахундов отключился. В общем, виноваты мы сами. Привыкли, что здесь всякая живность появляется лишь летом и, пока росток не пойдет, опасаться нам нечего, да и кто по доброй воле полезет в шахту? Ахундов сидел перед входом, любовался звездами и никак не подозревал, что на него могут напасть.

Пришлось вызвать Родригеса и доктора, чтобы привести Ахундова в чувство.

И тогда Родригес сказал:

— Просто не представляю, что теперь делать, — и посмотрел на меня.

— А какая последняя сводка? Может, он сам выберется?

— Сводка никуда не годится. Да и сам слышишь. Не первый сезон здесь.

Я и сам слышал, как из-под земли шел гул. Шахта набирала силу, началось движение соков.

— Тогда я пойду, — решился я.

— Кого с тобой послать? — спросил Родригес.

— Никого. Одному проще.

— А то я с тобой пойду.

— У тебя нет опыта. К тому же, пока будем тебя готовить, опоздаем. А у меня все готово. Я с утра в горы собирался, в пещеру, мне только скафандр натянуть, и я пошел.

— Ты уж извини, Ли, — сказал Родригес.

— Я сам виноват, — сказал я. — Ты просил за ним присмотреть.

Дверь подъемника была взломана чисто. Я бы так не смог.

Я проверил скафандр, взял запасной баллон и маску для Теодора, веревки, ножи, ледоруб. Родригес хлопнул меня по шлему. До рас-

света оставалось часа два, и мы надеялись, что вода не пойдет, хотя уверенности в этом не было. Родригес с Ахундовым остались наверху на связи. Доктор пошел разбудить Сингха и позвать его сюда, на всякий случай, со вторым скафандром.

Я вошел в подъемник, и Родригес помахал мне, показывая, чтобы я не задерживался. Задерживаться мне самому не хотелось. Мне еще не приходилось попадать в шахту, когда идет вода.

Странно было спускаться одному — всегда спускаешься со сменой. Стены главного ствола поблескивали под лучом шлемового прожектора. Содержание сока в породе было больше нормы. Приторный запах наполнял шахту — привычный, не очень приятный запах, которым мы все, кажется, пропитаны навечно. Даже сквозь гудение подъемника слышны были вздохи, шуршания, словно за стенами шевелились живые существа, требуя, чтобы их выпустили на волю.

Внизу, в центральном зале, я постоял с минуту, соображая, куда этот Теодор мог направиться. Туннель, ведущий к западу, вряд ли мог соблазнить энтомолога. Уж очень он был обжит, исхожен и широк. Я не знал, есть ли у него хотя бы фонарь. Вернее всего, есть. Он кажется человеком предусмотрительным.

Со стен стекала вода, и пол центрального зала был залит сантиметров на пять. Я опустил забрало шлема и включил связь.

— Как у тебя дела? — спросил Родригес.

— Много воды, — пробурчал я.

Большой плоскотел вывалился из стены и поспешил к подъемнику, словно хотел спастись с его помощью. Плоскотел громко шлепал по воде, и я погрозил ему ледорубом, чтобы он вел себя поспокойнее.

— Куда дальше пойдешь? — спросил Родригес.

— По новому стволу. Он идет вниз, а твой энтомолог, наверное, рассудит, что так он быстрее проберется в дебри шахты. Его же куда поглубже понесет.

— И поближе к центру, — предположил Родригес. — Он вчера мне устроил большой допрос, и я ему сдуру показал планы. Он не скрывал, что хочет искать своих куколок в главных сосудах.

— Еще чего не хватало, — сказал я с чувством. — Там же потоп.

Тем временем я шел по новому стволу, спускаясь и скользя по сладкой массе породы, иногда переходя на неразобранные звенья транспортера.

— Родригес, это какая бригада здесь оставила метров пятьдесят транспортера?

— Я знаю, — подтвердил Родригес. — Они меня пытались убедить, что здесь периферия и нет смысла таскать туда-сюда тяжести. Я им разрешил. В порядке эксперимента.

— После такого эксперимента придется везти с Земли новый транспортер.

— Ладно уж, — оправдывался начальник, — нельзя не рисковать.

— Им просто лень было выволакивать оборудование. Вот и весь эксперимент.

Я был в прескверном настроении, Родригес это понимал и на мое ворчание больше не реагировал.

Мне мешала идти всякая живность. Зимой обитатели шахты спят или тихонечко роют свои ходы в породе. А сейчас... Некоторые из них были весьма злобного нрава и устрашающего вида. В скафандре они мне не опасны, но ведь Теодор пошел практически голым. Вроде бы смертельно опасных зверей у нас в шахте не водилось — в прошлом году приезжали биологи, резали их, смотрели. Но как сейчас помню — Ахундов наступил на одну суничку, неделю лежал — нога как бревно.

Штрек повернул налево, пошел вниз. Этот штрек был разведочным. Он вел к большой полости почти в центре месторождения. Полость была естественная, проходили главные сосуды, и мы оставили все как есть, чтобы не повредить месторождение.

Я шел штреком, по забралу шлема стекала вода, и приходилось все время вытирать ее, чтобы не загустевала. Прожектор был ненадежен — множество бликов слепило и мешало смотреть вперед.

Я вдруг подумал: «Что за глупость, зачем мы называем вещи не своими именами? Ведь когда пришли сюда первые разведчики, они называли вещи проще. Месторождение — репой, к примеру. Это уж мы, промысловики, наклеили на репу официальную кличку: месторождение».

3

Когда мне предложили сюда поехать, я сначала воспринял эту шахту как настоящую. Когда мне объяснили, отказался наотрез. А потом меня взяло любопытство, и я все-таки поехал. И не жалею. Ко всему привыкаешь. Работа как работа. И сама планета мне нравится — сплошное белое пятно. Хотя, конечно, шахта главное здесь чудо. Я, помню, как-то пытался объяснить Люцине, что это все означает:

— Представь себе, милая, планету, на которой времена года меняются в два с лишним раза чаще, чем у нас. Недалеко от экватора на ней обширная равнина, окруженная горами. Климат там жутко континентальный. Зимой ни капли влаги. И морозы градусов до ста. Что, ты думаешь, делают там растения зимой?

Люцина морщила свой прекрасный лоб:

— Наверное, они сбрасывают листья.

— Это не помогло бы.

— Знаю, — заявила Люцина. Ей так хотелось быть умницей. — Не подсказывай. Они засыхают и прячут семена в землю.

— Усложняем задачу. Лето короткое, меньше месяца. За это время растение должно завершить цикл развития, дать новые семена.

— Знаю, — перебила Люцина. — Они очень быстро растут.

— Теперь я сведу воедино все твои теории и даже дополню их. Итак, представь себе очень большое растение. Такое, чтобы корнями оно могло достать до воды, которая находится здесь глубоко под землей. Эти корни не только насосы, которые качают воду к стеблю, но и кладовая, где хранятся питательные вещества. Получается репа. Только диаметром в полкилометра.

— В полкилометра! — воскликнула Люцина и развела руками, чтобы представить себе, как это много.

— Теперь, — продолжал я, — растение может спокойно отмирать на зиму. Основная его часть живет сотни лет, только под землей. И как только наступает весна, оно дает новые побеги, и репа кормит и поит их. А наша шахта — внутри репы. И мы роем свои ходы в ней, как черви. Но мы разумные черви, потому что стараемся не нарушать главные сосуды, по которым поступает влага к растению. Года через три переходим к другому растению. В долине их сотни, и находятся они друг от друга на расстоянии нескольких километров. Есть репы молоденькие, они с трехэтажный дом, есть и репы-старожилы, одну нашли диаметром больше километра.

— Ф-ф, как черви, — наморщила носик Люцина.

— Когда наступает лето, в долину спускаются хищники, а летом они выбираются на поверхность. Для них репа лишь зимнее убежище. Есть у нас там, например, бабочки удивительной красоты, крылья у них до полуметра. Мы их зовем радужницами.

— Хочу такую бабочку, — сразу сказала Люцина.

— Постараюсь достать, — пообещал я. — Но для нас главное не бабочки, а наша продукция. Это плотная, богатая сахаром, витаминами и белками масса, которую тут же консервируют или сушат. Мы кормим всю планету и соседние базы, мы даже на Землю репу вывозим. Она идет и на нужды парфюмерии, она нужна медикам — ты, наверное, читала...

— Конечно, — поспешила ответить прекрасная Люцина. И я ей не поверил.

4

И вот я шел по узкому штреку именно в тот день, когда в шахту спускаться было нельзя. Началась весна. Через день, а может, раньше сосуды репы начнут качать наверх воду и соки. В такой период шахта закрывается, из нее вывозят оборудование, и, пока не прекратится рост побегов, у нас отпуск. Обычно он длился недели две-три. А этот сумасшедший энтомолог, вместо того чтобы подождать месяц, бросился сюда один, без скафандра, в поисках каких-то куколок.

Оказалось, я иду правильно. Я сообщил Родригесу:

— Хуан, тут лежит вскрытая торопыга. Он здесь проходил.

Торопыга была страшненькой на вид, такие нам часто встречались, мы к ним привыкли, из их тяжелых, сверкающих жвал ребята делали ножи и другие сувениры. Я сам привез как-то Люцине такой нож. Она его тут же выкинула, как узнала, что это жвалы какой-то гусеницы.

Уйти далеко он не мог. Я был в башмаках, которые не очень скользили по липкому полу, я знал, куда идти, наконец, я не искал ничего, кроме Теодора, и не исследовал гусениц по дороге.

Идти становилось все труднее. С потолка падали капли, каждая наполнила бы стакан сладким соком, под ногами хлюпало. Стены штрека прогибались под напором воды. Репа гудела, радуясь весне. И где-то в этой липкой бездне бродил Теодор, причем с каждой минутой его спасение становилось все более проблематичным.

Навстречу мне ползли и бежали личинки, плоскотелы, манги, торопыги, сунички — все те жители репы, что летом не выходят наружу, отсиживаются внутри, на бесплатной кормежке. Беженцы шли сплошным потоком, стремясь уйти подальше от центрального ствола. Они-то уж знали, куда им следует удирать. Я раздвигал их башмаками. Большая черно-оранжевая леопардовая манга подняла голову и удивленно поглядела мне вслед, подумала, видно: вот дурак, куда идет? Оттуда наш брат подземный житель живым не возвращается.

Я рассчитывал отыскать Теодора в полости, но нашел там лишь следы его недавнего пребывания. Одной из стен он нанес несколько порезов ножом, словно что-то выковыривал из нее. Затем он, видно, продвинулся к дыре. Вот этого делать не следовало. Я сразу сообщил об этом Родригесу:

— Дело плохо, он отправился дальше.

— Ого, — сказал Родригес и замолчал. Я понимал, почему он молчит. Долг начальника велел ему тут же вызвать меня обратно. Но и этого он сделать не мог — это означало погубить Теодора.

Дыра вела в один из питательных сосудов репы. Это были вертикальные туннели, по которым и поступала вода к ростку. Мне приходилось туда лазить в хороший, сухой период, и то эти колодцы, в которых всегда сыро и жарко, не вызывали желания в них возвращаться. Мы тщательно наносили их на план шахты, чтобы не выйти к ним штреком. Внизу, в глубине, покачивалась вода. Здесь терпеливо ждали своего времени выползти на свет миллионы всяческих тварей. Они роились в черной воде в таком количестве, что вода казалась живой. И это было в сухое время. Что там творится сейчас, мне и думать не хотелось. Но Родригес молчал, а это значило, что мне все-таки придется туда идти.

— Решай сам, — сказал он. — Скафандр у тебя надежный.

«Ну и негодяй», — подумал я о своем начальнике. Это во мне бу-

шевала трусость. И ничего я с ней поделать не мог. Только я был уверен, что Люцине об этом ничего не расскажу.

И я пошел к дыре.

Я сунул голову внутрь. Учтите, что я был в скафандре, спасательном скафандре, которому почти ничего не страшно. Теодор же отправился в это путешествие в простом комбинезоне. Вода подошла уже к самому краю отверстия. До нее оставалось метров десять, не больше. Ствол, метров шесть в поперечнике, был заполнен таким количеством живности, что мне захотелось зажмуриться. Эти твари кишели в воде, покрывали в несколько слоев стену, копошились, праздновали свое скорое освобождение. Здесь все было живое, ползущее, жующее, а на той стороне ствола, метров на пять ниже отверстия, прижавшись к стене, висел на ледорубе покрытый насекомыми мой Теодор.

— Вы живы? — удивился я, осветив чудака фонарем.

— А, это вы, — ответил он буднично. — Я скоро упаду. Вы не могли бы мне помочь?

Помочь? Помочь ему было невозможно, о чем я сообщил Родригесу, после чего загнал первый крюк в плотную ткань репы и вылез в ствол. Меня тут же облепили его обитатели, хотя, к счастью, приняли за своего и враждебности не проявляли, но уступать мне сидячие места на стенках туннеля не намеревались.

— Держитесь! — крикнул я Теодору, и тут же мне пришлось опустить забрало шлема, потому что какая-то игривая суничка решила со мной подружиться и пожить немного у меня на щеке.

Потом помню, как, расталкивая «зрителей», я загнал еще один крюк. На третьем я кинул взгляд вниз и увидел, что вода подобралась уже к ногам Теодора. Ему, хоть он и был самоотверженным исследователем, стало не по себе. Воды-то как таковой видно не было, это был компот из живности. Теодор попытался подтянуть ноги, грохнулся и тут же пропал в этом месиве.

— Я пошел! — почему-то сообщил я Родригесу и, зажмурившись, с отвращением нырнул вслед за Поляновским.

Я поймал его, попытался обнять, чтобы вытащить его голову на поверхность, и в этот момент случилось самое ужасное: начался Ток. Репа взревела, включив все свои насосы, и вода пошла, набирая скорость, вверх. Дальнейшее я как-то запамятовал...

5

В это время наверху занялся рассвет. А так как многие в космограде знали, что наша репа одна из самых крупных, вокруг нее собралось человек сто, с нетерпением ожидавших, когда первый луч солнца выглянет из-за горизонта. Все знали, что это будет сегодня.

И вот, как только рассвело, громадный бугор, усыпанный сухими

ветками и слоем мертвых листьев, начал медленно вспучиваться — это было грозное и неодолимое движение жизни, словно богатырь, проспавший под землей сто лет, решил выглянуть наружу и посмотреть, что делают тут незваные лилипуты. А те отодвинулись подальше от холма и включили камеры. Родригеса среди них не было, Родригес сидел у пульта управления подъемником и слушал, как рычит вода в венах репы.

Через несколько минут раздался грохот рвущейся земли, и, разбросав на несколько метров сучья и листву, комья породы и камни, из земли появился первый росток. Не появился, а вырвался, как меч, прорвавший занавес. Мы всегда говорим — «росток», и можно подумать, что он невелик. А росток — это зеленый палец диаметром чуть меньше тридцати метров. И растет он со скоростью три метра в секунду. Вот для чего требуется столько воды, соков и питательных веществ, чтобы родить его на свет. Через минуту это был уже не росток, а пук раскрывающихся листьев высотой в полторы сотни метров. И такие ростки, поменьше, побольше, более раскидистые и менее раскидистые, вылезали по всей долине, и словно по мановению жезла могучего волшебника эта бесплодная серая земля превращалась в пышный ярко-зеленый лес... И тут же первые жители этого леса, прорвавшиеся наверх вместе с ростком, начали обживать свои дома, жрать листву, охотиться на себе подобных, пить нектар раскрывающихся цветов и сверкать крыльями под солнцем.

И вот тогда наступил решающий момент этого сказочного спектакля. Вот что рассказывали очевидцы. На обращенной к зрителям стороне могучего зеленого ствола дерева было заметное вздутие, словно растение собиралось пустить мощный побег, да почему-то передумало. И вдруг у всех на глазах в зеленой массе что-то блеснуло. Никто сначала и не догадался, что это лезвие ножа. Когда отверстие стало достаточно большим, в краях его обнаружились две руки, и они начали раздирать зеленую кору. Зрелище, говорят, было мистическим, ужасным и навевало мысли о злых духах, рвущихся на волю из заточения. Наконец в отверстии, из которого хлынул прозрачный сок, показался человек в скафандре, вымазанный соком и зеленой массой. Человек вывалился наружу на молодую травку и вытащил за собой еще одного, без сознания, посиневшего от удушья. Только тогда зрители почуяли неладное и побежали к нам.

У меня еще хватило сил откинуть шлем и потребовать, чтобы к Теодору вызвали врача. Не хватало еще, чтобы после столь увлекательного путешествия по жилам репы он помер.

Теодора откачали. Говорят, когда он пришел в себя — я этого не видел, отключился сам, — то первым делом спросил: «Как мои куколки?» Окружающие решили, что он спятил, но Теодор нашарил руками застежку на груди, открыл карман, и оттуда одна за другой, расправляя крылышки, вылетели пять бабочек-радужниц, которые

теперь, когда на них пошла на Земле мода, известны под именем «полянок», и названы они по имени Теодора Поляновского, преданного науке энтомолога. А мое имя так в энтомологии ничем и не прославилось.

6

Разумеется, Люцине я эту историю излагал вдесятеро короче, иначе она не дослушала бы и сочла меня занудой и завистником. Впрочем, краткость меня не спасла.

— А он настоящий мужчина, — сказала она задумчиво. Она смотрела сквозь меня, через время и через миллиарды километров — туда, где несгибаемый Теодор пробирался сквозь сладкую репу.

— Опомнись, что ты говоришь! — возмутился я. — «Полянку» тебе привез я. И Теодора из шахты тоже вытащил я.

— Ты... ты... всюду ты, — в голосе Люцины звучала скука. — Я хотела бы с ним познакомиться.

— Зачем?

— Тебе не понять.

Лучше бы я привез ей друзу изумрудов.

ЧЕЧАКО В ПУСТЫНЕ

Осенью в Пустыне наступает пора внезапных, злых, ледяных пыльных бурь. Осенью новичкам не следует удаляться от базы. Даже если неделю стоит тишь. Буря обязательно случится. И чем дольше затишье, тем злее буря. И уж, конечно, лишайники Ступенчатого каньона, какими бы редкими и желанными они ни были, не стоят того, чтобы на седьмой день затишья садиться в легкий флаер и нестись к каньону. Рассчитывая вернуться к обеду, так чтобы никто на базе не заметил твоего отсутствия.

...Регина постучала обломанным ногтем по циферблату. Если верить приборам, кислород в резервном баллоне кончается и регенерационная система работает на голодном пайке. Регина до отказа открыла вентиль. «Не экономьте собственную жизнь, молодые люди», — как говорил профессор... Как его звали? Такой маленький, седой, и уши торчат?

По принципам, разработанным в художественной литературе, ты должна сейчас вылезти из этой тесной пещерки, встретить лицом пыльную пургу и, клонясь навстречу ветру, из последних сил брести к цели. Упасть в ста метрах от нее и красиво погибнуть. Но этот путь исключался, так как Регина совершенно не представляла, где цель, и не хотела красиво погибать.

Она полетела к каньону, чтобы доказать геологам, что ее не зря к

ним прислали. Куда это годится — уже год их просят добыть эти лишайники и отправить на Первую — от силы два часа работы, но у них не доходят руки. То дела, то снега, то бури. А запрет, который они наложили на ее самостоятельные действия, объяснялся, как решила Регина, комплексом вины. Неловко получается, если приезжая девушка сделает то, чего вы не собрались сделать за год.

Дальше все проходило в лучших традициях. Буря, начавшаяся как справедливое возмездие ослушнице. Прекрасная незнакомка, бредущая с сумкой лишайников неизвестно куда. Какие-то холмы и обрывы, встающие на пути. И в конце концов яма, где можно завершить свой скорбный путь. Где флаер, где база, куда брести из последних сил — неизвестно.

Можно было бы всплакнуть. Но это лишний расход влаги. Влагу следует беречь. Регина подумала, что рациональность крепко впиталась ей в кровь. Какая-нибудь Красная Шапочка, заблудившись в лесу и опасаясь встречи с Серым волком, могла безбоязненно дать волю слезам, не задумываясь о расходе влаги. А впрочем, что ей за дело до влаги? Все равно никто не успеет ее найти и спасти. Дышать уже почти нечем...

В желтой стене пыли, затянувшей отверстие пещеры, показалась темная фигура. В лицо ударил слишком яркий луч фонаря. Регина обрадовалась, что не успела заплакать, и попыталась встать, чтобы достойно встретить своего спасителя, но воздуха совсем не осталось, и она, хватая ртом его жалкие остатки, упала на руки мужчине.

Как сквозь звенящий туман, донесся голос:

— Самоубийца.

Это не было осуждением. Это была констатация факта.

Регина пыталась сказать, чтобы он отдал ей свой резервный баллон. Но, видно, спаситель и сам догадался.

Было похоже на то, как выныриваешь из глубины, — воздуха уже нет, кажется, вот-вот вдохнешь воду, а вместо этого весь свежий воздух Земли влетает тебе в легкие. Успела.

— Спасибо, — прошептала Регина.

— Не за что, — ухмыльнулся спаситель. — Я позволил себе подключить ваш же запасной баллон. У вас оставалось кислорода часов на десять.

— Но ведь я смотрела...

— Какое умение устроить трагедию на пустом месте! — заметил спаситель.

Разглядеть его Регина не могла. Она сказала:

— Уберите фонарь.

Наверное, в ее голосе прозвучало раздражение. Обидно быть щенком, которого тычут носом в лужу. Луч фонаря сдвинулся в сторону, уперся в стену пещерки.

— Можно идти, — сказал спаситель. — Держитесь за меня. Мой

вездеход недалеко. Для лучшего эффекта вам стоило бы выключить аварийный передатчик. Раньше чем через сто лет в эту дыру никто бы не заглянул.

Регина непроизвольно взглянула на кнопку передатчика. Она глубоко вздохнула. Пожалуй, нет смысла исповедоваться спасителю в том, что передатчик она не включала. Он работал только потому, что она час назад упала в овраг, и так неудачно...

— Пошли, — кивнула Регина.

В вездеходе он сразу уселся впереди и, включая мотор, предупредил:

— Не снимайте шлем. Кабина не герметизирована. Некогда добираться до базы и разбираться, в чем дело. Потерпите еще десять минут.

Профиль у него был острый, крупный, словно у ворона. И брови слишком густые, черные.

— Разве вы меня не отвезете на базу?

— Не добраться, — сказал спаситель. — Переждете бурю на моем посту.

Он включил рацию и связался с базой.

— Нашел, — сообщил он. — Без особого труда. Можете давать отбой.

Рация забормотала что-то в ответ. Регина смотрела в иллюминатор на желтый непрозрачный занавес пыли.

Тон у него был насмешливый, снисходительный. Тон бывалого следопыта. «Чечако, — подумала Регина. — Я — чечако. Такие не выживали на Клондайке».

Спаситель выключил связь и впервые обернулся к Регине. Его брови были изломаны посредине, а глаза оказались очень светлыми. В фас он не был похож на ворона, скорее на Мефистофеля.

— Они спрашивают, не нужен ли врач. Я ответил отрицательно. Я не ошибся?

— Вы не ошиблись.

— Ну и отлично. Держитесь крепче. Будет качать.

Это было вежливым преуменьшением. Вездеход не качало. Его подбрасывало, мотало, чуть не опрокидывало. Регина большую часть пути провела в подвешенном состоянии, порой взлетая к потолку кабины. Хорошо еще, что здесь небольшое притяжение, — движешься сравнительно медленно.

Наконец вездеход остановился. Спаситель выскочил первым и протянул Регине руку в блестящей жесткой перчатке. Словно схватил клещами.

Сделав шаг, Регина обернулась — вездеход уже казался призраком, отделенным несколькими слоями летящей кисеи.

Когда они раздевались в микроскопическом тамбуре поста, спаситель сказал:

— Вы правильно сделали, что потерялись в начале бури. Сейчас вас труднее было бы найти.

Мелкая пыль висела в воздухе.

— Погодите несколько минут, — продолжал спаситель, — а то мы напустим полный пост пыли. Приборы ее не любят. Кстати, раз уж мы теперь будем жить вместе, как вас зовут?

— Регина.

— Очень приятно. Станислав.

Пыль нехотя оседала на пол и на стены, щекотала в ноздрях.

— Потерпите, — сказал Станислав без улыбки, заметив, что гостья сморщила нос. — Чихнете внутри. А то поднимете тучу. Почешите переносицу. Говорят, помогает.

И такова была сила убеждения, что Регина послушно почесала переносицу, хоть это и не помогло. Пришлось снова ждать, пока уляжется пыль, спаситель молчал, хотя Регина ожидала выговора за то, что чесала переносицу не по правилам.

Внутри все было как и следовало. Порядок почти монастырский. Она представила себе, как этот Станислав все свободное время бродит с тряпочкой по двум тесным комнаткам к туалету поста и вытирает пыль с приборов и мебели. Хотя мебели было мало. Две типовые откидывающиеся койки в жилом отсеке, два стола. Один рабочий, другой, у мойки, — кухонный, он же обеденный.

— Знаете, как делать душ? — спросил Станислав.

— У нас такие же курятники, — сказала Регина.

Мефистофельские брови картинно приподнялись.

— Мы типовые посты курятниками зовем, — пояснила Регина, краснея. Как будто бы ее уличили в детской шалости. Может, сказать ему, что «курятник» — неологизм профессора Вегенера? Ни в коем случае.

Станислав извлек из стенного шкафчика полотенце.

— Мыло в тюбике на полочке, — сказал он. — Там же и щетка для волос.

Ну и терзается он сейчас! Его любимое чистое полотенце! Его обожаемая щетка для волос! Его драгоценный тюбик с мылом...

Регина задернула пластиковую занавесочку, присоединила шланг к крану.

За занавеской раздался многозначительный кашель.

— Что случилось? — В голосе Регины звучал металл.

— Может, вам нужно...

Рука Станислава появилась из-за занавески. Он протягивал — даже сразу не сообразила — мужское белье. Чистое, как и все в этом курятнике.

— Спасибо, не надо, — отказалась Регина, безуспешно стараясь придать голосу строгость. — Надеюсь, что буря к ночи прекратится и за мной пришлют флаер.

— Белье лежит в правом верхнем ящике, — сказал Станислав. — Буря сегодня не прекратится. Постарайтесь не очень разбрызгивать воду. Живу на замкнутой системе. Должны были подвезти бак, но вот буря...

Станислав успел быстро приготовить обед. Раздобыл откуда-то два высоких бокала, протер до блеска, тонко порезал картошку. Регина вытирала волосы и смотрела, как лучи солнца, прорываясь сквозь завесу пыли и влетая в окно, искрились на стенках бокалов. Индивидуальность дома, сошедшего с конвейера, воплощается лишь в мелочах. Бокалы были первой мелочью. Картинка на стене — резкий пустынный пейзаж — второй. Обычно здешние жители старались повесить на видном месте изображения березок или прохладных озер. Станислав был не сентиментален.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, ставя на стол шипящую сковородку с яичницей. Редчайшее угощение. Регина могла это оценить.

— Как будто и не выходила на улицу.

Господи, он извлек откуда-то белую сорочку. Представляете, *притащил сюда, через половину Галактики, белую сорочку.*

— И давно вы здесь? — спросил Станислав голосом вежливого хозяина. Оказывается, он умеет принимать гостей.

— В Пустыне? Третий день. Я работаю на Первой базе.

Он больше не иронизировал. Регина подумала, что у него очень приятно вьются волосы.

— Вы задумались? — спросил Станислав.

— Нет. Ничего. У нас там океан, скалы, брызги до самой базы долетают. И видно километров за десять. Вы не были на Первой базе?

— Нет, никогда. Я тут почти безвылазно, четвертый месяц. Вот кончу через две недели серию опытов, может быть, побываю у вас. Хотя вряд ли. Меня ждут на Ваяле.

— Я тоже полечу на Ваялу. Не знаю, скоро ли? Наверное, здесь одному очень скучно?

— Мне некогда скучать. Скука — это занятие для бездельников.

— Я не так выразилась. Я хотела сказать — грустно.

Станислав улыбнулся. Пожал плечами.

— Вы ешьте, а то остынет.

У него были красивые кисти рук. Сухие, с длинными плоскими пальцами.

— Простите, — сказала Регина, — что я заставила вас выбираться в такую бурю.

— Вы же не нарочно заблудились, — возразил Станислав. Видно, это было единственное оправдание для нее, которое он смог изобрести.

Мирная атмосфера чаепития в гостях — вот уж чего Регина час назад подозревать не могла. Во всем виновата она одна. Зачем винить

геолога, который вынужден был бросить свои дела и разыскивать в пустыне чечако?

— Вы геолог? — спросила Регина.

— Да. Вам чай покрепче?

И чай у него был душистый. И настоящий фарфоровый чайник для заварки.

Сам хозяин к чаю почти не прикоснулся. Да и яичницу не ел.

— Я не люблю апельсинов, — сказала Регина.

— Не понял.

— Я читала как-то исторический роман. Там была бедная семья, и мать говорила детям: «Я не люблю апельсинов». Ну, чтобы им больше досталось.

— А я в самом деле не люблю яичницу, — сказал Станислав.

— Держите яйца для гостей?

— Дом всегда должен быть готов к приему гостей.

Для него это дом. И все курятники, палатки, пещеры, где ему приходится жить, — все это дом. Бывают же на свете люди, которые умеют придать любому жилью нормальный человеческий вид.

— Возникает новая проблема, — сказал Станислав. — Вам ведь здесь придется ночевать.

— Но, может быть, еще...

— Думаю, что буря скоро не кончится.

Регина понимала, что он прав. Буря разошлась так, что от ее порывов вздрагивали стены вросшего в скалу курятника.

— Так в чем же проблема? — сухо спросила Регина. — У вас есть свободная койка.

— Понимаете, — Станислав смотрел ей в глаза серьезно, словно собирался предложить ей руку и сердце, — обычно я сплю на нижней койке, и я даже привык к этому. Но если вам лучше внизу, я перенесу свое белье наверх.

— И в этом вся проблема?

— Разумеется, — ответил Станислав. Он собрал со стола и принялся мыть посуду.

— Давайте, я вам помогу, — предложила Регина. — Я это сделаю лучше.

— Вы гостья, — сказал Станислав. — Кроме того, я не понимаю, почему вы умеете мыть посуду лучше, чем я? Вы специально этому учились?

Он не шутил. Он просто интересовался.

— Нет, — засмеялась Регина. — Я следую традиции.

— Вы не ответили мне о койке, — напомнил Станислав.

— Я очень люблю спать наверху, — заверила Регина.

— Этим вы сняли с моих плеч большую проблему, — сказал Станислав. — Я открою вам правду — я боюсь спать наверху. Боюсь упасть.

И опять непонятно — шутит он или слишком серьезен. Где у него грань между юмором и наивностью?

— Я не упаду, — в тон ему ответила Регина.

— Если вы не возражаете, я бы теперь немного поработал, — признался Станислав.

— Разумеется. У вас не найдется какой-нибудь женской работы для меня?

— Что вы имеете в виду под женской работой?

— Штопка, шитье, стирка...

— Вон там, на полке, последние номера «Биологического вестника Ваялы». Вы их, наверное, еще не видели.

— Нет. Вы их привезли с собой?

— Полистайте. Наверное, это лучший вид женской работы.

Регина рассеянно проглядывала номера журнала, беззастенчиво исчерченные, с восклицательными знаками на полях, загнутыми углами страниц...

— Вы интересуетесь и биологией?

— Умеренно, — ответил Станислав. — Это плоды деятельности моего брата. Он работает на Ваяле, прилетал ко мне и оставил.

— Тогда понятно, — сказала Регина. — Не в вашем характере так обращаться с журналами.

— Это не зависит от характера, — возразил Станислав. — Брату так удобнее.

— Но не вам.

— Не мне.

Семейная сцена, подумала вдруг Регина. Он за рабочим столом, она в кресле. За окнами буря, бессильная нарушить уют и спокойствие... И что за чепуха лезет в голову?

— Хотите, я вас постригу?

— Что?

Станислав не сразу смог переключиться — видно, предложение пришлось некстати.

Он покачал головой.

— Если будет нужно — сам справлюсь. Вам скучно?

Регина хотела было согласиться, но тут же вспомнила, как Станислав относится к скуке.

— Нет, что вы, — сказала она. — Где моя сумка с лишайниками? Наверное, от них ничего не осталось.

— Я ее поставил в тамбуре. Достать?

— Не надо. Я вам постараюсь больше не мешать.

— Мешайте, — разрешил Станислав. — Я ничего не имею против. Мне приятно, что вы ко мне пришли.

К вечеру буря внезапно прекратилась. Станислав захотел выйти поглядеть, надежно ли стоит вездеход.

— Вы отвезете меня? — спросила Регина.

— Нет. Через час, а может, раньше буря разыграется куда сильнее. Мы сейчас с вами попали в глаз тайфуна. Вам приходилось слышать о таком?

— Это самый центр бури? Глаз тайфуна — это почему-то связано у меня с Конрадом, Эдгаром По...

— Ветер в снастях, сломана грот-мачта, во втором трюме помпы не справляются с течью...

— Правильно. А можно с вами выйти наружу?

— Я буду рад. Только позвольте мне самому проверить ваши баллоны.

— Вы злопамятный.

— Я осторожный.

Они сидели на большом плоском камне у входа в пост. Было очень тихо, лишь над низинами висела, никак не могла улечься сизая в вечернем воздухе пыль. Блики заходящего солнца скользили по округлому забралу шлема и, попадая в серые глаза Станислава, превращали зрачки в маленькие круглые прозрачные озера.

Он сказал:

— Когда я получил известие с базы, что вы потерялись в моем районе, то сначала рассердился. Извините, но именно так: рассердился. Ну как же можно: взять легкий флаер и отправиться в Пустыню, когда в любой момент может начаться буря? А буря такая, что по доброй воле я бы и на сто метров от поста не отошел... Нет, я рассказываю не затем, чтобы вызвать в вас раскаяние. Наоборот, я виноват в том, что был груб. А потом вы пришли ко мне, и я обрадовался тому, что вы здесь.

Солнце исчезло за краем стены пыли, стало темно. Порыв ветра подхватил горсть песка и кинул его в лицо Регине. Песчинки взвизгнули, царапая забрало шлема.

— Пора прятаться, — окликнул ее Станислав и протянул руку.

Регина поняла, что ждала этого. Чтобы он протянул ей руку. Она не могла почувствовать теплоту его ладони, но это не так важно...

В тамбуре, ставя на полку шлем, Регина спросила:

— Вы любите свою работу?

— Вряд ли это вопрос любви или нелюбви, — ответил Станислав. — Но, очевидно, я получаю удовлетворение от процесса исследования.

— И от результатов?

Его лицо было совсем близко. В полутьме тамбура глаза были светлее кожи. Регина непроизвольно подняла руку и дотронулась кончиками пальцев до щеки Станислава.

Его глаза расширились удивленно.

— Простите, — растерялась Регина. — Я нечаянно.

— Нечаянно?

Он улыбнулся. И добавил:

— Я думал, что испачкал щеку. Или вы соринку сняли...

— Считайте, что соринку.

Регина бросила на полку перчатки.

— Ужином занимаюсь я, — предложила она. — Могу я за вами поухаживать?

— Вряд ли, — сказал Станислав, открывая внутреннюю дверь. — Это неразумно. Мне легче самому сделать ужин, чем рассказывать, где что лежит.

И конечно, он настоял на своем.

Ночью Регина долго не могла заснуть.

Маленькая каютка — спальный отсек, — казалось, плыла по бурному морю. Если приложить к стене ладонь, то ощутишь, как бьются о стену волны песка и ветра. С верхней койки виден освещенный прямоугольник двери и угол стола, за которым работает Станислав. Вот он откинул голову, переворачивает страницу, поднялась рука, поправила лампу. Вот он взглянул в сторону Регины — он не видит ее, не знает, что встретился с ней глазами. Прислушивается, спит ли она. Окликнуть его? Зачем? А может быть, он догадается, придет, скажет ей «спокойной ночи», можно будет опустить руку и найти в темноте его пальцы... Он снова отвернулся, подвинул к себе спектрограф. Он не придет пожелать ей спокойной ночи, разве это принято, когда у тебя случайный гость, заблудший чечако, который исчезнет вместе с бурей? Последняя мысль вдруг разозлила Регину неравноправием чувств. Не думай глупостей, приказала она себе и отвернулась к стене. Но пока не заснула, старалась представить себе, что сейчас делает Станислав.

Проснулась она поздно. Станислав не стал ее будить.

— Выспались? — спросил он, услышав, что она соскочила с койки.

За иллюминаторами несется желтая мгла. Круглые часы над рабочим столом показывают 11.34. Регина задержалась в жилом отсеке, вспоминая, где щетка для волос: меньше всего на свете ей хотелось появляться перед Станиславом взъерошенной, как щенок после драки. Но щетка лежит у мойки, в том отсеке...

Широкая ладонь Станислава возникла в дверном проеме. На ладони лежала щетка.

Станислав сказал из-за двери:

— Я пойду приберу в тамбуре. Вернусь через десять минут. Чтобы к этому времени вы были в полном порядке и готовы завтракать. Вы едите манную кашу?

— Ем! Обожаю! — сказала Регина, принимая щетку и со сладкой безнадежностью понимая, что безумно, безнадежно влюблена в этого вежливого сухаря...

— ...А потом что? — Стас закурил, и Станислав, не любивший табачного дыма, кашлянул, разгоняя дым перед лицом.

— Она прожила у меня в курятнике еще два дня. Вернее, два с половиной дня.

— Кончилась буря?

— Нет. Мимо шел большой вездеход. Они завернули к нам и взяли Регину.

— И что она сказала на прощание?

— Ничего. Она вежливо попрощалась. Как и принято. Поблагодарила меня за гостеприимство.

— И все?

— Она была сердита на меня.

— Почему?

— Мне кажется, в глубине души она полагала, что я нарочно вызвал вездеход, чтобы отделаться от нее.

— А ты вызывал вездеход?

— Нет, я тут совершенно ни при чем. Но если бы я мог вызвать его, я бы это сделал. Так что ее догадки были недалеки от истины.

— Ты испугался?

— Мне было жалко девочку.

— Она не девочка. Она взрослый человек. Ей подошло время полюбить. И тут попался ты. Не очень красивый, но вполне самостоятельный мужчина, притом спаситель. Ты же не проявлял никакой инициативы: безотказный капкан.

— Не старайся показаться циником.

— Я не стараюсь. Это не цинизм, брат. Это констатация факта. Вполне вероятно, что, увидь она тебя здесь, на Ваяле, прошла бы мимо, не обратив внимания. Таких мужчин, как мы, здесь тысячи.

— Она бывала на Ваяле, она выросла на Земле. Но полюбила меня.

— Она о тебе уже забыла.

— Нет.

Станислав достал письмо, протянул его брату.

Стас развернул его и заметил:

— Банальный почерк.

— Не в почерке дело, — терпеливо сказал Станислав.

Стас небрежно пробежал глазами строчки, перевернул лист на другую сторону — не написано ли там чего-нибудь.

— Что ж, — произнес он наконец, — очень трогательно.

— И все?

— Что же я еще могу сказать? Не я внушал ей эти чувства.

— Ты шутишь?

— Нет, я серьезен.

— Порой я не знаю, когда ты шутишь, а когда серьезен. Я видел ее глаза, когда мы прощались. Она писала искренне.

— Ни на минуту в этом не сомневаюсь. Да и не мои сомнения тебя тревожат.

— Нет, не они. Но, клянусь тебе, я не предпринял никаких шагов для того, чтобы...

— Соблазнить ее?

— На этот раз ты шутишь.

— Шучу.

Станислав поднялся с кресла и подошел к окну. Станислав приблизил лицо к стеклу, глядя вниз, в пропасть улицы.

— Послушай, брат, — сказал Стас. — Ты бессилен ей помочь. И клянусь тебе: пройдет неделя, месяц, она утешится, она молода и обо всем забудет. Пусть же тебя не мучают угрызения совести. Я повторяю: ей пришло время полюбить, и ты вовремя попался ей на пути.

— Ты не видел ее, — возразил Станислав. — Она очень милая и умная. Она искренняя. Мне очень жаль ее.

— Иному на твоем месте я предложил бы на ней жениться.

— Опять шутишь?

Станислав резко обернулся. Густые черные брови сошлись к переносице одной изломанной черной линией.

— Ты сердишься, Цезарь, — сказал Стас. — Значит, ты не прав.

— Ты должен увидеть ее, — сказал Станислав.

— Я ждал этой просьбы.

Брови Стаса сошлись в такую же черную изломанную линию. Те же серые глаза с секунду выдерживали взгляд андроида, метнулись в сторону, рука с длинными плоскими пальцами отыскала на столе пачку сигарет.

— Не кури, — попросил Станислав. — Я не люблю этого. Мне вредно.

— Ты унаследовал мои достоинства, но знаешь, чего тебе не хватает, чтобы стать человеком?

— Знаю. Слышал. Недостатков.

— Я повторяюсь.

— Да. Порой я задумываюсь о жестокости людей. Нет, не отдельных индивидуумов, а людей в целом. Я понимаю, что, создавая андроида, вы идете по пути наименьшего сопротивления — максимальное дублирование оригинала. Замечательного, выдающегося оригинала. И забываете о недостатках. Забываете о том, что я не только неполноценен, но и настолько совершенен, что сознаю свою неполноценность. Мне претит тщеславие биоконструкторов. Я должен быть примитивнее. Биоробот, и все тут. Робот, от слова «работать».

— Станислав, не пытайся быть несправедливым к людям.

— Почему я несправедлив?

— Потому что ты человек.

— Андроид. Почти человек, притом без недостатков.

— Хорошо, андроид. Возьми письмо обратно. Оно адресовано тебе.

— Неужели ты до сих пор не понял, что не мне, а тебе? Я же не могу испытывать любви...

— А ты задумывался, как близка к любви жалость?

— Жалость — функция мозга. Это доступно даже моему, наполовину электронному мозгу.

Стас погасил сигарету.

— Она пишет, что ждет тебя...

— Да.

— Хотя бы на минуту...

— Да.

— У входа в зоопарк...

— Да.

— А на сколько процентов твоя филиппика против жестокого человечества была театральным представлением, а не душевным порывом?

— Не более чем на десять процентов, — улыбнулся Станислав. — Не более. И не хмурься, брат. Я не лгу. Это мне не по зубам.

— Ну уж что-что...

Станислав напомнил:

— Она будет там через десять минут. Ты только успеешь дойти до зоопарка.

— Как ты все рассчитал! — сказал Стас. — Я бы не смог.

— У тебя нет нужды заставлять свой оригинал действовать по-человечески.

— Как я ее узнаю?

— Она сама тебя узнает.

— И все-таки?

— Твое сердце тебе подскажет.

— Твое ведь не подсказало?

— Оно не могло подсказать. Оно почти синтетическое. Зато я функционирую надежнее тебя. Как почка? Побаливает?

— Чуть-чуть.

— Трансплантация займет три дня.

— У меня нет этих трех дней.

— Я тебя заменю. Я в ближайшую неделю свободен.

Стас накинул куртку.

— Нет, — Станислав подошел к нему, — возьми мою.

— Ты боишься, что она меня не узнает?

— Ей приятнее будет увидеть меня... то есть тебя в старой куртке.

— Ну и знаток женского сердца!

Стас открыл дверь в коридор. И остановился.

— Слушай, а что я ей скажу?

— Извинись, что был занят... ну, скажи что-нибудь. Можешь даже разочаровать ее в нас. Только не обижай.

— Жалеешь?

— Иди-иди. Я бы на твоем месте не колебался.

— Регина?

— Да-да, Регина. У нее светлые волосы, прямые светлые...

Стас пошел к лифту.

Станислав сел в кресло, рассеянно вытащил из пачки сигарету. Посмотрел на нее, словно не мог сообразить, что делать с этой штукой, потом сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой. Закашлялся и расплющил сигарету в пепельнице.

— Берегите составные части, — пробурчал он чьим-то чужим голосом. — Они вам дадены не для баловства.

Он посмотрел на часы.

Стас уже у входа в зоопарк.

Станислав снова поднялся, подошел к окну и, упершись лбом в стекло, смотрел вниз и направо, в темную зелень парковой зоны. Словно мог разглядеть кого-то за три километра. Ничего он, конечно, не увидел. Вернулся к столу, раскурил еще одну сигарету и затянулся. А когда откашлялся — затянулся еще раз.

УСИЛИЯ ЛЮБВИ

Радик подвез Басманного до дома. Оба молчали — устали смертельно. Басманный вяло шлепнул Радика по плечу, вздохнул на прощание. Радик тоже вздохнул на прощание. Сыпал мелкий, холодный, паскудный дождь, никому не нужный — ни людям, ни сельскому хозяйству.

— Не простудись, — сказал Радик вслед. — Ты нам еще пригодишься.

Человек в летнем костюме сутулился у подъезда. Он промок, одежда прилипла к телу, с длинного носа в такт мелкой дрожи срывались капли. Кто же, подумал Басманный, та фея, что может подвигнуть на такой подвиг мужчину средних лет?

— Вы Басманный? — строго спросил человек, встретившись с ним взглядом.

Вот тебе и фея, улыбнулся Басманный.

— К вашим услугам, — сказал он.

— Я из-за вас простужусь, — сообщил мокрый человек.

— Жаль, — сказал Басманный.

— Мне нужно поговорить с вами наедине.

Кто он? Изобретатель вечного двигателя? Охотник за автографами?

Черные глаза, близко посаженные к переносице, уперлись в лицо

Басманного. Оранжевый отсвет из подъезда сверкал в них адским пламенем.

— Заходите, — сказал Басманный. — В любом случае глупо стоять под дождем.

— Я боялся пропустить вас, — сказал мокрый человек.

— Подождали бы в подъезде, подъехали бы в институт...

— А вы знаете, сколько сейчас времени? — спросил мокрый человек. — Пять минут двенадцатого.

— Неужели? — Басманный пропустил гостя в подъезд, вызвал лифт.

От одежды мокрого человека пошел пар.

— Так что же вам нужно? — спросил Басманный.

— Две минуты вашего времени, — сказал мокрый человек, шмыгая носом. — Вы скажете «да». И я уйду.

— Тогда я скажу «да» немедленно, — ответил Басманный. — И лягу спать. У меня завтра трудный день.

— Знаю, — сказал мокрый человек и первым вошел в лифт. — Третий этаж?

— Третий.

— Завтра вы летите на Титан, — сказал мокрый человек. Длинными пальцами он убрал со лба прилипшие черные волосы. — И не пытайтесь отрицать.

— Тут нет тайны, — сказал Басманный. — Если запуск не отменят.

— Все будет в порядке, — сказал мокрый человек. — И я полечу вместо вас.

— Почему? — удивился Басманный.

Двери лифта раскрылись. Басманный пропустил вперед гостя, и тот сразу прошел к двери в его квартиру.

— Потому что мне надо завтра, в крайнем случае послезавтра быть на Титане.

— Почему?

— Потому что послезавтра оттуда уйдет рейс к Плутону. Я там должен быть раньше. У вас есть кофе?

Мокрый человек прошел к креслу, опустился в него, вокруг ботинок образовалась небольшая лужа.

— Сейчас сделаю, — сказал Басманный. — Но вы явно обратились не по адресу.

— Вот это мне лучше знать, — возразил гость. — У меня разработана последовательность действий. Вы в ней — только этап.

Басманный включил кофемолку. Она зажужжала густо, солидно. Дождь смочил подоконник — утром Басманный забыл задвинуть окно. В комнате пахло мокрой листвой и грибами.

— Очень приятно, — сказал Басманный. — А чем вы намерены заняться на Титане? Вы геолог?

— Я арфист, — сказал мокрый человек, вдыхая запах молотого кофе. — Меня зовут Ник. Ник Прострел. Не слышали?

— К сожалению, нет. Я далек от мира арфистов. А что арфисты делают на Титане?

— Не знаю, — признался Прострел. — Я буду первым. Мне нужно застать Таисию.

Кофе поднялся над туркой рыжим горбом, и Басманный разлил его в чашки. Прострел жадно схватил чашку и принялся мять ее пальцами. Басманный не мог оторвать взгляд от пальцев гостя. Чашке было двести лет, и никто прежде не старался ее раздавить.

— Кем же вам приходится Таисия? — спросил Басманный, надеясь отвлечь Прострела от уничтожения чашки. — Она заболела?

— Она совершенно здорова, — возмутился Прострел. — С чего вы решили, что она больна?

— Тогда объясните мне.

— Я не могу без нее жить. У меня арфа валится из рук.

— Я думал, что арфы на подставках, — сказал Басманный.

— Не понимайте меня буквально, — обиделся Прострел. — Мы знакомы с Таисией три года. Она была на моем концерте. Женщина редкой профессии. Специалист по хондритам. Представляете? Нас влекло друг к другу. Мы собирались соединиться. Если бы не обстоятельства. Я не спал всю ночь. Это нервы!

— Может быть, — сказал Басманный. Ему очень хотелось, чтобы гость поскорее ушел и оставил его в покое.

— Я послал ей письмо, что должен еще раз обо всем подумать. Брачный союз — это серьезный шаг. Вы со мной согласны?

— Согласен.

— Но она не стала ждать.

— Пошлите ей телеграмму, что раскаялись.

— Дело в том... — Вдруг в глазах Прострела начали зреть слезы, скапливаться блестящим валиком на нижнем веке. — Это уже было. Шесть раз. Как минимум. Я говорю вам об этом как мужчина мужчине. Я бы на ее месте не поверил мне. Я ненадежен.

— Так зачем вам на Титан? Вы же снова передумаете.

— Нет, — ответил Прострел. — Она всегда прощала меня. А теперь сказала, что улетает на Плутон. А там Степанян.

— Ну и хорошо. Она ждала три года...

— Я решил, — сказал Прострел.

Он сделал усилие, красные пятна выступили на щеках, чашка, которой было двести лет, разлетелась, кофе брызнул между пальцев на шкуру белого медведя на полу, на светлую обшивку кресла.

— Я не спал ночь, — сказал Прострел, не обращая внимания на бесчинства, которые он натворил.

— Этой чашке было двести лет, — сказал Басманный.

— Как вам не стыдно думать о чашке! — Слезы сорвались с ниж-

него века, покатились по щекам. — Вы бессердечный человек, Басманный. Я не буду вас жалеть.

— Не надо меня жалеть, — мрачно сказал Басманный. Он собрал осколки чашки и понес их на кухню. Когда он вернулся, в руках Прострела была уже вторая чашка. И он уже начал мять ее в пальцах.

Басманный сказал:

— А ну-ка, отдайте мне чашку.

Прострел чашку вернул, проворчав:

— При чем тут чашка? Я вам завтра достану таких двадцать. Я лечу на Титан и там ей все скажу. Уступите мне свое место.

— Это от меня не зависит.

— А если бы зависело?

— Я бы вас близко к Титану не подпустил.

— Тогда я готов уйти на Титан пешком.

— Это выход, — сказал Басманный. — Я не возражаю.

— Вы смеете шутить!

— Я надеюсь, что ваша Таисия будет счастлива со Степаняном.

— Нет! Я понял, что люблю только ее. Почему вы считаете, что арфист — это не человек? Почему арфист не имеет права полететь на Титан?

— Через год, — сказал Басманный, отхлебывая кофе и разглядывая пятна на шкуре и на обивке кресла. — Арфистов мы будем отправлять через год, когда полеты на Титан станут обычны.

— Безобразие! А если бы я играл на кларнете?

— Кларнетистов мы обслуживаем в первую очередь. Я больше вас не задерживаю.

— А я и не намерен задерживаться, — сказал Прострел. Он поднялся. Он почти высок. — Я понял, что вами руководит стремление к славе. Иначе бы вы уступили мне свою очередь.

— Господи! — удивился Басманный. — При чем тут слава! Нет никакого подвига в том, чтобы телепортироваться на Титан. Даже в специальных отчетах моя фамилия не будет фигурировать. Все уже испытано тысячу раз. До свидания.

— Прощайте, — сказал Прострел, направляясь к двери. — И все-таки я полечу вместо вас.

— Пожалуйста. Летите раньше меня, вместо меня, идите пешком, только оставьте меня в покое. И Таисию тоже.

— Посмотрим, — сказал Прострел, задерживаясь в дверях. — Хотя с вами я, пожалуй, больше не увижусь.

Дверь хлопнула.

Басманный, борясь с ощущением нереальности, огляделся. Нет, Прострел не был кошмаром.

Басманный отхлебнул еще кофе. Кофе совсем остыл. Он подошел к окну. Из подъезда вышла сгорбленная тонкая фигура и бросилась к стоявшему неподалеку флаеру.

Высокий сутулый человек с крепким носом и выразительными глазками вошел в кабинет шефа и робко улыбнулся с порога.

Для своего появления в кабинете шефа Прострел выбрал самое неудачное время. С утра все в институте шло наперекосяк. Связь с Титаном вдруг начала барахлить, из Центра сообщили, что на четырнадцать часов энергию не гарантируют, на второй станции контроля полетел резервный компьютер. Лисичка была в истерике, куда-то пропал Басманный...

— Здравствуйте, — сказал высокий человек. — Я рад с вами познакомиться.

— Да? — удивился шеф. — Как вы сюда проникли? Я сегодня никого не принимаю. И вообще сейчас ухожу на запуск.

— Знаю, — улыбнулся посетитель. — Моя фамилия Прострел. Я арфист. Мне надо на Титан.

— Очень приятно, — сказал шеф. — Но я не понимаю, кто вас пропустил.

— Ваша секретарша, — сообщил Прострел и уселся в кресло.

— Тогда обращайтесь в управление пассажирских перевозок, — сказал шеф, который не выносил нахалов.

— Когда?

— Года через два. Почти наверняка года через два установки пойдут в серию.

— Это меня не устраивает, — так же серьезно сказал Прострел. — Мне надо быть на Титане завтра. Это последний срок.

— Почему?

— Несчастная любовь, — сказал Прострел.

— Ничего не выйдет, — сказал шеф, поднимаясь, потому что замелькавшие на пульте справа от стола огоньки показали, что присутствие шефа в пусковом зале требуется немедленно.

Прострел поднялся вслед за ним.

— Вы тратите свое и мое время, — сказал шеф.

— Ничего подобного. Вот результаты медицинского обследования.

— Это еще зачем? — Шеф попытался отмахнуться от аккуратно сложенной пачки бумаг и перфокарт.

— Чтобы у вас потом не было неприятностей из-за того, что вы отправили на Титан неподходящего человека.

— Вы будете неподходящим, даже если принесете мне справку из Космического Центра.

— Они именно оттуда, — сказал Прострел.

Шеф быстро шел по коридору, автоматически раскланиваясь со встречными. Прострел тоже мотал головой, словно прожил в институте по крайней мере год.

— Это невозможно, — сказал шеф. — Космический Центр не обследует арфистов. Вы не представляете, до чего они загружены.

— Представляю, — сказал Прострел негромко. — Мне пришлось потратить целый день, пока я всего добился.

— Добились?

— А как же иначе?

Шеф на секунду остановился, посмотрел на Прострела из-под седых бровей мрачным взглядом, взял бумажки и бросил взгляд на гриф: «Космический Центр». Затем поспешил к пусковому залу.

— Я понимаю, Артур Артурович, — догнал его арфист, — что все эти документы и рекомендации от академика Пыхова и третьего института Воскобойникова не играют для вас роли...

— У вас и это есть?

— Все есть. Запуск является, так сказать, внутренним делом нашего института. И состояние здоровья теленавта — дело третье...

— Как вы сказали?

— Теленавт. Это мое изобретение. Я полагаю, что теленавтика, основателем которой вы, Артур Артурович, являетесь, станет со временем основным направлением в мировой науке. А вы как думаете?

— Я на эту тему не думаю, — буркнул шеф, который знал цену грубой лести, но устоять против нее ему было трудно, как и любому основателю мировой науки.

Пусковой зал представлял собой сцену в разгар Бородинского сражения. Разноцветными суетливыми жучками техники различных служб института облепили громоздкую серую матовую установку, словно хотели растащить ее на винтики, что было неправдой — шла последняя проверка узлов. Красивая женщина в голубом халате рыдала на алюминиевом табурете, рядом стоял толстый брюнет со стаканом воды, который при виде шефа громко сказал:

— Басманного все нет. — Это был Радик.

— Домой звонили?

— Не отвечает.

— Он не мог струсить! — произнесла, глотая слезы, красавица.

— Ты, Лисичка, молчи, — сказал Радик. — Связь с Титаном опять барахлит. Кого вместо Басманного отправлять будем... в случае чего?

— Меня, — быстро сказал Прострел. — Я уже готов.

— Это еще кто? — удивился Радик.

Лисичка с интересом поглядела на кандидата в теленавты. Слезы продолжали струиться по ее прекрасному лицу.

Из-под потолка возник глухой голос:

— Артур Артурович, связь с Титаном. У них срочное сообщение.

— Иду, — сказал шеф и быстро побежал к ажурной лестнице на галерею — полы халата в двух метрах позади.

— Вы будете дублером Басманного? — спросила Лисичка. — Я его не выношу.

Из радиорубки донесся страшный рев шефа. В пусковом зале на-

ступила мгновенная тишина. Но так как вопль не повторился, все вернулись к своим делам.

— Я вас раньше в институте не видела, — сказала Лисичка.

— Это не играет роли, — сказал Прострел. — Мне там нечего делать.

— Басманный тоже не совершает подвига, — сказала Лисичка, и в голосе ее прозвучала неуверенность. Ей хотелось, чтобы ее разубедили.

— Это может каждый, — как назло, согласился Прострел. — Через год так будут отправлять грудных детей. Я, например, отношусь к этому буднично. Если бы не любовь, никогда не стал бы связываться. А дальше что? Ждать на Титане следующего запуска? Сколько ждать?

— Совершенно неизвестно, — сказала Лисичка.

В зал вошла экскурсия, впереди дама в голубых очках.

— А сейчас нам покажут пусковой зал, — сказала дама уверенно. Повела головой, как ящерица в пустыне, и спросила строго: — Кто нам покажет пусковой зал?

Прострел пошел к установке и остановился в нескольких шагах от нее, за спинами техников в желтых халатах, биологов в голубых, теоретиков в костюмах а-ля шеф.

— Вы видите перед собой, — сказал Прострел, глядя поверх голов экскурсантов, — первую в мире действующую межпланетную телепортационную установку.

Подростки достали магнитофончики, щелкнули кнопочками.

— Вековая мечта человечества сбылась, — продолжал Прострел. — Фактически мгновенное перемещение материи на космические расстояния разрешает проблемы транспортировки в пределах Солнечной системы.

— А к звездам? — спросила худенькая девочка.

— И к звездам. В свое время. — Прострел отечески улыбнулся. — Принципиально это уже возможно, однако количество энергии, требуемое для такого перелета, превышает возможности всех станций нашей планеты. Даже сейчас... — голос Прострела окреп, и техники оглядывались на него, не смея сказать, что оратор мешает им работать, — даже сейчас телепортация на Титан заставит Северное полушарие отдать половину энергетических резервов, которые измеряются в миллиардах... — Прострел замолчал, обводя аудиторию горящим взглядом. Он, к сожалению, забыл, в миллиардах чего измеряется энергия.

— Если это так дорого, — сказала дама в голубых очках, — зачем тратить средства...

— Отвечаю! — Прострел направил руку вверх и продолжал: — Человечество стремится к небу. В свое время первые спутники Земли казались слишком дорогими. Теперь их запускают школьные астрономические кружки.

Подростки согласно склонили головы. Они запускали спутники Земли. В свободное от занятий время.

— Но даже в настоящей форме мгновенное перемещение было бы невозможно, если бы не деталь, найденная уважаемым Артуром Артуровичем, которая обессмертит его имя.

Прострел чуть опустил указующий перст, уткнув его в приземистую фигуру шефа, который появился на лестничной площадке, сжимая в кулаке синюю ленту космограммы. Артур Артурович, встретив взгляды экскурсантов, на секунду растерялся и поклонился.

— Именно ему удалось натолкнуться на элементарную, но великую идею! Когда тело определенной массы движется вдоль гравитационных лучей, расход энергии тысячекратно уменьшается в случае, если навстречу из точки, куда оно стремится, будет двигаться тело точно такой же массы в обратном направлении. Эффект качелей — назвали это решение ученые. Эффектом Артура Артуровича назвал бы его я!

— А массы не столкнутся? — вякнула худенькая девочка.

— Массы условны, — сказал Прострел. — Масса фактически не существует. Это потоки элементарных частиц.

— Это что такое? — пришел в себя шеф. — Кто допустил? В день запуска! Что здесь делает Прострел?

— Проследуем дальше, — сказала дама в голубых очках и увела экскурсию в соседний зал.

— Я готов к телепортации, — сказал Прострел.

— Забудьте об этом, — сказал шеф.

— Не могу! — крикнул в ответ Прострел, задрав голову, чтобы удобнее сверлить шефа черными глазами. — Только вы можете понять, что значит любовь.

— Ах, что за пустяки! — отмахнулся шеф и, увидев Радика, потряс перед его носом космограммой. — Что теперь делать? Все пересчитывать, а Басманного нет.

— С минуты на минуту он явится, — сказал Радик. — Он верный человек.

— А если не явится?

— Значит, что-то случилось. Трагическое. И тогда лететь придется другому. Хотя нежелательно.

— Почему нежелательно? — спросил шеф.

— Потому что никто не знает, когда он вернется обратно. У нас запланирована лишь одна телепортация. Никто в Совете не даст в этом квартале энергию на вторую. Вы это знаете.

— Тогда полетите вы, — сказал шеф.

— У меня на послезавтра билеты в театр, — просто сказал Радик. — А на той неделе теща уезжает в отпуск, оставляя меня с женой и пятью детьми. Вы понимаете, что это значит?

— И это настоящий ученый! — сказал шеф. — Долой из института! Мы найдем другого. Любого.

Шеф развернулся всем корпусом и столкнулся с Пузисом, который обмахивался стопкой перфокарт, ожидая очереди поговорить с шефом.

— Пузис, — сказал шеф, и в его улыбке была неуверенность, — вы полетите сегодня вместо Басманного? Правда?

— С удовольствием, — сказал Пузис. — Когда обратно?

— Может быть, через полгода. Но для вас это не проблема?

— Нет, не проблема, — сказал коварный Пузис. — И монография, которую мы с вами заканчиваем, Артур Артурович, подождет. Она все равно в плане будущего года.

— Правильно, — сказал шеф. — Монография подождет. Кстати, вам совершенно нечего делать на Титане, Пузис. Он не по вашей специальности.

— Слушаюсь, шеф, — сказал коварный Пузис и исчез в радиорубке. Шеф обвел глазами армию техников и ученых у его ног. Все слышали разговор, все делали вид, что заняты делом. Только Губернаторов поднял взгляд и сказал тихо:

— Можно, я полечу? Я не женат. Мне всю жизнь хотелось побывать на Титане.

— Вот! — сказал шеф. — А вы говорите.

— Не пойдет! — крикнул снизу Прострел. — Он не поместится в установку. В нем сто пятьдесят килограммов живого веса.

— Сто двадцать, — сказал Губернаторов, который явно не поместился бы в установку.

— Во всей Вселенной не хватит гравитонов, — сказала Лисичка, — чтобы перенести массу Губернаторова на Титан. Но на меня не рассчитывайте. Я завтра лечу в Коктебель.

— Вас, Лисичка, — сказал шеф, — я и не приглашал. Вы даже в виде потока элементарных частиц чрезвычайно опасны. И если вместо Титана вы попадете к вашей косметичке, никто не удивится.

— Спасибо, — сказала оскорбленная Лисичка и вспомнила, что косметичка Алла Семеновна ждет ее вечером. Скорей бы прошел этот запуск.

В зал вбежал Иван Сидорович.

— Он дома! — крикнул Иван Сидорович с порога, жуя половецкий ус. — Он не приедет.

— О ком речь? — спросил в растерянности шеф.

— Мы посылали Ивана Сидоровича к Басманному, — сказал Радик.

— Почему он не приедет? — спросил шеф. — Через час телепортация на Титан. Разве не так?

— Он спит, — сказал Иван Сидорович. — И не хочет просыпаться.

— Так разбудите его!

— Он сказал, что не будет просыпаться.

— Напомните ему, в конце концов, что он участник исторического события.

— Он сказал, что знает.

— И что?

— Перевернулся на другой бок, — сказал Иван Сидорович.

— Я вас предупреждал, — сказал Прострел. — На Басманного нельзя полагаться.

Шеф бросился в радиорубку — шла космограмма с Титана.

— Это удивительно, — сказала Лисичка.

— Я у него вчера был, — прошептал ей Прострел. — Он произвел на меня впечатление слабого человека, не знающего, что такое истинная любовь.

— Ему этого не понять, — ответила Лисичка. — Я знаю.

— Я был вынужден подсыпать ему в кофе снотворного, — сказал Прострел.

— Это преступление! — ахнула Лисичка.

— Да, — согласился покорно Прострел. — На него меня толкнула любовь. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказала Лисичка. — Но все равно это преступление.

— У вас не хватит совести выдать меня, — сказал Прострел.

— Не хватит, — согласилась Лисичка.

Большие часы с восемнадцатью циферблатами пробили двенадцать. До запуска оставалось меньше часа.

В радиорубке шеф передал Радику последние данные с Титана.

— Кто летит с Титана? — спросил шеф. — Пирелли?

— Пирелли.

— Еще вчера он был легче на три кило. Разве это не безответственность?

Радик посмотрел на шефа печальными преданными глазами.

— Я не пойду в театр, — сказал он. — И жене придется одной возиться с детьми.

— Спасибо, — сказал шеф. — Я буду приходить к ней по вечерам.

— Да? — И неизвестно было, рад Радик такому решению шефа или нет.

— Ну ладно, — сказал шеф, не дождавшись должной благодарности. — Иди. У тебя какой вес?

— Сейчас узнаем, — мрачно сказал Радик. — Не представляю, как жена управится.

В коридорчике, ведущем к весовой — «массогравитонному отсеку», — почему-то не горел светильник. Радик на секунду приостановился, поджидая Лисичку, чтобы она направила его на верный путь.

— Где ты? — спросил он.

— Я здесь, — ответил мужской голос.

В то же мгновение сильная рука прижала к носу и рту Радика вату, пахнущую хлороформом. Мир закружился и исчез. Последним ощущением Радика была уверенность в том, что его куда-то тащат. И голос Лисички: «Он не заслужил иного».

Ровно за восемь минут до запуска теленавт быстрыми шагами вошел в пусковой зал. Он был в длинном махровом халате с капюшоном, низко надвинутым на глаза. Из рукавов вылезали длинные руки с тяжелыми браслетами — дополнительным весом. Сзади шли два пусковика и Лисичка.

Кинув пронзительный черный взгляд на почтительную толпу техников, первый в мире теленавт исчез в черном люке установки. Пусковики нырнули вслед. Лисичка осталась стоять снаружи, словно охраняла установку от врагов.

Шеф поглядел на установку, спросил:

— Все готово? Он там?

— Он там, — ответила Лисичка.

— Он там, — ответили техники.

Шеф проследовал к пульту. Пульт сверкал огнями, как карнавальная улица в Рио. Метроном отсчитывал последние секунды. Еще немного, и теленавт перестанет существовать. Он превратится в поток гравитонов и мгновенно перенесется к Титану. А встречный поток с теленавтом с Титана материализуется в установке, поблескивающей под множеством прожекторов и сканеров, линз и объективов...

— Десять, девять, восемь, семь, шесть...

В этот момент в зал вполз Радик.

— Шеф, — сказал он тихим голосом, которого никто не услышал.

— Пять, четыре, три, два, один... пуск!

— Шеф! — сказал Радик громче.

Шеф обернулся.

— Кто же полетел? — спросил он тихо. — Дезертир!

— Меня подменили, — сказал Радик.

Еще ярче вспыхнули экраны и сигналы.

На экране, который смотрел внутрь установки, появилось торжествующее лицо пусковика. Пусковик поднял вверх большой палец.

— Есть телепортация! — закричал он.

Техники, ученые и обслуживающий персонал бросились друг другу в объятия. Дело свершилось.

Лисичка помогла Радику, от которого сильно пахло хлороформом, подняться на ноги.

— Это, — сказала она, — песнь торжествующей любви.

Из установки, кутаясь в купальный махровый халат, оставленный теленавтом Прострелом, вышла полная молодая женщина.

— Я так больше не могу, — сказал шеф. — Мне семьдесят лет. У меня слабые нервы. Это не Пирелли.

— Нет, — ответила женщина. — Я не Пирелли. Но Пирелли — настоящий джентльмен. И сотрудники вашего института, Артур Артурович, которые работают у нас на Титане, тоже настоящие джентльмены. Когда они поняли, какова сила моей любви к арфисту Прострелу — это имя вам, к сожалению, ничего не говорит...

— Говорит, — сказал Артур Артурович. — Говорит.

— Говорит, — сказала Лисичка.

— Тем более, — сказала решительно женщина в халате.

— Таисия, здравствуйте, — сказала тогда Лисичка. — Он так к вам стремился, чтобы вы не ушли к Степаняну.

— А вы не знаете случайно его адреса? — спросила Таисия. — Я бы поехала к нему немедленно. Я намерена спросить его: женится он на мне или будет колебаться всю жизнь?

— Его адрес, — сказал Радик, тряся головой, чтобы прогнать следы одурения, — Солнечная система. Титан.

— Когда он туда улетел? — тихо спросила Таисия.

— Одновременно с вами, — сказал Радик. — Вы должны были встретиться на полпути.

Таисия молча повернулась, сделала шаг обратно, к установке, но кто-то из техников мягко остановил ее и сказал:

— Следующий запуск через полгода.

МУТАНТ

Я всегда просыпаюсь поздно. Меня будит шарканье ног в коридоре, и этот звук — начало рабочего дня — должен бы вызывать во мне раскаяние. Ничего подобного. Я не вскакиваю, чтобы присоединиться к прочим. Я предпочитаю потратить еще несколько минут на то, чтобы спланировать наступающий день.

Библиотека открывается в одиннадцать. Лена в школе до часу. Можно пока сходить в кино или заглянуть к старику. Или просто погулять по городу.

Шаги в коридоре стихли.

Теперь надо незаметно миновать стражника у входа. Чем меньше привлекаешь к себе внимания, тем лучше. Если демонстративно игнорировать обязанности по отношению к обществу, оно может тебя изгнать... Но держусь ли я за общество? Об этом стоит подумать.

Кино совсем близко, за углом. Сегодня на утреннем сеансе крутят старую комедию. Чувство юмора, пожалуй, самое сложное из чувств. Я глубоко убежден, что существует множество людей, которым оно не свойственно. Невеликое утешение для меня. Как-нибудь проживу без чувства юмора. Достаточно, что знаю о его существовании.

Зал был почти пуст. Лето. Дети, которые должны бы хохотать на этой комедии, разъехались из города. Я застал самый конец «Новостей дня». Вот ради чего стоит сюда приходить: хоть и не самая све-

жая, но все-таки информация. Показывали автомобильные гонки в Соединенных Штатах и наводнение в Австралии, где гигантские волны пожирали дома и автомобили. Как там, в Австралии? Ощущается ли мое отсутствие? Можно пробраться на самолет, летящий в Австралию. Но найду ли я там подобных себе? Наивысшее наказание мыслящего существа — одиночество. Ты окружен похожими, но не подобными.

С первых кадров я вспомнил, что эту комедию уже смотрел. В ней итальянский полицейский будет гоняться за итальянскими контрабандистами только ради того, чтобы доказать всему человечеству, что добрая душа может скрываться под любой одеждой, — мысль, не требующая столь подробного разжевывания.

Да, не требующая. Доказательством тому мой старик. Старик торгует газетами. У него есть транзистор, который всегда включен, и можно послушать последние известия. Старик — это добрая душа под грубой оболочкой.

Я поспешил к нему. А то еще закроет киоск раньше времени, с ним это случается, если одолевает радикулит. Я уже без старика теряю день. А сколько их осталось в моей жизни? Сто? Тысяча?

Киоск открыт. Издали мне виден профиль старика. До сих пор не могу сформулировать объективных законов красоты. Красив ли, например, мой старик? В линии носа или в душевной привлекательности таится истинная красота?

Я вошел в киоск. Старик был занят с покупателями. Я забрался на мое законное место рядом с транзистором.

Старик протянул руку, чтобы включить приемник, и заметил меня.

— Муравьишка! — сказал он и улыбнулся. — Добрый день. Почему вчера не приходил?

К сожалению, я лишен возможности отвечать старику. У меня нет речевого аппарата. Природа, создавая муравьев, не рассчитывала, что он может им понадобиться. Я теперь надеюсь только на телепатическую связь. Зачатки ее существуют в общении обитателей муравейника, однако я еще не отыскал пути к человеческому мозгу (Лена не в счет, она — ребенок). *А ведь именно это могло бы одним махом решить все проблемы.* Пока что старик, признавая мой разум, все-таки не может оценить масштабы эксперимента, поставленного эволюцией над единственной (пока?) особью мира насекомых, ведь само их строение и функционирование, казалось бы, начисто исключает возможности проявления разума. Но, как говорится, я — научный факт, и ничего с этим не поделаешь.

Хорошо еще, что у старика на редкость острое зрение. Поэтому у нас с ним есть одно общее слово — да. «Да» — это когда я встаю на задние ноги. Вот и теперь.

— Тебе дать газету почитать?

— Да! Да! Да!

Я стою на задних ногах и шевелю усиками. Еще бы — я истосковался по газете. Два дня ее не видел.

— Сейчас, — говорит старик.

Я — самая любимая его игрушка и главная тайна. Но я упорствую в желании ночевать дома в маленьком муравейнике, спрятанном в фундаменте старого сарая. Здесь я стану добычей первого же паука.

Если бы я не был скептиком, уверенным в тщете земной славы, мне ничего не стоило бы полностью подчинить своей власти муравейник, может, даже объединить соседние. Но зачем? Умнее ли король муравьев, чем одинокий формика сапиенс? Станет ли более счастливым мой маленький народец? Вряд ли. Ладно, к этой проблеме я когда-нибудь вернусь. А сейчас — за чтение!

Старик установил газету на специальном пюпитре в метре от меня, так, чтобы мне не приходилось ползать по строчкам, как когда-то, в начале нашего знакомства. Ведь именно за этим занятием застал меня старик в прошлом году и, как сам признается, готов был безжалостно смахнуть меня на пол, но его смутила последовательность, с которой черный муравей, доползая до края газетной колонки, быстро возвращался обратно, чтобы проползти вдоль следующей строки.

Ага, старик обвел красным карандашом заметку в правом нижнем углу полосы.

Что же он счел достойным моего муравьиного внимания?

«Лима. Наш. корр. Перуанский исследователь Хуан Суарес, совершивший смелое путешествие к верховьям затерянной в джунглях реки Караньи, обнаружил там колонию громадных муравьев, создателей широких, до фута, дорог, тянущихся на многие километры. Размер красного муравья, названного ученым «формика гигантика», достигает двенадцати сантиметров».

— Ну и как тебе? — спросил старик. — Вот это, понимаю, братья по разуму!

Он был рад, полагая, что доставил мне удовольствие. Я не сказал «да». Очередная фальшивка, явное преувеличение. Почему-то человечество склонно к гигантомании. Ведь если бы такие дороги строили маленькие муравьи, никто бы не удосужился трезвонить по всему свету. Судя по всему, это бродячие разбойники, хищники, низкоорганизованные и отсталые даже по сравнению с моими братьями. Но все же — гиганты! Бойтесь их, люди! Наверняка в каких-нибудь изданиях пониже рангом уже распространяются слухи о коллективном и злобном разуме громадных муравьев из Перу. А почему бы нет? Мы — олицетворение чистого разума, без эмоций и чувства жалости. Сколько дрянных романов написано на эту тему! Ах, как бы я все это сейчас выложил моему старику!

— Ну что же ты? Не понял?

Старик был разочарован тем, что я не соблюдаю правил игры. Не восторгаюсь вместе с ним тем, что в каком-то Перу один из видов

формика под влиянием благодатного климата достиг исключительных размеров.

— Ну, как знаешь. — Старик обернулся к покупателю. Покупатель был постоянный. Я его давно уже встречаю в киоске.

— Что новенького? — спросил покупатель. Очевидно, он пенсионер. Я сужу по белому цвету волос и глубине морщин на лице. — Читали сегодня про муравьев?

Надо же случиться такому дикому совпадению! Неужели больше не о чем поговорить двум цивилизованным людям? Над миром висит угроза атомной войны, которая может вызвать новые благоприятные мутации в муравьях, но уж никак не в людях, все меньше остается на Земле чистой воды и чистого воздуха. Но их, видите ли, интересуют не детская преступность и не топливный кризис, а муравьи в Перу, которые никогда и никому не угрожали, жили себе в джунглях и прокладывали бессмысленные для человечества дороги.

— Читал, — подтвердил мой старик с усмешкой в голосе. Он-то знал, что я присутствую при разговоре. — И как вам?

— Боюсь, что сегодня не засну, — сказал покупатель. — Я вообще насекомых не выношу, пауков и тараканов в первую очередь! А что, если их к нам завезут? Тогда детей на улицу не выпустишь.

— А вдруг они разумные? — возразил мой старик. Это для третьего, для свидетеля.

— Тем хуже, — отрезал покупатель. — Тогда вообще жизни не будет. Была человеческая эпоха, а станет муравьиная. Помяните мое слово. Кровь из нас сосать будут.

Порой я не могу преодолеть раздражения против человечества. Ну почему эволюция дала первенство именно этим, нестабильным, ленивым, подозрительным особям? То ли дело муравьи, не мыслящие себе существования в безделии... Впрочем, я несправедлив. Все мои аргументы разбиваются об один факт: я — брат людей, а не брат муравьиного племени. Хоть и печально мне это сознавать. Не вошедши в их племя, я — уже изгой в своем.

— Если разумные, то нечего их бояться, — сказал мой старик. — Разумные друг дружку всегда поймут.

Да, я несправедлив к людям. Кто мне ближе всех на земле? Этот старик. И девочка из дома напротив. Вот и все.

— А вы все шутите, — ворчал покупатель. — Даже люди между собой сговориться не могут... Бейте! Сзади вас! Да там вон, на полочке, сейчас укусит!

Я так заслушался, что не сообразил, что моего старика призывают к убийству, которое у людей убийством не считается. А старик под натиском этого крика поднял ладонь, и она повисла в воздухе надо мной.

— Ну, — сказал старик, — напугали вы меня. Это же муравьишка.

— Опасаетесь? — бушевал храбрый покупатель. — Дайте, я сам достану.

Вот он уже втискивается в окошко.

От греха подальше я отбегаю к стопке журналов.

— Не лезь, — вдруг озлился мой старик. — Муравей муравью рознь. Считай, это мой друг...

А меня тут же посетила печальная мысль: не будь он знаком со мной, прихлопнул бы? Или нет? Вот и еще почва для печальных раздумий. Я пойду. Пойду дальше.

Я сбежал вниз по стене и слышал, как суетился, расстраивался мой старик.

— Ну куда же ты задевался? Не смахнул ли я тебя невзначай? Может, перепугался? Да ты вылезай, не обращай внимания, нечего делать человеку, вот он и выдумывает.

Но я не стал возвращаться.

Путешествие через улицу отняло много времени. С точки, отстоящей от мостовой на два миллиметра, нелегко увидеть приближающиеся автомобили. Приходится бежать по трещинам и выбоинам, рассчитывая, что спасут неровности асфальта.

Я рискую ежедневно, ежечасно, втрое, вдесятеро больше, чем мои сородичи, не удаляющиеся далеко от уютного муравейника... Что? Мне захотелось вернуться? Ни в коем случае. Я не знаю, в чем цель моей жизни, но уж не в том, чтобы благополучно отсидеться в темноте подземных ходов.

Ну вот, улица позади, я в знакомом подъезде.

Теперь мне предстоит долгий, утомительный подъем на третий этаж. Почему я не летаю? За какие грехи я должен с тоской и завистью смотреть на комаров, мух — отбросы эволюции? А кстати, почему я все время задаю вопросы? Кажется, такие вопросы называются риторическими — не требующими ответа.

Вот и знакомая нижняя планка двери, под которой я неоднократно проходил. Дома никого. Если не считать матери, которая возится на кухне, — ее громадный силуэт покачивается на фоне открытой двери. Мне направо, в комнату Лены. Лена еще в школе, но скоро вернется. Лена — единственный человек на свете, к мозгу которого я смог нащупать пути. Сколько раз бывало, что она отвечала на мои вопросы, которые я не мог произнести вслух.

Что же, я подожду ее на столе. На письменном столе, сладком месте наших свиданий.

Меня преследовала мысль о гигантских муравьях из Перу. При всей нелепости этого сообщения, они укладывались в некую логическую схему, выстроенную мною уже давно. Представьте себе, что вы — муравей. Не такой одиночка, как я, а член многочисленного муравьиного сообщества, сильного не коллективным разумом, а разумом индивидуальным. Будем ли мы сохранять наши микроскопи-

ческие размеры либо предпримем попытки отбора и селекции для того, чтобы каждое последующее поколение становилось крупнее предыдущего? Наверное, именно так. Только достигнув определенных размеров, приблизившись к золотой середине масштабов, к человеку, мы сможем объединить с ним усилия на пути прогресса. Только тогда человек сможет признать в нас ровню... Разумеется, это не пройдет гладко и безболезненно; многие, подобно тому покупателю, будут ахать и видеть в нас извечных врагов человечества... но ведь не они, надеюсь, будут решать. Это будет новый, муравьино-человеческий мир...

На этот раз рассеянность чуть меня не подвела.

Большой рыжий муравей поджидал меня на поверхности стола, среди разбросанных тетрадок, вышивания, прочей детской мелочи.

Что-то много муравьев расплодилось этим летом в нашем городке. Бандитов из того муравейника я уже несколько раз встречал в Леночкином доме, но раньше мне удавалось благополучно избегать встреч с ними. И вот, попался...

Бандит разинул жвалы, угрожающе приподнялся. Он намеревался быстро расправиться с пришельцем, посмевшим забрести во владения его племени. Он не спешил. Своим примитивным мозгом он сознавал, что мне некуда деться. Бегает он быстрее меня, ростом превосходит втрое. Что ж, надо что-то придумать. Понимаете, придумать! Именно в этом различие между мной и сильными врагами. Только поэтому я до сих пор жив и намереваюсь жить далее.

Я начал медленно отступать к краю стола.

То есть я уже вел себя не по правилам. Я должен был, не веря своим глазам, подойти к нему вплотную, потрогать его усиками, обнюхать, убедиться, что он — чужак, и затем, после короткой и безнадежной схватки, упасть — ножки кверху — и дать унести свой трупик в чужой муравейник на откорм рыжим деткам.

После секундного колебания рыжий устремился за мной. Он по сравнению со мной — что лошадь рядом с человеком. Шансов обогнать его — никаких. Шансов перехитрить — множество. Во мне поднялось озорное чувство — мне он не страшен!

Мы мчались вниз по ножке стола, затем по полу, до стены. Как говорится в таких случаях в человеческой литературе, «он уже чувствовал на шее дыхание преследователя». Между нами полметра, тридцать сантиметров, мы бежим по диагонали, поднимаясь по стене, и тут, у самого угла, я поворачиваю и несусь вниз, этим уничтожая свое преимущество. Теперь между нами сантиметров десять, не более. Еще одно усилие...

Я отталкиваюсь всеми своими шестью ногами от стены и лечу по дуге вперед. Это тоже не по правилам. Муравьям по собственной воле таких прыжков делать не дано. Мой преследователь продолжает бежать вниз. Это мне и нужно. Там растянута небольшая, но прочная

сеть моего давнишнего недруга — паука. В эту сеть мой преследователь благополучно влетает. Я на несколько секунд задерживаюсь, глядя, как к нему, бьющемуся в сети, устремляется паук. Мне его не жалко. Я — человек из породы формика сапиенс, и, если на меня нападают хищники, я защищаюсь.

Вот и Лена. Она бежит к столу посмотреть, не пришел ли я. Я пришел, Леночка, сейчас буду здесь. Я спешу вверх.

— Здравствуй!

— Здравствуй, — говорит Лена. — Почему ты вчера не приходил?

Она не ждет ответа. Она спешит поделиться со мной главной новостью.

— Ты знаешь, Герой (что за дикое имя она для меня придумала), что сегодня написано в газете?

Я знаю, я слышал, потому что сегодня все человечество только об этом и трезвонит.

— Там пишут, что в Перу живут очень громадные муравьи, которые умеют строить дороги. Вот здорово, а? Если бы я могла, то обязательно взяла бы тебя с собой и полетела в эту Перу...

Бедная девочка, ей еще учиться и учиться. Перу — среднего рода. Надо говорить: полетела бы в это Перу.

— Ты какой-то встрепанный сегодня, я тебя просто не узнаю. Может, это не ты? Нет-нет, я шучу.

Она не могла ошибиться. Еще давно, месяц назад, она сказала:

— Я очень боюсь перепутать тебя с каким-нибудь обыкновенным муравьем. Можно, я капну на тебя масляной краской? Совсем немножко на спинку? По пятну я тебя буду узнавать!

С тех пор я хожу с красной отметиной, что вызывает некоторое недоверие ко мне у стражников при входе в муравейник.

— Представляю, как тебе скучно одному, — пожалела меня Лена. — Может, тебе в самом деле съездить в Перу? Если они окажутся ненастоящими, ты всегда сможешь вернуться. Я тебя буду ждать, даже если придется ждать десять лет.

— Лена, — слышно из кухни, — обед на столе.

— Жди, Герой, который не боится паука, — сказала Лена. — Я быстренько поем, и мы будем делать уроки.

Она убегает на кухню.

Мы с ней, надо сказать, познакомились на почве грамматики.

Тогда у меня, кроме старика, не было знакомых людей, но я очень тянулся к людям. Настолько, что, когда попал в дом к этой девочке, решил рискнуть. Она как раз писала какое-то упражнение и сделала элементарную ошибку, не помню уж какую.

Я с мужеством отчаяния выполз на страницу тетради и стал бегать кругами по ошибочной букве.

Не глядя, девочка стряхнула меня со страницы. Нельзя сказать, что это приятное ощущение, тут можно и ногу потерять, но я снова

влез на страницу. После моей третьей попытки девочка поглядела на букву и задумалась. Думала она вслух, и, когда пришла к правильному решению, я тут же побежал к лишней запятой.

И тут она догадалась, что я не просто муравей, а муравей с грамматическим уклоном. Так она мне и сказала.

Вообще-то Лену ничто так не поражает, как моя грамотность. Она согласна примириться с тем, что я мыслю, могу поддерживать с ней примитивный разговор. Но моя грамотность! Она готова мне памятник поставить за то, что я помог ей исправить тройку в четверти. Видно, мы склонны ценить в других не то, что воистину достойно хвалы, а то, чего не хватает в нас самих. И вообще она в глубине души подозревает, что я притворяюсь. Что я в самом деле нечто вроде прекрасного принца, полагающего нужным до поры до времени скрываться под видом муравья. Нет, она этого не говорит вслух, она даже сочувствует моему одиночеству и хотела бы, чтобы я нашел подобных себе. Но по некоторым ее недомолвкам я убежден, что она намеревается, когда вырастет, поцеловать меня или принести мне какую-нибудь жертву, и тогда я в мгновение ока обернусь добрым молодцем и возьму ее в жены. Что ж, не спорю. Если эволюция вознамерится сделать еще один неожиданный шаг и превратит меня в человека, я согласен жениться на Лене, ибо она — единственное существо на свете, ради которого я готов пожертвовать жизнью. Я открою еще одну тайну: я мог бы убежать, не губя рыжего муравья, но боялся, что он может укусить Лену. И эта мысль была смертным приговором тому бандиту. Именно она, а не мои высокие рассуждения о праве формика сапиенса на самозащиту.

— Ты соскучился без меня?

Нет, милая, я не успел соскучиться. Я думал.

— Ты не представляешь, сколько нам сегодня задали.

Мы принимаемся за уроки.

Сегодня я делаю уроки рассеянно, сам чуть не пропустил квадратный корень. У меня из головы не лезут эти проклятые перуанские гиганты. Чужие, вернее всего, безмозглые существа. А вдруг (на миг забудем о том, что этого быть не должно) они научились мыслить? А что, если именно в них — мой единственный шанс? Ведь в моих руках сейчас, возможно, судьба не только муравьиной, но и человеческой цивилизации. Человечество даже не подозревает, как оно одиноко. Об этом знаю только я.

А Лена, как всегда, читает мои мысли.

— Ты хочешь в Перу?

Нет, что ты. Мне и здесь хорошо.

— Не ври, хочешь. Но ты обещаешь вернуться обратно?

Что мне делать в Перу? Пора смириться с тем, что нет на Земле тебе подобных, и ждать чуда — собственного превращения в прекрасного молодца или кончины в лапах бродячего паука. И тут меня посе-

щает странная мысль: а возможен ли живой (подчеркиваю, живой) разум без чувств, оттесняющих порой разум в сторону? Я понимаю, что теория вероятностей против меня, но я иду на риск, потому что не могу иначе. Не столько ради себя, сколько ради этой девочки.

— Я помогу тебе. Мы поедем на аэродром, и я посажу тебя в самолет, который летит в Перу.

Наивная. В Перу, наверное, и не летают самолеты...

— Как только ты попадешь на аэродром, мы посадим тебя в карман какому-нибудь перуйскому дипломанту...

Глупенькая, не перуйскому, а перуанскому, не дипломанту, а дипломату. Как ты без меня здесь останешься? Опять тройка в четверти по русскому?

А сам уже стараюсь внушить ей, что надо выйти на улицу, там в киоске напротив сидит старик, с которым я знаком. Он сможет помочь доехать до аэродрома...

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

— У меня лично, — сказал лаборант Саня Добряк, подходя к зеркалу полюбоваться первыми в жизни усами, — у меня лично нет никакой уверенности.

— Ну и слава богу, — сказала Лера. — Был бы ты, Саня, во всем уверен, наука бы остановилась.

— Правильно, — согласился Саня. — Меня держат в науке для сомнений. Представьте себе, что у Гойи был слуга. Готовил ему холсты и натягивал на подрамники. Вот молекулярная собака и берет его след. Реально?

— Реально. Ты же знаешь, что мы взяли полотна с промежутком в двадцать пять лет. И комплекс совпал.

— Слуга всю жизнь натягивал холсты.

— А Гойя до них не дотрагивался?

— Гойя, как настоящий сеньор, не снимал перчаток. Вы сегодня пойдете?

— Куда?

— Не притворяйтесь, Калерия Петровна. Зачем прическу сделали?

— Ты о вечере встречи?

— В ресторане собираетесь?

— В ресторане.

— Счастливая вы женщина, Калерия Петровна. Работаете со мной, а после работы ходите в рестораны с другими. Жду не дождусь, когда пройдет двадцать лет со дня, как я окончил школу.

— Зачем торопиться?

— Стану я к тому времени скромным доктором наук. Приду к своим сверстникам. Один — шофер, другой — официант, третий — в младших лейтенантах застрял. А ты кто, Саня Добряк, спрашивают

меня. Ты же в школе посредственно учился. А я отвечаю — служу доктором наук в Институте экспертизы под началом академика Калерии Данилевской.

— Остановись, несчастный, не мешай работать. Ты сначала заверши высшее образование и научись правильно писать слово «ассоциация».

— А я неправильно его написал?

— Через одно «с».

— Опечатка. Не обращайте внимания. А много там ваших собирается?

— Много.

— Вы их давно не видели?

— Кого как. Некоторых со школы. Помолчи немного.

Саня помялся немного, придумывая себе дело, хотя было достаточно настоящих, которыми давно бы следовало заняться.

— А вы в классе кого-нибудь любили? — спросил он как раз в тот момент, когда Лера решила, что он угомонился.

— Любила.

— И я, — сказал Добряк. — Только безответно. А вы его потом встречали?

— Я вышла за него замуж.

— Ложь. Женская ложь. Ваш супруг, простите, мне известен. Вы с ним в институте познакомились. Его зовут Олегом.

— Ты уличил меня, Саня. Нет, после школы мы не виделись.

...Лариса Ривкина зря придумала проводить вечер встречи в ресторане. Она почему-то решила, что все тут же сбегутся, движимые сентиментальными воспоминаниями. Звонили по цепочке, кто кого видит, почти всех нашли, все согласились прийти. А пришли только семнадцать человек. Отлично бы уместились у той же Ларисы, живет одна в двухкомнатной квартире.

Лера опоздала почти на час — пришлось посетить профсоюзное собрание. На собрании она старалась слушать оратора из кассы взаимопомощи, там назревал скандал, а думала о том, что молекулярная собака упорно отказывается брать комплекс Танеева. Почти наверняка — Танеев, а идет совершенно незнакомый комплекс. Липатов уверяет, что это — Скрябин. Ну при чем тут Скрябин? Явная подделка. Она рассуждала о неудачном комплексе, чтобы не думать, придет ли на вечер Иван. Лучше бы не приходил, хотя она знала, что без него вообще пропадет смысл этого вечера.

Друзья детства сидели за длинным, неудобно, чуть ли не посреди зала стоявшим столом. Тридцать мест, шестнадцать человек. При виде Леры поднялся шум, даже неловко было идти через зал, от других столов оборачивались — то ли кинозвезда, то ли обретенная родственница. За столом все ощущали себя родственниками, за двадцать

лет забыли, кто был ябедой, кто трусом, готовы были простить жизненные неудачи и даже успехи.

Лариса кричала громче всех:

— Сюда, Лерка, ко мне, тут место есть!

Лера послушно уселась рядом, хотя меньше всего хотела бы провести вечер между Ларисой и Махоньковым. Ларису она и без того видела трижды в неделю, а в промежутках выслушивала по телефону подробные описания сердечных неудач. Махоньков раздобрел, поверх крепкого живота галстук в зигзагах, только что из Сенегала, и «Волгу» купил, импортный вариант.

Задерганная соседями, Лера не сразу увидела Ивана. Хотя сидел он почти напротив. Стоял шум, что возникает после третьей рюмки. Раздражала отчужденность длинного ресторанного стола, где приходится кричать и ловить выкрики, иначе ты обречен весь вечер выслушивать лихорадочный шепот Ларисы, потому что Он ее бросил, вернее, не бросил, но вчера не позвонил, вернее, позвонил, но говорил таким голосом... а как ты думаешь, может, Его жена была рядом и Он вынужден был говорить таким голосом? Тут же Махоньков отечески трогает за коленку и сообщает, что «у нас в Сенегале убийственный климат»... Ах, у вас в Сенегале климат! Очень приятно.

Субботин — он всегда был такой худенький, нечесаный, любил только литературу, а занимается автоматическими системами и растолстел. А рядом Войтинский, майор. Неужели столько времени прошло, что Войтинский стал майором? Майор в тридцать семь, когда же он станет генералом? Иван встретился с Лерой взглядом и неуверенно улыбнулся, словно они расстались вчера. Он совсем не изменился, только отпустил длинные волосы. Ему совершенно не идут длинные волосы. Будь она его жена, никогда бы не позволила...

Лера попыталась мысленно поменять Ивана и Войтинского одеждой. Как Ивану майорские погоны?

— Ты меня не слушаешь? — Лариса дернула ее за рукав.

— Ну, мальчики-девочки, — громко сказал Войтинский. — Вот мы и встретились после долгого перерыва. Кое-кто возмужал, я — в первую очередь (общий смех), кое-кто расцвел — то есть все наши девчата без исключения...

Махоньков наклонился к Лере:

— Ну а чем ты занимаешься?

Лере показалось, что Иван прислушивается.

— Работаю, — сказала она. — В НИИ экспертизы.

— Защитилась?

Жизненные блага в понимании Махонькова должны были выражаться в упорядоченных ступеньках, где каждое занятие имело свой чин.

— Да.

— И над чем конкретно сейчас трудишься?

— Определяю Гойю.
— В смысле?
— *В смысле Гойя это или не Гойя.*
— Гойя — художник? Испанский?
— Ты проницателен, Махоньков. Именно так.
— Значит, ты искусствовед.
Это не было вопросом. Это было утверждением.
— Нет. Я химик.
— Ясно, по краскам.
— Не совсем так.

И зачем Ивану длинные волосы? Ударник в оркестре, как бы пробуя, не ослабла ли кожа барабана, выбил дробь. Оркестранты в оранжевых пиджаках поднимались, докуривая, на эстраду. В последний раз они встретились на вечере у нее в институте. Иван приходил туда как свой — официальный жених. В тот вечер Иван стоял с Олегом, разговаривали. Лера представила себе, какие чувства бурлили в груди Олега. Милый Ваня, ты не подозревал, какую змею лелеешь на груди. Интересно спросить, помнит ли он, о чем они тогда разговаривали, как он доверчиво делился с Олегом своими проблемами? А потом заиграл оркестр, свой, институтский. Иван пригласил ее. Он был рассеян и огорчен. А может быть, ей теперь кажется, что он был огорчен... Извинился, сказал, что спешит домой, мама больна, простудилась, у нее высокая температура. Тебя Олег проводит, он обещал. Так и сказал. Его забота распространялась на нее даже тогда, когда самого его рядом не было. Странно, но они никак не могли собраться и назначить срок свадьбы. Как будто все уже было решено и утверждено где-то в очень высоких инстанциях, даже родители давно смирились уже с тем, что иного пути у нее нет. Она сама слышала, как мать говорила соседке: «Когда Лерочка выйдет за Ивана, мы переедем в маленькую комнату. Им же надо заниматься». Жизнь с Иваном была так же понятна и неизбежна, как приход весны и экзаменационной сессии.

— Если ты не будешь пить, — сказал Махоньков, — и я не буду пить, то получится, что мы зря выкинули деньги.
— Не хочется.
— А мне хочется, но я не могу. За рулем, понимаешь?

Оркестр наконец собрался с силами и затянул нечто страстное, древнее и тягучее. Из эпохи маминой юности. Ресторан утверждал, что он респектабелен. Интересно, хватит ли у Ивана смелости пригласить ее? Пускай приглашает. Все это — далекое прошлое.

Когда она сказала Олегу, что придет поздно — вечер встречи, он только пожал плечами и спросил: «Лариса устроила?» Словно в вечере встречи было нечто постыдное. Олег Ларису не любит — формально за глупость, легкомыслие (ты могла бы выбрать себе подругу по-

умнее!), но подруг не выбирают — это стихийное бедствие. В самом деле Олег не любит ничего связанного с прошлым Леры.

Махоньков спросил:
— Ты будешь танцевать?
— С удовольствием.

Оркестр как раз завершил первую скорбную песню.

Они проталкивались сквозь толпу возвращавшихся после танца к столикам. Стоило бы подождать, но Махоньков, видно, решил, что любое промедление приведет к тому, что Леру пригласит прекрасный Войтинский или Иван. Лучше увести ее и придержать до нужного момента в изоляции.

— Ты с Иваном встречаешься? — спросил он.
— Нет.
— А я всегда к нему ревновал.
— Почему?
— Потому что был в тебя влюблен.
— Ты? Я никогда не догадывалась. Ты отлично умел скрывать свои чувства.
— Ты на меня и не смотрела. Я был ниже тебя ростом.

Лера хотела сказать, что он с тех пор не очень подрос. Но тут оркестр грянул торжественное танго.

Махоньков повлек Леру в круг. Иван танцевал с Риммой Прахиной. Почему Лера не заметила ее за столом? Римма помахала коротенькой ручкой. Совсем близко Лера увидела руку Ивана на спине Риммы. Сколько раз он танцевал с ней, обнимал ее — она всей шкурой помнила ощущение его ладони на спине, а никогда не видела, как это выглядит со стороны. Его рука на ее спине...

Выполняя просьбу Ивана, Олег тогда проводил Леру до дома. Олег был на нее обижен. Из излишней гордыни. Никак не мог забрать в голову, что все его научные и умственные преимущества, все его светлые перспективы и даже квартира ничего не стоят. Что ж будешь делать, если есть на свете Иван. Не убивать же его. Конечно, Олег хороший человек, милый друг, послушный поклонник — все, что угодно. Но ведь есть Иван.

— Грустно Ивану, — сказал тогда Олег.

Была холодная весна пятого курса, Олег дрожал в модной кожаной куртке.

— Почему? — спросила Лера, думая о чем-то совершенно постороннем. Может, даже об экзаменах.
— Настроение плохое.
— А, знаю. У него мама разболелась. Я завтра к ней зайду.
— Не заходи, — сказал Олег. — Не нужно этого делать.
— Ты о чем?
— Не в матери дело.
— Что еще за загадки?

— Он просил меня об этом не говорить.

— Мне?

— Тебе в том числе. И я не могу изменить своему слову.

— Ты с ума сошел. Чтобы Иван...

— Я бы на твоем месте тоже не стал спрашивать.

Вот таких указаний Лера не терпела.

— Слушай, кто тебе дал право...

— Погоди. Бывают такие ситуации, которыми мужчина может поделиться с мужчиной, а женщине, даже близкой, ничего не может сказать.

— Не бывают.

— Это связано с одной девушкой. Ты ее не знаешь...

— Как так не знаю?

— Не беспокой его. Он сам отыщет какой-нибудь предлог, чтобы не видеться с тобой. Не сердись... постарайся его понять...

Лера смахнула с себя слова Олега, как щенок отряхивает воду, вылезая из речки. Это теперь, с высоты жизненного опыта, Лера убедилась в том, что даже самая горячая любовь не обязательно длится десятилетиями. А любовь школьная, да еще с шестилетним стажем, чаще всего оказывается непрочной и даже смешной, когда партнеры подрастут и опомнятся.

Она пришла домой, сразу позвонила Ивану. Не потому, что трепетала перед соперницами, — надо было спросить, как мама.

— Маме лучше. Слушай, Калерия, неожиданно получилось, что я сегодня ночью уезжаю в Ленинград. Дня на три-четыре. Звонил Витебский, меня ставят на игру. Что же не поздравляешь?

— Мог раньше сказать.

— Хотел тебе сделать сюрприз. Понимаешь, до последнего момента все было фифти-фифти. Могли взять, могли оставить. Похвастался бы, остался дома, куда денешься от твоих насмешек?

— А Олегу говорил, что уезжаешь?

— Он проболтался?

— Он о многом проболтался. Не понимаю, почему ты избрал его исповедником. Меня тебе мало?

— Не со всеми проблемами обратишься к женщине. Тебе этого не понять.

— Раньше понимала.

И тут она на него жутко разозлилась. Она все еще не верила Олегу, конечно, не верила. Но совпадение налицо — не успела прийти домой, а он уже избегает с ней встреч. Наверно, она бы вела себя иначе, не будь все у них так хорошо установлено, утрясено, согласовано. Словно плыли по течению. И первый же камень мог пустить эту лодочку ко дну. Никакого иммунитета против неожиданностей.

— Ты придешь меня проводить? — спросил Иван.

— Еще чего не хватало!

Она бросила трубку. Он позвонил снова, она сказала, не дожидаясь, пока он откроет рот: «Я спать хочу», и снова повесила. Все. Вот и ссора. Что там Олег бормотал о другой девушке? Чепуха какая-то. У кого угодно, только не у Ивана. Как будто Иван был застрахован. Два метра росту да метр в плечах — и застрахован?!

А потом на следующий же день — лавины всегда срываются неожиданно и потом ревут, несутся, набирая скорость, пока не погребут под собой жалкую деревушку со спящими жителями, — Олег передал ей письмо от Ивана.

— Он попросил меня заехать к нему перед отъездом и отдал вот это. Я не распечатывал.

— Еще чего не хватало, — сказала Лера и выхватила конверт.

В нем наверняка три страницы раскаяний, плохое стихотворение о том, что Ване не спится, и надежды на лучшее будущее. Ведь бывали же ссоры. И всегда кончались вот так. И что еще за манера доверять свои чувства машинке? Иван считал, что этим проявляет уважение к адресатам, которым не приходится расшифровывать его каракули. Джульетта померла бы на месте, получив машинописное послание от своего Ромео.

Лера отошла в сторону и разорвала конверт. Она не собиралась сразу читать это письмо. Тем более что Олег ошивался по соседству. Но уж очень зла она была на Ивана, и его раскаяние требовалось для внутреннего успокоения.

«Лерка, дорогая!

Я хотел тебе все сказать по телефону, но не решился. Я тебя давно знаю и люблю, ты мне ближе и дороже сестры. И то, что случилось между мной и Верой — ты ее не знаешь, и это не важно, — наверное, объясняется страстью, которая нас охватила...»

Это шло на целую страницу, и у Леры не затуманивались глаза, не падало сердце, она читала это письмо спокойно, словно оно не имело к ней никакого отношения. Ах, у них будет ребенок! Это очень трогательно. Надо будет обязательно послать им на свадьбу подарочек... И эти идиотские слова в конце — типичные для современного мужчины:

«Я не уверен, что смогу совладать с собой. Я сделаю все, чтобы расстаться с Верой. Клянусь тебе, все! Я вернусь к тебе. Как только я приеду из Ленинграда, я позвоню. Если бы ты поняла и простила меня...»

Ах, подлец!

Господи, как трудно было потом, когда, опомнившись, раскаявшись, Иван штурмовал ее, словно крепость Баязет, слал письма, звонил, подсылал друзей, ждал под окнами! Пришлось обо всем рассказать маме, мама — каменная глухая стена. Она принимала удары стенобитных орудий...

Лера поймала себя на том, что думает о прошлом слишком легко-

мысленно. Какие там стенобитные орудия... Удивительно, что она защитила диплом. Все люди собственники, женщины — вдвойне.

Она вдруг сообразила, что оркестр играет уже совсем иной танец и она скачет отдельно от Махонькова, который плавно поводит ручками и делает ногами дрыгающие движения, как насмотрелся в своем Сенегале.

— Я устала, — сказала она Махонькову, остановившись.

— Ну что ты, давай плясать через такт, — джентльменски предложил тот.

Лера уже повернулась и шла обратно, к столу. За столом поредело. Кто-то убежал домой, другие танцевали. Перед ее стулом стыла киевская котлета. Сразу возникла трезвая и не относящаяся к торжеству мысль: не забыли ли ее мужики достать котлеты из холодильника? А там со среды осталась половина торта. Они сожрут торт, а она хотела его вообще выбросить — три дня, хоть и в холодильнике, может, крем уже испортился.

Войтинский пытался запеть песню, которую они любили в десятом классе и которая, как им тогда казалось, останется в любимых навсегда. Кроме кругленькой Риммы, никто его не поддержал. Нет, вот и Махоньков начал послушно раскрывать рот.

— Ты не будешь танцевать? — спросил Иван, останавливаясь за спиной.

Словно она рухнула в холодную пропасть. Ну, казалось бы, соученик, милый человек, пригласил ее танцевать. Не обманывай себя, Лерочка, никуда тебе от этого не деться. Ты же шла сюда и знала, что это случится. Тебя тянуло, как убийцу на место преступления.

Она поднялась медленно, словно в стуле был магнит, послушно повернулась к Ивану и протянула ему руки, собираясь начать танец прямо здесь, у стола. Танцевать у стола было негде, и Иван повел ее к оркестру. Все эти тридцать или сорок шагов она боролась с собой, как пустынник с бесом. И тут же новое счастье. Или несчастье: оркестр грянул последний аккорд именно в тот момент, когда Иван положил ей руку на плечо.

— Ну вот, — сказал Иван. — Опять не повезло.

— Не повезло, — согласилась Лера.

— Подождем?

— Подождем.

Краем глаза Лера видела, что оркестранты поднимаются, складывают инструменты. Сейчас будет перерыв. Она не стала говорить об этом Ивану. Пусть сам обернется и поймет.

— Как живешь? — спросил Иван.

— Хорошо.

— Работой довольна?

— Довольна. А ты?

— Не всегда. Я на тренерской работе.

— Ты не кончил института?

— Кончил. Но потом меня затянуло... Ты замужем?

— Да.

— Впрочем, я знаю.

— Наверно, знаешь. Я давно замужем.

— У тебя сын?

— Сын. Во втором классе. А у тебя есть дети?

— Нет, я разошелся.

— С Верой?

— С какой Верой? Мою жену Ириной звали.

Иван посмотрел на эстраду.

— Придется возвращаться, — сказал он. — Раньше чем через полчаса они не придут.

— Конечно.

— А про какую Веру ты спросила?

— Про ту, из-за которой все получилось.

— Не понимаю. В жизни не знал никакой Веры.

— Разве не все равно?

— Честно говоря, нет. Для меня все осталось загадкой.

— Для меня — нет.

— Ты не представляешь, что я пережил. Может, хоть теперь расскажешь? Это из-за Олега? Но ты могла бы мне все тогда рассказать. Ей-богу, легче все знать, чем воевать с ветряными мельницами.

«Сейчас сорвусь и врежу ему в физиономию, — подумала Лера. — Человек разрушает другому жизнь и через много лет устраивает сцену у фонтана».

Этого сделать не пришлось. Возник Махоньков.

— Я ревную, — сообщил он. — Ребята, вас все ждут! Надо выпить за Розалию Ильиничну. Не зря она нас терзала столько лет.

Лера с облегчением схватила Махонькова за руку, больно ударившись пальцем о золотой массивный перстень.

А еще через полчаса Лера незаметно выскользнула из-за стола. Настроение было паршивое, вся эта затея с рестораном оказалась пустой и нелепой, а мысль о том, что Иван будет ждать ее внизу, чтобы продолжить разговор, была невыносима.

К одиннадцати она уже была дома. Мишка, слава богу, спал. Олег валялся на диване с книжкой и не встал, чтобы ее встретить. Такой был несчастный и настороженный, что даже воздух в квартире загустел и замер, как перед грозой.

— Вы ужинали? — Лера заглянула в комнату, не снимая плаща. — Котлеты ели?

Она хотела, чтобы он понял: все в порядке, не воображай глупостей.

— Я Мише поджарил котлету, — сказал Олег.

— А сам доел торт, — улыбнулась Лера.

— Нет, не хотелось. Как там было? Интересно? Много народа?

— Скучно, — сказала Лера. — Не надо было идти в ресторан. Отлично бы управились дома. Хотя бы у нас.

— У нас тесно, — сказал Олег, словно опасался такой перспективы и давно придумал ответ.

— Я шучу, теперь не скоро снова встретимся.

Сейчас он спросит, кто был. Он же должен спросить, кто был, он многих знал.

Олег спросил:

— Поставить тебе чаю?

— Не вставай, я сама. Как твое давление?

— Лучше.

Олег полностью погрузился в чтение — словно ничего интереснее ему в жизни не попадалось. Лера ушла в комнату к Мише. Разумеется, он забыл помыться на ночь. И свет не погасил.

Скрипнул диван. Олег пошел в ванную. Включил воду. Ничего, переживет, никаких оснований для ревности. Неужели он полагал, что возлюбленные, увидев друг друга, бросятся в объятия и поклянутся забыть об этих пятнадцати годах? А впрочем, чуть-чуть так не случилось. И черт его знает, что было бы, не реши оркестр отдохнуть. Где же то письмо? Она его не выкинула. Раз уж не разорвала сразу, то не выкинула. Не читала больше, не перечитывала, как сунула в потайную коробку из-под конфет, до которой Олег за столько лет не добрался, так оно там и лежит. Наверное, лежит.

Она вошла в большую комнату, вытащила с нижней полки стеллажа старые химические журналы. Вот и коробка. Целая пачка писем на целину, куда она уезжала на третьем курсе. Почему же она их не выкинула? Забыла?

То письмо лежало внизу. Она развернула его, потом отложила и взяла листок со стихотворением. Прочитала несколько строк и не ощутила никаких переживаний. Просто плохое стихотворение. А ведь тогда она, трепеща, читала его Ларисе.

Вода в ванной перестала литься. Лера быстро сложила бумаги в коробку, сунула ее на полку, поставила журналы на место.

Утром она чуть не проспала. Она слышала сквозь сон, как Олег собирал Мишку в школу, как они искали какую-то тетрадку, разбили на кухне чашку — она ждала, что они уйдут и будет еще пятнадцать тихих минут. Но проспала больше, полчаса по крайней мере. И во сне успела поспорить с Иваном. Посмотри же, уверял он, это не Верина фотография. Это фотография Ирины, они совсем не похожи. Но на фотографии была, разумеется, Вера, только у Веры могли быть такие густые черные брови...

Лера вскочила. Половина девятого. В девять она должна быть в лаборатории, иначе Добряк вообще распустится — дурные примеры заразительны. Пробегая в ванную, она зажгла газ и поставила чай-

ник. Что же неладно? Нет, не с Иваном. Иван пришел и ушел к себе, на тренерскую работу. Какие еще черные брови? Ах да, конечно, буква «з». Почему буква «з»? А вот почему: буква «з» была без верхней половинки, и она называла ее «о» маленькое. Во всех посланиях Ивана встречалось это «о» маленькое. Кроме последнего письма. Она бы не вспомнила об этом, если бы не вынула вчера из коробки старое стихотворение. Сначала письмо, а потом стихотворение.

Чайник выкипал. Она выключила газ, насыпала в кофейник кофе. Кофе кончается, тысячу раз просила Олега, чтобы купил, ведь ему два шага от работы, заварила. Потом метнулась к книжному стеллажу. Она пила кофе и разглядывала письмо и стихотворение.

Положила рядом перед собой на столе. Они были напечатаны на разных машинках. Это не пришло в голову той, давешней девчонке. Да и не могло прийти — до сличений ли ей было?

Лера опоздала на работу на пятнадцать минут. Добряк, как назло, именно в тот день не опоздал и уже, видно, отрепетировал речь о том, как вредно начальнице ходить по ресторанам, но Лера предупредила его нападение.

— Все правильно, — сказала она. — Все совершенно точно. Проницательный Добряк опять прав. Его начальница загуляла, вернулась домой под утро и страдает от похмелья.

— А выглядите вы нормально, словно выспались, — смилостивился Добряк.

Тамара спросила:

— Вам комплекс Гойи готовить? Любимов сказал, что у него новый вариант.

— Сбегай к нему, — сказала Лера. — А ты, Саня, включи анализатор.

— Как так включи? — удивился Саня, который не выносил дополнительной работы. — Пока я его настрою, пройдет по крайней мере полдня.

— А что случилось?

— У него один блок обязательно полетит. Чует мое сердце, полетит. Вы его встретили?

— Кого?

Это было сказано таким тоном, чтобы отвадить подчиненных от нескромных вопросов. Отвадить можно кого угодно, но не Добряка.

— Вашу школьную любовь.

— Встретила. Он растолстел, у него пятеро детей, и он завтра уезжает в Сенегал.

— С ума сойти, — сказал Саня. — В Сенегал! И почему я не полюбил вас в школе?

— Тебя бы все равно не взяли в Сенегал. Когда настроишь анализатор, скажешь. Я сама буду на нем работать.

— Секретное задание, — предположил Саня, но понял, что дальнейшие шутки опасны. И принялся за работу.

Лера дождалась, когда Саня ушел на обед, и сама выделила два комплекса, один — свой, другой — Ивана по его стихотворениям и жалобным письмам. Проверила. Комплекс, полученный от нескольких стихотворений, совпал.

В лаборатории было тихо. Молекулярная собака тихо рычала, переваривая информацию. Каждый человек оставляет на себе следы. Самые простые — запах и отпечатки пальцев. Запах улавливает собака, отпечатки пальцев — следователь. А если нет отпечатков? Если нет запаха — выветрился? Тогда, считай, ты никогда не узнаешь, кто здесь был и что делал. Графологи могут сличать почерки, стилисты — частотность союза «и»... На самом же деле каждый оставляет по себе долгую память. Вековую. Дотрагиваясь до бумаги, до холста, до драгоценного камня, он передает на их поверхность не только частицы пота, но и молекулы своей кожи. Кожи, которая непрерывно и незаметно стирается и нарастает вновь. И если предмет, до которого дотрагивался человек, не попадет потом в иные руки, на нем можно найти эти индивидуальные для каждого молекулы. И через год, и через десять лет. Для этого и сконструирована молекулярная собака, объект вожделения искусствоведов и криминалистов.

Молекулярная собака находит следы художника под слоем краски на холсте, обнюхивает архивные письма, адресаты которых неизвестны, оказывает услуги бравому милицейскому майору...

До конца перерыва осталось минут пятнадцать. Сейчас прилетит Добряк и сунет свой нос в чужие тайны.

Лера заложила комплексы Ивана и свой в собаку. Ненужное занятие, пустые подозрения. Мало ли какой машинкой мог воспользоваться Иван!

Стихотворение. Доминирующий ее комплекс. Красная стрелка точно перекрыла зеленую. Можно свой комплекс снять. Что под ним? Комплекс Ивана. Разумеется. И больше ничей? Чисто. Все сходится.

Скорей бы приходил Добряк. Тогда придется выключить собаку. Она заложила в машину письмо. Вот пошел ее комплекс. Следы пальцев, державших письмо вчера и пятнадцать лет назад. Теперь остается проверить на комплекс Ивана.

Пусто. Никакой реакции. Стрелка на нуле. Может, ошибка? Машины тоже ошибаются. Куда запропастился Добряк? Нуль. Полная пустота. Иван никогда в жизни не прикасался к этому письму. Даже не прикасался. Не вкладывал лист в машинку, не вынимал оттуда, не складывал, не засовывал в конверт. Это сделал кто-то другой. И не было никакой Веры.

Ворвался сияющий Добряк:

— В буфете дают горбушу, и я взял для вас полкило. Неужели вы не тронуты моей заботой?

— Тронута, конечно, тронута, спасибо, Саня.

Что делают люди в романах, когда оказываются перед возможностью узнать всю правду и сделать выводы? В ящике стола лежит записка от Олега, он был тут несколько дней назад и не застал Леру...

Достаточно заложить ее в молекулярную собаку, и станет ясно, что Олег напечатал письмо от имени Ивана и оклеветал его. Но зачем это делать? Кому-нибудь станет от этого легче?

— Вам нужен анализатор? Или уже закончили? — спросил Добряк.

— Кончила. Выключай.

— Ну и что? Нашли, что искали?

— Нет, не нашла.

— *Это хорошо или плохо?*

— Не знаю.

— Что за письмо вы порвали в клочки? От поклонника?

— Нет, от кредитора.

— А вы обедать не будете?

— Нет, не хочется.

Лера взяла у Сани рыбу и положила в сумку. Молодец, Саня! Мишка и Олег обожают горбушу.

...ХОТЬ ПОТОП!

Почему-то Суслин оказался на симпозиуме по молекулярным основам наследственности, хотя его никто не приглашал, да и не мог пригласить, так как Суслин наследственностью не занимался.

Симпозиум проходил в академическом пансионате под Москвой. Новый шестиэтажный корпус по пояс вылезал из соснового бора, плавно сбегающего к реке. Вечером теплые желтые окна казались окнами парохода, плывущего по синему сонному морю.

В тот февраль выпало много снега, и лыжники допоздна реяли вокруг дома-корабля, пронзая высвеченные на секунду круги света от высоких фонарей или квадраты окон, рядами лежащие на снегу.

Возрастом участников симпозиум был молод, и даже солидные корифеи старались соответствовать общему его духу — теряя равновесие, *скатывались с исполосованного лыжнями склона на лед реки*, лепили снежки из рассыпчатого снега, танцевали до утра в зале под крышей, у сдвинутых в сторону столов для пинг-понга, уступая солидный бильярд бородатым аспирантам, цепляли на лацканы самодельные круглые значки с изображением слона на велосипеде с надписью «Ну и что?».

Заседания шли в кинозале, где над экраном висел длинный плакат: «От ложного знания к истинному незнанию!» Во всем подчерки-

вался современный дух дозволенного академического скепсиса, интеллигентского подшучивания над слишком серьезными проблемами и яростной преданности еще не апробированным постулатам. Улыбайтесь, утверждал слон на велосипеде, если не хотите рехнуться, взвалив на плечи ответственность за потенциальное коварство генной инженерии.

Суслин выборочно ходил на заседания, вопросами рвался к скандалам, но скандалов не получилось, потому что после первой же стычки с Траубе Суслину была отведена в этом улье сота залетного склочника, и даже дельные и колючие его реплики и вопросы принято было выслушивать с улыбчивой вежливостью и демонстративно игнорировать — не от излишнего снобизма, а от того, что они, очевидно, диктовались неумным желанием хватать клыками за штаны и беспрестанно напоминать человечеству о том, что острый и едкий ум Суслина не угас, а зубы еще крепки.

Когда Лера Данилевская из Института экспертизы, скорее милый и приятный гость, чем полноправный член этого сообщества, спросила Траубе, откуда этот Суслин, тот красиво пожал мускулистыми плечами, обтянутыми тесным свитером, и сказал:

— По-моему, он нигде сейчас не работает. Кто-то говорил мне, что он преподает биологию в техникуме. Что равнозначно пенсии.

Траубе говорил о Суслине со снисходительностью восходящей научной звезды, которая успевает сиять и в альпинистских лагерях, и на теннисном корте, не говоря уж о спонтанно родившемся комитете по организации гигантского пикника.

— Он избрал себе незавидную роль стареющего анфан террибль. Умудрился за двадцать лет поработать во всех мыслимых и немыслимых институтах и ни из одного не ушел без скандала.

— Он талантлив?

— Ах, Лерочка, и почему прекрасных дам так тянет к неудачникам?

— Значит, все-таки талантлив.

— Я не говорил обратного, — попытался ревниво насупиться Траубе, но в ревнивцы он не годился, не его роль. — Но если талант как-то связан со служением людям, то Суслин бездарен.

В этот момент Суслин брел неподалеку с видом опозоренной девушки, которая осмелилась явиться на бал и ловит обнаженной спиной злобный шепот светских кумушек.

Суслин был настолько непривлекателен, что Лера подумала — Гарик Траубе мог бы одарить его состраданием, но не насмешкой.

— Вы злой мальчик, — сказала она.

— Не злой. Но мое сердце свободно от российской бабьей жалости. Я убежден, что его привел сюда мазохизм. Он не может не быть гонимым — комплекс раннего христианина.

Суслин, словно услышав, обернулся и встретился глазами с Лерой. Лицо у него было правильное, с небольшим, прямым, острым к концу носом, маленькими светлыми глазами и узким лбом. Борода, покрывавшая щеки и неопрятным клинышком тянувшая вниз подбородок, совпадала цветом с кожей, желтоватой, но не смуглой, темнеющей вокруг глаз, точь-в-точь в цвет бровей и упавшей на лоб пряди волос.

Ударившись о зрачки Леры, его глаза тут же метнулись вбок, к столу, уставленному стаканами с вечерним кефиром, и Суслин даже сделал танцевальное движение туловищем, словно собирался повернуть, но остановился, и Лера поняла почему: верхняя губа под усами была подчеркнута голубой кефирной полоской — он вспомнил, что положенный ему кефир он уже принял.

— Так чем же он занимается? Как ученый?

Траубе протянул ей стакан с кефиром — путешествие к столу и обратно заняло мгновение. Кефир он тянул с удовольствием.

— Сахару жалеют, — сказал он. — Чем он занимается? Чайниковыми идеями. Как и положено. Ищет биоволны мозга. С таким же успехом мог изобретать вечный двигатель.

— Их нет?

— Вечное движение тоже существует. Но вряд ли удастся создать машину, которая могла бы использовать это движение для молки кофе. Давайте мне стакан, поставлю его на место. Вы после кино пойдете на реку? Говорят, здесь есть финские сани.

На следующий день Лера должна была уехать из пансионата. Она сдала ключ дежурной в гулком вестибюле. Пансионат казался покинутым и нежилым — выступал Лесин, все были в кинозале.

Дорога до шоссе была пробита в строю одинаковых, поджарых, уверенных в себе сосен, сизые, почти весенние тени были нарисованы на снегу, под ногами уютно похрустывало — театральный пейзаж казался знакомым, виденным в детстве и добрым.

А на обочине серого, противоречащего снегу и соснам шоссе стояла прямая напряженная фигура Суслина с вызывающе поднятой рукой. К его ногам прижался толстый потертый портфель, вызвавший раздражение в аккуратном сердце Леры, потому что она представила себе, как в нем смяты, сжаты в тугой комок рубашка, зубная щетка, полотенце, журналы и, может, ночные туфли.

Суслин заметил Леру, только когда она подошла к нему и задала ненужный вопрос:

— Вы ловите машину?

— Да, ловлю, — ответил Суслин с вызовом, словно она застала его за недозволенным занятием, словно машины были дичью, сезон охоты на которую еще не открыт. — Уже пятнадцать минут.

— Ничего страшного, — сказала Лера, которой было неловко за

то, что она мысленно обидела его потертый портфель. — Сейчас придет машина. Я вам это гарантирую. Я везучая.

— Везучая? — Он повторил это серьезно, так же, как вчера, впился на мгновение ей в глаза и отбросил взгляд в сторону.

Через минуту возле них затормозил пустой автобус.

Некоторое время они молчали. Сосновый лес кончился, по обе стороны потянулись белые пустые поля.

— Если не ошибаюсь, я вас видел на этом, простите за выражение, симпозиуме.

Своим тоном Суслин высказал все, что думал о симпозиуме, но с тоном спорить трудно, и Лера согласилась:

— Да.

— Надоело?

— Нет, мне пора возвращаться в Москву. На работу.

— А мне надоело.

Он будто ждал возражений, напрашивался на спор.

— Мне надоела болтовня, все эти разговоры обо всем и ни о чем, пустая трата времени.

— А почему вы сюда приезжали?

— Я?

Почему-то вопрос его озадачил. Словно такого подвоха он от собеседницы не ждал. Он молчал до самой станции. А на перроне, пока ждали электричку, отошел от Леры и долго, тщательно изучал расписание.

Вагон был почти пуст, пушистый покой плавно тек за окнами, Суслин поставил портфель на колени и удивил Леру, сказав:

— Вы, Данилевская, спросили меня, почему я тут оказался? А вы не знаете, что я редко пропускаю симпозиумы, банкеты, защиты, юбилеи и прочие торжества, на которых в центре внимания блистают мои удачливые сверстники?

«Как же он мог узнать мою фамилию? Он должен был спросить ее еще вчера...»

— Вашу фамилию я подслушал случайно. Вы думаете, я завистлив?

Ему бы пошли очки, подумала Лера. Они бы придали лицу значительность. Большие очки в тяжелой оправе.

— Нет, завидую не их земной славе. Я хочу встретить среди них человека, которому бы она досталась заслуженно, и примеряю ее по себе. Каждый раз примеряю. Тоскую, скучаю, все сборища, банкеты, юбилеи до безобразия одинаковы. Порой я ловлю на себе удивленный взгляд — что нужно этому несостоявшемуся таланту, этому неудачнику среди нас, правильных и обеспеченных наградами и признанием людей? А потом, бывает, взгляд теплеет. И знаете почему? Потому что я удачно оттеняю своим невезением его правильность. А я смеюсь.

И он показал, как смеется. Хрипло и тонко.

— Вы, наверно, несправедливы к себе.

Что Траубе говорил о мазохизме Суслина?

— Ах, я все смеюсь, я все шучу, — сказал Суслин, оторвав тонкую руку от портфеля, и сделал ею этакое округлое движение, словно изображал какой-то водевильный персонаж. — Не принимайте меня, девушка, всерьез. Я приехал на этот достойный симпозиум в надежде, что узнаю для себя что-нибудь новое — надо быть в курсе движения науки вообще. Это отличает меня от ленивых духом и добродушных коллег. Но я быстро разочаровался...

Лера молчала, глубоко убежденная в том, что он будет говорить дальше. Ему хотелось говорить, поработать плеткой над своей плотью на глазах окружающих. К тому же Лера уже привыкла к тому, что вызывает собеседников к откровенности. Порой она изнывала от набегов подруг или их мужей, от соседей и родственников, жаждущих выплакаться у нее на груди.

— Я вам не надоел? — спросил Суслин, рассчитывая на отрицательный ответ.

— А сами вы занимаетесь биоволнами мозга? — Лера попыталась перевести разговор в иную плоскость.

— Вам уже сообщили? И с соответствующими эпитетами?

— Я сама спросила.

— Спросили? Обо мне?

Суслин задумался. Будто искал оправдания ее странному поступку.

— Вы из газеты? — догадался он наконец.

— Нет, я же говорила, что работаю в Институте экспертизы.

— Да-да, слышал, у Митрофанова. Он меня звал, но я отказался. Свободное время мне нужнее. На этом этапе. В сущности, экспериментальный этап завершен, но теоретическое обоснование требует времени. Я чрезмерно интуитивен — решения приходят ко мне как озарения. А потом доказывай, что ты не фокусник. На моих идеях написано десятка два диссертаций и монографий, а я преподаю химию в пищевом техникуме. Я не веду себя как положено и не намерен быть как все.

На скамейке напротив уселась бабушка с сеткой, в которой поблескивала большая банка с маринованными огурцами. Бабушка обняла банку и смотрела на Суслина с осуждением, словно он был пьяным, склонным к буйству.

— Представьте себе, — продолжал Суслин, доверительно положив узкую потную ладонь на руку Лере, — что я, большой ученый, завтра умру. Что останется от меня на этом свете?

Вопрос требовал ответа.

— Ваша работа, — осторожно сказала Лера.

— Вы уверены, что она моя? Нет, милая, она не моя. Она того, кто

первый успел наложить на нее лапу. Кто первый убежал с тризны, унося в кармане ключ от сундука с драгоценностями. И все. Даже в «Вечерней Москве» не будет рамочки с мелким шрифтом «Пищевой техникум номер такой-то с прискорбием извещает»... Я же не доктор наук.

Электричка медленно ползла среди окраинных корпусов Москвы. На огороженной деревянными щитами площадке ребята играли в хоккей. Женщина с детской коляской остановилась на откосе над железнодорожной выемкой и внимательно вглядывалась в окна поезда, словно ждала кого-то. Лера почему-то подумала, что, если она завтра умрет, кто-то другой будет ехать в этой электричке, в этом вагоне, на этой скамейке, и такие же ребята будут играть в хоккей...

— Я не совсем поняла вас...

— Сергей Семенович.

— ...Сергей Семенович. Вас и влечет к земной славе, но вы отвергаете ее. Может, опасаясь, что в ней вам откажут?

— Сегодня — да. Завтра, когда я буду готов к разговору с ними, они не посмеют мне отказать. Вопрос в том, захочу ли я принять что-нибудь из их рук.

«Они» стояли за каждой фразой Суслина, одинаково одетые, в одинаковых галстуках, поднимавшие тосты на одинаковых банкетах. Он вел с ними войну, о которой противная сторона, вернее всего, и не подозревала.

— Назовите мое мировоззрение мрачным. Я полагаю, что в основе его лежит трезвый расчет. Я не жду подарков, но и сам их никому делать не намерен. Они не имеют права воспользоваться тем, что мучило меня, рождалось в родовых схватках, но за что я не получил ни признания, ни благодарности.

— Какое отношение это имеет к науке?

— Не к науке. К личности. Вы знаете, в чем заключалась последняя просьба Левитана?

— Это художник такой, — неожиданно сообщила бабушка с огурцами.

Рельсы за окном уже размножились, заполнили пространство вплоть до стоявших в стороне пустых составов — поезд подходил к вокзалу.

— Левитан попросил брата сжечь все письма, полученные им. От женщин, от родных, от друзей, от Чехова, наконец. И брат на глазах умирающего выполнил его просьбу. Принято осуждать Левитана, биографы обижаются. А для меня он — пример.

Лера непроизвольно взглянула на бабушку. Но та только покачала головой и ничего не сказала. Тогда сказала Лера:

— Но Левитан не жег своих картин.

— Уже никто не мог на них покуситься. А вот на его личную жизнь набросились бы как гиены. Я понимаю Левитана, как самого

себя. И уверяю вас, когда я умру непризнанным, а они прибегут за добычей — добычи не будет. Ни листочка.

Лера поднялась. Поезд, дернувшись, замер у платформы.

Суслин шел по платформе рядом, молчал, как человек, натворивший глупостей на вечеринке и теперь переживающий тяжелое и стыдное похмелье. Только на стоянке такси он вдруг потребовал, чтобы Лера дала ему свой телефон.

После этого Суслин раза два звонил ей, но умудрялся попасть в неподходящее время. Первый раз дома были гости и надо было их срочно кормить. Второй раз заболел гриппом Мишка. И все-таки Лера должна была себе признаться, что она благодарна обстоятельствам, заставлявшим ее после первых же фраз вешать трубку.

Как-то, встретившись на улице с Гариком Траубе, в необязательном и коротком разговоре она почему-то спросила:

— А как там ваш Суслин поживает? Открыл свои биоволны?

— Если и открыл, то таит от окружающих, — сказал Траубе. Он нес в руке связанные шнурками австрийские горнолыжные ботинки. В первую же минуту успел сообщить профану Лере, сколько они стоят и как невероятно трудно их было достать. Суслин был для него ненужным отвлечением, а Лера — субъектом, которого можно было приобщить к поклонению ботинкам.

— Я ехала с Суслиным в Москву с симпозиума, он делился со мной своими черными мыслями.

— Нечем делиться, — сказал Траубе уверенно. Он был так весел и доволен собой, что Лере стало вдруг стыдно, словно она легкомысленно выдала доверенную ей Суслиным тайну.

И еще пожалела, что не взяла у Суслина телефона, не сможет его найти, ведь у нее — тысячи приятелей и несколько друзей, у Траубе — полмира в приятелях, а Суслин приходит в свой пустой дом (почему-то она решила, что он живет один) к несуществующим биоволнам совсем один.

Весь вечер она вспоминала, какой номер у пищевого техникума, в котором он читает химию, и запоздало расстраивалась от того, что на вокзале села в такси, не пригласив его с собой, ведь, может, у него не было денег.

С утра, обзвонив все пищевые техникумы, она нашла нужный и узнала, что Суслин там больше не работает, два месяца как уволился. Лера дала себе слово, что обязательно разыщет Суслина через Академию наук, и это обещание успокоило ее. Благополучно занявшись делами, она на следующий же день забыла о его существовании.

Суслин сам позвонил через неделю. Разумеется, снова дома были гости, но Лера, облегченно обрадовавшись звонку, унесла телефон на кухню, сказала, что разыскивала его.

— Зачем звонили? — спросил Суслин настороженно, и за звуком

голоса, вовсе не оттаявшим от ее признания, она сразу представила себе укол маленьких острых глаз и рыжеватую тусклую бородку.

— Вы куда-то исчезли, — сказала Лера. — А я вдруг испугалась.

— Чего?

— Я в самом деле рада, что вы позвонили мне.

— А когда вы обо мне подумали?

Этого человека не размягчишь нежностью.

— Неделю назад.

— Поздно, — сказал Суслин разочарованно. — Не сходится.

— Что не сходится?

— Неделю назад со мной ничего не случилось.

— А когда случилось?

— Больше месяца назад. Месяц и три дня.

— Так что же?

— У меня был инфаркт, — сказал Суслин. — Самый настоящий. Очень обширный. Я вас не обманываю.

— Какой ужас! Но теперь вы поправляетесь?

— Как видите. Мне уже можно вставать. Здесь, должен вам сказать, варварский метод обращения с сердечниками. Нас заставляют вставать и ходить чуть ли не на второй день после инфаркта. Очень велик риск повторного приступа. Вы меня понимаете?

И тут он недоволен, подумала Лера. И спросила:

— Вас можно навестить?

— Разумеется. Кстати, обязательно принесите мне двухкопеечных монет. Здесь автомат стоит на лестничной площадке и ни у кого нет двухкопеечных монет.

Когда Лера пришла в больницу, Суслин в синем тренировочном костюме сидел в холле четвертого этажа, смотрел телевизор, и на его физиономии было написано крайнее презрение к тому, что происходит на экране. На экране шел футбольный матч.

Борода у Суслина отросла и из клинышка превратилась в малярную кисть. В остальном он не изменился.

Они сели на диван у окна, Лера начала вытаскивать из сумки апельсины и парниковые огурцы, а Суслин после первых неуверенных попыток запихнуть ее дары обратно в сумку передумал, принял и отнес в палату, а когда вернулся, обнаружилось, что говорить им не о чем, словно оба выполнили ритуальное действо, после которого положено еще некоторое время пребывать в обществе друг друга, ожидая момента, когда можно откланяться и с облегчением расстаться.

Вместо повести о своей болезни Суслин вдруг сказал:

— Вы не представляете, как много для меня значит ваш визит.

— Ну что вы...

Лера осеклась, чтобы не сказать: «На моем месте так поступил бы каждый».

— Честное слово...

Лера вдруг поняла, что он близок к слезам, что у него дрожат губы и он замолчал потому, что боится, как бы голос его не выдал.

Лера сказала:

— Ну вот, совсем забыла. Я же вам последний номер «Иностранной литературы» принесла.

Она закопалась в сумке, чтобы не смотреть на него, но он уже овладел своим голосом и продолжал:

— Потом, потом. Я хотел вам сказать, что уже первая наша встреча произвела на меня большое впечатление. Это отношение искреннего участия, которое... Простите, я сегодня весь день репетировал эту речь, и получалось очень складно.

Он робко улыбнулся, и Лера поняла, что не видела ни разу его улыбки, его лицо не было для этого приспособлено, и мышцы щек двигались неуверенно, словно он был актером, который так давно не играл роль, что теперь мучается, вспоминая.

— Мы говорили о том, что после меня ничего не должно остаться, помните?

— Да.

— А я ведь чуть не умер. И много размышлял потом.

Вот это было главное, что он хотел ей сказать.

Лере хотелось бы найти какие-то правильные, точные, нужные ему сейчас слова. И от того, что она не знала, какие слова правильные, возникал страх все испортить, и она молчала.

— А ведь вы не все знаете, — сказал Суслин. Он снова улыбался, теперь куда уверенней. — И воспринимаете мою речь в плане абсолютной абстракции.

Лера послушно кивнула.

— Так знайте же — я не только нашел биоволны мозга, но и научился их улавливать. Уже есть приемник биоволн.

Биоволн не существует, уверял Траубе, который все знает. Это все равно что построить вечный двигатель.

— Калерия Петровна, — продолжал Суслин, не смущаясь отсутствием энтузиазма, — вы мне не верите? Мне никто не верил, куда более знающие люди, чем вы. Я выйду отсюда и все вам покажу. Вы знаете, что я ушел из техникума, потому что пришло время для последнего наступления? Я почти написал статью, короткую, три страницы на машинке. Этого достаточно.

— И земная слава?

— Ах, как вы злопамятны! Черт с ней, с земной славой! Хотя я от нее не намерен отказываться. Знаете, куда я пойду первым делом? К академику Чхеидзе. Три года он терпел мою лабораторию. А ведь я сам от него ушел. Озлился и ушел. Я приду к нему и скажу: по справедливости вы должны стать моим соавтором.

Гадкий утенок. И почему она никак не может разглядеть в нем лебедя?

— А ваш приемник? — спросила она. — Вы его покажете Чхеидзе?

— Я его покажу вам. Вы будете первая, кто его увидит в работе. И тогда вы мне поверите.

Когда Суслин провожал Леру к лестничной площадке, шагая с преувеличенной осторожностью сердечника, он остановился у телефона-автомата и строго спросил:

— Вы двухкопеечные монеты принесли? Мне их много надо. Штук пять.

Лера высыпала ему на ладонь кучку монеток, и он быстро сжал пальцы, словно поймал муху.

Лера попрощалась с ним. Не выпуская монет, он протянул ей кулачок.

— Погодите, вы же главного не знаете, — сказал он вдруг. — Мой приемник работает. Всегда работает. И пока я был здесь, он тоже работал. Это очень смешно. И он настроен на биоволны моего мозга. Их можно определять, как отпечатки пальцев. Вы придете, когда меня будут выписывать?

— Обязательно.

— Это самое главное. Важно, чтобы я на обратном пути не попал под машину. Понимаете?

— Нет.

Суслин вдруг подмигнул ей.

— Неужели не поняли? Мой приемник соединен с металлическим ящиком, в котором хранятся все мои работы, все расчеты — все. Если мой мозг прекращает посылать биоволны, включается цепь, это элементарно, и в ящике все сгорает. Я бы умер, и не осталось бы ни строчки. А впрочем, никто бы не стал их искать. Только об этом никому ни слова. Я вам доверяю.

И он почти игриво погрозил ей пальцем.

Ну и дурак, бормотала про себя Лера, спускаясь по лестнице, ну и дурак. Господи, какой он весь изломанный!

— Девушка! — остановил ее гулкий бас.

— Вы меня?

Ее догонял объемистый врач с черным каракулем волос вокруг блестящей лысины.

— Это вы навещали Суслина?

— Да, — сказала Лера.

— Где же вы раньше были?

— Я только два дня назад узнала, что он здесь.

Лера чувствовала себя смертельно виноватой.

Врач схватил ее за руку.

— Поймите меня правильно, — ворковал он, не без удовольствия разминая в руках пальцы Леры. — Суслин — моя гордость. Восемь минут клинической смерти.

— А он мне ничего не сказал...

— Он и сам этого не знает. При его нервном состоянии, бесчисленных комплексах и маниях... я бы никогда не осмелился. Когда-нибудь потом, когда он будет вне опасности, мы порадуемся вместе. Восемь минут — и никаких последствий.

Этот разговор тут же вылетел из памяти. Впрочем, этому было вполне прозаическое объяснение. Лерин взгляд упал на настенные круглые часы. А часы показывали половину восьмого. Дома голодные Олег и Мишка, которые не представляют, куда девалась их жена и мать. А ведь она должна еще купить чего-нибудь на ужин.

Навестить Суслина Лера не собралась, но обещание встретить при выписке выполнила. Даже успела купить букет сирени, чем привела Суслина в полную растерянность, потому что он совершенно не представлял, что положено делать с букетом, некоторое время держал его как веник, словно намеревался подмести им вестибюль больницы, потом вернул его Лере и успокоился. Он был явно взволнован, и в этом не было ничего удивительного.

В такси он спросил:

— А вы знаете, не исключено, что я побывал на том свете.

Он уколол Леру настороженным взглядом.

«Какая я дура! — Гулкий бас доктора зазвучал в ушах. — Ведь Суслин был восемь минут мертв. И если железный ящик не плод его тщеславного воображения — все сгорело! А сейчас он увидит, и в его состоянии... Ну что делать? Везти его обратно в больницу?»

— Ничего страшного, — услышала Лера свой собственный жизнерадостный голос. — Вы же живы. Восстановить куда проще, чем изобретать вновь...

— Вы же ничего не понимаете!

У двери он сунул ей в руку ключ, сказав:

— Мне вредно волноваться.

Дверь отворилась. Не раздеваясь, он бросился в единственную комнату, помесь неустроенного холостяцкого логова и лаборатории, опрокинул стул, откинул локтями руки Леры, старавшейся его удержать или поддержать, и ринулся к приборам, громоздившимся на длинном, во всю стену, столе. Он долго возился с задвижками и запорами черного ящика, из которого, подобно разноцветным червякам, лезли во все стороны провода. Время ощутимо замедлило ход, и Лере казалось, что он уже никогда не сможет этот ящик открыть — и лучше бы, чтобы не смог, потому что она понимала, что, если Суслин не сумасшедший, в ящике ничего нет.

Тонкие пальцы Суслина замерли над ящиком. Они дрожали. Суслин обернулся к Лере и сказал тихо:

— Может, вы, а?

И тут же поморщился, охваченный негодованием к собственной слабости, и рванул крышку.

Лере не было видно, что там, внутри. Она шагнула, чтобы загля-

нуть Суслину через плечо, но он уже запустил обе руки в ящик и, вытащив пригоршню черного пепла, с каким-то мрачным торжеством обернулся к ней.

— Ну вот, — сказал он, протягивая вперед руки и держа пепел бережно, словно птенца. — Вы же видите!

— Может, что-нибудь осталось? — сказала Лера.

— Осталось! Температура восемьсот градусов! Осталось... Ничего не осталось. И не могло остаться. Вы вот не знаете, а я почти восемь минут был на том свете. Меня реаниматоры зачем-то вытащили, до сих пор гордятся, а скрывают, берегут мои нервы. Мне санитарка рассказала. Что же, вы полагаете, восьми минут было мало, чтобы принять сигнал?

— Так вы знали?

Лера открыла сумочку. Куда же она сунула валидол? Ведь специально клала валидол...

— Иначе бы не просил вас со мной поехать. Обошелся бы. Знал и трясся.

— Успокойтесь, — сказала Лера. Вот он, этот проклятый валидол. Теперь надо заставить его принять таблетку. — Мы все восстановим.

— Восстановим, восстановим... Разве в этом суть? Чем, вы думаете, я занимался последние две недели в больнице?

Он метнулся к своей сумке, рванул «молнию» так, что она чуть не вылетела из швов, пепел кружил по всей комнате, словно после большого пожара. Лера сказала, протягивая ему таблетку:

— Вот валидол, обязательно надо...

— Спасибо, — сказал он, роясь в сумке, повернул к ней голову, приоткрыл рот, чтобы она положила туда таблетку. — Вот!

В его руке трепетала пачка исписанных листков.

— Разумеется, многое можно восстановить. И восстановлено.

— Вы не грызите таблетку, пускай лежит под языком.

— Не учите. Я же сердечник.

— Я буду вам помогать, если надо...

— Нет, она ни черта не поняла! — Суслин смотрел на Леру с искренним изумлением. — Ни черта!

— Успокойтесь, Сергей Семенович...

— Ведь установка сработала! Понимаете, сработала. Она приняла волны за пять километров! Вы представляете, какая физиономия будет у вашего любимого Траубе, когда он узнает, что я принимаю за пять километров!

ОБОЗРИМОЕ БУДУЩЕЕ

«Суть установки заключается в возможности прослеживать возрастные изменения как в прошлое, так и в будущее. Допустим, перед нами фотография старика, снятая где-то в Сибири в восьмидесятых

годах прошлого века. Есть предположение, что это фотография известного писателя, поздних портретов которого не сохранилось. Так вот, есть ли возможность убедиться в том, что перед нами именно этот писатель? Наша установка, проанализировав фотографию, синтезирует затем образ этого человека, каким он был двадцать лет назад. Затем нам достаточно сравнить его с известными портретами писателя, чтобы убедиться, не ошиблись ли мы в своих предположениях... Сложнее заглянуть в будущее. Казалось бы, принцип здесь тот же самый, однако если прошлое человека существует объективно, то будущее проблематично. Над решением этой задачи и работает сейчас наша лаборатория...»

— Нет, — сказала Лера и отложила перо. — Керам из меня не выйдет.

— Кто не выйдет? — спросил Саня Добряк, который, пользуясь затишьем, расчесывал свои буйные, до плеч, кудри, видно, стараясь достичь сходства с неизвестной Лере эстрадной звездой.

— Ке-рам.

— Естественно, — согласился Саня. — Керам — мужик, а вы, Калерия Петровна, прекрасная и еще сравнительно нестарая женщина.

— Спасибо. Ты хоть знаешь, кто такой Керам?

— Физик, — ни на секунду не усомнился Саня.

— Правильно. Популяризатор археологии. Тебе не попадалась книга «Боги, гробницы, ученые»? А жаль.

— Обязательно прочту, — сказал Саня и открыл свою большую записную книжку, в которую заносил телефоны знакомых девушек и мудрые мысли, которые ему довелось услышать. Какая-то часть этих мыслей была высказана Лерой. Саня Добряк полагал, что Лере лестно, когда ее слова фиксируют подчиненные.

— Ниночка, — попросила Лера лаборантку, — прочти галиматью, которую я написала. Меня просили сделать статью о нашей работе для журнала, а у меня буквально перо валится из рук от литературной бездарности.

— Кстати, Эйнштейн — слышали о таком? — сказал Саня Добряк, — не написал в жизни ни одного романа. И ничего. Прожил. А ведь даже Эйнштейн не смог бы вычислить из того лупоглазого младенца Льва Толстого, как мы с вами вчера сделали.

Ниночка читала недописанную статью, подчеркивая карандашом слабые места. Ниночка была отличницей во всем, этакая профессиональная отличница, и фамилия у нее была невероятная: Успевающая. Ниночка Успевающая.

— Если ты сегодня куда-нибудь спешишь, можешь идти, — сказала Лера Сане.

— Вас мучает совесть, что вы держали меня вчера до восьми вечера? Но я же не обижаюсь. Я согласен на жертвы. Ведь они ради Науки с большой буквы. Я правильно вас цитирую?

— Ты цитируешь не меня, а директора института и отлично знаешь об этом.

— Вообще-то правильно написано, — сказала Ниночка. — Но совершенно нет тайны. И нужны примеры.

— А что ты предлагаешь?

— Тут обязательно должна быть завязка. Допустим, к нам приносят миниатюру, и никто не знает, кто это такой. Только один старик-коллекционер говорит, что это — Лев Толстой в детстве. Ну и так далее...

— Ясно, — сказала Лера. — Придется тебе, Ниночка, все это и написать, потому что я бездарна, а они уже взяли с меня клятву, что статья будет сдана в четверг. Ты чего не уходишь, Саня? Обычно тебя не удержишь.

— Думаю, — сказал Добряк.

Ниночка фыркнула.

— Могу же я иногда думать?

— Нет, Калерия Петровна, мне не справиться, — сказала Ниночка. — Это ответственная работа. Одно дело — читать, а другое — рассказать, как мы это делаем.

— Ты мне в среду принесешь, что у тебя получится, мы вместе сядем и подумаем. Может, тебя шокирует, что ты, настоящий ученый, будешь печататься в популярном журнале?

— Если вы считаете нужным...

— Тогда иди.

Лера принялась за отчет и так увлеклась, что не заметила, как прошло полчаса. Саня все торчал в лаборатории.

— Никакого сравнения, — сказала Лера, закончив абзац. — Отчет писать легче.

— Практика, — ответил Саня.

— Так над чем ты изволишь мыслить?

— Калерия Петровна, поймите меня правильно, — сказал Саня. — Я не о себе пекусь, а о науке.

— Ты всегда печешься о науке. Даже когда уносишь пол-литра спирта на день рождения к двоюродному брату.

— Но это же было полгода назад! Нельзя быть такой злопамятной.

— Можно и нужно. Продолжай.

— Наверное, мы сами еще не знаем всех возможностей установки.

— Конечно, не знаем.

— Вот вы обратили внимание, что наши девчата меня держат за первого человека в институте?

— Я думала, что из-за твоих бесценных мужских качеств.

— Не только. Они догадались, чего вы не догадались.

— Открывай тайну.

— Они мне свои фотографии подсовывают. С тех пор как установка пошла и вы доклад на ученом совете сделали, они только и подсовывают свои фотографии.

— Так почему же?

Лера уже догадалась, в чем дело, но лучше пускай Добряк расскажет об этом своими словами.

— Они хотят знать... — Добряк сделал драматическую паузу, и тут Лера не выдержала и разрушила все одним ударом:

— Какими они будут через десять лет.

— Нет, — сказал Добряк, — через пять. На десять у них смелости не хватает. Вдруг растолстеют?

— Ну и ты сдался?

— Ни в коем случае. Вернее, пока еще не сдался.

— Ясно, недостаточно соблазнили.

— Еще проще, Калерия Петровна. Ведь установку включишь, она столько энергии забирает, что весь институт об этом знает — заработала, голубушка. Без вас дежурный электрик примчится, а при вас — тем более нельзя.

— Так ты предлагаешь теперь, чтобы мы с тобой открыли совместное ателье по прогнозированию прелестей наших девушек?

— Нужны они мне! Я просто хотел проиллюстрировать, как моя идея развивалась.

— Тогда продолжай. Только кратко. Я еще отчет не дописала, а у меня дома мужчины некормленые сидят.

— Ничего, им не впервой. Я подумал: а вдруг наша машина и другое сможет?

— Так не томи же!

— Человек жил-жил и умер. Допустим, от старости или от болезни. А мы не знаем, в каком году это случилось. А знать нужно. Допускаете такой вариант?

— Допускаю.

— Ну ладно, с Пушкиным может и не получиться, он нечаянно умер. А если кто своей смертью? Вдруг наша установка может это указать?

— Как ты себе это представляешь?

— Ведь не до бесконечности человек стареет. Покажем его столетним, а потом она должна вам сказать: шабаш — дальше ничего не было. Не дура же она.

Есть у Сани Добряка хорошая черта — относиться к приборам и установкам как к живым существам.

— А зачем? Показать, каким был бы Пушкин в восемьдесят лет? К науке это не имеет никакого отношения.

— А вдруг машина покажет Толстого в восемьдесят и ни шагу дальше, так как после восьмидесяти ему быть не положено?

— Слушай, Саня, отстань ты от меня. И поменьше читай фанта-

стики. Богом тебя молю. Иди домой и дай мне дописать отчет. Этого за меня Ниночка не сделает.

— А может, попробуем разок?

— И не проси. Электричество денег стоит. Кроме того, я все материалы сегодня сдала в отдел к Любимову.

— И даже плохонького портретика нету?

— Нету.

— А если бы был?

— Нету же.

— А если я собой пожертвую? Это же пять минут машинного времени.

Добряк вытащил из бумажника свою фотографию. Уже сделана в размере 6х4 и отглянцована. Все как полагается. Только загоняй в машину.

— Когда успел, негодяй? — изумилась Лера.

— Я сегодня еще днем нашего фотографа упросил. Сказал, что надо для опытов.

— Ты всерьез собираешься свою смерть предсказать?

— А что? Не исключено, что я проживу сто лет, и даже интересно поглядеть, каков я буду в старости, окруженный внуками и правнуками.

— Истинный сумасшедший дом! — воскликнула Лера. — Мистика в моей лаборатории. Таких людей в нормальном научном учреждении держать нельзя.

— А кто знает? Вы здесь. Я здесь. Больше никого. Пять минут машинного времени. Вчера же я работал до восьми — и хоть бы что!

— Нет.

— Даже самая дикая гипотеза имеет право на существование. Можем ли мы... — дальше Саня уже читал по своей книжечке, — можем ли мы предугадать возможности разбуженных нами сил природы? Любимов. Выступление на институтской конференции третьего октября прошлого года.

— Только пять минут, — засмеялась Лера. — И чтобы следующая смелая гипотеза появилась у тебя не раньше чем через год.

— Не обещаю.

И Саня принялся готовить установку к работе.

Минут через десять, когда Лера вновь углубилась в свой отчет и благополучно забыла о существовании Добряка, она услышала голос:

— А разве вам не интересно поглядеть?

— Погоди. — Лера подошла к установке и проверила, все ли в порядке. Все было в порядке. Может, лучше, если Саня кипит, чем угасает от умственного безделья?

— Сколько мне лет? — спросил Добряк. И ответил себе: — Двадцать два.

— Я всегда удивляюсь тому, что ты такой старый, — сказала Лера. — Больше шестнадцати не дашь.

Установка зажужжала, разогреваясь, словно в комнате поселился супершмель.

Серьезная физиономия Сани смотрела с экрана на Леру. Каких трудов ему стоило не улыбаться перед камерой! Только мысль о надвигающемся открытии смогла заставить его убрать с лица вечную улыбку.

— А если получится, — сказал вдруг Саня, — это можно будет назвать эффектом Добряка?

— Эффектом Дурака, — проворчала Лера, понимая, впрочем, что создала не лучший каламбур. — Ты не боишься узнать, что умрешь через два года от хронической глупости?

Она уже жалела, что согласилась на эту великовозрастную шалость, словно, наслушавшись сказок про ведьм, пошла на кладбище поглядеть, как они летают на метлах.

— Я боюсь, честно скажу, боюсь. Но, что характерно, наука главнее.

Рядком загорелись зеленые огоньки. Можно начинать.

Саня медленно повел рычажок вправо, по оси времени.

Его портрет расплылся по экрану, задрожал и исчез.

— Ну вот, — сказала Лера. — Сломал машину. Этого еще не хватало.

— Все в порядке. Работает. Только не хочет со мной дела иметь. Давайте еще раз пройдем, медленнее.

Портрет Сани вновь возник на экране.

— Медленно, — приговаривал он, — медленно. Еще медленней.

Портрет задрожал и исчез.

— И нет меня, — сказал Добряк растерянно. — Нет, как не было.

— Этого быть не может.

— Да? Сами попробуйте. Машина в порядке. Фотография в порядке, а меня нету.

Лера сама подошла к установке. Портрет все равно исчезал.

— Какое у нас минимальное деление? — подумала она вслух.

— Месяц, — сказал Добряк.

Она шевельнула рычажком чуть-чуть, на волосок. На месяц или меньше.

И портрет исчез.

— Ничего не понимаю, — сказала Лера. — Ну ладно, завтра разберемся.

— Но установка работает! — сказал Добряк жалобным голосом.

— Работает, работает. Но шалит. Не терпит над собой издевательства.

— Или другой вариант, — сказал Добряк.

— Какой?

— Что я прав.

— Ты хочешь сказать, что умрешь меньше чем через месяц?

— Да.

— А ну-ка, — сказала Лера, которой надоело шутить, — прогуляйся назад.

— В прошлое?

— Конечно! И ты увидишь, что тебя не было месяц назад. А виноват во всем фотограф Валя.

Добряк с облегчением бросился к пульту. Этот вариант его устраивал.

Через несколько минут они уже лицезрели медленное превращение Добряка в юношу, подростка и мальчика.

Прошлое установка показывала нормально.

Добряк, мрачный как туча, не мешал Лере вырубить ток.

— Иди домой, — сказала Лера.

— Сейчас. — Добряк выдвинул верхний ящик своего стола. — Сколько всего неразобранного, лишнего. Никогда не успеваешь привести в порядок личные дела. Как говорит поэт Симонов: «Как будто есть последние дела...»

— Иди-иди, — сказала Лера, садясь за стол.

— Я все-таки попрощаться хотел, — сказал Саня. — Вы всегда были добры ко мне, Калерия Петровна. И если нам не удастся увидеться...

— Если ты сейчас не уйдешь, то в самом деле больше со мной не увидишься. Завтра же пишу заявление в отдел кадров, что больше с тобой работать невозможно. Пускай увольняют.

— Разумеется, — согласился Добряк. — Может быть, вы даже успеете все это сделать. И я умру безработным.

Лера с облегчением вздохнула, когда дверь за Добряком закрылась. Надо же быть таким суеверным. Типичная фетишизация техники. Машины загадочны, каждая — черный ящик. Вот мы и переносим на них человеческие качества.

На следующий день Добряк на работу не вышел.

— У него телефон есть? — спросила Лера Ниночку.

— Нет, — сказала та. — Он недавно в Чертаново переехал.

— Он с мамой живет?

— Да.

— Мог бы и позвонить, что не придет, мне он сегодня позарез нужен.

О портретной эпопее она начисто забыла.

Не пришел Добряк и на следующий день.

Под конец дня в лабораторию влетела какая-то пташка лет восемнадцати в белом халатике.

— Саня здесь? — спросила пташка.

— Его сегодня нет.

— Ах, как жалко! — Пташка совсем не оробела при виде Леры. Никто не робел при виде Леры. — А он мне так нужен.

— Мне тоже, — буркнула Лера.

— Я ему фотографию принесла, — сказала пташка. — Он обещал мне ее в машину запустить, чтобы показать, какой я буду в двадцать пять лет.

— Машина — не игрушка, — сказала Лера. Ничего лучше придумать не смогла.

— Ах, как жалко! — повторила пташка. — А я фотографию сделала шесть на четыре. Он так велел.

И тут Лере пришла в голову дикая мысль. Ведь могут же люди убедить себя черт знает в чем. Она где-то читала, что в Африке колдуны могут приговорить человека к смерти и тот вскорости помирает от страха. Разумеется, ничего подобного не может случиться в Москве в конце XX века...

Лера вскочила и схватила со стола сумочку.

— Ниночка, — сказала она, — я уйду пораньше.

— Вы же хотели со мной статью просмотреть.

— Завтра, Нина, завтра.

— Если кто будет звонить, что сказать?

— Скажи, что меня в президиум вызвали.

Лера могла бы спросить адрес Сани у Ниночки, но делать этого не стала — с чего бы вдруг ей бросаться домой к лаборанту? Можно же кого-нибудь послать, если так приспичило. Взяла адрес в отделе кадров.

Такси поймала почти сразу. Нет, все-таки идиот, полный идиот. А почему установка в полном порядке? Весь день сегодня гоняли — хоть бы что.

Дверь открыла маленькая заморенная женщина со строгими глазами и вьющимися, как у Сани, каштановыми волосами.

— Простите, здесь живет Александр Добряк?

— Что еще? — воскликнула женщина. — Что еще случилось?

— Ничего. — Лера старалась унять дрожь сердца. — Он дома?

— Сани нет.

Голос женщины был трагичен.

— Как так нет?..

Нужно было куда-нибудь сесть, не падать же в обморок на лестнице... Но женщина стояла, загораживая дверь, и не собиралась впускать Леру в квартиру.

Лера попыталась сглотнуть комок в горле.

— Как это случилось? — спросила она.

— Он позавчера пришел с работы... — начала женщина, и тут снизу послышалось сдавленное:

— Ах!

Лера быстро обернулась.

Саня, вернее, некто, одетый как Саня и ростом схожий с Саней, пытался, прикрывая руками лицо, извернуться и скрыться с глаз.

— Добряк! — воскликнула Лера. — Иди сюда.

Нет, это был не Добряк. Это было жалкое подобие Добряка. Потому что все краски тела, вся его мощь сконцентрировалась в малиновой, раздувшейся впятеро щеке. Глаз закрылся, рот был перекошен в односторонней ухмылке. Это был фантастический, невероятный флюс.

— Я от врача, — прошепелявил Саня. — Они его вырвали. Завтра пройдет. Честное слово, пройдет. Я думал, обойдется...

— Почему ты не попросил мать позвонить на работу?

— Я только что звонил. По дороге от врача позвонил. Ну буквально десять минут назад.

— А вчера?

— Вчера я думал...

— Добряк, — сказала Лера, — от флюса не умирают.

— Как сказать, — прошипел Саня. — В истории зафиксированы такие случаи.

— Ты думал, что обречен?

— Да. И не было смысла звонить на работу, чтобы приглашать друзей на предстоящие похороны... — Он постарался улыбнуться, но, видно, тут ему стало больно, и крупная слеза потекла по малиновой щеке. Женщина в дверях тоже заплакала.

— Постой-ка, — сказала тут Лера. — У тебя когда зуб заболел?

— Позавчера утром. Только не очень сильно.

— И ты фотографировался уже с флюсом?

— Ну, это был флюсенок, вы даже не заметили.

— Но ведь установка заметила! Представляешь, что ты наделал? Каково было ей высчитывать твое будущее, если она знала, что уже через день ты на человека не будешь похож. Это же наше счастье, что она от такого усилия не взорвалась.

— Правильно, — согласился Саня, пропуская Леру в прихожую. — Ведь таких людей не бывает.

ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛЕТ

1

18 января 1988 г., Москва

Дорогой Виктор Сергеевич!

Я давно не писала Вам, не от лени, а потому, что было некогда. Мы все трудимся (меньше, чем хотелось бы) и суетимся (больше, чем хотелось бы). К тому же осень у меня получилась неудачная. Мама на два месяца слегла с воспалением легких, потом свалился сын с жестоким гриппом, лучшая подруга разводилась с мужем и вела со мной

многочасовые беседы о том, что все мужики — сволочи (я это подозревала и раньше, но не могла сформулировать). Так что из лаборатории я неслась по магазинам и аптекам, затем принималась врачевать моих болезных. А когда всех утешишь и освободишься, возникает ощущение, что в глаза тебе вставили спички — мечтаешь, как бы поспать хотя бы часов шесть. Но надо садиться за работу, в основном пустяковую — рецензию создать, прочесть чью-то диссертацию или готовить годовой отчет...

Меня заставил «взяться за перо» странный феномен, который я наблюдала в последние дни. И тут я жду Вашего просвещенного мнения.

Сначала я решила, что у меня начались галлюцинации... Нет, так Вы ничего не поймете. Следует изложить предысторию проблемы.

Три года назад мой муж был в Индии. Там он, движимый не столько прихотью, сколько желанием не отстать от товарищей, приобрел у охотников двух лемуров. Привез он их в черных мешочках в карманах плаща. Лемуры смирились с таким унижением и вели себя на таможне смирно.

Поначалу эти зверьки меня умилили. Очевидно, природа специально сделала их такими, лишив прочих средств защиты от хищников. Я допускаю, что при виде тонкого лори (к этому виду относились наши жильцы) сжимается даже задубелое сердце тигра.

Представьте себе существо размером с белку, без хвоста, покрытое густой короткой серой шерстью, с тонкими, паучьими ручками и ножками (именно ручками и ножками, потому что у лориков совершенно человеческие пальцы с ноготками в квадратный миллиметр). Основное место на их курносых физиономиях занимают громадные карие глаза, полные такой укоризны и покорного страха, что гости, поглядев на наших пленников, тут же понимают, что только крайне жестокий, отвратительный человек может содержать этих крошек в неволе. Жалкие оправдания моего мужа, уверявшего, что купил он лориков у охотников, которые ловят их, чтобы снимать шкурки (так называемый мех «обезьян»), что мы их кормим, держим в тепле и так далее, только усугубляли неприязнь к нашему семейству.

В общежитии эти трогательные крошки совсем не так очаровательны. День они проводят в сладком сне, а с наступлением темноты выбираются из клетки и начинают бродить по дому либо повисают в фантастических позах на шторах или люстре. Ни в какие контакты с нами, их хозяевами, они вступать не желают. Никаких поглаживаний или прикосновений не выносят. Зубы у них острые, мелкие и многочисленные, к тому же на них всегда остается пища, и укусы лориков не заживают неделями. Не зря индусы в Майсоре считают их ядовитыми. Никакой благодарности к людям они не испытывают, никого не узнают — а стоило бы. Ведь все наше свободное время мы проводили на птичьем рынке или в кабинетах директоров зоомагазинов (с

приношениями) — эти крошки питаются лишь живыми насекомыми, а попробуй обеспечить их живыми насекомыми в Москве в разгар зимы. Тараканы, правда, дома вывелись, но мучные черви расползлись по квартире, а в укромных уголках стрекотали разбежавшиеся сверчки. Притом лорики патологически трусливы, и даже я, отлично изучив их эгоистические характеры и спесь, происходящую от сознания того, что они — самые древние млекопитающие Земли, зачастую терялась, встретившись с ними взглядом. Они делали вид, что знают: я их специально откармливаю, чтобы сожрать. Если не сегодня, то на той неделе. Наконец, последняя беда — мы даже не могли вечерами вместе куда-нибудь пойти. Кто-то должен был дежурить дома, чтобы проводить вечернюю кормежку, после которой они разбегались по комнатам, поливая полюбившиеся им предметы едкой мочой и посыпая пол козьими орешками. Сидишь, читаешь вечером, а краем глаза видишь, как беззвучно, тенью, скользит по полу паук, приподняв шерстяную попку. И сам на тебя косит глазом. Знает, ведь второй год вместе живем, что я не трону, но стоит пошевелить головой, как он замирает в диком ужасе, а затем, избрав оптимальный вариант спасения, несется за штору...

А в прошлом году мы не выдержали. После некоторых (до определенной степени лицемерных) переживаний мы согласились отдать их одной милой одинокой девушке лет пятидесяти, которая живет в отдельной квартире с кошкой, собакой и тремя своими лемурами. Причем живет она не в Москве, а в Киеве.

Сначала мы даже скучали по лорикам, и я как-то полгода назад согласилась на совершенно ненужную и муторную командировку в Киев для того, чтобы увидеться с лемурами. Один из них умер за это время. Второй меня не узнал, хотя опасливо принял из моих пальцев жирного мучного червя — скромный дар московских друзей.

Простите, Виктор Сергеевич, что забыла о краткости — сестре эпистолярного жанра, а написала эссе на тему «Содержание тонких лори в домашних условиях». Все. Перехожу к делу, то есть к галлюцинациям.

Несколько ночей назад я сидела на диване, читая слабую диссертацию и размышляя о том, как бы отказаться ее оппонировать, не обидев смертельно автора, и вдруг краем глаз, словно в добрые старые времена, увидела медленно бредущего через комнату лорика. Лорик заметил мой взгляд, замер, прижав к груди сложенную в кулачок ручку, сжался от ужаса. И исчез. Я протерла глаза, поняла, что заработалась, замоталась и еще немного — придется идти к психиатру. Я сижу на диване, а посреди комнаты (на этот раз я почему-то глядела именно в ту точку) возникает лорик, априори перепуганный, и хлопает глазищами. Я вижу его совершенно явственно, до последней шерстинки. Расстояние от силы два метра. В ужасе, что его застукали, лорик пускает лужицу и растворяется в воздухе. Еще одна галлюцинация? Как бы не так! Лужица-то осталась. Клянусь всем святым, лужица осталась! Я ее вытерла тряпкой и только потом поняла, что это все сверхъестественно.

Вот тогда я и решилась Вам написать. Вы всегда были терпимы к странностям человеческого существования и, по крайней мере, искали рациональное объяснение иррациональным явлениям. Вам кое-что удавалось.

Пожалуйста, дорогой Виктор Сергеевич, не оставьте меня своими молитвами, бросьте снисходительный профессорский взгляд на мою жалкую судьбу и подумайте: что бы это могло быть?

Кстати, я не удержалась, позвонила в Киев новой владелице лориков. Та мне с прискорбием сообщила, что наш последний лемур умер за неделю до описанных мною событий. То есть вернуться домой, подобно заблудившейся кошке, он не мог.

Остаюсь Ваша преданная ученица

Лера.

2

19 января 1988 г., Москва

Дорогая Римма!

Все собиралась тебе написать, но ужасно много работы. Наша зав. лабораторией, Калерия Петровна, я тебе о ней писала, совершенно посходила с ума. Нет, лучше работать под руководством мужчины, современные мужчины куда мягче и отзывчивей, а я к тому же умею с ними обращаться. Но в других отношениях наша Калерия не самый худший вариант. Несмотря на свой пожилой возраст и плохую прическу, она за собой следит и некоторым еще нравится. Но какой ужас дожить до тридцати с лишним лет и так ничего в жизни не увидеть! Ну ладно, хватит о работе. Ты меня спрашивала, как складываются мои отношения с Саней Добряком. Отвечаю: сложно. И по моей вине. Я недостаточно к нему внимательна и даже позволяю насмехаться, чего он не выносит. Позавчера я разрешила ему пригласить меня в кино, а там встретился некий В. (так, случайность моей бурной молодости). Он со мной поздоровался, а у меня не было причины его игнорировать. Саня взбеленился и всю дорогу до дома дулся. Какая-то достоевщина! Разве я виновата в моей внешней привлекательности? Чтобы его еще позлить, я не разрешила ему поцеловать меня на прощание. Теперь он со мной не разговаривает. Конечно, я могу вернуть наши отношения в норму одним взглядом, но не собираюсь этого делать. В принципе, он должен помнить, что существует масса претендентов на мою душу. Ты меня понимаешь?

Как твои дела? Я вчера по телику смотрела, что у вас жуткая погода, боюсь, как бы не случилось снова наводнения. Хотя это, наверное, очень интересно, когда наводнение? Мы бы с тобой гоняли на

катере по улицам и спасали женщин и детей. У вас столько моряков, что я иногда тебе завидую, хотя у меня больше склонности к ученым. В них, даже в начинающих, как Саня, есть серьезность и внутренний ум.

Прости, что кончаю писать, — пришла Калерия, не выспалась, глаза опухли, наверное, опять ночью трудилась — нелегко женщине в науке! Она уже глядит на меня косо — чего я не работаю? Сейчас, моя дорогая начальница, сейчас...

Целую, напишу скоро продолжение, твоя верная подруга

Тамара.

3

24 января 1988 г., Ленинград

Дорогая Лера!

Порой мне трудно представить себе, как Вы там руководите лабораторией, пишете докторскую, делаете открытия... Вы для меня (стойкость стереотипов родительского восприятия) всегда девчушка, впервые накрасившая глазки и этим начавшая новую, студенческую жизнь. Вы сейчас возмутитесь и скажете, что и сегодня Вы не стары, по-прежнему красивы, вернее, куда как красивее — женщины Вашего типа расцветают к тридцати годам.

Письмо меня Ваше обрадовало и позабавило. Вы очень мило описали этих лемуров, я даже залез в Брема, но тот о них знал немного. Зато у Даррелла я нашел описание подобной зверюшки. Даррелл пишет, что тонкие лори в настоящее время очень редки и напоминают ему боксеров, потерпевших вчера сокрушительное поражение на ринге. Эффект этот достигается темным ободком шерсти вокруг глаз и общим скорбным выражением физиономии.

Знаете, Лерочка, я глубоко убежден в трезвости и устойчивости Вашей психики. Так что давайте отложим галлюцинации в сторону, тем более что Вы сами в это не верите, к тому же галлюцинации не дают луж на паркете.

Разумеется, можно придумать целый ряд внешне соблазнительных гипотез этого явления, в основном оптического характера, однако меня самого более иных гипотез греет собственная давнишняя мыслишка. Она почти вымерла во мне за неимением к ней подтверждающих фактов, но вот Вы написали — что-то щелкнуло в мозгу, и пошли крутиться колесики...

Когда-то, очень давно, я натолкнулся в записках одного натуралиста, работавшего с пресмыкающимися в Африке, на описание странного феномена. Ему приходилось наблюдать странное свойство одного из видов (весьма древних) эндемичной и крайне редкой ящерицы, объяснения которому не нашлось. В случае крайней опасности ящерица исчезает, практически растворяется в воздухе и возни-

кает вновь через несколько секунд (или минут). Никто, разумеется, не обратил внимания на эту чушь, и прошла она незамеченной, а сам наблюдатель, по-моему, не настаивал на своем открытии. Да и книжку ту я давным-давно потерял при бесконечных переездах. Но тогда я задумался: что же случается с ящерицами при условии, если они в самом деле исчезают? Значит, они перемещаются. Куда? Давайте, сказал я себе, пофантазируем. Есть два пути перемещения — в пространстве и во времени. И еще неизвестно, какой из путей более антинаучен. Ящерицы, помню, исчезали из клетки или террариума, то есть преодолевали неодолимую для них преграду, причем мгновенно. Возникали же вновь внутри этой клетки. И тоже мгновенно... Нигде в окрестностях клетки они не наблюдались. И знаете, Лерочка, мне тогда больше понравилась вот такая мысль: а что, если эволюция когда-то, не подумавши толком, снабдила некоторых из беззащитных своих созданий таким механизмом спасения от опасности? Она ведь очень изобретательна, эта эволюция! Допустим, существует некоторая корреляция между уровнем нервного состояния особи — степенью опасности и физическим выражением этого эскапизма. В мгновение смертельной угрозы особь совершает мгновенный переход по оси времени, скажем, перемещается в будущее. Преследователь теряет жертву из виду, удаляется по своим делам, и тогда она благополучно возвращается на место. Невероятно? Да, я тоже так подумал. А подумавши, перешел к иным, куда более вероятным проблемам. Хотя и планировал потратить какое-то время на проверку своей сумасшедшей гипотезы. Я даже хотел поискать себе подопытных кроликов — каких-то существ, давно застывших в эволюции, — реликтов животного мира, притом не имеющих сильных челюстей... Кстати, лемур, точнее, тонкий лори — идеальный объект для таких опытов. Почему он не вымер, почему он не съеден поголовно за последние несколько миллионов лет? Бегать быстро он не умеет, огрызнуться толком не умеет, днем вообще плохо видит и полностью беззащитен... и так далее.

И вот, представьте себе, проходит много лет, и я получаю письмо от бывшей любимой ученицы, которая, оказывается, наблюдала явление, в чем-то схожее с тем, над которым я размышлял. Только на другом конце «телефонной линии». У Вас лемур, которого уже давно нет, возникает. Возникает реально. И исчезает. Соблазнительное подтверждение сумасшедшей гипотезы (за неимением иных подтверждений).

Передавайте привет Вашему уважаемому семейству. Надеюсь увидеть Вас в Питере на биофизической конференции в марте. Найдется у Вас неделя? Тогда уж не забудьте, посетите мою берлогу.

Ваш В. Кострюков.

4

12 апреля 1988 г.

Римуля, здравствуй!

Ты, наверное, меня совсем забыла. И правильно сделала. Скоро уже «яблони в цвету», а я даже в парикмахерской не была месяц, не поверишь! Тут у меня день рождения был, двадцать лет, дата! А я вспомнила об этом только днем — мать звонит в лабораторию, какие, говорит, у тебя планы на вечер, гости к тебе придут или сама умотаешь? И меня тогда как веником по голове трахнуло! Ты знаешь, что мой Саня похудел на три кило? Такая жизнь, как говорят французы.

И все из-за нашей Калерии. Она действительно сошла с ума. Есть плановая тема, есть задачи, стоящие перед нашей наукой, а мы занимались чем? Мы искали по всей стране лемуров.

Ага, ты не знаешь, что такое лемур? Лемур — это очень первобытный зверь, почти вымер, только в очень тропических странах он еще обитает. Похож на алкоголика и всегда спит, но вообще-то он лапочка. Мы раскопали даже двух, но кормить их я не буду — умру, но не буду, — они червяков жрут. Живых! К нам Калерин учитель приезжал, такой толстый профессор Кострюков из Ленинграда, он, по-моему, в Калерию тайно влюблен, даже не приходит в лабораторию без цветов. Я сказала Сане — учти, говорю, если не воспользуешься опытом, уйдешь в отставку. Он мне вчера букет роз приволок, рублей на десять, даже страшно, как он теперь до получки доживет, но я была искренне тронута его поступком, хоть и по подсказке. Я думаю, что в Сане есть ко мне настоящее чувство. А ты как думаешь? Кострюков где-то достал нам денег, на нас, по-моему, пятнадцать других институтов работают, телефон вообще оборвали, а от этих лемуров запах, я тебе скажу, не позавидуешь.

Хорошо еще, мне один поклонник (я тебе о нем не писала, потому что в моей жизни он всего-навсего «летучий голландец») в свое время подарил флакон французских духов «Клима» (знаешь, шестьдесят рублей за бутылочку!), и я себя поливаю изо всех сил. А Кострюков пришел как-то с одним химиком и говорит ему: «Это наш бездумный и прекрасный цветок по имени Тамара, она употребляет только духи фирмы «Клима». Представляешь, в таком возрасте, а по запаху духи определяет! На прошлой неделе они приволокли откуда-то дохлого лемура — Санечку посылали, бедненького моего. Праздник был, словно это живой тигр. Сбежались тридцать докторов наук, и все на него смотрели, а потом, как у нас в науке водится, изрезали его на кусочки.

Но ничего, научный прогресс — это движущая сила. И я не посторонний человек в науке. Найдем в лемуре фактор-т латинское и сделаем небольшой переворот в естествознании (и в физике, разумеется, как понимаешь). Я тебе напишу еще, когда будет время. Ты не собираешься в Москву? Я бы показала тебе Кострюкова. Он бы тебе понравился. Кстати, Саня меня к нему ревнует. Без всяких оснований.

Обнимаю, твоя верная подруга

Тамара.

5

23 января 1989 г., Москва

Дорогой Виктор Сергеевич!

Дела наши совсем плохи, дальше некуда. Боюсь, что мы проигрываем битву. Вчера Митрофанов вызвал меня к себе и осторожно намекнул на то, что нашу тему закрывают. Так что Вы мне нужны сейчас в качестве тяжелой артиллерии. Позвоните в президиум, а? Мне Иван Семенович сказал, что без Вашего личного разговора с Дитятиным вряд ли что удастся сделать.

Новостей мало. Я Вам писала о них на прошлой неделе. Тринадцатая серия с белыми мышами дала отличный нулевой результат, хотя Мямлик (помните, это тот крупный серый лорик, которого мы получили из Праги) дал три исчезновения подряд. Ваш друг Саня Добряк остался позавчера на ночь в лаборатории, чтобы не упустить Мямлика, если тому захочется возвратиться обратно. Но, по-моему, заснул, в чем не желает признаться.

Ваша прекрасная Тамарочка принесла ему термос с кофе, который по рассеянности посолила. Даже любовь Сани к Тамарочке не смогла заставить нашего героя испить этой живительной влаги. Ну ладно, я отвлеклась, Виктор Сергеевич, помогите!

Ваша *Лера.*

6

6 июля 1989 г., Москва

Глубокоуважаемая Тамара!

Как там у тебя в Сухуми, загорела ли ты? Завидую тебе страшно. Розовая мечта — лечь с тобой рядом на пляже, слушать шум волн и смотреть в голубое небо. К сожалению, у меня отлично развито воображение, и я представляю себе, как ты уходишь вечером на эстрадный концерт с каким-нибудь мускулистым брюнетом. Ну ничего, я тоже не один остался в Москве на жаркий сезон. Мы с Калерией сидим в опустевшем институте и продолжаем трудиться за всех.

Ты спрашиваешь, как у нас дела? Особенно ничего. Фактор-т пока не срабатывает. Хотя, как говорит Калерия, есть обнадеживающие данные с ящерицами-гекконами. Может быть... может быть...

Но главное не в этом. Главное в том, что вчера я собственными глазами видел появление Мямлика. Калерия мне не поверила, а камеры я от удивления забыл включить. Знаешь, когда долго ждешь чего-то, уже сам в это не веришь. Значит, сидел я в лаборатории — Калерия куда-то умчалась — и думал, почистить ли мне клетку с лемурами или отрегулировать центрифугу — я же парень — золотые руки, не то что твой жгучий брюнет, который только и может, что доставать билеты на эстрадные концерты.

Смотрю на клетку и вижу: лемуров не два, а три. Я даже вслух их пересчитал. Три. Шустрик на месте, Мямлик на месте, а кто еще? Еще один Мямлик! Клянусь тебе всем святым, клянусь моей к тебе любовью (в которую ты не поверишь, потому что не способна на высокие чувства), что в клетке было два Мямлика.

Это продолжалось больше минуты. Оба смотрели на меня обалделыми глазами и ждали, когда я подкину им внеплановых червячков. А потом Мямлик номер два исчез. А Калерия закатила мне истерику, что я не зафиксировал феномен.

Сегодня мы с ней почти не разговариваем. Я не терплю в ней этих наполеоновских замашек. Ну ладно, я ее скоро прощу. Я великодушный. Ей тоже нелегко — мыши в будущее не хотят, лемуры не фиксируются, директор интригует, и я не очень дисциплинированный.

Тома, не забудь выслать мне свою пляжную фотографию в полный рост, я повешу ее у вытяжного шкафа на место портрета Брижит Бардо. Брюнету скажи, что его ждет за настойчивость от твоего верного друга А. Добряка. Что-то мне без тебя скучновато.

Саша.

7

21 ноября 1989 г., Москва

Дорогой Виктор Сергеевич!

Спасибо за поздравления. Понимаю, что они носят, скорее всего, поощрительный характер. Но все равно приятно было их получить. Что касается меня (и, по-моему, не только меня, но и тех, кто со мной работает), то основным чувством была пустота. Словно бежали за поездом. Прибежали, сели в вагон... а дальше что? Конечно. Вы улыбнетесь сейчас и скажете: «Дальше что? Дальше работать». Знаю я, что Вы скажете. К тому же из двух наших последних достижений первое — в общем, не наша заслуга, а Прозорова. Состав фактора-т определил он. Мы были только на подхвате. А вот что касается путешествия в будущее безымянной белой мыши, которой, как Вы уверяете, кто-то когда-то поставит памятник, то Прозоров здесь почти ни при чем. И все было так, как Вы себе представили. Дело оказалось в точной дозировке и психологических стимуляторах (Ваша догадка). Мы ввели новую модификацию фактора-т всем двенадцати мышам,

мы привлекли к работе нашего Ваську, которому уже давно надоело пугать этих ничтожных грызунов своим хищным видом, хотя делает он это неподражаемо... и, в общем, одна из двенадцати мышек исчезла. Спаслась от кота в будущее. Вот и все, можно ставить шампанское на стол, но не стоит продолжать — продолжение ведет к разочарованию. С тех пор мы повторили опыт уже шесть раз, условия соблюдались точно — а мыши не исчезали. Так нам и надо. Нельзя было шумно радоваться и считать себя Ньютонами. А то недолго получить яблоком по макушке. Кстати, у нас малая беда — Васька погнался за беззащитным Мямликом и успел его догнать. Помял Мямлика, а Мямлик в отчаянии искусал Ваську (но не исчез). Васька сидит с распухшей мордой и не работает, прекрасная Тамара жалеет Ваську, беспутный Саня жалеет Мямлика — и это привело к глубокой ссоре в лаборатории. Что ж, будем работать дальше. Приезжайте, мы без Вас соскучились.

Лера.

8

27 декабря 1989 г., Москва

Дорогая Римма!

У нас столько дел, столько дел, что просто оптимистическая трагедия! Я думала, что я всего этого не переживу, но удивительно — пережила. Мой Саня был на грани физического исчезновения. Это какой-то ужас, а не человек. Знаешь, я читала в одном стихотворении, что некоторые врачи прививали себе чуму с трагическим исходом. Вот такой тип, оказывается, меня окружает.

Мне все объяснить тебе трудно, потому что ты, прости меня, в науке профанка. Но ты, наверное, помнишь, что мы выделяли фактор-т. Если этот фактор правильно употреблять, то можно отправляться в будущее. Правда, не наверняка. Лемуры это умеют делать сами, у них фактор-т в крови от рождения остался, а вот других существ приходится прививать фактором, а потом еще пугать как следует. Для мышей у нас был кот Вася, но теперь сбежал, потому что ему скучно стало мышей пугать, но не есть. Потом у нас обезьяны появились, мартышки. С ними тоже не наверняка выходило. В общем, как говорит наша Калерия, наука — это не место для слабонервных. И она смертельно права.

А третьего дня у нас произошло интересное событие. В общем, наш Санечка устроил горячий спор с Калерией по поводу перспектив. Ему, понимаешь, в науке и в любви все хочется сразу. Он стал уговаривать Калерию, что пора переходить к опытам с людьми, с добровольцами. Калерия сначала смеялась, потому что впереди еще годы и годы упорного труда, прежде чем можно к такому делу подступиться. Я тоже стала смеяться над Саней, и, наверно, этого не надо

было делать. Он же такой самолюбивый. А потом мы все ушли домой, а он еще оставался в лаборатории и, оказывается, высчитывал дозу и, главное, искал себе эмоциональный фон (ты этого не понимаешь, а когда не понимаешь, пожалуйста, пропускай некоторые слова, мне некогда здесь тебе все объяснять). В общем, он умудрился истратить весь запас фактора-т-12. Двенадцать — это модификация фактора, не спрашивай, сама не все еще понимаю.

И вчера, часов в одиннадцать, когда в лаборатории было довольно много народа, Саня снова затеял спор с Калерией. Начал говорить, что науку нельзя двигать вперед на одной только осторожности. А Калерия ему отвечает: «А если ты попадешь в будущее на сто лет вперед, а этого дома уже нет — ты и разобьешься?» А Саня ей говорит: «Ничего подобного, потому что природа мудрая, и она отправляет лемуров недалеко вперед и даже в хорошие условия, когда хищников вокруг нет». Но тут кто-то из лаборанток сказал, что Саню ничем не испугаешь. Как его в будущее отправлять, если его ничем не запугаешь? Саня на это улыбнулся, как Джоконда, и говорит мне: «Возьми у Васи для меня коробочку». Я его пожалела. Пошла к нашему слесарю, дяде Васе, спрашиваю, есть ли коробочка для Сани? А он смеется и передает мне коробочку и еще говорит: неси ее осторожно, мне за нее Саня пять рублей заплатил. И не подумай открывать. А я и не думала. Прибежала обратно и говорю Сане: «Вот твоя коробочка». А Саня тогда говорит нам: «Внимание». Потом достает из своей спортивной сумки мотоциклетную каску. Представляешь, он все уже рассчитал, а мы и не подозревали. Достает и говорит: «Тамара, дорогая! (Вообще-то я этого обращения не терплю, но был какой-то торжественный момент, даже не передать словами.) Открой коробочку, которую тебе передал дядя Вася».

И я, как сомнамбула (это такое насекомое), подошла к нему поближе и почувствовала дрожание в его теле.

«Открывай!» — закричал Саня. Я открыла, и из коробочки выскочили сразу три больших черных таракана. Я страшно возмутилась. Такую гадкую шутку совершить надо мной непростительно. Я бросила коробку на пол и сказала: «Я тебе этого никогда не прощу». Но никакого ответа! Сани в комнате нет! Все кричат: «Ах! Что случилось?» А Калерия говорит, довольно тихо: «Никогда не думала, что мужчина может так бояться тараканов, чтобы сбежать от них в будущее». Я ей отвечаю: «Не говорите так про Саню! Он это сделал ради науки». А Калерия отвечает: «Я и не хотела сказать плохо о Сане. Если он так боится тараканов, значит, он вдвойне мужественный человек, что пошел ради эксперимента на такую адскую муку. Он теперь мученик науки». Так и сказала: Саня — мученик науки.

И тут мы очистили место посреди лаборатории и стали ждать, когда Саня вернется. Я тихонько плакала, потому что боялась, что с ним что-нибудь случится, а потому он не вернется. Одна белая мышь

у нас ушла в будущее и не вернулась. Но я не успела как следует наплакаться, а он уже вернулся. Но в странном виде. Он вернулся мрачный и даже не улыбался, когда его стали поздравлять. Калерия сказала, что выговор он себе обеспечил. Но я возмутилась, бросилась к Сане, стала его утешать, говорить, что он мученик науки. Но Саня не стал со мной даже разговаривать, только поглядел на меня печально, и я тут увидела — о ужас! — ты представляешь, у него на щеке страшная ссадина! «Ты ударился?» — испугалась я. «Нет, — отвечает Саня, поворачивается к Калерии и говорит: — Я готов понести заслуженное наказание». Калерия позвонила Прозорову, еще другие приехали, и теперь наш Саня сидит, обмотанный проводами, весь в датчиках, как космическая собака Лайка, его измеряют и исследуют. Все обошлось, только он не хочет рассказывать, что он там, в будущем, видел. И, самое ужасное, совершенно не хочет со мной разговаривать. Как будто он южноафриканский расист, а я угнетенная негритянка. Конечно, если бы он не был таким героем, я бы никогда не стала из-за этого расстраиваться. У Сани совершенно страшная ссадина, и я трепещу, что он схватит заражение крови. Жди дальнейших писем. С наступающим Новым годом!

Твоя убитая обстоятельствами подруга

Тамара.

9

16 июля 1990 г., Москва

Дорогой мой Виктор Сергеевич!

Я бы не стала писать Вам — никаких экстраординарных событий в нашей науке не произошло. Мы гоняем мартышек и мышей в будущее, но никак не можем (а когда сможем?) регулировать продолжительность путешествия, да и сам факт его. То ли будет, то ли нет. Журналистов держим на почтительном расстоянии... и надеемся.

Но у меня есть одна любопытная для Вас новость. Может быть, улыбнетесь.

Помните, полгода назад Саня Добряк совершил полезный для науки, но авантюристический поступок, который стоил мне массы нервов и объяснительных записок.

В путешествии Добряка было две тайны. Первая — сильная ссадина на щеке, о которой Добряк никому не сказал ни слова. Если он ударился о шкаф, причин скрывать это не было. Вторая тайна заключалась в резком изменении его отношения к Тамаре. Он буквально перестал ее замечать, даже отворачивался, когда она робко приближалась к нему, протягивая кошачьи лапки. И это не было трезвым расчетом соблазнителя — Саня на расчеты не способен. Что касается Тамары, то она тут же смертельно влюбилась в Саню, и чем холоднее он казался, тем горячей билось ее сердце.

Все эти тайны разрешились вчера.

Мы поздно засиделись в лаборатории. Шел дождь, было сумрачно, грустно, темнело. Я что-то считала на калькуляторе, Саня кормил наших зверей, прежде чем откатить клетку в виварий. Он никому не доверяет лемуров. Вошла Тамара. Она бросила на меня мимолетный взгляд, но, по-моему, меня не заметила. Подошла к Сане твердой походкой человека, решившегося лететь в космос. «Саня, — сказала она, — мне нужно сказать тебе несколько слов». «Я вас слушаю», — сказал Саня, глядя в клетку. «Саня, между нами возникла какая-то трагедия, — сказала Тамара. — Я прошу объяснения». «Не получите, — сказал Саня. — Нам не о чем говорить». «Ты меня больше не любишь?» — спросила Тамара. «Я хотел бы любить, — ответил Саня, — но не терплю соперников». «У тебя нет соперников», — сказала Тамара и вдруг зарыдала. Девочка так долго готовилась к решающему разговору, что, видно, нервы у нее были на пределе. «Не верю», — сказал неприступный Саня. «Но кто он?» — спросила Тамара. «Не знаю, — сказал Саня, — но я его видел». «Когда? — рыдала Тамара. — Если ты имеешь в виду того грузина в Сухуми, то это даже нельзя назвать чувством, а если это Иерихонский из управления кадров, то тебе просто насплетничали». «Нет, — сказал Саня. — Это был кто-то другой. Я видел, как вы обнимались с ним, когда путешествовал в будущее». «Ах! — воскликнула Тамара. — Значит, этого еще не было?» «Не важно», — сказал Саня. «Но я клянусь тебе, что люблю только тебя! — сказала Тамара. — Я никому никогда не говорила таких немыслимых слов!» «Какие у тебя доказательства?» — спросил холодный Саня. Мне даже стало жалко девочку. Она, наверное, в самом деле никому не признавалась в любви — просто не успевала, за нее это слишком быстро делали поклонники. «У меня есть доказательства! — воскликнула наша красавица. — Я согласна завтра же пойти с тобой в загс. Ты хочешь на мне жениться, ну скажи, хочешь? Или посмеешь отказаться?» Последние слова Тамары прозвучали как трагический монолог, рассчитанный на то, чтобы его услышали на галерке. Я даже обернулась к ним, чтобы попросить снизить тон и не привлекать внимания случайных прохожих на улице. Но ничего не сказала, потому что вместо двух силуэтов увидела один — Тамара бросилась в объятия Сани, и тот не устоял перед такой фронтальной атакой.

И в тот же момент от двери раздался страшный вопль: «Не смей! Я ее люблю!» И еще один Саня Добряк бросился с кулаками на своего двойника.

И все встало на свои места. Надо же было Сане во время его путешествия в будущее наткнуться на самого себя, целующего Тамару, притом в полутемной лаборатории. Понятное дело — Тамару он узнал, он привык смотреть на нее со стороны. Себя он не узнал, потому что не привык смотреть на себя со стороны.

Видно, все это понял и Саня. Тот Саня, что целовался с Тамарой.

Он отстранил свою возлюбленную и выставил вперед руку. Саня — путешественник во времени врезался скулой в кулак Сани — счастливого возлюбленного, схватился за щеку и исчез.

Саня ходит гоголем, улыбка не слезает с его физиономии, и всем, кто прослышал из уст Тамарочки о драке Сани с Саней, он говорит: «Ты бы видел, с каким наслаждением я врезал в глаз этому пошлому ревнивцу!»

Как бы Митрофанов не вызвал Саню к себе прочесть ему нотацию о недопустимости рукоприкладства в нашем передовом научном учреждении.

Вот и все.

Мы без Вас скучаем.

Хотите слетать в будущее?

Ваша *Лера*.

КОМУ ЭТО НУЖНО?

— И кому это нужно? — спросил вежливо Николай, держа в широких ладонях зажженную спичку, чтобы я могла прикурить.

С Волги тянуло свежестью, из-за леса выполз, в ожерельях огней, пароход. С него доносилась музыка, одинокая пара танцоров нежно покачивалась под тентом на корме.

— В первую очередь науке, — ответила я. Ответ был глуп, но лучшего я не придумала. Ничего не нужно просто науке. Наука — это один из способов нашего общения с миром, наравне с поэзией. Следовательно... Но эту мысль я развивать не стала. Николаю приятен был сам факт беседы со мной, ученой женщиной из Москвы. Из клуба шли соседи, только что кончилось кино. Проходя мимо нашей лавочки, они присматривались, некоторые здоровались с нами. Вот это было Николаю приятно.

— Науке, разумеется, нужно, — сказал Николай.

«Любопытно», — подумала я. Когда-то я прожила в этой деревне три года, ходила здесь в школу и была немного влюблена в Николая, он был старше меня лет на десять, уже вернулся из армии и работал шофером. Прошло двадцать лет, и я стала совсем взрослой, вернулась на неделю к себе в деревню, потому что некуда больше было сбежать из Москвы, и оказалось, что Николай куда моложе меня. И не только потому, что он почти не изменился, даже не женился. Главное — он с первых минут, как я вошла в дом к бабе Глаше, признал мое старшинство. А я приняла это признание как должное.

— И все-таки, — сказал Николай, стараясь говорить научно, — должны быть практические применения. Иначе вам денег платить не будут.

— Было практическое применение, — сказала я. — Будут и другие.

— Расскажи.

Я рассказала Николаю, кратко, не в силах передать неловкого ощущения провалившегося фокуса, о той сессии в Пушкинском музее. Зал был неполон, но это ничего не значило, потому что сливки пушкинского мира были налицо. Саня Добряк, мой ассистент, торжественно налаживал аппаратуру, а мне все казалось, что я одета неподходяще для такого торжественного случая. По физиономии Добряка я понимала, что волнуюсь, — он очень чуток к моим настроениям. Мне остро не хватало черного фрака с розой в петлице. Зрители глядели на меня доброжелательно, но с некоторой скукой во взорах. Если я по ходу речи вперяла в кого-нибудь из них свой взор, моя жертва покорно начинала кивать головой, демонстративно соглашаясь с каждым моим словом. Я постаралась обойтись без формул и технических подробностей, я просто объяснила, что почерк человека так же индивидуален, как отпечатки пальцев, что в работе графологов, хоть их и принято обвинять в шарлатанстве (не без оснований), есть зерно истины — почерк связан с характером человека, душевным состоянием, воспитанием и так далее. Я рассказала о том, как мы получили заказ от криминалистов — заказ на первый взгляд фантастический, но не настолько уж фантастический в самом деле. Смысл его заключался в том, что, если почерк и в самом деле совершенно индивидуален, нельзя ли отыскать соответствия между ним и, скажем, внешностью человека. Я призналась уважаемой аудитории, что на настоящем этапе этой цели нам добиться не удалось, хотя мы не теряем надежды. При этих словах я нечаянно кинула взгляд на Добряка и обнаружила, что мой молодой друг изобразил на лице полную уверенность в успехе наших трудов и старается, гипнотизируя зал, убедить в этом аудиторию.

Покончив с общей частью, я поведала пушкинистам суть наших достижений: нам удалось, худо-бедно, нащупать связь между почерком и голосом человека. Мы понимаем, что до окончательной победы еще далеко, но так как литературоведы, познав о нашей работе, обратились к нам с просьбой продемонстрировать ее, то вот мы явились к уважаемым специалистам, чтобы они проверили, убедились и так далее.

Когда я закончила, пушкинисты зашевелились, закашляли, а я, поддавшись тщеславию, предложила желающим выбрать любой из текстов, написанных рукой великого поэта, для демонстрации. Фотокопии текстов лежали на столе, мы старательно выбирали черновики без правки.

После минутной заминки из первого ряда поднялся старик вальяжной внешности, наклонился над столом, вытащил из кипы один из текстов, и я поняла, что он робеет, как студент, достающий на экзамене билет. Старик пошевелил губами, читая текст, затем кивнул и сказал вслух:

— Подойдет.

Саня ловко соскочил со сцены, принял текст и передал мне. Он предоставлял мне честь самой нажать кнопку.

Я вложила листок в сканирующую рамку, настроила динамик, нажала нужные кнопки — сейчас у меня из рукава вылетит голубь.

Аппарат наш, далекий от совершенства, поднатужился и чуть хриплым, быстрым, высоким голосом, как-то равнодушно и неодушевленно, принялся читать стихи. Пушкинисты слушали внимательно, склонив головы в разные стороны, и, по-моему, всем своим видом старались убедить меня, что им уже приходилось слушать голос Пушкина, хотя могу поклясться, что среди них не было ни одного человека старше ста пятидесяти лет.

Закончив строфу, великий поэт вздохнул и замолк.

Пушкинисты переглянулись, размышляя, аплодировать или нет. Я понимала сложность их положения. Если им показали научный эксперимент, то хлопать не положено. Если же это был просто фокус, можно и ударить в ладоши.

В результате кто-то из них неуверенно хлопнул, затем другой, третий — и с облегчением зал наградил нас с Сашей жидкими аплодисментами.

Затем нас тепло поблагодарили, сообщили, что наше достижение открывает перспективы, и пожелали дальнейших успехов. Выполнив свой долг, пушкинисты разошлись по домам трактовать неопубликованные строки великого поэта. А мы с Саней собрали аппаратуру и поехали обратно в лабораторию.

По дороге я произнесла небольшой монолог, призванный утешить Саню, а может, и меня саму. Я сказала, что специалисты, перед которыми мы сейчас выступали, привыкли считать себя монополистами в любой области знания, причастной к Пушкину. То, чего они не могут, они отвергают как ненужное. Голос Пушкина им не нужен. Они не могут извлечь из него пользу для пушкинистики...

Я была несправедлива к специалистам, но не могла справиться с обидой. Лучше бы они обошлись без аплодисментов, а задавали вопросы.

Вот все это я и рассказала Николаю.

— Ничего, Лера, — утешил он меня. — Скоро и лица научишься по руке угадывать. Тогда милиция тебе спасибо скажет. Только не ошибись, а то невинного привлечете.

— Спасибо, — сказала я. — Комаров сегодня много. Пошли домой.

Баба Глаша ждала нас пить чай. Мы больше не говорили о науке. Баба Глаша словоохотлива и не терпит конкуренции.

Через час Николай ушел к себе, а я легла спать за занавеску, привычно глядя на стенку, густо увешанную репродукциями из журналов и многочисленными семейными фотографиями, бурыми от ста-

рости, с лицами в основном неразборчивыми и одинаковыми — вот умрет баба Глаша, и никто уже не будет знать, кто эти люди, строго глядящие вперед. И они умрут как бы еще раз в людской памяти.

Правда, кое-кого из них я знала. Вот моя мама, двоюродная сестра бабы Глаши, она сидит на коленях у моей бабушки. Такая же фотография есть у меня в альбоме. А вот Антон — Глашин муж, он погиб на фронте. Он в разных видах: молодой, курчавый, голова к голове с бабой Глашей — это их свадебная фотография. Вот он, облысевший и худой, в военной форме начала войны. Последний снимок...

— Я свет тушу, — сказала баба Глаша. — Ты не возражаешь?

— Тушите, — сказала я. — Спокойной ночи.

Баба Глаша долго ворочалась, вздыхала.

— Не спится? — спросила я.

— Не спится, — призналась баба Глаша. — Мне много сна не надо. Если б не ты, я бы пошила немного.

— Мне свет не мешает, вы же знаете.

— Порядок нужен. Я вот сколько лет одна живу, а все не привыкну. При Антоне у нас порядок был. Ложились по часам, вставали тоже. Я по молодости ворчала, а теперь понимаю: прав он был.

— Приезжайте к нам в Москву, мы всегда рады будем. А то все обещаете, а никак не соберетесь.

— Как-нибудь соберусь. Сколько лет с места не трогалась. Чувство у меня есть, ты знаешь.

Я знала. Все у нас в семье знали, и в деревне все знали. Антон пропал без вести. Похоронки на него баба Глаша так и не получила. Вот и казалось ей, рассудку вопреки, что он, может, еще вернется. Она никуда из деревни не уезжала, даже дом никогда не запирала. И не уходила из дому, не оставив еды в печи и свежей заварки в чайнике — Антон был большим ценителем чая. И не поедет баба Глаша в Москву — никогда, до конца дней, не покинет своего поста... Потом я заснула.

Утром проснулась и первое, что увидела, открыв глаза, веселый взгляд курчавого Антона на свадебной фотографии. И его же, другой, усталый взгляд на фотографии военной. И подумала, что погиб он, когда был мне ровесником. И с тех пор прошло куда больше лет, чем он прожил.

Баба Глаша готовила, услышала, что я встаю, сразу начала собирать на стол. Я прошла в сени умыться. И оттуда, приоткрыв дверь, спросила:

— Баба Глаша, у тебя письма Антона сохранились?

— Какие письма?

— Ну, писал он тебе с фронта, например?

— Два письма были. И все, как отрезало.

— Достань.

— Зачем тебе?

— Нужно.

Мы сделали голос Антона. Голос оказался низким, строгим и очень усталым. Потом Саня Добряк записал его на пластинку — у бабы Глаши есть проигрыватель.

Через месяц я получила письмо от Николая. Я вынула его из ящика, спеша на работу, и прочла уже в лаборатории.

«Дорогая Калерия!

Кланяется тебе известный Николай Семенов. Все собирался тебе раньше написать, да дел много, и писать было нечего. У нас все по-прежнему, только вот твоя пластинка произвела сильное впечатление. Глафира вторую неделю не просыхает, слезы льет, говорит, что ты ей жизнь вернула. Боюсь, заиграет она пластинку — готовь новую. Она теперь как алкоголик, может, и зря ты ей такой подарок сделала...»

Дочитать я не успела. Пришел вальяжный старик, в котором я узнала пушкиниста, выбравшего для прослушивания текст поэта. У пушкиниста была светлая идея, которая привела Добряка в восторг. Он принес с собой совершенно перечеркнутый черновик Пушкина, в котором вот уже сто лет специалисты стараются угадать две строчки. Пушкинист решил попробовать зачеркнутые строчки на нашей машине — а вдруг произнесет их вслух великий поэт, и мы догадаемся.

Я не очень верила в успех, но спорить не стала. Саня Добряк принялся готовить аппаратуру, а я дочитала письмо.

«...Просила она тебе привет передать, обещает в Москву приехать, только, наверно, обманет. И вот ее точные слова: «Как по телефону, ну точно как по телефону». Это она про голос Антона. Помнишь, я тебе вопрос задавал — кому это нужно? Теперь получил я наглядный пример и беру свои слова обратно. Даже сам к тебе имею просьбу: сделай пластинку для меня. Маленькую. Записку к пластинке прилагаю. Записка эта пролежала у меня двадцать лет.

Остаюсь с уважением, Николай».

Я развернула пожелтевшую записку, испещренную круглыми еще, детскими буквами. «Коля, — было написано там, — тебе кажется, что я еще слишком молодая, чтобы ты обращал на меня внимание. Это не так...»

— Калерия Петровна, — сказал пушкинист. — Вы только послушайте!

Только тогда я догадалась, что аппарат работает и знакомый мне голос Пушкина то взметывается почти фальцетом, то пропадает, зачеркнутый в черновике.

— Только послушайте!

— Еще раз? — спросил Добряк.

— Разумеется. Хотя нет никакого сомнения, что вторая строка

начинается со слов «тихий гений». И спорить бессмысленно. Он же лично подтверждает!

А когда осчастливленный пушкинист ушел, я обратилась к гордому победой Добряку:

— Прокрути эту записку.

— Тоже Пушкин? — не глядя на записку, спросил Добряк.

— Нет, — сказала я.

Все еще переживая победу над спесивой пушкинистикой, Саня включил машину.

«Коля, — раздался детский голос, дрожащий от слез. — Тебе кажется, что я еще слишком молодая, чтобы ты обращал на меня внимание. Это не так...»

— Что еще такое! — воскликнул Добряк. — Что за детский сад? Что за любовный бред?

— Ладно, — засмеялась я. — Давай записку обратно. Но в будущем не советую оскорблять любимую начальницу. Учти, что она не всегда была взрослой.

— Чтобы вы? Так? Унижались перед мужчиной?

Добряк был в гневе.

— Мне было пятнадцать лет, — сказала я виновато. — А он был настоящим шофером.

ПОКУШЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

Сначала это были подозрения, которые можно списать на случайность.

Но случайности накапливались, и Калерии стало казаться, что она сходит с ума. Если же она осталась нормальной, то сходит с ума окружающий мир.

Себя обвинять было легче. Последние недели могли свести с ума любого. Утром ты должна успеть приготовить еду на даче и постирать холодной водой. Затем — на электричке, набитой, душной, в Москву, всех ненавидя, но понимая чувства соседних сельдей в той же банке. Затем лаборатория, беготня по инстанциям, так как содержание Детского садика требовало и средств, и времени, и усилий. Затем своя работа, ведь никто ее не отменял. Наконец, вечером, хоть два-три часа надо побыть в садике. И это был самый трудоемкий отдых, который выдавался женщине средних лет. А затем снова в электричку — и на дачу, чтобы покормить собой комаров, а родственников котлетами.

И вот на эту бешеную, но банальную жизнь навалилось проклятие ненормальности — странных совпадений, пропажи вещей, неожиданных голосов и теней в саду, несчастных случаев, которые поражали добрых хороших людей, да и тех, от кого столько зависело, проклятие неожиданных жестоких и несправедливых болезней, даже

смертей, и, наконец, исчезновения людей, которым никак нельзя было исчезать.

И Лере казалось порой, что она стала центром притяжения всех несчастий, всех бед, и сопротивлялась она потоку несчастий только потому, что была убеждена в обязательности и необходимости Детского садика.

В последнюю ночь перед заседанием президиума Калерия проснулась часов в пять. Оттого, что кто-то хотел войти в комнату и отворил дверь. Дверь скрипнула, и человек замер на пороге.

Калерия проснулась, но молчала. Она уже догадалась, что в комнате есть кто-то чужой и страшный.

Она лежала, затаившись, словно ее могли не заметить, проглядеть и уйти.

А надо было толкать Олега, надо было кричать, звать на помощь — Мишка услышит, — соседи близко, у них охотничье ружье. Да не в пустыне мы, в конце концов!

А она лежала, скованная ужасом. Страхом более не за себя, а за родных. Ведь этот, кто пришел, он — продолжение кошмаров и бед прошедшей недели. Он наверняка вооружен, он может выстрелить или наброситься с ножом.

Тот, у двери, дышал тихо и часто. А ей казалось, что она слышит биение его пульса.

И по тишине громко хлестали ночные предрассветные звуки.

Вот капли ровно бьют по полной водой бочке. Они срываются с крыши и играют, словно ноготки по барабану. А вот пробежала по крыше кошка, неожиданный порыв ветра зашуршал листвой, и на землю посыпались остатки ночного дождя. На втором этаже закашляла во сне бабушка.

Тот, кто в дверях, начал возить рукой справа от косяка. Там, где была вешалка.

Если бы он хотел зажечь свет, то искал бы слева.

А справа вешалка.

Может, это просто вор? Он сейчас возьмет с вешалки ее плащ и уйдет?

Стало жалко плащ. Плащ был новый, только летом привезла его из Англии.

Ну и бог с ним, с плащом, купим другой плащ, только бы пришелец не хотел чего-то иного, хуже...

И тут проснулся Олег — вернее, еще не проснувшись, вскочил и хрипло крикнул:

— Кто там?

И почему-то, сбросив на пол ноги, принялся возить пятками, искать шлепанцы, словно воров нельзя ловить босиком.

— Олег, постой! — пыталась остановить мужа Калерия.

И сквозь собственный крик и шум, поднятый Олегом, она слы-

шала, как вор пробежал террасой и затрещали кусты, сопротивляясь его бегу.

— Здесь кто-то был? — спросил Олег, окончательно просыпаясь.

— Может быть. Я спала.

Ей не хотелось, чтобы Олег выходил наружу. Но он, конечно же, пошел, и Калерия пошла следом, накинув на ночную рубашку старый плащ.

В саду было сумрачно, полутемно, холодно, холод был не летний, а пещерный, осенний. Сентябрь рано сдал свои позиции, и листья не успели пожелтеть, а побурели и скукожились.

Еле-еле моросил дождик. На веранде были смутно видны мокрые следы сапог. И куски грязи, принесенной из сада. Калерия подошла к перилам, там, на траве и на клумбах, тоже были следы.

— Покупаю гранатомет, — сказал Олег. — Что ему нужно было?

— Мой светлый плащ, — ответила Калерия.

— Ты откуда знаешь?

— Он на вешалке висел, а теперь его нет.

— Откуда вор мог знать, что там плащ висит?

— Олежка, спроси что-нибудь полегче. Наверное, он бывал у нас. Мало ли кто приходит на дачу.

— Кто-то из знакомых?

— Иди досыпать, мой рыцарь, — сказала Калерия.

Она первой пошла в дом.

Они легли, Олег пробурчал что-то о собаке и сразу заснул. Он, видно, не успел испугаться, а в Калерии засел страх. Страх не давал возвратиться сну, страх заставлял видеть, как в саду, все ближе подбираясь к дому, скользят безликие фигуры бандитов. И что пользы, если Олег запер дверь на засов, — они же могут войти в окно. И что на самом деле было нужно тому человеку?

За окном дождик перестал, небо приняло голубой, нежный рассветный оттенок. Запела осенняя птица.

Калерия закрыла глаза и тут же почувствовала неладное.

Она поняла, что в комнате стало темнее.

Кто-то заслонил свет из окна.

Калерия вгляделась — с улицы в окно заглядывала женщина. Она приложила ко лбу ладонь, вглядывалась внутрь темной комнаты.

Лица женщины не разобрать — против света.

Калерии не захотелось, чтобы ее видели, она отвернулась от окна, и Олег, почувствовав ее страх и движение, спросил, не просыпаясь:

— Опять, да?

— За окном, — прошептала Калерия, словно боялась спугнуть женщину.

Олег сразу сел на постели.

— Нет, — сказал он, — ты ошиблась.

— Это хорошо, что я ошиблась, — сказала Калерия, но она была уверена, что не ошиблась.

Встали они в восемь. Олег убежал на станцию раньше, а Лера еще успела погладить свой костюм. Предстоял торжественный день. Она к нему стремилась так долго, что уже не хотелось праздника, хотелось, чтобы день скорее миновал. Но закончился благополучно. Не более.

Что-то неприятное торчало в душе. Калерия поняла — это ночные визитеры. Дача стояла недалеко от станции, и порой сюда забредали бомжи. Но шесть утра — не время для алкоголиков.

Дорога до станции сначала вела через поселок, по улице. Здесь было немного постоянных жильцов, поэтому утром мало кто спешил на электричку.

Калерия с отвращением надела старый плащ, в нем ходили по грибы. А хороший, новый, ночью украли. Она натянула бабушкины боты — у станции надо преодолевать строительные раскопки. Она повязала голову платком, и Мишка, который только-только спустился вниз, чтобы позавтракать, спросил:

— На рыбалку, дедушка, собрался?

Лера не оценила шутку сына. Она опаздывала.

На улице было совсем светло, под ногами скользко — почва в поселке глинистая. Редкие облака застилали небо прозрачной голубоватой мглой. Было зябко.

На углу Лера догнала Маргариту. Маргарита была злой женщиной, она продавала бабушке козье молоко.

— В Москву? — спросила Маргарита.

Она была одета так же, как Лера — как в униформе, — плащ системы «рыбалка», сапоги, платок серого вдовьего цвета.

Не дождавшись ответа от дачницы, Маргарита сказала:

— А я в Пушкино. К нотариусу. Завещание буду составлять.

Это было сказано с вызовом. Очевидно, не каждому положено писать завещание. Но кому она будет завещать козу? Давно исчезнувшему мужу или сыну, который никак не соберется ее навестить?

Они повернули за угол последнего дома. Теперь надо было пересечь лесок, до станционной площадки. Лесок был забросан консервными банками и бутылками иностранного происхождения, которые некуда сдать. Вечером лесок пользовался дурной славой, и Олег выходил встречать Калерию. Но утром он был тих и безопасен.

Прислонившись к забору, стоял человек с пустым, неподвижным лицом. Потом уже Лера разглядела его черное кожаное пальто, кепку и сапоги, измазанные желтой глиной.

— Доброе утро, — произнесла Маргарита с вызовом.

Теперь весь мир будет знать, кто из двоих воспитанная женщина.

— Чего это он? — спросила Маргарита, когда они отошли на несколько шагов.

— Я его не знаю, — сказала Калерия.

Но это была неправда. Калерия его знала — ночью он был в ее комнате. Он взял плащ. Это вор! А почему он не боится, не бежит от нее?

Еще через десять шагов Лера обернулась.

Вор стоял неподвижно, но, встретившись взглядом с Лерой, поднял руку, как провожающий на платформе.

Лера прибавила шагу.

Сзади послышался шум — она кинула туда взгляд и увидела, что мужчина ринулся в сторону, в кусты, проламываясь сквозь них, побежал, словно его что-то испугало.

— Псих какой-то, — сказала Маргарита. — Такой топором зарубит, не моргнет.

Они шли быстрее. Обеим было неладно в этом скудном перелеске.

Впереди застучал, загремел, пронесся множеством вагонов товарный поезд. Даже не поговоришь, так оглушительно он гремит.

Они почти бежали, хотя бежать не было нужды — до прихода электрички оставалось минут двадцать.

Впереди была траншея. Земля была выброшена из нее бруствером, и Лера побежала по брустверу, тогда как Маргарита шла по той стороне траншеи и что-то кричала Лере, хотя не было слышно.

И тут Лера увидела, что из-за кустов выходит тот самый человек. И держит в руке что-то черное, массивное, блестящее. Он спешил вперед, будто хотел перехватить женщин, обогнать их. Он смотрел под ноги.

Лера попыталась остановиться, но ноги заскользили по глине, и она мгновенно — не успела опомниться — съехала ногами вперед в неглубокую траншею, оставленную водопроводчиками.

Она бухнулась в лужу, в холодную, как тысяча айсбергов, воду, но не почувствовала этого и не почувствовала боли.

Она сидела по пояс в воде.

Она старалась унять сердце. Поезд еще громыхал где-то над головой. Было стыдно вылезать, потому что такой грязной женщины не может быть.

Поезд прошел. Тишина возвращалась медленно, будто наступила на звук поезда.

— Маргарита! — позвала Лера негромко.

Никто не откликнулся.

Не может быть, чтобы Маргарита убежала, оставив ее!

Лера поднялась и, держась ладонью за мокрую ледяную стенку траншеи, сделала десять шагов до того места, где были мостки, ведущие наверх.

Снаружи было даже тепло. По сравнению с жижей на дне траншеи.

Лера вытащила тело на траву. Встала на четвереньки, чтобы не съехать обратно, потом медленно выпрямилась. Маргариты не было видно. Не было и вора.

Наверное, только что пришла электричка, за гулом товарного она ее упустила — через лесок шли люди.

Лера попыталась оглядеть себя — желтые, в глине, ботинки, желтый от низа до пояса плащ, грязные руки — чудовище! И в таком виде ты собираешься ехать на торжество?

Люди, шедшие с электрички, смотрели на нее с удивлением, видно, принимали за алкоголичку местного разлива. Пошла за бутылками и упала, а может, и ночевала в траншее.

«Куда же делись остальные лица нашей драмы?» — спросила Лера себя.

От мужчины никаких следов не осталось.

А от Маргариты? От Маргариты, как ни странно, остались следы. И странные. В двух шагах от Леры, на краю траншеи, валялся воротник от плаща — вроде бы такой плащ был на Маргарите. И перчатка, а вот и вторая, пластиковый пакет с огурцами — некоторые огурцы вывалились из пакета и рассыпались темно-зелеными штрихами на желтом берегу траншеи.

Маргариту украли?

Этого быть не может.

Но попробуйте отыскать иное объяснение этой сцены.

Тогда зачем стаскивать с нее перчатки, зачем отрывать воротник плаща? Где ее черная сумочка? Удивительно, что, если Лера не теряла сознания, ее плен в траншее продолжался не более минуты.

— Маргарита! — закричала Калерия и осеклась. Не потому, что испугалась возвращения вора, а потому, что не могла убедить себя, что и перчатки, и сумка, и воротник не имеют отношения к Маргарите. Оставалась надежда, что та пошла вперед, к станции, оглядываясь, чтобы не пришлось ей, такой чистюле, тащить из болота бегемота.

Успокоив так себя — в нормальный день ей бы так просто себя не успокоить, — Лера побежала к станции. Но когда выбежала на пустую платформу — никакой Маргариты там, конечно же, не было. Лера поняла, что в таком виде в Москве появляться нельзя. Единственный выход — возвращаться на дачу, переодеваться и потом бежать к шоссе и ловить попутку.

На даче, скупо отвечая на охи и ахи бабушки и сына, Лера быстро переоделась и поспешила к шоссе.

Исчезновение Маргариты, конечно же, беспокоило ее, но ему наверняка найдется реалистическое объяснение — чудес на свете не бывает. Хотя на свете бывают разбойники и насильники.

Машина, к счастью, попалась быстро, но как Лера ни ломала голову, вся история, начиная с ночного визита вора до черной штуки в

его руке, от женского лица за стеклом на рассвете до исчезновения Маргариты, не имела смысла.

Когда Калерия прибежала в институт — шофер не стал везти ее до места, и пришлось потерять полчаса на метро, — она, конечно же, опоздала. Все уже ушли к директору. Все там, с гостями. А жаль, могли бы и подождать — чей праздник, в конце концов?

Лера побежала по коридору на второй этаж, в крыло, где располагались начальственные кабинеты и конференц-зал.

В коридоре было пусто. День не присутственный, и до зарплаты далеко.

Ужасно обидно, что произошла задержка. И стыдно, ведь это ее проект. Конечно, Саша Добряк и дети смогли все объяснить, но их можно сбить, запугать, чем и будет заниматься тот толстяк из Минпроса и две методистки из старых дев. Да и сам директор может заартачиться.

Когда год назад Лера пришла к нему с идеей создания Коллективного гения, он не возражал. У него на носу были перевыборы, и, конечно, он стремился ухватиться за любое громкое начинание. Если получится — лавры поровну, сказал он тогда. Как будто разговор шел о супе. Но денег дал, часы дал, помещение для занятий дал и допустил детей до приборов и компьютеров, к которым детей обычно не подпускают.

А Лера с помощью системы тестов, разработанных молодыми энтузиастами, просеяла шестьсот школ, несколько детских и юношеских слетов физиков, прошерстила все олимпиады и собрала у себя в лаборатории шестнадцать детей — от двенадцати до семнадцати, с разными, большей частью трудными характерами, с разными психическими отклонениями, но объединенных одной общей чертой — одаренностью. Год они не расставались, год в некоторых семьях шли скандалы, а в других требовали для их детей особых условий, год, как Минпрос штурмовал институт чуть ли не с помощью ОМОНа, так как нельзя же детям не ходить в школу! Год, как смущенные, сагитированные, соблазненные Лерой преподаватели из нескольких университетов занимались с членами Детского садика по вечерам. Год... и сегодня решается судьба следующего года, решается судьба детей, за год ставших из талантов Коллективным гением. «Мы должны сплясать и спеть перед членами президиума Академии, а я валяюсь в траншее. Потому что это кому-то нужно?»

Это кому-то нужно?

Калерия даже остановилась, в ужасе от того, что такая версия могла прийти ей в голову.

И вошла в приемную директора она куда медленнее, чем бежала по коридору.

Это кому-то было нужно?..

Удивлению ее не было границ! Они отказались идти без нее!

Все ее дети — все девять, кто остался от первых шестнадцати, — обернулись к ней.

Они стояли у окна, шептались, чтобы не сердить секретаршу директора. Но при виде Калерии они все разом обернулись.

И разом ахнули.

Так и получилось: коллективное — а-ах!

Секретарша, существо средних лет и невзрачной внешности, испустила писк. Как котенок, которому наступили на лапу.

— Не сердитесь! — воскликнула Калерия от двери. — Я упала в воду, я ехала на попутке, потом расскажу. А что с вами? Вас не пустили? Вы отказались?

Они не отвечали. И, наверное, прошло секунд двадцать, прежде чем изумление улеглось настолько, что Алена Гинцбург сказала низким голосом:

— Это бред собачий, простите, Калерия Петровна.

— Хорошо ты меня встречаешь, — произнесла Калерия, вовсе не рассердившись.

— Да нет! Этого быть не может! — Арсен Исаакян кинулся к двери в кабинет директора и стал тянуть ее на себя. Арсен такой субтильный, слабенький, это было даже смешно, но секретарша не остановила его. А Алена подскочила к двери, и вместе они отворили ее так шумно и широко, словно все сразу очутились внутри кабинета, ставшего продолжением приемной.

А там... Там Лера увидела саму себя и поняла, чему так удивились дети.

Она сама, собственной персоной, стояла перед столом директора и так спешила договорить, что не обернулась на шум у двери.

— И я уверена, да, я совершенно уверена, что мой эксперимент, к сожалению, дал только отрицательные результаты! — говорила она, как вколачивала гвозди. — И нет смысла продолжать его. Надо вернуть детей в школы и дать им возможность нормально получить образование.

— Вот именно! — закричала сидевшая за Т-образным столом методистка. — Мы же неоднократно предупреждали.

— Простите, — сказала еще раз Калерия, глядя на своего двойника, в плаще, украденном с дачи, и даже с черной сумочкой, отнятой у Маргариты.

— Какого черта! — сказала Калерия. — Вы что, не видите?

Но никто ничего не видел.

Директор сначала, по близорукости, закричал, чтобы лишние очистили кабинет.

Методисты присоединились к нему. Академики смотрели баранами, лишь дети сразу приняли сторону настоящей Калерии.

И когда Калерия с черной сумочкой, сообразив, что ее затея про-

валилась, пошла, набычившись, на настоящую Калерию, ребята ринулись вперед и встали перед ней стенкой.

— Кто есть кто? — спросил в неожиданной тишине вице-президент.

— У нее чужая сумочка, — нашлась Лера. — У нее сумочка Маргариты Викторовны Гиндис. Она ее убила или украла...

Лже-Калерия посмотрела на сумочку, словно видела ее впервые.

Но Губайдулин, шустрый мальчик, смог вырвать сумочку раньше, чем лже-Калерия пришла в себя. Он раскрыл ее и под возмущенные крики присутствующих вытащил оттуда паспорт и столь торжественно поднял его над головой, словно был статуей с молотом в руке.

Он протянул паспорт сидевшему рядом академику и приказал:

— Читайте.

Академик громко прочел:

— «Гиндис Маргарита Викторовна». А кто это, собственно, такая?

— Я еще не знаю, что они с ней сделали.

— Кто она? — спросил академик.

Лже-Калерия кинулась к двери. Никто ее не задерживал — то ли во взгляде ее, то ли в манере двигаться было нечто настолько чужое и страшное, что даже самые отважные из мальчишек остались на месте.

— Гражданка! — лишь крикнул ей вслед академик. — Вы забыли паспорт!

Встреча с академиками завершилась благополучно, на благодушной ноте. Все тщательно делали вид, что в столь изысканном обществе ничего неприятного не могло произойти.

Программу одобрили, ребят похвалили, дали финансирование на следующий год и даже обещали помочь специалистами.

А почему бы и не вырасти первому Гениальному коллективу? Это же наши российские ребята!

В лаборатории, после завершения встречи, Калерия с ребятами устроили бурное обсуждение событий того утра.

В конце концов пришли к выводу, что Детский садик чем-то настолько напугал некую цивилизацию «Х», что та решила избавиться от центра этой группы — от Калерии. И продумали они там, на Сатурне, все правильно — если из уст самой Калерии прозвучит вовремя признание в провале эксперимента, то Детский садик уже ничто не спасет. Ничто.

Но как они сделали Калерию Петровну? Это же точный дубль, словно клонировали.

Затем ребята потребовали, чтобы она отвезла их к себе на дачу.

Решили осмотреть место нападения, а потом попить чаю на даче.

Сошли с электрички и сразу замолчали. Как будто оробели, хотя Детский садик испугать было трудно.

Вот и канава, траншея, внизу в ней вода, рыжая труба, до половины ушедшая в желтую воду. На стенках траншеи — следы падения Калерии. Это место они легко отыскали.

Потом стали смотреть вокруг.

Следов мужчины не нашли, если они и были, то их смыл вновь начавшийся дождик. А вот воротник плаща Маргариты и перчатки отыскали быстро.

И тут же под кустом, в высокой крапиве, Леночка отыскала заброшенный туда ворох одежд Маргариты. Одним движением тот мужчина успел свернуть и отбросить вещи, пока Лера выбиралась из траншеи.

— Значит, они ее убили, — сказала Лена.

— Нет, — поправил ее Шимановский. — Они ее ликвидировали, растворили, испарили без следа.

— С чего это ты взял?

— Если они могут сделать действующую копию Калерии Петровны, — сказала Лена учительским контральто, — что им стоит растворить человека? Это возможно и у нас, может, не так быстро...

— Но научимся, — сказал Шимановский. — Обязательно научимся.

— Все ясно, — сказала Лена. — Они должны были убрать вас. В последний момент, незаметно, чтобы никто не хватился по крайней мере до конца совещания, до принятия решения.

— А что потом? — спросил Губайдулин.

— Потом они бы придумали. Без Калерии Петровны мы все равно бы развалились.

Все замолчали. Им не хотелось разваливаться.

— Они нас спутали, — согласилась Калерия. — Мы были в одинаковых плащах, в платках и грязных ботах. Шел дождь. Он не знал меня в лицо, специально окликнул, но вряд ли хорошо разглядел.

— А вы удачно нырнули в яму, — засмеялся Шимановский.

— Ужасно! Ты бы посмотрел, на кого я была похожа, — возразила Калерия.

— А мы сейчас проверим! — крикнул Губайдулин.

Он сделал вид, что хочет столкнуть Шимановского в траншею.

Им уже было смешно. Они не хотели долго пугаться. Они были живы, здоровы и готовы бросить вызов любым негодяям, даже в масштабе Вселенной. И они будут отныне защищать меня...

— Если они так боятся вас, мы их бояться не будем, — подытожила Алена.

Маргарита так и не вернулась домой. Никогда.

На следующий день Лера настояла на том, чтобы Олег достал машину и вывез семейство с дачи.

Губайдулин и Шимановский приехали помогать. Конечно, от Губайдулина было мало толку, но зато он был самый веселый.

ДРУГАЯ ПОЛЯНА

Морис Иванович Долинин — младший научный сотрудник на кафедре, которую я имею честь возглавлять. Это приятный молодой человек, к тридцати пяти годам несколько располневший от сидячего образа жизни, голубоглазый и румяный, любимец наших аспиранток и гардеробщиц. К его положительным качествам относится, в частности, преданность изучаемому им Александру Сергеевичу Пушкину. Еще в средней школе Морис поставил себе целью выучить наизусть все написанное великим поэтом, и следует признать, что в этом он преуспел, хоть и путает порой порядок абзацев в «Истории Петра Великого». Кандидатскую диссертацию, уже готовую к защите, он писал по истории написания «Маленьких трагедий», казалось бы, давно изученных вдоль и поперек. Однако Морису удалось сделать несколько небольших открытий и совершенно по-новому связать образ Скупого рыцаря с жившим в XVI веке в Аугсбурге бароном Капралом Цу Хиденом.

Следует сказать также, что Морис, будучи влюбчив, до сих пор не женат. Причину этого я усматриваю в душевной травме, нанесенной ему на первом курсе университета очаровательными коготками Инессы Редькиной, ныне в третьем браке Водовозовой. Мое знание прошлого Мориса объясняется просто: я преподавал на его курсе и был осведомлен о драмах и трагикомедиях студенческой среды.

Последние семь лет мы работали рядом, Морис был со мной откровенен, делился не только научными планами, но и событиями личной жизни. Его откровенность и вовлекла меня в переживания, равных которым мне переносить не приходилось.

— Уж не влюбились ли вы, голубчик? — спросил я как-то Мориса, обратив внимание на то, что он три дня кряду приходит на работу в новых, чрезмерно ярких галстуках и сверкающих ботинках.

— Нет, что вы! Этого со мной не случается! — ответил он с таким скорбным негодованием, что я уверился в своей правоте.

Я полагал, что вскоре он сам во всем покается. В драматический момент размолвки или, наоборот, когда счастье переполнит его и хлестнет через край.

Дело было летом, я как раз собирался в отпуск, мы заседали на кафедре по какому-то пустяшному вопросу, хотя следовало бы поехать всем на речку купаться. Я попросил Мориса набросать проспект статьи, которую он намеревался предложить в сборник. Морис долго мусолил ручку, смотрел в потолок и вообще думал не о проспекте. В конце концов он взял себя в руки и изобразил несколько строчек. После чего вновь ушел в сладкие мысли. Получив набросок проспекта, я обнаружил там несколько раз повторяющееся на полях имя Наташа, а также курносый профиль, выполненный немастерской рукой.

После заседания я не удержался и спросил Мориса:

— Вы намерены посвятить свою статью Наташе? Мы напишем просто: «Наташе посвящается» или более официально?

— Я вас не понимаю! — взвился Морис, словно я собирался похитить эту Наташу.

Я показал ему злосчастный проспект. И он на меня смертельно обиделся, на два дня.

Затем в его отношениях с Наташей наступил какой-то кризис. Он потерял аппетит и перестал чистить ботинки. Без сомнения, он был глубоко травмирован каким-то пустяковым словом или подозрением.

Я спросил его:

— Вы чем-то расстроены?

— Вам не понять, — сказал Морис с таким видом, словно в мои времена отношения с возлюбленными бывали только безоблачными.

— Разумеется, — согласился я. — А все-таки?

— Мы расстались, — сказал он. — И навсегда.

Вдруг его прорвало.

— Я так больше не могу! — прошипел он трагическим шепотом, который был слышен в соседних коридорах. — Я этого не перенесу.

Я не ручаюсь за точную форму его монолога, но суть его заключалась в том, что в сердце моего коллеги вкралось подозрение, любят ли его или — о, непереносимая альтернатива! — не любят.

Основанием к подобным мыслям послужило увлечение Наташи сбором шампиньонов. Вы бы послушали, как Морис произносил слово «шампиньон» — оно звучало, словно имя презренного выродка из захудалого французского графского рода. По словам Наташи, шампиньоны можно собирать в Москве, где они благополучно произрастают в некоторых скверах, парках и на бульварах. Только надо знать места. У Наташи был излюбленный парк, где-то неподалеку от метро «Сокол». Она делила это месторождение с несколькими местными алкашами, которые выползали на заветную площадку с рассветом, набирали, сколько нужно, чтобы отнести на рынок и продать. А позже приходила Наташа, которой тоже хватало грибов, особенно если погода благоприятствовала. Почему-то Мориса Наташа в свои походы брать отказывалась, чем вызвала в нем дурацкое подозрение, что она там бывает не одна, а может, вообще на поляну не ходит, покупая специально, чтобы ввести его в заблуждение, корзиночку шампиньонов на рынке. Как только Морис свои подозрения высказал вслух, Наташа обиделась. А там слово за слово — и разрыв.

— Вы не правы, — сказал я Морису, когда он завершил свою сбивчивую исповедь.

— Конечно. Но все-таки...

— Вам надо пойти и извиниться.

— Разумеется, но тем не менее...

— Кстати, когда я в начале тридцатых годов ухаживал за Машень-

кой, однажды увидел ее на улице с дюжим рабфаковцем. Две недели мы не разговаривали. Потом выяснилось, что рабфаковец — ее двоюродный брат Коля, милейший человек, мы до сих пор дружим домами.

Он уже открыл рот, чтобы ответить мне: «При чем тут Коля», но сдержался, махнул рукой и ушел.

Я был глубоко убежден, что конфликт изживет себя дня через два. Ничего подобного. Дни проходили, а Морис был так же мрачен и одинок. Нелепо, разумеется, разрушать собственное счастье из-за корзинки с шампиньонами, но люди гибли и по более ничтожным причинам.

Через неделю, утром, когда часов в девять я, позавтракав, направлялся к письменному столу, в кабинете вдруг зазвонил телефон. Что-то кольнуло меня в сердце — бывает же, самый обыкновенный звонок покажется каким-то особенно тревожным...

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте. Это я, Морис. Случилось нечто невероятное. Мне нужно вас срочно увидеть.

— Вы где?

— Недалеко от метро «Сокол». Я могу быть у вас через полчаса...

Голос Мориса срывался, словно он только что пробежал три километра и не успел восстановить дыхание.

— Я вас жду.

Повесив трубку, я сразу вспомнил, что тот злополучный шампиньонный сквер расположен по соседству с метро «Сокол», и тут же мне представилось, что Морис решил выследить неверную и неудачно встретился со счастливым соперником.

Я почти угадал.

Морис ворвался ко мне через двадцать минут. Он был встрепан, взволнован, удручен, но, к счастью, невредим.

Он тут же начал говорить, мечась по кабинету и угрожая всяким вещам.

— Да, — гремел он. — Я виноват. Я не выдержал. Я следил за ней. Я решил раз и навсегда положить конец сомнениям.

Значит, так и есть — передо мной доморощенный сыщик.

Он смотрел на меня с вызовом, ожидая немедленного осуждения. Ну что ж, я пойду тебе навстречу.

— Никогда не поверю, — сказал я менторским голосом, — чтобы вы могли опуститься до безжалостной слежки за женщиной, которую вы любите и хотя бы потому должны уважать.

— Да! — обрадовался Морис. — Я вас понимаю. То же самое я сам себе говорил. Я проклинал себя, но по вечерам дежурил у ее подъезда, а по утрам ждал, не выйдет ли она из дома с пустой корзинкой. Мне стыдно, но и Отелло стыдился, подняв руку на Дездемону.

Сравнение было рискованным, но моей улыбки Морис не заметил. Он сделал трагический жест, свалил со стола стопку бумаг и продолжал монолог, сидя на корточках и собирая листы с пола.

— Я не прошу снисхождения и не за тем к вам пришел. Но сегодня утром, в семь часов десять минут, она вышла из дому с корзинкой и пошла к тому скверу. На краю парка, за фонтаном, есть поляна. Почти открытая. Только кое-где большие деревья. Там как раз какое-то строительство начинается — столбы врыли, будут огораживать. Не самое лучшее место для грибов. Вы меня понимаете?

— Пока что ничего непонятного вы сказать не успели.

— Вот до этой поляны я ее и проводил. Только я не приближался. Представляете, если бы она обернулась!

— Не дай бог, — сказал я.

— Так вот, она вышла на поляну и начала по ней бродить. Ходит, нагибается, что-то подбирает, а я стою за большим деревом и жду.

— Чего? Самое время выйти из укрытия, обратиться к ней и сказать, что виноваты, раскаиваетесь и больше никогда не будете.

— Я хотел так сделать. Но меня удерживал стыд... и подозрения.

— Какие еще подозрения?

— А вдруг она, набрав грибов, пойдет к нему на свидание? Или он сейчас выйдет...

— Убедительно, — сказал я. — Вижу перед собой настоящего рыцаря и джентльмена.

— Ах, оставьте, — ответил Морис. — Сейчас все это уже не важно. Важно то, что, пока я смотрел на Наташу, она исчезла. Представляете? Только что была посреди поляны и вдруг исчезла. Я глазам своим не поверил. Что вы на это скажете?

— Пока ничего.

— Я обошел всю поляну, выскочил на улицу — пусто. Вернулся в парк, заглядывал в кусты, чуть ли не под скамейки. Нигде ее нет. Вернулся на поляну и остановился примерно там, где видел Наташу в последний раз. И вдруг слышу ее голос: «Морис, что ты тут делаешь?» Она стоит совсем рядом, в трех шагах, с корзиной в руке.

— И в корзинке грибы?

— Почти полная.

— Ну и что дальше?

— Я сказал ей: «Тебя жду». «Чего не позвал? — отвечает она. — Смотри, сколько я набрала». «А где же ты была?» — спрашиваю. «Здесь». — «Как здесь? Я уже полчаса здесь стою, а тебя не было». — «А где я еще могла грибы собирать? Не на мостовой же!»

Морис замолк.

— В конце концов она обиделась на вас и ушла, — предположил я.

Я вспомнил, что обещал к обеду закончить статью, а рассказ Мориса явно затягивался.

— Ушла, — согласился Морис. — Но не в этом дело.

— В чем же?

— Понимаете, я подумал: здесь какая-то тайна. То Наташа была, то ее не было. Как будто в дырку провалилась. И в таком я был состоянии духа, что мне захотелось эту дырку найти.

— Похвально. В Москве много таких дырок, в которых выдают шампиньоны.

— Я дошел до той точки, где исчезала и появлялась Наташа. А там такая небольшая низинка...

«Господи, — подумал я, — его ничем не остановишь. Неужели и я, когда бывал влюблен, становился столь же зануден и велеречив?»

— Ничего я там не обнаружил — лишь трава была утоптана. И я медленно пошел дальше, глядя по сторонам, — и тут я увидел шампиньон!

— Вот и отлично, — сказал я и посмотрел на часы, что не произвело на рассказчика никакого впечатления.

— И вообще на той поляне оказалось много шампиньонов. Я даже удивился, что раньше их не замечал. А пока я там бродил, пришел к решению, что нельзя с таким недоверием относиться к Наташе. Нет, подумал я, надо попросить у нее прощения...

Пауза. На минуту, не меньше. Я терпеливо ждал. Сейчас должен появиться таинственный разлучник либо должна возвратиться Наташа, подбежать сзади, ласково закрыть ему глаза ладонями и спросить: «Угадай, кто?»

— И в этот момент, — продолжал он наконец, — я понял, что на поляне нет столбов для забора. Только ямы.

— Какие еще ямы?

— Ямы для столбов. Ямы для столбов, понимаете, были, а сами столбы лежали на земле. Вот, подумал я, и галлюцинации начинаются. Тогда я ушел из парка. И пошел к остановке двенадцатого троллейбуса.

«Кажется, рассказ подходит к концу», — с облегчением подумал я.

— Но там не было остановки двенадцатого троллейбуса, потому что там была остановка автобуса «Б», хотя такого автобуса в Москве нет. Я был в смятении и даже не удивился, а подошел к стоявшей там женщине и спросил: «А где останавливается двенадцатый троллейбус?» А она ответила, что не знает. «Как так? — спросил я. — Ведь я только полчаса назад на нем сюда приехал. Вы, наверное, нездешняя?» Она возмущенно на меня поглядела — и ни слова в ответ. Ладно, думаю, схожу с ума. Лучше, чтобы об этом никто пока не знал. И как ни в чем не бывало спросил: «Как доехать до метро «Аэропорт»?» — «До метро «Аэровокзал»? Садитесь на автобус, сойдете через шесть остановок». Вы что-нибудь понимаете?

— Понимаю, — сказал я. — Сейчас вы мне расскажете, как проснулись и решили поведать свой сон любимому учителю.

— Ни в коем случае! — воскликнул Морис. — Это был не сон!

И в доказательство своей правоты он основательно грохнул кулаком по письменному столу. Я поймал на лету телефон. В литературе зафиксированы различные формы любовного помешательства. У многих народов любовная одержимость считалась вполне допустимым и никак не позорным заболеванием.

— Так слушайте дальше! Когда автобус подошел к метро «Аэропорт» и я увидел над входом выложенную золотыми буквами надпись «Аэровокзал», я понял, что не ошибся в своем диагнозе. Я спятил. Я старался глубоко дышать и думать о посторонних вещах. Спустился вниз, подошел к контролю, нашел в кармане пятак и опустил его в автомат, но он застрял в щели. Дежурная спросила у меня: «В чем дело? Покажите мне ваш пятак». Я показываю, а она говорит: «Он же желтый! Пятаки должны быть белые, а он желтый». И показывает мне тонкий пятак из белого металла. И смотрит на меня так, словно я этот пятак сам изготовил. Я покорно поднялся на улицу. И знаете, чем больше я глядел вокруг, тем более меня поражало несовпадение деталей. Именно деталей. В целом все было нормально, но детали никуда не годились. Человек читает газету, а заголовок у нее не в левом верхнем углу, а в правом, дом напротив не желтый, а зеленый, трамвай не красный, а голубой — и так далее...

Я молчал. Морис казался нормальным. Даже следы волнения, столь очевидные в начале его рассказа, исчезли. Он даже забыл о своей возлюбленной. Это не Меджнун, это просто очень удивленный человек.

— И тогда я допустил в качестве рабочей гипотезы, что попал в параллельный мир. Вы читали о параллельных мирах?

— Не читаю фантастики, — ответил я, излишней категоричностью выдавая себя с головой, ибо как бы мог я узнать о параллельных мирах, не читая этой самой фантастики.

— Ну все равно знаете, — сказал Морис. — И эта версия полностью оправдывала Наташу. Она, как и другие грибники, бродила по поляне, ступала в эту низинку, которая каким-то образом оказалась местом перехода из мира в мир, попадала туда и как ни в чем не бывало продолжала свою охоту. А может быть, грибники знают о свойствах этого места и пользуются им сознательно, не придавая тому большого значения...

Тут он замолчал, подумал и добавил:

— А может, кто-нибудь из них и остался в параллельном мире. Если он алкаш, то и не заметил разницы.

— Ну да, вернулся домой и встретил самого себя, — заметил я.

Но Морис меня не слушал.

— Так вот, осознав, что произошло со мной, я пришел к неожиданному выводу: если в параллельном мире есть отличия от нашего,

то они могут распространяться и в прошлое. Я же ученый. Куда мне следует направиться?

— К памятнику Пушкину, — пошутил я.

— Вы почти угадали. Только, разумеется, не к памятнику, он мне не даст нужной информации, а в Пушкинский музей. Я остановил такси и велел ехать на Кропоткинскую. Я продолжал размышлять. А вдруг Пушкин избежал дуэли в 1837 году? И прожил еще десять, двадцать, тридцать лет, создал неизвестные нам гениальные произведения? Все более волнуясь от предстоящей встречи с великим поэтом, я спросил таксиста, в каком году умер Пушкин. «Не помню, — сказал таксист, — давно, больше ста лет назад». Шофер был пожилым флегматичным толстяком, его совершенно не интересовала поэзия. Но в его словах звучала надежда. Больше ста лет — это семидесятые годы прошлого века. Такси еще не успело остановиться у музея, как я выскочил из машины и сунул шоферу два рубля. К моему счастью, он, не глядя, опустил их в карман. Я подбежал к двери в Пушкинский музей, и вы не представляете! — Морис обиженно посмотрел на меня. — О ужас! — произнес он тоном страдающего Вертера. — Это был не Пушкинский музей! Я стоял, как громом пораженный. Тут дверь открылась и из дверей вышел старик. «Простите, — бросился я к нему. — Где же Пушкинский музей?» А он отвечает: «По-моему, в Москве такого нет. Только в Кишиневе». «Так почему же?» «Вы правы, — ответил старик, — этот замечательный поэт заслуживает того, чтобы в Москве был музей его имени. Его ранняя смерть не дала полностью раскрыться его могучему дарованию...» «Ранняя смерть! — кричу я. — Ранняя смерть! В каком году умер Пушкин?» «Он погиб на дуэли в Кишиневе в начале двадцатых годов прошлого века», — отвечает мне старик и уходит. У меня руки опустились, и я понял: больше мне там делать нечего. Скорее домой! У нас он прожил почти сорок лет. Ведь если я по какой-то глупейшей случайности останусь там, то я никогда и никому не докажу, что Пушкин написал «Маленькие трагедии» и «Евгения Онегина»!

— А может, стоило вам остаться, — возразил я. — Вы бы заявили, что открыли их на чердаке, и вам бы цены не было.

— А потом бы меня разоблачили как мистификатора, — серьезно сказал Морис. — Кстати, мое приключение чуть было не закончилось трагически.

— Почему?

— У меня оставалось пять рублей. Я поймал такси, вернулся к парку, протянул шоферу пятерку и, думая совсем о другом, попросил у него сдачи. «Ты чего мне суешь?» — спросил шофер. «Деньги, — говорю я, — три рубля сдачи, пожалуйста». А сам уж открыл дверцу, чтобы выйти. «Где же это ты раздобыл такие деньги?» — спросил шофер зловеще. И тут только до меня дошел весь ужас моего положения. Еще секунда, и я навсегда — пленник мира, где не знают зрелого

Пушкина! Я стрелой вылетел из машины и бросился к поляне, слыша, как сзади топочет шофер. Я первым успел к ложбине, и стоило мне пробежать ее, как вокруг послышались голоса: рабочие сколачивали забор. А ведь секунду до того на поляне никого не было. «Стой!» — закричал шофер, пролетая вслед за мной в наш мир. И крепко вцепился в меня обеими руками. Но я уже был в безопасности. Я спокойно обернулся и спросил: «В чем дело, товарищ водитель?» «А в том дело, — он потрясал моей пятеркой, как плеткой, — что мне фальшивые деньги не нужны». «Фальшивые? Минуточку. Пошли к людям, разберемся». И говорил я так уверенно, что он послушно отправился за мной к плотникам, которые с интересом наблюдали за нами: ни с того ни с сего на поляне возникают два незнакомых человека и вступают в конфликт. Я взял у шофера пятерку, протянул ее рабочим и спросил: «Скажите мне, пожалуйста, что это такое?» «Деньги, — сказал один из них. — А чего?» «А то, — закричал шофер, — что таких денег не бывает!» «А какие же бывают?»

Тут шофер вытащил из кармана целую кучу денег. Очень похожих на наши, только других цветов. Пятерка, например, там розовая, а три рубля — желтые.

Плотники смотрели на шофера, буквально выпучив глаза. Один из них достал пятерку и показал шоферу.

«А у меня тоже не деньги?» — спросил он с некоторой угрозой в голосе. «Да гони ты его отсюда, — сказал второй плотник. — Может, шпион какой-нибудь или спекулянт-валютчик». «Какой я шпион! — возмутился шофер. — Вон моя машина стоит, из третьего парка». И показал, где должна была бы стоять его машина. Сами понимаете, что никакой машины там не было. «Ой, — сказал шофер, — угнали!» И попытался броситься к тротуару напрямик. Мне стоило немалых усилий перехватить его так, чтобы провести сквозь ложбинку. И он благополучно исчез.

— А плотники?

— Что плотники? Говорят мне: «Ты куда шпиона дел?» «Сбежал он», — отвечаю. Вот и все. И я поспешил к вам.

Я набил трубку, раскурил. Три дня не курил, проявляя силу воли.

— Спасибо, — сказал я, — за увлекательный рассказ.

— Вы мне не верите? Вы полагаете, что я обманул вас?

— Нет, вам никогда такого не придумать.

— Тогда я пошел.

— Куда?

— К Наташе. Я ей все расскажу. У меня такое облегчение! Вы не представляете... Жалко, что его убили молодым. Представляете себе целый мир, не знающий зрелого Пушкина?

— Все на свете компенсируется, — сказал я. — Не было Пушкина, был кто-то другой.

— Конечно, — сказал Морис, продвигаясь к двери. Он уже предвкушал, как ворвется к Наташе и начнет плести любовную чепуху.

— Да, — повторил я, — должна быть компенсация... Кстати, Морис, а тот дом, в который вы приехали, я имею в виду Пушкинский музей, в нем что?

— Тоже музей.

— Какой же?

— Музей Лермонтова, — сказал Морис. — Ну, я пошел.

— Лермонтова? А разве нельзя допустить...

— Чего же допускать, — снисходительно улыбнулся мой молодой коллега. — Там написано: «Музей М. Ю. Лермонтова. 1814 — 1879».

— Что? — воскликнул я. — И вы даже не заглянули внутрь?

— Я пушкинист, — ответил Морис с идиотским чувством превосходства. — Я пушкинист, и этим все сказано.

— Вы не пушкинист! — завопил я. — Вы лошадь в шорах!

— Почему в шорах? — удивился Морис.

— Вы же сами только что выражали сочувствие миру, лишенному «Евгения Онегина». Неужели вы не поняли, что обратное также действительно? Сорок лет творил русский гений — Лермонтов! Вы можете себе представить...

Но этот утюг остался на своих бетонных позициях.

— С точки зрения литературоведения, — заявил он, — масштабы гения Пушкина и Лермонтова несопоставимы. С таким же успехом мы могли бы...

— Остановись, безумный, — прорычал я. — Я тебя выгоню с работы! Ты недостоин звания ученого! Единственное возможное спасение для тебя — отвести меня немедленно в тот мир! Немедленно!

— Понимаете, — начал мямлить он, — я собирался поехать к Наташе...

— С Наташей я поговорю сам. И не сомневаюсь, что она немедленно откажется общаться со столь ничтожным субъектом. А ну, веди!

Наверно, я был страшен. Морис скис и покорно ждал, пока я мечусь по кабинету в поисках золотых запонок, которые я рассчитывал обменять в том мире на полное собрание сочинений Михаила Юрьевича.

Когда мы выскочили из машины у парка, было уже около двенадцати. Морис подавленно молчал. Видно, до него дошел весь ужас его преступления перед мировой литературой.

Поляна уже была обнесена забором, и плотники прибивали к нему последние планки. Не без труда нам удалось проникнуть на территорию строительства.

— Где? — спросил я Мориса.

Он стоял в полной растерянности. По несчастливому стечению обстоятельств, строители успели свалить на поляну несколько грузо-

виков с бетонными плитами. Рядом с ними, срезая дерн, трудился бульдозер.

— Где-то... — сказал Морис, — где-то, очевидно...

Он прошелся за бульдозером, неуверенно остановился в одном месте, потом вернулся к плитам.

— Нет, — сказал он, — не представляю... Тут ложбинка была.

— Чем помочь? — спросил бульдозерист, обернувшись к нам.

— Тут ложбинка была, — сказал я тупо.

— Была, да сплыла, — сказал бульдозерист. — А будет кафе-закусочная на двести мест. Потеряли чего?

— Да, — сказал я. — А скажите, у вас ничего здесь не проваливалось?

— Еще чего не хватало, — засмеялся бульдозерист. — Если бы моя машина провалилась, большой бы шум произошел.

Ничего мы, конечно, не нашли.

Надо добавить, что через два месяца Морис женился на Наташе.

Морису я, безусловно, верю. Все, что он рассказал, имело место. Но прежней теплоты в наших отношениях нет.

ЦВЕТЫ

Иногда он позволял себе просыпаться не сразу, а продлить на несколько минут сладкое состояние полусна, и первые мысли были спокойны, улыбчивы, странным образом перемешаны с остатками снов, в которых он мог все — даже больше, чем наяву. Затем в дремотные видения вторгались, ненавязчиво и мягко, звуки дома. Приглушенные голоса, стрекот какой-то птицы за окном, звон чашек в столовой, звуки понятные и непонятные, но расположенные к нему, соединялись в неповторимую мелодию, придуманную утром специально для него. Все заботы в этот момент преодолимы, задачи разрешимы, как в школе, невыносима лишь мысль, что он мог бы проснуться в тишине, один и никому его пробуждение не нужно и не желанно.

Простыни, хоть и согрелись за ночь, были свежими, гладкими — во сне он не ворочался, спал строго на спине, тем не менее постельное белье меняли каждый вечер, потому что он не мог отказать себе в удовольствии, ложась спать, видеть тонкие прямые линии складок и чувствовать легкий запах чистоты.

Он провел жесткой ладонью по своему гладкому, твердому, впалому животу. Он уже третий месяц соблюдал разумную диету, после того как, случайно увидев себя в зеркале в не подстереженный телом момент, понял, что живот выдается вперед. Третий месяц он худел, как ревнивый коллекционер, собирая потерянные граммы. Сто или сто пятьдесят каждое утро. Это была славная коллекция.

Дверь уютно скрипнула. Заглянула жена. Самая красивая женщи-

на в мире, самая чуткая и заботливая женщина в мире, в которую он влюблен уже десять лет, что не мешало ему с той же щедростью и искренностью любить других женщин, встречи с которыми лишь укрепили его в уверенности, что он не сделал промашки, выбрав в жены именно ее. Эта уверенность в правильности выбора, в собственной всегдашней прозорливости была приятна. Он улыбнулся жене, и она наклонилась над подушкой, чтобы поцеловать его в губы. От нее пахло утренним кофе и хорошими французскими духами, без сомнения, теми, что он подарил ей вчера.

— Я встаю, — сказал он и потянулся, чтобы изгнать остатки утренней истомы.

— Завтрак на столе, — сказала жена.

Омлет был изумителен. В жизни ему не приходилось есть такого омлета. Да, надо ехать. Лучше сейчас, сразу после завтрака. Странно, что, стараясь облагодетельствовать человека, ты не можешь изгнать неуверенность.

Он прошел в кабинет и закурил первую за день, утреннюю и самую вкусную сигарету. Под окном уже стояла машина, и шофер лениво, но любовно протирал замшей ее лоснящийся бок. Хорошая машина. Может, лучше было бы обойтись без этой поездки? Умея и даже любя встречать сопротивление для того, чтобы ломать его, он не любил ситуаций, когда в роли его жертвы выступал кто-то близкий. Поэтому-то его родные и друзья склонны были объяснять его достижения и не всегда добрую славу умом, случайностями, талантом — только не жестокостью, казалось бы, несовместимой с его характером.

Но почему он подумал о сопротивлении? Он хочет спасти человека из небытия, и, не сделай он этого, придут другие, не ставящие никаких этических проблем. Павел, вернее всего, жаждет приобщиться к победителям, из гордости не делая первого шага. Нельзя отходить от берега только потому, что течение слишком быстрое. Не научишься плавать, погибнешь при наводнении.

— Ты придешь обедать? — спросила жена.

— Постараюсь, любимая. В любом случае я тебе позвоню.

Он сказал шоферу адрес. Адрес ему принесли еще вчера, потому что лучше взять столь серьезный разговор на себя, чем рисковать, доверяясь исполнительным, но примитивным помощникам. А он рад был бы обойтись без Павла. Любая система, нуждающаяся в знаниях, умении, памяти человека, бессердечна, так как она стремится выжать из него все, чтобы поскорей перейти к следующей жертве. Остаются на поверхности лишь те, кто ассоциирует себя с системой и питается тем же, чем она сама. «И все-таки, — утешил он себя, — то, что я предложу Павлу, для него единственный выход. А уж там он сам пускай решает, по какую сторону ложки ему удобнее устроиться».

— Здесь, — сказал шофер. — Я пойду погляжу?

Удивление шофера было понятно. Даже машина чуралась этой улички, покосившихся, некрашеных домов, грязных канав с перекинутыми через них трясущимися скользкими досками.

— Я сам.

Шофер вылез из машины и смотрел ему вслед. Три скрипучие ступеньки, средняя треснула, скоро провалится. Звонок на двери не работает. Неудивительно, если здесь вообще отключено электричество. В окне соседнего домика размыто белеют детские рожицы, но их внимание приковано к машине. Он постучал в дверь, привычно рассчитывая при этом, что надо сделать, чтобы привести дом в порядок: выкрасить, заменить крышу, поставить забор... Впрочем, дешевле построить новый дом. И вот с этой мыслью он вошел в тесную прихожую, где пахло нафталином и чем-то кислым.

— Дешевле снести эту хибару и построить новый дом, — сказал он Павлу. — Хотя, надеюсь, ты уедешь отсюда.

— Ты не изменился, — сказал Павел.

— А ты изменился. Сегодня же пришлю к тебе хорошего парикмахера.

— Спасибо. Проходи в комнату. Сколько мы не виделись? Лет пять?

— Чуть больше.

Фанерный потолок посреди провис, словно был брезентовым. На обеденном столе рядом с неубранной кастрюлей и тремя чашками стояла чернильница. От кастрюли, чернильницы взгляд скользнул к девочке, которая замерла, нацелив в него перо, с которого, медленно набухая, сползала синяя капля. Он не мог пошевелиться, загипнотизированный неизбежностью ее падения на страницу раскрытой тетради, и, только когда она наконец сорвалась и шлепнулась на белый лист, разбросав в стороны толстеющие на концах тонкие лапки, он услышал голос Павла:

— Пойди погуляй.

Это относилось к девочке. Его дочь. Нет, в деле Павла, которое он вчера пролистал, не было детей.

Девочка подобрала тетрадь, неся ее плашмя, чтобы клякса не стекла, пятясь, обогнула мужчин и скрылась в коридоре.

— Твоя дочка?

— Нет, хозяйкина. Впрочем, если я останусь здесь, я намерен удочерить ее.

— Надеюсь, что ты здесь не останешься.

— Ты приехал, чтобы высказать эту надежду?

— В частности, да.

— Садись.

— Я постою.

— Спешишь?

— Как всегда.

— Тогда рассказывай, что тебя привело ко мне.

— Не догадываешься?

— Вряд ли тебя интересуют мои догадки.

— Искренне интересуют.

— Я вам понадобился.

— Правильно. И не только нам. Ты нужен всем. Когда господь бог создавал тебя, он не предполагал, что ты захочешь завершить свои дни в этой дыре.

— Я удовлетворен жизнью.

— Это неправда. Погляди, это официальное приглашение. Здесь все сказано. И сколько ты будешь получать, и где будешь жить. Если что-нибудь непонятно, я готов разъяснить.

Павел близоруко сощурился, пробегая глазами строчки.

На цыпочках вошла девочка, проскользнула к столу и худой лапкой стянула с него промокашку.

— Спасибо, — сказал Павел. — Я останусь здесь.

— Это нелепо.

— Что поделаешь.

— Ты не имеешь права упиваться бездельем или любовными утехами с ее мамой...

— Что за упреки!

— Прости. И все-таки я не снимаю с тебя упрека в сознательном безделье, интеллектуальном самоубийстве.

— Я не бездельничаю.

— Ты работаешь? Где же твоя лаборатория? Где книги? Где помощники?

— Мне они не нужны.

— Так в чем же твоя работа?

— Ты в самом деле хочешь посмотреть?

— Разумеется. Я хочу знать о тебе все.

— Я думал, что ты уже все знаешь. Ну, пошли. Это недалеко.

По скользкой, мокрой от недавнего дождя тропинке они обогнули дом. Переполненная бочка с дождевой водой стояла поперек пути, и ему пришлось шагнуть в траву. Брюки сразу же промокли.

— Вот, — сказал Павел, остановившись на краю небольшого участка сзади дома.

Там росли цветы. Это были громадные, в ладонь, белые, розовые, фиолетовые и темно-красные, грубые, сочные, чувственные цветы. Чем-то они напоминали ему цветы в горшках за окнами северных городов, бумажные в своей изысканной и все-таки пошлой пышности. Цветы эти раздражали, но по-своему они были прекрасны, как прекрасно все совершенное, к чему нельзя добавить или додумать.

— Что это? — спросил он. — Ты стал цветоводом?

— Это картофель, — сказал Павел. — Картошка.

— Не понял.

— Я развожу картошку на цветы.

— А клубни?

— Клубни у них маленькие, зеленые, они никому не нужны. Зато, признай, очень красивые цветы.

— Да. Большие. А морковь?

— Что морковь?

— Ты не разводишь на цветы морковь?

— Нет. — Павел улыбнулся.

— Это символ.

— Почему символ? К сожалению, отцвели огурцы. Я бы показал тебе. Они бы тебе понравились. Я надеюсь, что в будущем году они смогут цвести на воде, как огромные кувшинки.

...Шофер стоял у машины, приоткрыв дверцу. Павел вышел за гостем на крыльцо, но дальше не пошел, словно опасался, что его затолкнут в машину и увезут.

— Мы еще увидимся. — Он не хотел, чтобы в его голосе звучала угроза, но ничего не смог с ним поделать.

— Не сомневаюсь, — сказал Павел. — Может, подождешь минутку, я срежу букет. Твоей жене понравится.

— Спасибо, в следующий раз.

Машина дернулась с места, выбираясь из лужи. Он не оборачивался, хотя знал, что Павел все еще стоит на ступеньках, держась рукой за ручку двери. И смотрит вслед.

Какой дурак, какой подлец, твердил он про себя, стараясь вызвать в себе злость к Павлу, тогда легче будет не думать ни о чем, передав его адрес другим людям, исполнительным, но лишенным иных чувств.

— Картошка на цветы, — сказал он вслух.

— Что вы сказали? — спросил шофер, не оборачиваясь.

Он не ответил. Вдруг пожалел, что не взял букета для жены. Она бы посмеялась, нашла легкие, веселые слова...

Потом, часа через два, сидя на каком-то заседании во главе длинного, покрытого скучной зеленой скатертью стола, он вдруг снова сказал:

— Картошка на цветы.

И никто не понял.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Я был немного простужен. Не болен, а так, простужен. Проснулся ночью от собственного кашля, а заснуть снова не смог.

Четыре часа. За окном светло. В парке, за домами, трудится соловей, а с балкона его перебивают воробьи. Перистые рассветные облака висят на жемчужном небе, и все вокруг нарисовано сильно размытой акварелью.

Мне захотелось курить. Глупая история: вроде бы выспался, хотя спал всего три часа. Я встал, выбрался на кухню и закурил там, стоя у окна.

Лето началось поздно. Июнь, а еще не отцвели одуванчики, серыми вязаными шапочками распускаются под окном, тополиный пух, словно выпущенный ими, поднимается вверх и застывает в воздухе. А зелень совсем свежая — дожди каждый день.

Скоро встанет солнце, разгонит акварельную нежность, придаст предметам объемы и вес. Все станет проще.

У леса на горизонте беззвучно тянется поезд. Оттуда, от сортировочной, доносится четкий голос диспетчера.

Куда идет поезд? Можно различить платформы и бурые товарные вагоны, аккуратные и миниатюрные, словно в детской железной дороге. Легко представить, как поезд прогромыхивает сейчас мимо спящей пригородной платформы, доски которой еще влажны от ночного ливня, где пахнет мокрой листвой, а по близкой улице шуршит машина — везет молоко. Странно даже, как отчетливо я представил себе все это, хотя мне никогда не приходилось встречать рассвет на пригородной платформе.

А поезд уже набирает скорость, стараясь разбудить привыкшие к такому шуму дачные поселки, спящие среди пригородных лесков. Выгоняют коров, и петухи провожают их отчаянными воплями, словно прощаются навечно.

Я решил было лечь, но закашлял снова. Надо выпить воды.

Кран выбросил тугую, прямую, как палка, струю, струя разбилась о немытую посуду, и звук получился многообразным, в такое беззвучное время улавливаешь тончайшие оттенки шумов, пока они не задушены, не порабощены общим, неясным и скучным шумом дневного города.

А спать совсем не хотелось. И нелепо было стоять посреди кухни в трусах, любуясь пейзажем, в то же время уговаривать себя вернуться в постель и проворонить это утро, забыть о нем, не ощутить вдоволь его ласковое одиночество.

Я оделся, стараясь не шуметь, не приближать дня. Ботинки исторгли из паркетины скрип, а дверь шкафа, когда я полез туда за чистой рубашкой, взвизгнула: вещи в квартире не согласны были беречь утро. Они не виноваты, у них нет глаз, чтобы разглядеть акварельность неба.

Пора уходить. А почему бы и нет? Сегодня воскресенье, мой день, который я намерен был, не будь этой счастливой случайности, провести бессмысленно, за видимостью дел или отдыха я мог бы упустить облака, отчаянное соревнование между соловьем и воробьями, для которых его изысканная музыка — пустая забава, а тут надо детей кормить, червяка ловить, отношения с соседями выяснять.

И так я проникся сочувствием к воробьиным проблемам, что спо-

хватился, лишь очутившись на лестнице, тихо и осторожно поворачивая ключ в двери.

Разумеется, я не стал вызывать лифт. Нетрудно представить, как он загремит, зажужжит, карабкаясь на восьмой этаж, проклиная смазку и нахально хлопая дверьми, чтобы весь мир знал, с какой рани ему приходится трудиться.

Я бежал по лестнице, а за окнами лестничной клетки поочередно возникали ветви высокого тополя, растущего у подъезда, и сквозь них — длинное розовое облако. Запах влажной листвы, влетевший в распахнутое окно, родил во мне странное ощущение: словно удалось нечто важное, к чему стремился давно, словно во сне пришло решение неразрешимой задачи или был среди ночи телефонный звонок и долгожданный голос...

Шварк, шварк — широкими мазками метла дворничихи закрашивает невидимой краской серый холст асфальта. Это тоже рассветный звук — днем его не бывает.

Я шел по мостовой, и мои шаги были гулкими, как удары сердца.

Почему люди не выходят из домов на рассвете, чтобы увидеть, как встает солнце? Неужели для этого нужно внезапное пробуждение, случайность? Неужели никто не догадывается о величине потери? Как славно догадаться и теперь не спешить, впитывать каждый шепот ветра в листве, следить взглядом за черной молнией стрижа, слушать гудение редкого городского шмеля!

По улице ехала машина. Медленно, словно гордясь тем, что тоже догадалась выбраться до солнца. Поливальная машина. Мне захотелось увидеть, как первые лучи солнца пронзят сверкающие веера воды, но не идти же вслед за машиной — тем более что к остановке подходит троллейбус. Совершенно пустой первый троллейбус, специально вышедший на линию, чтобы покатать меня по городу.

Я уселся у окна, и троллейбус, мягко двинувшись с места, сразу попал под струю воды, а сама машина за окном, сквозь струи, катящиеся по стеклу, казалась мягкой и текучей, словно на картине Сальвадора Дали. А в троллейбусе запахло водой, как будто он шел по берегу большого озера.

В троллейбус вбежала девушка. Она была рада, что троллейбус забрал ее, и я был щедр, не стал с ней спорить, когда она крикнула водителю: «Спасибо». Ведь девушка не знает, что это мой троллейбус, я его первым занял.

Девушка села через проход от меня, и я видел ее словно сквозь увеличительное стекло. На ухо легла прядь темных волос, каждый волосок блестит по-своему, а на шее у нее маленькая родинка, и брови подбриты слишком тонко, хотя я не буду осуждать мою спутницу — она прекрасна, добра и умна, ей не спится на рассвете... Девушка почувствовала мой взгляд, быстро обернулась, и я улыбнулся ей, чтобы показать, как славно нам с ней обладать общей тайной.

Троллейбус широко — вся набережная в его распоряжении — развернулся к Киевскому вокзалу, и водитель сообщил нам, что это конечная остановка. Я согласился с водителем — второе действие нашего спектакля должно проходить в иных декорациях, в каких — мы придумаем. Почему бы девушке не подсказать мне, что следует делать дальше?

Я не спешил пересекать площадь, я смотрел, как девушка бежит через ее широкое русло, как светится в тени вокзала ее красная пузатая сумка. Я даже могу точно сказать, что там, — пудра, помада, тетрадка с конспектом, интересная книга, кошелек с деньгами, недоеденная шоколадка в серебряной фольге, косынка, записная книжка, складной зонтик, яблоко — тысяча вещей, и все нужные.

Первый луч солнца дотянулся до башни вокзала, высветил часы. Уже пять. Кончилась воробьиная ночь. Теперь-то день начнет набирать скорость. Но мне не жалко, что он наступит. Мое путешествие продолжается. Два парня с транзисторами вышли из вокзала. Совсем не ценя сдержанности утра, они настроились на разные станции — еще одно соревнование соловья с воробьем, лишь менее оправданное и благозвучное.

Мне не хочется возвращаться домой. Я хочу на пустую пригородную платформу. Вот где я еще не был и должен побывать, чтобы утро стало еще богаче и многообразнее. А как будет называться та станция? Разве не чудесно, что я этого не знаю? Я выйду на той, которая мне понравится. Праздник так праздник.

А где девушка? Жаль, что я ее упустил. Хотя, вернее всего, наш путь схож — метро еще закрыто, кроме моего специального троллейбуса, другие пока не спешат заняться делом, да и некого им здесь перевозить.

Но на платформе, куда я выбрался, купив в автомате билет на всю оказавшуюся в кармане мелочь, народ был. Деловой в основном народ, труженики выходного дня. Рыбаки, опоздавшие к субботнему лову, — жены их, что ли, не пустили? Дачный муж с объемистой сумкой — наверное, поклялся семье, что присоединится к ней в субботу, да задержался, а теперь вскочил спозаранку, движимый раскаянием. Железнодорожники, едущие с ночной смены домой, мужчина с телевизором, бабушки в черных платках спешат в излюбленную пригородную церковь. Такой вот народ, случайный, неконтактный и большей частью невыспавшийся.

А девушку я увидел, как только вошел в прохладный, выветрившийся за ночь, неуютный еще вагон. Она сидела спиной ко мне — и виден завиток над ухом и красный ремень сумки через плечо. Я прошел через полупустой вагон так, чтобы сесть напротив, но не рядом и не показаться назойливым. Случайно сел человек напротив — мы оба ехали на вокзал и оба случайно оказались в одном вагоне. Разве так не бывает? Ну, поехали скорей, торопил я электричку. Смотри, со-

седний поезд уже двинулся, я мог бы сесть в него, но поверил тебе, а ты медлишь.

Не то пьяный, не то спящий на ходу старик вошел в вагон, доплелся до моей скамьи и уселся рядом. И сразу заснул, стараясь привалиться ко мне: так ему было удобнее. Я осторожно выбрался из-под старика, перебрался на другую скамью, ничуть не расстроенный этим маленьким событием. Девушка видела мою борьбу с соседом, улыбнулась мне как старому знакомому. Вот за это спасибо. И поезд собрался наконец с духом, дернулся, пополз по путям прочь от города.

Вон там, за семейкой панельных девятиэтажных башен, стоящих на откосе, как подберезовики, мой институт. Он сейчас заперт, а сторож за стеклянной дверью, конечно, дремлет. Милейший старик убежден, что мы тайком питаемся лягушками, мышами, морскими свинками и всей той живностью, которая в невероятных для иной версии количествах поступает к нам, чтобы пожертвовать жизнью ради науки. Старик как-то спросил меня: как они, лягушки, вкусные? А я ответил, что вкусные, как цыплята, чем не вызвал в нем желания откушать такого лакомства, но утвердил в подозрениях. Мы для старика — несерьезный народ и, наверное, погляди он на то, чем мы занимаемся, бессмысленно жестокий. Стоит ли ради маленького шажка в тайны мозга уничтожать такое количество живых тварей? Я не могу ответить на этот вопрос. Я не задавал его себе до сегодняшнего утра.

А вот и первая платформа — еще городская и уже не пустая. Отсюда можно увидеть мой дом — увидеть, да, но вот различить его среди десятка подобных на горизонте...

Наконец разогнался наш поезд. То стадо, которое я видел из окна моего дома, пока я ехал, успело дойти до поляны, и теперь на холодке коровы с аппетитом завтракают, выбирая травинки посвежей... У меня возникло ощущение неразрывного единства меня с окружающим миром, сознание того, что я необходим и неотделим от него, без меня мир был неполон, несовершенен хотя бы потому, что не мог бы во мне отражаться.

Нет, познание не жестоко, оно органично для человека. Ведь не жесток же лев, убивающий антилопу ради продолжения своего рода. Несчастные кролики — те же жертвы, вызванные не жестокостью, а необоримым, заложенным в нас желанием узнать все, узнать, увидеть, понять функции сознания, механизм нашего мира, понять, наконец, как и почему случилось, что я встал сегодня на рассвете и ощутил это утро и счастье принадлежности к нему.

Платформы, у которых тормозила электричка либо проскакивала их, чуть замедлив ход, были пустыми. И никто не входил в вагон и не покидал его. Те десять или пятнадцать человек, которые растворились в вагоне, не нарушая его пустоты, словно ждали какого-то сиг-

нала, чтобы покинуть его вот так, всем вместе, встать и уйти, завершив этим непрочный и недолгий союз с электричкой и забыв о путешествии, которое когда-то, скажем, пятьсот лет назад, было бы исключительным, долгим, достойным рассказов и воспоминаний.

Девушка достала из красной сумки растрепанную книгу — люди, ездящие в электричках, любят толстые романы, как сезонные билеты, — чтобы хватило на месяц. Она загадочна, эта девушка. Я никак не пойму, куда и зачем она едет. А может быть, просто отвергаю элементарные объяснения.

Электричка остановилась у мокрой, ярко освещенной косым, холодным еще солнечным светом платформы. Вдруг я испугался — не здесь ли я хотел сойти? Хотя, впрочем, какая разница? Я сойду вместе с той девушкой и узнаю, куда и почему собралась она в такую рань.

С другой стороны, старый сторож прав, осуждая нас. Мы мальчишки, которым достался паровозик, и для того, чтобы узнать, почему крутятся колеса, мы, недолго думая, разламываем его на составные части — ни паровозика, ни истины. Нам кажется, что мы не можем обойтись без вивисекции, хотя это говорит никак не в нашу пользу. Что толку, что мы потом поставим памятник собаке, — ее-то нет, и без нее мир тоже обеднел. Но мы не можем встать на все возможные точки зрения — тогда мы остановимся, подобно буриданову ослу, между двумя кормушками. Лучше надеяться на то, что, разгадав сущность мышления, научившись читать мозг, как напечатанную книгу, научившись слушать мысли, мы поможем и нашим меньшим братьям. Поможем ли или поспешим дальше?

Надо же так, чтобы девушка поднялась именно сейчас, когда поезд подползает к подмосковному городку, к бетонным платформам с ажурными переходами. Я же не хочу здесь сходить!

Я поднялся. Пойти следом? Но ведь девушка не войдет в палисадник спящего в сирени домика, не запрыгает, узнав ее, белый пес.

— До свидания, — сказал я девушке, но она не услышала. Она уже забыла о том, как мы ехали с ней по жемчужному рассвету.

Вагон почти опустел. Я вышел на площадку, закурил. Мне скоро сходить. Если я проведу еще полчаса в этом вагоне, то потеряю свободу путешествия — я превращусь в туриста за границей, мечущегося в последний день по магазинам, чтобы обеспечить сувенирами родственников и любимого начальника.

Я сошел на следующей платформе.

И правильно сделал.

Это была именно та, привидевшаяся мне на рассвете платформа, деревянная, мокрая от дождя и росы, в брызгах солнца, упавших на доски сквозь листву. Сосны поскрипывали под ветром, и этот скрип был основным звуком здесь после того, как растворился стук колес электрички. На досках платформы лежал белый пион — кто-то, спеша на последний поезд, обронил его и не заметил в темноте. Я не стал поднимать пион, потому что он был красив именно так: на серых досках черно-зеленые сочные листья и белое жабо цветка.

Дорожка за платформой была песчаная, впитавшая влагу, хрустящая, словно там, за соснами, должны начаться дюны и море.

Дачный поселок спал. На клумбе возились белые курицы, разрушая вчерашние усилия цветовода, щенок на толстой цепи, доставшейся ему в наследство от крупного предшественника, подбежал к забору и неуверенно тявкнул, чтобы я не заподозрил его в постыдной лени. Цепь оглушительно загремела. В огороде следующего домика стоял с лейкой в руке пожилой мужчина в армейских галифе, майке и соломенной шляпе. Я знал, что долгие годы военной службы его преследовала эта желанная картинка: раннее утро, он с лейкой в руках, тапочки на босу ногу и скрип сосен. Он даже торопил свою нелегкую, бродячую военную жизнь, чтобы приблизить старость... А может быть, я несправедлив к отставнику. Может быть, это великий милицейский детектив, который разводит розы, ожидая, что со следующей электричкой к нему приедут три майора: «Выручи, Иван Порфирьевич, загадочное преступление в Малаховке».

Я шел все дальше от станции, заглядывая за заборы — вернейший показатель характера и имущественного состояния дачевладельца: где же тот дом, в котором я хотел бы проснуться утром и прислушаться к затерянным где-то в детстве звукам — жужжанию пчелы, звону чашек на веранде, скрипу колодезного ворота?

Если счастье — это неуловимое, неизвестно как возникающее состояние, совсем необязательно связанное с большими событиями или радостями, я был счастлив.

А вот и дом.

Его давно надо отремонтировать. Веранда осела, чуть прогнулась крыша, и старые яблони уперлись в стену корявыми ветвями. На краю колодезного сруба стоит гнутое, блестящее ведро, а вокруг колодца сквозь редкую светло-зеленую траву виден желтый слой сосновых игл.

Я толкнул калитку. Она заскрипела, и закачался ветхий, подгнивший у земли забор. «Надо поставить новые столбы, — подумал я, — первым делом надо будет поставить столбы».

В доме, наверное, еще спят. Хотя нет, дверь на веранду раскрыта, а из трубы идет легкий, душистый — его запах долетает до забора — дымок.

Я извинюсь, спрошу, не сдают ли здесь комнату. Или скажу, что когда-то, лет тридцать назад, мальчишкой, жил здесь... Скажу что-нибудь, меня не выгонят.

Кусты недавно отцветшей сирени были мокрыми от росы, и приходилось наклоняться, чтобы не промокнуть. Майский жук тяжело

взлетел с куста, ударил меня в плечо и радужной пулей ушел вверх. Лепестки сирени еще лежали на траве.

Я поднялся по скрипучим серым ступенькам на веранду и остановился перед дверью.

— Есть здесь кто-нибудь?

Я сказал это тихо, чтобы не беспокоить тех, кто еще спит, и себя же, который много лет назад лежал на неудобной узкой кровати, глядя, как луч солнца высвечивает сучки в бревнах стены и завитки пакли между ними.

— Заходи, — пригласили изнутри.

На веранду вышел знакомый человек.

— Мы ждали тебя, — сказал он.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Извини.

— Я же говорю, что мы ждали тебя.

— А я проснулся, спать не хотелось, вышел из дому, сел в первую попавшуюся электричку и приехал.

— Ты знал, куда едешь?

— Я же тут никогда не был. Мне просто показалось, что я здесь жил много лет назад.

— Заходи в комнату. Погляди.

...Они смогли перетащить сюда всю установку. Удивительно, сколько приборов может уместиться в небольшой комнате. Пчела летала над серым пультом, прислушивалась к жужжанию и жужжала в ответ — может быть, заподозрила родственную душу в машине?

— Зачем вы все это сюда притащили?

Я, в общем, ничего не имел против того, что попал именно к своим, к знакомым, к сослуживцам, таким же, как я, вивисекторам и мучителям лягушек. Совпадение не удивляло меня, потому что из совпадений состоит вся жизнь, а сегодня они тем более приемлемы и понятны.

— Ты не понял?

— Ничего не хочу понимать, — отозвался я. — У вас найдется чашка чаю?

— Разумеется, сейчас все сядем и напьемся чаю. С вареньем.

— Что за праздник?

— Твой приход.

— Это не ваш праздник, а мой.

— Кто спорит?

Директор института положил мне на плечо мягкую дедушкину руку. Он подошел сзади, я его не сразу увидел. В комнате набралось уже человек пять. Они улыбались, как шалуны, которым удалось подложить нелюбимому учителю лягушку в портфель, а тот, болезный, сунул в портфель руку именно перед тем, как вызвать к доске двоечника.

— Ну и как? — спросил меня директор. — Нас можно поздравить?

— Нас?

— И тебя в том числе. Ты не понял, как здесь очутился?

— Потому что мне хотелось.

— Потому что нам удалось настроиться на твои биоволны и дать постоянный сигнал. Ты шел сюда, потому что мы тебя звали.

— Жаль, — сказал я.

Они ждали другой реакции. Наверное, смеси восторга и недоверия.

— Ты не веришь?

Я уже верил. Но я не мог рассказать им о рассвете, девушке с красной сумкой, отставном полковнике, скрипе сосен и пионе на мокрых досках.

— Ты куда?

— Не писать же мне здесь заявление об уходе.

— Не кривляйся, — сказал директор. — Мы не могли тебя предупредить. Опыт был бы нечистый.

— Я не об этом. Я о кроликах.

— О каких кроликах?

— И о морских свинках. Мне их жалко. Я сменю работу.

Я ушел, оставив их в искреннем недоумении. Я незаслуженно испортил им праздник, хоть не мстил им и даже не был обижен. Просто они не могли бы меня понять, а мне хотелось сохранить хоть клочки этого моего утра.

— Да погоди же! — кричали от калитки. — Ты же сам потратил на эту работу несколько лет. Это твоя работа. Мы думали, как ты будешь рад!

Я ничего не ответил.

На платформе еще было пусто. Рано же, шесть утра. Для полноты картины не хватало, чтобы пион был растоптан, — красочная деталь для сентиментального рассказа. А пион лежал, грелся на солнце, сосны шумели, ничего не изменилось. И я не знал, стоит ли вернуться в тот дом среди старых яблонь и сосен, ведь там уже сели пить чай, дружно хохочут, вспоминая, как я поднимался на веранду, а потом бежал с непонятной им, смешной обидой...

ШКАФ НЕЗЕМНОЙ КРАСОТЫ

1

Лиза бы не обратила внимания на этот шкаф. В комиссионный приходят не любоваться вещами, а купить одну, нужную и подешевле. Лиза давно уже научила себя не видеть соблазнов, которые так и лезут в глаза. «Ты как кассир, — сказала как-то Тамара. — Миллион рублей в руках, а для тебя — как будто не деньги. Хотела бы я так жить». Тамара так жить не хотела. Она жаждала владеть всем — веща-

ми, путешествиями, машинами, квартирами, мужчинами, но была нежадной, готова была поделиться желаемым с близкими. Особенно с Лизой.

— Лизавета! — крикнула Тамара трубным голосом. — Ты только погляди.

Лиза послушно оторвалась от кухонных гарнитуров и пробралась к Тамаре, в узкий проход между буфетами и шкафами. Рядом с Тамарой она казалась хрупкой и беззащитной.

— Шкаф неземной красоты, — сказала Тамара. — Все в него поместится. Внукам — наследство. Теперь таких не делают.

— А я там присмотрела кухонный шкафчик от польского гарнитура.

— Лизавета, не отвлекайся! Те шкафчики у всех, а этот — уникум.

Лиза покорилась и стала разглядывать шкаф неземной красоты, который, видно, сделали для богатого купца: по бокам двери до полу, посередине сверху застекленный буфет, под ним полка с мрамором и выдвижные ящики; шкаф был украшен богатой резьбой, со львами, гербами и на львиных ногах.

— Наверх будешь ставить бокалы, — сказала Тамара.

— Бокалов у нас нет.

— А рюмки? На свадьбу его тетя принесла. А сбоку платья и костюмы — во весь рост... а в ящики — белье, и еще место останется. Это же мечта!

— Пойдем, я тебе кухонный шкафчик покажу.

— Ничего подобного. Молодой человек! Куда вы? Сообщите стоимость.

Вялый, развинченный продавец сделал одолжение, повернувшись к Тамаре.

— Стоимость на нем написана. Мне отсюда не видно.

— Здесь семьдесят рублей. Почему так дешево?

— А кто купит? В малогабаритную квартиру не влезет.

— Это единственная причина? А он запирается? Ключи есть? Жуком не поеден? Вот видишь, Лизавета, все в норме, и по высоте в вашу комнату влезет. Тем более красное дерево.

— Дуб, — сказал продавец.

— Тем лучше. Выписываем.

— Тамара...

— Если львов отпилить и продавать отдельно, каждый как минимум по пятидесяти рублей. Когда надо будет, я тебе устрою.

— А Павел Николаевич...

— Будет счастлив. Не сразу, но будет. Как только подсчитает.

— Ну вы берете или нет? — спросил продавец.

В одной руке он держал тоненькую книжечку квитанции, в другой — ручку.

— Мы завтра вернемся, — поспешила с ответом Лиза.

— Завтра не гарантирую... Может уйти.

— Берем, — сказала Тамара, отталкивая Лизу и спеша к продавцу. А та вспомнила, что денег с собой всего сорок три рубля, а еще масла и хлеба купить надо. Наверное, у Тамары денег нет тоже, и тогда обойдется.

Деньги у Тамары нашлись. Включая двенадцать рублей за перевозку.

2

Павел Николаевич пришел домой поздно, может, лучше, что не видел, как шкаф вторгался в комнату. Долго стоял перед шкафом, покачиваясь с носков на пятки, поглаживая лысину, потом сказал коротко: «Дура».

И пошел на кухню играть с соседом в шахматы.

Лиза ждала нотации, даже затвердила текст, наговоренный Тамарой, про то, что шкаф вечный, ценный, про львов, но нотация состоялась только утром. Нагоняй без повышения голоса, даже со скукой.

Павел Николаевич сел за стол в пижаме, прикрылся газетой — себя и яичницу отделил от жены. Голос исходил из-за газеты, видны были только крепкие пальцы с аккуратно срезанными ногтями, которые постукивали по краям газетного листа.

— Я выделил средства на приобретение кухонного шкафа, — информировал он Лизу. — Желательно белого цвета. На какие шиши мы теперь его купим? Погоди, я не кончил. Соображение второе: в конце года мне на предприятии выделяют двухкомнатную квартиру. Прописывая тебя в прошлом году на московской жилплощади, я рассчитывал на определенную отдачу в смысле увеличения шансов на метраж. Однако в малогабаритной квартире, даже если этот чурбан в нее влезет, он сожрет все увеличение жилплощади. Ты об этом подумала?

— Но он почти вечный... И львы.

— С тобой в магазине Тамара была? Предупреждаю, что дальнейшего ее пребывания в своем доме я не потерплю. Учти.

Павел Николаевич встал и пошел одеваться. От большого волнения он не допил чай с молоком. Лизочка молчала как мышка. Она сама ничего не ела, да и не хотелось. Павел Николаевич быстро собрался и ушел. А Лизочка достала с верхней полки на кухне, из-за пачек с солью, сигареты, вернулась в комнату и закурила, открыв форточку. Если Павел Николаевич узнает, что она себе позволяет, наверное, подаст на развод. Лизочка глубоко затягивалась, из форточки тянуло мокрым ветром, она думала, что Тамара все равно будет приходить, куда ей без Тамары.

Убирая со стола, смотрела на шкаф, он ей нравился больше, чем

вчера, может, из-за нотации. Шкаф был нежеланным в этом доме — большой, пузатый, со львами, а нелюбимый.

Тамара прибежала без звонка, чтобы ехать на завод, а на самом деле хотела полюбоваться шкафом и узнать, что Лизе за него было.

— Гляжу, — сказала с порога, — что вещи не порушены, а у тебя синяка под глазом нету. Что, обошлось?

— Сердится, — пожаловалась Лиза. Конечно, Павел Николаевич ее ни разу и пальцем не тронул. А вещи рушить при его бережливости даже смешно.

— Что говорил?

— Не велел тебя пускать.

— Ты, конечно, все на меня свалила.

— Сам догадался.

— А я, значит, черный демон, дух изгнанья? Ну и шут с ним, с твоим пузырем. Давно бы от него сбежала...

— Тамара!

— Не умоляй. Лучше пепельницу принеси. Где рюмки? Поставить надо. Они сквозь стекло будут просвечивать, как во дворце.

— Пойдем, пора уже.

В автобусе Тамара все рассуждала, отгородив Лизу грудью от публики.

— Ну если бы рвалась в столицу, к цивилизации. А ты ведь и в своих Кимрах жила не хуже...

— Не знаю.

— А что ты здесь видишь? Он хоть в театр тебя водил? Ну не сейчас, а когда ухаживал?

— Ты же знаешь...

— Знаю. И не ухаживал. Приехал к родным в Кимры, увидел, что ты у тетки полы моешь, и увез...

— Тома.

— Только не утверждай, что ты этого борова любишь. Такая любовь не имеет права на существование.

Лиза ждала остановки. Там им в разные стороны: Лиза — аппаратчица, а Тамара — машинистка в заводоуправлении.

3

Вечером Лиза задержалась, собирала профсоюзные взносы, потом забежала в магазин. Павел Николаевич уже был дома, и не один. Привел своего знакомого столяра. Они вместе простукивали шкаф, выясняли ценность, а Лизочка собрала на стол; хорошо, что четвертинка нашлась. Павел Николаевич сам пьет редко, только в компании, но на всякий случай держит запас.

Проводив гостя, Павел Николаевич встал против шкафа, сам — как шкаф.

— Настоящий дуб, — сказал он, не глядя на Лизу. — Ты его покрой мебельным лаком, тонкий слой накладывай, а трещины замажешь коричневым карандашом.

Потом он ушел к одному профессору, машину ему чинить, а Лиза занялась шкафом. Вымыла, протерла лаком, трещины замазала. Внутри посыпала нафталином. В нижнем ящике нашла какие-то карточки с дырками по краям. Ящик был объемистый, но неглубокий. Что в него положить, Лиза пока не придумала. Зато наверх, под стекло, поставила рюмки, подаренные к свадьбе, и старый фарфоровый чайник с отбитым по краю носиком, с трещинкой на крышке, но очень красивый — старинный, с птицами.

Лизе было интересно представлять судьбу шкафа, воображать, как барышня в белом платье до пола отворяла его, чтобы вынуть хрустальный графин с лимонадом, и наливала в хрупкий бокал.

Когда Павел Николаевич вернулся, усталый, он первым делом вынул чайник, чтобы не портил вида. Лиза, разумеется, не спорила. Она думала, что он человек вообще-то не злой и справедливый, но стесняется, что она может принять его за ровню, как бывает в иных семьях. Но ей это и в голову не приходило. Все-таки разница в возрасте больше двадцати лет. К тому же старший механик, золотые руки. А что она видела? Кончила восемь классов, работала в магазине, ездила в туристическую поездку в Киев, даже не мечтала, что будет жить в Москве... Правда, если бы мечтала, то, конечно, не так, как получилось.

В шкафу всему нашлось место. Даже ненужным вещам. Павел Николаевич ничего не выбрасывал и любил рассказывать, как выбросил какой-то винт, а понадобилось, пришлось рыскать по магазинам. А у Лизы хорошая память, молодая, она всегда помнит, где что лежит: «Лиза, где белый провод? Лизавета, где ручка от рыжего чемодана?»

А теперь все в шкафу. И все равно нижний ящик слева пустой.

4

Тамара поджидала Лизу в проходной.

— Держи, — сказала она. — Билеты в театр. В месткоме раздобыла. Пятнадцатый ряд партера.

— И мне идти?

— Со мной пойдешь.

— А как же Павел Николаевич?

— Наш местком-то. Он все равно бы не пошел. «Дама с камелиями». Дюма написал. Ты «Три мушкетера» читала?

— Читала. Только это другой Дюма. Дюма-сын.

— Удивляюсь я тебе иногда. Все ты знаешь, а ни к чему. Так пойдешь?

— Если Павел Николаевич...

А Павел Николаевич не возражал. Только спросил, какова цена билетам. Лиза была готова к вопросу и сказала, что через местком, бесплатные.

— Тогда надо посетить, — сказал он. — Иди.

Нельзя сказать, что он был страшно жадный, но копил на обстановку в новой квартире, чтобы все как у людей. Тамара говорила: «Ты, Лизавета, учти, он всю жизнь будет копить, передохнуть не даст. Сначала на гарнитур, потом на машину, потом еще чего придумает».

Лиза за полтора года ни разу в театре не была. Даже в кино только три раза ходила. Да что там — свадьбу не праздновали. Свадьба была без белого платья, без машины с куклой на радиаторе и в красных лентах. Скромно справили. Товарищи Павла Николаевича пришли, сосед, тетка. Даже не целовались. Когда кто-то «горько» крикнул, на него с таким удивлением посмотрели, что осекся.

Лиза открыла шкаф, будто не знала, что там одно выходное платье, синее, еще в Кимрах шила, а оно на груди не сходится и ужасно немодное.

— Я завтра задержусь, — сказал Павел Николаевич, не глядя, как жена старается натянуть платье. — Голодный приду. Учитываешь?

— Да-да, я все оставлю. Приготовлю и оставлю.

Павел Николаевич удивился, поднял глаза от кроссворда, но вспомнил, что сам санкционировал театр, и вздохнул с некоторой обидой.

В синем платье идти в театр было невозможно. Лучше вообще отказаться и не позориться перед людьми.

— Не пойду я никуда. Ты не беспокойся, все будет готово.

Павел Николаевич полной розовой рукой снял очки, приглядывался к ней, как к дурочке.

— Билет пропадет. Нельзя не посетить. А я уж как-нибудь...

Павлу Николаевичу важно было оставить за собой последнее слово. И обиду. Если Лиза не пойдет, то в обиде будет она. Это не годится.

А Лиза думала, что туфель тоже нету. Только чтобы по городу ходить. Можно бы сапоги надеть, приличные, но кто сапоги в сентябре в театр надевает? А что, если взять трикотажную кофточку и к ней юбку?

Лизой овладело странное лихорадочное смятение. Будто сама судьба не допускает ее в театр, и никогда уже туда не попадешь в жизни.

Павел Николаевич собрался спать, погасил свет, а Лиза унесла платье на кухню, кое-где распорола, но зазря. И заплакала. Беззвучно плача, вернулась в комнату, выдвинула нижний, пустой ящик, забросила платье и туфли — чего вешать-то распоротое? — легла, раз-

девшись, к краешку, чтобы не беспокоить Павла Николаевича, и долго не могла заснуть, переживая в дремоте сказочные картинки. Вот входит она в театр — роскошно одета, платье на ней, как на той барышне из прошлого, сверкают люстры, и все оборачиваются, любуясь ее прелестью... и в зеркалах она отражается, гордясь сама собой. И во сне это видение преследовало ее, и во сне она понимала, что это неправда, что это видение.

Утром Лиза чуть не проспала на работу, обошлась опять без завтрака, а в обед увидела Тамару и сказала ей:

— В театр я не пойду.

— Ты с ума спятила! Твой взбунтовался?

— Нет, разрешил. Я сама.

— Что случилось? Ты человеческим языком объясни. Тебе надеть нечего?

Ну прямо в точку попала! Лиза промолчала.

— Ты думаешь, там в бальных платьях ходят? Нет, кто в чем.

— И ты пойдешь в чем есть?

— Разумеется, — соврала Тамара.

Она недавно купила платье, итальянское, пониже колен, с оборками. Еще не пробовала.

— Я тебе свое шерстяное дам, — пообещала Тамара.

Лиза только усмехнулась. Заворачиваться в него, что ли?

— Тебе, — кричала Тамара, когда они возвращались в автобусе, — с твоими внешними данными можно в спецовке ходить. Пошли в парикмахерскую. Римма без очереди нам прически сделает. Не хочешь? Ну ладно, я за тобой зайду.

Лиза только отрицательно покачала головой.

5

Наверное, с полчаса Лиза сидела на стуле, просто убивала время, чтобы скорее начался спектакль, потом поздно будет расстраиваться. Но сидеть не удалось. Сосед позвал к телефону — звонила Тамара.

— Лиза, я за тобой не успею. У Риммы задержусь. Буду — смерть мужикам. Я тебя у входа жду. Усекла? Если не придешь, внутрь не войду и вечер себе погублю. Может, даже будущую прекрасную семейную жизнь.

И хлопнула трубкой — не дала возразить.

Вернувшись в комнату, Лиза уже не села. А что, если она и в самом деле Тамаре жизнь погубит? Никогда себе этого не простит. Разве важно, кто как одет? Там и не заметят... В зале посидит. Жаль, что платье распорото. Полчаса осталось до выхода.

Лиза открыла дверцу. Там только выходной костюм Павла Нико-

лаевича и ее халат. Куда же она вчера платье сдуру сунула? Ну конечно же, в нижний ящик... Лиза вытащила платье.

Это было другое платье. Тоже синее, но тянулось оно долго, словно кто-то пришил к нему снизу метр материи. И материал изменился, превратился в бархат, расшитый мелким жемчужным бисером...

«Павел Николаевич», — подумала сначала Лиза. Понимала, что такая мысль равна крушению мира, потому что Павел Николаевич такого сделать не мог...

Лиза укололась. Из платья торчала иголка с ниткой — ее иголка, сама вчера воткнула, в старое. А где же оно?

Лиза приложила к себе платье. Нет, придется примерить. Хотя оно и не свое, но и чужим быть не может. Какое бы ни было объяснение...

Платье держалось на плечах тонкими полосками, как сарафан, — лифчик под него не годился. Надо достать купальник, он без лямок.

Платье скользнуло на нее, как живое, словно только и ждало, чтобы обнять. И стало ясно, что для нее шилось. Доставало оно до пола и делало Лизу выше ростом и тоньше — потому что темное и строгое от жемчужного узора.

Лиза протянула руку в ящик за туфлями — не страшно, что такие, не видно, — но туфли тоже подменили. Они стали синими с серебром, словно специально для платья.

Вот и идти можно... Подумав так, Лиза улыбнулась, потому что в таком одеянии нельзя идти без прически. Но делать ничего особенно не стала. Попудрилась, правда, губы подвела. Никогда этого не делала, но помада и пудра у нее были, на всякий случай, может, чтобы не забыть, что ты молодая.

А что теперь с волосами делать? Конечно, знай она заранее, она бы побежала в парикмахерскую, взбила бы волосы, а то ведь просто патлы — простые, прямые, правда, густые, пепельные. Обычно закручены в косу и на затылке пучком. Теперь же Лиза их распустила, расчесала... да пробили часы. Половина! Ей за пятнадцать минут никогда не добраться. Неужели все пропало? Не пустят?

Лиза схватила кошелек, накинула серый плащ — и на улицу. И там еще одно преступление совершила — мимо такси проезжало, рука сама поднялась. Она, конечно, руку сразу опустила — вдруг Павел Николаевич увидит, но машина уже затормозила: бывает же, как назло, в парк водитель не спешил, обедать не ехал — пожалуйста, хоть на край света. Улыбается.

Добрались до театра без трех семь. Тамары у входа уже не было. Лиза сдала плащ на вешалку, но от бинокля отказалась — и так рубль на такси выкинула, задержалась на секунду перед зеркалом поправить волосы — и оказалось, что такой она себе и снилась. А за спиной мужчина остановился и смотрит.

Зал гудел, ждал начала, надрывался звонок, словно артисты боялись, что люди не успеют рассесться. Лиза достала из кошелька билет, чтобы вспомнить, какое место.

— Разрешите помочь вам. — Другой мужчина рядом стоит, блондин, на вид солидный, а ведет себя, как мальчишка на танцверанде.

— Сама найду.

— Но если вам понадобится все-таки помощь — только взгляните.

А Лиза и не глядела на него. В ушах звон, лица мелькают, одеты, правда, зрители по-разному, но есть и в длинных платьях. А она — лучше многих.

В пятнадцатом ряду возвышалась черная башня — Тамарина прическа. Такая тяжелая башня — вот-вот повалит набок голову. Лиза пробиралась к подруге, платье чуть шуршало, и шуршание смешивалось с остальным театральным, праздничным шумом. Хорошо бы место было не занято, а то, бывает, продают два билета на одно место. Тамара обернулась и сказала:

— Место занято. — И тут же завопила чуть не на весь зал: — Лизавета! Я глазам своим не верю!

Язык ее метался, говорил, а глаза, вишневые глазищи, прыгали по Лизиным плечам и синему бархату, цеплялись за жемчужины, и, когда Лиза уже села, Тамара сказала шпионским шепотом:

— Я сейчас умру. Что ты с собой сделала?

— Ничего, — сказала Лиза, и ей было приятно. — Нашла одно платье...

— Нашла? И туфли нашла? И эти плечи нашла?

Сзади кто-то заворчал: «Потише, действие уже начинается».

Но для Тамары спектакля уже не было. Такого приключения она еще не переживала. А Лиза уже смотрела на сцену, потому что платье ей было нужно не для показа, а как пропуск в театр и без театра не нужно.

Блондин впереди мешал — оглядывался. Тамара мешала, ахала. А Лиза смотрела спектакль.

Когда встали в антракте, Тамара вцепилась, как клещ: признавайся. Они пошли в буфет, встали в очередь за пирожными и лимонадом, но достоять до конца не удалось, потому что тот блондин уже успел все взять, и даже бутерброды с икрой, и позвал их к столику, словно знакомый. Лиза даже возмутиться не успела, а Тамара уже среагировала:

— Спасибо за приглашение.

Мужчина был возбужден, шутил, говорил без остановки, а Тамара хихикала, словно все это происходило из-за нее, а Лизе было немножко смешно и приятно слышать, как девчата за соседним столиком спросили: «Ты забыла, ее по телевизору в постановке показывали? Из Тургенева».

Второе действие Тамара тоже мешала смотреть — очень ей блондин с бутербродами понравился. Уже узнала, что его зовут Иваном. Ах, Тома, неужели тебе непонятно, почему блондин такой старательный?

— Он в НИИ работает, — шептала Тамара на ухо, — очень интересный. Только нос мне не понравился. Слишком крупный. Но ведь нос — не самое главное для мужчины, а ты как думаешь?

Лиза снова ее не слушала.

В общем, вечер выдался хороший. И пьеса отличная, и актеры играли отлично. А Лиза как будто изменилась — какое-то магическое влияние оказывало на нее синее платье. Когда на лестнице после спектакля стояли, одна жемчужинка от платья отлетела. Так что, Лиза бросилась ее искать? Ничего подобного. Иван к ее ногам — подобрать, а какой-то седой старик сказал с улыбкой:

— Зачем разбрасывать драгоценности, девушка?

Иван протянул жемчужину, а старик сказал:

— Чудесный жемчуг. Японский? Разрешите... — Повертел в пальцах и добавил: — Я старый геолог и, должен сказать, разбираюсь. Впрочем, вы так прекрасны... — и вздохнул. Лиза даже покраснела.

А Тамара Ивану свой телефон диктовала. Зря это, не понимала она простой мужской тактики. Тамара для него — ниточка, не больше. А ей, Лизе, все это ни к чему. У нее дом, Павел Николаевич, работа. И не будет завтра ни туфель, ни платья — и на том спасибо. Кому спасибо? Шкафу?

Внизу Иван занял очередь в гардероб, Тамара отлучилась, а к Лизе подошел молодой человек, знакомый на вид.

— Пани Рената? — спросил он. — Я вас узнал.

— Я не пани, — сказала Лиза. Еще чего не хватало. И тут же узнала. Актер. И даже известный. Только позавчера по телевизору выступал.

— Простите, — сказал актер. — Признаюсь, что не знал, как мне подойти к вам. И придумал начало — про Ренату. Разве плохо придумал?

Лиза сказала, что плохо, но улыбнулась, потому что актер был очень обаятельный. Тем более что с разных сторон на них смотрели и все мучились вопросом: с какой красавицей разговаривает тот актер?

Но тут же разговор и кончился. Вернулся Иван с плащами, увидел актера и сразу стал такой сухой, вежливый, что недалеко до неприятностей. Лиза по старым временам знала, что тут надо парней разводить, а от Тамары проку нет: она как узнала, какой у Лизы новый поклонник, — челюсть отвисла.

Лиза — плащ через руку, ничего, на улице оденется, другой рукой Ивана подхватила и к выходу, даже не попрощалась с актером.

На улице Иван опомнился и сообразил:

— Убежим от нее?

Это он имел в виду Тамару. До чего проста мужская хитрость!

— Нет, — сказала Лиза почти весело. — Не убежим.

— Лиза!

— И провожать не надо. Прошу вас, не портите вечер. Хороший вечер.

— Хороший, — признался Иван, но с такой печалью, словно на вокзале.

Лиза спохватилась, что все еще держит его за руку. Опустила и поглядела на часы. Половина одиннадцатого. Павел Николаевич уже домой пришел, сердится. И такой длинной показалась дорога между театральным подъездом и комнатой с одной лампочкой под потолком, в двадцать пять свечей — больше экономия не позволяет.

Глаза у Ивана грустные и совсем не нахальные. Лиза знала: что она ему сейчас прикажет, то он и сделает.

— Уходите, — сказала она. — А то сейчас выйдет Тамара, и я так сделаю, что вам ее придется домой провожать.

— Я и на это готов.

Но послушался, ушел. И вовремя. Потому что выскочила Тамара — *черные вавилоны на голове наперекосяк*.

— Ты знаешь, меня этот, артист, задержал. Кто, спрашивает, такая, почему не знаю? Ну просто с первого взгляда рехнулся. Слушай, он еще там стоит. Он решил, что Иван твой муж. Я ему телефон мой дала.

— Зачем?

— Как зачем? Кроме всего прочего — билеты обеспечены. На самый дефицитный спектакль. Ты понимаешь?

Лиза махнула рукой и побежала к остановке троллейбуса. А Тамара осталась. Металась между подъездом и Лизой. Потом вспомнила и крикнула вслед:

— А Иван где?

6

Лиза поднялась по лестнице, открыла дверь своим ключом. В коридоре было темно, только в щель из-под двери комнаты пробивался свет. Не спит. Плохо, придется платье показывать.

Лиза стояла, не входила. Ей стало себя жалко. И не может она рассказать Павлу Николаевичу про спектакль, и про старика профессора, и как переживала Тамара. А ведь со своими товарищами он разговаривает, что-то ему на свете интересно... И Тамара завтра по всему заводу раззвонит, и еще не придумано, откуда у нее платье... Она вошла в комнату.

Павел Николаевич ее не видел. Он сидел на полу перед шкафом, лысина поблескивала под лампой, а вокруг разложены разные приборы. Нашел время свои завалы разбирать...

— А, — сказал он, не оборачиваясь. — Явилась, не запылилась.

Голос не обиженный, не сердитый. Выговора не намечается.

— Что ты делаешь? — спросила Лиза, снимая плащ. — Ужинал?

Только тут поняла, что шкаф распахнут, а нижний ящик вытянут на пол.

— Понимаешь, заглянул туда, думаю, как использовать, — пустой ведь. И при первом же расчете пришел к выводу о том, что ящик не до конца задвинут. Следовательно, там что-то находится.

Павел Николаевич был необычно говорлив. Доволен собой.

— Значит, я его вынул — и оказался прав. Там деталей целый вагон. Кто-то прятал с тайной целью. Смотри, трансформатор миниатюрный. Разве у нас такие делают? А провода отсоединенные я отдельно складываю. У меня один человек есть, он из них ремешки вяжет, по три рубля с руками отрывают. И схемы транзисторные. Тонкая работа. Я уже шестнадцать панелей снял, а там еще сколько осталось! Хочешь, погляди.

Он говорил и говорил, не глядя на Лизу, а Лиза стояла, прекрасная, как принцесса, и понимала, что шкаф убит. Никакой сказки — шкаф оказался прибором, чтобы осуществлять желания. Люди старались, изобретали...

— А ведь люди старались, — сказала она тихо.

Удивленный не столько словами, сколько тоном Лизы, Павел Николаевич поднял круглую голову.

— Старались бы — не сдали в комиссионку.

— Наверное, случайность вышла, ошибка.

— Не надо было сдавать. — Он отгонял сомнения и опаску. — Я уже предварительно подсчитал — больше чем на сорок рублей получается.

— Люди старались, и он еще много мог сделать...

— Не мели ерунду. — Павел Николаевич нырнул в шкаф — голос оттуда доносился глухо. — Что за платье надела? У Тамарки взяла?

Ответа он не ждал, Лиза и не стала отвечать. Не поверит. А поверит — еще хуже: разозлится, что не сказала вовремя. «Могла записку оставить, мы бы его использовали». Лучше, что не использовали.

— Ты с платьем аккуратнее. Если пятно или что...

Лиза смотрела в зеркало. Бледное, незнакомое лицо и глаза большие и темные — одни зрачки.

Что-то внутри шкафа зашуршало, лопнуло. Тяжело дышал, старался Павел Николаевич.

И Лиза услышала свой голос. Только потому и догадалась, что свой, что больше некому было так пронзительно, зло, отчаянно кричать:

— Вылезай! Кончай сейчас же! Люди же старались...

ВЯЧИК, НЕ ДВИГАЙ ВЕЩИ!

1

Мать пришла проводить Вячеслава на аэродром и держалась корректно. Вячик опасался не слез, не тревожных слов, а указаний, которые она не сделала дома и могла изложить здесь, в группе туристов, которые пока что присматривались друг к другу, выбирая себе партнеров или приятелей на время поездки в Англию.

Мать держала в руке скрученный журнал с латинским названием, потому что всегда помнила, что должна производить впечатление деловой, современной и умной женщины. Все это и так было понятно с первого взгляда, журнал был перебором.

Вячеслав проследил за взглядом матери. Особенно доставалось от него женщинам, одну из которых, худенькую шатенку, мать пронзила взглядом насквозь.

— Я подумала, — произнесла мать, — о той легкости, с которой завязываются в наши дни интимные отношения в среде молодежи. Мне приходилось наблюдать на Южном берегу Крыма, как внешне добропорядочными девушками овладевает какое-то специфическое курортное остервенение. Нет, я не ханжа...

Шатенка была причесана на прямой пробор и напомнила Вячику девушек с акварелей пушкинских времен. Слово «остервенение» с ней никак не вязалось.

— Ты меня слушаешь? — спросила мать. — Ты не забыл ключ? Может случиться, что я буду на конференции, когда ты вернешься.

Фраза была сказана слишком громко, в расчете на аудиторию. Аудитория не обратила на фразу внимания.

2

Люда работала в библиотеке, была моложе Вячика на тринадцать лет, и в начале зарубежного путешествия ее смущали робкие знаки внимания старшего экономиста. Может, даже не сами знаки, а ирония, с которой относились к ним окружающие.

От смущения Люда была с Вячиком суха и официальна, пока однажды в автобусе не зашел разговор о книге Маркеса, и Вячик в споре оказался союзником Люды. А вскоре у Вячика обнаружились два достоинства, занимавшие верхние ступеньки на шкале моральных ценностей Люды: он был добрым и начитанным. Люда перестала его чураться.

А Вячиком овладела непривычная говорливость. Ему хотелось, чтобы Люда знала о нем все, начиная с воспоминаний о раннем детстве. Он не сразу сообразил, что происходило это оттого, что Люда

была идеальной слушательницей, заинтересованной и благожелательной.

И ничто не предвещало (так казалось Люде) каких бы то ни было перемен в этих ровных отношениях.

Как-то вечером они стояли на берегу Темзы. В спину им косились печальные граждане города Кале с одним большим городским ключом на всех — творение великого скульптора Родена. Темза была неширока, другой, правда, они и не ждали, а на том берегу тянулись здания с открытки, купленной Вячиком еще в аэропорту.

— Вы не замужем? — спросил неожиданно для себя Вячик.

— Я раздумала, — ответила Люда. — Он хороший человек, но у нас с ним совершенно разные интересы.

Вячик с грустью подумал, что Люда еще очень молода и потому может судить и решать так категорично. С возрастом жизнь усложняется.

— Наверное, вам не следовало задавать такого вопроса, — сказала Люда.

— Почему?

— Это вмешательство в мою личную жизнь. — Люда вдруг улыбнулась и добавила: — Смотрите, какой смешной пароходик! Очень древний. Я же не спрашивала, почему вы не женаты.

— В этом нет тайны, — признался Вячик, любуясь ее строгим, четким профилем. — Я привык жить с мамой.

Люда обернулась к нему, и тонкие высокие брови удивленно приподнялись.

— Понимаете, мама не представляет себе иной жизни. Она давно рассталась с отцом, я у нее единственный сын, единственный по-настоящему близкий человек.

— А дальше как? — Вопрос вырвался у Люды непроизвольно. Ей не хотелось допрашивать Вячика.

— Дальше? — Вячик пожал плечами. — Не знаю.

— Знаете, что я думаю? — сказала Люда, помолчав. — Вы, наверное, никогда еще не любили изо всей силы. А если это произойдет, вашей маме придется смириться.

— Сомневаюсь, — возразил Вячик. — Мама никогда не смирялась.

В последнюю ночь в Лондоне Вячик принялся писать стихи. Для того чтобы не разбудить Завадовского, жившего с ним в одном номере, Вячик ушел в ванную, где искал рифмы, сидя на эмалевом бортике и опершись спиной о горячую трубу. Как назло, Завадовский среди ночи проснулся и, сонный, ворвался в ванную. Вячикина пижама была распахнута, обнажая подушечный живот, грудь, гладко переходящую в округлые плечи. Вячик не сразу опомнился. Его толстые пальцы крыльями синицы, закрывающей детей от коршуна, метались по листу блокнота.

Завадовский, несмотря на клятвенные обещания, не удержался, назавтра же поделился с остальными своим открытием. За обедом Мария Петровна, пожилая дама, невзлюбившая Люду, попросила Вячика прочесть стихи. Вячик ушел из-за стола, не доев желе, а Люда, поняв, в чем дело, тихо заплакала и ушла тоже. Завадовский не рад был, что затеял эту историю. Люда разыскала Вячика в баре гостиницы, где тот истратил половину своей валюты на три стаканчика виски.

Это происшествие изменило отношение Люды к Вячику. Не столько из-за самого факта поэтических упражнений старшего экономиста, хотя Люде это польстило, сколько потому, что Вячик пострадал и был унижен из-за своих к Люде чувств.

Вячик заподозрил в поведении Люды жалость, а мама всегда учила его отвергать это чувство как позорное. Но так как в течение оставшейся недели вся группа, за немногим понятным исключением, взяла за обычай опекать их и всегда получалось, что они оказывались на соседних местах в автобусах или за столом, то Вячик несся, почти не сопротивляясь, в быстром и сладостном потоке странного безвременья.

3

Они гуляли вечером по Ливерпулю, городу, не предназначенному для романтических прогулок, замкнутому и занятому собственными делами, и оттого, что прочим людям не было до них дела, ощущали единение душ, редкое даже у людей, знающих друг друга давно и близко.

И вдруг Вячик ощутил приближение этого ч у в с т в а.

Он не был уверен, правильно ли угадал его, потому что в нем в тот момент уживалось столько разных чувств, что даже дрожали пальцы. Но признаки совпадали. То же состояние эйфории, счастливой отрешенности от забот и щекотного предчувствия того, что через минуту, час, день все будет так же хорошо. Или еще лучше.

— Я бы сейчас мог что-то сделать, — произнес Вячик торжественно.

Люда не ответила. Но неожиданно остановилась. Они стояли у витрины, в которой изгибалась изможденная девушка в норковой шубе, любуясь своими изящными, умело раскрашенными гипсовыми пальцами. Небо над улицей было зеленым, и Вячику вдруг показалось, что они в воде, а Люда — русалочка, печальная и беззащитная.

— Я знаю, — сказала Люда. — Я вас понимаю.

— Нет, я не о том. — Вячику очень хотелось, чтобы Люда поняла его правильно. — Я не вообще, а об особом чувстве. Мама даже хотела отвести меня к психиатру.

Люда подняла брови. Вячик смешался и неожиданно спросил:

— Вам бы хотелось такую шубу?

— Нет, — ответила Люда, все еще глядя в упор на Вячика. В ее зрачках отражались искорки — огни реклам. Люда дотронулась до его руки, и Вячик замер, боясь спугнуть ее пальцы.

— Ты знаешь, — начал он очень тихо, — у меня так бывает, когда эмоциональный подъем. — Вячик другой рукой снял очки и сунул их в нагрудный карман. Люда убрала руку.

— Вы почему сняли очки? — спросила она.

— Очки? Ах да. — Очки тут же вернулись на место. — А что?

— У вас был такой вид, будто вы хотели меня поцеловать.

— Ой, нет, ни в коем случае! — поспешил ответить Вячик.

— Я так и не подумала, — строго сказала Люда.

Что-то он забыл. Что-то потерялось за эти минуты. И не только в нем, в Вячике, но и в Люде. Люда сказала:

— Уже поздно. Пора в гостиницу. Может быть, вернемся?

Вячику надо было сказать «нет», потому что в вопросе не было уверенности и желания вернуться. Но он послушно кивнул головой, и они пошли к гостинице.

— А почему вы рассказали о психиатре? — спросила вдруг Люда минут через пять. И Вячик, который думал, что Люда сердита на него за то, что он чуть было не поцеловал ее на улице, у витрины, обрадовался вопросу.

— Мама очень хочет, чтобы я был солидным, — объяснил Вячик. — И когда она узнала, что я могу так поступать с вещами, она испугалась, что это ненормально.

4

Тогда, года два назад, он сдал последний кандидатский экзамен, и была очень хорошая погода. Даже такого сочетания порой достаточно для счастья. Вячик возвращался домой и понимал, что он всесилен. «Я, наверное, могу летать», — сказал он себе, сворачивая в переулок. И даже поднял руки, словно примеряясь, но руки прорезали воздух и вернулись к бокам. Нет, летать он не мог. И тогда он увидел спичечный коробок, лежавший шагах в трех на тротуаре. Остановился, потому что его новая сила была каким-то образом связана с тем спичечным коробком. Коробок был белый с красной надписью «Гигант». Надо убрать коробок с тротуара, понял Вячик, но подходить к коробку и наклоняться было слишком просто. Тогда он приказал коробку уйти с дороги. Коробок не хотел слушаться. Пришлось напрячься и даже снять очки, которые мешали приказывать. Борьба с коробком продолжалась минуты две, и прохожие с удивлением оглядывались на высокого сутулого мужчину, который стоял на тротуаре, вперив взгляд в некую точку впереди, и делал непроизвольные движения корпусом. Коробок готов был уже подчиниться, но тут шедший навстречу мальчишка наподдал его ногой, и тот отлетел в сторону. Вячик проследил глазами за полетом коробка и в этот момент понял, что, лишенный поддержки, тот теперь в его власти, — он перехватил в воздухе его взглядом и заставил, изменив направление полета, опуститься в урну, стоявшую у стены дома.

— Вот так-то, — сказал Вячик мальчишке, но мальчишка не услышал.

— Мама, — сообщил Вячик, придя домой, — я обнаружил в себе редкое свойство.

— Как экзамен? — спросила мама. — Я уже два раза звонила в институт, но на кафедре никто не подходит. Удивительно легкомысленное отношение к своим обязанностям.

— С экзаменом все хорошо. А что ты думаешь об управлении вещами на расстоянии?

Мать поцеловала Вячика в лоб, для этого ему даже не пришлось наклоняться — они с матерью были одного роста.

— Сущность твоей специальности, — начала она, направляясь на кухню, чтобы разогреть обед, — экономики, заключается в умении управлять вещами на расстоянии. Власть над производственными силами общества...

— Я мысленно могу передвигать предметы, — сказал Вячик. — Хочешь, покажу?

Его все еще не покидало волнение счастливого свойства, заставлявшее сжиматься сердце и требовавшее немедленных действий.

— Ты волнуешься? — спросила мама. — Разумеется, ты истратил немало нервной энергии.

— На улице я увидел, как мальчишка наподдал ногой спичечный коробок, — сказал Вячик. — И я изменил направление его полета.

— Вячик! — перебила его мама. — Где у нас лежит элениум?

— Мама!

— Ты знаешь, как меня беспокоит твое психическое состояние. Именно психические сдвиги были первопричиной моего разрыва с твоим отцом.

Вячик вздохнул. У отца, насколько Вячик знал, с психикой все было в порядке. У отца была другая семья, двое детей, он присылал поздравления Вячику ко всем праздникам и подарки ко дню рождения. Счастливое состояние постепенно испарялось. Мама шуршала в аптечке, разыскивая элениум. Вячик постарался поднять спичечный коробок, лежащий на плите, тот дрогнул, шевельнулся, но не поднялся.

— Телекинез осужден наукой, — сказала мама, разрывая целлофановую обертку лекарства. — Прими таблетку, и тебе полегчает. В ином случае придется показать тебя психиатру.

Вячик, разумеется, принял таблетку.

5

— А сейчас вы могли бы что-нибудь сдвинуть? — спросила Люда. Они уже вернулись к гостинице.

— Не знаю, — растерялся Вячик. — Для этого должно быть особое настроение.

— И сейчас его нет?

— Оно было там, у магазина.

— И что случилось?

— Не знаю. Что-то случилось.

— Да, — согласилась Люда. — Что-то случилось.

В последующие дни им не удавалось остаться вдвоем, и ворошение в груди, сладко мучившее Вячика при виде Люды, не находило выхода. Перед отъездом англичане давали в честь группы ужин. Мария Петровна сказала благодарственную речь минут на двадцать.

— Завтра, — сказал Вячик, — будем в Москве.

— Да, — сказала Люда. — Я была рада с вами познакомиться.

— Мы в Москве встретимся? — спросил Вячик.

— А зачем? Это никому не нужно.

— Как так зачем? — И Вячик не придумал причин для встречи.

Ночь в комнате, где жил Завадовский с Вячиком, прошла печально. Вячик сидел там в полном одиночестве, скрывшись от спутников, которые отправились бродить по ночному городу, и размышлял о том, что жизнь может завершиться и к тридцати пяти годам. Скоротечность и продолжительность ее зависят от случайных причин, которые складываются в общую модель неудачи.

6

Утром Вячик с Завадовским чуть не проспали отъезд, и пришлось собираться в страшной спешке. В голове и груди была пустота, столь обширная и гулкая, что Вячика можно было засыпать зерном, как элеватор.

Вся группа уже ждала в автобусе, и дамы встретили их укорами.

Место рядом с Людой пустовало, но Вячик не прошел туда, а примостился рядом с водителем. Он старался вспомнить, как звучит на латинском языке выражение «Так проходит земная слава», но не вспомнил.

Отстраненное одиночество Вячика прервалось в зале ожидания, потому что Люда подошла к нему и сообщила:

— Мне жалко, что так произошло. Извините меня.

Люда еле доставала ему до плеча, голос ее сорвался.

— Я ночью ревела, — пожаловалась она. — Вообще-то я плакса.

— Я не знал, — ответил Вячик тихо.

— Возьмите мой рабочий телефон, — предложила она. — Если хотите.

— Конечно, — согласился Вячик. — Когда я отпечатаю фотографии, я обязательно вам позвоню.

Объявили посадку.

Они сели рядом.

— Мне сейчас лучше, — призналась Люда, когда самолет выруливал на взлетную полосу.

— Ты не понимаешь, — сказал Вячик. — Ты не понимаешь, что я сейчас для тебя все могу сделать.

Это чувство поднялось к самому горлу. Вячик запрокинул голову, чтобы не захлебнуться в нем.

Власть Вячика над предметами, над всем миром была настолько велика, что он одним ударом мог бы обрушить в Темзу Вестминстерское аббатство или повернуть течение Нила. И, как назло, под руками не было ни одного предмета, которым можно было бы манипулировать без боязни кого-то обидеть или задеть.

Самолет замер, ожидая сигнала на взлет. Двигатели ревели приглушенно, набирая силу, чтобы взвыть на бегу. Вячик представил себе серебряную протяженность машины, завершенную плавником стабилизатора. Он осторожно взялся за стабилизатор и, приподняв самолет, повел его вокруг оси.

Кто-то в салоне ахнул.

Люда поглядела на Вячика и увидела, что в его мягком, мясистом лице прорезались твердые скулы, и напряжение, владевшее Вячиком, было столь велико, что Люде схватило сердце.

— Вячик, — прошептала она, кладя ему руку на колено. — Вячик, не надо. Я вам верю.

Но Вячик все-таки повернул самолет на триста шестьдесят градусов, поставил на место и только потом открыл глаза, улыбнулся и накрыл ладонью тонкую руку Люды.

Взлет задержали, пока выясняли, что случилось с машиной. Люда делала вид, что сердится на Вячика, хотя ей было лестно, что ради нее совершаются такие безобразия.

— Только чтобы в воздухе — умоляю, не надо, — попросила Люда.

— В воздухе я, наоборот, не дам упасть, — убежденно сказал Вячик. — Со мной можно даже без мотора летать. Удержу.

— Спасибо, — прошептала Люда.

Пока летели до Москвы, Вячик и в самом деле вел себя пристойно. Он позволял себе лишь небольшие проступки: когда стюардесса разносила лимонад, он заставил стаканчик вспорхнуть с подноса и опуститься Люде в руки. К счастью, стюардесса была занята и не обратила на это внимания.

— Вячик, — напомнила Люда. — Вы же обещали.

7

Мама не встречала Вячика в Шереметьеве. Наверное, сидела на конференции и благородно страдала, разрываясь между любовью и долгом и ставя долг чуть-чуть выше любви. Люду тоже никто не встретил, и Вячик, благодарный конференции, отвез Люду домой, продлив тем минуты молчаливого счастья.

Дома мамы тоже не оказалось. Только записка, в которой перечислялось, что есть на первое, что на второе, откуда достать компот. В записке выражалась надежда, что полет прошел нормально и поездка в Великобританию дала сыну многое с познавательной точки зрения. Вячик улыбался, читая записку: мать бывает порой умилительна. Он выложил на стол желтый английский портфель — подарок для мамы, единственную свою покупку, и направился на кухню, чтобы заняться обедом. И тут он сообразил, что, пользуясь своими способностями, сможет революционизировать скучный процесс приготовления пищи.

Вячик перетащил из комнаты в кухню кресло, поставил его у двери и удобно устроился в нем. Жаль, Люды нет — она бы оценила то, что он намерен предпринять. У нее есть чувство юмора, которого так не хватает маме. Зато у той кое-каких иных качеств в избытке.

Сначала Вячик сосредоточился на мысленном действии и, не покидая кресла, заставил открыться дверь холодильника. Там на второй полке должна стоять кастрюля с супом. Поставим ее на плиту. Нет, сначала мы плиту разожжем. Это оказалось делом сложным и требующим сноровки. Во-первых, спички тут же высыпались из раскрытого на расстоянии коробка, собирать их по полу Вячик не стал, а выбрал одну, самую красивую, и раз двадцать заставлял ее чиркать, пока она не зажглась. Это поглотило столько энергии, что Вячик утомился и, чтобы восстановить силы, вызвал в памяти образ Люды. Подкрепившись таким образом, Вячик зажег другую спичку, но оказалось, что он забыл повернуть кран газовой плиты. В следующей попытке он сначала открыл кран, но к тому времени, как удалось зажечь спичку, кухня так наполнилась газом, что вместо того, чтобы ставить суп на плиту, пришлось открывать форточку.

Газ горел, холодильник был распахнут, но кастрюли с той точки, откуда Вячик руководил вещами, не было видно. Он мысленно заставил все предметы, стоявшие на второй полке холодильника, медленно сдвинуться к дверце, но прежде чем показался белый бок кастрюли, на пол вывалились банка со сметаной, два огурца и, что самое обидное, незакрытая бутылка с подсолнечным маслом.

Подобрав ноги, чтобы не наступить в смесь сметаны и масла, ручейком подобравшуюся к его ботинкам, Вячик поставил суп на плиту. Да, мама велела заправить суп вермишелью. Где же вермишель? Обычно она стоит на верхней полке над плитой. Открыть полку труда не составило. Вот и белый пакет. Умело маневрируя пакетом, Вячик

заставил его в полете медленно накрениться и ссыпать содержимое в кастрюлю. К сожалению, только тогда Вячик догадался, что достал не вермишель, а соль. Пришлось поставить соль на место, хотя к тому времени вся плита вокруг кастрюли была покрыта серебристым инеем, а крупицы, попавшие в огонь, вспыхивали синими огоньками. Поразмыслив немного, стоит ли заправлять суп, раз уж он пересолен, Вячик все-таки решил довести дело до конца, отыскал на полке пакет с вермишелью, но, когда сыпал ее в суп, промахнулся, и вермишель в основном оказалась на полу.

Эта неудача Вячика вовсе не расстроила. Можно было поджарить котлеты. Он сдвинул кастрюлю с супом, чтобы освободить конфорку, кастрюля чуть было не опрокинулась, но отчаянным усилием Вячик удержал в ней остатки супа и поставил кастрюлю в мойку. Смешанный поток масла, сметаны, вермишели и бульона уже протек под креслом и длинным языком уполз в коридор.

Вячик почему-то развеселился. Усилием мысли он, вытащив из холодильника и поставив на пол тарелку с котлетами, стал метать их оттуда на сковородку. Не всегда удачно. Одна котлета, к примеру, ударилась в стену и приклеилась к ней. Еще две упали за плиту. Зато три остальные попали куда следует, и Вячик принялся искать в холодильнике сливочное масло, чтобы котлеты не пригорели.

— Вячик, — окликнула его мама. Она уже минут пять стояла сзади, но Вячик, в азарте созидания, ее не заметил. — Вячик, перестань двигать вещи.

— Мама, — обрадовался Вячик, — ты видела, как я это делаю?

— К сожалению, да, — кивнула мама. Она проникла в кухню, стараясь не ступить в лужу, и первым делом почему-то стала ножом соскабливать с кафеля приклеившуюся котлету. — Сейчас же прекрати это безобразие.

— Мама, это все пустяки, — сказал Вячик. — Мы уберем в пять минут. Но ведь ты не будешь теперь возражать?

— Против чего?

— Против существования телекинеза.

— Нет, милый, буду, — настаивала мама. — Кстати, большое спасибо за чудесный портфель. Мне приятно, что ты обо мне тоже иногда думал.

— Почему иногда? — Вячик оттащил кресло из кухни и достал половую тряпку.

— Кстати, — сказала мама, — ты совершаешь ошибку.

— О чем ты говоришь, мама?

— Я уже звонила Марии Петровне...

— Ах, уже...

Кухня являла собой прискорбное зрелище плодов мальчишеского хулиганства. Вячик отметил это с некоторым удивлением, словно сам не имел к тому отношения.

— У меня вызывает отвращение тот цинизм, с которым эта юная особа пыталась тебя окрутить.

— Мама, перестань, ради бога! Мне уже не десять лет...

— Ему не десять лет, — повторила мама сурово и обвела рукой кухню. — Ему не десять лет...

— Но неужели ты не видишь, что я все это сделал на расстоянии? Не двигаясь с места?

— Любое достижение человеческого разума, — продолжала мама, — имеет смысл лишь в случае, если оно может принести пользу человечеству в целом. Я полагаю, что она в самом деле полностью закружила твою, к сожалению, нестойкую голову...

— Но ты же видела!

— Надеюсь, что ты никогда больше не будешь этим заниматься.

Вячик махнул рукой и ушел из кухни. Он с грустью подумал о том, что все его споры с мамой кончаются тем, что он машет рукой и уходит.

Вернувшись в комнату, Вячик с неприязнью поглядел на самоуверенный портфель, расположившийся на столе, и велел ему убраться со стола, но портфель, конечно, не послушался. Вячик присел на корточки перед чемоданом, вытащил из него горсть фотографических кассет. Он же обещал Люде!

— Мама! — крикнул он. — Я пойду сдам пленки проявлять.

— Что за спешка?

— Я восемь пленок в Англии отснял.

— Архитектурные достопримечательности?

— Там все есть. И достопримечательности, и люди...

— Еще чего не хватало! В день приезда из-за рубежа! Ты никуда не пойдешь!

Мать всегда поощряла увлечение Вячика фотографией. Но не сейчас. У нее были все основания полагать, что Вячика в данный момент волнуют не исторические памятники Лондона, а физиономия той особы. А это следовало пресечь.

— Я пошел, — сказал Вячик. И настроение сразу исправилось. В бунте самое трудное — начало.

Мать не ответила, и ее молчание было красноречивее гневного монолога.

На лестнице Вячика встретила соседка и вместо того, чтобы поздороваться, прижалась к стене. Вячик не заметил ее. Он отстраненно улыбался. А перед ним в воздухе, подобно птичьей стайке, плыли восемь фотографических кассет.

ШУМ ЗА СТЕНОЙ

Елизавета Ивановна отлично помнила темный длинный коридор на послевоенном Арбате, над зоомагазином, комнату, в которой умещались она сама, Наташа, Володя и мама, запахи шумной коммунальной кухни, выползающие в коридор, утренний кашель соседа, причитания соседки Тани и хриплый рокот бачка в уборной. Тогда собственная кухня казалась недостижимым символом житейской независимости.

Квартира на Арбате давно уж провалилась в воспоминании, после нее были другие, отдельные, но почему-то в последние месяцы Елизавете Ивановне снилась именно та, арбатская, гулкая кухня. Может быть, потому, что впервые в жизни Елизавета Ивановна осталась одна, если не считать пятилетней Сашеньки — внучки. Наташа, оставив Сашеньку, уехала на полгода к мужу.

Нет, не по кухне тосковала Елизавета Ивановна — просто в такой форме ютилась в ней грусть по соседскому общению, по людям.

Обычно в новых домах быстро создаются отношения некоторой близости (у вас соли щепотки не найдется?), ограниченные лестничной площадкой. Две двери по одну сторону лифта, две — по другую. Но, как назло, на той стороне одна квартира так и не занята, наверное, держали в резерве, а во второй жила странная молодая чета. Эти молодожены вечно куда-то спешили, не ходили, а мелькали, не говорили, а кидались междометиями — то в кино бегут, то в туристский поход на байдарках. Другой сосед был фигурой таинственной. Он так тихо крался к своей двери, что Елизавета Ивановна не была уверена, всегда ли он здесь живет или только изредка заходит. Хотя, вернее всего, он скрывался дома: если зайти в ванную, то слышно, как за стенкой у соседа раздается шум. Иногда похоже на завывание ветра, иногда словно водопад, иногда как будто море накатывается на берег, а чаще всего похоже на станок. Возможно, сосед был кустарем, хотя доброй Елизавете Ивановне хотелось, чтобы он был изобретателем.

Вечером раздался звонок в дверь. Елизавета Ивановна опрометью бросилась к двери, ложку уронила, чуть не разбудила Сашеньку. Ей показалось, что это приехал Володя, соскучился по матери. Может же так случиться? Оказалось — сосед. В халате, сандалии на босу ногу.

— Ах! — сказал он, уловив на живом лице Елизаветы Ивановны разочарование. — Не обессудьте. Здравствуйте. И еще раз простите за беспокойство. У вас электрического фонарика не найдется?

Лицо у него было загорелое, почти молодое, улыбчивое. Но когда улыбка сходила — как сейчас, — становилось оно полосатым, как у дикого индейца. Получалось так оттого, что морщины на нем, спрятанные при улыбке, расходились и там, внутри, оказывалась белая кожа. Это значит, что сосед часто улыбается.

— У меня нет фонаря.

— Нет фонаря. — Сосед улыбнулся шире прежнего. — Как же так, нет фонаря? А я вот свой посеял. Ну вы уж меня извините...

Вроде бы ему надо уйти, а он медлил, топтался в дверях, словно

ждал, что его пригласят. А Елизавета Ивановна так была разочарована, что это не Володя, а сосед, что и не пригласила заходить.

Сосед ушел. Елизавета Ивановна вернулась в комнату. Сашенька спала. Неладно получилось — сама хотела дружить с соседями, а когда один пришел, почти прогнала.

На следующий день, когда вела Сашеньку из детского сада, Елизавета Ивановна встретила соседа у подъезда. Тот спешил домой с удочками через плечо.

— С рыбалки? — спросила весело Елизавета Ивановна.

Сосед как-то не сразу сообразил, что к чему. Поглядел на удочки, пожал плечами, а Елизавета Ивановна уже поняла, что сморозила глупость, — кто же ходит на рыбалку без ведра или бидона, чтобы складывать пойманную рыбу?

— Нет, — сказал сосед, — вы уж простите, я на рыбалку попозже пойду.

Они задержались у подъезда, пропуская друг дружку вперед. Потом Сашенька обогнала взрослых, побежала к двери.

— Ну иди же, бабушка!

— Это ваша? — спросил сосед.

— Внучка, — сказала Елизавета Ивановна. — Ей уже шестой год.

— Никогда бы не подумал, что у вас внучка. Вы так хорошо сохранились. Удивительно просто, да, удивительно...

— А вы заходите к нам как-нибудь, — сказала неожиданно для себя Елизавета Ивановна. — Чаю попьем...

— Ну что вы, как можно, — не то обрадовался, не то огорчился сосед. — Я же человек занятой, но спасибо.

Так Елизавета Ивановна и не поняла, ждать гостя или нет.

На следующий день сосед позвонил часов в восемь вечера. В руке раскачивался пластиковый пакет, в котором вздрагивала сильная серебристая, еще живая рыбина.

— Порыбачили? — обрадовалась соседу Елизавета Ивановна. — Ах, какую большую поймали!

— Это вам, — сказал сосед. — Я вот наловил и принес.

— Ну что вы! — смутилась Елизавета Ивановна. — Ну зачем так? Нам же ничего не нужно. Рыба денег стоит.

Сосед тянул к ней руку с пакетом, пакет раскачивался, и как дальше вести себя — было неясно.

— Нет, вы не подумайте, — совсем смутился сосед. — Я, если желаете, с вас деньги возьму, как в государственном магазине.

— Ну конечно. — Елизавета Ивановна поняла, что виновата, обидела человека — ну что стоило принять подарок соседа, человек хотел приятное сделать, а она в фонарике отказала, а теперь вот вынудила человека торговать подарками... Думая так, Елизавета Ивановна не могла уже отступить от содеянного и спросила вслух: — А сколько она весит?

И думала лихорадочно: «Ну куда же я кошелек положила? Где же этот проклятый кошелек? А там деньги есть? Получка только завтра...»

— Не беспокойтесь, — засмеялся сосед, опомнился, — вы потом взвесите. И меня информируете.

Так, смеясь, он прошел на кухню, положил рыбину в таз, приготовленный для стирки, поглядел на часы и откланялся.

— Дела, — сказал он. — Дела меня ждут.

Вечером, позже, Елизавета Ивановна стирала в ванной, а за стеной шумел сосед — видно, работал. Уууx-пата-там, уу-ух-пата-там. Она пошла спать, а он все трудился.

Назавтра Елизавета Ивановна приготовила рыбу, купила бутылку вина и тортик «Сказка». Потом, уложив Сашеньку, набралась смелости, сама позвонила в дверь соседу.

Сосед долго не открывал, она уже решила, что его нет дома, потом отворил на ладонь, проверил, она ли, после этого скинул цепочку.

— Чего? — спросил он чужим голосом.

— Я, простите, вашу рыбу поджарила, думала, может, вы зайдете... Но, видно, не вовремя.

— Приду. — Сосед захлопнул дверь.

И в самом деле пришел через полчаса. Смоченные водой волосы гладко зачесаны, приличный и вежливый. Денег за рыбу не взял, отмахнулся, хоть Елизавета Ивановна на всякий случай подсчитала и положила на буфет в конверте. Сказал:

— Считайте, что отплатили мне приготовлением пищи.

Выражался он, как заметила Елизавета Ивановна, скучно, что бывает у пожилых людей, много имевших дела с казенными бумагами.

— Я, прошу прощения, не успел представиться, — сказал он, проходя в комнату. — Николин, Петр Петрович. О вас все знаю, в домоуправлении спросил еще при переезде. Полезно знать кое-что о биографии соседей по этажу. А вдруг какой бандит или хулиган попадется, правильно? А у вас здесь чисто, красиво.

Собирая на стол, Елизавета Ивановна рассказывала Николину о своей жизни, тот слушал внимательно, гулял по комнате, разглядывал книги и вещи, а когда Елизавета Ивановна вышла на кухню, замер на месте, ожидая ее возвращения, — проявлял деликатность.

— А я вот вам крайне признателен, — сказал он, снимая с полки какую-то книгу. — Будучи человеком одиноким, я вынужден питаться в предприятиях общественного питания или готовить себе дома, к чему я плохо приучен. У вас научная литература, я погляжу.

— Это не мои книги, зятя библиотека.

— Надо читать, следить за новинками. В моей трудной жизни я был лишен возможности достойного образования, но сейчас на досу-

ге читаю журналы, слежу. Без образования в наши дни чувствуешь себя бессильным перед силами природы.

— Правильно, — отозвалась Елизавета Ивановна, ставя на стол рыбу, — меня иногда просто ужас берет перед всеми этими бомбами и ракетами. Мои-то в Алжире. Далеко.

— Если что случится, — сказал Николин серьезно, — то вы и не узнаете. Война будущего — дело минутное. Если некуда скрыться.

— Может, вы бутылку откроете? — спросила Елизавета Ивановна, чтобы перевести разговор на другое.

— С другой стороны, — продолжал Николин, открывая бутылку и разливая портвейн по рюмочкам, — для человечества в целом куда серьезней проблема мироздания. И я беру именно на таком уровне. Вы позволите мне иногда пользоваться вашей библиотекой?

Ушел он поздно, довольный, на прощание обещал позвать к себе.

— Как кончу одну работу, — сказал он, — обязательно позову.

Елизавета Ивановна думала, что он тут же заснет, все-таки почти в одиночестве выпил целую бутылку портвейна, но Николин сразу принялся за работу. Пока Елизавета Ивановна мыла посуду, она слышала, как шумит сосед за стеной — у-ух та-та-там, уу-ух та-та-та...

С тех пор Николин зачастил к Елизавете Ивановне. То за солью забежит, то телевизор посмотреть — своего у него не было, то пуговицу пришить попросит. А Елизавета Ивановна была рада. Да и сам он всегда был готов оказать услугу. Раз как-то заходил в садик за Сашенькой, когда у Елизаветы Ивановны было профсоюзное собрание, иногда помогал по хозяйству — прибил полку на кухне, заклеил окна. И все это он делал с улыбкой, легко, разговорчиво. А больше всего он смеялся, если приезжал с рыбалки, приносил в подарок рыбу.

— Ну что, — спрашивал он, — Лиза, будешь мне платить, как в государственном магазине?

Знала теперь Елизавета Ивановна о жизненном пути соседа — учился, служил, овдовел, одинок. Были у него увлечения — рыбалка, мечта купить машину и поехать на ней на юг. Была и какая-то тайна, связанная с этим постоянным шумом за стеной, но об этой тайне Петр Петрович молчал. А Елизавета Ивановна, разумеется, и не интересовалась: захочет — сам расскажет.

Книжки, которые брал Николин, он всегда возвращал вовремя, но был ими недоволен.

— Нет, не то, — повторял он, — не то. Некоторые важные проблемы они просто обходят, так сказать, игнорируют.

И может быть, такая мирная соседская жизнь текла бы еще долго, если бы не случай.

Как-то Елизавета Ивановна была в главке, ездила вместо курьера за бумагами. А там рядом рынок. И она решила купить зелени. Она не спеша шла по рынку и наткнулась на соседа, который с утра уехал

на рыбалку. Перед ним грудой лежали рыбины и еще бумажка: «1 кг — 2 руб.».

Елизавета Ивановна так смутилась, что готова была сквозь землю провалиться. Не потому, что торговля на рынке казалась ей постыдной, — ничего такого постыдного в торговле нет. У нее у самой двоюродная сестра продавала на рынке цветы и соленые грибы. Только не положено это было делать Петру Петровичу, солидному человеку, пенсионеру. И ясное дело — он сам это понимал. Иначе бы давно сказал об этом соседке.

Елизавета Ивановна быстро повернулась и поспешила с рынка, надеясь, что Николин ее не увидел.

Но Николин все-таки ее заметил. Вечером заявился.

— В смысле, — сказал он, — значит, так...

Сашенька капризничала, не хотела раздеваться, да и что разговаривать — каждый живет, как хочет.

Николин мялся в дверях, то улыбался, то хмурился.

— Вы не думайте, вам я всегда принесу бесплатно.

— Ах, — сказала Елизавета Ивановна, помогая Сашеньке снять колготки, — зачем вы об этом...

— Я, поймите, ценю вашу деликатность, вы же меня на рынке видели за занятием, которое, с вашей точки зрения, унижает человеческую гордость, но, с другой стороны, плоды моего честного труда могут иметь реализацию законным путем, не так ли?

— Да не видела я вас на рынке! — воскликнула Елизавета Ивановна, полностью выдавая себя. После таких слов ясно было — видела.

— Нет, не отпирайтесь, — говорил Петр Петрович. — Зачем же эта излишняя скромность? Я же за вами давно наблюдаю и понимаю, как вы скромны и благородны.

— Ну что вы!

— Более того, я давно хотел вам открыться, потому что человеку надо найти родственную ему и доверчивую душу. Думаете, легко мне существовать в таком моральном одиночестве?

Николин был взволнован. Елизавета Ивановна его пожалела, велела пройти в большую комнату и подождать, пока она кончит возиться с Сашенькой. Сашенька долго не засыпала, пришлось читать ей сказку, а Николин маялся, ходил за стеной, вздыхал, шуршал страницами в книгах.

Когда Елизавета Ивановна возвратилась к нему, он был на грани нервного взрыва.

— Все! — бросился он к ней. — Я решил. Я сейчас же вам все открою. Именно вам, понимаете? Мне же легче будет, устал я таиться, вы меня понимаете? — и потащил ее к дверям.

— Что вы? Куда?

— Ко мне! Я же приглашал, вы помните, что приглашал?

— Но не сейчас же, десятый час.

— Именно сейчас. Может, завтра я раскаюсь.

— Но как-то неудобно, к одинокому мужчине... — «Что я говорю, что я говорю, старая дура!»

Он все-таки выволок Елизавету Ивановну в коридорчик перед квартирами, не выпуская ее руки. Другой рукой, изгибаясь, как собака в чесотке, начал шарить по карманам, разыскивая ключи. И тут Елизавета Ивановна даже засмеялась и сказала:

— Отпустите меня, не убегу, подожду.

— Спасибо. — Он с облегчением отпустил ее руку, сразу нашел ключи и открыл дверь — три замка по очереди. — Добро пожаловать. Ну заходите же, дверь закрыть надо.

— Как бы Сашенька не проснулась.

— Я вас долго не задержу. Поглядите и обратно.

Он пошел первым к двери в комнату, из-за которой доносился шум, столь давно знакомый Елизавете Ивановне, распахнул дверь, и шум сразу усилился, и оттуда, из-за двери, пахнуло свежим теплым воздухом, влагой и запахом морской соли. Свет в двери был не электрический, а закатный, словно там, в комнате, садилось солнце.

И вдруг Елизавета Ивановна оробела.

— Нет, — сказала она, — в следующий раз.

— А ну! — Полуобняв соседку за плечи, Николин сильно подтолкнул ее к двери, и она вынуждена была подчиниться и переступить через порог.

Никакой комнаты за дверью не было. Был берег моря, опускающийся полого навстречу мягким волнам прибоя, было закатное алое небо и солнце, окруженное фиолетовыми с оранжевыми краями облаками, были какие-то высокие деревья вдали, где берег изгибался дугой, и полоса песка вдоль воды казалась почти белой. Добегая до песка, волны мягко тормозили, склоняя вперед зеленоватые головы. Среди кустов и некрупных пальм были воткнуты в землю палки, на которых была развешена небольшая сеть, стояли два ведра и самые обыкновенные высокие резиновые сапоги.

— Иди! — звал Петр Петрович. — Иди, Лиза! Попробуй, какая вода теплая. Здесь постоянный бархатный сезон. На Кавказ ездить не надо!

— Что же это творится? — сказала тихо Елизавета Ивановна. — Что за фокус?

— Я же говорю — обещал удивить, значит, удивлю. Никакой не фокус. Самое настоящее море в физическом выражении. Ты воду попробуй.

И видя, что Елизавета Ивановна не двигается, Николин сам легко сбежал к воде, зачерпнул в ладони, подпрыгнул, чтобы не замочить ботинки, и поспешил наверх, к гостье. Вода тонкими струйками лилась сквозь пальцы и пропадала в песке.

— Гляди!

На ладонях осталось немного воды.

— Соленая, — сказал Петр Петрович. — Умеренно соленая. Как в Черном море.

Петр Петрович был оживлен больше обычного, он был похож на мальчишку, который зазвал гостей и теперь хвастает перед ними своими мальчишескими сокровищами.

— Ты не представляешь, — он уже вновь бежал к берегу, — сколько любопытных предметов, так сказать, даров море выкидывает после непогоды. Я сейчас покажу.

Он делал круги по песку, пока не отыскал, чего хотел. И вот он уже возвращается, подпрыгивая, увязая в песке, несет на ладонях красивую светлую, свернутую в трубочку, как пирожное, раковину.

Елизавете Ивановне послышался сквозь шум моря плач. Сашенька проснулась!

— Мне надо идти, — сказала она. — Мне надо.

— Ну как же? Разве тебе здесь не нравится?

— Надо. Там Сашенька плачет.

Сразу с соседа слетела радость. Он покорился, проводил ее к отдельно стоящей на берегу двери и сказал скучным голосом:

— А вот здесь мои принадлежности. Я рыбу отсюда — с моря приношу, а?

И это «а» повисло в воздухе. Елизавета Ивановна уже была в прихожей, и Николин затворил дверь к морю, чтобы случайно кто не увидел с лестницы.

Елизавета Ивановна вбежала в квартиру, но там было совсем тихо. Сашенька спала. Елизавета Ивановна поправила ей одеяло и остановилась в нерешительности. Куда теперь идти? Она перешла в большую комнату и там обнаружила Николина. Оказывается, он без спроса проследовал за ней. Елизавета Ивановна понимала, что человек взволнован, и потому ничем не выказала недовольства.

— Это птица была, — сказал Николин тихо. — Там, на море. Там есть одна птичка — поет, как будто плачет ребенок. Я тебе обязательно покажу. А я было подумал, что ты не к Сашеньке побежала.

— А куда? — удивилась Елизавета Ивановна.

— Куда? Разные люди бывают...

Елизавета Ивановна не поняла, что он имеет в виду, но расспрашивать не стала.

— Пошли снова? — спросил Николин. — Там закат у нас красивый.

— Нет, мне постирать надо.

— Ну какая может быть стирка, я же на море зову.

— Ну, в следующий раз, завтра, — пообещала Елизавета Ивановна.

Она закрыла дверь за соседом и только хотела накинуть цепочку, как раздался осторожный звонок.

— Это снова я, — сказал Николин громким шепотом. — Я только одну просьбу хотел высказать.

— Ну что?

— Я тебя прошу, надеюсь, сама понимаешь, чтобы ни одна живая душа... Понимаешь? Начнутся разговоры, а я человек пожилой, одинокий. Значит, договорились?

— Договорились.

— Обещаешь? Слово даешь?

— Даю-даю. Ну ладно, спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Только учти, что слово дала.

На следующий день, в субботу, Николин затащил-таки Елизавету Ивановну на свое море. Дело было утром, спешить некуда. На берегу было довольно жарко, пришлось даже отойти повыше, в тень. Море выпускало из себя яркие искры и вдали, в мареве, сливалось с небом. Елизавета Ивановна думала, какая гадкая стоит на дворе погода, а воспитательница в Сашенькиной группе, Галочка, молодая и рассеянная. Как бы не забыла шарф девочке надеть, когда пойдут гулять.

Петр Петрович был похож на отдыхающего — рубашка-сеточка, брюки засучены до колен, в сандалетах, на голове треуголка, сложенная из газеты. Лицо в тени было совсем черным, только белки глаз голубые.

Из большого ведра, стоявшего рядом, Петр Петрович вытащил, поболтав рукой в компоте мелкой рыбешки — на уху, — зеленую черепашку. Черепашка спрятала голову под панцирь, но ножки вяло болтались, искали опору.

— Полагаю, — сказал Николин, — что Сашеньке такой подарок представит интерес. А то приходилось выкидывать некоторые редкие вещи — черепах, крабов или странных рыб. Зачем мне лишние вопросы — где достал черепаху, где краба нашел и так далее?

Он кинул черепашку обратно в ведро. Черепашка поплыла по кругу, расталкивая рыб, чтобы уйти поглубже.

Петр Петрович поднялся, разглядывая белое пятно на песке у воды.

— Дар моря, — сказал он. — Надо проверить. Чего только волны не выкидывают, просто любопытства не хватает.

Елизавете Ивановне было мирно, тепло, давно не отдыхала она в таком сказочном месте. Только при этом не могла отделаться от чувства, что все-таки это — кино, не настоящее. И от этого тянуло сходить на улицу, посмотреть, не пошел ли там дождь.

Вернувшись, Николин бросил на траву обкатанный морем обломок большой кости.

— Возможно, от кита, — сказал он. — Крупные животные должны скрываться в глубоких местах.

— А другие люди сюда заходят? — спросила Елизавета Ивановна.

— Других людей нет. Местность, полагаю, совершенно ненаселенная.

— Странно, — сказала Елизавета Ивановна. — Обычно на Черном море не протолкнешься. На каждом квадратном метре по отдыхающему. Мы в прошлом году были с Сашенькой в Евпатории...

— Так это ж не Черное море, — сказал Петр Петрович. — Ничего общего.

— Я понимаю, — сказала без убежденности Елизавета Ивановна. — Здесь растительность другая.

И замолчала, ждала, что Николин что-нибудь объяснит. Если у человека море в квартире, то он-то уж должен знать, откуда оно взялось.

— Это вовсе не Черное море, — сказал сосед. — Понимать надо.

Далеко-далеко пролетела птица, видно было, как она снижается к волнам и снова взмывает вверх.

— Мои конкуренты, — сказал Петр Петрович. — Иногда улов на берегу оставить опасно. Налетят чайки и все растащат. Ну прямо стрелял бы их. Самим лень вылавливать, меня эксплуатируют.

— Все-таки не понимаю я с морем, — сказала Елизавета Ивановна, не дождавшись объяснения. — Какой это район?

— Эх, Лиза! — вздохнул Николин. — Если бы все так просто, у каждого бы море в квартире было. Каждому хочется. Я сначала подумал, что имею дело с Индийским или даже Тихим океаном.

— Быть не может!

— Но моя наблюдательность заставила меня пересмотреть свою первую теорию. Не океан это, а неизвестный водный бассейн.

— Так я думала, что все моря уже открыты, — сказала Елизавета Ивановна и мысленно укорила себя за глупость: ясно, что открыты.

— И даже не на Земле это море, — сказал Николин и сделал долгую паузу, глядя на соседку искоса.

— Как же так? — сказала Елизавета Ивановна. Надо ж было что-то сказать.

— А ты наверх посмотри. И сразу все сомнения пропадут.

Елизавета Ивановна послушно поглядела наверх, куда показал Николин. Там, в дополнение к обычному солнцу, что светило слева, было еще одно солнце, поменьше размером, оно ясно проглядывало сквозь листву.

— Вот так-то, — сказал Петр Петрович. — И это дает моему явлению научное объяснение. Я по этому вопросу осторожно с одним учителем разговаривал, популярную литературу просматривал. Есть, понимаешь, одна теория про параллельные миры. Не слыхала? Вот и я раньше не слыхал. А теперь увидал. В общем, будто Земля не одна, их несколько, и они между собой могут касаться. Теперь понятно?

— Так как же? — спросила спокойно Елизавета Ивановна. — Они бы коснулись, и выплеснулось бы ваше море в наше.

— Парадоксы, парадоксы, — сказал Петр Петрович, разводя руками. — Но не в этом дело. Море есть, и это самый реальный факт. Награда мне за мой долгий жизненный путь. И купаться можно. У тебя, Лиза, купальник есть? В следующий раз приноси, купаться будем.

Странно, подумала Елизавета Ивановна, обыкновенный человек, на улице и не поглядишь, и вот — собственное море. И никто не заметил, как эти миры соприкасались. Конечно, если бы кто-нибудь из ученых поглядел, наверное бы, объяснил.

— Можно прожить всю жизнь без счастья и, так сказать, не вкусить. Но некоторым людям выпадает по лотерее. И если много выпадет, хуже. Каждый знает, как истратить сотню, а что делать с десятью тысячами? Так и с ума сойти можно! Я лично за то, чтобы положить все в сберкассу и получать проценты.

— Я в садик пойду, — сказала Елизавета Ивановна. — Лучше пораньше заберу Сашеньку. А то погода плохая.

— Я бы, — сказал Петр Петрович, провожая соседку до двери, — с удовольствием пригласил бы сюда и Сашеньку. Девочка она хорошая, послушная. Но сама понимаешь, начнет она рассказывать иным детям, а те своим родителям — начнутся сплетни, пересуды: зачем ему море, еще жаловаться начнут. Ты уж меня прости...

Петр Петрович был человеком, в общем, незлым. Проблема с Сашенькой его, видно, задела. Иначе с чего бы он, придя в тот же день попозже, завел снова разговор об этом?

— Человек я одинокий, — сказал он, присаживаясь за стол в ожидании чая. — И единственная у меня радость — море. Какое-никакое, но свое.

— Хорошее море, — сказала Елизавета Ивановна.

— И должен тебе сказать, Лиза, что за последние годы ты оказалась тем человеком, к которому я почувствовал искреннее расположение. Нет, не качай головой, ты человек хороший, отзывчивый и, главное, сдержанный. Мне же тоже нелегко — распирает от желания поделиться с кем-то событиями моей жизни. Ведь хожу я на берег, ловлю рыбу, любуюсь закатом, привык даже. Но разве можно Робинзону жить без Пятницы? Нельзя.

— Ну почему со мной делиться? Мало ли кто...

— Нет, ты не понимаешь. Потом поймешь. У меня же планы есть. И не маленькие. Вот ты, например, человек не очень обеспеченный. Не возражай. А мы с тобой можем неплохие деньги зарабатывать, пользуясь дарами океана. Не отмахивайся, Лиза, от своего счастья. Ничего незаконного в моем море нету. Я за него квартплату плачу. Оно где? У меня в квартире, внутри. В твоей его нету, у соседей сверху нету, сам проверял. Да, я о чем поговорить хотел — о Сашеньке. С твоей точки зрения, нехорошо получается — ребенок остается без свежего воздуха. Я подумал, может, мне ей глазки завязать, а?

Елизавета Ивановна обиделась. Вроде бы человек от чистого

сердца предлагал добро ребенку, но как же ты будешь завязывать глаза девочке, которая еще в школу не пошла? Как бандиты какие-то... Но вслух она ничего не сказала, а из-за этого ощутила неприязнь к себе самой, словно предала Сашеньку. И сосед почувствовал, как у Елизаветы Ивановны изменилось настроение, смешался, стал нести какую-то чепуху про физику и параллельные миры. Потом ушел, даже вторую чашку чая пить не стал. Вечер был испорчен.

Елизавета Ивановна мыла посуду, но что-то ее грызло, что-то надо было сделать. Потом поняла. Заглянула в ванную и послушала. Море шумело, ровно и мерно. Уу-ух — разбивается волна о песок, ползет обратно. Там, наверное, яркие звезды, как в Крыму. Заглянуть бы туда, хоть на минутку.

Елизавета Ивановна захлопнула дверь в ванную, вернулась на кухню и пустила струю в рукомойнике на полную силу, чтобы не было слышно морского прибоя.

Рано утром, в воскресенье, Сашенька еще спала, Елизавета Ивановна не успела поставить кашу на плиту, как снова звонок. Ну конечно, он. Она даже улыбнулась:

— Вы бы, Петр Петрович, проделали дырку в стенке, чтобы на лестницу не выходить.

— Не смейся, — сказал Петр Петрович. — Я не заслужил такого отношения. Прости за вчерашнее.

— Ну что вы так стоите? Заходите.

— Спасибо, спешу. На рынок иду, улов надо реализовать. Ты меня не осуждаешь?

— Бог с вами! — сказала Елизавета Ивановна. — Ваше море.

— Вот и хорошо. Я что подумал — соседи мы все-таки. Не чужие. Вот ключи. Это верхний, а это средний. На нижний я не запирал. Заходи, отдыхай, пока я не вернулся.

— Ну что вы!

— Да, — сказал он быстро, всовывая в руку ключи, — ты и внучку взять можешь. Пускай на песочке поиграет. Ничего песочку не сделается... А если она кому расскажет, то ведь не поверят? Правда?

— Не надо мне ключей...

Ключи звякнули, упали на пол, а Николин уже спешил наружу, не оглядываясь, знал, что такая женщина, как Елизавета Ивановна, не оставит на полу ключи от чужой квартиры.

А когда она подобрала ключи и вернулась к плите, то в голове у нее сложились слова, которые надо бы сказать Николину, объяснить все, если он не так понимает. Слова получились значительные, неглупые, но не побежишь догонять...

После завтрака Елизавета Ивановна пошла с Сашенькой гулять во двор. Осенняя холодная погода все грозила дождем, но пока что было терпимо, если не считать ветра.

Посреди двора, за полосой мелких, робких еще саженцев, у пес-

чаной горки, стояли мамы и бабушки, прогуливали детей. Порой кто-нибудь поглядывал на небо, потому что знали — дождь все-таки пойдет, не может не пойти. Ругали погоду. Ругали домоуправа, который обещал сделать качели, да все не делает. Еще кого-то ругали.

Потом, как бы по контрасту с погодой, кто-то заговорил о том, что в этом году была хорошая погода на Рижском взморье, а другая женщина сказала, как жарко было в Сухуми.

Елизавета Ивановна смотрела на Сашеньку, которая стояла в сторонке от других детей, тыча лопаткой во влажный песок.

— Тебе не холодно? — спросила она.

— Нет.

— Может, домой пойдем?

— Нет.

Ребенок был грустный, под стать погоде. Холодный ветер рвал последние листья с саженцев и раскидывал по ржавой траве.

— Пойдем, — сказала Елизавета Ивановна внучке.

— Я не хочу домой.

— Я не домой тебя зову. Мы в гости пойдем.

— Уже уходите? — спросила женщина, которая рассказывала про Сухуми. — Мы тоже скоро пойдем. Так недалеко и до бронхита.

Елизавета Ивановна оставила Сашеньку на лестнице, взяла ключи Николина.

— Это чужая квартира, — сказала Сашенька серьезно, глядя, как бабушка возится с замками. — Нас не звали.

— Дали ключи, значит, звали.

Дверь наконец открылась. Свежий теплый морской воздух ударил в лицо.

— Заходи, — сказала Елизавета Ивановна. — Только ноги вытри, а то дядя будет ругаться.

Она затворила дверь и сняла с девочки пальтишко.

— Ты не пугайся, — сказала она, осторожно открывая дверь в комнату. — И никому не рассказывай...

— А что? — Но тут Сашенька увидела море, очень обрадовалась и совсем не удивилась. Она пробежала несколько шагов к воде, оглянулась на бабушку и спросила: — А туфли снять можно? А то песок в них попадет.

— Разувайся, — сказала Елизавета Ивановна.

Над морем шли легкие пышные облака, белые чайки ссорились над сетью, развешенной на кольях, в которой запутались рыбешки, оставленные Николиным.

— Ты далеко не бегай, — сказала Елизавета Ивановна внучке.

— Я только попробую море и обратно, — сказала она.

Песок у самой воды был упругий, прибитый волнами, и идти по нему было легко и удобно. Но далеко Елизавета Ивановна не отходила, все оглядывалась на дверь, сиротливо стоящую посреди пляжа.

Сашенька нашла ракушку и подула в нее. Потом побежала за черепашкой. Она порозовела, глаза блестели, а Елизавета Ивановна подумала, что надо купить ей панамку.

— А там холодно и дождь пойдет, — радостно сообщила ей Сашенька. Она показала на дверь. «Странно», — подумала Елизавета Ивановна и сообразила, что она сама забыла раздеться, так и идет в пальто по морскому берегу. Осенняя влага паром отходила с рукавов ее пальто.

— Пошли обратно, — сказала она вдруг Сашеньке.

— Я не хочу.

— Мы вернемся. Только сходим в ту комнату и вернемся.

Она схватила Сашеньку за руку и потащила наверх, к двери.

В прихожей она посадила девочку на стул, дверь к морю затворила и сказала Сашеньке строго:

— Жди меня здесь. Я сейчас.

— Только недолго, — сказала внучка. — А то мне скучно. Я к морю хочу.

Елизавета Ивановна выбежала из подъезда. Уже начался дождик, и матери с бабушками разводили детей по домам.

— Погодите! — крикнула она...

Когда через два часа домой вернулся Петр Петрович, он сразу прошел к комнате. Сверху, от двери, он увидел, как полдюжины детей носятся по самой кромке воды в одних трусиках, а женщины сидят чуть повыше, устроившись в тени пальмы, и беседуют о чем-то женском и пустом.

— Это что еще? — крикнул он и, размахивая пустым ведром, бросился бежать вниз по склону. И натолкнулся на несмелую улыбку Елизаветы Ивановны. Она шла ему навстречу.

— Вы уж извините, Петр Петрович, — сказала она, краснея от смущения и робости. — Только на улице дождик и погода плохая. Так уж получилось...

— Как же так? — сказал Николин. — Я же доверился...

Он махнул рукой и почему-то пошел к развешанным сетям, отогнал чаек и стал сматывать свои снасти, стараясь не глядеть вниз и не слышать гомона ребятишек.

ИЗ ЖИЗНИ ДАНТИСТОВ

Не знаю, кого на нашем курсе ненавидели больше — профессора Самойло или старичка Кикина. Тем более что эти совершенно разные люди сливались в нашем сознании в единого мучителя. Другие их тоже осуждали. Я сам слышал в коридоре, возле кафедры, как незнакомый мне преподаватель говорил Самойле: «Вы путаете студентов с морскими свинками». «Нет, не путаю, — отбрыкивался грузный Самойло, — но хочу, чтобы они не считали свинками пациентов».

Басеев клялся Милочке, что в министерстве Самойле категорически отказали и что он все сделал в обход постановлений. Я не удивился. Самойло может игнорировать даже приказ министра. Он никого не боится — гений стоматологии.

Разумеется, Кикин не единственный наш индуктор. К примеру, мне куда больше неприятностей доставила девочка с воспалением надкостницы. Но в ней не было мазохизма. В Кикине мазохизм — основная черта характера.

В понедельник мы на Кикине должны были отрабатывать местную анестезию. Когда я проснулся и вспомнил об этом, у меня участился пульс и подскочила температура. К сожалению, недостаточно, чтобы остаться дома. К тому же я, конечно, понимаю, что Самойло, при всей его первобытной жестокости, желает добра больным. Но все равно невыносимо.

Я пришел в аудиторию минут за десять до Кикина. Лаборантка уже раскладывала по столам приемники. Тощий Гордеев бродил по проходу и спрашивал всех:

— Если у меня несварение желудка, всю ночь не спал, при наложении может возникнуть летальный эффект? Как думаешь, Самойло примет во внимание?

Ему не отвечали. Все знали, что не примет. Свой понос Гордеев придумал по дороге в институт.

Я сел за свой стол и взял приемник. Совершенно безвредная на вид машинка. Похожа на наушники, только вместо мембран присоски к вискам и провод к коробочке самого приемника. Я примерил прибор. Он не был включен, но меня буквально пронизала дрожь — от предчувствия.

Сейчас вплывет Самойло, приведет очередного страдальца, усадит в кресло, лаборантка опутает этого кролика проводами, и мы начнем страдать. Это ужасно, но мудро. Я объективен. Я признаю, что в этом есть мудрость.

Краем глаза я увидел, что прибежала Милочка — отрада моих глаз, мечта моего сердца. И, разумеется, бросилась сразу к Басееву. Пошептались. Милочка клялась мне позавчера, что к Басееву у нее чисто товарищеское чувство. Это что, чувство локтя? Милочка сидела рядом с Басеевым, вертела в руках его приемник, потом они перешли к ее столу и продолжали свои таинственные переговоры, а я старался не смотреть в их сторону и, разумеется, смотрел.

Приплелся Кикин. Махонький старичок с ватой в ушах, в большом пиджаке, на создание которого ушел пуд ваты. Желтая кожа на ручках и лице кое-где провисает складками, а кое-где натянута, и мне кажется, что туда тоже подложена вата. А клочки ваты над ушами образуют волосяной покров. Кикин со всеми поздоровался и вцепился в меня. Этого я и боялся. Он почему-то выделял меня из группы.

— Я сегодня не спал, — сообщил он мне. — Совершенно замучил радикулит. Доходит до степени люмбаго.

За свое долгое общение с медициной Кикин нахватался разных слов и употребляет их почти правильно.

— Песочку, — сказал я ему. — Накалите на сковородке, в мешок и прикладывайте к спине. Народный способ. Многим помогает.

— Мне народные способы не помогают, — сказал Кикин. — Я по натуре аллопат. Отрицаю. Верхний правый резец меня сведет с ума.

«Нас тоже сведет с ума твой верхний правый резец», — хотел я ему ответить.

— Вы не представляете, — сказал он.

— Давно пора запломбировать, — сказал я.

— А вы как же? Как же вы без меня? — удивился Кикин. — У меня четыре группы. С кем работать будете?

Он искренне считал, что жертвует собой ради Науки. Переубедить его невозможно.

Вошел толстый Самойло, окинул нас взглядом Наполеона перед Аустерлицем, хохотнул, сказал какую-то банальность о погоде. Я уже к нему не прислушивался. Я жил в ожидании кикинских страданий.

А сам Кикин — хоть бы что. Уже подбежал к креслу, придерживаясь лапкой за поясницу. Семьдесят два года. Приличная пенсия. Ну что еще ему надо? Зачем культивировать в себе болести и нести их людям, самой несчастной категории людей — студентам-стоматологам?

— Сегодня, — сказал Самойло, — занятие легкое и безболезненное. Местная анестезия. Считайте, что вам повезло.

— А общую анестезию нельзя? — спросил Гордеев.

— Шутка, — понял Самойло. И громко засмеялся. Но притом уже дал знак лаборантке, чтобы привинчивала ватного Кикина к креслу.

Вбежал Мировольский, анестезиолог. Вообще-то обошлось бы и без него, но Самойле надо, чтобы все проходило на высшем уровне.

— На-деваем! — скомандовал Самойло, как на параде.

Я поглядел на Милочку. Она была прелестна и похожа на радистку партизанского отряда. В глазах ее отражался великий ужас, потому что в любую минуту могли ворваться эсэсовцы, застукавшие передатчик. Басеев ленивым движением поправил присоски на висках и откинулся на стуле, словно собирался посмотреть по телевизору передачу об испанской живописи в Эрмитаже.

Крепкая короткопалая рука Самойлы повисла над кнопками пульта. Включение наших приемников он производил сам после того, как заметил, что некоторые слабовольные студенты забывают включать их добровольно.

Сейчас начнется. Что-то Кикин морщится. Наверняка правый верхний мучает. Самойло смотрит на Кикина с сыновней любовью — Кикин лукаво подмигивает ему в ответ. Рука Самойлы врубает кноп-

ки. Я подскакиваю на стуле. Вся группа подскакивает на стульях. Господи, за что такое мучение!

— Вот! — кричит Самойло. — Теперь вы понимаете, от чего мы должны спасать человечество!

Это очень простые, можно сказать, элементарные приемники, плод неразумного творчества какой-то лаборатории в Киеве. Они улавливают болевые ощущения индуктора и точно передают их перцепиенту. Род биоволн. Ничего эти приемники не могут уловить: ни мыслей, ни чувств — только ощущение боли. И когда очкастый доктор наук привез их в Москву в расчете на мировую известность и стал внедрять в больницах, медики, будучи по натуре самыми консервативными и недоверчивыми людьми на свете, от использования прибора при диагностике временно воздержались. До отработки и утверждения. А вот Самойло, как узнал, буквально вцепился в приемник. Ему было легче, чем другим, у него были морские свинки — студенты, беззащитные и покорные. С тех пор мы уже полгода учим симптомы различных болезней полости рта на собственной шкуре. А Самойло вкупе с мазохистом Кикиным, скопищем страданий в ватном нимбе, рассчитывает, что в светлом будущем врачи даже и разговаривать с пациентом не будут, не подключившись предварительно к его болевым центрам.

— Нет больших путаников, чем больные, — уверяет Самойло. — Больному кажется, что его схватил гастрит, а у него на самом деле ничего подобного. Мы вступаем в новую эру медицины. И вы ее предтечи, вы ее пионеры... Не забудем и об этическом аспекте. Настоящий врач не имеет права абстрагироваться от страданий пациента. Он должен разделять их. Понятно?

— Ой, как понятно!

Как же Кикин терпит эти мучения?

— Стоп, стоп, стоп! — кричит Самойло. — Почему боль в пояснице?

— Меня радикулит схватил, — радостно сообщает Кикин. — А что, ощущаете?

Самойло держится за собственную поясницу, он ведь всегда работает с нами вместе. Надо отдать ему должное — терпит, как все.

— Надо было предупредить, — говорит Самойло. — Это искажает картину.

Еще как искажает. Зуб мой ноет, спина болит, а анестезиолог Мировольский, естественно, не спешит. Ему спешить некуда, он не подключен.

Самойло тратит еще пять минут на описание симптомов и рассказ о том, как они будут, по его мнению, изменяться после укола. Я постепенно привыкаю к боли и гляжу на Милочку. Но раньше вижу Гордеева. Человека большого, лобастого, но удивительно ограниченного. Я вижу, как Гордеев достает пачку аспирина и кидает две таб-

летки в рот. Дурак, сколько я ему говорил: нельзя лечить себя, если ощущаешь чужую боль. Но он твердит, что это ему помогает. А Милочка что-то пишет. Это почти невероятно. С ее страхом перед болью — она даже хотела уйти из института, когда Самойло разыгрался, — она пишет! Неужели тоже аспирину наелась? Басеев наклоняется к ней через проход и что-то шепчет. Милочка складывает записку и передает Басееву. Может быть, я чувствительнее других к боли? Я сейчас и слова бы не написал. Мне хочется вскочить и бегать по комнате, схватив себя за щеку.

Самойло наконец делает знак Мировольскому, тот заставляет Кикина открыть рот, и я непроизвольно хватаюсь за десну — почувствовал укол.

— Ну осторожнее, голубчик, — говорит Самойло Мировольскому. — Очень болезненно.

Марта в соседнем ряду всхлипывает. Она молчаливая, терпеливая эстонка, но сколько можно терпеть?

Боль постепенно отпускает. Но не так, как хотелось бы. Тем более разыгрывается радикулит.

— А радикулит убрать нельзя? — спрашивает Гордеев. — Он же к делу не относится.

Как будто угадал мои мысли.

— Глупо, — отвечает Самойло. — Разве в реальной практике вам не встретится больной, отягощенный радикулитом? Или желудочными коликами? Надо быть ко всему готовым.

— Я отягощен, — говорит Гордеев. — Собственными коликами.

— Вы хотите покинуть аудиторию? — вежливо спрашивает Самойло.

— Потерплю, — отвечает Гордеев. — Скоро зачет.

Потом Самойло сам чистит Кикину канал, пломбирует зуб. Я ассистирую. Анестезия на Кикина действует плохо. Она всегда на него действует плохо. Я с ужасом смотрю на зубы Кикина — они почти все свои и почти все нуждаются в лечении. Но Кикин тянет. Кикин хочет быть необходим науке. Бедные первокурсники. Они еще не подозревают, что их ждет. Кикина хватит лет на пять.

Когда очередная страда мучений кончилась, Самойло, осыпав нас на прощание вопросами, покидает аудиторию (Кикин убежал первым в буфет, хотя ему это не положено. Я подозреваю, что он нарочно будет сейчас грызть кости, чтобы пломба вылетела).

Ко мне подходит услада моих очей Милочка и спрашивает:

— Больно было?

— А ты не знаешь? — спрашиваю я настороженно. Ее близость к Басееву вызывает во мне холодность.

— Нет, не заметила, — говорит она с легкой джокондовской улыбкой.

— Как так? — спрашиваю я.

— Людмила! — кричит из другого угла аудитории Басеев. — Не забывайся.

Людмила хохочет и уходит в коридор.

В курилке я становлюсь свидетелем, а потом и участником необычного разговора. Басеев глядит прозрачными наглыми глазами на Гордеева. И спрашивает:

— Что бы ты отдал за то, чтобы забыть о Кикине?

— Все, — говорит Гордеев. — Буквально. Полцарства и коня.

— Полцарства не нужно, — говорит Басеев. Он знает, что я слышу разговор, но это его не тревожит. — Десятку со стипендии — и гарантирую освобождение от грехов.

— Десятку за что? — не понимает Гордеев.

— Ты надеваешь приемник, а боли не чувствуешь.

— Это невозможно, — говорит Гордеев. — Пробовали уже.

— Пробовали на любительском уровне. А я взял под уздцы своего братца, он технарь, по жидким кристаллам работает, с ним вместе мы отыскали этого киевского инженера. Я брата представил как еще одного потенциального испытателя. Инженер уши развесил, все ему показал, даже разобрал машинку, а дальше проще простого. Брат подумал и подсказал наивному медику, как это делается.

— Что делается? — спросил Гордеев.

— Болевые ощущения отключаются, вместо этого ощущаешь приятную теплоту во всем теле. Я в прошлый раз сам попробовал, а сегодня Людмиле дал. Спроси у нее, если не веришь.

— А зачем десятка? — Этот Гордеев сохранил детскую непосредственность до двадцатилетнего возраста.

— На такси мы тратились? Тратились. — Басеев был совершенно серьезен. — Коньяк я брату покупал? Покупал.

— Но всего три занятия осталось, — вякнул Гордеев.

— Не хочешь — гуляй. Страдай.

— Может, пять рублей, а?

Тогда я ушел. Даже не могу объяснить, почему ушел. Неприятно стало. Сколько раз я сам мечтал, чтобы придумать что-нибудь, сломать эту проклятую машинку, не слышать боли проклятого Кикина, не страдать за других... Если врач будет подключаться к чужой боли, он сам скоро помрет. Это несправедливо...

Милочка ждала меня у входа, сидела на скамейке у почты напротив института, жевала яблоко.

— Что я тебе расскажу! — сказала она.

— Не надо. Знаю. Басеев Гордееву уже продавал обезболивание.

— Продавал?

— А тебе он почему дал? За прекрасные глаза? Авансом?

— Не хами, я этого не люблю. Дал, потому что мой поклонник. Я и тебе могу устроить.

— Со скидкой?

— Не хочешь — не надо. Страдай дурью. Пошли, что ли?

Мы пошли.

Я все никак не мог сформулировать. Ну, Басеев. Бог с ним! Он человек практичный, холодный, он никогда чужую боль слушать не станет. Но Милочка... Мы же с ней говорили, что это открытие гуманно...

Милочка умеет угадывать мои мысли.

— Тысячу лет врачи лечат, не болея сами, — сказала она. — И мы обойдемся.

— Но если есть возможность! — закричал я на всю улицу. — Если мы этим будем спасать людей!

— Зачем же за свой счет?

— Слова Басеева?

Милочка долго молчала. Потом сказала:

— В тебе нет жалости. Ко мне...

Была у меня к ней жалость. И даже больше чем жалость. Я даже согласен был, чтобы она и дальше обманывала профессора Самойло. Но я все равно зол на Басеева. И теперь понимаю почему. Зависть здесь не играет никакой роли. Просто это уже бывало в истории человечества: кто-то думает, старается, ночей не спит, в кино не ходит для того, чтобы людям было лучше. Потом приходит кто-то другой. Он деловой. Он трезвый. Он тоже хочет добра. Но только себе. И обязательно за чужой счет...

ПЕТУШОК

1

Улица, огражденная глухими заборами, которые порой нехотя раздвигались, чтобы дать место одноэтажному фасаду в три окна, повернула под прямым углом, и неожиданно я увидел внизу реку.

Улица круто стремилась к берегу, к пристани, а затем, на том берегу, так же круто поднималась наверх и исчезала в лесу. Город переплеснул через реку, но сил его хватило еще на десяток домов.

Пристань была внизу, я видел ее красную крышу. Под крышей прочел название «Мослы». Название меня удивило, потому что сам городок назывался иначе. Но и слово «Мослы» что-то означало.

Возле пристани толпились люди, стояли два фургона и автобус. Снимали кино.

Я знал, что там снимают кино, потому что специально шел туда. И знал, что действие этой комедии происходит в городе «Мослы», потому что такого города нет, я его сам придумал — маленький, чудаковатый городок. Но обыкновенность вывески на пристани и обыкновенность самой пристани заставили меня забыть, что город «Мос-

лы» пять лет назад родился в моем воображении, а надпись сделал, конечно же, художник киногруппы.

И когда я осознал, в чем дело, то улыбнулся от благодарности к художнику, который обманул меня и заставил так просто поверить в собственную выдумку.

Розинский, режиссер фильма и мой приятель, стоял у камеры. Он увидел меня издали, когда я спускался к реке, но, как молодому человеку и начинающему режиссеру, ему важно было показать, насколько он занят. Поэтому он не пошел ко мне навстречу, а ждал меня у камеры.

— Ну как? — спросил он меня. — Ты так себе все представлял?

— Иначе, — сказал я. — Но мне нравится, как ты все это представляешь.

Подошла девочка с белым щенком на руках. Она нетерпеливо ждала, пока мы кончим говорить, ей наш разговор был неинтересен, а я непонятен и чужд. Наконец она не выдержала и сказала:

— Иван Сергеевич, посмотрите, я принесла.

— Вот именно, — сказал Розинский. — Именно такой.

Голос его приобрел несвойственную сладость. Так люди, не умеющие вести себя с детьми, разговаривают с ними.

— Надюша, — сказал он, — наша звезда. И первая помощница. Правда, Надюша?

— Я его кормила, — сказала Надя, гладя щенка. — Можете не кормить.

— Ты будешь играть с ним на травке, — сказал Розинский. — Вон там. А когда проедет машина, ты помашешь ей рукой.

— Я знаю, — сказала Надя. — Мне Виктория говорила.

— Удивительно талантливый ребенок, — сказал Розинский. — Вообще я хочу снимать детский фильм. С детьми так интересно работать. У них есть непосредственность, утерянная актерами. Ты как думаешь?

Я не успел ответить, потому что оператор отбросил окурок сигареты и сказал:

— Солнце уйдет.

Оператор, второй режиссер Виктория и директор картины — старые киноволки — относились к Розинскому снисходительно и не скрывали своего снисхождения. Розинский это чувствовал и старательно скрывал обиду. Это была его первая полнометражная картина, а они сделали по двадцать картин на своем веку и насмотрелись разных режиссеров. И потому, хоть фильм только начинал сниматься, уже были уверены, что из Розинского ничего путного не выйдет.

Они были не правы, но мы с Розинским не могли и не хотели с ними спорить или оправдываться. Доказывать правоту надо было картиной, а пока приходилось терпеть, так как снисходительное отношение к режиссеру выражалось не только во взглядах, но и в пол-

ном нежелании совершать лишние движения или усилия, из которых и состоит обычная жизнь съемочной группы.

Проезд машины, которой Надюша должна была помахать рукой, состоялся только к вечеру. Мы с ней оба к тому времени устали, потому что нет ничего утомительнее безделья, когда вокруг тебя все заняты. Надя все время возилась с щенком — щенку было скучно, он капризничал и просился домой. У меня в сумке оказался бутерброд, который я купил утром на вокзале, — из того набора в целлофановом пакете, в который входят два крутых раздавленных яйца, бутерброд с колбасой и огурец.

Мы смотрели с Надей, как щенок брезгливо водит носом над бутербродом, и тут сообразили, что голодны. Я ехал в поезде, а Надя искала щенка. Поэтому я уговорил Надю пойти в столовую, которая была в двухэтажном доме на косогоре. Половина первого этажа — столовая, половина — хозяйственный магазин.

Надя сначала отказалась идти, потому что у нее не было денег, но я убедил ее, что питание проводится за счет киногруппы. Я так и сказал: «Питание проводится», и казенный оборот ее сразил.

Выбор блюд был невелик — столовая вот-вот должна была закрыться. Щенок улегся под столом. Мы ели щи, а потом подавальщица сказала:

— Рыженькая, возьми котлеты.

Надя вскочила и побежала за котлетами, а я поглядел ей вслед, потому что удивился словам подавальщицы. И в самом деле увидел, что у Нади темно-рыжие волосы, густые и непослушные, собранные на затылке резинкой. А когда Надя вернулась с тарелками и поставила их на стол, сказав мне: «Пожалуйста, кушайте», я пригляделся к ней. У нее была очень белая кожа в веснушках и зеленые глаза.

Надя почувствовала мой взгляд, и, видно, он показался ей строгим.

— Я сейчас, — сказала она. — Я уже наелась.

— Не спеши, — сказал я. — Ты в каком классе?

— В четвертом.

— А почему ты не в лагере?

— А у нас городской лагерь при школе. Виктория пришла и стала отбирать для массовки. Сначала только десять человек отобрала, а потом все начали кричать, что нечестно, и она всех взяла. Мы вчера снимались, а сегодня Виктория сказала, что щенок нужен. Она мне сказала, я сама не напрашивалась.

Я постарался вспомнить, в какой сцене нужны были дети, много детей. И не вспомнил.

— А что вы вчера играли? — спросил я.

— Мы кросс по улице бежали, а Лаврентьев за нами. Знаете Лаврентьева?

Лаврентьев был старым актером, всю жизнь игравшим эпизоды,

из тех актеров, лица которых известны любому — фамилия почти никому.

— Тебе интересно было?

— Очень, — сказала Надя. — А сегодня неинтересно.

— Но ведь ты можешь смотреть, как снимаются другие.

— Один дубль интересно, а они по три дубля снимают. И солнца ждут.

Как быстро, подумал я, эти малыши впитывают кинолексикон. Слова «дубль», «массовка» звучали естественно, как «щенок».

— Можно, я ему кусок котлеты дам? — спросила Надя.

Я разрешил. Она тихонько сунула половину котлеты под стол, и щенок выхватил ее из пальцев Нади и принялся чавкать.

— Потише ты! — сказала ему Надя. — Нас выгонят.

— Компот будете брать? — спросила подавальщица.

Когда Надя подошла к ней за стаканами, подавальщица сказала:

— Собак у нас кормить нельзя.

— Я больше не буду, — сказала Надя.

— Ты хорошо учишься? — спросил я.

Надя удивилась вопросу. Хоть он был и стандартен в разговорах со взрослыми, от меня она его, видно, не ждала.

— Когда как, — сказала она.

Я поймал себя на том, что стараюсь вспомнить, что еще надо спрашивать в светском разговоре с незнакомым ребенком. Надя глядела на дверь. Я понимал, что она терпит сидение в столовой, хотя компот уже выпит, потому что я взрослый, который ее накормил и накормил щенка. Но со мной ей неинтересно. И наше общение, таким образом, зашло в тупик.

К счастью, в солнечном прямоугольнике открытой двери возник округлый силуэт Виктории.

— Я так и знала, — сказала она. — Кинозвезду похитили. Простите, автор, Надю ждут.

— Спасибо, — сказала Надя и быстро поднялась со стула. Сделала шаг к Виктории, и я физически ощутил овладевшее ею облегчение. Но, сделав шаг к Виктории, Надя вспомнила, вернулась к столу собрать посуду. Виктория ждала в дверях.

— Ничего, — сказал я. — Я отнесу. Иди.

— Пускай приучается, — сказала Виктория. — Успеем.

Мы с Надей отнесли грязную посуду на мойку. Надя кивнула мне и убежала. Я пошел следом. Я не спешил. Почему-то мне неловко было оттого, что Виктория застала нас в столовой. С какой стати московскому писателю кормить обедом девочку из массовки?

Я уселся на траву в сторонке, за камерой, чтобы режиссер меня не видел. Потому что, увидев меня, он обязательно стал бы спрашивать моих советов. Эти советы были ему не нужны, да и давать их — подрывать и без того хлипкий авторитет Розинского. Но ему казалось,

что если он пригласил на съемки автора, то вежливость требует, чтобы автор не чувствовал себя покинутым.

«Жигуленок» раза четыре проехал мимо лужайки, и каждый раз Надя деловито махала «жигуленку», а щенок, словно заучив роль, вскакивал и лаял на машину.

Заходящее солнце создавало медный ореол вокруг Надиной головы. Она потеряла резинку и часто выпячивала нижнюю губу и дула вверх, чтобы отогнать с лица прядь волос.

Потом Розинский крикнул: «Стоп!» — и начал совещаться с оператором. Я потерял Надю из виду, а ко мне подошел знакомый актер, который начал патетически жаловаться на режиссера, потому что Розинский вызвал его с утра на площадку, но до сих пор так и не снял.

Я удивился, когда увидел Надю совсем рядом. Она держала щенка на руках и явно ждала меня.

— Ты что? — спросил я.

— Моя мама пришла, — сказала она. — Хотите поглядеть?

Несколько женщин стояли возле складного столика у сходней. За столиком сидел администратор и оплачивал талоны массовки.

Надя угадала мое желание. Мне хотелось поглядеть на ее мать, потому что я надеялся в матери увидеть Надю, какой она станет лет через двадцать.

Я долго не мог угадать ее мать среди женщин. Она оказалась сухонькой чернявой женщиной лет тридцати с узким капризным лицом. Надя поняла мое разочарование, сказала, как всегда, рассудительно:

— Я на отца похожа. Он от нас ушел.

Надина мать спорила о чем-то с администратором.

— У нас с деньгами несладко, — сказала Надя. — Отец совсем не присылает. А мать санитаркой в больнице.

И, увидев, что мать считает деньги, Надя пошла к ней, не попрощавшись со мной, потому что больше нам не о чем было разговаривать.

На следующий день я не выспался. Сначала в номер к Розинскому пришли оператор и звукооператор, и мы ужинали. Жена Розинского наварила картошки. Пришел тот актер, который жаловался на простой, принес копченого леща, которого ему подарили поклонники из воинской части. В буфете было только шампанское. Мы разговаривали бестолково, долго, я затруднился бы вспомнить, о чем. Вернее всего, об экстрасенсах, плохом климате, лесных пожарах, рыбалке, интригах на студии, машинах, акселерации, катастрофах, футболе. А может быть, о летающих тарелочках, плохих комедиях, землетрясениях, ценах на помидоры, хоккее.

Потом пришла Виктория выяснить завтрашние объекты и сказала, что оркестр не сможет быть к двум, а приедет лишь к четырем часам. Оператор сказал, что освещение будет неподходящим. Розин-

ский обиделся на Викторию, которая могла бы сказать об оркестре раньше. Жена Розинского усадила Викторию за стол. Виктория постепенно перестала дуться на Розинского, а режиссер на нее. Виктория сказала:

— А наш автор сегодня водил звезду в ресторан.

— Какую звезду, в какой ресторан? — удивился Розинский, который во время съемок ничего вокруг не видел.

Виктория, посмеиваясь, рассказала, как застала нас в столовой с Надей, и в ее устах это звучало, словно я был бесстыжим соблазнителем малолетних, и мне хотелось, чтобы она поскорее убралась, хотя и смеялся вместе со всеми.

Потом, за полночь, все разошлись, и Розинский до утра жаловался мне на группу и на неудачно сложившуюся жизнь.

Утром, когда я увидел, что в толпе, собравшейся у пристани в ожидании группы, стоит и Надя с белым щенком на руках, я отвел глаза, хотя девочка смотрела на меня в упор. Мне показалось, что Виктория, которая вылезла из автобуса вслед за мной, смотрит мне в спину.

Но Надя не понимала этих тонкостей и побежала ко мне, как к старому знакомому.

— Доброе утро, — сказала она.

Ее зеленые глазищи уставились на меня требовательно. Она освободила одну руку — ноги щенка повисли и задергались — и взяла меня за пальцы. Она не удержалась и мотнула головой в сторону, и тогда я понял причину ее оживления: в толпе стояли несколько детей ее возраста, которые внимательно смотрели на то, что делает Надя.

Раз ей нужен был союзник, то я согласен был им стать.

Я взял ее за руку, пожал осторожно робкие пальцы и бодро спросил:

— Будем сниматься?

— Не знаю, — сказала Надя. — Как Виктория.

И снова оглянулась на непричастных к высокому искусству друзей.

Виктория как раз проходила рядом.

— Вика, — спросил я, — сегодня Наде надо сниматься?

Наверное, мне надо было спросить это тихо, не привлекая внимания. А Виктории почему-то доставило удовольствие громко ответить мне:

— Что вы, эту девочку уже отсняли. — Она кинула снисходительный взгляд на Надю и спросила: — Твоя мама получила деньги? Ну тогда иди играй. Спасибо.

— А щенок? — спросила Надя.

— Щенка тоже отнеси домой.

Надя освободила мои пальцы и медленно пошла прочь. А у меня было гадкое чувство, что именно я ее предал. И я даже ощутил недоб-

рожелательство к ребятам, которые улыбались, глядя на Надин провал. Не знаю, чего наговорила им Надя вечером, но, видно, она искренне полагала, что теперь будет сниматься каждый день, иначе бы не привела зрителей.

Зрители остались у площадки. Надя ушла. Я видел, как она поднимается по откосу к столовой. Она не оборачивалась. Я чуть было не пошел за ней следом, чтобы как-то утешить, поговорить. Но не решился. Из-за Виктории. Вместо этого подошел к Розинскому и почему-то раздраженно стал возражать против мизансцены.

Я думал, что больше никогда не увижу эту девочку. Был человек и улетел на Луну.

А случилось так, что я ее увидел еще дважды. Первый раз через полчаса.

Розинский понял, что машина проезжала мимо лужайки вовсе не так, как положено проезжать машине мимо лужайки. И тут ему понадобился щенок с девочкой. Виктория сообщила, что девочка отпущена домой, так как никаких иных указаний не было. В голосе ее бушевало торжество. Она была ни в чем не виновата. Режиссер был виноват во всем. Более того, ехать за девочкой, чтобы отыскать ее и вернуть, Виктория тоже не могла, так как ей надо было встречать оркестр. И вообще, ехать было некому, так как оба ассистента отправились по каким-то загадочным делам. И я сказал Розинскому, что съезжу, если Виктория даст адрес, так как мне все равно делать нечего. Виктория, разумеется, адреса не имела, но я подошел к Надиным товарищам, которые все еще толпились возле съемочной площадки, и один из них согласился поехать со мной.

Надя жила на горе, за рынком, в двухэтажном деревянном доме, заселенном густо и шумно. Я сразу узнал ее мать, которая развешивала во дворе белье, и, когда я спросил Надю, она ответила:

— Хватит с нее, вскружили голову.

Я промолчал, и тогда мать спросила, заплатят ли за сегодняшний день. Я сказал, что заплатят. Тогда мать нехотя крикнула Надю. Я полагаю, что Надя слышала, как подъехал наш «рафик», и слышала разговор с матерью, потому что она появилась во дворе мгновенно и тут же, не спрашивая, почему я приехал, направилась к машине. Щенок тоже догадался, в чем дело, он выбежал за Надей.

В машине мы неловко молчали, и мальчик, который привез меня к Наде, тоже молчал. Потом я спросил:

— Тебе нравится сниматься в кино?

— Когда как, — ответила Надя.

А когда мы приехали на площадку и вышли из машины, она сказала:

— Спасибо вам.

И раскрыла ладонь. В ней лежала елочная игрушка — таких те-

перь не делают: плоский, из давленого картона, ярко раскрашенный золотой петушок.

— Возьмите, — сказала Надя. — Вам пригодится.

Интересно, подумал я, она успела взять, когда я разговаривал с матерью во дворе, или давно ждала, надеясь, а вдруг за ней приедут? И загадала, что если это буду я, то она даст мне петушка. И сидела перед окном, таясь за занавеской, в потной ладошке держала петушка, а ходики отбивали время... Тут я понял, что воображение понесло меня черт знает куда.

Надя глядела на меня, не отходила. Я должен был сказать какие-то правильные, ожидаемые от меня слова. Я их не придумал. Я сказал:

— Спасибо, я его сохраню.

— Навсегда, — сказала Надя.

— Навсегда, — согласился я. — А через много-много лет ты узнаешь меня по этому петушку.

Надя улыбнулась.

— Я вас все равно узнаю, — сказала она, — хоть вы будете совсем старый.

И Надя пошла на лужайку, где ей долго пришлось ждать, пока кончат снимать эпизод с оркестром. Она возилась со щенком и на меня не глядела.

Я уехал на следующее утро. И только в поезде вспомнил, что не спросил Викторию, выписали ли деньги Наде за последний съемочный день.

2

С академиком Бессоновым я учился в одном классе.

Есть принципиальная разница между теми, кто учился с тобой в одном классе, и теми, кто учился в институте. Школьные соученики всегда безмерно гордятся успехами своих товарищей. «Я учился с ним в одном классе» — звучит чем-то вроде заклинания. Институтские же сверстники обычно не прощают тебе успехов. Ревность профессионалов. А в школе никто не задумывается всерьез, кем станет.

Кроме Андрюши Бессонова.

Он уже в пятом классе знал, что станет великим физиком. Именно великим. Мы привыкли к этому настолько, что уже через много лет после школы, встречаясь на улице, одноклассники спрашивали: «Как там Андрюша Бессонов, стал великим физиком?» И самое удивительное и приятное заключалось в том, что он стал великим физиком. А мы с ним учились в одном классе.

В журналистской молодости я брал у него интервью, и с тех пор мы не теряли друг друга. Оказалось, что мои скромные писательские успехи волнуют его не меньше, чем меня его достижения. Я помню,

как мы с ним встретились случайно в Ялте, летом, на набережной. Он был с молодой красивой женщиной типа «вторая жена великого человека». И он сказал ей: «Это Николай, мы с ним учились в одном классе. Он писатель». И в словах его звучала гордость за меня.

Разумеется, тема, которой занимается его институт, называется туманно и научно. Но Бессонов всегда говорил: «Я делаю машину времени, а мне все твердят, что это невозможно». — «Ну и что? — спрашивал я. — Как успехи?» — «Не спеши, — говорил Андрюша Бессонов. — Еще не вечер».

Его звонок застал меня в мрачном настроении. Если каждому человеку время от времени становится совершенно ясно, что жизнь его прошла зря, что он ничего не сделал, ничего не стоит и, главное, его никто не любит, то у писателя средней руки, к каковым я себя отношу, такое состояние случается чаще, чем у бухгалтеров и баскетболистов. С утра мне позвонили, что сценарий телефильма зарезал худсовет, потом позвонила бывшая жена и долго рассказывала, что ее новый муж — гений, к сожалению непризнанный. А он, по-моему, вполне благополучный фокусник. Он умеет так ловко завязывать и развязывать веревочки, что никогда не догадаешься, как же это ему удается. Потом почтальон принес отвергнутую журналом рукопись и письмо от дочери, из которого я узнал, что она ждет второго ребенка, собирается вступать в кооператив и хочет узнать, смогу ли я ей помочь. Я попытался написать рассказ и через два абзаца сообразил, что я писал именно его лет десять назад, только лучше, чем сейчас. Потом я решил отнести в химчистку костюм и купить чего-нибудь на ужин. Когда освобождал карманы пиджака, то вытащил золотого петушка и долго не мог вспомнить, как он попал ко мне в карман. А когда стоял в очереди в химчистку, то принялся рассуждать о том, что мне скоро пятьдесят лет, хотя больше сорока мне мало кто дает и в троллейбусе ко мне обычно обращаются со словами «молодой человек». В моем возрасте уже надо иметь свой дом, место в жизни и основательные достижения. Потому что после пятидесяти уже не сможешь писать лучше, чем в тридцать. Задача — еще несколько лет удержаться на том же уровне, что и раньше. А у меня нет достижений, достаточных для того, чтобы меня помнили хотя бы в редакциях. Ведь если я завтра улечу на Марс, никто этого даже не заметит. Придет молодой человек, принесет рассказы не хуже, чем у меня, и займет экологическую нишу.

С такими мыслями я вернулся домой, открыл окно, чтобы выгнать застойный запах переполненных пепельниц, и тут позвонил Андрюша Бессонов.

— Коля, — сказал он быстро, — можешь меня поздравить.

— Поздравляю. С чем?

— Я ее сделал. Скептики посрамлены, хотя, конечно, не убеждены.

— Ты имеешь в виду машину времени?

— Для вас, простых смертных, эта штука будет называться машиной времени. Сам понимаешь, что я всю жизнь буду избегать этого названия, чтобы не стать посмешищем.

— Но войдешь в вечность с кличкой «изобретатель машины времени», — сказал я.

— Хочешь поглядеть? — спросил Андрюша. — Я тебе выпишу пропуск.

Была суббота. Андрюшин институт пустовал. Мы с ним облазили множество залов и комнат, и я увидел все, кроме машины времени. И пульты управления, и компьютер, и даже склад. Машины не существовало. Было «место для машины времени». Оно скрывалось в центре набитого аппаратурой зала, и я так и не понял, как туда добраться.

— Сейчас я тебе покажу, — сказал Андрюша.

Пришел юноша с серебряным кубиком, показал его мне, как новый муж моей жены показывает зрителям крапленую игральную карту, потом исчез, и Андрюша велел мне глядеть в круглый иллюминатор. Вдали, за сплетением приборов, я увидел этот кубик на каком-то столе. Потом раздалось довольно неприятное жужжание. Кубик пропал.

— Вот и все, — сказал Бессонов. — Убедительно?

— Убедительно, — сказал я. — Ты буквально фокусник.

Бессонов немного обиделся и спросил:

— А ты чего бы хотел?

— Не знаю. Я никогда еще не видел машины времени. А когда он вернется?

— Вернется? Никогда. Там, куда он улетел, нет машины времени.

— Он так и останется лежать? Среди динозавров?

— Да ты что! Он лежит в будущем году.

— Ага, — проявил я начитанность. — Значит, ровно через год он здесь материализуется?

— Совсем дурак, — сказал Бессонов, словно мы с ним вместе изобретали машину времени и я забыл нечто весьма очевидное. — Это же невозможно.

— А что возможно?

— Коля, милый, как только этот кубик улетел от нас, он пропал навсегда. Для нас с тобой. Он сейчас не на Земле, то есть не на нашей Земле.

— Где же?

— На той, альтернативной Земле, существование которой предполагает присутствие кубика в то время, когда он там появится. А на нашей Земле его нет и быть не может. Разве не понятно?

— Сколько же у тебя Земель?

— Не у меня. Во Вселенной. Во Вселенной их бесконечное множество.

— И они все существуют?

— Разумеется, потому что вариантов тоже бесконечное множество.

— И значит, есть Земля, на которой Наполеон победил в битве при Ватерлоо?

— Честно говоря, сомневаюсь. Экономические возможности союзников были куда выше, чем у Наполеона. Он был обречен.

— Ты слишком серьезен.

— Я вынужден быть серьезным.

— А когда будешь посылать туда людей?

— Хоть сегодня.

— И уже посылал?

— Еще чего не хватало!

— Почему?

— Ни один местком не разрешит, даже добровольцу. Это же смерть.

— Почему?

— Да потому, что этого человека больше не будет. Понимаешь, он будет там, откуда нет возврата.

— А если он захочет?

— Ну ты захотел бы?

— Еще не знаю.

— Узнаешь, позвони.

— Конечно, позвоню, — сказал я.

3

Ну, хорошо, рассуждал я в тот вечер. Я проживу здесь еще десять лет, может быть, двадцать. Лучше писать я не буду. А ведь когда-то я хотел стать палеонтологом. Даже ходил в кружок при музее. Но не стал палеонтологом именно потому, что осознал: я никогда в жизни не увижу ничего, кроме выветренных костей и отпечатков в песчанике. Что за смысл изучать фантомы? Ну вот, а теперь есть возможность увидеть этих нелепых динозавров, хочешь издали, хочешь вблизи, хочешь кинуть камень — кидай. Я представил себя голым, изможденным, камень в руке и одиночество такое, какое здесь и не снилось. Мне даже стало страшно от одиночества среди динозавров. И этот страх продолжался во сне. Сон был реальным и однообразным. Я бежал по папоротниковому лесу, увязал в болоте, а за мной лениво трусил тираннозавр, порой открывая широко многозубую пасть, чтобы я не подумал, что он шутит. И я знал, что в конце концов — не сегодня, так завтра — он догонит меня и съест, потому что я в том мире один.

На следующий день позвонил Розинский, который вернулся в

Москву, позвал смотреть материал. Я поехал. В маленьком зале сидели человек пять. Мы курили, сбрасывая пепел в пустую коробку от пленки. Я ждал, когда будет Надя. Сначала я угадал ее в толпе детей, бежавших кросс. Надя бежала серьезно, старательно, но ее все время закрывали от меня более шустрые дети. Потом она бежала во втором дубле. Потом в третьем.

Что интересовало меня в этой девочке? Девочка как девочка, рыжая. Лет через десять она вырастет в дебелую ленивую женщину, а я буду уже старым и никто не будет говорить мне в троллейбусе: «Передайте билет, молодой человек». «Но она добрая, — твердил я себе, будто переубеждал. — Она простая и добрая. Она такой и останется. Я же смотрю не на нее, а на ту женщину, которая будет. Только она тогда не узнает меня, даже с золотым петушком».

Потом Надя была на лужайке, она играла с песиком и махала рукой проезжавшей машине. Она делала это три раза. И еще два раза, когда ее переснимали. Но Розинского интересовал только проезд машины.

— Вот именно, — сказал он торжествующе Виктории. — Теперь я хоть вижу выражение его лица.

А я так и не заметил выражение лица героя.

— Этот дубль и оставим, — сказал Розинский монтажеру.

Потом все хвалили материал — почему не похвалить материал, если это ни к чему не обязывает. Картина будет делаться в монтажной. Я хотел попросить у монтажера срезку — кадры с Надей из ненужного дубля, но не решился.

А потом, дня через два, я долго говорил по телефону с моей приятельницей. Она художница, делает кукол. И для выставок, и для театра. Она делает хороших кукол, но у нее не сложилась жизнь. Живет одна и делает кукол. И она сказала мне:

— Я тебе завидую, Коля. Через десять лет мои куклы износятся. А твои книжки будут в библиотеке. И фильмы твои иногда будут идти в кино. Ты зря расстраиваешься. Ведь то, что ты делаешь, накапливается. Мне хуже: то, что я делаю, — исчезает.

— Поглядим через десять лет, — сказал я.

И, повесив трубку, я услышал собственные слова: «Поглядим через десять лет».

И вдруг я понял, чего хочу. Я хочу проснуться через десять лет. И я даже объяснил себе почему. Я хочу увидеть, останется ли что-нибудь через десять лет от того, что я делаю сегодня. Если художница права, то я должен быть известен и кому-то нужен. У меня есть пропуск в будущее — золотой петушок. В конце концов, оттуда, из будущего, будет виднее, что я делал неправильно, а что зря. И я не буду повторять своих ошибок, и не буду лениться, и не буду откладывать на завтра. У меня будет десять лет форы. Я ничего не теряю, даже ни дня жизни не теряю. А приобретаю. Сто лет — слишком много, за сто

лет меня наверняка забудут. Да и мир изменится так, что мне в моем возрасте не найти в нем места. А десять лет — приемлемый срок. Десять лет назад случились совсем недавно. Десять лет вперед тоже близки, очень близки. Я окажусь там, минуя все горести и неприятности, болезни и потери, которые меня ждут, если я поплетусь в будущее вместе со всем человечеством, значительно постарев, а может, и померев по пути.

Так я себя уговаривал. Словно почти незнакомая девочка была ни при чем. Впрочем, она и была ни при чем. Только если бы ее не было совсем, я бы не вернулся к Андрюше Бессонову и не сказал ему, что хочу стать добровольцем.

4

Андрюша Бессонов, с которым я учился в одном классе, сказал мне решительное «нет». Он поднял меня на смех. Он объяснил мне снова, что я не смогу вернуться обратно. И совершенно неизвестно, что представляет собой альтернативная Земля, в которой предусмотрено мое появление через десять лет.

Я жал на то, что я совершенно одинок. Что никто не спохватится. Что никто не узнает. Что пора ему переходить к экспериментам с людьми, потому что иначе его машина времени останется лишь теоретической конструкцией, а это обидно.

В конце концов Андрюша Бессонов догадался, но догадался неверно.

— Ты болен? — спросил он очень серьезно.

— Болен, — сразу согласился я.

— И это... они отказались дать тебе надежду?

— Я надеюсь, что через десять лет они мне помогут, — сказал я. — Доктор уверяет, что вопрос создания лекарства — месяцы.

Андрюша поверил мне. Ему нужно было логичное и разумное объяснение моему странному желанию. Неизлечимая болезнь была единственным объяснением, которое его могло удовлетворить. Но он снова мне отказал.

А потом почти согласился. И не знаю, что было важнее — его желание помочь мне, учившемуся с ним в одном классе, или страсть ученого. Ему в самом деле безумно хотелось отправить человека в будущее. Ведь он был изобретателем машины времени.

В результате я сделал это без его разрешения, вроде бы обманув его. Категорически запретив мне приближаться к машине, он показал, как она действует и что надо сделать, если уйти на десять лет в будущее.

Я не стал прощаться с ним. Я просто пошел поглядеть на «место времени» вблизи — и провалился в темень...

5

Я спускался к реке по улице, огражденной глухими заборами, которые порой нехотя раздвигались, чтобы дать место одноэтажному фасаду в три окна. Улица повернула под прямым углом, и неожиданно я увидел внизу реку.

Улица круто стремилась к берегу, к пристани, а затем, на том берегу, так же круто поднималась наверх и пропадала в лесу. Город переплеснул реку, но сил его хватило только на два десятка домов.

Пристань была внизу, я видел ее красную крышу. Под обрезом крыши было название «Мочалки». Название меня удивило, потому что город назывался иначе. Но слово «Мочалки» было знакомо.

Возле пристани толпились люди, стояли фургоны, автобус.

Снимали кино.

Я знал, что снимают кино, потому что специально шел туда. И знал, разумеется, что действие будущей комедии происходит в городке «Мочалки». Такого городка нет. Я его сам придумал — маленький чудаковатый город. Но обыкновенность вывески и обыкновенность самой пристани заставили меня забыть, что городок «Мочалки» пять лет назад родился в моем воображении, а надпись — плод трудов художника киногруппы.

И когда я осознал, в чем дело, я улыбнулся от благодарности к художнику, который так нечаянно обманул меня и заставил на минутку поверить в собственную выдумку.

Розинский, режиссер фильма и мой приятель, ждал меня у видеокамер, которые полукругом осадили площадку.

— Ну, как? — спросил он меня, надвигаясь круглым животиком. — Ты себе это так представлял?

— Не так, — сказал я, — но мне нравится, как ты себе это представляешь.

Сейчас он потянет меня в сторонку, подумал я, и начнет жаловаться на группу, на качество видеокассет, на Викторию, на директора. Удивительный человек. Мы с ним снимаем пятую картину, пятую картину он работает с той же Викторией, с тем же директором и все равно подозревает их в неуважительном к себе отношении, в снисходительности, даже в презрении.

— Пошли к монитору, — сказал Розинский вместо жалоб. — Поглядим материал, который до обеда снимали.

Мониторы стояли в комнате начальника пристани, которую тот освободил для группы, хотя сам из любопытства остался и сидел теперь за пустым столом.

Оператор крутил дубли сразу на двух мониторах. Второй брал сцену под прямым углом к главному. Катер на воздушной подушке причаливал к пристани, с него сходили пассажиры. Старик Поляковский крутил головой, разыскивая в толпе свою невестку. На секунду его взгляд задержался на высокой плотной девушке с темно-рыжими во-

лосами, непослушными, даже буйными, скрепленными сзади резинкой. Оператор дал ее крупный план, и я увидел, что у нее ярко-зеленые глаза.

— Это кто? — спросил я. — Я ее не знаю.

— Это не актриса, — сказала Виктория. Могучая седовласая Виктория. Как она изменилась за те годы, что мы работаем вместе! — Это местная, из массовки. Розинский от нее без ума.

— Это я от нее без ума! — сказал оператор. — С такими данными давно надо в Москву.

— Ее не уговоришь, — вздохнул Розинский. — У нее хозяйство, мать больная. Жених скоро из армии вернется.

Когда мы кончили смотреть материал, то оставили второго оператора корректировать световую гамму снятых кадров, а сами вышли на теплый вечерний склон. Приехал оркестр, который должен был играть на проводах героя.

Я поймал себя на том, что кручу головой в поисках девушки с зелеными глазами. Ее не было.

— Где же ваша находка? — спросил я Розинского. Он сразу догадался, о ком речь.

— Надя? — сказал он. — Честно говоря, почти уверен, что Виктория с ней расплатилась и отправила ее домой. Сейчас проверим.

Розинский поднял руку, и тут же рядом возник администратор. «Ну и вышколил группу мой давний друг, — подумал я. — Когда ты начинал свою первую картину, администраторы тебя просто не замечали».

— Миша, — сказал Розинский, — вчера у нас такая рыженькая работала. Надя...

— Виктория Олеговна сказала, что больше ей приходить не нужно.

— Вот видишь, как я их всех знаю. — И тут же Розинский обернулся к Мише-администратору и приказал: — Чтобы немедленно отыскать — и на площадку.

— Но Виктория Олеговна...

— Я сказал.

Миша бросился к своему «жигуленку» — розовому, тридцать шестой модели, недавно купил. Я догнал его.

— Миш, я с тобой.

— Пожалуйста, — сказал он. Он ничего не понял. Он спросил: — Вас по дороге в гостиницу завезти?

— Нет, я с тобой к Наде.

Миша не осмелился перечить. Сам Николай Дмитриевич, маститый, заслуженный, лауреат, пожелал! Им, великим людям, дозволены маленькие причуды.

Надя жила в двухэтажном доме на окраине. Он каким-то чудом остался здесь, хотя всех соседей его уже снесли. От одиночества дом

казался молчаливым и пустым. Маленькая седая женщина с нервным, видимо, вечно озабоченным лицом обернулась к нам.

— Надю! — сказал бесцеремонный Миша.

— Не будет она больше сниматься, — буркнула сердито женщина. У меня было такое ощущение, что я ее когда-то видел. Хотя, скорее всего, просто знаю этот тип женщин. — Ей заниматься нужно. Опять провалится в институт.

— Только на один день, — сказал Миша. — По личной просьбе режиссера. Видите, даже наш автор приехал. И вообще ей прямая дорога в кино.

В этот момент Надя вышла из дверей. Мне показалось, она была уверена, что за ней должны были приехать и позвать. Нет, она не была накрашена или как-нибудь особенно одета. У нее была очень белая, в веснушках кожа. И волосы ее были не то чтобы рыжими, а очень густого, темного медного цвета. Она знала силу своего взгляда. Она внимательно поглядела на меня.

— Николай Дмитриевич. Знаменитый писатель, — поспешил представить меня Миша. В иной ситуации я бы одернул его. Но что поделаешь, пускай Надя слышит именно эти слова.

— Я знаю, — сказала Надя. — У меня ваша книжка есть. А Виктория Олеговна сказала, что в моих услугах она больше не нуждается.

Она удачно скопировала голос Виктории и даже надменную — графскую — каменность ее лица. Миша хихикнул:

— Сам Розинский просит.

— Мама, — сказала Надя, — я буду вечером.

И пошла к машине.

«Как она естественна! — подумал я. — Как она правильно садится в машину».

В машине она поглядела на меня оценивающе. Гожусь ли я в знаменитые писатели?

— Я думала, что вы старый, — сказала она.

— Я и так немолодой, мне скоро пятьдесят будет.

— Никогда не дашь, — сказала Надя. — Вас, наверное, в автобусе еще молодым человеком называют? Молодой человек, передайте билет. Правильно?

— Еще называют.

— Режиссер кажется старше вас.

— Только кажется.

— Я вообще считаю, что молодым девушкам нечего делать со своими сверстниками. Скучно до ужаса. Мужчина должен иметь опыт.

Это были не ее слова. Наверное, из какого-нибудь кинофильма. Она положила ногу на ногу, колени у нее тоже были белые.

— Я совсем не загораю, — заметила она мой взгляд. — Обгораю и

снова белая. Даже обидно, как будто в отпуске не была. Вы мне завтра книжку свою подпишете?

— Обязательно.

Мы приехали. Розинский ждал, не начинал без Нади. Не потому, что она была ему нужна, а потому, что таким образом устанавливал свою безграничную власть в группе. Виктория дулась, но молчала.

Надя прошла к толпе провожающих главного героя так, словно была единственной звездой на площадке. Роли у нее никакой не было, но я заметил, как вторая камера периодически замирала на ее крупном плане.

Был перерыв. Поехали за кассетами, конечно, не рассчитали и забыли запас в гостинице. Надя отыскала меня на берегу.

— Мне этот Сема надоел, — сказала она.

— Кто?

— Сема, оператор. Он меня сегодня в кино звал. Операторы ничего не решают, правда?

— В чем?

Она не ответила. Продолжала, словно не слышала:

— У нас кино идет интересное, индийский фильм, в двух сериях. Вы не смотрели?

Глаза ее были настойчивыми, чистыми.

— Не люблю индийские фильмы, — сказал я.

— Я тоже не люблю, — сказала Надя слишком быстро. — Они такие примитивные. Но иногда хочется развлечься и ни о чем не думать.

— Надя! — закричал Розинский. — Ты куда ушла? Начинаем.

— Зовет, — сказала она. — Обратил на меня внимание. Говорит, что у меня данные.

Она отошла к группе. Но недалеко. Остановилась и спросила:

— А вы специально к речке отошли?

— Нет, — удивился я.

Она засмеялась низким сочным смехом.

А я понял, что специально отошел к реке, надеясь, что она подойдет ко мне.

Этого еще не хватало, рассердился я на себя. Знаменитый писатель. Сколько ей лет? Двадцать, не больше. Девушка хочет в кино. Девушка совершенно не представляет, что это такое. Она думает, что это и есть красивая жизнь. Ей все говорят: ах, у тебя удивительные глаза! Ах, какие волосы! Понятно, почему сердится Виктория: непозволительно острое внимание со стороны мужчин. Я поглядел наверх. Виктория стояла, ждала Надю, но смотрела на меня. Как мне показалось, с осуждением.

На следующий день мне надо было уезжать.

Перед поездом я зашел на площадку. Посмотреть, как будут снимать. А может, взглянуть на Надю. Может быть. Вчера я уехал раньше

других, был зол на себя, устал как собака. Уехал, пока снимали, лег спать.

Я знал, что Наде делать на площадке нечего. Но почти не сомневался, что она придет.

Она меня увидела, когда я шел по улице.

Она сидела, болтала с оператором Семой.

Сразу поднялась и пошла мне навстречу.

— Вы вчера ушли, даже не попрощались, — сказала она с осуждением. Как будто я нарушил обещание ждать ее.

— Устал.

— А я в кино ходила. С Семой. Ужасная тоска эти индийские фильмы.

У Нади были губы очень нежного розового цвета.

— Как вы думаете, — спросила вдруг Надя, — у меня есть шансы поступить во ВГИК? Или в театральное училище?

— А почему ты хочешь?

— Я обязательно поступлю, — сказала Надя. — А вы мне поможете?

— Как же я вам помогу?

— Ну, у вас связи, вас все знают. Вот я книжку принесла, подпишите.

Пока я подписывал книгу, а она корректировала надпись: «Напишите лучше — «Дорогой Наде», так лучше», подошел Миша, сказал, что машина ждет.

Надя взяла книгу, спрятала в сумочку.

— Что вы ей написали? — спросил Миша.

— Не твоего ума дело. — Надя четко разбиралась, кто ей может помочь в Москве, а кто ей не нужен.

Но Миша не обиделся. Пошел к машине.

— Вы верите, что я поступлю? — спросила Надя.

— Убежден, — искренне ответил я.

— Я в Москве вас найду. Мне даже вашего телефона не надо. Осенью приеду.

Потом она протянула мне руку, как послушная девочка.

— Не уходите еще. Я вам тоже подарок приготовила.

Она извлекла из сумочки елочную игрушку, таких давно уже не делают. Петушок из давленого картона, позолоченный.

— Если увидимся в Москве, — сказала она серьезно, — я вас по петушку узнаю.

— Николай, ты с ума сошел! — крикнула Виктория. — На поезд опоздаешь.

Я побежал к машине. От машины оглянулся. Надя стояла, приветственно подняв руку. Очень белую руку.

В поезде я снова расстроился. Попытаюсь объяснить почему. Мне скоро пятьдесят лет. Формально я вроде бы достиг многого.

Меня знают, печатают, снимают. И если я завтра умру или улечу на Марс, то, полагаю, еще долго будут говорить о моем тоне, моей стилистике, моем видении мира. А если честно — добился ли я того, чего хотел? Нет, ничего не изменилось. Двадцать лет назад я писал лучше, хоть многого и не умел. Сейчас я на площадке, с которой путь только вниз. Поэтому мое общение с тщеславной и прямодушной в своей целенаправленности Надей было ложью. Не видела она меня. Видела только имя на обложке книги или в титрах фильма. Улыбаясь, превратила меня в ступеньку, по которой можно подниматься к заветной вершине. А в сущности, никому я не нужен и ничего не стою... Я полез в карман, достал золотого петушка. Он был потерт на краях. Видно, много раз его доставали из коробки и вешали на елку. Узнает она и без петушка. Я положил петушка обратно в карман, и пальцы нащупали что-то еще. Я вытащил это что-то. Оказался снова картонный позолоченный петушок. Второй. Я положил их рядом на колени.

Фантастика, подумал я. Петушки размножаются.

ПРОТЕСТ

Олимпийский комитет всегда скупится на телеграммы. Да и отправляют их в последнюю очередь. Сначала надо сообщить о каких-нибудь затерявшихся контейнерах, вызвать Франки к Оле, оповестить Галактику о симфоническом концерте — и лишь потом подходит черед депешам Олимпийского комитета...

Я отдал спорту всю жизнь. В молодости я ставил рекорды, и именно мне принадлежали «два пятьдесят четыре» в высоту на Олимпиаде в Песталоцци. Теперь об этом помнят лишь историки спорта и старики вроде меня. Вторую половину жизни я посвятил тому, чтобы вертелись колеса спортивной машины. Кому-то приходится это делать. Кому-то приходится разбирать споры между судьями и федерациями, улаживать конфликты и в ожидании рейсовой ракеты давиться синтекофе в забытых богом космопортах Вселенной.

Когда я прыгнул на два пятьдесят четыре, мне аплодировали миллионы людей, и на какое-то мгновение я был самым знаменитым человеком на Земле, вернее, в Солнечной системе, вернее, везде, где обитают гуманоиды. Сегодня я, на мой взгляд, делаю куда больше, чем раньше. Не будь моего вмешательства, провалились бы многие матчи и стали бы врагами многие порядочные люди. Но никто мне не аплодирует. Я старый мальчик на побегушках, профессиональный деятель от спорта и ворчун. Телеграммы настигают меня, как пули, и кидают в сторону от намеченного пути, отдаляют от дома и настоящего кофе и не дают возможности задуматься, послать подальше всю эту бестолковую, суматошную не по возрасту жизнь и удалиться на покой.

Телеграмму я получил в космопорту, когда ждал пересадки. Со-

вершенно непостижимо, как она меня разыскала, потому что, если сидишь на самом видном месте, никакая телеграмма, как правило, тебя не найдет.

Ко мне подошел тамошний чиновник в нелепейшем, на мой взгляд, стесняющем движения разноцветном наряде с множеством блестящих деталей и спросил на ломаной космолингве, не я ли уважаемый Ким Петров, ибо мое уважаемое имя он углядел в списке пассажиров корабля, отлетающего через час на уважаемую Землю. Тут мне пришлось признаться, что я и есть уважаемый Ким Петров.

«Просим, — начиналась телеграмма, а это всегда означает, что придется заниматься чем-то, что не хочется делать моим коллегам, — заглянуть (слово нашли великолепное) на Илигу, разобрать протест Федерации-45 (самая склочная из федераций, уж я ручаюсь). Встреча организована. Подробности на месте. Сплеш».

Сплешу ровным счетом ничего не стоило выслать мне депешу подлиннее, из которой я смог бы понять, кто и на кого обижен и кого с кем я буду мирить. Или осуждать. Наконец, он мог сообщить мне, где расположена эта Илига (если радисты, по своему обыкновению, не перепутали названия).

Настроение у меня испортилось до крайности, и я отправился в диспетчерскую. Там обнаружилось, что, во-первых, Илига находится на другом конце сектора и проще было бы послать туда человека прямо с Земли, чем вылавливать меня в глубинах Галактики. Во-вторых, прямого рейса отсюда нет. Надо лететь до звездной системы с непроизносимым названием, а там пересаживаться на местный рейс, который, вернее всего, отменен года два назад.

Узнав все это, я высказал про себя все, что думаю о Сплеше и Олимпийском комитете в целом, а затем погрузился на корабль. В полете я писал и рвал разнообразные заявления об отставке. Это мое хобби. Я лучший в Галактике специалист по сочинению заявлений об отставке. Пока я пишу их, мной овладевает сладкая уверенность в собственной незаменимости.

Хорошо еще, что на Илиге были предупреждены о моем появлении.

Автомобиль с пятью кольцами (когда-то означали пять континентов Земли) ждал меня у самого пандуса. Первым шагнул ко мне чиновник. Мой духовный брат. Возможно, и ровесник. Мне даже показалось его лицо знакомым, вроде я сталкивался с ним на конгрессе в Плутонвилле, где то ли я голосовал за его предложение уменьшить футбольное поле, то ли он возражал против моего предложения изъять из олимпийской программы стоклеточные шашки.

Кроме чиновника, меня встречали два деятеля рангом пониже, две юные гимнастки с цветами, девушка с зелеными волосами и мрачный парень, которого я принял сначала за боксера, потом за шо-

фера, а он оказался переводчиком. Как переводчик, он нам не пригодился: все знали космолингву.

— Добро пожаловать, — сказал мне главный чиновник. — Мне кажется, что мы с вами где-то встречались. Вы не были на конференции легкоатлетических ассоциаций в Берендауне?

Именно на той конференции я не присутствовал, о чем и поставил в известность моего коллегу, осведомившись не менее вежливо, не случалось ли ему посетить Плутонвилль. Он там не бывал. Мы отложили эту тему до лучших времен, и, отягощенный двумя букетами, я проследовал к машине, куда вместились все встречающие. В этой машине мы провели последующие полчаса — столько времени понадобилось, чтобы оформить мои документы и получить багаж.

Я бы предпочел сразу ознакомиться с обстоятельствами дела, но местный председатель Олимпийского комитета (с которым мы не встречались ни в Плутонвилле, ни в Берендауне) занимался моим багажом, поэтому я в основном рассказывал о погоде, которая сопровождала меня в пути, и расспрашивал, какая погода стоит на Илиге. Переводчик в беседу не вмешивался, хранил мрачную мину и шевелил губами, беззвучно переводя мои слова на английский, а слова илигийских чиновников на какой-то из земных языков. Девочки-гимнастки рассматривали меня в упор и отчаянно шептались. А меня неотступно преследовала мысль: а что, если их проступок перед федерацией настолько серьезен, что они пойдут на все, только бы превратить меня в союзника? Как я ненавидел в этот момент скрягу Сплеша, вечно экономившего на космограммах. Как мне узнать о сути дела, не показав хозяевам, что этой сути я не знаю?

— Вам жарко? — спросила миловидная девушка с зелеными волосами. Я еще не знал, мода это или генетическая особенность.

— Нет, что вы, — ответил я, вытирая лоб платком.

— Вы, наверное, очень расстроены, что вам пришлось из-за нас нарушить свои планы. Из-за меня.

— Из-за вас?

— Мы получили уведомление от самого Сплеша, — перебил ее чиновник, — что вы изменяете из-за нас свой маршрут. Это очень любезно с вашей стороны. Мы постараемся разнообразить ваш досуг. На завтра намечена экскурсия к водопадам, а затем вас ждет легкий обед на вершине горы Ужасной.

Меня не очень обрадовала перспектива легкого обеда на Ужасной горе, а вот слова, оброненные девушкой, кое-что приоткрывали. Значит, она в чем-то провинилась. Это уже клочок информации. Итак, девушка была на каких-то соревнованиях и там чего-то натворила. Ну что же, конфликты такого рода легче разрешить, чем споры о количестве участников, жалобы на плохое размещение команды или неправильную систему подсчета очков. Да и девушка была скромна на вид и чувствовала себя виноватой.

Наконец мой коллега вернулся, сообщив, что багаж уже отправлен в гостиницу. Я лихорадочно пытался вспомнить, как его зовут, но, разумеется, так и не вспомнил.

Машина неслась по ровному шоссе, и хозяева махали руками, стараясь заинтересовать меня красотами окружающей природы. Но что может поразить тебя, если ты побывал на десятках космодромов Галактики? Я вежливо восторгался. Так мы и доехали до города.

Город был также обычен, потому что, если у тебя две руки и две ноги, тебе нужны стены, крыша над головой и даже мебель. А разница в архитектуре — дело вкуса. Я в этом не разбираюсь. Я устал и хотел спать.

Но путешествие по городу заняло больше времени, чем дорога от космодрома. Город задыхался в тисках транспортного кризиса.

— Уже скоро, — сказала девушка виноватым голосом, словно это она придумала пробки на перекрестках.

Раздался скрип тормозов, скрежет, и я инстинктивно вцепился в подлокотники кресла, вытягивая шею, чтобы увидеть случившееся.

Большая черная птица взлетела перед одной из машин метрах в тридцати впереди нас. Я перевел дух. Мои сопровождающие заговорили, перебивая друг друга, только переводчик хранил гробовое молчание, и тогда я, чтобы принять участие в беседе, сказал:

— У нас птицы тоже иногда приводят к катастрофам. Особенно в воздухе.

На меня все посмотрели странно, будто я сказал что-то неприличное, и я подумал о порой невероятных социальных табу, которые можно встретить в других мирах. Да нужно ли далеко ходить за примерами? Многие помнят известный скандал, происшедший во время визита Делакруза на Прембол, где совершенно недопустимо, если мужчина встает в присутствии дамы.

Еще минут через пять мы добрались до гостиницы, и мои хозяева предложили мне отдохнуть.

— А девушка пусть на минутку задержится, — попросил я.

Хозяева, видно, оценили мой ход и закивали головами как-то наискосок, повернулись и проследовали к машине, а девушки-гимнастки вытащили из машины букеты и снова мне их вручили. Так я и остался посреди холла, обнимая разноцветные цветы.

Девушка робела, краснела, ломала пальцы и явно изображала крайнюю степень вины.

— Я вас сейчас отпущу, — сказал я. — Только один вопрос.

— Конечно, — сказала она покорно.

Было жарко, и вентиляторы под потолком гоняли горячий воздух. Подошел портье и взял у меня букеты, за что я ему был крайне признателен.

— Как зовут вашего уважаемого председателя? — спросил я.

Девушка что-то прощебетала, и я попросил ее записать имя на

листе бумаги печатными буквами. Должен не без гордости сказать, что на прощальном банкете, после нескольких часов тренировки, я умудрился прочесть все тридцать шесть букв подряд, за что был обласкан бурными аплодисментами присутствующих. По той же причине я попросил разрешения называть девушку Машей, на что она согласилась, хоть это звукосочетание не имело ровным счетом никакого отношения к ее грациозному имени, состоявшему из двадцати восьми согласных букв с придыханиями после четных.

— Итак, — начал я после того, как Маша кончила выводить буквы на бумаге. — Каково ваше личное отношение к тому, что произошло?

Такой вопрос я мог задать, и зная суть дела.

— Ой! — воскликнула Маша. — Мне так стыдно! Но меня подвели нервы.

— А вы подвели команду?

— Если бы только команду! Теперь, наверное, никого с нашей планеты не будут допускать к соревнованиям.

— Хорошо, — у меня больше не было сил разговаривать. — Идите. А я отдохну.

Я прошел в номер и принял душ. Значит, ее подвели нервы. Ну что ж, ничего удивительного. Почти все спортивные грешники ссылаются на нервы. Но такая милая девушка...

Я заказал в номер кофе. Мне принесли темный напиток со вкусом жженой резины. Лучшего я и не ждал.

— Простите, — спросил я официанта. — А есть ли здесь неподалеку место, где подают настоящий кофе?

— У нас самый настоящий, лучший кофе.

— Верю. А из чего его приготовляют?

Официант посмотрел на меня с искренним сочувствием и объяснил, что кофе — это такая трава, корни которой высушиваются и перемалываются, пока не примут благородный фиолетовый оттенок.

Поблагодарив официанта, я хотел выплеснуть драгоценный напиток, но тот, словно почувствовав мое разочарование, сказал:

— Есть люди, называющие этим словом странные коричневые зерна, которые привозят с Земли. Их подают в кафе «Африка» — два квартала отсюда. Чего только не делает с людьми мода!

Официант жалел снобов, которым приходится глотать всякую гадость, а я воспрял духом и через пять минут отправился в кафе «Африка».

Квартал, в котором стояла гостиница, отделялся от следующего небольшим парком. Я шел не спеша и даже остановился на берегу пруда, обрамленного бетонным барьерчиком. К вечеру солнце грело уже не так отчаянно, можно было дышать, и от воды исходила прохлада.

На другом берегу прудика счастливые родители возились у коляски с младенцем. Младенцу на вид было около года — он еще не умел

ходить, но стоял в коляске довольно уверенно. На макушке у него торчал белый хохолок, и младенец заливался счастливым смехом, которому вторили папа и мама. Младенец напоминал мне младшего внука Егорушку, и мне на минуту показалось, что я вернулся домой.

Вдруг папаша поднял младенца на руки и, поцеловав в лобик, забросил в воду. Подальше от берега.

Я было бросился к воде, движимый естественным желанием спасти малыша. Но прежде, чем я успел что-нибудь сделать, я заметил: папа с мамой продолжают счастливо смеяться, что говорило либо об их законченном цинизме, либо о том, что младенцу ничего не грозит. Смеялись и случайные прохожие, остановившиеся у пруда. Смеялся и младенец, который препотешно бултыхал ручками и ножками и ко дну не шел.

Тогда я понял, что здесь детей учат плавать раньше, чем они научатся ходить. Таких чудаков я знал и на Земле. И когда я это понял, то немного успокоился. Но ненадолго. Прошло еще несколько секунд, и ручонки младенца, видно, устали, улыбка пропала с его личика, и, тихо пискнув, он пошел ко дну.

Лишь круги по воде...

Я сделал то, что в моем положении сделал бы каждый порядочный человек. Я прыгнул с бетонного бортика в воду и нырнул. В конце концов, пруд был так велик, а перепуганные родители наверняка замешкаются.

Вода была зеленоватой, но довольно чистой. Покачивались водоросли, и темными тенями рядом со мной проплывали рыбы. Пруд оказался не очень глубоким — метра два-три; на дне ребенка не было видно. Я на мгновение вынырнул, чтобы вдохнуть воздуха, и успел разглядеть испуганные лица людей, собравшихся вокруг пруда. Мокрый костюм тянул меня ко дну, и тут я понял, что совсем потерял былую спортивную форму и, если не направлюсь к берегу, спасать придется меня.

Я вынырнул и увидел, как улыбающийся папаша вынимает из воды своего улыбающегося детеныша. На последнем издыхании я выбрался из воды поближе к кустам и подальше от счастливых родителей. Там на скамеечке сидела Маша.

— Что с вами? — спросила она тихо. — Вы так купались?

В вопросе звучала жалкая попытка уважить странные обычаи моей родины, где старики обычно ныряют в воду в костюме и ботинках.

— Да, — сказал я сквозь зубы. — У нас такой обычай.

— Такой?! И вам не холодно?

— Что вы, — я постарался улыбнуться, — очень тепло.

— Вы куда идете? — спросила Маша, стараясь на меня не глядеть. Я бы тоже на ее месте постарался не глядеть на старика, с которого льется вода и свисают водоросли.

— Я иду пить кофе, — сказал я. — В кафе «Африка».

— Но, может, вам лучше...

— Сначала обсохнуть?

— Если так у вас принято.

— Нет, у нас принято гулять в мокрых костюмах, — ответил я. — Но все-таки мы вернемся в гостиницу и постараемся проникнуть туда с заднего хода, потому что наш обычай вызовет у вас удивление.

— Нет, что вы! — воскликнула неискренне Маша, но тут же повела меня к гостинице задним двором.

Я покорно следовал за девушкой, стараясь не обращать внимания на прохожих. По дороге я немного обсох, а в номере, размышляя о несходстве обычаев, переоделся в вечерний торжественный костюм с большим олимпийским гербом, нашитым на верхний карман. Я не рассчитывал разгуливать здесь в парадном облачении, но мой багаж был ограничен. Хорошо, хоть малыш не потонул.

Маша покорно ждала меня в холле, сложив ручки на коленях, словно нашкодившая школьница, которой предстоит объяснение с учителем.

— У вас рано учат детей плавать? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Плавать? Да, конечно.

— Но я никогда не видел пловцов с Илиги на наших соревнованиях.

— Мы недавно примкнули к олимпийскому движению, — сказала Маша.

— Но вот вы же участвовали.

Маша покраснела, что в сочетании с зелеными волосами дало любопытный эффект, который мог бы загнать в могилу дальтоника.

— Но я же легкоатлет, — сказала она. — За легкоатлетов мы ручались. А за пловцов очень трудно ручаться. Вы меня понимаете?

Я пока не понимал, но на всякий случай внушительно кивнул.

— Но поймите меня правильно! — воскликнула она вдруг с дрожью в голосе. — Я первый раз была на таких крупных отборочных соревнованиях. Этого со мной больше никогда не повторится.

Я кивал как болванчик, надеясь, что она проговорится.

— А теперь получилось, что из-за моего поведения илигийцам придется отказаться от участия в галактических соревнованиях. Поверьте, только я одна виновата. Снимите меня. Накажите меня. Но не наказывайте целую планету. Все теперь зависит от вас.

— Знаете что, — сказал я задумчиво. — Расскажите мне все по порядку. Одно дело — изучать документы, другое — выслушивать показания сторон. Только ничего не скрывайте.

Маша глубоко вздохнула, словно собиралась нырнуть в воду, чем напомнила мне мой собственный неразумный поступок.

— Значит, после того, как я стала чемпионкой Илиги в беге на двести метров, меня решили направить на отборочные соревнования

сектора на Элеиду. Со мной был еще один юноша — прыгун. У него все обошлось. Ну вот, взяла я старт. Чуть-чуть засиделась. Самую чуточку. Знаете, как это бывает? Вы никогда сами не бегали?

— Я прыгал в высоту, — сказал я. — На два пятьдесят четыре.

— Ой как высоко! — искренне удивилась Маша, чем очень меня к себе расположила. — Но вы все равно знаете, как бывает, когда задержишься на старте. Бежишь и себя проклинаешь. А ведь два первых забега я выиграла. Вот и бежала, проклиная себя, и очень мне было стыдно, что на меня надеялись, а я так подвожу. Мы с другой девушкой оторвались от остальных, но у нее запас был метра в два. Полметра я отыграла по-честному, а потом с собой не совладала. Я знала лишь одно: остается двадцать метров, семнадцать... Вот я и фликнула.

— Что вы сделали?

— Флик-ну-ла.

И тут Маша разревелась, и я погладил ее по зеленой головке и стал приговаривать: «Ну ничего, ничего...»

— Что теперь будет?.. — бормотала Маша. — Я же не могу им в глаза смотреть.

— Что же было потом?

— Потом? Потом все судьи сбежались и потребовали объяснений. У меня, сами понимаете, был соблазн сказать, что им показалось, но я сказала правду. А та, другая команда сразу написала протест. И федерация. Они совершенно правы.

Маша достала платок и высморкалась. Почему-то все женщины в Галактике, когда плачут, вместо того чтобы вытереть слезы, вытирают нос. Из сумочки вывалился на стол сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот, — сказала Маша, — вот этот проклятый протест. Они даже не стали слушать моих объяснений и обещаний.

Я взял протест, стараясь скрыть охватившую меня радость. Развернул его, словно хотел еще раз взвесить тяжесть обвинений. Протест был счастливой зацепкой. Я слишком далеко зашел в своем всеведении, чтобы спросить, что это значит — фликнула?

«...За несколько метров до финиша, — говорилось в протесте после подробного описания никому не нужных обстоятельств прибытия спортсменов с Илиги и порядка соревнований, вплоть до указания скорости и направления ветра и числа зрителей на стадионе, — представительница Илиги, почувствовав, что не может догнать свою соперницу честным путем, пролетела несколько метров по воздуху, превратившись в нечто, подобное птице и снабженное крыльями, форму и расцветку которых установить не удалось. После пересечения линии финиша спортсменка вновь опустилась на землю и пробежала в своем естественном виде еще несколько метров, прежде чем остановилась...»

Далее следовали всякие пустые слова. Я сидел, перечитывал вышеприведенные фразы и все равно ничего не понимал.

Из столбняка меня вывело появление председателя Олимпийского комитета.

— Ну как, побеседовали? — спросил он, изобразив сдержанную радость. — Надеюсь, вы поняли, что случай с ней лишь печальное недоразумение?

— Да, — сказал я, складывая протест и пряча его в карман. — Да.

И тут, может, потому, что переутомился или неожиданное купание подействовало мне на нервы, я потерял контроль над собой и, выругав последними словами Сплеша, признался, что до разговора с Машей ровным счетом ничего не знал о сути дела, и в результате полдня потеряно понапрасну...

Мой неожиданный взрыв как-то успокоил коллегу и заставил его увидеть во мне — в строгом и страшном ревизоре — человека, подвластного слабостям. И потому он сказал:

— Позвольте, мой дорогой, рассказать вам все по порядку. Ведь планет в Галактике множество, и не можете же вы знать особенности каждой.

— Не могу, — согласился я. — На одной планете фликают, на другой...

— Вы совершенно правы. Ведь эволюция на Илиге проходила в куда более сложных условиях, чем, допустим, на Земле. Хищники преследовали наших отдаленных предков в воздухе, на суше и в воде. И были они быстры и беспощадны. Но природа пожалела наших предков. Она, помимо разума, наградила их особенностью, которой наделены и многие другие неагрессивные существа на нашей планете. Спасаясь от злых врагов, жертвы — а наши предки относились к числу жертв — могут менять форму тела в зависимости от среды, в которую они попадают. Представьте себе, что за вами гонится свамс. Это жуткое зрелище. Хорошо еще, что свамсы вымерли. Вот свамс догоняет вас в поле. Тогда в момент наибольшего нервного и физического напряжения структура вашего организма меняется, и вы взлетаете на воздух в виде птицы.

— Понимаю, — сказал я, хотя не был уверен, что понимаю.

— Помните, на перекрестке вы сказали, что птицы на вашей планете могут помешать транспорту. Мы не знали, шутка это или нет. Ведь никакой птицы там не было. Просто какой-то школьник чуть не попал под машину. В последний момент он успел вывернуться и взлететь в воздух...

— Да, — сказал я, вспомнив птицу, взлетевшую перед машинами.

— Ну вот, я продолжу рассказ, — сказал мой коллега. — Спасаясь от свамсов, наши предки взлетали в воздух. Но что их там ожидало?

— Провиски, — подсказала Маша.

— Правильно, провиски, — согласился мой коллега. — Размахи-

вая своими громадными черными перепончатыми крыльями, провиски раскрывали свои черные клювы, чтобы нас сожрать. Что оставалось делать нашим предкам? Они принимали единственное решение — ныряли в воду и превращались в рыб. По приказу на редкость совершенной нервной системы биологическая структура тела вновь претерпевала изменения...

— Все ясно, — сказал я, стараясь не улыбнуться. — Это свойство у вас с рождения?

— Как вам сказать... Постепенно, с развитием цивилизации, эти способности стали отмирать. Но мы их воспитываем в детях искусственно, потому что они полезны. Вы можете увидеть в нашем городе сцены, непонятные и даже пугающие приезжего. Вы можете увидеть, как маленьких детей кидают с крыш или в водоемы... Если не закрепить возможности ребенка в раннем детстве, он может вырасти недоразвитым уродом...

— Уродом, то есть...

— Да, уродом, который не умеет превратиться, когда надо, в птицу или рыбу. Извините, уважаемый Ким Петров, но это слово не относится к нашим гостям. Мы понимаем, что эволюция у вас шла иными путями.

— А жаль! — воскликнул я с чувством.

Моему взору предстала сцена у пруда, столь обычная в их мире и так смутившая меня. Мой поступок должен был показаться окружающим верхом бестолковости. И неудивительно, что родители малыша поспешили вызволить ребенка из воды, чтобы глупый дедушка не сделал ему больно, схватив за плавничок или за жабры.

— Но, — тут в голосе моего собеседника зазвучали трагические нотки, — спортсмен, желающий выступать в обычных для Галактики видах спорта, дает клятву забыть о своих способностях. Больше того, мы надеялись, что никто в Олимпийском комитете не узнает наших... Ни к чему это... пошли бы разговоры...

— Ни к чему, — согласился я.

— Теперь, после этого краткого вступления, я хотел бы пригласить вас на специально приуроченные к вашему приезду соревнования по легкой атлетике. Вы сможете своими глазами убедиться, что и без фликанья мы добиваемся отличных результатов...

Я поднялся и последовал за моими гостеприимными хозяевами.

У подъезда гостиницы остановился автобус. Пассажиры уже вошли в него, и двери вот-вот должны были закрыться, когда за моей спиной послышался топот. Какой-то пожилой человек с двумя чемоданами в руках мчался через холл, держа в зубах голубую бумажку, наверно, билет. Я посторонился. Увидев, что автобус отходит, человек подпрыгнул, превратился в серую птицу, подхватил когтями чемоданы, не выпуская из клюва билет, в мгновение ока долетел до автобуса и протиснулся внутрь, заклинив чемоданами дверь.

— Ну вот видите, — сказал мой коллега несколько укоризненно. — Иногда это помогает, но... не везде.

Не спуская глаз с удаляющегося автобуса, я спросил:

— А под землю ваши предки не пробовали прятаться?

— Это атавизм! — возмутилась Маша. — Там же грязно.

— Такие способности встречаются у геологов, — поправил ее мой коллега. — Так каковы наши перспективы в олимпийском движении?

— Еще не знаю, — сказал я.

А сам уже думал о бесконечных заседаниях комитета, где мне придется уламывать упрямую федерацию и торжественно клясться от имени илигийцев, что они преодолеют инстинкты ради честной спортивной борьбы.

ОДИН МАЛЬЧИК НАСТУПИЛ НА РАМОКАЛИ

По долгу службы мне, разъездному представителю Олимпийского комитета, приходится бывать в самых дальних уголках Галактики.

На Вапру я летел впервые. Планету открыли меньше двух веков назад, а заселили совсем недавно, причем заселили с тридцати разных звездных систем. Там до сих пор нет общего языка, все ходят с транслейтерами. Населения на планете негусто, да и суши на Вапре немного — раз в десять меньше, чем на Земле. Климат жарковатый, но без особых перепадов, жить можно.

Космограмма о моем прилете затерялась в пути, никто меня не встречал, я выбрался из здания космодрома и остановился на минутку, чтобы оглядеться и подивиться разнообразию жителей Вапры, которые ходили, бегали, ползали, прыгали, летали и передвигались непонятным образом по площади.

Вечерело. В зеленом небе быстро крутились многочисленные луны, зажглись первые огни. Громадная стрекоза, крылья в полметра, сделала круг над моей головой. Я на всякий случай снял шлем и помахал им над головой, чтобы стрекоза не приставала к прохожим. Она поднялась чуть выше. Поглядывая на стрекозу краем глаза, я высматривал свободное такси. Наконец высмотрел. Путь к машине лежал через группу непринужденно расположившихся скорпионов размером с собаку. Это меня несколько задержало.

Водитель флаера, многоногий пульсиканец, принялся махать конечностями, привлекая мое внимание.

— Иду, — сообщил ему я на космолингве и сделал шаг по направлению к скорпионам. Нерешительный шаг, вернее, шажок.

И в этот момент проклятая стрекоза спикировала на меня.

Чтобы спастись, я сбил ее шлемом на землю и в страхе, что она цапнет меня, наподдал ей ногой, отчего она рассыпалась на кусочки.

Гордый своим подвигом, я уже смелее направился к скопищу скорпионов, но тут вижу, что шофер схватился за голову и нырнул в машину.

— Погодите! — крикнул я.

Такси взяло с места и свечой ушло в зеленое небо.

Я бросился было за ним. Скорпионы в панике ринулись в стороны.

Вдруг меня крепко схватили под локти две юные девушки спортивного типа.

— Что случилось? — спросил я.

Они смотрели на меня с ужасом и отвращением. К ним присоединился шар с глазами наверху, который выпустил ложноножки и вцепился мне в грудь. Стремительно собралась разномастная толпа.

— Давайте его растерзаем, — сказал кто-то из толпы.

— Придется растерзать, — согласилась одна из девчушек. — Иначе последствия будут ужасны.

— Погодите! — воскликнул я. — Я ничего плохого не хотел! Я приезжий!

— Он приезжий! — сказал шар с ложноножками. — А нам что, расхлебывать? Нет, я предлагаю его растерзать!

Меня тут же начали терзать. Шлем улетел в сторону, чемодан валялся на мостовой, костюм трещал по швам. Скорпионы подошли поближе и, видно, тоже хотели принять участие в действе.

— За что? — кричал я, стараясь перекричать толпу. — Разве стрекозы охраняются законом?

— При чем тут закон, при чем тут охрана? — кричали мне в ответ.

— Неужели она была разумной? — испугался я.

— Разумной? — по толпе прокатился смешок. Я решил, что смех несовместим с насилием и меня сейчас отпустят. Не тут-то было. Я полез в карман, чтобы достать удостоверение, дающее право на дипломатическую неприкосновенность. Несмотря на удары и толчки, это мне удалось сделать.

— Я пользуюсь дипломатической неприкосновенностью! — прохрипел я. — Я член Олимпийского комитета!

— Не поможет! — кричали в толпе, но хватка шара с ложноножками, почти задушившего меня, вдруг ослабла.

— Повторите, — сказал он, — вы — член чего?

— Олимпийского комитета.

Ложноножки шара рванули меня в сторону.

— Помогайте мне и не шумите, — быстро шепнул он девушкам. — Мы ошибочно терзаем уважаемого Кима Петрова, которого отчаялись дождаться.

И, обращаясь к толпе, шар объявил:

— Мы его утопим в пруду Последнего Разочарования. Возвращайтесь к своим делам.

Две девчушки и шар с ложноножками поволокли меня к олимпийскому автобусу.

Я постепенно пришел в себя настолько, что смог задать обязательный вопрос:

— Скажите, что же я натворил? Стрекозы не охраняются законом, не являются разумными существами... Может быть, у вас существует система религиозных табу?

— Системы нет, — ответил шар с ложноножками, который оказался впоследствии милейшим и добрейшим существом, отличным шашистом, эрудитом, умницей и стал моим близким другом. — Какая может быть система, если всему городу грозила гибель?

— Клянусь, я не хотел губить город.

— Верю, — серьезно ответил шар. — Но каждый знает, что если убить краколюру, начнется эпидемия древесной лихорадки.

— Почему? — не понял я. — Стрекозы, то есть краколюры, уничтожают возбудителей этой лихорадки?

— Каких еще возбудителей! — возмутилась прыгунья в высоту. — Нет никаких возбудителей. Но если убить краколюру, начнется ужасная эпидемия древесной лихорадки.

— Может быть, это суеверие, — сказал шар. — Вернее всего, суеверие.

— Но суеверие должно быть на чем-то основано, суеверия редко возникают на пустом месте, — глубокомысленно сказал я.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул шар.

— Может быть, раньше возникали опустошительные эпидемии древесной лихорадки и в сознании...

— Не говорите глупостей, — без всякого уважения заявила надежда легкой атлетики. — Никто никогда не болел древесной лихорадкой. Такой болезни даже в справочнике нет.

— Но если она начнется, это будет ужасно, — сказала вторая девушка.

— А что надо сделать, чтобы не началась эпидемия болезни, которой нет? — спросил я.

— Растерзать виновника, — сказал шар. — Безжалостно.

— И уже кого-нибудь растерзали? — спросил я.

— Ну, какой идиот будет убивать краколюру? — удивилась надежда легкой атлетики.

— Только если приезжий, — добавила вторая девушка. — К счастью, краколюры очень редко залетают в город. Пока обходилось.

* * *

На следующее утро, проснувшись, я увидел, что ночью, без моего ведома, гостиничный номер «украсили» зеленым, в рыжую крапинку, фантастически пыльным ковром, повесив его на подоконник. Ковер вонял прелью, и над ним тучей носились мухи.

В иной ситуации я бы сдержался — все-таки на чужой планете. Но чувствовал я себя разбитым после вчерашней потасовки, не выспался, а тут еще эта прелесть... Я подошел к окну, которое выходило во двор, одним усилием перевалил тяжелый ковер через подоконник и сбросил с третьего этажа. Ковер шумно шмякнулся об асфальт, взвизгнул и быстро пополз на улицу. Во дворе стояло несколько шоферов и официантов. Падение ковра им ничем не угрожало, но они повернулись ко мне с угрожающими физиономиями. Я на всякий случай отошел от окна, удрученный тем, что никогда раньше не видел рыдающих ковров.

Через две минуты в комнату вошла делегация в составе директора гостиницы и десяти официантов. Выражение лиц этих посетителей меня встревожило.

— Вам придется покинуть нашу гостиницу, — сообщил мне директор.

— Почему?

— Потому что вы чуть не убили коврового прямоточника.

— Я решил, что это просто ковер, — сказал я. — Мне никогда не приходилось иметь дела с ковровым прямоточником. Примите мои извинения. Но ковровым прямоточникам нечего делать в моей комнате.

— Я на вас не сержусь, — сказал директор. — Это уже третий ковровый прямоточник, который лезет в мою гостиницу за последнюю неделю. Но оставить вас в гостинице я не могу. Общественность мне этого не простит.

Общественность, густо набившая комнату, криками и угрозами подтвердила слова директора.

— Что же меня ждет? — спросил я.

— Вернее всего, вас забьют камнями, — сказал директор, — иначе каждый нечетный дом в нашем городе послезавтра сгорит.

— Почему? — удивился я.

— Это всем известно, — грустно сказал директор.

— Уже горело? — спросил я.

— Разумеется, нет, — сказал директор. — Ведь никому не приходило в голову сбрасывать с третьего этажа коврового прямоточника.

Выручил меня любимый шар в сопровождении двух полицейских.

Но из гостиницы пришлось съехать.

Остаток командировки я жил у шара, что было не очень удобно,

так как все в его доме было рассчитано на шарообразных существ, включая ванную и туалет.

Нетрудно догадаться, что после этих двух событий я заинтересовался местными суевериями. Суеверия, как вы понимаете, есть везде. Но почему-то на Вапре они приняли угрожающую форму. Например, я узнал, что, если убьешь скорпиона — создание крупное, кусачее и агрессивное, — у тебя отнимется левая рука, а если обидишь царицу блох (увидеть мне ее так и не пришлось), то у тебя всю жизнь будет чесаться под левой лопаткой.

Таких суеверий я собрал десятка три, одно страшнее другого.

Но, пораженный их некоторым однообразием, я задумался вот над чем: планета открыта недавно, заселена в близкое к нам время самыми различными существами. То есть никакой общей культуры еще сто лет назад здесь и быть не могло. А суеверия оказались местными, общими для всех. Правда, должен сказать, что не все они были угрожающего свойства. К примеру, я обнаружил, что если положить в гнездо выпавшего оттуда птенца, то назавтра обязательно выиграешь в местную игру переног...

* * *

Наверное, я бы так и не смог приблизиться к разгадке этой тайны, если бы не случай.

За день до отъезда я зашел в книжный магазин, где наткнулся на небольшую книжку, которая называлась «Наш фольклор». Подумав, что корни суеверий могли таиться именно в фольклоре, которого, кстати, не должно быть на недавно заселенной планете, я сунул книжку в карман.

Во время последней прогулки за город я остановился у небольшого озера. Спустившись к воде, устроился в тени кустов. Было, как всегда на Вапре, душно. Я раскрыл книжку и с интересом прочел первую сказку о том, как один мальчик наступил со злым умыслом на рамокали и как за это все рамокали из окрестностей стали преследовать мальчика днем и ночью. Бедняжке пришлось бросить школу и улететь с Вапры. И он сильно плакал.

Ясно, подумал я, если встречусь с рамокали, наступать на нее не буду, особенно если угадаю, что это именно рамокали.

Отложив книгу, я решил искупаться.

Разделся, зашел в теплую до безобразия воду, и только отплыл метров двадцать от берега, как увидел, что навстречу мне устремилось что-то большое и темное.

На всякий случай я повернул к берегу, решив, что если это какая-нибудь рамокали, то лучше ее не трогать. А если это просто местный крокодил, то лучше, если он не тронет меня.

Едва я выскочил на берег, как из воды высунулась зверская оска-

ленная морда, щелкнула зубами, каждый в палец длиной, и, поняв, что промахнулась, взревела от обиды. Я отбежал подальше. Зверь оказался крокодилом на длинных ногах. Подхватив книгу, я побежал к дороге, где оставил машину. Крокодил не отставал. Тут я увидел, что навстречу мне бежит невысокий щуплый человек с седой бородкой и взволнованно кричит:

— Только не вздумайте его ударить!

— Я и не думаю, — ответил я на бегу. — Это он нападает.

— Если ударить псевдокракса, — закричал человечек, пристраиваясь ко мне и семеня рядом, — то начнется землетрясение.

— А если он меня съест?

— Тогда ничего не случится.

— Что же делать?

Человечек подбежал к развесистому дереву, подтянулся на низком суку и ловко оседлал его. Я еле успел последовать его примеру. Псевдокракс начал кружить вокруг ствола, всем своим видом показывая, что никуда отсюда не уйдет.

Мы перевели дух. Перебрались на ветку выше, где можно было сидеть почти уютно. Сверху мне была видна машина — до нее оставалось метров пятьдесят.

— Спасибо, — сказал я человечку. — Вы меня спасли.

— Вы что, приезжий?

— Да, с Земли.

— Это и видно, — сказал человечек. — Здесь никто не купается. Все знают, что нельзя бить псевдокракса.

— Хоть бы табличку повесили, — сказал я.

— Раньше не требовалось, — сказал человечек.

— А зачем вы здесь крутитесь? — спросил я. — Вам жизнь надоела?

— Нет, не надоела, — сказал человечек. — Но я эколог, наблюдаю здесь псевдокраксов.

Я вздохнул.

— Может, кто проедет мимо, выручит нас? — спросил я.

— Кто же? — удивился человечек. — Голыми руками с псевдокраксом не справишься, он тебя съест. А если с оружием, то придется его ударить. А тогда что?

— Землетрясение, — подсказал я.

— Правильно.

— И вы, эколог, верите в эти суеверия? — спросил я.

— Когда как, — уклончиво ответил человечек.

Мы немного помолчали.

— Мне надоели ваши суеверия, — признался я. — Третий раз из-за них я чуть не лишился жизни.

И, раз уж делать было нечего, я рассказал экологу о своих приключениях и сомнениях.

— Меня эта проблема настолько заинтересовала, — закончил я, — что вот даже книжку купил, решил найти корни суеверий в фольклоре.

— И как?

— Пока уяснил, что нельзя наступать на рамакул...

— На рамокали, — улыбнулся эколог. — Это такая бабочка, которая ползает по стульям. Дайте-ка сюда книжку.

Эколог рассеянно листал книжку. Я безнадежно глядел на псевдокракса. Налетела стайка крупных комаров. Один, как бы давая сигнал прочим, опустился мне на лоб и вонзил в него жало. Я треснул себя по лбу.

— Не смейте! — оторвался от книжки эколог. — Если раздавить комара...

— Если раздавить комара, — закончил я за него, — то все девицы в городе охромеют на левую ногу.

— Нет, — возразил эколог, — пойдет град!

— Ничего не будет! — Я был в бешенстве. — Не будет града. И никто не охромеет. И вы в это не верите! Ну, где ваш град?

Другой комар удобно устроился на носу эколога. Эколог помахал рукой, но комар не обратил внимания. Очевидно, знал про град и ни черта не боялся.

Эколог поморщился от боли, терпение его истощилось, и он раздавил-таки комара.

— Ну вот, — сказал я. — Надо быть ученым, надо быть человеком нашего века.

Мы в четыре руки принялись бить комаров, а псевдокракс смотрел на нас с изумлением.

— Иногда я понимаю, — сказал вдруг эколог, — что это слишком. Но кто мог подумать!

— Вы о чем? — спросил я.

— У вас нет с собой ручки или карандаша? — спросил эколог.

— Не шутите, — сказал я. — За ручкой мне надо пройти сто метров в компании псевдокракса.

— Жаль, — сказал эколог. — Я хотел написать вам посвящение на этой книге.

— Почему?

— Потому что я ее написал.

— Вы и фольклорист?

— В какой-то степени, — сказал эколог.

— Ходите по деревням и собираете местные сказки?

— У нас нет деревень, — сказал эколог. — Мы же дети космического века.

— Так откуда вы берете эти сказки?

— Вы скоро уезжаете?

Я с тоской бросил взгляд в небо, по которому неслись одна за другой многочисленные луны.

— Завтра же, — сказал я. — Если этот зверь нас выпустит.

— Тогда я могу вам сказать правду. — Эколог осторожно подвинулся на суке, чтобы приблизиться ко мне, и понизил голос: — Это я все придумал.

— Вы придумали фольклор?

— Ш-ш-ш-ш! Это страшная тайна. От этого зависит экологический баланс на планете.

— Не понимаю, что общего между сказками и балансом.

— Я объясню. Все равно он пока не собирается уходить. — Он показал на псевдокракса и с наслаждением пришиб комара. — Я всю жизнь посвятил этой планете. Работаю на Вапре семьдесят лет и застал времена, когда на всей планете был только один город, а некоторые области континента вообще не были исследованы. Это было удивительное время — романтических походов, первых палаток и больших открытий. Вы понимаете?

— Нетрудно, — сказал я.

— Но вскоре оказалось, что планета богата полезными ископаемыми, что она перспективна... — Человечек задумался, как бы переживая вновь те далекие времена, почесал седую бородку и продолжал: — И тут началось. До миллиона иммигрантов в год! Со всех концов Галактики! А у нас только один небольшой континент. Экологический баланс хрупок, уже через несколько лет некоторым редким породам животных стало грозить уничтожение. Что делать?

— Ну, — сказал я, — заповедники, охрана...

— Вы понимаете, как неубедительны ваши слова? Пришельцы — чужие на этой планете, у них свои заботы, местные животные им незнакомы и зачастую страшны. Ведь при виде скорпиона не подумаешь, что он — безвредное создание.

— Не подумаешь, — сказал я.

— Надо было принимать решительные меры, — сказал эколог. — И тогда мне помог случай. Я был на окраине города, когда увидел, что один мальчик наступил на рамокали. Я подошел к мальчику и сказал ему: «Мальчик, нельзя наступать на рамокали». «Почему?» — спросил он. «Потому что другие рамокали прилетят и будут тебя преследовать...»

— Я читал об этом, — сказал я.

— Правильно. Тогда я забыл о случайной встрече. И вот, представьте себе, недели через две совсем в другом месте я слышу историю о том, как один мальчик наступил на рамокали. И что из этого получилось...

— Они его преследовали.

— Пока он не улетел с планеты.

— Люди склонны верить диким слухам.

— Здесь рай для слухов! Поселенцы слетаются с разных сторон, планеты не знают и готовы поверить всему, что говорят старожилы.

— И вы начали придумывать «приметы»...

— Да, постепенно. Как только какому-нибудь животному грозила опасность, я тут же пускал в ход историю...

— Нельзя убивать альбатроса, — сказал я. — Это принесет несчастье кораблю.

— Альбатроса? — быстро спросил эколог. — Что это?

— Это старинное морское поверье...

— Ага, вы поняли. Но вы, наверно, осуждаете меня?

— Побуждения у вас были благородные, но не переборщили ли вы?

Эколог мне не ответил. Он смотрел вниз. Псевдокракс подобрал хвост, встал на задние лапы и старался достать нас. Мне это уже надоело. У меня затекли ноги. Я отломил сук побольше и метнул его в самку.

— Что вы делаете! — закричал эколог. — Вы ударили самку псевдокракса. А это значит...

Эколог смущенно осекся.

Чудовище несколько раз обиженно хлопнуло челюстями и вдруг, словно забыв о нас, повернулось, махнуло хвостом и поспешило к воде.

Мы спустились с дерева, и эколог проводил меня до машины. Там он надписал мне книгу фольклора и сказал на прощание:

— Кое в чем вы правы. Даже в самых лучших начинаниях бывает побочный эффект. Некоторые твари так расплодились под охраной общественного мнения, что их пора бы приструнить. Но как это сделать, — он улыбнулся, — если может начаться землетрясение? Будем терпеть... Зато нам нет нужды заводить Красную книгу. Наша планета завоевала первое место в секторе по охране окружающей среды!

Когда я вернулся домой, то обнаружил, что на кровати посапывают два небольших зеленых ковра. Я оглянулся. Никто не видит? Потом свернул наглецов в рулон и вынес в сад. Ковры стонали и требовали на меня управы. А я пошел собирать чемодан.

ХОЧЕШЬ УЛЕТЕТЬ СО МНОЙ?

Я попал на Дарни по будничному делу — как бывший спортсмен, а ныне скромный агент Олимпийского комитета.

Участие команды Дарни в Гала-Олимпиаде не вызывало сомнений. Сомнения вызывал размер планетарного взноса в олимпийский фонд.

Встречали меня солидно, но скучно. В зале было жарко, под потолком суетились и щебетали рыжие птички, в кадках томились чах-

лые деревца. По стене черным ожогом протянулась неровная полоса сажи.

В зал, опоздав к церемонии, ворвался, как бешеный слон, посеревший, раздобревший Син-рано, которого я встретил восемь лет назад в громадном, шумном и бестолковом Корае, на легкоатлетическом кубке. Там мы с ним оказались в одном гостиничном номере. Я выступал за Землю в прыжках в высоту, а он был одним из первых на Дарни толкателей ядра.

Встреча была такой, словно все эти годы мы провели в мечтах о ней.

— Ты живешь у меня, — сказал Син-рано, когда мы покидали космопорт. — Стены покрепче, чем в гостинице, хорошее бомбоубежище, ребята у меня надежные.

Слова Син-рано о бомбоубежище удивили меня. Впрочем, путеводитель не упоминал о войнах на планете, так что воспримем их как шутку. Но когда он затолкал меня на заднее сиденье своей машины, а сам уселся на водительское место, машина преобразилась: боковые стекла скрылись за металлическими шторками, а спереди осталась лишь узкая танковая щель.

— Не беспокойся, — сказал Син-рано.

В салоне пахло горячим железом и машинным маслом. Син-рано скинул пиджак. Под ним была перевязь с кобурой.

— Забавно, — сказал я. — Нигде об этом ни слова.

— Во-первых, — спокойно ответил Син-рано, — это местные неприятности, к тому же недавние. Во-вторых, такие события чернят репутацию. А малые планеты очень чувствительны к своей репутации. Олимпийский комитет, узнай он об этом, отлучил бы нас от движения.

— Значит, войны нет?

— Нет, — сказал Син-рано. — Я бы не стал тебя обманывать. Вдобавок...

Он не успел докончить. Бронированное чудовище выползло на шоссе наперерез движению. Наша машина вильнула и буквально прыгнула вперед.

Я не могу рассказать ничего интересного о дарнийских пейзажах, потому что любоваться ими сквозь танковую амбразуру сложно. Мы въехали в город; я догадался об этом по тому, что наше движение стало неравномерным — приходилось останавливаться на перекрестках, проталкиваться сквозь толкучку автомобилей. Вскоре мы окончательно застряли в пробке. И тут послышались нестройные выстрелы и крики. Впереди полыхнуло — там взорвалась бомба.

— Надо свернуть, — бормотал Син-рано. Машины вокруг сигналили, словно кричали. Это было похоже на пожар в театре, где в дверях застревает орущее скопище людей.

Внезапно стрельба стихла.

— Обошлось, — сказал Син-рано.

Мы подъехали к дому. Он стоял на склоне пологого холма, поросшего редкими деревьями. Между ними паслись коровы.

Нам пришлось довольно долго простоять перед высокой решеткой ворот, увитых поверху колючей проволокой. Наконец прибежал молодой человек, открыл ворота и сказал, что электричества в доме нет — Гинрини взорвали электростанцию.

— Познакомься, — сказал Син-рано. — Мой друг с Земли, Ким Петров, я тебе о нем рассказывал. А это Рони, мой младший.

Парень смутился. У него были светло-желтые волосы и тонкая кожа в веснушках, он легко краснел.

...За столом, который стоял в полуподвальном помещении — свет попадал туда через бойницы под потолком, мы сидели при свечах, — я познакомился с остальными членами семейства Син-рано. Старшего брата Рони звали Минро. Минро был худ, напряжен и преувеличенно аккуратен в движениях. Там же сидели два племянника и племянница по имени Нарини. Как сказал Син-рано, они осиротели шесть лет назад, теперь живут с ним.

Что осталось в памяти от того обеда? Ярко-красные яблоки, которые мы ели на десерт, — у них был странный земляничный вкус. Неприятная манера Минро, старшего сына: он так долго и настороженно трогал вилкой кусочки мяса на тарелке, что казалось, он решал страшную проблему — отравят или не отравят. И еще я заметил, как хороша племянница Син-рано Нарини. Она сидела молча между своими братьями и не смотрела на меня...

После обеда Син-рано увел меня наверх, на плоскую крышу. Там было приятно — поднялся легкий ветерок, был виден весь город. Минут десять мы вспоминали прошлое, потом разговор перешел на олимпийские проблемы и с них должен был вот-вот скользнуть на явь планеты. Но не скользнул, потому что над городом серой башней поднялся столб дыма, на черном фоне которого искорками зажглись разрывы. На крышу прибежал Рони и сказал, что по радио передали: Понари пробились на танках к цитадели Гинрини, но у них ничего не выйдет, на помощь Гинрини пришли все синие.

Столб дыма рос, в нем мелькали языки пламени. Пришел старший, брезгливый Минро, и сообщил, что полиция блокировала район, но внутрь не входит.

— Они всегда так, — сказал он. — Ждут, пока перебьют друг друга.

Представление грозило затянуться, и я решил погулять вокруг дома. Никто не возражал.

Под большим деревом была устроена спортивная площадка. Нарини прыгала в высоту. Прыгала хорошо, легко. Оба ее брата были рядом, они поднимали планку, когда надо. Мое появление они встретили настороженно, словно боялись, что я без их разрешения

приглашу сестру в кино. Они были еще подростками, худыми, черноглазыми и злыми.

Я увидел, какая Нарини длинноногая.

— У вас замечательные данные, — сказал я.

Нарини смутилась. Она стояла передо мной, как нашалившая девочка, ее серые глаза были почти на одном уровне с моими.

— Спасибо, — ответила она после паузы и поглядела на братьев.

— А какой у вас личный рекорд? — спросил я.

Брат справа ответил:

— Метр девяносто.

Второй дернул его за рукав.

— Это далеко до женского рекорда планеты?

— Женского? — удивилась она.

Неожиданно второй брат крепко взял ее за локоть и, не говоря ни слова, повлек к дому. Первый брат прикрывал тыл.

Кстати, я когда-нибудь видел на соревнованиях женщин с Дарни? И на космодроме среди встречавших не было ни одной женщины...

Я поднял планку, укрепил ее на двухметровой высоте. Когда-то я брал два с половиной, но теперь тренируюсь редко, а когда тебе за тридцать, отяжелевшее тело плохо подчиняется ногам.

Разбежался, прыгнул и сбил планку. Раздобревший чиновник.

Я рассердился на себя и поднял планку еще на десять сантиметров. Отошел подальше, к самому дереву. Бежать надо было по траве, только последние два метра были посыпаны песком. Я мысленно представил себе, что должен взять два двадцать.

Упал я неудачно, ушиб локоть о песок. Несколько секунд лежал в неудобной позе и глядел на планку, которая долго вздрагивала — я все же задел ее. Она думала, упасть ей или пожалеть бывшего спортсмена. Потом пожалела и замерла.

— Ты молодец, — сказал Син-рано, который наблюдал за мной, стоя за деревом. — Я иногда пробую толкнуть ядро и никому не говорю, что любой школьник меня бы обошел.

— Меня бы тоже. — Я поднялся, потирая ушибленный бок. — Твоя племянница, если будет тренироваться, прыгнет выше.

— Она способная девочка, — сказал Син-рано. — На Земле, попади она в руки хорошего тренера...

— Почему только на Земле? — Я обрадовался возможности задать вопрос, который помог бы понять, что же происходит на Дарни.

— Если я выпущу ее на стадион, — заметил Син-рано, усевшись на траву, — начнется такое...

Он улыбнулся, очевидно представив себе, что же начнется.

— Ее родители погибли, — продолжал Син-рано. — Я взял детей к себе. У меня крепкий дом.

— А почему они погибли?

— Тебя гложет любопытство, — сказал Син-рано. — Наша жизнь, обыкновенная для нас, кажется тебе загадочной.

Я сел рядом с ним. Перед нами был склон холма, полого уходящий к изгороди. Там, вдоль изгороди, медленно шел Рони, за плечом у него был автомат. Иногда он останавливался, проверял контакты. Внезапно Син-рано вскочил с резвостью, которую трудно было предположить в столь грузном человеке, и кинулся к воротам. В руке его оказался пистолет. Он бежал, пригибаясь, зигзагами. Рони упал в траву, сорвав с плеча автомат. От дома, скатываясь по склону, бежали другие люди. Из кустов, метрах в трехстах за изгородью, белыми ослепительными искрами вспыхнули выстрелы. За моей спиной бухнуло. Я обернулся. На крыше дома стоял миномет, он часто и мерно выпускал мины. У миномета виднелась светлая голова Нарини. Мины рвались в кустах, оттуда донесся тонкий вопль. Рядом со мной упала на траву срезанная выстрелом зеленая ветка. Я счел за лучшее залечь позади дерева.

Выстрелы стихли через несколько минут. Я поднялся. От ограды шли мои хозяева. Син-рано поддерживал Рони, который держался за плечо. Между пальцев сочилась кровь. Я побежал им навстречу, но Син-рано крикнул мне:

— Ничего страшного, возвращайся домой!

Его старший сын был уже за оградой, он искал что-то в кустах. Далеко, по дороге к городу, полз танк.

Рони держался молодцом, он старался улыбаться.

— Я сам виноват, — сказал он мне доверительно. — Отец раньше меня их увидел.

— Кто это были?

— Из Гобров, — сказал Рони. — Я думаю, что одного снял.

— Его накрыла Нарини из миномета, — сказал Син-рано.

Сверху сбежала Нарини со своим братом, Син-рано передал им Рони.

— Пойдем проверим коровник, — сказал он мне. — Животные волнуются, когда стрельба.

В коровнике все было спокойно. Коровы мирно жевали сено и поглядывали на нас с недоумением.

— Почему они на нас напали? — спросил я.

— Все тайны, — сказал Син-рано, — имеют обыденное объяснение. На нас напали для того, чтобы захватить Нарини.

— Зачем?

— Потому что она очень дорого стоит. Экономика, мой дорогой друг, лежит в основе любой романтики.

— Это красивый афоризм, но он ничего мне не говорит.

— Планета оказалась между каменным и атомным веком. Мы живем как на вулкане. Когда родители Нарини погибли, многие со-

ветовали мне отказаться от племянников и девочки. Но у меня своя гордость. Пока держимся.

— Что особенного в Нарини?

— Ничего.

— Кто-то влюблен в нее?

— Пожалуй, нет.

— Тогда я в тупике.

— Несколько десятилетий назад, — сказал Син-рано, — генетики сделали открытие, которое осчастливило многие семьи. Отныне пол ребенка родители могли заказывать заранее. Ты слышал об этом?

— Разумеется, — сказал я.

Мы вышли из хлева. Солнце уже село. Над столбами, между которыми тянулась решетка, зажглись сигнальные огоньки. На крыше дома вспыхнул прожектор, и луч его медленно полз по ограде.

— Девяносто процентов молодых родителей хотят, чтобы у них родился сын. Их желание было исполнено. Через несколько лет мальчиков на планете рождалось вдесятеро больше, чем девочек. Мы думали, что это открытие приведет к радости...

«Как странно, — подумал я. — Ученый спешит опубликовать открытие, чтобы осчастливить человечество, и пробуждает к действию слепые стихийные силы».

— Еще в моей молодости, — продолжал Син-рано, — женщин хоть и было вдвое меньше, чем мужчин, это тревожило, но не казалось катастрофой. Принимались разумные законы, вводились ограничения, но общество уже катилось к упадку.

— Женщин стало мало, рождаемость падала, женщина стала превращаться в ценность, — подсказал я.

— И все более теряла права личности, — закончил Син-рано. — Теоретики утверждали, что процесс скоро прекратится. Они ошиблись. Своих женщин надо защищать. Чужую женщину надо добыть. Нужны мужчины, солдаты, воины...

— А ты, — спросил я, — почему у тебя только сыновья?

— Я — песчинка в океане людей, — сказал Син-рано. — Мы с женой понимали, что, если у нас родится девочка, ее отнимут. У нас родились два сына, два защитника. Теперь у нас будет девочка, решили мы. Но мою жену украли. Я нашел ее слишком поздно, она не хотела быть рабой в доме чужого клана.

— А родители Нарини?

— Мой брат хотел пойти против течения. У него было три дочери и два сына. Слишком большое богатство для человека, не признававшего законов каменного века. Он жил в городке института, они не подчинялись реальности. Там было много девочек. Городок взяли штурмом войска четырех кланов. Я не знаю, где сестры Нарини. А она сумела убежать и увести братьев.

— Без нее было бы проще? — спросил я.

— Есть дома, — усмехнулся Син-рано, — на которые не нападают. Там нет женщин. Но ты забыл о судьбе моей жены. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Над вечерним городом полз дым, иногда раздавались одиночные выстрелы. Полосы от трассирующих пуль прочертили небо.

Я поднялся на крышу дома. У миномета дежурили Нарини и один из ее злых братцев. Они тихо разговаривали. Я подошел к балюстраде. В городе было мало огней, он спал настороженно и чутко. Лучи прожекторов время от времени вспыхивали в разных его концах и пробегали по крышам, стенам и заборам.

Нарини подошла ко мне.

— У вас девушки занимаются спортом, — сказала она утвердительно.

— Пожалуй, даже больше, чем нужно, — ответил я.

Яркая луна освещала ее чистое лицо, глаза казались темными, почти черными, настойчивыми и глубокими.

Мы помолчали.

— Как себя чувствует Рони? — спросил я.

— Это только царапина, — сказала девушка. — Брата в прошлом году ранили так, что мы думали — придется отнимать руку.

Брат подошел ближе, слушая наш разговор. Он не выпускал из рук бинокля.

— Здесь плохо, — сказала Нарини, понизив голос, когда ее брат, встревоженный каким-то шумом у изгороди, кинулся к прожектору и включил его.

— Я это понял, — тихо сказал я.

Это было странное чувство — словно мы с Нарини давно знакомы и можем говорить обо всем, сразу понимая друг друга.

— Син-рано устал, — сказала Нарини. — Он человек долга и памяти. Когда сегодня ранили Рони, мне казалось, будто это я ранила его. Он должен учиться, но остался здесь, потому что надо охранять дом.

— А выход? — спросил я.

— Меня можно продать. Хорошо продать в сильный клан.

— Мы будем защищать тебя, — сказал ее брат. — Ты знаешь, мы погибнем, но будем тебя защищать.

— Я не хочу, чтобы вы погибали, — сказала Нарини.

— Но почему ничего не делается?

— Делается, — ответила Нарини. — Есть институт, где детей выращивают в пробирках. Там уже родились первые девочки. На них тоже нападали. Даже маленькие девочки — добыча.

— Это изменится, — сказал я уверенно.

— Это изменится, — согласилась Нарини. — Но для меня... для меня будет поздно.

— Хотите, улетим со мной? — спросил я. Я не шутил в тот момент.

Но это не было предложением. Нужен был выход, и я предложил единственный, который мог придумать.

— Спасибо, — сказала Нарини.

Стояла тишина, в которой я слышал быстрое и злое дыхание ее брата.

К ночному разговору пришлось вернуться на следующий вечер. Но разговаривал я с Минро, старшим сыном, все движения которого были преисполнены брезгливости, словно у старой девы, попавшей нечаянно в ночлежку. Случилось это так.

Я вернулся из Олимпийского комитета, где разговоры были томительны и осторожны. Сумма, которую следовало перевести на наш счет, казалась дарнийцам завышенной, и мне стоило большого труда доказать им, что значительная ее часть вернется на планету по программам помощи.

В тот день в городе совсем не стреляли, и я прогулялся по главной улице, среди магазинов, витрины которых мгновенно закрывались бронированными жалюзи, как только начиналась перестрелка. Вдоль тротуаров тянулись щели для пешеходов.

По улице шли только мужчины, по делам. Никто не гулял. Это был осажденный город, почти загубленный прогрессом.

Меня довезли до дома на небольшом броневичке. У ворот меня встретил Минро. Он молчал, пока мы шли к дому, и разглядывал свои ногти.

— Мне это не нравится, — сказал он, когда дверь в дом закрылась. — Вы кружите голову девушке.

— Не понял.

— Вы сказали, что она улетит с вами.

— А что в этом плохого? — спросил я. До того момента ночной разговор на крыше был не более как словами, никого ни к чему не обязывающими. Была фраза, сказанная невзначай, рожденная самим течением разговора.

— Она сказала об этом старику, — сообщил Минро, вытирая носовым платком указательный палец. — Ваша глупая шутка...

— Почему вы считаете меня глупым шутником?

— Зачем вам эта девушка?

— Ей будет лучше в другом месте, — сказал я. Противодействие облекало случайную фразу в реальные одежды. — Она сможет нормально жить и учиться. Через полгода она уже будет брать два метра, вы знаете?

— Где брать? — не понял меня Минро.

— Она прыгает, любит прыгать в высоту.

— Не знал. — Минро начал протирать средний палец. Я не мог оторвать глаз от мерных движений его руки. — Но не в этом дело. Нарини живет у нас несколько лет. Наша семья потратила на ее охрану столько, что всем нам можно было купить жен. Из-за нее мой младший брат не получил образования. И тут появляетесь вы. Что, у вас своих женщин мало?

— Очень много, — сказал я. — Даже больше, чем нужно.

— Я предупреждаю, что не позволю вам увезти Нарини. Ее передадут сильному клану. Там у нее будут замечательные, богатые мужья.

— Мужья?

— Разумеется. Разве вам не говорили, что полиандрия у нас официально признана?

— А она об этом знает?

— О полиандрии? Разумеется.

— И знает, что вы договорились продать ее?

— Еще узнает, — сказал Минро. — Я забочусь о ее безопасности и безопасности моей семьи. Отец выжил из ума. А вы не смейте больше разговаривать с Нарини. Я вас пристрелю.

— Спасибо за предупреждение, — сказал я и пошел к себе.

Минро не знал, что выбрал для разговора со мной самый неудачный тон. Мне нельзя угрожать. Из-за этого я претерпел немало неприятностей, но любая угроза заставляет меня поступать наоборот.

Не могу сказать, что в тот момент я уже полюбил Нарини. Мне было приятно смотреть на нее, интересно разговаривать с ней. Я хотел ей помочь. Но любовь... Она могла возникнуть, могла и миновать меня. Кстати, и Нарини тогда меня не любила, но я мог изменить ее жизнь. И снять бремя с близких.

Нарини встретила меня у моей комнаты. За ней тенью брел ее младший братец.

— В нашем доме нельзя секретничать, — сказала она. — Я слышала, что вам говорил Минро.

В коридоре горела тусклая оранжевая лампа. Оттого в голосе и движениях Нарини мне чудилась тревога, которой, может, и не было.

— Вы хотите улететь со мной? — спросил я.

Она молчала.

— Пойдем, — сказал ее брат. — Пойдем спать.

— Да, — сказала Нарини, глядя на меня в упор.

Когда теперь я отсчитываю время нашей любви, я начинаю отсчет с этого взгляда.

Син-рано не спал. Мы пошли к нему. Он сидел в широком кресле, седая грива была встрепана.

— Знаю, знаю, — сказал он сварливо. — Ты как камень, брошенный в спокойный пруд. Только наш пруд неспокоен.

Сыновья его вошли в комнату вслед за нами.

— Дядя, — сказала Нарини, — Ким хочет, чтобы я летела с ним. Я согласна. Вы будете жить спокойно.

— Мне жаль, если ты улетишь, — ответил Син-рано. — Но я рад.

— Спасибо, дядя, — сказала Нарини.

— Я не допущу этого, — вмешался Минро. — Мой брат, — он показал на Рони, — пролил кровь. За кровь надо платить.

— Я так не думаю, — сказал Рони и покраснел.

— Вчера на нас напали люди Гобров. — Син-рано пристально глядел на Минро. — Кто их привел?

— Я их не звал.

— Получается гладко, — сказал Син-рано. — Они уводят Нарини, ты не виноват, а деньги твои.

— Я оскорблен, — сказал Минро, брезгливо морщась.

— И не пытайся помешать им улететь, — предупредил отец.

— А мы? — спросил один из братьев Нарини. Его худое лицо посерело.

— Вы будете жить в моем доме. Как прежде, — ответил Син-рано.

В тот вечер я больше не говорил с Нарини. Нам было неловко под настороженными взглядами домочадцев.

Утром Син-рано отвез меня в Олимпийский комитет. На заднем сиденье машины сидел Рони с автоматом. Син-рано был напряжен и молчалив — какой отец хочет сознаться в том, что опасается собственного сына?

Опасения Син-рано оправдались.

Нас подстерегли у касс, куда мы заехали из Олимпийского комитета, чтобы взять билеты на завтрашний корабль. Я не сразу сообразил, что произошло. Мы выходили из здания. Рони ждал нас у машины. Он стоял, прислонившись к ней спиной так, чтобы автомат не был виден, — он не хотел нарушать запрета на ношение оружия. Син-рано оглядел улицу в обе стороны и сказал:

— Идем.

Была середина дня, улица залита резким солнечным светом, прохожих не видно.

Я шагнул к машине, и тут же Син-рано рванул меня за руку и уложил на асфальт. Послышался мелкий дробный звук — пули бились о машину и стену дома. Рони упал на тротуар рядом с нами и, падая, открыл стрельбу.

Затем Син-рано втолкнул меня в машину, сын прыгнул за нами, и машина сразу взяла с места. За нами гнались, пули ударяли в заднюю бронированную стенку, но мы удрали.

— Я не совсем еще сдал, — сказал Син-рано. — Как я тебе, а?

— И вам нравится такая жизнь? — спросил я, прикладывая платок к разбитому лбу.

— Может быть, — вдруг рассмеялся Син-рано.

Старшего сына дома не было. Он не вернулся до темноты.

Дом жил, как осажденная крепость в ожидании штурма. На закате подъехал броневик, в нем были друзья Син-рано — четверо могучих мужчин. Они вели себя как мальчишки, которым позволили поиграть в войну.

Нарини собрала небольшую сумку — мы не могли обременять себя багажом.

— Ты не передумала? — спросил я.

Она посмотрела на меня в упор.

— А ты?

— Тогда все в порядке, — сказал я.

В комнату зашел один из братьев Нарини. Он был расстроен, но старался держаться.

— Броневик отходит ровно в час ночи, — предупредил он.

— Если захочешь, — сказал я ему, — можешь прилететь к нам на Землю.

— Видно будет, — ответил он и посмотрел на сестру.

Штурм дома начался с темнотой. Это походило на приключенческое кино. Трассирующие пули вили в небе разноцветную сеть, мины рвались на лужайках и в кустах, коровы отчаянно мычали в хлеву. Полиция прибыла через час после начала боя, когда нашим уже пришлось ретироваться на крышу. Нападающих было много, и они не хотели отступать даже перед полицией.

Именно тогда, в полной неразберихе, Син-рано и осуществил свой план. Броневичок, на котором нам предстояло удрать, был спрятан за сараями. Кроме нас, в нем был только один из братьев Нарини. Остальные держали оборону.

Син-рано похлопал меня по плечу и сказал:

— Жду вестей.

Броневичок был легкий, верткий. Он выскочил за ворота и пошел к городу.

Враги слишком поздно заметили наше бегство. Нарини отстреливалась из пулемета в башне. Перед моими глазами были ее коленки в жестких боевых брюках, она отбивала пяткой какой-то странный ритм, совпадающий с ритмом очередей. Я не мог отделаться от ощущения, что все это ненастоящее.

Потом мы ехали несколько минут в полной тишине. Нарини наклонилась ко мне и спросила:

— Ты как себя чувствуешь?

Это были ее первые слова, которые в своей будничности устанавливали между нами особую связь, возникающую между мужчиной и женщиной, когда они вдвоем.

— Спасибо, — сказал я и пожал протянутые ко мне пальцы.

У космодрома мы попрощались с братом Нарини. Он старался не плакать.

Все было рассчитано точно — уже кончалась регистрация, и мы сразу оказались на корабле. Когда он поднялся, я вдруг понял, что страшно голоден, и зашел к Нарини — ее каюта была рядом с моей. Нарини сидела на койке, устремив взгляд перед собой.

— Хочешь есть?

— Есть? — Она осознала вопрос, улыбнулась и сказала: — Конечно. Мы же с утра не ели.

Я впервые увидел, как она улыбается.

В полете мы много разговаривали. Мы привыкали друг к другу в разговорах. И, расставаясь с ней на ночь, я сразу же начинал тосковать по ее голосу и взгляду.

Потом была пересадка. Этот астероид так и зовется Пересадкой, никто не помнит его настоящего названия. Тысячи людей ждали своих кораблей. Мы получили космограмму от Син-рано. Все обошлось благополучно, только Рони угодил в больницу, его снова ранили. Старший сын вернулся домой утром. Теперь он будет жить отдельно.

Я представил себе его брезгливое лицо и платок, вытирающий указательный палец.

Там же меня ждало послание от моих тетушек. Их у меня пять, и все меня обожают. Я показал космограмму Нарини.

Пять тетушек?

Она не могла привыкнуть к зрелищу многочисленных женщин, что так свободно гуляли по залу Пересадки. Мысль о существовании нескольких женщин в одном доме была для нее невероятной.

— А дяди у тебя есть?

— С дядьями у меня туго, — сказал я.

— Почему? Твои тетушки некрасивы?

— Когда-то были красивы.

— Они не любят мужчин?

Я пожал плечами. Мои тетушки любили мужчин, но им не повезло в жизни.

Я спрятал в карман еще четыре космограммы.

— А это от кого? — спросила Нарини. — Тоже от тетушек?

Женщины очень быстро чувствуют ложь даже не в словах, а в движениях мужчины.

— Это от моих невест.

— Ты шутишь?

— Почти.

— Ким, ты должен мне объяснить, что происходит.

Ее глаза порой могут метать молнии.

— Понимаешь, прогресс повторяет некоторые свои причуды... Когда-то, в восьмидесятых годах двадцатого века, и у нас на Земле, в Японии, изобрели способ по желанию определять пол будущего младенца. Ведь ты не думаешь, будто Дарни исключение?

— Значит, у вас то же самое?

— То же самое не бывает, — сказал я. — Но когда родились первые «заказные» дети, когда эта процедура стала доступной, многие молодые семьи захотели, чтобы у них родился...

— Мальчик, — сурово сказала Нарини.

— Началось демографическое бедствие. За несколько десятилетий состав населения Земли резко изменился.

— Не объясняй, знаю.

— Мужчины стали значительным большинством населения. Падала рождаемость. Произошли неприятные социальные и психологические сдвиги. Однако мы спохватились раньше, чем вы. Было запрещено пользоваться этим методом. На всей Земле. С тех пор мы живем... естественно.

— Но почему тетушки, невесты... ты недоговариваешь.

— Понимаешь, природа не терпит насилия. Она защищается. И когда «заказные» дети были запрещены, обнаружилось, что естественным путем у нас рождаются девочки. На каждого мальчика три-четыре девочки. Сегодня на Земле женщин вдвое больше, чем мужчин.

— И что же происходит? Мужчин продают? Отвоевывают?

— Нет, зачем же. Сейчас новорожденных мальчиков лишь на двадцать процентов меньше, чем девочек. Полагают, что лет через десять баланс восстановится. Но пока...

— Пока мы летим, чтобы меня убили твои невесты, — без улыбки сказала Нарини.

— Никто тебя не убьет.

Нарини молчала. Я молчал тоже, потому что вдруг понял, что я — обманщик. Почему я не сказал об этом раньше?

— Я не лечу на Землю, — сказала наконец Нарини.

— Куда же нам деваться?

— На любую планету, где всех поровну.

Мы пробыли на Пересадке лишних два дня, все это время я ходил вслед за Нарини и уговаривал ее рискнуть. В конце концов она согласилась.

С тех пор мы живем с ней в Москве. Мы счастливы. У нас есть сын и дочь.

Мои тетушки приняли Нарини, они в ней души не чают. Раньше они никак не могли сойтись во мнении, какая невеста мне более подходит. Нарини разрешила их споры.

Нарини очень занята. Она председатель межпланетной организации «Равновесие». Когда я называю эту организацию брачной конторой, Нарини обижается.

САДОВНИК В ССЫЛКЕ

Павлыш застрял на Дене и сам был в этом виноват. Когда ему сказали, что мест нет и не будет, он еще успел бы сбегать в диспетчерскую, но рядом с ним стояла пожилая женщина, которой было очень нужно успеть на Фобос до отлета Экспедиции, и Павлышу стало не-

ловко при мысли, что, если он раздобудет себе место, женщина, оставшаяся в космопорту, увидит, как он едет к кораблю.

Вот он и ушел в буфет, решив, что десять часов до отлета грузового к Земле-14 он проведет за неспешным чтением, хотя куда лучше было бы провести за неспешным чтением эти часы в каюте корабля.

Через полчаса космодром опустел. Он вообще на Дене невелик. Планетка эта деловая, для собственного удовольствия никто здесь жить не будет: что за радость гулять вечерами в скафандре высокой защиты? Правда, притяжение здесь 0,3, и потому движения у всех размеренные и широкие.

Марианна — Павлыш уже успел познакомиться с ней и узнать, что геологи дежурят в баре по дню в месяц, — занималась своим делом — прижимала к губам диктофон и бормотала что-то об интрузиях и пегматите. Грустный механик сосал лимонад за столиком и с отвращением поглядывал на консервированные сосиски; парочка, сидевшая к Павлышу спинами, переживала какое-то тяжелое объяснение, и Павлыш подумал, что буфет космодрома — самое уединенное место на всей планетке, где каждый ее обитатель знает всех остальных в лицо.

...Человек влетел в буфет, словно прыгнул в длину. Сначала показались башмаки, измазанные землей, хотя никакой земли на Дене нет, потом башмаки втащили за собой прогнувшееся в спине нескладное худое тело. Человек не смог остановиться и пронесся, если это кошмарное движение можно так определить, до самой стойки. Закачались от движения воздуха шторы с неизбежными березками, за которыми не было окон. Зазвенели бокалы на полке. Барменша уронила диктофон, и тот, переключившись на воспроизведение, забормотал ее голосом об интрузиях и пегматитах. Замолкли влюбленные. Механик схватил и приподнял тарелку с консервированными сосисками.

— Я этого не потерплю! — воскликнул человек, врезаясь в стойку. Голос у него был дребезжащий и резкий. — Они не привезли удобрений!

Тут ему удалось уцепиться за край стойки, и, смахнув на пол бокал, он наконец принял вертикальное положение. У него оказалось узкое, устремленное вперед лицо с острым носом, серые, близко посаженные глаза и лоб, столь сильно сжатый впадинами на висках, что выдавался вперед, как у щенка охотничьей собаки.

— Ну? — спросил он строго. — Что делать? Куда жаловаться?

Павлыш ожидал какой-нибудь резкости со стороны геологини за стойкой, смешков или улыбок со стороны других, но реакция девушки была совершенно неожиданной. В полной, как будто даже почтительной тишине она сказала:

— Это действительно безобразие, профессор.

— Сколько раз, Марианна, я велел тебе не называть меня профессором?

— Извините, садовник.

— Вы, товарищ, откуда? — обернулся человек к Павлышу.

Но тут он увидел кого-то за спиной Павлыша и бросился вперед, к двери буфета, с такой скоростью, что обе его ноги в грузных башмаках оторвались от пола. И исчез. Лишь его высокий голос трепетал в зале ожидания.

Павлыш пожал плечами и поглядел вокруг. Все было тихо, словно только так садовники на Дене посещают местный космодром. Механик с отвращением жевал сосиски, а барменша чинила диктофон. Влюбленные шептались. «Интересно, — подумал Павлыш, — а что здесь делает садовник? Где его сады?»

Он подошел к бару.

— Простите, Марианна, — сказал он. — Я, как видно, не все понял.

— А, — сказала девушка, поднимая на Павлыша глаза. — Вы приезжий.

— Да. Жду рейса.

— Вам кофе?

— Нет, вы назвали его профессором...

— Он и в самом деле профессор, — сказала девушка, понизив голос. — Самый настоящий профессор. Он у нас в ссылке.

— Что? — Вот тут уж Павлыш удивился.

— В ссылке, — сказала девушка, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Это точно, — сказал механик, отодвигая сосиски. — Он сейчас к диспетчерам побежал. Пропесочивает их. Боевой старик.

— Простите... — Павлыш был заинтригован. — Я полагал, что ссылка — понятие историческое.

— Это точно, доктор, — согласился механик, присмотревшись к нашивкам Павлыша.

— Он не шутит, — сказал молодой человек, который шептался со своей возлюбленной. — Садовник — самый популярный человек на Дене. Наша достопримечательность.

— Он совершил преступление, — сказала барменша Марианна.

— Дай сюда диктофон, — сказал молодой человек. — Мы его тебе сейчас починим.

— Но разве существуют преступления, за которые... — начал было Павлыш.

За дверью послышался грохот, звон стекла, и в буфете снова возникли подошвы летящего садовника.

Павлыш на этот раз был начеку, а потому бросился навстречу садовнику и подхватил его раньше, чем он успел что-нибудь разрушить.

Садовник сказал возмущенно Павлышу:

— Отпустите меня, в конце концов. Никуда я не денусь.

Павлыш опустил его на пол, и садовник, собиравшийся в этот момент вырваться собственными силами, тут же по причине малого притяжения потерял равновесие. Павлышу снова пришлось его ловить.

— Спасибо, — сказал садовник. — А вы случайно не из службы перевозок?

— Я из Космической разведки, — сказал Павлыш. — Я врач.

— Очень приятно познакомиться, — сказал садовник. — Гурий Ниц. Садовник.

Он смотрел на Павлыша оценивающе, словно спрашивал: а какая от тебя польза? Чем ты можешь нам пригодиться?

— У вас здесь оранжерея? — спросил Павлыш, чтобы завязать разговор.

— Оранжерея? Маленький клочок почвы, привезенной с Земли.

— Профессор шутит, — сказала Марианна, которая все слышала. — У нас замечательная оранжерея. Лучшая на астероидах. К нам прилетали с Марса. У них условия куда лучше, но они так и не смогли добиться ничего подобного...

— Марианна, — строго прервал ее профессор. — Ни слова больше.

— И вы выращиваете овощи?

— Какие это овощи! Я даже не могу накормить как следует моих людей. Вот если бы вы помогли нам добыть еще один корабль с черноземом...

Он посмотрел на Павлыша умоляюще.

— Но я...

— Может быть, у вас есть друзья в службе перевозок? К нам так часто приходят пустые корабли за рудой. Ну что стоит их загрузить вместо балласта!

— Вы по профессии биолог? — спросил Павлыш осторожно.

— Биолог? — Ниц горько захохотал. Хохот вырывался из горла, будто завели мотоциклетный мотор. — Я историк литературы.

— Он гениальный биолог, — сказала Марианна. — И гениальный историк литературы.

— Я немедленно ухожу отсюда! — возмутился Ниц. — Как ты смеешь, Марианна, ставить меня в неудобное положение перед чужим человеком?

— Простите, профессор, — сказала Марианна твердо, давая понять, что от своих слов отступаться не намерена.

Ниц махнул рукой.

— Тут создалось обо мне преувеличенное мнение. Некоторые успехи, которых я добился в огородике, связаны лишь с моей настойчивостью. Ни таланта, ни школы, ни настоящих знаний у меня, увы, нет.

— Профессор! — взмолилась Марианна.

— Все! — сказал Ниц, поднимаясь. — Я ухожу. — Он обернулся к Павлышу: — А если вы желаете поглядеть на мои овощи...

Тут голос его упал, и Ниц застыл с полуоткрытым ртом. Он глядел на книги, купленные Павлышем в киоске космопорта.

— Новое издание, — сказал он, словно умолял Павлыша разубедить его.

— Да, — сказал Павлыш. — Полное. Я со школы не удосужился перечитать. А на Земле, слышал, выходит полное издание «Мертвых душ», да упустил.

— Вы это купили здесь?

— А где же?

— И я упустил! Бежим же, купим еще!

— Боюсь, что это была последняя книга, — сказал Павлыш. — Но если вам она так нужна — возьмите.

Павлыш взял с дивана том Гоголя и протянул садовнику:

— Считайте, что она ваша.

— Ну что же, — сказал Ниц. — Спасибо.

Он раскрыл книгу и показал Павлышу на титульный лист. Там было написано: «Публикация, комментарии и послесловие профессора Гурия Ница».

Ниц схватил Павлыша за руку и повлек к выходу.

Лишь оказавшись в зале, он сказал ему на ухо:

— *Они не должны знать. Мне будет страшно неудобно, если они* узнают. Они думают, что я сюда приехал в качестве садовника. Но они славные люди, и, когда в шутку называют меня профессором, я не сержусь.

Павлыш подумал, что профессор недооценивает проницательность своих соседей, но спорить не стал. Он уже понял, что Ниц не из тех людей, с которыми легко и приятно спорить.

— Пойдемте, наденем скафандры, и я проведу вас в оранжерею, — сказал Ниц. — Здесь нас могут услышать. Вы скоро улетаете?

— У меня еще несколько часов до отлета.

— Отлично. Я так оторван от жизни на Земле — вы себе не представляете.

Оранжерея оказалась и на самом деле обширной и великолепной. Длинные грядки овощей, яблоневые саженцы, клумбы цветов — все это занимало площадь больше гектара. Мощные лампы помогали далекому солнцу обогревать и освещать растения. Роботы медленно ехали вдоль гряд, пропалывая морковь и редиску. В оранжерее стоял теплый, влажный запах земли и листьев. Жужжали пчелы.

— Когда я приехал, ничего этого здесь не было, — сказал Ниц. — Раздевайтесь. Здесь жарко. Сначала меня никто не принимал всерьез. Теперь же оранжерея — гордость Дены. Каждому хочется помочь

мне. Здесь чудесные люди. И если бы не дела на Земле, я бы остался здесь навсегда. Но мне еще надо свести кое-какие счеты.

В голосе Ница зазвенел металл, и Павлышу даже показалось, что садовник стал выше ростом.

— Ну, хорошо, — продолжал он совсем другим тоном. — Как вам понравилось мое послесловие? Мне нет смысла скрываться от вас. Надеюсь, что никто больше на Дене не купил эту книжку, и моя тайна останется скрытой от этих милых простых людей.

— Я не успел его прочесть, — сознался Павлыш.

— А я ее отобрал у вас. Грустно. Но вы еще купите. А мне должны были прислать авторский экземпляр. Но пока не прислали. Это тоже безобразие.

Ниц привел Павлыша в небольшую комнату в дальнем конце оранжереи, где находился его кабинет. Одна из стен была занята стеллажом с книгами и микрофильмами. Беглого взгляда Павлышу было достаточно, чтобы понять, что все книги так или иначе относятся либо к ботанике, либо к истории первой половины XIX века. Словно хозяин библиотеки разрывался между двумя страстями.

— Подождите меня здесь, — сказал Ниц. — Сейчас я вас угощу...

Он исчез, опрокинув по дороге горшок с рассадой.

Павлыш поймал горшок и подошел к полкам. На третьей полке сверху стояло восемь экземпляров книги «Мертвые души», точно того же издания, как и та, что Ниц выпросил у Павлыша. Садовник лгал. Лгал не очень умело — в конце концов, никто не заставлял его вести Павлыша в кабинет. Чтобы не ставить хозяина в неудобное положение, Павлыш отошел от стеллажа и уселся в кресло, спиной к книгам. Раскрыл «Мертвые души» — толстый том — и перелистал его, разыскивая, откуда начинается послесловие Ница. Вот оно. Сразу после слов «Конец второго тома» начиналась статья Ница.

«Знаменательное событие в истории русской литературы...» — прочел Павлыш, но тут появился садовник с подносом абрикосов и яблок.

— Ешьте, — сказал он Павлышу. — Они сладкие.

— Спасибо.

— Вы, я вижу, читаете. Очень похвально. Вы вообще произвели на меня благоприятное впечатление. Мне даже хочется рассказать вам обстоятельства моей жизни. Тот, кто знает главное, имеет право знать второстепенные детали.

— Мне очень интересно, — сказал Павлыш.

— Я понимаю, вы заинтригованы. Что делает здесь профессор Ниц? Вам раньше не приходилось слышать мою фамилию?

— К сожалению, нет.

— Ничего удивительного. Я не обижаюсь. Но должен сказать, что, когда я перед отъездом посетил всемирный конгресс историков литературы, мое появление в зале было встречено овацией. Да, ова-

цией. И я уехал сюда. У меня был выбор. Мне предложили стать профессором литературы в Марсианском университете. Меня приглашали заведовать литературными курсами на Внешних Базах. Но я выбрал стезю огородника. И пусть пожимают плечами мои коллеги. Растения всегда были моей любовью. Сначала справедливость. Затем растения. Вам понятно?

— Почти, — сказал Павлыш.

— До конца не могут понять друг друга даже очень близкие люди. Мы же с вами знакомы всего час.

— Так, значит, вы отказались от литературы? — спросил Павлыш.

— Да. И уехал сюда. Любое из предложений, которые сделала мне Академия наук, было выражением несправедливости. Я предпочел их удивить. — И профессор усмехнулся. Потом спросил: — Ну и как вам Тентетников?

— Кто?

— Тентетников. Могли бы вы предположить в свете всего, что мы знаем, что Улинька поедет за ним в Сибирь?

— *Тентетников*? — повторил Павлыш, чувствуя, что время от времени совершенно не понимает профессора.

— Так вы читали «Мертвые души» или не читали их?

— А... Тентетников?.. Как же, как же. — Павлыш лихорадочно пытался вспомнить, кто такой этот Тентетников. Собакевича помнил. Манилова помнил. Чичикова, конечно, помнил. И Коробочку с Плюшкиным. А вот Тентетникова...

— Я так давно читал, — сказал Павлыш виновато. — Так давно. Еще в школе. И совсем смутно помню Тентетникова...

— Так, — сказал профессор, пронзая Павлыша уничтожающим взором. — Конечно, в школе... давно. Вы не могли читать о том, как Тентетникова выслали в Сибирь, молодой человек. Не могли, потому что Гоголь написал эту главу за десять дней до смерти, а за девять дней он весь второй том «Мертвых душ» сжег. Так-то.

— Конечно, — вспомнил Павлыш. — Конечно. Простите, профессор.

Теперь он понял, кого напоминает ему профессор. Гоголя. Не такого элегантного, светского, что стоит на Гоголевском бульваре, а того, грустного, настоящего, что сидит у Суворовского бульвара. Да, да, конечно, Гоголь сжег второй том. Он был при смерти и попал под влияние священников.

Павлыш обрадовался, что память его все-таки не подвела.

— Значит, второго тома нет?

— Нет, — отрезал Ниц. — А теперь откройте книгу. Смотрите в оглавление!

«Том первый, страница три...» — было написано в оглавлении. «Том второй...»

— Вы, — сказал Павлыш, — вы нашли рукопись? И опубликовали ее?

— Почти, — ответил профессор. — Почти.

— Но как же вам это удалось?

— Что же, — сказал профессор, вгрызаясь в зеленое и явно кислое яблоко. — Можно рассказать. Главная черта моего характера — стремление к справедливости...

Профессор задумался, глядя прямо перед собой очень светлыми прозрачными глазами. Павлыш не торопил его.

— Меня всегда волновали проблемы исторической справедливости, — продолжал Ниц. — И всегда возмущало, если она заставляла себя ждать. Историческая справедливость — а в литературе ее действие наиболее обнажено — не всегда успевает появиться на сцене до закрытия занавеса. И если появляется, то порой может показаться, что она уже не нужна. И вот в таких случаях наш долг, долг потомков, помочь ей. Можно гнать и уничтожать писателя или поэта. Можно убить его. Но обязательно наступит день, когда его слова победят врагов. Это закон, аксиома. Знали бы мы что-нибудь о князе Игоре — одном из ничтожных князей рядом с такими гигантами, как Андрей Боголюбский или Владимир Мономах? Нет, не знали бы. А не исключено, что он с высокомерным презрением относился к жалкому писаке — автору «Слова о полку Игореве». Может, даже приказал казнить его, в княжьей своей гордыне полагая, что этот поэт его скомпрометировал. А вот оказывается, что «Слово» куда важнее для нас, чем дела и мысли князя. Что и остался он в истории лишь благодаря «Слову». На этом примере мы видим сразу и действие исторической справедливости, указавшей на действительное соотношение в системе «князь — поэт», и также ограниченность ее действия, потому что имени поэта она нам не подарила.

— Но я слышал... — начал Павлыш.

— Совершенно верно, — профессор поднял вверх указательный палец. — Вы хотели сказать мне, что сегодня историки не так беспомощны перед временем, как сто лет назад. Что Институт времени планирует экспедицию в двенадцатый век, чтобы узнать, кто написал «Слово», и найти его первоначальные списки. Вот об этом я и хочу сказать. Здесь содержится моя радость и моя трагедия. Радость, что я могу приобщиться к тем, кто может не только искать, исследовать, но и помогать исторической справедливости. Трагедия в том, что даже в такой ситуации мы не всесильны. Дантес убил Пушкина и дожил до старости сенатором и богатым человеком. Впрочем, уверяют, что перед смертью Дантеса мучила совесть. Но он не имел права так долго жить!

Профессор поперхнулся, и Павлышу пришлось встать и как следует хлопнуть его по спине.

— Спасибо. Оставим Дантеса. Возьмем другой случай. Гоголь в

конце жизни попадает под тягостное и мрачное влияние священника Матфея. Матфей уговаривает его бросить литературу, поститься, уйти в монахи. Матфей глуп и фанатичен. Но психика Гоголя надломлена неудачами, разочарованием в друзьях. И вот Гоголь — умница и человек, не чуждый житейских радостей, любитель славно поесть, — становится аскетом. Он молится, читает нелепейшие жития святых, едет в Иерусалим. Но не может отказаться от одного. Он не может перестать писать. «Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить», — говорит он. И продолжает работать над «Мертвыми душами». И почти кончает второй том. Люди, которым он читал главы из книги — Шевырев, Толстой, Смирнова, Аксаков, — уверяют, что это были гениальные страницы. Казалось бы, Гоголь победит. Но побеждает отец Матфей. После его последнего приезда Гоголь униженно благодарит его, клянет себя за жестокосердие. За девять дней до смерти он сжигает все свои бумаги, в том числе «Мертвые души» — плод многих лет работы. И перестает принимать пищу, перестает двигаться. Умирает, потому что подчинился отцу Матфею, но не смог жить без литературы. Это страшная трагедия. И знаете, что сказали после смерти Гоголя те, кто направлял руку Матфея? Митрополит Филарет прослезился и заявил, что следовало действовать иначе: «Следовало убеждать, что спасение не в посте, а в послушании». Чувствуете, какое лицемерие?

Профессор соскочил со стула, и Павлышу пришлось поддержать его, чтобы он не ударился обо что-нибудь в порыве гнева.

— Он же сам говорил: в послушании. А что сделал Гоголь? Послушался. А знаете, что сказал о Гоголе епископ Калужский? «Он просто сбившийся с истинного пути пустослов».

Профессор дышал глубоко и часто.

— Убийцы всегда находят удивительно подлые слова, — сказал он наконец. — Они даже снисходят до крокодильих слез. Но им не должно доставаться места в истории!

— Но как же вам удалось найти рукопись? — спросил Павлыш, чтобы отвлечь профессора от горьких мыслей.

— Как? С рукописью было не очень сложно. Просто понадобилась моя настойчивость. И все. Мы не можем воскресить Пушкина, потому что его смерть от пули Дантеса — исторический факт. Мы не можем спасти Гоголя. Хотя мы должны мстить и карать... Нет, что я говорю. Ладно... да, о рукописи. Если она сгорела, то для нас, могущих путешествовать во времени, ее гибель не окончательна. В общем, я правдами и неправдами получил разрешение на поездку в 1852 год, попал туда за несколько дней до сожжения рукописи. Само путешествие было нетрудным. Труднее готовиться к нему. Я должен был полностью вписаться в то время. Ну а на месте я узнал, как выглядят рукописи, достал их на ночь и переснял. Гоголь спал. Его слуга-мальчик, тот самый, что отговаривал его жечь бумаги, так трога-

тельно повторял: «Зачем вы это делаете? Может, оне пригодятся еще», его слуга тоже спал. Меня никто не видел. Вот и все. И в результате я здесь.

— Ничего не понимаю, — сказал Павлыш. — Вы ведь докладывали на конгрессе, писали послесловие. Почему вы здесь?

— По собственной воле, — сказал профессор. — Мне предложили выбирать между несколькими постами вне Земли.

Павлыш понял, что профессор недоговаривает. Но не стал спорить.

— Сейчас дело не в этом, — сказал профессор. — Я рассказал вам всю историю, потому что нуждаюсь в вашем сочувствии и в вашей помощи. Мне необходимо попасть на Землю.

— Но как я могу помочь вам? Садитесь на корабль...

— Нет-нет, я дал слово, и будет очень неудобно... Мы с вами одного роста. Уступите мне вашу форму и дайте мне ваши документы. А пока останьтесь здесь за меня. Скажитесь больным. Народ здесь деликатный, и вас не будут тревожить.

— Как же можно? — сказал Павлыш и не удержался от улыбки. Он был на голову выше профессора и вдвое шире его в плечах. — Вас же сразу узнают, — сказал он.

— Конечно, — сдался профессор. — Я и сам так думаю. Но иногда меня посещает надежда, что с моей помощью...

Но он не успел договорить. Зазвонил видеотелефон. Профессор включил его. На экране появилось лицо диспетчера.

— Здесь доктор Павлыш? — спросил он. — Марианна сказала, что он пошел к вам, профессор.

— Сколько раз я вам должен говорить, что я не...

— Извините, садовник, — чуть улыбнулся диспетчер. — Но мы получили сообщение, что приближается корабль. Он немного выбился из графика. Так что доктору Павлышу лучше поскорее приехать на космодром. Мы не знаем, сколько корабль здесь пробудет.

— Спасибо вам, профессор, — сказал Павлыш, поднимаясь. — Я рад, что познакомился с вами. Это большая честь для меня.

Профессор махнул рукой и, ничего не сказав, отвернулся.

На космодроме снова пришлось ждать. Диспетчер поторопился с вызовом Павлыша.

Корабль задерживался. Павлыш вернулся в буфет и подошел к стойке.

— Вы были у него в оранжерее? — спросила Марианна.

— Да, — сказал Павлыш. — Он добился сказочных успехов.

— Мы очень уважаем профессора, — сказала Марианна. — Он так много сделал. Вы видели его «Мертвые души»?

— Вы знаете?

— Все знают. Но если он не хочет говорить — это его право.

— А почему его сюда сослали?

— Я не совсем точно тогда выразилась. Ему предложили несколько мест на выбор. При условии, что он улетит с Земли.

— Но почему же?

— Он нарушил правила путешествий во времени.

— Разве это основание?..

— И все знали, что если он останется на Земле, то не выдержит. А с его изобретательностью и умом он обязательно проберется в прошлое.

— Так что же он там натворил?

— К счастью, немного.

— Он сказал мне, что переснял второй том.

— За это его никто не собирается наказывать. Но он еще разыскал отца Матфея и, представляете, избил его. Вы не смотрите, что профессор такой худенький. Он жилистый и быстрый. Как Суворов.

— Правильно сделал, — сказал Павлыш.

— Никто с вами не спорит. Но нельзя же отправляться в собственное прошлое и наводить там порядок. Даже ради справедливости.

— Отец Матфей никому не рассказал об этом?

— Никому. И это бы еще сошло профессору с рук. Но вы знаете, как его поймали?.. Он под видом уланского офицера сумел пробраться к Дантесу и, оскорбив его действием, вызвал на дуэль. Вы понимаете, чем это грозило? И профессора пришлось срочно отправить подальше от Земли.

— Но Дантес об этом тоже никому не рассказал?

— Нет, но после отъезда профессора в девятнадцатый век выяснилось, что он позаимствовал в историческом музее дуэльный пистолет и тренировался в стрельбе. Тогда-то и возникло жуткое подозрение...

— Доктор Павлыш, — сказал механическим голосом динамик. — Вас просят в диспетчерскую.

— До свидания, — сказала Марианна. — Приезжайте еще. Мы вас тут такими помидорами угостим!

ПОРА СПАТЬ!

Лизочка вошла в спальню средней группы, держа под мышкой сразу три книжки.

— Ура! — закричал Петя. — Будет настоящее чтение.

— Ничего подобного, — сказала Лиза. — Через пятнадцать минут отбой, и все будут спать. Завтра рано вставать.

— Конечно, завтра рано вставать, — сказал рассудительный Артур.

— Ну и пускай, — тихо сказал Гарик.

Лизочка хотела сесть за свой столик, но села на край кроватки Гарика.

Пупс (это прозвище, а на самом деле его звали Сеней), у которого болел живот, крикнул со своей кроватки:

— Это нечестно, мне не будет слышно!

— Если будете вести себя хорошо, все услышат. Мы сегодня...

Лиза сделала паузу, как в настоящем театре. И постепенно даже самые шумные замолкли.

В комнате стояло двадцать кроваток. Три кроватки были пустыми. Завтра днем их заселят новыми детьми. Большая лампа висела над центром спальни, где и стоял столик ночной нянечки. Когда дети заснут, лампу можно потянуть за шнур, опустить к самому столу, и свет ее не будет мешать детям.

В комнате стало очень тихо. Так тихо, что все услышали, как Пупс, у которого болел живот, слез с кровати и выдвинул из-под нее свой ночной горшок. Кто-то засмеялся, а Пупс молчал.

Лиза сказала:

— Я прочту вам про Красную Шапочку.

— Я не хочу, — сказал Гарик. — Я спать не буду.

— Он боится! — крикнул Пупс с горшка. — Он струсил.

— Серый волк ее съел, — упорствовал Гарик. — И она умерла.

Лиза отвернулась от Гарика, потому что у Гарика были очень печальные глаза. Как раньше говорили, подумала она, «не жилец»? Гарик так старательно избегал упоминаний о смерти, даже в сказках, как будто он уже дорос до понимания ее.

— А *потом пришли охотники*, — *сказал оптимист Петя*, — *и вынули всех из живота*.

— Это чтобы дети не плакали, — сказал Гарик. — На самом деле она уже была мертвая.

— А я хочу читать про войну, — сказал Рубенчик. — Как наши победили.

— Детских книжек про войну не бывает, — сказал Пупс с горшка. — Я забыл подтирку. Тетя Лиза, дайте мне подтирку.

Лиза поднялась, вытерла попку Пупсу и вынесла горшок. Из туалета она услышала, как в комнате поднялась возня. Она поспешила обратно. Ничего особенного. Подрались близнецы Витя и Митя. Еще вчера Витя отнял у Мити марку. И вообще эти близнецы всегда дрались. Все смотрели на них и смеялись. Лиза растащила драчунов и отнесла их на постельки.

— Я буду читать про Мальчика-с-пальчика, — сказала она.

— Мы это слышали, — сказал Петя. — Мы наизусть знаем.

Но все остальные стали кричать:

— Мальчика-с-пальчика! Мы хотим Мальчика-с-пальчика!

И Лиза стала читать сказку.

Когда она кончила, многие уже заснули — устали за день. Но Лиза все равно дочитала сказку, потому что если бросить на середине, то

те, кто слушает, подымут такой шум, что разбудят остальных. Она читала все тише и тише, как бы убаюкивая детей.

В дверь осторожно заглянул доктор Кротов. Доктор был здесь давно, он знал Лизу, кивнул ей и исчез. Только тихо шуршали по коридору его мягкие туфли.

Кончив читать, Лиза опустила лампу совсем низко, к самому столу. Она положила книжку на стол. Потом прошлась по комнате, поправляя одеяла. Пупс прошептал:

— Горшок далеко не отставляйте, ладно? Я еще пойду.

Гарик не спал. Он лежал на спине и смотрел наверх.

— Спать, Гарик, — сказала Лиза, кладя ему ладонь на лоб. Лоб был горячим. — У тебя жар?

— Нет, — сказал Гарик. — Посмотри на потолок, тетя Лиза. Там нарисовано.

Лиза поглядела. Было почти темно, на потолке были старые потеки сырости, из которых получались, если приглядеться, какие-то фигуры, как можно угадать фигуры в кучевых облаках.

— Когда я была маленькая, — сказала Лиза, — я тоже любила смотреть на потолок. И на облака.

— Они страшные, — сказал Гарик. — Они... — он постарался вспомнить трудное слово, — враждебные. Облака враждебные.

— Ну, это тебе кажется, — сказала Лиза. — Вон там, в углу, кролик. А над ним куст.

— Это не кролик.

— Ну а кто же?

— Я не скажу.

— Мне можно сказать.

— Я не скажу. Мне страшно сказать.

— Почему?

— Он завтра придет.

— Гарик, давай поставим градусник.

— У меня нет температуры.

— Мы поставим градусник, и завтра ты останешься в постели.

— Не надо, — сказал Гарик.

Но Лиза принесла градусник и заставила Гарика его поставить.

— Какая температура? — спросил Гарик с надеждой. А может, Лизе показалось, что с надеждой. Может быть, она придумала, что Гарику страшно увидеть завтра то, что он угадал в мокром пятне на потолке.

— Тридцать семь и два, — соврала Лиза. На самом деле температура была нормальной.

— Это неправда, — сказал Гарик неуверенно.

— Лучше, если ты завтра полежишь в постели.

— Завтра доктор скажет: давай проверим. И температуры не будет.

Гарик повернулся на бок, отвернулся от Лизы.

— Спокойной ночи, — сказал он взрослым голосом. Будто был старше ее.

Лиза вернулась за свой столик. Она хотела писать письмо домой, маме. Но не писалось. Она сидела, смотрела на мальчиков, которые тихо дышали вокруг. Иногда она поднимала глаза, как бы проверяя, на месте ли мокрое пятно. Не движется ли оно. И ей казалось, что оно движется.

Утро было, как всегда, шумным. Мальчишки возились у умывальника, гремели ночными горшками, одевались. Лиза была так занята, что некогда было вспомнить о Гарике. Но потом вспомнила. Гарик был уже одет, он отлично умел сам одеваться. Он стоял в стороне.

— Я помню, — сказала ему Лиза. — Я скажу доктору.

— Не надо, — сказал Гарик.

Завтрак был хороший. Мальчикам дали по два яйца, по куску ветчины, какао со сливками. Им предстоял трудный день.

Лизе надо было убрать спальню, а потом она могла лечь спать. Обычно она не ездила провожать мальчиков, хотя ехать было всего десять минут на автобусе. Она увидела доктора Кротова и сказала:

— Может, Гарик сегодня останется дома? У него ночью была температура.

— А на вид он здоров, — сказал доктор Кротов. — Гарик, пойди сюда.

Гарик послушно подошел. Кротов положил ему на лоб свою добрую мягкую ладонь.

— Все в порядке, — улыбнулся он. — Если что было, то прошло. И мы забыли.

— Мы забыли, — покорно сказал Гарик.

Тут вошел наставник дядя Коля. Наставник был новый, молодой, он всегда упорно глядел на Лизу. А вчера принес букетик полевых цветов.

— Мальчишки! — закричал он с порога столовой. — Вскочили! Побежали!

— Ура! — закричал Петя. — В атаку!

Все зашумели, вскочили со своих стульчиков и побежали толпой к выходу.

Гарик не побежал. Он подошел к Лизе и сказал:

— До свидания.

Неожиданно для самой себя Лиза сказала:

— Я приду тебя встречать.

— Спасибо, — сказал Гарик.

...Лиза так и не заснула. Она легла на койку в своей комнатке и смотрела на потолок. Там тоже было сырое пятно. Но оно ни на что не было похоже. Просто пятно.

Сначала передавали последние известия. Известия были хорошие. Потом играла музыка. Лиза думала, какая тонкая шейка у Гарика. Кажется, что если подует ветер, то уши станут как паруса и он полетит. Только шейка может отломиться.

Лиза вскочила. Был третий час. Мальчикам скоро возвращаться.

Она выбежала из дома, схватила чей-то забытый у входа велосипед и помчалась встречать мальчиков.

Доктор Кротов увидел ее издали. Он сидел у открытой двери медмашины и курил, глядя на кучевые облака.

— Ты чего? — спросил он. — Волнуешься?

— Как-то одиноко стало...

— А знаешь, я гляжу на облака, это очень интересно. Они похожи на разных животных.

— Зря я отпустила Гарика, — сказала она.

— Он был совершенно здоров, — сказал доктор. — Мы не можем всех жалеть. А кто нас пожалеет?

Лиза вдруг увидела, что по краю поля растут те самые цветы, что ей приносил молодой наставник. И тут же увидела его. Дядя Коля шел от диспетчерской, нагибаясь и срывая цветы. Он рвал цветы для нее.

В небе появились черные точки.

Почти мгновенно они превратились в рой перехватчиков.

Наставник поднял голову, губы его шевелились. Он считал машины.

Перехватчики, похожие на бумажные стрелки, которые складывали мальчишки в спальне, один за другим падали на посадочную полосу. Их вели приборы из пульта управления. Мальчикам не надо было ничего делать. Мальчикам вообще не надо было почти ничего делать. Только нажимать на кнопки, когда появлялся враг. Или кидать машину на таран, если враг угрожал проникнуть в чистое небо над городом. Мальчики с наслаждением играли в эту игру. Они не знали смерти и не боялись ее. Хотя порой случались исключения. Как с Гариком.

Как-то Лиза смотрела документальный фильм про своих мальчиков. Они бросались на громадные ракеты, на крейсеры врага, как взбешенные осы. Они сгорали, крича: «Ура!»

Правда, пока еще не наладили производство специальных кабин для пятилетних, приходилось тут же, на базе, переделывать кресла и варить консоли для приборного щита. Техники ворчали. Но делали. Все любят детей. На всякий случай на базе работали только бездетные.

Пупс первым увидел Лизу и кинулся к ней, на ходу снимая шлем.

— Тетя Лиза! — закричал он. — Я «кентавра» сбил! Все видели.

Потом подошел Рубенчик.

— А сегодня какая сказка будет? — спросил он.

— А где Гарик? — спросила Рубенчика Лиза.

— А одна штука полетела за ним, — сказал Рубенчик. — Он от нее. Вжжжик! — Рубенчик показал, как штука летела за Гариком.

Другие мальчишки смеялись.

— А он успел развернуться и в нее! Бах!

— Тетя Лиза, а можно я возьму Гарикиных солдатиков? — спросил деловито Петя.

— Можно, — сказала Лиза и посмотрела на доктора Кротова.

Доктор стоял, склонившись к близнецу Вите, и смазывал ему зеленкой царапину на щеке. Он почувствовал взгляд Лизы и сказал:

— Наверное, ты была права. Лучше бы он сегодня отлежался в казарме.

О ВОЗМЕЗДИИ

3 сентября 1878 года произошло событие, последствия которого укладываются в схему «проступок — возмездие», хотя человек трезвый, скорее всего, сочтет его случайным, ничего не доказывающим совпадением.

Понятие возмездия возникло от стремления к справедливости. Порой люди сами не в силах наказать преступника и утешить пострадавших. Поэтому они ждут возмездия свыше при условии, что высшая сила руководствуется теми же нормами морали, что и люди, в нее верующие. И если возмездие грядет или может быть притянуто за уши, в вас возникнет чувство удовлетворения, даже радости.

3 сентября 1878 года большой прогулочный пароход «Принцесса Алиса», названный так в честь третьей дочери королевы Виктории, совершал рейс по Темзе вдоль Лондона. Пароход был переполнен пассажирами, большей частью женщинами и детьми. Всего на его палубе и в салонах разместились более семисот человек.

Начало смеркаться. Помощник капитана «Принцессы Алисы» зажег на носу медный фонарь, чтобы избежать столкновения со встречными судами. Судовой оркестр играл популярную в те дни польку: «Мы драться не хотели, но...»

Примерно в 7.30 вечера пароход находился в одиннадцати милях ниже Лондонского моста. Лопасти его колес мерно шлепали по воде. Внезапно справа от парохода возник высокий нос океанского угольщика «Байуелл кастл». Не сбавляя хода, он приближался к пароходу. Капитан «Принцессы Алисы» Уильям Гринстед крикнул с мостика: «Стоп машина!», стараясь избежать столкновения. Но было поздно. Острый нос угольщика вонзился в борт парохода и буквально разрезал пароход пополам. Мгновенно к небу поднялся столб пара из расколотого парового котла «Принцессы Алисы». Раздался треск, подобный тому, как если бы раздавить миллион спичечных коробков.

Удар был таков, что людей буквально смело с палубы. Повезло лишь тем, кто был на носу и на корме парохода, — они оказались в воде. Те же, кто находился в центре корабля и в его салонах, погибли почти мгновенно. Под крик сотен людей «Принцесса Алиса» в течение четырех минут исчезла с поверхности воды.

Несмотря на то что с «Байуелл кастла», сбросившего ход, кидали в воду спасательные круги, доски — все, что было под рукой, несмотря на то что многочисленные лодки скоро подгребли к месту катастрофы, спасти удалось довольно немногих.

Из семисот пассажиров погибли 640 человек.

Всю ночь и следующий день из воды извлекали трупы. Их складывали рядами на набережной, и воры, прибежавшие из Лондона, под покровом ночи обшаривали трупы, срывая с них кольца и вытаскивая кошельки. Городские власти объявили, что будут платить лодочникам и рыбакам по пять шиллингов за найденный и доставленный на берег труп. И той же ночью, как рассказывают очевидцы, на реке закипела «трупная лихорадка»: лодочники дрались из-за утопленников, а другие тайком стаскивали с берега уже извлеченные из воды тела, отвозили их на середину реки и делали вид, что только что их обнаружили.

На следующий день водолазы смогли проникнуть в салоны «Принцессы Алисы», которая лежала так неглубоко, что в отлив ее труба показывалась над поверхностью воды. Десятки тел был извлечены из салонов, ставших ловушкой для пассажиров парохода. 230 полицейских сдерживали громадную толпу зевак и родственников погибших, которая рвалась к набережной.

Расследование и суд по этому делу, продолжавшиеся несколько месяцев, не смогли с полной очевидностью назвать виновников бедствия, и козлом отпущения был сделан капитан «Принцессы Алисы» Гринстед, который погиб вместе со своим кораблем. Было решено, что «Принцесса Алиса» была недостаточно освещена и не уступила дороги угольщику.

Но общественное мнение обвиняло в гибели сотен людей угольщик «Байуелл кастл».

Эта история постепенно забылась и вновь всплыла лишь через четыре года, когда угольщик стал жертвой одной из так и неразгаданных тайн моря. В Бискайском заливе в четырнадцати днях пути от Александрии в безветренную погоду угольщик бесследно исчез. Не спасся ни один человек из его команды.

Разумеется, повторяю, трезвый человек не усмотрит никакой связи между этими двумя событиями, однако английские газеты того

времени много писали о том, что груз смерти увлек ко дну «Байуелл кастл» и в этом есть справедливость возмездия.

Когда мы говорим о возмездии в больших масштабах, чаще всего такие события становятся достоянием гласности. Каждый из читателей может припомнить и другие случаи подобного рода, которые завершались торжеством (порой запоздалым) справедливости.

Но некоторые случаи, мелкие в масштабе человечества, остаются неизвестными широкой общественности.

В связи с этим мне хочется рассказать о том, что случилось неподалеку от дома, в котором я живу.

Еще в прошлом году там стояли старые двухэтажные дома середины прошлого века, окруженные не менее старыми деревьями. Однако в процессе реконструкции города решено было эти дома снести и на их месте воздвигнуть типовой дом панельного типа высотой в шестнадцать этажей.

Каким-то числом деревьев, несмотря на то что они тщательно охраняются, пришлось пожертвовать. Однако соответствующее управление категорически отказалось разрешить строителям уничтожить двухсотлетний дуб, росший на строительной площадке.

Сергей Иванович Кротов, по долгу службы и призыву долга имеющий отношение к охране природы в Москве, знал о том, что строители готовы ради выполнения плана пожертвовать памятником природы, и внимательно следил за судьбой дуба. На этой почве он познакомился с прорабом Марией Семеновной Карцевой. Оба они вскоре ощутили взаимную неприязнь. Она исходила не только из-за противоречия их интересов, но и из субъективных ощущений.

Сергей Иванович был хлипким, узкоплечим человеком небольшого роста с длинным белым лицом. Он не носил очков, но у всех его знакомых было стойкое убеждение, что он носит очки.

Мария Семеновна относилась к той типичной генерации русских деловых женщин второй половины XX века, которые, будучи следствием эмансипации и экономических проблем, постепенно все более определяют жизнь общества. Приехав в Москву двадцать лет назад из Каширы и устроившись на стройку сначала разнорабочей, а затем штукатуром, живя в общежитии и не имея постоянных сердечных привязанностей, Мария Семеновна умудрилась заочно окончить строительный институт, выделиться на общественной работе и стать кадровым строителем. Будучи женщиной физически крепкой, широкоплечей, краснолицей, она умела выпить в мужской компании, хотя предпочитала женское общество, употребляла в речи грубые слова, могла отстоять свое место под солнцем, и, пользуясь связями в управлении, где было немало лиц, подобных ей по биографии и жизненным идеалам, она обеспечивала своим рабочим достойный заработок, а начальству — выполнение плана.

— Мария Семеновна, — говорил Кротов, чуть шепелявя. Мария

Семеновна не выносила шепелявых, и ей хотелось заткнуть уши от звука этого голоса. — Вы не хотите понять, что каждое лишнее дерево в Москве — это лишние литры кислорода. Деревья — это легкие нашей столицы.

— Посадим новые, — говорила Мария Семеновна.

— Когда вырастут ваши новые деревья? Через сто лет? А этот дуб — свидетель наполеоновского нашествия. Под сенью его отдыхал, быть может, Пушкин. Вот он, свидетель величавый...

— А где я буду башенный кран ставить? — пыталась обратиться к рассудку Кротова Мария Семеновна. — Он же мешает!

— Неужели в вашем сердце, все-таки это женское сердце, не шевельнется ничего при виде этого великана? — упрямо повторял Кротов, на стороне которого был закон, но не было убедительности.

— Дрова, — отвечала Мария Семеновна.

Она уже давно подсчитала, что если дуб сохранить, то строительство удлинится на несколько дней, план будет под угрозой, люди не получат премии, ее личные обязательства не будут выполнены, а в управлении спросят с нее, а не с мымрика из охраны природы.

— Если мы не будем беречь природу, — горячился Кротов, — то наши потомки буквально вымрут от кислородного голодания. Они будут влачить свои жалкие дни на пустынных просторах, окруженных бетонными громадами.

Кротов был начитан и поэтичен, но никогда не занимался спортом.

— Ах, оставьте, не пудрите мне мозги, — отвечала Мария Семеновна. — В бетонных громадах жить удобно. А вам бы всех в избушки отправить. Лучше иди на стройку работать — окрепнешь.

Никаких надежд на сближение позиций этих антагонистов не было и не могло быть. Подобные конфликты в более крупных масштабах возникают в нашей жизни повседневно, и существует два способа их разрешения. В действительности победу обычно одерживают прагматики, то есть работники, выполняющие хозяйственные планы. Именно они губят реки и сводят леса, устраивают эрозию почвы и загрязнение атмосферы. Их понятие общего блага строится на создании материальных ценностей, которые можно создать, лишь поступившись природой. И они ею поступаются. Искусство и художественная литература придумали иной путь разрешения таких конфликтов. В этом варианте практического работника охватывает раскаяние и он начинает думать о будущем и красоте родного края. К сожалению, раскаяние слишком дорогое удовольствие, чтобы его мог позволить себе практический работник.

Кротов жил надеждой на торжество идеалов, на победу пути, указанного искусством. И несмотря на то что он уже неоднократно терпел поражения, он верил в окончательную победу. И любой спасен-

ный им кустик воспринимал как вклад в перспективное торжество разума.

Мария Семеновна знала, что одолеет. На ее стороне было убеждение в правоте и поддержка коллектива. Она сама любила смотреть фильмы о том, как лесники спасают леса и ловят браконьеров, а раскаявшиеся архитекторы отказываются от грандиозных проектов, могущих погубить озеро или реку. Она сочувствовала лесникам и архитекторам. Но это ее душевное настроение не имело никакого отношения к двухсотлетнему дубу, который был свидетелем наполеоновского нашествия.

— Снесу, — сказала она. — Пора кран ставить.

В отчаянии Кротов решил установить дежурство у дуба. Для этого он принес на стройку складной стул, толстую книгу и термос. Когда Мария Семеновна увидела его, она резко выразилась, а потом засмеялась.

— Простудишься, — сказала она.

При всем презрении к Кротову она уже начала к нему привыкать, как привыкают к тараканам.

— Я не уйду, — сказал Кротов, запахиваясь в плащ, потому что и в самом деле был склонен к простуде, а августовские ночи прохладны, — пока вы не поставите свой башенный кран так, чтобы не повредить дубу.

Было тихо. Птицы, которые жили в ветвях великана, прислушивались к каждому слову. Несмотря на то что они уже вывели птенцов и отпели свои песни, потеря жилища их пугала.

— Ладно, — сказала Мария Семеновна почти миролюбиво. — Добьюсь я постановления о ликвидации дуба в порядке исключения.

— Я вас предупреждаю! — закричал Кротов озлобленно. — Даже если вы сможете ввести в заблуждение чиновников и получить такое разрешение, я все равно буду стоять как скала и погибну, если надо, с этим деревом.

Мария Семеновна охарактеризовала Кротова коротким словом и ушла на день рождения к своей подруге.

Ночью поднялся ветер. Низкие тучи неслись над городом. В любой момент мог пойти дождь. Кротов ежился на стуле.

В три часа ночи пришла его мама. Как и можно предположить, Кротов не был женат, жил вдвоем с мамой, которая его любила и опасалась, что он простудится. Мама принесла еще один термос с чаем и одеяло, чтобы накрыть ноги. Она предложила Кротову сменить его, но он категорически отказался. Маме было семьдесят лет, и у нее был артрит. Мама не стала больше спорить. Она сама воспитала сына в уважении к справедливости и любви к природе, что сильно мешало Кротову в жизни.

Утром рабочие, пришедшие на стройку, увидели Кротова под дубом. Многие смеялись, некоторые даже были склонны к сочувствию,

но не выражали его. По простой причине: все они понимали, что сила на стороне Марии Семеновны и окончательная победа также принадлежит ей. А ведь обреченным не принято выражать сочувствие. Каким бы ни было их дело благородным. Главное, что оно безнадежно.

В тот день Марии Семеновне, хоть она положила на то немало трудов, не удалось добиться разрешения спилить дуб. Бывает и такое. Она заподозрила, что Кротов куда-то сбегал, с кем-то поговорил, кого-то убедил. Ведь человек, сидящий в высоком кабинете, порой склонен употребить власть в защиту справедливости и экологии, так как он не несет ответственности за выполнение плана Марией Семеновной. Она уж как-нибудь извернется.

Пришлось Марии Семеновне изворачиваться.

Два дня она надеялась, что Кротов не выдержит и простудится. Или спрячется дома от дождей. Когда этого не произошло, она попыталась не допустить его на стройку. Тогда Кротов устроился под забором и всю ночь глядел на дуб через щель.

Это вызвало в Марии Семеновне страшный гнев. Она даже взяла железный прут арматуры и хотела побить Кротова, но в последний момент передумала и пошла на необычный для себя шаг: отправилась к нему домой поговорить с мамашей.

Разговор с мамой Кротова приводить нет смысла, потому что он был в значительной степени повторением ее разговора с самим Кротовым. Выйдя от мамы, Мария Семеновна уже на улице повторяла на разные лады ее последние слова: «Я горжусь своим сыном, горжусь тем, что воспитала гражданина».

На четвертый день, находясь в полном отчаянии, прораб вызвала к себе Стукина. Стукин был не лучшим рабочим стройки. Он был склонен к выпивке и хулиганству. Он был ленив. Но у него было одно достоинство, которое в тот момент устраивало Марию Семеновну. Стукин был страшно корыстолюбив.

И Мария Семеновна дала ему двадцать пять рублей за соучастие в операции «дуб».

Ночью, когда мелкий дождик дробно стрекотал по мостовой и рябил лужи на стройплощадке, некая темная фигура подошла к дубу и начала производить возле него шум.

Кротов сразу вскинулся, прижался к щели в заборе и громко начал спрашивать:

— Эй, что там такое? Я сейчас вызову милицию.

Крики Кротова гасли в дожде, но черная фигура неверной походкой начала удаляться от дуба. Кротов еще долго стоял, прижавшись к забору, но ничего более плохого не произошло.

Тогда он вернулся к своему стулу, отвинтил крышку термоса и налил себе в крышку горячего чая.

Если бы он не был столь взволнован и утомлен, он, может быть,

заметил бы, что термос стоит совсем не там, где он его оставил. И что вкусом чай несколько отличается от обычного. Но ничего он не заметил и не догадался, что за те минуты, пока он стоял, прижавшись носом к забору, Мария Семеновна подсыпала в чай снотворного.

Вскоре необоримый сон одолел Кротова. Ему показалось, что он задремал лишь на секунду, но, когда он проснулся, оказалось, что уже утро, на стройке шумят рабочие, а мимо проезжают автомобили и прохожие с удивлением глядят на человека, спящего на стуле, прислонившись к забору.

Предчувствуя неладное, Кротов кинулся на стройплощадку.

Там, возле дуба, стояла Мария Семеновна. Лицо ее было скорбным и суровым. Увидев Кротова, она пошла к нему навстречу, широко разводя крепкими руками.

— Ты чего ж! — кричала она. — Ты чего ж недосмотрел? Государство поручило тебе охранять природу. А как ты ее охраняешь?

— Что случилось? — с замиранием сердца хрипло спросил Кротов, спеша к дубу.

— Вот и случилось! — отвечала Мария Семеновна. — Дуб почти спилили!

И в самом деле, толстый, в два обхвата, ствол дуба был перепилен на шесть седьмых. Вокруг лежала куча опилок.

— Проспал? — укоризненно спросила Мария Семеновна. — Сколько его пилили? Всю ночь пилили? А ты книжки читал? Я на тебя напишу!

— Ваша площадка! — закричал Кротов, не скрывая слез. — Ваши дела! Вы его убили! Человечество вам этого не простит! У вас руки в крови!

— Ну, это ты брось, — отвечала Мария Семеновна. — Руки у меня чистые. Я к этому не имею отношения.

Те люди, которые видели эту сцену, не улыбались, потому что горе Кротова было велико. К тому же все вдруг поняли, что дуб и в самом деле коварно и подло убит.

— Я этого не делала, — твердо сказала Мария Семеновна, не в силах скрыть внутреннего торжества. — Да и кто будет его пилить? Может, мамаша твоя пилила, чтобы ты не простудился?

Кротов молчал. Он стоял возле дерева, смотрел на глубокую рану и понимал, что великан, переживший нашествие Наполеона, уже никогда не распустит своих листьев и не зашумит под ветром.

Птицы, поняв, что их дом погублен, уже перелетали на другие деревья.

— Грянет, — произнес Кротов с глубоким внутренним убеждением. — Будет возмездие. Есть справедливость на свете! Все, кто здесь стоит, вы слышите мои слова?

И люди начали отступать. На Руси всегда существовало определенное отношение к юродивым и предсказателям — их слушали с трепетом. Даже цари.

Только Мария Семеновна, чувствуя себя победительницей, не отходила от дуба.

— Ну что, — спросила она шепотом, чтобы никто не слышал, — сберег ты свои дрова?

Подул ветер. Он становился все сильнее, словно сама природа негодовала на преступление.

Под свистом бури персонажи этой маленькой трагедии казались преисполненными значения, подобно греческим трагедийным героям. Громко хохотала Мария Семеновна, и как статуя стоял, подняв осуждающий перст, Кротов.

И в этот момент под ударами ветра дуб начал крениться.

Скорость его движения все возрастала, оглушительный треск потряс стройплощадку.

Дуб тяжело рухнул на землю, отчего по ней прошла дрожь.

Могучая зеленая крона скрыла под собой не успевшую отбежать Марию Семеновну, словно волны океана поглотили ее.

Эта история стала известна в городе. Рассказывали многое. Некоторые говорили, что ее убило стволом великана, другие утверждали, что возмездие приняло совсем уж странную форму: когда дерево распилили и подняли, оказалось, что никаких следов от Марии Семеновны нет. Она пропала бесследно.

Такова сила слухов. Таково внутреннее желание справедливого возмездия, которое живет в народе.

На самом же деле, когда грохот утих, Мария Семеновна с трудом выбралась из ветвей дерева. Она была поцарапана, но в остальном невредима. Возмездие ограничилось моральным воздействием.

Не сказав ни слова, она ушла с площадки.

На следующий день Мария Семеновна взяла расчет и перевелась на Крайний Север, хотя у нее была квартира в Москве.

Строительство продолжалось своим ходом. Пень от дуба стоит как раз рядом с рельсами, по которым ходит башенный кран.

Порой постаревший Кротов приходит туда, сидит на пне и смотрит, как растет дом.

ЮБИЛЕЙ «200»

Славная дата — двести лет Эксперименту. В истории Земли ничего подобного не было. И не будет.

Второй месяц кипят страсти. Сама длительность начинания подавляет воображение. Создатели Эксперимента кажутся небожителями.

На самом деле они существуют лишь в виде портретов в актовом зале.

Дарвин. Мендель. Павлов. Соснора. Джекобсон. Сато.

Разумеется, первые три благополучно скончались, не подозревая об Эксперименте. Три последние не дожили до первых результатов.

Мне надоела суета. Я пошел в библиотеку. Там тоже не было покоя.

Марусенька уговаривала пылесос — дефицитнейший, ценнейший, драгоценнейший прибор в институте — заняться книжными полками. Фолианты на верхних полках — Бюффона, Кювье и Ковалевского — никто не трогал лет сто. Я представил себе, сколько поднимется пыли, если пылесос согласится приступить к работе. К счастью, пылесос не соглашался. Как мог, он пытался втолковать Марусеньке, что его услуги нужнее в институтском музее, куда тоже придут гости.

Марусенька увидела меня, развела ручонками и спросила:

— Мне, что ли, лезть туда?

Очевидно, она ожидала, что я проявлю себя настоящим джентльменом и ради ее прекрасных глаз буду ползать по стремянкам.

Я ушел вместе с пылесосом.

В саду тоже не спрячешься. По странному приказу хозяйственника Скрыпника решено перекопать клумбы, на которых только что отцвели тюльпаны, и сотворить одну клумбу в виде цифры 200. Главный садовник Кумарасвами сидел на бортике ящика с рассадой и тоскливо следил за тем, как культиваторы перемалывали плоды его весенних трудов.

Я пошел на детскую площадку. Детишек не было — и понятно почему: ставили новую ограду. Силовую, невидимую, современную, которую потом все равно придется убрать. Представьте себе, какие комплексы она будет вырабатывать в малышах, которые неизбежно будут натыкаться на несуществующую стену. Начнутся неврозы, истерики, все будут искать причину душевных травм у молодых шимпанзе, пока какой-нибудь шустрый аспирант не догадается, что виной всему — невидимость ограждения.

Молодняк резвился на берегу пруда. Там, к счастью, землечерпалка уже перестала мутить воду и бортики были подновлены и покрашены.

Я уселся в тени под явором, который, по преданию, посадил сам академик Соснора, и принялся наблюдать за детенышами.

Малыши с визгом носились по берегу, а воспитательницы семенили за ними, потому что им казалось, что кто-нибудь из малышей обязательно упадет в еще холодную воду и схватит воспаление легких.

По внешнему виду малышей я без труда угадывал генетические линии.

Некий живший больше века назад самец Старк, со светлой короткой шерстью, гомозиготный по этой доминантной аллее, утвердил

себя на много поколений вперед. Вот и проявляется доминантный фенотип в малышах, не подозревающих о своем прадедушке. Помните скошенные подбородки и висячие усы Габсбургов — на шестьсот лет, если не больше, это очевидно по портретам, как бы ни старались приукрасить их художники.

Мы покоряем природу, а природа находит обходные пути, чтобы не покоряться.

Эксперимент был внешне скромен, но потенциально помпезен и полон человеческого тщеславия: заменить бога, проследить возможность очеловечивания обезьяны, призвав на помощь радиационную генетику, включив все кнопки биологических достижений. Мы, всесильные, берем стадо шимпанзе, мобилизуем механизм направленных мутаций, выводим из тупика эволюционный процесс, ускоряем его в тысячи раз и глядим — дозволено ли нам природой создать себе братьев по разуму.

Те, кто планировал Эксперимент, добивались кредитов и помещений, убеждали академические и финансовые органы в том, что именно этот эксперимент жизненно важен для человечества, понимали, что сами до результатов не доживут. То есть понимали абстрактно — в самом деле ни один человек не верит в свою смерть, и каждому из них казалось, что произойдет чудо — через тридцать лет уже народится мутант, который начнет изъясняться словами или выучит таблицу умножения.

Разумеется, все получилось так, как планировали, и ничего не получилось из того, на что надеялись.

Я как-то отыскал в библиотеке журнал двухвековой давности с бойкой статьей о том, как разыскивали по зоопаркам и институтам самых умных, сообразительных, продвинутых шимпанзе и как свозили их в выделенный уже для них комплекс — нечто среднее между зоопарком, генетическим институтом и общежитием для идиотов.

Энтузиазмом на первых порах компенсировали нехватку кредитов и оборудования. Далеко не каждый в мире понимал, что этот эксперимент должен иметь предпочтение перед прочими занятиями человечества. Но во главе института стоял Соснора, который в качестве подсобного хозяйства и полигона разводил коров и увеличивал их лактацию до фантастических пределов. Так что с помощью этих безмозглых тварей, стадо которых по традиции и теперь пасется за прудом, он доказал рентабельность предприятия. Но сам умер лет через десять.

Последующие директора постепенно расширяли хозяйство, пополняли стадо шимпанзе новыми особо одаренными экземплярами, чтобы не получилось чрезмерной изоляции генетического пула и не возник новый вид обезьян, не способный к скрещиванию с себе подобными дикими особями.

Удивительно то, что, несмотря на социальные катаклизмы, кри-

зисы и конфликты, институт так и не закрыли. В самом принципе его деятельности было нечто ирреальное. Это была наука с претензией на божественность.

Директора приходили и уходили, научные сотрудники получали зарплату, делали открытия, защищали диссертации, уходили на пенсию — в общем, их деятельность ничем особым от деятельности их коллег в смежных институтах не отличалась.

По ходу дела менялись генетические концепции и методы, возникали новые теории или возрождались забытые. Вдруг возвышался неоламаркизм, затем торжествовал постдарвинизм, это сменялось временным господством джекобсонизма, чтобы вернуться к суперменделизму.

И каждый из поворотов теории в той или иной мере отражался на политике по отношению к шимпанзиному стаду. Наиболее перспективные особи попадали в немилость, и их списывали в зоопарки или медицинские институты, достижения оборачивались поражениями, чтобы потом, через несколько лет, превратиться в эпохальные открытия.

Взлеты, поражения, упадки и смены теории больнее всего били по шимпанзе. Создавая из обезьян новую породу разумных существ, люди отказывали тем, кто находился в процессе очеловечивания, в гуманности.

Относительно недавно был случай, когда списали в зоопарк и окончательно там погубили Сиену-4, самку, которая обладала удивительными математическими способностями. И по простой причине: ее шеф — человек милый, талантливый, но беспутный, насмерть поругался с заведующим отделом и ушел из Эксперимента. А кроме него, никто не пользовался доверием и любовью Сиены-4.

Поэтому я, будучи участником Эксперимента, сотрудником его, остаюсь в глубокой внутренней оппозиции к тому, что у нас делается. За двести лет направленных мутаций, беспрестанных тестов и операций, изменений среды обитания, медикаментозных опытов — стабильных результатов так и не добились. Более того, по мере роста результатов углубляется пропасть между гомо-шимпами и экспериментаторами. Как ни странно, человек, придумавший Эксперимент, ухлопавший на него двести лет и кучу средств, сгубивший на нем сотни умов, которые могли бы принести куда больше пользы в иных областях знания, внутренне не готов к тому, чтобы признать отказ от собственной исключительности. Гомо-шимп остается для людей не более как шимпом. Объектом для исследования, но не партнером по разуму...

Эти мои довольно печальные мысли были прерваны криком бихейвиористки по прозвищу Формула.

— Джон! — кричала она, несясь по коридору. — Где ты?

Увидев меня, она спросила:

— Джона не видел? — но ответа не стала дожидаться и помчалась дальше. Меня она не выносила.

Джон — старый гомо-шимп, ублюдок с анатомической точки зрения — почти безволосый, лобастый и коварный, пользуется доверием некоторых сотрудников Эксперимента. Тот небольшой набор слов, которым он оперирует, кажется им вершиной собственных достижений. Когда приезжает комиссия или важные гости, Джона всегда к ним выводят и Джон изображает из себя пародию на человека, даже натягивает трусики и красную рубашку, делает вид, что поддерживает элементарную беседу, оставаясь не более чем попугаем в окружении обезьян.

Мне стало любопытно, зачем Формуле в такой сумасшедший день мог понадобиться Джон. Я подошел к окну и увидел, как Формула крутится возле бывшей клумбы, повторяя: «Джон, где ты? Джонни, ты мне нужен!»

Разумеется, Джон, который дремал где-то поблизости, лениво вышел из кустов, поскребывая могучий живот, отрощенный на подачках.

— Джонни! — возрадовалась Формула. — Прими новенькую. Ты лучше всех это умеешь делать. Умоляю!

— Что дашь? — спросил Джон.

— Джонни, я никогда тебя не обижала.

— О'кей, столкуемся, — сказал Джонни и пошел за Формулой, сгибаясь чуть больше, чем нужно, и касаясь земли пальцами рук. На этот раз он был лишь в синих трусах и в белой кепочке, сдвинутой на затылок, так, чтобы любой мог полюбоваться его лобными долями.

Они вышли к стоянке флаеров. Транспортный флаер стоял на лужайке, возле него маялся могучий детина из службы заповедников, державший на цепочке молодую самку шимпанзе, которая была насмерть перепугана полетом и необычной обстановкой.

При виде хорошенькой самки гордость генетической науки Джон на глазах превратился в самца шимпанзе. В похотливом мозгу Джонни уже шевелились надежды на то, что он получит молодую наложницу.

Джонни начал вытягивать трубкой губы, подпрыгивать, бить себя кулаками в грудь, видно вообразив, что он — горилла. Разумеется, он еще более напугал самочку.

А девушка была в самом деле сказочно хороша. Мозг ее еще спит, да никто и не намерен вдувать в него разум. Она нужна лишь для продолжения рода, для свежей крови, свежей струи генов, уродец в среде уродцев.

— Джонни, не пугай ее, — взмолилась Формула. — Объясни ей, что она будет жить в хороших условиях и никто не стеснит ее свободы.

Удивительная наивность, свойственная ряду наших научных со-

трудников. Создав расу гомо-шимпов, они полагают, что и обыкновенные шимпы владеют какой-то примитивной речью и могут объясняться с такими, как Джонни. Джон же, никогда не знавший языка диких сородичей, языка примитивного, но всеобъемлющего, должен был поддержать свое реноме. Разумеется, ничего у него не получилось. Девушка скалилась и старалась спрятаться за ноги детины из службы заповедников, полагая, что обыкновенный человек все же лучше, чем неизвестной породы зверь в белой кепочке.

Я понял, что создалась тупиковая ситуация, и вышел на лужайку. Я направился прямо к девушке, уверенный, что мне удастся успокоить это несчастное создание, зная, как я красив и силен.

И все кончилось бы благополучно, если бы не эта проклятая Формула.

— Стой! — завопила она. — Джон, удержи этого хулигана! Ну где же шланг? Надо вызвать Прокопия!

Джон нахмурился, изображая из себя защитника человечества, хотя в душе он трепетал передо мной.

Я встретил восхищенный и доверчивый взгляд самочки шимпанзе и улыбнулся девушке. Я знал, что отныне она — моя покорная рабыня.

Я тихонько фыркнул, чтобы ее успокоить, и дал ей понять гримасой, что ей здесь нечего бояться.

Затем под вопли Формулы и угрожающие жесты ничего не понявшего, но встревоженного детины из службы заповедников я прыгнул на ближайшее дерево, раскачался на нижнем суке, перемахнул наверх, ощущая спиной восторженный взгляд девушки.

По проторенной дорожке, деревьями, не спускаясь на землю, я добрался до спален.

Несколько гомо-шимпов отдыхали на койках, кто-то читал, молодежь разглядывала видеоленты. В этот день мы старались поменьше попадаться на глаза людям.

— Что случилось? — спросила Дзитта, старая умная гомо-шимпа, наделенная великолепной интуицией.

— Черт бы побрал эту Формулу! — сказал я. — Там привезли чудесную крошку для размножения, а она надеялась, что Джонни введет девушку в курс дела. А этот старый козел...

— Не надо, все ясно, — сказал Барри, откладывая видеогазету. — Знаешь, сегодня утром меня снова таскали на тесты.

— И ты думал о бананах?

— И об апельсине, — засмеялся Барри. — Они разочарованы.

— Ой, трудно! — сказала Дзитта. — Особенно я боюсь за молодежь. Рано или поздно с их аппаратурой они нас обязательно поймают.

— А какая альтернатива? — спросил я. — Все признать? Стать

объектом нездоровой сенсации и остаться существами третьего сорта, говорящими куклами?

— Только бы сегодня все обошлось, — сказал Барри.

— А меня утром спрашивал о тебе доктор Вамп, — сказал молодой гомо-шимп Третий. — Он спрашивал, уважаю ли я тебя.

— А ты что сказал?

— Ты знаешь, что я плохо говорю, очень плохо говорю, совсем не знаю слов, такой вот тупой гомо-шимп, я сказал, что Лидер хорошо, Лидер сильный.

— А девушка красивая? — спросил Второй.

— Не твое дело, — сказал я. — Будешь в лесу, отыщешь себе еще красивее.

— Сейчас идет совещание, — сказал Барри. — Надо идти послушать.

— Боюсь, что сегодня ничего интересного не узнать, — сказал я. — Они обсуждают, как разместить гостей и что приготовить на банкет.

— Может, тогда я схожу? — спросил Барри.

— Нет, я сам, — сказал я. День был ответственный, и я не мог доверять даже старине Барри.

Я выбрался через окно, поднялся по ветви винограда на крышу и пополз до окна комнаты совещаний.

Все эти маршруты были проверены поколениями гомо-шимпов, и если мы далеко уступаем людям в интеллекте, то, к счастью, не разучились лазить по деревьям, так как законы леса в нас куда сильнее, чем законы города, и двухсот лет слишком мало, чтобы наша кровь и мышцы забыли о прошлом. Я не знаю, кто был первым, пробравшимся скрытым снаружи желобом к окну комнаты совещаний. Это было, наверное, много лет назад, когда какой-то гениальный гомо-шимп понял, что разум его развит настолько, что лучше научиться утаивать от людей то, что проснулось в нас, — сознание собственной исключительности.

Люди окружили нас тончайшими приборами. Людям кажется, что *любой всплеск мысли, любое движение чувств* тут же будет отражено самописцами и биофонами. И они совершили ошибку — они построили весь этот мир по своему образу и подобию, они старались сделать и нас по своему образу и подобию. Но природа оказалась сильнее. Связи в мозгу, реакции, блокировка центров мозга — все это зиждется на иных, чем у людей, правилах. Мы это поняли, когда обнаружили, что, доверяясь показаниям приборов, люди судят о нас ложно.

И с тех пор по мере того, как мы развивались, подчиняясь людским приборам и жестоким экспериментам, которые были направлены не только на то, чтобы развить наш мозг, но и на то, чтобы лишить нас приватности, чтобы мы всегда и при всех обстоятельствах

ели, спали, думали, действовали, любили, размножались только на глазах, под контролем, мы учились скрытности, учились обманывать приборы — мы не второсортные люди, не уроды, мы новая раса — гомо-шимпы!

Я подобрался к комнате совещаний вовремя. Как раз разговор шел о моей персоне. Выступала Формула.

— Он становится невыносим, — щебетала она. — И оказывает дурное влияние на остальных особей.

Ах, подумал я, как они избегают слова «животное»!

— Конкретнее, — сказал доктор Вамп.

Если выделять из числа людей наиболее положительных «особей», то доктор, безусловно, относится к таковым. Может, потому, что он ведает лечебницей и зачастую выступает против излишне жестоких экспериментов — он лишь лечит, и у него добрые руки.

— Сегодня к нам поступила новая самочка, — сказала Формула.

И перед моими глазами возник сладостный образ девушки, пугливо прижимающейся к ногам детины из управления заповедников.

— Я попросила Джона помочь мне.

— Джон не вызывает во мне доверия, — сказал Батя, директор института.

— Но он очень развитое «существо», — сказала Формула. — И часто нам помогает. Обезьянка очень боялась. Наверное, мы вдвоем справились бы с ней, но тут из кустов выскакивает этот Лидер и бросается на животное. По-моему, он хотел надругаться над зверушкой.

Формула была близка к слезам. Черт побери, подумал я, за какое чудовище она меня принимает!

Неожиданно Формула получила подкрепление от Скрыпника, заведующего хозяйством.

— Он становится диким зверем, — сказал толстый Скрыпник. — Он вчера забрался на склад и распотрошил половину запасов. Я не представляю, как мы будем устраивать банкет.

Я внутренне улыбнулся. Операцию на складе проводили мы с Дзиттой и двумя молодыми ребятами. На первое время нам будут нужны сгущенное молоко, кое-какие консервы. Но похищение пришлось обставить в форме бандитского налета. Иначе бы оно вызвало подозрение.

— Пора его отдавать в зоопарк, — сказала Формула. — Если он и мутант, то регрессивный. Обыкновенная обезьяна. Опасность для большого эксперимента.

— А что вы скажете, доктор? — спросил директор.

— Я воздержусь от выводов, — сказал доктор. — По моим наблюдениям, Лидер — здоровый индивидуум, обладает авторитетом в стае.

— Вот именно — в стае, а мы стремимся создать общество! — воскликнула Формула.

— А что вы думаете? — директор обратился к заведующему контрольно-измерительной лабораторией — моему главному противнику, которого мы не без успеха водили за нос, зная, когда нужно изгнать из головы все мысли, кроме мыслей о еде.

— Уровень интеллекта невысок... — Контрольщик углубился в свои записки, извлекая их из карманов, раскладывая на столе, путая мои данные с данными других гомо-шимпов, и в результате запутал все настолько, что директор остановил его. Затем он спросил мнение других специалистов. Все были единодушны. Я хулиган, плохо влияю на молодежь, и от меня надо избавиться.

С одной стороны, мне все это было приятно слушать, потому что это значило — я их провел. С другой — любому разумному существу обидно, когда его хотят отправить в зоопарк.

— Подытоживаю, — сказал директор. — Лидера готовить к отправке. В полной тайне. Созвонитесь с зоопарком в Сухуми, оттуда есть запрос. Полагаю, что лучше всего это сделать нынче ночью. Теперь перейдем к другим заботам. Во сколько прилетает рейсовый с гостями?

— В семнадцать тридцать, — сказал Скрыпник. — Мы его паркуем на запасном поле, машина большая.

Об этом флаере я знал. Он прилетит из Австралии. Остальные гости будут слетаться на малых машинах. Нам нужен именно этот флаер.

Ну что ж, мне можно было уходить. Я узнал две важные вещи.

Во-первых, время не терпит. Если мы сегодня вечером не сделаем задуманного, ночью меня тайком, подло, предательски люди отправят в зоопарк. Второе — нужная нам машина с половины шестого будет стоять на запасном поле — удивительная удача! Запасное поле окружено лесом, и подходы к машине скрыты зеленью.

Я спустился в сад.

С некоторой грустью я смотрел на пруд, на спортивную площадку, на классные комнаты. Никогда я уже не увижу этого мира, в котором я вырос, осознал себя и свой долг перед расой.

Ну что ж, всему на свете бывает конец, вспомнил я чьи-то слова. Даже сказке бывает конец.

В спальне меня ждали.

— Все в порядке, — сказал я. — Флаер прилетает в семнадцать тридцать. Стоит на запасном поле.

Моя информация была встречена возгласами радости.

О решении отослать меня в зоопарк я говорить не стал. Недоброжелатели, а их немало даже в маленьком сообществе, сочтут меня эгоистом, спасающим свою шкуру.

Мы наблюдали сверху, как съезжались гости. Так как уже наступал вечер, а юбилейные торжества состоятся лишь завтра, то с гомо-шимпами гости пока не должны были встречаться. Лишь идиот Джонни, конечно, шастал между приезжими, фотографировался с ними и говорил банальности, которые поражали гостей, как поражает заявление попугая: «Попка дурак, сам дурак».

Еще засветло с большими предосторожностями мы перетащили из лесных тайников поближе к флаеру некоторую часть грузов. Мы не намеревались в Большом лесу, на берегах Конго, становиться дикими животными. Мы забирали с собой и учебные микрофильмы для детей, и запас голокассет, кое-какие приборы и инструменты — в общем, начиналось великое переселение маленького народца. Народца, которому надоело быть подопытным кроликом. И который обрел вождя в моем лице.

Вечером в саду зажгли иллюминацию. Подъезжали все новые гости, под яблонями Скрыпник поставил длинные столы с закусками. Перед сном к гостям вывели малышей, которые хором спели песню «В лесу родилась елочка, в лесу она росла». Гости умилялись.

Я тайком проверил, все ли нужные замки сломаны.

Темнело. Все было готово.

Хорошо бы они не догадались оставить стражу у большого флаера.

Флаер мне понравился. Он был в самом деле велик, я на таком еще не летал, никто из наших не летал. Но мы знали, как работает автоматика. Мы полетим низко, они хватятся, когда мы будем уже над Африкой.

Луна была ущербной, так что мы двигались свободно, почти не прячась. По крайней мере, здесь люди с нами не могут сравниться.

Все стихло. Лишь из окон гостиницы и дома сотрудников, отданного гостям, доносились голоса и песни. Тем лучше, пускай веселятся. Завтра их ждет большое разочарование. Некого им будет демонстрировать.

— Слушай, — спросил я мудрую Дзитту, — мы берем Джонни или оставляем?

— А ты как думаешь?

— Я бы его оставил людям в утешение.

— *Я с тобой согласна. Тем более что с нами он не будет счастлив.* Он привык к комфорту, а мы от него отказываемся.

Третий привел детей. Детей сопровождали матери, дети были сонные и капризничали.

Мы быстро посадили их во флаер. Как хорошо, что люди столь самоуверенны, что даже не оставили у него никакой охраны, даже запереть его толком не сумели.

Дзитта пересчитала гомо-шимпов.

— Шестьдесят четыре «особи», — сказала она с улыбкой. Она умела копировать Формулу.

— Все? — спросил Барри. Он уже поднялся внутрь. Он будет вторым пилотом.

— Стой! — сказал я. — Мы же ее забыли!

— Кого? — не поняла Дзитта.

— Девушку, которую привезли сегодня. Неужели ты хочешь, чтобы она досталась Джонни?

— В лесу ты найдешь невесту и получше, — попытался поддразнить меня Третий.

Я так зарычал на него, что он шустро залез во флаер и, полагаю, будет молчать до Африки.

— Не делай глупостей, — сказала Дзитта, — ты переполошишь весь институт.

— Нет, — сказал я твердо. — Устраивайтесь удобнее. Я скоро буду.

Большими прыжками я помчался к изолятору.

Как назло, дверь была заперта. Я подошел к окну. Окно было непробиваемым, ничем его не возьмешь.

С той стороны из темноты на меня смотрели большие прекрасные глаза девушки. Она понимала, что я пришел к ней. Она расплющивала о стекло свои большие губы, как бы зазывая меня. Глупая, милая, неразумная тварь.

В два прыжка я оказался на крыше. Отвинтить вентиляционную решетку было делом двух минут. Я спешил, я представлял себе, как волнуются мои соплеменники. Без меня мог начаться бунт, ведь зачастую лишь моей железной волей удавалось удержать их в повиновении.

Вот наконец решетка летит в сторону.

Но кто-то идет по дорожке.

Пришлось лечь, прижаться к крыше.

Я почуял запах Джонни. Этого еще не хватало. Я чуть не рассмеялся! Романтическое приключение! Соперник во тьме!

Я услышал, как этот недоумок стучит в стекло, вызывая девушку. Жуткая ревность обуяла меня. Но что делать? Затевать с ним драку? Тогда мне в голову пришла рискованная идея.

— Кто здесь шляется? — спросил я громким басом, подражая директору. — Немедленно спать! Иначе отправлю в зоопарк.

Мой розыгрыш подействовал. Раздались быстрые шаги — Джонни перетрусил и покинул поле боя.

Теперь следовало спешить втройне. Меня могли услышать. Особенно я не выносил сторожевого робота, который, правда, вступает на вахту лишь после полуночи. Мы хотели его сломать, но, разумеется, природное наше легкомыслие победило — забыли.

Я проник в вентиляционный люк. Там было тесно.

Я загудел, призывая девушку. Она поняла. Протянув вниз руку, я нащупал ее нежные длинные пальцы.

Я помог ей выбраться на крышу.

Она доверчиво последовала за мной.

Какое счастье! Она всем своим видом, каждым движением говорила: «Ты мой избранник».

«Ты у меня еще научишься говорить», — подумал я.

У флаера начиналась паника. Я исчез, указаний нет. Дзитта еле удерживает все мое воинство внутри. Барри накинулся на меня с упреками. Я передал ему барышню, а сам быстро прошел к креслу пилота.

— Внимание! — сказал я. — Всем занять места. Матери, держите детей. Мы спешим. Нас ждут леса Африки. Нас ждет свобода!

Через стекло я кинул прощальный взгляд на институт. Некоторые окна еще светились. Старинное здание, построенное по моде XX века, темной громадой поднималось над деревьями.

Я провел рукой над пультом, мысленно включая автоматику. Загорелись огоньки на пульте.

Я набрал код — я знал, как это делать. Направление... Загорелась карта Северного полушария. Я нашел на ней Конго. Дотронулся указкой до нужной мне точки. Дал старт. Флаер быстро пошел вверх.

Сзади верещали ребятишки.

Институт провалился в темень.

Огни на земле тускнели. Мы пронзили редкие облака. Машина поворачивалась, ложась на нужный курс.

Я смотрел на карту передо мной. Тонкая зеленая полоска — наш маршрут — начала расти и изгибаться к югу. Я задумался.

Неожиданно я почувствовал прикосновение.

Я обернулся. Моя возлюбленная стояла рядом. Она хотела быть со мной.

Я улыбнулся ей.

— Мы в безопасности, — сказал я Барри, который сидел в соседнем кресле. — Они нас не догонят.

— Они могут поднять машину с аэродрома на пути.

— Вряд ли, — сказал я. — Они до сих пор не хватились. А если и хватились, то не догадаются, куда мы делись.

И в этот момент зловеще вспыхнул экран связи.

Первым моим движением было желание спрятаться, скрыться от глаза экрана. Я пригнулся.

Ахнул рядом Барри.

Но потом я понял, что скрываться нет смысла. Лучше встретить опасность лицом к лицу.

На экране было лицо директора института. Батя был серьезен.

— Лидер, — сказал он, — я знаю, что ты здесь.

— Я здесь, — сказал я, выпрямляясь. — И вы можете убить нас, но вы не сможете остановить нас.

— Лидер, — сказал Батя, — может, ты хочешь, чтобы наш разговор был без свидетелей? Тогда скажи Барри, чтобы он ушел.

— Хорошо, — сказал я.

— Я останусь, — сказал верный Барри. — Я не боюсь.

— Директор прав, — сказал я. — Выйди. У тебя длинный обезьяний язык.

Барри обиделся. Он медленно вылезал из кресла, ворчал что-то. Девушка оробела, она смотрела на меня, на директора, который ее не замечал. Он знал, что она ничего не понимает. В отличие от многих других директор знал всех нас в лицо.

Я протянул руку — пилотская кабина невелика — и закрыл дверь.

— Что вы хотите сказать? — спросил я. — В чем ваш ультиматум?

— Это не ультиматум, — сказал директор, — а только информация.

— Прошу. — Я отчаянно трусил. Против меня был весь мир — три миллиарда людей.

— Лидер, вот уже несколько лет, как мы осознали, что приборы наши не дают объективной картины вашего состояния. Мы не сразу и не единодушно поняли, что наш Эксперимент удался. Удался даже более, чем мы на то рассчитывали. Двести лет работы накладывают стереотипы поведения на экспериментаторов. Мы закоснели. Но когда мы поняли, что загнали вас, наших младших братьев, которым мы дали разум, не спрашивая их разрешения, в тупик, привели к необходимости таиться...

— Вы давно это поняли?

— Давно.

— Почему вы тоже таились?

— Потому что не могли прийти к общему мнению, потому что неизвестно было, как продолжать Эксперимент, потому что надо было передавать ответственность за него тем, кто вырос у нас на глазах... Это сложно. Может быть, со временем мы сядем с вами, Лидер, и обсудим эту проблему за чашкой чая.

Я понял, что впервые за двести лет к шимпанзе обращаются на «вы».

— Простите, — сказал я твердо, сжимая руку девушки, — но мы не вернемся. Опыты кончились!

— Да я же не спорю! — ответил директор. — Хотя мне, честно говоря, жаль с вами расставаться. Я прожил рядом с вами двенадцать лет. Ты был еще младенцем, когда я пришел в институт.

— Я помню, — сказал я. — Но мы не вернемся.

— Летите, вас никто не задерживает. И учтите, что в багажном отделении флаера лежит запас продуктов. Вы же взяли очень мало, а прежде чем вы освоитесь, детям нужна калорийная пища.

— Значит, вы все знали! — И вдруг я понял, что это удар. Удар по моему самолюбию, по моему тщеславию, по моей тайне...

— Не расстраивайтесь, — сказал директор. — Это не умаляет ваших заслуг. Вы сделали не меньше, чем весь институт. Я говорю искренне.

Я знал, что он не притворяется. У нас, гомо-шимпов, куда лучше, чем у людей, развита интуиция. Мы еще многому можем людей научить.

А директор как будто угадал мои мысли.

— Я надеюсь, что вы сможете нас многому научить. И поэтому нам надо было расстаться. Вовремя. Вы нашли выход, которого не могли найти мы.

— И сегодняшнее заседание с решением отправить меня в зоопарк...

— Было частично инсценировано. Мы уже давно знаем, что вы подслушиваете все наши совещания.

— И Формула? — Этого я не мог вынести.

— Доктор Пименова не в курсе, — улыбнулся директор. — Она бы никогда не согласилась отпустить вас в тропический лес, где вся вода некипяченая.

— Ничего, — сказал я с облегчением, — с ней остался ее любимый Джонни.

Дверь сзади открылась. Я обернулся. Там торчали встревоженные морды Дзитты и Барри.

— Все в порядке, — сказал я. — Полет продолжается.

Я протянул руку, чтобы отключить связь, и понял, что экран связи погас.

— Это был директор? — спросила Дзитта. — Чего он хотел?

— Он требовал, чтобы мы вернулись, — сказал я твердо. — Но я ему отказал. Полет продолжается.

На морде Барри было восхищение. Я победил самого директора.

Дзитта сощурилась. Не поверила. Но промолчит.

Я погладил по голове девушку.

«Не буду я учить ее говорить, — подумал я. — Наш разговор с директором следует оставить в тайне. Президент республики гомо-шимпов должен быть вне подозрений».

РАЗУМ ДЛЯ КОТА

Если я долго не встаю, Мышка подходит к кровати и, зацепив когтями одеяло, осторожно тащит его на себя. Это первое предупреждение. Чаще всего я игнорирую первое предупреждение. Тогда он добирается до руки и дотрагивается лапой. Рука тоже не откликается. Приходится переходить к жестким мерам. Мышка выпускает когти и

будит руку всерьез. В конце концов я, конечно, просыпаюсь. Мышка своего добьется.

Я поднимаюсь, ругая кота, он благородно трется бакенбардами о мои голые колени и усаживается посреди комнаты, пока я оденусь и застелю постель. Затем он несется к двери уборной, указывая мне правильный путь, потом ждет меня в дверях ванной.

Только тогда идет на кухню. Но не к своей тарелке, это было бы слишком просто, а Мышка не позволяет себе попрошайничать — это оставим для простых котов.

Мышка сидит у холодильника и глядит на меня. Только глядит. Он верит, что я не оставлю его помирать с голоду. Да и получив свою утреннюю рыбу, Мышка не бросается жадно к тарелке. Он сначала постоит рядом, глядя на меня, словно мысленно считает до десяти.

Вечером, когда приходят с работы, Мышка сидит на кресле в большой комнате — оттуда лучше слышно, как поднимается лифт. По шагам он знает, кто идет. Сколько раз я видел, как Мышка, услышав лифт, не двигается с места, если к двери подходит чужой, скажем, не кормилец. Но если идут свои, Мышка опрометью летит к двери и садится так, чтобы его не задело, когда дверь отворится. При виде родственника — а Мышка глубоко убежден, что мы представляем собой стаю, в которой ему отведено хоть и не самое главное, но почетное место, — Мышка изображает красивого кота, для чего он растягивается на полу во весь свой солидный рост и начинает кататься и принимать элегантные позы. Если очень соскучился по людям за день, будет кататься долго и энергично, но если до того кто-то уже пришел и кормил его, то перевернется разок из вежливости и замрет.

Мышка странно молчалив для кота. Я его подобрал беспризорным котенком. Некому было учить его мяукать. А так как дома к нему относятся скорее как к собаке, чем к коту, то он и ведет себя как собака.

Когда ко мне пришел Свер-ди, Мышка даже не поднял головы, а лежал в кресле, прижав голову к сиденью, и внимательно разглядывал в дверь прихожей ломкого, сутулого инопланетянина, отлично понимая, что это очень чужое существо. Свер-ди снял сапоги, вытащил из сумки своего секретаря — большую мохнатую ящерицу по имени Диприда, посадил ее на плечо, прошел в большую комнату и сел на диван, в метре от Мышки.

Я боялся, что Мышка нападет на Диприду. Та тоже этого боялась и потому сидела напряженно и часто мигала. Но Мышка рассудил, что Диприда — не животное и территорию от нее охранять не надо. Спать он себе после этого не позволил, глаз не закрывал и даже показывал неудовольствие, подрагивая кончиком пушистого хвоста. Но не более того.

Мы со Свер-ди обсуждали свои научные проблемы, а через полчаса пришла Алиска. Услышав, как она вышла из лифта, Мышка

прыгнул с кресла, перепугав Диприду, которая даже уронила компьютер, и уселся у двери. Затем он выдал сцену «красивое животное встречает долгожданную хозяйку» в полном объеме. Свер-ди смеялся, Диприда подобрала компьютер и тоже изобразила улыбку.

— Еще один шаг, и он станет человеком, — сказал Свер-ди.

— Я часто жалею, — сказал я, — что Мышка не может говорить.

— Или писать, — сказал Свер-ди.

Мышка понесся на кухню впереди Алисы.

— В то же время в нем живет отсталое дитя, — сказал я. — Он делает глупости. Рвет когтями диван, вчера чуть не грохнулся с балкона, охотясь на голубей. Говоря высокопарно, силой любви невозможно сломить барьер непонимания.

Диприда кивнула. Она это понимала.

— Что ж, — сказал Свер-ди, — еще недавно я мог бы сказать то же самое о моей Диприде. Помнишь?

Диприда кивнула и даже попыталась улыбнуться, что у нее не очень получилось, так как рот ящерицы не приспособлен для улыбки.

— Я был счастлив, когда изобрели энцелостимулятор. Он был предназначен для людей. И действие его оказалось удивительным. В течение года в школах не осталось отсталых детей. Должен признаться, что я никогда бы не стал профессором и никогда бы не прилетел к вам на Землю, если бы не стимулятор.

— Я читал, — сказал я.

— Сейчас его уже начинают употреблять у вас.

— Знаю, — сказал я.

— Первой моей мыслью было: а что, если я смогу помочь моей Диприде? Она жила у нас давно, мы любили ее, но домашнее животное — это домашнее животное. Мы называем порой зверей друзьями — это уступка любви. Дружить можно только с себе подобными.

Свер-ди погладил Диприду по мохнатому гребню, Диприда кивнула и начала что-то набирать на клавиатуре компьютера.

Вернулся Мышка. Видно, он поспешил с ужином, чтобы не оставлять меня одного в комнате со странными гостями. Совершенно по-собачьи, увидев свой мячик, забытый под столом, он схватил его и быстро унес в угол, за стопку книг, спрятал игрушку.

— Если хочешь, я тебе завтра принесу пилюли, — сказал Свер-ди. — Совершенно безопасны, опробованы на миллионах живых существ.

— Спасибо, — сказал я.

Мышка выглянул из-за книг. Ему хотелось поиграть мячиком, но гости все не уходили, и не исключено было, что они отнимут мячик, если тот слишком близко к ним подкатится.

— Алиска! — позвал я. — Ты знаешь, что завтра Мышик станет умнее меня и почти такой же умный, как ты?

Алиска мыла посуду и пришла в комнату не сразу. И не сразу поняла, какие светлые перспективы открываются для нашей стаи.

— И что он будет делать? — спросила она.

— Мышей ловить, — ответил я неумно.

— А в самом деле?

— Девушка, — сказал Свер-ди, — у нас с вами есть изумительный пример стимуляции мозговой активности — моя любимая Диприда. Диприда, скажи Алисе — ты счастлива?

Диприда поглядела на Алису, на Мышку, который принялся от нечего делать развязывать шнурки на моих ботинках, потом ловким движением лапки набрала текст на клавишах компьютера, с которым никогда не расставалась. На экранчике возникли слова: «Разумеется. Я была животным, а стала почти человеком».

— Умна, мое сокровище, — сказал Свер-ди. — Ты обратил внимание на слово «почти»? Она имеет в виду невозможность говорить. Правда?

«И это тоже», — набрала текст Диприда.

Мышка встал на задние лапки, потянулся к экрану компьютера — ему понравилось, как вспыхивают буквы.

— Потерпи, — улыбнулся Свер-ди. — Завтра ты сможешь это сам. Не кормите его на ночь, — обратился гость к Алисе. — Средство надо принимать натощак. Иначе не подействует. А лучше дать слабительное.

Потом он велел Диприде отпечатать синопсис нашей беседы, чтобы я его заверил, а он передал своему руководителю. Лапки ящерицы летали над клавишами.

— А что она делает, когда не работает? — спросила Алиса.

— Что? — Свер-ди немного удивился, но не стал обращаться с этим вопросом к Диприде, чтобы не отвлекать ящерицу от дела. — Читает. Иногда. Думает. Спит, ест — живет.

— А другие ящерицы?

— Ты хочешь спросить, есть ли среди них умные? — переспросил Свер-ди.

— Да.

— Это им не по карману. Может, через несколько лет...

— А сколько живут эти ящерицы?

— До двадцати лет, — сказал Свер-ди. — Но моя еще молодая. Ей пошел восьмой год.

— У нее есть дети? Друзья?

— У нее есть я. У нее есть пища для размышлений.

Диприда перестала печатать. Она смотрела на Алису.

Свер-ди начал собираться. Он надел сапоги, спрятал ящерицу в сумку. Напомнил, что кота не надо кормить.

Через час, а может, больше, я вспомнил, что давно не видел Мыш-

ку. Странно, я завтра скажу ему, что на улице шесть градусов мороза, а он кивнет... Надо будет купить для него миниатюрный компьютер. И можно будет снять с окон бадминтонную сетку — разумный кот не прыгнет сдуру с восьмого этажа за пролетающей птичкой.

Я прошел на кухню.

Кот сидел у своей миски и лениво, из последних сил жевал громадный кусок свиной вырезки, которую я купил утром совсем не для кота.

Алиса стояла над ним и ревела. Молча, только слезы по щекам.

— Что здесь происходит? — спросил я. — Ты забыла, что средство действует натощак?

— Мышку жалко, — сказала Алиса. — Может, ты передумаешь?

— Ты с ума сошла, — сказал я. — Мы имеем возможность оказать невероятное, сказочное благодеяние нашему коту. Он будет самым настоящим членом человеческой семьи. Понимаешь, какое счастье — ты ему рассказываешь, что с тобой произошло за день, а он тебе то же самое рассказывает.

— И что же с ним произойдет за день?

— Неважно.

— Важно. Ты из него хочешь сделать человека?

— Я хочу, чтобы он стал разумным существом.

— В шкуре обыкновенного кота?

— Внешность — не главное.

— Это не только внешность. Отец, подумай, ты мог бы жить в шкуре кота? С твоими интересами? С твоим желанием общаться, читать, путешествовать, спорить, говорить?

Алиса подняла кота на руки, и тот не спорил — он был так сыт, что мясо вызывало в нем отвращение, подобное тому, что испытывает к концу дня кондитер, съевший на пробу триста пирожных. Кот смотрел на меня большими, тупыми от сытости, бессмысленными глазами, потом пристроился поудобнее на теплых руках Алисы и блаженно задремал.

Когда на следующий день пришел Свер-ди со своими пилюлями, мы с Мышкой были заняты очень интересным делом. Я шел по коридору, делая вид, что не знаю, где кот. А кот бросался на меня сзади из засады под диваном, бил с ходу лапой, а когда я оборачивался, стремглав, изображая ужас, несся под диван прятаться.

— Скажи дяде: нет, спасибо, — приказал я коту.

Кот лег на спину и, вытянувшись, перевернулся, показывая белое пушистое пузо.

— Мы решили остаться очень красивым животным, — сказал я за кота. Тот ничего не понял и гордо пошел на кухню, проверить, не появилась ли в тарелке пища.

АЛЬТЕРНАТИВА

Скептицизм и усталость владели сотрудниками Института времени.

До тех пор, пока в будущее отправлялись слитки свинца, жуки-скарабеи, белые мыши и собака Шарик, прогресс был несомненным. Но все шестьсот сорок попыток отправить туда человека провалились.

Группа хрононавтов в составе трех человек была в плохих отношениях с экспериментаторами, так как хрононавты были убеждены, что их водят за нос и путешествие во времени невозможно. Экспериментаторы же писали докладные директору института академику Стассу, утверждая, что хрононавтов следует сменить как не справившихся с работой.

Директор, положивший всю сознательную жизнь на изобретение машины времени, выступал третейским судьей. Все свои речи он кончал словами:

— Но истина дороже!

Он верил в то, что машина времени заработает, и занимался ее усовершенствованием.

В подобной ситуации трения неизбежно выплескиваются наружу. Призванная жалобами ревизия высказала свои опасения, но ассигнования пока не были срезаны — направление поиска было признано прогрессивным, а результаты — внушающими надежду.

Директор был человеком замкнутым, неприятным в общении, и злые языки утверждали, что он не видит своих современников, потому что живет в будущем.

Шестьсот сорок первый опыт увенчался успехом.

Хрононавт Воскобоев в нужный момент растворился в воздухе и возник вновь через три часа восемнадцать тревожных минут.

К тому времени вокруг кабины времени собрался весь институт.

Хрононавт вышел из кабины усталый, но довольный. Он поднял вверх большой палец и сказал:

— Я там был.

Эти слова вошли в историю. Но далеко не сразу.

Пока что под аплодисменты научных сотрудников хрононавт пожал протянутую руку директора, и многие заметили, что он странно и даже с сочувствием смотрел в глаза академику Стассу. Видно, почувствовав что-то неладное, академик строго произнес:

— Попрошу немедленно пройти ко мне в кабинет.

В кабинет он допустил лишь врача, который начал тут же проводить наблюдения над здоровьем хрононавта, а также двух профессоров, своих заместителей по научной части.

— Итак, — сказал он, — вы утверждаете, что побывали в будущем?

— Точно так, — ответил Воскобоев. — Проверил по календарю.

— В контакты вступали?

— Старался избегать, — ответил Воскобоев. — Но там меня уже ждали. Они знали, что я прилечу.

— Разумеется, — сказал заместитель директора по научной части.

— Где доказательства? — спросил директор.

Подобное недоверие к собственному сотруднику, совершившему научный подвиг, могло показаться странным, но дело в том, что еще три дня назад в частной беседе хрононавты шутили, что в случае очередной неудачи они сделают вид, что все в порядке, — надоели неудачи.

— Мне ничего не дали, — сказал Воскобоев. — Покормили обедом, провели по городу, показали достопримечательности. Объяснили, что есть правило — ничего по времени не носить, иначе получатся неприятности.

— Разумеется, — сказал заместитель директора по научной части.

— Не может быть, — сказал директор, — чтобы вы сами, Воскобоев, не приняли мер. Я не верю.

Воскобоев печально улыбнулся.

— Они сами сказали, — ответил он. — Они мне там сказали, что вы обязательно будете требовать доказательств.

— И что?

— Они сказали, что вы умрете шестого октября.

Директор побледнел и ничего не сказал.

Его заместитель вскочил с кресла и воскликнул:

— Ну это уж ни на что не похоже! Это недопустимо. Это сведение личных счетов.

— Я бы и рад промолчать, — сказал Воскобоев.

— Но истина дороже, — закончил эту фразу директор.

Врач, который держал хрононавта за руку, щупая пульс, неожиданно вмешался в разговор и спросил:

— А какова причина смерти?

— Не сказали, — развел руками Воскобоев. — Поймите же, мне самому неприятно. Может, они пошутили?

— Нет, — криво усмехнулся директор. — Это самое лучшее доказательство. Значит, осталось три недели?

— Три недели, — согласился Воскобоев.

— Это лучший подарок, который вы мне могли сделать, — сказал директор.

Всем было не по себе.

Директор просил не распространять эту новость по институту, но, разумеется, через полчаса об этом знали все, вплоть до вахтера. Одни воспринимали новость как доказательство путешествия во времени, но большинство было убеждено, что Воскобоев нехорошо пошутил.

За последующие три недели было проведено еще шестьдесят две попытки отправиться в будущее. Все провалились.

Воскобоев ходил подавленный, но от своих слов не отказывался. Общественное мнение в институте осуждало хрононавта. Никто практически ему не верил. Директор вызвал его к себе и еще раз расспросил. Воскобоев сказал:

— Как честный человек, я не могу изменить показаний. Хотя мне хочется, чтобы вы жили и получили Нобелевскую премию.

— Истина дороже, — ответил директор. — Я согласен умереть. Пускай мне ее вручат посмертно.

Директор жил в доме на территории института. Он был одиноким человеком, потому что всю жизнь трудился ради машины времени и ему некогда было обзавестись семьей. Вечером шестого октября никто не ушел домой. Сотрудники института толпились в саду вокруг дома и делали вид, что они оказались там случайно. Несколько друзей и ближайших помощников директора собрались у него, пили чай, делали вид, что ничего не происходит. Директор отдавал распоряжения своему заместителю на случай его, как он выразился, отсутствия, а тот записывал указания.

Где-то часов в одиннадцать вечера, когда сотрудники начали расходиться по домам, чувствуя себя одураченными, к директору ворвался Воскобоев.

— Есть выход! — закричал он. — Мы вас сейчас же отправим в будущее. Там вас вылечат.

— Я не болен, — ответил директор. — И готов пожертвовать собой ради большой цели.

Он обернулся к заместителю и продолжал давать указания.

Вскоре пробило двенадцать часов.

С последним ударом все присутствующие в комнате осуждающе посмотрели на Воскобоева.

Тот растерянно развел руками.

А директор вдруг улыбнулся и сказал:

— А неплохо, что обошлось. Я уж поверил...

— А истина? — спросил Воскобоев. — Разве она не дороже?

— Истина... — сказал директор, схватился за грудь и умер. Сердце не выдержало ожидания смерти.

Когда все поняли, что директора не спасти, то накинулись на Воскобоева, считая, что тот перегрузил нервную систему директора и убил его.

Институт чуть было не закрыли.

Воскобоев перешел на другую работу.

Путешествия во времени удалось стабилизировать только через полтора года, уже при другом директоре. И тогда выяснилось, что Воскобоев не лгал. Но удивительно другое: доверия к себе он не вернул. И на торжественную церемонию по поводу присуждения дирек-

тору Нобелевской премии его даже не пригласили. Хотя он был первым в мире хрононавтом.

Существует мнение, что, промолчи Воскобоев, директор бы прожил еще много лет.

ЕДИНАЯ ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Настоящие записки относятся к последнему году жизни Леонида Ильича Брежнева. В то время их публикация была совершенно исключена: система гробового умолчания и всеобщей добровольной амнезии работала без сбоев. Половина Красноярской области могла провалиться под землю, но, если там не оказалось случайного интуриста, мы эту новость игнорировали. Об ашхабадском землетрясении я узнал через двадцать лет после гибели города, а об афганской войне — только с началом вывода наших войск. Раньше я полагал, что мы оказываем там бескорыстную помощь продовольствием и товарами ширпотреба.

Не знаю, что заставило меня зафиксировать на бумаге обстоятельства Великого голосования. Возможно, предчувствие кончины Генерального секретаря.

Я видел Кабину собственными глазами. В конце октября она спустилась на берегу Москвы-реки возле Звенигорода, на территории академического пансионата. Опустилась на рассвете, без фанфар и фейерверков, между оранжереей, где выращивают розы и гвоздики для дружественных организаций, и спуском к лодочной пристани.

Кабина выглядела скромно и была похожа на цельнометаллический гараж. Ее крыша светилась, а стены были матовыми. Дверь закрыта.

Когда директор пансионата, разбуженный садовником, подошел к Кабине, он счел ее чьим-то хулиганством, постарался открыть дверь, но не смог.

Пока ждали вызванную милицию, Кабина начала вещать.

Она вещала, а мы, отдыхающие, окружили ее тесным кольцом.

Голос Кабины был глубоким, низким, без акцента.

«Жители Советского Союза, — говорила Кабина. — Мы, психологи Великого содружества галактических цивилизаций, проводим эксперимент, в котором просим вас принять участие. Наша цель — установить, кто из покинувших мир живых самый любимый и популярный человек в вашей стране. Через три дня, в двенадцать часов по московскому времени, все жители СССР услышат сигнал. Услышав, они должны мысленно произнести имя любимого человека. То лицо, которое наберет наибольшее количество пожеланий, оживет внутри

этой кабины таким, каким оно было в момент кончины, но здоровым и жизнеспособным. Думайте, дорогие братья и сестры».

Голос Кабины был слышен не только на территории пансионата. Странным образом он звучал во всех уголках страны, в ушах каждого из многих миллионов моих сограждан.

— Провокация, — сказал директор пансионата.

Это была первая реакция на объявление. Остальные слушатели молчали. В тот момент еще никто не знал, что Кабина говорила для всего народа. Мы думали, что это объявление касается только нас. А так как в инопланетных пришельцев верить не принято, хоть и очень хочется, люди вокруг меня принялись недоверчиво и неуверенно улыбаться.

Примерно через полчаса на территорию пансионата приехали несколько военных грузовиков и три черные «Волги». Поляну вокруг Кабины оцепили войска КГБ, а обитателей пансионата вывезли в Москву на специальных автобусах, где каждого допрашивали раздельно. Никаких дурных последствий для свидетелей не было, не считая того, что меня не пустили в туристическую поездку в Болгарию.

На следующее утро, по получении отчета от генерал-лейтенанта Колядкина, Политбюро ЦК КПСС собралось на заседание.

Председательствовал Леонид Ильич Брежнев, тогда еще живой.

Сначала выступал генерал-лейтенант Колядкин, который доложил, что Кабина замкнута, проникновение внутрь пока не осуществлено, хотя работает специальная группа. Материал изготовления на анализ не взят ввиду особой твердости. Начались работы по подкопу.

— Значит, ничего не сделали? — спросил Брежнев, обернувшись к Андропову, который уже не работал в КГБ, но Леонид Ильич об этом забыл.

— Спешка только повредит, — сказал Андропов. — У нас еще три дня.

— Что сообщают из Соединенных Штатов Америки? — спросил Брежнев.

— Добрынин телефонирует, — сказал министр иностранных дел Громыко, — что в США случился такой же феномен. Возле Нью-Джерси. Там обстановка массового психоза.

— Не исключена провокация, — сказал Черненко. — Они это умеют — кричат: держи вора! А сами воры.

— Важное замечание сделал Константин Устинович, — задумчиво сказал Брежнев. — Кто еще скажет?

— Есть информация из Пекина, — пожевав губами, сказал Громыко.

— Неужели у них тоже? — удивился Пельше.

— Официальных сообщений нет, но текст уловлен переводчиками нашего посольства. Содержание то же самое.

— Не исключена провокация, — сказал Устинов. — Предлагаю мобилизацию западных и Забайкальского военных округов.

— А что говорят наши ученые? — спросил Брежнев.

Ученых на Политбюро не пригласили. За них ответил Андропов:

— Я запросил информацию в Академии наук. Они относятся скептически. Утверждают, что в космосе жизни нет.

— Тогда продолжайте исследования, — сказал Брежнев. — А мы перейдем к другим делам. Я хотел бы, товарищи, сообщить вам о моих переговорах с товарищем Машелом, который, как вы знаете, является руководителем Республики Мозамбик.

Политбюро перешло к насущным делам, но углубиться в них не смогло, потому что через полчаса каждый из членов Политбюро, как и каждый гражданин СССР, услышал повторное объявление Кабины.

Члены Политбюро в молчании выслушали объявление.

Потом Брежнев сказал:

— Звукоизоляция в этом помещении ниже всякой критики.

— Примем меры, — сказал Черненко.

— Поздно, — сказал Брежнев. — Если мы слышим сюда, то кое-кто мог услышать нас отсюда.

— Очень точное замечание, — сказал Черненко.

Все помолчали. Потом Долгих осмелился прервать молчание:

— Есть сообщение из Новосибирска. Там тоже слышали.

— А что, если это не провокация? — Брежнев медленно обвел глазами своих соратников.

— Не исключено, — первым поддержал Генерального Андропов, — что мы должны реагировать.

Решено было объявить перерыв на обед и лечебные процедуры.

После этого собраться вновь.

В эти минуты я ехал в Москву автобусом с затянутыми шторками окнами. Рядом со мной сидел профессор Евстигнеев из Института ихтиологии.

— Что вы об этом думаете? — спросил я.

Профессор был задумчив, очки съехали на кончик носа, словно норовили прыгнуть в верхний карман пиджака. От профессора пахло пылью и луком. Он был так похож на профессора, что было ясно — в науке он ноль. Науку двигают лишь те, которые на профессоров не похожи.

— У меня умерла жена, — сказал профессор и попытался отодвинуть пальцем шторку с окна, будто сомневался, в Москву ли нас везут.

— Гражданин, — окликнул его сзади лейтенант, — выглядывать не положено.

— Я вам сочувствую, — сказал я профессору.

— А вдруг это шанс вернуть ее?

Я поглядел на него с удивлением. Профессор, оказывается, поверил в силу Кабины.

— Я понимаю, — сказал профессор. — Каждый будет желать своего.

— Тогда у вас мало шансов, — улыбнулся я.

— Шансы есть, — сказал профессор. — Каждый человек, даже если не поверит, пожелает возрождения кого-то близкого. Каждый своего. А у меня есть некоторые сбережения.

— И что?

— Вот вы лично задумали, кого бы вам хотелось оживить?

Тут я понял, что не задумал.

— Может, Пушкина? — спросил я.

— Вы не женаты? Впрочем, вы еще молоды.

— Нет, я не женат.

— Если бы я предложил вам... — Профессор подхватил очки, которые ринулись вниз. — Скажем, пятьдесят рублей и сообщил имя моей жены. Ведь вам нужны деньги?

— Я бы сделал это и бесплатно, — сказал я. — Но шансов у вас — ноль.

— На книжке у меня четыре тысячи триста, — сказал профессор шепотом, приложив губы к моему уху.

— Разговорчики отставить! — сказал лейтенант сзади.

— А если я наберу двадцать человек? — сказал профессор быстро и отодвинулся. Глаз у него был птичий и пустой.

— Мне надо подумать, — сказал я.

— Шестьдесят рублей? — спросил профессор. — Больше я не могу.

— А если я возьму деньги и потом нечаянно подумаю о ком-то другом?

— Я не так наивен, — сказал профессор. — Вы мне дадите расписку, что обязуетесь думать только о моей покойной супруге.

Идея профессора была наивной. Он того не знал, что в Пушкинском музее на Кропоткинской уже шло заседание комиссии, которая единогласно приняла постановление возродить Александра Сергеевича Пушкина.

В эти же минуты большая толпа шумела, даже плясала вокруг музея Сталина в Гори. Многие были убеждены, что скоро настоящий вождь вернется к жизни и наведет порядок в этой дурной стране.

...Политбюро собралось вновь после обеда. Руководители государства были сыты, но взволнованны. Предстояли исторические решения.

— Сначала, — сказал Леонид Ильич, — выслушаем сообщения из-за рубежа. Прошу вас, Андрей Андреевич.

Громыко пожевал губами и сказал:

— Вкратце. В США царит анархия. Телевидение проводит опросы общественного мнения. Начались бурные демонстрации.

— Минутку. — Брежнев жестом остановил оратора и обратился к Щелокову, которого специально пригласили на Политбюро. — Усильте московскую милицию, — сказал Брежнев. — Поднимите академию, милицейские училища. Вы знаете, не мне вас учить. В столице должен быть порядок.

— Уже сделано, — позволил себе улыбнуться Щелоков.

— Чего хотят реакционные круги? — спросил Брежнев у Громыко. — И за что выступает прогрессивная общественность?

— Как всегда, картина противоречивая, — сказал Громыко. — Прогрессивная общественность на юге страны выступает за оживление негритянского лидера Мартина Лютера Кинга.

Брежнев подумал. Потом сказал:

— Помню товарища Мартина Лютера. Он много сделал для дела мира. На чем настаивает монополистический капитал?

— Обстановка полного раскола, — сказал Громыко. — У меня есть сводочка по процентам. На тринадцать ноль-ноль. На первом месте идет Линкольн.

— Как же, — сказал Брежнев, — знаю товарища Линкольна. Прогрессивный государственный деятель. Что в Китайской Народной Республике? Это нам не безразлично.

— Пекинское радио объявило о предстоящем возрождении Мао Цзэдуна. Указывается, что это возрождение обеспечено мудрым предвидением лично товарища Мао.

— Маловероятно, — сказал Брежнев.

— Я думаю, что это дымовая завеса, — вмешался Кузнецов. — Влиятельные силы в КНР этого не допустят.

— Почему? — Брежнев ткнул карандашом в грудь Кузнецову. Заинтересовался.

— Там головы полетят. Все равно как если бы мы Сталина возродили. — Кузнецов помнил времена культа личности.

Он осекся от ощущения вакуума. Тишина наступила в комнате такая, словно все перестали дышать.

Молчали целую минуту. Смотрели на Брежнева.

— Нетактичность вы допустили, товарищ Кузнецов, — произнес наконец Брежнев. — Не ожидали мы ее от вас, пожилого человека. Ни на минуту коммунист не должен забывать, что у нас есть великий покойный вождь Владимир Ильич Ленин.

— Я же не призываю, — сказал Кузнецов, и его щеки пошли красными старческими пятнами. — Я хотел предложить именно Ильича.

— Если, — сказал Черненко, — все это не провокация.

— Вот именно, — поддержал его Брежнев. — А чья провокация, вы установили?

— Мало шансов, — сказал Андропов. — Хотя в данной ситуации я бы предпочел, чтобы это была провокация.

— Не понял, — вздохнул Брежнев.

— Если провокация, то кончится ничем. Если это не провокация, а, скажем, провокация в галактическом масштабе, то мы обязаны взять это событие под контроль и обеспечить, чтобы народ единогласно пожелал именно того кандидата, которого изберет Политбюро. И мы должны принять соответствующее решение. — Голос Андропова звучал тихо, но твердо и угрожающе. Он стал похож на Берию, и, хотя сходство было только внешним, Брежнев внутренне поежился.

— Какое решение? — услышал Брежнев собственный глухой, запинающийся голос и понял, что голос выдал его: не ему задавать вопросы. Ему принимать решения.

— Но вы же сами указали! — удивился Андропов.

— У человечества был только один гений, — сказал Черненко. — И Владимир Ильич нам нужен, правильно, Леонид Ильич?

Но Брежнев молчал. Никак не ответил Черненко, ни словом, ни жестом. Потому что на него снизошло понимание... Это была провокация. Это была гигантская, вселенская, может, даже галактическая провокация, направленная как лично против него, Генерального секретаря, так и против Советской державы в целом.

Устинов, не угадавший еще хода мыслей Генерального, подлил масла в огонь.

— По низовым коллективам, — сказал он, — и в некоторых воинских частях стихийно проходят собрания под лозунгом «Ленин с нами! Ленин вечно жив!». Предлагаю в этой обстановке поддержать начинание масс.

Раздались аплодисменты.

Брежнев молча поднялся и пошел к выходу.

От двери навстречу метнулись охранник и врач. Думали, что Генеральному потребуется реанимация. Но тот прошел мимо.

Меня отпустили домой под утро. Я возражал, говорил, что метро еще не ходит.

— На такси у вас найдется, — сказал мне майор, который снимал последний допрос. Он знал о содержимом моего бумажника.

Такси я не поймал. Шел пешком. Рассвет был ясным, но холодным. Последние листья лежали на мостовой.

Город жил странно. Словно началась Олимпиада. На каждом углу стояли милиционеры. По двое, по трое.

Возле райкома партии толклись, мерзли, переминались с ноги на ногу несколько пенсионеров унылого, но целеустремленного вида. Цепь милиционеров отделяла их от дверей райкома.

Когда я проходил мимо, один из пенсионеров в глухом черном пиджаке, увешанном значками дивизионных и армейских юбилеев, поднял костлявый кулак и тихонько воскликнул:

— Ленин вечно жив!

Милиционеры молчали.

Разумеется, понял я, возрождать будем Ильича.

У памятника Пушкину на Пушкинской площади, несмотря на ранний час, бабушки укладывали венок из живых астр.

Тогда-то, проникая в сознание каждому, снова возник голос Кабины. Текст был идентичен вчерашнему. Старушки распрямились, и одна громко крикнула:

— До встречи, наш гений!

Милиционер стал вежливо подталкивать бабушек к входу в метро.

Пожалуй, подумал я, стоило взять полсотни у профессора. Все равно его дело труба.

Политбюро собралось с утра.

Щелоков доложил о внутренней обстановке. Затем выслушали доклад Комитета государственной безопасности. Обстановка в стране была в целом спокойной, на местах ждали решений центра. Даже требовали решений, опасались упустить инициативу. В некоторых областях, предугадывая решение Политбюро, были приняты резолюции «Возвратим Ильича народу». Брежнев молчал. Затем Громыко зачитал телеграмму от левого крыла Лихтенштейнской партии труда, в которой, в частности, говорилось: «Надеемся, дорогой Леонид Ильич, увидеть Вас на трибуне Мавзолея в день парада в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции рядом с Владимиром Ильичем Лениным, продолжателем дела которого Вы являетесь».

Брежнев открыл рот. Все ждали, что он скажет. Брежнев спросил:

— «Вы» там с большой буквы?

— Здесь все с большой буквы, Леонид Ильич, — ответил Черненко, опередив Громыко.

Еще помолчали. Надо было что-то предпринимать. Положение было куда более сложным, чем казалось на первый взгляд. Первое решение, столь единодушно поддержанное вчера, после ночных размышлений оказалось далеко не идеальным.

— Тут товарищи из Люксембурга... — начал Брежнев.

— Из Лихтенштейна, — нетактично поправил его Громыко, и Брежнев подумал, что Громыко слишком очевидно прочит себя в наследники. Но Андропов не пустит. Нет, не пустит. Брежнев, рассуждая так, не имел в виду собственную смерть — она была за пределами разумного. Но это не мешало рассуждать о наследнике.

— Тут товарищи из Люксембурга, — продолжал Брежнев, — выставляют меня на Мавзолей рядом с Ильичем. Нетактично это.

Андропов старался не улыбнуться. Но воображение предательски и явственно рисовало картинку — двое рядом. Один в кепке, другой в шляпе. Эта картинка была недопустима.

— А кто же будет в Мавзолее лежать? — спросил вдруг Кунаев. Вопрос был диким, именно такого можно было ждать от представителя среднеазиатской республики.

— В Мавзолее, — сказал тихо и твердо Андропов, который уже все просчитал и понял, — будет лежать Владимир Ильич Ленин.

— А на трибуне? — не понял Кунаев.

— На трибуне будет Леонид Ильич и, если обстоятельства не изменятся, вы тоже.

Поднялся одобрительный шумок. Все поняли, что Ильича возрождать не время. Черненко хотел сказать небольшую речь по этому поводу, но Кузнецов тихо положил руку ему на локоть, и Черненко осекся. Любые лишние слова в этой ситуации грозили бедой.

— Требуется выдвинуть альтернативный лозунг, — сказал Андропов. — По моим каналам сообщили, что китайское руководство будет стараться оживить Сунь Ятсена.

— Знаю товарища Сунь Ятсена, — сказал Брежнев миролюбиво. Самое страшное было позади. Он снова был среди единомышленников, помощников и соратников. — Он много сделал для китайской революции. Это классик китайской революции.

— Классик? — произнес вслух Долгих. — Именно классик!

— Только не Сталин! — воскликнул Устинов. — Я с ним работал.

— Позаботьтесь, пожалуйста, — сказал ему Брежнев, — чтобы в Грузии все было тихо. Там у вас какой округ? Закавказский?

— Товарищи выполнят свой долг, — сказал Устинов.

Вечером перед программой «Время» диктор, не скрывая торжественной дрожи и придыхания в голосе, сообщил о решении Политбюро и Совета Министров: «Завтра в двенадцать ноль-ноль по московскому времени каждый гражданин Советского Союза выполнит свой партийный и человеческий долг. Каждый пожелает, чтобы после долгого могильного сна очнулся и приступил к исполнению своих обязанностей перед прогрессивным человечеством ведущий классик марксизма-ленинизма Карл Маркс».

В этот момент, когда прозвучало это сообщение, я сидел у Элеоноры.

Элла готовила кофе. Красные брючки так туго и нагло обхватывали ее ягодицы, что я вдруг понял, почему она всегда находится в состоянии бравого сексуального возбуждения.

— Ты слышишь? — закричал я. — Они выбрали Маркса.

— Слышу, — сказала Элла спокойно. — Не глухая.

— Но почему не Ленина? Почему? Народ их не поймет.

— Зачем им Ленин? — искренне удивилась Элла. — Что они с ним будут делать? Отчет ему представят, как проорали его светлые идеи?

— Элла, заткнись! — сказал я. — Ты ничего не понимаешь в политике.

— А ты в жизни. Я бы на их месте сейчас же закопала его так глубоко, чтобы ни один пришелец не докопался.

— А Маркс?

— Тебе надо объяснять? Маркс даже по-русски не сечет. Они ему Институт марксизма-ленинизма отдадут, дачу в Барвихе. Ему сколько лет было, когда он помер?

— Много.

— Вот пускай и доживает на персоналке. А еще лучше — передадут в ГДР. Пускай там ликуют.

Элла была права, но тяжелое чувство несправедливости не оставляло меня. Все было не так, не ладно.

— Значит, в Америке будет Линкольн, у китайцев Мао, а нам немецкого классика?

— Голосов враждебных наслушался, — сказала Элла. — А они, как всегда, клевещут. Мы еще посмотрим, кто там у них возродится. А может, и никто. Если это блеф.

— Как так блеф?

— Космический блеф. Самый обыкновенный. Нас испытывают. Пей кофе и раздевайся. Мне сегодня в ночную выходить, забыл, что ли?

Элла — медсестра в психичке. Характер у нее жесткий.

Любовником я был в тот вечер никудышным. Элла была мною недовольна. Совсем не вовремя я спросил:

— А что, если они, то есть мы, пожелаем Ленина? Или Лермонтова?

— Ты можешь наконец не отвлекаться? — спросила Элла злым свистящим шепотом.

Потом, когда она одевалась, сказала:

— Пожелаете, как бы не так! Завтра же постановим. И даже репетиции проведем.

Она была права. Весь следующий день от края и до края бурлила наша страна.

Стихийные митинги были организованы на каждой фабрике, в каждом колхозе под лозунгами: «Маркс вечно жив!» Пионеры пели по радио написанную за ночь композитором Шаинским бодрую песню: «Том за томом «Капитал» Маркс нам снова написал!» с припевом: «Том девятый, том десятый дружно выучим, ребята!»

Нас тоже собрали.

Куприянов сказал, что творческое развитие марксизма получит мощный толчок, который позволит нам оставить далеко позади философские системы Запада. Новые веяния, отражающие заботу... и так далее. Представитель райкома прочел по бумажке закрытую разработку, в которой было самое главное. Там говорилось откровенно, что Политбюро и правительство внимательно изучили настоящий вопрос. Высказывалось мнение о возрождении к жизни всеми нами горячо любимого Владимира Ильича Ленина. Однако полученные по галактическим каналам сведения убедили партию и лично ее Генерального секретаря в том, что в случае удачного исхода первого возрождения Советскому Союзу будет предоставлено исключительное право повторить опыт. В свете этого и в глубоком убеждении, что партия не имеет права допустить малейший риск в отношении возрождения нашего Ильича, решено оживить вождя пролетариата только тогда, когда наука скажет со всей уверенностью, что это не причинит вреда его умственным способностям.

Не могу сказать, что я в это поверил, но многие поверили. Прямо не говорили, но давали понять, что в каждом новом деле возможна неудача. Неудача с Марксом — это беда. Неудача с Лениным — катастрофа.

Когда я шел с работы, памятник Пушкину был окружен цепью дружинников. Цветов перед ним не было. Музей Пушкина закрыли на учет. Ходили слухи, что в Гори произведены аресты. По улицам толпились люди, словно был праздник. Многие, особенно молодежь, шумели и игнорировали милицию. По Метростроевской длинной колонной шли танки.

До утра так и не погасли огни в зданиях КГБ на Лубянке. Черные «Волги» часто выскакивали с Дзержинской площади и, сделав визжащий круг вокруг монумента первому чекисту, неслись к Старой площади. Потом возвращались.

По настоянию врачей Брежнев провел ночь в реанимации. К нему был допущен только Андропов. Они коротали время за чаем. Вспоминали эпизоды войны. О завтрашнем дне не говорили. Андропов заверил Генерального, что все меры приняты.

На следующий день по всей стране население собиралось в актовых и конференц-залах.

Гремела музыка. Пенсионеров и детей организовали в детских садах и красных уголках домоуправлений. На улицах остались только милиционеры и дружинники.

Без десяти двенадцать Кабина в последний раз повторила свое объявление. Без пяти двенадцать заревели гудки всех заводов и фабрик. Начался отсчет времени.

Иностранных корреспондентов в Звенигород не пустили. Сам город и окрестные леса были окружены танками.

Политбюро и генералитет находились в бомбонепробиваемом бункере, выкопанном на месте оранжереи. Брежнев смотрел в сильную подзорную трубу на закрытую дверь.

Без одной минуты в стране наступила гробовая тишина. Лишь щелкал метроном.

Потом было шесть коротких гудков точного времени.

И все репродукторы Советского Союза одновременно произнесли:

— Мы хотим, чтобы основоположник марксизма Карл Маркс ожил!

— Мы хотим... чтобы основоположник...

— Мы хотим...

«Я хочу», — мысленно произнес Брежнев. И не смог ничего поделать. В его уставшем от заседаний и недосыпа мозгу возник образ покойной мамы. — Мама! — прошептал он.

Дверь в Кабину начала медленно отходить в сторону.

Андропов выхватил из рук офицера переносной пульт с кнопкой. Разумеется, он верил в единую волю своего народа, но на нем лежала ответственность.

Палец Андропова застыл над кнопкой.

В дверях кабины показался человек...

Андропов нажал на кнопку.

Раздался взрыв. Кабина приподнялась в воздух и, разваливаясь, рухнула на землю, погребая под собой певца Владимира Высоцкого. Его гитара отлетела в сторону и упала, почти целая, на жухлую осеннюю траву. Подкоп, сделанный заранее саперами Комитета и начиненный динамитом, исправил возможную ошибку. Прах певца Владимира Высоцкого захоронили во внутренней тюрьме КГБ.

Политбюро более не возвращалось к этому вопросу. Было лишь объявлено, что эксперимент закончился неудачей по техническим причинам за пределами Советского Союза.

Из китайской Кабины вышел Конфуций. Через месяц он умер от постоянного огорчения. В США Кабина подарила стране кинозвезду Мерилин Монро. Она жива до сих пор.

А мы все забыли.

ПОКАЗАНИЯ ОЛИ Н.

Меня зовут Ольгой. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе.

Об Огоньках я узнала в первый раз два года назад, когда по телевизору показывали первый из Огоньков, о них говорили раньше, но я не помню.

Я как сейчас вижу изображение на экране телевизора — белая капля, которая касается земли и дрожит. Обозреватель сказал, что это удивительное и еще не разгаданное природное явление. Вернее всего — следствие вулканической активности. Тогда это не произвело впечатления, может, потому, что Огонек был маленьким и разрушений не причинил.

В следующий раз об Огоньках говорили в передаче «Очевидное — невероятное». Оказалось, что Огоньков в той местности насчитывается несколько, а один из них стал причиной большого лесного пожара. Двое ученых, которые обсуждали эту проблему, высказывали соображения, что раз температура Огоньков очень велика — такой на Земле раньше не наблюдали, — значит, Огонек состоит из плазмы. Один из ученых говорил, что Огонек — шаровая молния, только стабильная, а другой уверял, что это природная ядерная реакция. Хотя радиации от него как будто нет.

Не могу сказать, когда Огоньки стали делом обыкновенным. Сначала о них только говорили по телевизору и в газетах, да еще на последней странице, где пишут о всяких курьезах. Потом стали говорить все чаще, потому что Огоньки оказались не такими уж безобидными. И главное — они стали появляться в разных концах Земли. Я помню, как меня поразили кадры на озере Чад. Из озера бил фонтан с паром, а внутри его подсвечивал Огонек — это было похоже на фонтан на Сельскохозяйственной выставке в Москве.

В июле приехала тетя Вера. Она живет в Перми. Рассказывала, что у них много разговоров об Огоньке, который нашли на колхозном поле. Там играли мальчишки, один из них подбежал слишком близко и обжегся. Этот Огонек оцепили войсками и всех из деревни выселили. Но в газетах тогда еще о наших Огоньках не писали.

В первый раз я испугалась, когда показывали большой Огонек в Риме. От него начался пожар — выгорело несколько кварталов. Представляете — вокруг черные балки, пепел, а посреди на пустыре спокойно горит Огонек.

В августе по телевизору показывали, как в Соединенных Штатах бомбили Огонек в пустыне Невада. Над пустыней стояли пыльные столбы, вспыхивали красные взрывы. А потом показали Огонек. Он переместился на дно воронки от бомбы и горел даже ярче, чем прежде. Будто нажрался взрывчатки.

В сентябре прошлого года было опубликовано сообщение Организации Объединенных Наций. И тогда всем стало известно, что в мире уже горит несколько сот Огоньков и с каждым днем число их увеличивается.

Ким, он учится со мной в одном классе, принес тогда домой памятку. Их распространяли во всех городах, там было написано, как

себя вести, если увидел неучтенный Огонек, и куда звонить. Там были инструкции — не приближаться, по возможности огородить это явление и следить, чтобы не произошло возгорания. Главное — ни в коем случае не принимать мер против Огонька.

Хотя уже наступила осень и Огоньки начали менять жизнь Земли, для нас, в поселке, они оставались иллюзией, как болезнь орор, — пишут, говорят, а нас не касается. Мы продолжали ходить в школу, и Сесе, это прозвище Сергея Сергеевича, все так же кидал свою папку на стол и говорил: «Здравствуйте, громадяне». Так как все время шли дожди, работать в поле было трудно. Дожди шли везде, и говорили, что виноваты в этом тоже Огоньки — те, что возникли на дне озер, рек и океанов. Они вызывали сильное испарение. Осенью Огоньков было уже так много, что мы почти не видели солнца.

Тогда, в поле, это и случилось.

Был ветер, дождь перестал, и нам не хотелось идти домой в сарай, где мы ночевали. Ребята разожгли костер, пекли картошку, немного пели. Потом пришли Ким с Селивановым, они ходили в магазин за водкой, но водки не достали. Я была рада, потому что уже видела раз Кима пьяным — отвратительное зрелище. А как он может не пить, если у него такие отец и младшие братья?

Даша Окунева начала спрашивать Сесе, что он думает об Огоньках, насколько это опасно. Сесе отвечал, что нельзя недооценивать эту опасность потому лишь, что естественнейшее желание человечества — спрятать голову в песок. Потом Сесе понял, что никто его не слушает, потому что не хотелось слушать о плохом. Я тогда подумала, что мы ведем себя так, будто говорим об ороре. Им болеют другие, и есть специальные люди, ученые, которые занимаются вакцинами и лекарствами. Они в конце концов обязательно догадаются и сделают что надо. А раз мы не можем помочь, так лучше не думать. Легче ведь не будет.

Ким тихо сказал мне, что нужно поговорить. Я знала, о чем он будет говорить. Все знали, что я ему нравлюсь. Я пошла с ним в сторону от костра. Он меня поцеловал, хотел, чтобы мы ушли в кусты, что на краю поля, но у меня не было настроения, а Селиванов стал кричать от костра, будто все видят. Я сказала:

— Не надо, Ким, пожалуйста. Совсем не такой день.

— А какой день? — спросил он. — Дождика-то нет.

Чтобы переменить тему, я спросила, как его мать. Клавдию Васильевну еще на той неделе увезли в Москву, в больницу, у нее подозревали орор.

— Ты не бойся, — сказал он, — я не заразный.

— Я не боюсь.

Мне стало его жалко, потому что многие избегали их дом. Можно сколько хочешь говорить, что орор незаразный, но люди боятся, потому что ведь как-то заражаются.

Я поцеловала Кима в щеку, чтобы он не подумал, что я такая же, как другие. Наверное, он понял. И пошел обратно к костру, ничего не говоря.

Мы стали есть печеную картошку. Даша Окунева сказала:

— Смотрите, к нам кто-то идет.

Она показала в сторону деревни — там загорелся фонарик, будто кто-то шел по полю.

Мы сидели на брезенте, Ким обнял меня за плечи. Мне было его жалко. Я держала его за пальцы, совсем холодные.

Фонарик не приближался. А горел совсем низко, у самой земли. Сесе вдруг поднялся и пошел туда.

Он прошел шагов сто, не больше. Оказалось, что фонарик горит недалеко — просто в темноте не разберешь.

Сесе остановился, сказал:

— Вот дождались.

Сказал негромко, но мы в этот момент молчали и услышали. Я сразу поняла, что он имеет в виду. И другие тоже.

Мы подошли к Огоньку.

Огонек, словно живой шарик, лежал на земле. Он был ослепительно белый, и жар от него чувствовался в нескольких шагах, хотя размером Огонек был не больше детского кулака.

Он был такой легкий, словно воздушный шарик, который прилег на землю, уставши летать, но мы знали, что у этих огоньков очень глубокие корни — тонкие плазменные нити, пронзающие землю на метры. Уже были случаи, когда такой корешок доставал до подземной воды и получался взрыв. Может взорваться что угодно, но Огонек останется тем же, несокрушимым, легким и даже веселым.

Летучая мышь пролетела низко над Огоньком, не сообразив, что это такое. Она исчезла, ярко вспыхнув.

Мы вернулись к нашему костру и затушили его. Картошку доедать не стали — никому не хотелось. Мы пошли к правлению, чтобы позвонить в Москву. Даша Окунева начала плакать. Холмик — лучший математик в школе, хороший мальчик, он мне в прошлом году нравился, пока я не стала ходить с Кимом, — говорил Даше, что ничего страшного не случилось. Уже сообщали, как успешно идут опыты по нейтрализации.

Мы не оборачивались и шли быстро.

В правлении прошли к председателю в кабинет. Председателя не было, его для нас позвали. Председатель был очень огорчен тем, что пропало неубранное поле. Приедут из Москвы, обнесут его колючей проволокой, будут делать опыты, топтать картошку. Теперь никого туда не загонишь убирать...

Председатель нас отпустил, но автобуса или грузовика в колхозе не нашлось, и мы пошли пешком, до станции было шесть километров. Моросил дождь. Мы сидели на влажных скамейках под навесом

у кассы. Середина сентября, а казалось, что вот-вот пойдет снег. Холмик разговаривал с Сесе, а я слушала. Ким с Селивановым исчезли — им сказали, что какая-то тетка у станции продает самогон.

За лесом, по ту сторону путей, пылало багровое зарево. Что-то горело. Зарево отражалось в очках Сесе и Холмика. Они казались мне марсианами, которые живут совсем иначе, чем обыкновенные люди. И еще я тогда подумала, может, совсем не к месту: пройдет десять лет, и если мы будем живы, то Сесе и Холмик сравняются. Сейчас между ними большая разница в десять лет, а тогда будет небольшая разница в десять лет. Тем более что оба очкарики.

— Почему мы должны все всегда понимать? — слышала я слова Сесе. — Обезьяна не знает, как работает двигатель внутреннего сгорания, но знает, что ее везут в машине. И ее обезьяньему мозгу не подняться до понимания.

— Но мы же люди, — говорил Холмик. — Мы учимся. Всему можно научиться.

Они разговаривали совсем как равные.

— Научиться с какой целью?

— Чтобы решить задачу, чтобы побороть препятствие.

— Я далек от мысли одушевлять природу, — сказал Сесе, — но я вижу определенную закономерность между нашими усилиями и ее реакцией на них. Пока человек был частью природы и подчинялся ее законам, антагонизма не было. Но стоило ему выделиться из нее, противопоставить себя природе, как началась война.

— Вы нас так не учили, — сказал Холмик, и мне показалось, что он улыбнулся.

— До некоторых вещей лучше доходить собственным умом.

— И вы видите в этом систему? — спросил Холмик.

— Скорее логику. Действие — противодействие. Когда-то давно люди перебили мамонтов. Жрать стало нечего. Но они выпутались — научились пахать землю. Заодно свели леса. Снова кризис. И снова люди выпутались. Последнее столетие мы называем техническим прогрессом. А для меня это — эскалация противостояния. Ты этого не помнишь, а мы учили всеобъемлющую формулу: «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их — вот наша задача». Не знаю, насколько искренен был Мичурин, когда пустил по свету этот страшный афоризм. Это лозунг грабителя.

— Я помню другой лозунг: «Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал Холмик.

— В применении к природе он неплохо действовал.

Из темноты надвинулся ослепительный глаз товарного поезда, пошли стучать мимо темные громады вагонов. Грохот поезда заглушил слова Сесе и Холмика. Я видела, как они сдвинули головы и кричат что-то друг другу.

— Любая система должна иметь средства защиты, — услышала я

голос Сесе, когда поезд наконец утих. — Мы двинулись в наступление, будто нашей целью было убить Землю. И наше наступление начало наталкиваться на проблемы, которые были рождены этим наступлением. Видится даже некоторая корреляция. Мы губим леса и реки, уничтожаем воздух, повышаем уровень радиации. Результат — вспышки новых болезней. Рак, СПИД, орор...

— Вы не правы, Сергей Сергеевич, — сказал Холмик. — Это не ответ природы, а наше действие. Мы воздух портим и сами им дышим.

— Ты упрощаешь.

Было очень тихо, и их слова были слышны всем. Все слушали, о чем они говорят.

— Возьми орор, — сказал Холмик. — Сначала его вирус бил исподтишка, выборочно, а потом мутировал. Рак — детские игрушки. Но вирус потому изменился, что его травили лекарствами, а он хотел выжить. Значит, это не природа, а только один вирус. Мы его сделали таким.

— А я думаю так, — сказал Сесе. — Мы бьем по природе, и чем сильнее бьем, тем сильнее отдача. Пока мы не угрожали самому существованию биосферы, а лишь вредили, так и ответные шаги системы были умеренными. Они не угрожали нам как виду. От рака умирают выборочно и чаще к старости. Но как только мы перешли критическую точку, то и меры стали кардинальными.

— Вы имеете в виду Огоньки? Тогда я тоже не согласен.

Кто-то в полутьме хихикнул. Холмик обожает спорить.

— Почему?

— Потому, что Огоньки угрожают не людям, а всему живому.

— Не знаю, — сказал Сесе. — Когда система лишена разума, сопротивляется системе, претендующей на обладание разумом, действия ее непредсказуемы.

— А вот идут две системы, обладающие разумом, — сказал Карен.

По платформе шли Ким и Селиванов. Они шли, упершись плечами друг в друга, изображали пьяных. Я сразу поняла, что им ничего не удалось отыскать. И Сесе тоже обрадовался. Я почувствовала, как с него спало напряжение. Я очень хорошо чувствую людей. Селиванов начал говорить нарочно пьяным голосом, кто-то из мальчиков спросил, чего же они не позаботились о друзьях, а Селиванов сказал, что на вынос не дают. Сесе вдруг озлился и потребовал, чтобы Селиванов перестал говорить глупости.

— Все равно сгорим, — сказал Ким. — Трезвые, пьяные — все равно. Все глупо.

Тут пришла электричка. Она была почти пустая. Мы сели тесно, чтобы согреться — в электричке было холодно и полутемно. В последние недели электричество экономили, некоторые электрички

сняли, на улицах горели лишь редкие фонари, а днем в домах отключали свет.

Огонек возле нашего поселка появился в конце октября. Даже странно, что не раньше. Холмик говорил в классе: «Какая-то дискриминация».

Он предпочитал шутить об Огоньках. Это делали многие, у них защитная реакция. Потому что люди ко всему привыкают. Даже к Огонькам. Никто их уже не считал. Загорался новый — сообщали куда следует, потом приезжала команда, обносила место проволокой, ставила стандартную предупредительную надпись, хотя и без нее никто к Огоньку не подойдет. И уезжала. А вы продолжали жить. Как прежде. Потому что сами по себе Огоньки никому не вредили. Не Огонек ухудшал нашу жизнь, а то, что с ним было связано.

У Кима умерла мать, но ее не привозили хоронить — ороров хоронят при больнице. Ким с отцом ездили туда. Раньше Ким сидел на парте с Селивановым, но когда стало известно, что мать Кима умерла от орора, Селиванов отсел от него. Я подумала тогда, что мне надо совершить поступок и сесть рядом с Кимом. Но я не села. Не хотела, чтобы кто-то подумал, будто я навязываюсь.

В конце октября объявили, что в этом сезоне школу не будут топить и потому с морозами занятия прекращаются. Это было крушением. Наверное, в Москве или в Париже люди больше знают и говорят об Огоньках. А у нас это не так заметно. Конечно, свет на улицах не горит, но у нас он всегда горел плохо. И в магазинах совсем плохо с продуктами, даже с хлебом перебои. Но нас ведь никогда хорошо не снабжали. И дожди идут, и яблоки не созрели. Но картошку все-таки собрали. Люди скупали в магазинах соль и спички. Мать тогда сказала: «Как будто война». Я не поняла, а она пояснила: «В России, когда грозит война, всегда скупают соль и спички». Но войны никакой не было. То есть война продолжалась — на Ближнем Востоке, в Африке, а у нас войны не было. Но когда Сесе пришел в класс и сказал: «Ребята, занятия на неопределенное время отменяются», мы сначала обрадовались — не поняли, что это обозначает. Даша спросила: «А как же я в институт попаду?» Но еще глупее была реакция Карена. Он как закричит: «Да что вы! Если мы в этом году десятый класс не кончим, я в армию загремлю!» Кто-то сказал: давай будем рубить дрова. Сначала раздались голоса в поддержку, но потом Холмик напомнил, что у нас в школе батареи центрального отопления — не ставить же буржуйки в классах, как в революцию. Сесе старался быть спокойным и даже оптимистичным. Он объяснил, что перерыв только до весны. Как потеплеет, уроки возобновятся. Сказал, что мы будем заниматься самостоятельно по программе, которую он даст индивидуально, что можно ходить к нему домой на консультацию. Он так горячо говорил, что мы поняли — школа для нас кончилась.

Ким пошел из школы со мной. По улице мело. Мы прошли мимо

нашего Огонька. За последние дни он подрос, стал с футбольный мяч, жар чувствовался уже в десяти шагах, воздух стремился к Огоньку.

Ким дошел до моего подъезда. Наш дом двухэтажный, барачного типа, остался еще с первых пятилеток. Мне было холодно. Ким хотел сказать что-то важное. Поэтому закурил. Потом сказал:

— Оль, выходи за меня замуж.

Это было совсем неумно. Бред какой-то.

— Ты что? — сказала я. — Я об этом совсем не думала.

— Я серьезно говорю, — сказал Ким. — Если ты боишься орора, я тебе даю слово, что нам всем — отцу, братьям и мне — в Москве делали анализ, мы не носители.

— Я не о том.

— А о чем?

— Мне шестнадцать. Недавно исполнилось. Тебе тоже. Я понимаю, если бы тебе было двадцать, ну хотя бы восемнадцать. Люди никогда не женятся в нашем возрасте.

Я, наверное, говорила очень серьезно, как учительница, и он рассмеялся.

— Ты дура, — сказал он. — Люди не женятся, а мы поженимся.

— Ты мне очень нравишься, — сказала я. — Честное слово. Но давай поговорим об этом через два года.

— Через два года будет не с кем говорить, — сказал Ким. — Потому что мы с тобой будем мертвые.

— Не говори глупостей.

— Ты это тоже знаешь. И трусишь. А я тебе говорю — пускай у нас будет счастье.

— Это не счастье, — сказал я. — Это не счастье — делать то, чего мы не хотим.

— Я хочу.

— Ты глупый мальчишка, — сказала я. — Ты струсил.

— Я не струсил. Я лучше тебя все понимаю. Мать умерла при мне.

— При чем тут это?

— Это все вместе, — сказал он. — Земле надоело нас терпеть. Почему ты хочешь подохнуть просто так, даже не взяв, что успеешь?

— Ты думаешь, если плохо, то все можно?

— Завтра об этом догадаются все. И законов больше не будет.

— Пир во время чумы? — спросила я.

— Конечно. Ты подумай. Завтра я спрошу.

— Уходи, — сказала я. — Мне неприятно.

— Законов не будет, — усмехнулся он. — Только сила.

— И где ты этого наслушался? — возмутилась я.

Тогда Ким ушел.

Я смотрела ему вслед — такой обыкновенный мальчишка. Хорошенький, чернявый, на гитаре играет, в авиамодельном кружке занимался. И мне стало очень страшно, потому что он сказал про силу.

Может, это был детский страх, а может — женский. Еще вчера у меня было место, где собирались такие же люди, как я, — школа. И был порядок. Школы нет, а Ким в один день стал не мальчиком. Или я не заметила раньше?

Я не пошла домой. Был день, светло. Только холодно.

Я поднялась по Узкой улице, мне захотелось посмотреть на наш поселок сверху. Дверь в церковь была открыта, и перед ней много людей. Внутри пели. Я никогда не видела столько людей у церкви. А внутрь даже не войдешь. Я вдруг подумала: сейчас по всей Земле люди куда-то идут, только не сидеть дома. Одни — в церковь, другие в мечеть, третьи — в райком, потому что хочется найти защитника.

Я вышла на обрыв. Река рано замерзла, и по ней неслась снежная пыль. Ветер был ужасный. Я вдруг посмотрела вверх и подумала: почему все говорят про летающие тарелочки? Вроде бы их видели. Почему они не прилетают? Именно сейчас они должны прилететь и помочь. Надо бы сказать маме про Кима — может, это смешно? Но потом поняла, что мама страшно испугается. Она каждый день приносит с работы разные истории — про самоубийства, про грабежи. На станции я сама видела военные патрули — никогда еще не было военных патрулей на тихой пригородной станции.

Я не знаю, почему стало так плохо с энергией — это было во всем мире. Но вечерами телевизор еще работал. Через несколько дней после того, как закрылась школа, я увидела по телевизору съемку Земли со спутника — не помню, как называлась передача. Мама тоже была дома, еле живая после дежурства. Она рассказывала, как в больнице делают железные печки. Им привезли дрова — некоторые предприятия закрыты, и все рабочие рубят лес, чтобы не замерзли города. Мы сидели дома и смотрели на Землю сверху. И тогда я поняла, как плохи наши дела. Огоньков на Земле было много тысяч. Они горели точками по всей суше, только неравномерно — в некоторых местах пылали впритык друг к дружке, в других, например в тундре, их куда меньше. Всего их было столько, словно какой-то злодей истыкал иголкой полотно Земли.

Мы с мамой знали, что Огоньки не только плодятся, но и растут.

Мама сказала:

— Еще совсем немного, и они соединятся.

— И тогда будет новое Солнце, — сказала я.

А диктор говорил, какие общие исследования ведут ученые разных стран. Потом — об энергетическом голоде и изменении климата на всей Земле из-за того, что количество кислорода в атмосфере уменьшилось и происходит интенсивное испарение. Поэтому облачный слой почти непроницаем для солнечных лучей и растения не получают света и тепла. Произошло резкое похолодание, и надо ждать сильных бурь. Потом нас призывали к спокойствию и порядку.

Я почти перестала спать. Я видела, что случилось, когда новый

Огонек проснулся под домом у станции. Дым был до самых облаков — весь дом сгорел, даже не все успели убежать. И мне начало казаться, что если я засну, то под нашим домом тоже появится Огонек и я не успею убежать.

Потом налетела первая из больших бурь. Она началась ливнем. Ливень сожрал снег, на реке появились полыньи. Ливень не прекращался, а ветер становился все сильнее. С некоторых домов сорвало крыши. Мать оставалась в больнице — их перевели на казарменное положение. Бензин выдавали только «Скорой помощи» и милиции.

Я как-то пробралась к маме — очень проголодалась. Дома все кончилось, я думала, у мамы должна быть какая-то еда. Больные лежали в коридорах и в холле. Некоторые просто на полу. Мать вынесла мне тарелку супа, и я съела его, сидя у горячей печки. Мама была совсем худая, глаза красные, она сказала, что у них больше всего сердечников и астматиков — люди умирают от перепадов давления и недостатка кислорода. Еще там было много покалеченных и даже с огнестрельными ранами — мама шептала мне про то, как милиция сражалась с бандой грабителей и было много убитых и раненых. Она велела мне переехать в больницу — тут спокойнее, а дома опасно. К тому же в больнице не хватает санитарок, от меня будет польза. Потом она рассказала, что возле госпиталя был Огонек, но он погас — это было так странно, что приезжала комиссия из Москвы. Они ничего не нашли, даже следов Огонька.

Когда буря немного улеглась, я пошла домой, чтобы собрать вещи, и встретила Холмика. Я его давно не видела. Холмик сказал, что он в дружине — собирают в магазинах и на складах продукты и теплые вещи, свозят в стационарные склады, потому что их охраняют солдаты.

— Каждый должен делать полезное.

Мы с ним стояли совсем близко от Огонька, что горит во дворе дома. Я к этому Огоньку привыкла. И каждый день смотрела, как он понемножку растет.

Холмик был возбужден, ему казалось, что он делает что-то нужное. А я, насмотревшись на больных, сказала ему со злостью:

— Ты хочешь, чтобы мы умерли на неделю позже?

— Я хочу, чтобы не умирали.

— У тебя есть надежда?

Я спросила, потому что хотела, чтобы меня кто-нибудь успокоил.

— Да, — сказал Холмик. — Потому что Земля больна оспой. А каждая болезнь проходит.

— Это ты сейчас придумал?

— Это только образ.

Мы отошли под стену, где меньше дуло. Я спросила, кого из наших он видит. Холмик сказал, что с ним в дружине Селиванов. Я удивилась, потому что Селиванов тупой и бездельник.

— Люди меняются, — сказал Холмик. Потом подумал и добавил: — У нас тоже не все ангелы. Некоторые берут для себя.

Но не стал объяснять, относилось это к Селиванову или нет. И еще сказал:

— Вчера вечером расстреляли трех мародеров. Только я не пошел смотреть.

— А Кима не видел?

— Нет. Селиванов говорил, что он уехал в Москву.

— Спасибо.

— Ты за что благодаришь?

— Неважно. А как Сесе?

— Ничего, — сказал Холмик, но так сказал, что я сразу же стала настаивать: что случилось?

— Он болеет, — сказал Холмик.

— Чем болеет?

— У него орор.

— Не может быть!

— Почему?

— Ты сам видел, сам?

Я поняла, что все могут умереть или заболеть, а Сесе не может, не должен, потому что это несправедливо!

— Да, — сказал Холмик. — Я его видел.

— Он в Москве? В больнице?

— Нет. Он дома.

— Почему?

— В Москве больницы переполнены. Ты не представляешь, что там делается. Теперь у кого орор, остаются дома.

— Я скажу маме — его возьмут к нам в больницу.

— Не возьмут. И он сам не согласится. Он же понимает.

— Что здесь можно понимать?

— То, что в больницах еле справляются с теми, кому можно помочь. Ороpным помочь нельзя, ты же знаешь!

— Но ведь говорили про сыворотку!

— Оля, я пошел, ладно? Некому сейчас делать сыворотку.

Он убежал, а я пошла домой. Я думала, что надо навестить Сесе. Кто за ним ухаживает? Ведь он жил один, рядом со школой.

Я вернулась к Огоньку. Он был такой же, как вчера. Ведь он живой или почти живой. Он растет. Он хочет всех нас убить. Или он не знает, что убивает? Между мной и Огоньком был железный столбик — его поставили, когда огораживали Огонек. Если стоять, прижавшись щекой к углу дома, то край Огонька касается столбика. Коснулся, мигнул, отодвинулся. Снова коснулся... Уйди, говорила я ему, пожалуйста, уйди... Долго смотреть на Огонек нельзя — болят глаза. Оспа Земли, повторяла я про себя. Оспа, которая может покрыть всю кожу, и тогда больной сгорит. И это случится очень быстро. Если бы

я знала, что я сейчас умру, но мама будет жить, и Холмик будет жить, и Дашка, — это было бы плохо, но не так страшно, честное слово. Но если я знаю, что вместе со мной умрут все, даже самые маленькие ребятишки, и вместо всех домов и церквей, музеев и заводов будет только огонь, — это страх непереносимый.

И у меня в сердце была такая боль, что я забыла о Сесе. Холодно-холодно и тошнит.

У самого дома меня вырвало. Может быть, потому, что я долго не ела, а тут целую тарелку супа в больнице. Может, от ужаса. И сколько мне жить в этом ужасе? Мама говорила в больнице, что у них много самоубийц, которые не сумели себя убить. Оказывается, больше половины самоубийц остаются живыми.

Я включила телевизор, но он не включался.

Снова начался ливень, он бил по стеклу, словно кулаками. Стало темнеть, и дали свет.

Я экономила свет, у меня горела только одна лампочка в большой комнате. Ливень стучал в окно, и я не сразу поняла, что там — человек, который тоже стучит. Я не подумала, что это может быть Ким, и открыла. Мне было не страшно — мне было все равно.

Это был Ким.

Он был в кожаной куртке и кожаных штанах. Совсем пижон. И кепка у него была черная кожаная. Он отпустил черные усики.

— Привет, — сказал он. — Где мать?

— В больнице, — сказала я. — А мне сказали, что ты в Москве.

— Я в Москве, — сказал он. — Там все лучшие люди.

Я поняла, что он пьяный.

— Ты чего приехал? — спросила я.

— Ты помнишь наш разговор?

— Кимуля, — сказала я. — Неужели ты об этом можешь думать? Я сегодня была в больнице. У мамы. Ты бы посмотрел. И Сесе болен.

— Пустые слова, — сказал он и глупо засмеялся. Он сел в кресло и вытащил из-за пазухи пистолет, настоящий, черный, блестящий, словно мокрый.

— Видишь? — сказал он. — Пир во время чумы. Предлагаю участие.

— Дурак ты, Ким, — сказала я.

— Я на тачке приехал, — сказал он. — Дружок ждет. Мы славно живем. Делаем дело и уходим. Москва большая.

— Ну чего ты выступаешь? — сказала я. — Меня ты не удивишь.

— Ты не поверила? Смотри.

Ким засунул руку в верхний карман куртки и вытащил оттуда горсть каких-то ювелирных бранзулеток.

— Хочешь? — сказал он. — Все твое!

— А зачем? Кому это теперь нужно?

— Находятся чудаки. Даже не представляешь сколько. Меня тут поцарапало — перестрелка случилась с патрулем.

Мне было с ним очень скучно, словно он — мальчик на сеансе про американских гангстеров, а я — взрослая зрительница.

Он поднялся, и я спокойно смотрела на него.

Ким поигрывал пистолетом.

— Пошли, — сказал он. — Я в самом деле про тебя думал. Все время. Я тебе все достану — все, что ты хочешь. И шмотки, и жратву. Ты будешь моей королевой, честное слово. Меня в организации уважают. Я двух милиционеров пришил, честное слово. У нас знаешь сколько баб — а я к тебе.

— Ты еще маленький, — сказала я.

Он поднял пистолет и прицелился в меня.

— Олька, — сказал он, будто играл роль, — у тебя нет выбора. Ты моя.

— Уходи, — сказала я. — Мне собираться надо, я к маме в больницу переезжаю.

Он пошел ко мне, не выпуская пистолета, а я стала отступать, мне все еще не было страшно.

Вдруг он отбросил пистолет и схватил меня.

— Я докажу! — повторил он. — Я сейчас докажу.

Он стал валить меня на диван. Он разодрал мне на груди платье и оцарапал шею. Если бы я тогда испугалась, я бы, конечно, погибла — он бы сделал все, что хотел. Но я не боялась, и мне было скучно и противно, словно я смотрю со стороны. Я думала: как сделать ему больно? Простите, но я укусила его в нос. Это как-то неприлично звучит. А он закричал, и я поняла, что правильно сделала. Я побежала к открытой двери на улицу, хотя знала, что там его дружок.

Я выскочила на улицу. Там в самом деле стояла «Волга», за рулем сидел парень, но он не смотрел в мою сторону. Я не могла звать на помощь — была такая буря! А услышат — кто посмеет выйти?

Ким выскочил с опозданием и не видел, куда я побежала, но к тому времени его дружок опомнился и показал.

Я обернулась и увидела, как Ким прыгнул в машину. «Волга» рванула с места.

Я забежала за угол и чуть не попала под «газик».

Это был зеленый «газик» с красной звездой на боку. Я отскочила к стене и увидела напряженное лицо солдата за рулем. Тут же «газик» затормозил — чуть не столкнулся с «Волгой». Ким открыл дверь и начал стрелять по «газику». Оттуда выскакивали люди. Они тоже стреляли. Один из солдат упал, головой в лужу. Был грохот и крики, а мне казалось, что это ко мне не относится. Потом все кончилось. Я видела, как солдаты заносили своего в «газик», а Кима и его дружка положили в «Волгу». Туда сел солдат, и «Волга» уехала. Офицер из «газика» в мокром плаще подошел ко мне и спросил:

— Других не было?

— Нет, — сказала я.

— Ты иди домой, — сказал офицер. — Иди, тебе здесь нечего делать.

Лил дождь, а лужа, в которой раньше лежал солдат, была красной.

Я пошла домой, но не дошла, а остановилась возле Огонька. Мне не было жалко Кима, потому что это был чужой Ким.

— Вот видишь, к чему это приводит, — сказала я Огоньку.

Я была совсем мокрой, в рваном платье. И тут я увидела, что за то время, как я не встречалась с Огоньком, у него появился младший братишка. Я смотрела на железный столбик. Мой старый Огонек еще больше подрос, край его залез за столбик, а малыш был совсем маленький, как мухоморенок рядом с мухомором.

Идти в таком виде к маме в больницу — только пугать ее. Я вернулась домой и почти сразу заснула — такая у меня была реакция.

Ночью я просыпалась от страха. Я задним числом перетрусила. Мне казалось, что кто-то пробрался в дом и сейчас он со мной что-то сделает, а может, убьет, но я не могла отогнать сон настолько, чтобы проверить, заперта ли дверь.

Я проснулась поздно. Было тихо. И я целую минуту лежала совсем спокойно, в хорошем настроении и думала: почему не надо идти в школу? Потом минута прошла, и я все вспомнила. Я попыталась включить телевизор, но он не работал. Было полутемно, хотя часы показывали девять часов. Я выглянула в окно — над улицей нависла почти черная туча — вот-вот выплеснется. Я стала быстро собираться. Кожаная кепка Кима лежала на полу. Я выкинула ее в мусорное ведро. Потом собрала свою сумку — только самые нужные вещи, словно собиралась на экскурсию. Я решила, что отнесу вещи, а потом схожу к Сесе. Обязательно. Ведь я не боюсь заразиться?

Но в больницу я не пошла. Я подумала, что, пока я буду ходить в больницу, Сесе может умереть. Я оделась потеплее, перерыла всю кухню, пока нашла полпачки сахара, — даже странно, что не видала ее раньше. Больше мне нечего отнести Сесе.

Я поспешила к Сесе, пока не началась новая буря. Воздух был тяжелый, и я сразу запыхалась, пришлось перейти на шаг. Сесе жил в трех кварталах, рядом со школой, у него свой маленький дом — это дом его отца, который когда-то был директором нашей школы, но умер.

У дома я встретила Шуру Окуневу, старшую сестру Даши. Она спросила, не видела ли я ее Петьку. Петька убежал на улицу, а она волнуется. Я сказала, что не видела. И спросила: Сесе дома? Это был глупый вопрос.

— Ты что, не знаешь? — спросила Шура. — У него же орор, может, он помер.

— А ты к нему не ходила?

— Ты что! У меня ребенок. Мне бы его сохранить.

— Я к нему пойду.

— Олька, — сказала Шура убежденно. — Нельзя. Он все равно что умер. А это верное заражение, ты у любого спроси — сегодня орор хуже чумы.

— Я пойду.

— Тогда больше ко мне не подходи и вообще к людям не подходи! — закричала Шура.

Я понимала, что она психует: в такие дни иметь ребенка — это вдвое хуже.

Шурка побежала дальше, крича своего Петьку, а я пошла к Сесе.

Дверь к нему была открыта.

Я спросила, есть ли кто дома.

Сесе не ответил, и я вошла.

Он был совсем плохой. Страшно худой — скелет, а на лице и на руках красные пятна. Руки покорно лежат на одеяле, и сам он покорный.

Он увидел меня — глаза расширились.

— Здравствуйте, — сказала я, — я пришла, может, надо что?

— Не подходи, Николаева, — сказал он. — Нельзя.

— Ничего, — сказала я, но осталась стоять у двери. Я даже не подозревала, что человек может так измениться. Я понимала, что он скоро умрет.

На столике стоял пустой стакан.

— Вы пить хотите? — спросила я, чтобы не стоять просто так.

— Не надо.

Я прошла к кровати, взяла стакан и пошла на кухню. На кухне было запустение, но кто-то здесь недавно был. Значит, кто-то ходит. А я боялась.

У плиты стоял газовый баллон, и в нем еще оставался газ. Я включила его, поставила чайник, достала сахар. Вернулась к Сесе.

— Вот видишь, — тихо сказал Сесе. — Не повезло.

— Ничего, — сказала я, — вы еще поправитесь.

— Спасибо.

— А кто к вам приходит?

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Холмов.

— Холмик? А мне он ничего не сказал.

— Это опасно. Вы, ребята, не понимаете, как опасно.

— Все очень опасно, — сказала я серьезно. — Потому что меняются люди.

— А как там Огоньки? — спросил Сесе.

— Вчера новый родился за нашим домом, — сказала я. — Совсем маленький.

Он закрыл глаза, потому что ему трудно было говорить.

— Я буду у мамы в больнице, возьму лекарств.

— Не надо, — еле слышно сказал Сесе, — они нужны живым.

Чайник закипел, я сделала сладкий напиток. Потом напоила его.

Сесе не разрешал, но он был такой слабый, почти невесомый, и я его все равно напоила. Мне было бы стыдно этого не сделать. Он немного попил, но больше не смог. Он закрыл глаза, а я ему что-то хотела сказать и никак не могла придумать что.

И я сказала ему, как я его люблю, как я всегда его любила, потому что он самый красивый и умный. Еще с седьмого класса любила. Он вдруг начал плакать — только слезами, лицо было неподвижно. Он велел мне уйти.

На улице меня поймал такой ливень, какого я еще не знала.

Было темно, как глубокой ночью, и я даже заблудилась. Я шла и все время натыкалась на стены. Я плохо соображала. Но тут я увидела наш Огонек. Я добралась до угла дома, стояла там и смотрела на Огонек с ненавистью, как будто он был виноват в болезни Сесе.

Было все еще темно, но дождь вдруг ослаб. Я поглядела на железный столбик — и увидела, что край Огонька не достает до него. А маленький Огонек не увеличился.

Я стояла и глядела на Огонек, словно загипнотизированная. Не знаю, сколько простояла. И тут услышала далекий крик. Почти сразу большой Огонек съежился, а второй, малыш, мигнул и исчез.

Я обрадовалась. Значит, правда они могут исчезать.

Потом забежала домой, взяла сумку и пошла в больницу.

По дороге встретила Шурку Окуневу.

Она поднималась от реки, еле живая, словно ее палками побили. Она тащила на руках Петьку — Петьке уже шесть лет, тяжелый, она запыхалась. Увидела меня и начала кричать, словно я была виновата.

— Я же звала! — кричала она. — Я же звала — и никого!

— Нашла? — спросила я. — Вот и хорошо.

— Ты не понимаешь. Холмик утонул! Он моего Петьку вытащил, а его унесло! Я сама видела!

— Где? — Я бросила сумку и побежала к реке.

Вслед кричала Шурка, потом она бежала за мной, она не замечала, что Петька тяжелый и мокрый, она все время повторяла:

— Я же не могла... Он за бревно держался, он Петьку вытолкнул, а река — ты же знаешь... Я Петьку тащила...

Река была вздувшейся, громадной, по ней неслись бревна, какие-то ящики... ни на берегу, ни в воде не было ни одного человека.

— Может, его выбросило на берег? — Я просто умоляла Шурку подтвердить, а она не смогла.

— Я видела — его голова там, на середине, появилась — и все...

Я взяла у нее Петьку, он устало плакал.

Мы по очереди несли его на косогор. Уже наверху я спросила:

— Ты кричала?

— Ой, как я кричала! — ответила Шурка.

Я отдала ей Петьку.

— Согрей его, — сказала я.

— Я кричала — и никого, — повторила Шурка и ушла.

И тогда я решила, что к маме пока не пойду. Мне нужно поговорить с кем-то серьезным, который захочет поверить.

Дошла до станции. Уж не помню как.

На станции были люди. Солдаты и дружинники вытаскивали из вагонов мешки. За путями, у стрелки горел Огонек.

Я увидела того лейтенанта, который говорил со мной вчера.

— Мне надо в Москву, — сказала я. — Обязательно. Может, я ошибаюсь. Но если я не ошибаюсь, тогда есть надежда.

— Поезда не ходят, — сказал он. — Ты же знаешь. И в Москве такие пожары...

— Тогда я вам скажу.

Его позвали, но он посмотрел мне в глаза и крикнул:

— Погоди, без меня!

А мне сказал:

— Говори, девочка.

И я ему сказала про совпадения. Про то, как увеличился Огонек, когда пришел Ким, про то, как он чуть-чуть уменьшился, когда я пришла от Сесе, как погас малыш, когда Холмик вытащил Петьку, а сам не смог выбраться из реки.

Мы с лейтенантом добрались до Москвы на его «газике».

И я все это повторила здесь.

Я знаю, что есть надежда. Никто раньше об этом не догадывался, потому что не искал связи между нами и Огоньками. Если нет надежды, ее надо искать там, где не искали.

Нет, я не смогу остаться здесь. Холмика нет, и некому даже напоить Сесе. Вы просто не представляете, какой он человек.

И мама, наверное, уже с ума сходит.

МОЙ ПЕС ПОЛКАН

Никто из взрослых не должен был знать. Иначе нас бы не пустили. Ведь немало ребят пострадало на этом. Кольку Звягина вообще убили. Они же не люди, к ним в руки не попадай. Даже не крестятся. Одно слово — столичники.

Мы пошли втроем. Эдик Брюхой — он хоть и высокий, взрослый, но, как муха, по любой стене влезет. А так — псих. И Светка Геворкян. Только Геворкян не ее фамилия, а приемная. А потом, когда и Геворкяна убили, она все равно Геворкян осталась. Она может любой замок открыть. Наконец, я. Меня позвали, потому что меня любят

животные. У каждого свой талант. У меня талант к животным, потому что я их люблю.

Эти столичники живут далеко в тылу. Они — торгаши проклятые. Их наша борьба за счастье человечества не колышет. Они жрут мясо и куриц. Даже охрана у них татарская, сами не хотят рисковать. Глухой говорил, что раньше в столице много людей было. И все подлецы, столицы нет, а они, как Светка Геворкян, со старой фамилией. Смешно.

Мне иногда странно и противно, какое право имеют жить на свете люди, лишенные высоких идеалов. Не готовые пожертвовать своей жизнью ради их достижения. Я с детства так воспитан. Я готов пожертвовать жизнью ради счастья человечества. А чем могут похвастаться эти столичники? Или армяне, которые живут за Клязьмой? Ну ладно, с армянами у нас более-менее мир, хотя и у них совсем нет идеалов.

Мы пошли вечером, в полнолуние, чтобы лучше видеть дорогу. Веревки, намордники, всякое добро взяли в клубе. А ножи у нас свои. Нам, считай, повезло. Кто-то забыл в клубе именно столько веревок и всяких вещей, которые нам понадобятся. И не запер клуб на ночь. Я сказал об этом Эдику, а он мне отвесил подзатыльник. А Светка Геворкян, которая младше Эдика, начала смеяться. Эдик и ей врезал, потому что надо было соблюдать полную тишину и тайну, иначе кто-нибудь из взрослых увидит нас, а потом выпорют на площади. Но мы считали, что не только у взрослых есть высокие идеалы, а у нас, подростков, тоже есть высокие идеалы. Вот мы и пошли.

Мы подошли к концу поселка. Здесь надо быть особенно осторожными, пока будем пролезать сквозь лаз, сделанный давно, еще октябрятами, и до сих пор не раскрытый пограничниками, нас легко могут заметить — и тогда даже страшно подумать, что с нами сделают!

Но нам опять повезло. У ворот никого не было, и сами ворота были приоткрыты.

Мы стояли и смотрели, не в силах поверить своему счастью.

— Пошли, — сказал наконец Эдик.

— А пограничники где? — спросил я глупым голосом.

— А пограничники в префектуре на свадьбе гуляют, — сказала Геворкян. — Пригласили их, значит, и гуляют.

— А ты раньше знала? — спросил я.

— Нет, раньше я не знала, а то бы сказала.

— И ты не знал? — спросил я у Эдика.

Он даже разозлился:

— Ты чего, допрашивать сюда пришел? Вот будешь служить в комендатуре, тогда и допрашивай.

Не нравились мне эти открытые ворота. Ворота надо охранять. Нас с детского сада учили: «Граница на замке!»

А тут — ушли на свадьбу и замок с собой взяли.

Я прислушался — издалека доносилась музыка. И вроде бы пели.

Эдик первым пошел. Он старший, так и надо.

Потом Светланка. Я, как младший, — последним. Я тыл прикрывал.

У меня было ощущение — я кожей чуял, что за нами следят. От сторожки или из траншеи. И сейчас влепят нам по пуле в зад... Тут мои нервы не выдержали. Я крикнул — сам не знаю, как это получилось, но я крикнул:

— Ложись!

И сам не лег, а побежал вперед. И другие побежали. А сзади началась стрельба. Будто они сидели в засаде, ждали, что мы сделаем, а потом спохватились.

Мы добежали до черемухи.

Трассирующие пули свистели высоко над головами. Мы забились в глубь кустарника и затаились, пока не прекратилась стрельба. Но стрельба не прекращалась — с другой стороны тоже ответили. Затявкали градобойные орудия. Мы лежали на траве, и Эдик меня ругал. Только я не понимал, чего он меня ругает.

— Они все равно нас подстерегали, — говорил я. — Если бы мы не побежали, они бы нас как сусликов перестреляли. А мы побежали, вот они и не успели.

— С чего ты взял, что они хотели стрелять? — спросила Светка. — А может, они и не хотели. — Она сжалась в комок, на коленки натянула мешковину — только вороний нос наружу.

— Не говори глупостей, — прошипел Эдик. — Конечно же, они хотели, но нам надо было еще пройти немного, а потом бы мы побежали — я так хотел приказать.

— Вот бы и приказывал.

Мы лежали на земле, земля была холодная. Трава только пробивалась, листья на черемуховых кустах были маленькие и зеленые, как клопы-мутанты. Когда здесь распустятся цветы, то с обеих сторон по ночам сюда будут ползать охотники за цветами. Хоть жизнь и сволочная, но все равно некоторым людям хочется цветов, и они готовы за них платить, а некоторые своим женщинам носят. Только многие на этой операции погибали. Потому что снайперы с обеих сторон за ними охотились. Иногда смешно бывает: мужик нарвал букет, ползет к своим, улыбается, доволен. Тут его наш снайпер возьмет и пристрелит. Он корежится на ничейной полосе, а цветы уже ему не нужны. Такая вот философия, как говорил мой сосед Раушенбах, старший мусорщик.

Набежали облака, они закрывали луну, которая поднялась уже высоко. Нам надо было взять правее — прямая дорога была совсем открытой и простреливалась. Ее использовали только тогда, когда

проходили официальные делегации или торговые караваны. С пропусками. А нас кто будет охранять? Нас пристрелят и оставят вонять.

Мы спустились в ложбину, кое-где под ногами скрипели ржавые консервные банки и сучья, а то шелестела бумага — но все достойное из этой помойки давно уже выгребли. Так что можно было даже не глядеть под ноги.

Столичники тоже знали об этой ложбине, но редко сюда ходили, потому что в ней высокая радиация. То ли со свалки, то ли какой осколок залетел от Братской войны, когда славяне штурмовали Старый вал и скинули туда сами знаете что. Но мы быстро пробежали — если быстро бежишь, радиация не успевает приклеиться.

Там дальше, перед самым их забором, небольшой пруд — или большая лужа, как хочешь, так и называй. Но нам в нее соваться нельзя — там вода отравленная. Один парень из нашего класса туда попал, по пояс, я его в больнице навещал — кожи за волдырями не видно, ему ноги отрезали, но он все равно помер. Эти столичники про лужу знают, еще бы не знать — они от нее бетонными плитами в три этажа отгородились. Вот в этом и была наша хитрость. Надо было пройти по самому краю лужи, а потом взобраться на стену из бетонных глыб — ее-то никто не охранял. Мы все правильно рассчитали, ведь дождей уже месяц как не было, уровень воды в луже на метр упал — ходи вокруг не хочу. А ведь эти столичники тупые — что им стоит через стенку поглядеть — нет, сидят в тепле, пятки чешут.

Мы пробежали, пригибаясь, вокруг лужи. Несло от нее отвратно.

У Эдика веревка с собой — он вскарабкался на стену, веревку укрепил наверху и исчез. Я Светку подсадил, а потом сам за ней полез.

На гребне стены я задержался — рискнул. Мне всегда любопытно смотреть на другие страны. Хоть и в темноте.

У столичников всего больше, чем у нас, — в этом главная несправедливость. У них и дома есть, старые еще, довоенные, в которых жить можно. Строить ничего не надо. И людей у них больше — всего у этих сволочей больше! Понимаете, как это плохо, когда у одного есть все: и жилье, и хлеб, — а они еще измываются над животными, а мы рядом — голодные, в школу не в чем ходить, но терпим и верим в светлое будущее. Не то что некоторые.

Я смотрел сверху вдаль и при свете луны видел деревья, заборы, дороги и настоящие каменные дома вдали. Кое-где в окнах даже горел свет — они могут ночью зажигать свет! Нам приходится создавать мобильные бригады экономии, чтобы выявлять тех, кто зажигает свет — отнимать у них свечи или лампы, — потому что свет нужнее в школе и в больнице.

— Эй! — шепотом крикнул снизу Эдик. — Ты хочешь всех сюда приманить? Чего высунулся?

Я не стал объяснять, потому что Эдик — человек не очень инте-

ресный. Он физически развитый, но умственно ему еще надо развиваться.

Я спрыгнул со стенки. Светка сидела на земле, терла ногу. Черные тугие, кольцами волосы блестели под луной.

— Не растянула? — спросил я.

— Нет, — сказала она, — только ушибла.

— А то смотри, — сказал Эдик, — мы тебя обратно сейчас можем перебросить. Потом поздно будет.

— Ничего, — сказала Светка, — потерплю. — Она — человек сознательный, настоящая скаутка. Если решила остаться — значит, не предаст.

Мы пошли к их городу, перебегая от дерева к дереву, замирая перед прогалинами, пугаясь совиного крика и таясь за углами развалин. Мы вовремя услышали, как идет пограничный патруль, и залегли. Они нас не заметили.

Видеть мне их было страшно и неприятно. Как тараканов. Это мы, бедные, одеваемся кто во что придется, а у их пограничников одинаковая форма, зеленые мундиры, зла не хватает, да еще красные звезды на фуражках.

Если бы сам столько раз не видел, никогда бы не поверил. Вот на кого мы, юные скауты, поднимаем кулаки!

Светка затаилась, как мышка, и часто дышала. Другая бы никогда на такое дело не пошла. А она пошла. Вчера мы у нас во дворе сидели, а Александр Митрофанович вспоминал, как сам на такое дело ходил, еще лет двадцать назад. Он и подсказал: «Если бы я сейчас пошел, обязательно бы Светку взял, армяночку. У нее не руки, а отвертки — любой замок ногтем возьмет, феномен природы». Александр Митрофанович сказал нам, что в его время такие походы, как он сказал — набеги, к столичникам, тоже строго запрещались. Ведь наше руководство свято ценит каждого человека. Недаром нас в школе учили, что все военные победы не стоят и слезы ребенка, как писал Достоевский. Но ведь взрослым не пробраться в самое сердце страны столичников, не проникнуть в питомник — его так охраняют! А мы, мальчишки и девчонки, можем. И мы хотим принести пользу взрослым, своему поселку, своей небольшой демократической стране, окруженной тоталитарными режимами. И если мы можем выполнить гуманную акцию, это хорошая традиция. Я уж сейчас не помню, какие слова говорил Александр Митрофанович, а какие мы. Мы чувствовали себя с ним равными, хотя он — член поселкового совета, усы свисают ниже подбородка, и притом он начальник пограничников. Бывают такие искренние разговоры! Он нам по секрету посоветовал идти во время второй стражи, сказал, что тогда пограничники не так внимательны. Как будто сам не был пограничником. Но мне было понятно: ведь с нами он снова стал подростком, отважным разведчиком...

Мы не могли прямо пройти к питомнику. Не потому, что боялись, но на пути были казармы их дружинников. Пришлось взять правее, в кусты, где земля светилась зелеными пятнами, — там тоже была радиоактивность, но какая и почему — никто не знал. Столичники туда не ходили, а мы — только по крайней необходимости. Я тут вообще не был, только Эдик, говорит, ходил, но забыл, и мы шли по бумажке, где маршрут был нарисован карандашом — Александр Митрофанович нарисовал. Он сказал, чтобы на зеленые пятна не наступать — но вообще-то ничего страшного, там радиация локальная. Потом мы увидели дохлых крыс. Они валялись возле зеленого пятна. Может быть, они вовсе по другой причине подохли. Но мы все равно побежали быстрее, а Светка спросила:

— У тебя в груди не колет?

— Еще не колет, — осторожно ответил я.

— В следующий раз надо будет бронежилет достать, — сказал Эдик. У него всегда глупые идеи.

— И на уши кастрюлю, — сказала Светка.

Справа начался забор. За забором была промышленная зона. Сюда как-то наши командос ходили, за запчастями. Только не вернулись. А эти изверги потом, дня через три, нам катапультой ящик перекинули с их головами. Вот до какой мерзости они докатываются!

Вдоль забора мы шли, наверное, минут пятнадцать. Я подумал: «Может быть, не надо было именно питомник выбирать — можно другой подвиг совершить. Уж очень долго возвращаться...»

Забор кончился, и нам надо было пересечь центральную площадь. Посреди площади стоял громадный монумент из металла, а может, камня — рука вперед, на постаменте написано «Ленин». Только головы нет. Еще в прошлую революцию отломали. Мне про этот памятник много раз рассказывали. Я даже знал, что столичники с кем-то в Узбекистане подрядились — там голова подходящая есть — хотят поменять на капусту.

У монумента стоял часовой с автоматом. Не взорвешь и даже не измажешь. А хочется. Мы в принципе против идолов. Это недемократично.

Мы поглазели на памятник — зрелище странное, хотя они, наверное, привыкли. Теперь нам идти вниз, направо, и снова вниз...

Мы проходили совсем близко от жилого дома.

— Жалко, гранаты не взяли, — сказал Эдик.

— А куда кидать? — спросила Светка.

Эдик остановился. Со склона было видно, что происходит в комнатах, в которых горел свет. В одной была видна стенка, покрашенная в зеленый цвет, на ней висела картина. Вроде бы на ней был лес. Или что-то похожее. Может, водоросли. А у окна сидел человек и держал в руке книжку. И читал. Я, конечно, видел книжки, но у нас плохо с книжками. Одна есть в школе и еще две или три по домам.

В другом окне стояли лицом друг к другу мужчина и женщина. И разговаривали. Они все сближались, разговаривая, а потом начали обниматься.

— Я в них камнем запулю, — сказал Эдик. — Позорище!

— Пошли, — сказала Светка. — Может, им так нравится.

— Вот сейчас завалю тебя, — сказал Эдик, — посмотрим, как тебе понравится.

— Не маленькая, — огрызнулась Светка. — Уже заваливали и не такие, как ты. Не испугаешь. Только со мной ты где ляжешь, там и встанешь.

Я не знал, врала она или нет. Наверное, не врала — ей уже лет тринадцать-четырнадцать, как мне. Отца у нее нет — кто защитит?

— Пошли, пошли, — сказал Эдик. — Утро скоро. Работать надо.

Мы спустились за дом. Он был какой-то недостроенный. Спереди осталось четыре этажа, а сзади только два.

И тут мы услыхали лай.

Лай доносился из питомника.

Правда, идти оказалось нелегко — путь лежал через свалку и развалины, а луна, как назло, спряталась. Я разбил коленку, Светка снова ушиблась. Эдик ворчал на нас. Мы вышли к питомнику у речки, от которой несло аммиаком. Питомник был обнесен проволокой, мы пошли вокруг.

Мы искали место, где легче перелезть.

Александр Митрофанович говорил, что раньше поверху был пропущен ток. Но теперь у них с электричеством плохо, так что, может, тока и не будет.

— Погодите, — сказал Эдик. — Никуда не отходить.

Он побежал назад, а мы со Светкой смотрели внутрь. В питомнике рядами стояли вольеры, там сидели собаки. Много собак, может, сто. Мне, *нормальному человеку, даже трудно вообразить, что столько собак можно собрать в одно место.* Некоторые собаки лаяли, но нехотя, спросонок. Нас они не чуяли — мы тоже не дураки, подходили с подветренной стороны.

— А где сторожа? — спросил я.

— Наверное, у ворот. Много сторожей не надо, — сказала Светка. — Зачем? Они же сами себе сторожа. Ты только влезь, сразу начнут лаять.

— А как же мы тогда возьмем их?

— Вот это ваша с Эдиком забота, — сказала Светка.

— Мое дело — отпереть. А ты, Игореша, их уговаривай.

— Ладно, — согласился. Не люблю, когда меня Игорешей зовут. Как маленького. Теперь меня надо Егором звать. Она знает, но дразнится.

И еще мне было неприятно вспоминать ее слова про то, как ее... ну, заваливали! Она стояла передо мной, такая худенькая, грива чер-

ных кудрей, как туча, глаза даже в темноте блестят. Мне ее и жалко, и хочется сделать с ней так же, как другие. А она сказала:

— Все же они такие изверги, что страшно подумать.

Я кивнул. Не стал отвечать. Когда ясно, что изверги, зачем говорить. Может быть, у меня есть недостатки, и у Александра Митрофановича, и у Эдика — у всех есть недостатки. Бывают люди получше и похуже. Но выращивать собак специально, чтобы потом их жрать, — это только столичники могут. Иногда подумаешь, что они этих созданий, которых мы называем друзьями человека — друзьями, поняли? — они их режут, убивают и жрут, жарят, понимаете, на постном масле? Да я за это готов их голыми руками растерзать! Я на все пойду, чтобы собак спасти!

Какая-то собака завыла. Я подумал, что собаки тоже умеют предчувствовать смерть. Может, эта собака почувствовала, как ее завтра поведут на убой. У меня даже слезы навернулись на глаза.

Послышался шум. Я обернулся. Возвращался Эдик. Он тащил здоровую дрыну — видно, давно углядел. Молодец Эдик, из него вырастет настоящий организатор. Вождь людей. Может быть, он поведет нас к светлому будущему. Ведь должно же оно наступить!

Эдик приставил дрыну к столбу изгороди, получилось надежно. Затем быстро, он мастер, взобрался наверх, стараясь не касаться верхней проволоки, ведь по ней может быть пропущен ток.

Там, наверху, он замер на минуту, вертя головой, соображая, как лучше спрыгнуть и как вести себя дальше. Мы смотрели, замерев. Даже собаки перестали брехать, смолкли, смотрели на него и ждали. Эдик балансировал наверху, над нашими головами, дрына скрипела. Наконец он оттолкнулся и прыгнул. Я поймал дрыну, которая пошла в сторону, и удержал ее. Потом полезла Светка, а я полез последним, и мне было труднее всех, потому что меня никто уже не мог страховать. Но ничего, обошлось. Если ток и был пропущен по проволоке, мы об этом так и не узнали.

Потом мы пошли к вольерам.

Мы близко подходить не стали, улеглись на холодную землю, чтобы не пугать собак, а то разлаются — не успокоишь. Но собаки все равно сильно лаяли, и сторож пошел к вольерам, чтобы посмотреть. Он бы нас обязательно увидел, но, когда его фигура уже показалась в конце прохода между вольерами, Светка прошептала:

— Назад!

Оказывается, она успела открыть пустую вольеру, и мы юркнули туда.

Сторож прошел совсем близко. Он был стариком, он хромал — дурачье столичники, что такого сторожа поставили на такой важный объект. Я поглядел на Эдика и понял, что он думает так же, как я. Может быть, наша задача облегчается. И мы спокойно выберемся об-

ратно. Сторож ушел, а собаки еще немного полаяли, а потом привыкли и замолчали.

— Егор, — сказал Эдик, — твоя очередь. Иди смотри, кого с собой возьмем.

Меня животные любят, я, наверное, стану главным ветеринаром. Как будто я знаю их язык. Я знаю, что не только собака или кошка, даже курица имеет свой характер, бывают даже умные тараканы и глупые пауки. Все животные как люди. И у них иногда даже могут быть идеалы, но идеалы, я вам скажу, рабские — идеалы преданности, идеалы послушания. Но не бывает идеалов сознательной инициативы.

Светка и Эдик сидели в пустой вольере, а я пошел вдоль вольер, посвистывая и приглядываясь в темноте к собакам. Мне достаточно было света луны, чтобы увидеть их физиономии, заглянуть в глаза и наладить с ними хорошие отношения. А то и наоборот — почувствовать неприязнь, вражду, стервозность.

Голубчики и голубушки, мысленно говорил я, лишь шевелил губами. Вы даже не знаете, от какой жуткой участи я вас сейчас спасу, рискуя собственной жизнью. Вы хотели бы попасть в котел, а то и на сковородку? Вы знаете, как ножик мясника врезается в собачье горло? Вот и не узнаете теперь. Правда, всех вас нам с собой не унести за границу. Но зато мы всех освободим — и бегите, куда хотите! Вы сможете теперь жить в лесу, а то и перейти в другую страну. Да здравствуют свободные собаки всей Земли!

Я прошел вдоль всех вольер. В конце посмотрел на ворота. У ворот сидел, сгорбившись, сторож — как нам повезло, что он инвалид. Он сидел у костра, костер был маленький и, видно, совсем не грел. Я вернулся к ребятам.

— Все в порядке, — сказал я. — Давай поводки и ошейники.

Поводки и ошейники были веревочными, самодельными, но и такие годились. Я решил взять с собой только тех псов, которые были мне симпатичны и показали мне свою симпатию. Эти псы пойдут с нами через границу. А обыкновенные, глупые или неприятные, пускай гуляют, как хотят. По крайней мере, не кончат жизнь на сковородке.

Мы шли вдоль вольер. Светка быстро открывала двери, я заходил внутрь и говорил псу хорошие слова. Псы подходили ко мне и давали закрепить ошейник — какие умные животные! Как я их уважаю!

Мы взяли четырех псов. Одного, самого большого и умного, я его назвал Полканом, и еще одну белую поджарую хитрую сучку. Дамочку поведу я. Светка и Эдик поведут по одной собаке.

Тех, кого берем с собой, в наше счастливое царство, мы вывели из вольер. Потом, по команде Эдика, Светка быстро пошла вдоль вольер, открывая дверцы. Собаки как будто ждали этого момента, выскакивали из клеток и бегали по территории. Но почти не лаяли, понимали, что нельзя привлекать к себе внимание.

Я стоял с нашими, отобранными собаками. Они тоже вели себя смирно, как будто заранее все с нами обсудили.

А Эдик пошел к сторожу.

Сторож уже почуял неладное. Он поднялся и смотрел в нашу сторону, прикрывая глаза козырьком ладони, будто от этого ему было лучше видно. Он мог разглядеть, как по территории питомника носятся собаки, но не мог, старый, сообразить, что это означает.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто чужой?

Некоторые собаки побежали к нему.

Старик колебался. Он вытащил из кармана свисток, поднес его к губам, но не свистел. Я понимал — этот человек боялся показаться смешным. Он хотел сначала разобраться, что же произошло.

И вот эта нерешительность его и погубила.

Эдик вышел к нему из-за вольер. И пошел спокойно, как будто так и надо. И старик все еще не свистел.

— Погоди, — сказал Эдик. — Закурить не найдется?

— Чего? — спросил старик.

Эдик был совсем близко.

— Я же тебе человеческим языком говорю! — произнес он раздраженным голосом. — Дай махорки!

— Какая махорка? Ты как сюда попал? Ты кто такой?

Старик стал было поднимать ружье, странно как-то поднимал, будто хотел толкнуть стволом Эдика, но Эдик прыгнул вперед и всадил перо старику под ребро. Тот закашлял, заплакал почему-то, начал повторять: «За что, а? За что, сыночек?» Эдик еще раз его резанул — по шее, — Светка отвернулась, не хотела смотреть. Я тоже не хотел смотреть, но это трусость — не смотреть. Александр Митрофанович всегда нас учит — не отворачивайся, даже если тебе неприятно. Надо смотреть правде в лицо. Старик замолчал, а Светка пошла дальше вдоль вольер, открывая их, собаки почуяли запах крови, некоторые рычали, а другие бежали к старику и лизали кровь, которой много натекло из него, даже странно, как много в нем помещалось крови.

Эдик раскрыл ворота, и некоторые собаки побежали наружу, будто ждали, когда можно будет выйти на свободу. Полкан натянул веревку. Дамочка визжала. Загудела сирена — наверное, была связана с воротами.

— Кончай, Светка! — закричал Эдик. — Сматываемся!

Он схватил одну из собак, Светка тоже взяла собаку, и мы побежали: мы втроем и четыре пса.

— Эгей! — закричал я. У меня было отличное настроение. — Эгей! Не будет вам собачьих котлет, живодеры проклятые!

Мимо нас пробегали собаки, некоторые не знали, куда бежать, —

они спешили вперед, а потом возвращались. Я подумал, что многие сами придут в питомник, к своим кормушкам. Мне стало грустно. Стараешься, стараешься, трудишься для других, жизнью, можно сказать, рискуешь, а рабы всегда бегут обратно к кормушке, понимаете?

Наверху, у домов, там, где стоял их монумент без головы, но с протянутой рукой, послышались крики, там засверкали глаза фонарей.

Мы побежали, огибая город, сразу попали в какую-то чащу — у нас же не было схемы на возвращение по такой дороге. Недодумали.

Кусты были какие-то колючие, трава сухая, ветки под ногами, ноги разъезжаются.

Собаки рвались с веревок, им не нравилось. Я бежал, продирался сквозь кусты и все их уговаривал, чтобы потерпели, — мы же ведем их к спасению, надо понимать! Впереди ломился сквозь кусты Эдик. Сзади по моим следам — Светка.

— Стой! — крикнул я. — Впереди огонь!

И в самом деле — мелькнул фонарь, потом еще один.

Мы свернули еще ниже, еще дальше от города.

Началось болото, под ногами хлюпало, собаки совсем взбесились, они рвали куда-то, но не назад. И я подумал — может, они знают? Глупая мысль, они же не знали, где граница. Но я послушался их и побежал еще правее — да и не мог я остановиться, Полкан был сильнее меня, а с Дамочкой — тем более.

— Светка! — крикнул я. — За мной!

Где Эдик — я не видел. Мне казалось, что те, кто за нами гонятся, уже близко, слышно, как трещат сучья.

И тут мы выбежали на мокрую дорогу, в колеях вода, но дорога твердая — не то что болото, которое не держит. Я остановился перевести дух. И тут же услышал дыхание Светки. Она не отстала. И собаку не выпустила. Молодец.

Мы стояли на дороге, а дальше за дорогой поднимался тростник, чуть покачивался над холодной, светящейся водой. Свет у воды был нехороший, опасный. Полкан завыл и потянул по дороге вперед. Мы пошли. Я хотел позвать Эдика, но Светка угадала и не велела: сказала, что чует столичников — они близко, только к дороге не подходят, потому что тут все заражено.

— Ну и фиг с ним, что заражено, — сказал я. — Лучше заразиться, чем ждать, когда тебя застрелят.

Светка не спорила. Собаки подвывали. Мы бежали по дороге, впереди послышались крики, потом выстрелы. Мы остановились и не знали, куда нам дальше бежать.

Навстречу по дороге трусила, прихрамывая, собака с веревкой на шее — я ее узнал, это была собака, которую я отдал Эдику. Значит, он ее отпустил. Значит, ему плохо.

Может, попался Эдик? Без него трудно будет уйти.

Дальше мы со Светкой пошли осторожно, медленно, собаки притихли, не дергались, только та, которую раньше вел Эдик, исчезла.

Мы прошли шагов сто, не меньше. На наше счастье, опять набежали облака, и луна, опустившаяся уже к вершинам деревьев, перестала светить. И когда мы проходили мимо обгоревших руин какого-то строения, я услышал голос Эдика: «Егор, Игореша...»

Светка первой побежала к обгоревшим руинам, таща на поводке собаку. Собака упиралась. Тогда я перехватил веревку, а Светка вытащила из развалин Эдика. Она худая, жилистая, а Эдик только кажется большим, а на самом деле он костлявый, а на костях нет ничего. Поэтому и пуля, когда ударила ему по кости руки, рикошетом ушла. И даже крови было немного — чего он прятался, непонятно, может, струсил.

— Ты чего собаку отпустил? — спросил я. — Ничего тебе доверить нельзя.

— Я чуть не погиб, — сказал Эдик. — Я же раненый.

— Ничего, пошли, — сказал я. Раз он раненый и сам это признал, значит, я стал главнее. Это не объяснишь, это как закон. Все исполняют. Главного ранили, следующий командует. Вот и все.

И Эдик сразу мне подчинился. Только попросил, чтобы Светка его перевязала. Мне было жалко времени — тем более рана пустяковая, но Светка согласилась, а я собак держал. От воды шел светящийся газ, голова от него кружится. Скорей бы отсюда выбраться, только путь неясный. Сзади опять крики, фонари — бегут. Но бегут не по дороге, а выше по склону. Я понимаю почему — эта зона опасная, они сюда не сунутся, столичники-трясогузки!

Мы, наверное, еще часа три выбирались и вышли далеко от бетонной стены. Но там по пустому месту границу не перейдешь. Мы добрели до стены, улеглись возле нее и стали отдыхать. Глаза мои совсем к темноте привыкли, я как кошка видел. Светке собака нервная досталась, все скулит и скулит. Мы поменялись, чтобы Светке полегче было, — я ей Дамочку отдал, а нервную себе взял. Эдику я собаку давать не стал — он одну потерял. А Эдик и не стал брать, потому что он был раненый.

Мы сидели под бетонной стеной и ждали, когда совсем столичники успокоятся. А эти сволочи никак не успокаивались. Видно, сильно мы их обидели, когда собак выпустили.

— Без котлет оставили! — прошептал я и засмеялся.

Вдоль границы перемигивались фонарики, иногда очередь трассирующих пуль пронзала небо.

— Не дойду я, — сказала Светка. — Никаких сил не осталось.

— Уже светать начинает, — сказал Эдик. — Может, нам пересидеть в кустах где-нибудь до следующей ночи?

— Дурак, — сказал я. — Как ты пересидишь? А собаки?

— Бросим собак, а? — Эдик сильно боялся. Он уже перестал быть главным и даже старшим быть перестал.

— Ну как так можно говорить? — сказала Светка слабеньким голосом. — Мы же столько пережили, освободили животных, самых лучших, самых умных Егорушка освободил, с нами взял, а ты хочешь чтобы их на котлеты? Ты совсем в идеалы не веришь.

— Жрать охота, — сказал Эдик, — а ты с идеалами.

Такие слова меня даже удивили. Раньше Эдик совсем иначе выступал. Он говорил, что станет демократом.

— Пора, — сказал я. — Вроде немножко туман опустился.

— Может, подождем, пока гуще станет? — спросила Светка.

— Гуще не будет.

— Вы идите, — сказал Эдик, — а я здесь пересижу. Я раненый.

— Вот это видишь? — Я вытащил перо и показал ему. Полкан зарычал на Эдика. Собаки меня чувствуют и любят.

Эдик, конечно, пошел. Только я ему велел замыкать, а он, как только мы вышли к озерцу, откуда надо перебежать до черемуховой рощи, струсил и побежал первым. Я ждал этого, но надеялся, что этот парень не так струсит. А он побежал открыто — надо было осторожно, таясь, а он побежал открыто. И его увидели. И сразу начали стрелять — словно ждали, что мы у лужи, у бетонной стены переходить будем.

С нашей стороны тоже стрелять начали, а Эдик закричал:

— Я свой! Мы свои, не стреляйте! — Он прыгал, как кузнечик.

— Беги! — крикнул я Светке. А сам даже не мог остановиться и посмотреть, как там она, — собаки так сильно тянули меня, даже выли от страха — видно, не хотелось им оставаться у столичников. Над землей тянуло туманом, собаки, казалось, плыли по нему — ног не видно, вокруг трассы пуль, я несусь, как во сне. Потом сзади Светка закричала. Я хотел вернуться, но собаки не дали, и я не мог руки от веревок освободить — обе руки были обмотаны веревками, чтобы крепче собак держать. Так они меня уволокли.

Я стал кричать:

— Эдик, стой! Эдик, вернись! Светку не бросай! Эдик!

А он еще больше припустил.

Так мы и ввалились на нашу сторону — там уже наши стояли, ждали. И Александр Митрофанович с висячими усами, и сменный комендант. И дядя Паша. И Светкина мать. Светкина мать как узнала, начала рваться, чтобы Светку искать — может, еще живая. Но ее скрутили, чтобы не делала глупостей. Уже светало, идти на нейтральную — самоубийство. Я как сел на землю, так меня стало колотить, а Эдик ничего, пришел в себя и стал докладывать, что мы нарушили закон и ушли к столичникам, но все же сделали это не из хулиганских соображений, а чтобы освободить четвероногих тварей. И он нами командовал и готов нести ответственность. А мне казалось, что я его

так умело опровергаю и объясняю, как на самом деле было, но тут нас повели в подвал, потому что мы должны были подвергнуться наказанию за нелегальный переход границы. Мы сидели в подвале, а собак пока привязали снаружи. И Дамочка тоже прибежала, видно, ее Светка отпустила.

Светкина мать в то утро, как мне потом ребята рассказали, все-таки убежала, пошла искать Светку. И нашла. Светку, оказывается, ранило в ногу, они ее догнали и изнасиловали, а потом задушили. Это такие люди — им нет пощады. Но их много, больше, чем нас. А мы у них собак увели и выпустили. Без котлет оставили.

Светкина мать потом с ума сошла. Не знаю, что с ней стало.

А нас, конечно, выпустили. Я уже тогда догадался, а до чего не догадался, Эдик сам мне рассказал, что весь наш поход Эдик с самого начала обсуждал с Александром Митрофановичем и дядей Пашей. И веревки были заранее подготовлены, и даже ворота открыли — только я, дурак, не знал. От этого, как объяснил мне Эдик, наш поступок хуже не стал, потому что он благородный. И мы сами благородные. Но нельзя же, чтобы столичники узнали, что наш совет разрешает ходить за границу на грабеж.

Без Светки я немного скучал. Собаки остались у меня. Эдика я видел редко, его взяли в милицию, он будет большим человеком. А мне дали комнату, мне и собакам. Дамочка и Нервная — они самые обыкновенные собаки, ничего интересного. Нервная потом подохла, а Дамочку взяла к себе жена полковника. Я был даже рад, потому что Дамочка была беременная, у нее должны были родиться щенки, а мне с щенками возиться некогда. Пройдет много месяцев, прежде чем щенок научится понимать тебя лучше, чем люди.

Полкан понимал меня лучше, чем люди.

Он был моим другом. Иногда я смотрел на его крепкие ноги, на весело поднятый хвост, на смеющиеся карие глаза и радовался, что мой пес не подвергся унижению — не сожрали его столичники. Со столичниками войны не было — мы тогда с татарами воевали, которые сделали набег из-за Оки, очень многих побили. Потом были затяжные дожди. Сначала отравленные, ядовитые, потом радиоактивные — многие болели, мы с Полканом почти не выходили на улицу. Как-то в те дни ко мне зашел Эдик, он учится в школе милиции, живет там в интернате. Он стал совсем лысым, это в шестнадцать-то лет! И желтый. Но он смеется и говорит, что еще на два года хватит и он за эти два года столичникам хвосты накрутит! Только он ничего им не накрутит, потому что он боится. И столичников боится, и умереть боится. Такой характер.

Потом наступила осень. Мы часто гуляли с Полканом. Он все понимал без слов. Например, если я брал палку и кидал ее, то Полкан бежал за палкой точно по прямой линии и останавливался и ждал, когда я крикну: «Неси обратно!» Очень смешной он был, когда спал

вместе со мной на подстилке, он меня согревал, у него была чудесная шерсть. В начале сентября приходила моя мать, она получила разрешение постричь моего Полкана. Полкан удивлялся, зачем его стригут. А мать потом из его шерсти связала мне свитер. И Полкан все время нюхал этот свитер и не понимал, хоть и умный, что теперь я все равно что он. А еще шестого августа я купаться пошел, нырнул и попал ногой в моток проволоки, и не мог вырваться. Как меня Полкан вытащил — не представляю! Кожу с ноги содрал — вытащил. Человеку такого не сделать. А он меня любил. Как и я его любил. Уже прохладнее стало, дожди пошли, а мы с Полканом учились тяжелый рюкзак носить — я ему объяснил, что мы с ним пойдем зимой в поход — далеко-далеко, за лес, там жратвы нет. Полкан улыбался.

Седьмого октября я проснулся от того, что пришел Александр Митрофанович. Пес знал его и не рычал, лежал рядом со мной, вытянувшись вдоль, — и был длиннее меня.

— Ну и вымахали вы с лета! — сказал Александр Митрофанович. У него какая-то детская доверчивая улыбка. Полкан улыбнулся ему в ответ.

— Он совсем большой стал, — сказал я.

— У меня к вам просьба, мальчики, — сказал Александр Митрофанович, — вы мне поможете?

— Поможем, Полкаш? — спросил я, вскакивая.

Полкан осторожно гавкнул. Он был согласен.

— Ты должен признать, — сказал Александр Митрофанович, — что мы спасли тебя от судьбы, худшей, чем смерть. И сами рисковали при этом жизнью.

Полкан слушал, склонив голову набок, он все понимал.

— И ты, наверное, понял, что, в отличие от столичников, нашей жизнью правят высокие идеалы, — сказал Александр Митрофанович и потянул себя за усы, будто доил.

Мне показалось, что Полкан кивнул. Я прижался щекой к его теплой мохнатой башке.

— Он все понимает, — засмеялся я. — Мы с ним много раз на эту тему говорили.

— Ну и молодцы, — сказал Александр Митрофанович. — Давайте позавтракаем и пошли?

Через час мы были уже у той границы нашей страны, за которой лежит Бывшая Земля.

Это было мрачное, пустынное поле, которое уходило вдаль, к остовам зданий, а то и целым низким зданиям, оставшимся стоять с войны. До зданий было больше километра.

Сначала к ним вела широкая утоптанная дорога. Постепенно дорога сужалась, по сторонам были редкие кустики — даже кустики не хотели жить на этом пустыре. Кое-где по сторонам зияли оплывшие воронки.

— Ты должен помочь друзьям, — сказал Александр Митрофанович.

Полкан улыбнулся.

Александр Митрофанович снял с плеч тяжелый рюкзак — Полкан уже носил такой на тренировках.

— Будет тяжело, — сказал он псу. — Но нести не очень долго. До тех домов, а обратно порожняком.

Я сам привязал рюкзак, чтобы Полкаше было удобнее. Полкан лизнул мне руку, он редко лизал мне руку — считал ниже собственного достоинства. Он очень гордый пес. Я погладил его и сказал:

— Спасибо, что ты согласился нам помочь.

— Давай! — сказал Александр Митрофанович.

Я взял заготовленную заранее палку, чтобы показать Полкану, куда бежать. Александр Митрофанович пошел назад.

Теперь многое зависело от меня, от моего умения точно кидать палку. Но мы с Полканом много раз репетировали, и потому я точно кинул палку — далеко и точно, метров на тридцать.

— Давай, Полкан!

Полкан завилял хвостом, он был рад, что я с ним играю. Он побежал вперед — точно-точно по прямой, по ставшей совсем узкой тропинке, между большими и маленькими воронками.

Я смотрел ему вслед и в последний момент кинулся на землю.

Взрыв получился мощный, потому что, когда сработала мина, от детонации взорвалась взрывчатка в рюкзаке на спине моего любимого пса. Вокруг взорвалось еще несколько мин. Это было большое достижение.

Так мне и сказал Александр Митрофанович, подошедший ко мне, чтобы поздравить меня с успехом на пути к достижению высоких идеалов человечества. Я не слышал, у меня кровь шла из ушей, и он просто пожал мне руку, как товарищу.

Потом он вызвал милицию, и они прошли до места гибели моего Полкана и оградили новую часть дороги ветками.

Теперь до складов оружия, которые возвышаются за минным полем, стало еще на пятьдесят метров ближе. И в этом заслуга моего дорогого товарища. Ведь дьявольские мины, которые ставили в ту войну, реагируют только на тепло живого тела. И мы уже несколько лет как придумали употреблять для этого собак. Собака не только лучший друг человека, но она еще может взять на спину груз взрывчатки. И во много раз увеличивает площадь расчистки от мин. А в отличие от других животных собака бежит за палкой, куда ее попросят.

Когда я возвращался домой, мне было грустно. Мне будет не хватать Полкана. Но как я был горд за моего пса, который был обречен стать пищей для жестокого обожравшегося столичника, но погиб за высокие идеалы борьбы прогрессивного человечества!

Я брел к дому и думал о том замечательном дне, до которого я

обязательно доживу. В тот день мы войдем в склады оружия, в склады, где хранятся танки, снаряды и даже ракеты. И с помощью этого оружия наведем порядок и справедливость на всей Земле. Чтобы никогда не погибали больше такие чудесные девчонки, как Светка Геворкян, и не приходилось идти на мины нашим чудесным четвероногим друзьям. Я смахнул невольную слезу...

Дома меня ждал подарок — корзинка с щенками от Дамочки.

Щенки тянули ко мне милые мордочки, они были так уморительны.

И я начал с ними играть.

ВСТРЕЧА ТИРАНОВ ПОД РОВНО

Суус шел впереди. Он был в длинной белой бурке генерала Скобелева, из-под которой выглядывал, цепляясь за траву, конец казачьей шашки. Он насвистывал марш конногренадеров. Настроение было чудесным. А какое еще может быть настроение у дипломника школы десантников, которому удалось сбежать с квантовой механики именно в такой светлый и яркий весенний день?

Хил топал сзади, вращал острым носом, словно дулом бластера, ожидая засады коварных смугляков. На шее у него болтался вырезанный из пластика и покрашенный тушью Железный крест.

— А ну держитесь, злобные турки! — зарычал Суус и принялся размашисто рубить шашкой крепкие прямые стебли грутисов. Желтые гроздья щедро сыпались на бурую весеннюю траву.

На секунду солнце заслонила тень орбитальной станции Всеобщих Искусств. Видно было, как точками на фоне ослепительно синего неба к ней слетались флаеры и питекоры. Через час начнется симфонический концерт гармонического совершенства.

— Ну и тоска! — вдруг сказал Суус. — Все сделано, все совершено, все рассчитано! Скорей бы улететь отсюда — и за дело.

— Ты знаешь, что ждет нас сегодня после высококалорийного ужина? — усмехнулся Хил.

— Нечто ужасное?

— Будем разбирать роковой поступок двух мальков из подготовительной секции, которые умудрились истоптать клумбу у видеотеки.

— И тем нарушили экологический баланс нашего садика, — с преувеличенным отвращением в голосе простонал Суус.

Они сели на краю заброшенного шоссе. Между бетонных плит пробивались мягкие иглы рюсы.

— Хорошо, что в Галактике еще столько всего не сделано, — сказал Хил. — На наш век хватит.

— Представляешь, — Суус расстелил на траве белую бурку и лег на нее, глядя в небо, — встретимся мы с тобой лет через сорок-пятьдесят. Космические волки...

— Вершители.

— Носители справедливости!

— Высшей справедливости.

— Гармонии мироздания!

— Облеченные тайным знанием высшей цели!

И оба расхохотались и принялись тузить друг дружку под шум двигателей слишком низко летевшего рейсового капсюль-модуля «Экватор-полюс»...

1

Третий день лил дождь.

Капли срывались с осиновых листьев, и те, сбросив тяжесть холодной воды, вздрагивали и распрямлялись.

У лесного аэродрома партизан не было. Когда они кончили расчищать поле и утрамбовывать кочки, их под конвоем десантной группы СМЕРШ увели в чащобу. Там, в землянках, они будут ждать. Может, еще понадобятся.

В двадцать три сорок, с опозданием в две минуты, послышался гул моторов.

Солдаты, сидевшие, сгорбившись, под плащ-палатками, у костров, подчиняясь засверкавшему из-под старой ели фонарику, плеснули на дрова бензином и зажгли костры.

«Дуглас» вышел низко из-за вершин и сразу пошел на посадку.

Еще минуту или две можно было слышать над головой жужжание истребителей сопровождения.

Винты «Дугласа» еще вращались, когда на поляну выбежали, рассыпаясь веером, тени солдат из спецгруппы.

Люк «Дугласа» открылся, из самолета на мокрую траву упал овал тусклого желтого света.

Трап звякнул об округлый борт и прижал траву.

Человек, появившийся вслед за пилотом в люке, остановился, вглядываясь в темноту.

— Все в порядке, — сказал майор.

И его слова были заглушены очень громким в этой тиши треском мотора немецкой трофейной танкетки.

В танкетке было зыбко и зябко. Очень трясло.

Сталин долго старался раскурить трубку, но спички гасли.

Майор, сидевший рядом, тщетно старавшийся не дотронуться плечом, протянул зажигалку, сделанную из винтовочного патрона.

Сталин молча взял ее, но курить расхотелось.

— Сколько ехать? — спросил он.

— Сейчас будет дорога, — ответил майор.

Танкетка задрала нос, влезая на насыпь. Сталин навалился на майора. Он ничего не сказал, но майор ответил:

— Ничего.

— Сигналят, — сказал водитель танкетки.

Танкетка замерла.

— Это они? — спросил Сталин.

— Две вспышки. Одна. Еще две. Они, — сказал майор.

Сталин молча потянулся к люку.

Майор помог открыть его. Ему хотелось что-то сказать. Он с трудом сдерживался.

— Не волнуйтесь, — сказал Сталин. — Ждите, как условлено. Я буду через два часа.

Сталин прошел несколько шагов к темному пятну на серой мокрой дороге. Остановился. Достал из кармана плаща зажигалку майора. Но закуривать снова не стал. Спиной он чувствовал взгляд и страх майора.

У низкого черного «Мерседеса» стояли люди в черных блестящих плащах. Блеском плащей и неподвижностью они казались продолжением машины.

Один из них ловко и даже щеголевато распахнул дверцу.

Сталин не смотрел в их лица.

Дверца захлопнулась.

«Мерседес» сразу заурчал. Сталин отметил про себя, что рессоры у «Мерседеса» лучше, чем зисовские.

Ехали минут сорок. Рядом со Сталиным сидел офицер в блестящем плаще. Длинные тяжелые кисти рук лежали смирно на коленях. Сталину был виден циферблат его часов с зеленоватыми фосфоресцирующими цифрами.

Один раз пришлось остановиться у пропускного пункта.

Человек рядом с водителем опустил стекло, и сразу стало свежо. Он сказал пароль. Сталин не прислушивался.

Когда доехали до места, у Сталина затекла нога. Выйдя из «Мерседеса», он чуть не вскрикнул от неожиданной боли. Пошатнулся. Офицер в блестящем плаще успел подставить ладонь, и Сталин оперся на нее. Перед глазами оказались петлицы офицера. Блеснули кубики. Сталин подумал, что надо будет по возвращении ознакомиться со знаками различия СС. Хотя эта информация вряд ли пригодится.

Гитлер встретил его на лестнице бункера.

Дверь сверху звякнула, вдвигаясь в стену.

— Здесь никого нет, — сказал Гитлер. — Только мы с тобой. Раздевайся. Дай я тебе помогу.

Гитлер повесил плащ Сталина на вешалку из оленьих рогов.

Стены в бункере были серые. Посреди низкой длинной комнаты без окон стоял стол, на котором лежала большая оперативная карта.

— Мой Шапошников отдал бы полжизни, чтобы поглядеть на это, — сказал Сталин.

Они обнялись. Гитлер изменился за те месяцы, пока они не виделись. Под глазами мешки, щека дергается.

— Ты тоже не помолодел. — Гитлер угадал мысль Сталина. — Иди сюда.

Они прошли в следующее помещение. Там стоял черный кожаный диван и несколько кресел. На низком столе странное сочетание: бутылки вина, сока, молоко в хрустальном графине.

— Ухаживай за собой сам, — сказал Гитлер. — Тут есть твое вино.

— А ты все такой же трезвенник? — спросил Сталин.

— Мне надо бы подлечиться, — сказал Гитлер. — Здесь не врачи, а костоправы. Кликуши какие-то.

— Потерпи, — сказал Сталин.

Он налил полный бокал киндзмараули. Он все еще никак не мог согреться. В бункере было тепло, но холод путешествия въелся в кости.

— Как добрался? — спросил Гитлер.

— Нормально. Даже вздремнул в самолете.

— На «Дугласе» летел? — спросил Гитлер.

— Да.

— Тебя засекли, — сказал Гитлер. — Мне доложили. Хорошо, что сначала доложили, а потом хотели сбить.

— У меня были неплохие истребители, — сказал Сталин. — Асы.

— «Яки»?

— Это военная тайна, — улыбнулся Сталин.

Теперь можно было закурить.

Гитлер поморщился.

— Ты и табачного дыма не выносишь?

— Это вредно, — сказал Гитлер.

— Мы стареем, — сказал Сталин. — Как наши?

— Я почти никого не вижу, — сказал Гитлер. — Была депеша Ямамото. Он недоволен Макартуром.

— Я еле отговорил Мацуоку, — сказал Сталин, — ударить по Дальнему Востоку. У него странные идеи.

— А ты не задумывался, — сказал Гитлер, — как образ жизни, повседневное окружение нас переделывают? Мы начинаем всерьез относиться к своим обязанностям.

— Ко мне это не относится, — сказал Сталин.

— Правильно, пускай этим занимаются аналитики дома, — сказал Гитлер.

— Я страшно стосковался по дому, — сказал Сталин.

— Осталось три года. — Гитлер осторожно налил из графина в стакан молока. — Здесь молоко хорошее. Коровы едят лесные травы.

— Тебе три. Мне, вернее всего, куда больше. Боюсь, как бы не все десять.

— Я вернусь, постараюсь тебя вытащить, — сказал Гитлер.

Они прошли в большую комнату, к столу.

— Я не согласен с центром, — сказал Сталин. — Поэтому и просил тебя о встрече.

— Я понял, — ответил Гитлер. — И даже подозреваю, о чем будешь просить.

Сталин постучал трубкой по середине карты.

Искра упала на карту, и Гитлер быстро смахнул ее на пол.

— Это Сталинград, — сказал Сталин. — Я тебе его не отдам.

— Но в центре полагают, что ты должен остановить меня у Урала, — заметил Гитлер.

— А сам ты что думаешь?

— Эгоистически я с тобой согласен, — сказал Гитлер. — Взятие Сталинграда продлит войну еще на полгода. Значит, я на полгода позже буду дома. А я боюсь, что просто не доживу.

— Эгоистически, — повторил Сталин. — Сейчас речь идет не о твоем эгоизме, Хил, мой мальчик.

— Каковы твои аргументы?

— Мы выполнили демографические требования центра, — сказал Сталин. — Я сам просчитал недавно: начиная с 1914 года Россия потеряла пятьдесят миллионов человек, почти половину населения.

— Русские быстро плодятся, — сказал Гитлер.

— Ты тоже внес свою лепту.

— Не намного больше, чем планировалось.

— Им хорошо сидеть у компьютеров, — сказал Сталин с неожиданной горечью. — Страна дошла до предела! Когда мы планируем уничтожение в Японии самурайства и раскидываем японский офицерский корпус, как носитель генетики самурайства, по островам Тихого океана, чтобы истребить его руками Макартура, я вижу в этом четкую задачу прогресса. Когда мы катастрофически ослабляем Россию, понимая, что в ином случае она станет угрозой дальнейшему развитию земной цивилизации, что она сожрет западные демократии, я иду на это. Когда мы подрываем и уничтожаем германский милитаризм, устраивая Первую мировую войну, поощряя фашизм, кидая твои армии в мясорубку, мне тоже ясна логика центра. Но сейчас наступил перебор. Уничтожение моих армий под Сталинградом, ликвидация населения в Поволжье и Закавказье уже не дают прогрессивного эффекта. Не исключено, что твои армии дойдут до Урала и Средней Азии, а ведь именно туда мы отправили те умы страны, что пригодятся для будущего...

— Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав, — тихо сказал Гитлер. — Человек не в состоянии соревноваться с компьютером. Этому нас, мой Суус, учили в школе. Ты стал с возрастом сентиментален. Боюсь, что ты стал отождествлять себя со страной, куда тебя кинули. Ведь порой приятно быть кумиром, живым богом, признайся.

— Я недавно видел хронику. Ты на трибуне. Гадкое зрелище. Ты буквально беснуешься.

— Видишь, я задел тебя за живое, — сказал Гитлер. — Выпей молока. Здесь коровы едят лесные травы.

— Ты повторяешься.

Сталин смотрел на карту.

— Это удивительная и страшная планета, — сказал Гитлер. — Будь моя воля, я бы снял ее со списка прогресса. Пускай они сами себя сожрут. Чего стоит этот болезненный культ тиранов! Чем больше людей ты уничтожаешь, тем больше тебя воспевают.

— В этом отношении ты по сравнению со мной мальчишка.

— Может быть. Поэтому и трубы в честь тебя гремят громче.

Они стояли и смотрели на карту.

Потом Гитлер сказал:

— Тебе пора.

— Ты когда свяжешься с центром? — спросил Сталин.

— Сегодня ночью, — сказал Гитлер. — И я поддержу твою просьбу. Мне так хочется домой...

Гитлер проводил Сталина до лестницы.

— Помнишь, мальчишками мы мечтали о подвигах и боях?

— Мы тогда не знали, как пахнут реки крови, — сказал Сталин.

— Но мы делаем великое и благородное дело, — сказал Гитлер. — Когда-то, достигнув гармонии, земная цивилизация воспоет нас... уже не как тиранов.

— Трудно, — сказал Сталин.

— Я поддержу твою просьбу.

Сталин вышел под дождь. «Мерседес» стоял у самого входа в бункер. Плащ не успел высохнуть, и от него было холодно и гадко.

Далеко-далеко под невидимыми сквозь тучи звездами нарастал смутный гул.

«СБ» идут, — подумал Сталин. — Я вчера приказал совершить налет на Берлин и почти забыл об этом. А они идут».

Немецкие офицеры замерли, глядя в небо.

Уже в танкетке, возвращаясь к партизанскому аэродрому и отворачиваясь от майора, которого вдруг одолел кашель, Сталин вспомнил, что надо бы увеличить пайки писателям, эвакуированным в Чистополь. Но за делами он все время об этом забывает. Впрочем, если те писатели вымрут, найдутся другие. В сущности, это мелочь.

2

Они сидели на краю заброшенного, забытого шоссе. Между старых бетонных плит росли кусты рюсы. В лучах закатного солнца вспыхивал искоркой высоко летящий питекор.

Суус сорвал травинку и принялся жевать ее.

— Знаешь, о чем я тоскую? — сказал он. — О глотке грузинского вина.

— Не могу разделить твоей тоски, — сказал Хил. Здоровый образ жизни и несколько удачных операций сделали свое дело. Он казался куда моложе, чем тридцать лет назад, осенью 1942 года по христианскому летосчислению, в бункере под Ровно. — Мне мысли о той планете отвратительны.

— Я знаю почему, — сказал Суус, поглаживая седые усы — он не смог отказаться от них, вернувшись домой. — Потому что ты потерпел поражение. Помнишь, ты укорял меня за то, что я начал на каком-то этапе ассоциировать себя с социумом, которым я руководил?

— Не в поражении дело. Мне всегда был гадок строй, который я вынужден был создать, и маска, которую я носил.

Хил лег на спину и, прищурившись, смотрел в яркое синее небо.

— Может быть, — сказал он после паузы, — виной тому страх. Страх смерти в апреле сорок пятого.

— Наши тебя еле успели вытащить, — сказал Суус. — А какие новости с Земли?

— Ты знаешь.

— Знаю. Но думаю, что мы делаем ошибку.

— Нет, я разделяю позицию центра.

— Но столько усилий! Столько жертв! Если я не ошибаюсь, там за эти годы погибло шестнадцать наших с тобой коллег.

— Семнадцать, — сказал Хил.

— Такие жертвы — и все впустую! Нет, контакт прерывать было нельзя!

— В нашем большом деле бывают ошибки, — сказал Хил. — Если цивилизация генетически тупиковая, дальнейшие жертвы бессмысленны.

— Значит, мы плохо с тобой работали.

— Мы с тобой хорошо работали, — ответил Хил. — Мы отдали Земле лучшие годы жизни. Мы старались...

— По расчетам центра, когда они себя уничтожат?

— Через двадцать лет...

— Черт возьми! — сказал по-русски Суус. — Полжизни за бокал киндзмараули!

— Тебе надо показаться психиатру, Суус, — сказал наставительно Хил.

ЗВЕНЯЩИЙ КИРПИЧ

В середине VI века до нашей эры положение Вавилонского царства, которым правил известный Валтасар, никуда не годилось. Местные тираны и наместники грабили безропотное население, экономика разваливалась, искусства и науки пришли в упадок. Тем временем

персидский царь Кир в союзе с коварными мидянами готовился преодолеть линию укреплений, построенную еще Навуходоносором, и нарушить тем самым хрупкое политическое и военное равновесие.

Многие в Вавилоне полагали, что виной тому политика Набонида, отца Валтасара, который не занимался текущими делами, любил роскошь и чинопочитание, а также участие в торжественных церемониях.

Как-то перед очередным пиром ближайшие соратники Валтасара собрались во дворце. Начальник складов сообщил, что зерно поступает вяло и низкого качества. Сатрап Лидии доложил, что в стране, разоренной его обезглавленным предшественником, ожидается плохой урожай. Мудрец Улулай сказал, что изобретение катапульты задерживается из-за недопоставок листовой меди. Везде обнаруживались недостатки и прорехи. Многие понимали: ожидаются казни и должностные перестановки.

Тут вперед вышел глава соглядатаев и сказал:

— Позволь слово молвить, великий повелитель!

Валтасар мрачно кивнул.

— Мои люди раздобыли у одного египетского караванщика образец новой вражеской технологии.

По его знаку слуга внес блюдо, на котором лежало нечто, покрытое шелковым платком.

Глава соглядатаев сорвал платок, и на блюде обнаружился кирпич.

Кто-то хихикнул. Его увели. Повелитель нахмурился.

— Не спеши с выводами, — сказал глава соглядатаев. — Это не просто кирпич, а новое слово в стратегии.

Он легонько ударил по кирпичу длинным ногтем мизинца, и кирпич отозвался серебряным звоном.

— *Не понял, — сказал Валтасар.*

— Египетские мудрецы изобрели этот звенящий кирпич с далеко идущими целями. Отныне у них все подходы к городам, а может, даже к границе будут выложены этими кирпичами, и вражеское войско даст знать о своем приближении задолго до приближения. Звон подков и каблуков по такой дороге разносится на дневной переход. Отныне Египет будет в безопасности от неожиданного нападения.

— Чепуха, — сказал кто-то. Его увели. Валтасар задумался. Потом приказал вызвать экспертов по кирпичам.

Эксперты долго спорили, разделившись на четыре партии. Некоторые полагали, что создать такой кирпич невозможно, потому что в Вавилоне нет для этого материалов. Другие считали, что кирпичи не настоящие, а выдумка египетской пропаганды. Они предлагали разбить образец, чтобы увидеть в серединке серебряный колокольчик. Третьи стояли за то, чтобы наладить импорт кирпичей в обмен на ливанский кедр. Наконец, четвертые, в лице начинающего мудреца

Авельмардука, сразу дали обещание изобрести и изготовить такой же, но лучше качеством, в течение десяти лет.

Валтасар всех выслушал. Затем кирпич по его приказанию разбили. Колокольчика в нем не нашли и поэтому накормили кирпичными обломками скептиков. Оптимисты же в лице Авельмардука получили задание изобрести отечественный звенящий кирпич до конца текущего года.

Учреждению, созданному для изготовления кирпича, который обезопасит государство, отвели летний дворец Навуходоносора по соседству с храмом Мардука. Кирпич получил название «КЗ», весь район, прилегающий к опытному производству, обнесли привезенными из Аравии непреодолимыми колючками и ввели систему пропусков на глиняных табличках.

Так как Предприятие запросило на первое время тысячу талантов серебром, были урезаны ассигнования на сельское хозяйство и писцовые школы. Через три месяца на производстве «КЗ» трудились уже восемьдесят тысяч рабов и более сорока тысяч вольнонаемных специалистов. Руководитель Предприятия мудрец Авельмардук получил чин особо приближенного советника и право реквизировать в пользу проекта любое имущество. К зиме он реквизировал долину реки Диялы, в которой из опытных и неудачных партий кирпича «КЗ» были возведены дворцы для него и членов его семейства.

Так как положение населения продолжаемо ухудшаться, в государстве Валтасара участились казни. Но в то же время поползли слухи о том, что сотрудники Авельмардука зазря проедают народные деньги и не спешат изобретать «КЗ», тогда как все прочие отрасли науки в Вавилоне перебиваются с лепешек на воду.

Некоторые стали писать правителю доносы на глиняных табличках. Однако эта практика скоро кончилась, так как ввиду растущих потребностей Предприятия «КЗ» в качественной глине все глиняные карьеры были засекречены, а писцам и работникам средств массовой вавилонской информации было предложено писать письма и книги палками на песке.

Так прошел первый год. По истечении его повелитель Валтасар призвал перед свои грозные очи советника Авельмардука и спросил его:

— Где твой кирпич? Враги приближаются к столице, но я этого не слышу.

— Они еще далеко, — ответил Авельмардук. Он заметно потолстел, окреп и загорел в очередном отпуске в долине реки Диялы.

— Где «КЗ»? — настаивал Валтасар.

— Я был бы рад доложить тебе, о повелитель, об окончании работ. Но, к сожалению, массовый саботаж моих коллег сорвал мои планы.

— Объясни, — сказал Валтасар.

— Я буду искренен с тобой, мой повелитель, — сказал Авельмардук. — Хотя рискую вызвать твой гнев. Для того чтобы спасти наше государство и одним ударом разрубить узел проблем, требуется полная концентрация усилий в одном направлении. Что же мы видим в действительности? Одни продолжают разводить коней и овец, другие добывают земляное масло, третьи изобретают катапульты, четвертые замыслили совсем несусветное: боевую машину, которую движет пар! Более того, я знаю о предателях и саботажниках, которые втихомолку строят флот и тщатся надуть вонючим дымом большой шар, утверждая, что смогут подняться на нем в небо. Вот, дорогой повелитель, на что растранжириваются народные деньги! А мы с тобой из-за этого не можем обезопасить государство от врагов.

Валтасар пришел в страшный гнев. Сначала он приказал собрать к себе всех мудрецов, которые упорно продолжали заниматься пустым изобретательством, когда решалась судьба «КЗ» и всего государства. На этом собрании выступил с гневной речью советник Авельмардук и убедительно доказал собравшимся, что все эти мудрецы и халдеи являются персидскими агентами. После этого большинство мудрецов раскаялись в своих ошибках, а остальных пришлось отправить в Аравийскую пустыню на соляные копи.

Деньги и ресурсы, освободившиеся после этого «великого очищения науки», были переданы Предприятию «КЗ», его опытные заводы задымили втрое активней, а советник Авельмардук построил четыре дворца для своих наложниц на берегу Евфрата.

К сожалению, экономическое положение Вавилонии продолжало ухудшаться, но страна, включая Валтасара, жила надеждой на скорейшее завершение программы «КЗ».

Тем временем коварный Кир преодолел Милийскую стену Навуходоносора, занял город Сиппар и форсированным маршем двинулся к столице. От топота его армий дрожала земля, и звук этот доносился до дворца Валтасара.

За день до первого штурма Вавилона правитель собрал к себе сановников государства и спросил:

— Готовы ли стены Вавилона к отражению штурма?

— Нет, — ответил начальник стен, — все кирпичи, что ранее шли на эти цели, переданы Предприятию «КЗ». Туда же ушла вся глина. Стены частично обвалились.

Валтасар, разумеется, приказал казнить начальника стен.

— Готовы ли мои непобедимые колесницы, чтобы смести с лица земли подлых персов? — спросил затем Валтасар.

— К сожалению, нет, так как железо с них передано заводам «КЗ», а деревянные части сожжены в печах «КЗ», — ответил, дрожа предсмертной дрожью, командующий колесницами.

Командующий колесницами был казнен. За ним лишились жизни не готовые к отражению противника начальники катапульт, хранители ворот, смотрители продовольственных складов, а также муд-

рецы и халдеи, которые не сумели оперативно изобрести царскую машину, воздушный шар, парусный флот и земляной огонь.

Но не все еще было потеряно. С минуты на минуту с Предприятия «КЗ» обещали доставить опытную партию звенящих кирпичей.

В ожидании кирпичей Валтасар закатил пир для оставшихся в живых сановников. Напились так, что кто-то написал на стенах непонятные слова. Последующие историки утверждают, что звучали они так: «Мене, Мене, Текел, Упарсин» — и предрекали гибель Вавилона и лично Валтасара. Задним числом предрекать легко.

На следующее утро Валтасар, пребывавший в тяжком похмелье, вызвал к себе Авельмардука. Авельмардука долго искали и наконец перехватили у западных ворот, когда он пытался скрыться из города на боевом дромадере в сопровождении верной наложницы, двух мешков золота и опытного образца. Дезертира привели к повелителю.

— И ты, Авельмардук? — укоризненно спросил Валтасар.

— Меня неправильно поняли, — ответил советник. — Я эвакуировал из столицы опытные образцы, чтобы наладить их промышленное производство в труднодоступных горных районах.

И Авельмардук протянул повелителю первый кирпич.

Повелитель щелкнул по нему ногтем. Кирпич легонько звякнул.

— Через три года доведем до кондиции, — заверил его Авельмардук.

Валтасар поглядел на слова, написанные кем-то на стене, потом прислушался. У ворот дворца кипел бой, грохот стоял такой, что приходилось кричать.

— Звенит! — прокричал Валтасар. Он поднял кирпич и размозжил им голову Авельмардуку.

Через несколько минут и сам Валтасар погиб возле своего трона.

Это случилось в 538 году.

До нашей эры.

ДИАЛОГ ОБ АТЛАНТИДЕ

Платон собрался работать. Для этого он сделал то, что делали другие писатели и ученые как до него, так и после. Сказал рабу, чтобы на ареопаг его ни в коем случае не звали, даже если персы нападут, послал мальчика в редакцию с обещанием сдать рукопись к вечеру, посмотрел на небо, пересчитал чаек и мысленно сравнил их с крикливыми критиками. Потом снял с вожделенного запыленного папируса тяжелую раковину и окунул пеликанье перо в чернильницу с надписью: «От друзей и сотрудников в день тридцатилетия научной и общественной деятельности».

Тут вошла невестка и сказала:

— Платон, я к косметичке. Жена Аристотеля устроила.

— Иди, — сказал сухо великий ученый, у которого с Аристотелем были давние счеты.

— Мне Крития не с кем оставить, — сказала невестка.

— А рабыни на что?

— У них выходной, — сказала невестка. — Ты же знаешь, какая я добрая.

— Тогда отложи визит к косметичке, — сказал Платон, любовно разглаживая папирус.

— Нельзя, — вздохнула невестка. — Она знает секрет вечной молодости. Ее уже в Рим переманивают.

— В этот ничтожный городишко?

— А одна пророчица сказала, что Рим будет центром крупной империи.

— Вот уж чепуха! — возмутился Платон. — Твоя пророчица ничего не смыслит в экономике. Рим стоит в стороне от торговых путей.

— Так посидишь с Критием? Я ненадолго.

— А работать кто будет? — отважился Платон на безнадежный бунт.

Невестка ушла.

На террасу вышел сорванец Критий. Платон редко вспоминал о его существовании, лишь порой беспокоился, не упал ли мальчик со скалы. Он оттаскивал Крития от перил и рассказывал ему сказку о мальчике Икаре, который не послушался папу Дедала и утонул.

Сорванец подошел к деду, потрогал пальцем раковину и сказал:

— Дай. Я из нее лодку сделаю. Поплыву в Иберию.

— Раковина утонет, — сказал Платон. — Каждое тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Вода весит меньше, чем раковина.

— Много знаешь, — презрительно сказал Критий. — А в солдаты тебя не возьмут.

— Это клевета! — ответил Платон. — Я сражался под Коринфом.

— Все равно отдай. А то буду кричать, что ты меня бьешь.

— Не могу. Она принадлежит к неизвестному науке виду.

— Тем более.

— Она хранит в себе великую тайну.

— Тайну? — Критий заинтересовался. — Расскажи.

— Дело в том... — Платон никак не мог придумать достаточно интересную тайну. — Дело в том... Эта раковина — единственное, что осталось от великой страны.

— А где страна?

— Где? Конечно, утонула в море.

Платон вздохнул с облегчением. Первый шаг сделан.

— Вся утонула?

— Вся.

— Почему?

— Это было очень давно. — Платон тщетно надеялся, что такой ответ удовлетворит сорванца.

— А если давно, откуда ты знаешь?

— Мне один египетский жрец рассказывал.

— А ему?

— Его дедушка.

— Египетский дедушка?

— Конечно, египетский.

— А что ему рассказывал дедушка?

Критий кинул вызов воображению Платона. Ученый не желал сдаваться.

— Он ему рассказывал о том, как бог Посейдон влюбился в тамошнюю девушку и поселился с ней на большой горе. У них родилось пять пар близнецов, как у твоей тети.

— У тети только пара близнецов, они не рождались, а их принес аист.

— Правильно, — спохватился Платон. — Посейдону близнецов тоже принесли аисты. Целая стая аистов. Близнецы стали царями и правили этой страной по очереди.

— Они были сильные?

— Сильные, как Атлант. Тебе мама про него рассказывала?

— Мне про него мальчишки рассказывали. Он держит небо. Дедушка, а кто держит небо, когда Атлант ходит в уборную?

Платон растерялся. Этого он не знал.

— Не важно, — отрезал он и поспешил с продолжением рассказа. — Так вот, страна эта называлась Атлантидой.

— Атлант там небо держал?

— Там, там.

— А он волков боялся?

— Волков? Конечно, боялся.

— А близнецы боялись?

— Критий, ты мне мешаешь. Не перебивай. А то я все забуду.

— Дедушка, а что такое склеротик?

— Ты откуда знаешь это слово?

— Мама говорила. — Критий смотрел на дедушку невинными черными глазами, и Платон не решился спросить, по какому случаю мама употребила это слово. Он продолжал:

— Конечно, Посейдон боялся волков. Он даже окружил свою гору каналом, круглой рекой, чтобы волк не скушал его близнецов.

— А если волк перепрыгнет через реку?

— Тогда Посейдон вырыл еще один канал.

— А если волк...

— Он построил еще один канал, и перестань меня перебивать.

Незаметно для себя Платон увлекся. Его давно интересовала проблема идеального общественного устройства. Он излагал Критию

свои взгляды на социально-экономическую структуру Атлантиды и не заметил, что Критию стало скучно и он унес драгоценную раковину.

— И вот тогда, — закончил свой рассказ Платон, — боги разозлились и наслали на Атлантиду извержение вулкана, наводнение и прочие бедствия. Должен сказать тебе, мальчик, что я пессимистически отношусь к перспективе создания идеального государства. Так вот в один прекрасный день раздалось: бух!

— Бух! — весело отозвался Критий от перил.

Он сбросил раковину вниз и обрадовался, увидев, какой фонтан брызг она подняла.

— Что ты наделал! — вскочил Платон. — Что натворил!

— Пускай ничего не останется от Атлантиды. Все равно ты все придумал. Три канала и пять пар близнецов! Надо же так наврать! И не бей меня, я маме скажу!

— Я никогда не бью детей, — сказал великий ученый. — И вообще, не мешай мне работать. Я тебе не нянька! Всыплю по первое число, тогда посмотрим, у кого из нас склероз!

Критий понял, что шутки кончились, тихо заныл и пошел ловить бабочек.

Когда через час издательский раб пришел за рукописью, перед Платоном уже лежал свиток, исписанный неразборчивым почерком великого человека. У ног философа дремал Критий, которому снился волк, подкрадывающийся к близнецам.

— Возьми и вели ставить в номер, — сказал рабу Платон.

Невестка вернулась только к вечеру. Ученый сам накормил и уложил спать сорванца...

Через много лет растолстевший бородатый Критий рассказывал друзьям и собутыльникам:

— Я как махну эту ракушку через перила, старик как завопит: «Стой! И так ничего от Атлантиды не осталось!» А я ему: «Молчи, дед, у тебя склероз». Он озлился и написал про Атлантиду.

Друзья смотрели на Крития с жалостью и не верили ни единому его слову. Они снаряжали корабли на поиски исчезнувшего материка.

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Судьбы мира решаются не тогда, не там и не теми, как принято считать. Александр Македонский объявлял о завоевании Вселенной, но сроки возвращения домой определяли неведомые солдаты. Полководцу же оставалось лишь бессильно материться.

Об этом должны помнить сильные мира сего.

Замечательный пример тому — Вавилонское столпотворение, то есть творение столпа в Вавилоне, а не разрушение его, как многие полагают.

Грандиозное престижное строительство было затеяно для того, чтобы весь мир убедился в преимуществе вавилонской веры над иными идеологическими системами.

Со всех сторон цивилизованного мира к Вавилону свезли специалистов и согнали заключенных. Для того чтобы система функционировала нормально, туда же были доставлены три сотни переводчиков.

На шестьсот восьмой день работ, в конце пыльного лета, в глинобитной времянке сатрапа шестнадцатого участка Вавилонбашстроя проходила оперативка, которая в те дни называлась иначе. Сам сатрап сидел на подушках перед низким мраморным столом и разносил подчиненных.

— Как известно, — говорил он, — мы заказывали у пенджабцев железные скрепы в пол-локтя на локоть и одну девятую. Что же мы получили с последним караваном?

По его знаку чернокожий раб достал из-под стола скрепу размером 0,76 локтя на 0,87 локтя и показал собравшимся.

Примерив скрепу к своим разным локтям, специалисты высказали возмущение на двадцати трех языках. Переводчики изложили их возмущение на древневавилонском языке.

— Так как кто-то должен ответить головой за ошибку, я предлагаю, по сложившемуся у нас обычаю, объявить виноватым переводчика.

Строители быстро проголосовали, а переводчики послушно перевели результаты голосования на древневавилонский и потом попрощались со своим коллегой Арамом Сингхом, которого повели на казнь.

Вечером переводчики шестнадцатого участка собрались в харчевне на пыльном берегу Евфрата. Было жарко. Переводчики пили сладкое разбавленное вино, поминая Арама, хорошего человека.

— Так жить нельзя, — сказал Евтрепий, знавший критомикенские языки и диалект острова Санторин. — Мы не отказываемся работать, но мы не можем нести ответственность за продажных, ленивых, распущенных сатрапов и прорабов, за надутую бюрократию и наглую мафию. Это кончится тем, что на свете не останется переводчиков.

— Мы не рабы, мы свободные! — крикнул переводчик со скифского.

— Я мог в гареме работать! — воскликнул эфиоп. — Но сознательно пошел на большое, нужное человечеству дело.

— Нужное ли? — спросил некто с финикийским акцентом. —

А кушать гнилую рыбу и ходить босиком — это тоже нужное дело? Так я знаю, кому нужно такое дело!

— Надо бежать! — воскликнула переводчица с амазонского. — Кони оседланы.

— Маххатма-сабеец бежал, — опередил амазонку финикиец. — Чем кончилось? Поймали в Аравийской пустыне, отвели на арматурный склад и всыпали двадцать плетей. Маххатма, покажи шрамы!

— Не надо, — сказала амазонка.

— Я знаю, что делать, — произнес доселе молчавший Иван, представитель загадочного этрусского народа, недавно откочевавшего в устье Днепра. — Им кажется, что нас можно убивать, а мы им докажем, что без нас они бессильны.

Так в истории человечества родилась форма протеста «забастовка».

На следующий день переводчики не вышли на работу. Иностранные специалисты опоздали на завтрак, многие так и не нашли туалета, высокую мидийскую делегацию никто не встретил, а облицовочную плитку из Ура ссыпали в бетономешалку.

Через два часа руководство стройки собралось на экстренную пятиминутку. Сатрапы запустили длинные ногти в завитые бороды и пришли к общему мнению: направить в шалаши и по баракам переводчиков лучших палачей с кнутами. Информировать таким образом переводчиков, что в случае дальнейшего неповиновения каждый десятый будет посажен на кол, а остальные продолжат трудовую деятельность в оковах.

Палачи разошлись по баракам. Стенания и вопли переводчиков огласили равнину. Переводчики сдались и покорились. Остальные рабы улюлюкали им вслед.

На этом очевидная и известная на всем Ближнем Востоке *история первой в мире забастовки завершается. Дальнейшие события*, одобренные тайным сходом переводчиков, собравшимся в ночь после капитуляции, известны нам лишь по результатам. Месть бесправных, но грамотных интеллигентов основывалась на доверии раннего бюрократа к слову, отпечатанному на глиняной табличке.

С такой табличкой пришел на следующее утро переводчик-гиперборей к своему сатрапу и, показав отпечаток пальца главного финикийского надзирателя, сообщил, что табличка — расписка финикийца о получении трех талантов серебра от враждебных ахейцев за караван верблюдов, груженных смолой. Если учесть, что финикийский надзиратель тем-де утром получил из рук другого переводчика табличку с распоряжением срочно отправить караван верблюдов, груженных смолой, на запад, и если учесть к тому же, что ни один древний бюрократ той эпохи не знал грамоты, то массовые казни среди финикийского руководства объяснимы, как и объяснима последовавшая резкая нота Финикии Вавилону, после чего финикийские, а

также дружественные им арамейские специалисты были отозваны со стройки века.

На совещании, посвященном этому событию, выступил перс, который, как поняли вавилоняне из речи переводчика, нелестно отозвался о матери царя Вавилона, за что был тут же растерзан участниками совещания. На следующий день все персы и пуштуны, азербайджанцы и аланы покинули строительство, осыпая проклятиями вавилонский народ.

Через неделю строительство превратилось в хаос. Столпотворение стало Непониманием. И в этой атмосфере деловитые, никогда не ропщущие переводчики с табличками в руках являли контрастное исключение. Они всегда готовы были помочь переводом, объяснением и даже комментарием. Например, переводчица-амазонка раздобыла где-то папирус с достоверными сведениями о том, что аравийцы завтра украдут гарем у заместителя главного сатрапа. Аравийцы же узнали от Маххатмы-сабейца о намерении вавилонян оскопить всю их бригаду. Еще не зашла луна, когда разгорелся бой между вавилонянами и аравийцами. Среди погибших была значительная часть руководящих лиц строительства. Остальных обезглавили через три дня, когда царь Вавилона сменил не оправдавшее его надежд руководство.

Новое руководство столкнулось с полным языковым и моральным непониманием. Никто ни с кем не хотел разговаривать. Новое руководство подало в отставку и было обезглавлено как капитулянтское.

Рабочие и специалисты разбежались по пустыне. Строительство завершилось на полдороге. Последними уезжали переводчики. На опустевшей площади перед громадной грудой кирпича они устроили веселый дружеский банкет.

Переводчики прожили после этого много лет. Слухи об их участии в вавилонских событиях распространялись по белу свету. Внучонок спрашивал деда-переводчика:

— Ты же переводчик, дедуля. Как же ты не остановил это столпотворение?

— Боги их покарали, — отвечал дедушка. — Не ценили они кадры, вот боги их и покарали.

— А тебя почему не покарали?

— А меня с коллегами они выбрали орудиями своей кары.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ГОРОДА

Я разучился ездить в поездах — спать в купе и высыпаться, как дома. Тоска берет от одной мысли, что придется жить в душной клетушке, где уже спят случайные попутчики, с которыми, втискивая свои чемоданы, обменялся дежурными любезностями, — укладываться на еще влажные казенные простыни и дремать, просыпаясь на остановках от яркого света станционного фонаря или резкого гудка маневрового тепловоза.

Я оттягивал момент, когда все-таки придется уйти в купе, и курил в коридоре, опустив окно и борясь с занавеской, которая вздувалась парусом и норовила упереться в лицо.

Кроме меня, в вагоне не спали еще двое. Добродушного вида гладко облысевший флегматичный толстяк в голубой рубашке, подобранной выше локтей резиновыми колечками, появился в поезде недавно на небольшой станции, но уже успел переобуться в разношенные домашние туфли без задников. Собеседник его тоже был лыс, но его небольшая аккуратная лысина походила на тонзуру католического монаха, и сам он, в тщательно начищенных ботинках и белоснежной рубашке, казался воплощением аккуратности. Оба носили очки. При взгляде на толстяка возникало ощущение, что очки ему малы — в них словно умещались лишь зрачки, обрамленные тонкой черной рамкой. Второму человеку очки были явно велики, и он поминутно поправлял их.

Разговор я застал на середине, но это не имело значения, потому что он не был сосредоточен на какой-нибудь одной теме.

— Нет, у нас небо чистое, промышленности мало, — говорил толстяк, перебирая короткими пальцами по подтяжкам, будто играл на арфе.

— Но южное небо производит особое впечатление.

— Признаю, южное небо кажется черным, и звезд на нем больше. Но приезжайте отдохнуть к нам, выберем безлунную ночь, и тогда насмотритесь на миры, плывущие в бесконечном космосе.

Они глядели в синее чистое небо над черным забором подступавших к путям елей.

— Я предпочитаю проводить отпуск на юге, — сказал элегантный человек. — Нет, спасибо, не курю. Курите-курите, я не возражаю. Отпуск должен быть полноценным.

— Смотрите, спутник полетел.

— Их много теперь летает.

— А может, космический корабль, — сказал толстяк.

— Да. Со временем космические корабли покорят космос. И зрелище их будет для нас привычным.

— Будет привычным, — согласился толстяк. — Как же. С других планет станут к нам прилетать. Туристы, в командировку...

Элегантный человек улыбнулся, и улыбка звучала в его голосе, когда он ответил с некоторой снисходительностью:

— Если они и прилетали, то в отдаленном прошлом. Мне где-то приходилось читать об этом.

— Могли в отдаленном, могут и сегодня, — ответил толстяк просто. Голос его был выше, чем положено иметь такому крупному чело-

веку. Наверное, когда-то голос соответствовал хозяину, но потом хозяин растолстел, а голос остался прежним.

— Не исключено.

— Даже жалею, что я лично с ними не встречался, — сказал толстяк.

— Мне тоже не приходилось.

Элегантный иронически хмыкнул.

— Разумеется, трудно поверить, — поспешил продолжить толстяк, — я бы и сам поставил под сомнение, если бы не известный мне случай.

— Ага, — сказал его собеседник и зевнул.

А мне вдруг стало грустно: вдруг этот разговор так и угаснет? Недоставало лишь небольшого толчка, чтобы толстяк поведал какую-то любопытную историю, которая, если и окажется выдумкой, все же стоит того, чтобы подбодрить толстяка каким-нибудь вопросом, но тут без моей помощи элегантный мужчина, глядя в окно, произнес:

— Метеорит упал.

Я тоже успел заметить недлинный след падающей звезды.

— Вот-вот, — обрадовался толстяк. — Тот след был куда ярче. Потом он пропал, потому что их корабль замедлил ход в атмосфере.

— М-да... — Элегантный мужчина не знал, как реагировать.

— Я был на рыбалке, — сказал толстяк. — Вместе с Паншиным. Он тоже преподаватель. Из нашей школы. Только я веду математику, а он литературу и русский язык. Мы с Паншиным Николаем Сергеевичем сблизились на почве рыбалки. И вот прошлой осенью, скоро год будет, отправились мы на Выю — речка такая в наших местах — с пятницы на субботу. А надо сказать, что Николай Сергеевич — человек легких решений. Он младше меня на восемнадцать лет, ему в ноябре будет тридцать четыре. Регулярно занимается спортом, ходит в турпоходы, очень следит за своей фигурой. Вам интересно?

— Продолжайте, продолжайте. Все равно спать не хочется.

Толстяк ждал другого ответа, но ничем не выказал своего разочарования. Он уже был во власти воспоминаний и говорил, отрешенно глядя в темноту за окном. Чтобы не упустить нити рассказа, я чуть подвинулся к нему.

— Но при этом я должен заметить, что Паншин — человек не очень любознательный. Представьте, мало читает, хотя словесник обязан быть в курсе новинок литературы. Странное сочетание душевной апатии и физической энергии. Но в школе его ценят. И ученики к нему неплохо относятся. А в тот вечер клевало плохо, как стемнело, мы развели костер, распили чайник чая и собрались на боковую... Костер-то догорел.

Толстяк сделал паузу. Главные события в рассказе должны были вот-вот развернуться, и паузу можно было бы принять за актерский прием, рассчитанный на то, чтобы заинтриговать слушателей. Но

мне показалось, что тут дело в другом: мы зачастую запоминаем не самый яркий, важный момент события, а какую-то мелочь, деталь. Вот и учитель вспомнил о догорающем костре.

— Да... и тут мы увидели след метеорита. Мы сначала даже решили, что по соседству упал спутник. След оборвался над лесом, и мы ждали удара. А ничего не было. И тогда Паншин сказал, что пойдет посмотрит. Он заявил, что, по его мнению, метеорит упал метрах в пятистах от нас. Я пытался его отговорить. Ну что увидишь в темноте? Но Паншин лишь посмеялся над моими страхами, взял фонарь и ушел. Я уже говорил, что он легок на подъем. Так вот, взял и ушел... А я остался один у костра. Прошло часа полтора. Может, больше. Мне не спалось. Меня беспокоило исчезновение Паншина. Вдруг он заблудился? Вдруг что-нибудь случилось? Наконец я не выдержал и стал его звать. И, представьте себе, через несколько минут он отозвался, вышел к костру и поблагодарил меня за крики, а то он чуть не сбился с пути. Я спросил, нашел ли он метеорит, а он сказал, что получил выгодное предложение, но его не могут долго ждать. Представьте мое удивление, когда он объяснил, что на поляне, недалеко от нас, опустился космический корабль с другой планеты.

Толстяк тяжело вздохнул и умолк. И диссонансом прозвучал деловой вопрос элегантного мужчины:

— С Марса?

— Может быть, с Марса, — согласился толстяк. — Не буду уточнять. Я дал слово Паншину молчать о местонахождении планеты. Вы уж простите, это не играет роли, но я дал слово.

— Как хотите, — произнес его собеседник сухо.

— Извините, — повторил толстяк. — Значит, Паншин объяснил, что корабль срочно улетает, а существа, прилетевшие на нем, предложили Паншину на несколько месяцев отправиться к ним. На их планете он пройдет курс исследований, ибо тамошние ученые хотят познакомиться с человеческим организмом. Затем его привезут обратно.

— Рискованное предложение, — сказал элегантный мужчина.

— Признаюсь, я был несколько растерян. Я только спросил: «А как же занятия в школе?», на что Паншин попросил меня договориться с директором, чтобы тот дал ему отпуск без сохранения содержания. Он сказал, что условия поездки его устраивают.

— Как можно поверить на слово совершенно незнакомым пришельцам? А если его искалечат?

— Меня тоже мучили подобные опасения. Я со всей прямотой сказал об этом.

— А он?

— Он ответил, что больше не может ждать. А то они улетят без него. Он взял зубную щетку, бритву и ушел в лес.

— А вы?

— Я сначала побежал за ним, но при моем сложении сразу отстал. Он лишь обернулся и крикнул, что напишет с оказией.

— Я бы на его месте не согласился, — сказал элегантный мужчина.

— Я остался один. И через несколько минут над вершинами деревьев поднялся огненный столб. Так они и улетели.

— И больше вы его не видели и ничего не слышали о нем, — кивнул утвердительно элегантный мужчина, будто знал нечто, недоступное пониманию толстяка, который вел себя в той ситуации не лучшим образом.

— Нет, почему же? — удивился толстяк. — Он мне потом написал.

— С Марса?

— Через три месяца упал метеорит. На этот раз настоящий. На нем были выдавлены моя фамилия и должность. И нашедшие метеорит мальчишки принесли его мне в школу. К счастью, никого поблизости не было и мне не пришлось отвечать на недоуменные вопросы. Метеорит был полый. А в нем записка.

Толстяк вытащил из заднего кармана брюк толстый потертый бумажник, залез короткими пальцами в боковое отделение и извлек сложенную вчетверо бумажку.

— Пожалуйста, — сказал он, протягивая ее своему собеседнику.

Тот поднес записку близко к очкам. Ночной коридор был слабо освещен.

— Мелко написано, — поморщился он, удерживая листок двумя пальцами.

— Я содержание наизусть помню, — сказал толстяк.

Он взял листок у элегантного человека и прочел вслух:

— «Живу на Марсе. Кормят хорошо. Скучаю. Вернусь через месяц-полтора. Здоров. Привет всем нашим. Особенно директору. Николай».

— И он вернулся?

— Вернулся, — подтвердил толстяк. — Через месяц и пять дней. Я дирекцию предупредил. С каким нетерпением я ждал его возвращения! Представьте себе: побывать на Марсе. А ведь простой учитель...

— Да, крайне любопытно, — вежливо согласился собеседник. — Может быть, он никуда и не улетал?

— Что же, он четыре месяца в лесу прожил?

— Он мог и в другой город поехать, на курорт. Может, он аферист?

— Ни в коем случае! — возмутился толстяк. — Паншин вполне порядочный человек. Если он сказал, что его пригласили на Марс, значит, его пригласили. Беда совсем не в этом.

— А в чем же?

— В том, что ему не следовало летать на Марс! Неизвестно, когда еще туда снова полетят люди, но Паншин — не тот человек.

— А что случилось?

— Я так ждал его возвращения! Последние ночи спать не мог. Жил в предвкушении его рассказа. А он молчит!

— С него взяли подписку о неразглашении?

— Ничего с него не брали. Кроме меня, кто бы ему поверил?

— А почему же он молчал?

— Он фактически не молчал. Он старался, хотел рассказать, но ничего не получалось. Рассказал, что там жарко, есть значительные города, большое разнообразие товаров... Машину купил после возвращения.

— И все?

— Все. Представляете, побывать на Марсе и заметить там только значительные города.

— А машину он какую купил?

— «Жигули», пятую модель. В отпуск на юг собирается.

— А у меня седьмая модель, — сообщил элегантный мужчина. — В Индии купил.

— Вы были в Индии? — оживился толстяк.

— Провел несколько лет, — сказал его собеседник.

— Это замечательно. Ну и как?

— Что?

— Как там, в Индии? Вы бывали в джунглях? Вы видели Бомбей? «Ворота Индии»? Говорят, они отлично сохранились, хотя стоят на берегу.

— Что с ними сделается?

— Ну и что еще? Как там?

Элегантный человек вздохнул и посмотрел на часы.

— Индия — не Марс, — возразил он. — Если бы я на Марсе побывал, тогда, может, и поделился бы интересными сведениями.

Толстяк был расстроен. Элегантный человек взглянул на него, добавил:

— Ну что еще сказать... Социальные контрасты. И климат тяжелый. Жарко очень. Вы спать собираетесь?

— Да-да, пора спать, — согласился толстяк. Он заметил, что все еще держит в руке письмо от Паншина с Марса, достал бумажник и положил листок в боковое отделение. Я пожалел, что не попросил толстяка показать мне письмо. Элегантный человек осторожно отодвинул дверь в купе и пропал в темноте.

Толстяк обернулся ко мне и развел руками. Он будто просил у меня прощения.

— Ничего, — сказал я. — В Индии есть значительные города.

— Да-да, — сказал толстяк. — Я читал об этом.

ДИСКУССИЯ О ЗВЕЗДАХ

Часть I. ЗАГАДКА

Второго эгалитария 346 года эры Галактического братства космический корабль «Рука дружбы» приблизился к планете Валетрикс. Именно этот день должен был стать днем вступления планеты в Содружество.

Планета Валетрикс находилась под ненавязчивым наблюдением галактических патрулей в течение последних ста шестидесяти лет. За ее прогрессом следили не вмешиваясь, ибо так велят законы. Десять лет назад было решено, что по своему технологическому уровню и социальному развитию планета почти созрела для того, чтобы узнать, что она — не центр Вселенной, что рядом с ней и вдали от нее существуют цивилизации, далеко обогнавшие Валетрикс в своей эволюции и готовые способствовать бурному развитию младшей сестры.

Корабль «Рука дружбы» не в первый раз выполнял подобную миссию. И всегда успешно. Ритуал ее был разработан лучшими психологами и прогнозистами Галактики. Экспедиция Приобщения была знакома с местным языком, обычаями и национальным характером валетриксян. Ее руководитель был осведомлен о том, как и что сказать при первой встрече с аборигенами, знал, какие подарки им преподнести и как убедить их, что пора избавиться от локальных недостатков и приобщиться к галактическим достижениям.

Приняв форму и цвет, наиболее приятные глазам аборигенов, «Рука дружбы» опустилась неподалеку от столицы.

Посадка была произведена в ясную погоду утром.

Вскоре подъехала военная машина. В ней находились три человека в форме. Капитан корабля и психолог вышли им навстречу и на отличном местном языке объяснили, что прибыли с миссией доброй воли.

Командир военной машины велел им войти обратно в корабль и ждать распоряжений, а сам вызвал по рации наряд, который окружил корабль и пресекал попытки местных жителей приблизиться к пришельцам. Никто на корабле этому не удивился — подобный вариант встречи был проигран на компьютерах десятки раз.

Примерно через два часа к кораблю приблизилась машина высокопоставленного вельможи в сопровождении нескольких танков. Капитану корабля и психологу было предложено следовать в город.

В городе их провели в высокое здание с толстыми стенами, которое, как было известно по снимкам с летающих тарелочек, заключало в себе Академию наук, соединявшуюся подземным переходом с Управлением правопорядка.

Так как при входе в Академию наук пришельцев обыскали и изъяли у них передвижную аппаратуру, связь с ними на этом этапе пре-

рвалась, но это не вызвало тревоги, поскольку такой вариант был просчитан и предусмотрен.

Переговоры затянулись. Видно, интерес к галактической миссии был так велик, что команда корабля успела пообедать и отдохнуть.

В шестнадцать часов, когда на «Руке дружбы» обсуждали меры, должные вызвать у аборигенов чувство преклонения перед могуществом пришельцев, над кораблем появилась эскадрилья самолетов.

Поочередно пикируя над кораблем, самолеты сбросили несколько атомных бомб. Несмотря на то что бомбы были относительно первобытными, обшивка корабля не выдержала, и в мгновение ока корабль и люди, находившиеся внутри, испарились.

Новость эта повергла в шок всю Галактику.

Несмотря на то что сотрудники Центра галактических контактов доказывали, что цивилизация Валетрикса не обладает исключительной агрессивностью и ни один компьютер не смог бы предсказать столь нелепую и бесчеловечную реакцию на миссию доброй воли, гнев общественности против сотрудников, не предотвративших гибель людей, был настолько велик, что весь центр был вынужден подать в отставку.

Тем временем началась эпопея по спасению капитана и психолога экспедиции. Помимо чисто гуманных соображений, за этой эпопеей скрывалось жгучее желание разгадать тайну гибели «Руки дружбы».

Как известно, капитана корабля спасти не удалось, так как он был ликвидирован. Но психолог остался жив, его удалось отыскать и вывезти с Валетрикса.

Из его показаний и из сведений, принесенных микроразведчиками, мы имеем полную картину событий, происшедших на этой планете, и считаем своим долгом ознакомить с ними Галактику во избежание повторения трагедии.

Часть II. РАЗГАДКА

Серапион Неклыс не смог одолеть университетского курса. Изгнанный из университета, он устроился преподавать словесность в торговое училище, где чувствовал себя обойденным и униженным. Но у него было увлечение. На жалкую свою зарплату он купил телескоп. Цель этой покупки была простой. Неклыс еще в школе надеялся когда-нибудь открыть звезду, которую назовут его именем. Теперь же открытие такой звезды казалось ему единственным выходом из тупика. Неопрятный внешний вид, физическая нечистоплотность, высокий визгливый голос и настойчивый взгляд фанатика усугубляли его одиночество, а отсутствие женской привязанности освобождало ему ночи для того, чтобы проводить их у телескопа. Телескоп был слабеньким, никакой звезды в такой не откроешь, и с годами Неклыс

все более утверждался в отчаянном убеждении, что он жертва заговора, направленного на то, чтобы закопать в землю его талант. Неклыс не высыпался, кричал на учеников, даже, говорят, бил девочек.

По жалобе родителей одной из его жертв Неклыса выгнали из училища. Его делом занимался инструктор Управления обучения по имени Резет, человек махонького роста, страшно амбициозный, отлично изучивший основные труды Вождя и слывший грозой проштрафившихся педагогов.

Когда Неклыс предстал пред грозные очи карлика, тот полагал, что столкнулся с обычным делом: невежда и истерик заслуживает лишь одного — изгнания.

Но уже в первую встречу Неклыс произвел на Резета сильное впечатление. Он ни в чем не каялся, ни в чем не чувствовал себя виновным. Вместо этого он утверждал, что современная астрономия находится в руках проходимцев и врагов государства, что астрономы открыли за последние годы массу новых звезд, однако скрывают их от народа и за большие деньги продают зарубежным врагам, которые и пожинают лавры первооткрывателей.

Резет отказался подписать приказ об увольнении Неклыса, и тот вернулся в училище, к вящему изумлению своих коллег и учеников. А тем временем Резет написал статью в одну из газет о самородке, который, сидя на крыше своего скромного дома, открывает новые звезды.

Резет рассчитал правильно. В те годы на Валетриксе много писали о талантах, вышедших из глубин народа. И неудивительно — самым ярким из них считался сам Вождь, который, по официальной версии, будучи бедным сапожником, смог заочно окончить университет и одновременно готовить революцию. Это было ложью, потому что он был не сапожником, а сыном фабриканта сапог, да и в революции не участвовал. Он вышел на сцену потом, когда революционеры боролись за наследство Первого Вождя.

О народных талантах писали много. Большой известностью пользовался безногий инвалид войны, который научился танцевать. Он был взят в труппу Главного театра и назначен ведущим солистом. Его редкие выступления проходили под бурные овации, хотя инвалид танцевать не умел. Специально для него писались балеты со статичным главным героем. Знаменитостью стала одна бездарная певица, которая вывела новую породу пингвинов. Был создан центр разведения пингвинов, и певица обещала с помощью пингвиньего мяса решить продовольственную проблему в государстве. Правда, пингвинье мясо никто есть не хотел. Да и было его не много — пингвины плохо размножались в умеренном климате.

Расчет Резета был верен.

Учителя словесности, который открывает во славу Вождя новые звезды, заметили, и он перестал ходить в класс. Он сидел теперь на

крыше круглые сутки и смотрел на небо в сильный телескоп, приобретенный ему по подписке среди учащихся и педагогов.

Как-то ночью к нему поднялся Резет. Резет стал редактором городской газеты, купил новый костюм и понимал, что пора придумать инициативу, прежде чем затопчут завистники.

— Слушай, Серапион, — сказал он, сидя на табуретке рядом с телескопом и глядя невооруженным глазом на звезды. — Где же обещанные звезды?

— Телескоп слаб, — сказал Серапион, не отрываясь от окуляра.

— Неужели ни одной так и не открыл?

— Открыл несколько, — сказал Неклыс. — Но оказалось, что они уже перехвачены.

— Другие перехватили?

— Главная обсерватория.

— А мне звонили из Дома. Сам прочел статью. Спрашивает: чем порадуешь?

— Буквально на днях, — сказал Неклыс. — Может быть, завтра. Я как раз сейчас рассматриваю одно подозрительное созвездие.

— Большую звезду рассматриваешь?

— Шестнадцатой величины. Слабенькую.

— Слабенькая не годится, — сказал Резет.

— Не понял.

— Нам нужна большая звезда. Которую может увидеть каждый дурак.

— Но они все открыты!

— Я зря на тебя поставил, — сказал Резет, попыхивая сигаретой. — Ты труслив и глуп.

— Откуда я ее тебе найду?

Резет встал и протянул указательный палец к зениту.

— Это что? — спросил он.

— Это главная звезда созвездия Медальона. В сказках ее называют звездой Печали.

— Отлично, — сказал Резет. — Вот ее и откроешь, голубчик.

— Это невозможно!

— Для нас нет ничего невозможного.

— Надо мной будут смеяться.

— Не посмеют, — сказал Резет, — потому что ты дашь ей имя.

— Нельзя! У нее есть имя!

— Это старое, изжившее себя имя. Отныне открытая тобой звезда будет называться звездой Вождя. Ясно?

— Ничего не ясно! — Неклыс был в отчаянии.

Но Резет сверкнул в темноте вставными золотыми зубами и простучал высокими каблуками, сбегая по деревянной лестнице.

На следующий день городская газета на первой странице поместила трогательный рассказ о том, как простой человек из народа, та-

лант и умелец, смог найти и открыть звезду Вождя. Звезду, которую проглядели академики и профессора и которую, разумеется, не открыли зарубежные враги. Каждый желающий может увидеть эту звезду.

Трудно представить, какой шум поднялся в тот день в научных кругах. Как хохотали над глупым редактором и жуликом-любителем! Сотни возмущенных и издевательских писем пришли в газету. В коридорах журналисты показывали желающим на маленького Резета, который завтра вылетит с работы из-за крайнего идиотизма. Резет все слушал и молчал. Он сделал ход, который мог стоить ему головы. А мог снести много чужих голов.

Через два дня в газете было опубликовано краткое письмо Вождя, в котором тот изъявлял личную благодарность астроному-любителю Серапиону Неклысу и предостерегал в будущем от подобных инициатив, так как скромность не позволяет Вождю принимать знаки внимания со стороны народа.

Газета еще набиралась в типографии, а потрясенные сотрудники проползали мимо кабинета Резета на четвереньках. Более сообразительные с утра принесли ему списки тех, кто посмел поставить под сомнение открытие и гениальность главного редактора.

Резет выгнал с работы всех непокорных и заслал их на изумрудные рудники. Он мог это сделать, потому что был назначен Господином культуры и науки и получил прямую трубку для связи с Господином правопорядка.

В Главной газете было напечатано коллективное письмо академиков и профессоров, которые поздравляли нового академика Серапиона Неклыса, человека из народа, с эпохальным открытием.

Были срочно изданы новые атласы звездного неба и сделаны гневные представления посольствам иностранных держав, которые не откликнулись на переименование.

Академики и профессора шептались по углам, жаждали справедливости и писали анонимные письма Вождю, в которых пытались восстановить истину. Авторов выявляли по почерку.

Директор Центральной обсерватории Серапион Неклыс продолжал с прежней настойчивостью проводить ночи за телескопом, в чем ему теперь помогали две тысячи научных сотрудников. Многие вельможи государства приезжали к нему и кто просьбами, кто угрозами требовали, чтобы он открыл для них хоть по маленькой звездочке. Некоторым Неклыс подарил по астероиду. Но не больше. «Звезда в небе может быть одна», — любил он повторять с улыбкой.

Неклыс приоделся, он жил теперь на большой вилле, где при нем числились секретари, аспиранты, стенографы, охрана и любовница, на которую у директора Обсерватории не хватало времени.

Так прошло два года. Все привыкли и к новой звезде, и к новому положению друзей. Но их враги не дремали. Они собирали силы.

Как-то в университетском журнале появилась статейка, которая ставила под сомнение научную компетентность Неклыса, правда, не оспаривая того, что самая яркая звезда на небе носит имя Вождя. Редактора того журнала сняли и арестовали. Но сам по себе сигнал был симптоматичен. Затем на одной конференции сразу три недобитых академика принялись задавать Неклысу провокационные вопросы, на которые он не стал отвечать. Но вопросы были заданы, и академики, как ни странно, ушли из зала живыми.

Через час Резет позвонил Господину правопорядка и поинтересовался, почему академики до сих пор на свободе. На что получил сухой ответ:

— Потому что их не за что сажать!

— Но они же поставили под сомнение?!

— А может, правильно поставили? — И Господин правопорядка, которого, очевидно, опутали своими сетями агенты врагов, повесил трубку.

Резет, Неклыс и их ближайшие соратники собрались на вилле Неклыса, чтобы обсудить тревожное положение.

Настроение у всех было подавленное. Говорили, что некий прохвост проник к Вождю и обещал ему открыть целое созвездие. Все говорили, что старый президент академии потребовал, чтобы Неклыса подвергли экзамену за курс средней школы. И Вождь всех слушал. И молчал.

— Нужна идея, — сказал Резет. — Если мы не найдем идеи, которая сокрушит врагов, нам не жить.

— Я не хотел, — сказал Неклыс, который в последние дни с тоской вспоминал недавние времена, когда он сидел на крыше училища у слабенького телескопа.

— Твоих желаний уже не существует, — сказал Резет. — Ты историческая фигура и исполняешь волю судьбы. И если ты упадешь, то увлечешь в пропасть всех нас.

Ропот ужаса прокатился по толпе сторонников. Некоторые стали подвигаться к дверям, собираясь улизнуть и сообщить миру, что их патрон — самозванец.

— Может, и в самом деле открыть созвездие Вождя? — спросил заместитель Неклыса.

— Глупо, — оборвал его Резет. — Созвездие Вождю уже предлагали. Думайте, думайте!

— Черт побери! — Неклыс вскочил с кресла и принялся бегать по кабинету. — Если бы небо было твердым, я бы продырявил в нем звездами имя Вождя!

— Стоп! — крикнул Резет.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Неклыс. — Я в переносном смысле.

— Переносного смысла не бывает, — сказал Резет. Его узкая

длинная головка уже лихорадочно работала. — Может, в этом наше спасение.

— В чем?

— Все астрономы, в том числе и наши, твердят, что Вселенная бесконечна, — сказал Резет. — И звездам нет числа...

С этими словами он выбежал из кабинета, и тут же за окном взревел его автомобиль.

Астрономы вскоре разошлись. Многие полагали, что Резет сошел с ума. Другие спешили покаяться.

На следующее утро в Главной газете появилось открытое письмо Вождю.

«Дорогой Вождь! — говорилось в нем. — Вот уже несколько лет я, руководствуясь Вашими идеями, веду тщательное наблюдение за звездным небом. Если бы не Ваша постоянная забота и поддержка, мне бы никогда не удалось сделать тех открытий, которыми теперь по праву гордится отечественная наука. Однако в последнее время положение в астрономии категорически ухудшилось. Сплотившиеся враги патриотического направления в астрономии полностью продались зарубежным авторитетам и перекрывают воздух тем ученым, которые во главе со мной пытаются отстоять ценности, лежащие в основе веры наших пращуров.

Я должен довести до Вашего сведения, что движимые низкопоклонством перед врагами, наши лжеастрономы взяли на вооружение лживые теории иностранного монаха Перника и сожженного возмущенным народом реакционера Джубруна, которые внушали людям, что наш Валетрикс не центр Вселенной, а лишь одна из многих планет. Это измышление, подхваченное реакционерами всех мастей, полностью опровергается жизненным опытом народа и здравым смыслом. Новый сокрушительный удар эта лжетеория получила в последние годы, когда Вы лично возглавили человечество. Уже одного этого факта достаточно, чтобы убедиться в том, что Валетрикс является центром Вселенной. Но перникисты-джубрунисты ставят под сомнение центральность нашей планеты, намекая таким образом, что на каждой из планет может родиться Вождь, подобный Вам.

Так как предательские воззрения перникистов-джубрунистов разделяются Академией наук, а мне, как и другим истинным патриотам, закрыт путь к истине, прошу уволить меня и позволить вернуться к моему скромному телескопу, чтобы искать в твердыне неба знаки моей правоты.

Бывший начальник Главной обсерватории, академик Серапион Неклыс».

Вся страна, весь мир целый день хохотали над этим письмом. Даже ученики младших классов не могли удержаться от издевок.

Неклыс в панике примчался к Резету и кричал в подвале, куда его быстро увел идеолог:

— Ты меня опозорил! Мне теперь все закрыто! Мне стыдно выйти на улицу.

— Я все продумал. Выбора не было, — вздохнул Резет. — Я пошел на риск.

— Но почему подписали моим именем?

— Потому что ты большой ученый, а я маленький политик. Лучше выпей!

Резет и Серапион в тот день напились до безобразия, пели песни, крушили мебель. В таком состоянии их застал фельдъегерь из Дома. Он привез ответ Вождя. Ответ был краток:

«Работайте спокойно».

Через полгода в Академии наук прошла дискуссия о принципах строения Вселенной. К тому времени Резету, который занял по совместительству пост Господина правопорядка, удалось лишить жизни и свободы наиболее упрямых сторонников множественности миров и бесконечности Вселенной. Остальные трепетали.

Но, несмотря на то что исход дискуссии был предрешен и вся пресса государства с энтузиазмом поддержала прогрессивную позицию Серапиона Неклыса, среди астрономов и даже физиков нашлось несколько идиотов, которые старались поставить под сомнение народную мудрость. После дискуссии, которая приняла историческое постановление «Считать небо твердым!», упомянутых ретроградов отправили на изумрудные рудники.

Небо стало твердым, и никто уже в этом не сомневался. Дети в школе учились по учебникам, в которых доступно доказывалось, что Валетрикс — единственная планета в мире, потому что в нем есть место лишь одному великому Вождю.

Так как наука должна была развиваться далее, Неклыс периодически выступал с новыми смелыми идеями.

Последней из них было предложение объединить усилия астрономов и артиллеристов: построить такую пушку, чтобы она могла дострелить до неба и пробить его твердь. Но не просто пробить, а выбить в нем ряд отверстий, которые вкупе читались бы как имя Вождя. И тогда каждый житель планеты, выходя вечером на улицу, сможет обратить взор к нему и согреть сердце лицезрением любимого имени.

Вождь дал согласие на эксперимент.

Три года ушло на строительство пушки, и ресурсы государства были напряжены до предела. Великое свершение было не за горами.

На четвертый год пушка выстрелила, а когда дым рассеялся, оказалось, что в небе не возникло новой дырки. Артиллеристы, прежде чем их расстреляли, утверждали, что им всучили неправильные данные о расстоянии от Валетрикса до небосвода. Но Резет и Неклыс убедительно доказали Вождю, что артиллеристы неправильно прочитали чертежи. Были набраны новые артиллеристы, и началось строительство новой пушки, втрое больше первой.

И именно в эти месяцы, полные голодного энтузиазма и благородных лишений, на большом поле возле столицы неожиданно опустилось некое яйцеобразное сооружение, из которого, как донес в Дом начальник патруля, вышли люди, умеющие говорить на нашем языке и утверждавшие, что они прибыли с другой планеты.

Двоих из них вскоре доставили в Дом.

Там с ними беседовал сам Вождь. При беседе присутствовали Резет и Неклыс.

— Вы утверждаете, — сказал Вождь, старчески шагая по мягкому ковру, — что прибыли с другой планеты?

— Совершенно точно, — ответил капитан «Руки дружбы».

— Как же вы могли это сделать, — Вождь улыбнулся своей известной каждому ребенку лукавой и доброй усмешкой и почесал седые бакенбарды, — если небо, как известно, твердое?

— Не может быть! — воскликнул психолог Галактического центра. — На вашем уровне цивилизации вы должны находиться на грани космических полетов и давно уже догадаться, что Вселенная бесконечна.

Вождь покосился на Неклыса, Неклыс в растерянности — на Резета.

— Мы все это слышали, — вздохнул Резет. Он был страшно перепуган. Этот разговор мог оказаться последним в его жизни. — Нам об этом давно твердили враги. К счастью, наша наука опровергла реакционные бредни.

— И все же, — вежливо сказал капитан, — мы прилетели.

— Если бы вы пробили наше небо, — задумчиво произнес Вождь, — в нем образовалась бы дырка. А дырки нет. Нет? — С этим вопросом он обратился к Неклысу.

— Нет дырки, — согласился тот. Он пытался сообразить, не лучше ли покаяться сейчас, чем ждать, пока покаяние из него выбьют.

— Ты что-то хотел сказать? — спросил проницательный Вождь.

— Мы не рассматривали вопрос, — сказал Неклыс, пытаясь унять дрожь в коленях, — есть ли Вселенная за пределами твердого неба. Не исключено...

— Исключено, исключено! — завопил Резет, который был куда умнее своего друга. — Там ничего нет!

— А если было, — тихо сказал Вождь, — то за пределами могли бы появиться иные вожди. Ваши слова, Неклыс?

— Это Резет написал! — признался астроном. — Я не хотел.

Вождь будто и не услышал этих слов. Он обратился к капитану «Руки дружбы»:

— Вы продолжаете настаивать на том, что Вселенная бесконечна?

— И число населенных миров в ней велико, — терпеливо ответил капитан.

— А вы? — вежливо спросил Вождь у психолога.

— Я не хотел бы углубляться в дискуссию, — сказал тот. Он был ученым и хотел сначала понять глубину заблуждений и убежденности своих оппонентов. — Не исключена иная точка зрения.

— Увести их, — сказал Вождь. Затем обернулся к Резету: — А их яйцо стоит?

— Еще стоит, — сказал взбодрившийся Резет.

— Тогда вы знаете, что делать.

На Неклыса он не смотрел.

Вечером того же дня Резет был снова принят Вождем.

— Ну, что нового? — спросил Вождь, стоя у окна и глядя в сад.

— Случилось несколько происшествий, — сказал Резет. — Некоторые настолько драматичны, что я опасаюсь...

— Говори.

— Сегодня при учебном атомном бомбометании случайно уничтожено инородное тело, что упало с твердого неба, — сказал Резет.

— И что?

— Тело разрушено, и все погибли.

— Жаль, — сказал Вождь. — Есть ли жертвы среди мирного населения?

— Минимальные, — ответил Резет.

— Назначить родственникам пенсии, — сказал Вождь. — Что еще?

— Из двоих сумасшедших, которые пытались настаивать на лживых теориях, один застрелен при попытке к бегству.

— Ага, — согласился Вождь. — Это тот, что упорствовал.

— А второй жив. Я буду беречь его на случай, если вам захочется с ним побеседовать.

— Разумно, — сказал Вождь. — Мне всегда интересны чужие идеи. Это все?

— Все.

— Тогда идите и еще подумайте, — сказал Вождь, так и не обернувшись.

Резет послушно покинул кабинет Вождя. Он был грустен. Он поехал на виллу к Неклысу. Они долго говорили, вспоминали свою молодость. Затем Резет вернулся в Дом. Он позвонил снизу.

Вождь не спал. Он читал. Он только спросил:

— Что у вас еще?

— Несчастье, — сказал Резет. — Напоровшись на нож в припадке безумия, погиб наш ведущий астроном Серапион Неклыс.

— Я искренне скорблю, — сказал Вождь. — В официальном сообщении не надо упоминать о безумии. Это грубо. Достаточно сердечного приступа. И учтите, я буду на похоронах. Так что обеспечьте безопасность.

Рассказывают, что у гроба Серапиона Неклыса Вождь уронил слезу.

АПОЛОГИЯ

От переводчика

Как известно, после смерти императора Нерона, не столько при его непосредственных преемниках, как в период правления Божественного Веспасиана, в среде римских писателей и ораторов широко распространились критические выступления в адрес Нерона и его приспешников. Вскрывались все новые преступления тирана, и, осмысливая историю Рима за последние десятилетия, многие утверждали, что деятельность Нерона пагубным образом сказалась на положении дел в империи.

Однако, как это бывает в истории, в Риме нашлись и апологеты Нерона как среди его родственников, так и меж бывших соратников. Даже в среде плебса, недовольного гуманизацией общества, сокращением числа зрелищ, народных празднеств и требованиями всеобщей экономии, появлялись культы Нерона, в которых он фигурировал в качестве мученика, железной рукой уничтожавшего коррупцию, ведшего империю к победам и принимавшего близко к сердцу чаяния простого народа.

Любопытным примером сочинения, отражавшего попытки реабилитировать память Нерона, может служить небольшая «Апология», принадлежавшая перу Гнея Домиция, малоизвестного публициста середины II в. н. э., очевидно отдаленного родственника императора. Объектом критики автор «Апологии» избрал известное сочинение Светония «Жизнеописание двенадцати цезарей», созданное в первой половине II в. и сконцентрировавшее в себе критику Нерона и нероновщины.

Опус Гнея Домиция не пользовался известностью в Риме, и упоминаний о нем у других авторов и даже ссылок на него не сохранилось. Данный список обнаружен при недавних раскопках древних выгребных ям в Остии. Текст отличается неполнотой и отступлением начала и конца.

«...Даже странно сегодня выслушивать подобную клевету, ибо совершенно очевидно, что к власти его привели не интриги Агриппины Младшей, а воля римского народа, и Нерон всегда высоко превозносил заслуги своего предшественника Клавдия и воздвигал ему статуи в различных городах империи.

Известна гуманность, которую проявлял Нерон. Даже Светоний вынужден был признать, что, когда Нерону пришлось впервые ставить свою подпись под смертным приговором, он промолвил вслух: «Как хотел бы я не уметь писать!» Тот факт, что Нерон не повторял этого восклицания при подписании последующих приговоров, говорит лишь о его скромности и нежелании повторять уже всем известную фразу.

Забота Нерона о безопасности государства всегда сочеталась с заботой о его экономике. Недаром, как всем известно, он сократил на четверть жалованье доносчикам. Заявления некоторых критиков о том, что число доносчиков увеличилось вдесятеро и многие доносили бесплатно, никак не бросают тени на императора. Каждый искал врага и спешил сообщить о нем любимому императору. Это говорит лишь о безграничной любви народа к Нерону.

Светоний несправедлив, обвиняя великого императора в том, что он слишком широко тратил деньги на строительство помпезных сооружений и статуй в собственную честь. Императором двигали только интересы народа, который хотел гордиться строительными достижениями Римской империи, тем, что в ней строятся самые высокие дома в мире. Светоний упрекает Нерона в том, что он возвел себе позолоченный монумент высотой в 120 локтей. Светоний! Не смешивай бескорыстную любовь народа к императору с его побуждениями. Если бы народ того не требовал, Нерон не разрешил бы ставить себе статуй.

Как глупы и наивны Светоний и подобные ему, когда стараются набросить тень на доброе имя императора в связи со строительством известного канала. Желание императора сделать Рим морским портом имело под собой здравые экономические соображения. «Для выполнения этих работ, — пишет Светоний, — он приказал свозить всех, где сколько было, колодников, а также ловить людей и приговаривать их исключительно к этой работе». Однако каждому известно, что строительство канала стало великой школой перевоспитания преступников, о чем с радостью свидетельствовали писатели, которых Нерон на свои средства возил на великое строительство. Если же на канале и на других великих стройках попадались отдельные невинно осужденные, то нарушения римской законности, если становились известными императору, немедленно пресекались.

Настало время перейти к спору об измышлениях Светония, касающихся якобы имевших место убийств некоторых государственных мужей, а также близких к Нерону лиц.

Что касается смерти предшественника Нерона, великого Клавдия, то сам Светоний вынужден скрепя сердце признать, что «непосредственным виновником смерти последнего он, правда, не был, но имел причастность к ней». Как мог Нерон иметь отношение к смерти Божественного Клавдия, если в тот период его не было даже в Риме? И не мог Нерон быть заинтересован в смерти Клавдия, так как он высоко ставил его талант и относился к нему с великим уважением. Клавдий умер своей смертью после продолжительной болезни и не был отравлен, как утверждает Светоний. На что только не идут некоторые авторы, чтобы опорочить человека достойного и чистого! Что же касается того, что после смерти Клавдия Нерон, на словах восхваляя своего предшественника, на самом деле «объявил недействительными многие его декреты и постановления», то это клевета. Свето-

ний не хочет принять во внимание, что политическая обстановка в Римской империи изменилась, империя была окружена врагами, враги проникли и внутрь ее. В таких условиях некоторые эдикты и предписания Клавдия несколько устарели и требовали поправок. Увеличение поборов и разорение земледельцев Светоний имеет наглость объяснять страстью императора к помпезному строительству и расточительством. В самом же деле Нерон нуждался в средствах для укрепления могущества Римской империи. В окружении врагов он должен был проявлять особую бдительность. Слова Светония: «Люди привлекались по обвинению в оскорблении величества за всякое действие и слово, находившее против себя доносчика» — чистая ложь. Не за всякое действие, а за вражеское!

Светоний обвиняет Нерона в том, что он руками подосланного убийцы уничтожил своего ближайшего соратника Британника, который якобы был страшен Нерону тем, что пользовался большей популярностью в народе и многие прочили ему императорский трон. В действительности же нет никаких доказательств причастности Нерона к смерти Британника, и мне интересно спросить Светония: какая птичка нашептала ему о том, что Британника убили по приказанию цезаря?

Светоний имеет наглость утверждать, что Нерон убил своих обеих жен. Однако каждому известно, что его первая жена, разделившая с ним ложе задолго до того, как он стал императором, получила развод и умерла своей смертью, причем ее нравственный уровень оставляет желать лучшего. Что же касается смерти второй жены, Поппеи, и заявления Светония, что он «и ее убил... за то, что она стала резко упрекать...» его, то это пустой домысел. Мы, историки, должны быть объективны. Нам известно, что жена Нерона скончалась. Следовательно, мы должны скорбеть вместе с императором по поводу ее кончины.

Наконец, утверждение Светония о том, что Нерон довел до самоубийства своего соратника и учителя Сенеку, также не подтверждается документами. Напротив, известно, что Нерон публично покаялся в том, что Сенека напрасно питает против него подозрения и что он, Нерон, скорее умрет, чем причинит ему какой-нибудь вред. Сенека же поступил как последний предатель, приняв яд и лишив Нерона верного и мудрого соратника. Далее Светоний обвиняет Нерона в массовых преступлениях против римской знати и государственных лиц. Светоний признает, что Нерон, решив избавиться от старой знати, немедленно открыл два больших заговора, в которые были втянуты крупнейшие деятели Римской империи, — это заговор Пизонов в Риме и заговор Винициев в Беневенте. Да, эти заговоры были! И нелепо подозревать Нерона в том, что он их выдумал потому, что они были ему нужны для уничтожения возможных соперников. Ведь, как признает сам Светоний, когда заговорщики предстали перед судом,

заключенные в тройные кандалы и прошедшие обычную пытку, «одни из них добровольно признались в преступлении, другие же даже вменили его себе в заслугу».

В разоблачении заговоров и суровом истреблении врагов империи Нерон действовал строго в рамках закона. И потому особо кощунственной кажется нам, радетелям за правду, выдумка Светония, что якобы «дети осужденных были изгнаны из Рима и истреблены ядом или голодом». Как можно бросить столь безответственные обвинения в адрес человека, который так любил детей! Достаточно вспомнить, как император заботился о мальчике Споре, которого носили на разукрашенных носилках, и, как признает сам Светоний, «император то и дело целовал его».

Рассказывая о разоблачении заговоров и совершенно не учитывая при этом обострения борьбы внутри империи, а также ухудшения ее внешнего положения, Светоний докатывается до голословного утверждения, будто «после этого он принялся истреблять без всякого разбора и меры кого бы ему ни заблагорассудилось и по какой угодно причине. Сообщу несколько примеров: Сальвидиену Орфиту было поставлено в вину то, что он сдал три комнаты своего дома близ форума внаймы под квартиру представителям чужеземного государства». Вот тут Светоний и выдает себя с головой. Зачем бы честному римлянину сдавать квартиру представителю чужеземного государства? Какие римские секреты он продавал этим представителям? Молчишь, Светоний? Нечего сказать?

Дальнейшее перечисление «жертв» Нерона не представляет интереса для исследования, и мы его опустим. Зачем нам оправдывать иностранных агентов и заговорщиков? Также мы отвергаем как недоказанные сплетни Светония о том, что Нерон якобы сжег Рим. Позволим остановиться лишь на одной частности, трактовка которой нам кажется типичной для заушательской манеры Светония. Светоний утверждает, что Нерон, выступая перед народом, специально подобрал множество юношей всаднического сословия, а также пять тысяч сильных молодых людей из плебса, чтобы они «изучили различные роды аплодисментов и усердствовали во время его выступлений». Зачем, скажите, Нерону тренировать «молодых людей», если народ каждое его слово встречал громовыми аплодисментами и криками: «Да здравствует император!»?

В заключение моей апологии я хотел бы кратко остановиться на событиях последнего периода жизни императора и развеять очередную тучу клеветы, запущенную Светонием.

Светоний осмелился утверждать, что Нерон игнорировал донесения лазутчиков о том, что галлы под предводительством Виндекса готовятся к вторжению в Италию, полагая, что Виндекс никогда не осмелится на него напасть. Когда же вторжение началось, Нерон, по утверждению Светония, «в течение восьми дней кряду даже виду не

показал, что собирается давать кому-нибудь приказание, и, казалось, молчанием хотел заставить забыть о происходящем». Светоний пишет, что, ссылаясь на болезнь, Нерон не явился на собранное заседание сената, что в первые дни он отказался обратиться к народу. Когда же он узнал, что положение ухудшается, то «повалился на пол, жестоко сраженный духом, и долго лежал безгласный и почти полумертвый. Придя в себя, он растерзал на себе одежды и, бия себя в голову, заявил, что «его песня спета».

Говоря так, Светоний пытается вызвать у читателя подозрение в том, что великий римский полководец был подвержен трусости и растерянности, что армии его терпели поражения, потому что он истребил собственных полководцев... В самом же деле любому человеку ясно, что в те дни, когда Нерон не показывался народу, он планировал операции по отражению предательского нашествия...»

На этом месте рукопись «Апологии» Гнея Домиция обрывается. Очевидно, нам так и не удастся узнать, каким образом автор трактует последние дни Нерона и какими словами воспевает его общую прогрессивную роль в истории Римской империи.

СПАСИТЕ ГАЛЮ!

Глава 1. Из Отчета

18 сентября в 16 часов 40 минут при переходе экскурсии из цеха № 3 в профилакторий с целью ознакомления экскурсантов с условиями отдыха работников Предприятия от группы отстала Галя Н., ученица 7-го «Б» класса подшефной школы. Несмотря на принятые меры охраны детей, выразившиеся в том, что, помимо Главного технолога Щукина Н.Р. и его заместителя Клопатого Р.Г., группу сопровождали преподаватель 7-го «Б» класса Калинина Р.Р. и стрелок специализированной охраны Варнавский Г.Л., Гале Н. удалось, как сообщили ее друзья по классу, присутствовавшие при инциденте, незаметно отойти в сторону. Ее действия были вызваны слухами, имевшими место среди детей, о том, что запретная Зона Предприятия таит в себе некие сокровища и пресловутое озеро Желаний. По сообщению преподавательницы Калининой Р.Р., вышеупомянутая Галя Н. отличается непостоянством характера, тяжелыми семейными обстоятельствами и слабой дисциплиной.

При обнаружении исчезновения Галины Н. были приняты следующие меры: а) сделано объявление по внутренней сети Предприятия в надежде на то, что Галя Н. неглубоко углубилась в Зону и, услышав призыв, вернется обратно. Эта мера эффекта не дала; б) группа школьников была временно задержана в профилактории, где им был выдан горячий ужин и выключен видеофон для того, чтобы слу-

хи об исчезновении Гали Н. не распространялись по городу и не вызывали излишней паники населения; в) был вызван из дома Васюнин Г.В., сборщик цеха № 2, который, как известно, самовольно бывал в Зоне, за что имеет выговор и предупрежден об увольнении в случае повторения.

Глава 2. Сталкер Жора

Меня подняли с койки. Я сменился в два и лег спать. Звонят от Главного технолога — пропал ребенок. Упустили в Зону. Немедленно приезжай.

Я, конечно, ответил, что когда получать выговоры, то Васюнин плохой. Когда же прошляпили, ребенка упустили — Васюнин, спасай!

Оделся, приехал на Предприятие.

Там, у третьего корпуса, директор, Главный технолог, заместители, спецохрана. Суетятся. Директор ко мне:

— Сталкер, надо помочь.

Сталкером меня после одного фильма зовут. Там был такой тип, что-то вроде меня. И Зона тоже была. Смотрел я тот фильм, впечатления не получил. Пугают, а не страшно. Им бы в нашу Зону.

— Нет, — говорю, — я не в форме.

— Премию дадим, улучшим жилищные условия, — говорит директор.

Еще бы, думаю, — что в городе поднимется, когда поймут, что ребенок пропал с концами! А выйти у нее шансов немного. Бывало, совались в Зону. Где они? Кто кормит их детей? Хотя, конечно, соблазнов немало. Но сокровищ нету. Другие только треплются. Далеко никто не пойдет. Может, Лукьяныч до третьего пункта ходил. Дальше его белая Козява не пустила. Вернулся, шрам на руке всем показывает.

— Ты о ее матери подумай, — сказал технолог.

— А что ее мать?

— Может, знаешь? Она раньше в «Ласточке» работала.

Это меня подкосило. Лариса! Душа моя, Лариса, сколько вздохов из-за нее, сколько слез пролито, а может, и крови! И я мальчишкой глазел на ее золотые кудряшки и алый ротик! И был раз допущен. Нет, серьезно. Один поцелуй — и умереть! Значит, это ее Галка? Вся в мать?

— Пойду, — сказал я. — Только вы пенсию оформите моей Людмиле. Ей, если что, Пашку воспитывать.

— Какая пенсия! — кричит директор. — Ты же вернешься! Мы другого знать не хотим. Мы верим в тебя, Жора.

— Слушай, давай без демагогии, — сказал я. — Я жить хочу, но мне девчонку жалко. Если она вглубь пошла, там и я не бывал. Зона есть Зона. Она человека не признает. У нее свои законы.

Тогда директор дал слово — если что, оформят, как погибшему на производстве.

Директор сказал, что со мной пойдет Щукин.

— Слушай, — сказал я Щукину, — интеллигенция. Ты мне в обузу. Вместо того чтобы ребенка вытаскивать, придется тебя на горбу тащить. Лучше я Лукьяныча возьму.

Лукьяныч сначала ни в какую.

— Меня уже ломало, — говорит.

Но пошли все же мы втроем. Я сам на складе отобрал что нужно. На это ушел почти час. Кладовщик куда-то ушел, сам директор пломбы рвал. Взял хорошую веревку, нейлоновую. Пушку я Лукьянычу брать не велел. В Зоне пуля не спасет. Щукина я сгонял к спортсменам. У них, у альпинистов, оборудование взяли. Взломали дверь и взяли. Два ледоруба. Палатку. Кто-то из начальства стал говорить — на что палатка, не ночевать же собираетесь. Конечно, неплохо бы бронежилеты, но у нас их нет. Ватники взяли, свитера. Врачиха из медпункта бинты принесла, вату, я потребовал флягу со спиртом. Еще десять минут скандала. В конце концов директор флягу коньяком залил. Из своего фонда.

Я сказал Щукину:

— Оставайся, Коля.

А он поморгал, очки поправил. И говорит:

— Ничего, я в молодости в погранвойсках служил. Ты не беспокойся. Я не буду обузой. Я виноват, что недосмотрел, — с меня спрос.

— Ладно, — говорю, — но учти: я иду спасать Ларискину Галку, а не тебя.

— Понятно, — говорит. А ватник ему мал — руки чуть не по локоть наружу, пальцы тонкие. Но упрямый.

В пять тридцать мы вышли.

Мне это не нравилось. Скоро сумерки. А ночь в Зоне еще никто не проводил. А если провел, уже не расскажет.

Глава 3. Технолог Щукин

Я шел в середине. Первым Жора Васюнин, легкий, худой, злой. Замыкал Лукьяныч. Лукьяныч робел, поминутно оглядывался. Директор соблазнил его большой премией. Впрочем, на что Лукьянычу премия? Удивительно несоизмеримы наши дела и их последствия! Любопытно, а что, если бы и я потребовал премию? Я внутренне усмехнулся. Я понимал, что мы должны найти девочку до темноты. Директор взял с нас слово, что до темноты мы вернемся. Я могу его понять: гибель девочки — это потеря, горе, но не трагедия для Предприятия. Если погибнет группа — можно представить, какой будет суд. А директору два года до пенсии.

Я нес мегафон. Когда я брал его, Жора ничего не сказал. Но, как

только стены контейнеров скрыли нас от жалкой, потерянной группы провожающих, он оглянулся и коротко сказал:

— Брось.

Я положил мегафон на ящик.

— Лучше не шуметь, — сказал он коротко. — Зона не любит чужого шума.

В походке Жоры, в голосе что-то изменилось. Он стал первобытным. Именно первобытным — мягким, настороженным, готовым отпрыгнуть. Я старался подражать ему, ступать в след. Сзади топал и пыхтел Лукьяныч. Он никому не подражал.

Густая пыль покрывала выщербленный асфальт. Еще лет восемьдесять назад здесь был хозяйственный двор Предприятия. За эти годы Зона, наступая на нас, пожрала этот участок двора и приблизилась к третьему цеху. Некоторые работницы второй смены уверяют, что в осенние глухие вечера слышат крики и стоны из Зоны. И ее страшное дыхание.

— Смотри, — сказал Жора тихо. Он показал под ноги. Я подошел к нему. Цепочка следов, девичьих, узких, легких, тянулась между обрушенными контейнерами.

Сквозь щели в контейнерах проступали металлические узловатые части станков.

— Она, — сказал Лукьяныч. — Давай крикну.

— Тише, — ответил Жора. — Она час назад здесь прошла. Видишь, пыль уже снова села... Теперь не докричишься.

Мы остановились под двумя бетонными плитами, которые образовали как бы карточный домик.

— Я здесь был, — сказал Лукьяныч.

Жора поднял кверху руку.

Тихий стон донесся спереди.

Я хотел броситься туда, полагая, что стонет Галя.

Но Жора удержал меня.

— Это не то, — прошептал он.

Мы протиснулись по очереди сквозь переплетение арматуры. Под ногами хлюпала рыжая жижа. И тут я понял, откуда нам послышался стон: переплетение труб, висевшее на остатках колонн, покачивалось в полной неподвижности воздуха, словно невидимая сила раскачивала их. Трубы издавали странную смесь жалких ноющих звуков.

Я вздохнул облегченно и хотел идти дальше, но Жора знаками приказал взять правее. Мы шли, прижимаясь к зубьям кирпичной стены. Следов девочки больше не было видно. Я старался представить себе: какая она? Я же видел ее в группе этих веселых щебечущих школьников. Почему именно ее потянуло в известную всем смертельную опасность Зоны? Что за сила сидит в человеке, которая омрачает его разум? Я скорее могу понять Лукьяныча, которого вела ту-

да корысть, или Жору, вообще склонного к авантюрам и, по слухам, выносившего из Зоны ценные и загадочные вещи. Но девочка?

Я задумался и налетел на спину замершего Жоры. Сзади дышал Лукьяныч. Может, у него астма?

— Проходим трубу, — прошептал Жора. — Проходим по одному. Я бегу первый. Если благополучно, махну рукой. Бежишь ты. Не оглядываться, не останавливаться.

Я нагнулся, заглянул в трубу. Она казалась нестрашной. Впереди, недалеко, был виден свет.

— А обойти нельзя? — спросил я.

Жора не ответил. Мой вопрос был глуп. По обе стороны возвышались обрывы кирпича и ржавых конструкций, с которых свисали серые бороды лишайников.

Жора наклонился и побежал.

Я смотрел ему вслед и считал шаги. Его черная фигура заполнила всю трубу.

И вдруг исчезла. Исчезла раньше, чем кончилась труба. Я мог поклясться в этом.

— Сгинул, — сказал Лукьяныч.

— Ты что говоришь! — огрызнулся я.

— Тогда идите, — сказал Лукьяныч. — Мне туда не к спеху.

Я понимал, что надо идти. Я снял с плеча моток веревки и передал его Лукьянычу. Сам взялся за конец.

— Будете страховать, — сказал я.

Я нагнулся и пошел в трубу. В ней царил резкий неприятный запах, схожий с запахом аммиака. Дно трубы было скользким, идти было трудно, я шел осторожно — считал шаги. Жора исчез на десятом шагу. На девятом я остановился. Вокруг воцарилась неестественная мертвая тишина.

К моему удивлению, оказалось, что дно трубы и далее кажется твердым, и от этого обмана зрения я чуть было не сделал следующий шаг, даже поднял ногу, но не успел перенести вес тела вперед, как понял, что на самом деле дно трубы — лишь отражение ее потолка в покрытой блестящей пленкой темноте глубокого колодца. Я присел на корточки и попытался разорвать пленку. Пленка с треском лопнула, и я увидел — совсем близко, на расстоянии метра — запрокинутую голову Жоры, которая медленно вползала в черную глянцевую трясину. Почему-то я совсем не испугался, наверное, был готов к чему-то подобному. Я бросил конец веревки Жоре, а сам упал на скользкий пол трубы и крикнул Лукьянычу, чтобы держал крепче, — веревка рывком натянулась так, что я чуть было ее не отпустил. А Жора тем временем смог выдернуть руку из жижи и схватиться за веревку, отчего на секунду его лицо скрылось в черноте, но, когда мы с Лукьянычем стали тянуть, с хлюпаньем и всхлипом трясина отпустила Жору, и через минуту отчаянного напряжения он оказался рядом со мной. От него несло отвратительной вонью.

— Живой, — прохрипел он, — живой...

— Ты знал? — спросил я. — Ты знал и пошел?

— Оно редко открывается. А с четырех закрыто.

— Весь в дерьме, — укоризненно произнес Лукьяныч.

— Пошли, — сказал Жора, поднимаясь на четвереньки. И так, на четвереньках, он пополз вперед.

Я полагал, что он обезумел, пытался остановить его, но он лишь грубо огрызнулся и миновал благополучно место, где только что зияла трясина.

Я колебался последовать его примеру.

— Иди, не дрейфь, — прохрипел он, оборачивая ко мне черное лицо. — Они закрылись.

Я прополз за ним и, когда опасность осталась позади, позволил себе спросить:

— Что это было? Почему возникло? Почему исчезло?

— Потом скажу, сейчас молчи...

Мы выползли из трубы. Я обернулся. Из черной пасти трубы показался Лукьяныч. Над трубой криво висела эмалевая табличка «Туалет закрыт с 16.30». Словно какой-то шутник только что повесил эту табличку и подсказал мне обернуться и разделить с ним непринужденное веселье по поводу его выдумки. А сам ухмыляется из темноты.

В ответ на мои мысли из недр трубы донесся грохот спускаемой воды, словно прорвался водопад и в следующее мгновение он ринется наружу, чтобы утопить нас... Я рванулся вперед и налетел на спину обогнавшего меня Лукьяныча, который локоть к локтю с Жорой замер, закрывая от меня то, что заставило моих спутников остановиться.

Сначала мне показалось, что они стоят на краю зеленой лужайки, расцветшей синими васильками, но тут же стало ясно, что полянка живая, но покрыта она не травой и цветами, а тысячами круглых стеклянных разноцветных глаз, большей частью зеленых и бирюзовых. Это были лишь глазные яблоки, лишенные ресниц и век, но тем не менее они жили, подмигивали, их зрачки сужались, приглядываясь к нам, и по лужайке глаз как бы прокатывалась волна, отчего глаза приближались к нам, стремясь достать до наших ног.

— Направо! — крикнул Жора, и мы побежали между россыпью глаз и остатками блочного дома, сложившегося подобно карточному домику в длинную груду плит, рам, кусков кровли, ступенек...

Глаза были резвее нас, они лились, отрезая нам дорогу, и вот уже мы бежим по глазам, которые с треском лопаются, разлетаются в пыль под ногами, но все новые и новые глаза рвутся к нам, уже взбираются, вкатываются по штанинам, щекочут ноги...

Мы уже не бежали — мы брели, почти по пояс в глазах, и Жора, перекрывая треск и шорох, кричал нам:

— Вы только не бойтесь, они не кусаются, не кусаются...

Но у Лукьяныча нервы не выдержали. Он увидел рядом щель между плитами, начал протискиваться в нее, раздирая потертый китель. Он рычал и брыкался ногами, еще мгновение — и он исчез из виду, только слышно было, как трещат, скрипят панели, и тут же послышался шум обвала, и груда панелей и лестниц начала оседать, вваливаться внутрь, погребая под собой Лукьяныча.

— Все, финиш, — сказал Жора, отряхивая с себя голубые глаза.

— Мы должны спасти его, — сказал я.

— Свежо предание.

— Но он, может быть, жив.

— Вот сам и иди, — сказал Жора зло.

— Пойду, — сказал я, глядя в растерянности на развалины дома и не видя щели и отверстия, в которое можно было бы проникнуть.

А Жора пошел вдоль развалин, не оборачиваясь, будто забыл о Лукьяныче.

— Так нельзя! — крикнул я, догоняя его.

Жора не отвечал.

Потом остановился, глядя вверх.

Я проследил за его взглядом и увидел, что на высоте трех метров завал пересекает трещина.

— Жди здесь, — сказал Жора.

— Нет, — сказал я. — Только вместе.

Жора выругался и начал карабкаться наверх. Я помог ему. Потом Жора протянул мне руку, и я взобрался наверх.

Трещина была узкой — внизу темнота. Жора кинул туда камешек. Камешек застучал по плитам — значит, провал был неглубоким.

Жора посмотрел на небо. Небо было бесцветным, вечерним.

— Черт знает что! — сказал он. — Из-за этого болвана Галку погубим.

Но, видно, доброе начало в этом грубом на вид парне победило.

Он протиснулся в трещину, спрыгнул вниз, исчез из глаз. И тут же я услышал изнутри:

— Прыгай, тут недалеко.

Я послушался его. Каменная россыпь ударила по ногам, я ушибся, упав на бок.

Я зажмурился. Когда открыл глаза — вокруг была темнота. Еле-еле можно было угадать фигуру Жоры.

— Ты живой? — спросил он.

— Ничего, — сказал я.

— Тогда пошли. Нам надо вниз спуститься, его туда затянуло.

Жора пошел вперед, я поднялся, последовал за ним.

— Ты за стену придерживайся, — сказал Жора. — Здесь стена есть.

И в самом деле, справа была стена.

— Лестница, — предупредил меня Жора, и я угадал по тому, как его черная тень начала уменьшаться ростом, что он спускается вниз.

Я спускался следом, нащупывая ногой ступеньки.

— Осторожнее!

Одной ступеньки не было.

А вот и лестничная площадка.

— Никогда не подумаешь, что внутри есть такие пространства, — сказал я.

— Помолчи. Неизвестно, кто нас слушает.

— Кто здесь может быть? — сказал я, внутренне улыбнувшись: развалины не казались мне страшными. Дом как дом, старый...

Мы спускались по следующему маршу лестницы.

И в этот момент что-то горячее и быстрое ударило меня по шее. Я вскрикнул. И присел. Горячее давило, шевелилось — это было Живое.

— Ты что?

Мягкие шерстяные пальцы ощупывали мои щеки...

Я пытался оторвать их от лица, а другая рука непроизвольно шарила по стене. Кончиками пальцев я нащупал выключатель и нажал на него.

Зажегся свет. Лампа под белым плафоном буднично освещала лестницу.

Горячие пальцы оторвались от моего лица — большая летучая мышь заметалась под потолком.

И исчезла...

Внизу стоял Жора, смотрел на потолок.

— Мутант, — сказал он.

Я почувствовал страшный упадок сил и опустился на ступеньку.

Жора подошел ко мне, нагнул мою голову, осмотрел шею. Провел по ней пальцами.

Потом показал мне пальцы. Они были в крови.

— Вампир, — сказал он. — Хорошо, что свет загорелся.

— Вампир? — Мой голос звучал глухо, я его сам не узнал. Словно говорил какой-то старик.

— Думаю, он много не успел отсосать. Пошли.

— Там могут быть другие?

— Могут. Зря я тебя взял с собой. Если боишься, вылезай.

— А Лукьяныч?

— Вот именно.

Мы вышли в низкий длинный коридор. Он был освещен такими же белыми круглыми плафонами. Двери были закрыты. На полу толстый слой пыли. У стены стоял открытый ящик с разноцветными

погремушками. Из-за двери послышалась стрекотня пишущей машинки.

— Жора!

— Я слышу, — сказал он. — Иди.

— Но там кто-то есть.

— Иди, тебе говорят!

Но я все же приоткрыл дверь.

Там была полутемная комната. Свет в нее проникал из коридора. В разбитое окно потоком, достигая пола, вливалась груда кирпичей. На столе стояла пишущая машинка. Возле нее недопитая бутылка молока и кусок колбасы. Никаких других дверей в комнате не было. И ни одного человека.

— Не заходи! — Жора протянул руку, оттащил меня и захлопнул дверь. — Тебе жить надоело?

Сзади послышался треск. Я вздрогнул и оглянулся. Погремушки выпрыгивали из открытого ящика и падали на пол — как блохи.

— Идем, — сказал Жора.

В конце коридора была еще одна лестница.

В подвал.

Подвал был длинным и низким. Из труб капала вода, вода была на полу, по воде плавали широкие светло-зеленые листья кувшинок, но вместо цветов в воде покачивались колбы, наполненные розовой жидкостью.

— Лукьяныч! — позвал Жора.

В ответ — тишина. Мертвенная, угрожающая.

— Погиб он, — сказал Жора. — Зря мы сюда сунулись — сами не выйдем.

Но пошел дальше по подвалу, отбрасывая башмаками колбы и листья кувшинок.

В трубе что-то запело, будто там была заточена птица.

И тут мы увидели Лукьяныча. Он медленно и неуверенно брел нам навстречу.

Трудно вообразить себе облегчение и радость, которые я испытал при виде старого вахтера.

— Лукьяныч! — побежал я к нему.

Тот услышал.

— Ну вот, — сказал он. — А я думал — кранты.

Труба, пересекавшая подвал под самым его потолком, вдруг изогнулась, разорвалась пополам, и на каждом торце образовалась зубастая безглазая морда. Морды повернулись к Лукьянычу.

— Ложись! — крикнул ему Жора. — Ложись, тебе говорю!

Но Лукьяныч растерялся или не услышал этого крика. Он остановился, поднял руки и стал отмахиваться от морд.

Из морд поползли белые волосатые языки, они схватили Лукьяныча за руки, обвили их и стали дергать, словно хотели втянуть в трубу.

Лукьяныч бился, пытался оторвать от себя эти белые языки и потом, прежде чем мы успели подбежать, как-то лениво и равнодушно опустился в воду — во все стороны поплыли, словно опасаясь коснуться его, листья кувшинок.

Языки втянулись обратно в морды, морды прикоснулись друг к дружке, и труба, словно так и положено, вытянулась под потолком.

Лукьяныч лежал в воде. Я приподнял его голову.

— Поздно, — сказал Жора.

Я поднял руки вахтера. Пульса не было.

— Пошли, — сказал Жора. — Кончился Лукьяныч.

— Нет, — сказал я, — мы не можем его оставить.

Я попытался поднять Лукьяныча, но он был невероятно тяжелым, он выскользнул из моих рук и упал в воду.

— Жора, ну помогите же мне! — сказал я.

— Дурак, — сказал Жора. — Посмотри.

Лукьяныч быстро темнел, рот оскалился, показались неровные золотые зубы.

Сомнений не оставалось. Он был мертв.

Но оставить человека в подвале — это было выше моих сил. И Жоре пришлось буквально оттаскивать меня от тела вахтера.

Он вел меня прочь, к лестнице. И тут я услышал сзади голос Лукьяныча:

— Погоди... Щукин, погоди.

— Он живой! — крикнул я и вырвался из рук Жоры. Но, подбежав к Лукьянычу, я в ужасе замер.

Его широко открытые глаза были совершенно белыми, более того, они были покрыты короткими белыми светящимися волосками. Лукьяныч смеялся. Он хотел дотянуться до меня, и я стал отступать. Его пальцы, пальцы скелета, почти дотянулись до меня — и вдруг Лукьяныч кучей тряпья упал в воду и стал растворяться в ней.

Я не помню, как Жора вытащил меня оттуда...

Глава 4. Технолог Щукин

Я очень устал. И, наверное, потерял немало крови. Я хотел остановиться и отдохнуть, но остановиться было страшно.

Мы шли в лабиринте железных ящиков разного размера и формы. Ящики были ржавыми, они вздрагивали, и изнутри доносилось постукивание, словно кто-то просил выпустить его наружу... Стенка одного была выломана.

— Вырвались, — сказал Жора. — Теперь держись.

Я не знал, кто вырвался, и не было сил спрашивать. Небо было синим, вечерним, и уже появились первые звезды. Где-то далеко ле-

тел самолет. Стены ящиков смыкались над головами, и мы шли по узкому извилистому ущелью.

Местность начала понижаться. Мы опускались в какую-то воронку.

Ящики кончились, но приходилось перебираться через завалы бревен, бревна были гнилые, между ними летали светлячки. Жора шел уверенно. Только один раз он остановился и замер, приложив палец к губам. Я тоже замер. Я уже понял, что единственное спасение — во всем слушаться сталкера. Я не могу сказать, что раскаивался в том, что отправился в этот несчастный поход. Я был за пределами страха и любопытства.

Мы стояли, ожидая, пока длинная вереница больших белых крыс перейдет нам дорогу. Крысы не обращали на нас внимания. Каждая из них тащила в зубах маленькую куколку. Последняя, совсем еще крысенок, видно, устала и уронила куколку на землю.

Когда крысы исчезли, Жора наклонился и поднял куколку.

— Посмотри, — сказал он, протягивая мне куколку.

Я, хоть было довольно темно, понял, что куколка изображает Лукьяныча, с мизинец размером, оловянного, раскрашенного, в кителе и фуражке.

— Быстро работают, — сказал Жора.

— Кто?

Но Жора не ответил. Он быстро побежал вперед. Перед ним мелькнуло какое-то живое существо.

— Стой! — крикнул Жора, кидаясь вперед.

Раздался вой.

Я подошел. Жора лежал на земле между бревен, навалившись телом на ободранную худую собаку.

Собака повизгивала и вырывалась.

— Ты не видел здесь девочку? — спрашивал Жора у собаки.

Собака не отвечала. Только скулила.

— Ну и черт с тобой! — сказал Жора и отбросил собаку. Та кинулась в сторону.

Жора проследил, куда она побежала.

— За ней, — сказал он.

Нам пришлось перебраться через быстрый, пахнущий карболкой мутный ручей, пробраться сквозь завал картонных коробок, набитых тряпьем. Там была дверь. Из-за нее вырвался луч света.

Жора приоткрыл дверь, и странное зрелище предстало моим глазам.

Вокруг низкого длинного стола сидело множество собак, ободранных, худых, во всем схожих с той собакой, которую поймал Жора.

Собаки смотрели, не отрываясь, на стол. Там, освещенные толстыми горящими свечами, бегали автомобильчики и паровозики. На большом блюде посреди стола — грудой блестящие украшения. Не-

которые из автомобильчиков вдруг начинали толкаться, слабые падали со стола.

— Эй! — сказал Жора. — Кто видел девочку?

Собаки как по команде повернулись к двери. Одна из них зарычала.

И тут мы услышали далекий детский плач.

— Это она! — сказал Жора.

Он побежал через комнату с собаками, и те отступали, рыча. Я бежал за ним. Собаки нас не тронули.

Мы выскочили из воронки, и пришлось долго пробираться через расползающиеся тюки с шерстью, потом по щиколотку в грязи шлепать в мертвом кустарнике, и неожиданно перед нами открылась грязная поляна, по краям которой было вырыто множество выгребных ям, источающих мрачное зловоние.

Посреди поляны возвышалось странное сооружение, похожее на башню рыцарского замка. И я не сразу сообразил, что это нижняя часть громадной фабричной трубы. В трубе была сделана дверь. Из нее на землю падал тусклый квадрат света. Оттуда и доносился детский плач.

Глава 5. Сталкер Жора

Это был замок Сольвейга. Как его в самом деле зовут, даже он сам не помнит. Я единственный живой человек, который его видел. В прошлом году я добрался до его башни. Это самая дальняя точка, до которой я забирался в Зону. Сольвейг тогда сказал мне, что озера Желаний нету. И я ему поверил. Он знает.

Он его искал много лет.

Он сам себя называл Сольвейг. Я проверял. Есть такая опера, там Сольвейг прибегала к нему на лыжах. Но старик, наверно, спутал ее с соловьем. У него раньше был патефон. Но сломалась игла. Я обещал ему принести иглу, но не нашел — теперь их не делают.

Как же эта Галка добралась до старика? Здоровые мужики погибают, а она добралась.

У него в замке стоит золотой трон. Обшарпанный, правда, но золотой. Галку он привязал к трону. Она была чуть живая, рубаха в клочья, джинсы разодраны... Ох и напереживалась эта дура! А тут попасть в плен к маньяку!

Старик стоял перед ней. В одной руке банка со сгущенным молоком. В другой гнутая алюминиевая ложка. Глаза дикие, ополоумевшие.

Она ела это молоко, вся физиономия в молоке, по распашонке, по лифчику течет молоко, джинсы в молоке, даже волосы в молоке — видно, она сопротивлялась вначале, мотала головой. А теперь уже ничего не соображает, только кричит иногда, как воет.

— Кушай, — говорил-скрипел старик. — Кушай, моя королева. Мне ничего для тебя не жалко.

Он совал ей ложку в рот, она старалась отвернуться, он топал ногами и сердился.

— Оставь Галку! — сказал я.

Он не сразу сообразил, что мы пришли. Потом испугался, кинулся в угол, схватил лом. Халат распахнулся, он под ним в чем мать родила, но жилистый. Он поднял лом и пошел на нас.

Я нагнулся, уклонился от лома и врезал ему в левую скулу.

А Щукин тем временем стал распутывать Галку. Она только всхлипывала. Вокруг на полу валялись пустые банки, и весь пол — сплошная липкая белесая лужа.

Щукин скользил по молоку, я помог ему освободить Галку. Она не могла стоять, и мы отнесли ее к старому дивану, на котором обычно спал старик. Пауки кинулись во все стороны. Пауки у него ручные, умеют танцевать, он мне сам показывал.

— Дядя Жора, — повторяла Галка, — дядя Жора...

Я открыл флягу с коньяком, заставил ее глотнуть. И тут же Галку начало рвать сгущенным молоком.

Я думал, что она помрет. Но ничего, через несколько минут отошла. Оказывается, старик кормил ее больше часа, банок пять как минимум в нее всадил. Он псих, он самое дорогое ей отдавал.

Пока мы откачивали Галку, старик очнулся, стал плакать, чтобы мы у него ее не отбирали.

Я поглядел наружу. Уже почти совсем стемнело.

— Будем ночевать здесь, — сказал я.

— Нельзя, нас ждут, — сказал мой технолог. — Ее мать сходит с ума.

— Моя мать с утра пьяная, — сказала Галка.

— Ты хочешь остаться здесь?

— Нет, уведи меня, дядя Жора.

— А что тебя в эту дырку потянуло?

— Мне нужно было... нужно было озеро Желаний.

— Из-за мамы? — спросил Щукин.

— Из-за мамы? А зачем ей? Мне нужна любовь одного человека, — сказала Галка.

— Сколько лет этому человеку? — спросил я.

— Сорок. У него жена. Толстая, гадкая, я бы ее убила!

— Дура! — сказал я. — Жалко, что пошел тебя вытаскивать.

Старик очнулся, стал просить, чтобы мы оставили ему Галку.

— Пошли, — сказал Щукин. — Уже поздно.

— И куда ты пойдешь? — спросил я.

— Обратно.

— Обратно мы не пройдем, — сказал я. — Даже днем мы чудом прорвались. Ночью погибнем. Хуже Лукьяныча.

— Отдайте мне королеву, — сказал старик с угрозой. — А то скоро Ночные придут. Они вас скушают.

— Это правда, — сказал я. — Пошли.

Мы вышли, старик бежал следом, просил, чтобы я отдал ему его лом. Но я оттолкнул его, а шагов через пятьдесят велел моим спутникам затаиться в остатках трансформаторной будки. И шепотом сказал им:

— Сейчас сидим тихо. Десять минут. Пускай он думает, что мы обратно пошли.

— А мы? — спросил Щукин.

— А мы пойдем дальше.

— А разве вы там были?

— Там никто не был. Но зато я знаю — на обратном пути нас точно убьют. А впереди — не знаю.

Они ничего мне не ответили. Они устали. Им было почти все равно. Я их понимал, мне самому было почти все равно. Только я упрямый. Я хотел, чтобы Галка все-таки вернулась домой.

— А кто этот старик? — шепотом спросила Галка.

Видно, начала оживать. Они живучие, как кошки.

— Сумасшедший, — сказал Щукин.

— Он дезертир, — сказал я. — Так он мне сказал.

— Какой дезертир?

— В сорок первом здесь спрятался. А может, троцкист.

— А что же он ест?

— Сгущенное молоко, — сказал я. — В войну по ленд-лизу состав со сгущенкой шел, ветка недалеко, его в Зону затянуло, потеряли. А может, врут.

На груди защекотало. Я испугался. Может, ядовитое. Запустил руку за пазуху. Оказалось — зеленый глаз. Я выбросил его, он покатился к Галке. Она взвизгнула. Пришлось его раздавить.

Когда мне показалось, что все тихо, я повел их дальше.

Но незаметно уйти не удалось.

Раздался такой грохот, которого я в жизни не слышал.

Особенный, страшный, гулкий, будто тысячи человек принялись молотить по пустым бочкам.

Меня отшвырнуло, понесло... Кинуло на землю, погребло...

И, наверное, сто лет прошло, прежде чем я сообразил, что случилось: Галка наткнулась на край Великой пирамиды. Той самой, которую мне старик показывал в прошлом году. Она из пустых банок. Пятьдесят лет он жрет это молоко. Две-три банки в день. Простая арифметика — сколько банок? И всю эту пирамиду мы развалили.

С нами-то ничего страшного, если не считать нервов. Но, конечно, мы переполошили весь этот скорпионник. А места дальше мне незнакомые, самые древние, самые загадочные...

Мы побежали по колючкам и мертвому лесу, мы пробивались

сквозь цветущие оранжевыми одуванчиками заросли медной проволоки. Сумерки еще не кончились, так что, к счастью, мы кое-что видели.

А может, не к счастью.

Галка и так была еле живая. И именно она натолкнулась на скелет. Весь размозженный, на черепе сохранились длинные волосы, обрывки джинсов и даже цепочка на вывернутой шее. И Галка начала вопить — она этого парня знала. Хипповый парень, весной пропал. Значит, идиот, полез в Зону.

Галка начала снова рыдать, ее рвало, а по нашим следам уже шли Железные люди, заводные, без голов, раскрашенные. Хорошо еще, что у меня лом был, я отбивался, пока Щукин тащил Галку дальше.

Мы чуть было не погорели совсем, когда оказались перед ущельем. Я никогда и не слышал, что здесь есть ущелье. Без дна.

Как переползли на тот берег — до сих пор не представляю. Мы по паутине ползли. Двух пауков я убил. Третий половину волос у меня выдрал... Но ушли. И Железные люди отстали.

Но пауки позвали других на помощь.

Это, может, и не пауки — они плюшевые, желтые, ноги у них из пружин. Не прыгают, но качаются.

Они были осторожные, как шакалы, ждали, когда мы помрем или ослабеем. И видно было, что ждать им недолго. Я все надеялся, что Зона кончится, но точно не знал когда. Да и шли мы по луне, по звездам. И уверенности не было.

Пауки загнали нас к бетонной стене. Не знаю, кто и когда ее поставил. Метра три, поверх колючая проволока. Надо было эту стену одолеть, но сил одолеть не было.

Мы сидели в рядок, прижавшись к стене спинами.

Пауки дежурили полукругом, тоже ждали, раскачивались, как один футбольный тренер.

И тогда я услышал, что за стеной стук. Быстрый частый стук. И я понял, что мы погибли — мы вышли к Бездне. Никто там не был, но некоторые слышали. Там работа вовсю идет, как будто ничего не было, а кто работает, неизвестно... А может, это Сборный червяк, что еще хуже...

Тут пауки пошли в наступление.

Я встал, я один смог встать. Я поднял лом и начал махать им.

Пауки, улыбаясь беззубыми ртами, отступили. Глаза светятся, как тарелки.

Я с отчаяния размахнулся и ударил ломом по стене. От нее отлетел кусок бетона. Я стал с отчаянием рубить по стене — пускай Бездна, но умереть от этих пауков куда хуже.

Я вошел в раж. Я бил, бил и ничего не слышал. Но, когда Галка завизжала, я обернулся.

И увидел, что моего Щукина уволакивают пауки.

Они рвут его, тянут, а он почти не сопротивляется. Сам как тряпичная кукла.

Я кинулся на пауков, я дробил их ломом, мне уже было на все наплевать.

Они оставили Щукина. Он был без сознания. Я поволок его к стене, и пауки пошли за мной следом.

И тогда я снова набросился на стену.

Наверное, никогда еще во мне не было такой силы. Как последние сто метров в марафоне — а потом человек умирает.

Кусок стены выломился, выпал в ту сторону.

Лом провалился в дыру, звякнул там.

Теперь, даже если там ждет немедленная смерть, все равно другого пути нет. Мое оружие там.

Нас спасла Нога. Ее пауки боятся. Она вышла из темноты, скрипя суставами, сапог с меня ростом, из него торчит каменный палец. Пауки — в стороны. А Нога медленно попрыгала к нам, чтобы растоптать.

Я буквально выкинул в дыру Галку, а потом вытащил Щукина.

Там был асфальт.

Я упал рядом с Щукиным. Галка лежала на мостовой.

За стеной скрипела Нога. Потом стало тихо. Я закрыл глаза.

Знакомое постукивание послышалось вдали. Все ближе и ближе...

Дребезжал, надвигаясь, Сборный червяк... Я начал шарить руками, хотел найти лом. Лома не было. Я поднялся на четвереньки и тут увидел, что это не Сборный червяк, а к нам едет трамвай.

Обыкновенный трамвай, поздний, почти пустой. Я и не знал, что в Зоне есть такие места.

Пускай проедет. Это, наверное, трамвай-убийца.

Но трамвай не проехал. Он заскрипел тормозами, останавливаясь. Где лом? Где лом, черт побери! Я же не могу его голыми руками!

Из трамвая выскочила женщина в синем сарафане.

Она побежала к нам.

Это была Лариска, Галкина мать. Я ее всегда узнаю издали. Старая любовь. Хоть она теперь спилась, а у меня Людмила и Пашка, но от старой любви что-то всегда остается.

— Я прямо почувствовала! — закричала Лариска — и сразу к Галке.

А Галка начала плакать. Снова.

— Мама, я больше не буду! — Ну как маленькая.

И только тогда я понял, что над улицей горят фонари. Редкие фонари, обыкновенные фонари.

Я сел на тротуар.

Из трамвая вышел водитель. Колька Максаков, я его знаю.

Они с Лариской повели к трамваю Галку.

Надвинулись фары.

Это была директорская «Волга».

Директор первым подошел к нам. Он зачем-то пытался трясти мне руку. А мне было плевать... Я сказал, чтобы Щукина отвезли в больницу, он много крови потерял. Про Лукьяныча никто не спрашивал. Видно, и так поняли.

Директор приказал вызвать бригаду, чтобы заделать стену.

Глава 6. Технолог Щукин

Меня выпустили из больницы на третий день. За это время я подготовил докладную о мерах по ликвидации заводской свалки, которая в настоящем виде представляет опасность для завода и окрестного населения.

Я напомнил в докладной, что наш завод построен еще до революции как фабрика механических игрушек немецкого фабриканта фон Бюхнера. Свалка родилась, когда завод разрушили в Гражданскую войну.

К несчастью, вместо того чтобы разобрать развалины завода и складов, решено было строить новые корпуса завода заводных игрушек имени Лассаля по соседству с разрушенными. А когда завод в двадцать пятом сгорел, то, восстанавливая, его подвинули вновь. С тех пор свалка стала использоваться и некоторыми другими городскими предприятиями. Свалка приобрела самостоятельное значение, и постепенно завод отступал под ее напором, оставляя в ее владении подъездные пути и заброшенные склады. А свалка все росла и надвигалась. Было много постановлений о ликвидации свалки, както ее пробовали снести, но два бульдозера сгинули там, одного бульдозериста так и не нашли, второй вышел, но сошел с ума... В городе свалку начали называть Зоной и даже появились сталкеры... Теперь же завод отодвинут свалкой от Молодежной улицы на шесть километров, и никто толком не знает, что происходит внутри. Я писал, что свалка превратилась в замкнутую экосистему. В любой момент в ней может произойти качественный скачок и она нападет на завод или на Молодежную улицу, с которой граничит, отделенная лишь бетонным забором. Потому я потребовал, чтобы свалку немедленно разбомбили военной авиацией.

По выходе из больницы я подал докладную директору.

Он прочел ее при мне. И предложил уйти в отпуск. Сказал, что я заслужил отдых.

— А как же свалка? — спросил я.

— Тут у вас некоторые преувеличения. Но источник их понятен, — сказал директор. Он прятал глаза. — Нервы.

— Вы там не были! — кричал я. — Вы не знаете! Это страшно! Вспомните о судьбе Лукьяныча.

— Мы обязательно примем меры, — сказал директор. — Но вот насчет авиации вы преувеличиваете. Так что лечитесь, отдыхайте.

Директору два года до пенсии...

Глава 7. Из приказа № 176 по заводу заводных игрушек имени Фердинанда Лассаля

«...Исходя из вышеизложенного, принять следующие безотлагательные меры:

1. Возвести за счет сэкономленных средств соцбытсектора временное ограждение свалки со стороны цеха № 3.

2. Усилить охрану периферии свалки в ночное время, для чего изыскать возможности увеличения штата специализированной охраны на два человека.

3. Временно, вплоть до особого разрешения, прекратить посещение завода экскурсантами, а также запретить проникновение на территорию Предприятия представителей прессы, которые безответственными выступлениями могут дезориентировать общественность.

4. Принять к сведению постановление местной организации Предприятия об обращении к Главному управлению заводных игрушек Министерства местной промышленности о выделении дополнительных ассигнований на приведение в порядок заводской территории.

5. Строго указать всему личному составу Предприятия о недопустимости распространения слухов касательно предположительного существования неопознанных явлений в районе заводской территории. С этой целью провести собрания в коллективах цехов и заводоуправления.

6. Ходатайствовать перед соответствующими организациями социального обеспечения об установлении повышенной пенсии вдове сотрудника специализированной охраны Варнавского Г.Л., как погибшего при исполнении служебных обязанностей.

7. Отметить сборщика Васюнина Г.В. премией в объеме двухнедельного оклада.

8. Предоставить заместителю главного технолога Щукину Н.Р. внеочередной отпуск для лечения.

Директор завода заводных игрушек имени Фердинанда Лассаля».

СЛЫШАЛ?

Я решил не терять времени и поэтому, когда робот подкатился ко мне со щеткой в одной лапе и пылесосом в другой, сказал ему:

— Гладить брюки сегодня тоже не будем.

Робот остановился в тихом изумлении. Рушился мировой поря-

док. За шесть лет, что он трудился в моем доме, такого не случалось ни разу.

— А зубы чистить будете? — задал он мне дипломатический вопрос: видно, заподозрил, что я сошел с ума. Я раскусил его маленькую логическую хитрость и сказал:

— Зубы чистить буду.

Тут до робота дошло, что бывают ситуации, когда люди отказываются от обязательного ритуала. Этим — а именно свободой выбора — они и отличаются от мыслящих машин.

Тут включился видеофон. Звонили из Крыма. Любочка. Она три дня как улетела туда отдыхать.

— Николай! — закричала она. — Я всю ночь не спала. Ты слышал?

— Слышал, слышал.

— Я вылетаю на стратоплане, — сказала Любочка. — Но очень трудно с билетами. Черноморское побережье безлюдеет на глазах.

— Я понимаю, — сказал я. — Увидимся.

За эту минуту я успел натянуть самозастегивающиеся штаны, которые самозастегнулись чуть раньше, чем положено. Пришлось искать ключ от них, который робот сунул в коробку с ненужными полупроводниками.

Еще две минуты потеряно. И тут, как назло, посреди комнаты возникла голограмма Синюхина.

— Привет, Николай, — сказал Синюхин. — Я забыл код от входной двери. Не могу выйти.

— А зачем тебе выходить? Ты уже три года никуда не выходил.

— Ты с ума сошел! — закричал Синюхин, запуская пятерню в клочковатую бороду. — Разве ты не слышал?

— Подумай, — сказал я. — Может быть, с твоим здоровьем лучше не участвовать?

— Нет. Как только вспомню код — тут же на аэродром.

— Тогда попробуй слово «сезам», — сказал я.

— Сезам! — сказал Синюхин, глядя в угол моей комнаты. У него в Болшеве на том месте была входная дверь. — Сезам! — закричал он.

Мы с роботом ждали.

Синюхин обернулся к нам.

— Открылась! — закричал он. — Она открылась.

— Тогда до встречи, — сказал я.

Синюхин сгинул.

— Проверь через центральный, — сказал я роботу.

— Авария на Трансплутоне, — сообщил робот. — Придется вам брать флаер.

— Теперь я сомневаюсь в твоих умственных способностях. Ты понимаешь, сколько туда на флаере?

— Тогда я в растерянности развожу руками.

Лифта, конечно, не было. Я побежал вниз, до восемьдесят шестого этажа, откуда ходит грузовой.

На площадке восемьдесят шестого стояла кучка людей. Они взволнованно переговаривались.

— Лифт давно был? — спросил я.

— Только что ушел, — сказала женщина со сто восьмого. — Очень большой наплыв желающих.

Я побежал вниз по лестнице.

Восемьдесят шесть пролетов — площадка, марш лестницы, широкое окно, марш лестницы, площадка, марш лестницы...

Этажей через сорок я утомился, встал у окна.

Надо было перевести дух.

За окном расстилался город. Острые шпили двухсотэтажных небоскребов пронзали облака и устремлялись к звездам, где-то в глубине, словно на дне пропасти, поблескивали огоньки уличных реклам, проносились пули городской антигравитационной надземки, а между пропастью и небом на той километровой высоте, где я переводил дыхание, деловитыми шмелями носились флаеры, размахивали крыльями любители птицелетной закалки и, струясь зеленой дискретной рекой между отвесами небоскребов, сверкала невесомая, уходящая к Туле надпись: «Храните деньги в сберегательной кассе».

Погоди, сказал я себе, мысленно отмечая закономерность в движении флаеров — большая часть их неслась к востоку, — а вдруг Миловидов починил свою ракету?

Я поднял руку, набрал на прикрепленном к кисти коммуникаторе номер мастерской Миловидова.

Тот, к счастью, сразу откликнулся.

— Миловидов, ты слышал? — спросил я.

— Коля, — ответил тот, сразу узнав меня. — По-моему, она полетит.

Миловидов — известный чудак, он уже третий год реставрирует межконтинентальную ракету, желая превратить ее в индивидуальное средство транспорта. Мало кто верил, что у Миловидова что-то получится, а сам он останется жив, если ракета все же взлетит.

Я пулей слетел с сорокового этажа, прыгнул на движущийся тротуар, подъехал к нише, в которой стояли общественные антигравитационные ранцы, стремглав натянул один на спину, включил, взмыл в воздух и взял курс на Ясенево, где живет Миловидов.

И, как назло, где-то над Бронной в воздухе прямо перед моим носом материализовалась тусклая голограмма Синюхина.

— Колечка, — сказал он вяло, — я очень устал. Еле тебя нашел. Ты не помнишь, каким словом открывается моя дверь?

Я даже не успел ответить — от неожиданности потерял высоту, чуть не врезался в летающее кафе-платформу, еле избежал столкно-

вения с туристским автобусом, полным японцев, и врезался носом в стеклянную милицейскую будку.

Пока я платил штраф, Синюхин в виде голограммы реял надо мной, а я кричал ему:

— Сезам! Сезам, откройся!

— Одну минутку, — сказал милиционер, который оказался человеком сердобольным. — Попробуем помочь вашему товарищу.

Он включил свой локатор.

— Гражданин, скажите адрес, — попросил он. — Мне надо поглядеть на вашу дверь.

— Адрес? — Голограмма Синюхина покраснела и начала мерцать.

— Большая Дорогомиловская, двенадцать, четыреста сорок девять, — сказал я. — Вход со двора.

— Правильно, — сказал Синюхин. — Спасибо, Коля.

Милиционер набрал на локаторе код, и мы с ним увидели синюхинскую дверь. Затем как бы пронеслись сквозь нее и оказались в передней, где стоял настоящий Синюхин.

— Все ясно, — сказал милиционер. — Она у вас на ручном управлении. Я вам советую, поверните ручку.

— Сезам! — закричал радостно Синюхин и повернул ручку.

Дверь открылась.

А я понесся дальше.

Ракета возвышалась на краю Ясенева, у Соловьиного проезда. Она была покрашена в голубой цвет, на боку красным ее название — «Ласточка».

Мы стартовали с Миловидовым через двадцать две минуты.

Мы сидели в отсеке, где раньше помещался атомный заряд. Было тесно и неудобно. Кресла, взятые моим другом с какого-то отработавшего срок космического корабля, были протерты, сбоку в меня вонзалась пружина. К тому же в стратегической ракете нет иллюминаторов, и до последней секунды я не был уверен, опустимся ли мы в Омске или врежемся в побережье Аляски. Что-то в ракете поскрипывало, я закрыл глаза. Я опасался, что Синюхин выскочил на лестницу, забыл дома ботинки и теперь, не в силах открыть дверь снова, разыскивает меня по Вселенной, и вот-вот его голограмма появится в без того тесном чреве межконтинентальной ракеты. Но, слава богу, обошлось. И не врезались, и Синюхин нас не настиг.

Мы чуть не разбились при посадке — амортизаторы у Миловидова совершенно первобытные. Но пилот он отличный. Вслепую, по приборам и интуиции, он посадил ракету на поляне в окрестностях Омска. Правда, раздавил несколько флаеров и аэробусов, которые опустились там раньше нас. К счастью, все они были пусты.

Потирая синяки, мы вылезли из ракеты.

Над нами неслись и плыли, реяли и летели различные индивидуальные и коллективные летательные аппараты.

Мы выбрались на шоссе. Шоссе неспешно текло в сторону города. Здесь начиналась пешеходная зона.

По мере того как мы подъезжали к центру Омска, на шоссе становилось все больше народа. Все торопились к центру. Над головой, медленно снижаясь, шел рейсовый с Марса. Значит, и там уже слышали.

Мы с Миловидовым не разговаривали. Мы бежали, берегли дыхание.

С каждым шагом я все более понимал безнадежность авантюры, в которую мы добровольно ввязались. Нас многие опередили.

Шоссе вливалось в огромную центральную площадь.

Площадь была заполнена сотнями тысяч людей. Они стояли в очереди, затылок в затылок. Добровольцы шли вдоль очереди и записывали фамилии.

За добровольцами катил крупный компьютер, который запоминал фамилии и выплевывал пластиковые номерки на протянутые ладони.

— Мертвое дело, — сказал я Миловидову, когда мы получили номерки.

— И я так думаю, — сказал Миловидов. — Но испытания «Ласточки» прошли великолепно. Она тебе понравилась?

— Обратно я с тобой не полечу, — сказал я.

— Я тоже, — сказал он. — Зачем испытывать судьбу?

И тут возле меня возник Синюхин. Он улыбался. Я пощупал его рукав. Это был настоящий Синюхин.

— Как ты успел? — спросил я.

— Я вспомнил, что проходил курс телепортации, — ответил он, расчесывая пальцами бороду.

Компьютер выдал ему номерок.

— А что здесь вообще-то происходит? — спросил Синюхин. — Я утром слышал, а потом с этой проклятой дверью забыл.

— Дурак, — сказал Миловидов. — Колбасу дают.

— По скольку в одни руки? — спросил Синюхин.

— По полкило, — ответил компьютер.

— Не хватит, — сказал Синюхин.

Мы тоже понимали, что не хватит. Но решили все же постоять.

ПОСЛЕДНИЕ СТО МИНУТ

Я не выспался. Я спал на балконе, на раскладушке, там было чуть прохладнее, но грохотал гром, всю ночь вспыхивали молнии — будто кто-то входил ко мне, включал ослепительный свет над головой, а потом, не извинившись, уходил, потушив свет и оглушительно хлопнув дверью. И донимали комары, городские, мелкие, беззвучные, оз-

лобленные, что совокупляются в мокрых подвалах и плодят таких же, мелких и подлых.

Я дремал, просыпался; мне казалось, что я совсем не сплю, хотя я, конечно, сколько-то спал.

Встал я в семь, начал собираться, формула «возьмите с собой только самое необходимое» вчера не казалась столь невыполнимой. Я принялся складывать самое необходимое на пол в комнате, чтобы потом отобрать из самого необходимого самое-самое необходимое. Процесс этот был длительным и очень печальным, потому что мне все время встречались вещи, которые нельзя было назвать необходимыми, но без которых существование теряло смысл.

Я стоял над грудой необходимых предметов, когда начал звонить телефон. Это было сразу после восьми.

— Прости, — сказал Булыгин, не поздоровавшись, — ты сегодня будешь в конторе?

— Не знаю. А что?

— У меня гипертонический криз. Не могу выйти на улицу. Но если я сегодня не заплачу за водопровод в дачном кооперативе, меня лишат. У тебя есть полторы сотни?

— Но я сегодня, наверное, не буду...

— Постарайся, Сережа. Мне очень нужно. Найдешь Каца и отдашь, полторы сотни, запомнил?

— Запомнил.

Я повесил трубку и утешил себя тем, что Булыгин уже позвонил с той же целью еще пятерым сослуживцам.

Я вернулся к груде абсолютно необходимых вещей и положил рядом с ней дорожную сумку.

Уже в половине девятого температура была тридцать три градуса. Жара держалась уже двадцать пятый день. И это в мае!

Я включил телевизор.

Скучный японский профессор рассказывал о необратимости парникового эффекта. Я принялся раскладывать необходимые вещи на две кучи.

Затем отечественный профессор, куда веселее и жизнеспособнее японского, комментировал речь коллеги, обвинил его в пессимизме и сообщил, что меры принимаются. Потом девица с красными волосами начала петь и припрыгивать. Наверное, это была старая запись. В Москве уже две недели никто не припрыгивает.

Я пошел в душ — все равно проблему необходимых вещей мне не решить.

Тут же меня догнал звонок телефона. Я вернулся. Совещание у Филимоненко состоится во вторник, в три часа, сказала секретарша Леночка.

Я согласился. Я не стал говорить ей, что во вторник меня уже не будет в Москве.

Я включил душ. Сквозь шум тепловатой воды донесся телефонный звонок. Мокрый, но не освеженный, я кинулся к телефону. Боба сказал, что умерла его тетя. Я эту тетю никогда в жизни не видел, но завтра будет вынос тела и надо помочь нести гроб. Я сказал Бобе, что меня не будет в Москве, но Боба не поверил и обиделся.

Я вернулся в душ. Снова зазвонил телефон. Междугородный. Это был Мирошниченко. Было плохо слышно, но я понял, что с поездами из Харькова произошла заминка и потому он не смог достать билета. Так что я должен ждать его через две недели. Я согласился ждать.

Доктор позвонил ровно в десять. К тому времени я успел поговорить с двенадцатью знакомыми и малознакомыми. Градусник за окном показывал тридцать восемь — температура поднималась катастрофически, как и предсказывал доктор еще на той неделе.

Доктор спросил:

— Вы готовы?

— Почти.

— Почему такой голос? Плохо спали?

— Плохо. Но это понятно.

— Разумеется, нервы?

— Нет, очень жарко.

— Я вам завидую. Если вы не лжете, то, значит, вы умеете владеть собой. Теперь слушайте меня внимательно. Сейчас десять часов три минуты. Через сто минут я жду вас на пустыре за гастрономом. Знаете?

— За стекляшкой?

— Да. Там забор, но в нем много отверстий, сделанных пьяницами. Сегодня суббота, на пустыре никого не должно быть.

— Через сто минут? — Мозги были совсем жидкими, и меня охватило вялое раздражение против его манеры изъясняться не по-человечески. Сто минут. Значит, во сколько мне надо быть на пустыре?

— Значит, на пустыре вы должны быть в одиннадцать сорок три. Ни минутой позже. Мы не можем ждать.

— Я понимаю, — сказал я.

— Надеюсь, вы уже уложили вещи?

— А можно взять вторую смену?

— Ни в коем случае. Вес вашей сумки не должен превышать пяти килограммов трехсот граммов.

Доктор отключился.

Я подумал, что у меня достаточно времени, чтобы еще раз залезть под душ. Но не дошел до душа. Снова зазвонил телефон, и я решил было не подходить, потому что после разговора с доктором окончательно понял, что завтра меня в Москве не будет, но потом все же подошел — в последний раз.

Звонила Ольга. Она очень удивилась, что я так рано встал, хотя я

всегда рано встаю. Оказывается, она не хотела меня будить. Потом она спросила, как я себя чувствую, и я честно признался, что чувствую себя паршиво.

— Все себя чувствуют паршиво, — сказала Ольга. — Ты не представляешь — я сейчас говорю с тобой, а вся потная, словно камни таскала. Когда это кончится?

— Не знаю, — сказал я. — Может быть, никогда.

— Ой, не надо меня пугать! Меня все пугают — и телевизор, и даже ЖЭК. У нас горячей воды нет.

— А разве сейчас бывает другая?

Она не поняла юмора и сказал:

— Я, в принципе, согласна на горячую воду, потому что ее можно охладить. Ты меня понимаешь?

— А что звонишь? — спросил я, поглядев на часы и поняв, что семь минут из отведенных мне ста я уже истратил.

— Вопрос сексуальный, — сказала Ольга. — Конечно, при такой температуре думать о сексе неприлично, но женщина должна устраивать свое личное счастье. Как ты думаешь, Андрюша не импотент?

— Что?

— Манихеева мне сказала, что она точно знает от его прошлой любовницы, что он практически импотент...

Когда я смог повесить трубку, оказалось, что потрачено пятнадцать минут.

И тут же телефон взвыл снова. Он требовал меня, он желал общаться.

Я протянул руку к аппарату и тут осознал, что я не только сто минут — я могу всю свою жизнь провести у телефона.

Я законопослушный человек и не люблю бить чашки. Но осознание катастрофы вошло в меня в этот момент так глубоко, что я осторожно и медленно поднял телефон на уровень плеч и с наслаждением мальчишки, который ломает дорогую игрушку, швырнул его на пол. От телефона отлетели какие-то куски, он весь стал плоский, но тут же зазвонил вновь.

И тогда я его растоптал.

Топтал я его увлеченно, но кончилось это плохо, потому что я поскользнулся на какой-то детали и сел на пол. Отшиб копчик. Да так, что думал — уже не встану. Только мысль о том, что мне осталось восемьдесят минут, заставила меня с кряхтеньем подняться на четвереньки и приняться за отбор самых необходимых вещей.

Позвонили в дверь.

Я открыл, придерживая ладонью поясницу.

Это был почтальон.

Пот катился по нему ручьями.

— Я «Новый мир» не стал в ящик класть, — сообщил он мне. — Крадут. Из двадцатой квартиры жаловались.

Он передал мне журнал. На обложке были мокрые следы его пальцев.

— У вас попить не найдется, водички? — сказал почтальон. — Невыносимо работать. А кто о нас думает? У вас телефон разбился?

Мы пошли с ним на кухню. Из-под крана он пить не хотел, но, к счастью, нашлась вода в чайнике.

— Вчера по телевизору говорили, — сказал почтальон. — Нет гарантий, что не будет заражена вода, потому что очистные сооружения от этой жары остановились. Вы слышали?

— Нет, не слышал.

Почтальон пил медленно, мелкими глотками, я его знал уже лет пять, он все собирался на пенсию, потом возвращался, потому что дома было скучно.

— А вы в командировку собрались? — Он, оказывается, увидел, проходя мимо комнаты, мои вещи.

— Уезжаю, — сказал я.

— Только не на юг, — сказал почтальон. — Потому что там доходит до пятидесяти. У меня племянница вернулась. К счастью, живая.

— Я в другую сторону.

Он допил воду, поблагодарил, но ушел не сразу, он полагал невежливым уйти сразу. Я закрыл за ним дверь и понял, что до рандеву мне осталось меньше часа. Внутри начал щекотать какой-то жучок. В конце концов, за что я держусь? Зачем мне галстук? Или вторые ботинки? Пожалуй, надо сделать вот что: три пары белья, рубашка, зубная щетка — представим, что мы отправляемся в Ленинград. На три дня. А остальное — сувениры. И две книги. Какие книги? Нет, надо взять мои статьи. И рукописи... А зачем сувениры?

Я метался по комнате. Нет, со стороны вы бы подумали, что я сижу перед вещами в кататоническом трансе. На самом же деле я мысленно метался по комнатам, хватал с полок и из шкафов вещи, тащил их к куче, выбрасывал, хватал другие...

Когда же я наконец поднял дорожную сумку — конечно же, в ней было куда больше пяти килограммов, — мне расхотелось уходить. Я все понимал: надо. И ничто меня не удерживало: ни семьи, ни друзей, ни родителей — все это было, и все это как-то кончилось...

Нет, понял я, так нельзя. Я выключил телевизор, который передавал приукрашенный прогноз погоды, сел на стул, посидеть на дорожку. Тихо тикали часы. Еще мамины, настенные.

Я встал, подошел к двери, но тут же положил сумку на пол и побежал на кухню. Мне показалось, что я не выключил газ. Конечно же, я выключил газ.

Можно было бы еще посидеть — мне оставалось полчаса, а идти до гастронома не больше семи минут.

Лучше я приду раньше. Хватит. Каждая минута здесь бессмысленна.

Я закрыл окна. Ночью может быть гроза — каждую ночь бывают сухие грозы, после которых становится еще жарче. А если и получается дождь, то он тут же поднимается паром...

На улице были люди. Странно, но люди ходят по улицам. И будут ходить до последней возможности. Вот мать везет ребенка гулять... Вот старуха тащит с рынка сумку. Значит, на рынке чем-то торгуют. Я бросил взгляд на градусник — ртутный столбик стоял возле сорока. Днем поднимется до пятидесяти.

Я захлопнул дверь, вызвал лифт. Лифт приехал сверху. В нем стоял Мешков. В брюках и майке.

— Простите, — сказал он. — Я в таком неглиже. За газетой еду.

— Я понимаю, — сказал я.

Господи, подумал я, забыл деньги. Сберкнижку и деньги. Возвращаться?

Я поглядел на часы. Двадцать пять минут. Черт с ней, со сберкнижкой, там все равно рублей сорок, не больше.

Мешков навалился на меня, от него пахло потом.

— Нет, вы мне как физик скажите, что будет? Что будет?

— Ничего хорошего, — сказал я.

— Но ведь вы несете ответственность.

— Почему?

— Вы же, ученые, довели до такого состояния.

Но было слишком жарко, чтобы он мог накачать себя до действенного гнева.

Лифт остановился на первом этаже.

— Нет, вы не убегайте, не убегайте. Вы читали, что в Индии количество смертей достигло шестнадцати миллионов? А с Африкой потеряна связь. С целыми городами. И вы еще настаиваете, что не имеете к этому отношения?

— Не больше, чем директор любого завода, который травил воздух, — сказал я.

— Нет! Он же дурак, этот директор. Он о премии думал. А вы знали, к чему это приведет.

Я освободился от его потных пальцев.

— Страшно газеты брать. Но всегда остается надежда. Это как со средством от СПИДа, — сказал Мешков.

Он пошел к почтовому ящику. Я думал, что уже избавился от него, но в дверях дома меня остановил крик:

— У меня на даче все выгорело!

Двадцать минут.

На улице было так жарко, словно меня подвели к открытой двери в домну. Воздух был неподвижен.

Я стоял на верхней ступеньке и не решался сделать шаг на солнце.

— Сергей Матвеич! — Навстречу мне шла Наташа Птицына, за ней брел пудель Тришка. Оба беленькие, но от жары помятые и мяг-

кие. — Сережа, я так больше не могу. У вас в институте нет какого-нибудь другого бюро прогнозов?

— Ты хочешь, чтобы тебе приятно врали?

— Конечно, пускай врут, но ведь надо на что-то надеяться. Ты в командировку?

— Да, я спешу.

— Одну минутку. Все равно самолеты уже не летают, мне одна знакомая сказала. Мне нужно с тобой посоветоваться о Дашке. Ты понимаешь, она решила поступать на физмат. Разве это дело для девочки?

— Наташа, мне в самом деле надо идти.

— Я же тебя не из-за пустяков беспокою, а по делу. Скажи, у тебя есть кто-нибудь в приемной комиссии?

— Боюсь, что никаких экзаменов в этом году не будет, — сказал я. — И вообще, если можешь, последуй моему примеру — уезжай куда-нибудь. Чем дальше, тем лучше. К Северному полюсу.

— Я тебя понимаю. Вчера демонстрация была на Пушкинской о конце света. Говорят, всех милиция забрала. Положение аховое. Но все равно мы не можем уехать, ты же понимаешь. Дашке поступать, не терять же год...

— Прости, я опаздываю. До свидания.

— Я к тебе завтра зайду.

Я вышел на улицу. Надо спешить.

— Сережка, сукин сын!

Мазовецкий шел под большим, в цветах, зонтом. Он дышал как рыба, выброшенная на берег. Он загородил мне дорогу животом.

— Не уйдешь, — засмеялся он. — Два слова!

Пальцы его были мокрые. На солнце было градусов шестьдесят.

— Я тебе звонил, а ты трубку не берешь, — сказал Мазовецкий. — А дело важное. Завтра будут распределять места на стоянке. Два места освободились.

— Я опаздываю!

— Ты только скажи — ты придешь за меня голосовать?

— Стоянка тебе уже не пригодится!

— А что, плохо выгляжу?

— Вся наша Земля плохо выглядит.

— Да, положение критическое, я сегодня ночью пытался «неотложку» вызвать — занято, как на вокзале, пришлось валокордином спасаться. Ты куда? Ты не ответил...

Я вырвался и поспешил по улице. Поспешил — неправильное слово. Каждое движение вызывало спазму в сердце. Рубашка была мокрая. Может, бросить эту чертову сумку?

— Вы не скажете, как пройти на Тишинский рынок?

Человек, который остановил меня, был в черном пиджаке, и от него исходили волны адского жара.

— Прямо и направо, — сказал я на бегу.

Но человек загородил мне дорогу.

— Извини, — сказал он. — Прямо куда?

— Вон туда! — Крик у меня не получился. Я толкнул человека, он был крепок и горяч.

— Не спеши, — сказал он. — А направо где?

Я бежал дальше, до поворота, человек в черном пиджаке грозно кричал мне вслед, но я не слышал, что он кричал, потому что уши заложило и голова кружилась. В тени, вытянувшись вдоль дома, лежал человек, пожилой, босой. Может быть, умер, может, тепловой удар. Но я не мог остановиться... Наверное, редким прохожим я казался сумасшедшим. Нормальный не бегает по солнцепеку.

До гастронома оставалось метров триста.

Взвизгнули тормоза. Черная «Волга» остановилась у тротуара. Я не видел, кто там, но за мной застучали шаги. Бежала Софья Вячеславовна.

— Сергей Матвеевич!

Она ухватила меня за мокрую рубаху, да так цепко, что мне пришлось затормозить.

— Какое счастье! — сказала она, держа меня алыми когтями и доставая другой рукой из плоской черной сумки пластиковую папку. — Это одна секунда. Только подпишите, что не возражаете против обмена жилой площади. Да не рвитесь вы, успеете. Это же каторга — пока всех обойдешь, легче отказаться от обмена.

Она была без лифчика, и пропотевшая блузка приклеилась к полной груди.

— Вот здесь. Погодите, еще на одном экземпляре.

Она тяжело дышала. Но не отпускала меня.

Потом я снова побежал и уже на углу у гастронома с ужасом понял, что черная «Волга» Софьи Вячеславовны пятится вдоль тротуара. Дверца открылась.

— Не на том экземпляре! — крикнула Софья Вячеславовна.

Я не слушал, я бежал к гастроному.

Она топала следом.

В узкой тени вдоль стены магазина стояла длинная очередь за водкой. Люди в очереди были сонные, покорные. За зданием стекляшки начинался забор. Я начал протискиваться в дыру. Сзади меня держала за сумку Софья Вячеславовна.

И тогда я увидел, как с пустыря как бы не спеша, но ускоряясь, чтобы в несколько секунд достичь световой скорости, поднимается последняя летающая тарелочка, которая эвакуировала с Земли тех, кого еще можно было спасти на благо космической цивилизации. Которая должна была увезти меня...

Софья Вячеславовна не заметила никакой тарелочки — та уже

скрылась в непрозрачном жарком мареве, окутавшем умирающую от парникового эффекта Землю.

— Подпишете или нет?

— Отпустите сумку, тогда подпишу, — сказал я спокойно. Так спокойно ведут себя люди, которым сказали, что их близкий только что умер. Ведь ничем не отличается минута ДО от минуты ПОСЛЕ.

Она исчезла, поспешила к своей черной «Волге», которую отсудила у дипломата-мужа. Я уселся у забора на выгоревшую траву. Под забором была узкая полоска тени. Я поставил сумку рядом с собой на землю. Я почему-то надеялся еще, что они вернутся. Хотя они не возвращаются.

В дыру ввалились два подростка с бутылкой портвейна. Они были в потных ярких майках и обрезанных у колен джинсах.

— Хочешь третьим? — спросил один из них. — Хочешь, дядя?

На самом деле они и не собирались со мной делиться.

Я знал, что никуда отсюда не уйду — не смогу уйти.

Я слушал, как они тихо разговаривали. Про Римку и Володьку, про то, что на той неделе обещали похолодание, а какой-то старик отдал концы. За забором загудела машина. Донеслись крики из очереди. В этом городе все намеревались жить вечно.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РАСКОПОК

Я медленно шел длинным коридором корабля. Двери кают были раскрыты, в некоторых каютах уже было пусто — их обитатели, собрав пожитки, спустились в сектор погрузки. В других запоздавшие еще складывали в сумки и контейнеры вещи и приборы, что окружали их во время нашего долгого пути. Как обрастает человек мелочами, как быстро умудряется он создать вокруг себя ограды вещей, без которых он лишается индивидуальности! Ничего лишнего, говорится нам в день начала полета. И мы, профессиональные археологи, знаем, насколько дорог каждый грамм лишнего веса. Но разве можно улететь на долгое время, не взяв фотографии родных, любимый талисман, три ролика нового романа, носки, связанные бабушкой, ту самую старую куртку, в которой ты копал уже три сезона... А моя красная сумка? Она оттягивает плечо, она куда тяжелей и объемистей, чем положено правилами, но почему она так велика и тяжела, я не могу сказать — вроде бы ничего лишнего.

Я обогнал двух лаборанток, они щебетали, волоча здоровенный баул, растягивая его за ручки, и он покачивался между ними, словно колыбель с младенцем.

Но бывают исключения. Мой заместитель вышел из каюты, аккуратно закрыл за собой дверь. В его руке стандартный металлический контейнер, содержащий стандартный набор предметов, которые, как выяснено в соответствующем институте, могут понадобиться архео-

логу в лагере на дальней планете. И ничего более. Счастливый человек. Он всегда знает, как себя вести, о чем думать и чем питаться. К счастью, я отношусь к неорганизованному большинству человечества и постоянно удручен мыслью о том, что он вскоре сменит меня, возглавит нашу экспедицию и заставит всех обходиться стандартным набором в стандартном контейнере. Наверное, половина археологов тогда разбежится.

Сектор погрузки являл собой привычное глазу, приятное, но для непосвященного странное зрелище: через час высадка на планете.

Казалось, что здесь втрое больше людей, чем те сто двадцать, которые спустятся сегодня на планету, разобьют там лагерь и начнут работать — искать давно умершие города, следы великих битв и остатки строений, столетия назад поражавшие воображение современников, и аналогии с вечностью, которой не бывает. Вот эта лаборантка станет очищать от зеленой окиси древние монеты, а эта отыщет почти целую мраморную статую, и мы будем восхищаться ею, собравшись после пыльного дня под рабочим куполом. А потом, может, через десять дней, может, через сто, наступит момент пресыщения — оно придет раньше, чем понимание умершего мира, и будет казаться, что нам все известно, а новые тысячи осколков и обломков уже ничего не дадут знанию. И лишь мой заместитель, не подвластный чувствам, будет докладывать каждый вечер, пощелкивая ногтем по инфорэкрану, что за день открыто захоронений столько-то, жилых помещений столько-то, строений культового назначения столько-то, больных в экспедиции нет, один сотрудник укушен змеей, один получил тепловой удар, а пропавший биоискатель обнаружен на тринадцатом раскопе, где он был легкомысленно забыт, хотя никто не признается в том, что легкомысленно забыл ценный прибор.

Я подошел к первому модулю и передал сумку ассистенту. Тот молча взял сумку и исчез с ней в чреве модуля. Никто не задавал вопросов, но гул в погрузочном отсеке стих — они смотрели на меня. Начинался ритуал, от которого я не в силах отказаться: сейчас я войду в разведочную капсулу, закрою за собой люк и один, за час до модулей экспедиции, опущусь на планету.

Это мое право и мое чудачество — провести первый час одному.

Пролететь, пройти будущие дни находок и разочарований, возвращения к жизни того, что окончательно умерло сотни лет назад, ощутить, впитать в себя весь этот мир за мгновение до того, как его вечный покой будет разрушен экскаваторами, металлоискателями, руками молодых людей, охотников, хищников по натуре, для которых гробоискательство — увлекательный спорт сродни, пожалуй, походу за грибами. Порой, в моменты дурного настроения, меня посещают мысли о безнравственности моей профессии. Ведь прийти на кладбище и разворошить могилу — преступление. Сделать то же с могилой, которой тысяча лет и в силу чего, казалось бы, ее неприкосновенность освящена временем, — это достижение археологической науки. Значит ли это, что и я в душе хищник? Не знаю.

Я попрощался с капитаном корабля и сказал заместителю, чтобы через час он начинал отправку модулей. Тот кивнул, но смотрел в сторону. Он не одобряет моих одиночных полетов, потому что они не предусмотрены инструкциями, подают плохой пример молодым ученым и чреваты опасностью. Местная фауна недостаточна изучена.

Я стартовал к планете, которая еще не имеет названия, если не считать цифрового кода и звездных координат. А через месяц или год по местному времени мы узнаем ее название, вернее, несколько названий, если на планете обитали разные народы и было там много языков.

Капсула пронзила слой кучевых облаков, прошла низко над снежными вершинами, которым еще предстоит дать имя, потом подо мной потянулась высокогорная пустыня. На пульте сверкнул, замигал огонек — там, внизу, работает партия геологов, их аппаратура засекла мою капсулу. Я набрал приветствие коллегам. Огонек вспыхнул ярко, подтверждая прием, и погас.

Я шел к северу, в умеренную зону, именно там когда-то находились крупнейшие города, да и работать в умеренном климате лучше. Если потом возникнет нужда, я отправлю партии в другие климатические зоны.

В районе, выбранном для первых раскопок, я снизил скорость и пошел на небольшой высоте, так что мог рассмотреть каждый лист на деревьях.

Лес покрывал эту равнину сплошным одеялом, лишь кое-где, в основном по берегам рек, встречались проплешины. Лес там сменялся редким кустарником, и я знал, что такие места следует проверить — там могли таиться остатки поселений.

И тут я увидел просвет — остаток дороги. Когда-то она была широкой, бетонной, лесу нелегко взламывать корнями бетон, и кое-где участки дороги остались почти нетронутыми.

Я опустил капсулу на бетон. Ему недолго оставалось прикрывать собой землю — широкие трещины, из которых вылезали кусты, исчертили его. На открытом месте грелась серая змейка с двумя головами. Она не испугалась меня — ей в жизни не приходилось видеть человека, да и крупных хищников здесь не водится. Почему-то змеи смогли приспособиться, когда погибли не только теплокровные, но и многие насекомые. Геологи сообщили нам, что в некоторых местах змеи буквально кишат. Но чем они питаются? Жаль, что забыл спросить.

— Ты чем питаешься? — обратился я к змейке. Она смотрела на меня в упор — обе головы поднялись, глаза — черными точками.

В кустах что-то зашуршало. Змейка распрямилась и скользнула в трещину бетона. Листья дрожали. Я непроизвольно опустил пальцы

к поясу. Тихо. Неприятная тишина чужого мира. Разведчики обозрели эту планету поверхностно, и никто не знает, что же сохранилось под покровом леса, что нового возникло за прошедшие столетия.

Я вернулся к капсуле. Когда стоишь один, совершенно один на много тысяч шагов вокруг, понимаешь, как ты мал, ничтожен и беззащитен.

Я поднял капсулу в воздух и не удержался — кинул ее к кустам, включив сирену. Кусты расступились — нечто темное, мохнатое, громоздкое, ломая кусты, понеслось к деревьям, в чащу. Вот и верь разведчикам. Жаль, что здесь есть крупные существа, — придется устанавливать охрану вокруг раскопок. А я-то думал, что поработаем без охраны.

Я полетел дальше вдоль дороги. Порой она пропадала в чаще, порой возникала вновь. В одном месте дорогу перегораживало бревно. Гнилое, толстое. Таких деревьев на планете больше нет — это остаток того времени, когда прокладывали дорогу. Теперь леса планеты состоят из кустов-переростков и тех растений-мутантов, что смогли выжить во время экологической катастрофы, преодолеть «мусорный кризис», вспышку атомных войн, когда жители планеты отчаянно боролись за последние незагубленные участки суши и губили их в этих войнах.

В одном месте у дороги виднелись опутанные сизыми лианами, затянутые мхом и лишайниками развалины. Может быть, здесь было придорожное кафе, возле него останавливались машины, люди выходили из них, разминаясь, громко разговаривая, смеясь, усаживались за столики, пили прохладительные напитки и рассуждали о вещах обыденных, стараясь не говорить о том, что случится завтра.

Удивительно, насколько разумные существа умеют себя обманывать. Мне приходилось сталкиваться с этим феноменом на многих планетах, которые я раскапывал. Возможно, именно те цивилизации обречены на гибель, которые не могут заставить себя принять правду. Ты расшифровываешь хрупкие страницы книг и газет и понимаешь, что в те дни, когда лишь отчаянным общим усилием можно было сохранить хрупкий баланс между правом разумного существа жить далее и сопротивлением природы, люди искали виновников где угодно, лишь не в себе, придумывая фантомы зла или теша себя иллюзорными выдумками о доброте и терпении их мира. Великий закон Терпения природы, который гласит: «Планета извергает из себя сообщество, которое угрожает ее жизни», столь редко доходит до сознания разумных существ, что гибель цивилизаций в Галактике становится скорее правилом, чем исключением. И природа добивается своего спасения (а порой и опаздывает), натравливая людей друг на друга, толкая их к самоуничтожению. И ты, археолог, могильщик наоборот, по роду работы своей вынужденный вновь и вновь сталкиваться с действием закона, понимаешь, что его универсальность банальна и

обыкновенна настолько, что поражаешься, почему же Они не увидели этой истины и предпочли погибнуть, но не смириться. Как здесь, на этой обыкновенной планете.

Зажужжал счетчик радиации — лес подо мной мельчал, становился темнее, уходил вглубь, в колоссальную воронку — видно, здесь когда-то взорвалась атомная станция. Синие папоротники высотой в человеческий рост густо заселили воронку, и пройдет еще много столетий, прежде чем обычные, искони присущие этой планете виды растений смогут вытеснить цепких последышей ядерных войн и глупых попыток спастись, уничтожая себе подобных.

Впереди был большой город. Его определили с орбиты. Там мы начнем работать.

Пошли холмы, поросшие кустами и редкими деревьями. Почти нет высших, цветковых растений, флора, после последних катаклизмов, отступила далеко назад, к лишайникам и мхам, и лишь постепенно, шаг за шагом снова начинается эволюция. Уже без человека.

Холмы становились все выше, иногда сквозь слой мха прорывался зуб разрушенного строения. Впереди поднимались остатки какой-то древней крепости. Полуразрушенные стены были опутаны лианами, поросли лишайником, крыши и верхушки башен давно упали. Но крепости всегда живут дольше, чем обычные дома.

Я спустился перед крепостью. Славные стены, подумал я, вы видели нашествия врагов, над вами развевались яркие флаги и гремела музыка. Вы смотрели и последнего человека, который скрывался, отравленный, оглушенный, испуганный, доживал последние часы в пустом уже городе. Был ли он последним человеком на планете? Или еще годы где-то в горах скрывались одичавшие обыватели, травясь испорченной ими же водой, задыхаясь в отравленном ими же воздухе, — последние самоубийцы, наказанные за вековые преступления.

На самой большой островерхой башне сохранились круглые часы. Одна из стрелок исчезла, вторая показывала на цифру 3. Возможно, эти часы когда-то гулким звоном отбивали время. Слева от башни, замыкая площадь, стоял полуразрушенный, многоверхий, некогда расписной храм. У подножия его когда-то стоял монумент. У сидящей фигуры откололась голова. От того, кто стоял, остались лишь ноги. Чем прославились эти люди? Узнаем ли мы когда-нибудь?

Я представил, как злобствовали над этой крепостью страшные пылевые бури, хлестали по зубцам стен снежные заряды, как рушились от напора стихии красные кирпичные башни и сухими листьями неслись беспомощные тела людей.

Мне захотелось уйти, улететь, навсегда, никогда не возвращаться, ни сюда, ни в подобные мертвые миры.

Пощелкивал вызов. Я подошел к капсуле.

— У вас все в порядке? — узнал я голос моего заместителя. — Начинаем отправку модулей.

— У меня все в порядке. Начинайте.

Наваждение пропало. Оболочка капсулы была теплой, облака разошлись, и мягкое солнце согревало кустарник и красные развалины. Я увидел бабочку, небольшую, желтую, она лениво порхала над кустами. Значит, где-то уже возродились цветковые растения.

Воздух был чистый, хрустальный, планета лечила себя, освобожденная от проклятия неразумных обитателей.

Нет, я не грабитель, не хищник. Я пришел сюда, чтобы найти то доброе, что жило в тех людях, их мысли и надежды, которым не довелось сбыться, те свершения, которые позволили им прожить тысячи лет на планете, построить эту кирпичную крепость и этот многоглавый храм, создать скульптуры, осколки которых мы найдем, и картины, которые мы, вернее всего, не отыщем. Мой долг — спасение памяти.

Когда через много лет сюда прилетят разумные люди, они будут знать и соблюдать не только незыблемый закон Терпения природы, но и деяния своих предшественников. По неведению и дикости своей они убили себя. Но я их спасу — спасу от забвения.

Подул свежий ветер, и бабочка взмыла к небу. Посмотри вокруг, сказал я себе: вот чудесный, светлый, добрый мир, и он ждет человека. Я представил себе, каким веселым гомоном моих молодых коллег наполнится через час эта мертвая площадь. И улыбнулся. И пошел к башне по брусчатой мостовой. Следовало определить, где начинать первый раскоп.

...Археолог, улыбаясь, шел по Красной площади.

СТАРЕНЬКИЙ ИВАНОВ

Разумеется, он не всегда был стареньким. Это он только в последние годы стал стареньким. Его койка стоит в убежище рядом с моей, и он мне показывал свои детские фотографии.

Иван Иванович, серьезный, худенький, одетый почему-то в девичье платьице, сидит на коленях у массивной женщины в большой шляпе с выходящим из живота обширным бюстом.

— Похож? — спросил Иван Иванович.

— Похож, — ответил я.

— И всегда был похож, — сказал Иван Иванович. — А это моя мать. Она меня воспитывала в бедности, но строгости. Папа нас оставил в младенчестве.

С первого взгляда ясно, что иначе воспитывать она не умела.

Историю своей интересной жизни Иван Иванович рассказывал мне не по порядку. Теперь же, когда его нет среди нас, я разложил его воспоминания в хронологическом порядке. И мне открылись некоторые любопытные закономерности.

1917 год Иван Иванович встретил гимназистом последнего класса. Он был хорошим учеником, но не блестящим, и потому его любили учителя. В классе он ни с кем не дружил, потому что друзей ему подбирала мама, а ему хотелось дружить с другими. Самое яркое воспоминание того года — получение премии за перевод Овидия.

На демонстрации Иван не ходил, потому что мама велела ему получить достойный аттестат зрелости, полагая, что он пригодится при любой власти. К тому же Иван Иванович всегда боялся толпы. Он был невелик ростом, худ и очкаст. Таких бьют при любом народном возмущении.

В 1918 году Иван Иванович поступил на службу. Аттестат ему не понадобился. Он был делопроизводителем в Москультпросвете, но ездить на работу было далеко. Они с мамой жили на Сретенке, а учреждение располагалось на Разгуляе. Так что когда Иван Иванович увидел объявление о том, что делопроизводители требуются в Госзерне, что помещалось напротив клиники Склифосовского, он перешел туда.

Впервые его исполнительские способности проявились именно там.

То есть способности были и ранее. Иван Иванович был аккуратен, вежлив и тих. Он никогда не выступал на собраниях и чурался общественной деятельности. У него была одна всем известная слабость. Смысл жизни для Ивана Ивановича заключался в получении премий. Обычно он работал от сих до сих. Правда, добросовестно. Но, если он узнавал, что за такое-то задание положена премия, он мгновенно перевоплощался. Он готов был просиживать на службе ночами, он мог своротить Гималайские горы совершенно независимо от размера этой премии. Само слово «премия» вызывало в нем внутренний ажиотаж, подобно тому как словом «щука» можно свести с ума заядлого рыболова, а запахом водки — алкоголика.

В период нехватки продовольствия произошел первый случай из длинной череды подобных, который обратил на исполнителя внимание руководства.

— Если кто-нибудь из вас, архаровцы, придумает, как отыскать эшелон с пшеницей, что затерялся на пути между Белгородом и Москвой, — сказал начальник подотдела Шириков, заходя в большую гулкую комнату, где сидели тридцать сотрудников подотдела, — он получит премию.

— Я найду, — сказал тихий Иванов, приподнимая худенький зад над стулом. — Только мне надо выписать мандат.

В комнате засмеялись, а товарищ начальник подотдела Шириков, однорукий матрос с «Ретвизана», сказал:

— Зайди ко мне.

Иванов под хихиканье коллег прошел за перегородку, где проницательный Шириков сказал:

— Если не шутишь, бери мандат, и чтобы через два дня зерно было в Москве. Не доставишь, пойдешь под ревтрибунал. Охрану дать?

— Ни в коем случае, — испугался Иванов. Он не выносил вида винтовок.

Вечером второго дня осунувшийся Иванов в пальто без правого рукава, с кровавой ссадиной через щеку вошел в кабинет товарища Ширикова, который, за неимением другого угла, там и ночевал.

— Состав на Брянском вокзале, — сказал он и упал в обморок.

Шириков отпоил Ивана Ивановича горячим чаем. Потом взял трубку и позвонил на Брянский вокзал. Иванов не врал. Состав стоял там. Может быть, Иванов и рассказал Ширикову, как он совершил такой революционный подвиг, но мне Иван Иванович о подробностях не рассказывал. Известно лишь, что Шириков предложил Иванову наградить его почетным оружием, но тот сказал, что хотел бы получить положенную премию. На следующее утро Иванов сложил в дерматиновую сумку два фунта воблы, фунт муки и полфунта леденцов. Остальные сотрудники подотдела готовы были растоптать его от ненависти.

С тех пор так и пошло. Если надо было сделать невыполнимую работу, Шириков приходил в комнату и говорил Ивану Ивановичу, что тот по выполнении ее получит премию. И тот выполнял любую работу. Одна недоброжелательница прозвала его даже Василисой Премудрой. Но прозвище не привилось, потому что было длинным.

Тем более она сама его быстро забыла, потому что Иван Иванович, теперь уже замначальника подотдела, сделал ей предложение и она переехала к нему на Сретенку. Они прожили два года, но потом Соня, как звали жену Иванова, не выдержала притеснений его мамы, которые были тем более невыносимы, что приходилось жить в одной комнате в коммунальной квартире, и уехала от него, хотя развода не взяла.

В 1924 году Госзерно реорганизовали, Ширикова кинули на укрепление коммунального треста, и тот, уходя, взял с собой Ивана Ивановича.

Так прошло несколько лет. Иван Иванович ничем особенным не отличался, хотя и совершил несколько небольших подвигов, оцененных премиями. Года через два умерла мама, полагавшая, что сына недооценивают. Жена Соня после этого вернулась к Ивану Ивановичу, и у них родилась дочь. Жизнь налаживалась.

Иван Иванович показывал мне фотографии того времени. Он, еще молодой, но строгий, стоит рядом с женой Соней, которая держит на коленях дочку, очень похожую на Ивана Ивановича в детстве.

Ивану Ивановичу запомнилась от тех лет премия в виде наручных часов в стальном корпусе и с секундной стрелкой, которую он получил за то, что разработал и провел в жизнь идею товарища Ширикова о создании цепи современных бань в подотчетном районе. Задача была сложная: достойных помещений не хватало, а народу надо было мыться. Шириков обратился к Ивану Ивановичу и сказал:

— Будет премия.

Иван Иванович думал три дня. Он ходил по Москве, рассматривал дома и строения. Наконец, удовлетворенный, вернулся за свой небольшой стол и написал, а затем подал начальству докладную записку о размещении бань в некоторых церквах. Там толстые стены и даже встречаются подвалы, где можно разместить котлы.

Шириков несколько смутился, опасаясь, не слишком ли радикально решение Иванова. И премию выдать воздержался, пока не провентилирует вопрос в Моссовете.

Иванов был обижен. Он привык уже, что, если премию обещали, премию должны дать. Так и сказал жене. Жена Соня сказала, что лучше прожить без премии, чем принимать такое решение. Иванов ничего не ответил жене, но той же ночью написал письмо в ОГПУ, где разъяснил свои разногласия и честно поведал об обещанной премии.

Шириков больше на работу не пришел, но Иванову его место не отдали, как беспартийному. Впрочем, Иванов на него и не претендовал, так как был идеальным исполнителем, а не организатором.

Новый начальник подтвердил, что премия Иванову положена, однако после того, как тот лично проведет операцию по передаче церквей под бани. Иванов честно провел эту операцию и был премирован часами с секундной стрелкой, которые носил до старости.

Умение с выдумкой исполнять принесло Ивану Ивановичу еще одну премию в размере месячного оклада в середине тридцатых годов, когда в коммунальном тресте был обнаружен правотроцкистский заговор на немецкие деньги. Сверху спустили разнарядку, в которой было сказано, что в тресте есть восемнадцать участников заговора, во главе которых стоит Семенов. Но более ничего не уточнили.

Начальник был растерян и призвал Иванова.

Иванов прочел письмо из ОГПУ и спросил: а может ли он рассчитывать на премию, если удачно выполнит поручение? Когда он получил соответствующее обещание, он взял список сотрудников, в котором нашел семнадцать Семеновых и двадцать одну Семенову. Из них он и составил список участников правотроцкистского заговора на немецкие деньги. Начальник колебался, потому что от него требовалось лишь восемнадцать заговорщиков, а если отыскать тридцать восемь, то не останется кандидатов для следующих заговоров.

Тогда Иванов, почувствовав, что рискует остаться без премии, переслал второй экземпляр списка в ОГПУ. На следующий день начальник не пришел на работу, а Иванов получил премию в размере месячного оклада.

Его жена Соня выразила сомнение, правильно ли Иванов ведет себя. Тот даже не рассердился.

— Я же получил премию, — сказал он. — Зря премии не дают. Мама была бы рада.

Его жена Соня навсегда уехала от мужа, взяв с собой дочку. Она

поселилась у родственников под Запорожьем. Иванов посылал алименты на воспитание дочери, а когда получал премию, присылал больше. Если Соня получала денег больше, чем рассчитывала, она долго плакала.

Последний раз Иван Иванович прислал дополнительные тридцать рублей в 1947 году, в день восемнадцатилетия дочери.

В то время он уже работал в Академии наук, но не ученым, а исполнителем в Президиуме. Тогда случился казус: к нам в страну приехала высокопоставленная делегация из недружественной страны, чтобы ознакомиться со сталинским планом преобразования природы. Для делегации был выделен специальный участок, где должны были колоситься поля, огражденные буйными лесными посадками. Однако за день до отъезда делегации стало известно, что посадки, созданные на принципах внутривидового сотрудничества и взаимопомощи, завяли, а поля, засеянные ржаной пшеницей, перерожденной из яровой, пусты. Ни остановить делегацию на правительственном уровне, ни пустить ее в сторону не удалось. Тогда тот академик, который придумал дружбу между деревьями, отыскал Ивана Ивановича и обещал ему премию.

Иван Иванович, как он мне признался, взял географическую карту того района и выяснил, что выше его находится большая плотина. По согласованию с академиком и другими лицами он предложил выход. Он сам отправился на ту плотину и в нужный момент открыл все ее створы. Река, разлившаяся по полям и лесным полосам, нечаянно утопила иностранную делегацию, а также несколько деревень. Были принесены соответствующие извинения за стихийное бедствие. Больше подобные делегации не ездили. Иван Иванович получил свою премию, но был строго наказан за самоуправство и три года провел в лагерях строгого режима.

Денег оттуда он семье не посылал, потому что дочь уже достигла совершеннолетия и никто не ждал от отца вестей. В то же время он четырежды получал в лагере премии. В первый раз за то, что исполнил просьбу начальника лагеря экономить ватники заключенных, которые за пятилетку изнашивали ценную одежду до дыр. Он предложил совместить борьбу за экономию ватников с экономией питания. Двойная экономия привела вскоре к тому, что ватники стали освобождаться от содержимого вдвое быстрей, а из сэкономленных продуктов удалось выделить премию Иванову в виде пирожка с повидлом.

Иванов был освобожден досрочно. Он не изменился, лишь облысел. Обиды ни на кого не таил, так как все премии, которые ему были обещаны как до ареста, так и во время жизни в лагере, он получил.

Я пропускаю здесь несколько лет плодотворной работы Ивана Ивановича. Но надо сказать, что за эти годы он получил более двадцати премий и репутация его настолько укрепилась, что его стали использовать в самых различных областях хозяйства.

Однажды судьба свела его с бывшей женой Соней.

Проблема, стоявшая перед проектировщиками большого комбината в Запорожской области, заключалась в том, что комбинату требовалось много воды, а воды было мало. Пригласили Иванова. Обещали премию.

Иван Иванович решил, что посетит во время этой командировки свою семью. Семья встретила его прохладно. Дочь была замужем и отца не узнала. А Соня узнала, но не обрадовалась. Чтобы не тратиться на гостиницу, в которой были номера лишь по три рубля, тогда как командировочные Ивана Ивановича предусматривали оплату в размере полутора рублей, Иванов решил переночевать в домике у Сони.

Ему постелили у окна на диване.

Утром Иван Иванович проснулся от звона цепи. Его жена набирала воду из колодца. Он встал, подошел к колодцу и увидел, что до воды метров десять.

Попрощавшись с Соней, Иван Иванович отправился в Запорожье и узнал у специалистов, что в том районе есть большая подводная линза, из которой и черпают воду местные жители. Иван Иванович обрадовался, вернулся в Москву и там сообщил, что воду для комбината можно найти, если выкопать возле него колодцы глубиной в пятьдесят метров и качать воду прямо из линзы.

Некоторые специалисты подняли шум, уверяя, что этим будет ликвидировано местное сельское хозяйство.

Однако они не знали, как суров становится Иван Иванович, когда дело идет о заслуженной премии. Он смог пробиться к министру, и комбинат получил воду, а Иванов премию. Четыре близлежащих района области были выселены, так как невозможно возить воду в цистернах для ста пятидесяти тысяч семей. Когда в другом министерстве, которое прознало о способностях Ивана Ивановича, решено было повернуть на юг северные реки и таким образом насытить влагой поля юга, исполнителем пригласили Иванова. Иванов уже стал пожилым человеком. Он получил отдельную однокомнатную квартиру, где повесил фотографию мамы и почетные грамоты, но жениться снова не стал.

Ученые и любители старины сильно возражали и рвались в кабинет к министру, чтобы объяснить, почему нельзя губить север ради спасения юга. Иван Иванович добился в министерстве, чтобы другим ученым, которые будут доказывать обратное, тоже дали премии. Другие ученые, узнав о премиях, стали доказывать общественности, что опасения первых ученых напрасны. Тем временем, пока никто не мог разобраться в споре, Иванов дал сигнал бульдозерам и экскаваторам двинуться на север, где они срочно прокопали каналы. Эта борьба, закончившаяся победой Ивана Ивановича, заняла три года. Но для Иванова не прошла бесследно. Он получил премию в размере ста двадцати рублей. И смог купить красивый импортный торшер.

Еще пятьдесят рублей премии он получил за то, что ему удалось уничтожить озеро Байкал. А потом шестьдесят пять — за ликвидацию Аральского моря.

Газеты и журналы метали громы и молнии в министров и академиков, полагая, что это они уничтожают природу и культурные ценности. Что из-за их легкомысленных, корыстных и даже преступных действий нашим детям нечего будет есть и нечем дышать. Но никто не метал молний в Ивана Ивановича, потому что он был совершенно незаметен. И никто так и не догадался, что именно его страсть к получению небольших, честно заработанных премий и есть главная причина упадка нашей цивилизации.

На рубеже девяностых годов Иван Иванович, согбенный возрастом, собрался уйти на пенсию. Но тут его вызвал к себе сам Петрищев.

— Иван Иванович, — сказал Петрищев, — как ты знаешь, народ у нас за последние годы очень разболтался. Все труднее строить новые заводы, так нужные нашему министерству для выполнения плана. Мы, конечно, не возражаем с тобой против охраны окружающей среды.

— Нет, не возражаем, — сказал Иванов.

Петрищев налил в стакан воды из графина, подошел к подоконнику и лично полил стоявшие в горшках цветы.

— Боюсь, что Златогорский комбинат нам не дадут пустить. И тогда мы не реализуем ассигнования.

— Плохо, — сказал Иванов.

— Мне хотелось бы дать тебе премию, Иванов, — сказал Петрищев. — И немалую. Рублей в сто. Как ты на это смотришь?

— А чем они мотивируют?

— Ах, не говори! Типичные демагоги. Говорят, что дым этого комбината уничтожит воздух над Европейской частью территории нашей страны. А это — преувеличение.

— А премия когда будет? — спросил Иванов.

— Сразу, как только задымят трубы комбината.

Удивительная сила духа и упорство крылись в этом немощном на вид старичке. Не прошло и шести месяцев, как, несмотря на протесты общественности, на три специальных постановления правительства и даже резолюцию ООН, Златогорский комбинат дал первый дым. Вскоре половина человечества была вынуждена перейти в газоубежища.

Премию Иван Иванович получил вместе с противогазом.

Он отложил ее на черный день и переселился в газоубежище.

Там мы с ним и познакомились.

Длинными вечерами Иван Иванович дребезжащим голосом рассказывал мне о своей жизни, и постепенно я стал понимать, какую громадную, неоцененную роль он сыграл в жизни нашего государства. Я сказал ему об этом, и Иван Иванович удовлетворенно кивнул. А на следующей неделе, когда из-за кислотных дождей никто не мог выйти из газоубежища, мы с ним занялись подсчетами. Оказалось, что за свою жизнь Иван Иванович получил в общей сложности сто сорок две премии общей суммой в восемь тысяч тридцать два рубля. Это помимо зарплаты. Затем мы с ним стали подсчитывать, во сколько его деятельность обошлась стране. Без ложной скромности Иванов согласился на мои неполные выводы: восемнадцать триллионов с хвостиком. И каждый новый день, сколько бы их ни осталось до конца света, стоил не меньше шестнадцати миллиардов.

— Что ж, внушительно, — сказал старенький Иванов. Впрочем, эти цифры на него не произвели большого впечатления, потому что были абстрактны. Я сужу об этом, потому что за последующие дни он ни разу не вспомнил о них, зато как-то утром растолкал меня, чуть не свалив с раскладушки.

— Послушайте, — шептал он. — Мы ошиблись. Я забыл о трех премиях. Общая сумма — восемь тысяч триста тридцать шесть рублей.

Вот так-то!

Вчера Иван Иванович покинул нас.

В полдень в газоубежище вошли три человека в галстуках и противогазах. Они долго шептались с Иваном Ивановичем. Наконец один из них внятно произнес:

— Премию вам гарантирую.

Иван Иванович подмигнул мне и ушел вместе с ними, натягивая противогаз.

Уже третий день я жду конца све...

ТЕБЕ, ПРОСТОЙ МАРСИАНИН!

Рассказ-гипотеза

На своем опыте я убедился в том, какую огромную роль может сыграть маленький человек в истории планеты. Я имею в виду себя. Подумать только, если бы моя кузина не работала в Марсводхозе, судьба Марса могла бы сложиться иначе.

Когда колодец в нашем поселке совсем пересох, я приехал в Соацеру, потому что нехватка воды грозила разорением. Моя повозка, запряженная белым рогатым медведем, за два дня преодолела расстояние от предгорий Соара, через плодородные поля Азоры до громадного пустыря древней Соацеры, над которым возвышался монумент Магацитла. Я миновал развалины цирка, проехал под рухнувшими арками. Над моей головой пролетали крылатые лодки и парусиновые птицы горожан. Смуглые лица высовывались из воздушных экипажей...

Вот и прекрасная Соацера, столица Марса. Пурпуровая, серебристая, канареечная листва парков сомкнулась надо мной, засверкали отблесками солнца окна уступчатых домов, когти медведя застучали по белым плитам улицы.

Я остановил повозку у высокого и тяжелого, как пирамида, мрачноватого здания из черно-красного камня. По широкой лестнице между квадратных, суженных кверху колонн, доходивших только до трети высоты дома, спешили, спускаясь и поднимаясь, многочисленные инженеры и чиновники в черных и красных тогах и круглых шапочках.

Я долго не мог отыскать места, чтобы поставить мою повозку. Дважды меня отгонял солдат в белом яйцевидном шлеме и в серебристой широкой куртке с толстым воротником, закрывающим шею и низ лица. Он лениво ругал меня «темной деревенщиной» и даже намеревался избить меня дубинкой, но потом, узнав, что я из соарских краев, а значит, его земляк, смилостивился и разрешил привязать медведя у стоянки наземных экипажей.

Мою кузину Шохихи я не без труда отыскал на восьмом этаже здания Верховного совета инженеров. Марсводхоз, где она состояла секретаршей инженера, был в те дни организацией незаметной, бедной и, можно сказать, бесперспективной. В титанической борьбе, что кипела в высших эшелонах власти, Марсводхоз участвовать не смел, перебиваясь мелкими заказами.

Кузина Шохихи обрадовалась, когда я стал вынимать из мешка дары сельской жизни — фрукты и ранние овощи, которыми в том году, хоть и скудно, нас одаривали боги. Затем я объяснил кузине цель моего прихода.

Кузина моя, несмотря на молодость, была бойка и умела устраиваться в жизни, иначе как объяснишь тот факт, что она, единственная из нашей волости, пробилась в Верховный совет инженеров?

После недолгого размышления Шохихи велела мне ждать, а сама скрылась за массивной дверью. Возвратилась она через три минуты и с лукавой улыбкой велела мне войти в кабинет.

Разумеется, я оробел. Мне еще никогда в жизни не приходилось входить в обиталище столь важной персоны.

За каменным столом восседал худой человек в высокой зеленой шляпе, что свидетельствовало о его принадлежности к Марсводхозу. Он улыбнулся мне тонкими губами и спросил:

— Зачем пожаловал, поселянин?

Я быстро опорожнил мешок, выложив на стол те овощи и фрукты, что остались после подарков кузине. Начальник не возражал, он поглядывал на меня, не переставая улыбаться.

— Вижу, — сказал он наконец, — что проблема твоя мала, как малы твои деревенские подарки.

— Воистину, — согласился я.

— Он хороший, хоть и простой человек, — сказала от двери моя кузина.

— Вижу, — согласился худой инженер, которого, как я впоследствии узнал, звали Лецатлом.

Он ждал.

— Колодец в нашей деревне, — сказал я, униженно пряча взор, — скоро совсем усохнет. Вода уходит все глубже. Плохо марсианскому крестьянину.

— Знаю, — тяжко вздохнул Лецатл. — История Марса завершается. Жизнь вымирает на нашей планете. Пройдет несколько столетий, и последний марсианин застывающим взором в последний раз проводит закат солнца.

Инженер Лецатл вздохнул.

Я был потрясен его словами. У нас в деревне никогда не думали о судьбах Марса. Мы полагали, что существующий порядок вечен, и к рассказам о волнениях в городах и даже о войнах относились равнодушно. Пускай городские дышат дымом хавры и летают на полотняных птицах — не наше это дело.

— Подумай, темный крестьянин, — продолжал Лецатл. — Как я могу поднять уровень воды в твоем колодце? Может, ты полагаешь, что я буду таскать туда воду в кожаных ведрах?

Моя кузина хихикнула, а я подумал, что пропали зазря овощи и фрукты, которые мы собирали со всей деревни.

И тут стена справа от меня раздвинулась, и в кабинет Лецатла вошел другой инженер, потолще — сам главный инженер Марсводхоза Таскаб, лишь недавно назначенный на должность и желающий себя показать.

— Я услышал случайно ваш разговор, — сказал он высоким скрипучим голосом.

Лецатл вскочил из-за стола. Кузина пала на колени. Я последовал ее примеру, потому что каждый крестьянин знает, что лучше лишний раз упасть в пыль, чем получить палкой по голове.

— Я услышал и подивился твоей ограниченности, Лецатл, — сказал Таскаб. — Может быть, визит этого темного поселянина — знак небесного благоволения. Разве ты не знаешь, что Марсводхоз намереваются прикрыть, считая, что от нас нет пользы? А если прикроют Марсводхоз, куда ты пойдешь, уважаемый Лецатл? Может, ты хочешь присоединиться к городской черни?

— Но я не вижу связи, великий Таскаб, между моей судьбой и судьбой поселянина, — смутился Лецатл.

— Когда народу плохо, — ответил его начальник, — куда идет народ за помощью? Он идет в Марсводхоз.

— Но мы не можем рыть колодцы! — возразил Лецатл. — У нас нет для этого средств и техники.

— Ну что же ты мелочишься, мой глупый Лецатл? — сказал ему

начальник, подошел к столу, выбрал самое зрелое яблоко из принесенных мною и надкусил его. — При чем тут колодцы? Мы проведем канал к деревне нашего друга, поведем его от реки Лиазы и напоим страждущие поля.

— На это нам не выделят ассигнований!

— Замолчи! Мне надоело тебя слушать! Народ требует, а мы с тобой кто? Мы — слуги марсианского народа!

— Простите, великий инженер, — вмешался я, — нам совсем не нужен канал. Нам бы воды в колодец...

— Почему вам не нужен канал? — строго спросил Таскаб.

— Канал будут строить много лет, а когда его построят, наши поля уже высохнут и нам придется переселяться в другое место.

— Ты видишь только свою деревню, — сказал главный инженер. — Думай обо всей волости. Ты представляешь, как повысятся урожаи, когда целая река придет в твои края?

— Это, конечно, хорошо...

— Твои дети будут купаться в реке, ты будешь умываться каждое утро!

— Мы, марсиане, к этому не привыкли. Часто мыться вредно.

Но главный инженер меня уже не слушал. Он обернулся к кузине Шохихи и сказал:

— Неси сюда чистый свиток и палочки для письма. Я буду диктовать тебе письмо в Совет инженеров!

Я не верил своим ушам! Мой скромный визит вызвал к жизни столь важный документ. В своем письме в Совет инженеров Таскаб сообщил, что народ Марса, в первую очередь жители волости Соар, а также долины Азоры требуют немедленно провести канал, чтобы спасти их от засухи и голодной смерти. Конечно же, смерть нам не грозила, да и жители плодородной долины Азоры не нуждались в каналах, но письмо Таскаба в Совет инженеров звучало столь тревожно и убедительно, что у меня на глаза навернулись слезы.

Когда я возвратился в деревню, в моей хижине собрались односельчане.

— Ну что, починят нам колодец? — спросил старейшина деревни.

— Бери выше, — сказал я, чувствуя себя причастным к великим решениям столицы. — К нам проведут настоящий канал. Наши дети будут в нем купаться, а воды будет столько, что у каждого дома мы устроим бассейн.

Соседи покачали головами, не поверили мне. Не поверили они и газете, в которой вскоре было напечатано, что для того, чтобы покончить с нехваткой воды в предгорьях Соара, решено построить специальный канал от реки до хребта.

Канал строили четыре года. Трудно приходилось Марсводхозу. Опыта не было, к тому же ставили палки в колеса завистливые конкуренты и высоколобые из Совета знаний, утверждавшие, что воды

на Марсе и без того недостаточно. Зачем же тратить ее столь неразумно?

Но вот наконец, когда крестьян в нашей деревне уменьшилось вдвое — поля наши уже не могли прокормить всех едоков, — канал добрался до высохшего колодца. Он прорезал своим широким ложем всю долину Азоры, поглотив поля и виноградники, стоимость его оказалась в шестнадцать раз больше проектной, а рабочих на строительстве померло видимо-невидимо. Но так как Марсводхоз думал лишь о счастье простых людей, строительство было завершено.

В ночь двойного полнолуния за мной прислали из Соацеры специальную воздушную лодку. В ней прилетела моя кузина Шохихи в новой шубе из лапок песчаных крыс.

— Кузен! — воскликнула она, подбегая к моей покосившейся хижине, что стояла над откосом канала. — Ты включен в комиссию по открытию канала как представитель народа. Одевайся!

— О, Шохихи! — ответил я. — Мы так обеднели, пока ждали воды, что я был вынужден продать все свои накидки и плащи. Да что я! Посмотри, мои соседи тоже ходят в рубище, а то и голышом.

— Ничего, — ответила Шохихи, бросив взгляд на собравшихся соседей. — Мы выдадим тебе одежду из фондов Марсводхоза. А когда придет Большая вода, вы все разбогатеете и купите серебряные плащи.

На следующее утро, получив казенный плащ, который был мне велик и волочился по полу большой воздушной лодки, я был представлен важным инженерам, что собрались на борту этого экипажа. Начальство, облаченное в серебряные и черные плащи, в различного вида головные уборы, улыбалось мне и поздравляло в моем лице марсианских земледельцев, о которых оно так славно позаботилось.

Лодка легко поднялась в воздух над окраиной Соацеры, там, где река Лиаза протекала по соседству с монументом Магацитла. По знаку, сделанному самим Таскабом, раскрылись могучие бронзовые врата, и воды реки хлынули в широкое ложе канала, гоня перед собой пыль и остатки забытой в канале техники. Лодка летела невысоко, следуя за валом воды, стремившейся по каналу. Жители окрестных деревень сбегались, чтобы полюбоваться зрелищем. Среди крестьян я угадывал чинов Марсводхоза, которые подсказывали, когда поднимать руки и ликовать. Рядом со мной стояли Таскаб и инженер Лецатл. Они тихо переговаривались, не обращая на меня внимания, как не обращают внимания на сенную мышь.

— Сейчас наступит момент, — сказал Таскаб, — чтобы утвердить объемы работ на будущий год в десятикратном размере.

— Совет инженеров приятно поражен, — заметил Лецатл.

— Еще бы! Всюду разруха, только мы добиваемся успеха.

Они обернулись к Великим инженерам, которые стояли у борта воздушной лодки, с улыбками наблюдая за тем, как волна, катившаяся по каналу, смывает с берегов остатки разрезанных им полей и не-

сет, несет вверх мусор и труху. Затем корабль повернул обратно, чтобы успеть к банкету.

До нашей деревни вода в тот день не дошла. Инженеры сказали, что так и надо, но вскоре в долине будет сооружена дополнительная насосная станция, там, где последние капли воды впитывались в темный песок.

На банкете меня кормили рядом с инженерами. Потом велели прочесть тост. Текст на золотом свитке дала мне Шохихи. Буквы были большие, и я прочел почти без запинок. Затем, уже пешком, я вернулся в деревню.

Огромную насосную станцию построили на нашем канале еще через три года. К тому времени в нашей деревне осталось лишь пять домов, а воду мы возили из долины Азоры в бочках. Черпали ее из того огромного солоноватого болота, что образовалось за насосной станцией, поглотив большую часть некогда плодородных полей. Большинство жителей долины переселились в город и превратились в курильщиков хавры.

К сожалению, насосной станции было нечего качать. И тогда возник великолепный план, должный решить заодно и проблему снабжения столицы водой, так как сильно обмелевшая Лиаза уже неспособна была напоить город. Четверть государственного бюджета было выделено на то, чтобы провести канал от северной полярной шапки Марса к истокам Лиазы. Канал должен был достичь длины в тысячу дневных переходов, иметь на своем пути множество насосных станций и водохранилищ.

...Я попал в Соацеру в надежде добыть там бочку для воды. Наша прохудилась. Мучаясь от пыли и жары, я обошел весь город, но ни в одной лавке бочек не отыскал, так что пришлось брести в Марсводхоз, чтобы попытаться увидеть мою дорогую Шохихи.

Марсводхоз к тому времени отделился от Совета инженеров и построил в центре Соацеры на площади Атлантиды черный небоскреб, в котором трудились тысячи чертежников и инженеров. Летающие лодки и воздушные шары сотнями опускались на плоскую крышу небоскреба.

Меня долго не пропускали в здание. Я пытался доказать у входа, что я и есть первый простолюдин, который вызвал возвышение Марсводхоза, но меня, глядя на мои жалкие одежды, лишь поднимали на смех.

И все же мне повезло. В тот момент, когда меня, пиная остроносыми башмаками, вытаскивали из громадного нефритового холла, мой отчаявшийся взор упал на большую мраморную статую, что возвышалась у стены. Статуя изображала марсианина в сельской тоге с кожаным ведром в руке. Черты лица марсианина показались мне знакомыми.

— Стойте! — закричал я пронзительным голосом. — Прочтите, невежественные солдаты, надпись под этой статуей!

Некоторые из солдат засмеялись, но начальник караула смилостивился и прочел буквы, выбитые на постаменте:

— «Тебе, простой марсианин, наш труд и наши достижения!»

— Это же мой памятник! — кричал я. — Это памятник мне!

Солдаты растерялись, ибо не ожидали такого поворота событий, а начальник караула, хоть и не угадавший сходства между мной и мраморной статуей, на всякий случай велел меня отпустить и позвонил наверх к Шохихи. Та, узнав, в чем дело, приказала пропустить меня.

Я еще раз взглянул на мраморную статую и, погрозив пальцем солдатам, поднялся на лифте на сороковой этаж, где находился кабинет моей кузины. Она страшно растолстела и стала главным секретарем и первой наложницей Верховного инженера Таскаба.

Кузина встретила меня очень мило, расспросила о жизни в нашей деревне и огорчилась, узнав о ее бедственном положении. Потом она напоила меня настоем горных трав и показала большую карту Марса, висевшую на стене кабинета господина Таскаба, который в тот день отсутствовал, так как повез правительственную комиссию на южный полюс.

Вид моего родного Марса меня поразил. Ведь я учился целый год в школе и там тоже была карта. Но как разительно она отличалась от марсводхозовской! На последней вся планета была исчерчена прямыми полосами, которые, пересекаясь, образовывали водохранилища и озера.

— Любуешься? — сказал инженер Лецатл, входя в кабинет. — Впечатляет?

Он еще больше похудел, но одет был богато.

— Очень рад, — произнес я, опускаясь на колени и целуя край плаща великого инженера. — Но скажите мне, о инженер, почему нужно перекопать весь наш Марс?

— Чтобы его спасти, — сказал инженер.

— А как же раньше?

— Раньше? Раньше не было каналов, и народ был несчастлив.

— Когда как, — вздохнул я.

— Серость неблагодарная! Неужели ты забыл, как наш первый канал напоил твою деревню?

— До нас-то вода так и не дошла, — вздохнул я.

— Это частность, — нахмурился инженер. — Мы думали о главном. Нам удалось спасти от засухи долину Азоры.

— Но, великий господин...

— Молчи. Правда, пришлось пожертвовать рекой, которая ранее питала водой Соацеру. Наша столица поделилась водой с народом.

Я поклонился, потрясенный подвигом нашей столицы.

— Но мы не могли оставить без воды тех честных тружеников, что обитают в главном городе Марса, — продолжал Лецатл. — И потому начали колоссальные работы по перекачке воды с северной снежной

шапки. Несколько лет вся страна в громадном напряжении ковала светлое будущее. Вместо телевизоров заводы выпускали землечерпалки, вместо летающих лодок — лопаты.

— Ах, какой энтузиазм! — поддержала инженера моя кузина.

— Позвольте задать глупый вопрос, — сказал я. — Зачем же выпускать землечерпалки, если канал уже построен?

— Канал построен, — снисходительно усмехнулся Лецатл. — Но дело наше не закончено. Сегодня Марсводхоз стал самой главной организацией Марса, на него вся надежда...

— А если его не станет?

— Ах, какой ты темный! — вздохнула кузина.

— Куда же вы денете миллионы рабочих, — рассердился Лецатл, — которые роют каналы? Куда вы спрячете тысячи машин, что сделаны по нашим заказам? Что будут делать наши проектные институты и управления? Что?

Инженер Лецатл гневался, и я отступил в сторону, боясь, что он меня убьет. Но тут красный бог пустыни потянул меня за дурацкий язык.

— Значит, вы работаете для себя? — спросил мой язык. Клянусь, что я к этому вопросу не имел отношения. Так что побои, которые обрушил на меня Лецатл, были незаслуженными.

Уморившись колотить меня, инженер воскликнул:

— О нет! Мы не эгоисты, мы не палачи Марса, мы не преступники, как утверждает некий так называемый эколог...

Тут Лецатл в негодовании плюнул, моя кузина тоже плюнула, и я, чтобы не отставать от образованных людей, плюнул вслед за ними.

Лецатл несколько успокоился. Он подошел к окну и, глядя на равнины Марса, открывшиеся его взору, тихо сказал:

— Все не так просто. Когда мы взяли воду из северной полярной шапки, по всей планете стало меньше дождей. И чем лучше работал наш главный канал, тем сильнее свирепствовали засухи. Да, вода в столицу поступала. Но высохли окружающие поля, и некому стало кормить город.

— Надо было тут же закрыть канал! — сказал я.

— Это было бы капитуляцией! Мы сделали лучше. Мы протянули еще более грандиозные каналы от южной полярной области.

Инженер Лецатл подошел к карте Марса и включил бегущие огоньки, чтобы показать мне, какие каналы уже несут живительную влагу на поля, а какие еще строятся. Это было чудесное зрелище, и оно меня порадовало.

— Значит, теперь с сельским хозяйством хорошо? — спросил я.

— Скоро будет хорошо, — твердо ответил инженер. — Правда, основные резервы снега на полярных шапках истощены и дожди на всей планете прекратились.

— Это я чувствую всей шкурой, о великий, — согласился я. — Но куда девается вода? Ведь раньше ее не было только в моем колодце.

— Воду поглощают пески, вода разливается, просачивается, даже разворовывается. Ты не представляешь, какое на Марсе идет вредительство!

— Всех бы расстрелять, — заметила моя кузина.

— А безответственность некоторых рядовых строителей? — продолжал Лецатл. — А плохое качество строительной техники? А нехватка материалов? Об этом ты подумал?

— Нет, не подумал, — сказал я.

— Всех расстрелять, — сказала Шохихи.

— Так что сейчас мы приступили к суперканалу, — сказал Лецатл. — Он соединит тремя линиями северный и южный полюса и наладит нормальный баланс воды на планете. И тогда все будет хорошо.

Лецатл замолчал.

— Великий инженер, — сказал я, — нельзя ли для нашей деревни достать новую бочку? Нам не в чем возить воду из болота, в которое превратилась долина Азоры.

— Вон отсюда! — закричал инженер. — Чтобы я тебя больше не видел! Своим разговором о бочках ты подрываешь великую идею! Я тебе целый час говорил о достижениях, а ты ответил мне черной неблагодарностью.

— Тебя надо расстрелять, — сказала моя добрая кузина.

Чтобы они не успели привести в исполнение эту угрозу, я убежал по лестнице с сорокового этажа.

На улице, как всегда, ярко светило солнце. Когда я брел обратно в деревню, задыхаясь от жары и мучимый жаждой, то увидел, как на пустыре у памятника Магацитлу расстреливали саботажников. Среди них было несколько экологов в лиловых тогах и высоких шапках.

На дне канала, того самого, первого и знаменитого, который должен был заменить мой колодец, стояла желтая тина.

В деревне я никого не нашел. Люди ушли.

Без бочек я не мог возить воду из болота, да и вода была там вонючая. Чтобы не помереть с голода, я перебрался в горы и там в узком ущелье отыскал небольшой родник, возле которого я с тех пор и живу. Родник с каждым месяцем скудеет. Не знаю, кто из нас иссякнет раньше...

Уже пять лет я не видел ни одной живой души. Если раньше над головой иногда пролетали воздушные лодки, то теперь небо опустело. Вчера мне приснилось, что я поднимаюсь над Марсом на большой птице. И вижу, что он весь изрезан широкими высохшими каналами. И ни одной души... Лишь где-то возле северного полюса последние инженеры из Марсводхоза строят свой последний канал.

ТРЕВОГА! ТРЕВОГА! ТРЕВОГА!

1

Высокий, стройный, несмотря на свои сто двадцать лет, Верховный координатор Дальней разведки широкими шагами пересек полутемный зал космической связи. Техники безмолвно поднялись при его приближении. Огоньки на пультах тускло отражались на серебряном мундире координатора. Безмолвное напряжение опустилось на зал. В тишине, подчеркиваемой шепотом самописцев и тихим жужжанием самонастройки, голос координатора прозвучал громом.

— Канал срочной связи, — произнес он.

От легких и быстрых движений техников ярче загорелись экраны. Мигнула мириадами огоньков схема готовности.

— Код? — спросил первый техник.

— Шесть-особый. Тревога первой степени.

— Все каналы свободны, — сказал второй техник.

Координатор опустился в кресло. Его рука в черной перчатке на секунду замерла над пультом, прежде чем набрать известные лишь координатору цифры...

Палец решительно опустился на пульт, коснулся первой цифры...

2

Зарево вулканов окрашивало небо в грозный багровый цвет. Иногда по непрочной еще коре планеты прокатывалась волна землетрясения. Вездеход по касательной опустился возле висящего над черным камнем пузыря станции.

Усталый разведчик тяжело спрыгнул на пиритовую плиту, скафандр особой защиты делал его похожим на старинного робота.

Мягко открылся люк, приглашая Свиридова войти в уют и безопасность станции.

Лишь одна мысль, одно необоримое желание завладели мозгом и телом разведчика — спать...

Натруженными руками он снял шлем. Растер жесткими пальцами глубокий красный шрам, пересекающий щеку. Взглянул в зеркало. «Сколько тебе лет, старина?» — спросил он свое изображение. Изображение сощурилось в ответ. Лицо было молодо, но глубокие складки у губ, щетина на подбородке, мешки под глазами мешали поверить, что ему лишь завтра минет тридцать.

Струи дезинфицирующего душа ударили по плечам и животу. Но не принесли свежести и облегчения. Свиридов был по ту сторону усталости.

Переодевшись в шорты и голубую домашнюю накидку, Свиридов

прошел на Центральный пункт. Ирида коротко взглянула на него. Изображения на экранах зашатались, заваливаясь вправо.

— Что, трясет? — сказал Свиридов.

— Поспи, — сказала Ирида, обратив на него пристальный немигающий взгляд сирианки. — Три часа. Потом снова на вахту. Возможен взрыв на склоне Пленницы. Надо будет эвакуировать оборудование.

— Три часа? — спросил Свиридов.

— И ни минуты больше.

Свиридов сказал себе: три часа — это вечность, это спасение...

Неожиданно вспыхнул экран внутреннего оповещения.

Зеленое лицо второго исследователя, увеличенное втрое, так что видна была каждая чешуйка на лбу и хоботе, смотрело на Свиридова.

— Никита, — сказал Второй, — экстрасрочная с Земли. Тебе.

Лицо исчезло — на экране возникла желтая полоска космограммы. С легким щелчком она отделилась от экрана и перелетела в руки Свиридову.

— Ты знала? — спросил Свиридов у Ириды, прочтя космограмму.

— Да, — ответила сирианка.

— Надо лететь, — сказал Свиридов, превозмогая дурноту.

— Сквозь пылевую на планетарном катере тебе до утра не прорваться, — сказал с экрана Второй.

— Надо, — сказал устало Свиридов.

— Может, поспишь сначала? — спросила Ирида. В ее ровном голосе впервые за последний месяц прозвучала жалость.

— Не нужно меня жалеть, девочка, — сказал Свиридов, попытавшись улыбнуться. — Надо. Я прошел сквозь льды Андромахи и огонь Белого Карлика. Я постараюсь прорваться.

— Ты прорвешься, — сказал Второй.

— Я готовлю катер, — сказала Ирида. — Надевай скафандр.

Что в ее инопланетном взоре? Неужели это любовь?

Чтобы никто не увидел, как покраснел его шрам, Свиридов отвернулся и натянул шлем.

— Надо, — повторил он. Голос его прозвучал глухо.

3

Рука в черной перчатке снова замерла над кнопками.

Лениво перемигивались огоньки над пультами.

Второй сигнал устремился в звездные дали...

4

Павел знал: за спиной поселок, посевы, теплицы. Если он не выдержит, погиб труд всей колонии.

Он стоял на краю рощицы живых, подвижных, трепещущих деревьев, которые, ощущая его напряжение и решимость, старались от-

клониться, прижаться к желтой земле. Растительный мир страшился грядущего боя.

Пискнул биолокатор, вмонтированный в браслет. Опасность!

Легким движением Павел включил гравитатор, и тот рывком вознес его над поляной, над вершинами деревьев.

Биолокатор не ошибся.

Огромные лиловые лопухи на болотце расступились, и оттуда черной молнией вырвалась торпеда страшного хищника — перепончатого ящера. Ломая робкие деревья, ящер рухнул на поляну, там, где секундой раньше стоял Павел. Сообразив, что потерял добычу, ящер принялся рвать когтями траву и ломать стволы.

Павел включил мини-камеру — зрелище было достойно того, чтобы запечатлеть его на видео.

Это было ошибкой. Второй ящер услышал жужжание камеры. Тень его на мгновение закрыла солнце, и Павел лишь чудом успел увернуться от живого снаряда, круто уйдя к кустам, откуда к нему уже устремился бородавочник — скользкое трехметровое существо, схожее сразу с жабой и кабаном.

Павел разрядил в бородавочника бластер, затем перевернулся в воздухе так, что гравитатор чуть не разбил его о торчащую из болота скалу, и уже из-за скалы всадил очередь в разъяренную морду ящера.

Но это еще не победа. Павел знал, что на запах крови и паленой шерсти из леса вылетит вся стая. Надо отступать.

Второго ящера Павел срезал, когда тот опрокинул на него скалу, третий уже подстерегал его за болотцем. А часть своры уже пробиралась низиной к теплицам.

Поэтому пришлось вынырнуть из теплой жижи болотца, где Павел был почти в безопасности, и выскочить на открытое место, чтобы рептилии увидели своего врага.

Павел стоял, широко расставив ноги и беспрерывно стреляя из бластера. Ящеры падали, корчились в судорогах, но на их месте тут же возникали новые и новые чудовища...

— Павел, — послышалось в шлемофоне. — Павел, ты еще жив?

— Сражаемся, — коротко ответил Павел. — Если продержусь еще полчаса, считай, что теплицы спасены.

— Павел, тебя вызывает Земля.

— Не могу отвлекаться.

Павел взмыл в небо и оттуда расстрелял группу бородавочников, что пытались прорваться по узкой промоине.

— Павел, — послышалось в шлемофоне. — Шесть-особый. Тревога первой степени.

— Еще этого не хватало!

Павел бился врукопашную с небольшим птеродактилем, который умудрился вцепиться ему в спину.

— Павел! — Вызов повторили.

— Эх! — сказал Павел, отрывая хищный клюв птеродактиля. — Не успел я спасти теплицы.

С этими словами Павел включил силовое поле и гравитацию на полную мощность. Лес стремительно пошел вниз. Один из ящеров еще пытался преследовать его, но быстро отстал и присоединился к стае, которая понеслась крушить лабораторию и теплицы...

А Павел уже вышел в стратосферу, к катеру, что ждал его на орбите.

5

Рука в черной перчатке набрала новую комбинацию на пульте.

Техники готовили каналы прибытия.

— Сигнал стопорится, — сказал Координатор.

— На пути «черная дыра», — ответил техник. — Чтобы пробить ее, нужна энергия всей Солнечной системы.

— Отдайте приказ. От моего имени. Переключить все станции Земли и Марса на мой пульт.

— Слушаюсь, — сказал техник.

6

Сто тридцать шесть этажей.

Общая высота — восемь метров сорок сантиметров.

Лаконичные линии, строгие очертания...

— Как ты думаешь, — спросил Джон, — им понравится?

— Должно понравиться.

— Как много от этого зависит! — сказал Джон.

— Земля будет благодарна нам, — согласился Джавад.

Да, земные специалисты неплохо потрудились. Жители планеты, трудолюбивые, схожие с муравьями двухсантиметровые насекомые, согласились наконец рассмотреть просьбу землян. В благодарность за дьявольский трехмесячный труд Джавада и Джона — разведчиков с Терры.

Четыре посольства направляла туда Земля в надежде получить формулу лекарства от смерти. И четыре посольства отправлялись обратно несолоно хлебавши. Жители планеты не соглашались на обещания и посулы Земли. Но Джавад и Джон сделали то, что не удалось их предшественникам. Используя земную технологию, они построили небоскреб, который пришелся по душе не только населению, но и правительству планеты. И вот сейчас разведчики ждали встречи с правительственной комиссией. За небоскреб и проектную документацию они должны были получить лекарство от смерти.

— Еще два часа трудных переговоров, — сказал Джон, — и домой!

— Два часа? Я думаю, что и пятью часами не обойдемся. Ты же знаешь, какие у них сложные обычаи и правила. Каких трудов нам стоило зазвать комиссию на стройку!

— Надеюсь, ты не забыл, с какой ноги делать первый шаг и как кланяться канцлеру правой руки?

— Нет. Я помню это, даже если ты разбудишь меня среди ночи. А ты сам не забыл, как обращаться к Государственной шляпе?

Джон улыбнулся.

— Мы заслужили отдых, — сказал он. — Я так устал от бесконечных уменьшений и увеличений! Утром во мне два сантиметра, к обеду я возвращаюсь в естественное состояние, затем снова уменьшаюсь для споров со снабженцами, затем снова...

— И так далее, — подытожил Джавад. — Я даже порой забываю, какого же я размера в самом деле.

И, нажав на кнопку биотранслятора, он тут же начал уменьшаться.

— Погоди, Джавад! — взмолился Джон. — Рано!

— Пора, — откликнулся Джавад, ставший размером с кошку. — Сейчас придет их комиссия.

Он продолжал уменьшаться.

В ухе Джона щелкнул динамик космической связи.

— Говорит центр, — услышал разведчик. — Связь шесть-особый.

— Что случилось? — спросил Джон.

— Тревога. Срочно вызывают на Землю.

Джон посмотрел под ноги. Там, далеко внизу, у входа в небоскреб, уже собирались зеваки. Среди них стоит Джавад. С минуты на минуту появятся кареты правительства.

— Мы не можем, — сказал Джон. — Через пять минут у на шающая встреча. Земля получит лекарство от смерти.

Джон не смог скрыть ликования в голосе.

— Шесть-особый, — повторила Земля. — Тревога первой степени! Вы поняли?

— Я понял, — сказал Джон горько.

Джавад быстро увеличивался. Он тоже услышал вызов.

— Пошли? — спросил Джон.

— Пошли, — сказал Джавад.

Они смотрели вниз. Из-за холма появились первые правительственные кареты.

— Что ж, лекарство от смерти подождет, — криво усмехнулся Джон. И они поспешили к космическому кораблю.

7

Черный палец дотянулся до следующей кнопки.

— Можно давать свет? — спросил техник. — Многие в Солнечной волнуются. Звонят. В детских садах кухни отключились. Холодильники под угрозой.

— Минутку, — резко оборвал его Координатор. — Следующий вызов потребует дополнительной энергии. Земля потерпит.

8

Жюльен замер в тени нависающего над ним мрачного замка. Специальный плащ делал его практически невидимым. Третьи сутки, питаясь лишь таблетками, он подслушивал переговоры пиратов Серого облака с графом Кровавого залива. Что привело их сюда, в мирный край Облачной империи?

Жюльен напрягся... Слышны шаги. Некто, стуча по каменным плитам подкованными каблуками, вошел в потайной зал. Кто это? Жюльен осторожно достал светящийся регистр походок. Частота и амплитуда шагов совпадали с характеристиками шагов Эж-о, лилового палача бандитов Гонгоры... Но ведь мы были уверены, что этот голубчик отдыхает на Марциальных водах!.. Теперь все встает на свои места. Вот он, дьявольский, столь опасный для Галактики союз пиратов, графа и мафии. Теперь главное — не упустить ни слова из их переговоров...

Жюльен включил дистанционно управляемые магнитофоны замка.

Каждое слово, каждый вздох долетали теперь до него...

Но раньше чем Жюльен услышал первые слова, в его ухе застрекотал галактический вызов:

— Внимание! Шесть-особый! Тревога номер один!

— Я не могу, — прошептали в микрофон посиневшие от холода губы Жюльена. — Я на задании.

— Шесть-особый!

— Это угроза всей Галактике.

— Тревога первой степени!

Жюльен выключил микрофоны и пополз кустами к прогалине, где под кучей сучьев скрывался его гравитолет...

9

— Последний вызов, — произнес Координатор. — И можете переключать снабжение энергией на Солнечную систему.

— Слушаюсь, — сказал техник и склонился к пульту связи.

Черная рука вновь протянулась к кнопкам вызова...

10

Базиль отозвался не сразу.

Батискаф попал в объятия щупальцев стометрового кальмара, и Базиль старался вырвать батискаф из ловушки, не убив последнего гиганта юрского моря.

А кальмар все тянул и тянул батискаф в глубину...

Нет, положение не было безвыходным. Базиль дал напряжение на

внешнюю оболочку. Голубые электрические искры вспыхивали на присосках щупальцев. Но кальмар не намеревался отпускать жертву.

Базиль понял — пора включать вибрацию.

Батискаф задрожал.

— Вызов шесть-особый, — раздалось в батискафе. — Говорит Земля. Срочное возвращение.

— Не могу, — сказал Базиль. — Меня не пускают.

— Без шуток! — Он узнал голос самого Координатора. — Тревога первой степени.

— Тогда мне придется убить суперкальмара, а он в Красной книге.

— Постарайтесь обойтись без жертв, — сказал Координатор. — Но это не отменяет приказа.

— Значит, стрелять?

— Шесть-особый!

В батискафе воцарилась тишина.

— Прости, старина, — сказал Базиль, включая лазерную пушку...

11

Они входили поочередно в зал Координационного совета.

Разведчики высшего класса. Резиденты в дальних мирах. Элита галактической службы.

Сдержанно здоровались. Проходили к свободным креслам. Свиридов сразу задремал. Он очень устал.

Координатор вошел в зал. Он успел переодеться. На нем был алый плащ, на груди — большая Звезда Галактики.

Разведчики не вставали. Это не принято. Здесь все равны. Здесь каждый разделяет ответственность перед человечеством, неся свой крест на дальних планетах и в открытом космосе, защищая Землю от неожиданностей, внося свой вклад в покорение Вселенной. Избранные. Лучшие из лучших.

Координатор окинул их суровым, но теплым взглядом.

— Можете садиться, — произнес он, занимая свое кресло.

Эта фраза, оставшаяся с давних времен неравенства, была частью ритуала.

— Я созвал вас, — сказал Координатор, — так как в этом возникла крайняя необходимость.

Собравшиеся хранили молчание. Все понимали, что никогда Координатор не посмел бы оголить столь ответственные участки незримого галактического фронта, если бы не крайняя нужда.

— Сегодня к нам поступил следующий документ. — Координатор вынул из папки желтоватую пластинку. — «От Земгосстата Координационному совету. Срочно. Секретно, — прочел Координатор. Разведчики замерли в своих креслах. — Требуем по всем постам и станциям в трехчасовой срок представить отчетность по использованию

канцелярских кнопок и бумаги. А также дать объяснение по вопросу перерасхода шестидесяти трех скрепок за период по январь текущего галактического года. Исполнение возложить лично на Верховного координатора».

Воцарилась мертвая тишина.

Координатор положил пластинку на сверкающую мраморную поверхность стола.

— Положение серьезное, — произнес он. — Сейчас же каждый из нас, включая меня, приступает к составлению отчета. Надеюсь, что скрепки будут найдены. Как, мальчики?

Свиридов, сон которого как рукой сняло, ответил за всех:

— Мы не подведем вас, шеф.

УТЕШЕНИЕ

Льву Разгону посвящается

Изобретатель машины времени Матвей Сергеевич Ползунков, будучи человеком относительно молодым и, как говорится, не от мира сего, когда не работал — не знал, на что себя употребить. А в его жизни, как и в жизни любого человека, возникали моменты и даже периоды вынужденного безделья, как, например, вечер 6 марта прошлого года, когда домашний компьютер сломался, а институт до утра закрыт. Можно было поехать к маме, у которой он не был уже три месяца, но у мамы всегда было скучно и надо было общаться с отчимом. Можно было позвонить Людмиле, но Людмила так хотела его на себе женить — нет, не из-за его научных достижений и благополучия, а потому что жаждала с ним спать. И это тоже было скучно.

Поэтому, отказавшись от изъезженных путей, Матвей Сергеевич пошел по улице Герцена и в нескольких шагах от площади Восстания увидел на Доме литераторов объявление о том, что сегодня там писатель Леонид Ларин читает свои рассказы о прошлом, а устраивает этот вечер общество «Мемориал», целям которого Матвей Сергеевич глубоко сочувствовал, хотя никто из его родственников от репрессий не пострадал, а отец погиб на фронте в мае 1945 года в возрасте двадцати лет, на четвертый день после свадьбы со связисткой Семеновой, которая и стала потом матерью Матвея Сергеевича.

Матвей Сергеевич вошел в Дом литераторов, сдал на вешалку пальто и был встречен двумя прозрачными бабушками в школьных платьях с белыми воротничками, которые обрадовались его приходу. От такой встречи Матвей Сергеевич решил, что зал будет пуст и Леонид Ларин будет читать свои рассказы лишь ему и двум прозрачным бабушкам.

Матвей Сергеевич ошибся, потому что зал был почти полон, если не считать пустых мест спереди, в третьем и четвертом рядах, видно

припасенных для литературного начальства, которому было недосуг сюда прийти.

Леонид Ларин, вышедший на сцену точно в девятнадцать часов, оказался прямым пожилым мужчиной с лицом, склонным к улыбке, даже когда оно было совершенно серьезным. Такими же оказались и его рассказы. Они повествовали о вещах страшных и вещах необыкновенных, о жизни в лагерях и ссылке и, наверное, были бы, безусловно, трагичны и безысходны, если бы и в них не было всегдашней легкой улыбки автора, которая, конечно, и спасла его и не только позволила выжить там, встретить высокой красоты женщину и жениться на ней, но и остаться моложавым, подтянутым и легким в походке.

Сидя в этом зале, Матвей Сергеевич не аплодировал и ничем не показывал своего одобрения, потому что это казалось ему неуважением к Леониду Ларину, ведь не аплодируют в церкви священнику, а в лесу — пению птиц. Его не оставляло забытое детское опасение, что рассказы вот-вот кончатся и ему скажут, что пора домой, пора спать.

Так и случилось сразу после того, как Ларин прочел рассказ о жене президента нашей страны, которая стирала белье в лагерной прачечной, тогда как ее супруг, покорный тирану, раздавал ордена палачам и подписывал смертные приговоры другим женам и мужьям.

Выйдя на улицу, Матвей Сергеевич долго стоял у входа в Дом литераторов, словно поклонник, ожидающий любимую певицу. Но все разошлись, а Ларина он не дождался; видно, тот остался в ресторане или вышел другим путем.

Матвей Сергеевич внимательно следил в «Вечерней Москве», не будут ли объявлены другие выступления Ларина, потому что он бы с удовольствием туда пошел, но в газете таких объявлений не было. Тогда Матвей Сергеевич, отличавшийся логическим складом ума, предположил, что Ларин не занимается чтением своих рассказов профессионально, а делает это лишь по просьбе людей из «Мемориала». Рассудив так, Матвей Сергеевич отыскал телефон «Мемориала», и там ему ответила очень любезная женщина, которая подтвердила его подозрения и даже помогла узнать, где через две недели Ларин будет выступать вновь.

Выступление было дневное, в городской библиотеке, в пользу инвалидов, и Матвею Сергеевичу стоило немалых трудов туда вырваться. По парадоксальной причине: он сам назначил на это время совещание с поставщиками, деликатное и неимоверно трудное. И вдруг пренебрег им и, к полному изумлению его сотрудников и соратников, переложил переговоры на недалекого заместителя, который обязательно их провалит.

На выступление Ларина Матвей Сергеевич шел как на свидание. Он хотел даже купить букет цветов, но смутился, представив себя идущим по проходу с букетом — нескладного, худого и сутулого. Застыдился и букета не купил.

Ларин отвечал на записки, удивляясь их однообразию. На этот раз в зале библиотеки народу было куда меньше и в основном пожилые женщины. Ларин обратил внимание на худого, плохо подстриженного человека и даже подумал, что лицо его чем-то знакомо. То ли встречал его когда-то раньше, то ли уже видел на собственном выступлении.

Этот худой человек сидел серьезно, неподвижно, будто принимал лечебную процедуру, во время которой рекомендуется не двигаться. Выделив его лицо из ряда иных лиц, Ларин уже посматривал на него, но ничего более интересного в поведении слушателя не заметил и даже почему-то подумал, что это мог быть наблюдатель из КГБ, собирающий, например, сведения для доклада о состоянии общественного мнения.

Второй встречей с Лариным Матвей Сергеевич не был удовлетворен, но не потому, что рассказы ему приелись или автор стал менее привлекателен. На самом деле, хоть он и не мог себе в этом признаться, его подсознательно волновал результат переговоров в институте и предчувствие их провала. Что и случилось.

В мае, после третьего выступления, Матвей Сергеевич набрался смелости и подошел к Ларину. В тот день Ларин плохо себя чувствовал и очень беспокоился о жене, которой сделали операцию. Он сам с трудом досидел до конца собственного вечера, отменить который помешала лишь совестливость и всегдашнее чувство ответственности перед людьми, от него каким-то образом зависящими.

Матвей Сергеевич почувствовал состояние Ларина и, подойдя к нему, предложил довезти до дома. Ларин с благодарностью согласился. У подъезда клуба «Металлист», где выступал Ларин, Матвея Сергеевича в тот день ждала служебная серая «Волга». Это удивило Ларина, среди его знакомых и друзей почти не было людей со служебными серыми «Волгами», и он, понимая, что как-то надо поддерживать разговор, хотя бы из благодарности к человеку, везущему его домой, спросил, где тот работает. Матвей Сергеевич ответил, что в институте. Это была чистая правда, которая не удовлетворила Ларина, но он ничем не показал этого.

Для Матвея Сергеевича посещения выступлений Ларина стали обязательными, как для иного человека — посещение церковной службы. Ларину даже бывало неловко оттого, что он читает те же рассказы, с теми же интонациями и даже одинаково шутит по поводу удручающе одинаковых записок. Он привык уже видеть Матвея Сергеевича и считал его чем-то вроде дворового сумасшедшего, безобидного и не очень надоедливого: не тронь, он и промолчит.

А Матвей Сергеевич был влюблен в Ларина. В его писательский талант, в стать его стройной фигуры, в его голос, а главное — в сдержанную улыбку. Наверное, психоаналитик объяснил бы эту привязанность последствием безотцовщины и бесконечным внутренним

одиночеством талантливого человека, вынужденного зачастую притворяться банальным ради того, чтобы сдвинуть с места свое великое дело. Ведь никто, даже ближайшие сотрудники не верили в успех их предприятия, и с каждым месяцем все труднее было доставать ассигнования, в первую очередь валютные.

Матвей Сергеевич настолько сжился с миром Ларина, с лагерями, с сибирской зимой, вышками над колючей проволокой, голодом, холодом и смертями, что порой просыпался ночью будто в бараке и, даже открыв глаза, не мог отделаться от видения. И страшнее всего ему было не за себя — если бы не дело, он бы вообще себя не берег, — а за Ларина, которого считал куда более тонкой и благородной натурой, а значит, человеком, которого надо оберегать.

Один раз, уже в августе, ему удалось оказать Ларину небольшую услугу. Матвей Сергеевич услышал, подойдя к Ларину после выступления, как тот сказал какой-то пожилой даме из «Мемориала», что послезавтра уезжает во Францию по приглашению издателя и что трепещет перед этой поездкой, потому что за границей никогда не был. К тому же такси никак не вызовешь, а жена еще слаба после операции. Дама из «Мемориала» вздыхала и искренне сочувствовала, но была бедной женщиной и ничем помочь не могла. Тогда Матвей Сергеевич, который в тот вечер был без машины, потому что считал неудобным использовать ее в позднее время, подошел к Ларину, спросил, когда у того самолет, и сказал тоном, не терпящим возражений, что отвезет своего кумира на аэродром. Ларин был благодарен и не мог отказаться от такой любезности. Потом, дома, его жена смеялась, что наконец-то Леонид обзавелся настоящим поклонником. И скоро к нему в двухкомнатную блочную квартирку будут приходить ходоки, как к Льву Толстому.

В назначенное время машина была у подъезда. Матвей Сергеевич поднялся, помог перенести вещи, и они поехали. Погода была плохая, шел дождь. Ларин спрашивал жену, откуда ему знакомо лицо Матвея Сергеевича, может, она помнит, а Матвей Сергеевич смеялся, что его лицо приелось Ларину и тому кажется, будто они встречались раньше.

И тут случилась беда.

Спустилось колесо, потом сломался домкрат, а машины пролетали мимо и не хотели останавливаться, потому что все спешили в аэропорт. В результате Матвей Сергеевич пережил, не признавшись никому, приступ стенокардии, а к самолету они, изволновавшись, устав от убежденности в провале французской поездки, приехали за двадцать минут до отлета.

Вялый молодой таможенник, отлично зная, что каждая минута на счету и пожилые люди не смогут бегать по коридорам, с добрым служебным садизмом потребовал открыть чемодан и стал пересчитывать

матрешек, бутылки шампанского и прочие вещи, что везли Ларины в подарок людям, которых знали в Париже.

И вот тогда, не в силах более терпеть это издевательство, Матвей Сергеевич, наблюдавший за процедурой из-за ограды, сметая все на своем пути, вылетел в таможенный зал и закричал, обращаясь и к тому вялому таможеннику, который досматривал Лариных, и ко всем таможенникам и пограничникам аэропорта:

— Вы читали «Жену президента»? Нет, скажите, вы читали «Жену президента»? В «Огоньке»?

— Читал, — сказал таможенник. — Кто не читал?

— А теперь вы хотите, чтобы человек, который написал этот рассказ, который провел в сталинских лагерях почти двадцать лет, — вы хотите, чтобы он опоздал на самолет? Вы преступник! Да!

Пауза, наступившая после этого взрыва, была недолгой, может быть, секундной, но казалось, что она тянется вечно. И нарушил ее начальственный голос, прогремевший со стороны:

— Семенов, а ну пропустить товарища писателя!

А молодой таможенник, уже сам спеша, засовывал обратно в чемодан вещи, защелкнул его и сказал:

— Я понимаю, вы не думайте, у меня же дядя сидел, я ваши произведения читал!

Таможенный начальник взял чемодан, чтобы они успели на самолет, и повел Лариных к пограничному контролю, а на Матвея Сергеевича больше никто не обращал внимания, и он, страшно подавленный своим поступком, вернулся к машине, где его ждал такой же удрученный и виноватый шофер, и сказал ему: «Вроде обошлось» — и до Москвы больше не произнес ни слова. Шофер тоже молчал.

Когда Ларин вернулся из Парижа, Матвей Сергеевич не явился на его вечер в Доме литераторов, и Ларин был удивлен, что тот не подошел к нему. А Матвей Сергеевич все не мог пережить позора, ведь по его вине с писателем случился такой казус. Да и вел он себя нетактично, и, наверное, Ларин сердится на него.

В то же время Матвей Сергеевич видел определенную историческую справедливость в запомнившейся картинке: грузный таможенный чин ведет к границе, поддерживая под локоть, бывшего заключенного, выкинутого и чуть не убитого этим обществом. Ах, если бы человек мог знать заранее, что его ждет! И, заглянув в будущее, увидеть, что справедливость в конце концов обязательно торжествует! Может, тогда садист-следователь поостерегся бы избивать старую женщину, а лжесвидетель лгать и подличать? И с глубокой горечью Матвей Сергеевич понимал, что многие годы в тюрьме, лагерях, ссылке его кумир Леонид Ларин мог лишь смутно надеяться на смерть Сталина, но не на смерть эпохи. И ждал лишь худшего... И никто не мог прийти к нему и сказать: «Дорогой Леонид! Все обойдется! Ты еще пройдешь под руку со своей прекрасной женой по Ла-

зурному Берегу во Франции. Правда, лучше бы вам это сделать сейчас, но и в преклонном возрасте Лазурный Берег очарователен, не так ли?»

...Ларин сам позвонил Матвею Сергеевичу. Когда-то раньше тот сообщил ему, как называется его институт. Ларин нашел телефон и позвонил. Не видя Матвея Сергеевича более месяца, он решил, что тот в обиде, ведь человеку пришлось из-за него кричать и волноваться в Шереметьеве.

Матвей Сергеевич, несмотря на то что в институте шли испытания и сам он трое суток уже не спал, был счастлив звонку. Он обещал, как станет свободнее, обязательно навестить Ларина. Когда ходовые испытания завершились, Матвей Сергеевич пришел на встречу писателя с читателями по поводу выхода в свет его новой книги. Во время выступления Ларина спросили, каково после стольких лет страданий переносить теперь писательскую популярность. На что тот с юмором рассказал об истории в аэропорту, в которой, правда, Матвей Сергеевич совсем не выглядел глупым. Больше всего смеялись, когда Ларин изобразил таможенного начальника.

Не подойдя к Ларину после встречи, потому что торопился в институт, Матвей Сергеевич вдруг понял, что его поступок вовсе не плох и не смешон — он всего-навсего отражение нашего глупого, трагического и смешного времени.

В последующие две недели он не забывал о писателе, но института не покидал — проходили пробные запуски. Сначала на десять минут, затем на полчаса, наконец — на год. В прошлое и будущее улетали крысы и кошки, то исчезали, то возвращались — обо всем этом можно было бы прочесть в специальной, но пока засекреченной литературе.

К нашему рассказу это не имеет отношения до того дня, когда, подобно врачу, привившему себе чуму, в машину времени вошел ее создатель — директор НИИВП, действительный член АН СССР, генерал-лейтенант Матвей Сергеевич Ползунков, о чем его мама Нина Сергеевна, конечно же, не знала, иначе бы она этого не пережила.

Благополучно прошли три путешествия — в недалекое прошлое, недалекое будущее, и наконец наступил момент испытания максимальных возможностей машины, на чем настаивал министр обороны.

Разумеется, все знали (хотя министр обороны этому не верил), что ничего в прошлом изменить нельзя, да и не надо, потому что от этого непредсказуемо изменится настоящее. Но если действовать осмотрительно, то последствия поступков постепенно нивелируются.

В ночь перед основным запуском Матвей Сергеевич не спал.

Он думал о собственной ответственности перед человечеством и о том, что обязательно найдутся силы, желающие манипулировать историей. Это будет трагедией для всей Земли, и невинные жертвы этих манипуляций будут проклинать именно его, Матвея Ползункова.

И будут правы, хотя, не будь Ползункова, через полгода нашелся бы кто-то другой.

Если человек имеет хоть малую возможность уравновесить причиненное им зло каким-нибудь добрым поступком, он обязан к этому стремиться. И надеяться, что сумма добрых дел в конечном счете перевесит гирю подлости. А Матвей Сергеевич заранее решил, какое доброе дело он совершит.

Опасаясь, что его не поймут, а не поняв, захотят помешать, Ползунков проводил основной эксперимент, не поставив в известность министра и своих коллег. Он отлично использовал нашу страсть к засекречиванию всего, вплоть до имени покойной тещи командующего военным округом, и ввел в курс дела, и то не полностью, лишь экипаж своего вертолета и Людмилу.

Вертолетчики подготовили машину и взяли в штабе карты нужного района к северу от Воркуты. Людмила раздобыла на бабушкиной даче — месте их недолгих и неуютных встреч — потрепанный дедушкин ватник, штаны, в которых тот копал картошку, и ветхие сапоги. У мамы, ничего не объясняя, Матвей Сергеевич реквизировал треух, которым раньше натирали пол.

Именно в таком виде Матвей Сергеевич вышел из дома на рассвете 5 ноября и уверенно прошел к ожидавшей у подъезда машине. Охранник хотел было обезвредить бродягу приемом самбо, но вовремя узнал генерал-лейтенанта.

Вертолет Ползункова был комбинированной машиной, могущей превращаться в ракету и достигать скорости в две тысячи километров в час. Поднявшись на борт и поздоровавшись с изумленными пилотами, Ползунков отметил на полетной карте точку, в которой вертолет должен опуститься ровно через два часа.

Вертолет снизился посреди обширной старой вырубки на берегу Малого Воронца. Сыпал редкий снег, и ветер был ледяным. Ватник совсем не грел. Ассистенты и охранники вытащили на берег мобильную модификацию машины времени, схожую с будкой телефона-автомата, и подключили ее к блоку питания. Несусветно одетый директор института вошел в будку и на глазах у всех растворился в воздухе. В его распоряжении было десять минут — через десять минут сеанс связи кончался, и исполнитель рисковал остаться в прошлом навечно.

Но ни один из помощников и наблюдателей, собравшихся у вертолета, не знал, куда и с какой целью полетел Ползунков.

Они ждали начальника, приготовив термос с горячим чаем.

Стояла глубокая осень. Ночью ударил крепкий мороз, а сейчас, к десяти утра, хоть и потеплело, но все еще было градусов семь-восемь ниже нуля.

Будучи внимательным читателем Ларина, Матвей Сергеевич от-

лично знал обстоятельства, давшие повод к появлению на свет рассказа «Случай на Воронце».

Он знал, что вечером 4 ноября 1947 года садист начальник лагеря приказал троим заключенным отнести за двадцать километров плакаты и лозунги к тридцатой годовщине Октября, потому что на восьмой шахте требовался праздничный агитматериал. Шли они без конвоя, деваться было некуда — единственная дорога вела к шахте. Из рассказа было известно, что дошел до поста один Леонид Ларин, который очень любил одну молодую красивую женщину, ставшую потом его женой, и он не мог нанести ей, поседевшей в том мире, еще один непереносимый удар. И он шел к тому посту, как будто шел к ней. Его спутники с полпути повернули назад и замерзли. Такая вот случилась простая история.

Искушенному читателю несложно теперь понять ход рассуждений Ползункова.

Чем долее он ходил на выступления Ларина, тем более проникался сочувствием и жалостью к нему, тем тяжелее ему было сознавать масштабы двадцатилетней казни, которой подвергся незаслуженно и жестоко этот умнейший и талантливый человек, подобно миллионам других таких же людей. И возможно, не случись встречи с Лариным, Матвей Сергеевич изобретал бы свою машину на год или два дольше — именно подсознательная вначале и вполне осознанная с ходом времени надежда каким-то образом помочь Ларину заставила Ползункова торопиться. Вначале он предполагал, что сможет как-то помочь Ларину бежать или, скажем, подменить того в лагере, спасая незаурядный талант... Было много планов, но невозможность изменения прошлого заставила от них отказаться.

Матвей Сергеевич знал уже, что не сможет увести с собой Ларина, что не сможет даже дать ему теплые сапоги или полушубок — отнимут и еще накажут! Он не может сделать ничего! Ничего ли?

Матвей Сергеевич давно уже догадался, что он сделает.

...Леонид Ларин тупо считал шаги, зная, что умрет в этой тайге, потому что сил не осталось, мороз не утихал, пальцы рук и ног были отморожены, но тяжелый рулон плакатов и лозунгов выбросить было нельзя — на них многократно были написаны самые дорогие слова: «Сталин» и «Партия»... Ларин шел и считал шаги, сбивался и снова считал...

И в этот момент он услышал голос:

— Простите, Леонид Борисович.

Ларин решил, что у него снова начинается бред — бред начинался раньше, может, час, может, два назад, казалось, что наступило лето и можно остановиться, прилечь отдохнуть и сладко заснуть...

— Леонид Борисович, — сказал человек, похожий на зэка, но не зэк.

Наметанный за долгие жестокие годы глаз Ларина сразу разгадал

в нем ряженого человека, лишенного страха — страха замерзнуть, страха попасться охране, страха подохнуть от голода... Встреченный в лесу человек не был голодным, он никогда не был голодным, он не представлял себе, что такое голод, и хоть он был худ и костляв — это была иная худоба и иная костлявость. Сколько можно встретить по лагерям умирающих от голода, но вовсе не худых, а распухших сизощеких доходяг... И главное — он был чисто выбрит.

— Леонид Борисович? — неуверенно повторил встреченный человек.

И тогда Ларин понял, что ему предстало видение, разновидность бреда, ибо здесь не может быть никого, знающего отчество Ларина.

И все же Ларин остановился. И сразу сбился со спасительного счета шагов.

— Простите, что я остановил вас, — сказал Матвей Сергеевич, — но мне нужно сообщить вам нечто очень важное.

— Вы мне кажетесь? — спросил Ларин.

— Ничего подобного! У вас все будет в порядке! У вас все будет в порядке! Я не могу долго оставаться с вами. — Глаза доходяги радостно сияли. — Но я должен сказать, что до шахты остался всего километр и через час вы там будете. И даже пальцы у вас останутся целы. Честное слово, я знаю.

Ларин почувствовал раздражение против этого Луки-утешителя, который сбил его с размеренного шага, могущего спасти в морозной тайге. Какой километр? Неужели еще целый километр? А он так надеялся, что шахта откроется за поворотом.

— Но я о другом! Я о главном! Вы доживете до освобождения!

Ларин пошатнулся под грузом тяжелого рулона с плакатами и пошел дальше.

Человек шел рядом.

— Я не могу вам помочь, — говорил он быстро, будто робея. — Я скоро должен отсюда уйти, но я вам скажу самое главное...

Ларин старался вернуться в привычный спасительный ритм — шаг-секунда-шаг-секунда, — он пошел дальше, скользя по обледенелой тропе. Молодой человек говорил быстро и восторженно:

— Вы выйдете отсюда. Все будет хорошо. Вы женитесь на Лике, вы будете с ней в Париже, слышите — в Париже! Да слушайте меня, я сам видел! Представьте себе — на таможне вас не пускают в Париж. Вы меня слышите? На таможне вас не пускают, а я говорю: это ж Ларин, который написал «Жену президента»! И тогда открываются все ворота! Я не шучу, мне сейчас хочется плакать — сегодня самый трудный день вашей жизни, но ваша жизнь будет долгой и счастливой!

Ползунков скользил, спешил, дыхание сбивалось, а Ларин считал шаги и думал: ну почему эта сука не поможет нести рулон? Он понимал, что этот человек — фантом, рожденный его умирающим воображением, но сердился на него.

За поворотом, далеко впереди, он увидел дымок и копер шахты.

А увидев, забыл о нелепом спутнике.

Человек остался у поворота и кричал вслед:

— А я вас сразу узнал! Вы не отчаивайтесь, я даю честное слово!

Академик Ползунков поднялся на борт вертолета. Следом за ним подняли кабину времени. Он подумал: как странно, прошло больше сорока лет, а мне он показался старым, хотя был моложе меня...

Матвей Сергеевич откинулся назад.

Все в вертолете молчали.

Наконец полковник Минский спросил:

— Перемещение получилось?

— Получилось, — ответил директор.

Он должен был запомнить, думал Матвей Сергеевич. Он не может не запомнить эту встречу. Теперь ему станет легче терпеть лишения. И по мере того, как будут сбываться предсказания незнакомца, он поймет и поверит...

Вернувшись в Москву и вновь включившись в упорную работу, Матвей Сергеевич был счастлив.

Он знал, что если ему выпало сделать в жизни хоть одно доброе дело, то он его сделал.

Он знал, что теперь, пускай с улыбкой, пускай с долей недоверия, Ларин будет вспоминать странного человека на тропе и его предсказания. И пусть не до конца, но все же научится верить в собственное доброе будущее.

Академик Ползунков был счастлив.

...После доклада на правительственной комиссии осунувшийся Ползунков пришел на торжественный вечер «Мемориала» в Дом кино. Ларин увидел его еще до начала и обрадовался.

— Куда вы пропали? — сказал он. — Мне вас не хватает. Я привык к вам.

— Вы говорили, что мое лицо вам знакомо. Вы так и не вспомнили откуда? — спросил академик.

— Нет, не вспомнил. А вы?

— А я вспомнил! — торжественно воскликнул академик.

— Тогда признавайтесь, не томите, мне скоро на сцену.

На Ларине был новый костюм и красный галстук. Наверное, из Парижа.

— Помните ноябрь сорок седьмого года, как вы несли на восьмую шахту плакаты?

— Конечно, помню, — сказал Ларин и взглянул на часы. — Я же об этом написал рассказ. Двое повернули назад и погибли, а я... а меня вела Лика. — Ларин смущенно улыбнулся. Он не любил громких слов.

— Помните человека, которого вы там встретили?

— Где?

— В тайге, в конце пути, недалеко от шахты?

— Если там кто и был, я его не заметил — я считал шаги. Это очень помогает.

— Там был я, — сказал академик. — Я был в ватнике. Я вам рассказал про Париж, про то, как вы будете жить потом... после лагеря.

Зазвенел звонок. Ларину было пора на сцену. Он сразу потерял интерес к собеседнику.

— Вы не можете этого забыть! — Академик готов был заплакать.

— И сколько же вам тогда было лет? — спросил Ларин, делая шаг к сцене. — Два года? Три?

Он засмеялся, махнул рукой и ушел.

МОРСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

С утра на город горохом сыпался ветер. Он скатывался с плоской горы, дергал за серые сентябрьские листья коренастые деревья на бульваре, крутил сор вокруг памятника на вокзальной площади и паровозом мчал по рельсам к тупикам, к матросской слободке. Там стояли приземистые, уверенные в себе дома, сушились на веревках, как белье, таранки и зеленели клочки виноградников, распрямившие спину, когда с них сняли гроздья мелких кислых ягод. До виноградников ветер не доставал. Ему мешали высокие заборы. Из-за этих же заборов на самом берегу было тише. Полоса песка и мелких ракушек была густо населена и обжита. Она была заштрихована черными лодками, измазана пятнами сухих водорослей и всякого домашнего сора. Дома задами выходили прямо на берег.

Между лодок семенили жирные белые утки. Они подбирали у воды дохлых бычков и прозрачные шарики медузинок. Дальше, направо, берег загибался и начиналась обтрепанная волнами набережная. Там был город. Сезон кончился, и город больше не прихорашивался и не улыбался северянам. На площади, у главного пляжа, проходили соревнования ДОСААФ на вождение автотранспорта, и на танцах били уже только своих. Ветер пахнул молодым вином. Он набирал этот аромат, пока крутил по городу — на горе никто не жил. Вино давили почти в каждом доме слободки. А прямо во дворы, к домам, подъезжали маневровые паровозы и дышали паром, разгоняя злых, сварливых собак.

Летом в слободку привезли из Москвы фестивальную столовую — громадный брезент, под которым умещались кухня, обнесенная по пояс барьером-прилавком, и несколько десятков голубых столиков. Теперь столовая пустовала, только к часу в нее приходили ребята из слободской школы, которых кормили здесь завтраком, да мы — случайные люди, оказавшиеся здесь в такое неудачное время. Шофер Виктор, жена которого с сыном жила в детском санатории, две де-

вушки из Горловки, которые хотели устроиться здесь на работу или выйти замуж, торговый ревизор Коля, усатый гуцул — инженер из Львова, добывавший кабели на заводе, Лева — человек, который знал много анекдотов и жил в Харькове. Возможно, у него дома были неприятности. Он уверял нас, что у него дома ремонт, а он не любит ремонтов.

Потом, была Нина — врач из Москвы. У нее неудачно выпал отпуск на октябрь, и ей кто-то сказал, что здесь в октябре бархатный сезон.

И я. Я приехал из Африки и очень устал. Я знал, что здесь в это время не должно быть много народа. Я хотел, чтобы было тихо и был свежий, прохладный воздух. Больше, пожалуй, у меня требований к месту не было.

Мы все жили в одноэтажной, сшитой на живую нитку гостинице. Она называлась пансионом. Служащие ее — директор и уборщица Люба — ходили умиротворенные и, казалось, не верили своему счастью. Все лето в гостиницу рвались отдыхающие, номера были переполнены. А теперь большая часть комнат была заперта, а еще через месяц гостиница закрывалась. В ней не было печей, и воздух уходил в щели плохо подогнанных в спешке одинарных рам.

Не знаю, почему я пишу обо всем этом. Я даже не собираюсь рассказывать больше ни о столовой, ни о гостинице, ни о людях, с которыми встретился здесь. Может, запомнилось все так четко потому, что там было хорошо.

Постоянный ветер и холодное солнце, черные лодки у моря, и запах вина, и случайность, непостоянство нашей жизни здесь, и обеды в неуютной столовой, и паровозы — все вызывало приятное, щемящее чувство ожидания чего-то, может, письма, может, встречи.

Мы сидели с врачом Ниной на самом конце причала, к которому пристают рыбачьи катера, и лениво разговаривали. Нина куталась в синий громоздкий плащ, одолженный инженером. Уже начинало темнеть. Мы ждали, когда инженер вернется с завода. Мы купили билеты в кино, а инженер запаздывал.

— Там, в Африке, море такое же? — спросила Нина.

— Такое же.

— И волны такие же?

— Нет. Волны больше. И нет бычков. И уток.

— Тебе надоело море?

— Там надоело. Вернее, не море, не океан, а воздух. Очень устаешь от воздуха.

— Жарко?

— И мокро. Воздух мокрый. Даже ветер с океана. И вечером. И ночью.

— Ты там долго был?

— Три года.

— Посмотри, что плывет?

Среди мелких бестолковых волн прыгало темное пятнышко.

— Не знаю.

— Наверное, поплавок сорвало.

— У них здесь шары.

— Может, бутылка.

Это была бутылка.

— Ну, расскажи что-нибудь про Африку.

— Нечего рассказывать.

— Надоело?

— Нет, в самом деле нечего рассказывать. Там очень обыкновенно.

— А там есть красивые девушки?

— Негритянки?

— Да.

— Вообще-то есть. Но не совсем то, что ты имеешь в виду.

— И ты там познакомился с ними?

— Да нет, особенно не знакомился.

Это была неправда. Я познакомился с Сузи. Сузи была чертежницей в строительном управлении, в новом секретариате. Я каждый день проходил мимо ее окна. А один раз мы встретились вечером в Стар-отеле. Она была там со знакомым. Но все танцевали «хай лайф», и я тоже танцевал, а когда ты танцуешь «хай лайф», то теряешь через некоторое время партнера и просто идешь по кругу. Поэтому можно сказать, что я танцевал с Сузи. А потом она вышла на веранду, где пили пиво разморенные немецкие туристы. Она стояла у перил, и свет разноцветных лампочек, спрятанных в ветвях мангового дерева, сменялся на ее лице. И она спросила, есть ли у меня машина. Я сказал, что есть. Это была не моя машина, а корреспондента ТАСС, но я ему сказал, что возьму машину, и он сказал, хорошо, потому что не собирался еще уезжать. Я спросил, как же ее знакомый. Сузи сказала, что он и не заметит, что она ушла, и это меня не касается. И мы поехали к океану. Было уже поздно. И не так жарко. Мы шли по щиколотку в теплом песке, и по черному океану бежали белые полосы пены.

— Наверное, все-таки знакомился, — сказала Нина. — Я бы на твоем месте познакомилась.

— Тебе хочется, чтобы я возражал.

— Нет, с тобой нельзя пошутить. Может, пойдем, а то опоздаем. Мы оставили билет в гостинице.

Когда мы спустились с мостков, почти совсем стемнело, но я сразу увидел, что бутылку прибило к берегу.

— На что она тебе? — спросила Нина.

— Так просто.

— Тогда зачем подбирать? Ты что, думаешь, корабль терпит бедствие?

— Может быть.

— Она запечатана?

Нина заглянула мне через плечо.

— Смотри, — удивилась она, — в самом деле запечатана. Может, в ней есть записка?

— Нет, — сказал я, — нет никакой записки.

— Тогда брось ее. Она грязная!

Это была не та бутылка, которую я кинул полтора года назад в Гвинейский залив. Даже в темноте я не мог бы ошибиться. Та бутылка была из-под виски. Мы тогда развели костер на песке и случайно нашли кусок вара. И Сузи сказала, что можно отправить бутылку в путешествие и пусть она расскажет о нас кому-нибудь. Мы вылили в стакан остатки виски и написали записку. А потом заткнули бутылку пробкой и залили варом. Бутылка же, которую я поднял с морского песка, была темной и тяжелой, будто из-под шампанского. Горлышко облито сургучом и обросло зеленой шерстью — бутылка давно плавала по волнам.

— Сколько времени? — спросила Нина, которая потеряла интерес к бутылке.

— Ты иди вперед, — сказал я. — Я тебя догоню.

Нина словно ждала такого предложения. Она неуклюже побежала вверх по сыпучему песку.

В бутылке что-то было, но не разглядишь в сумерках. Следом за Ниной я поднялся к домам и дошел до первого фонаря. Я не знаю, почему я сказал, что там нет записки. Будто заранее знал, что Нине не надо этого знать.

Я поднял бутылку к свету. Ничего не видно. Я поскреб по стеклу обломком раковины, удаляя мох водорослей.

Что-то маленькое, как мышь, шевельнулось в бутылке.

Я не испугался. Я был к этому внутренне готов.

Потом некто, заточенный в бутылку, зажег фонарик и стал им размахивать, торопя меня.

И тогда я увидел, как свет фонарика отражается в его красных глазках.

Даже в маленьком, пугала в нем шустрость, энергия, не утихшая за две тысячи лет, и махонькая пока злоба в глазках.

Да, подумал я, открою я бутылку, освобожу тебя. И стану всесильным. И стану твоим господином и рабом. И кончится этот негромкий и простой мир приморского городка. И я неизбежно превращусь в игрушку в руках сильных мира сего, которые будут бороться за право владеть джинном и губить людей. Либо стану губить их сам. И милую педантичную Нину, и инженера из Львова...

Я знал, что в конце улицы есть глубокий колодец.

Джинн раскачивал бутылку и звонко бился внутри. Он догадался, что я его не освобожу. Мне даже казалось, что его комариный голос проникает сквозь толстое стекло.

За пятьдесят шагов до колодца мне многократно пришлось одолеть соблазн величия. К счастью, я маленький человек, и я более боялся, чем желал этого величия.

Я кинул бутылку в колодец, не заглядывая больше в нее.

Из колодца блеснуло зеленым светом. Громко плеснула вода.

Стало тихо и спокойно.

Нина с инженером ждали меня у кинотеатра. В пустом зале, пока не потушили свет, Нина рассказала инженеру, что мы нашли бутылку, в которой была записка.

— Ну подтверди, подтверди! — требовала она.

— Была записка, — сказал я.

— И где же она? — спросил инженер.

— Я ее съел.

Мы все засмеялись, и тут начался журнал «Новости дня».

ЧАС ПОЛНОЧНЫЙ

Телевизор произнес сердитым голосом:

— Ушкин, ты что, новости смотреть не хочешь?

— Хочу, — отозвался я. — Только доем и приду.

Телевизор немного помолчал, затем возразил:

— Потом доешь.

— Потом остынет.

— Не пойдешь меня смотреть, сообщу. Ты меня знаешь.

Я проклял его последними словами, вышел из кухни в комнату к этому ящику.

В самом деле начинались последние известия.

Сначала международные новости: наши оставили Томск, но взяли почти весь Симферополь. Жуткая резня белых в ЮАР.

Вел программу экстрасенс Калюженко. Парфен Калюженко. Он все время пялил глаза, чтобы я не заснул. Я был не такой голодный, чтобы спать. И не такой сытый. В самый раз для телевизора. Потом показали, как жгут ведьму на Сахалине. Их там много развелось от радиоактивной воды. Ведьма сопротивлялась и предлагала себя в рабыни всем желающим. Но больше оказалось желающих поглядеть на ее агонию. Я обернулся к Василию. Василий не смотрел на экран. А там показывали чудо-ребенка, который испепелял взглядом всех желающих. Желающих не нашлось — привезли заросшего бородой седого демократа из тюрьмы, и ребенок его удачно испепелил. Потом пошли внутренние новости: конференция телепатов, которые молчали — обменивались неслышной информацией. Диктор тоже не знал, о чем они говорят. Потом показали дискуссию двух прорицателей, первый обещал землетрясение в Москве шестого сентября, а второй — извержение вулкана на Тверской примерно к концу июля. Мне стало жалко Тверскую. Потом показали, что делать со скепти-

ком, если попадется в руки. Оказывается, сначала надо отрубить ему правую руку, потом левую, а если он не будет сопротивляться, то и голову. В студию привели скептика — внучатого племянника какого-то атеиста — и стали отрубать ему правую руку. Племянник, совсем еще юный, бился и вопил. Все хлопали в ладоши. В конце показали новости культуры. Премьеру телевизионного театра миниатюр «Сон в летнюю ночь». Там плясали сильфиды, обнаженные, но, как требуют приличия, в чадрах. В конце астрологи супруги Догробы дали прогноз погоды и жизни на завтрашний день. Они объяснили мне, что до десяти тридцати я не должен надевать носки, желательно идти на службу босиком, но не замочить левую пятку. В двенадцать двадцать меня ждет неблагоприятная встреча, от которой я должен спрятаться под столом, домой мне следует возвращаться ползком и ничего не есть на ужин. Мне показалось, что Василий вздохнул, хотя этого быть не могло. Мне очень хотелось выключить телевизор, но он не дался — отъехал в дальний угол и бил меня маленькими голубыми молниями. Так что мне пришлось смотреть на пиршество вампиров, которые господствуют на второй общероссийской программе. Сначала они всем племенем сосали кровь у хорошенькой дикторши, пока ее не погубили, а затем перешли на малышей из капеллы мальчиков.

Только я обрадовался, что передача кончается, как телевизор сам переключился на московскую программу и известный колдун начал рассказывать, как избавиться от тещи, не оставляя следов, а затем другой такой же демонстрировал приготовление приворотного зелья из разных трав и пресмыкающихся.

После учебного часа началась комедия из жизни нечисти, телевизор стал сам по себе сыто похохатывать и забыл обо мне. Я отступил от экрана и тут-то услышал, как кто-то скребется в дверь.

Давно никто не скребся ко мне в дверь, с тех пор, как меня покинула графиня Нечипоренок. Я подошел на цыпочках к двери. Там продолжали скрестись и постукивать.

Я подумал, что это может быть нечистая сила, сбежавшая с экрана. Теперь ее немало и в городе.

С тех пор как кончилась бумага для газет и книжек, как закрылись за ненадобностью школы, а за нехваткой электроэнергии театры и филармонии, вся сила перешла в руки телевидения. Мне еще повезло — у меня телевизор попался старый, ленивый, увлекающийся. Он разрешал мне спать и даже выключался, пока я ужинаю или завтракаю. У других телевизоры новенькие, шустрые и ужасно строгие. Ни на секунду не дают себя выключить. А если выключишь — бьют током...

Я подошел вплотную к двери и спросил шепотом:

— Кто там?

— Это я, — прошелестело в замочную скважину. — Откройте и впустите. Мне опасно оставаться на лестнице. Могут увидеть.

— А не врете?

— Честное слово.

Я приоткрыл дверь. В дверь вполз человек, накрытый серым одеялом. Сразу и не догадаешься, что человек. Сразу решишь, что ползет одеяло — мало ли зачем ему надо ползти. Теперь по улицам кто только не ползает. Все равно жрать нечего.

— Заходите, — сказал я, потому что хорошо воспитан. Мою маму сожгли на костре за то, что не хотела летать на шабаш, всего шесть лет назад, и я не успел забыть все, чему она меня учила.

— Нельзя. Я не хочу, чтобы он меня увидел, — прошептал в ответ мой гость. — Вы лучше пойдите и включите его на полную громкость. Тогда он нас не услышит.

Я пошел, включил телевизор на полную громкость. Теперь он нас не услышал бы, даже если бы мы стали кричать.

Человек откинул одеяло. Он был куда старше меня, лысый, глаз подбит, один ус меньше другого, седина на висках.

— Разрешите представиться, — сказал он. — Яков Мяков, начальник телевидения.

— Как же, — сказал я, — помню. Вы недавно интервью давали — представляли новую поросль вампиров спортивной редакции.

— Тишше! — умолял Яков Мяков. — Они везде. Они следят... Я вынужден притворяться, что и сам верю в черную и белую магию.

— Но у меня нечисти не бывает, — возразил я.

— Вот именно!

Яков Мяков сидел на корточках, прижавшись спиной к вешалке.

— Перейдем в санузел, — приказал он. — Он у вас совмещенный? Да? Пускайте воду в ванну.

В Якове Мякове, несмотря на его трагическое положение, было что-то полководческое.

Только я закрыл дверь в санузел, как в вентиляционном стояке зашуршало, решетка вывалилась и упала на пол, а из отверстия показалась черноволосая головка спортивной комментаторши Жанны Акуловой.

— Вот мы и в сборе, — сказал Яков. — Начнем совещание.

— Ко мне гости так не ходят, — заметил я.

— И давно у вас были гости? — спросила сверху Жанна.

— Вы же знаете, теперь никто никуда не ходит.

— Именно это нас к вам и привело, — сказал Яков Мяков.

Клубы пара поднимались из ванны и скрыли лицо Жанны.

— Прыгайте вниз, — сказал я ей.

Мы с Яковом вытянули ее из трубы и поставили на пол. Жанна оказалась легкой, гибкой и упругой. Это мне понравилось.

— Нам нужна ваша помощь, Ушкин, — сказал Яков Мяков. — Власть на телевидении захватили черти, вампиры, астрологи, прорицатели, упыри и прочая нечисть.

— Завтра они покорят все государство, — добавила Жанна.

— Согласен, — сказал я. — Рад бы не смотреть на эту мразь, да телевизор сердится. Он у них на службе.

— Да, многие жалуются, — вздохнул Яков. — Вчера у президента в спальне вампирчика нашли. Пришлось кровь переливать.

Жанна всхлипнула. Она схватила меня за пальцы и крепко держала. Пар все плотнее заполнял санузел.

Мои гости словно плавали в тумане.

— Нормальные люди лишены власти и здравого смысла, — продолжал Яков Мяков. — Страна впала в ничтожество. На площадях пылают костры, вампиры безнаказанно пьют кровь в детских домах и даже губят новорожденных младенцев, ведьмы готовят ветчину из подающих надежды юношей, а русалки сексуально измываются над подростками.

— И это тоже на телевидении? — удивился я.

— Это за пределами, — быстро сказала Жанна. — Можно сделать воду попрохладнее?

Я согласился с Жанной и сделал воду не такой горячей.

Яков Мяков между тем страстно продолжал:

— Не сегодня-завтра рухнут последние остатки цивилизации. И тогда мир вернется в первобытное состояние.

— Мы сами виноваты, — сказала Жанна Акулова, глядя на меня черными глазами.

— Конечно, вы сами, — согласился я. — Я же помню, как это начиналось. Сначала вы проводили какие-то астрологические беседы, потом с экранов начали пялиться и вещать экстрасенсы и прорицатели, затем появились первые колдуны...

— Не надо, не надо! — прервал меня Яков Мяков. — Все это было до того, как меня назначили на пост начальника телевидения...

— В тщетной надежде, — подхватила Жанна, — остановить поток мистики и чернокнижья.

— Я был осажден в моем кабинете, — вздохнул Яков Мяков. — И даже сегодня я выбрался из него по веревочной лестнице.

— Которую я пронесла под юбкой, — объяснила отважная Жанна.

— Вы должны нам помочь! — воскликнул Яков Мяков, бросаясь мне в ноги.

Сделать это было трудно, потому что в моем стандартном санузле три человека размещаются с трудом, и если один из них начинает бросаться в ноги, то остальным приходится прижаться к стенам. Жанне пришлось даже взобраться на унитаз, и я разглядел, какие у нее стройные ноги.

— Как я могу помочь? — удивился я.

— А вы когда-нибудь задумывались, почему у вас в доме нет ни одного вампира или астролога? — спросила Жанна.

— Ни одного инопланетного пришельца или экстрасенса! — добавил Яков.

Он поднялся с пола, а я помог Жанне сойти с унитаза.

В полуоткрытую дверь заглянул Василий, но я шикнул на него, чтобы он вернулся в комнату, к телевизору, а то тот заметит мое отсутствие.

— А в других домах? — спросил я.

— Не валяйте дурака, Ушкин! — рассердился Яков Мяков. — Ваш дом в Москве единственный. И вы знаете, почему вас избегает нечисть!

— Нет!

— Нет, знаете!

Я не успел вновь возразить, как почувствовал щекой прикосновение горячих губ Жанны Акуловой.

— Милый, — шептала она, — подумай о детях с выпитой кровью, о жертвах полтергейста, о людях, замученных привидениями, утопленных русалками, обманутых экстрасенсами, разоренных гадалками! О тех, кто боится прийти в свой дом и скрывается в лесах. Подумай о будущем человечества, которое уже вынуждено отказаться от воздушных сообщений, потому что самолеты мешают летучим ведьмам, и закрыло школы, так как скопление детей привлекает толпы вампиров!

— Но как? — спросил я, растроганный доверием, которое мне оказывали такие важные люди.

— Так же, как ты сделал это у себя дома. Но только ты должен сделать это на телестудии в Останкине — центре, где гнездятся, размножаются и откуда распространяются по всей Москве, по всему миру эти твари!

— Когда? — спросил я. Мне хотелось отсрочки. Мне было страшно.

— Сегодня, — сказал Яков Мяков. — Сегодня они все собираются в телецентре, чтобы назначить решительное наступление на людей.

— Может, завтра?

— Дорогой! — Жанна жарко обняла меня. — Если ты совершишь подвиг, я твоя!

— Но я не из-за этого, — обиделся я. — Еще чего не хватало!

Яков Мяков тонко улыбнулся, полагая, видно, что победил.

Часы пробили девять тридцать.

Мы не стали говорить телевизору, что уходим. Почти наверняка нечисть уже подключилась к нему. Мы взяли мой рыжий чемодан. Мы уходили по крыше — через чердак, затем между труб и телевизионных антенн. Когда мы спускались по пожарной лестнице в районе Маломосковской, нас заметил какой-то астролог, стоявший в халате на крыше соседнего дома и глядевший на звезды. Уже спустившись на асфальт, я увидел, как он, подобрав полы халата, несется к телефону-автомату.

Яков Мяков хотел его догнать и придушить, но возобладала точка зрения Жанны, которая предложила нам бежать дворами до развилки, а там между домами за кинотеатром «Космос».

Если нас и видел кто из нечисти, когда мы совершали этот маневр, мы этого не заметили. Мы углубились в заросшие тополями и осинами дворы между новых домов. Кое-где еще горел свет, и я мельком увидел на первом этаже экран телевизора, с которого грозно смотрел на зрителей бритый йога, на плече его восседала поющая тенором ворона.

Мы бежали, передавая друг другу чемодан, мы устали. Под ногами хлюпал мягкий мокрый снег.

Первый тревожный сигнал мы получили, когда вышли на улицу Королева и увидели далеко впереди огни телецентра. Похожее на светящуюся медузу привидение выплыло из-за угла и замахало короткими конечностями, чтобы испугать нас до смерти. Испугать нас оно не могло, но зрелище было отвратительным. Сколько я этих привидений перевидал, а никак не могу привыкнуть.

Мои спутники плюхнулись в снежную жижу и дальше ползли рядом со мной — у них не выдерживали нервы. Я бежал, тащил чемодан, отмахивался от привидения, вызвавшего на подмогу летающего экстрасенса, который вился надо мной и делал пассы.

Яков Мяков полз впереди и все забирал левее.

— Через главный вход нам не пробиться! — крикнул он. — Гляди, они все перекрыли! Испугались, сволочи!

И в самом деле, у главного входа происходило мельтешение фигур и блеск каких-то предметов или фонариков. Жанна попала в глубокую лужу, и я вытащил ее. При этом еще раз убедился, что у нее очень красивые ноги.

— Ск-колько времен-ни? — спросила она, стуча зубами.

— Без двадцати двенадцать, — сказал я.

— Они постараются остановить время, — сказал Яков Мяков. Он улегся в снег и был почти незаметен. — Но на Спасской башне у нас стоят пограничники, славные ребята, безработные, их так просто не возьмешь.

Толпа от главного входа неслась к нам. Хоть и было темно, под светом редких тусклых фонарей мне были видны оскаленные пасти вампиров и светящиеся глаза Наблюдателей за летающими тарелками.

— А теперь за мной!

Распрямившейся пружиной начальник телевидения, надежда демократии, вскочил на ноги и кинулся к незаметной дверце в здании технических служб. Мы побежали за ним.

Наш рывок был неожиданным для нечисти, и мы успели захлопнуть за собой и запереть на засов дверь быстрее, чем они нас настигли. Дверь сотрясалась от ударов и воплей, но мы уже бежали по коридору.

Через десять минут, миновав подземным переходом улицу, мы

побежали к пожарной шахте, ведущей на второй этаж, к кабинету Якова Мякова.

Первым по шахте карабкался Яков. У меня перед глазами все время двигались красивые ноги Жанны Акуловой. Чемодан оттягивал руку.

— Все в порядке, — сказал Яков.

Мы вылезли в коридор и бросились к его кабинету. Но, как назло, на ручке двери дремал маленький чертенок, из тех сволочей, что используются мафиозно-потусторонними кланами.

— Ага! — пискнул чертенок и отпрыгнул прежде, чем Яков Мяков успел его поймать. — Донесу, донесу, донесу!

Жанна кинулась за ним по коридору, да разве угонишься?

Яков Мяков отпер дверь к себе в кабинет.

Впрочем, он мог бы и не трудиться, не запирать его. На диване вальяжно возлежала обнаженная прорицательница с книгой судеб, раскрытой на середине, и курила кальян, две старые цыганки играли в карты-тарроты на полу у стола, рядом с монитором корчился корень мандрагоры.

Яков прошел к селектору. Включил его.

— Центральная? — спросил он. — Отвечайте!

На мониторе появилось взволнованное лицо моей любимой дикторши Танечки.

— Мы держимся из последних сил! — воскликнула она. — Где же обещанная помощь?

Тут рука скелета вошла в кадр и зажала белыми пальцами ротик дикторши, которая потеряла сознание.

— Сколько времени? — спросил Яков.

— Без восьми двенадцать, — ответила Жанна Акулова. Она заметно дрожала.

— У нас нет иного выхода, как бежать в первую студию!

— Они могут отключить энергию, — предположил я.

— К счастью, они неграмотны и совершенно не разбираются в технике. Они даже полагают, что науки и техники не существует. Что свет горит сам по себе... — и Яков Мяков сдержанно засмеялся, хотя ему было совсем не смешно.

Меня не радовала перспектива снова бегать по коридорам, наполненным нечистью, но я видел свой долг в том, чтобы помочь родине вернуться к нормальной жизни. Семьдесят пять лет мы жили под властью оборотней, которые звали себя коммунистами, затем, после короткого периода демократии, снова угодили под власть оборотней — теперь уже настоящих. И они плодятся и плодятся, благоденствуя, как паразиты, на наших суевериях, страхах и надеждах. Недаром больше всего этих астрологов, экстрасенсов, прорицателей и вампиров крутится возле больниц — чем хуже человеку, тем лучше всякой кашпировщине...

Мы шли по коридорам телецентра, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Вот шагает начальник Яков Мяков, смирившийся с тем, что власть захватили упыри, вот идет обаятельная худенькая Жанна Акулова с новым мужественным поклонником, который несет в руке чемодан... Нас обгоняли сотрудники, каждый спешил по своим делам. Ведь на телевидении должны работать обычные люди, иначе остановятся машины, потому что нечисть не знает, как устроен паровоз. Навстречу нам шел черт высокого разряда, его ветвистые рога нависли надо лбом. Рядом с ним, оживленно щебеча, семенила пожилая брюнетка Джуна, за которой хвостом бежали телохранители, порой открывавшие беспорядочную стрельбу. Поэтому нам приходилось перешагивать через трупы.

Мы уж решили было, что доберемся до пульта без приключений, но нечисть нас обманула.

Как только Яков Мяков открыл дверь, на нас со всех сторон накинулись упыри и астрологи, вампиры и вервульфы, хищные русалки и предсказатели с желтой ватой в волосатых ушах. Руководила засадой гнусного вида ведьма, которая не вылезала при этом из ступы и за неимением метлы размахивала половой щеткой.

Нас скрутили и поволокли на сцену, над которой сохранилась еще вывеска «Радуга народного творчества».

— Пускай все видят! — завопила ведьма. — Включите все программы! Вы меня слышите?

— Слышим, — грустно отозвались подневольные операторы и режиссеры.

— Включить систему Интервидения и Евровидения! Включить вольный город Брест! Пускай весь мир видит, что мы делаем с предателями и врагами великого мистического братства.

С правой руки на мне висела молодая русалочка, от которой сильно пахло тухлой рыбой, слева меня держал оборотень, который то начинал превращаться в волка, то спохватывался и вновь принимал человеческие черты.

Зажглись мониторы.

— В студии тишина! — закричал астролог из известной банды, которая по выходным дням выходила грабить интуристов на большую Смоленскую дорогу.

Ведьма грохнула ступой по сцене. Юпитеры повернулись к нам ослепительными рожами. Я знал, я чувствовал, что студия буквально набита нечистью, которая сбежалась торжествовать гибель последнего человеческого начальника телевидения, несгибаемой Жанны Акуловой и меня — скромного оплота трезвых сил в мире безумия.

— Ровно в полночь, — вопила ведьма, — под моим руководством на глазах миллиардов телезрителей мы коллективно растерзаем эту зловещую троицу!

Оставалась минута...

Жанна смотрела на меня.

— Как жаль, — сказала она тихо, — как жаль, что мы встретились так поздно.

— Мы еще посмотрим, — возразил я.

— Господа, товарищи, граждане! — закричал Яков Мяков, который и в такой момент оставался отважным и несгибаемым демократом. — Торжество темных сил ирреальности недолговечно! Люди победят! Вы все провалитесь в свои тартарары!

— Кончай их! — завопил возмущенный зал.

Громко и гулко ударили часы. Первый удар...

И тут под рев набегающей толпы я приподнял руку с повисшей на ней русалочкой и шмякнул этой русалочкой по голове оборотня, который вцепился в нее волчьими зубами.

Я отпрыгнул назад.

Я наклонился и открыл застежки чемодана.

Почуяв неладное, на меня накинулись вампиры, упыри и астрологи...

Но было поздно.

Часы ударили второй раз, третий, четвертый...

Василий, выпущенный из чемодана, взлетел на какую-то перекладину и громко, во всю свою мощную глотку закричал:

— Кукарекуууу!

Как громом пораженные, замерли вампиры, поникли русалки, ахнули лешие, задрожали экстрасенсы...

Пять, шесть, семь...

— Кукарреку! — торжествующе звучала победная песня Василия.

Мой герой и друг надежно охранял мою квартиру от нечисти, которая как смерти боится петушиного крика... Теперь пришла очередь телевидения и всей моей прекрасной страны.

Восемь, девять, десять, одиннадцать...

— Кукаррреку! — в третий раз запел петух.

И все они исчезли — и ведьмы, и прорицательницы, и гадалки, и колдуны, и упыри, и водяные, и кандидаты медицинских наук...

В зале было гулко и слишком пусто... Золотая заколка старенькой гадалки-акушерки блестела на полу.

Кто-то робко захлопал в ладоши. Наверное, кто-то из техников.

Жанна обернулась ко мне и спросила:

— Вы что делаете завтра вечером?

— Что прикажете, то и сделаю, — ответил я.

Петух слетел ко мне на плечо.

— Не переоценивайте своих достижений, Ушкин, — строго сказал Яков Мяков. — Борьба только начинается. Нечисть практически неистребима.

ОДНА НОЧЬ

За этот день я безумно устал.

Еще на рассвете проводник заставил меня покинуть уютную каюту «Гиацинта», который мирно покоился на спящей воде залива. Одевшись тяжело и неудобно, чтобы защитить себя от гадов, таящихся в зарослях, мы отправились в путь, чтобы пересечь Пустошь до жары.

Первые два часа оказались самыми легкими, но я тогда об этом не знал и проклинал стужу, сухие кочки, каменные россыпи и сладкую пыль. По-настоящему трудно стало, когда солнце поднялось повыше и в несколько минут раскалило воздух, разбудив мириады злобных мошек и зубастых змей.

Мы успели спрятаться в тень леса как раз в тот момент, когда закипела кровь в жилах, но это не значило, что в лесу было значительно легче. Там было сумрачно, от болота поднимался пар. Телохранители, высланные нам навстречу Господином Тумана, шумные и бестолковые, подняли зверя, схожего с медведем, и погнали его. Мой проводник боялся, что, оставшись без охраны, мы станем добычей каких-то карликов леса, которые, к счастью, не появились, и я до сих пор не знаю, как они выглядят и что делают со случайными путниками.

Телохранители догнали нас уже на подходе к Городу Тумана. Медведя они не убили, но громко хвастались тем, как могли бы его убить.

Телохранители были вооружены грубо изготовленными пистолетами и замечательно сделанными арбалетами. У городских ворот они подняли страшную стрельбу, будто на город наступала вражеская армия. В ответ городская стража тоже кричала и стреляла. К счастью, никого не убили.

Господин Тумана выехал навстречу мне из своего дома — глинобитного двухэтажного сооружения на берегу грязного пруда. Могучий конь покачивался под неподъемной ношей — сам Господин весил килограммов сто пятьдесят, да и золото, которым он был увешан, как рождественская елка, тянуло не меньше.

При виде меня Господин спрыгнул с коня, и я могу поклясться, что земля дрогнула и с ближних домов посыпалась штукатурка.

— Я счастлив! — сказал Господин. — Я ждал этого момента всю мою жизнь.

Я думал, что он спутал меня с комиссаром, но Господин отлично разбирался в тонкостях галактических отношений.

— Как здоровье драгоценнейшего комиссара? — спросил он, сжимая мою кисть в пухлых горячих ручищах. — Хорошо ли он перенес дальнюю дорогу? Не занемог ли он?

— Комиссар здоров, — ответил я. — Чего желает и вам. Он выслал меня вперед, чтобы по правилам вежливости предупредить о своем приезде. Он просит, чтобы к его приезду не было никаких особенных

приготовлений. Комиссар желал бы поселиться в тех же условиях, в каких обитают жители вашего государства.

Господин Тумана огорчился. Он объяснил мне, что всегда подозревал, что завистники и недоброжелатели нашли путь к благородным ушам драгоценного комиссара и нашептали злобные наветы на Государство Тумана.

— Ни в коем случае, — ответил я, поднимаясь по неровным кирпичным ступенькам в дом Господина. — Комиссар всегда и на всех планетах, куда он прилетает для переговоров, просит не предпринимать никаких специальных усилий ради его скромной персоны.

— О нет! — Господин был возмущен. Господин воспринимал мои слова как намек на свою отсталость. Звеня браслетами, Господин заявил, что и он, и его подданные сделают все возможное, чтобы загладить проступок. Глаза его покраснели, на полных щеках образовались малиновые жилки.

Я сказал, что желал бы, приведя себя в порядок с дороги, оговорить с Господином некоторые вопросы, которые подлежат завтрашнему обсуждению. Господин сам проводил меня в апартаменты, выделенные для посланца комиссара. В дверях меня встретила милая девушка, она настойчиво смотрела на меня и щурилась. Я догадался, что она близорука, но не знал, носят ли здесь очки.

— Я никогда еще не видела инопланетян, — сказала она. — У нас так много о вас говорили, и мне было трудно поверить в то, что вы так похожи на людей.

— Это зависит от точки отсчета, — сказал я. — Например, моя мама с самого рождения считала меня человеком, а вас — инопланетянкой.

— Чувство юмора свойственно разумным существам, — неожиданно сообщила мне серьезная девушка. — На вашем месте животное не стало бы шутить.

— А чем вы занимаетесь? — спросил я.

— Сейчас разговариваю с вами.

— Я ни на секунду не ставил под сомнение ваше чувство юмора.

— Я художник. Я исторический художник.

— Вы изучаете старых художников?

— Ах нет! Вам не понять! Я сама — старый художник.

— Потом я пойму? — спросил я.

— Потом вы поймете.

Другая девушка выбежала на лестничную площадку откуда-то из темного коридора.

— Что ты делаешь, Лиина? — пропела она сердито, словно не замечая меня. — Нас ждут.

— Прости, — сказала Лиина.

Она посмотрела на меня, прищурившись более обычного.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Когда я вас увижу? — спросил я ее вслед.

Девушки уже убежали. Мне еще долго казалось, что я слышу сухое шуршание материи, схожей с шелком.

Оказалось, что я не заметил, как она была причесана и одета. Видно, она слишком быстро исчезла, я больше слушал, чем смотрел.

Покои, отведенные мне, были скромны и скудно обставлены. Очевидно, здесь никто не жил, комнату берегли для гостей. Густой паутиной затянуло темные углы и провалы между подушками на диванах. Никому не пришло в голову вытереть пыль со стола и подмести пол. Я прошел к небольшой двери, за которой, как надеялся, располагался туалет. От каждого моего шага небольшие клубы пыли поднимались с ковра.

Умывальник, представлявший собой неглубокий керамический чан, был пуст и пылен. Никакого крана к нему не вело.

Пожалуй, если этот Господин так же встретит комиссара, его ставка на галактическую помощь бита. Неужели он этого не понимает? Не сам комиссар ему страшен — тот может и не обратить внимания на афронт, зато свита, советники и референты — мои дорогие коллеги не преминут сделать выводы. Никакой комиссар не переспорит своего штаба...

Пока я стоял посреди тесной туалетной комнаты, послышался грохот несущегося ко мне стада носорогов.

Я с опаской выглянул в большую комнату и увидел, как туда вбежала бригада тяжело вооруженных водопроводчиков или подобных им существ. Они тащили дымящийся котел с кипятком, а следом за первой бригадой водопроводчиков прибежали рабы или вельможи с щетками, швабрами и тряпками. Отшвырнув меня в угол, эта толпа занялась приведением в порядок моей опочивальни, отчего я чуть не задохнулся от пыли, будто снова очутился на Пустоши.

Я еще не успел прийти в себя, как всю эту братию как корова языком слизала. Я стоял посреди чистой комнаты, хлопья пыли медленно опускались на диваны, чтобы занять свои законные места, а из ванной тянуло густым паром.

И тут вошел Господин Тумана, разодетый, как на Похороны Початка — главный здешний праздник. С удовольствием обозревая мои покои, он произнес:

— А вас, как я погляжу, недурно устроили.

Он был фанфароном и демагогом. И хоть здесь митинги строго запрещены, я отлично представил его на трибуне митинга, выступающего за права матерей-одиночек либо отцов-алиментщиков и связывающего их судьбу с судьбами вселенской демократии.

— Спасибо, — сдержанно ответил я. К счастью, я не дипломат и в мои задачи не входит утряска, увязка и сглаживание углов. — Но я не понимаю, зачем надо было проводить уборку в моем присутствии.

Господин печально улыбнулся.

— Ни на кого нельзя положиться, — сообщил он мне доверительно. — Когда дама Лиина сказала мне, что вы проследовали в опочивальню, я решил проверить, все ли готово. А мне сообщили, что скоро будет готово... Они, видите ли, решили, что вы приезжаете завтра!

И этот мерзавец рассмеялся, полагая, что провел меня.

— Лиины здесь не было, — сказал я.

— Дама Лиина видит сквозь стены, — сказал Господин, не скрывая издевательской усмешки. — Она уже далеко, но видит вас.

— Хорошо, — сказал я, стараясь сократить встречу, ведь я так и не успел умыться. — Первое, о чем мне хотелось бы вам сообщить...

— Не надо, не сейчас! — Он выставил перед собой короткую пухлую руку и растопырил пальцы, словно намереваясь собрать в горсть мое лицо. — Мы все обсудим после ужина.

— Но один вопрос... — настаивал я.

— Только коротко. Потому что вам хочется умыться.

— Меня, конечно же, не смущают такие апартаменты. — сказал я. — Но завтра приедет комиссар, один из наиболее уважаемых...

— Мы постараемся не ударить в грязь лицом, — сказал Господин. — *Скоро начнется подготовка. Вот именно.*

Он не хотел со мной говорить. Он таился... Впрочем, я не намеревался тешить себя надеждами на свою особую проницательность — известно немало смешных, а то и трагических случаев, когда самомнение авторитета из Галактического центра дорого обходилось окружающим. Какие обычаи и неведомые мне законы скрываются за усмешкой Господина?

— Будет построен замок. Или дворец. Мы нашли рисунки, привезенные с Земли. Мы надеемся, что земной дворец достаточно престижен для самого комиссара.

— Это лишнее, — сказал я. — Дворец — жилище короля.

— Лишнего не бывает. Когда речь идет о встрече такого человека.

Господин был доволен моей реакцией. Ему удалось меня удивить.

— Вы хотите посмотреть на чертежи? — спросил он. — Они уже готовы. Разумеется, не окончательные, но настоящие чертежи.

Я не успел ничего ответить, как Господин направился к выходу. От двери он обернулся и заявил:

— Через час вас ждут в моем рабочем кабинете. Там мы все увидим и все обсудим.

К счастью, вода в ванной — чане, в котором я смог поместиться, присев на корточки, — еще не остыла. К сожалению, они еще не изобрели мыла, а я не догадался взять его с собой. Вместо мыла они употребляли желтую скользкую глину. Глина пахла глухим подземельем. И трудно смывалась.

Через два часа меня ввели в кабинет Господина.

Кабинет был чуть больше моей опочивальни, так же устлан коврами, но обжит, завален рулонами бумаги, книгами, а также разного рода холодным оружием зловещего изысканного вида.

За низким письменным столом возвышался трон с резной спинкой. На нем восседал Господин Тумана, уперев взгляд в сидевших напротив него в ряд у стены старцев, облаченных в черные и синие тоги, расшитые геометрическими знаками и буквами.

Коротким выразительным жестом Господин Тумана указал мне место у стола на круглом табурете, и я подчинился. Тут же вошла знакомая мне дама Лиина в сопровождении двух молодых людей с длинными волосами, схваченными золотыми тесемками. Я только тогда подумал, что женские и мужские одежды у них не различаются — те же широкие, до пола тоги, скрывающие фигуру и развевающиеся при ходьбе.

Лиина сказала:

— Ты меня ждал, Господин?

— Мы ждали тебя, — согласился тот.

Лиина и молодые люди коротко поклонились старцам у стены. Старцы игнорировали приветствие.

Лиина развернула рулон, и молодые люди придавили его углы взятыми со стола кинжалами. На метровом квадрате бумаги был изображен сказочный замок — творение гения Перро или скорее даже Гауфа — в нем сочетались элементы готики и восточной архитектуры в понимании ископаемого европейского эстета.

Высокие башни с коническими, чуть выгнутыми крышами поднимались над стенами, усеянными бойницами и узкими стрельчатыми окнами, — неясно, зачем нужны стены, если ты тут же пронзаешь их отверстиями. Ворота, арки и калитки у подножия стен и башен также были изысканны и капризны.

Скорее это было не архитектурное, а кондитерское произведение — гениальная фантазия сумасшедшего кондитера.

Господин Тумана склонил голову, снисходительно разглядывая картину, потом перевел взгляд на меня. Я понял, что он уже знаком с проектом.

Старцы в колпаках вытянули черепашьи шеи, разглядывая картину.

В зале было тихо.

— Подойдет? — спросил меня Господин Тумана.

Я собирался пошутить, сказать что-то о кондитерском деле... и тут увидел, что у стены замка нарисованы путники, люди, — и тогда осознал размеры этого чудища. Не надо было прибегать к линейке, чтобы понять — башни замка достигнут в высоту ста метров.

— Это... существует? — спросил я.

Лиина смотрела на меня близорукими глазами — впрочем, что я знаю о близорукости в этих краях?

— Это будет возведено к приезду сюда уважаемого комиссара Галактического центра, — медленно произнес Господин Тумана. Каждое слово падало, как слон об асфальт с десятого этажа.

— Да, конечно, — согласился я, как соглашаются с балованным ребенком.

Вдруг заговорила Лиина. Заговорила уверенно, как хозяйка дома.

— Дело не в том, может это быть построено или нет, — произнесла она. — Дело в том, произведет ли это нужное впечатление на господина комиссара?

— Безусловно, — поспешил я с ответом. — Ничего подобного ему еще не приходилось видеть.

— Он испытывает уважение к нашему народу? — спросил Господин.

Они не шутили. Они попросту сошли с ума и пытались затянуть меня в это помешательство.

— Он испытывает уважение, — тупо повторил я.

Старцы покачивали бородами.

— Тогда мы приступаем к строительству, — сказал Господин. — Хоть нам нелегко будет построить этот дворец за одну ночь.

— За одну ночь?

— Комиссар прибывает завтра днем, — сообщил мне Господин Тумана. Видно, он решил, что я тоже сошел с ума.

Я промолчал. Потому что пришел к странному, но единственно возможному объяснению: строительство замка не является актом реальности, это некое ритуальное действие, подобно детской игре, по окончании которой будет вылеплена модель замка из песка и все начнут хлопать в ладоши, убежденные в том, что замок уже существует.

Не дождавшись моей реакции, Господин продолжил далее, словно все еще отвечал на мой вопрос:

— Подобное действо мой народ не совершал уже более сотни лет.

— Семьдесят три года, — неожиданно произнес басом один из старцев. — Я помню.

— Семьдесят три года, — согласился Господин. — Но тогда это был не замок.

— Нет, — заговорил другой старец. — Это был мост. Это был мост длиной в тысячу локтей через пропасть, которая образовалась, когда опрокинулась от землетрясения гора Малого Льва и Господин Тумана, ваш достойный дед, а также войско его остались по ту сторону пропасти в опасности быть настигнутыми и убитыми ордами Каравака.

— Ордами Каравака! — с отвращением воскликнул третий старец.

— Мы построили мост длиной в тысячу локтей над бездонной пропастью за одну ночь, — сказал Господин Тумана, глядя на меня, — и некоторые об этом помнят.

Я отвел взгляд. Я ничего не понимал, а в таких случаях лучше не смотреть в глаза, чтобы не показаться агрессивным.

— Мы построим за ночь этот дворец, и обставим его, и украсим его коврами и картинами... Убери картину, дама Лиина. Начнешь в полночь.

— Слушаюсь, Господин Тумана, — сказала Лиина.

Она свернула рисунок и передала его одному из молодых людей.

— Тебя не интересует, как это будет сделано? — Господин был несколько задет моей пассивностью. Видно, ему приятней было бы, если бы я катался по полу и кричал, что дворец высотой в сто метров за ночь даже на цивилизованной планете построить невозможно. Не говоря уж о его убранстве и готовности принять первого Гостя из Галактического центра.

— У каждого народа свои обычаи, — ответил я.

— Ты хочешь сказать, что и на других планетах это возможно?

— Не знаю, — сказал я. — Я не бывал на многих из них.

— Ты лжешь! — обиделся Господин Тумана. — Я собрал всех магов и волшебников, всех колдунов и заклинателей моей планеты. — Он ткнул пальцем в сторону скамьи, на которой сидели старцы. Старцы послушно склонили бородатые головы.

— Разумеется, — согласился я.

— Я призвал на строительство шесть тысяч лучших каменщиков, ткачей, художников, камнетесов планеты...

— Разумеется!

— Да перестаньте говорить со мной, как с недоумком! Подойдите к окну!

Он первым дошел до окна и резким жестом раздвинул шторы.

За окном расстилалась громадная площадь, которая спускалась к широкой реке. На площади, собираясь в кучки, готовя пищу у костров, отдыхая, беседуя, подготавливая инструмент, существовало множество людей. Со стороны города и со стороны леса стягивались все новые группы людей.

— Это строители, — сказал Господин. — Они готовы начать.

— Сколько у вас длится ночь? — спросил я все еще в ожидании подвоха.

Господин снисходительно засмеялся.

— Как и у вас, — сказал он. — Как и у вас.

— Мы пойдем, — произнес самый старый из старцев. — Нам тоже следует подготовиться. Наши заклинания и движения должны быть точными.

Старцы по очереди поднимались со скамьи. Их тоги шуршали словно сухой шелк. Они кланялись Господину и мне и мелкими шажками уплывали из кабинета. Я не привык общаться с волшебниками, не знал, как себя вести. Я зеркально кланялся им — стараясь наклонять голову, как они.

— А теперь, — произнес Господин Тумана, — нам принесут пищу и мы будем говорить о пустяках.

Лиина осталась с нами. Мы прошли в соседнюю комнату, где был накрыт небольшой стол. За ним нас уже ждали три жены Господина, его взрослый сын и какой-то вельможа. Кормили нас кашей с приправами — я знал, что на Тумане в высоких домах не употребляют мяса. Потом принесли шипучий солоноватый, не очень вкусный напиток, и Господин сказал, что напиток будет мне полезен, потому что я устал. Мы обсуждали завтрашние дела. Обсуждение было мирным, понятным. Теперь, когда проблема с жильем для комиссара с точки зрения Господина утряслась, он старался выяснить у меня, до каких пределов Галактический центр может пойти навстречу его желаниям. Я старался не сказать лишнего и в то же время показывал, что ничего от него не скрываю. Лиина была печальна. Она вяло ковыряла в своей миске золотой ложечкой и рассеянно прислушивалась к рассуждениям Господина о пользе прогресса. Конец обеда я помню плохо — боюсь, что их зелье меня не взбодрило, а лишь усугубило усталость. Мне было душно, голова кружилась — так хотелось выйти на свежий воздух. Господин Тумана и его семейство — три толстые, так похожие друг на друга жены — проводили меня до выхода и уговаривали пойти поглядеть, как радеют волшебники. Я же не верю в волшебников, потому что на свете действует закон сохранения энергии и ничто не берется из ничего.

Я отказался от провожатых и от охраны — идти было недалеко, а Лиина предложила показать мне дорогу. На это я согласился. По небу неслись быстрые луны, волосы девушки вспыхивали то голубым, то серебряным светом. На улице мне стало легче, но все равно хотелось спать.

Мне было грустно, что я настолько состарился, что могу думать о сне и усталости в обществе такой очаровательной женщины.

— Вы к нам надолго? — спросила она светски, потому что надо было говорить, а она не знала, как говорить с Посланцем Звезд.

— Я надеюсь, что пробуду здесь дня три, — ответил я. — Переговоры займут не меньше двух дней.

— Странно, — сказала Лиина. — Три дня. Из-за этого вся страна идет на такое испытание.

— Это вы придумали такой красивый замок? — спросил я.

— Вам понравилось? — Мой вопрос был ей приятен.

— Никогда еще не видел ничего подобного.

— Честно говоря, если бы я была свободна в своем выборе, — сказала Лиина, — я бы придумала куда более скромное сооружение, как наши старинные дворцы. Такой есть в Старой столице. Может быть, вас отвезут туда, в лес...

— Лиина, — сказал я, — я здесь чужой, и мне не все понятно. Но я знаю одно — нельзя построить такой дворец за ночь. Совершенно невозможно.

— Почему? — удивилась она. — Конечно же, можно.

— Сейчас вы будете говорить мне, что семьдесят три года назад...

— Так этот мост стоит по сей день! Вы можете завтра туда поехать. Это недалеко.

Я был сражен. Я стоял перед стеной. В близоруких глазах этой прекрасной женщины отражались сумасшедшие луны. Она не смеялась. Она в это искренне верила.

— Вы завтра встанете и посмотрите. Он будет виден из окна.

— Конечно, — капитулировал я.

Один раз на нашем пути в щель пересекающей наш путь улицы я увидел площадь, где должно было начаться строительство. Над площадью установили высокие фонари, и люди, маленькие, как муравьи, деловито сновали по ней.

Затем мы миновали темную башню, над вершиной которой дрожало зеленое сияние. Изнутри башни, откуда-то снизу, доносилось низкое утробное жужжание.

— Там мудрецы, — сказала Лиина. — Они готовятся.

— Волшебники?

— Вы их видели. У Господина Тумана.

— А что они делают?

— Они думают... они заклинают. Чтобы все получилось правильно.

— Но если они заклинают, — я постарался призвать на помощь память о сказках моего детства, — зачем тогда все вы? Зачем рисовать проект, зачем собирать каменщиков и землекопов? Зачем все те люди на площади?

Зеленое сияние над башней стало ослепительно белым. Я зажмурился. Когда я открыл глаза, то увидел, как в небо уносится светящийся плазменный шар.

— Глупый, — сказала Лиина с мудростью юной ведьмы. — Разве вам не понятно, что мудрецы не могут делать вещи? Построить дворец должна я сама.

— Как лягушка! — вспомнил я.

— Почему как лягушка? — Возможно, она не знала такого слова, но интуитивно она почувствовала в нем нечто принижающее.

— Это наша сказка. Старая сказка.

— Наш дворец — не сказка! Это очень важно понять!

Стараясь донести до меня всю серьезность ситуации, Лиина даже схватила меня за руку и дергала меня за пальцы в такт словам, словно подчеркивая их значение.

Мы остановились.

— Вот и ваш дом, — сказала Лиина. — Вам надо спать.

Она смотрела на меня с каким-то отчаянием, и ее ногти врезались мне в ладонь. Мне передалось ее состояние. Я не мог расстаться с ней.

— Мы пойдем ко мне? — спросил я.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы вы уходили.

— Как жаль!

— Не уходите.

— Я рада пойти к вам, — сказала Лиина. — Я хочу остаться с вами. Я ждала, но ко мне еще не пришел мой мужчина.

Может, это не было признанием в любви, но как признаются здесь? Во мне кипело смятение, я был во власти невнятности ощущений и рефлексов — я стремился к Лиине, но в то же время она казалась мне бесплотной, прозрачной, недосягаемой...

— У нас нет времени, — сказала она, но в то же время она вела меня к дому, к моим дверям и с каждым шагом все более спешила. — Пожалуйста, мне так нужно...

И тут ударил колокол.

Звон его донесся сверху, с неба, из облаков, мне показалось даже, что от глубины и гулкости этого звучания приостановили свой бег луны и вздрогнула земля. Хватка пальцев Лиины сразу ослабла, будто ее ударили.

Она стояла рядом со мной, опустив руки.

— Что случилось? — спросил я, уже понимая, что случившееся необратимо.

— Мне пора, — сказала она.

— Но мы шли ко мне?

— Поздно.

— Ты придешь к ним потом... когда захочешь.

Слова мои звучали двусмысленно и неубедительно.

В городе происходило какое-то движение — словно на улицу вышли школьники и спешат в школу. Стоит ноябрь, и потому темно.

Она провела пальцами по моей щеке.

— Ты иди и спи, — сказала она. — Утром проснешься, и будет дворец. Такой, какого еще никогда не было. Я придумала его. Ты будешь рад за меня. А сейчас спи, спи... Ты же хочешь спать...

Она словно гипнотизировала меня. Сонливость навалилась на мои глаза невероятной тяжестью. Я готов был улечься и заснуть тут же, не доходя до двери. Лиина помогла мне — кажется, что это было так, — помогла мне войти в дом.

Потом я нашел в темноте свою комнату и в ней, при свете лун, диван, накрытый колючим ковром... Я заснул.

Ничего мне не снилось. И ночь прошла мгновением.

Когда мгновение миновало, я очнулся.

Я лежал, еще не открывая глаз и вспоминая необыкновенный вчерашний день. Он сплетался из перехода через Пустошь, шумного толстого Господина Тумана и похожих на худых ворон мудрецов... И Лиина с ее сказочным и нелепым дворцом. И ночная прогулка, которая завершилась сценой из «Золушки» — впору искать у дверей потерянный ею башмачок.

А как же дворец для господина комиссара? Это не просто пустая выдумка — я вспомнил башню с зеленым сиянием над ней и суету муравьев на площади...

Я поглядел на часы. Половина десятого. Я долго спал.

Я подошел к окну. Шторы были раздвинуты, но за моим окном была лишь пустынная улица с глухими белеными стенами.

Мой дом был пуст, ни звука, ни движения. Обо мне забыли.

В умывальнике осталось немного чистой воды. Я умылся. На ладони были три красные точки — следы ее ногтей.

Я оттягивал выход из дома. Я не знал, что лучше — свершение дворца либо его отсутствие.

Наконец дальше стало невозможно тянуть время.

Я вышел на улицу.

Улица была пуста. Я сделал шаг на мостовую и тут же отступил назад — мимо быстро проехал экипаж, запряженный пони. Створки окошек были наглухо закрыты.

Я пошел по улице туда, где вчера заметил поворот к площади. Мои шаги гулко отдавались в пустоте улицы.

Стена замка перекрывала щель улицы и вторгалась в утреннее небо. Я побежал по улице к площади. С каждым шагом замок вырастал, он был белым, мраморным, легким и изощренно бессмысленным, но если на проекте он казался кондитерским чудом, то сейчас он был громаден и невесом — он был сродни облакам и сверкающим снежным вершинам. Разноцветные стекла перехватывали косые утренние лучи солнца и под причудливыми углами кидали их на площадь.

По мере того как я приближался к замку, занимавшему, как я понял, всю площадь, количество людей вокруг меня все увеличивалось — из домов выбегали зеваки, подтягивались экипажи и путники. У рва, окружающего замок, широким кольцом ожидали чего-то тысячи человек. Вопреки ожиданию толпа была молчалива — от нее лишь исходил легкий шорох голосов.

Меня узнавали и расступались, чтобы пропустить.

Я достиг поднятого моста. Башни вознеслись уже выше возможного воображения — ничего более грандиозного в Галактике я не видел.

Замок был молчалив, ненаселен. Он еще ждал своих обитателей.

Мой мозг требовал объяснения, разум отказывался мириться с тем, что видели мои глаза, и, подходя к замку, я вертел головой в тщетной надежде увидеть Лиину, которая объяснит мне то, что, вернее всего, не поддается объяснению.

Лиины нигде не было.

Толпа колыхнулась — приближались крики и грохот железных колес.

Господин Тумана появился на боевой колеснице. Люди ринулись в стороны, толкаясь и сшибая друг друга — колеса повозки были снабжены острыми шипами.

Он увидел меня сразу. Словно ожидал увидеть именно здесь.

— Впечатляющее зрелище! — закричал он. — Я и не ожидал. Честное слово, трудно вообразить.

Господин спрыгнул с колесницы.

— Теперь приступим к осмотру. Я рад, что вы будете со мной. Это знаменательный момент в истории всего нашего государства. Ведь признайтесь, что мало где такое возможно. А?

Он игриво ткнул меня в бок пальцем.

Стоявший на колеснице трубач пронзительно загудел.

Толпа онемела.

Подъемный мост медленно опустился, завис на секунду над землей и с глухим стуком упал. Тут же начали открываться кованые металлические врата.

Господин полез обратно на колесницу и позвал меня.

— Так надо, — сказал он. — Так гласят древние законы.

На колеснице было тесно — возничий, Господин, трубач и еще я. Лошади с трудом взяли с места.

Подковы четко звенели о торцы мостовой.

Внутренний двор замка был невелик — дворцу в нем было тесно. Колесница смогла лишь развернуться перед подъездом. Сойдя с колесницы, мы пошли к высоким стеклянным дверям, которые при нашем приближении медленно растворились — два старых лакея в красных ливреях вытянулись, пропуская нас внутрь. Они были первыми людьми, которых мы увидели в замке.

Может быть, я жертва волшебства? Может быть, я проспал годы, а мне кажется, что прошла ночь? Я посмотрел на часы. Вчера было шестнадцатое. Часы показывали семнадцатое. Да и вся версия о сне могла прийти в голову лишь законченному идиоту, ведь не станет же комиссар ждать годами, пока ему подготовят жилье на Тумане.

Я ждал, когда увижу Лиину. Она откроет мне тайну, если тайна лежит в пределах моего понимания. Я боялся того, что понять ее не смогу. Как не смогу никогда осознать физический смысл бесконечности.

Я хотел спросить о Лиине, а спросил другое:

— А где ваши волшебники? Старцы?

— Их нет, — ответил Господин и не стал вдаваться в подробности.

Холл дворца был невероятно высок. Пожалуй, конструктивно Лиине не было смысла так поднимать потолок — впечатление на визитера это производило оглушающее.

Арки свода сходились на уровне облаков, и разноцветные стекла витражей создавали в воздухе скорее видимый, чем слышный, перезвон детства. Голубь, залетевший в открытое там, в выси, окно, неспешными кругами осваивал новое пространство.

— Ну вот, — сказал укоризненно Господин. — Когда дождь пойдет, как закроете?

Один из лакеев ответил:

— Здесь предусмотрен подъемник для того, чтобы снимать пыль или мыть окна.

Господин уже шел к лестнице, которая вольными полукружьями раздваивалась, ведя на второй этаж.

Спеша за ним, я взялся за перила, и предупреждающий оклик лакея запоздал — на подушечках пальцев и ладони остались пятна белой краски.

— Можно было бы предусмотреть, — рассердился Господин Тумана. — А вы бы лучше смотрели, за что хватаетесь!

Я удивился раздражению в мой адрес.

Господин Тумана задрал тогу, под которой обнаружились широкие штаны, вытащил из кармана большой кружевной платок и кинул мне.

Платок белым скатом приплыл мне на руки.

— Так жаль, когда хоть пылинка падает на завершенную работу, — сказал Господин, и я примирился с его раздражением.

Я вытер пальцы. Мы поднялись на второй этаж.

Заиграла музыка — она лилась сверху, но оркестра не было видно.

Открылись двери в главный зал — он был так же высок, как вестибюль, видно, размещался в соседней с ним башне. Стены были белыми в золотых узорах, по стенам были развешаны гигантские полотна, изображающие пейзажи, мозаичный пол искусно изображал морское дно.

Посреди зала стояла небольшая группа людей.

Господин Тумана быстро прошел к возвышению в торце зала, где стояло кресло.

Он уселся в кресло и, увидев, что я отстал, крикнул мне:

— Да скорее же! Идите сюда.

Группа людей потянулась к возвышению. Они шли молча.

Я прошел близко от них и понял, что все они бедняки. Именно таким было мое первое впечатление. Бедняки. Бедные несчастные люди. Поднявшись на возвышение, я оказался с этими людьми лицом к лицу.

И понял, откуда возникло это ощущение бедности.

Одежда этих людей являла собой крайнюю степень изношенности, как будто была протерта многолетним употреблением, штопана-перештопана, заплатана, но при том и дырява. То же было и с обувью... И волосы у этих людей были длинными, кое-как обрезанными. И седыми.

Все они были седыми, старыми, как сама смерть.

Даже Господин Тумана, лишенный сентиментальности, был, по-моему, поражен видом этих людей.

— И это все? — спросил он.

— Все, — ответил старик из первого ряда.

— А остальные? — спросил Господин и первым ответил: — Умерли.

— Умерли, — прошелестело в толпе.

— Это чудесный дворец, — сказал Господин и смахнул слезу, чему я был удивлен. Голос его прервался, словно слезы душили его. — Это лучший в мире дворец. Можно положить тысячу жизней, но не построить такого дворца. И пускай наш гость, — он смотрел на меня наполненными слезами глазами, — пускай он подтвердит, что никогда и нигде не видел ничего подобного.

Я сказал тогда:

— Я бывал на очень многих планетах, я посетил тысячу миров. И я клянусь вам, что подобного замка и подобного дворца нет нигде. И я думаю, что никогда не будет.

Старые бедняки молчали и не смотрели на меня.

— Вы слышали? — громко спросил Господин. — Сегодня прилетает сам комиссар Галактики, и он увидит, какой дворец есть на нашей планете. Так что теперь вы можете идти и отдыхать. У вас все будет — пока вы будете жить, у вас все будет.

И тогда я, обшаривая взором эти лица, озаренный черным светом понимания, кто они и почему они так бедны и стары, увидел наконец лицо Лиины. Она почему-то держала в старческой лапке измочаленный и почерневший от старости рулон с проектом дворца. Она высохла и была непохожа на вчерашнюю Лиину, но глаза остались прежними — если видеть только глаза.

Она не хотела узнавания. После первого проблеска радости от встречи наших взглядов она отвела глаза и сразу растворилась в кучке стариков и старух.

— Идите, — сказал Господин, — идите, помойтесь, отдыхайте. Вы можете выбрать одежду в моих кладовых.

Они пошли прочь. Покорно. Уже забытые. Я ждал, что Лиина обернется, а она не обернулась.

— Сколько их было? — спросил я.

Один за другим старики втягивались в открытые двери. И исчезали.

— Когда? — *спросил Господин Тумана.*

— Вчера вечером.

— Шесть тысяч. Если нужна более точная цифра, я ее для вас прикажу найти. Но сами понимаете... многие умерли. Но не от беды, не от случайности — от старости. Я думаю, что не надо рассказывать господину комиссару о том, что этот замок построен за одну ночь.

Я согласился с Господином Тумана. Но он, словно не был уверен, правильно ли я его понял, пояснил:

— А то у вас будут думать, что мы можем делать такое всегда... Но у нас есть один мост, он был построен семьдесят три года назад, когда...

— Я помню.

— И этот дворец. А больше такого не будет. Ведь он строится раз в жизни.

Я знал, что все равно комиссар узнает об этом. Или узнают люди, сопровождающие его. Я сам могу проговориться.

Днем приехал комиссар. Он милый человек, мы давно с ним работаем вместе. Я тогда же, вечером, когда мы остались в каминной — схожей с готическим храмом, устланной коврами и шкурами зверей зале, — рассказал ему, что дворец был построен за ночь, что вчера еще — я сам уверен в этом — на месте дворца был пустырь.

Господин комиссар не поверил мне. Сначала не поверил. Может быть, потому, что в моем голосе не было уверенности. Может быть, потому, что я все равно подозревал себя в странном состоянии безумия.

На следующий день по холодку мы гуляли с комиссаром по городу. Город все еще был тих и словно задумчив.

— Наверное, многие, — сказал комиссар, и я понял, что он уже поверил мне, — за ту ночь потеряли близких. А если они возвратились... то это печальный парадокс.

Я услышал, как наверху скрипнуло. Я поднял взгляд. На втором этаже распахнулось окно, и оттуда к моим ногам упал ветхий рулон бумаги. Комиссар поднял его, а я смотрел наверх и увидел Лиину, которая сначала отшатнулась от окна, но затем вновь приблизилась к нему. Ее сухие сморщенные губы раздвинулись словно в улыбке, она хотела что-то сказать мне, но не сказала — я думаю, что в моем горестном взгляде она увидела нечто обидевшее ее. Но во мне не было желания ее обидеть.

Окно закрылось.

Комиссар протянул мне рулон.

— Это вам? — спросил он.

— Да, — сказал я. — Это первый проект вашего дворца. Он был нарисован вчера. Его нарисовала девушка, и мы с ней гуляли вчера вечером по этому городу... Вы ее видели сегодня.

Мы шли молча. Город был пуст и печален.

— А давно вы впервые поцеловали девушку? — вдруг сердито спросил комиссар. — Давно выпили первый бокал вина, давно похоронили мать? Давно?

— Вы хотите сказать, что вчера? — улыбнулся я.

— Да. Я вчера стал комиссаром этой маленькой Галактики. Вчера!

Он говорил настойчиво и сердито.

— Но почему они согласились? — спросил я.

Комиссар отмахнулся. И пошел вперед. Не оглядываясь. Потом, дойдя до перекрестка, вдруг обернулся и крикнул мне:

— А вы возражали против собственного рождения? Против совершеннолетия? Против старости? Как возразишь, ну как, черт побери, возразишь, если еще не знаешь, что жизнь пролетает мгновенно?

КОТЕЛ

Раньше в городке не было металлического завода. Были механические мастерские № 1. Они располагались в кирпичном сарае, где до революции была паровая кузня Иннокентия Мясокушева.

В 1976 году мастерские получили статус завода и ассигнования на расширение и модернизацию. На эти ассигнования перед сараем был построен четырехэтажный корпус заводоуправления и разбит газон.

Завод был убыточным. Заказы приходилось вымаливать по всей области. А 1 января 1990 года наступил смертельный кризис.

Опираясь на собственные силы, завод сократил одного сторожа и одну уборщицу. Это не спасло положения. Не из чего стало платить зарплату.

8 февраля в кабинет директора завода вошел юркий, маленького роста человек с зеленоватым лицом, в темном костюме, надвинутой на уши шляпе и сапогах на высоких квадратных каблуках.

Этот человек уверенно сел напротив директора, шляпы не снял и спросил:

— Заказ нужен?

Директор не сразу понял. Он решил было, что разговор пойдет о продуктовом заказе к мужскому празднику.

— Икра будет? — спросил директор.

— Икры не будет, — сказал шустрый. — Нашей фирме нужен котел.

— Что за фирма? — спросил директор. Гость ему не нравился.

Шустрый вытащил из портфеля папку, из папки плоский пакет. Из него — скрепленные как положено документы.

Директор смотрел на шустрого и думал: какой же он национальности? Не мог догадаться, но было ясно, что не русский.

— Не одолеем, — сказал директор, проглядев документы.

Выгнать бы его из кабинета, но ситуация не позволяет.

— Почему? — прищурился шустрый.

— Профиль не наш, — сказал директор. — С материалом плохо. Текучка кадров. И вообще... Мы завалены заказами!

— Врешь, — сказал шустрый. Так вот, на «ты» и сказал. — Врешь. Нет у тебя никаких заказов. А наш заказ тебя спасет. Иначе из чего будешь зарплату выдавать? Из чего административный корпус достраивать?

— На одном вашем котле, — ответил директор, — завод не вытянуть.

— Пойми ты, балда, — так и сказал. — Пойми ты, балда! Этот котел только начало. Нам, может быть, понадобится триста таких котлов.

Директор поежился. В кабинете запахло псиной.

— А вы откуда будете? — спросил директор.

— Там написано.

И в самом деле. На бланках было напечатано: «Учреждение А.Д.». Адрес не указан. Только номер почтового ящика.

— А что такое А.Д.? — спросил директор.

— Много будешь знать, скоро к нам попадешь, — улыбнулся шустрый. И так улыбнулся, что директор понял, по какому ведомству проходит шутник.

— Надо подумать, — сказал он.

— Думай, — ответил шустрый. — А мы тем временем заказ в Потьму передадим. У нас это быстро делается. Мы фирма солидная.

— В Потьму! — фыркнул директор. — Им и кружку не склепать.

— Заставим, — сказал шустрый. — Думай до завтра. Проверяй.

Он повернулся и пошел прочь из кабинета, не попрощавшись. Низ его пиджака вздрогнул и оттопырился. Будто у шустрого там был хвост, которым он нетерпеливо помахивал.

Директор набрал областной номер и стал проверять: что за «А.Д.», где базируется, как у них там с финансами. И так далее. Узнал он немного, но ничего предосудительного. Документы в порядке, счет в банке есть, и солидный, а то, что фирма засекречена, это с фирмами бывает. Говорили, что СП, но неизвестно, с каким западным капиталом.

В общем, куда бы директор ни звонил, ему советовали: решай сам. Дали тебе самостоятельность — вытаскивай предприятие из прорыва.

Соглашаться было опасно. Опыта изготовления больших котлов у завода нет. Но положение критическое. А тем временем слухи о заказе распространялись по заводу. Заводоуправление выстроилось шпалерами по директорскому коридору. Рабочие стояли у ворот безмолвного цеха.

Директор никому ничего не сказал. Прошел сквозь строй и сел в машину.

Ночью директору приснилось два сна.

В первом явилась покойная мама.

— Коля, голубчик, — говорила она, склоняясь к директору, как к маленькому. — Не соглашайся. Лучше с протянутой рукой сидеть на паперти, чем служить врагу человеческому. Сам черт приходил к тебе! Откажи!

Потом в сонном воображении директора возник его дядя Савелий, известный в свое время мерзавец и доносчик.

— Колюня! — кричал он. — Не соглашайся. Нам хуже будет.

— Кому вам? — спросил директор.

Дядя был страшно исхудавшим, со следами побоев и ожогов на лице.

— Подумай, и ты тут будешь, со мной рядом! В одном строю.

Потом возникла ухмыляющаяся зеленая рожа шустрого заказчика.

— Представление закончено, — сказала рожа. — Ты не имеешь права ставить личные интересы выше общественных.

На этом директор проснулся — голова трещит, словно вообще не спал.

— Ты чего такой? — сказала жена.

— Отстань.

— Мне соседка говорила, что вы большой заказ получили? Госзаказ!

— Если бы госзаказ!

— Так радуйся!

— А ты в черта веришь, Маша? В черта, в потусторонний мир.

— Окстись! Мы же неверующие!

— А как ты думаешь, моя мама после смерти куда могла попасть?

— Твоя мама была добрым человеком, — сказала Марья Дмитриевна. — Она наверняка в раю.

— А дядя Савелий?

— Этот точно в аду.

— Почему же они оба против заказа?

— У тебя жар?

В объяснения директор углубляться не стал, а поспешил на бурлящий завод.

Когда в десять двадцать в кабинете возник шустрый, все заводоуправление уже подслушивало под дверью.

Директор был один. Ему хотелось задать заказчику вопросы, которые задают только наедине. Заказчик это понимал.

Он даже не стал спрашивать, принял директор решение или нет. Он иначе начал беседу:

— Ваша мама плохо информирована. Ею манипулируют. Она обитает далеко от нас, реальной обстановки знать не может.

Директор спросил шепотом:

— А дядя?

— Вы же знаете, каким он был мерзавцем, — ответил шустрый и снял шляпу. — Жарко здесь у вас.

Под шляпой были курчавые волосы, как у Пушкина на портретах.

Из них торчали небольшие матовые рожки.

«Не скрывается, — с раздражением подумал директор. — Обнаглел».

Он покосился на дверь. Дверь покачивалась под напором любопытных.

— Документы в порядке, — сказал черт. — У нас опыт.

— А почему тогда мой дядя возражает? — спросил директор.

— Потому что у нас сейчас жуткий дефицит котлов. Все стареет, все выходит из строя. Перенолняем котлы до отказа. Все равно одновременно обслуживаем не больше семи-восьми процентов клиентуры. Рэкетиры неделями сидят в холодке, ждут очереди. И боятся, что котлов на всех не хватит. Так что перспективы перед твоим предприятием сказочные.

Тут дверь рухнула внутрь и в кабинет ввалилась бухгалтерия, отдел главного технолога, плановики — заинтересованные лица.

Директор кинул испуганный взгляд на черта, но тот уже снова был в шляпе и подмигнул директору — как заговорщик заговорщику.

— Хорошо, что вы пришли, товарищи, — сказал директор. — Рассаживайтесь. Начинаем работать в обстановке хозрасчета. Сейчас наш заказчик изложит вкратце требования к продукции. Будем думать вместе.

Думали вместе, смотрели техническую документацию. По проектному заданию первый котел должен был достигать двенадцати метров в диаметре, а у них там на «А.Д.» все котлы стандартные. Но высотой невелик. Полтора метра. Странный котел.

— Для какой цели? — спросил главный технолог.

— Чтобы головы высовывались, — вежливо ответил шустрый.

— Грешников, что ли, варить? — засмеялся шутке технолог.

— Вот именно, — засмеялся в ответ шустрый. — А глубже нельзя, захлебнутся в кипятке.

Директор в ужасе посмотрел на своих сотрудников, но никто не испугался. Некоторые улыбнулись, другие, кто без чувства юмора, ждали, когда можно вернуться к деловому разговору.

— А как вы будете их к себе перевозить? — спросил директор. — Двенадцать метров. Сварные.

— Перевезем, — сказал шустрый.

А дальше все говорили по делу.

Главный технолог предложил поставить на котел электронику для регулирования температуры воды, но заказчик отказался, сказал, что у них все по старинке, на дровах.

Бухгалтерша подсчитала, сколько выходит в премиальный фонд, и сказала, что недостаточно. Шустрый обещал посоветоваться с начальством. Начальник единственного цеха заявил, что придется вынести станки. Снабженец высказал мысль, что листовое железо такой толщины в кредит не дадут. И вообще не дадут.

Прошло две недели. Снабженцы раздобыли немного железного проката, станки из цеха вынесли, кузнецы уже гнули металл, сварщики проверяли горелки — все шло как надо. Как-то приехал шустрый, заглянул в цех, начал торопить рабочих, объяснять, какое ответственное задание.

— Слушай, командир, — сказал, перекрывая шум в цехе, могучий мужик Сидорчук. — Это правда, бабы говорят, что ты — черт и твоя фирма не «А.Д.», а просто ад называется?

И в цехе наступила тишина.

Оказывается, все об этом уже думали, с женами советовались, а многие видели вещие сны, но друг с другом не делились.

— Не все ли тебе равно, Сидорчук? — спросил шустрый. — Ты

спасаешь родной завод, ты честно трудишься. Не все ли равно, для чего твоя продукция используется?

— Нет, — сказал Сидорчук, — не все равно. Я работаю для гуманных целей.

Все стали шуметь. Даже директор прибежал.

Договорились, что вопрос будет решаться в обстановке гласности на общем собрании трудового коллектива.

Первым вышел перед народом сам заказчик. Он снял шляпу, чтобы все видели его рога, и сказал:

— Чего нам таиться? Мы все свои люди.

— Мы тебе не свои! — крикнули из зала.

— Ты, Печкин, сегодня еще свой, а завтра будешь мой, — ответил шустрый.

Печкин замолчал, больше не перебивал.

— Я должен рассеять недоразумение, — сказал шустрый, обмахиваясь шляпой. — Долгие годы и столетия представители правящей церкви обливали меня и моих сотрудников ушатами клеветы. На нас рисовали карикатуры, нами пугали детей. Нашу благородную миссию представляли в невыгодном свете.

— Ближе к делу! — сказал Сидорчук.

— Куда уж ближе. Кто мы такие?

— Черти, — сказала какая-то женщина.

— Пускай черти, — согласился шустрый. — Мы продолжаем дело, которое на вашем свете делают правоохранительные органы. Мы — санитары человечества. Мы вынуждены веками иметь дело с худшими представителями человеческой цивилизации, наказывая их, перевоспитывая, стараясь перековать их закоренелые души в настоящие, чистые, благородные.

— А что, у вас тоже сроки дают? — спросил Сидорчук.

— А как же иначе? Не вечно же в котле греться?

— А какие?

— Бывают и большие, — сказал шустрый. — Недавно мы в чистилище Пилата передали. Две тысячи лет отбыл. А иногда, — шустрый повысил голос, чтобы перекрыть шум зала, — и полгода хватает.

— Называйте вещи своими именами! — закричал Алик Хренов из ОТК. — Вы же применяете жестокие пытки!

— Только за дело. И, кстати, не мы решаем, кого нам передадут на воспитание, а кого сразу в чистилище. Наше дело работать. А для этого нужны нормальные условия. Чтобы не сидело в каждом котле по сто человек, строгость должна быть разумной.

Черт сел, а потом стали выступать другие.

Поднялся Сидорчук. Он многое понял. Он сказал:

— Я сомневался. А теперь мне ясно — мы же не против людей выступаем, а против тех, которые наказаны за дело. То есть помогаем порядку и дисциплине.

Жена Сидорчука аплодировала громче всех. Они планировали купить новый телевизор.

— Подумаем о чести родного завода, — сказал директор. — Сегодня мне звонили, поздравили с тем, что наше предприятие вышло из прорыва. Не для себя стараемся, для народа.

Директор мечтал уехать в область. Подальше от чертей и маминого призрака. Но уезжать можно только с передового предприятия, иначе на хорошее место не рассчитывай.

Выступила Сенькина из месткома. Она уже знала, что в обкоме профсоюза рассматривают этот вопрос о переходящем вымпеле для завода.

— Я собрала цифры по району, — сказала она. — Среди работников нашего завода резко сократилось пьянство и рукоприкладство. Вчера ко мне обратилась учительница Кучкарева из третьей школы. Просит привести в цех детей на экскурсию. У нее в классе много шалунов и даже хулиганов. Она надеется, что экскурсия поможет укреплению дисциплины. В связи с этим у меня просьба к нашему заказчику. Вы не могли бы присутствовать на экскурсии? Пускай дети убедятся. Без шляпы, конечно.

— А хвост показывать? — ухмыльнулся шустрый.

— Если вы сможете. — Сенькина смутилась, в зале засмеялись. — Если вы сможете, не снимая брюк... Там девочки будут.

— Я босой приду, — сказал шустрый. — Пускай посмотрят на копыта.

— Так что я заканчиваю на оптимистической ноте, товарищи! — закричала Сенькина. — Мы с вами вступили на более высокий морально-трезвый уровень и постараемся его неустанно повышать.

Алик Хренов из ОТК высказал пожелание, чтобы сотрудники «А.Д.» помнили о принципах высокого гуманизма.

Шустрый грубо оборвал его:

— Ты за качеством следи, чтобы швы не текли, гуманист.

В самом конце тетя Шура, уборщица, постаралась внести отрицательную ноту в общее торжество.

— Что же это получается? — сказала она. — Получается, что мы на врага человеческого работаем?

Шустрый поморщился.

— Какой же я враг? Приведите мне конкретные факты моей вражеской деятельности, женщина?

— А ты приведи, приведи! — крикнула жена Сидорчука.

— На пенсию уйду, — сказала тетя Шура. — Чтобы твою мерзкую рожу не видеть.

— До встречи, — ответил шустрый. — А фактов у вас нет.

Несмотря на то что из этого поединка шустрый вроде бы вышел победителем, какая-то неуверенность воцарилась в зале. Так хорошо до этого было — все друг друга любили, все соглашались. И сомнения

были похоронены коллективно. А тут тетя Шура с ее старозаветными нормами...

Положение спас начальник планового отдела. Он уже имел беседу с директором, получил твердое обещание, что при расширении административного корпуса ему достанется отдельный кабинет.

— Мы тут взрослые люди, — сказал он. — Может, перестанем друг друга сказочками кормить? Что за разговоры: черт, дьявол, враг человеческий. Наука уже твердо доказала — дьявола нет. Ничего этого нет. Так что расходимся по рабочим местам и куем котел.

— А как же рога? — спросила недалекая Лычикова из бухгалтерии.

— Какие рога?

— На ихней голове.

— Тебе еще рано знать, откуда у мужчин бывают рога, — ответил плановик.

Зал облегченно засмеялся. Всегда найдется простое и реалистическое объяснение странному событию. И многие мужья начали шустрому сочувствовать. Он, правда, крикнул с места, что не женат, но потом махнул рукой и тоже смеялся вместе со всеми.

Потом все разошлись по рабочим местам, а шустрый зашел к директору в кабинет. Они за последние недели сблизились.

— Вы уж простите, — сказал директор, — что так получилось.

— Ничего, я даже доволен. Теперь, по крайней мере, полная ясность отношений, — сказал шустрый. — А про рога даже смешное объяснение. Правда?

— Почему у нас так получается?! — в сердцах воскликнул директор. — Мы честно трудимся, никому не мешаем, а некоторые люди сеют сомнения.

— В этом беда человечества, — серьезно ответил шустрый.

— Ведь не мы же дрова под котлы подкладываем! — сказал директор.

— Тонко замечено, — согласился шустрый.

— Распустились у нас пресса и даже телевидение. Клеймят тружеников не по делу. Рыбы в реке нет — сразу кричат: проектировщики виноваты. А в чем проектировщик виноват? Он ни одной рыбешки в жизни не уничтожил. А то кричат: архитектор виноват — церквушку разрушил...

— Туда ей и дорога! — подхватил шустрый.

— А он, архитектор, ничего против церквушки не имеет. Не рушил он, не рушил. За что его обливают грязью?

— За что?

— За то, что честно выполнил свой долг. Стране нужна прямая магистраль, он ее и нарисовал.

— Приятный ты человек, Коля, — сказал шустрый. — Диалектически мыслишь. Я рад, что мы с тобой сотрудничаем.

— Спасибо, — потупился директор. И подумал: «Скорей отсюда, скорей в область. Забыть бы твою поганую рожу».

Когда же они вышли из проходной, черт вдруг остановился, словно только сейчас вспомнил о важном.

— Есть у меня предложение, — сказал он. — Хоть мы этого не делаем, но в виде исключения приглашаю тебя на ходовые испытания. Побываешь у нас в «А.Д.», посмотришь котел в деле, а то еще развалится. Ну как?

Директор вдруг смутился.

— А когда надо ехать?

— Через месяц тебя устроит?

— Через месяц не могу, — с облегчением произнес директор. — Через месяц я буду в туристической поездке. В Румынии. Так что в следующий раз.

— Ну как знаешь, — вздохнул черт. — А то пропуск тебе уже выписан.

Он протянул директору холодную влажную ладошку и стоял, смотрел ему вслед.

Директор прошел мимо газона и у своей машины рухнул в разверзшуюся под ним пропасть.

Здесь не место и не время объяснять, как могла возникнуть пропасть почти в центре города. И нет смысла тратить время на описание того, как одна бригада рыла траншею, но засыпала кое-как, потому что план был выполнен, да как в ту траншею прорвались сточные воды с соседнего завода, потому что кто-то еще не так спроектировал, да как углубилась эта пропасть, потому что кому-то, кто должен был ее ликвидировать, пришла пора уезжать в отпуск...

Тело директора унесло подземными водами, а нематериальная часть попала на технические испытания нового котла, который уже был доставлен в «А.Д.».

Директор стоял в стороне, наблюдая, как к котлу, украшенному цветами, гнали голых изможденных грешников и как грешники были вынуждены хлопать в ладоши, радуясь тому, что отныне их будут кипятить в более прогрессивных условиях.

— Эй, Коля! — крикнул из толпы обнаженный дядя Савелий.

Шустрый представил директора своему начальству, и начальство укоризненно сказало:

— И сдалась вам эта Румыния! Согласились бы с самого начала, не пришлось бы вас к нам на вечные времена перетягивать.

Начальство увидело, как побледнел директор, и сказало утешительно:

— Будете у нас консультантом по продукции вашего предприятия.

Когда вода уже согрелась, но еще не закипела, черти стали загонять в котел грешников. Когда загнали всех, шустрый обернулся к стоявшему рядом директору и спросил:

— А ты что не раздеваешься? Тебя что, в костюме кипятить?

— Как так? Да я же консультант!

— Консультировать можно и изнутри, — ответил шустрый, подталкивая директора к котлу, а тот, будучи бесплотной душой, не мог сопротивляться. Он только надеялся, что котел, выкованный на его заводе, обязательно развалится.

КИЛЛЕР

Мне нравится это слово. В нем есть лаконичная окончательность приговора. Оно куда точнее расплывчатого «убийцы» или хлюпающего «палача». Неважно, что оно иностранное. В нашем языке заимствованы все современные слова. И чем оно хуже слова «спонсор»?

Это я объяснил заказчику, когда он спросил, как меня называть.

Заказчик внутренне суетился и старался этого не показывать. Многие заказчики суетятся. Они переносят мою функцию по отношению к жертве на себя и воображают, что я не дождусь момента, когда выполню заказ и примусь за самого заказчика. Наверное, чтобы похоронить объединяющую нас тайну.

А я не убил еще ни одного клиента. Правда, если закажут и заплатят, то могу и убить. Но эти два действия между собой не связаны.

— Называйте меня киллером, — сказал я. — Меня это устраивает. Это хорошее, красивое слово.

— Конечно-конечно... красивое. — Он улыбнулся одними губами, а глазенки были испуганными.

— Перейдем к делу, — предложил я. — Что у нас за работа?

Я старался говорить нейтрально, вежливо, как санитар «Скорой помощи».

— Честно говоря, я сейчас не готов...

— Я приехал к вам не для того, чтобы вас убеждать или разубеждать. Заплатите мне за бензин и потраченное впустую время.

Он сразу замолчал. Не ожидал, что я так легко откажусь от счастья сотрудничать с интеллигентным человеком.

У него были пухлые щечки в красных жилках и мешочки под глазами. Он был скопищем тайных пороков и, наверное, примерным семьянином.

Прошла минута, прежде чем он заговорил снова. Конечно же, он не собирался отказываться от своего намерения. Просто было нелегко изложить его вслух.

Я решил помочь ему:

— Представьте, что я — специалист по болезням простаты. Как бы я ни щадил ваши чувства, наступит момент, когда я попрошу вас снять штаны.

— У вас странное чувство юмора.

— Это не чувство юмора, а чувство сарказма. Редкое явление.

— Вы говорите как образованный человек, — сообщил он, стараясь оттянуть роковой момент. Штаны спускать не хотелось.

— Вы тоже. — Я не принял комплимента.

Следующая пауза оказалась долгой, но я не стал его торопить, потому что рисковал потерять клиента. А мне были нужны честно заработанные деньги.

Наконец он глубоко вздохнул. Рыжие глазки потускнели. Сейчас он все-таки пойдет к доске.

— Я писатель, — сказал он.

Я кивнул. Разумеется, всем известно, что он писатель. Знаменитый автор фантастических произведений. Второй или третий в своей области в пределах нашей державы.

— Я положил жизнь, чтобы нести людям радость знания. — Он обнажил слишком белые вставные зубы, изображая эту радость.

— Вы хотите убить свою жену? — спросил я.

— Как вы смеете! — Он искренне возмутился. — Марина мне не только жена, она друг. Мать моих детей, наконец!

У писателя был официально один ребенок, дочь-подросток с сексуальными проблемами. Но, возможно, он оплодотворил кого-то на стороне.

— Следующая жена тоже может стать другом и матерью детей. Но она будет моложе на двадцать лет и хороша, как Мерилин Монро.

— Вы кого имеете в виду? — угрожающе произнес он.

— Не знаю. А вы?

Мы снова помолчали. Разговор обещал стать занудным. Но я решил больше не подсказывать.

— Я весь в трудах, — произнес заказчик.

Я молчал. Пускай сам выпутывается.

— Я создал новое направление в литературе.

Многие пробовали, подумал я. Где они? Где пыль их, развеянная временем?

— Однако вы должны понять. — Он вскочил со стула и ринулся к книжным полкам, к той секции стеллажа, что была уставлена его произведениями, о чем было нетрудно догадаться, так как книги стояли порциями — по десятку в каждой, отчего число их многократно возрастало и казалось, что их набирается целый шкаф. — Вы должны понять, что специфика нашего труда заключается в том, что фантастика оперирует ограниченным числом сюжетных ходов, а главное — тем. Вы следите за ходом моих мыслей?

Этот человек был о себе высокого мнения.

— Если мне удается найти оригинальную тему, то я знаю, что она навсегда будет связана в сознании читателей с моим именем. Так вот, я большой художник, мои произведения переводились на ряд иностранных языков, включая языки народов бывшего Советского Союза.

Он цитировал аннотацию к своему двухтомнику. Дело в том, что,

собираясь на встречу с заказчиком, я этот двухтомник просмотрел в библиотеке. Но покупать не стал — зачем загромождать квартиру чепухой? Он никогда не станет моим любимым писателем.

— Вы верите в мистику? — неожиданно спросил заказчик.

— В мистику?

— Во взаимовлияние судеб, в колдовство, в предначертания?

— Черт его знает, — признался я. — Черных кошек не люблю.

— Ах, как наивно! И это в конце двадцатого века, когда весь мир опутан паутиной ведовства и экстрасенсорики.

Господи, он еще и «чайник»! Придется отказываться от работы. А жаль.

— Я не буду говорить об очевидном, — продолжал заказчик. Щечки его побагровели, и мешочки под глазами набрякли от нахлынувшей крови. — Я перейду прямо к делу!

Он согрелся настолько, что теперь поведать мне о своих проблемах стало делом нетрудным.

— К сожалению, у меня есть злой гений, — сказал он. — Мы связаны с ним нерасторжимо знаком Зодиака. Он — мое отрицательное начало, мой злобный и неотвратимый двойник. Вы меня понимаете?

Я промолчал. Я его не понимал, но должен был понимать, иначе грош цена такому киллеру.

— Он находится под влиянием Трансплутона, тогда как я существую под господством мирного и полезного людям Меркурия. Но что это дает Адамецу?

— Что это дает Адамецу? — заинтересовался я.

— Существовать на полгода раньше меня!

— О таком я еще не слышал.

— Мне тоже раньше не приходилось слышать, и я не мог догадаться о причине моих бед и провалов до тех пор, пока по крайней мере три экстрапсихолога не открыли мне глаза на катастрофическую суть явления.

— В чем же беда?

— Он перекрыл мне воздух как творцу.

— Понятнее, если можно.

— Представьте себе — во мне созрел сюжет, оригинальный ход, воплощение которого принесет мне славу и благосостояние. А знаете ли вы, что в прошлом году я помог одному детскому дому? Знаете ли вы, что я послал в библиотеку города Кадуя шестнадцать томов моих книг? Ага, не знаете!

— Я тронут, — признался я.

— Это чувство сарказма? Так оно сейчас совершенно лишнее.

— Нет, это попытка разобраться в том, разговариваю ли я с нормальным заказчиком или «чайником», — честно признался я. — В последнем случае я буду вынужден вас покинуть.

Все это было бы комично, если бы не было отвратительно. Мне

лишь однажды пришлось иметь дело с заказчиком, которому я симпатизировал, — это был старик, инвалид, у него изнасиловали и убили дочь. А суд, купленный родственниками насильников, отпустил их на свободу. Конечно, я не смог помочь девочке — утешений в смерти не бывает. Даже в чужой смерти. Но я им отомстил.

А этому заказчику я помочь не хотел, хотя знал, что честно выполняю соглашение.

— Значит, мы хотим, чтобы вы стали монополистом в гениальности, — сказал я.

— Вы не правы, — ответил заказчик. — Я хочу, чтобы в нашей литературе было много хороших и разных талантов. Каждому найдется свое местечко на олимпе. Но я не потерплю интеллектуального грабежа. Он не имеет права писать мои романы за месяц до меня! Он не имеет права лезть мне в голову своими немытыми пальцами!

Ну, он совсем разошелся.

— Где у вас вода? — спросил я.

— Что? Вода? Какая вода?

— Чтобы вам выпить стакан воды и успокоиться.

— А, да, конечно, надо выпить. Сейчас я открою. У меня всегда стоит вода фирмы «Эвиан». Это французская вода. В ней оптимальное содержание минералов.

Он достал из-под стола бутылку минералки, налил себе, обо мне, конечно, забыл. Все же я был у него в прислугах. Машинистка-надомница.

— И вам не жалко, что мы убьем вашего коллегу, писателя, который сейчас трудится в поте лица своего...

— Все его романы напишу я сам! — заявил заказчик. — Клянусь вам, это мои романы, мои! Это мои идеи! Украденные им. И я прошу вашего сочувствия. Неужели зло не должно быть наказано?

— Но наказание не соответствует степени вины.

— А вот в этом вы не правы. Представьте себе — мои книги читают десятки тысяч людей. Но они обращаются к писаниям этого проклятого Адамеца и видят в его персонажах моих героев. Что они делают?

— Ждут, когда выйдет ваша книга.

— Ничего подобного! Они ищут меня, мой стиль в чужих книгах, в суррогате этого колдуна. Кстати, я вас умоляю, будьте осторожны! Он же экстрасенс. Если он вас узнает, то ликвидирует. И примется за меня. Он ужасен в своей мести.

— Я с ним еще не встречался.

— А я его видел. Он приехал в прошлом году в Петербург и заключил договор с сомнительными издательствами. Представляете, теперь эти издательства будут торговать моими романами.

Заказчик отряхнулся, как мокрый пес, и ему пришлось сделать усилие, прежде чем он вспомнил, о чем шла речь.

— Ах да... Существует негодяй, вор, человек, который намерен лишить меня заслуженной славы, моей работы... Вы думаете, что я преувеличиваю? Ничего подобного! Я вам приведу пример. Секунду...

Он метнулся к письменному столу, вытащил ящик и извлек оттуда пожелтевшую рукопись, страниц на сто, не меньше. Затем сунул ее обратно в ящик, словно в печку, оставив в руках последнюю страницу.

Он поднес ее к моему носу и строго спросил:

— Что здесь написано? Какой год?

Внизу стояли слова: «Переделкино, Москва, 1976».

— Держите. — Он сунул мне листок, а сам побежал к стеллажу, на котором неаккуратно теснились книжки. Он выволок из ряда довольно толстый том. Видно, не впервые доставал его оттуда.

Распахнул его в начале.

На титульном листе я прочел: «Записки сгоревшего астронавта».

— Видите?

— Вижу.

— Вы не туда смотрите. Год, какой год?

Внизу страницы было написано: «1991. Москва».

— Вы представляете? Через пятнадцать лет после меня! Но он напечатал.

— А почему вы не напечатали?

— Вы представляете, какое это было время? Меня бы вытолкали из страны! А может, и посадили. Это было слишком смело. Я шел впереди моего времени. Я вам могу дать свою рукопись и этот опус Адамеца. И вы убедитесь, что все, что он написал, — наглый, открытый плагиат!

— А теперь, когда он напечатал? Почему вы опоздали?

— Вот именно! Я опоздал. Я колебался. Я вел переговоры. А он влез ко мне и украл.

— Но как он это сделал? Вы разве не запираете ящик стола?

— При чем тут ящик стола! Он крадет прямо из моего мозга. Он — вор мыслей, идей, замыслов... Я думал, что время для публикации моего смелого, я скажу вам — всемирного хита! — не подошло. Я вел переговоры с издательством. И вдруг вижу в магазине... И знаете, меня что-то в сердце укололо. Я почувствовал...

— И это основание, чтобы его убить?

— Вы пришли сюда учить меня морали?

— Смешно, — сказал я. — Мне приходилось убивать людей из-за денег, из-за любви и измены, но чаще всего из-за денег. Убить из тщеславия... А впрочем, был уже пример в истории. Некий Сальери убил Моцарта. Правда, без помощи киллера. Есть ли разница? Нет разницы.

— Сравнение никуда не годится, — ответил заказчик. — Я начинаю сомневаться в вашей компетентности.

— У меня хорошие рекомендации и нет недостатка в клиентах. Так что вы вольны отказаться, я без работы не останусь.

Я блефовал. У меня было плохо с работой. Надо было платить за операцию мамы.

— Мне показалось, что вы осуждаете меня, — добавил заказчик.

— Я осуждаю убийство в принципе.

— Зачем же убиваете?

— Я хорошо умею это делать. И за это платят больше, чем за проектирование общественных уборных.

— Вы должны спешить, — сказал он. — Мне сообщили, что он сдал в издательство рукопись... ту самую, да, ту самую, в которую я вложил душу.

Так писатели не говорят, подумал я. Но, впрочем, им положено говорить образно.

— И как вы представляете мою работу?

— Мне сказали, — он понизил голос до шепота, — что вы можете отправляться в прошлое. Это так?

— Именно так.

— Тогда мне нужно, чтобы Адамец не написал последнего романа. Хватит! Это мой роман!

— Когда он начал писать его?

— В этом году. В марте или феврале. Эта сволочь работает очень быстро. Как только он заберется в мое сознание и украдет оттуда сюжет, он бросается к компьютеру — и готово! Вы не представляете, насколько он эффективен.

— Вас неправильно информировали, — сказал я.

Я подошел к вазе с пионами. Они уже распустились — белые и розовые. Они пахли ненавязчиво и нежно.

— Мне подарили поклонницы, — сообщил заказчик. Лучше бы он помолчал. Никогда мне еще не приходилось так ненавидеть заказчика. Может быть, мне его потом убить просто для очистки воздуха на планете?

— В чем дело? — Он встревожился.

— Я не могу совершать ликвидации ближе чем за пять лет в прошлом. Если я отправлюсь ближе к нашим дням, то нарушу сетку событий. Природе надо дать возможность успокоиться, зарастить дыру, образованную исчезновением человека.

Он утвердительно кивнул, словно что-то понимал.

— Если я уберу его лет шесть назад? — спросил я.

Заказчик непроизвольно хлопнул в ладоши. Он был счастлив.

— Значит, эта сволочь не успеет опубликовать ни одного крупного произведения, как хорошо!

— Тогда расскажите мне, что он делал шесть лет назад.

Я не рассчитывал, что он вспомнит о действиях врага, но, к моему удивлению, он хорошо выучил урок.

— Как же! Шесть лет назад он получил премию на Парконе в Словакии. Представляете, он пользуется моим сюжетом, пишет свою

первую повесть, ее переводят на шесть или семь языков, и в Словакии выдают премию за лучшую переводную вещь! Тогда я заметил его. Тогда я только удивился. И стал за ним наблюдать.

— Напишите мне все, что вам известно о его поездке в Словакию.

— Замечательно! Я совершенно с вами согласен. Гениально. Вы уберете его за рубежом, и никто не свяжет его смерть со мною. Смерть Сальери.

— Вы хотите сказать, что Моцарт убил Сальери? — удивился я.

— Вот именно!

— Но Сальери пережил Моцарта лет на тридцать.

— Ах, неважно, в конце концов, убийца — вы. И я согласен считать вас Сальери. Вам приятно, да? — Он залился ленинским смехом — заразительным и чуть более пронзительным, чем бывает у людей.

Я сел за стол, взял лист бумаги и принялся записывать все, что мог узнать у заказчика. Мне предстояло еще посетить издательство, в котором печатали Адамеца, заглянуть к нему домой и, может, даже попытаться с ним встретиться. В этом нет парадокса. Шесть лет назад я буду ничем, будущим воспоминанием. А мне лучше не ошибиться.

Я получил у заказчика деньги. Как я и ожидал, он торговался, уверяя, что две трети... половину, треть заплатит по выполнении задания.

Чепуха, отвечал я. После выполнения задания вы и знать меня не будете. Это случается. Ведь ваш Адамец погибнет шесть лет назад. Бывает так, хоть и не всегда, что память о собственном участии в преступлении начисто испаряется из головы. А если не испарится, то вы достаточно сообразительны, чтобы при виде меня пожать плечами и сказать, что вы и в жизни не намеревались никого убивать. Шесть лет назад? Зачем? Нет уж, я беру деньги вперед. Жалоб на меня еще не было.

Деньги у него были заготовлены, но он так просто от меня не отделался. Я еще вытащил из него стоимость билета и гостиницы в Словакии.

Фантастику я читал, кое-что знал о ней, но, оказывается, и не представлял, что существует всемирная сеть любителей фантастики, именуемая фэнами. Эти фэны гнездятся в Саратове и в Петербурге, на Миссисипи. Они умудрялись проникать сквозь железный занавес, а уж в наши времена неустанно шастают с кона на кон (не путать с карточными играми: коны — это сокращенно от конгресса). Где соберется двадцать фэнов, уже получается кон.

Кон, на который я был намерен попасть шесть лет назад, на заре чешского и словацкого раскола, должен был состояться в небольшом словацком городе со странным тройным названием Спишска Нова Вес. Спишска — это область в Восточной Словакии, в горах, по ту

сторону которых начинается Закарпатская Украина, Нова — это новая, а вес — это деревня. Теперь ясно?

Три часа я летел из Москвы до Братиславы, затем прождал еще два часа на районного размера вокзале, что скромно именуется на местном языке главной станицей. Фронтон его украшает орел на манер имперского, фашистского, только подойдя ближе, понимаешь, что это вовсе не орел, а символ железной дороги — крылья на колесе.

Затем длинный сидячий поезд потащил нас к горам, и тащил пять часов подряд. Я никогда не думал, что Словакия такая большая.

Пять часов поезд умудрялся везти нас по плоской равнине, оторочennой округлыми, мохнатыми от лесов горами. В этой стране все давно и окончательно установилось: речки наполнили долины своими наносами, и долины стали плоскими, как столы. Люди привыкли жить на этих плоских, но узких долинах, а поезда — ездить по долинам между деревнями. Словакия — страна маленьких уютных городков, уместившихся между лесистых горных склонов. Даже столица страны — относительно большой город Братислава — так же разбежался по долинам и долинкам между гор. Лесные склоны поднимаются прямо из города, и потому с неба Братислава похожа на осьминога — ее щупальца протискиваются между холмов и гор.

Красота Словакии однообразна, но тем не менее это красота. Все горы невысоки, и на вершину можно подняться, держась за стволы сосен. Лишь один раз далеко слева поднимаются Высокие Татры — природный замок, на крутых склонах которого лежит снег. Но кулак Высоких Татр исчезает за очередным холмом, а вместо него оказываешься у платформы Жилины или Попрата. Деловитые туристы с высокими, как колонны, рюкзаками — вовсе не похожими на округлые мешки моей юности, — перекликаясь, занимают места, освобожденные точно такими же путешественниками. Потом в поезде появляются говорливые цыгане, которые не просят ручку, чтобы погадать, и заняты своими проблемами. Едут дорожные и путейские рабочие — они меняются часто, соскакивая на полустанках.

Один из стандартных «станиц» оказывается вокзалом города Спишски Новы Вес. Это длинное одноэтажное здание с ленивыми полицейскими перед ним. Ближе к поезду стоит бравый молодой начальник станции, который показывает поезду зеленый кружок и тут же прячет его под мышку.

Я взял такси на небольшой площади, где было всего два киоска, что говорило о том, что город недалеко ушел по пути капитализма, и меня отвезли в гостиницу «Превезе», которую заказал туристический агент из Москвы, полагавший, что я — индивидуальный турист, а не киллер. И я его не разубеждал.

Гостиница находилась на окраине городка, у шумной речки, со своим парком, бассейном и рестораном с верандой, на которой во-

круг белых круглых столиков стояли белые стулья с дачными витыми спинками. Все было железным, солидным, тяжелым — не утащишь.

Мой номер был длинным, раскаленным от послеполуденного солнца. Я разделся, забрался в душ. Я провел большую часть пути в коридоре у открытого окна, и хоть пыли в Словакии немного, сколько-то ко мне пристало.

Я позвонил по телефону, который достал для меня заказчик, и сообщил усталому голосу, который никак не мог взять в толк, почему с ним говорят по-русски, что я приехал из Москвы, но заботиться обо мне не надо, так как я уже сам о себе позаботился.

Голос по имени Мио меня понял и успокоился. Он сказал, что основная часть фэнов кучкуется на курорте в горах, но завтра они соберутся в театре. Оказалось, что в таком махоньком городке есть театр, — это было трогательно.

Я не стал задавать вопросов об Адамеце, чтобы не привлекать к нему и к себе излишнего внимания.

Я хотел пойти погулять по городу, мне представилось, как я сижу на открытой площадке под тентом, потягиваю чудесное бочковое пиво. Немного жал левый ботинок; улица перешла по мостику через быструю речку, по которой по колено в воде брел цыган в камуфляже с удочкой. Вечернее солнце пронзало лучами воду, и ясно было, что там нет ни одной рыбки. И все же я постоял на мостике, облокотившись о перила, ожидая чуда.

Через весь городок тянулась бесконечная широкая игрушечная улица, середину которой занимал бульвар, где и стояли в ряд оперный театр, собор и здание ратуши. Замыкал этот бульвар непреклонного вида советский освободитель из бронзы. Здесь освободителей не трогают — у власти стоят левые силы.

Мои надежды на открытые кафе не сбылись — все двери были заперты, из единственной открытой ресторации доносилось хоровое пение, нестройное настолько, насколько оно может быть в Туле. Оттуда же вырывались клубы табачного дыма. Я предпочел пойти в гостиницу.

Спал я плохо — под окном была стоянка гостиничных машин. Постояльцы — автотуристы — приезжали часов до трех, громко хлопали дверцами и еще громче обсуждали, что взять с собой из чемоданов. Эту деятельность они возобновили с пяти утра.

Встал я в семь, невыспавшийся и злой. Принялся собирать свою пушку. Я провожу оружие обычно в максимально разобранном состоянии: ствол — авторучка, смотрите не испачкайтесь пастой, курок — в зажигалке, и так далее. Еще ни разу не попался.

Первым делом я спустился вниз, чтобы узнать, не здесь ли остановился некий Сергей Адамец из Львова — украинец.

Девушка была крайне любезна, хотя далеко не сразу сообразила, что мне от нее нужно.

Было прохладно, в открытую дверь доносились из ресторана уютные звуки завтрака.

— Пан Адамец, — сказала наконец девушка, — в ресторации.

Я прошел в зал. Угадать Адамеца мне ничего не стоило. Кроме него, в зале сидела группа англичан, немецкая или австрийская пара средних лет, толстяк с косой, собранной сзади ремешком, с двумя телохранителями, и молодой человек, который мне не понравился.

Я сел неподалеку через столик, сбоку, чтобы разглядеть жертву и принять решение.

Убить его сейчас может оказаться сложным делом. Надо заманить его к себе в номер или нанести ему визит. А ведь в любой момент за ним могут прийти. Несмотря на молодость, Адамец был почетным гостем кона, а я — простым фэном.

Так что я пока разглядывал его.

Итак, Адамец мне не понравился.

Для меня это важно. Хуже нет, если тебе понравится жертва. Жертву нужно презирать, ненавидеть, желать ей смерти и стремиться к тому, чтобы избавить от нее человечество.

У Адамеца были длинные черные жирные волосы, которые неопрятно падали на усыпанные перхотью плечи твидового пиджака. Какого черта он таскает этот пиджак в тридцать градусов жары? Лицо у Адамеца было желтоватое, с темными кругами под глазами — такие люди, на мой взгляд, страдают от желудочных болезней. Руки у него были оливковыми — то ли это был естественный цвет, то ли он давно их не мыл. Большой палец левой руки был перевязан грязным, обмухоренным по краям бинтом.

Это писатель? Ничего подобного! Такой не только написать не сумеет, но и украсть вряд ли сможет.

Надо поговорить с ним. Я хочу быть объективным. Особенно если речь идет об убийстве. Мне не хотелось бы убить невинного человека.

Хотя плагиат — вряд ли основание для смертного приговора. Пожалуй, ни один кодекс в мире не имеет такой статьи.

Я вышел на ослепительное солнце. К счастью, ветерок еще не утих — он скатывался с поросших елями мягких гор. Я подождал Адамеца в тени старого каштана. Плоды были еще мелкими, светло-зелеными, рядом цвела акация — лето поздно разгулялось.

Адамец вышел из гостиницы минут через десять.

Он волочил ноги в нечищеных ботинках.

— Лучше бы вы надели сандалии, — сказал я.

Он почему-то не ожидал русских слов, удивился и даже испугался.

— Вы кто? — спросил он.

— Немного ваш коллега, — сказал я, — немного ваш поклонник. Я принадлежу к славному племени фэнов. Хотя не профессионал.

— Ага. — Адамец потерял ко мне интерес.

Он пошел к речке. Я догнал его.

— А вы кого хотели увидеть? — спросил я.

— Издателя, — ответил Адамец. — В крайнем случае редактора журнала. Я не люблю фэнов. Фэны, как правило, люди никчемушные, не нашедшие места в жизни и достойной работы. Вот и ползают с кона на кон. Лето — ваше сладкое время, как у бродячих собак. Тепло и помойки открыты.

— Скорее я — турист. Но люблю фантастику. Появилась возможность побывать в Словакии, заодно поглядеть на братьев по увлечению, я ею воспользовался.

— Вы в самом деле любите фантастику?

— А почему бы мне ее не любить?

Пока дул ветерок, я не ощущал запаха, но в узком переулке, который вел к псевдоготическому собору, мне в ноздри ударил запах его давно не мытого тела. Обязательно надо будет спросить, какого черта он не моется. Но не сейчас. Перед тем как я его убью. В конце концов, такой грязный человек не имеет права жить на свете и портить экологию. Кстати, вы не заметили, в какой момент название науки превратилось в синоним природы?

— Странно, — сказал Адамец. — Я никогда не читаю фантастику. Если кто-то пишет лучше меня, таких немного, но пока еще есть — например, Стругацкие или Филип Дик, — я расстраиваюсь от того, что они коптят небо. А к остальным испытываю презрение.

— А вам не приходило в голову избавиться от Стругацких?

— Как?

— Убить их. Нанять киллера и убить.

Только не подумайте, что я навязывался на работу к жертве. Мне было интересно, как тикает этот грязнуля.

— Вы псих какой-то, — искренне ответил Адамец. — Зачем убивать, они не Моцарты, а я не Сальери. У фантастов проще, чем у композиторов. Требования ниже.

Он расхохотался, показывая желтые зубы. Нет, он мне не нравился. Но убивать его мне не хотелось.

— Я не знаю, что вы написали, — сказал я.

— Для широкой публики я еще терра инкогнита. Но специалисты меня знают, — сказал Адамец. — Недаром пригласили. И знаете — за их счет. У меня бы и денег не нашлось на самолет. А они бесплатно пригласили.

Он искренне радовался.

— Это ваш первый успех? — спросил я.

— Вы что, мою фамилию не слышали?

— А как ваша фамилия?

— Учтите, — ответил Адамец, — в гостинице все звуки распространяются, как в банке с огурцами. Вы сегодня за завтраком спроси-

ли у Ливии, живу ли я в гостинице. Если бы я был подозрителен, то убежал бы от вас.

Я совершил непростительную ошибку. Попался как мальчишка.

— Простите, — я изобразил смущение, — мне сказали, что вы здесь будете.

Сейчас он спросит, почему я спрашивал... Но что-то его остановило.

Иначе мне бы пришлось принимать меры здесь, а это почти невозможно.

— Допускаю, — сказал он, — что вам попался весенний «Искатель», там моя повесть...

Он сделал паузу, давая мне возможность произнести название, но я, естественно, промолчал.

Когда пауза стала невыносимой, он с сожалением произнес:

— «Второй рассвет».

— Правильно, — согласился я.

Мы пошли дальше примиренные.

— Ее выдвигали на «Странника», но там своя мафия, — вздохнул Адамец. — Лучше бы не выдвигали.

— А у вас с собой этой повести нет?

Мы повернули направо, к собору, густая тень от каштанов прикрывала скамейки, на них сидели старички и дремали совсем по-московски.

— Вы что, читать ее будете?

— С удовольствием.

— Чепуха какая-то... у меня случайно с собой есть номер «Искателя». В самом деле случайно. Возьмете? Только до завтра.

— Мне хватит времени.

Если вы решили стать киллером, то предупреждаю — в нашем ремесле нет ничего вреднее, как знакомство с объектом. Из коровы, которую требуется зарезать, он превращается в человека. И в сердце киллера поселяется жалость. Впрочем, я не знаю, чтобы кто-нибудь из нас отказался от работы. Работа — это святое.

Мы перешли открытое раскаленное место, ветер уже стих, у разноцветных пастельных домиков торговали цветами.

— Вы знаете, что одна сторона бульвара называется Зимней улицей, а другая, вот эта, — Летней? — сказал я.

— Не может быть!

— Честное слово! — Я понял, что он еще совсем молод, ему, наверное, и тридцати нет.

Перед боковым входом в оперу, там, где золотыми буквами выложено «ресторация», висела матерчатая вывеска «Паркон-92», около нее в тени расположились фэны, которых мой спутник не выносил. Большей частью они были вполне похожи на людей, которые отлича-

ются от прочих обывателей тем, что имеют определенную цель в жизни — ведь любовь к фантастике — это цель.

Адамеца встретили как знакомого. Некоторые заготовили журнал с его повестью. Оказывается, ее уже успели перевести на чешский и издать в Праге. А мой заказчик сейчас сидит за письменным столом и не знает, куда приткнуть такую же повесть, только что завершенную рукой мастера.

Никто не спросил, как меня зовут и каким образом я сюда проник. Так что даже не пришлось лгать. Я старался не приближаться к Адамецу, чтобы в памяти участников Паркона я никак с ним не был связан. Кроме меня, здесь оказались два или три украинца, больше компатриотов я не обнаружил и не искал.

В перерыве между скучными и непонятными, так как произносились по-чешски, речами о достижениях фантастики я взял высокий бокал пива «Жаждущий монах» и присел к столику, где в одиночестве томился Адамец.

— Как вы относитесь к Заказчику? — спросил я.

Имени его я не упоминаю, не знаю уж почему. Но раз не назвал его с самого начала, сохраню тайну.

— Он был мастером, — сказал Адамец. — Я на его штуках учился. Мне даже кажется порой, что мы с ним похожи. И в то же время я его не люблю. Знаете, у меня бывает ощущение, что он мне мешает. Я хочу что-то сделать, а он кричит из-за угла: стой, это мое! Какого черта он лезет со своими вышедшими из моды идеями? Впрочем, я, наверное, ему завидую. Перед ним все двери открыты, в любом издательстве, а я куда ни приду — у нас нет свободных мест, люкс занят Булгаковым, а номер с одинарной кроватью — вашим другом.

Ничего, хотел сказать я, через шесть лет все переменится. Уже заказчик будет безумствовать. Но сказать этого я не мог — ведь я здесь для того, чтобы этого не случилось.

Он вернулся в зал, а я пошел гулять. На Летней улице стояло несколько киосков с цветами — сколько же жителей должно быть здесь, сколько юбилеев, чтобы разобрать это количество роз и хризантем! Мне нравился этнический тип словаков — у них, как правило, птичьи лица. Нос невелик, как у коршуна или сокола, но с горбинкой и часто высокой переносицей. Нос для очков. Народ они здоровый — еще бы, вокруг, куда ни глянь, лесистые отроги гор, хрустальный воздух и хрустальная вода. И это в самом центре Европы!

Я подстерег Адамеца на веранде — как чувствовал, что он придет сюда теплым вечером.

— Я так и думал, что вас здесь застану, — сказал он. — Странно, но меня к вам тянет. Вы не раздумали еще прочесть мою повесть?

— Нет, что вы, присаживайтесь.

— Тогда можете зайти ко мне. У меня здесь с собой публикация в «Искателе» и продолжение. Я задумал роман из трех частей. Первую

часть уже опубликовал, вторая здесь в рукописи, я ее как раз привожу в порядок, а третью задумал.

Официант с птичьим хищным носом, что дисгармонировало с широким мягким лицом и почти белыми волосами, принес нам по кружке «Монаха». На волейбольной площадке под верандой гулко ударяли по мячу, и женский голос разочарованно вскрикивал при неудачах. Ровно шумела горная речка.

Я сидел, чуть отодвинувшись от стола, мой собеседник вспотел, и от него несло потом. Если бы не это, я мог его пожалеть. Мне хотелось позвонить домой и узнать, как дела у мамы, — ее операция дорого стоила и смерть молодого фантаста должна была оплатить еще несколько лет ее жизни. Моя мама — достойная женщина.

Он говорил мне, что станет знаменитым писателем и тогда Заказчик будет вынужден признать это. Где-то Заказчик уже успел обидеть Адамеца. Я видел, что они роковым образом связаны и один должен уступить дорогу. Это случится — с моей помощью или без нее, но обязательно случится.

Я был лишь орудием судьбы.

Ах, как приятно уговорить себя!

— Что любопытно, — сказал Адамец, громко отхлебывая пиво. (В пиве он не разбирался — просто ему было жарко и пиво было приятнее лимонада.) — У него был рассказ, очень близкий по сюжету. Мне он попался, как раз когда я заканчивал повесть. Мне стало странно — почему наши головы работают так схоже. Но я знал, что смог увидеть все лучше и глубже его. Вот прочтете и все поймете.

— Но я не читал его книги.

— Не тратьте времени. Это все пустое. Он — пригорок для велосипеда, а я уже гора. И пускай они называют меня постмодернистом. Они просто не знают слова для настоящего таланта и не могут признать, насколько я их выше. Ну, вы пойдете ко мне за рукописью?

В номере он вдруг усомнился, давать ли мне рукопись. Первую часть, в журнале, отдал легко, а рукопись...

Потом сказал:

— Прочтете журнал, если захочется, попросите. Добро?

Мерзавец! Он мне не доверял.

— К сожалению, — сказал я, — мне придется вас убить.

— Зачем? — спросил он. Он еще не успел испугаться.

— Меня попросили.

— Чепуха! Так не бывает.

И я выстрелил ему в живот. Я не хотел, чтобы он боялся, мучился, переживал. Выстрелил — и дело с концом.

В комнате жужжала, летала кругами стрекоза. Стрекозам пора спать, а эта летала. Пистолет мой был практически беззвучным.

Он сел на пол и запрокинул голову.

Я подождал, пока он исчезнет.

Затем я взял журнал, вынул из его чемодана рукопись. Чемодан был желтым, потертым.

Я не торопился уходить. Я ждал, пока все закончится.

Сейчас его тело несется, прошибая перегородки между слоями, разделяющими параллельные миры. Разумеется, в переносном значении — его телу надо отыскать тот мир, в котором существует точно такой же Сергей Адамец, приехавший в точно такой же городок Спишска Нова Вес. Он соединится с ним и не заметит того, что в теле будут жить две души, две одинаковые души в одном теле. У нас же, в нашем мире, на одного фантаста стало меньше...

Вы уже готовы упрекать меня за то, что я обманываю заказчиков, не убиваю их жертвы, а попросту переселяю их в иную реальность.

Если вы все еще недовольны мной, то объясните мне разницу между полным и окончательным исчезновением человека и его смертью — исчезновением его души при условии, что бренная оболочка где-то валяется. А что, если я утоплю его в озере? Так что его не найдут много лет? Или закопаю — надежно и глубоко? Разве тогда бренная оболочка не исчезнет? Ну то-то.

Я не говорю о гуманизме. Честно говоря, я убил Адамеца. Он хотел существовать именно в моем мире, может, даже полюбил девушку, может, подружился с издателем. Я ведь не уверен, что в том мире, куда он попал, есть все то же самое, точно то же самое. Вернее всего, он не сообразит, что же случилось на самом деле. В лучшем случае сочтет все странным сном.

Я быстро просмотрел его вещи. Ничего, что могло бы связать нас. И ни слова о Заказчике.

Потом я взял с собой все принадлежавшее Адамецу. Даже зубную щетку. Когда завтра придут, окажется, что молодой немытый писатель уехал, ничего не сказав. А так как его номер оплачен, никто не спохватится. Никто не спохватится и на Парконе, так как писатель уже выступал сегодня и волен уехать куда вздумается. В Москве у Сергея тоже нет родных. Был человек — и не стало человека.

Я взял его сумку и перешел через коридор, к себе.

Мой поезд уходил в половине седьмого утра. Я позвонил дежурной, попросил разбудить меня и заказал такси.

Итак, я убил еще одного человека. Теперь изучу то, что он оставил после себя на нашей Земле.

Я лег в кровать и стал читать повесть в «Искателе». Это была великолепная повесть. Я не очень люблю фантастику, скажем, я равнодушен к ней. Но это была чудесная, легкая, совершенно не похожая на автора вещь.

Я дочитал журнал в два часа ночи и заснул под гипнозом его таланта.

Утром, в поезде, я принялся за вторую часть — рукопись.

Я закончил читать у самой Братиславы, через пять часов.

Погода катастрофически испортилась. Уже от Жилины начался дождь. Высокие Татры скрылись в облаках. Облака неслись над замком в Тренчине, порой скрывая его башни. В купе было пусто, последний попутчик сошел в Тренчине.

Содержимое сумки Адамеца я завернул в словацкую газету и уже на вокзале в Братиславе выкинул сверток в бак для мусора. Пустой желтый чемодан я избрал своим багажом — в него уложил свою сумку. Выкидывать в Братиславе я его не хотел, чтобы не вызвать излишних подозрений. А вдруг он попадется на глаза кому-то из делегатов кона — случайности бывают невероятные.

Желтый чемодан я выбросил в лесу возле Шереметьева, в гигантскую кучу мусора.

Три часа, пока мы летели до Москвы, и еще полчаса в автобусе я думал лишь о повести. Мне было важно узнать, что будет в третьей части. Пожалуй, мне еще в жизни не приходилось попадать в такое странное положение — я зависел от литературного текста, как наркоман от понюшки кокаина.

Я утешал себя тем, что содержание я узнаю от Заказчика. Ведь у него наверняка эта рукопись уже лежит перепечатанная в столе. Не зря же я убил соперника!

Я заехал домой. Квартира была пуста. Мамы и не должно было быть дома — она в больнице, ждет операции.

Я позвонил Заказчику. Никто не подошел.

Я позвонил в больницу. Больная Иванова Мария Семеновна в списках больных не значилась. Я поехал в больницу. По дороге я все время перебирал варианты завершения повести. Я был болен ею.

Мамы в больнице и в самом деле не оказалось. Но ничего страшного. Оказывается, я ошибся. Она была не в 41-й, а в 42-й больнице. Зачем-то я неправильно записал адрес и номер больницы.

Дождь, начавшийся еще в Братиславе, так и не прекращался. Было холодно. Я поехал к Заказчику. Меня грызло любопытство. По законам моего ремесла, мне нечего было у него делать. Если все прошло благополучно, он не знает никакого Адамеца.

Но я-то уверен во всеобщем действии закона Компенсации. Если сегодня субъект испытывает влияние другого человека, а я его уничтожу или, вернее, уберу шесть лет назад, то природа в своем могуществе компенсирует свою потерю и заместит Сергея Адамеца кем-то еще.

Я знал об этом, но меня интересовало лишь, чем кончится повесть.

Я долго звонил у двери Заказчика.

Потом появилась какая-то тетка с собакой, которая там жила. Она сказала, что шесть лет назад Заказчик пропал без вести — ушел из дома и не вернулся. Об этом же в газетах писали!

Раньше такого прокола со мной не случалось.

Значит, они опять вместе!

Лишь я остался один. И никогда не узнаю, чем же закончилась эта чертова повесть!

Я вышел на улицу, сел под дождем на скамеечку у подъезда, закурил и вдруг улыбнулся, представив себе, как Заказчик, пользуясь запретными путями и способами, ищет в том мире убийцу, чтобы избавиться от своего вечного спутника Сергея Адамеца.

А здесь их кто-то заменит. Или уже заменил. Мне надо лишь найти этого человека и спросить, чем же все же это кончится.

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Я знал одного мудреца, который даже зажимал нос, как только приходилось поднимать завесу будущего.

М. Салтыков-Щедрин.
«Помпадуры и помпадурши»

Сергей Сергеевич был жестоко простужен, и, наверное, поэтому все выборное действо проходило перед его взором в некотором тумане. Он мечтал об одном: чтобы этот день наконец завершился, и неважно, кто победит. Он пытался даже отпроситься после обеда, но председатель избиркома сказал: «Ты с ума сошел! Сейчас с огородов народ хлынет».

И тут же вылезла Митрофанова, заявившая, что необходимо доставить урну пенсионерке Самохваловой на Лесистую, 20, потому что у нее (пенсионерки) отнялись ноги, но она желает выполнить свой гражданский долг.

И вот тогда Сергей Сергеевич взбунтовался. И поставил условие: он пойдет с урной, но требует сопровождающее лицо, которое эту урну вернет на участок. А сам он отправится домой, болеть.

После небольшого спора Сергей Сергеевич отстоял свое право умереть в домашних условиях. Они пошли вдвоем с Мишенькой из техникума, а за ними увязался наблюдатель от национально-патриотической партии, Ким Корай, приехавший в Веревкин с юга, а потому обозленный на всех кавказцев и прочих лиц темноволосых национальностей.

Идти было недалеко, одну автобусную остановку, но пешком. Мишенька, невысокий увалень с проводом в ухе, с помощью которого он наслаждался тяжелым роком, нес урну, прижав к груди. Сергей Сергеевич брел за ним, а маленький, высушенный жизненными неладами и нелюбовью Ким Корай старался идти рядом и все сбивался на рысь.

— Мы наладим нормальную жизнь, — говорил он. — Потому что имеем концепцию очищения национальной идеи. Барбудов прошел Афган и Чечен, всюду налаживал. Хватит нам расхлябанности. Пона-

строили коттеджей из гранита на вольных просторах, а мы задыхаемся в коммуналках.

Он и еще что-то говорил, но Сергей Сергеевич слушал плохо.

Ким Корай жил в собственном, изобретенном им с помощью еженедельника нацпатриотов «Налево!», приятном и тревожном мире. Там он сводил счеты с врагами, изгонял чужаков, наводил порядок и твердое распределение.

Мишенька был аполитичным молодым человеком, он хотел торговать кассетами, но оказался слишком ленив, и кассетами торговали другие, которых Ким Корай не любил.

Ким Корай сказал, что пошел с ними потому, что от каждого голоса может зависеть будущее.

Сергей Сергеевич не верил в это и, как человек пожилой, был убежден, что будущее идет своим ходом и не зависит от отдельных голосов.

Пенсионерка Самохвалова долго не отзывалась. У Сергея Сергеевича кружилась голова, ноги стали ватными. Наконец она открыла дверь. Самохвалова была разочарована приходом людей с урной, потому что, призналась, уже начала писать жалобу на игнорирование прав пенсионеров.

В нарушение всех правил Ким Корай принялся говорить ей о том, что пора гнать цветных и наводить порядок. Старуха сказала: «Я думала, что евреи уже уехали». «Не только в евреях наши проблемы, — ответил Корай, — хотя и в сионистах, конечно». Бабуся велела всем выйти в коридор. Сергей Сергеевич боялся, что потеряет сознание и не дождется, когда пенсионерка наконец заполнит бюллетень.

Потом они вышли на улицу, и Сергей Сергеевич сказал Мишеньке:

— Урну никому не отдавать!

— Не нужна мне ваша урна, — обиделся Корай.

Он стоял перед портретом Барбудова. Барбудов был в черном мундире без знаков различия, он протягивал руку вперед, за его спиной колосилась нива, а над головой было начертано: «Путь к изобилию!»

Сергей Сергеевич пошел домой. На площади репродуктор выплескивал песни шестидесятых годов, люди ходили умытые и одетые на полпути к празднику — так одеваются в гости к свекрови.

Дома Сергей Сергеевич согрел себе чаю.

Потом надел шлепанцы.

Избирательная кампания была сложной и бурной, старый городской голова Пичугин — или, по-современному, мэр — нажимал на то, что сделано. Хотел идти по старому пути. Область обещала немедленно осыпать город благодеяниями, если Пичугин возьмет верх над Барбудовым. Но Пичугин уже обеспечил детей и родственников, и все шло к тому, что Барбудов, хоть чужой и даже пугающий обывателя, может взять верх.

Сергей Сергеевич напился горячего чаю, заставил себя лечь и закрыть глаза. Кровать как будто покачивалась на волнах.

В глаз Сергею Сергеевичу ударил яркий луч света. Было позднее утро. Свет был странным, как будто кварцевым и даже сопровождался запахом близко пронесшейся молнии.

Сергей Сергеевич старался понять, что же его разбудило.

Ага, звонок в дверь.

Он поднялся, откинул плед. Он всегда спал на диване, и не потому, что числился в старых холостяках: такова была генетика потомка мелкопоместных дворян, для которых диван был мужским ложем, а кровать — женским и любовным.

Сергей Сергеевич открыл дверь.

Там стояла Зинаида из жэка.

Она была бледна и даже напугана.

— Вальков? — формально спросила она и протянула Сергею Сергеевичу ведомость. Ткнула пальцем в графу, где расписаться. Потом молча сунула ему книжку оплаты коммунальных услуг.

Дверь закрылась. Сергей Сергеевич раскрыл книжечку. Первая же страница грозила: «Запрещается передавать в чужие руки. Действительно только при предъявлении удостоверения № 2».

Вторая страничка была разграфлена на квадратики, и каждый обещал: «Сахар — 500 г». Следующая страничка была посвящена маслу, только нормы оказались поменьше: «Масло — 200 г».

Сергей Сергеевич поглядел на обложку. На ней возникли буквы:

ТРЕТИЙ КВАРТАЛ.

Сергей Сергеевич решил позвонить на избирательный участок. Но на звонок никто не откликнулся.

Избирательный участок располагался в школе, где Сергей Сергеевич преподавал биологию. И учитель решил отправиться туда, тем более что простуда и недомогание прошли.

Улица была пустынна. До революции она называлась Николаевской, потом, в двадцатых, получила экзотическое наименование Поезд Троцкого, а с конца двадцатых и до разоблачения культа личности была улицей Кагановича. Затем ей суждено было несколько лет побыть Целинной улицей, и вот теперь она снова стала Николаевской... ан нет! Какой-то шутник сорвал табличку «Николаевская» и вернул старую — «Целинная». Кому это понадобилось?

И тут Сергей Сергеевич увидел двух молодых людей в черных мундирах со множеством скрипящих черных ремней. На груди у каждого висел автомат.

— Стой, — сказал один из них. — Документы!

— Доброе утро. — Сергей Сергеевич уважал любую законную власть, но никогда не заискивал перед ней. — У меня нет с собой документов.

— Придется задержать, — сказал один из молодых людей.

— Простите, но что произошло? Зачем вам мои документы?

— Произошло то, что и должно было произойти, — сказал молодой человек.

— Пошел, отец, тебя проверить надо.

Сергей Сергеевич не стал спорить и побрел по улице, тем более что вели его в том же направлении, какое он выбрал для себя сам.

Он подумал, что лицо молодого человека ему знакомо, и обернулся.

— Иерихонский! Паша! А разве ты не уехал в техникум? — узнал он своего ученика.

— Иди, папаша, — ответил Иерихонский. — Там разберемся, кто куда уехал.

В скучном сером вестибюле школы, одну сторону которого занимала раздевалка, стояло несколько столов. За ними сидели люди, большей частью, разумеется, знакомые Сергею Сергеевичу.

Паша Иерихонский был строг. Он толкнул бывшего учителя дулом «калашникова» в спину, и тот ткнулся в стол, за которым сидел директор школы Райзман Илья Семенович.

— Проверить удостоверение, место жительства, национальность, — велел Паша.

Райзман начал суетливо перекладывать бумажки с места на место.

— А по какому праву, — спросила физкультурница Арефьева, — сионист у цэрэушника документы проверяет?

В вестибюле воцарилась глубокая тишина.

Два мальчика внесли большой портрет Барбудова в золотой раме. На этом месте за сто лет сменилось много портретов, от его величества до вождей и даже поэта Пушкина.

Буфетчица в кокошнике и платье из самодеятельности вплыла с большим подносом: Сергей Сергеевич подумал, что она принесла чай для членов комиссии. Но на подносе стояли штоф и чарка.

— Исполать тебе, — сказала она и зарделась.

Паша Иерихонский выпил из чарки, потом кинул ее так, чтобы угодить Райзману в глаз. Сергей Сергеевич вспомнил, что у Паши Иерихонского был в свое время конфликт с директором школы.

— Я не дал вам повода... — Райзман поднялся с места, но Иерихонский приказал:

— Молчать!

— Иерихонский, — не выдержал Сергей Сергеевич, — как вы смеете!..

Паша начал стрелять на звук голоса. Пули свистели возле ушей Сергея Сергеевича, но, по счастью, пролетали мимо.

И тут прозвучал пронзительный голос:

— Прекратить!

Стало тихо.

К Сергею Сергеевичу подошел сам Барбудов, лысый и внушительный.

— Поймите его, — сказал он. — Жизнь, полная лишений, презрение и обиды, наносимые русофобами...

— Отец Паши Иерихонского работал в горкоме, — твердо сказал Сергей Сергеевич.

— Неужели вы верите сионистским наветам? — укоризненно спросил Барбудов. — А я вас искал, стремился, удостоверение по форме два вам принес. Ну держите, держите, дорогой мой человечище.

Барбудов дал Сергею Сергеевичу удостоверение, тот попытался открыть книжечку, заглянуть внутрь, но книжечка оказалась склеена намертво.

— Мне нужны беспартийные активисты, которые пользуются доверием населения, — сообщил Барбудов. — А то нам, диктаторам, так трудно в одиночестве!

Он обнял Сергея Сергеевича за плечи и повел к двери. У выхода обернулся и вытащил пистолет.

— Не надо, — сказал Сергей Сергеевич.

— Нет, надо! — крикнул Барбудов и выстрелил в директора Райзмана. — За всех погубленных тобою детей!

Сергей Сергеевич вырвался из объятий Барбудова и побежал на улицу.

Барбудов гнался за ним и управлял движением Сергея Сергеевича.

Сергей Сергеевич успел заметить, что на всех домах уже висят портреты Барбудова — в косоворотке или в черном мундире — с надписями: «Наш отец — патриотизм без косых, черномазых и интеллигентов!», «Он не забудет мать родную», «Плоть от плоти, кровь от крови». Некоторые портреты разевали рот и говорили речи, но на бегу Сергей Сергеевич не успевал услышать, что они произносили.

Вскоре они оказались на вокзале. Играл духовой оркестр. Барбудов взбежал на трибуну и встал рядом со старым мэром.

— Мы будем достойны! — закричал он. — Доверия! Мы подхватим ваше знамя! Наше знамя!

Бывший мэр, Пичугин, из секретарей горкома, одряхлевший на этом сытом месте, вздыхал, как морж, и никак не мог понять, что произошло.

— От имени общественности слово прощания произнесет наш любимый учитель биологии...

Сергей Сергеевич догадался, что речь идет о нем, и, пытаясь спрятаться, сел на корточки.

Но Барбудов указал на него пальцем.

Сергей Сергеевич с некоторым успокоением понял, что сидит уже не на корточках, а на ночном горшке. Толпа перед ним расступилась, телевизионная камера жужжала прямо в лицо.

— Иди с горшком, — потребовал Барбудов.

— Не могу! — отозвался Сергей Сергеевич.

— Он у нас принципиальный, — сказал Барбудов, склоняясь к уху предшественника. — Быстро, в поезд. Все готово.

Мэра, его заместителей и иных важных персон старого времени бегом сопроводили к вагонам. Сергей Сергеевич стоял с горшком и не знал, куда его вылить.

— Постыдился бы, — сердилась заведующая музеем. Барбудов стоял на трибуне и махал рукой вослед поезду. Мэр и его заместители высунулись в окна и махали в ответ. Когда они чуть проехали, поезд взорвался, и его обломки усыпали пути.

На площади скопилось много людей, и все кричали «ура» Барбудову.

И тут паровозная труба спустилась и ударила Сергея Сергеевича по голове... И он пошел домой. Из последних сил доплелся до койки и, хотя день еще не кончился и музыка играла из-за ставен, рухнул на диван...

Он проснулся.

Утро было светлым и чистым, за окном пели птицы и перекликались автомобильные гудки. У соседей заиграло радио.

Сергей Сергеевич лежал, не в силах свалить с себя гнет ужаса.

Приснится же такое!

Как только он подумал о кошмаре, сразу охватила тревога: кто же победил на выборах?

Босиком Сергей Сергеевич подбежал к телефону.

Он позвонил в школу. Долго не подходили. Старого учителя начала глодать тревога. Но тут он услышал ворчливый голос Нюши, пожилой уборщицы, знавшей в городе всех и вся.

— Нюша! — закричал Сергей Сергеевич. — Почему никто не подходит?

— Некоторым спи, сколько желаешь, а другие должны подводить бессонные итоги.

— Ты скажи, кто победил?

— Бешбармак взял верх, наш-то теперь подавать будет на пересчет, а какой пересчет, если у Бешбармака перевес в двадцать процентов. Нельзя народ мучить недоплатами и, прости за выражение, коррупцией.

— То есть у нас теперь... национальные патриоты в городе?

— Они самые, милый, они самые.

— И талоны уже выдают?

— Вот этого не скажу, — ответила Нюша. — Если больше вопросов не имеешь, я пойду убираться, а то нашкодили за вчерашний день — тут бригада нужна, а не одна старуха на нищенской зарплате.

Сергей Сергеевич долго не мог заставить себя выйти на улицу.

Кошмар, привидевшийся только что, оказался лишь репетицией к реальности.

«Ну нет! — сказал он себе. — Ну уж нет! Общественность не допустит! Есть же в городе здоровые силы. Мы можем объединиться и дать отпор. Москва не за горами».

Сергей Сергеевич решительно оделся, но, правда, при этом с внутренним ужасом прислушался, не раздастся ли звонок в дверь. И когда звонок все же раздался, то он пошел к двери без задержки, обреченно и подавленно.

За дверью стоял молодой человек, в котором Сергей Сергеевич узнал своего бывшего ученика Пашу Иерихонского. В черном мундире без знаков различия. Он был худ, бледен и восторжен.

— Простите, что я поднял вас с постели, Сергей Сергеевич, — сказал он. — Но сегодня наш день — день победы национальной идеи!

— Начинаем выяснять состав крови? — спросил Сергей Сергеевич. — Или искать чернозадых?

На лице Паши Иерихонского отразилось удивление.

— Как вы можете так говорить? — спросил он. — Я же был вашим учеником! Неужели вы капитулируете? Неужели вы не могли вложить в меня доброго и вечного?

Сергей Сергеевич смолчал.

— А я вам пригласительный билет принес, — обиженно сказал Паша. — Мы устраиваем гала-концерт. Вы в первом ряду, через два места от Никифора Фокиевича.

— Это кто еще?

— Это наш вождь, Барбудов. — Паша зарделся.

— Ах да, он же по документам проходил. А где прежний?

— На вокзале. Как с утра сдал дела, помчался в Тулу жаловаться. Только уж очень большой разрыв в голосах — народ знает, в каком направлении лежат его успехи.

— А гулять по улицам не опасно? — спросил Сергей Сергеевич.

— Мы для того и пришли к власти, — серьезно сказал молодой человек, — чтобы навести порядок в нашей области. Настоящий, справедливый порядок, невзирая на лицо, национальность и политику. Вы меня понимаете?

— Пока не очень, — признался учитель. — Ну, давай билет. Заранее отпечатали?

Юноша лукаво улыбнулся:

— Мы были уверены в своей победе, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич стал читать программу концерта.

Там была музыка Вагнера, Моцарта... но, с другой стороны, Мендельсона и Дунаевского. А также народные песни, включая солистов областной филармонии.

Дождавшись, когда Паша уйдет, Сергей Сергеевич вышел за ним на улицу. Улица была обыкновенной. И то слава богу! Люди ходили, машины ездили.

Встретились, правда, двое юношей в черных мундирах, но они скромно уступили Сергею Сергеевичу дорогу.

На каланче пожарной команды висел портрет Барбудова. Он держал в руке томик Пушкина. Надпись на плакате звучала несколько загадочно: «И друг степей калмык!»

— В каком смысле? — вслух сказал Сергей Сергеевич, и некто в черном, следовавший за ним, произнес:

— В смысле дружбы народов.

Вглядевшись в черты лица человека в черном, Сергей Сергеевич узнал Барбудова.

— Здравствуйте, — сказал учитель. — Не думал, что в утро победы вы пойдете гулять по улицам.

— Это мой долг, — скромно ответил Барбудов. — Мне нужно как можно лучше уяснить характер состояния дорожного покрытия, и в то же время хочу понять, нет ли перегибов.

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот, смотрите! — Барбудов показал на свой портрет, висевший на пожарной команде. — При чем здесь калмыки? На ваше счастье, я рядом оказался, а без меня вы бы черт знает что подумали! Решили бы, что я и есть лицо калмыкской национальности.

— Это ужасно!

Барбудов не уловил иронии и поспешил в здание пожарной команды, чтобы навести там порядок.

Догнал он Сергея Сергеевича на перекрестке, у клумбы, которую пытался возродить каждый новый мэр, но эта затея всегда проваливалась.

— А я смогу, — сказал Барбудов. — Даже если будем держать здесь круглосуточный караул и расстреливать каждого, кто подойдет на десять шагов. Как вы думаете, подействует? Надо с экологами посоветоваться.

— Экологи вам посоветуют, — согласился учитель.

— Но в первую очередь меня беспокоит внешний вид моих помощников. Уж очень они воинственные. А ведь у нас воцаряется ласка!

— Что воцаряется? — переспросил учитель.

— Ласка, любовь к людям, забота о стариках и младенцах... Как вы думаете, меня правильно поймут, если я легализую проституцию?

— Неправильно.

— Вот и я этого боюсь. А ведь напрасно. Если мы будем держать секс под контролем, то спасем девочек от венерических заболеваний.

И исчез Барбудов, словно его и не было.

На углу стояли веселого вида «гвардейцы» и выдавали прохожим апельсины из большой корзины, что стояла перед ними. Люди брали. А если кто не брал, «гвардейцы» с хохотом разбивали ему о лоб яйца, которые лежали в другой корзине.

Сергей Сергеевич взял апельсин.

И сказал:

— Шутки у вас дурацкие!

— Так у нас праздник, Сергей Сергеевич, — возразил один из них. — Завтра примемся за работу, будем чистить и мыть нашу державу, чтобы не было нам с вами за нее обидно. Едут к нам помощники со всех краев уничтоженного демократами родного Советского Союза.

— Ты не прав, Викентий, — прервал его товарищ. — Скажи: Великая Россия. Ве-ли-кая Россия.

И со смехом он разбил яйцо о лоб своего напарника.

Впрочем, подумал Сергей Сергеевич, на деле оказалось все куда более обыкновенно, чем во сне. Конечно, есть некоторые странности в поведении — но как можно было ожидать точного повторения пройденного? Может, даже свежая струя, какой бы странной ни казалась она непривычному взгляду. Но, в конце концов, из чего выбирать? Так ли уж лучше был предыдущий жулик, который не способен был видеть ничего, кроме собственного кармана, и полагал, что лукавое служение Туле и лично товарищу Белугину спасет его от всяких бед?

На главной площади, за памятником Ленину, который указывал на разрушенную еще до войны церковь, собралась толпа горожан. Там была выстроена эстрада. «Умеют же, черти, у нас работать, когда захотят!» — умилился Сергей Сергеевич.

Вокруг эстрады стояли очевидцы, а на ней под аккомпанемент трех баянов плясал «Камаринскую» директор школы Райзман. Плохо плясал, но старался. Он был потен и растрепан.

— Илья Семенович, отдохнули бы!

— А кто будет изображать радость? — задыхаясь, спросил директор школы. — Вы меня готовы заменить?

— Если вам плохо, то разумеется.

Сергей Сергеевич направился к эстраде. Над ней был протянут розовый в цветочках плакат:

ЖИЗНЬ ПРИ БАРБУДОВЕ СТАНЕТ ЛУЧШЕ,
СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЕ!

— Сергей Сергеевич, — попросил его Паша Иерихонский, — не мешайте представителям национальных меньшинств выражать свою радость. Веселье должно быть непринужденным.

Он переоделся: на нем был длинный, до земли, халат, а на голове полотенце, перехваченное толстыми веревками. В руке была большая кружка. На ней наклеены буквы:

«Помогите голодающему Ираку!»

— Стоит ли нам ввязываться? — спросил Сергей Сергеевич.

— А как же? — растерялся Паша.

Барбудов, вышедший из толпы, обнял Сергея Сергеевича за плечо и повел прочь.

— Нам нелегко, — говорил он. — Со всех сторон непонимание, иногда даже злоба. Мы же хотим создать нечто чистое, без примесей. Вам приходилось читать труды академика Гумилева? Кстати, сын Анны Ахматовой, немало пострадавшей от сионистов. Он много пишет о витальности, о жизненной силе народов, которая зависит от чистоты расы. Кстати, еврейская национальность, по мнению этого великого ученого, лишена чистоты и витальности. Вы представляете? У меня просто глаза открылись, когда я прочел.

Барбудов подвел Сергея Сергеевича к полянке за площадью, где

обычно летом проводились танцы. На полянке лежало много металлических частей, а также два или три полуразобранных автомобиля. Вокруг них весело, с прибаутками, суетились молодые люди в спецовках или просто в трусах.

— Вот и добровольцы, — с улыбкой сказал Барбудов. — Собираем танки в помощь соотечественникам в ближнем и дальнем зарубежье. И ваш совет нам тоже пригодится...

— Мой совет? — удивился Сергей Сергеевич.

— Не виляйте, не виляйте, дорогой учитель. Вы биолог, а в мире голодают миллиарды несчастных людей. Да вы посмотрите вокруг! Разве на пенсию проживешь? А индонезийцы? А, извините за выражение, негры? Все голодают! Дадим вам лабораторию, если хотите — институт. Будете вы у нас разрабатывать дешевую пищу для голодающих! Пора подумать об этом. Ну как, готовы?

— Боюсь, не по плечу...

— Мы вам помощников подберем, добровольцев, славных ребят, с хорошими анкетами.

— Ну уж и не знаю...

— А мы вам уже и здание выделили!

Защитник голодающих поднял палец, и перед ними остановился «Мерседес», за ним два мотоцикла и три джипа сопровождения. В мгновение ока Сергея Сергеевича затолкали на заднее сиденье.

Вышли они возле детского дома. Здание небольшое, построенное еще до революции как приютское.

Через боковые окна вылетали кроватки, одеяла, тумбочки и детские игрушки. Рядом с дверью уже прибивали мраморную вывеску:

ИНСТИТУТ БИОЛОГИЧЕСКОГО ДОСТИЖЕНИЯ

— Заходите, заходите, не стесняйтесь, — сказал Барбудов. — Здесь все свои.

Растерянный Сергей Сергеевич последовал за Барбудовым внутрь. Там было пусто, на лестнице как раз раскатывали ковер.

— Сейчас ваш кабинет покажу, — сказал Барбудов.

В коридоре второго этажа стояли кучкой дети.

— Некоторых воспитанников пока оставим тут, — сказал Барбудов, — может, они вам пригодятся.

Он открыл дверь в обширный кабинет с табличкой «Директор С.С. Вальков». Кабинет был огромен — бывшая столовая вместе с кухней.

— Будете иностранные делегации принимать, — сказал Барбудов.

— А где лаборатории? — спросил Сергей Сергеевич. Разумеется, в этой оперативности было нечто пугающее... но и лестное для старого учителя. Всю жизнь он стремился к большой науке, и всю жизнь его туда не пускали.

— Все в подвалах и наверху. Начинайте работать, подбирайте персонал. Заместителем будет Паша Иерихонский.

И тут же исчез, словно и не было.

Сергей Сергеевич уселся в мягкое кресло. Нажал кнопку селектора. Наугад.

Тут же открылась дверь, и хорошенькая девица заглянула внутрь.

— Вызывали, Сергей Сергеевич?

— Потом, потом, — испуганно сказал Сергей Сергеевич и попытался взять себя в руки. — Извините, как вас зовут?

— Леокадия, — сказала девушка. — Можно просто Люся.

— Я вас позову, если что.

— Слушаюсь, шеф, — сказала девушка. — Только учтите, никакого секса в рабочее время! После шести — пожалуйста, служебный комплект белья уже получен.

— Вот это лишнее, — заявил Сергей Сергеевич.

— У нас все теперь будет делаться только для счастья народа, — сказала девушка и вышла из кабинета. Юбка сильно обтягивала ее зад, но в одном месте материя оттопыривалась: угадывался пистолет.

«Ну что ж, — подумал Сергей Сергеевич, — девочке приходится охранять свою честь».

Он углубился в чтение документа, лежащего в папке на столе.

«Комплекс мер по осчастливливанию населения гор. Веревкина (с распространением опыта на всю державу). Докладная записка».

В записке говорилось, что все беды идут оттого, что в мире развелось слишком много лишних ртов — несчастных голодающих людей, которые уже не приносят пользы и не представляют ценности как генетический материал. Задачей института является разработка средств по ликвидации этой проблемы. Наиболее цивилизованным средством является переработка лишнего населения в удобрение для увеличения урожая. Однако, учитывая общий гуманный характер позиции доктора наук Барбудова и его партии, все мероприятия этого рода проводятся только на основе добровольного согласия сторон и полной радости. Для первых опытов выделяются воспитанники детского дома гор. Веревкина, относящиеся к кавказской, еврейской и цыганской национальностям.

Записка была подписана Вальковым С.С., директором Института биологического достижения.

Сергей Сергеевич в ярости нажал на кнопку.

Вошла полная брюнетка средних лет.

— Вызывали? — спросила она.

— Где Люся?

— Люся на сексуальном обслуживании делегатов профсоюзного семинара, — сказала брюнетка. — Меня зовут Кларой.

— Клара, там в коридоре дети!

— Шестнадцать человек. Ваши указания?

— Накормить!

— Невозможно, Сергей Сергеевич, — сказала Клара. — Детская столовая закрыта и переведена в казармы гуманитарной помощи. Есть только лимитный буфет для руководства и научных сотрудников.

— Почему нет столовой?

— Зачем кормить? Уже подготовлены чаны для варки.

— Вы что, с ума сошли?!

— Есть мнение, что это не дети, — твердо сказала Клара. — Это инопланетные пришельцы, которые хотят нас покорить.

Сергей Сергеевич вылетел в коридор.

Снизу поднимался пар.

Паша Иерихонский вел по лестнице первую девочку. За ним парами шли остальные воспитанники.

— Стойте! — закричал Сергей Сергеевич. — Вы куда?

— Дезинфекция! — радостно сообщил Паша.

Сергей Сергеевич обогнал процессию. Внизу в вестибюле стояли большие котлы. Возле них — доброго вида старушки в синих халатах.

— Раздевайтесь, дети, — сказал Паша, — мы сейчас будет дезинфицировать ваше бельишко.

Дети начали раздеваться.

— Прекратите! — закричал старый учитель.

Дети, смеясь, кидали в кипящие котлы свои трусики, маечки и платьица.

Старушки ворошили белье в котлах длинными палками.

— Какой запал! — засмеялся Барбудов, подойдя сзади. — Неужели вы думали, Сергей Сергеевич, что мы изверги? Мы за чистую нацию, но с помощью гуманизма.

— А дети?

— Детям ничего не будет. Постирают — и играть на полянку. Поехали, Сергеич, на семинар. Надо обсудить хозяйственные дела. Как бы шахтеры не стали бастовать.

— Какие шахтеры?

— А для руководства институтом у вас нервишки не годятся...

От дверей Сергей Сергеевич обернулся и увидел, что Паша поднимает над котлом девчушку. Малышка старается закричать, но только сипит от ужаса.

Сергей Сергеевич проснулся.

Он лежал на родном продавленном диване — потный и несчастный. Как же прошли выборы?

В дверь позвонили. За дверью стояла Зинаида из жэка. За ней Ким Корай из избирательного участка, наблюдатель.

— Ах, это вы, — проговорил Сергей Сергеевич. — Ну, как дела?

— Вальков? Сергей Сергеевич? — спросила Зинаида, будто раньше соседа и в глаза не видела. — Вам талоны положены.

— И удостоверение по форме номер два, — добавил Ким Корай. — О чистоте расы и намерений. Получите и распишитесь.

Над Веревкином стояла тишина, прерываемая редкими выстрелами.

ПЬЕСЫ

ОСЕЧКА-67

Трагедия в 12 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Колобок. Секретарь комсомольской организации Государственного Эрмитажа. Сотрудник отдела оружия. Он же командир роты юнкеров, защищающих Зимний дворец.

Зося Ильинская. Младший научный сотрудник отдела тканей Государственного Эрмитажа. Член Комитета комсомола. Командир женского батальона смерти, защищающего Эрмитаж.

Семен Остапович Антипенко. Заместитель директора Эрмитажа по режиму. Отставник, ветеран. По долгу службы защищает Зимний дворец, но партийная совесть этому противится.

Раиса Семеновна Мостовая. Секретарь Антипенки. Член женского батальона смерти, разрывается между лояльностью к Антипенке и партии и преданностью Музею.

Александр Симеонов. Младший научный сотрудник отдела нумизматики. Вышел из комсомола по возрасту, но к партии не примкнул. Пьет, говорит лишнее, либерал, карьеру не сделает. Входит в число юнкеров.

Геннадий Альбертович Гунявый. Он же швейцар Эрмитажа по кличке Горыныч. Помнит, как брали Кронштадт в 1921 году. А вот как брали Зимний, на всякий случай забыл. Он же вице-адмирал Гунявый, министр морских дел Временного правительства.

Мальвина. Буфетчица Эрмитажа. Активный боец женского батальона смерти.

Василий Леонидович Грушев. Секретарь Центрального райкома КПСС Ленинграда. Он же матрос с «Потемкина», организатор штурма Зимнего, отвечающий за выстрел с «Авроры».

Клара. Секретарь Грушева. Она же революционерка в кожаной куртке. Лично предана Грушеву.

Борис Моисеевич Коган. Ветеран партии, пенсионер. Он же руководитель мелкобуржуазной партии Бунд.

Матвей Матвеевич Нетудыхата. Инструктор обкома партии. Он же министр Временного правительства пешеходов. Он же по совместительству осуществляет контроль КПСС над партией Бунд, являясь заместителем Когана.

Нодар Александрович Яманидзе. Актер театра им. Ленсовета, известен как исполнитель роли Гамлета. Он же Александр Федорович Керенский, премьер Временного правительства.

Иван Сергеевич Покровский. Директор школы верховой езды. Он же генерал КРАСНОВ, командир контрреволюционных частей, которые стремятся прорваться в революционный Питер, чтобы подавить народное восстание под руководством большевиков.

Григорий Иванович Отрепьев. Секретарь Ленинградского обкома. Он же фактический руководитель восстания Яков Михайлович Свердлов.

Николай Николаевич Пупыкин. Член ЦК КПСС. Заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК, куратор мероприятия. Он же Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Игорь Осипович Ланской. Актер Московского Художественного театра. Народный артист республики. Он же Владимир Ильич Ленин.

Олег Аркадьевич Громобоев. Актер театра им. Ленсовета. Он же товарищ Эйно Абрамович Рахья, из финских революционеров, проводник товарища Ленина в Смольный.

Голос товарища Брежнева.

Революционные матросы, солдаты и рабочие, пленные иностранные корреспонденты, юнкера и девушки из батальона смерти, они же сотрудники Эрмитажа.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Служебные помещения на первом этаже Эрмитажа. Низкие своды, беленые стены. У одной из стен стоит статуя Аполлона на невысоком постаменте, в натуральную величину, с захватанным мужским достоинством. Видно, не поместился в экспозиции либо не представляет ценности. Порой его руку используют как вешалку.

Коридор ведет в глубину, к служебному выходу на Дворцовую площадь. С другой стороны он загибается налево — там сверкает золото парадной лестницы и торжественных помещений.

По радио звучит революционная песня.

Из двери, на которой видна табличка «С. О. АНТИПЕНКО, зам. директора по режиму», выходит сам Антипенко со списком в руке. Задумчиво останавливается и ставит галочки на полях списка. Из выставочного крыла входит Боря Колобок. За ним — Зося.

Колобок. Семен Остапыч, ну как же так! Пора оружие получать, а то всем дадут, а нам не достанется. Мои аспиранты с утра ждали, а теперь разбежались.

Антипенко. Значит, плохо организовал. У меня в свое время люди из окопов и то не разбегались.

Колобок. Так будет оружие?

Антипенко. Этот вопрос решится завтра.

Колобок. Значит, нету оружия?

Антипенко. Нет, ты скажи — для кого ты просишь оружие? Для контрреволюции! Для наших с тобой классовых врагов! Постыдился бы.

Колобок. Вы хотите, чтобы я ваши слова передал советскому телевидению? Вы хотите, чтобы весь мир знал, что наша Великая Октябрьская социалистическая революция была липовой? Что наши враги выступали без оружия?

Антипенко. Да погоди ты! Не путай меня! Какие враги?

Колобок. Вы же сами сказали.

Антипенко. Ничего я тебе не говорил.

Колобок. А где оружие для обороны Зимнего дворца?

Антипенко. Да тише ты! Иди сюда! Мне звонили из Смольного. Понял? Сам звонил.

Колобок. Кто сам?

Антипенко. Тот, который еще вчера был секретарем обкома товарищем Отрепьевым, а сегодня для нас с тобою он — Яков Михайлович Свердлов.

Колобок. Так вы мне скажите — где оружие?

Антипенко. Наше оружие отправлено *(несколько слов он шепчет на ухо Колобку)*... там возникла угроза агрессии со стороны израильских оккупантов. Не боись. Завтра доставят. Уже с ДОСААФ согласовано.

Колобок. У них оружие учебное.

Антипенко. А ты какое хотел? Ты что, хотел попасть в советского человека? А если ты его ранишь?

Колобок. Ох, неладно у меня на сердце!.. А как с артиллерией?

Антипенко. С артиллерией все в порядке *(смотрит в списки)*. Артиллерию в количестве трех орудий привозят завтра из Артиллерийского музея.

Колобок. А их Ближний Восток не перехватит?

Антипенко. Тише ты!.. Эти пушки в последний раз при Петре Великом стреляли.

Из двери в кабинет Антипенко выплывает Раиса Семеновна.

Раиса Семеновна. Как хорошо, что я вас застала! Звонили из Мариинки. Шинели готовы. Срочно надо получать.

Антипенко. Колобок, посылай людей!

Колобок. Зося. Звонили, что шинели готовы. Посылай людей!

Зося. Боря, кого я пошлю?! У меня обвал — четыре финских автобуса с бабушками, поляки по обмену и плановые экскурсии — некого послать.

Антипенко. Товариш Ильинская, вы понимаете, что говори-

те? За день до начала Великой Октябрьской социалистической революции вы думаете о пустяках.

Зося. Я думаю не о пустяках, а о своей работе.

Антипенко. А я что же, баклуши бью, по-вашему?

Раиса Семеновна. Что мне им ответить? А то они на обед уйдут.

Колобок. Придется тебе, Зося, самой ехать.

Зося. И не подумаю. Я в детский сад за дочкой не успею.

Колобок. Кончай манкировать! Позвони матери, пускай сходит! Как культпоход на Феллини, так есть кому в садик пойти, а как черновой труд для революции — никого не дозовешься!

Антипенко. Ильинская, мы тебе отгул засчитаем.

Радио прерывает революционную песню, и слышен голос диктора. При первых же словах Колобок подходит к динамику и усиливает звук. По мере чтения диктором Обращения в коридор выглядывают сотрудники Эрмитажа. Слушают.

Диктор. Внимание, работают все радиостанции Союза Советских Социалистических Республик. Передаем Обращение Президиума Верховного Совета, Правительства СССР и ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Дорогие товарищи!

В соответствии с программой торжественных мероприятий юбилейного, пятидесятого года Октября партия и правительство Страны Советов приняли историческое решение о проведении в рамках праздничных торжеств в колыбели революции — городе-герое Ленинграде кульминации революционного порыва масс — штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем в мире юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители трудящихся масс, а также целые коллективы заводов и фабрик города Ленина, занявшие первые места в юбилейном социалистическом соревновании.

Воспроизведение в реальных масштабах исторических событий привлекает пристальное внимание мировой прогрессивной общественности и должно вновь со всей убедительностью показать всему миру преимущества социалистического строя.

В настоящее время основная подготовка к грандиозному революционному фестивалю уже завершена. Ленинград принимает облик, который он носил в октябрьские дни, текстильные и кожевенные предприятия изготавливают реквизит для участников революции. Работники радио и телевидения монтируют аппаратуру в ключевых местах восстания. Ленинградские торжества увидят трудящиеся всего мира.

Штурм Зимнего дворца, залп «Авроры», а также исторический Съезд Советов будут проведены в течение вечера и ночи с 7-го на 8 ноября 1967 года. По завершении Съезда Советов, который поставит точку на победе большевиков и провозгласит декреты о земле и мире, по Центральному телевидению выступит лично Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, который поздравит советский народ с победой революции.

Начинает играть революционная музыка.
Раиса Семеновна подходит к динамику и уменьшает громкость.

Колобок. Зося, чего ты медлишь? Разве не видишь, какое значение придается нам в Москве? Беги, звони маме, чтобы ребенка из садика взяла.

Зося. Боря, а может, в следующий раз?

Антипенко. Товарищ Ильинская, неужели вы не понимаете, что следующего раза в ближайшие пятьдесят лет не будет.

Зося уходит.

Колобок. Семен Остапыч, у меня к вам личный вопрос. Можно как коммунист коммуниста спросить?

Антипенко. Нет уж, лучше ты меня спрашивай как младший научный сотрудник зам. директора по режиму. Спрашивай.

Колобок. Милиция на площади будет?

Антипенко. А куда же она денется?

Колобок. Прямо в форме так и будет?

Антипенко. Еще чего не хватало — в форме! Это же по телевизору снимать будут. Там же представители буржуазии только и ждут, чтобы мы прокололись. Может, тебе и конную милицию пригласить?

Колобок. А кто же будет следить за порядком?

Антипенко. Кому положено, тот и проследит.

Он уходит к себе в кабинет.

Колобок. Ну вот! Такие дела. Да вы понимаете, чем это грозит?

Колобок обращается к закрытой двери и потому не ждет ответа. Хотя ответ приходит — от Симеонова, который вошел в коридор с улицы. Он в мокром плаще. Складывает зонтик.

Симеонов. Чего витийствуешь, Колобок?

Колобок. Это хорошо не кончится.

Симеонов. Ближе к делу.

Колобок. Ты знаешь, завтра ночью намечено взятие Зимнего. Революция. Энтузиазм масс. Ну и так далее.

Симеонов. У тебя нет какой-нибудь новости посвежее — уж мочи нет. Радио включишь — даешь Зимний! Телевизор включишь — все на штурм! А это правда, что в буфете сосиски есть?

Колобок. Подожди ты со своими сосисками! Ты представь себе — будет штурм. На площади — Кировский завод, пенсионеры,

сводная колонна обкома комсомола и, конечно же, все ленинградские алкаши.

Симеонов. Эти еще зачем нужны?

Колобок. Они сами придут. Люмпен-пролетариат всегда активно участвует в революциях, надеясь на грабеж и разорение.

Симеонов. Да там на площади на каждого штурмующего по милиционеру в форме и по сотруднику в штатском.

Колобок. Боюсь, что нет. И знаешь почему? Потому что все это снимается телевидением и будет транслироваться на всю Европу. Значит, милицию уберут...

Симеонов. Да не бойся. У нас все просчитано, проверено и перепроверено. Неужели ты думаешь, что мероприятие такого масштаба не находится под контролем органов? Осечки не будет.

Колобок. Ох, не убедил ты меня. А скажи, что будет, когда они ворвутся во дворец?

Симеонов. Как так ворвутся?

Колобок. Так же, как в семнадцатом году.

Симеонов. Колобок, ты анекдот про слона знаешь? Приходит человек в зоопарк и на клетке со слоном читает: «Слон съедает за день полтонны картошки, центнер бананов, помидоров и так далее». Он обращается к служителю и спрашивает: неужели он все это съест?

Колобок. А служитель отвечает: «Съесть-то он съест, да кто ему даст».

Симеонов. Так будет и с революционным народом.

Колобок. А если они ворвутся? Не могут же они дойти до дворца и повернуть обратно? В таком случае штурм Зимнего сорвется!

Симеонов. Отобьемся! *(Ему смешно представить такую ситуацию.)*

Колобок. Да ты не веселись. Баррикады сделаны на живую нитку, пушки из артиллерийского музея, подарок от Ивана Грозного. Даже винтовки наши на Ближний Восток передали. А кто защитники?

Симеонов. Мы с тобой.

Колобок. Вот именно. Наша комсомольская организация несет ответственность за сохранность Зимнего дворца и всех тех народных ценностей, которые могут погибнуть, если в Зимний дворец проникнет посторонний элемент.

Симеонов. Погоди, Борька! Ты что же хочешь сказать, что товарищей, штурмующих Зимний дворец, в самом деле пускать сюда нельзя?

Колобок. Не дальше вот этого места! *(Показывает точку, на которой стоит.)*

Симеонов. Ты много на себя берешь, старик. Даже непонятно, с каких ты позиций выступаешь.

Колобок. Я выступаю с позиций патриота Эрмитажа и молодого члена партии. Мы обязаны не допустить хищений, воровства и хулиганства. Это наш долг как членов партии, комсомольцев и просто сотрудников музея. Если толпа бежит брать очередную Бастилию, то ее может охватить массовый психоз.

Раиса Семеновна *(она вышла покурить и стоит в стороне)*. Колобок, следи за своим языком. Он тебя черт знает куда заведет. Ничего себе — психоз на пятидесятом году Советской власти. Учти — здесь тебе не взятие Бастилии, а юбилейное мероприятие. На уровне первомайской демонстрации.

Вмешательство Раисы Семеновны сразу меняет ситуацию. Симеонов из оппонентов тут же переходит в нейтралы.

Симеонов. Черт его знает... может, сходить в райком? Посоветоваться.

Колобок. Ты тоже так думаешь?

Симеонов. У них там должны быть разработки, сценарий, рекомендации из Москвы.

Раиса Семеновна. А я бы не советовала отвлекать товарищей в райкоме от важных дел. У нас есть поручение, мы должны его выполнить. Когда я была комсомолкой, никому и в голову не приходило обсуждать и даже ставить под сомнение решения партии.

Колобок. А я свою позицию не изменю. Это все — наше, народное. Я смотрю вокруг — наши же девушки будут стоять на баррикадах и их будут считать врагами люди там, на площади... это серьезное моральное испытание.

Раиса Семеновна. Ну какие там враги! Что вы несете, Колобок. А еще секретарь комсомольской организации.

Колобок. У нас не только материальные ценности. Мы отвечаем также за наших девчат — за наших комсомолок, экскурсоводов, младших научных сотрудниц — за весь батальон смерти!

Симеонов. Если ты все это начнешь нести в райкоме, то в лучшем случае схлопочешь выговор за паникерство. В лучшем случае...

Раиса Семеновна. Колобок, ты меня иногда пугаешь. В тебе так много не нашего... даже чуждого!

Колобок. Если Грушев там, то я пробьюсь к нему. Он в принципе неплохой мужик.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет секретаря Центрального райкома Ленинграда Василия Леонидовича Грушева.

Накурено, шумно. Обстановка несколько напоминает ту, которая изображается в историко-революционных фильмах и на картинах. У двери стоит матрос, который спрашивает пропуск. За столом сидит солдат в папахе, который печатает указательным пальцем. На другом столе — телеграфный

аппарат. В сущности, общая картина маленького штаба большой революции может воспроизводиться с различным наполнением, следует лишь иметь в виду, что в Смольном тоже должен быть кабинет. Но там кабинет солидный, без шума и игрового элемента. В значительной степени вся эта суматоха рождается революционным характером самого Грушева, который переживает свой звездный час.

Грушев уже перевоплотился. Он одет в матросскую форму, он не снимает ни на секунду бескозырки с надписью «Потемкин». Секретарь райкома говорит по телефону — перед ним сразу три старинных аппарата. Клара, девица комиссарского типа, протягивает ему бумаги с одной стороны, господин в плохо наклеенной бороде и котелке — с другой.

Грушев. Петропавловка? Нет, не собор мне нужен, коменданта тюрьмы. Товарища Сазончука попрошу. Сазончук? Слушай, сейчас к тебе политзаключенных приведут. Нет, не антисоветчиков! Хороших ребят, наших, советских, из органов и из первичек.

Грушев прикрывает трубку ладонью и протягивает руку Колобку, которого признал издали.

Ругается! Страшный матершинник этот Сазончук. Директор вытрезвителя... Ну что, откричался? Значить приведут к тебе пролетариат. Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Не надо, на голом сутки поспят. Потом их освобождать будем. Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа! Слышал? Какой к черту Высоцкий! Ты сколько классов кончал, если Высоцкого от Некрасова отличить не можешь? Ну, то-то.

Звонит другой телефон. Грушев хватает трубку.

Центральный райком слушает. Кто у телефона? Я у телефона! Ну, Грушев! Какие еще проститутки на Невском! Клара, возьми трубку.

Клара *(официально и светски)*. Я вас слушаю.

Далее они ведут два разговора, так что они переплетаются, и мы слышим фразы и осколки фраз поочередно.

Грушев. Подожди, Сазончук. Как их деды-декабристы страдали, так и они пускай пострадают за народ... Питание из столовой «Белые ночи». Уже распорядились. С супом. Главное — историческая правда — замки, засовы, изверги в тюремной форме. Ты и есть изверг — кто же еще! Если партия сказала: будь извергом — станешь! Не первый и не последний.

Клара. Есть историческая правда и историческая правда. Да, может быть, в семнадцатом году отдельные проститутки и стояли на Невском, но их смело вихрем революции. А если провокация? Если иностранные корреспонденты, заполонившие наш город, сделают выводы? Да пускай они трижды комсомолки! Самое опасное начать!

А вдруг понравится? А там покатится по наклонной плоскости — никакой комсомол не остановит!

Звонит третий телефон, и Колобок берет трубку.

Колобок. Какой русский флаг? А, конечно, полосатый. В энциклопедии нет? Посмотрите статью про Пётра Первого. Это он придумал. *(Оборачивается к тем, кто стоит в комнате.)* Товарищи, кто помнит, какой был в России флаг?

Человек с наклеенной бородой. Как французский, только полосы наоборот.

Колобок. А какой французский?

Грушев кладет трубку на рычаг и видит человека с наклеенной бородой.

Грушев. Колобок, ты о флаге выясни, а мне надо два слова конфиденциально с товарищем Коганом выяснить.

Грушев ведет Когана с наклеенной бородой на авансцену.

Ты зачем в Смольный звонил? Зачем ты на меня товарищу Свердлову капал, а? Ты учти, Коган, что ты в моем районе прописан со своим Бундом. Так что обойдетесь комнатой в Эрмитаже. Твоя партия решающего значения в революции не сыграла... И слава богу.

Коган. А Карл Маркс?

Грушев. Что — Карл Маркс? Ох и хочется мне тебя к партответственности за злостную демагогию привлечь, товарищ Коган. Товарищ Маркс нацпринадлежности не имеет. Он — великий учитель рабочего класса.

Коган. Но еврей!

Грушев. Знаешь что, Коган. Завтра я тебе двух-трех товарищей украинцев подкину. Для интернационала, а то вижу я, что ты хочешь в свой Бунд одних евреев набрать во главе с Марксом.

Коган. Я еще понимаю, если вы будете нас разбавлять русскими товарищами...

Грушев. Ага, не хочешь хохлов! Тогда иди в подполье! Скрывайся, таись! Но не путайся ты, Борис Моисеевич, у нас под ногами.

Колобок подходит к нему.

(Вытирает лицо бескозыркой). Ну что, выяснили с флагом? А то, конечно, стыдно получается. Мы наш, мы новый мир построим, а флаг забыли. Вот построим мы когда-нибудь коммунизм, и спросят нас внуки: а не поменять ли нам флаг на старый? Русские мы с тобой, в конце концов!

Колобок. Я к вам по делу, Василий Леонидович.

Грушев. А ко мне всегда только по делу. Ко мне даже жена по делу. Вася, колбасу купил?.. Ох, сорвем мы мероприятие, ох, сорвем! Китай знаешь как на нас смотрит? Злобно. Только и ждет осечки,

чтобы развернуть кампанию травли. А как прикажешь с людьми работать. Вот Коган, старый партиец, а в решающий момент: Маркс был еврей! Шатает людей, сложная эпоха.

Колобок. У нас тоже нелегко. Поэтому и пришел.

Грушев. Чего тебе-то нелегко? Вы в тепле, женский батальон смерти под боком. Вы ведь юнкера? А колоннам наших, советских штурмовиков придется через весь город под дождем и снегом топать. А товарищу Ленину каково?

Колобок. А каково товарищу Ленину?

Грушев. Товарищу Ленину с перевязанной щекой через ночной Ленинград в Смольный пробираться. А его к нам из Москвы прислали. Народный артист РСФСР. Тут каждому-всякому не доверишь!

К ним подходит Клара. Протягивает Грушеву ремень с кобурой. И пулеметные ленты.

Не взорвется?.. Ну, ты приспособь.

Колобок. У меня в самом деле важный вопрос.

Грушев *(помогая Кларе обвязать и подпоясать себя)*. Валяй.

Колобок. Значит, решено оборонять Зимний дворец силами сотрудников Эрмитажа?

Грушев. И правильно. Свои должны защищать. А то еще могут произойти инциденты.

Колобок. Вот из-за этого я и пришел. Милиция на площади будет?

Грушев. Ну что ты несешь, Колобок, когда первая программа телевидения прямой репортаж показывать будет, товарищ Левитан слова скажет, иностранцы приехали. И ты хочешь милицию показать? Будто мы, значит, спектакль устроили, а народ своей сознательности не имеет.

Колобок. Тогда я требую, чтобы отряд милиции был внутри Эрмитажа. И с оружием.

Клара. Ну поглядите, какой герой. Матрос-партизан Железняк... лежит под курганом с блестящим наганом, как писал Есенин.

Грушев *(похлопал Клару по щечке)*. Пошла, пошла, рано меня еще хоронить.

Колобок. А вы не думаете, что могут пострадать материальные ценности?

Грушев. Как так?

Колобок. А так, что ворвутся путиловцы и дружинники в подпитии и начнут громить. Вы знаете, на сколько миллиардов народных ценностей в Эрмитаже хранится?

Грушев. Наш питерский пролетариат этого не допустит.

Колобок. Боюсь, что допустит.

Грушев. Ты что клевещешь?

Колобок. Ну, не пролетариат. А случайные люди затешутся?

Грушев. Их отсекут.

Колобок. Выпьют для сугрева, а потом по витрине прикладом.

Грушев. Колобок, помолчи!

Колобок. Так я к вам пришел, а не к кому-нибудь еще. Вы для меня — партия. А партия не должна ошибаться.

Грушев. И не ошибается. И если Политбюро постановило — взять Зимний дворец, мы не можем штурм за город перенести.

Колобок. А жалко.

Грушев. Честно говоря, у меня у самого на душе неспокойно. Народ у нас разный бывает. Есть еще пережитки. Искореним, конечно, но до седьмого ноября не успеем.

Колобок. Потом ведь нам история не простит.

Грушев. Мне с историей детей не крестить: но вот если в Смольный вызовут... Эх, знаешь что: я тебе пожарную машину подкину. С водометом.

Колобок. Погода около нуля. Еще кто простудится.

Грушев. На крайний случай.

Колобок. А может, все-таки в ГБ попросишь?

Грушев. Они меня уже послали. У них свои проблемы... Директор ваш что, в больницу спрятался?

Колобок. У него в самом деле обострение язвы.

Грушев. А зам. по режиму, Антипенко — вроде мужик крепкий?

Колобок. Ветеран.

Грушев. Ну вот видишь! Ветеран! Мы тебе и еще кого-нибудь подкинем. Жди, не падай духом. А рабочий класс, значит, допускаете до баррикады, но чтобы в Эрмитаж — ни ногой. Мы по заводам уже послали оперативку. Да не дрейфь ты, Боря! Народ у нас сознательный. Хороший у нас народ! Чужого не возьмет.

К ним подходит генерал в дореволюционном мундире, с Георгиевским орденом на груди.

Краснов. Я поехал, Василий Леонидович. Тачанку за мной прислали.

Грушев. Ну ты хорош, ну настоящий душитель свободы!

Краснов. Не надо так. Я же в отпуск собрался. И вот тебе — командуй контрреволюцией.

Грушев *(обращаясь к Колобку)*. Боря, познакомься, больше не увидитесь. Перед тобой директор конного манежа, а ныне вождь вооруженной буржуазии генерал Краснов, конница которого завтра ночью будет прорываться на помощь Временному правительству, то есть тебе, контра полосатая! *(С размаху бьет по плечу Колобка. Тот чуть не падает.)*

Краснов. Сидорович, Александр. Я вас где-то встречал.

Колобок. На партактиве. Вы еще о прикладных видах спорта выступали.

Грушев. Поезжай. Прорывайтесь, действуйте, только без особого напора, а то еще прорветесь! Ха-ха! Смеюсь.

Краснов щелкает каблуками. И уходит, чеканя шаг.

Смотри, как люди перерождаются. Видно, есть в нем военная косточка. *(Пытается идти за ним, так же чеканя шаг, но не получается.)* Естественно. У нас, балтийских моряков, походка другая. *(Идет, поигрывая вытащенным из кобуры «маузером», вразвалку.)* Ну кто тут временные, слазь! Кончилось ваше время.

Он уходит, садится к себе за стол, и тут же начинают звонить телефоны.

Алло! Центральный райком на проводе. Грушев у аппарата.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Служебный буфет в Эрмитаже. Три столика. У стойки, за которой стоит Мальвина — голубая девушка, ожидает кофе Симеонов. За столиком сидят Колобок с Раисой Семеновной.

Симеонов. Колобок, тебе двойной или ординарный?

Колобок. Хоть чай.

Симеонов. И три раза по пятьдесят коньяку.

Мальвина. Саша, ты же знаешь. Антипенко категорически запретил в рабочее время.

Симеонов. Где ты увидела рабочее время? Мы еще революции не провели, а там впереди Гражданская война, коллективизация, отдельные ошибки культа личности... Наливай.

Раиса Семеновна. Мне не надо... Плохо дело, Боря?

Колобок. Хуже некуда. Меня не оставляет тревожное чувство опасности! Создается впечатление, что даже там наверху, в Смольном, не понимают еще, на что решились, какого джинна выпускают из бутылки!

Входит Антипенко, перед собой он гонит совсем маленького человека пенсионного возраста в морском мундире и адмиральских эполетах.

Антипенко. Садись, Горыныч. Садись, не робей.

Они занимают соседний столик.

Ну что, орлы, не узнаете ветерана ленинской гвардии? Участника штурма Кронштадта, товарища Гунявого?

Симеонов *(который ставит кофе на стол)*. Горыныч! Швейцар наш, Горыныч. Что за маскарад?!

Антипенко. Разрешите представить: Геннадий Альбертович Гунявый. Мичман Балтийского флота. Ныне призван из резерва для прохождения службы в рядах контрреволюции.

Колобок. Как же он такие эполеты заработал?

Гунявый. Как коммунист и ветеран я написал в обком. Просил назначить меня на любую должность, желательно командиром «Авроры». Место оказалось занято. Пришлось соглашаться на белогвардейскую вакансию. Но не меньше адмирала.

Симеонов. Ясно, это надо обмыть.

Гунявый. Вот именно. Сто грамм виски с мартини! И побольше льда, мадам.

Мальвина. Горыныч, что ты несешь?

Гунявый. У меня хоть на два дня, но жизнь буржуйская! Если нет мартини — сто пятьдесят и бутерброд.

В буфет быстро входит Керенский. За ним, отступив на шаг, толстый человек в черном костюме, с бабочкой, министр Пешеходов.

Керенский. Добрый день, господа. Надеюсь, я не помешал?

Появление его столь значительно сыграно, что все встают, даже Антипенко и адмирал.

Керенский обходит весь буфет, пожимая всем руки, и всем говорит, что он Керенский и рад познакомиться. Пешеходов повторяет его действия.

Прошу садиться. Чувствуйте себя как дома. Чем угостите, Мальвиночка?

Мальвина. У нас пиво свежее, товарищ Керенский.

Керенский. Попрошу называть меня гражданином или в крайнем случае господином. Обращение «товарищ», взятое на вооружение нашими политическими противниками, долго не проживет.

Гунявый. Гусь свинье не товарищ!

Антипенко. Адмирала Гунявого мы выделили из своего коллектива. У него есть боевой опыт.

Керенский. Что же, я рад видеть специалистов в наших рядах. Берите командование Балтийским флотом. Справитесь, адмирал?

Гунявый. Да кто мне даст? Они же там за свои пайки удавятся. Назначьте меня морским министром, а?

Керенский. По рукам, господин Гунявый!

Колобок. А мне ваше лицо знакомо. Я вас видел?

Керенский. В театре Ленсовета. Критика отмечала мое исполнение Гамлета.

Мальвина. Ну конечно, Гамлет! Я вас сразу узнала. Пиво берите!

Министр Пешеходов, который сопровождает Керенского, спешит за пивом. Заглядывает Краснов.

Краснов. Простите, я отбываю в Гатчину. Вы здесь Керенского не видали? А то товарищ Грушев рекомендовал связь наладить.

Керенский. Очень рад. Керенский. Председатель Временного правительства.

Краснов. Генерал Краснов. Моя попытка освободить Зимний дворец завтра ночью должна провалиться.

Керенский. С чем я вас и поздравляю. Вас тоже из театра пригласили? *(Присаживается за стол к Керенскому.)*

Краснов. Нет, еще вчера я был директором школы верховой езды. По сценарию после взятия Зимнего вы должны переодеться в медицинскую сестру и на американской машине прорываться в Гатчину, в расположение моих частей. Халат и юбку я вам обеспечу.

Керенский. Можно обойтись без юбки?

Краснов. Историческая правда, Александр Федорович, выше всего!

Керенский. Можете звать меня Нодаром.

Краснов. Нет, не могу. Историческая правда не позволяет. Честь имею. *(Откланивается и выходит.)*

Керенский. Если бы у меня было хотя бы полдюжины таких генералов, я бы не отдал власть большевикам.

Гунявый. Ты чего несешь, министр, чего несешь? Ведь я же все записываю, мне велели.

Керенский. И отлично. Записывайте, господин адмирал. Мы потом опубликуем ваши записки на всех языках свободного мира.

Гунявый. Как так опубликуете? Кто вам позволит?

Пешеходов. История позволит, вот именно, история. Господин Керенский, мне можно отлучиться?

Керенский. Что еще стряслось? Министр Пешеходов?

Пешеходов. Меня Грушев в партию Бунд перевел на укрепление. Там, говорит, много евреев развелось.

Керенский. Так твоя же настоящая фамилия Нетудыхата! Ты ж хохол!

Пешеходов. Вот именно — я буду укреплять Бунд славянским элементом.

Керенский. Укрепишь и тут же обратно. У меня министров — кот наплакал. А то что получается — у большевиков и Смольный, и райкомы, и «Аврора», и Кантемировская дивизия в резерве. А у меня полсотни девочек из экскурсионного отдела Эрмитажа и столько же очкариков-аспирантов.

Мальвина подвигает Временному правительству стаканы и бутылки с пивом.

Мальвина. Берите, контрреволюция! День твой последний приходит, буржуй.

Колобок. Александр Федорович, я хотел бы с вами поговорить.

Керенский. Мы не представлены, молодой человек.

Колобок. Временно я командую юнкерами — по комсомольской линии. Борис Колобок.

Керенский. Нодар Яманидзе. Очень приятно. Продолжайте.

Они пьют пиво. Рядом сидит адмирал и кивает головой, намереваясь заснуть. Антипенко и Раиса Семеновна шепчутся за соседним столиком. Мальвина достала из-под стойки военную фуражку и примеряет ее.

Колобок. Я беспокоюсь за исход штурма.

Керенский. Исход, к сожалению, один. Победа пролетариата.

Колобок. Я в этом не сомневаюсь.

В дверях появляется Зося.

Зося. Мальвина, дай чего-нибудь попить. Я без ног — там очередь жуткая. А потом тащи эти шинели через весь город в пикапе!

Колобок. Как с садиком? Обошлось?

Зося. Взяла ее мама, взяла.

Колобок. Садись к нам. Это вот Керенский, а это адмирал Гунявый, новый морской министр.

Зося. А, наш держиморда!

Керенский *(проникновенно)*. Я ощущаю, как вы устали, как вы смертельно устали!

Зося. Я вас знаю, вы Гамлета в Ленсовете играли.

Керенский. Да, это была удачная роль.

Мальвина. Зось, а шинели всем дадут?

Зося смотрит на Керенского, Керенский на нее, потому она отвечает не сразу.

Зося. Шинелей хватит. Вот с сапогами плохо.

Мальвина. Но ведь можно свои сапоги взять. На каблуках?

Колобок. Меня, Нодар, вот что беспокоит. Я даже к Грушеву в райком ездил. Представь себе: ночь, взбудораженная толпа на площади. Прожектора, телевизионные камеры и жалкая горстка наших девушек!

Керенский. То, что нас возьмут, это исторический факт.

Колобок. И потом ворвутся во дворец.

Керенский и Зося смотрят друг на друга глазами цвета пробуждающейся любви.

Вы не представляете, сколько мы потратили денег на реставрацию лиможских эмалей. А ведь каждую можно положить в карман.

Керенский. Вас зовут?..

Зося. Зосей.

Колобок. А зал миниатюр? Там же масса шедевров, начиная с антики, — вы когда-нибудь были в зале камней?

Керенский. Мне приятно, что я буду работать с вами.

Зося. Хоть и недолго.

Мальвина. Зось, а где форма?

Зося. В лекционном бюро.

Мальвина. Ты здесь посмотри. *(Уходит.)*

Керенский. На вас вся надежда.

Колобок. Ну какая может быть надежда! У нас в пушках замков нет.

Антипенко. И слава богу. Раиса, он хочет стрелять в советских людей!

Колобок. А черт его знает, в кого стрелять!

Антипенко. В райкоме лучше знают.

Колобок. Я сегодня убедился, что в райкоме, обкоме и даже в Смольном ни хрена не знают.

Раиса Семеновна. Колобок, что за выражения! Вы же матрос, вы же секретарь комитета комсомола! Кандидат наук!

Колобок. Что-то надо делать.

Зося. Я пойду домой. У мамы радикулит, а она за Дашенькой в садик ходила.

Антипенко. Чтобы завтра быть на местах в восемь ноль-ноль. Завтра решающий день.

Керенский. Ого, мне в ту же сторону. Можно, провожу? Мне выделили на сутки авто «Роллс-Ройс». Не составите компанию?

Зося. Спасибо, не беспокойтесь.

Входит Мальвина в шинели, в фуражке с черепом и встает за стойку. Керенский и Зося уходят вместе.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет секретаря обкома КПСС Ленинграда.
Начальственный стол, куда меньше декораций, но в то же время у стены лозунг «Долой министров-капиталистов!».
Стол настоящий, обкомовский, буквой «Т». Над ним — портрет Брежнева. Выступает товарищ Свердлов — секретарь обкома Отрепьев. В стороне стоит телевизионная камера. Ее настраивают. За столом, спиной к нам, сидят еще три или четыре человека. В одном мы узнаем Грушева. Еще один — в кепке.

Свердлов. Москва поставила нам жесткие сроки. Чтобы завтра к полуночи все было взято, контрреволюция ликвидирована и городское хозяйство функционировало нормально. Так что никаких задержек. В девять ноль-ноль выходим на позиции. Тут же залп «Авроры». Кто отвечает за залп «Авроры»?

Поднимается Грушев.

Грушев. На «Аврору» я завтра с обеда. Лично займусь. Там ее надо по фарватеру провести.

Свердлов. Твои заботы. Мне важен результат.

Встает человек во френче. Оборачивается. Это Сталин.

Сталин. И учтите, товарищ Грушев, что вы — безымянный солдат партии. И завтра на вас будут направлены взоры и наших врагов, и всего прогрессивного человечества.

Грушев. Сделаю все от меня зависящее, товарищ Пупыкин.

Сталин. Забудьте временно мое имя. Кто я для вас сейчас?

Грушев. Вы для меня председатель революционного комитета, организатор Октябрьской революции товарищ Сталин.

Свердлов. Давайте не будем вступать в дискуссии, товарищи. У каждого из нас есть заслуги перед революцией, я тоже провел десятки лет в тюрьмах и на каторге. Продолжаем работу. Товарищ Ленин в двадцать два тридцать выходит из своей явочной квартиры и с помощью товарища Рахьи проходит в Смольный. Не заблудитесь?

Ленин. Надеюсь, товарищи, что выделенное вами сопровождающее лицо знает дорогу?

Вожди в комнате дружно смеются.

Сталин. *Не беспокойтесь, товарищ народный артист.* Не для этого мы вас из Москвы приглашали, чтобы вы заблудились.

Ленин. Смотрите, батенька, не сорвите революцию. Пролетариат этого не простит.

Свердлов. Только попрошу без этой бородки. Кепка, завязанная щека — правда жизни!

Ленин. А вот тут я с вами, батенька, категорически не согласен. Есть правда жизни, а есть правда истории или, скажем, правда вечности! Для дотошных гробокопателей истории может быть важнее, что я скрывался от ищеек Временного правительства без бороды и даже с завязанной щекой. Но для образа героического Октября я предпочитаю идти открыто, как я запомнился всему миру!

Сталин. Я не уверен, что наш вождь и учитель прав. Пускай история разбирается. А нам надо обеспечить безопасность Ильича. Есть борода, нет бороды — революцию это не сделает!

Ленин. Я эту бородку полгода отращивал.

Сталин. *Снова отрастите.* Что-то вы забываете, что мы находимся под пристальным вниманием враждебного окружения.

Свердлов. Голосуем, товарищи, кто за то, чтобы сбрить бороду Владимиру Ильичу Ленину? Большинство. Переходим к следующему вопросу.

Свердлов. Остался еще один вопрос, тесно связанный с предыдущим. В среде наших товарищей интеллигентов есть тенденция утверждать, что залпа «Авроры» на самом деле не было, и обвинять большевиков в мелкобуржуазном гуманизме. Так вот, мы посоветовались с товарищами из Москвы и решили — залпу быть! «Аврора» долбанет по этому Зимнему дворцу боевыми снарядами!

Грушев. Погоди, погоди, ко мне сегодня из Эрмитажа уже при-

бегали товарищи. Переживают за судьбу народного достояния. А что, если повредим?

Свердлов. Повредим — починим. Не в первый раз, Грушев. А от тебя я не ожидал такого оппортунизма.

Грушев. Может, достаточно холостого, а?

Сталин. А вот по этой части, товарищ Грушев, есть личное распоряжение товарища Брежнева: стрелять!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Снова в буфете. На этот раз буфет переменился. В нем на стене укрепляют лозунг «Вся власть Временному правительству!», «Да здравствует Учредительное собрание!».

В буфете собрались защитники Эрмитажа. Среди них Керенский и адмирал Гунявый.

Мальвина. Я выступаю как рядовая молодежь, не член комсомола, потому что принципиально покинула его за аморалку.

Колобок. Мальвина, ты можешь ближе к делу?

Мальвина. Вчера я смеялась над Борькой Колобком, что штурмом будут брать и натворят. Я же понимаю — там дружинники, милиция, финские туристы. А сегодня я на работу ехала с пересадками, на метро и на трамвае, и чувствую — ребята, не то! Что-то в городе происходит.

Среди собравшихся гул.

Зося. Сегодня в троллейбусе один кричал, что теперь с жидами покончим!

Колобок. Зося, не в этом дело!

Мальвина. В этом. Мой сосед, даже тихий такой алкаш, они сговаривались: стенки-то фанерные, мне с кухни все слышно — они сговаривались, что, когда штурм будет, они с набережной в окно полезут за золотыми монетами.

Зося. А в троллейбусе они даже кричали, что ох, погуляем!

Гунявый. Будем считать, что это случайность, ну погорячился кто-то. Попался невыдержанный товарищ. А на самом деле это все наши люди, комсомольцы, коммунисты.

Раиса Семеновна *(она в одежде сестры милосердия тех времен)*. Но у меня сегодня шесть человек на работу не вышли. Двое позвонили, что грипп, а остальные даже не сочли нужным сообщить. И когда начнут поступать искалеченные трупы и начнутся ампутации, то я не понимаю, с кем я буду работать.

Колобок. Раиса Семеновна, наверное, до этого не дойдет.

Гунявый. А что вы подумали? Когда Кронштадт брали, их щадили? Никого в живых не оставляли! Закон природы!

Керенский. Господа, товарищи, граждане! Успокойтесь! Да, в момент революции к чистым силам прогресса примазываются сомнительные элементы. В Ленинграде имеют место перебои с сахаром и колбасой. Но в целом, как я уверен, ситуация находится в руках обкома и райкомов, правоохранительных органов. Гарантией безопасности музея и его сотрудников будет присутствие в наших рядах как руководителей Эрмитажа, так и командированных товарищей из обкома.

Раиса Семеновна. Антипенко сегодня бюллетень взял. Говорит, что у него подозрение на дифтерит.

Зося. А кто у нас тогда из обкома?

Керенский. Ну вот — товарищ адмирал, мой морской министр.

Гунявый. Вот именно! Только я не из обкома.

Мальвина. Так он швейцар наш, ему Симеонов из отдела одежды эполеты дал!

Раиса Семеновна. Я что предлагаю: разойтись всем по домам. Пускай они выделяют своих товарищей для защиты Эрмитажа.

Зося. Для него свои, а для Эрмитажа чужие. Они же камня на камне от нашего музея не оставят.

Раиса Семеновна. Я тебя понимаю, Зося, но что ты предлагаешь делать?

Зося. Я предлагаю выполнить свой долг.

Раиса Семеновна. Какой долг? Окстись! Твой долг водить экскурсии, а не лазить, как Гаврош, по баррикадам.

Колобок. Я сегодня с утра звонил в райком. Но Грушева уже нет — он на «Аврору» перешел, там держит штаб, в Смольном никто ничего не знает. Так что если мы не защитим Эрмитаж, боюсь, что уже никто не защитит.

Гунявый. Как работник охраны я ни одной сволочи в музей не пропущу. А как коммунист я должен сдать музей взбунтовавшемуся народу. Так что же мне делать?

Керенский. Вы не работник охраны, а адмирал русского флота. Министр морских дел в моем правительстве. Раз в жизни вам улыбнулось счастье. Отвечайте мне, где вам хочется лежать — в Пантеоне Славы или в братской могиле на загородном кладбище.

Гунявый. Понял вас, гражданин премьер-министр. Служу. Этому... самому...

До них доносится гул далекого заводского гудка. Потом к нему присоединяется еще один... И вот уже симфония заводских гудков заполняет воздух.

Мальвина. Что это?

Колобок. Я думаю — сигнал к восстанию.

Керенский. Пока — всеобщая стачка, мобилизация пролета-

риата... Черт побери, у кого-нибудь есть сценарий? Как можно работать без сценария?

Раиса Семеновна. Возьмите, вот, по спискам вырывали, под расписку от товарища Антипенко остался.

Керенский. Ну вот, я же говорил: в двенадцать часов дня гудки многочисленных заводов и фабрик столицы призывают пролетариат на сборные пункты, а также для получения оружия.

Колобок. А у нас до сих пор оружия нет.

Гунявый. И не будет. Я тебе как старый солдат скажу — ну кто будет вооружать классового противника? Я бы не стал.

Зося. Какой из нас классовый противник, что ты несешь, Горыныч? Это Боря Колобок тебе классовый противник? Это товарищ Яманидзе?

Керенский. Для тебя, Зося, Нодар.

Гунявый. И я тоже классовый противник. У нас ведь как — только бы вывеску повесить. Гляди, вот у тебя, Боря, на животе вывеска висит: «Мироед», «Белый генерал», «Угнетатель». Да будь ты самый что ни на есть преданный революции бедняк, смотреть положено на вывеску. Вот и мы теперь живем с вами под общей вывеской — «Контрреволюция». И хоть ты на голову встань, никому ничего не докажешь.

Раиса Семеновна. Прекратите заниматься демагогией, товарищ генерал. Партия учит нас заглядывать глубоко в души людей, а вот навешивание ярлыков сурово осуждается, как наследие культа личности.

Зося. Погодите, погодите, погодите! По-моему, у нас в головах все стало вверх ногами. Мне, например, сейчас все равно, какой я враг народа. Я знаю, что сегодня ночью будет большое хулиганство и, может быть, культурная трагедия.

Колобок. И никто в Смольном нас не защитит. И я догадался о самом главном — они не защитят, потому что они очень хотят повторить революцию, взять штурмом Зимний дворец и сделать залп «Авроры». Этим толстым пожилым мальчикам хочется похулиганить.

Раиса Семеновна. О ком ты говоришь, Колобок? Ты говоришь так о руководителях ленинградской партийной организации, о верных ленинцах!

Керенский. Именно потому что эти товарищи стали трижды ленинцами, четырежды ленинцами, они плевали с высокой башни на все ваши культурные ценности. Они думают, что еще много останется.

Раиса Семеновна. Я ухожу, потому что не могу присутствовать при этой идеологической диверсии! *(Но никуда не уходит.)*

Керенский. Когда я согласился играть роль Керенского, я думал, что это выгодная халтура, тем более что в договоре мне платят как за ночные съемки. А теперь я пришел к вам, ребята, и посмотрел

на это дело другими глазами. Как вы, и я боюсь, что прав ваш Боря Колобок. В самом деле получится самый настоящий штурм! Но раз они настоящие ленинцы, то они обязаны беречь себя.

Мальвина. Значит, это будет настоящий штурм? Как будто мы рейхстаг!

Керенский. Ну не совсем рейхстаг... даже думать так не хочется.

Гунявый. Эх, молодежь, послушайте меня, старика, свидетеля трех революций и многих мировых войн. Может, они сами еще себя не знают и им кажется, что все будет по справедливости, но на самом-то деле они никакого оружия нам не дадут. Костьми лягут, но не дадут.

Зося. Но ведь мы же и они там — одна команда. Одна партия...

Колобок. А вот это мы сейчас проверим.

Он проходит за стойку буфета и набирает номер на аппарате, который там стоит.

Смольный? Смольный? Штаб революции? Вас беспокоит Зимний дворец. Вот именно, Зимний дворец. Мы желаем обсудить условия капитуляции. Зовите кто ближе из начальства. Свердлова можно. Или Сталина. Ленина в буфете видели? Давайте Ленина. В ваших руках, девушка, судьба революции! Одна нога здесь, другая — там.

Гунявый. Не дури, они ни за что не согласятся. Им слава нужна. Победа, пуля-дура, штык-молодец. А ты им игру испортить хочешь. Они, конечно, не признаются, будут об исторической правде говорить.

Колобок поднимает руку, останавливая монолог Гунявого.

Колобок. Здравствуйте, товарищ Отрепьев. То есть простите... Свердлов? Здравствуйте, Яков Михайлович. Вас беспокоят из Эрмитажа. Ну да, из Зимнего. Моя фамилия Колобок. Я — секретарь комитета комсомола Эрмитажа, да, то есть Зимнего дворца. Да не нарушаю я конспирацию! Мы же не у Гитлера в ставке! Я все понимаю. Ну хорошо — не хотят говорить со мной, говорите тогда с Керенским. Да, товарищ Свердлов. Сейчас с вами будет говорить Керенский. Александр Федорович. Премьер-министр Временного правительства.

Колобок протягивает трубку Керенскому и негромко ворчит.

Черт знает что! Как будто играют в казаки-разбойники. Видите ли — в Зимнем дворце не может быть комсомольской организации!

Керенский. Здравствуйте, господин Свердлов. Яков Михайлович, если не ошибаюсь? Яков Михайлович, у нас сложилась нелепая ситуация — наше оружие отправили на Ближний Восток, артиллерию так и не подвезли. Мы практически безоружны. Как так хорошо? А с чем мы будем защищать Эрмитаж?.. Тогда послушайте меня,

Яков Михайлович! Мы капитулируем! Мы уходим из Зимнего дворца, и берите его, как хотите. Кому сдать ключи? Как так не имеем права? При чем тут Конституция? У нас все равны! И мы не можем нести ответственность за ценное народное достояние, если у нас не будет пулеметов! Хорошо. Давайте меняться — мы в Смольный, а вы сюда!

Керенский громко кладет трубку и победоносно смотрит на Зосю.

Ну как я их?

Гунявый *(пытается отстегнуть эполеты)*. Ну вот и наигрались. А жаль, думал перед смертью занять руководящую должность. Показать этим большевикам, где раки зимуют!

Керенский. Погодите. Это еще не финал. Насколько я знаю человеческую психологию, сейчас начнутся маневры.

Звонит телефон. Колобок берет трубку.

Колобок. Это Колобок у телефона. Нет, это фамилия, а не подпольная кличка, Иосиф Виссарионович. Одну минутку, Иосиф Виссарионович *(оборачивается к Керенскому)*. Вас, Александр Федорович. Сталин просит. С ума можно сойти!

Керенский. Керенский на проводе. Очень приятно, господин Сталин. Простите, не знаю вашего отчества... Так вот и не знаю. Не имел чести быть представленным. Мы с вами еще не сталкивались на политической арене. Иосиф Виссарионович? Странное имя. Вы из армян? Ах, грузин, очень приятно. Я тоже из грузин. Яманидзе моя девичья фамилия.

Зося беззвучно аплодирует. Адмирал Гунявый поднимает большой палец и показывает всем.

Если вы собираетесь нас штурмовать и показывать свои успехи всему человечеству, то я спрашиваю, кто будет делать ответные вспышки выстрелов? Я не прошу вас о танках, но если вы пришлете ящик бенгальских огней, это уже достижение... Что реально нужно? Реально нужны винтовки и пулеметы, как и было в семнадцатом году. И нужна хотя бы одна артиллерийская батарея... Нет, мы не собираемся устраивать боев в центре города, это вы решили устраивать такие бои. Но мы хотим добиться внушительной исторической правды. Надеюсь, вы понимаете меня, господин Сталин, что у нас с вами общие интересы — сохранение собственности музея Эрмитажа... Конечно, посоветуйтесь с товарищами, в первую очередь с товарищем Лениным. Только учтите, что в случае обмана мы сразу уйдем. И вам придется присылать на наше место Кантемировскую дивизию... Я тоже не шучу, господин Сталин. *(Кладет трубку на рычаг.)*

Гунявый. Погодите, погодите, вы, я вижу, Зося, что вы хотите вашего Керенского качать и целовать. Словно он Бастилию взял. Ничего вы пока не добились. Они сделают вид, что идут на компромисс. А потом пришлют вам дюжину ружей без патронов.

Звонит телефон.

Керенский. Да, я у аппарата. Хорошо, мы ждем в течение часа. Спасибо. Если не удастся с патронами, мы согласны на роту милиции. Я не шучу...

Раиса Семеновна. Вот видите, все обошлось. А вы сомневались в искренности партийного руководства.

Колобок. Когда оружие прибудет, тогда и прекратим сомневаться.

Гунявый. Не будет оружия, ни хрена не будет. Я ведь не всегда швейцаром работал, я и руководящие посты занимал. Сам обещал, мне обещали. Ни разу не выполнил ни одного обещания. Обычное дело. Я бы на месте тебя, Колобок, если в самом деле тебе жалко этих вазочек и пепельниц, пошел бы в отдел оружия и проверил, какие у тебя есть местные возможности.

Колобок. Чего?

Гунявый. А того, что тебе царские власти с древних времен накопили здесь целый арсенал.

Колобок. Горыныч, дай я тебя расцелую! Ты же гений.

Гунявый. Только без этого. Я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. Не хочется на восьмом десятке под статью идти.

Колобок. Не расходитесь! Погодите! Самое главное забыли. Да, забыли, ради чего мы сюда собрались. Ведь мы не решили для самих себя главный вопрос: мы разъезжаемся по домам или защищаем Эрмитаж? Независимо от того, будет оружие или не будет.

Раиса Семеновна. Как так независимо?

Колобок. Независимо, потому что они все равно будут штурмовать Зимний. И все равно ворвутся вот сюда...

Зося. Нет, никогда!

Колобок. Здесь собрались представители от разных групп. Есть товарищи от батальона смерти, от экскурсоводов, от отдела фарфора, от нумизматов. Товарищ Керенский представляет Временное правительство.

Гунявый. Я тоже представляю.

Колобок. Собрание представителей сотрудников Эрмитажа и советской общественности считаю открытым. На повестке дня один вопрос: впускать или не впускать в музей восставший пролетариат. Кто за то, чтобы не пускать и сохранить ценности для народа? Большинство. Против? Воздержалась Раиса Семеновна. Попрошу всех начать подготовку к отражению штурма. Довести до сведения отделов Эрмитажа о решении Штаба обороны. Все свободны!

Керенский *(Колобку)*. Боря, вы случайно не знаете, кто Сталина играет? Голос знакомый.

Колобок. Себя они не играют, а изображают. Сталин — Пупыкин из ЦК, а Керенский и Ленин? С Лениным они не посмели. Выписали из Москвы народного артиста с опытом, а Свердлов — наш, секретарь обкома Отрепьев.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Служебный коридор первого этажа. На руке Аполлона висит шинель, на лицо каким-то шутником надет противогаз. Дверь в глубине коридора, ведущая на Дворцовую площадь, отворена, за ней синий вечер. Открыта также и дверь в кабинет к Антипенко. Коридор пуст. Но в дверях в кабинет Антипенко виден край стола, на нем телефон.
Колобок говорит по телефону.

Колобок *(в офицерском мундире)*. Мама, я приду рано утром. Мы только сдадим Зимний дворец, и я тут же домой. Мама, не переживай, у нас тут горячее питание. Походная кухня приехала. Ну мама, ну что ты говоришь! У нас хорошие культурные девушки! Где ты только нахваталась таких подозрений?

По коридору идет Симеонов в средневековом шлеме и с мушкетом через плечо. Но при этом на нем юнкерский мундир. Симеонов заглядывает в кабинет Антипенко.

Мама, я тебе еще позвоню, если связь не отрубят.

Симеонов. Знаешь, в подвале бочку с порохом нашли. Надо проверить, он горючий или как?

Колобок. Представляешь, мама волнуется, не подхвачу ли я горюю?

Симеонов. Мне надо тоже домой позвонить. А я боюсь, что во время штурма могут связь отключить.

Он проходит к телефону, Колобок критически смотрит на него.

Колобок. Бред какой-то. Придется шлем снять. Ты понимаешь — там же телекамеры.

Симеонов. А жалко. *(Снимает шлем, кладет у ног Аполлона.)* У нас камеру поставили в комнате, где Временное правительство заседает. Будут снимать, как матросы закричат: «Кто тут временный, слазь!»

Колобок. Ты охрану на баррикаду поставил?

Симеонов. Рано еще. Пролетариат еще только собирается.

Колобок. Поставь, а то кто-нибудь из стахановцев проберется.

Появляется Керенский.

Керенский. Есть новости из Смольного?

Колобок. Ни пушек, ни винтовок, ни милиционеров в штатском.

Керенский. Уже скоро семь часов. Думаю, что адмирал был прав.

Колобок. Я почти всех вооружил. Конечно, не очень красиво, у некоторых даже не огнестрельное оружие. Но лучше, чем ничего, правда?

Керенский. Конечно, я предпочел бы видеть здесь дисциплинированные гвардейские части. Но где их найдешь... Краснов далеко. Но главное, молодой человек, это энтузиазм народных масс! А это мы имеем. Как с вооружением?

Симеонов. Двадцать винтовок и ружей, в основном охотничьих, один пулемет конца прошлого века. Пистолеты в неограниченном количестве, в основном дуэльные. Ну и, конечно, — холодное оружие из рыцарского зала.

Керенский. Порох? Пули?

Симеонов. Льем, Александр Федорович.

Керенский. Где командир женского батальона смерти?

Колобок. Там, наверху, в малахитовом зале адмирал Горыныч учит девочек пистолеты держать. Наверное, и Зося там.

Зося входит с улицы, за ней плетется пленный молодой парень в замшевом пиджаке и плаще. Из-под плаща видны брюки клеш с «молниями» снизу. Парня держит на мушке пистолета Мальвина.

Зося. Я здесь лазутчика поймала.

Колобок. Это еще что за явление тени отца Гамлета.

Парень. Ты лучше добром отпусти. А то ведь я тебя запомню. Когда возьмем дворец, я тебя отыщу, гад! И телок твоих отыщу.

Колобок. Фамилия, имя, господин пленный.

Парень. А вы про генерала Карбышева слышали?

Мальвина. Про Зою Космодемьянскую тоже. И про Павлика Морозова.

Колобок. Видишь, какие мы начитанные. А теперь говори, что вы делали, гражданин, на территории Эрмитажа.

Парень. Я на разведке был. Меня послали. Больше ничего не скажу.

Колобок. Кто же вас послал, гражданин?

Парень. По заданию райкома комсомола.

Симеонов. Врет он.

Мальвина. Если от райкома комсомола, зачем в окно лез?

Парень. Хотите, стреляйте, беляки поганые. Ничего вам не скажу.

Керенский. Молодой человек, вы, наверное, не знаете, что на территории Зимнего дворца действуют законы военного времени. И вы не смотрите, что у моих соратников непривычные кокарды. Они — такие же советские люди, как и мы с вами. Только сознатель-

нее других. И имеют право расстреливать на месте мародеров и грабителей.

Парень. Это кто же им такое право дал?

Керенский. Когда они им воспользуются, вам будет поздно разбираться.

Парень. И пытать будете?

Колобок. Без пыток, боюсь, не обойтись. Мы всех пленных пытаем.

Парень. Вы... это самое... кончайте, ладно? Я пошел.

Симеонов. А ну к стене! Руки вверх. Стоять!

Колобок. Пусти его в расход. Надоел он мне.

Парень. Ну хорошо, хорошо, я скажу. Ну послали меня. От коллектива. От нашего таксопарка.

Колобок. Зачем?

Парень. Слабые места узнать, подходы и так далее... Ведь когда возьмем, надо будет первыми брать. А то на шарап расхватают.

Колобок. Сами додумались?

Парень. Ну был у нас один. Объяснял, что Зимний можно будет три дня чистить. Как Суворов — три дня на очистку от имущества, понял? И сказал, что бабы будут. Забесплатно.

Зося. Какие бабы? Что за бабы?

Парень. Но ведь пленных не брать, правда?

Зося. Боря, это же безобразные взгляды! Надо позвонить.

Колобок. Нет, звонить уже поздно. И некуда. Если только иностранным корреспондентам. Но они оклевещут.

Зося. Как же так? Ведь пятьдесят лет Советской власти? Двадцать лет до коммунизма!

Колобок *(обращаясь к Мальвине)*. И много этот разведчик успел увидать?

Мальвина. Думаю, что немного. Мы его у первого окна взяли.

Колобок. Благодари бога, что ты не успел ничего увидеть. А то бы живым не вышел. Симеонов, выведи шпиона!

Когда Симеонов, за ним девушки уходят по коридору наружу, Керенский и Колобок некоторое время стоят, прислушиваясь к звукам города. Отдаленно бухает пушка.

Керенский. Петропавловка?

Колобок. Наверное. А может, Краснова добивают.

Керенский. Хорошо, что здесь телевизионных камер не поставили. Невыразительное место. А то так противно — все время под наблюдением.

Колобок. А в комнате правительства? Там есть кто-нибудь?

Керенский. Я комнату Бунду отдал. Там Коган сидит и пишет воззвания. А с ним Пешеходов. Мой министр.

Колобок. Который — Нетудыхата?

Керенский. Он самый. Ну пошли, осмотрим баррикаду — уже темно. До штурма часа два-три осталось.

Коридор пуст. Свет в нем гаснет.
По авансцене проходит Ленин. Он в кепке, щека завязана. Рядом шагает Эйно Рахья. Они осматриваются. Далекие выстрелы пушки, отдаленный шум толпы, вой ветра, что были слышны Керенскому, слышны и Ленину.
Город живет в ожидании событий.

Ленин. Кажется, казачков не видно.

Рахья. И юнкеров тоже нет.

Рахья останавливается, вынимает пачку сигарет, закуривает.

Ленин. Спрячьте сигареты! Неужели вы думаете, что пятьдесят лет назад курили «Яву»?

Рахья. Нас уже не снимают. Они сняли наш выход с конспиративной квартиры, а теперь будут ждать у Смольного. К тому же «Ява» — самые нейтральные сигареты. Обычно я курю «Беломор».

Ленин. Зачем же нам пешком идти? Прислали бы за нами машину, такси, наконец. Все-таки ваши ленинградские товарищи переигрывают.

Рахья. Что с нас возьмешь — провинция. Но говорили, что все должно точно соответствовать исторической правде.

Ленин. И долго нам еще переться пехом соответственно исторической правде?

Рахья. Думаю, часа полтора, не меньше.

Ленин. С ума сойти! В такую погоду! Что скажет Инесса Арманд!

Они уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет товарища Отрепьева—Свердлова в Смольном. Отрепьев—Свердлов сидит за столом, освещенный настольной лампой. Быстро пишет. Раздается телефонный звонок.
Отрепьев снимает трубку.

Свердлов. Отрепьев слушает.

Он поднимается и продолжает разговор стоя.

Да, Леонид Ильич. У меня тоже сердце замирает, Леонид Ильич. Сколько осталось? Уже немного, Леонид Ильич. Сейчас наш вождь уже вышел с явочной квартиры. А, вы видели по телевизору? Тоже смотрите? И я смотрю. Нет, пока их сюда в кабинет не пускают. Вот когда будем принимать исторические решения, тогда позовем... Да, мне жалко, что вы не можете принять личное участие. Но потом, надеюсь, подобьете бабки... то есть подведете итоги Великого Октября?

Очень надеемся... «Аврора» выстрелит в двадцать два, сразу после программы «Время». До свидания, Леонид Ильич. Буду держать в курсе, Леонид Ильич...

Свердлов осторожно кладет трубку на рычаг.
Из темной глубины кабинета раздается голос с грузинским акцентом.

Сталин. Как здоровье товарища Брежнева?

Свердлов. Ну ты меня напугал! Ты хоть здесь без акцента говори, Николай Николаевич.

Сталин. Уже поздно, товарищ Свердлов. Мы уже играем наши роли на сцене мировой истории. Так кто у нас на крейсере «Аврора»?

Свердлов. Лично секретарь Центрального райкома Грушев. Надежный товарищ.

Сталин. Пора бы ему дать сигнал, чтобы «Аврора» выходила на нужную позицию.

Свердлов *(набирает номер телефона)*. Крейсер «Аврора»? Что у вас там? Как дела? Понятно... понятно... непонятно... понятно.

Сталин. Как я вижу, возникли сложности у твоего надежного товарища?

Свердлов *(наклоняется над большой картой Ленинграда, расстеленной на его столе. Показывает, говоря, по ней карандашом)*. «Аврора» по исторической версии должна встать на исходную позицию для исторического залпа. Ее командир, наемник буржуазии, откажется промерять фарватер, утверждая, что крейсер не пройдет. Тогда простой комиссар из матросов сам спустится в шлюпку и промерит фарватер.

Сталин. Так... *(Он тоже склоняется над картой.)*

Свердлов. Как и было отрепетировано, командир отказался вести «Аврору». Тогда товарищ Грушев арестовал командира. Он спустился в шлюпку, чтобы промерить фарватер.

Сталин *(раскуривает погасшую трубку)*. Вы не виляйте, товарищ Свердлов, не виляйте. Вы мне прямо скажите, какие возникли сложности?

Свердлов. Ищут лот, товарищ Сталин. Куда-то заховали, мать их ети! Он им пятьдесят лет был не нужен. Может, и выкинули.

Сталин *(медленно идет по кабинету)*. Лот — это веревка с грузом на конце. Я советую товарищам взять канат, за который привязан крейсер «Аврора» к берегу, привязать к его концу что-нибудь тяжелое и опустить в воду. Это будет наш, революционный лот!

Свердлов *(хватает телефонную трубку)*. Это «Аврора»? Дайте мне «Аврору»! Почему не отвечает? «Аврора», где Грушев? Куда побежал? Мост разводить? Почему мост до сих пор не разведен? Это ты, Грушев? Грушев, ты рискуешь партбилетом. Как почему? А ты на часы посмотри! Программа «Время» вот-вот начнется, пора на штурм Зимнего идти, а ты еще мост не развел! Ну ладно, мостом я сам займусь. А ты пока бери веревку, за которую «Аврора» к берегу привязана, и привяжи к ней что-то тяжелое. Это личное указание товарища Сталина. Коммунист всегда должен найти выход из безвыходного положения.

Сталин. Правильно!

Свердлов. Все, влазь в лодку, промеряй фарватер и трогай! А я пока сам мостом займусь!

Свердлов поднимает трубку другого телефона, и свет в его кабинете гаснет.
А тем временем на просцениуме вновь появляются Ленин и Рахья.

Ленин. Это еще что такое? Вы предлагаете мне сюда ползти?

Он останавливается и смотрит вперед и вверх.

Рахья. Ничего не понимаю! Всю жизнь прожил в Ленинграде, но чтобы в девять часов мосты начали разводить — такого быть не может. Очевидно, это дьявольская хитрость Временного правительства.

Ленин делает несколько шагов к рампе и вглядывается в реку.

Ленин. Товарищ Рахья, поглядите-ка сюда. Вы видите эту лодочку?

Рахья. Вижу, Владимир Ильич. *(Старательно говорит с финским акцентом.)*

Ленин. А в ней, как я полагаю, революционные матросы. Всмотритесь, товарищ Рахья, вы наблюдаете сейчас решительный момент в истории Великой Октябрьской социалистической революции. Комиссар крейсера «Аврора» лично промеряет фарватер, чтобы провести крейсер на позицию для решительного залпа по гнезду контрреволюции — Зимнему.

Рахья. Вы правы, Владимир Ильич. Недаром рядом с той лодочкой плавает столько катеров и речных трамваев, с которых операторы телевидения и кинохроники различных стран снимают этот исторический момент.

Ленин. Это, конечно, великолепно, но скажите мне на милость, батенька, как же мы проберемся в Смольный? Как мне кажется, моего прибытия ждут товарищи по партии, по восстанию. Мои соратники не смогут начать революцию в мое отсутствие, вы как думаете?

Рахья. Я думаю, что нам делать дальше, товарищ Ленин? Может быть, мы будем махать руками, чтобы нас заметили с лодочки и перевезли на тот берег?

Ленин. Меня совершенно не радует перспектива искупаться в ледяной Неве.

Рахья. Тогда мы можем ждать, пока «Аврора» пройдет под мостом, а потом его сведут снова.

Ленин. Когда же это случится, товарищ Рахья?

Рахья. Может быть, через час?

Ленин. Вы сошли с ума! Вы хотите сорвать мероприятие! Не говоря о том, что сорвется штурм Зимнего, меня вышибут из Художественного театра за год до пенсии. Нет уж, увольте, батенька! Мы с вами пойдем другим мостом!

Рахья. Вам не кажется, что «Аврора» двигается?

Ленин. Крейсера, насколько я знаю, никогда не двигаются боком. У меня такое впечатление, что «Аврору» забыли привязать к берегу. Ну, пошли? Учтите, без вас мне дороги в Смольный не найти. Я же, кажется, родился в Ульяновске?

Они уходят дальше, искать переправу на другой берег Невы.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Буфет в Эрмитаже. На прилавке горят свечи. При их свете видно, что столики отодвинуты в сторону, чтобы освободить место двум раскладушкам и матрасам, брошенным на пол. К стойке прислонены в ряд старинные ружья и алебарды.

Мальвина раскладывает матрас на одной из раскладушек. На другой лежит Зося. Еще одна раскладушка занята, но женщина, лежащая на ней, отвернулась.

Мальвина. Скорей бы уж они начинали штурмовать! Совершенно не могу ложиться спать без ванны. Наверное, я какой-то урод.

Зося. Довольно хорошенький урод.

Мальвина. Ты так думаешь? *(Садится на кровать.)* А я рада, что мы все тут сражаемся. Знаешь, я третий год в буфете работаю, а вы для меня большей частью не лица, а только рты. Одни открываются, чтобы приказать, вторые жуют. А так мы все вместе. И погибнем вместе. Как люди.

Зося. Зачем погибать?

Мальвина. А иногда хочется погибнуть за что-нибудь большое. Например, в борьбе с фашистской силой черною, немецкою ордой!

Зося. Ну ты подумай, что ты несешь?! Кто здесь фашисты?

Мальвина. А ты думаешь — не отстоим?

Зося. Поспи немножко, Мальвина. А то завтра перед расстрелом будешь плохо выглядеть.

Мальвина. Ах вот ты как заговорила, комсомольский работник. Только у тебя все шансы не дожить до рассвета. Батальон смерти — он почему так назывался, их всех до смерти изнасиловали!

Зося. Какой дурак тебе это сказал?

Мальвина. Вовсе не дурак, а Сашка Симеонов, младший научный сотрудник.

Зося. Ну, после революции я с ним серьезно поговорю.

Мальвина. Стукачка ты, вот кто!

Зося. Спи! Может, за ночь поспать не удастся.

Раздаются выстрелы. Серией. Потом одиночные.

Раиса Семеновна *(вскакивает)*. Уже? Началось? Ой, девочки!

Зося. Нет, это, видно, мародера пристрелили. А может, так, с перепугу.

Раиса Семеновна *(продолжая сидеть)*. Я тебя не понимаю, Зося. Откуда в тебе этот ранний цинизм? Может быть, сейчас там, за стеной, пуля догнала и оборвала молодую жизнь?

Мальвина. И все-таки вы за красных или за белых?

Раиса Семеновна. Сам вопрос этот нетактичен. Но если сказать честно, то мне всегда говорили, за кого надо быть.

Мальвина. Значит, за красных.

Снова раздается отдаленный выстрел.

Зося. Вот когда будет залп «Авроры», тогда они побегут.

Мальвина. А какой он, этот залп «Авроры»? Я его только на картинках видала! У нас в детском садике этот залп висел.

Зося. Скоро узнаешь.

Раиса Семеновна. Зря Колобок распорядился свет вырубить, неуютно.

Зося. Зато нас снаружи не видно. И «Аврора», может, промахнется.

Два мужских силуэта возникают на пороге буфета.

Коган. Извините за беспокойство, мы вам не помешали?

Мальвина. Вы кто? Пролетарии всех стран?

Коган. Нет, мы партия Бунд. Я — Коган, а это мой заместитель товарищ Нетудыхата.

Мальвина. Буфет закрыт. До победы революции.

Нетудыхата. Но, может быть, есть хоть чай? Мы заплатим.

Мальвина. Ни минуты покоя. Ведь революция идет, товарищи!

Нетудыхата. Но мы — члены Временного правительства. Мы свои.

Раиса Семеновна. С каких пор Борис Моисеевич Бунд оказался во Временном правительстве? Вы что, историю ВКП(б) забыли? Мелкий провокатор.

Коган. Неужели я слышу голос Раисы Семеновны? Господи, какое удивление. Разве я когда-нибудь мог мечтать о том, что встречу свою племянницу Раю в такой обстановке. Неужели ты примкнула к партии эсеров?

Раиса Семеновна. Ты совершенно забыл о реальной расстановке сил!

Коган. Какие силы! Сплошные заседания. Меня ввели во Вре-

менное правительство, потому что в нем нет кворума. Половина членов взяли бюллетень. Зато вот министр Пешеходов, в жизни товарищ Нетудыхата, перекинут по совместительству в Бунд для национального баланса. Я уж жду не дождусь, когда нас победят. Но ты лучше расскажи, как живет Изя?

Мальвина. Вот, пейте и не мешайте спать бедным девушкам, которые трепещут, что их изнасилует восставший пролетариат!

Коган. Что она говорит! Какой цинизм... и паникерство!

Нетудыхата. Зачем ждать пролетариата? Ха-ха-ха — шутка! Сколько я должен, включая услуги?

Мальвина. Зося, это не наш человек. Может быть, даже он агент красных.

Зося. Он в райкоме работает. Я его знаю.

Нетудыхата. И горжусь этим. Этот матрас еще не занят?

Мальвина. Это женское общежитие! Идите к мужикам!

Нетудыхата. Там все занято. И очень накурили. Мне вредно. *(Ложится на матрас.)*

Мальвина. Все! Хватит! Теперь — спать, спать, спать.

Коган. Раиса, пошли туда — мы немного поболтаем.

Раиса Семеновна. Нет, представляете, чтобы в такой исторический момент мне на голову свалился родственник. Я этого не переживу. Пошли, Борис.

Она идет за стойку. Коган следует за ней. Они присаживаются и исчезают из глаз.

Зося. Маля, раз уж ты стоишь, потуши свет.

Мальвина задувает свечи.

...Снова по авансцене идут Ленин и Рахья. Ленин устал, Рахья с трудом поддерживает его.

Ленин. А вы уверены, что мы еще в городе моего имени?

Рахья. Похоже на то, Владимир Ильич.

Ленин. А мне кажется, что это город моего малоизвестного соратника Калинина. Подождите две минуты, я не привык проходить за ночь по пятьдесят верст. И хоть бы кто-нибудь из своих!

Рахья. Мы должны хранить инкогнито, товарищ Ленин.

Ленин. Я храню это инкогнито уже три часа и представляю, что творится в Смольном. Революция обезглавлена!

Рахья. Ну кто мог догадаться, что разведут мост, который нам был так нужен?

Ленин. Но почему мы не пошли другим мостом?

Рахья. Вы же знаете, товарищ Ленин, что в нашем маршруте не был указан другой мост. На нем могла быть засада. Улицы кишат жандармами и агентами Временного правительства.

Ленин. Хорошо, хорошо, пошли дальше.

Только они делают несколько шагов вперед, как с другой стороны сцены появляются два милиционера, одетые, правда, в форму городовых.

Городовой. Стой, кто идет?

Рахья хватает Ленина за руку, и они пытаются убежать. Но их догоняет выскочивший навстречу другой городовой.

Городовой. Попались, голубчики!

Ленин. Господин городовой. Вы — типичный пережиток царского режима. Вас не должно быть. Это ошибка!

2-й городовой. Ваши документы попрошу.

Ленин. А почему я должен носить с собой документы?

2-й городовой. Ничего ты не должен. Так что пройдем в отделение, и там мы все выясним.

Рахья. Товарищ городовой. Мы же знаем, что вы не городовой, а товарищ сотрудник милиции, советской милиции.

1-й городовой. А у тебя документы тоже дома остались?

Рахья. У нас не может быть документов. Мы инкогнито. Нам срочно нужно в Смольный.

2-й городовой. Вот и ладушки. Сейчас выясним все в отделении, а потом пойдете в свой Смольный.

Ленин. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку! Революция в опасности! Каждая минута на счету. Вы обязаны помочь нам скорее добраться до мозгового центра Октября.

1-й городовой. Какой еще Смольный! Смольный во-он где! А вы — во-от где!

2-й городовой. Лейтенант, я точно вспомнил — это он квартиру у Басилашвили брал. Только в парике.

1-й городовой. То-то я думаю, чем мне его паскудная рожа знакома!

2-й городовой. Он же во всесоюзном розыске!

Ленин. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку!

2-й городовой стаскивает с Ленина кепку. Рахья пытается вмешаться, но другой городовой его останавливает.

2-й городовой. Что и следовало доказать.

Он брезгливо поднимает платок, подвязывающий щеку Ленина, шмат ваты падает на землю. Другой рукой он поднимает рыжий парик. Перед ними стоит лысый человек с голым лицом.

Рахья. Вы подняли руку на товарища Ленина. Ваши имена проклянет все прогрессивное человечество.

2-й городовой. Пошли в машину. В отделении мы разберемся, чьи имена проклянет человечество. Тех, кто жуликов ловит, или тех, кто квартиры заслуженных артистов грабит. Сволота поганая. А ну, пошел!

Рахья. Мне вас жалко!

1-й городовой. Надо будет проверить — может, они в самом деле из психушки драпанули.

2-й городовой. Они еще будут ваньку ломать. Но мы тогда старшину Борзого позовем. Он умеет с такими разговаривать.

Ленин. Я — народный артист РСФСР! Я Ленина в кино играл!

Это последние слова, которые доносятся из-за кулис.

Некоторое время царит тишина. И в ней еле слышно доносятся слова Раисы Семеновны.

Раиса Семеновна. Они сейчас живут в Израиле и ничего себе устроились.

Голос Когана. А как Глеб?

Раскатывается выстрел.

Коган. Наконец-то. Кажется, это «Аврора». Сейчас нас накроет.

Они замолкают и ждут. Тихо. Совсем тихо. Только похрапывает кто-то. В буфет входит еле видная темная фигура. Останавливается и шепчет.

Керенский. Зося, ты спишь?

Зося. Нет.

Керенский. Я тебя не разбудил?

Раскладушка с Зоей стоит ближе других к рампе. Остальная комната тает в темноте. Керенский присаживается на край раскладушки в ногах Зои. Разговор происходит полушепотом. Порой, когда они замолкают, слышны отдаленные выстрелы и очереди.

Не вставай, отдыхай. Неизвестно, когда удастся снова отдохнуть.

Зося. А как вы, Саша?

Керенский. У меня пассивная роль. Мой совет министров режется в преферанс с примкнувшим к нему Бундом. Ребятами на баррикадах командует Колобок. Они в основном гоняют мародеров и всякое хулиганье.

Зося. А почему же они не идут на штурм?

Керенский. Я спрашивал у японских телевизионщиков. Они, правда, без переводчика и не все понимают. Но, по их расчетам, штурм уже идет. Но связи со Смольным нет.

Зося. А мы не можем позвонить, спросить, чего же нас не берут?

Керенский. В Смольном все время занято.

Зося. А вам страшно?

Керенский. Нет. Мне странно. Ну разве мне вчера утром могло прийти в голову, что я на самом деле буду защищать Зимний дворец?

Зося. А мне-то каково? Я же член комитета комсомола. И вот в вашем стане.

Керенский. У меня бабушка Зимний брала. Правда, потом ее посадили.

Зося. А нас посадят, если мы его вовремя не отдадим.

Керенский. Пока речь шла только о ценностях, я держал нейтралитет. Но когда оказалось, что опасность грозит вам, то я избрал сторону справедливости и порядка.

Зося. Если у вас это личное, то зря. Я привыкла сама обходиться. И обо мне есть кому позаботиться!

Керенский. Зря в таких вещах не бывает. Как премьер-министр и руководитель обороны Зимнего дворца я просмотрел в отделе кадров личные дела сотрудников.

Зося. Вы не имели права!

Керенский. Я сейчас на все имею право. Так вот, Зося, вы расстались с вашим мужем уже более года назад и проживаете вместе с мамой и дочкой четырех лет на Большой Подьяческой в доме 12, квартира 8.

Зося. Как вы посмели!

Керенский. Разве это секрет?

Зося. Это от вас секрет.

Керенский. Почему? Нет ничего дурного в нашей взаимной симпатии. Вы — командир женского батальона смерти, я — председатель Временного правительства. Судьба предназначила быть рядом.

Зося. Ну это же игра, Саша. Это игра, на одну ночь.

Керенский. Кто-то сказал, что жизнь — игра. Это мудрые слова.

Зося. Не надо... А вы женаты?

Керенский. Я плохо себя вел, и меня оставили...

Видно, как склоняется черный силуэт премьера к Зосе. И в этой паузе отдаленные взрывы, чей-то крик, потом слышен шепот Когана.

Коган. Меня очень тревожит, что меня выбрали на буржуазную роль.

Раиса Семеновна. Но это же задание партии!

Коган. Я отлично знаю, что это задание партии. Но Роза с детьми наверняка не спят, потому что они понимают, что после этого задания партии может последовать следующее задание.

Раиса Семеновна. Какое?

Коган. Отправиться в Петропавловскую крепость — там, говорят, уже подготовлены места для буржуазии. А потом найдется еще одно, последнее задание партии — встать у стенки и закричать «Да здравствует товарищ Брежнев!».

Раиса Семеновна. Боря, ты сошел с ума!

Коган. Слава богу, если только это. Ну я пошел?

Коган поднимается, ощупью идет между коек.

Зося. Ты сошел с ума... мы совсем незнакомы.
Керенский. У нас еще все впереди.

Коган наталкивается на койку.

Зося. Ой, кто это?
Коган. Простите за беспокойство. Я представляю здесь партию Бунд.

И тут грозно и громко звонит телефон. Что-то обваливается за стойкой. Вскакивает Мальвина.

Раиса Семеновна *(берет трубку)*. Алло, это Эрмитаж! Да, Эрмитаж. Что же вы людям спать не даете? Как так только одиннадцатый час?.. Господи, так это вы, товарищ Антипенко!

Зося поднимается и идет с Керенским из буфета. Они останавливаются в стороне и шепчутся о вещах, не имеющих отношения к революции.

Нет, все в порядке. Настроение коллектива на высоком уровне... Ну что вы — никаких пьянок. Все товарищи готовы к бою, оружие вычищено, пули отлиты... Почему я несу чушь? Я говорю то, что велит мне долг! А я хотела у вас спросить, как ваше здоровье? Лучше? На какую такую площадь вы собрались? Я ничего не понимаю — почему вы пойдете на площадь? Ночью, под дождем, в таком состоянии здоровья. Вы же ничем не сможете нам помочь. Как не собираетесь помогать? То есть как так по другую сторону баррикады? Простите, товарищ Антипенко, а с каких пор мы перестали быть советскими людьми? Кто принимал постановление об исключении нас из партии и комсомола? Тогда мне не о чем с вами разговаривать!.. Вот именно, когда вы вернетесь на службу, тогда весь коллектив с вами поговорит. *(Бросает трубку.)* Это был Антипенко. Он сказал, что мы — отщепенцы и враги народа. Что случайностей не бывает. Если мы здесь, а народ там, то, значит, есть решение. Он намерен нас штурмовать с именным пистолетом, подаренным ему товарищем Менжинским... Это я-то враг? Да я всю блокаду в Ленинграде провела!

Мальвина зажигает свечу.
Видно, что по одну сторону буфета стоит Коган, по другую — Керенский.

Коган. Ну скажите мне, пожалуйста, почему у нас не умеют просто развлекаться. Ну взяли бы Зимний дворец понарошку, под охраной милиции, ну сняли в кино, и все довольны. Почему у нас по поводу очередного праздника готова произойти новая революция?
Керенский. Боюсь, господин Коган, что мы давно уже ждем

ее. Революцию. Каждый по-своему. У вашего Антипенко замечательный классовый нюх. Зося, у тебя шинель здесь?
Зося. Здесь. Я ею накрывалась.
Керенский. Пойдем, обойдем посты. Надо приободрить людей. Темно, мокро, с той стороны матерщина идет, люди сомневаются.

Появляется Симеонов.

Симеонов. Товарищ Керенский. Пожалуйста! Там пьяные лезут. Лозовую избили, все лицо в крови.
Зося *(бросаясь к двери)*. Ну я же приказала всем пенсионеркам — смотрительницам залов немедленно разойтись по домам!
Раиса Семеновна. Эти бабушки — первые болельщицы и защитницы дворца. Их бульдозером от баррикады не оттащишь. Бегите, я сейчас — только перевязочные средства возьму!

Мальвина задувает свечку.

Мальвина. Солдат спит — служба идет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Кабинет Отрепьева в Смольном. Свет горит ярко. Сталин и Свердлов — над картой Ленинграда.
В темном углу стоит телевизионная камера.

Свердлов. Выключите вы свою камеру! Разве не видите, что мы сейчас занимаемся делом. И мотайте отсюда! Надо будет — позовем.
Голос из-за камеры. А у нас будет время в буфет сбегать? Мы с обеда без кусочка.
Свердлов. Давайте, куда угодно! Только чтобы здесь вас я не видел, пока Зимний не возьмем!

Огонек на камере гаснет.

Сталин. Итак, подведем предварительные итоги.

Раздается телефонный звонок. Сталин берет трубку.

Слушаю. Сталин у телефона. Слушаю... нет нет... нет... нет! *(Вешает трубку.)*
Свердлов. Кто там был?
Сталин. Антонов-Овсеенко. С площади Зимнего. Говорит, что еле удерживает народ от штурма. А выстрела все нет.

Свердлов снимает трубку.

Свердлов. Девушка? Девушка, не отключайтесь! Я же с вами по

вертушке разговариваю! Девушка, «Аврору» мне! Ну и что, если я два часа вызываю! Киньте с вертолета световые сигналы — десант высадите, в конце концов! «Аврора»? Ну слава богу. Это ты, Грушев? Словно камень с души упал. Что там у тебя случилось? Ты понимаешь, что если в ближайшие три минуты пушка не выстрелит, то ты партбилет на стол положишь! А сам... знаешь куда пойдешь!.. Не груби! Отвечай по порядку! В какой мост врезались? Да вы уж два часа как врезались! Ты мне о последних событиях говори! Какая мель? Ты что, где ты отыскал мель, если ты специально с лотом в лодочке плавал? Какой фарватер изменился? Нет, этого быть не может!

В отчаянии Свердлов бросает трубку на стол. Сталин подбирает ее и говорит.

Сталин. Иосиф Виссарионович Сталин вас внимательно слушает, товарищ Грушев... Значит, вы, вопреки указаниями Центрального Комитета, не имея морского опыта, сели в шлюпку и указали неверный фарватер? Попрошу не объяснять, с какими вражескими целями вы это совершили. С этим разберется товарищ Вышинский. Насколько хорошо и надежно сел на мель ведущий крейсер Октябрьской революции?.. Не надо демагогии. Я не думаю, что сегодня мы сможем пригнать вам мощный буксир. Это в лучшем случае отложит выстрел на сутки. А как учил Владимир Ильич Ленин: «Вчера было рано, завтра будет поздно!» Учтите, завтра будет все поздно, кроме показательного суда над известным троцкистом, вредителем и диверсантом гражданином Грушевым. Или сейчас стреляете по Зимнему, давая сигнал к штурму, или больше не существуете... Как так пушка не поворачивается? Как так заржавела?.. Гражданин Грушев, мне надоело с вами разговаривать. *(Бросает трубку.)*

Свердлов. Иосиф Виссарионович, у вас правый ус отклеился.

Сталин достает из кармана маленькое зеркальце.

Сталин. А клей есть?

Свердлов уже снова у аппарата. Сталин выходит в коридор, придерживая ус.

Свердлов. Девушка, соедините меня с телецентром. Начальника телецентра!.. Добрый вечер... да уж не очень добрый. Скажите, ни на одном из ваших мониторов не появлялся товарищ Ленин?.. Нет, без бороды, рыжий парик, щека перевязана в соответствии с исторической правдой. Если кто-нибудь засечет, немедленно дайте мне знать.

Возвращается Сталин.

Сталин. Я пока кусочком хлеба прикрепил. Что нового о Владимире Ильиче?

Свердлов. Пропал без вести.

Сталин. А ты звонил по отделениям милиции?

Свердлов. У кого поднимется рука...

Сталин. И еще надо будет позвонить в сумасшедший дом. Поведение товарища Ленина могло показаться кому-нибудь странным. Говорят, что в сумасшедших домах скрываются сотни моих и его двойников.

Свердлов. Дежурного МВД по городу. Центральная станция «Скорой помощи»! Говорит Смольный. Немедленно приказываю — обследовать все психиатрические пункты и больницы на предмет недавнего поступления в них Ленина Владимира Ильича, парик рыжий, щека подвязана, как при флюсе, без бороды.

Сталин. Это они до утра провозятся. Дай-ка аппарат. Девушка, управление Государственной безопасности по городу Ленинграду. Генерала Калугина попрошу. Калугин. Не спишь, бдишь? Это хорошо. Слушайте внимательно, генерал. От решения этой проблемы может зависеть вся ваша будущая карьера. Мы потеряли Ленина, Владимира Ильича на пути с явки к Смольному. Есть шансы, что он мог оказаться в сумасшедшем доме... Подождите, генерал Калугин. Нам с товарищем Свердловым и товарищем Дзержинским не нужны ваши упреки. Нам нужен Ленин. Самое позднее через час. *(Вешает трубку.)* Теперь нам остается только ждать.

Звонит телефон. Что-то в звонке настолько тревожное, что и Сталин, и Свердлов не решаются взять трубку.
Потом Свердлов все же берет трубку.

Свердлов. Не понял? Какая железная дорога? Какие конники? Так... так. Так, ищите!

Сталин. Что еще?

Свердлов. Неизвестно, где генерал Краснов с его конницей.

Сталин. Значит, тоже заблудился.

Свердлов. На всякий случай я пошлю два танка на шоссе. Не возражаешь?

Сталин. Я никогда не возражаю, если надо послать танки, хотя сам предпочитаю убеждать словом. Это самое главное орудие большевика.

Опять звонит телефон. Опять Свердлов берет трубку.

Свердлов. Слушаю вас, товарищ Брежнев. Все в порядке, Леонид Ильич. Вот тут рядом со мной Иосиф Виссарионович и тоже шлет вам привет. Как так умер? В пятьдесят третьем году умер?

Свердлов оборачивается к Сталину.

Сталин *(берет трубку)*. Здравствуйте, Леонид Ильич, Сталин на проводе. Для некоторых, может быть, и умер, но сами исторические события, которые имеют место за стеной, доказывают, что я —

вечно жив... Нет, никаких задержек. Советую вам снять руководителей телевидения, которые вместо штурма дворца показывают симфонические концерты и «Лебединое озеро». Штурм уже начался и проходит по плану. Владимир Ильич уже проник в Смольный... нет, он не может подойти, он сейчас проходит диспансеризацию. Все-таки возраст... да, почти сто лет! Как только очнется, мы ему передадим ваши наилучшие пожелания... Залп «Авроры» превзошел все наши ожидания. Половины Зимнего дворца как и не бывало... Нет, не беспокойтесь, Леонид Ильич, картину Репина «Три богатыря» мы вовремя эвакуировали в безопасное место. Не беспокойтесь, Леонид Ильич, отдыхайте, Леонид Ильич. Мы сразу сообщим, Леонид Ильич. *(Вешает трубку.)* Теперь отступать некуда.

Свердлов. Я думаю, что мне придется самому отправиться на Дворцовую площадь и возглавить колонны!

Сталин. Настоящий руководитель остается у телефона.

Свердлов *(подходит к окну, отодвигает занавеску и всматривается в темную ночь)*. Где же эта «Аврора»? Ну, стрельни, Грушев, богом молю, стрельни!

Грохот наполняет комнату, качаются лампы, сыплется штукатурка, гаснет свет, звенят стекла.

Сталин. Это что такое?

Мигает резервный свет, который дает генератор. Сталин и Свердлов с трудом поднимаются с пола. Тут звонит телефон. Свердлов протягивает руку.

Свердлов. Смольный... да. Спасибо...

Он роняет трубку и сползает на пол.

Сталин. Что еще?

Свердлов. Грушев докладывает, что залп «Авроры» совершился.

Сталин. Это я уже понял.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Гул «авроровского» выстрела еще висит в воздухе, как его подхватывает неудержимый, утробный раскатистый вопль замерзших и промокших пролетариев.

Штурм Зимнего дворца начался.

Мы снова в служебном коридоре Эрмитажа — звуки нарастающего штурма прорываются сквозь открытую дверь, ведущую на баррикаду на площадь.

Тускло горят свечи.

По коридору бегут, одеваясь, приводя себя в порядок, обитатели буфета. Зося не отпускает руку Керенского. Их догоняет Пешеходов-Нетудыхата.

Нетудыхата. Товарищ премьер-министр, нам где отсиживаться?

Керенский. А вы где отсиживались?

Нетудыхата. Мы отсиживались вместе с Бундом. Но теперь, я полагаю, это неприлично.

Керенский. Идите, подыщите себе что-нибудь посолиднее.

Нетудыхата. А вы как же? Вы же председатель правительства? Вам пора готовиться к бегству.

Керенский. Во-первых, Зимний дворец еще не взят и неизвестно, когда его возьмут. А пока я не убежал, то я могу участвовать в обороне.

Нетудыхата. Это совершенно исключено. Всем известно, что Керенский трусливо прятался вместе с правительством, ожидая неминуемой кары.

Керенский. Может быть, я бы и следовал этому позорному сценарию, если бы не встретил эту отважную девушку.

Он не замечает, как из двери в кабинет Антипенко выдвигается оператор с кинокамерой в руке, за ним — иностранная корреспондентка.

Корреспондентка. Имею честь беседовать с премьер-министром господином Керенским?

Керенский. Простите, но меня ждут — идет бой.

Корреспондентка. Представьте меня этой отважной девушке. Прошу очень.

Керенский. Пожалуйста.

Зося. Не надо, я пошла... *(Пытается вырвать руку.)*

Керенский. Зося Ильинская — отважный советский человек, комсомолка, мать-одиночка, и надеюсь, когда ее дочь вырастет, она будет гордиться своей мамой — командиром батальона смерти.

Корреспондентка. Вы говорите — смерти? Вы будете погибать?

Зося. Это наш долг.

Корреспондентка. Вы есть играете в сценарий. Я хочу, чтобы вы построите ваш батальон и кричат «ура!». Пошли туда, где это красиво.

С площади от баррикад входит Симеонов. Он придерживает рукав. Кровь измазала пальцы.

Зося. Саша, что с тобой? Как так?

Симеонов. Пустяки, случайно пулей зацепило.

Керенский. Какой пулей, какой пулей, я спрашиваю? Откуда там пули? Кто им дал пули?..

Зося. Раиса Семеновна, вы где? Где лазарет?

Раиса Семеновна выглядывает из комнаты Антипенко. Она все в той же одежде сестры милосердия.

Раиса Семеновна. Что случилось? Что за крики? Я как раз ищу в аптечке аспирин... Ой, Симеонов, что вы с собой наделали? Что еще за хулиганство?

Она подхватывает Симеонова и ведет его в кабинет к Антипенко. Оператор суется туда, но Керенский прикрывает дверь.

Керенский. Наверное, это не надо снимать. У нас идет веселый праздник, мы повторяем революцию. Вы же знаете, что каждое событие повторяется дважды. Первый раз трагедией, а второй раз комедией.

Корреспондентка. Это есть комедия? Вы смешно?

Керенский. А у нас все комедии с мордобоем. Не знали?

Крики раздаются ближе, еще ближе! Отдельные выстрелы. Оттуда с улицы вбегает адмирал Гунявый. Один эполет висит на ниточке.

Гунявый. Александр Федорович, Саша! Они вот-вот баррикаду возьмут. Уже здесь! Пьяные, ужас!

Керенский. Господин морской министр. Попрошу вас привести в порядок форму.

Гунявый. Как?

Корреспондентка *(вынимает заколку и прикрепляет эполет на место)*. Так лучше, господин генерал.

Гунявый. Адмирал я, морской министр!

Керенский. Вперед! На баррикады!

Он кидается вперед, за ним Гунявый и Зося. Замыкают процессию корреспондентка и оператор.

Несколько секунд сцена пуста — только симфония боя наполняет ее. Потом из открытых дверей, с площади появляется Колобок. Он вбегает в кабинет Антипенко. За ним спешит перевязанный Симеонов — рука на перевязи. Затем — Раиса Семеновна.

Раиса Семеновна. Саша, Симеонов, ты же ранен, ты должен лежать! Что я скажу твоей маме?

Из дворцовых помещений осторожно выходит Коган. Он увидел Симеонова.

Коган. Это ты, Раиса?

Раиса Семеновна. А ты чего прибежал? Тебя еще не хватало. Сонечка убеждена, что ты скрываешься в безопасном месте.

Коган. Зачем мне сидеть под потолком, как муха, и ждать, когда тебя прихлопнут. Там и без меня достаточно министров-капиталистов, которые ждут, что им принесут бутерброды.

Раиса Семеновна. Ну зачем тебе, Борис, все эти игры? Неужели страна не наигралась ими в семнадцатом году?! Неужели так и будем друг друга штурмовать?

Коган. Надо. Если бы у Павлика Морозова папа был робот, то Павлик все равно бы на него написал. Это были правила игры. Сегодня не только повторение давно прошедшей революции, которую мы никак не можем завершить до сих пор, — это подсказка нам, что в будущем нас с тобой ждут революции.

Раиса Семеновна. Господь с тобой, только без этого!

Коган. Подросло новое поколение, которое хочет власти.

Раиса Семеновна. Но сегодня же у нас праздник!

Коган. Правильно. Как ты умеешь подбирать самые бессмысленные слова! У нас праздник непослушания.

Слышно, как на баррикаде в мегафон кричит Керенский.

Керенский. Господа защитники Эрмитажа! К вам обращается премьер-министр Временного правительства. За нами не только символ утраченной нашими отцами свободы, за нами и сокровищница мировой цивилизации. Все это под угрозой. Я знаю, как вам страшно и опасно! Как вам холодно и неуютно. Но я вам обещаю, что уже на подходе заряды для наших пушек, что пуль у нас будет в избытке.

Пока он говорит, видно, как Мальвина тянет по коридору ящик с чем-то тяжелым — патронами или снарядами. Коган бросается ей на помощь, и они уносят ящик на площадь.

Прошу в первую очередь женщин как можно лучше прятаться за баррикадами. Оказалось, что у нападающих есть боевые патроны. Под шум веселого фестиваля нашлись охотники не только покуражиться и пограбить, но и пострелять в свое удовольствие... Мы обязаны спасти Эрмитаж, мы обязаны защитить наших же отважных женщин, мы обязаны спасти завоевания свободы!

Поднимается новая волна шума — пролетариат пошел на штурм. Слышны многочисленные выстрелы!

По наступающему противнику открыть огонь. Целиться по ногам!

Баррикада огрызается. Потом бухают пушки. Совсем рядом.
Раиса Семеновна, которая выглядывает из коридора наружу, поворачивается и сообщает зрителям.

Раиса Семеновна. Это наши пушки! Сколько огня! Сколько дыма! Испугались? Побежали! Держись, пролетарская революция! Ура!

Ее крик подхватывают защитники баррикад.
Раиса Семеновна бежит в кабинет, выбегает тут же с графином и стаканом воды и спешит на баррикаду.
Оттуда вместо нее появляется Нетудыхата. Он оглядывается. Никого нет. Он включает динамик. Последние такты бодрой музыки.

Голос диктора. Наши камеры и микрофоны установлены на площади Зимнего дворца. Громадной бурной волной вырываются ряды возбужденных пролетариев из-под арки Генерального штаба, чтобы, рассыпавшись по площади, заполнив ее взволнованным человеческим морем, смести с лица земли жалкие, отзывающиеся еще огнем баррикады и завалы вдоль цитадели царизма и Временного правительства. Лучи прожекторов проносятся над площадью как кометы...

На секунду вход во дворец озаряется лучом прожектора. Входит Коган, он доволен.

Коган. Ну как мы им врезали! Что на это скажете, Матвей Матвеевич?

Нетудыхата. Я полагаю большой ошибкой сопротивляться. Это может плохо кончиться. Ведь вы поймите, с каждой минутой нападающие — пролетарии, дружинники, комсомольская молодежь — с каждой минутой они становятся все злее и активнее. Если сейчас ими можно управлять, то еще одна наша попытка остановить их приведет к лишней крови.

Коган. Знаете, что я вам скажу, Нетудыхата: ваше пребывание в Бунде сыграло роковую роль.

Нетудыхата. Так чего ж?

Коган. Откуда в вас эта нерешительность, эта осмотрительность, склонность к соглашательству? С кем вы, министры Временного правительства?

Нетудыхата. Я боюсь, что это зашло слишком далеко.

Музыка обрывается, и снова слышен голос диктора.

Голос диктора. На площади царит временное затишье, сказали, что ожидают прибытия руководителей штурма — товарищей Антонова-Овсеенко, Свердлова, Сталина и других членов революционного комитета. Отсюда, от арки нам видны жалкие огоньки баррикады. По имеющимся у нас сведениям многие защитники Зимнего дворца уже осознали историческую обреченность антинародного режима и разбегаются по домам. Некоторые, наиболее ненавистные народу, сатрапы Керенского арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Никто не избежит суда народа.

Нетудыхата. Расстреляют. Или самосуд... ну как же я согласился? У меня дети!

Коган. Не забывайте, господин министр Временного правительства. Мы с вами выполняли решение партии. И по какую бы сторону баррикады мы ни стояли, мы все равно остаемся солдатами партии.

Нетудыхата. Вас, может, пока и не тронут — Бунд, евреи, политика... а я ведь министр!

Снова прекращается музыка.

Голос диктора. Нам удалось пригласить к микрофону одного из руководителей штурма Зимнего дворца, известную революционерку Коллонтай. Товарищ Коллонтай, расскажите нашим слушателям об обстановке вокруг Зимнего дворца.

Голос Коллонтай. Цитадель Керенского падет с минуты на минуту. Женский батальон смерти уже позорно бежал, оставив свои позиции.

Голос диктора. Почему же заминка?

Коллонтай. Мы ждем последнего приказа из Смольного. Именно там товарищи Ленин, Сталин и Свердлов сейчас стоят... готовые нажать на кнопку! На кнопку революции.

Голос диктора. Замечательный образ! Кнопка революции! А как себя чувствует вождь революции? Владимир Ильич?

Коллонтай. Он уже взял в руки все бразды правления.

Голос диктора. Не могли бы мы присутствовать при вашей связи со Смольным? Телефон у нас в передвижке.

Снова раздается музыка. Нетудыхата идет по коридору.

Коган. Вы куда, Матвей Матвеевич?

Нетудыхата. Пора сдаваться. Финита ля комедия. Все становится слишком сложно. Как член партии я не могу противостоять решениям партии!

Коган. Остановитесь!

Нетудыхата *(вырывает как знамя из кармана белый платок и бежит по коридору)*. Я сдаюсь! Не стреляйте! Я член партии с сорок пятого года!

Слышна некоторая пауза, грохот от падающих ящиков — это Нетудыхата перебирается через баррикаду, потом отдаленные крики. И несколько выстрелов. Отдаленный крик: «Зачем, я же свой!»
Отдельные выстрелы. По радио все еще играет музыка. С площади входит Раиса Семеновна.

Коган *(который уже приблизился к дверям)*. Ну что? Что?

Раиса Семеновна. Борис, помоги мне принести раскладушки. Будем разворачивать лазарет прямо здесь. Боюсь, будут раненые.

Коган. А если сдаться?

Раиса Семеновна. А он бежал и кричал: «Я член партии с сорок пятого года!»

Коган. И убили?

Раиса Семеновна. И даже топтали ногами.

Они уходят в другую сторону по коридору.

Голос диктора. Произошла техническая заминка на связи со Смольным. Мы надеемся, что через несколько минут положение бу-

дет исправлено. Между тем по совету большевиков, собравшихся на площади, сейчас начнется следующий этап штурма Зимнего дворца. Мы надеемся, что в ближайшие минуты вы увидите, как юнкера будут убегать с баррикад!

Гремит музыка, выстрелы — они перекликаются с выстрелами с площади, доносящимися через дверь.

Раиса Семеновна с Коганом приносят раскладушки и начинают их раскладывать в коридоре.

Коган, пока ходил, вооружился — теперь у него за ремнем сабля.

Раиса Семеновна. Я побежала на баррикады.

Коган. Зачем?

Раиса Семеновна. Неужели тебе непонятно? Там же мальчишки и девочки. Они не знают о лазарете. Они даже не замечают, если в них попадет пуля. Это мы с тобой, старики, погнали их на улицу, потому что нашей с тобой партии захотелось опять поиграть в солдатиков. Сначала мы играем на этой площади, а потом пошлем их в какую-нибудь глухую заграницу, чтобы они играли в войну там ради наших идеологических интересов. *(Уходит.)*

Коган кричит вслед Раисе.

Коган. Но должны же быть разумные люди, которые занимают нейтральную позицию в ваших идиотских конфликтах!

Он раскрывает записную книжку и, найдя нужный номер, набирает его. Телефон виден в дверях кабинета Антипенко. Он стоит там на углу стола.

Это Смольный? Скажите, вас беспокоят из Зимнего дворца. Мне нужно срочно товарища Свердлова. Нет Свердлова? Ну тогда Ленина. Какого? Владимира Ильича. Ну Сталина, наконец... но кто у вас есть? Может, у вас там Троцкий появился? Нет? А кто? Как так никого? А вы кто? Какой еще Луначарский? Что вы там делаете?.. А где Сталин, где Ленин — я спрашиваю? В стране идет вовсю революция, штурмуют Зимний дворец, а они что, все в буфете?.. Какой снаряд? Кто говорит, что снаряд «Авроры» долбанул в кабинет Свердлова? Этого быть не может, потому что «Аврора» стреляла по Зимнему дворцу. Нет, чтобы попала — этого я не слышал. А вы слышали? Погодите, не вешайте трубку, ну одну минутку. Значит, Сталин и Свердлов в больнице, а Ленин еще не приходил? Большое спасибо... *(Кладет трубку на рычаг.)* Это большой сумасшедший дом. Как вы прикажете проводить революцию, если революционеров почти не осталось.

Шум в дверях возрастает, и мы видим, как несколько защитников Эрмитажа отступают в дверь под напором пролетариата. Они отбиваются прикладами, саблями, вся эта схватка поглощается ревом с площади и боевой песней, которая несется из динамика.

Но этот прорыв, видно, локален, и после минутного противостояния в дверях нападающие откатываются, и Коган, который, полувытащив саблю из-за пояса, хотел было прийти на помощь, вдруг видит, что с другой стороны появляется молодой солдат с перевязанной головой.

Тут Коган окончательно осмелел и кинулся на него с саблей.

Солдат. Да погодите вы, товарищ! Мне Керенский нужен!

Коган. Ты как сюда проник?

Солдат. Через окно.

Коган. Как председатель партии Бунд я категорически настаиваю — зачем вам Керенский?

Солдат. У меня к нему письмо... да скорей же, я сейчас упаду и отключусь.

Коган. Вы тогда садитесь на койку.

Солдат остается стоять.

(Несется к дверям и, размахивая саблей, кричит в темноту). Керенский! Александр Федорович! Товарищ Яманидзе! К вам пришли!

Он отступает обратно, потому что в дверь врывается взмыленный Керенский.

Керенский. Что еще?

Солдат. Вы будете Керенский? Вам в собственные руки. От генерала Краснова.

Керенский разрывает конверт и читает вслух.

Керенский. «Нахожусь в районе Варшавского вокзала. Пробиваюсь с потерями. В нарушение исторической правды улицы блокированы танками и БТРами. Продержитесь еще час. Телефон сообщит вам мой гонец. Не доверяю бумаге». Телефон генерала Краснова. Срочно.

Он подходит к солдату, и тот, бессильно покачиваясь, шепчет на ухо Керенскому и тут же падает на койку. Ему помогает лечь Коган, который берет у солдата пистолет.

Коган. Вперед, без страха и сомнения! *(Идет к двери, останавливается и смотрит наружу.)*

Керенский *(набирает номер).* Это квартира шестнадцать? Говорит Керенский. Генерала Краснова, пожалуйста. Генерал? Уж не чаял услышать снова ваш голос. Ваш гонец добрался до нас. Чудом добрался. Как премьер правительства прошу вас отметить его Георгиевским крестом...

Солдат пытается приподняться, но вновь опускается на койку.

Теперь вся надежда на вас. Толпа рвется в Зимний. Там много пья-

ных, есть огнестрельное оружие с боевыми зарядами. Я не представляю, какой будет ужас, если они ворвутся внутрь... Генерал Краснов, ваша боевая задача, не только задача — ваш долг пробиться к Зимнему и разогнать бунтовщиков. Выполняйте задачу... Какие еще танки — так пройдите другой улицей! У меня тут девочки с дуэльными пистолетами погибают, а вы с конницей какие-то два-три танка обойти не можете... Ну то-то, генерал. Отчизна не забудет... Да, учтите, что с настоящего момента вы исполняете должность военного министра России. Жду вас, генерал.

Он вешает трубку и оглядывается. Но зрителей не оказалось.
Снова начинает вещать радио, и Керенский вздрагивает от неожиданности.

Голос диктора. Продолжаем прямой репортаж с Дворцовой площади Ленинграда. Вы слышите выстрелы и радостные крики. Нам тут плохо видно, но есть мнение, что наши славные трудящиеся ворвались на первый этаж дворца. Со всех сторон нашей необъятной державы почта и телеграф приносят приветственные письма и телеграммы в адрес мужественных пролетариев, идущих в последний и решительный бой. Вот что пишет в телеграмме из Джамбула герой Социалистического Труда Марксен Турсункулов: «Дорогие дети мои, дорогие солдаты мои. Я душой с вами на той площади, собственными руками готов вырвать глаза у этих шайтанов, которые засели в замечательном Зимнем дворце. Никого не щадите. Я со своей стороны обещаю вам увеличить на четыре процента сбор хлопка-сырца в моей бригаде...»

В конце фразы снова усиливаются выстрелы, затем Колобок и Гуныв ый вносят Зосю. Кладут ее на раскладушку.

Керенский. Зося? Что с тобой!

Зося. Ничего, Саша, не беспокойся, ничего страшного. Это, наверное, контузия.

Следом спешит Раиса Семеновна.

Раиса Семеновна. Я тебе сколько раз говорила, Ильинская, чтобы ты не высовывалась... Где болит? А вы, господин Керенский, идите руководить боем. Здесь без вас разберутся.

Керенский хочет уйти, но все еще колеблется.

Голос диктора. Как счастливы люди, которым повезло жить в Стране Советов, сказала нашему корреспонденту крестьянка с острова Мадагаскар. «Я всем сердцем с теми, кто сегодня руководит штурмом цитадели империализма. Я вспоминаю славные времена борьбы против французских оккупантов...»

С улицы врывается Коган.

Коган. Я вас всюду ищу, с ног сбился. Значит, так — они все врут. Я связался со Смольным, «Аврора» нечаянно села на мель и бабахнула по Смольному, при том так удачно, что Сталин и Свердлов в больнице. Из всех революционеров там сохранился только товарищ Луначарский, он пишет трагедию в стихах.

Керенский. А Ленин? Что слышно о Ленине?

Коган. Ленин пропал без вести.

Керенский. Этого быть не может! Наверное, кто-то пошутил.

Коган. Позвоните сами.

Керенский. Держите связь со всеми, с кем можете! Я спешу на баррикаду. Надо поддержать молодежь.

С полдороги он возвращается, целует Зосе руку и снова убегает.
От дверей доносится голос Керенского.

Держитесь, друзья! Конница генерала Краснова уже движется по проспекту Майорова! Удачным выстрелом с «Авроры» выведено из строя руководство большевиков. Надо продержаться еще час. Заряжайте орудия! Неважно чем — главное, чтобы громко и пылало!

Слышно, как надвигается волна атакующих, их встречают выстрелы, потом оглушительно бухают пушки.
Зося приподнимается на локте.

Зося. Это наши! Они бегут! Они бегут! А меня нет с ними. Пустите меня, Раиса Семеновна. Я должна быть там с девчатами!

Раиса Семеновна удерживает Зосю.
Коган подходит к телефону. Он набирает и набирает номер, видно, что ему не отвечают. В это же время видно, как по тускло освещенной дальней части коридора, которая выходит в парадные покои, крадется один человек... за ним второй...

Коган. Смольный? Это Смольный. Какое счастье! Я говорю из Зимнего. Почему нас взяли? Нас никто не взял. А вас взяли... Ах, простите, я перезвоню.

Оставив трубку, Коган на цыпочках идет в ту сторону, где заметил фигуры.

Стой! Кто идет!

Фигуры бросаются на него. Пока их двое. Впереди Антипенко, за ним парень, которого уже брали в плен.

На помощь! Тревога! Нас обошли!

Его легко сшибают, хоть он и пытался вытащить сабельку. Поднимается посланец генерала Краснова. Он, пошатываясь, врезается в первого из нападающих и ударом в челюсть сшибает его. Отважно бросается на помощь Когану Раиса Семеновна, а на его крик, услышав, вбегают и Колобок с Керенским.

Обоих нападающих крутят. Первый, с помощью Раисы Семеновны, поднимается и встает, опираясь о стену спиной. Под глазом — синяк.

Раиса Семеновна. Господи, товарищ Антипенко! Товарищ зам. директора по режиму! Вы как здесь оказались?

Антипенко. Знаете... я так хотел посмотреть... из чувства солидарности.

Парень. Какая солидарность?! Сам же меня подбил.

Колобок. Будешь врать — живым не выйдешь. Сам знаешь, какая обстановка. Почему ты опять сюда забрался?

Парень. Меня Семен Остапович подбил — давай, говорит, я покажу один ход — его не охраняют.

Керенский. Зачем?

Парень. Там монеты лежат в золотой кладовой и драгоценности — сейчас никому дела нет, а то потом набегут...

Раиса Семеновна. Все, что угодно, только не это! Я не верю. Семен Остапович имеет недостатки, но он коммунист и заместитель директора по режиму. Его к нам назначили из КГБ. Нет, это исключено!

Антипенко. Это исключено! Я шел, чтобы разведать вход через кухонную дверь. Вы же знаете. Я думал, что там открыто.

Колобок. Зачем?

Антипенко. Именно потому, что я коммунист. У меня была беседа с товарищами Крыленко и Дыбенко. Они там, на площади. Ситуация сложилась критическая. Пора открывать Съезд Советов, а Зимний до сих пор не взят. И никакой связи со Смольным. Или мы берем дворец сейчас, или весь мир будет над нами хохотать... И лично над Леонидом Ильичом.

Парень. А зачем мне про монеты говорил?

Антипенко. А я вообще не знаю, зачем ты за мной увязался.

Керенский. Если не врет товарищ зам. директора по режиму, значит, вы должны были проверить, открыта ли дверь, охраняется ли она?

Коган. Они к лестнице повернули, когда я закричал.

Парень. А мне сказал — скорей, сказал, там золото брать будем. В кладовой.

Керенский. И когда же последний штурм?

Антипенко. Ждут танков. Ждут броневик — его с площади перед Финляндским вокзалом перегоняют.

Керенский. Все ясно. Запереть их в его кабинете. Там решетки на окнах?

Раиса Семеновна. Разумеется.

Пленных заталкивают, закрывают дверь.

Александр Федорович, скажите, на самом деле — он в кладовую лез или из идейных соображений пошел в предатели?

Зося *(слабым голосом, с койки)*. Раиса Семеновна, а разве вы когда-нибудь замечали у него идейные соображения?

Раиса Семеновна. Он всегда очень ярко выступал на собраниях.

Зося. Ярко? И никогда не врал?

Раиса Семеновна. Боже упаси. Он же ветеран!

Зося. Значит, он сейчас соврал впервые в жизни.

Раиса Семеновна. Как?

Зося. Броневик, который стоит перед Финляндским вокзалом, сделан из мрамора и у него нет колес. Так же как и Ленин, который с него говорит уж пятьдесят лет в любую погоду.

Керенский присаживается на край койки Зои и берет ее за руку.

Керенский. Больно?

Два раза громко бухают пушки защитников.

Зося. Нет. Ты иди, Саша, ты там нужен.

Керенский. Я хотел бы остаться здесь навсегда.

Зося. Не говори глупостей. Ты — премьер-министр. У тебя ответственность. Сколько времени?

Керенский. Они опоздали уже на два часа.

Тем временем выстрелы становятся все чаще, шум боя кипит у самых дверей, туда устремляются Коган с Раисой Семеновной, там уже скрылся Колобок.

Керенский. Прости, моя хорошая.

И он тоже пропадает в криках и шуме боя. А радио продолжает говорить.

Голос диктора. И вот завершается праздничный день. Еще минута-две, и погаснут прожектора. Уже затихает схватка. Зимний взят! Революция в очередной раз победила. Через несколько минут мы включим наши микрофоны в Смольном, где состоится открытие Съезда Советов, на котором выступит Владимир Ильич Ленин.

Вступает музыка.
И на фоне музыки отдаленное «Уррраааа!». Еще одна волна...
Изнутри, из кабинета Антипенко, отчаянный стук.

Раиса Семеновна. Может, мне его выпустить?

Зося. Вы думаете, что он вас за это пожалеет?

Раиса Семеновна. Я все равно хочу задать ему один вопрос.

Зося. А я пойду туда...

Раиса Семеновна. Не смей. Раненых они, может быть, не тронут.

Она открывает дверь в кабинет Антипенко, и тот вырывается наружу.

Антипенко. Испугалась? Струсила?

Зося поднимается и идет к открытой двери.

Раиса Семеновна. Я хочу вас спросить, Семен Остапович. Все-таки не первый год я работаю с вами...

Антипенко *(отталкивая ее)*. Только быстро. Меня ждут!

Раиса Семеновна. Ведь у вас было партийное задание. Задание защищать вместе с нами Зимний дворец. Почему вы сбежали? Получается, что вы совершили преступление против партии?

Антипенко. Идиотка! Бывают разные поручения. Бывает поручение, от которого блевать хочется. А бывает, от которого крылья вырастают.

Раиса Семеновна. Значит, если в золотую кладовую или через окна лазить — это с крыльями?

Антипенко. Я выполнял задания товарища Антонова-Овсеенко.

Раиса Семеновна. И все же я не понимаю...

Антипенко. Заткнись, сионистка проклятая!

И он идет по коридору к Дворцовой площади. Но он опоздал. Потому что навстречу ему идут Керенский, поддерживая Зосю, и Краснов.

Керенский. Ну кто тебе разрешил вставать, дурочка моя?

Краснов. Я бы на ее месте тоже поднялся. Все же исторический момент.

За ними идут бойцы Краснова и защитники Эрмитажа. Антипенко начинает отступать.

Раиса Семеновна. Нет, вы смотрите, смотрите на победу контрреволюции.

Керенский помогает Зосе лечь на раскладушку.

Простите, Александр Федорович. Можно вас спросить в такой исторический момент?

Керенский. Пожалуйста.

Раиса Семеновна. Скажите, а нельзя ли навсегда запретить коммунистическую партию?

Керенский. Считайте, что она уже запрещена.

Антипенко. Мудрое решение, Александр Федорович. Мудрое и своевременное решение.

Керенский. Я оставляю тебя, Зося, на попечение Раисы Семеновны. Я скоро вернусь. Только нанесу визит в штаб революции — в Смольный.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Кабинет Свердлова в Смольном. То же самое, лишь видны следы прямого попадания снаряда.

Портрет Брежнева наклонился, всюду пыль. Радио негромко играет прискорбную мелодию. Звонит телефон на столе. Прерывается. Начинает звонить снова. Междугородний. Грохот шагов, как будто наступает целый полк. Это Керенский, за ним генерал Краснов, Колобок, Мальвина, Коган, Симеонов и еще какие-то люли. Журналисты. Видеокамеры.

Керенский проходит к телефону.

Керенский. Смольный слушает. Моя фамилия Керенский. Да, я председатель Временного правительства. Что вам делать? Как ваша фамилия? Так вот, господин Шишкин. Собирайте в Тульской области Учредительное собрание, проводите демократические выборы. И отдайте власть достойным... Как быть коммунистам? Вопрос о запрете радикальных партий будет рассмотрен Верховным судом.

Керенский *(своим соратникам)*. Тульский обком действует.

Тут же звонит снова междугородний.

Да? Кто говорит? А, Леонид Ильич? Нет, не Сталин и не Свердлов. И даже не Ленин, опять не угадали. Так что не надо на меня кричать. Ке-рен-ский... Дорогой Леонид Ильич, такие цитадели, как Зимний дворец, сдаются лишь однажды. Не надо искушать судьбу... Ничего мы вам не отдадим. Ну что ж, принимайте меры. Собирайте Политбюро.

Снова звонит телефон.

Керенский у телефона! Что? Да погодите вы! Кто здесь в иностранных языках силен? Кажется, английский.

Коган *(берет трубку)*. Гуд морнинг... Йес. Йес... Йес... о, ноу! Сэнк ю!

Краснов. Что он сказал?

Коган. В общих словах... понимаете, Александр Федорович, я проходил английский язык в школе и числился среди лучших учеников...

Керенский. Жалко, что ничего не понял.

Коган. Я понял! Коммунизм — капут! Либерти — йес!

Колобок. Эх ты, Коган. Может, из-за твоей темноты мы потеряли международную поддержку.

Появляется Нетудыхата. Он несет портрет Николая Второго. Он снимает со стены портрет Брежнева и на его место вешает портрет царя. Никто не замечает этого.

Мальвина. Александр Федорович, Саша, можно, я попробую? Я же очень способная. Я уже шесть лет иностранного мужа ищу — столько за это время выучила!

Керенский поднимается, уступает ей место. Снова звонит телефон.

(Отвечает по-английски с сильным русским акцентом.) Йес! Тзе секретари ов тзе прайм министр ов тзе фри Раша. Гуд морнинг, мистер президент. Ай шел транслеит фор тзе прайм министр. *(Оборачивается к группе слушателей.)* Президент Джонсон. Посылает вам свои поздравления в связи с приходом к власти. Желает успеха.

Керенский. Скажи президенту Джонсону, что мы благодарим его лично и американский народ за поддержку России в тяжелую историческую минуту борьбы с мировым коммунизмом. Будем надеяться на политическое и экономическое взаимопонимание...

Мальвина. Медленнее, Саш!

Тут Керенский видит, что вместо Брежнева появляется Николай Второй.

Керенский *(принимая от Нетудыхаты портрет)*. Вот это лишнее. Наш народ вряд ли выскажется за монархию. Поищите-ка более демократический портрет.

Нетудыхата. Но вашего портрета найти не удалось. Мы все хозуправление перерыли.

Керенский. И не надо. Надеюсь, этого не случится.

Антипенко, который пробился в угол комнаты, хлопает в ладоши.

Семен Остапыч, оставьте ваши манеры!

Антипенко. Разумеется, Александр Федорович.

Керенский помогает снять портреты, и в это время Антипенко склоняется к Мальвине и шипит.

Какой он тебе Саша! Ты что хочешь, чтобы я тебя под трибунал отправил? Ты какое имеешь право оскорблять главу государства?

Мальвина. А пошли вы...

Звонит телефон. Мальвина берет трубку.

Плиз спик инглиш. Оу, уи! Авек гран плезир. Абсолютман! Гран мерси.

Краснов. Кто? Что сказал?

Мальвина. Генерал де Голль, поздравляет вас с победой, Александр Федорович, и сравнивает ее с обороной Фермопил.

Керенский. Вот именно!

Звонит телефон.

Если Мао Цзэдун, веди себя вежливо, но сдержанно.

Мальвина. Как вы сказали? Уот? Сэнк ю, Сэнк ю, оф коре.

Раиса Семеновна. Ну что ты молчишь?

Мальвина. Так, пустяки, Исландия. *(Тут же снова тянет руку к телефону.)* Йес. Ху из спикинг? Ой, извините... одну секундочку. Ой, что я наделала? Это из Кремля. Сам, по-моему.

Все подаются назад. Керенский берет трубку.

Керенский. Да, я вас слушаю. Да, это Керенский у аппарата. Нет, я не узурпирую никакую власть. Какое Политбюро? А, ваше Политбюро? И что же? Нет, я не советую вам полагаться на милицию и внутренние войска в Петрограде. Город под нашим контролем. Какая стратегическая авиация? Какая бомба? Вы не сошли с ума?

И тут голос Брежнева вырывается из телефона, словно мы начинаем слушать вместе с Керенским.

Голос Брежнева. Нам нелегко было прийти к такому решению. Однако мы единогласно проголосовали на Политбюро о нанесении бомбового ракетного удара по городу героев. *(Голос Брежнева срывается, он всхлипывает.)* По городу победившего Октября, по городу Ленина... К счастью, мне тут сообщили, что в нашей державе еще осталось более ста различных городов, и мы устроим конкурс — социалистическое соревнование, победитель которого получит название Ленинград.

Слышны короткие гудки.
Входят Коган с Нетудыхатой, которые вносят новый портрет, и Коган лезет на стул. Оказывается, что это — портрет Дарвина.
Их никто не останавливает.
Немая сцена.

Раиса Семеновна. Они не посмеют...

Колобок. Они все посмеют...

Снова тишина.
Антипенко тащит портрет Брежнева и старается оттеснить Когана с портретом Дарвина в сторону.

Колобок. Надо, чтобы люди в бомбоубежища бежали.

Керенский. Если посмеют, то никто не добежит до бомбоубежища.

Все стоят и ждут.

Занавес

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

За закрытым занавесом слышен телефонный звонок. Один раз, два, три...
Занавес раскрывается.
Все ждут, пока Керенский возьмет трубку.

Керенский. Я слушаю.

Он долго молчит, слушает то, что ему говорят в трубку, и люди непроизвольно стягиваются к аппарату, чтобы услышать хоть слово.

Спасибо.

Он вешает трубку и, оборачиваясь к стене, делает знак, чтобы Коган вешал портрет Дарвина.

Стратегическая авиация отказалась уничтожить наш город. По нашим сведениям, коммунистическая партия приняла решение уйти в подполье.

Керенский проводит рукой по лбу, будто пытается собраться с мыслями.

В комнате поднимается шум. Громче всех кричит Антипенко. Он подает Когану портрет Чарльза Дарвина.

Антипенко. Да прямее, прямее! Простого дела доверить тебе, Коган, нельзя.

Керенский идет к двери.

Колобок. Вы куда, Александр Федорович?
Керенский. Побудь за меня. Я в больницу, к Зосе.

Он уходит.

Занавес

ТОВАРИЩ Д

Комедия в двух действиях и шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
в порядке появления на сцене

Ольга Ивановна. Респектабельная, миниатюрная пенсионерка, прежде работала учительницей. В речи и повадках крайне интеллигентна.

Женя. Ленивый и неумный парень под тридцать. Где-то учился, недоучился. Кое-как работает, ничего ему от жизни не надо — было бы выпить, поесть и какая-нибудь баба.

Дьявол. Обыкновенный человек, высокий, гибкий, вежливый, порой даже изысканный. Он не высок в табели о рангах потустороннего мира. Скорее исполнитель.

Сашок. Ему лет тридцать пять. Он среднего роста и среднего облика. Но сам кажется моложе, чем на самом деле. Это видно по одежде — он в джинсах, голубой куртке. Не в ладах с самим собой, но храбрится.

Лариса. Первая жена Сашка. Она хороша той несколько пошлой парикмахерской красотой, что так соблазнительна для немолодого интеллигента. В тридцать лет еще не расплылась, но вульгарность уже не компенсируется молодостью и свежестью. Вскоре остепенится, станет массивной матроной.

Спикухин. Жлоб из торговых работников. Человек бессмысленный, тупой, но хваткий и живучий. Обязательно в конце концов погорит, потому что никакого удержу в своей алчности не знает. Любит жить красиво.

Павлик. Муж Дарьи Павловны (Даши). Талантливый конструктор, умница, всю жизнь проживший за юбкой Виктории, которая стирала ему носки, делала котлетки и ставила клизму. Вне привычного интерьера полностью растерян и со временем, если не повесится, перейдет в собственность Даши и успокоится.

Дарья Павловна. Секретарша в научном учреждении. Чем-то похожа на Ларису, хотя куда больше ее обтесана и даже, возможно, кончила какой-то институт. Женщина, которая привыкла все брать — мебель, вещи, дефицитные продукты, мужчин. Когда ощутила сопротивление в Павлике, пошла ва-банк. Если Павлик не станет профессором, она его со временем бросит.

Нечипоренко. Респектабельный политик. Пройдоха, отлично понимающий, что всю жизнь занимается пустым делом, но в этом деле можно преуспеть. Стяжатель. Заграница и Лариса — моменты стяжательства. Официально — гладкий обитатель президиумов, в действительности — эпикуреец и сластолюбец, но жадный и мелкий.

Бармен. Вялое существо с потными руками, презирающий весь недостаточно богатый мир. Хам и лентяй. Типичный дворовый прошлого века. Мгновенно и без усилий переходит от ленивой спеси к холуйству.

Тамара. Очаровательная, несколько растерянная от робкого неумения общаться с людьми. Ей всегда приходится кого-то о чем-то просить, но она так и не научилась это делать и совершенно не умеет использовать для этого свои женские прелести. Ей кажется, что она всем за все обязана. Ей нужен мужчина, которого она будет боготворить или спасать. И не суть важно, кто этот мужчина на самом деле. Ее муж сбежал к какой-нибудь Ларисе, потому что не смог соответствовать тому образу героя, что Тамара из него выковывала.

Марина. Дочь Тамары. Подросток, сильно избалованный мамой, которая сделала из нее предмет робкого обожания и поклонения. Если за нее не взяться как следует, девочка может погибнуть от ощущения собственного величия. И чем больше Тамара, охваченная постоянным чувством вины перед дочерью, у которой нет отца и которой она не может дать всех «заслуженных» ребенком благ, будет хлопотать вокруг Мариночки, тем больше Марина будет наглеть. Любому это видно с первого взгляда. Только не Тамаре.

Милиционер. Существо простое, мелкое, но крепкое телом. Совершенно непонятно, что он получил в обмен за душу.

Евгения Осиповна. Модный тренер по теннису. Ее дьяволу даже покупать не надо — сама прибежит и еще дьявола купит. Так что она не жертва дьявола, а союзник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор в современном спальном районе. На скамейке сидит Ольга Ивановна в строгом учительском платье. Рядом Женя. Ольга Ивановна внимательно читает глянцевый журнал. Женя дремлет, вытянув ноги. Суббота, разгар дня, щебечут воробьи, перекликаются дети, из открытого окна несется музыка. За сценой проносится мотоцикл.

Женя. Слыхали? Это Володька Седой. Во, блин! Дня в своей поганой жизни не проработал. Откуда у него бабки на «Харлей-Дэвидсон»?

Ольга Ивановна. Украл... но нас с тобой это не касается.

Женя. Еще как касается! Жду не дождусь, когда он в лепешку! Вот напьюсь на его поминках.

Ольга Ивановна. Лучше, Женя, купите себе «Харлей-Дэвидсон» и расшибайтесь в свое удовольствие.

Женя. А вы будете пить на моих поминках? Тормо́зи, бабуся!

Ольга Ивановна. Чем губить свои нервы завистью, вы послушайте! *(Читает.)* Предлагается недорого круиз на остров Мадагаскар. Чернокожие красавицы, охота на диких лемуров, поиски пиратских кладов в пятизвездочном отеле, выступление рок-группы «Ватник в томате». Шоп-рейсы в Занзибар. У вас не найдется четырех тысяч долларов?

Женя. Столько баксов. Да на них можно год пить не просыхая!

Ольга Ивановна. Представляете, лемуры... Ночью они раскрывают бездонные карие глаза и смотрят на звезды...

Женя. И чего это Сашок запропастился?

Ольга Ивановна. Отсутствие жизненной цели — вот порок нынешней молодежи.

Появляется дьявол. Он элегантен, вежлив, но излишне суетлив.

Дьявол. Простите, что прервал вашу увлекательную беседу, господа. Но я ищу дом шестнадцать, корпус два.

Ольга Ивановна. По второму Затопленскому?

Дьявол. По улице Чекистов.

Женя. Один черт.

Ольга Ивановна. Прежнее название ушло вместе с эпохой, которая его породила.

Дьявол. Надеюсь, что вы ошибаетесь.

Женя. За угол направо. *(Показывает пальцем в нужном направлении.)*

Ольга Ивановна. Странный тип. Вам не кажется, что чем-то пахнет?

Женя. Ну, чем еще может пахнуть?

Ольга Ивановна. Серой. Как от нечистой силы.

Женя. Сашок! Ты куда провалился? Мы тебя заждались! Ну, достал?

Появляется Сашок. Присаживается на лавочку.

Сашок. Пустой номер.

Женя. Но ты же говорил!

Сашок. Его дома нет.

Женя. И чего я с вами связался? Пошел бы к «Ручейку», кто-нибудь бы мне наверняка поставил.

Сашок. Иди.

Женя. Ты же знаешь! Хорошие люди уже приняли, только мы развлекаемся.

Ольга Ивановна. Молодые люди, не ссорьтесь. Поодиночке мы с вами как тонкие прутики. А втроем — мы уже веник.

Сашок. Не знал, что вы стихами балуетесь, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Поэзия — это крик души, высохшей от жажды.

Женя. Смотри, кто идет. Лариска! Во, блин, — по улице Пикадилли я шла, ускоряя шаг! Сашок, ну Сашок, ты чего сидишь! Это шанс!

Сашок. Не пойду.

Ольга Ивановна. Я разделяю ваши чувства, Сашок, но сейчас вы обязаны откинуть ложную скромность. Вы представляете интересы гибнущего коллектива. *(Она подталкивает Сашка.)* Известны случаи, когда врачи заражали себя чумой и гибли ради человечества. А человечество ставило им памятники.

Сашок *(вынужден подняться и сделать несколько шагов к Ларисе, которая остановилась, увидев его)*. Привет, Лара.

Лариса. Привет, если не шутишь.

Сашок. К матери ходила?

Лариса. А ты все бездельем мучаешься?

Сашок. Сегодня суббота.

Лариса. А мне Зинка говорила, что ты уволился.

Сашок. Все-таки интересуешься?

Лариса. Хочешь не хочешь, доносят.

Сашок. Ну и как у тебя дела? Довольна? Новый муж не поколачивает?

Лариса. У меня все есть. Все в порядке. Я упакована.

Сашок. Может, познакомишь?

Лариса. Это как же ты себе представляешь? Познакомься, мой бывший супруг. Человек никакой. Тридцать три несчастья. Я с ним пять лет промучилась. А теперь он у тебя тысяч двадцать попросит.

Сашок. Ну зачем так сразу?

Лариса. А потому что ты ко мне подошел, чтобы мелочи стрельнуть. Я же по глазам вижу.

Сашок. Я просто так подошел.

Лариса. Просто так ты бы не подошел. Я же тебя лучше всех знаю. Тебя *(она показывает в сторону скамейки)* бригада подослала. А ты, видите ли, никому отказать не можешь. Ну сколько тебе нужно? Десятку? Двадцать? А может, десять баксов? У меня есть.

Она хочет открыть сумочку. Ольга Ивановна и Женя напряженно следят за разговором со скамейки и тщетно прислушиваются. Когда же Лариса открывает сумочку, Ольга Ивановна даже приподнимается со скамейки.

Сашок. Нет, не надо, я так, спросить хотел...

Лариса. Может, тебе десять баксов мало? Я тебе и двадцатку дам. И полсотни. У тебя же за комнату два месяца не плачено. Я все про тебя знаю.

Сашок. Ну ладно, Лариса, привет, я пошел. Кланяйся своему новому благоверному.

Он поворачивается и идет к скамейке. Лариса протягивает ему вслед зеленую купюру, потом машет рукой и прячет ее в сумочку. Она быстро уходит.

Женя *(вскакивает со скамейки и устремляется к Сашку)*. Ты что? Почему не взял? Она же давала!

Сашок. Ничего она не давала. У нее песка в Сахаре не допросишься.

Ольга Ивановна. Значит, меня начало обманывать зрение. Ваша бывшая супруга достала из сумочки зеленый платочек. Маленький такой платочек.

Женя. Псих ты, Сашок.

Ольга Ивановна. Я допускаю, что выдача зеленой бумажки сопровождалась унизительными условиями. В таком случае мы не имеем морального права осуждать нашего друга и собутыльника.

Сашок. А сколько у нас есть?

Женя. У меня пятерка. И еще надо бутылку молока купить.

Ольга Ивановна. Я могу ассигновать четыре тысячи рублей. Пенсия послезавтра.

Сашок. А у меня раз... две тысячи пятьсот...

Они сдают деньги Ольге Ивановне. Она пересчитывает.

Ольга Ивановна. Семь тысяч пятьсот рублей. Ну что ж, это не так плохо, как казалось вначале.

Женя. Надо было у Лариски взять. Ведь давала, блин, давала! Я сам видел.

Ольга Ивановна. Женя, вы не правы. У нас так мало принципов, что приходится за них держаться.

Сашок. Дурачье вы. Не в принципах дело. Откуда у меня принципы? Не дала бы она. Я бы руку протянул, а она бы спрятала.

Ольга Ивановна. Ты так не думаешь, Сашок. Но бог тебе судья.

Женя. А я на той неделе у автобусной остановки три тысячи нашел.

Сашок. Одной бумажкой?

Женя. Ага.

Сашок. Все ясно.

Женя. А ты не придирайся. Откуда я помню, сколько там бумажек было?!

Ольга Ивановна. На семь тысяч чего-нибудь можно купить. Если повезет. Надо на оптовке пошукать.

Женя. Давай бабки, я побежал. *(Уходит.)*

Выходит дьявол, останавливается, лезет в карман за зажигалкой, закуривает, бумажник падает на землю. Дьявол не замечает этого и идет дальше. Но за лавочкой, на которой сидят Ольга Ивановна и Сашок, он замирает и прислушивается к их разговору.

Ольга Ивановна. Сашок, я давно собиралась с тобой поговорить. На правах твоей бывшей учительницы и соседки. Я же тебя с раннего детства знаю. И ты мне всегда нравился.

Сашок. Закурить найдется?

Ольга Ивановна достает пачку «Примы». Сашок берет сигарету.

Ольга Ивановна. Вы ведь по-своему интересный человек, независимый, я бы даже сказала — с душевными порывами.

Сашок. ...Но свершить ничего не дано.

Ольга Ивановна. А вот я не верю! Я помню, как ваша покойная мама показывала мне ваши детские рисунки. У вас были зачатки таланта. Я тогда так и сказала Марье Петровне...

Сашок хлопает по карманам в поисках зажигалки, дьявол из-за спины протягивает руку с горящей зажигалкой, Сашок прикуривает.

Сашок *(оглянувшись)*. Спасибо.

Дьявол. Я всегда готов помочь человеку в нужде.

Ольга Ивановна. Молодой человек, я к вам обращаюсь, уйдите, пожалуйста!

Дьявол. Я вам мешаю, Ольга Ивановна?

Ольга Ивановна. Вот именно! От вас пахнет серой. Уйдите, а то я милицию позову.

Сашок. Ну, тетя Оля, зачем вы так? Ничем от него не пахнет.

Дьявол. Вы правы, добрая женщина. Судя по всему, время еще не пришло. Но события ускоряют свой бег, не так ли, мадам? *(Уходит.)*

Ольга Ивановна. У тебя нет жизненного опыта. Но я понимаю — от этого типа надо держаться подальше. В любой момент он может превратить тебя в таракана. Возможно, он инопланетянин.

Вяло бредет Женя.

Ну что? Есть туркменское сладковатое?

Женя безнадежно отмахивается, спотыкается о бумажник, потерянный дьяволом, наподдает его ногой. Потом смотрит под ноги, делает шаг вперед и замирает, наклонившись над находкой.

Сашок. Ты чего?

Женя поднимает руку, заставляя Сашка не вмешиваться в процесс охоты на бумажник. Он начинает совершать круг возле него, подобно энтомологу над редкой добычей. Он готов уже броситься на бумажник, но спохватывается и обводит взглядом двор. Опасности нет.

Сашок. Что? Змею увидел? *(Поднимается и идет к Жене.)*

Женя. Тшшш!

Ольга Ивановна. Он нашел сто тысяч!

Женя поднимает бумажник и, неся его на вытянутой руке, подходит к скамейке.

Женя. Какой-то фраер посеял.

Ольга Ивановна. Потрясающая логика! Она делает честь сообразительности нашего друга. Секрета нет. Его потерял неприятный пришелец.

Женя. Чечен?

Ольга Ивановна. Вы видели и беседовали с ним. И я могу утверждать это наверняка, потому что за последние полчаса никто мимо клумбы не проходил.

Женя. Нет! Вы мне мозги не пудрите! Этот бумажник здесь с утра валяется. А может, со вчерашнего дня.

Сашок. Тетя Оля права. Мы тут ходили. Наверняка бы заметили. Давай сюда. *(Отбирает бумажник у Жени.)*

Сашок. Надо вернуть.

Женя. Ты охренел, что ли? Он же ничей.

Ольга Ивановна. А что вы предлагаете, Женя? Мне всегда интересно наблюдать, как работает ваш небольшой мозг.

Женя. Бабки вынем, а бумажник — в кусты. Простое дело!

Ольга Ивановна. Какое трагическое отсутствие фантазии!

Сашок. Я сейчас!

Женя. Стой!

Женя пытается ринуться за ним, но Ольга Ивановна крепко хватает его за рукав.

Ольга Ивановна. Остановитесь, Женя. Вы ничего не поняли. Сашок действует в лучших традициях европейской культуры.

Женя. Чего?

Ольга Ивановна. Объясняю как пенсионер культурного значения. Сашок намерен догнать владельца бумажника и возвратить ему собственность. Если Сашок рассудил правильно, то владелец бумажника вознаградит его. У нас с вами будут деньги и чистая совесть.

Женя. Дурак я, что вам показал.

Ольга Ивановна. Ты не поднимешься выше лавочника. Ты спешишь схватить рубль сегодня, хотя завтра мог бы получить миллион.

Возвращается Сашок. Он несет бумажник.

Женя. Ну вот, а я уж сдрейфил.

Сашок. Нет его нигде.

Женя. А может, это не он был?

Ольга Ивановна. Теперь мы вынуждены сдать бумажник в милицию. А это куда менее выгодно.

Женя *(пытается вырвать бумажник у Сашка)*. Давай сюда. Не ты нашел, не тебе решать.

Ольга Ивановна. Жадность — неразумное чувство. Жадный всегда беден, так учил Петрарка.

Сашок. Он не от жадности, он выпить мается.

Ольга Ивановна. Это порочное желание. А желания, как учил Будда, ведут к разочарованиям. Если мы будем потрошить чужие бумажники, то никогда не достигнем нирваны, то есть вечного блаженства.

Женя. Ты не крути, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Я предлагаю законный, то есть легитимный, выход из положения. Он может умеренно разрешить наши финансовые затруднения и в то же время оставить нас по сю сторону закона.

Сашок. Правильно излагаешь, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Вот видишь, Сашок уже догадался. А ты, простая душа, все еще сомневаешься. *(Берет бумажник и открывает его.)*

Женя. А чо?

Ольга Ивановна. Наша цель — изъять из бумажника визитную карточку пострадавшего.

Женя. А?

Сашок. Мы к нему домой бумажник отнесем, и он отстегнет чирик, а то и «лимон». Это зависит от того, насколько важные документы лежат в бумажнике.

Женя. А зачем он отстегнет?

Сашок. Потому что в его сердце воспрянет вера в человечество.

Женя. А если не отстегнет?

Ольга Ивановна. В любом добром деле есть элемент риска.

Она уже раскрыла бумажник, просматривает одно за другим его отделения. Вытащила стопку сложенных бумажек, больше там ничего нет. Ольга Ивановна даже встряхивает бумажник — ничего!

Странно.

Женя. Что, и десятки нету?

Ольга Ивановна снова садится на скамейку, достает из сумочки очки, надевает их и кладет пустой бумажник рядом с собой на скамейку. Сашок берет бумажник, мнет в пальцах, нюхает.

Ольга Ивановна. Не надо, нанюхаетесь еще.

Сашок. Кожа хорошая.

Ольга Ивановна. И сера. Но не в этом дело.

Сашок. Немного серы. А дело в том, что нормальный человек не носит с собой пустой бумажник. Или почти пустой.

Он смотрит, как Ольга Ивановна вытаскивает одну из бумажек, что хранились в бумажнике.

Женя. Читай, не тяни! Может, там его адрес?

Ольга Ивановна. Нет, на бумажке не адрес... Дело куда хуже. Здесь чужой адрес.

Женя. Наводчик, да?

Ольга Ивановна. Слушайте: «Я, Спикухин Эдуард Иванович, номер паспорта такой-то, настоящим подтверждаю, что передал дьяволу мою бессмертную душу в обмен на оказанные мне услуги». Подпись... кажется, кровью. Адрес: Большая Тимофеевская, дом три, квартира шесть.

Женя *(оборачивается, ведет пальцем по воздуху. Замирает)*. Вот в том доме.

Ольга Ивановна. Именно так. И больше вас, Женя, ничего не удивило?

Женя. А что должно удивить?

Сашок. Другую записку посмотрите, тетя Оля.

Ольга Ивановна разворачивает другую бумажку и читает ее.

Ольга Ивановна. «Я, Нечипоренко Семен Семенович, номер паспорта такой-то, передаю свою бессмертную душу товарищу дьяволу в обмен на оказанные мне важные услуги». Есть и адрес...

Женя. Стой! Я догадался. Они все офигели! Ведь бога нет! Я в школе проходил.

Сашок. В последнее время общественность сильно сомневается. Особенно бывшие секретари обкомов. Их хлебом не корми, дай свечку в церкви подержать.

Ольга Ивановна. Бога, может, и нет. Но дьявол точно существует. *(Разворачивает третью расписку.)* Те же слова, того же цвета кровь. Господи, до чего все примитивно. Никакого воображения! *(Она по очереди разворачивает бумажки и кладет их стопочкой на скамейку рядом с бумажником.)* Шесть бессмертных душ! Попались, голубчики. То-то он мне сразу не понравился.

Сашок поднимает бумажки по очереди, просматривает их.

Женя. Эх, попался бы он мне! Я бы ему сказал!

Ольга Ивановна. И что бы ты ему сказал?

Женя. Гони «лимон», а то в отделение отведем!

Ольга Ивановна. Как мудро! А если он откажется, то и в самом деле его в милицию отведем, ты как полагаешь?

Женя. Не, в милицию это я так сказал, чтобы припугнуть. В милиции они все себе возьмут. Будем сами искать.

Сашок. Ну как, поговорили?

Женя. Внимание, у Сашка идея!

Сашок. Надо вернуть расписки.

Ольга Ивановна. Я тебя, Сашок, не поняла. Кому вернуть, если мы его адреса не знаем?

Сашок. Не дьяволу, а тем, кто расписки писал.

Женя. Это же розыгрыш, блин! Нету дьявола!

Сашок. Погоди ты! Понимаете, у них, может, были такие трагические обстоятельства, что пришлось душу продать. Как Фауст. У каждого может быть. А теперь они спохватились, но поздно.

Ольга Ивановна. Понимаю. И тут входишь ты, молодой и красивый, и говоришь приятным голосом: «Вы тут душу никому не уступали? Тогда возьмите обратно, вашу душу дьявол обронил на улице...» Да ты понимаешь, что ты несешь?!

Сашок. А я все-таки схожу. Все равно делать нечего, денег нет.

Ольга Ивановна. Как учил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Мне бы никогда не пришло в голову отдавать дьяволу душу.

Сашок. А мне приходило. И недавно. Если бы ко мне подвалил дьявол, когда Лариска ушла, я бы не задумываясь отдал. Да все что угодно бы отдал!

Женя. Ну ты-то известный псих. А у психов души не бывает — ха-ха!

Ольга Ивановна. Чувствуешь: наука в лице Жени вынесла отрицательный вердикт.

Сашок. Да поймите же — у них все обошлось, все путем. А души уже нет!

Женя. И в чем разница? Ты скажи, есть разница? Вот у меня души нет. Это медицинский факт.

Сашок. Ты уверен?

Женя. А как же?

Сашок. А мне кажется, что с душой как-то лучше.

Женя. Вот такие душевные и попадаются! Не было бы и души, не отдал бы Лариске квартиру за комнату в коммуналке... Шучу, шучу, не надо руками махать.

Ольга Ивановна. Женя, не напрягай головку. Отдохни. Ты сегодня уже много думал... А тебя, Сашок, я хочу предупредить как старший товарищ. Ты вступаешь в борьбу со страшной силой. И победить ты в ней не сможешь.

Сашок. Вспомнили о своей комсомольской молодости, тетя Оля?

Ольга Ивановна. Наверное, в этом есть что-то общее... Бессилие.

Сашок. Как в кино. Ты с гранатой, а на тебя танк...

Женя. Если ты пошел, я с тобой.

Сашок. Это еще что за жертва?

Женя. Да не жертва! Мы входим. Ты говоришь — принимай, фраер, расписку. Он тебе — мерси с вафлями, держи «лимон». А если он не говорит, тут я и говорю, гони, грю, блин, «лимон».

Сашок. Нет, так не пойдет.

Женя. Так пойми, блин, мы к вечеру виской по уши зальемся!

Ольга Ивановна. Я полностью поддерживаю Сашу: торговать расписками такого рода — неэтично. Значит, все-таки решил пойти?

Сашок. Схожу, что ли? Все равно делать нечего.

Ольга Ивановна. Только не пытайся убедить меня, что отправляешься в этот бессмысленный поход от безделья.

Сашок. Отчего же?

Ольга Ивановна. Надо бы сказать красиво, да язык не поворачивается.

Женя. Трахнутый.

Ольга Ивановна. Сашок, оставь нам свою долю. Может, мы кого-нибудь еще третьим возьмем. Надо же выпить за твой успех.

Сашок достает деньги, передает Ольге Ивановне, Женя тянется за бумажником.

Женя. А я себе этот бумажник возьму, лады? Я одного жмурика знаю, в ларьке торгует, прикольные штучки собирает, хочет крутым показаться. За такой бумажник он мне «пол-лимона» отвалит. Импорт, черная кожа... Дай внутри погляжу. А то я уже нарывался — снаружи как у людей, а внутри «маде ин Чайна». Пошли, тетя Оля.

Ольга Ивановна. Я не намерена участвовать в твоих махинациях, Женя. Мне видится что-то сомнительное в том, чтобы торговать бумажником дьявола у винного ларька.

Женя. Он же пустой. И ничего не написано.

Сашок. Я пошел.

Ольга Ивановна. Иди с богом. *(Крестит Сашка.)* Я, конечно, по воспитанию неверующая, но к концу жизни у каждого появляются сомнения.

Они расходятся в разные стороны. Сашок читает на ходу одну из расписок. Некоторое время на сцене пусто. Затем входит дьявол. Он осматривается. Принюхивается. Наклоняется над скамейкой. Он — собака, взявшая след. Метнулся к клумбе. Пусто, возвращается к скамейке, проводит пальцами по тому месту, где лежал бумажник. Подумав немного, решительно направляется в ту сторону, куда ушли Ольга Ивановна с Женей.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сашок подходит к двери, сверяет номер с распиской. Потом звонит. Звонок изображает неожиданную мелодию. Затем раздается голос Спикухина.

Спикухин *(голос его звучит через усилитель, искаженно, от этого возникает зловещий эффект)*. Вам кого?

Сашок. Мне к Спикухину. Эдуарду Ивановичу.

Спикухин. Назовите свое имя и отчество, а также дело к Спикухину.

Сашок. Я по личному делу. Вы меня не знаете.

Спикухин. Кого я не знаю, принимает мой секретарь. А по личным делам попрошу в офис. Или по факсу. С десяти до пяти.

Сашок. У меня не факсовый разговор.

Спикухин. Спикухин два раза не повторяет.

Сашок. Ну не хотите, не надо. Я для вас старался.

Спикухин *(после паузы)*. А ты один?

Сашок. Вы же к «глазку» приклеенный. Видите, что я один.

Спикухин. А если второй в лифте остался?

Сашок. Плодотворная идея. Остался и уехал на первый этаж.

Спикухин. А я тебя не знаю.

Сашок. Вот это уже разговор. Но товарищ дьявол вас хорошо знает.

Спикухин. Тише!

С щелчком отключается динамик. Наступает тишина. Потом начинают щелкать и звенеть замки и засовы. Дверь со скрежетом раскрывается. Мы в гостиной Спикухина. Гостиная тесно уставлена наглой импортной мебелью, на стенах зеркала в золоченых рамах, на стене плохая, но в размере подлинника копия картины «Утро в сосновом бору». Вся комната — мечта разбогатевшего идиота. Спикухин в парчовом халате, стриженный под нуль с челкой, показывает гостю на диван.

Ты меня, конечно, извини, но в нашем деле нужна конспирация. Разные люди ходят. Некоторые завидуют.

Сашок. Есть чему позавидовать. Сами придумали или дизайнеров нанимали?

Спикухин. Садитесь. Садитесь, господин... как вас именовать? Кофе? Виски? Мартини?

Он делает шаг к бару, открывает его — там батарея бутылок. Начинает звучать музыка. Не ожидая ответа от гостя, Спикухин наливает из бутылки с виски по полному стакану и ставит на столик.

Внимательно слушаю.

Сашок *(достает из кармана расписку Спикухина и протягивает хозяину квартиры)*. Ваш почерк?

Спикухин долго изучает записку, заглядывает с обратной стороны, снова читает, шевеля губами.

Спикухин. А чего?

Сашок. Подпись ваша?

Спикухин. Ну вы же знаете! *(Он кидает расписку на стол, как раскаленную.)*

Сашок *(смелея от подобострастия Спикухина)*. Ну как же это получается? Взрослый человек. Зарабатывает, а такие бумажки раз-

дает незнакомым людям? А если это авантюрист? А если узнают ваши сотрудники? Неужели вам не будет стыдно?

По мере развития монолога в Спикухине происходит перемена. Он теряет робость, наливает себе в стакан, хлопает залпом и, когда Сашок замолкает, Спикухин начинает рассуждать вслух.

Спикухин. Нет... не из ихней компании. Взгляд не тот... даже не знает, чем я занимаюсь... А может, он из органов? Он же из органов! Слушай, ты из органов?

Сашок. Да ты что!

Спикухин. Вот и видно, что не из органов. Тогда признавайся, откуда ты взял эту ксиву?

В последних словах Спикухина звучит неприкрытая угроза. Сашок почуял опасность и хватает со стола записку. И вовремя — в следующий момент рука Спикухина уже пронеслась над пустым столом. Сашок вскакивает с дивана и отступает.

Сашок. Так дело не пойдет.

Он пытается пробиться к двери, но Спикухин перекрывает ему путь. В толкотне и суете опрокидывается кресло, падает ваза...

Спикухин. Урка ты! Шестерка! А ну отдай! Урою!

Сашок. Если отдам, то тем более уроешь.

Сашок бежит к двери, дергает ее — но дверь заперта основательно. Он еле успевает ускользнуть от Спикухина и врывается в уборную, на двери которой прибит бронзовый писающий мальчик. Дверь захлопывается. Сашок упирается в нее спиной, а ногами в унитаз. Борьба переходит в стадию динамического равновесия. Спикухину дверь не взломать, а Сашку не выбраться из ловушки. Спикухин отходит от двери.

Спикухин. Тебя как зовут?

Сашок. Александром.

Спикухин. Сашок, а ты где бумагу достал? Кто ее тебе дал?

Сашок. Не имею права.

Спикухин. Сашок, а что ты с ней делать намылился?

Сашок. Думаю. Теперь не знаю.

Спикухин. А раньше чего хотел?

Сашок. Я к тебе как к человеку шел, понимаешь? Я думал, отдам тебе расписку, а ты мне спасибо скажешь.

Спикухин. А потом?

Сашок. А потом — до свидания и прощай.

Спикухин. Сколько?

Сашок. Ты что имеешь в виду?

Спикухин. Сколько мое спасибо стоит?

Сашок. Вот тупой! Я к тебе как к человеку шел. Я же как нашел

ее, сразу подумал — вот загремел человек к дьяволу в лапы. Надо же помочь. Мы, люди, как одна семья, понял?

Спикухин. Ты из гуманитарной помощи, да?

Сашок. Даже слова такого не знаю.

Спикухин. И так, запросто хотел отдать?

Сашок. Ну сколько тебе повторять!

Спикухин. А может, ты из органов?

Сашок. Слушай, выпусти меня, ради бога.

Спикухин. А бумажку отдашь?

Сашок. На что она мне сдалась! Жуй ее с маслом.

Спикухин. Тогда суй под дверь.

Сашок. Чего?

Спикухин. Расписку мою.

Сашок. А ты выпустишь?

Спикухин. Отдашь — выпущу, не отдашь — позвоню самому товарищу Д. Пожалеешь, поздно будет. Он, прости, жалости не знает.

Сашок задумывается. Спикухин, как заточенный в клетку тигр, бродит возле двери. Потом решительно идет к телефону, поднимает трубку. Из-за двери доносится голос Сашка.

Сашок. Не хочется отдавать. Ты меня обидел.

Спикухин *(не опуская трубку)*. Ну извинюсь я, блин буду, извинюсь!

Сашок. Обидел ты меня.

Спикухин. Ладно, сколько?

Сашок *(после новой паузы)*. Десять гринов.

Спикухин. Десять баксов за пустую бумажку, можно сказать, за шутку? Она же фальшивая! Десять тысяч. Десять тысяч честных рублей!

Сашок. Пять баксов.

Спикухин. Четыре бакса.

Так как из-за двери не отвечают, Спикухин вынимает из кармана кипу зеленых бумажек, ищет в ней, вытаскивает одну.

Сашок. Ну договорились?

Спикухин. Держи.

Спикухин заталкивает под дверь бумажку, в ответ оттуда выползает расписка. Спикухин откидывает крючок и отступает в глубь комнаты. Сашок выходит, разглядывая добычу.

Сашок. Слушай, это же два грина!

Спикухин. Прости, друг, не было покрупнее. Не сотню же тебе давать.

Сашок. Так дай двадцать тысяч нашими!

Спикухин. Вот гляжу я на тебя, и стыд к горлу подступает. Ты

ж пятнадцать минут о своем бескорыстии распинался. Я, блин, бесплатно, блин, душу, понимаешь, хочу твою облегчить. Говорил так?

Сашок. Кем мне быть — бесплатно хотел отдать, но когда ты тянуть начал, я думаю — вот жлоб, пускай раскошелится.

Спикухин. Так ругаться нельзя. Деньги ценить надо.

Сашок. Да возьми ты свои два бакса.

Спикухин. Деньгами ты у меня не разбрасывайся. *(Засовывает купюру Сашку в карман.)*

Сашок. Ну вот, не хотел бесплатно, получилось хуже, чем бесплатно.

Спикухин. Давай примем по маленькой на дорожку?

Сашок. Только по одной.

Сашок снова садится на диван, Спикухин наливает — себе вдвое больше, чем гостю.

Спикухин. За знакомство! Напугал ты меня. Я думал, что ты из органов.

Сашок. Нет, я не из органов.

Спикухин. А может, меня тебе заказали?

Сашок. А за что?

Спикухин. Это ты прав. Наказывать меня не за что. У меня крыша... не поверишь — до самого неба! Но если ты из органов...

Они выпивают еще по бокалу.

Сашок. Нет, я не из органов. Я на улице его бумажник нашел. Дай, думаю, помогу Спикухину, ведь даже если он сволочь, без души ему одиноко, правда?

Спикухин. Я решил, что ты из органов. Вернее, сначала решил, что ты и есть товарищ Д. Только в другой форме, проверка. А потом вижу — вроде бы из органов.

Они еще выпивают.

Сашок. Нет, я не из органов. У меня двоюродный брат Сеня в милиции служит. Полковника на «Волге» возит. В Орле. Я, может, к нему поеду.

Спикухин. А как ты начал говорить — где вы работаете? Где вы работаете? Значит, блин, не из органов.

Еще выпили.

Сашок. Ты ее сожги. Я тебе ее и принес, чтобы ты сжег. Сначала думал, может, сам сожгу, потом не решился. Вдруг я сожгу, а ты от этого загнешься. Так что ты сам жги.

Спикухин. Не понял.

Сашок. Сожги — и свободен.

Спикухин. А потом?

Сашок. И душа снова твоя.

Спикухин. Давай не будем о душе, добро? Ты лучше выпей. Ты мне помог, я тебе за это заплатил. Ты деньги не потерял?

Сашок. Все путем *(хлопает себя по карману)*.

Спикухин. Сашок, ты мне симпатичен. Вот только одно...

Сашок. Ну хочешь, я тебе паспорт покажу!

Спикухин. Не удивляй *(выдвигает ящик под баром, оттуда вываливает детали женского туалета, потом стопку паспортов)*. Что такое паспорт? Заплатил и пользуйся. Тебе какой? Вот смотри, Мигель Сервантес-Схили.

Сашок. Чили?

Спикухин. Не перебивай. Оребрин Сребринов. Македония. Еще один Мигель Сервантес — посмотри, откуда?

Сашок. Гваделупа.

Спикухин. Видишь, это тебе не какая-нибудь Гватемала. Я там в круизе был. Нищета — не поверишь! Ну есть, конечно, контрасты. Хочешь, тебе расскажу, как я душу отдал? Только выпьем, добро?.. Во, блин, виска кончилась. «Наполеон» будешь? Нормальный коньяк.

Сашок. А «Столичной» нет?

Спикухин. «Столичную» вчера Гурген употребил. Гургена знаешь? Авторитет. Если я сказал — значит авторитет. Ты в зону ходил? Не ходил, ну и порядок, все у нас впереди. Тебе все культурно объясню, ты поймешь. Я человек чистый, доверчивый, ты у любого спроси — меня на восемь кусков кинули, я к солнцевским — они включили счетчик. Молодой я был, необученный, набежало восемьдесят. Понимаешь? Мне фирму продавать? А кто возьмет? Тут Мудрило дает факс! Ты его не знаешь? Ну ты счастливый фраер. Мудрило мне по факсу передает — еду! Чтобы был в конторе. Идет меня пришить — мне с ним не рассчитаться. Все! Кранты! Уже шаги в коридоре — я даже завещание оставить не успел — ох, думаю, «мерс» кому останется? Уж лучше бы я в школе учился, инженером стал, бедствовал бы, как все, картошку сажал — и на хрен мне этот «мерс»? Все. Идут. Ты пей, я и сейчас переживаю.

Сашок. Мне хватит. Дел еще много.

Спикухин. Тебе кто велит пить? Тебе сам Спикуха пить велит, сам Бегемот. Бандиты меня кличут Бегемотом. Шутка, сечешь?

Сашок. Секу.

Спикухин. Все. Кранты. А тут в дверь не они входят, а этот чернявый. Я думал — чеченец. Во потеха! Я ему тогда говорю — ты вали, блин, отсюда, пришьют по недоразумению. А он так садится: ножка на ножку... Ты ведь его не видел?

Сашок. Почему. Мы знакомы.

Спикухин. Слушай, а может, ты не нашел бумажник? Может, ты его свистнул? Во даешь, кореш!

Сашок. Честное слово — нашел. Ну кем мне быть!

Спикухин. Только не божиться. Товарищ Д. категорически возражает.

Сашок. А я не божусь.

Спикухин. Мое дело предупредить. И не перебивай. Значит, он сел и так вежливо спрашивает: вы, говорит, ждете гостей? А я говорю ему чистую правду! Идут, говорю. К сожалению. А он мне говорит, я, грит, их уже задержал немного, они, значит, замерли, грит, и ждут моего окончательного решения. А что, спрашиваю, можно сделать? Он, грит, возможны варианты. У меня небо засветилось в алмазах, просвет, понимаешь? Я говорю — что изволите? Я, грит, в обмен на твою паршивую жизнь могу взять твою душу. Черную, грит, душонку — и лыбится, кем мне быть — юморной, понимаешь? Вынимает бумажку и бритвочку — тут я просек — обман! Он меня шить будет здесь, в кабинете! Я хотел в окно уходить, с шестого этажа, а он так спокойно: чем ты подписывать со мной договор собираешься? Я говорю — а хрен его знает, может быть, чернилами? А он грит — где, грит, ты видел, чтобы договор о передаче дьяволу души подписывали чернилами, где, грит?

Сашок. Нигде. Я знаю.

Спикухин. Мне терять нечего. А я спрашиваю — палец или горло? Шутка, понял? А он не шутит. Учти, он никогда не шутит, у него, пойми, нет чувства юмора, не выдали. И не пьет. Он мне палец надрезал — честно. Мы в пепельницу накапали. Я подписал — у него и ручка с пером нашлась старинная. Может, Фаберже, понял? Я подписался, а за дверью шум. А теперь, он говорит, я уйду, а они придут. Только ты не дрейфь, ты им вели отсюда выматываться. Я те гарантирую. Пожал мне руку, взял бумажку и наружу. А тут эти входят, киллеры. И стоят. А я их спрашиваю — вы чего стоите, вам чего надо? И жду — будут стрелять или что? Ведь я не до конца ему поверил.

Сашок. И они ушли?

Спикухин. Они сперва выпили со мной. А потом Мудрило, он лично пришел меня мочить, садится, понимаешь, и спрашивает: выпить чего будет? Я ему наливаю, а он мне говорит: нет проблем. Если что — звони, кричи, ручкой помаши — мы здесь будем. Выпили мы с ним. Его киллеры в дверях стоят, карманы оттопыренные. А этот, Мудрило, говорит, прости, если что. И еще говорит, что виллу купил на Кипре рядом с моей, чтобы моя Клавка в гости к ним заходила, кем мне быть! В гости, говорит, пускай твоя Клавка заходит. Я ему вслед думаю — дождался один! Вот тебе!

Сашок. И что? Ушли?

Спикухин. Ушли. А на Кипр они с бабой прилетали, к Клавке с визитом, — ё-мое! Девочку, говорят, нашу хотим в английский колледж со спецуклоном — что посоветуете? Ты пей, если ты не из органов, то пей.

Сашок. Спасибо, я свое уже принял.

С п и к у х и н. Ох иногда нравишься ты мне!

С а ш о к. Какой есть. А что ты с распиской будешь делать?

С п и к у х и н. Верну ее товарищу Д. Ты думаешь, мне жить не хочется? Извинюсь, понимаешь, скажу, недоразумение, один чудило попался, пионер всем пример!

С а ш о к. Страшно тебе жить, да?

С п и к у х и н. А кому не страшно?.. Нет, не так говорю — не страшно мне. *(Кричит.)* Не страшно мне! Чего бояться?

С а ш о к. А душа?

С п и к у х и н. Слушай, Сашок, только честно, а у человека есть душа? Я в последнее время книги стал читать, журналы — видишь шкаф? Я как мимо лотка иду — всегда философию беру. Там много всего.

С а ш о к. И что решил?

С п и к у х и н. В основном признают все существование высшей силы. Но я-то знаю — все это шутка.

С а ш о к. Это ты неожиданно перевернул. А то что же ты продавал?

С п и к у х и н. А ничего я не продавал!.. И вообще — тебе идти пора. Давай, канай отсюда.

С а ш о к *(поднимается, идет к двери)*. Но ведь он тебе заплатил? Заплатил? Ты до сих пор живой.

С п и к у х и н. А я, может, сам по себе живой.

С а ш о к. Я тебе не верю. И думаю, лучше сожги и живи спокойно.

С п и к у х и н. Ну, ты даешь! Так теперь даже в «Спокойной ночи, малыши» не призывают. Да ты разве не понимаешь, что я еще сотню тысяч набрал. И все они уже там! На Кипре. Мне теперь одно дело провернуть, последнее, самое последнее. И я тоже на Кипр. И паспорт уже есть, только я по-ихнему не умею. Еще одно дело — и все, с концами.

С а ш о к. А там еще одно дело подвернется?

С п и к у х и н. А я не соглашусь. Всех пошлю и не соглашусь. Завязано! Мне бы Клавку обеспечить.

С а ш о к. Другие обеспечат.

С п и к у х и н. А пошел ты! *(Угрожающе бросается к нему, Сашок выскользает на лестницу, Спикухин высовывается в дверь и смотрит вслед...)* Тупой ты, Сашок. И на всю жизнь бедным останешься. Я бы тебе за эту ксиву «лимон» отвалил... два «лимона»...

Хлопает дверь подъезда. Сашок ушел. Спикухин возвращается в гостиную, стоит посреди комнаты, думает. Смотрит на расписку. Потом прячет ее в карман, а сам открывает записную книжку, ведет пальцем по странице и набирает номер телефона...

Товарищ Д.? Это точно товарищ Д.? А то голос непохож. Ага, точно

сотовый, я не просек. Товарищ Д., это Эдик вас тревожит. Вы меня помните? Товарищ Д., тут ко мне один хмырь заходил... так точно, предлагал вернуть? Вернул...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Дарьи Павловны.

П а в л и к. Моей супруги нет дома. Но с минуты на минуту... Если вас не затруднит, не будете ли вы так любезны снять верхнюю обувь? Дарья Павловна очень бережет паркет. Вы простите, пожалуйста...

Он говорит это, выглядывая в коридор, который нам не виден.

Да-да, вот эти тапочки можно. Это мои тапочки. Заходите, с минуты на минуту...

С а ш о к входит в тесно уставленную антиквариатом комнату. Если помещение Спикухина было венцом современного барочного египетско-румынского великолепия, то у Дарьи Павловны вещи старинные, но разностильные. И с первого взгляда понятно, что муж здесь не хозяин. У него есть свой уголок — там, у окна, стоит столик, на нем пишущая машинка, стопка книг и бумаги.

Хотите чаю? Я мигом сделаю.

С а ш о к. Нет, спасибо. А она в самом деле скоро придет? А то мне некогда.

П а в л и к. Да-да. Очень скоро...

Сашок садится, а Павлик проходит к своему столику, садится за него, хочет вроде бы вернуться к работе, потом спохватывается, вскакивает и с листом бумаги в руках возвращается к Сашку.

Значит, вы... простите, не знаю вашего имени-отчества...

С а ш о к. Александр.

П а в л и к. Очень приятно. Павел Сергеевич. Очень приятно. Если вы курите, то курите, не стесняйтесь. Дарья Павловна курит. Вы по делу?

С а ш о к. По делу. А что ваша Дарья Павловна делает?

П а в л и к. Делает? Странный вопрос... вы давно знаете Дашу? Дарью Павловну?

С а ш о к. Нет, я же по делу.

П а в л и к. Конечно же, конечно. Извините, вы говорили.

Он идет к машинке, кладет возле нее лист бумаги. Берет другой, оглядывается на Сашка. Потом раздраженно бросает на стол.

Сумасшедший дом! Истинно сумасшедший дом. Я ничего не понимаю!

Он подходит к телефону, нервно набирает номер. Ждет ответа. Потом бросает трубку, словно она раскаленная. Идет к окну, стоит, смотрит во двор, барабанит по стеклу пальцем. Оборачивается к Сашку, который с интересом наблюдает за ним.

Простите, ради бога. Простите.

Снова идет к телефону, снова набирает номер. На этот раз, прокашлявшись, решается.

Это ты, Сонечка?.. Да, это я, твой папа. Ты уже из школы пришла... А по русскому спрашивали? А по математике? Ну почему же тройка? Не может быть, чтобы тройка. Я думаю, что Мария Степановна к тебе несправедлива... А мамочка дома? На работе? Конечно же, на работе. Я задаю совершенно глупые вопросы... Конечно, Сонечка, я еще в командировке. Да, я по междугороднему звоню... Нет, бывают такие звонки, когда кажется, что не по междугороднему, а на самом деле по междугороднему. Я же с автомата звоню!.. Нет, не надо, только, пожалуйста, не плачь, Сонечка, я тебя умоляю!.. Ну вот и молодец. Конечно же, позвоню... И мамочке позвоню... Ты, наверное, голодная? Согрей себе котлетку... До свидания. Только обязательно согрей котлетку...

Павлик осторожно кладет на место трубку. Оборачивается, вспоминает о Сашке.

Простите, это личное... Вам неприятно слышать?

Сашок. Мне что... я же по делу... А что, дочка ваша?

Павлик. Дочка. Сонечка. Нет, ничего не говорите! Я буквально ничего не понимаю. Как будто кошмарный сон.

Сашок. В каком смысле не понимаете?

Павлик. Я отказываюсь понимать, что со мной происходит! Я готов повеситься. Честное слово, я не преувеличиваю. Вчера я взял бюллетень, потому что я более не в силах глядеть в глаза моим коллегам.

Сашок. Может, к экстрасенсу обратиться? Я слышал, они помогают. Или иглоукалывание.

Павлик. Спасибо за совет. Вы очень добры... Мне никто не поможет! Потому что я подлец! Нет, не возражайте! Я подлец! Я бросил Сонечку и Оленьку, я оставил Викторию, которая буквально ангел. Она мне не сказала ни одного бранного слова. Но почему? Почему так произошло? Ответьте мне, вы умный, интеллигентный человек, ответьте!

Сашок. Ну вы тут преувеличиваете... Я же не в курсе.

Павлик. Я сам во всем виноват. Да, я виноват! Я увлекся Дарьей Павловной. Дашей. Но мое увлечение оставалось в рамках, простите, банального служебного романа. Разве я мог предположить, что это так кончится?

Сашок. Чего кончится?

Павлик. Что я уйду из дома, что я брошу девочек и Викторию, что перееду по доброй воле в этот кошмарный дом. Вы только посмотрите вокруг! Разве нормальный человек может существовать в этой атмосфере неудержимой наживы и хапужничества?

Сашок. Бывает хуже.

Павлик. Хуже не бывает! Но вы мне все-таки ответьте! Почему я это сделал? Почему я здесь живу? Почему я должен мыть руки шесть раз в день и носить егерское белье?

Сашок. Чего носить?

Павлик засучивает штанину и показывает край кальсон.

А может, вам обратно вернуться? Ваша Виктория покричит, покричит и успокоится. Жены всегда обратно принимают. Дело житейское.

Павлик. Вы не представляете себе Викторию! Она никогда не кричит. Она всегда молча терпит. Она рыдает ночами. Я представляю, как она укладывает наших девочек и потом, когда они заснут, плачет над их кроватками. *(Голос Павлика дрожит, он смахивает слезу.)*

Сашок. Как говорил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, слыхали?

Павлик. Это Гегель?

Сашок. Говорят, Гегель.

Павлик. Очень точно! Именно в мой адрес. *(Всхлипывает.)* Извините, нервы.

Сашок. Теперь у всех нервы. Нитратов много в овощах. Сейчас у одного человека был, бык быком, а тоже на нервы жалуется.

Павлик. Как паровоз по рельсам. Как будто меня несет какая-то дьявольская сила. Даю вам слово, что еще за день до трагедии я ни сном ни духом не намеревался покинуть Викторию.

Сашок. Говорите, дьявольская сила?

Павлик. Вот именно. Я не давал себе отчета. Я пришел домой. Хотел смотреть сериал по телевизору, а вместо этого черт меня понес. И я говорю Вике: сообщи детям, что я нашел свое счастье с другой женщиной. Но я же не хотел этого говорить!

Сашок. И давно это случилось? *(Достает из кармана расписку и разворачивает ее.)*

Павлик. Больше месяца назад... Нет, меньше месяца! Это было шестого. Шестого в двадцать часов двадцать минут. Часы висели над головой. Двадцать часов и двадцать минут. Я запомню это на всю жизнь!

Сашок. Шестого мая?

Павлик. Угу.

Сашок. Пятого она подписала. Подписала и на следующий день получила. Вот дела!

Павлик. Вы о чем?

Сашок. Она вас полюбила, да?

Павлик. Кто?

Сашок. Дарья Павловна. Даша.

Павлик. Она мне об этом говорит каждый день.

Сашок. А вы счастья не нашли?

Павлик. Никакого счастья!

Сашок. А как женщина? Ну, в постели она вас радует?

Павлик. Товарищ Александр, не будем об этом! Я стараюсь. Если я живу с женщиной в одной, простите, кровати, то что мне остается. Я стараюсь. Но это меня морально разрушает!

Слышно, как хлопает дверь. В комнату входит Дарья Павловна. Сашка она еще не видит.

Даша. Павлик! Ты скучал без меня?

Тут она замечает Сашка.

Это что за номер? Телевизионный мастер, да? Я вас на ту неделю вызывала.

Сашок. Мне поговорить надо. По личному вопросу.

Даша. Погоди!

Она подходит к мужу, берет в ладони его лицо, вглядывается в глаза.

На тебе лица нет. Буквально нет лица. Ты опять переживал? Эта гадюка опять звонила?

Павлик. Никто мне не звонил. Мне сюда никто никогда не звонит.

Даша. Молчи, по глазам вижу, что звонила. Так что в следующий раз ты скажи ей, что, если будет телефон обрывать, я ей ноги из задницы выдеру! Ясно?

Павлик. Честное слово, она ни разу не звонила!

Даша. Значит, еще хуже — ты сам звонил!

Она подходит к резному буфету, открывает его, там обнаруживается множество лекарств. Она вытаскивает несколько бутылочек и упаковок.

Сейчас выпьешь успокаивающего. Принеси воды. Только кипяченой.

Павлик покорно идет на кухню.

Что за личное дело? Быстро.

Сашок. У меня есть для вас записка...

Возвращается Павлик.

Даша. Открой рот.

Тот покорно открывает рот. Даша засыпает в рот таблетки.

Запивай. Все проглотил? За щекой не оставил? Дай-ка пощупаю. А то

потом выплюнешь. Я тебя, котик, уже всего изучила. Вчера смотрю, в унитазе две таблетки лежат. Фээргэвские, представляете?

Павлик. Я все проглотил.

Даша ловко сжимает пальцами щеки Павлика, так что тот открывает рот, и по-вороньи заглядывает внутрь.

Даша. Молодец.

Она обнимает Павлика и прижимает к себе. Страстно целует его.

Я хочу тебя, мое счастье!

Сашок закашлялся, напоминая о себе.

Даша *(отпускает Павлика)*. Ты еще здесь? Ладно, Павлик, иди в спальню и ложись. Я проверю. У тебя мертвый час.

Павлик. Даша, мне надо обязательно кончить статью.

Даша. Не будешь же ты печатать, когда мы разговариваем! Иди спать. Иди, мое солнышко.

Павлик уходит.

Ну, выкладывай, быстро.

Сашок. Я по поводу расписки. Той самой, которую вы дали товарищу Д.

Даша. Что? *(Подбегает к двери, закрывает ее, потом говорит почти шепотом.)* Что? Что-нибудь неправильно? Если что, я перепишу.

Сашок. Нет, все в порядке, не волнуйтесь. Я ее вам обратно принес.

Даша. Как так принес?

Сашок. Нашел на улице и принес. Чтобы вы ее уничтожили.

Даша. Зачем уничтожила?

Сашок. Ну чтобы это самое... чтобы душу спасти.

Даша. Шутишь, что ли?.. Ага, я знаю откуда ты!

Сашок. Нет, я не из органов.

Даша. Из каких таких органов? Ты от этой гадюки! От Вики! Как она узнала? Ну? Пришибу!

Сашок. Хватит меня пришибать. Все сразу — пришибать. Я сам по себе. Я пришел вам помочь. Вы даже не представляете, как это опасно, — вы же теперь остались без души. И это видно. *(Сашок показывает в сторону двери.)*

Даша. Нет, голубчик, не провоцируй меня. Обратного хода не будет! Я на жертвы пошла. Я отдала свою душу ради простого человеческого счастья! Ради того, чтобы сделать одного дорогого мне человека счастливым. И учтите, Павлика я никому не отдам. Я его на ключ запру, я ему, если надо, глаза выколю. Но не отдам! Я его обогрела, одела, отмыла — ты не представляешь, каким запущенным он

мне достался. Так что катись отсюда, голубчик, со своими гнусными предложениями.

Сашок. Внесем ясность. Я теперь понимаю, что вы обменяли свою душу за Павлика. И думаете, что сделали его счастливым.

Даша. Может, он это еще не всегда понимает. Но поймет.

Сашок. Ничего он не поймет, только с ума сойдет. Неужели вы не видите, что вы его в тюрьму взяли? Что он несчастный, даже плачет. Он своей Сонечке звонит, про уроки спрашивает.

Даша. Чего? Сонечке звонит! Тайком от меня? Он же мне обещал!

Даша бросается к спальне. Но Павлик уже вышел, стоит босиком в дверях.

Павлик. Ты мне хотела что-то сказать?

Даша. Я хотела тебе сказать, что ты низкий предатель. Что ты не ценишь любви! Что ты ничего не понимаешь — я отдала тебе душу и тело.

Сашок. По части тела это, наверное, правда, а вот душу она отдала не вам...

Даша. Молчать! Убью!

Даша хватает со стола торшер и как фурия несется на Сашка. Тот отпрянул, отступает к двери.

Павлик. Дашенька! Не волнуйся! Тебе вредно! Молодой человек, уходите!.. Мы сами разберемся...

Даша. Убью! Грабитель!

Сашок ретируется. Он стоит на лестнице перед входной дверью в квартиру. Размышляет. Перебирает листочки.

Сашок. Может, хватит? Если расписались, значит, им так хотелось... А может, еще одну попробовать? Ведь есть же человек, который раскаялся, мучается, а я приду и скажу — вот ваше спасение... Ну, ладно, в последний раз!

Сашок уходит. Через несколько секунд дверь осторожно приоткрывается, в нее высовывается голова Даши с телефоном в руке.

Даша. Нет, ушел уже... Лет за тридцать, среднего росточка, в джинсовом костюме, поношенном, совершенно не производит никакого впечатления. Ну что вы, я сразу доложила... как можно, я понимаю, что испытание! Надеюсь, я его выдержала? С честью? Ну, слава... нет, нет я не произношу этого слова, только когда волнуюсь. Слушаюсь, сразу доложу!

Дверь захлопывается.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира современная, как говорится, после евроремонта. Итальянская мебель, палас, на стене нечто купленное на вернисаже, но во всем беспорядок. Господин Нечипоренко собирается за рубеж. Господин Нечипоренко пытается закрыть чемодан, он уж и прыгает на нем, и садится, и тянет на себя.

Нечипоренко. Кисуля! Кисуля, помоги мне, ангел мой!

Лариса отзывается из кухни.

Лариса. Иду, моя пташка! Только курочку поставлю в гриль.

Звонит телефон.

Нечипоренко. Меня нет дома!

Телефон перестает звонить. Нечипоренко замирает. Из кухни кричит Лариса, которая там взяла отводную трубку.

Лариса. Тебя, Матвей Фомич.

Нечипоренко. Матвей Фомич, как приятно слышать твой голос! Да, вот собираюсь, готовлюсь... Присяду на дорожку, обязательно присяду. Ну что ты, я вообще почти не употребляю... шутишь, Матвей, у меня молодая жена красавица, расстаюсь с ней с болью в сердце... А может, у тебя будут пожелания? Как отсталая страна? Там камешки есть, очень неплохие камешки. Меня они не интересуют, а тебе могли бы пригодиться? Ну как хочешь. Буду помнить, буду. Ты тоже молись. Спасибо. Ты не представляешь, с каким чувством внутреннего удовлетворения я принимаю твои сердечные напутствия! *(Кидает трубку на рычаг.)* Какая сволочь! Он же на место министра связи с Западом метит! А инструкторами в соседних райкомах работали. Комса, молодая, чистая... *(Набирает номер.)* Виктор? Это я, Семен. Слушай, мне эта сволочь Матвей позвонил. Скажи, что ему от меня нужно? Ты так думаешь? Так вот, ты будешь в парламенте? Подойди к нему так незаметно... ну ты умеешь. Подойди и скажи, чтобы под Нечипоренку не копать. Он тоже копнуть может. И пускай Матвей со своей сраной фракцией и не пыжится! Он не представляет, какая у меня крыша! Я не сегодня-завтра буду президентом. А что? Нет, я не задаюсь. Я рассуждаю трезво. Какая сейчас ведущая идея? Идея — национальная! Кто сейчас нужен? Патриот. А кто первый патриот — я, мой голубчик, я! Да ты не рассуждай, не рассуждай, ты подойди так тихонечко к Матюше и скажи — Сеня велел кланяться. Ну лады, лады. Я тебе камушки привезу. Там, говорят, дешевые опалы. Нет, я икру беру, они там на икру хорошо клюют. Водка наша уже не в моде. Нет, не беспокойся, привезу. Высшего сорта. Так что я тебя оставляю, так сказать, в лавке. Чтобы все было как штык! *(Вешает трубку. Он устал. Закуривает.)* Никому нельзя верить.

Лариса *(выглядывает из кухни)*. Сейчас цыпленочек будет готов. Две минутки. Да на тебе лица нет.

Нечипоренко. Ты мне лучше помоги чемодан застегнуть.

Они наваливаются на крышку чемодана вдвоем.

И кому это нужно? И смокинг, и причиндалы!

Лариса. Ты теперь — государственная фигура, мой кисонька. Терпи. Я тоже буду терпеть.

Нечипоренко. Да держи ты, размазня! В президентши намылилась?

Лариса. А то что? Могу и получше найти. Ты же знаешь, меня президент Неустройбанка вчера на презентации за ляжки хватал.

Нечипоренко. Это ты всерьез?

Потом они стараются застегнуть чемодан так, что получается нечто вроде танца под разговор.

Лариса. Еще как всерьез.

Раздается звонок в дверь.

Нечипоренко. Это ко мне, от Сидорова. Ты иди на кухню.

Лариса уходит. Чемодан сразу открывается. Какие-то книги, бумаги выползают наружу. Нечипоренко бросается было ловить их, потом машет рукой и спешит к двери. Входит Сашок.

Сашок. Я к вам на минутку.

Нечипоренко. И без тебя знаю, что не обедать. Принес?

Сашок. Принес. А он вам уже звонил?

Нечипоренко. Звонил, еще утром звонил. За мной вот-вот машина придет, а тебя все нету. Где?

Сашок *(хлопает себя по карману)*. Вот здесь.

Нечипоренко. Сколько же их там у тебя? Я десяток банок заказывал.

Сашок. Банок?

Нечипоренко. Десять банок свежайшей черной икры, спецпосола, в подарок от Сидорова. Ну что ты уставился как баран на новые ворота? Некогда мне с тобой рассиживаться. За мной сейчас машина придет.

Сашок. Не знаю я Сидорова. В глаза его не видел. Я другое имел в виду.

Нечипоренко. Черт знает что! Это уже граничит с издевательством! У меня нет ни одной свободной минуты, а ты приходишь неизвестно с чем.

Сашок. Я в ваших интересах пришел.

Нечипоренко. В моих интересах взять у тебя десять банок икры и успеть к самолету.

Сашок. И куда самолет?

Нечипоренко. В Нью-Дели с пересадкой до Бутана. Ждет общественность этого небольшого, но свободолюбивого государства.

Сашок. Я не от Сидорова. Я по делу товарища Д.

Нечипоренко. В каком смысле... по делу товарища Д? Вы хотите сказать, что его... того? А вы подумали, что скажут дерьмократические газеты?

Сашок. Ничего не случилось с вашим товарищем Д. Гуляет на свободе.

Нечипоренко. Мне он с самого начала не понравился. Что-то в нем не наше, вы меня понимаете.

Нечипоренко, размышляя, расхаживает по комнате, поглядывая на Сашка, потому что еще не решил, как себя вести.

Сашок. Зачем же вы расписку подписывали? Крови своей не пожалели?

Нечипоренко кладет на телефон подушку с дивана.

Нечипоренко. Я буду с вами предельно откровенен. Я не знаю никакого товарища Д. Я никогда не имел счастья встречать товарища Д. Я даже на расстоянии не видел товарища Д... Я не понимаю, что меня, депутата Государственной Думы от Христианско-национального союза, может связывать с каким-то товарищем Д?

Сашок. Настоящий депутат? Так вы за душу депутатство получили?

Нечипоренко. Во-первых, я уже был депутатом. Во-вторых, я выполнил свои обязательства перед товарищем Д. Ко мне не может быть претензий.

Сашок. А он чего-то просил?

Нечипоренко. Никто ничего у меня не просил.

Телефон начинает звонить из-под подушки.

Меня нет дома! Никому!

Телефон перестает звонить. Слышен голос из кухни, но трудно разобрать, что там говорят.

Сашок. И не переживаете?

Нечипоренко. В каком смысле?

Сашок. Что без души остались? Все-таки народный избранник, да еще от Христианско-национальной партии. Вам без души никак нельзя!

Нечипоренко. Тшшш! У меня жена такой ранимый человек! Она может услышать... это ее погубит. Даже предстоящая разлука со мной для нее невыносимая травма.

Сашок. Ну вот, все-таки переживаете. Наверное, вы не потерянный человек, если о других думаете.

Нечипоренко. Я всегда о других думаю. Я профессионально о других думаю. Но мне нечего скрывать. Я русский человек с большой буквы.

Сашок. Вот и замечательно. Значит, я по правильному адресу пришел. У меня для вас большая радость.

Нечипоренко. Еще чего не хватало!

Сашок. Вы душу продавали?

Нечипоренко. Тише!

Из кухни доносится голос Ларисы.

Лариса. У меня все готово!

Нечипоренко. Подожди. У меня конфиденциальный разговор.

Сашок. Кто у вас там?

Нечипоренко. Жена. А что?

Сашок. Голос знакомый. Ладно, вернемся к нашим баранам. Вы душу продавали?

Нечипоренко. Никогда! Я ее уступал из благородных побуждений.

Сашок. Вот она, ваша душа, держите.

Неверными движениями Нечипоренко отыскивает на диване пиджак, достает из кармана очки, надевает их и начинает читать расписку. Руки его трясутся.

Нечипоренко. А где печать? Здесь нет печати.

Сашок. Разве вам мало? Ваша расписка? Тогда берите.

Нечипоренко. То есть как так берите?

Сашок. Берите, а то уйду.

Нечипоренко. И что я вам за это должен?

Сашок. Спасибо.

Нечипоренко. Товарищ, каким образом эта грязная писулька попала к вам в руки?

Сашок. Самым простым. Шел по улице, увидел бумажку, отнес хозяину.

Нечипоренко. Возьмите ее и никогда больше не подсовывайте мне фальшивок. Я же знаю, что это работа Матвея.

Сашок. Да не знаю я Матвея.

Нечипоренко. Тогда еще хуже — демократов? Признавайтесь, чья это провокация?

Сашок. Делайте вы, что хотите, а я пошел.

Нечипоренко. Стойте! Должен ли я вас понимать в том смысле, что вы не от товарища Д? И не от Матвея? И не Гайдара? Правда ли, что вы заявились сюда по собственной инициативе?

Сашок. Все. Я пошел.

Нечипоренко, замерев, смотрит на то, как Сашок идет к двери.

Нечипоренко. Гражданин, вернитесь! Вы забыли здесь свою бумаженцию!

Сашок. Это же ваша бумаженция. Можете анализ крови сделать.

Нечипоренко. Вы меня неправильно поняли. Я вам уже ясно выразился. Я — член Центрального комитета Христианско-националистической партии и член думской комиссии по культам, достаточно ясно сказал, что все написанное в той бумажке — чепуха. Ха-ха — че-пу-ха!

Сашок. А чего написано?

Нечипоренко. Провокатор!

Сашок идет к двери, Нечипоренко догоняет его и пытается всучить ему расписку, Сашок сопротивляется. Так они и борются в дверях, как семья Лаокоонов. В этот момент в комнату входит Лариса. Увидев, что его жена в комнате, Нечипоренко отчаянным усилием заталкивает бумажку в карман Сашку, а сам отскакивает обратно. Лариса, конечно же, сразу узнает Сашка.

Лариса. Сашок? Что ты здесь делаешь?

Сашок. Да так... зашел по делу.

Лариса. Выслеживал, да? Ревнуешь, поганец? Думаешь, откупаться буду?

Нечипоренко хватается за сердце и пошатывается.

Нечипоренко. Я ничего не понимаю. Мне плохо! У меня приступ ишемической болезни сердца!

Лариса. В спальне, в моей тумбочке валидол. Пойди, положи под язык, пройдет.

Нечипоренко. Нет, сначала пускай он убирается вон!

Лариса. Он у меня как миленький уберется!

Нечипоренко уходит в другую комнату.

Ну что, не ожидал? Думал, что я такого же, как ты, плебея выберу? Это с моими-то внешними данными! Ты что, забыл, что я в Таганроге на конкурсе красоты вице-мисс была? Как ты опустился! Выслеживать любимую женщину!

Сашок. Ничего ты не поняла, Ларка. Я знал, что у тебя муж, но не интересовался. Ты же все равно отрезанный ломоть. На что мне?

Лариса. На то, чтобы шантажировать мое счастье.

Сашок. Шантажировать? Лариска, ты же меня знаешь!

Лариса. Но если не шантажировать, то зачем? Зачем приперся?

Сашок. У меня было личное дело. К господину Нечипоренко. Вот и пришел.

Лариса. Что же это, прости, за дело, если ты внешне здорового человека довел до сердечного приступа? А что, если врачи его снимут

с самолета? Ты что, не понимаешь, на что пришлось Сене пойти, чтобы получить государственный визит на уровне министра? Ты подумай, кому в Бутане нужны наши националисты? Ты не представляешь, какой титанический труд мы совершили с Сеней! Одних презентаций около сорока! А ты... из жалкой ревности! Ну зачем ты так низко пал, Сашок?

Сашок. Честное пионерское слово. Под салютом всех вождей — помнишь, так меня бабушка учила?

Лариса. Ты свою покойную бабушку не тронь. Она настоящей пионеркой была! А ты докатился до банального шпионажа. Любишь, что ли?

Сашок. Кого? Тебя?

Лариса. Значит, любишь... Нет, не любишь! Любил бы — не пил! Любил бы — устроился на хорошую работу. Не разрывал бы мое сердце! Ты думаешь, я от тебя по доброй воле ушла? Да ты своим поведением толкнул меня к этому трагическому поступку!

Сашок. Да не люблю я тебя! Ушла, и слава богу. Я как раз собрался новую жизнь начать. Только без тебя.

Лариса. *Не любишь?*

Сашок. Не люблю.

Лариса. А раньше что говорил?

Сашок. Раньше любил.

Лариса. И ничего в твоем сердце не осталось?

Сашок. Ты пойми — я к твоему Сене пришел, а не к тебе. Я и не знал, что ты здесь теперь живешь. И не интересовался. Я к нему пришел!

Лариса. Какие могут быть дела у почти бомжа к члену парламента и будущему президенту!.. Ага, ты от Сидорова! Ну от того, который взятки черной икрой дает! Неужели нанялся разносить?

Сашок. Бери выше. Я разносчик, но у такого хозяина, что ты умерла бы от зависти.

Лариса. Нет, опять врешь. Если бы ты у Сидорова работал, то с утра на лавочке бы не ошивался, рубли бы не стрелял.

Сашок. Сказать тебе? Честно?

Лариса. Честность — лучшее оружие!

Сашок. Я от товарища Д.

Лариса. Это еще кто такой?

Сашок. А в вашей семье о нем никогда не говорили? Подумай хорошенько. Неужели от тебя скрывают такие знакомства?

Нечипоренко возвращается в комнату.

Нечипоренко. Я все слышал! Не впутывайте Ларису в свои грязные интриги. Она в самом деле никогда ничего не слышала о товарище Д. Лариса — женщина сильных и чистых чувств.

Сашок. Это как так?

Лариса. Ты всегда был подлецом. Сеня, молчи, он все равно не поймет.

Нечипоренко. Мне все известно. Мне известно, что вы были тем камнем на Ларисиной шее, который тянул ее все дальше вниз. Теперь, когда она избавилась от камня, вы нашли ее. Деньги? Вам нужны деньги?

Лариса. На что ему деньги? Он все пропьет.

Нечипоренко. Сколько вам нужно? Только учтите, что все мои деньги я зарабатываю честным путем, у нас с Ларисой каждый доллар на счету. Я не могу подвести моих спонсоров. Но ради спасения счастья нашей семьи я готов вам заплатить.

Он обнимает Ларису за плечи и тянет к себе. Лариса сопротивляется.

Сашок. И сколько стоит счастье вашей семьи? Мне только что в одном доме за это «лимон» предлагали.

Нечипоренко. Лариса, он сошел с ума!

Сашок. Ну вот, оказывается, что Лариска этого не стоит.

Нечипоренко. Чувствами не торгую!

Сашок. Ну не съездите разок в этот ваш Непал...

Нечипоренко. Бутан!

Сашок. А деньги мне отдадите...

Нечипоренко. Вы ничего не понимаете! Для нашего движения принципиально важно укрепить сейчас союз со здоровыми силами в Бутане!

Сашок. Лариска, он за тебя и рубля не даст!

Нечипоренко. Вон! Вон отсюда, пока я не вызвал милицию! Вы не представляете, какие у меня связи!

Сашок. Значит, расписку оставляем у меня? Ну и бог с вами. Только я должен предупредить тебя, Лариска, что ты связалась с человеком, у которого нет души. Продал он душу!

Лариса. Я сюда не за душой пришла. Мне человек нужен!

Нечипоренко. Я категорически отрицаю существование души как объекта купли и продажи. Еще в бытность мою инструктором горкома...

Лариса. Сеня, ты переутомился.

Нечипоренко. Я вообще никогда и ничего не продаю. Я не склонен вступать в темные сделки. Вы забываете, что я народный избранник!

Сашок. Типичный клиент дьявола.

Лариса. При чем здесь душа? При чем здесь дьявол? Сеня, ты можешь мне объяснить?

Нечипоренко. Не бойся, дорогая, я тебя не отдам этому подонку!

Сашок. Ну я пошел. Расписку куда отдадим? На телевидение или в газету «Совершенно секретно»?

Нечипоренко. Куда угодно! Мы будем смеяться вам в лицо. Вот так: ха-ха-ха!.. Лариса, у тебя курица горит! Неужели ты не чувствуешь?

Лариса. Да пускай она горит синим пламенем! Я хочу знать, что здесь происходит?

Нечипоренко. Ничего не происходит. Я не позволю тебе устраивать свидания с бывшими мужьями в моей квартире.

Лариса. Я устраиваю свидания с кем хочу и тебя не спрашиваю. Кстати, эта квартира наполовину моя!

Нечипоренко. Так... а может, ты вышла за меня из-за денег? Может быть, ты — часть этого злодейского заговора?

Дым заволакивает комнату.

Лариса. А из-за чего? Из-за твоих прекрасных глаз, что ли? Тоже мне, хахаль нашелся! Маленький гигант большого секса!

Нечипоренко. Я не вернусь к тебе из Бутана!

Лариса. И не старайся. Меня ты здесь не найдешь!

Сашок. Я пойду плиту выключу, ладно? *(Уходит на кухню.)*

Нечипоренко. О, я наивный человек! Я пошел на сделку с собственной совестью ради министерского кресла. Для тебя, ведьма, для тебя!

Лариса. Врешь! Как всегда, врешь! Всю жизнь врал, я тебе нужна, чтобы по презентациям таскать! А будет выгодно — ты меня в постель бандиту подложишь.

Нечипоренко. Я все понял — это у тебя нет души!

Лариса. Даже не знаю, чем ты еще не торговал!

Звонит телефон. Но звонит странно, как звонок в квартиру.

Сашок *(из кухни)*. Открыть?

Нечипоренко. Всем стоять! Это Он звонит. Это его звонок!

Лариса. Не подходи. Я с тобой разговариваю. Потом пускай перезвонит.

Нечипоренко поднимает трубку.

Нечипоренко. Депутат Нечипоренко у телефона... Так точно, он здесь! Я как раз хотел выразить вам свое мнение — я крайне удивлен, как могло случиться, что совершенно конфиденциальная информация просочилась к некомпетентным людям?.. Какое испытание? Меня не надо испытывать! Моя преданность не вызывает сомнения.

Сашок входит из кухни и слушает разговор.

Но что мне теперь делать? Как так ничего не делать? Меры приняты? Понял... Я на вас надеюсь... Нет, никакие сомнения меня не посещали. Ну как можно! До встречи в Бутане? Вы и там будете?.. Спасибо,

вы сняли такой груз с моей души... ха-ха, конечно же, не с моей, а с вашей! *(Положив трубку, продолжает, обращаясь к слушателям.)* Вот все и обошлось. Вот и ладушки.

Лариса рыдает на диване.

Лариса. Не подходи, убью!

Нечипоренко. Это нервы, моя кисочка. Но ты и меня должна понять. Я на взводе — через час машина, самолет ждать не будет... а тут такое нелепое событие. Лариса...

Сашок. Я пошел?

Нечипоренко. Вы еще здесь, молодой человек?

Сашок. Значит, она вам больше не нужна?

Нечипоренко. Вы кого имеете в виду? Если Ларису, то и без вас разберемся, Дон Жуан доморощенный!

Сашок. Вы отлично знаете, что я не Ларису имел в виду. Что вам Лариса — нужно будет, смените ее на другую кисочку или зяблика. А вот второй расписки не будет. Душа у человека одна. Она дается ему только раз в жизни.

Нечипоренко. Философия вам не к лицу. Небось ПТУ кончали?

Сашок. Нет, десять классов одолел.

Лариса. Не слушай его, Сеня, его со второго курса университета выгнали.

Сашок. По-моему, супруги помирились. У тебя на кухне все выгорело.

Лариса. Сеня, я сделаю тебе бутерброд с колбасой. *(Убегает на кухню.)*

Нечипоренко. Идите, идите, рыцарь. Вас уже ждут.

Сашок. Где ждут? Внизу или в подъезде?

Нечипоренко. Где нужно, там и ждут.

Сашок. А что? Может, даже интересно. Встретимся, поговорим. *(Идет к двери.)*

Нечипоренко. Я вам не завидую.

Сашок. В худшем случае расстанусь с телом. Душу прибережем. А вам уже торговать нечем.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Шашлычная на открытом воздухе. Круглые столики под белыми с красным зонтами, реклама кока-колы, «Мальборо», «Употребляйте «ксилит» без сахара». Посланец Сидорова с «дипломатом», в котором лежат банки с ик-

рой, сидит за столиком и пьет пиво. За другим столом две молодые женщины. В сторонке стоит телефон-автомат. В нем Тамара. Входит Сашок. Он нервничает, оглядывается. Он ждет встречи с дьяволом и трепещет перед ней. За стойкой вялый молодой человек в красной футболке с надписью «Мальборо». Сашок подходит к стойке.

Сашок. «Жигулевское» есть?

Бармен. Не держим. Могу предложить «Баварию» или «Гиннесс».

Сашок. На два бакса!

Бармен открывает бутылку и пододвигает к Сашку, не скрывая своего презрения. Тамара выходит из будки, роется в сумочке. Сашок смотрит на нее. Тамара обращается к бармену.

Тамара. Простите, у вас жетона для телефона не будет?

Бармен. Не держим.

Сашок перегибается через стойку.

Сашок. А там разве не жетоны?

Бармен. Не суйтесь, гражданин, куда не просят.

Сашок хватает один жетон, передает Тамаре.

Сашок *(бармену)*. Это как раз моя сдача.

Бармен. Вот позову сейчас милицию!

Сашок. Зови. *(Берет бутылку и идет к столику.)*

Тамара спешит за ним, протягивает ему две банкноты.

Тамара. Возьмите, пожалуйста, две тысячи. Я вам так благодарна.

Сашок. На что мне ваши рубли? Да я при желании вас золотом осыплю.

Тамара. Тем более возьмите. Мне не нужно золото.

Сашок. Если у вас проблемы, наша фирма вам поможет.

Тамара кладет деньги на столик, за который уселся Сашок, и сама спешит к телефону. Входит дьявол. Он выглядит несколько иначе, чем при первом появлении. Он в черных очках, у него загнутые, как у Сальвадора Дали, усы. Он подходит к стойке, делая вид, что никого не видит. Сашок смотрит ему вслед. Он узнал. Дьявол смотрит на Тамару.

Тамара. Тогда я вам из дома позвоню. Спасибо, что хотели мне помочь...

Она выскальзывает из будки и спешит прочь. Сашок встает было и хочет уйти, но потом меняет решение, садится вновь, наливает из бутылочки в бумажный стаканчик и пьет маленькими глотками.

Дьявол. Большой «Будвайзер» и омара пожирнее.

Бармен суетится, хлопает дверцей холодильника, наливает из бутылки, звенит тарелками.

Бармен. А шашлычка не желаете? Из вырезки. Сам привез. Так и чувствовал, что заглянете.

Дьявол. Омары не выносят шашлыков.

Бармен. Вам креслице вынести?

Дьявол. Нет, я попросту, инкогнито. Я тут друга встретил, хочу поговорить в уединении.

Дьявол подходит к столику Сашка, с милой улыбкой обращается к нему.

Вы позволите мне присоединиться, Александр Сергеевич?

Сашок. Милости прошу. Не знаю только, как вас называть.

Дьявол. В этом мое преимущество перед вами.

Сашок. Ну тогда считайте, что мы познакомились.

Дьявол. А вы, я вижу, с чувством юмора.

Бармен выбегает из-за стойки, несет большую тарелку с омаром. Неуловимым движением стелет на стол скатерть, так что бутылочка Сашка перекочевывает на нее. Бармен накрывает на стол.

Сашок. У вас связи.

Дьявол. У меня везде связи. Без этого нельзя. Лишь страх рождает власть.

Сашок. Винтовка рождает власть.

Дьявол. Хорошо сказано. Кто сказал?

Сашок. Забыл я.

Дьявол. Беда с вами. Даже врать толком не умеете. Но меня-то вы, Александр Сергеевич, узнали?

Сашок. Как же можно!

Дьявол. А почему не трепещете?

Сашок. Я уже думал об этом. Наверное, потому, что мне нечего терять. Вот все люди вокруг, они перед вами на коленках. Они боятся, что вы их разлюбите, отнимете у них конфетку. А у меня нет конфетки.

Дьявол. Вранье! Каждому есть что терять. Одному — жену, другому — деньги, тебе — здоровье, жизнь! Всякому есть что терять.

Сашок. Вам тоже?

Дьявол. Как ни странно, мне тоже. Только позвольте мне не сознаваться, что именно. Попробуйте омара, чудесный омар, только вчера плескался в Бискайском заливе. Знаете, я — поклонник рыночных отношений. При них проще. Десять лет назад я мог кушать такого же омара, но для этого надо было проникать в закрытый буфет Центрального Комитета. И жевать его тайком от народа. А это так утомительно!

Сашок. Вкусно. Как рак, только нежнее. И мяса больше.

Дьявол. Не стесняйся. Мы живем только дважды.

Сашок. Плагиат.

Дьявол. Не знаю такого слова, но я придумал это выражение лет шестьсот назад. Иногда так скучно все знать заранее!

Сашок. Если знали, зачем придумывали? Или вы только шестьсот лет назад родились?

Дьявол. Не говори глупостей. По сути вещей, мои возможности велики, громадны, но не безграничны.

Сашок. Это я понимаю — иначе зачем бумажник терять?

Дьявол. Пей пиво, пей. У Геры прямая труба из Мюнхена. Туда идет наш природный газ, а обратно — пиво для моего потребления.

Сашок. Не хочется отвечать, не надо.

Дьявол. Почему не хочется? Очень даже хочется.

Сашок. И как же вы умудрились бумажник потерять?

Дьявол. Большинство моих клиентов, надо сказать, отдают мне души за бесценок. Даже удивительно, чем их можно соблазнить.

Сашок. Ну понимаю, с каждым может случиться накладка.

Дьявол. Я могу совершать ошибки. Но даже в этих ошибках я велик. Исправляя их, я исправляю Вселенную.

Сашок. Не убедили вы меня.

Дьявол. Пейте пиво.

Сашок. Пью.

Дьявол. И мне не верите?

Сашок. А почему вы должны мне правду говорить, если она для вас невыгодна? Может, вы и не дьявол вовсе?

Дьявол. Что-то подобное вам внушила алкоголичка-библиотекарша из шестого подъезда. Я — инопланетный пришелец. Зачем тогда мне ваши души?

Сашок. А кто сказал, что вы в самом деле купили души?

Дьявол. Вы сегодня были в трех домах. Во всех трех случаях я выполнил мою сторону договора. Спикухин уже настолько обнаглел, что купил Дом-музей Толстого в Ясной Поляне, а денег не заплатил.

Сашок. На что ему дом-музей?

Дьявол. Казино открывает. «Под колесами электрички».

Сашок. Врешь. Не было тогда электричек.

Дьявол. Это мы с тобой знаем, а Спикухин из второго класса за хулиганство вылетел. Он до Толстого не добрался... А что, Толстой в самом деле был приличным писателем?

Сашок. Я давно его не перечитывал.

Дьявол. С вами, интеллигент, все ясно.

Сашок. Омар приличный.

Дьявол. Приличный, приличный. Посмотрим, кто у нас еще? Дарья Павловна? Дарья Павловна тоже получила, что хотела.

Сашок. Ее Павлик по семье переживает. Тайком дочке звонит.

Дьявол. Трогательно, просто жуть. Но это его проблемы. Переходим к вашему сопернику.

Сашок. А вы знаете, что у нас жена общая?

Дьявол. Я бы не назвал ее общей. Она принадлежит Нечипоренко душой и телом. Вас там не предусмотрено.

Сашок. Да стоит мне свистнуть...

Дьявол. Не горячитесь. Я могу вам помочь. Если переживаете, отдайте мне вашу душу, получите Ларису. И кинем мы этого депутата.

Сашок. Вы здесь все с ума посходили. Да я только-только вздохнул по-человечески, и чтобы снова в этот ад кромешный возвращаться? Нет уж, пускай Нечипоренко расхлебывает.

Дьявол. А какая женщина! Второе место, вице-мисс Таганрога!

Сашок. Проехали.

Дьявол. Ничего подобного. Мне вашу душу захотелось.

Сашок. Вам зачем?

Дьявол. Да поймите вы — это моя работа. И оценивается она по числу уловленных душ. Чем больше вас, грешных, тем больше у меня шансов получить повышение. Я же — черт служивый, извините за выражение. И жизнь у меня хоть и не бесконечная, но не всегда сладкая.

Сашок. А за потерю бумажника получите выговор?

Дьявол. Лучше, чтобы об этом у нас не узнали.

Сашок. Черт, скажи мне...

Дьявол. Все-таки я не черт. Черти — существа простые, шантрапа. Я же своего рода интеллигент. Я дьявол с перспективами на получение высокого разряда. И на брудершафт с тобой не пил.

Сашок. Если ты такой интеллигент, то скажи мне — есть в самом деле душа или нет?

Дьявол. Тут вступает в дело чувство. Скажи, вот ты как сам чувствуешь?

Сашок. По-разному. Когда в школе учился, у нас Витьку Горюнова из пионеров выгнали, когда он сказал, что в бога верит. Тогда я, конечно, не верил. А вот когда увидел, как руководство нашей страны по свечке взяло и в церковь повалило, то засомневался. А теперь не знаю.

Дьявол. А мое существование тебе не подсказывает?

Сашок. А может, вы в самом деле инопланетянин? Или фокусник? Дэвид Копперфильд из Одессы?

Дьявол. А ну-ка брось свои улыбочки! Я — абсолютное зло. И если мы с тобой попали временно в комическую ситуацию — ах, дяденька, бумажник посеял! — то учти, что я своих ошибок не повторяю. А раз я зло, то расплачиваются за мои ошибки другие. И последнее: душа есть. У твоих новых знакомых она была и теперь лежит в моем холодильнике. А свою душу ты мне отдашь добровольно. Еще пива!

Бармен будто ждал сигнала на старте, мчится с пивом. Посланец Сидорова слышал последние слова дьявола и испугался. Он спешит, допивает пиво.

Все вы выращены в атмосфере атеизма. Значит, ваш разум не утверждает себя в борьбе и сомнениях, а кушает манную кашу трусливых безбожников. Получается любопытный парадокс: с одной стороны, все знают, что души нет, этому с младенчества учили. С другой — недавно им сообщили, что душа все-таки есть, но сказали об этом самые бездуховные люди на свете. Так что теперь вы подозреваете о существовании души, но как постыдной субстанции — чего-то вроде хвоста.

Сашок. У вас есть хвост?

Дьявол. Давай не отвлекаться. Я хотел сказать, что ваши души как бы мертвые души. Ты читал гениальный роман Николая Васильевича?

Сашок. «Мертвые души»?

Дьявол. У нас пользуется спросом... Мои клиенты принимают мое появление как игру. Они догадываются, что я, как Чичиков, скупаю нечто несуществующее, а потому не ценное. Значит, это — игра. А раз игра, то почему не принять участия? Почему не поставить на кон такую безделицу? Я говорю: принимаю вашу ставку, товарищ! А за фикцию я вам подарю нечто настоящее, реальное — деньги, власть, жратву, порнуху! Обмен, с нашей точки зрения, неэквивалентный. Вы все уверены, что меня обдурили... Как мне славно скупать души в мире, где их нет! Я так распустился, что стал бумажники раскидывать! Шутка.

Сашок. А некоторые не думают, что продешевили?

Дьявол. Человек — великий самоутешитель. Спикухин безобразничает, а сам себя утешает: значит, мои конкуренты меня пожалели, или у них зрение испортилось. Или даже, может, я стал таким крутым, что все бандиты Москвы от меня разбежались. Я — везунчик! Или возьмем Геворкяна... Он ходит и думает: и как вовремя моя жена умерла от естественных причин!

Сашок. Геворкяна не знаю.

Дьявол. Значит, еще не успел познакомиться. Мерзопакостный тип.

Сашок. Я предлагал, но никто не захотел расписку сжечь. Удивительно!

Дьявол. А тут вступает в дело другая логика: а вдруг этот самый дьявол есть? А вдруг я ему в самом деле продал душу? Нет, лучше не рисковать. И они сразу к телефону бегут — спрашивают: это испытание? Ведь они не могут поверить, что я посеял их бумажник, потому что не придавал ему значения. Ведь сама расписка ничего не стоит. Она — формальность. Душа — в надежном месте. С распиской ли, без — ты мой раб. Но рабы бывают разные. Бывает просто раб, а бывает друг. Помощник, который и сам имеет шансы получить бессмертие. Сашок, уступи мне свою душу.

Становится темнее, будто кафе накрыла туча. Дьявол говорит словно в рупор.

Будешь моим спутником, как доктор Фауст! Мир мы с тобой облетим! Сталин умер бы от зависти. Ты не думай — слово черной силы нерушимо!

Сашок. Я уже много знаю. Меня обмануть трудно.

Дьявол. Много знаешь? Чепуха! Есть душа или нет?

Сашок. Не знаю.

Дьявол. Вот видишь, до чего тебя честность довела.

Сашок. Ну есть, есть, есть! Но ведь не ты правишь миром!

Дьявол. На этот счет существуют различные мнения. Например, некто утверждал, что владыкой мира будет труд. Нелепо, правда?

Сашок. Я пойду, ладно?

Дьявол. Трусишка ты, вот кто. Ну постарайся поглядеть на себя разумным взором. Жизнь у тебя не удалась. Тебе скоро сорок, а ничего, кроме комнаты в общей квартире, ты не заработал. Механик ты плохой, не любишь ты свою работу. Вспомни, как ты сегодня утром с дружками рубли на выпивку собирал. Лариску ты любил... не отмахивайся, и сейчас любишь. А ушла она от тебя. К недостойному хмырю ушла. Без моей помощи новую бабу тебе не найти.

Сашок. Не тороплюсь.

Дьявол. Материальное положение мы исправим немедленно. *(Вытаскивает из кармана толстую пачку долларов и кладет перед Сашком.)*

Сашок. Вроде бы вы обо мне все узнали, а ничего не понимаете.

Дьявол. Томление духа, да? Лермонтов нашелся! Так мы тебя быстро на наш свет отправим. Из гранатомета в лоб! Но есть альтернатива!

Дьявол поднимает руку и щелкает пальцами. Бармен несется к ним с подносом, уставленным бутылками и банками с пивом, — мечта современного алкоголика. Поставщик от Сидорова с поклоном открывает «дипломат», из него высыпаются банки с черной икрой. Две девушки, что сидели за крайним столиком, сбрасывают верхние одежды и начинают исполнять эротический танец, грохочет музыка. Это такая небольшая вакханалия городского масштаба, исполненная во вкусе нового русского.

Еще женщин! Красавиц! Фотомоделей!

Сашок. Стойте, стойте, мы о главном не подумали.

Дьявол. Я думаю обо всем.

Сашок. Я не могу продать вам душу. При всем желании.

Дьявол. Этого быть не может!

Сашок. Мне же ничего от вас не нужно! В самом деле. Вы в душу к человеку влазить умеете? Что там у меня? Какое желание? Не даром же мне ее вам отдавать.

Дьявол *(человеку Сидорова)*. Давай, собирай свои банки и брысь

к Нечипоренке, он уже извелся. Музыка, стоп! Девки, одевайтесь, конец комедии. Батька думать будет.

Наступает тишина. Девицы собирают по полу предметы одежды и рассыпанные украшения.

Я тебе делаю предложение. Я тебе дарю вечную молодость.

Сашок. И я помолодею?

Дьявол. Нет, останешься таким, как есть. Не такой уж ты и старый.

Сашок. А как я проверю?

Дьявол. Получишь от меня документ. Конечно, не сразу — такие предложения на Земле делаются раз в двести лет. Надо будет утвердить в центре, ну ты понимаешь... Но я на хорошем счету, мне не откажут.

Сашок. Я с самого начала заподозрил — ты не фигура.

Дьявол. Я? Не фигура? Да ты же блоха у моих ног... Как ты посмел!

Дьявол поднимает руку, раздается гром, сверкают молнии, гудит ветер. В ужасе убегает человек Сидорова, прячется за стойку бармен, подхватывая вещи, уносятся девицы. Сашок пытается прикрыть от бури тарелки.

Сашок. Кончай! Тарелки побьешь! Кончай, Азазела!

Ветер утихомиривается, гром стихает.

Дьявол. Наш разговор не окончен.

Сашок. Всегда рад побеседовать.

Дьявол. Я найду к тебе ход. Сегодня же найду. Это дело моей чести!

Сашок. Не исключаю. Может, и найдешь.

Дьявол протягивает руку и щелкает пальцами.

Конечно, совсем забыл. Надо же платить за угощение.

Сашок вынимает расписки, протягивает дьяволу.

Дьявол. Ты не жалей, все равно никто от расписки не откажется. Я тебе это гарантирую.

Сашок. Я уже убедился. Только бумажника у меня нет...

Дьявол. Я его уже вернул.

Дьявол вынимает знакомый нам бумажник и, открыв, вбрасывает в него расписки. Кладет во внутренний карман пиджака.

Сашок. Смотри, не посей снова.

Дьявол. Попрошу мне не тыкать. Мы с тобой детей не крестили.

Сашок. Это вряд ли было возможно.

Дьявол. Не понимаешь разве, что это поговорка? Все-таки ты тупой, Сашок.

Сашок. Значит, *не потеряешь*?

Дьявол. Я ошибаюсь только раз.

Сашок. Как сапер?

Дьявол. Как командующий фронтом. Платят солдаты... я не прощаюсь.

Гром, молния, темнота. Свет зажигается. Дьявола нет.

Сашок. Ну что за любовь к дешевым световым эффектам!

Все тихо, мирно, бармен за стойкой протирает стаканы. Входит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Сашок! Ты живой?

Сашок. Что со мной сделается, тетя Оля?

Ольга Ивановна. Я тебя умоляю! Если ты еще не ходил по этим адресам, забудь! Не суйся туда ни в коем случае!

Сашок *(бармену)*. Два пива попрошу.

Бармен *(не глядя)*. Пива не завезли.

Сашок. Я кому говорю?!

Бармен. Простите, обознался.

Ольга Ивановна. Сашок, да послушай ты! Ты же не представляешь!

Сашок *(бармену)*. Спасибо, сколько я должен?

Бармен. Не беспокойтесь, за все заплачено.

Сашок. Так что у вас стряслось?

Ольга Ивановна. Женя... Женя тот бумажник к магазину понес. Я рядом стояла. Как вот с тобой. Он покупателя нашел, вынимает бумажник... Я собственными глазами видела, протягивает он бумажник, а покупатель превратился в крокодила. Представляешь? Он пасть раскрыл и бумажник цапнул. Наш Женя кричит крокодилу: «Ты куда, гадюка? Отдай вещь»... И тут наш Женя вспыхнул синим пламенем, ну точно как газовая конфорка. Охватил огонь нашего Женю...

Сашок. При чем тут крокодил? Он сильно обгорел?

Бармен. Бабка твоя рехнулась.

Ольга Ивановна. В больницу отвезли. Я в «скорой» была...

Сашок. Может, кровь надо сдавать?

Ольга Ивановна. Спасибо, не нужно... скончался наш Женя. *(Она отхлебывает пиво из кружки.)*

Сашок. Женька? Умер? Ты уверена?

Ольга Ивановна пьет пиво и, всхлипывая, кивает.

Ольга Ивановна. Против этой силы нельзя подниматься... Не знаю, пришелец он или крокодил, но он сильнее нас.

Сашок. Ничего себе, друг у меня. Будешь, говорит, помощником. Жабой?

Ольга Ивановна. Ты что говоришь? Ты не переживай.

Сашок. Не нужна мне ваша вечная молодость! Я тебе покажу! Я тебе такого черта покажу!

Бармен. Товарищ, у нас не выражаются.

Сашок. Да заплачу я тебе за пиво, заплачу...

Бармен. У тебя денег нет. Иди, уже закрыто.

Он опускает железные жалюзи.

Ольга Ивановна. Сашок, ты не переживай. Все мы помрем.

Сашок вытаскивает из кармана бумажку, смотрит на нее с удивлением.

Сашок. Забыл отдать... это же надо! Или это не случайность? Он же не может всегда побеждать.

Ольга Ивановна. Сашок, миленький, скажи старухе, что ты задумал?

Сашок. Он думает, что я под кровать спрячусь. Тетя Оля, уходи от греха подальше.

Он убегает со сцены. Ольга Ивановна смотрит ему вслед. Бармен выбирается из-за стойки и бежит к телефону-автомату.

Ольга Ивановна. Спешишь сообщить?

Бармен. Я вас не понимаю. *(Кидает жетон и набирает номер.)*

Ольга Ивановна подходит ближе.

Бармен. Занято.

Ольга Ивановна. Одумайся, молодой человек. Доносчики плохо кончают.

Бармен. А что я могу? Мне приказано. Вы не знаете, какая это сила!

Ольга Ивановна. Дай-ка.

Она берет у него трубку и резко рвет на себя. Трубка отлетает. Ольга Ивановна кидает ее в сторону.

Бармен. Дура! Ты понимаешь, в какое положение меня поставила?! *(Бежит со сцены.)*

Ольга Ивановна. Боюсь, что мне тебя не догнать. *(Бежит следом за ним.)*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Звучат телефонные звонки. Слышно, как набирают номер телефона, слышны сигналы «занято», сигналы «свободно» и тот особый сигнал, которым звонит дьявол. Квартира Тамары мала, стандартна — впрочем, мы можем о

ней лишь догадываться по тесноте в махонькой прихожей и малогабаритной кухне. Квартира пуста. Слышно, как звонит телефон — особенным, дьявольским звонком. Но никто не отвечает. Когда телефон прекращает звонить, слышно, как поворачивается ключ в замке. Входит Тамара. Она заносит на кухню тяжелую сумку с продуктами, затем быстро раздевается, снова бежит на кухню, включает плиту, заскакивает в туалет, выбегает. Картина «хозяйка дома спешит приготовить обед». Когда она рубит капусту, раздается звонок в дверь.

Тамара. Ой! Я ничего не успела. *(Бежит к двери, открывает ее. За дверью Сашок.)* Это вы?

Сашок. А вы что, здесь живете? Ну, совпадение!

Тамара. Если вы за жетоном... *(И тут же сама смеется.)*

Сашок. Почти что за жетоном. С процентами. Можно к вам?

Тамара. А что случилось?

Сашок. Ничего не случилось.

Тамара. Только правду! Что с Мариночкой?

Сашок. С Мариночкой, наверное, ничего. Дело у меня к вам. Личное.

Тамара. Чего же мы здесь стоим? Заходите на кухню, ничего? Я обед готовлю.

Сашок. Отлично. Я же на минутку.

Тамара. Может, вам чаю сделать?

Сашок. Нет, не стоит.

Тамара. Вы говорите, говорите, а я буду заниматься, ничего?

Сашок. Нормально. Так вы будете Тамара Викторовна?

Тамара. Конечно, я.

Сашок. А другой Тамары Викторовны здесь не проживает?

Тамара. Ни в коем случае. Вы очень странный. Вас как зовут?

Сашок. Александр. Можно — Сашок.

Тамара. Мне не нравится Сашок. В нем что-то детское. Можно я вас буду Александром называть?

Сашок. Ничего не понимаю. Все вроде сходится и ничего не сходится. Вам кто-нибудь звонил? Предупреждал?

Тамара. Вы меня пугаете. Я же только что перед вами пришла.

Сашок. Это хорошо.

Тамара. Вы, пожалуйста, говорите, зачем пришли. Это не значит, что я против. Я очень рада, что вы пришли. Вы мне симпатичны. Но вы так странно себя ведете, что я начинаю бояться.

Сашок. Ладно. Лучше сразу разрубить. Скажите мне, Тамара, вы душу кому-нибудь продавали в последнее время?

Тамара. Ах! Это ужасно, да?

Сашок. Вы знаете товарища Д?

Тамара. Да... знаю.

Сашок. Я вам обратно расписку принес. Берите свою душу.

Тамара *(по инерции продолжает чистить картошку, сама того не замечая)*. Ой, как плохо... я такая невезучая! Значит, он передумал?

Сашок. Никто ничего не передумал. Все в порядке. Ко мне попала ваша расписка. В ней написано, что вы продали душу этому самому товарищу Д. А я нашел. Случайно нашел. Я сразу несколько расписок нашел. Сначала я к другим людям пошел, и знаете, никто не захотел свою душу обратно взять. Я думал — ну и ладно, пускай живут как хотят. Хочешь лучше человеку сделать, а он буквально на тебя с топором. Я все расписки сдал ему обратно, а одна случайно осталась. Ваша. Я бы, может, и не поехал. Но сильно рассердился. На товарища Д. Он моего знакомого погубил. И я тогда решил — нет, хоть одного человека спасу! Не может же быть, чтобы все были Спикухиными?

Тамара. Какими?

Сашок. Не важно. А теперь я рад. Может, он меня и прикончит, но я хоть одного человека спасу. Берите расписку. Жгите. *(Кладет расписку на стол.)* Все. Вы свободны, Тамара! А я пошел! Только сожгите или в унитаз. А то он снова заберет.

Тамара стоит, прижав к груди кухонное полотенце. В глазах ужас.

Что? Не хотите? Что вас держит?

Тамара. Мариночка... Мариночка моя, доченька...

Сашок. Что с ней?

Тамара. Она могла погибнуть. Честное слово.

Тамара рыдает, и Сашок не выдерживает, подходит ближе. Тамара склоняет голову ему на грудь и тихо плачет.

Сашок. Ну ладно, ну обойдется... я же не знал.

Тамара. Я Мариночку без отца растила, все ей отдавала... а когда это случилось, я поняла, что лучше сама умру... И тут он пришел, этот товарищ Д. И предложил мне помочь. Он спас моего ребенка. Неужели моя душа стоит дороже, чем счастье ребенка?

Сашок. А вы-то в душу верите?

Тамара. Конечно, верю... и очень боюсь... Так страшно, так страшно!

Сашок. Ну ничего, Том, мы придумаем что-нибудь!

Тамара. Нет, пожалуйста, Александр, отдайте ему расписку. Пускай все останется, как прежде. Не губите моего ребенка!

Сашок. Том, ты не думай... я же понимаю... Я, прости, не в курсе. Я думал, ты, как остальные, для себя. А как девочка, выздоровела?

Тамара. Что? Выздоровела?

Звонок в дверь. Сашок насторожился. Прижался спиной к косяку двери. Тамара метнулась к двери. Сашок схватил со стола расписку. Сжал в кулак. Звонок звучит оглушительно, с надрывом.

Сашок. Погоди, если за мной... меня нет! *(Он пытается удержать Тамару.)*

Тамара *(вырывается)*. Нет-нет, это она, она пришла.

Сашок хватает скалку. Ждет. Тамара открывает дверь. Входит Мариночка. Ей лет двенадцать. Она в роскошной спортивной куртке, джинсах, через плечо сумка с теннисными ракетками. Никаких следов страшной болезни.

Мариночка, ну как? Что нового?

Марина. Мазер, я смертельно устала. Не приставай с вопросами.

Тамара. Конечно, дай я тебе помогу раздеться.

Марина. А это что за явление?

Тамара. Это ко мне, дядя Александр. Он по делу.

Марина. Привет. Вид не фирменный. Так, стирол без сахара...

Тамара. Сейчас поужинаешь, я цветную капусту купила...

Марина. Быстренько, котлету и фрукты. Я убегаю.

Тамара. Куда? У тебя же режим.

Марина направляется к ванной.

Марина. Мама, не выступай. Меня ребята ждут — у Светки Поляковой видео будем смотреть. Шестая серия «Звездных войн».

Тамара *(пока дочь в ванной, она накрывает)*. Вы меня простите, Александр, мы с вами потом чайку попьем, вы не сердитесь, пожалуйста.

Дочь выходит из ванной, вытирает руки, кидает полотенце на спинку стула, осматривает стол, как гроссмейстер шахматный столик.

Марина. Манго купила?

Тамара. Нет манго, деточка, я на рынке была, а манго нету. Я завтра куплю.

Марина *(усаживаясь за стол и принимаясь за еду)*. Только учти, если Евгения Осиповна узнает, как в доме обеспечивают мою диету, она будет недовольна!

Тут Марина замечает, что Сашок стоит все в той же бранной позе у стены со скалкой в руке.

А может быть, вы грабитель? Только у нас грабить нечего, кроме моих ракеток.

Тамара. У нас очень хорошие ракетки. Настоящий «данлоп».

Сашок *(смущенно кладя на место скалку)*. Неужели настоящий?

Марина. Вы мамин сексуальный партнер? Да не надо краснеть!

Тамара. Дочка, ну разве можно?

Марина. Я не возражаю. Хоть меня, скажу я вам, нашли в капусте. Где сок?

Тамара протягивает стакан. Саша кивает ей — не переживай!

На нитраты проверяла?

Тамара. Конечно, доченька.

Марина *(выпивает сок на ходу)*. Привет, мазер! Счастливо развлекаться с дядей Александром!

Тамара. Но ты не поздно придешь? Ты же еще уроки не делала.

Марина. Переживут. Они должны гордиться тем, что я учусь в этой школе. А то Евгения Осиповна меня быстренько переведет в другую. Где понимают.

Тамара. Тебя завтра могут вызвать... *(Бежит за Мариной в прихожую.)* Ты мне обязательно позвони. Если будешь задерживаться, то позвони.

Хлопает дверь. Тамара так и остается стоять перед дверью, держа стакан с недопитым соком, что Марина сунула ей, уходя. Тамара возвращается на кухню, она очень устала и грустна.

Сашок. Ну я пойду, ладно? *(Он держит расписку в руке.)*

Тамара. Вы меня извините...

Сашок. Только скажите, какой болезнью ваша дочка страдала?

Тамара. Страдала? Какой болезнью?

Сашок. Но вы же душу отдали? За что?

Тамара. Ах, вы меня не поняли. У Мариночки талант. Она может стать большой теннисисткой. Это все тренеры говорили. Но она была в тупике. Она занималась у Тропинина, а это не дает никаких шансов. Был только один выход — устроиться к Евгении Осиповне. Но вы представляете, что это значит?

Сашок. Совсем не представляю.

Тамара. У Евгении Осиповны министры в очереди годами стоят! Она трех чемпионок Союза вырастила. Это школа! Школа!.. Но как мне было попасть к ней?

Сашок. Ясно. А я думал — смертельная болезнь.

Тамара. Типун вам на язык!

Сашок. И из-за этого вы...

Тамара склоняет голову.

Да это же последняя глупость! Тупость какая-то!

Раздается телефонный звонок. Тот самый, дьявольский. Тамара хочет идти к телефону.

Не бери трубку! Это меня ищут!

Тамара. Но это он, товарищ Д! Я не могу. В любую минуту он может передумать...

Сашок. Не пущу. *(Обнимает Тамару.)*

Она вырывается. Но в какой-то момент встречается взглядом с Сашком и замирает, как пойманная птичка.

Тамара. Не надо... Александр. Пожалуйста, не надо...

Но они остаются стоять в объятиях. Телефон взвизгивает и замолкает. После паузы Тамара осторожно освобождается. Сашок делает шаг в сторону.

Сашок. Не зря я все-таки назло ему пошел.

Тамара. Почему назло?

Сашок. Сейчас он меня на улице подстережет. Пойду я.

Тамара. Александр, не уходите, пожалуйста. Еще немножко. Мне что-то так страшно. Давайте чаю попьем.

Сашок. Я обязательно приду. Ты просто не понимаешь, что случилось. Он мне говорил, что у меня нет смысла в жизни. Теперь есть!

Тамара. А какой смысл?

Сашок. Потом скажу. Вот записка. *(Снова кладет ее на стол.)* Сожги ее. А я пойду, приму огонь. Не хочу их на тебя выводить.

Тамара. А может быть, все же останетесь...

Она идет за ним в прихожую. Сашок дотрагивается пальцами до ее щеки.

Сашок. Еще не вечер.

Он открывает дверь. За дверью стоят люди. Они входят в квартиру. Сашок отступает перед ними. Это Спикухин, депутат Нечипоренко, незнакомый человек, бармен, Даша, еще кто-то... В их молчании и уверенных движениях есть страшная угроза. Сашок бросается обратно на кухню. Хватает со стола записку. Сжимает в кулаке. Оборачивается. Остальные уже в прихожей. Сашок хватает скалку.

Спикухин. Брось палку. Не поможет. Нас много, а ты один.

Сашок. Не имеет значения. *(Он отступает к плите — так, что рука сзади над кастрюлями.)*

Хлопает дверь. Входит последний — товарищ Д.

Дьявол. Сашок, Сашок, я же тебя предупреждал. Как ты посмел меня обмануть?

Сашок. В чем дело?

Дьявол. Как наивно! Как по-человечески. Ты забываешь, что я всеведущ и всесилен.

Сашок. Всесильные бумажниками не раскидываются.

Дьявол. Это было испытание. Для тебя и для моих... друзей. Верни добровольно расписку этой женщины, и тогда я решу, как тебя наказать.

Нечипоренко. Давай, давай, у меня через час машина в аэропорт!

Сашок. У меня ничего нет.

Спикухин. Врет он! У него! Я по глазам вижу!

Дьявол *(обращаясь к Тамаре)*. Он вернул вам расписку?

Тамара. Я не взяла. Я же понимаю, что нельзя.

Дьявол *(гладит ее по голове)*. Молодец, верю, что ты будешь матерью чемпионки Уимблдонского турнира. *(Обращается к остальным.)* Займитесь им! Чтобы расписку найти! Быстро!

Спикухин. Во рту, во рту смотри!

И вся компания набрасывается на Сашка. Как стая волков, они рвут его. Летят обрывки Сашкиной одежды. Тамара в ужасе отступает, вжимается в стену. Дьявол наблюдает за схваткой, сложив руки на груди и ухмыляясь.

Даша. Он кусается!

Нечипоренко. Вот тебе, вот тебе!

Еще какие-то неразборчивые крики, возня, визг.

Тамара. Нельзя же так. Ну пожалуйста, прекратите!

Она пытается вмешаться в схватку. Дьявол ее тянет к себе.

Дьявол. Тамара, не вмешивайся. У него была расписка. Значит, мы должны ее найти. Иначе судьба твоей дочери будет ужасна.

Тамара. Нельзя же человека бить! Давайте я его попрошу, он отдаст.

Дьявол. Поздно.

Резкий уверенный звонок в дверь. Все сразу замирают.

Тамара, открой.

Тамара идет к двери. Дьявол за ней. Остальные кучей держат Сашка. За дверью стоит милиционер.

Тамара. Простите, вам кого?

Милиционер отодвигает ее.

Милиционер. Кого надо. Что здесь происходит?

Дьявол спокойно отодвигается, пропуская милиционера на кухню.

Кто же его так?

Он обводит толпу строгим взглядом, и продавцы душ начинают пятиться. Поднимается легкий гул оправданий.

Тамара. Товарищ милиционер, он же ничего плохого не делал. Пожалуйста, прекратите это безобразие. Ведь интеллигентные люди, а как себя ведут!

Милиционер. Интеллигентные люди ведут себя по-разному, от обстоятельств. *(Оборачивается к Дьяволу.)* И что, молчит?

Дьявол. Упорствует. Займитесь, пожалуйста. Но чтобы без этого...

Милиционер. Вы же знаете, товарищ Д, мы следов не оставляем. Мы хорошую школу прошли... Лишние — еще шаг в сторону. Дайте мне воздуха и света. Я же работаю, а не в бирюльки играю.

Когда остальные, подвинувшись, вжались в стену кухни, милиционер приподнимает Сашка за ворот и, придерживая рукой, на весу бьет ему в живот. Сашок охает и теряет сознание.

Вот видите.

Дьявол. Хорошая школа. Как следует обыщите его.

Милиционер. Включая анал?

Дьявол. Я тебя не понял.

Милиционер. Имеется в виду анальное отверстие.

Дьявол. Дурак же ты, сержант. Если бы он... то спустил бы в унитаз. Кому нужна расписка после... простите, анала?

Милиционер начинает обыскивать Сашка. Дьявол отводит в сторону Тамару.

Поймите меня, Тамарочка. Мне не нужна расписка — я не сомневаюсь в вашей преданности.

Тамара. Правильно. Куда же мне теперь без вас?

Дьявол. Но важен принцип. Ни одно хорошее дело не должно остаться безнаказанным. Вспомните, к чему он подходил? Куда мог положить? В туалете он побывал?

Тамара. Ну я, честное слово, не смотрела!

Дьявол. Ложь. Человек впервые в доме. Он всегда спросит у хозяйки, где у вас удобства?

Сашок *(приходит в себя)*. Для удобства гостей...

Дьявол. Ну что он говорит? Кто-нибудь понимает?

Сашок *(с трудом)*. Для удобства гостей во всех домах одинаково... не надо спрашивать.

Евгения Осиповна *(незаметно вошла, когда все склонились над Сашком)*. Какая чудесная компания! Ты звал меня, мой зайчик?

Дьявол. Вот, полюбуйся!

Тамара. Евгения Осиповна! Я не ожидала! У меня даже не убрано... Вы только не думайте, Мариночки дома нет.

Евгения Осиповна. Вот и славно. Детям вредно смотреть на насилие. Оберегайте, Тамара, идеалы вашего ребенка. Наша с вами задача — сеять доброе и вечное.

Нечипоренко. Я уже буквально опоздал в Бутан.

Дьявол. Вот и повезло тебе.

Нечипоренко. Вы не понимаете. Вы, наверное, забыли...

Дьявол. Я ничего не забываю. И вижу в будущем... через шесть часов, при посадке в Нью-Дели, твой рейс потерпит крушение. Все пассажиры погибнут. Как тебе нравится эта перспектива?

Нечипоренко. Вы уверены?

Дьявол. Если останешься живым, то прочтешь в завтрашней газете.

Нечипоренко. Не может быть! Это какая-то ошибка. Вы не проверите мой билет?

Дьявол *(отводит небрежно руку Нечипоренко в сторону и затем обнимает Евгению Осиповну за плечи. С ней он подчеркнуто нежен, она — не жертва, а приятельница)*. Видишь этот полутруп? Он меня обидел.

Евгения Осиповна. И до сих пор жив?

Дьявол. Он мне нужен живым. Я хочу, чтобы он признался, куда спрятал расписку о душе. Будь любезна, лисичка, мобилизуй свою интуицию. Мне нужна твоя интуиция. Куда этот мерзавец спрятал расписку?

Евгения Осиповна присаживается на корточки перед Сашком, брезгливо открывает пальцами ему рот.

Евгения Осиповна. Проглотил, мой мальчик?

Сашок. Но я прожевал.

Дьявол. Прямо детский сад!

Нечипоренко. А как же я полечу в Бутан, если мой самолет разобьется?

Дьявол. Погляди в билет. Там завтрашняя дата. Завтра ты летишь, завтра!

Нечипоренко. Но вы гарантируете безопасность?

Дьявол. Какой дурак! А ну пошли все отсюда!

Евгения Осиповна *(подождав, пока остальные выметутся)*. Мне тоже идти, мой зайчик?

Дьявол. Не запирай ночью калитку.

Евгения Осиповна. У тебя есть золотой ключик, мое сокровище! *(Уходит.)*

Дьявол. Ну и чего же ты добился?

Сашок. Я ничего не хотел добиться.

Тамара. Простите, товарищ Дьявол, но я хотела спросить вас о том самолете? Он правда разобьется?

Дьявол. Разумеется.

Тамара. И люди погибнут?

Дьявол. А как же!

Тамара. Но это же такой грех!

Дьявол. Не тебе рассуждать о грехах!

Тамара, рыдая, убегает из комнаты.

Сашок, знаешь, почему я тебя оставил в живых?

Сашок. Не знаю.

Дьявол. Потому что я наблюдателен. И знаю, что отныне ты в моей власти.

Сашок. Почему?

Дьявол. Ты хвалился тем, что неподвластен мне. Потому что тебе ничего не нужно. Теперь все изменилось.

Сашок. Ну отстаньте от нее! У вас и без нас столько душ.

Дьявол. Мне очень не хватает твоей души. Я даже не стал отнимать у тебя ее расписку, когда мы были в кафе. Я позволил тебе прийти сюда и пожалеть ее... Ну как, сейчас будем писать или погодим?

Сашок. Ничего у вас не выйдет.

Дьявол. Зря, что ли, тебя колотили?

Сашок. Ничего не изменилось.

Дьявол. Еще два часа назад тебе было все равно, попадет ли Тамара под машину или выиграет сто тысяч в лотерею. Изобьют ли Мариночку хулиганы или она станет чемпионкой России. А теперь ты отдашь мне душу. Если не сейчас, то через два дня. Ты подаришь мне свою бессмертную душу за безопасность этих двух неблагодарных куриц, которых ты будешь лелеять остаток своей короткой жизни. И до последнего мига будешь ломать голову, судьба ли их бережет или заложенная твоя душа. До свидания, Сашок! Скоро увидимся. *(Уходит.)*

Сашок подходит к окну и смотрит ему вслед. Затем открывает крышку кастрюли.

Сашок. Тамара, иди сюда, я тебе фокус покажу.

Входит Тамара, прижимая к лицу платок.

Тамара. Он ушел?

Сашок. С концами.

Сашок опускает пальцы в суп и достает оттуда мокрую бумажку.

Тамара. Это что такое?

Сашок. Твое проклятие, твое тяжелое прошлое. Твоя расписка! В суп они поглядеть не догадались!

Тамара. Сашок, не надо! Не надо его сердить.

Сашок. Надо.

Он идет в туалет, открывает дверь и спускает воду.

Тамара. Ты ужасный человек... ты всех нас загубил.

Сашок. Пусть другие живут без душ. Но ты должна иметь душу. Ты же мать! Какой пример ты ребенку даешь?

Тамара. Александр, как вы можете!

Сашок. Тома, талант в нашем обществе всегда пробьет дорогу. В любой секции.

Тамара. Евгения Осиповна ее выгонит.

Сашок. А я никогда не доверю ей нашего ребенка. И я уж прослежу за этим. Главное — ребенку нужна твердая рука. Ребенку нужен отец.

Тамара. Александр, неужели вы не понимаете...

Сашок. Тома, слушай меня внимательно. Нельзя бояться. Он же не всесильный. Ты же видела, как я его обманул! И сейчас я сорву другую его операцию. *(Подходит к телефону и набирает номер.)* Это аэропорт Шереметьево-2? Слушайте меня внимательно. В самолет, вылетающий через час в Нью-Дели, заложена бомба. Это не розыгрыш. Это серьезно.

Тамара. Вы такой смелый. Они проверят? И найдут?

Сашок. Наверняка проверят. Они обязаны. Иди, согрей суп. Я страшно проголодался.

Тамара. Сначала я вам ванну напущу и раны промою. Вы не стесняетесь?

Сашок. Наоборот. Помнишь, как меня Маринка определила?

Тамара. Помолчи раз в жизни!

Они уходят в ванную. Шумит вода. Громко шумит, так что когда телефон начинает звонить, особенным дьявольским звонком, они не слышат. Телефон звонит снова. Обычным звонком. Перед дверью в квартиру появляются омоновцы в масках. К двери подходит Марина, которая возвращается домой.

Марина. Вы что здесь делаете?

Омоновец в маске. Отойди, девочка. Сейчас здесь стрельба будет.

Марина. Это очень любопытно. А почему?

Омоновец. А потому, что здесь заперся террорист, который заложил бомбу в самолет Москва — Нью-Дели.

Марина. И взорвалась?

Омоновец. В последний момент успели обезвредить.

Марина. Наверное, это новый мамин знакомый. Он с первой минуты мне показался подозрительным. Сексуальный маньяк.

Марина ключом открывает дверь.

Омоновцы падают на пол. Из ванной выходит Сашок, и полотенце на плечах. Немая сцена. И в тишине начинает звонить телефон. По-дьявольски, особым звонком.

Занавес

НОЧЬ В НАГРАДУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Отец — Егор Адамович Жук, профессор столичного университета одной из провинциальных русских республик недалекого будущего. Ему 59 лет, он хорошо известен в узких научных кругах, умело читает лекции, пишет статьи в популярных изданиях и любит заседать в президиумах международных форумов. Состоятелен, но не от трудов праведных, а от приданого жены.

Мать — Мария Ивановна Жук. 62 года. Женщина *плотного* сложения, до последнего дня — хозяйка в доме, частью которого был послушный муж.

Лидия — Лидия Егоровна Жук, дочь профессора. Только что закончила православную гимназию и начала выезжать в свет. Любимица папы, платит ему взаимностью. Ничего собой не представляет, через несколько лет превратится во второе издание мамы.

Руслан — Руслан Егорович Жук, сын профессора. Ему под тридцать, а он все никак не закончит аспирантуру и не защитит диссертацию «Значение «Слова о полку Игореве» в народном сопротивлении татаро-монгольскому нашествию». Предпочел бы стать гвардейским офицером, но подвело плоскостопие и отсутствие протекции. Гуманитарные науки его раздражают.

Бася — государственная женщина. Красавица двадцати пяти лет от роду. До определенной степени добродушна и покладиста. Порой вдруг догадывается, насколько она несчастна.

Густав Андреевич Пец — председатель Министерства внутренних дел. Раньше был великосветским львенком, но когда отец разорился, поступил на службу и научился быть нужным начальству.

Лукреция Ивановна — тетка и опекунша Баси. Елейная женщина средних лет. В душе страшно завидует племяннице, ворует у нее деньги и конфеты.

Бабкин — агент Комгосбеза. Маленький человек неопределенного возраста и неопределенной внешности. Всегда в шляпе. Не умеет воровать, потому — человек долга.

Маршал — Ахмет Рустамович Рустамов, маршал авиации. Го-

тов к путчу, но мешают коллеги. Шутить не умеет и шуток не выносит, подозревая, что все они направлены против него.

Комментатор — лощеный телевизионный деятель. Ему передача о профессоре не принесет лавров. Не скрывает пренебрежения.

Оператор телевидения, дама-ассистентка, полицейский, солдат.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира профессора Жука. Гостиная, она же столовая. Звонит телефон. Звонок обрывается, а после короткой паузы телефон начинает трезвонить вновь. Снова короткая пауза. Третий раз звонит телефон. Наконец в комнату вбегает Руслан. По пути он останавливается, оглядывает беспорядок, царящий в гостиной, поднимает с пола книгу, кидает ее на диван. За это время телефон успел еще раз замолкнуть и вновь проснуться. Руслан поднимает трубку.

Руслан. Да, квартира профессора Жука. Кто? Ах, конечно, узнаю, Семен Степанович. Нет, это не папа, это я, Руслан... Скоро будет, ждем с минуты на минуту. Спасибо. Сердечное спасибо. *(Кладет трубку на рычаг, и телефон тут же звонит вновь.)* Квартира профессора Жука. Нет, это не профессор, это его сын. Что вы сказали? Разумеется, большое спасибо, ваше сиятельство. От имени всей нашей семьи. Нет, это не профессор... *(Бросает трубку.)*

Приоткрывается дверь в спальню. Оттуда высовывается мать.

Мать. Лида, ну сколько же можно!

Лидия *(входит со стаканом воды)*. Иду, мама, иду.

Телефон снова звонит. Руслан не берет трубку.

Мать. Вода кипяченая?

Лидия. Я из чайника налила.

Руслан берет трубку. Женщины прислушиваются.

Руслан. Квартира профессора Жука. Что вы сказали? Сам ты кобель вонючий!

Мать. Русланчик, ты с ума сошел!

Руслан. Это не я с ума сошел. А если тебе не нравится, подходи сама к телефону.

Мать. Не говори глупостей! Ты же видишь, в каком я состоянии!

Лидия. Ты все-таки циник, Русланчик.

Телефон надрывается. Лидия садится на диван, рассматривает свою коленку — не побежали ли колготки.

Мать. Возьми же трубку, наконец!

Руслан. Да. Да, квартира профессора Жука. А вам что надо? Нет, его нет дома! *(Кладет трубку, и сразу снова звонок.)* Да!.. Я же сказал тебе ясным языком... Простите, Алексей Азизбекович, простите!

Мать. Ну вот, видишь, ты оскорбил такого человека!

Руслан. Тут хулиганы звонили, я и сорвался... Папа сейчас придет. Ждем с минуты на минуту. Мама? Мама, ты как себя чувствуешь?

Мать исчезает в спальне, резко хлопнув дверью.

Мама немного нервничает... Я понимаю. Нет, Лида за ней присматривает.

Мать высовывается из двери.

Мать. Воды! Умоляю, воды!

Лидочка перекидывает ногу на ногу.

Лидия. Ма, ты стакан в спальню унесла. Он почти полный.

Дверь к маме захлопывается.

Сумасшедший дом, правда?

В гостиную входит отец. Он в пальто и в шляпе. Пальто сидит кое-как, шляпа съехала на ухо.

Папа, ты как сюда попал?

Отец. Разумеется, конечно, я бы приехал раньше, но в городе совершенно нет такси. У них забастовка, не знаешь?

Телефон звонит.

Меня нет дома, я еще не пришел! Русланчик, пожалуйста!

Руслан берет трубку.

Руслан *(не слушая)*. Его нет дома.

Отец *(раздеваясь)*. Нет, ты сначала спроси, кто меня спрашивает. А вдруг с кафедры?

Руслан. Уже бросили трубку. Ну как, здорово поддали на вашей кафедре?

Отец. Руслан, в такой день!

Руслан. Именно в такой день. Представляю, какие тосты квакали твои мухоморы.

Отец. Руслан!

Руслан. Трагедия поколений состоит в том, что одно из них получает награды, в которых уже не нуждается, а другое принимает за них поздравления.

Отец. Лида, ну скажи ему!

Лидия. Не кривляйся, Руслан. Ты никогда не отличался остроумием.

Отец. А мама уже знает?

Лидия. Передавали по ящику, в последних новостях.

Отец. Какой ужас!

Лидия. Папочка, все знают, что ты заслужил. Больше чем все остальные.

Руслан *(приподнимает трубку звонящего телефона и кладет ее обратно)*. Возможно, мама этого не переживет.

Лидия. Фигляр!

Она помогает отцу раздеться и уносит его плащ и шляпу.

Руслан *(берет наконец трубку, потому что телефон звонит короткими гудками — междугородний)*. Спасибо... откуда, говорите? Из Еревана? Вас слушают! Вас слушают, говорю! Да, квартира профессора Жука. Откуда? Из Еревана? Гур-ген? Записываю — Гурген!

Отец. Это Гургенчик. Мы с ним учились. Он всегда меня поздравляет с днем рождения.

Отец хочет открыть дверь в спальню, но в этот момент Руслан кладет трубку и наступает минута тишины. И в этой тишине слышны рыдания из-за двери. Отец останавливается как вкопанный. Тут возвращается Лида. Она видит замершего в неудобной позе отца.

Лидия. Папа, не обращай внимания. Мама всегда рыдает от избытка чувств.

Руслан снимает трубку и кладет ее рядом с аппаратом.

Руслан. Ты не спеши, отец. Перемелется, мука будет. Я правильно цитирую?

Отец. Это я написал?

Руслан. Ты все написал, папа. Ты прославил, оправдал и низвергнул. Теперь пришла пора заслуженных наград. Приятно?

Отец. Я не стал бы формулировать подобным образом.

Лидия. А я горжусь папой!

Отец. В конце концов, мне могли дать орден Святой Параскевы с пальмовой ветвью, правда? Я счел бы это заслуженной наградой. Я не рассчитывал на большее.

Лидия. Ты у нас молодец, папа.

Телефон начинает звонить без трубки.

Руслан. Я оторву ему глотку!

Лида подбегает к телефону.

Лидия. Я вас слушаю... Что вы говорите? Не может быть! Значит, нечаянно, не так трубка лежала. Конечно, конечно. *(Оборачивается к мужчинам.)* Это с телефонной станции. Оказывается, нельзя трубку класть.

Руслан. Это такая же телефонная станция, как я водовоз!

Отец. Но в принципе они правы. Ведь это непорядок, у них могут запутаться провода.

Телефон тут же начинает звонить снова.

Руслан. Это, наверное, дядя Сима. Он в абсолютной истерике. Звонил три раза.

Лидия. Еще бы! Всю жизнь добивался хотя бы ордена, а получил к пенсии медаль «За трудовую доблесть».

Отец. Не обижайте дядю Симу. Он достойный человек.

Руслан *(взяв трубку)*. Да, квартира профессора Жука. С кем имею честь? Одну минутку! Отец — тебя замминистра просвещения зовет. Подойдешь?

В этот момент мать как раз открыла дверь и приготовилась громко зарыдать, но услышала, кто зовет отца, и спряталась вновь.
Отец быстро берет трубку.

Отец. Да, спасибо. Конечно, польщен, тем более ваше внимание к моим заслугам... Ну какие особенные заслуги? Да, еще раз спасибо. Супруга? Ну, конечно же, передает вам привет и благодарность.

Отец осторожно кладет трубку и говорит Руслану:

Он трижды поднимал этот вопрос в Государственном совете. Он буквально горой стоял за мою кандидатуру. Да-да, не улыбайся. Он уверял, что я взрастил несколько поколений нашей интеллигенции.

Лидия. Ты еще не такой старый, папа.

Отец. Он говорил, что как наставник я не знаю себе равных.

Руслан *(не глядя на отца)*. А мне одна птичка донесла, что он голосовал на совете против тебя.

Отец. Ты хочешь быть циничным, но тебе это не идет. Вполне возможно, что он воздержался, но виноват не он — виновата моя близость к либеральной оппозиции.

Руслан. Они умудрились лишить тебя венца мученика за прогресс. Что же теперь скажут грядущие поколения?

Лидия *(кидается на брата с кулачками и молотит его по спине)*. Не смей портить нам праздник!

Мать снова приоткрывает дверь.

Отец *(не замечая ее)*. Я пойду к маме?

Он смотрит на детей, будто ожидая их разрешения.
Мать просовывает в щель руку с пустым стаканом.

Мать. Воды...

Лидия принимает стакан и идет на кухню.

Отец. Мари, я пришел!

Дверь громко хлопает. Отец остается перед ней.

Отец. Маша, это я, слышишь меня?

Дверь приоткрывается, и в нее вылетают клочья фотографии. Отец подбирает с пола клочки, несет на стол и старается их составить.

Это что такое? Зачем?

Руслан. Их во всех подземных переходах продают.

Отец. Какая гадость! Я представляю, каково маме... Зачем же они так фотографируют?

Руслан. Секс — движущая сила прогресса. А прогресс — это деньги.

Отец. Ты уверен, что это она?

Входит Лидия со стаканом воды, подходит к двери, стучит.

Лидия. Мама, это я. Возьми воду.

Дверь приоткрывается, мать хватает стакан и снова закрывает дверь. Пока это происходит, мужчины молчат, смотрят на дверь, будто матери их разговор слушать не следует. Отец складывает клочки фотографии. Руслан начинает ему помогать. Лидия подходит к ним.

Бедная мама! Она не выносит порнографии!

Руслан. Ну какая это порнография! Обычная эротика. Я эту картинку с шестого класса хранил.

Отец. Это твоя картинка?

Руслан. Наверное, мама у меня копалась в столе и вытащила.

Отец. Как это гадко!

Руслан. Я думаю, у Лиды тоже такая есть.

Лидия. Мама сама купила. Давно, еще когда тебя выдвигали на Нобелевскую премию. Помнишь?

Отец. У меня не было никаких шансов.

Руслан. А мать перепугалась, что ты станешь государственной ценностью и тебя наградят как маршала.

Лидия. Или эстрадного певца.

Отец. Ну уж это слишком!

Лидия. А кто был майским лауреатом?

Отец. Кто?

Лидия. Шансонье Сечкин!

Руслан. Он тоже государственное достояние. Гастроли шансонье Сечкина прошли в прошлом году в Шанхае с громадным успехом!

Отец. Ничего смешного в этом нет. Нам приходится идти на

компромиссы на международной арене. Я вполне разделяю точку зрения президента.

Снова звонит телефон. Отец знаком показывает Руслану, чтобы тот снял трубку. Руслан берет трубку.

Руслан. Дядя Сима? Папа еще не приходил. Нет, я не думаю, что он отказался. При чем тут его передовые взгляды? Ничего с ними не сделается. Конечно, обязательно передам. *(Кладет трубку.)* Этот старый ишак не переживет твоей славы.

Отец. Сима младше меня.

Руслан. Это уже не имеет значения. Интересно, нас кто-нибудь намерен кормить обедом?

Лидия. Смотрите, я сложила.

Она показывает на большую фотографию, сложенную из кусочков.

Отец. Это она?

Руслан. Вот именно.

Отец. Как же она могла позволить так себя сфотографировать?

Руслан. Вот и спросишь у нее.

Отец. Когда же обед, в конце концов?

Дверь в спальню распахивается. В дверях мать в халате. Она театрально восклицает.

Мать. Обедать будешь в ресторане!

Мать кажется распятой, волосы спутаны — она являет собой фигуру из трагического хора. В момент, когда все замерли и не знают, что сказать, звонит телефон. Руслан и отец бросаются к нему, сталкиваются, и отец вырывает у Руслана трубку.

Отец. Да, это я! Именно я... Какие коммунисты? Демократические коммунисты? Послушайте, я никогда не был коммунистом... Нет, нет, я не отвечаю за свои детские увлечения. Вы роковым образом заблуждаетесь... Нет! Я рассматриваю эту высокую правительственную награду как награду всему университету, всей нашей отечественной науке... Вот так!

Отец бросает трубку как гранату.
Мать отрывается от двери и медленно идет к нему. Отец делает шаг назад.

Маша... Маша...Машенька!

И тут снова звонит телефон. Отец тянется к трубке. Мать останавливается.

Да, я вас слушаю. Говорите же! Не молчите, говорите!... Хулиган!

Кидает трубку.

Трубка тут же начинает звонить особенными короткими тревожными гудками. Отец отшатывается, Руслан берет трубку.

Руслан. Да, разумеется... спасибо!

Отец. Это междугородняя?

Он вынужден отступить под напором приближающейся матери.

Руслан. Нет, это из Комгосбеза. Спрашивали, не отключить ли телефон.

Отец. И ты согласился?

Руслан. Я берегу свои нервы.

Отец. А если поздравления?

Руслан. Пришлют по почте.

Мать резко отодвигает телефон. Опирается рукой о край стола.

Мать. Воды! Умоляю, воды!

Лидия. Мама, твой мочевой пузырь не выдержит такого напряжения.

Мать. И ты?

Тут она видит фотографию на столе, закрывает рукой глаза. Она пытается сесть на пол, и детям приходится удерживать ее, чтобы довести до дивана. Отец идет за ней.

Отец. Маша, подумай, я же получил высшую награду нашей державы! Ее получают в год лишь двенадцать человек! Двенадцать. Помнишь у Блока? Там двенадцать революционеров идут по засыпанному снегом Питеру? Миллионы людей мечтают о награде.

Мать. Разумеется! Тебе это нужно!

Отец. Неважно, нравится тебе награда или нет. Это символ.

Мать. Неужели тебе мало было ордена Андрея Первозванного? Ни один профессор еще не был удостоен.

Руслан. Мама, ты ошиблась. Никто не предлагал папаше ордена Андрея Первозванного. Его выдвигали на Нобелевскую премию. Всего-навсего.

Мать. Ах, Руслан, ты же знаешь, что никто всерьез не рассчитывал. Там были куда более серьезные конкуренты.

Отец. Почему ты так считаешь, Маша? Если бы не дурацкое стечение обстоятельств, я вполне мог рассчитывать. У меня есть на этот счет письмо господина Андерсона.

Лида достала из бара бутылку и бокалы. Ставит все на стол.

Лидия. Папа, мама, Русланчик, идите к столу, давайте отметим.

Мама по-военному шагает к столу, смахивает в сторону сложенную из клочков фотографию, поднимает бокал.

Мать. За тебя, ничтожество! Да, да! Ты всегда был ничтожеством и останешься ничтожеством. Таракашка!

Руслан. Браво, мама, а теперь дай ему с правой!

Отец. Я ведь сдерживаюсь, но и у меня терпение может лопнуть!

Лидия. Папа, мама, не ссорьтесь. В такой день! Ведь наш папа — всемирно известный гуманитарий.

Мать. Он не нашел в себе элементарной порядочности, чтобы отказаться.

Руслан. А разве кто-нибудь когда-нибудь отказывался? Я бы тоже не отказался.

Отец. Ради чего, ради чего я должен отказаться? Народ и правительство меня почтили.

Мать. Ради твоих детей, ради меня, наконец!

Лидия. А мы его об этом не просили! Мы гордимся папочкой.

Обнимает, целует папу.
Звонок в дверь.

Я открою. *(Уходит.)*

Отец *(протирая очки)*. Моя Родина переживает трудный период исторического развития. Многие покинули ее, многие предали... Но в хаосе анархии, в паутине национальных конфликтов, в страхе военных блоков мы пытаемся сохранить великую русскую цивилизацию, возродить славные обычаи наших далеких предков...

Мать *(наливая себе еще коньяка)*. Об этом рассказывай со своей кафедры. Нечего нам лапшу на уши вешать.

Руслан. Браво, мама.

Возвращается Лидия. За ней посыльный с большой корзиной цветов. За посыльным входит незаметный человечек Бабкин — агент Министерства внутренних дел.

Лидия. Поставьте сюда.

Она показывает на стол. Потом дает посыльному на чай.

Отец. Откуда это?

Посыльный. Там есть визитная карточка.

Он уходит. Бабкин внимательно смотрит на него.

Руслан. Я погляжу, от кого.

Отец. Я сам. Я надеюсь, что этот скромный букет станет важным аргументом в нашем с мамой споре.

Отец протягивает руку к корзине, но Бабкин быстро проходит от двери и протискивается между профессором и корзиной.

Бабкин. Не трогайте ничего, профессор.

Бабкин наклоняется к букету, раздвигает цветы, запускает руку вглубь и извлекает оттуда серый блестящий предмет. Осторожно приподняв его одной рукой, другой поддерживает провода, наклоняется и перекусывает их зубами.

(Показывая всем серый предмет.) Пластик. Действует от натяжения. Потяните за визитную карточку — и ба-бах! Детские игрушки.

Бабкин поднимает пластиковую бомбу и несет к окну. Не глядя, кидает ее вниз.

Лидия. Что вы делаете...

И тут же, перекрывая ее слова, раздается громкий взрыв. Мать хватается за сердце и садится в беспамятстве на стул.

Отец. Что вы наделали! Вы же могли кого-нибудь убить.

Бабкин смотрит вниз, прижимаясь спиной к раме.

Бабкин. Вы совершенно правы. Я кого-нибудь убил.
Руслан *(подбежав к окну)*. Это посыльный!

Лидия присоединяется к нему.

Лидия. Это варварство. Вы убийца!

Бабкин приподнимает шляпу и обращается к профессору.

Бабкин. Разрешите представиться. Бабкин. Служба безопасности Министерства внутренних дел. Придан вам, Егор Адамович, в качестве личной охраны.

Он протягивает отцу руку, и тот пожимает ее.

Отец. Я вам обязан жизнью.
Бабкин. Да уж. В таком замкнутом пространстве никто бы не уцелел.

Руслан все еще у окна.

Руслан. Кто они?
Бабкин. Радикалы. Потом разберемся.

Приближается вой полицейской машины.

Руслан. Ну и оперативность. Когда нужно — не дозовешься, а тут через три минуты.
Бабкин. Особый случай. Вся страна, не отрываясь, следит за этим скромным домом на Малой Пушкинской.
Лидия. А вы и циник?
Бабкин. При моей зарплате я не могу себе этого позволить.

Он подходит к стулу, смотрит сверху на бесчувственную мать.

Лидия. Мама сильно переживает.
Бабкин. Сейчас мы ею займемся.

Он наклоняется и дает матери две пощечины.

Отец. Как вы смеете!
Бабкин. Простите. Так надо. С минуты на минуту здесь будет телевидение. Желательно, чтобы к их приезду все было нормально. Мария Жановна, рекомендую срочно попудриться и причесаться. Лида, помогите маме.
Руслан *(стоя у окна и глядя наружу)*. Они его по кускам собирают.
Отец. У него, наверное, дети были.

Бабкин и Лидия, поддерживая мать с двух сторон, ведут ее в спальню.

Отец. Но он, безусловно, заслужил такой участи. Он поднял руку не только и не столько на меня, как на женщин и детей.

Мать сопротивляется, не хочет идти. Агент заламывает ей руку за спину.

Бабкин. Егор Адамович, подскажите супруге, чтобы она поторопилась.
Отец. Маша, он прав.
Мать. А я не пойду. И не будет никакого телевидения.
Бабкин. Не советую. Вы хотите поспорить с государством? Некоторые спорили. Чем это кончилось? Где они — Пугачевы, Пестели, Троцкие?
Руслан. Браво, мы встретились с начитанным стукачом!
Мать. Только в память твоих родителей, из жалости к тебе, слюнтяй, я соглашаюсь. Пусть тебе будет стыдно.
Бабкин. Ему стыдно. Я гарантирую.
Отец. Ты настоящий друг, Маша.
Мать. Господи, он ничего не понял!

Она уходит в спальню и захлопывает за собой дверь.

Отец. Лидочка, налей нам с господином агентом... простите, не знаю вашего имени.
Бабкин. Моя фамилия Бабкин. Я не пью на работе.

Звонок в дверь.

Руслан *(обращаясь к агенту и признавая этим его главенство)*. Открыть?
Бабкин. Я сам. *(Оборачивается к профессору.)* Одну рюмку, не больше. Вы же сегодня ничего не ели. И в вашем возрасте...
Отец. Конечно, конечно, только одну.

Бабкин уходит открыть дверь. Лидия подходит к столу, наливает. Подходит и Руслан. Момент единения семьи.

За здоровье мамы!

Они выпивают. За дверью из прихожей слышны крики, голоса, какая-то возня.

Руслан. Я посмотрю...

Отец. Не надо. Бабкин работает.

Крики боли. Хлопает дверь. Входит Бабкин, потирает ушибленные костяшки пальцев.

Бабкин. Депутация от союза матерей-одиночек. Откуда они таких набирают?

Отец. И что?

Бабкин. С вашего разрешения, я их петицию выкинул в мусорную корзину, а их самих спустил с лестницы.

Лидия бежит к окну.

Лидия. Папа. Папа, смотри! Некоторые даже с детскими колясками.

Отец. Я тут ни при чем.

Бабкин. Отлично. Сохраняйте чувство юмора. Оно вам пригодится.

Отец. Лида, отойди от окна. Не старайся быть циничнее, чем ты есть на самом деле.

Бабкин. Это еще цветочки.

Отец. А вам уже приходилось охранять награжденных?

Бабкин. Я в этом специализируюсь. Человек восемь через мои руки прошло. Все остались довольны.

Слышно, как тормозит машина. Лидия видит ее.

Лидия. Телевидение приехало! А я в ужасном виде! *(Бежит к спальне. От дверей оглядывается.)* В колледже все лопнут от зависти. Можно я шорты надену?

Бабкин. Лучше пойдут брюки.

Лидия. Вам не нравятся мои ноги?

Бабкин. Хорошие ноги. Только толстоваты.

Лидия. Хам!

В дверь въезжает телевизионная камера. За оператором идут толстый неопрятный человек в свитере — режиссер и дама с чемоданчиком — гримерша и ассистентка. Режиссер оглядывает комнату, включает верхний свет. Обращается к даме.

Режиссер. Займись клиентами.

Дама раскрывает на столе чемоданчик с гримом. Подзывает профессора, пододвигает стул — жестом велит профессору садиться. Начинает быстро работать.

Дама. Мы вам мешки под глазами уберем. Лет двадцать скинем, идет?

Отец. Мне бы не хотелось. Я никогда в жизни не пользовался косметикой.

Руслан. Возьмите меня. Я не уроню честь университета.

Отец. Руслан, не паясничай!

Руслан. Хватит меня учить! Беда с вами. Интеллигентами. Вам обязательно надо продаваться так, чтобы все считали вас неподкупными. Ладошку за спину и мзду в задний карман! А на лице верность высоким идеалам и оскорбленная невинность.

Режиссер хлопает в ладоши. Он уже расставил свою команду по местам и останавливает отца, который пытался кинуться на Руслана.

Режиссер. Браво, браво, я вас, молодой человек, использую в передаче «Внутренний голос». А вы, профессор, не суетитесь, грим нарушите. Все готовы?

Дама откладывает чемоданчик, берет хлопушку.

Садитесь за рабочий стол, профессор. Мы вас случайно застали за работой. Прибавьте книжек на столе!

Руслан спешит помочь.

Так, лучше, а то не профессор, а депутат Верховного Совета. Кто поставил сюда этот веник? Убрать его!

Руслан убирает корзину с цветами.

Отец. Подумать только — цветы несут в себе смерть!

Бабкин. Не бойтесь, второй раз не взорвется.

Режиссер. Профессор, сколько раз вас просить?

Отец. Но я не работаю за этим столом. Это обеденный стол. Я работаю в моей комнате.

Режиссер. Исключено — там мы не поместимся.

Режиссер и оператор передвигают по комнате вещи. Дама пуховкой припудривает профессора.

Дама. Не беспокойтесь. Передача в эфир не пойдет. Ее еще повезут в цензуру. Если что не так скажете, не переживайте, вырежут.

Режиссер. Где семья? Жена! Не вижу жены!

Отец. Мари! Машенька! Ты нам нужна.

Из комнаты выплывает жена профессора в вечернем платье, вся в блестках, с обнаженными плечами.

Режиссер. Это еще что за пугало?

Жена. Что вы сказали?

Режиссер. Я хотел сказать, что естественнее было бы увидеть

вас, мадам, в вашем обычном платье. Ведь вы еще ничего не знаете. Для вас все случившееся — нежданная радость!

Мать. Я всегда от него ждала какой-нибудь гадости!

Режиссер. Может, переоденетесь?

Мать. И не подумаю! Пускай все видят! Это мой протест!

Режиссер. Черт с ней... Дети! Где детишки? Вы детишки?

Входит Лидия в брюках. Идет к режиссеру соблазняющей походкой.

Без этого, мисс, со мной такие штучки не проходят.

Лидия. Почему?

Режиссер. Потому что я люблю негритянок.

Дама *(Руслану)*. А вам пошла бы гусарская форма.

Руслан. Мне уже говорили.

Режиссер *(смотрит на ноги Лидии)*. Может, откроем ей задние лапки?

Лидия *(агенту)*. Я же говорила!

Агент. Не стоит. У нее ляжки толстые.

Режиссер *(Бабкину)*. Вы член семьи или жених-ревнивец?

Бабкин. Почти.

Режиссер. Что-то мне ваше лицо знакомо.

Бабкин. Еще бы! Мы с вами шестое мероприятие вместе проводим.

Режиссер. А, вспомнил! Вы же из Комгосбеза!

Бабкин. Почти что.

Режиссер *(хлопает в ладоши)*. Стоп, стоп, стоп! Все на местах! Снимаем сцену «Неожиданная новость!». Мирная атмосфера профессорского дома. Профессор кончает свой очередной эпохальный труд. Его бабуся только что узнала радостную весть. Где бабуся?

Мать поворачивается, чтобы уйти, агент Бабкин обгоняет ее и протягивает ей двумя пальцами пилюлю.

Бабкин. Глотайте, это от нервов.

Мать. Мне нечем запить.

Бабкин. Неважно. Не надо запивать. Сама проскочит.

Режиссер *(смотрит на Бабкина)*. Конечно, вы из безопасности!

Бабкин. Откуда Мария Жановна у нас входит?

Мать. Я скорее умру, чем буду участвовать!

Режиссер. Вам не надо участвовать. Только войдите и скажите: «Милый мой, у нас в доме нечаянная радость!»

Мать. Убью!

Бабкин. Она не будет.

Отец. Не надо, оставьте ее в покое.

Режиссер. Хорошо, хорошо! Садитесь, мадам, возьмите книжку. А дети... дети будут играть в шахматы. У вас есть шахматы?

Бабкин. У них нет шахмат.

Режиссер. Вы принесли шахматы?

Дама. Шахматы взяла группа Винникова. Они поехали в дом для престарелых.

Режиссер. Черт возьми! Что делать Борьке Винникову в доме для престарелых?

Дама. Там произошло зверское убийство на почве ревности.

Режиссер. На почве маразма!... Полная тишина! Дети тоже читают книжки. Вся семья читает книжки. Типичная интеллигентная семейка. Где текст для профессора? В текст не глядеть!

Режиссер садится по другую сторону стола, напротив профессора.

Камера, мотор! Поехали!

Дама выбегает вперед с хлопушкой, сует ее между режиссером и профессором.

Дама. В гостях у лауреата. Дубль первый!

Режиссер. Добрый вечер, дорогие зрители! Сегодня судьба забросила нас в скромный небогатый дом известного ученого, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин нашего университета, почетного члена-корреспондента Литовской, Мордовской и Чилийской Академий наук, профессора Жука. Здравствуйте, Егор Адамович.

Отец. Здравствуйте.

Режиссер. Простите, что пришлось оторвать вас от работы. Над чем вы трудились?

Отец. Я сейчас занят... *(Он пытается отыскать смысл в книгах и бумагах, что свалены перед ним.)* Я пытался обобщить... знаете, я только что пришел из университета... Маша, где мои очки, я ни черта не вижу!

Режиссер. Стоп, стоп, стоп! Никакой отсебятины! Что еще за Маша? Какие очки? Вы — образец вирулентности, мужской мощи, вы самец, в конце концов!

Отец. Что вы сказали?

Мать. Он тебя оскорбляет.

Руслан. Самец — это я.

Режиссер. Полная тишина в павильоне!

Дама с хлопушкой втискивается между ними.

Дама. В гостях у лауреата. Дубль два!

Режиссер *(с широкой улыбкой)*. Я пришел сообщить вам, что решением Президентского совета вы объявлены лауреатом июльской премии «Мужчина номер один!».

Отец *(ведет пальцем по тексту)*. Я удивлен и растроган.

Режиссер. Вместе со всей нашей страной мы разделяем, профессор, вашу радость и ваше волнение. Мы гордимся тем, что лауреа-

том стали именно вы — профессор. Педагог, учитель, который внес такой большой вклад в дело морального воспитания наших детей.

Отец. Нет, нет, не надо так выпячивать мою роль.

Режиссер. Какие чувства обуревают вас, профессор, в этот знаменательный день?

Он показывает профессору на текст, который лежит перед ним на столе. Профессор читает.

Отец. В этот знаменательный день моя душа преисполнена гордостью за нашу родную науку, которая в моем лице высоко оценена правительством и Верховным Советом.

Режиссер. Стоп, стоп, стоп! *Так не пойдет. Где естественность*, я спрашиваю? Да бросьте вы бумажку!

Отец. Вы сами мне ее подсунули!

Бабкин. Сценарий утвержден в инстанциях.

Режиссер. Без вас знаю. Сам утверждал... мне нужна картинка! Продолжаем. Читайте, мы потом подложим крупный план радостной бабуси.

Мать. Хам!

Лидия. Мамочка, потерпи еще немножко.

Режиссер. Ваша очередь сейчас подойдет, Мария Жановна.

Бабкин. Многие через это проходили. И ничего, живут.

Отец *(снова глядит в текст)*. Я искренне хотел бы разделить эту награду с моими коллегами, ибо без их помощи я никогда бы не смог... я не то говорю?

Режиссер. Про помощь коллег мы снимем, это лишнее. Сегодня ночью, надеюсь, их помощь вам не понадобится.

Руслан смеется, мать прикладывает платок к глазам.

Руслан. Простите, я не подумал. В самом деле получается бессмыслица.

Дама с хлопушкой лезет к ним. Режиссер отмахивается от нее.

Режиссер. Кончайте, профессор, и постарайтесь не отступать от утвержденного текста.

Отец *(скучным голосом)*. Награда пришла ко мне неожиданно, как песня... простите, как весна в горах.

Режиссер. Еще раз и веселее!

Отец. Награда пришла ко мне неожиданно, как весна в горах! Когда читаешь, что подобной чести удостоен маршал или общественный деятель, поэт или тенор, то понимаешь — они заслужили. Но чем заслужил это я? Чем? *(Смотрит на режиссера.)* Тут больше нет текста.

Режиссер. И отлично. Выражайте благодарность, и дело с концом.

Отец. Всей своей последующей деятельностью я постараюсь оправдать доверие, оказанное мне правительством. Вся моя семья преисполнена гордостью и радостью. Правильно? Почему вы так критически на меня смотрите?

Режиссер. Все! Снято, снято! Стоп, камера. Всем спасибо, переходим к следующему эпизоду. Камера на меня!

Дама поднимает хлопушку перед лицом режиссера.

Дама. В гостях у лауреата, эпизод второй, дубль первый!

Режиссер. Как всегда в такой тихий вечер, дружная семья лауреата собралась у камина. Даже сегодняшняя новость не смогла нарушить распорядка. Супруга профессора, с которой он прожил в мире несколько десятков лет...

Мать. Что вы имеете в виду под несколькими десятками?

Режиссер. Я имею в виду, чтобы вы не лезли со своими репликами, когда вас не зовут. Ладно, это запишем в студии. Камеру на бабусю. Расскажите нам, Мария *(смотрит в блокнот)* Жановна, какие чувства овладели вами, когда вы узнали о высокой награде вашего супруга?

Мать сильно сглотнула слюну, вытерла нос. Бабкин ободряюще машет ей.

Где текст? У нее есть текст?

Мать *(читает)*. При получении известий о высокой чести, оказанной моему супругу, меня охватило счастье. Это был счастливейший день в моей жизни... Мы не надеялись даже на орден «Знак Почета».

Режиссер. Больше о чувствах!

Мать. Счастье пришло в наш скромный дом... Заверяю, что мой супруг и впредь не посрамит...

В окно влетает предмет, агент Бабкин бросается к нему и накрывает своим телом. Остальные кидаются в разные стороны. С грохотом рушится камера. Пауза. Потом Бабкин медленно и брезгливо поднимается, пытается что-то стряхнуть с пиджака.

Бабкин. Где ванная? Там?

Дама *(из-под стола)*. Что это было?

Бабкин. Дерьмо. *(Уходит в ванную.)*

Мать. Кто-нибудь, кто-нибудь, умоляю, вытрите!

Режиссер. Продолжаем работать. Спасибо, Мария Жановна, за теплый и откровенный разговор. Надеемся, что дети тоже разделяют ваши чувства.

Оператор. Так работать нельзя. Тут же воняет.

Режиссер. Потерпишь. Помнишь, как мы с тобой в морге работали? Где сын? Давай.

Руслан. Моя биография обычна для нашего светлого времени.

Я благодарен нашему правительству, которое дало мне возможность получить высшее образование. Мечтой моей жизни было поступить в авиацию и охранять воздушные рубежи нашей родины. Но мой отец, выдающийся ученый нашего времени, пожелал, чтобы я пошел по его стопам.

Режиссер. Нет, невозможно! Здесь воняет. Кто-нибудь должен вытереть.

Из ванной выходит Бабкин с тряпкой. Начинает на четвереньках вытирать пол.

Входит Пец. Гладкий, безукоризненный, как его костюм.

Пец. Закругляйтесь, коллеги. Время.

Режиссер. Еще пятнадцать минут.

Пец. Ни минуты. Чем это у вас так воняет?

Бабкин. Экстремисты дерьмом кидаются.

Отец. Мне это так неприятно.

Режиссер. Пять минут. Три минуты... две!

Пец. Ничего, дополните передачу документальными кадрами выступления нашего президента на Верховном Совете. Наберите фотографию профессор-сорванец бегает по лугам. Не мне вас учить. *(Оборачивается к отцу.)* Разрешите представиться. Пец, Густав Андреевич, начальник протокольного отдела Министерства внутренних дел. Ведаю награждениями. Моя профессиональная обязанность сопровождать вас, заменить вам няньку, сваху и повивальную бабку. Коллеги, выключите, наконец, ваши прожектора. Я же сказал, что съемки закончены.

Отец. Очень приятно с вами познакомиться. Наконец-то появился компетентный человек.

Пец. О моей компетентности вы будете говорить завтра, когда все кончится. Собирайтесь! В нашем распоряжении пять минут.

Отец. Как жарко. Никогда не думал, что сниматься так жарко.

Пец. Вы слышали, профессор?

Отец. А что мне собирать? У меня, знаете, нет никакого опыта.

Пец. Ничего особенного. Возьмите с собой все... как будто вы уезжаете в краткосрочную командировку... или убегаете на ночь к любовнице.

Мать. Я не вынесу этих намеков!

Отец. Может, мне отказаться? У Маши нервный криз.

Пец. К сожалению, поздно. Весь мир следит за вами. Идите, переодевайтесь.

Отец. И галстук?

Пец. Галстук обязательно.

Лидия. Я помогу тебе, папочка.

Мать. Нет, я пойду с ним! *(Идет к двери первой.)*

Пец *(обращается к Бабкину)*. Происшествий не было?

Бабкин. Одна попытка взрыва, одна биологическая бомба.

Пец. Вижу, воняет, как в свинарнике.

Руслан. Простите, я сын моего папы.

Пец. Я уже догадался. Чем могу быть полезен?

Руслан. У меня есть высшее образование и четыре года аспирантуры. Могу ли я рассчитывать на офицерскую должность в вашем министерстве?

Пец. Вам лучше идти в армию, у вас выправка. Для нас вы слишком заметны.

Руслан. В армии без связей придется начинать с рядового. А вы же знаете, как быстро проходит жизнь.

Пец *(не обращая никакого внимания на Руслана, говорит Бабкину)*. Нам придется заехать в ресторан. Там заказан ужин в судках. Поедешь на машине с нами. В случае чего стреляй без предупреждения.

Бабкин. Не в первый раз. И дай бог, не в последний.

Руслан. Можно я с вами?

Пец. Нет. Вашему отцу не нужна конкуренция.

Лидия. Он не в том смысле.

Бабкин. А у меня сегодня с утра подавленное настроение.

Пец. Потому что все еще воняет.

Руслан. А если у вас появится вакансия, вы не могли бы мне позвонить?

Сует Пецу визитную карточку и деньги. Пец брезгливо, двумя пальцами берет деньги и рассматривает их как таракана.

Пец. А это зачем? Я вас не понял. Это взятка? Возьмите обратно и постарайтесь научиться очень важной житейской мудрости — распознавать, кому можно сунуть взятку, а кому не следует.

Руслан. Всем можно.

Пец. Заблуждение. Есть люди, которым невыгодно брать взятки. Я к ним отношусь.

Руслан. Неужели есть альтернативы?

Пец. Есть, мой милый. *(Нежно похлопывает Руслана по щеке. Потом проходит к закрытой двери и стучит в нее.)* Пора, мои друзья, пора!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Баси. Дешевая роскошь — таким представляет себе шикарный разврат генерал, проведший всю жизнь по гарнизонам.

Главная черта гостиной — низкие диваны и кресла. Между ними возвышаются узкие вертикальные зеркала, а пол покрыт пушистым ковром, скрадывающим шаги. За широкой двойной дверью виден холл и лестница на второй этаж.

Входят Пец и отец. За ними полицейский с большой корзиной.

Пец *(раздраженно полицейскому)*. Ну куда вы с продуктами? Не в первый раз, что ли? Несите в кухню.

Отец растерянно снимает очки и начинает протирать их большими пальцами. Он роняет очки, нагибается. Пец помогает ему — поднимает и протягивает.

Отец. Нет, я не могу! Меня всего колотит.

Пец. Он был готов к этому. Такую он выбрал себе профессию. У вас на рукаве кровь.

Отец. Где?

Пец показывает, отец старается оттереть пятно.

Пец. У вас платок есть? Дайте.

Отец. Совершенно новый костюм. Ни разу не надевал, вы можете поверить?

Пец трет рукав платком профессора. В комнату выплывает пожилая, цветущая дама в длинном платье. Это Лукреция Ивановна.

Лукреция. Густав Андреевич, на тебя совершенно нельзя положиться. Я решила, что вас убили по дороге.

Пец. Почти.

Лукреция. Не пугай меня. Что еще стряслось?

Пец. Покушение. Агенту удалось заслонить собой профессора. Познакомьтесь.

Лукреция. Очень приятно. Меня зовут Лукреция Ивановна. У Баси я единственный близкий человек.

Отец. Я до сих пор не могу прийти в себя.

Лукреция. Охрана работает совершенно безобразно. Я буду писать председателю Комгосбеза. Вчера кто-то вышиб окно на кухне.

Пец. Оно же бронированное.

Лукреция. Одно название, что бронированное. В один прекрасный день нас всех разорвут на куски, а вы, Пец, принесете на похороны венок с трогательной надписью. Я этого агента знала?

Пец. Это Бабкин. Он тут раз десять был, охранял лауреатов.

Лукреция. Господи, упокой его грешную душу. Это маленький такой?

Пец. Всегда в шляпе. Он стеснялся своей лысины.

Лукреция. И в шляпе он казался выше ростом.

Пец. У него двое детей осталось.

Отец. Я ничего не успел понять. Мы подъехали к ресторану, а там стоял какой-то молодой человек. Совсем мальчишка. Он так закричал и кинул.

Лукреция. Я всегда говорила, что лауреатов надо перевозить в броневиках. Не надо рисковать такими ценными людьми. Вам, наверное, надо в туалет и вымыться... у вас кровь на рукаве.

Отец. Я знаю.

Лукреция. Я вам покажу, какое полотенце брать. Вам пятьдесят девять? Значит, перед пенсией дали?

Отец. Вы знаете?

Лукреция. Мы вашу объективку получили. Нам всегда присылают объективки на лауреатов. Идемте, идемте, вы пиджак снимите... Пец, а ты подожди. Густав, ты подожди, хорошо? Ты знаешь, где бар.

Лукреция выводит профессора из комнаты.
Пец открывает бар, достает оттуда бокал, наливает, потом включает магнитофон. С бокалом проходит к телефону.

Пец. Котик, это я, твой котище! Твоя мышка... Ты ждешь меня? Я скоро сбуду профессора и к тебе... Нет, это было так ужасно, что я не скажу. А ты что делал? Смотри, я ревнивый!

Входит профессор. За ним Лукреция несет его пиджак.

Отец. И все же мне непонятно, почему такая оппозиция?

Лукреция. На той неделе я схватила повара за руку, когда он сыпал нам в суп мышьяк. С тех пор и возим еду из ресторана. Это не жизнь, а каторга. На месте президента я давно бы ввела чрезвычайное положение.

Пец. Лукреция Ивановна не только родственница, но и экономка, домоправительница...

Лукреция. Домомучительница... Вы тут без меня посидите, а я на кухню пойду. Там у меня вместо повара полицейский приспособлен. Обязательно что-нибудь у него сгорит.

Пец. Наливайте себе из бара, профессор. *(Развалился на диване и разговаривает с профессором свысока.)* Судя по вашему виду, вы разочарованы встречей.

Отец. Я не могу не думать о Бабкине.

Пец. Оркестра не будет. Должен вам сказать, что ожидание Рождества всегда интереснее, чем пляски вокруг елки. В каждом празднике заключена капля разочарования, ибо приход праздника и есть его смерть. В этом отношении любой орден, самая паршивая медаль долговечней, чем ваша высокая награда. Впрочем, я могу ошибаться. Говорят, что для некоторых важно кольцо, которое вам дадут на память.

Отец. Кольцо? Ах да, я читал.

Пец. Значение награды в ее символичности. Учреждая эту награду, наш президент воспел торжество красоты. От этого происходит и оппозиция. Оппозиция красоте! Ее возглавляют неполноценные люди. Сексуальные маньяки. Так что не ищите здесь политических причин.

Отец. Бабкин тоже их не искал... Его смерть тяжелым камнем лежит на моей совести.

Пец. Скиньте этот камень. Вы тут ни при чем. Погибнув, Бабкин приобщился к прекрасному. Он нежится теперь в райских кущах.

Входит полицейский в фартучке поверх мундира и начинает накрывать на стол.

Отец. Густав Андреевич, можно я домой позвоню?

Пец. А что случилось?

Отец. Скажу, что доехал благополучно. Может быть, они слышали, что была стрельба, и беспокоятся за меня?

Пец. Если бы вас пристрелили, тогда бы ваша жена получила об этом сообщение.

Отец. А что, нельзя звонить?

Пец. Это нежелательно.

Отец. Мари сама просила меня позвонить. Очень просила.

Пец. Бог с вами, звоните. Хотя ничего из этого хорошего не выйдет.

Отец набирает номер.

Отец. Это я, дорогая. Ну я, Егорушка. Неужели не узнала? Значит, богатым буду... Как у вас дела?... Как дети? Никто не звонил? Дядя Сима? Скажи ему, что я буду завтра. Валидол? Зачем валидол? Ну прости, мне еще никогда в такой ситуации не требовался валидол... Я не хуже тебя знаю, сколько мне лет... Ну зачем же сразу плакать? Я не сказал ничего циничного. Машенька, я тебя умоляю... *(Осторожно кладет трубку на телефон.)* Она думала, что я уже... что все уже кончилось.

Пец. Женщины непоследовательны. Она вам изменяла?

Отец. Кто?

Пец. Ваша жена.

Отец. Что вы, это совершенно исключено! Это немыслимо. Она посвятила всю жизнь мне и детям.

Пец. Хорошо вам внушили эту версию. А вот по нашим досье она вам изменяла.

Отец. Ни в коем случае! Я не позволю вам порочить имя Марии Жановны! С кем она мне изменяла?

Пец. Вам нужны детали?

Отец. Нет, ни в коем случае. А с кем?

Отец отходит к бару, наливает себе в бокал.

А в самом деле у вас и это отмечено?

Пец. Я сделал запрос в Комгосбез. Это рутина. Так всегда делается.

Отец. Зачем?

Пец. Чтобы предусмотреть возможные конфликты.

Входит Лукреция Ивановна.

Лукреция. Я хотела вам предложить выпить, а вы уже сами. Ну и хорошо. Сейчас будем ужинать.

Пец. Я приглашен к друзьям. Спасибо. Мне нужно перекинуться парой слов с Басей, и я уеду.

Отец. Я тоже не голоден.

Он оборачивается к Пецу, умоляюще кладет руку ему на рукав.

Может, вы еще побудете, а?

Лукреция. Пора уже становиться мужчиной. Сумели заслужить награду, сумейте ее красиво принять. Вы когда-нибудь слышали, отчего повесился аграрий Мартинсон?

Пец. Бросьте, Лукреция, ваши шутки. Не портите хорошему человеку его звездный час.

Лукреция. С каждым днем вы говорите все красивее.

Пец. Разрешите поднять этот бокал за ваше здоровье и успехи, профессор. За немногие минуты совместных испытаний я сблизился с вами и вы мне стали симпатичны. Прозит!

Отец. Давайте за Бабкина, а?

Пец. Ну ладно, если вы настаиваете. Только тогда не чокаемся. Где Бася, у себя? Я на секунду. Буквально на секунду. До свидания, профессор.

Пец уходит во внутреннюю дверь.

Лукреция. Егор Адамович, вас никто не собирается мучить и терзать. Не делайте вид, что вы агнец, которого привели на заклание. Все будет, как вам приятно. Или не будет.

Отец. Я не боюсь... просто я раньше не получал награду.

Лукреция. Постарайтесь расслабиться. В спальне на верхней полке буфета валерьянка. Накапайте себе двадцать капель.

Отец. Спасибо, вы очень добры.

Входит Пец.

Пец. Все в порядке, мы можем ехать.

Отец. А я?

Пец. Сейчас Бася придет. Крепись, старина. Потом все мне расскажешь!

Лукреция. Вы помните, где валерьянка?

Отец. Да, спасибо.

Лукреция. Густав, вы подкинете меня до Гоголевской?

Пец. Сочту за честь. До завтра, профессор. Я за вами заеду, надо будет подписать документы о выполнении обязательств.

Лукреция. Чао, профессор!

Они уходят. Отец один в гостиной. Он идет к телефону, берет трубку, но не набирает номера — прислушивается, не идет ли кто. Отец испуганно кладет трубку на рычаг. Подходит к зеркалу, поправляет галстук. Проверяет, хорошо ли замыто пятно на рукаве.

Бася, войдя в комнату, стоит, не приближаясь, разглядывая гостя. Она

очень красива. Одета она просто, волосы не уложены — словно профессор хороший ее приятель и заглянул на чашку чая. Потому из-за него не надо приодеваться и краситься — он и такой ее примет. В то же время понимаешь сразу, что Бася — уникальный образчик человеческой самки — даже край ее платья до безумия возбуждает самцов. Ради обладания такой женщиной мужчина может забыть о долге, совести, чести.

Отец чувствует, что Бася в комнате. Он еще не увидел ее, он еще не обернулся, но весь напрягся и стал похож на старого растрепанного вороненка.

Б а с я. Добрый вечер, профессор.

Отец вскакивает.

О т е ц. Здравствуйте. Мне очень приятно.

Б а с я. Поздравляю вас, Егор Адамович, с получением высокой награды — правом провести ночь со мной.

О т е ц. Ну что вы, я никак не заслужил...

Б а с я. Садитесь, профессор, в ногах правды нет. У вас, наверное, сегодня был трудный день.

О т е ц. Спасибо, я постою.

Б а с я. Я настаиваю, Егор Адамович. Вы же мой гость. А я страшно проголодалась. Еще спасибо, что они оставили нам холодное.

Отец садится. Он все еще толком не смотрит на Басю, взгляд его падает то на ее щиколотки, то на пальцы...

Б а с я. Налейте мне вина. И себе тоже. Я так боялась, что Лукреция с Густавом все вино вылакают. Это же страшная компания.

О т е ц. Нет, что вы, они совсем не пили.

Б а с я. Можете на меня смотреть. Только не сразу. Вы по кусочкам на меня смотрите. А то вы пожилой человек, кондрашка может случиться.

О т е ц. Кондрашка?

Б а с я. Это у нас так говорили, в детстве. На самом деле это инсульт. У вас был инсульт?

О т е ц. Почему у меня должен быть инсульт?

Б а с я. Знаешь, как мне попадется старикашка, сразу или инсульт, или инфаркт. Прямо наказание какое-то. Наливайте, наливайте, мы сейчас с вами славно напьемся. У меня настроение есть напиться. У вас так бывает или доктор не велит?

О т е ц. У меня никогда не было такого желания. Я всегда мог углубиться в работу, и неприятности отступали.

Б а с я. Счастливый. Мне бы такую работу. А в мою разве углубишься.

О т е ц. Простите, я не хотел вас обидеть. Я понимаю... специфика вашего труда требует, конечно...

Б а с я. Хватит. В словах запутался. Берите цыпленка. Цыпленок

совсем холодный. Они его в морозилке, что ли, держали? Я сама виновата — у меня есть места застревания. Вы понимаете?

О т е ц. Нет, простите, нет.

Б а с я. Места застревания — это места, где я застреваю. Очень просто. Я застреваю в ванне, потому что очень люблю мыться, и я застреваю перед зеркалом, потому что люблю себя раскрашивать так, чтобы никто не догадался, что я себя раскрасила. Вот скажите, по моей роже видно, что я раскрашена?

О т е ц. Нет, ну что вы!

Он рассматривает Басю, и постепенно страх перед ней, смущение сменяются желанием — отец как бы вспоминает, зачем он здесь и для чего находится эта женщина. Он даже привстает в своем неожиданном стремлении к Басе, и той приходится остановить его.

Б а с я. Перестаньте так на меня смотреть, Егор Адамович. Вы же пожилой человек, это может плохо отразиться на вашем здоровье!

О т е ц. Ах, бог с ним, со здоровьем. Живем один раз!

Б а с я. Налейте мне еще, пожалуйста.

Отец, разливая вино, вынужден отвести взор от Баси.

Б а с я. Я сама виновата, что цыпленок остыл. Ну кто меня просил брать с собой в сортир Агату Кристи? Вы любите читать в сортире? Ах, так нельзя говорить при профессоре! Ну не сердитесь, не дуйтесь. Я так красиво устроена, что даже на стульчаке смотрюсь не хуже Мадонны. *(Ест быстро, весело, как ребенок, который нагулялся.)* Знаете, когда мне сказали, что у меня будет настоящий профессор, я чуть от радости не лопнула. Это же такая редкость!

О т е ц. Ну уж редкость! У нас в университете профессоров человек двести.

Б а с я. Мне плевать, сколько в университете, мне интересно, сколько в моей постели. Я думала раньше, что профессорам меня в награду не дают. Они бедные, но ужасно умные.

О т е ц. Если я не ошибаюсь, я первый.

Б а с я. А я точно знаю, что первый. Налейте мне еще. Вы не бойтесь, я не напьюсь. У меня почти все министры перебывали. Но больше всего мне понравился один певец. Баритон. Я его раньше только на пластинках слушала, а вдруг открывается дверь — батюшки светы! Он самый, толстый, веселый... Вы знаете, все думают, что он курчавый, а у него на затылке лысина. Представляете, такой молодой, а уже лысый. Ужас!

О т е ц. А *я не лысый!*

Б а с я. Но вы же не молодой! В вашем возрасте, что лысый, что не лысый, все равно на помойку... Это не я выдумала, так моя бабушка говорила. А еще у меня были генералы и маршалы. Знаете, наше правительство очень уважает генералов.

О т е ц. Да, куда больше, чем ученых.

Б а с я. Ученые всегда что-то противное изобретают. Вы атомную бомбу изобрели?

О т е ц. Нет, я пишу книги по истории и этике и обучаю студентов. Я обучил много студентов, несколько тысяч.

Б а с я. Несколько ты-сяч... во дает!

О т е ц. Только я не уверен, что это пошло им на пользу.

Б а с я. А вы честный. Это редко бывает. Жалко, что я не в университете. Но я плохо в школе училась, куда мне в университет. Да и на какие медные шиши мне учиться?

О т е ц. Ну сейчас вы, наверное, обеспечены?

Б а с я. А сейчас мне в университет нельзя. Вы про Троянскую войну по телевизору смотрели?

О т е ц. Я в книжке читал.

Б а с я. Неважно. Там про что? Про то, как из-за Елены Прекрасной кобели сцепились между собой. Друг дружку перебили и ее не пожалели.

О т е ц. Об этом я не знал.

Б а с я. По рукам она пошла. Я точно знаю. Мне один интеллигентный человек говорил.

О т е ц. Надо будет проверить. Значит, вы утверждаете, что Прекрасная Елена стала гетерой?

Б а с я. Стала — кем?

О т е ц. Девушкой... развязного поведения.

Б а с я. Ничего я вам такого не говорила. Я говорила только, что бывают женщины, из-за которых начинается война. Помните Сталина?

О т е ц. Я его, правда, не застал...

Б а с я. У него была жена Светлана, ослепительной красоты. И она увлеклась Гитлером. Слышали про такого? Немецкий фашист.

О т е ц. Рассказывайте, это очень любопытно.

Он подливает себе и девушке вина. Он заметно охмелел и чувствует себя куда более свободно.

Б а с я. Сталин их застукал и задушил свою жену Светлану. Она умерла в мучениях, потому что платок подсунул Берия.

О т е ц. Кто подсунул?

Б а с я. Это такой слуга был, очень вредный. Слушай, слушай, вот Сталин задушил Светлану, а потом начал с Гитлером драться до смерти без пощады. За жену мстил и за поруганную честь.

О т е ц. Откуда эта легенда?

Б а с я. Лукреция рассказывала. Про это все знают, а вы профессор и простых вещей не знаете. Ваше здоровье! Вы совсем не похожи на военного.

О т е ц. Меня в армию не призывали, у меня плоскостопие.

Б а с я. И не надо в армию. Я генералов не выношу. Они громко разговаривают, даже командуют — ложись, раздевайся, ноги шире! Нет, не морщитесь, я шучу, я в переносном смысле. А самый противный — Ахмет. С таким вот носищем...

О т е ц. Маршал Ахмет Рустамов? Командующий ВВС?

Б а с я. Он самый. Он президенту ультиматум поставил: или меня ему навсегда, или он всех свергнет.

О т е ц. Он, наверное, шутил.

Б а с я. Он не умеет шутить.

О т е ц. У него такое простое, обветренное, даже привлекательное лицо. Я видел его по телевизору.

Б а с я. Вы бы лучше присмотрелись. Но мне повезло. Знаете почему?

О т е ц. Не знаю.

Б а с я. Потому что главный адмирал ему сказал — он своим линкором обстреляет все аэродромы — тут Ахмету и конец!

О т е ц. Откуда вы все это знаете?

Б а с я. А мне Густав рассказывает. Густав Пец. Он единственный мужчина, который в меня не влюблен. Я его за это очень уважаю.

О т е ц. А почему? Почему не влюблен?

Б а с я. Ну что за любопытство — почему да почему? Разве по нему не видно, что он по мальчикам специализируется? Он любит мальчиков и свою карьеру. А вы влюбились, Егор Адамович?

О т е ц. Я должен вам сказать, что сейчас я испытываю особенное, теплое, нежное, трепетное чувство именно к вам.

Б а с я. Ну с вами все ясно. Для того вас и привели, чтобы влюбляться. А раньше?

О т е ц. Раньше?

Б а с я. Тупой какой-то! А еще профессор. У вас жена есть?

О т е ц. Есть. Мария Жановна.

Б а с я. А раньше вы ее любили?

О т е ц. Я не помню.

Б а с я. Ну что с вами будешь делать! Боитесь, что я ревновать буду? А я не буду. Я сама влюблялась. В школе еще. Мы в одном классе учились, я ему записку написала — давай дружить и так далее. А он решил, что другая девочка написала. В тысячу раз некрасивее меня. Потом они поженились. Правда, очень грустная история?

О т е ц. Почему грустная? Они, наверное, были счастливы?

Б а с я. Они уже развелись. А у вас детей много?

О т е ц. Двое. Руслан и Лидочка.

Б а с я. Уж взрослые, наверное?

О т е ц. Лидия помоложе вас, она еще учится в колледже, а Руслан хотел стать офицером, но его из-за плоскостопия не взяли.

Б а с я. Надо было на лапу положить.

О т е ц. Мы не знали, кому надо давать, и боялись обидеть челове-

ка. Руслан сейчас учится в аспирантуре в университете, но ненавидит свою специальность.

Б а с я. *Фотографии покажете?*

Отец достает бумажник и извлекает из него фотографию.

А эта старая, жена? А знаете — она немножко похожа на мою маму. Руслан мужественный. Я бы могла его полюбить... Да не, я так, шучу. А Лида просто прелесть. Я хочу с ней подружиться. Как вы думаете, она будет со мной дружить?

О т е ц. Почему бы и нет... но вот разница в возрасте...

Б а с я. Плевала я на разницу в возрасте. В самом деле вы не хотите, чтобы она со мной дружила, потому что вам стыдно?

О т е ц. Мне? Стыдно?

Б а с я. Из-за моей репутации. Вы все хотите спать со мной, а чтобы домой в гости пригласить — вас нет как нет.

О т е ц. Вы не правы. Откройте любую газету — вас называют символом чистоты, символом сексуального здоровья нашего народа.

Б а с я. А ваша жена никогда бы не разрешила мне дружить с Лидой.

Профессор, тронутый интонацией Баси, подвигается к ней по дивану, осторожно берет ее руку и целует пальцы.

Я такая несчастная, потому что у меня нет подруг и друзей, которым не нужны мои связи и знакомства, а просто так... Я сейчас же звоню вашей жене и прошу ее разрешения дружить с Лидой!

О т е ц. Может, не стоит? Сейчас уже ночь на дворе.

Б а с я. Какая еще ночь! Десяти часов нет. И ваша жена наверняка не спит. Она переживает, убивается, потому что думает, что мы с вами *резвимся в постельке.*

О т е ц. Бася, я вас прошу, не надо так!

Б а с я. А что? Вы этого не хотели? Или сейчас расхотели? А вы посмотрите, чувствуете, как ваша кровь помчалась?

Отец старается отвернуться, закрыться от оголенной ноги Баси, которую та ему демонстрирует.

О т е ц. Бася!

Б а с я. Двадцать четыре года Бася. И лучше тебя, милый мой, разбираюсь в людях. Знаете, чего ваша жена больше всего боится? Что вы совсем не вернетесь. Что выкинетесь из моего окна, что покончите с собой, или еще хуже — понравитесь мне так, что я вас оставлю у себя. Как Клеопатра в кавказском замке.

О т е ц. Это не Клеопатра была, а царица Тамара.

Б а с я. Ты меня своей образованностью не дави. Я что хотела сказать — никто у тебя дома не спит. Как будто тебе сейчас операцию де-

лают, от которой зависит, будешь жить или нет. Вот все ходят по комнатам и делают вид, что ничего не случилось. Ты мне веришь?

О т е ц. Может быть.

Б а с я. Не может быть, а наверняка... не надо так расстраиваться. Ты симпатичный, ты лучше всех генералов, вместе взятых. Даже ни разу меня за коленку не схватил. Ну, какой у тебя телефон?

О т е ц. Восемнадцать-три-три-восемьдесят два.

Б а с я. Налей мне еще вина. У меня хорошее настроение. Я никого не боюсь, папочка. Ты меня защитишь?

О т е ц. От кого?

Б а с я. А я знаю — от кого? От маршала Ахметки или от тех, кто Бабкина убил.

О т е ц. Я хотел бы.

Б а с я. Вот и отлично. Даю тебе прозвище — Дон Кихот! Давай теперь твоей Марусе звонить. Мы ее попросим разрешения, чтобы Лида со мной дружила. А ты тоже пей. За здоровье.

Бася набирает номер телефона.

Привет. Кто у телефона? Ты, Лида? Ну, мне сказочно повезло, что ты, а не мамаша. Что у тебя голос такой? Ничего? А папа уже поехал награду получать?... А там мать рыдает? Скажи, чтобы не рыдала, я сделаю так, что она будет довольна. Кто говорит? А я думала, что ты меня уже узнала... Какая еще Лана? В жизни я не слышала ни о какой Лане. Нет, не Горина... Неужели у твоей Горины такой красивый голос? Погоди, не вешай трубку. Это я, Бася! Да, государственная Бася. Мы с твоим папочкой ужинаем. А потом я тебе его сразу верну, не съем. Господи, никакая это не шутка. Папуля твой показал мне твою фотографию, и ты мне очень понравилась. Хочешь, я его позову к телефону?

Бася со вздохом смотрит на трубку, из которой слышны короткие гудки.

Она мне не поверила... А кто мне поверит? Сделали из женщины пугало, а теперь я расплачиваюсь.

О т е ц. Давайте, я позвоню и все им объясню, они мне поверят.

Б а с я. Еще чего не хватало! Чтобы я стала унижаться перед твоей прыщавой дочкой? Да если я захочу, они передо мной на пузе ползать будут, туфли мне будут целовать. Кто она, скажи, такая? Дочка занюханного профессора? Сморчка гнутого? Онаниста проклятого! Это я о тебе! Я тебя оскорбляю, понимаешь ты или нет? Ты чего терпишь, гад? Ты убить меня должен за такие слова!

О т е ц. Бася, я умоляю вас, не переживайте. Я все понимаю. Унижение, которое вам приходится испытывать...

Б а с я. Нет, вы на него поглядите, он еще меня утешает. Ты что, влюбился уже, что ли? Так я тебя лишу невинности, а потом прикую на цепочке на кухне, и будешь ты чай мне разогревать. Хочешь?

О т е ц. Мне искренне жалко вас.

Он протягивает руку, чтобы погладить ее, но Бася неправильно истолковала его жест. Она вскакивает с дивана.

Б а с я. Руки убери, кобель паршивый! *(Быстро ходит по комнате.)* Символ нации! Придумали тоже! Символ блядства, вот что я такое! С какой бы радостью я тебя выбросила из дома! Даже твоя вонючая дочка не хочет со мной разговаривать...

О т е ц. Это недоразумение. О вас все очень высоко отзываются.

Б а с я. Это было испытание. Я себе сказала — может, я найду на свете хоть одного человека, который согласен относиться по-человечески. Хоть одного. А она со мной разговаривать не захотела. Так что теперь убирайся отсюда. Посидел, выпил, полялякал, теперь убирайся.

О т е ц. К сожалению, это невозможно. Это же государственная награда. Я должен утром получить от Густава Андреевича кольцо — вы же знаете. Иначе моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб. В конце концов, каждый из нас выполняет свой долг, даже когда ему это не нравится... Вы обязаны, Бася.

Б а с я. Ах, вот что! Ты, значит, хочешь, чтобы я выполнила. И именно с тобой? Неужели ты решил, что я с тобой спать буду?

О т е ц. Я не говорю о наших с вами желаниях, Бася. Я говорю об обязанностях. Поверьте, мне в жизни неоднократно приходилось делать то, чего не хочется. Это и называется чувством долга.

Б а с я. Ах, чувство долга! Значит, когда я с тобой сплю, это чувство долга, а когда ты в публичный дом побежишь, это культурное мероприятие! *(Говоря так, она раскрывает сумочку и достает оттуда пистолет.)* Ты только подойди ко мне, попробуй. Я тебе не завидую.

О т е ц. Извините, вы меня совершенно неправильно поняли.

Отец отступает к стене, Бася делает шаг следом за ним, но тут ее гнев иссякает, она бессильно опускается на диван и прячет лицо в ладонях. Отец садится на диван рядом с Басей и дотрагивается до ее плеча.

Успокойтесь. Уверяю вас, ничего страшного не произошло. Это совершенно понятный и естественный в вашем положении срыв. Все придет в норму. А я сейчас уеду. Бог с ним, с кольцом...

Б а с я. Сиди ты спокойно, не трожь меня!

Она скидывает с плеча его руку. Потом берет пудреницу и начинает приводить себя в порядок. При этом она как бы рассуждает вслух.

Ну куда ты сейчас пойдешь? Там полицейский у входа. Может и не выпустить — у него приказ: никого до утра не выпускать... *(Наливает себе вина.)* Да не хотела я твоей дочке навязываться! Бог с ней. Если захочу, завтра министерские жены сюда прибегут. И устрою я салон.

О т е ц. Разумеется.

Бася допивает вино, потом кладет пистолет в сумочку.

Б а с я. Ты не представляешь, сколько народу мне твердят о долге. Буквально миллион человек. И никто не спрашивает, а может, у меня есть свое мнение.

О т е ц. Мы все выполняем долг, который придумали за нас другие.

Б а с я. Но ведь это чепуха?

О т е ц. Без этого рухнуло бы общество и наступила анархия.

Б а с я. А что это значит? Вот меня пугают — рухнет общество и наступит анархия. Ну и что? Мне хуже будет, да?

О т е ц. Вас, я думаю, захватит какой-нибудь князь анархистов.

Б а с я. А вдруг он молодой и красивый? И будет меня любить?

О т е ц. Это я не могу вам гарантировать.

Б а с я. Значит, я за анархию и разруху! Мне надоели старые, пузатые, вонючие, с одышкой, хрюкающие, ни к чему не способные лауреаты! Отдайте меня анархисту!

О т е ц. Но вас могут и убить.

Б а с я. Почему?

О т е ц. Если вы понадобитесь сразу нескольким и не будет порядка, который бы устанавливал ваши права и обязанности, вас могут буквально растерзать.

Б а с я. А мой князь анархистов, он не поможет?

О т е ц. Его тоже убьют.

Б а с я. Я знаю, я знаю — ты хитрый! Ты хочешь, чтобы все осталось как раньше, и тогда ты получишь свое. Ты хочешь, чтобы все получили свой паек по очереди.

О т е ц. Может быть, вы и правы. Когда у тебя нет физических возможностей вырвать свой кусок мяса у соперника, ты начинаешь надеяться на цивилизацию. Цивилизация охраняет физически слабого, дает ему шанс.

Б а с я. Вот ты целую жизнь прожил, а не догадался еще, что все это липа. Лапша на уши для простаков. Никто не выполняет своего долга. Все только думают как увильнуть.

О т е ц. Агент Бабкин погиб, закрывая меня.

Б а с я. Он всегда был отсталый. На отсталых твоя цивилизация только и держится. Они всерьез свою зарплату понимают. Вот их и убивают.

О т е ц. А вы?

Б а с я. А меня научили. Долго били, пока не научили. Я ведь сначала, пока девчонкой была, тоже всю твою цивилизацию всерьез принимала, замуж хотела, в подъездах со слюнявыми школьниками целовалась. Но девчонка сексуальная, длинноногая. Глупая и смешливая. Меня ведь невинности Миша один лишил, потому что рассмешил сильно. Я даже не заметила... И не буду я тебе в своей глупой жизни исповедоваться. Только скажу, что меня использовали десять лет, пока я сама не научилась вас использовать.

О т е ц. А как тогда случилось, что вы согласились на эту роль? Ведь вы ее играете уже пять лет?

Б а с я. Пять лет и три месяца. Государственная шлюха!

О т е ц. Вы — государственная награда, государственная ценность. Никто вас не смеет так назвать!

Б а с я. Не смеет? Не будьте наивным, папуля, давай сейчас позвоним снова твоим — они, может, и посильнее слово найдут.

О т е ц. И все же, как ни говорите, но вы — один из важнейших наших государственных институтов!

Б а с я. А само твое государство? Оно же — липа!

О т е ц. Так в вашем возрасте нельзя говорить. Это цинизм.

Б а с я. Если бы ты знал, сколько здесь высокопоставленных мужиков на твоем месте сидело, ты бы про цинизм не говорил. Я в три раза тебя старше.

О т е ц. И все же вы не правы. Наше государство стабильно.

Б а с я. Оно дышит на ладан. А я не хочу с ним тонуть. Поэтому и принимаю гостей с пистолетом в косметичке.

О т е ц. Вы опасаетесь насилия?

Б а с я. Мало сказать — опасаюсь. Оно уже было и будет. Один генерал мне так и сказал — сюда все рвутся, чтобы сорвать цветочек. Сорвут, а потом давай топтать ногами. Поэтому я и не даю меня сорвать.

О т е ц. Я чего-то не понимаю... Как так не даете сорвать?

Б а с я. А чего тут понимать? Не сплю я с вами, с кобелями. Вот и все. Одного запугаю, другого заговорю, третьего напою, а четвертый и сам не по этой части. Ты учти, голубчик, — красота это моя слабость, но еще и сила.

О т е ц. Нет, уму непостижимо. А как же потом?

Б а с я. А потом все молчат. Как воды в рот набрали. Ну скажи, кому хочется, чтобы над ним потом вся страна хохотала. И ты будешь молчать, папуля.

О т е ц. Но ведь в газетах... я сам читал. Там интервью — впечатления о получении награды. И все отвечают... вспоминают о счастливых минутах, о совершенстве вашего, простите, тела.

Б а с я. На то и газеты, чтобы писать. Вот ты утром получишь от Густава свое заветное колечко — доказательство того, что ты со мной спал, и будешь таскать, не снимая, всю жизнь — в могилу с собой потащишь. Это главнее ордена. А я иногда думаю, почему их жены эти пальцы не отрубили? А жены молчат или еще хуже, как твоя, я видела, как она по телевизору распиналась, слушать противно! Отдает тебя другой бабе и говорит о счастье и радости, ну?

О т е ц. Это, конечно, неприятно. Но поймите, Маша это сделала ради любви ко мне, она хотела, чтобы мне было лучше.

Б а с я. А она тебя вообще-то по бабам легко отпускает?

О т е ц. Вы с ума сошли! Я никогда!

Б а с я. А сейчас?

О т е ц. Вы же знаете — это другое, это не имеет отношения к греху, к измене!

Б а с я. Как вы умеете ловко устраиваться! А мне твою жену жалко было. Я почему к вам не выходила — я телевизор смотрела. Последние новости. Смотрела на ваше семейство и думала, вот сейчас выйду, а ты уже здесь пресмыкаешься. Мне твою жену и твоих детей было жалко.

Бася поднимается, доливает из бутылки в бокал, выпивает, отходит к окну, чуть отодвигает штору.

О т е ц. Простите меня, Бася, я только сейчас осознал, что был не прав.

Б а с я. Папуля, не старайся показаться лучше, чем ты есть на самом деле. Я тебе все равно не дам. Лучше насосемся с тобой вдрабадан! У меня настроение такое. Я, знаешь, с выпускного вечера в школе так не насасывалась. Давай — никого дома нет... Только ты моей слабостью не пользуйся. Я, может, даже буду тебе навязываться по пьянке, а ты меня не бери. Хорошо?

О т е ц. Я обещаю вам, Бася, что не трону вас пальцем.

Бася снова наливает себе, садится на диван.

Б а с я. Но вот что грустно, папуля...

О т е ц. Что?

Б а с я. Чует мое сердце — недолго я продержусь.

О т е ц. Что вы хотите сказать?

Б а с я. Сама не знаю — только чую. Или Ахметка переворот устроит и меня изнасилует — он только об этом и мечтает. Или государственный визит меня укокошит.

О т е ц. Что значит — государственный визит?

Б а с я. А это значит, что на этой неделе должен американский министр приехать. Читал?

О т е ц. Не припоминаю.

Б а с я. Пец говорил, что если не получим от них займа — нашему президенту каюк. И президентский совет уже принял тайное решение — наградить министра нашей государственной наградой. Мной наградить, понимаешь?

О т е ц. Уверяю вас, он не посмеет. Там у них очень сильное общественное мнение, влиятельные газеты...

Б а с я. Это не будет объявлено.

О т е ц. Все равно — он испугается.

Б а с я. А вот если не испугается? Глаза ему, что ли, выцарапать?

О т е ц. Я верю, что у вас есть возможности и... скажем, хитрости.

Б а с я. А если Ахмет сделает переворот?

О т е ц. В нашей стране нет традиции военных переворотов. Это невероятно.

Б а с я. Ты добрый, папуля, а вот не понимаешь, как мне страшно. У меня даже образования нет... у меня ничего нет — все деньги Лукреция забирает. Она захочет — выкинет меня на улицу.

О т е ц. Ну не надо, не надо, успокойтесь... *(Держит девушку за руку.)* Может, вам куда-нибудь уехать?

Б а с я. Куда? Где я скроюсь? Здесь хоть полиция. А в другом месте сначала в меня анархисты бомбу кинут, потом матери-одиночки на куски разорвут, а потом — даже подумать противно. Останется от меня котлета... Ой, как мне страшно... Спрячь меня!

Бася разревелась, уткнувшись лицом в грудь отцу, он гладит ее сказочные пышные волосы и сам готов заплакать. Сквозь слезы Бася продолжает свой монолог.

А дом не мой, дом государственный и платья почти все из театрального гардероба. Если бы Пец мне не платил, мы бы разорились, с голоду померли на полном государственном обеспечении.

О т е ц. Пец вам сам платит?

Б а с я. Пец моими фотографиями торгует. Подпольно. Для гимназистов и старичков — неприличные картинки. Только я на них одна, без мужиков, ты не думай...

О т е ц. Послушайте, Бася. У меня есть небольшие сбережения. Они совершенно личные, никто на них не претендует. Может быть, вы согласитесь их у меня взять? Взаимообразно. А потом, когда найдете свое место в жизни, выйдете замуж, тогда и отдадите.

Б а с я. Милый мой, папуля, добренький. Я бы у другого взяла, у них деньги бешеные, а твои, трудовые, не возьму, ты и не проси. У тебя семья...

О т е ц. Боюсь, что я уже не нужен семье.

Отец копается в бумажнике.

У меня есть чековая книжка...

Бася заталкивает бумажник ему обратно, и они начинают бороться, но в результате оказываются друг у друга в объятиях...

Б а с я. Не делай глупостей... не связывайся со мной. Это смерть.

О т е ц. Нет, я все сделаю для вас, я вас спасу.

Б а с я. Отравлюсь. А то они меня отравят. Ты достанешь яду, папуля?

О т е ц. Не говори так, у тебя вся жизнь впереди.

Б а с я. Ты веришь в это? Ты веришь, что я буду жить?

Они полулежат, откинувшись на спинку дивана, они перестали бороться. И разговаривают тихо, мирно, дружески.

Я старая, я уже не смогу полюбить.

О т е ц. Ты с ума сошла, моя драгоценная. Ты еще совсем девочка, у тебя вся жизнь впереди. И она будет счастливой.

Б а с я. А я полюбила еще в школе, я ему записку послала, а он думал, что записка от другой, от уродины. И они поженились, представляешь? Два урода!

О т е ц. Ты такая красивая, что ради тебя можно забыть обо всем.

Б а с я. А ты добрый. Добрый и честный. Тебе не нужно мое тело — ты хочешь, чтобы мне было хорошо. Тебе важно, какой я человек, да?

О т е ц. Да, моя дорогая. Я любуюсь твоей душой.

Б а с я. Ты их не боишься?

О т е ц. Я сейчас никого не боюсь. Ты вливаешь в меня силы.

Б а с я. Ты самый смелый.

О т е ц. Не говори так.

Б а с я. А ты красивый, у тебя красивая линия носа.

Бася проводит пальцем по лбу и по носу отца, она трогает его, постепенно возбуждая его и возбуждаясь сама.

О т е ц. Можно, я поцелую эти пальцы?

Б а с я. Поцелуй, мне приятно.

О т е ц. Ты родная, как будто я знаю тебя давно-давно.

Б а с я. А я тебя с детства помню, только не помню, кто ты такой?

О т е ц. В тебе есть совершенство, которому хочется поклоняться.

Б а с я. Обними меня, обними меня крепче... еще крепче, мне холодно, меня знобит!

О т е ц. Бася, не надо, я весь трепещу, остановись, я не владею собой!

Б а с я. Я рада, что ты не можешь. Ты первый, который увидел во мне человека, несчастного одинокого человека... ты меня понимаешь?

О т е ц. Я понимаю тебя.

Б а с я. Ты не оставишь меня?

О т е ц. Я старый, я прожил почти всю жизнь... и не встретил тебя.

Б а с я. Ты совсем не старый, у тебя молодые глаза, у тебя молодые руки.

Речь их становится все более бессвязной, разговор прерывается поцелуями и объятиями. Они как бы сползают все ниже, и вот они уже лежат рядом на диване.

Ты увезешь меня отсюда? Ты увезешь меня в Америку. Меня приглашали в Голливуд. Там меня не тронут.

О т е ц. Милая, нас поймают на границе.

Б а с я. А если не поймают?

О т е ц. Ты меня бросишь, ты меня сразу бросишь.

Б а с я. Может быть, и брошу, но перед этим отдам тебе все, что

есть во мне, чтобы ты всегда вспоминал меня с благодарностью. И больше у меня никого не будет.

О т е ц. Это мучение!

Б а с я. И ты умрешь. Ты умрешь от любви ко мне!

О т е ц. Да, я готов на это!

Б а с я. Мы умрем вместе... ох, ты мне делаешь больно! Мы умрем вместе, ты убьешь меня и потом покончишь с собой, ты обещаешь?

О т е ц. Да, я клянусь, что так сделаю.

Б а с я. Ты мой мужчина! Ты мой единственный, ты мой первый мужчина! Погоди, ты сам не разберешься в моих застежках — это я защищаюсь так от настойчивых клиентов. Погоди, погоди, я сама...

Бася протягивает руку и гасит свет.

О т е ц. Бася... какое ласковое имя...

Б а с я. Только не делай мне больно... О, мой любимый! Иди ко мне... Иди!

И тут неожиданно свет зажигается вновь. И он куда более яркий и холодный. Горит верхняя люстра, а раньше горел лишь торшер у дивана. В дверях стоит автоматчик. Рядом с ним — мужчина средних лет в форме генерала. Еще какое-то мгновение длится поцелуй, но при свете и поза, и даже дыхание любовников кажутся смешными и уродливыми.

М а р ш а л А х м е т. Та-ак... я опоздал. Вот значит, кто твой кавалер, Басечка.

Бася и отец вскочили, они встрепаны, и отец похож на старенького вороненка. Они никак не могут привести себя в приличный вид, отца это страшно заботит, но Бася об этом не думает.

Б а с я. Убей меня, убей! Задуши! Зарежь — я не хочу так! Сволочи, сволочи, сволочи!

О т е ц. Вы не имеете права! Вы мешаете! Я имею право на получение награды.

М а р ш а л *(подходя ближе)*. В самом деле? А ты кто такой, разрешите узнать?

О т е ц. Я лауреат. Сейчас я дам вам визитную карточку. Бася, где мой пиджак?

Б а с я. Дурак, какой дурак! Никому не нужна твоя визитная карточка.

М а р ш а л. Нет, почему же, я собираю визитные карточки.

Он подходит к Басе, берет ее за подбородок и смотрит внимательно, чуть улыбаясь. Она покорна маршалу.
Отец отыскал пиджак и достал визитную карточку.

О т е ц. Вот, можете убедиться!

Он видит странную дуэль и замирает. Маршал отталкивает девушку. Она чуть не теряет равновесия, отступает назад. Маршал оборачивается к профессору.

М а р ш а л. А ты что здесь делаешь? А ну, вон отсюда! Чтобы и духу твоего не было.

О т е ц. Вы просили мою карточку...

Маршал берет карточку, рвет и отбрасывает.

Б а с я. Папуля, уходи, пожалуйста. Ахмет — человек дикий.

О т е ц. Я не могу вас оставить.

Б а с я. Господь, кого ты посылаешь мне в защитники! Уходи сейчас же!

М а р ш а л. Тебе сказали. Иди. Кольцо получишь завтра у Пеца. Всем расскажешь, как ты замечательно провел ночь — твое счастье, что я добрый.

По знаку маршала автоматчик ведет Басю наверх.
В гостиную входит господин П е ц.

Ты здесь, Пец? Что так быстро? Телестанция наша?

П е ц. Там некому сопротивляться. С минуты на минуту она падет, мон женераль.

М а р ш а л. Отлично. А как казармы милиции?

П е ц. Там и не было сопротивления. Подходим к президентскому дворцу.

М а р ш а л. Отлично. Тогда мы имеем право отдохнуть. Отдохнуть в объятиях прекрасной дамы.

П е ц. Я полагаю, что народ вас поймет.

Маршал удаляется к лестнице на второй этаж, следом за Басей. Пец видит отца. Раньше он его не замечал.

Егор Адамович, чего же вы не уходите? Я вам рекомендую здесь не задерживаться. У Ахмета Рустамовича очень несдержанный характер.

О т е ц. Какое он имел право так врываться!

П е ц. Не волнуйтесь, в вашем возрасте это вредно. Он не врывался. Он произвел военный переворот. Армия давно уже с тревогой присматривалась к тому, как развиваются события в нашей стране, как разваливается экономика, как растет внешний долг и набирают силу антиобщественные элементы. И наконец сегодня ночью наступил момент, когда армия сочла необходимым взять власть в свои руки.

О т е ц. Ну, это неправда!

П е ц. Это правда чистой воды. Я вам читал наизусть отрывки из официального коммюнике, которое будет опубликовано завтра. А перед вами его автор. Армии всегда нужны гражданские советники и друзья. Кстати, вот ваше кольцо. Оно может вам понадобиться.

Кольцо как воспоминание о счастливой ночи в объятиях самой красивой женщины нашей родины.

Отец пытается надеть кольцо на средний палец — не лезет, тогда на указательный — не лезет.

Надевайте на мизинец — эти негодяи экономят на всем. Даже на мельхиоре для памятных колец. Идите, профессор.

О т е ц. Он не причинит вреда Басе?

П е ц. Что вы имеете в виду? Какой вред? Он просто станет ее постоянным лауреатом, а она его ежедневной наградой. Рано или поздно это должно было случиться.

О т е ц. Но она же не любит маршала авиации!

П е ц. Она вам сказала об этом?

О т е ц. Да.

П е ц. Значит, стерпится — слюбится... Она с вами была излишне откровенной.

О т е ц. Мы полюбили друг друга.

П е ц. В каком смысле?

О т е ц. В самом прямом. Вот здесь. *(Показывает на диван.)*

П е ц. Не говорите глупостей. Я лучше вас знаю, что нужно Басе. Такие мужчины, как вы, ей не нужны.

О т е ц. Я с вами не спорю. Есть вещи, о которых не говорят... Но теперь я имею право заботиться о ней. Хотите, я пожертвую жизнью ради ее спасения?

П е ц. Простите, ваша жизнь никому не требуется. Лучше берите кольцо и убирайтесь. И если даже Бася неудачно пошутила, забудьте об этом — в ваших же интересах.

О т е ц. Нет, это непорядочно. Она просила о помощи.

П е ц. Послушайте меня в последний раз. Не будьте занудой. Сейчас господин новый президент нашей страны обнимает вашу недавнюю подружку. Ваше присутствие в ее жизни настолько теперь нежелательно, что лишнее слово может стоить вам головы. Вы понимаете, что ваша голова сейчас еле держится на шее?

О т е ц. Понимаю.

П е ц. Она много пила? Впала в истерику?

Отец не хочет отвечать.

С ней это бывает. Вы еще не ушли, профессор? Я вынужден позвать автоматчика. В газетах мы выразим скорбные чувства по поводу трагической, случайной гибели во время переворота одного профессора.

О т е ц. Это ужасно.

П е ц. Это обыкновенно. Бася завтра забудет о своих неприятностях и сохранит свой пост первой шлюхи государства, а вот горе вашей семьи будет безутешным. Уходите.

О т е ц. Я ухожу... ухожу. *(Идет к двери. Как побитая собака. У две-*

ри останавливается.) Простите, Густав Андреевич, но вы видите, что я совершенно лоялен. Я ухожу, спокойно ухожу, не сопротивляюсь.

П е ц. Что вам нужно? Только быстро!

О т е ц. Если вы имеете отношения с маршалом Ахметом Рустамовичем...

П е ц. Имею. Но у меня десять секунд времени.

О т е ц. Это вопрос о месте в Военно-воздушных силах для моего Руслана. Он очень способный мальчик, но ему совершенно не подходит судьба филолога. Если бы не плоскостопие, он давно бы уже был в армии. Но, может быть, в порядке личного одолжения, я не постою за ценой, Густав Андреевич...

П е ц. А вы интересный фрукт, профессор. Совершенно стандартное порождение нашего подлого времени. Вам суждены благие порывы, но не благое поведение.

О т е ц. Вы меня неправильно поняли. Я никогда бы не стал просить ни о чем для себя лично, я понимаю аморальность такого поведения, но просьба за Руслана — это совсем другое дело. Это попытка вымолить прощение у моей жены.

Сверху спускается автоматчик.

П е ц. Обращайтесь с таким заявлением в канцелярию нового президента с восьми до трех по пятницам, ваше заявление будет благожелательно рассмотрено.

О т е ц. Я все понял. Мне не надо было просить.

П е ц. Конечно, не надо было.

О т е ц. Считайте, что я ничего не говорил.

П е ц. Чепуха, слово не воробей, вы наговорили тут на целую кассету. Вы мне надоели. Хотите, чтобы я приказал автоматчику вас вывести?

О т е ц. Нет, я сам.

Пец наливает себе вина. Хочет выпить. Отец так и не ушел, он стоит у двери.

Это ее бокал. На нем отпечатки ее губ.

П е ц. Автоматчик, выведите этого типа.

Автоматчик идет к профессору, и тот отступает, глядя на бокал. Пец допивает, проходит к проигрывателю, делает звук громче.

ЭПИЛОГ

Действие эпилога происходит перед входом в дом Баси. Лестница в несколько ступеней ведет наверх к подъезду, дверь которого сейчас приоткрыта и бросает пятно света на мостовую.

П р о ф е с с о р выходит из дома и, пройдя несколько шагов, останавливается в полной растерянности. Темно. Тихо. Слышны шумы ночного города, в

них вторгаются чуждые звуки — отдаленный грохот танковых гусениц, потом отдельные выстрелы.

Над профессором балкон второго этажа. В окне горит свет, но штора опущена. Это окно притягивает профессора. Он отступает от дома, не отрывая взгляда от окна.

Из темноты появляется его ж е н а. Профессор, намеревавшийся уйти, поворачивается и видит ее.

О т е ц. Маша, что ты здесь делаешь?

М а т ь. Тебя отпустили?

О т е ц. А меня в сущности никто и не задерживал. Какой ужас, это все произошло совершенно неожиданно!

М а т ь. Ты знаешь? Да? Только что объявили, что президента освободили от его обязанностей, а местонахождение его неизвестно.

О т е ц. Наверное, они его застрелили.

М а т ь. Временно обязанности президента будет исполнять маршал авиации Ахмет Рустамов. Ты его знаешь?

О т е ц. Рустамов. Я его только что видел.

М а т ь. Там?

О т е ц. Разумеется.

М а т ь. Я приехала сюда, когда они уже вошли. Я очень испугалась за тебя. Ведь они могли взревновать и убить тебя.

О т е ц. Все обошлось, все обошлось.

М а т ь. А этот телефонный звонок? Лидия сказала, что звонила эта шлюха, ты представляешь, какая наглость?

О т е ц. Это правда. Она очень хотела подружиться с Лидой. И с тобой хотела поговорить.

М а т ь. Какая наглость! Я бы растерзала ее этими руками.

О т е ц. Но ведь она не хотела такой жизни. Ей ее навязали.

М а т ь. Все проститутки говорят, что они — жертвы обстоятельств. А я тебе скажу, что тысячу раз труднее остаться порядочной женщиной и не продаваться озверевшим самцам.

О т е ц. Все не так просто, как ты представляешь. Черное — черное, белое — белое.

М а т ь. А у нее серо-буро-малиновое. Ах, как это глупо! Ты раньше говорил, что у тебя ни с одной женщиной не было, как со мной. А теперь все изменилось, да?

О т е ц. У нас с тобой это было так давно!

М а т ь. Для меня — вчера. Но ты не сознался.

О т е ц. Мне не в чем сознаваться.

М а т ь. Я должна благодарить маршала авиации?

О т е ц. Отчасти да.

М а т ь. А я так за тебя боялась. *(Подходит ближе, берет мужа за рукав.)* Ты знаешь, я шарф с собой взяла. У тебя горло слабое, а сейчас такие прохладные ночи стоят...

Она достает из сумки шарф и начинает завязывать его на шее мужа. Тот покорно стоит.

О т е ц. Как дети?

М а т ь. Дети? Не знаю, я им не сказала, что пошла к тебе.

О т е ц. Мари, а ты знаешь, что я сделал? Я попросил у маршала место в авиации для Руслана.

М а т ь. Только не в авиации. Это слишком опасно.

О т е ц. И так неловко получилось. Будто я продал им Басю за место для сына. И они заметили. Этот Пец заметил. Но мне сказали, что я могу прийти в пятницу, с восьми до трех.

М а т ь. Ты о ней все еще помнишь?

О т е ц. Ты ее совсем не знаешь. Она очень порядочная и добрая девушка.

М а т ь. Замолчи, если ты не хочешь, чтобы я тебя убила!

О т е ц. Мари, как тебе не стыдно! Я тебя не обманываю, у нас с Басей не было близости...

М а т ь. Вы просто не успели. Я по глазам вижу, что не успели. Вас прервали. Ах ты, старый развратник, — сколько ты студенток перепортил? Дядя Сима мне обо всем рассказывал.

О т е ц. Неужели ты слушала этого идиота?

М а т ь. Да, слушала. Всегда его слушала.

О т е ц. Он мне всю жизнь завидовал.

М а т ь. Я так больше не могу! Ты мысленно с ней — я чувствую, что ты думаешь о ней.

О т е ц. Ей сейчас плохо.

М а т ь. Я пришла, чтобы сообщить тебе, что я тебе изменяла. И неоднократно. Я даже не знаю, твой ли сын Руслан. Ты меня слышишь?

О т е ц. Господи, помолчи, Маша, ты в истерике, ты потом будешь жалеть о том, что говорила такие ужасные вещи! Пойдем отсюда, может, поймаем такси?

М а т ь. Ты не веришь, что я тебе изменяла? Я тебе изменяла даже с твоим братом, потому что ты всегда был ничтожеством... Ты думаешь, я старуха? А еще двадцать лет назад за мной стаей ходили мужики!

О т е ц. Маша, успокойся, это не играет роли.

М а т ь. Не тяни меня!

О т е ц. Пойдем, пойдем!

Он отводит ее от дома. И вдруг наверху, за балконом гаснет свет. Становится темнее. Отец останавливается.

Тихо, это ее спальня!

М а т ь. Ты чего остановился? Какое тебе до них дело? Пошли, миленький, пошли, Егорушка. Сейчас домой пойдем, баиньки, там нас деточки ждут, глазки просмотрели.

Теперь мать тащит отца, а он сопротивляется.
Вдруг слышен выстрел. За ним второй. Дверь на балкон распахивается, и из комнаты выбегает Бася. Она кидает вниз пистолет, и он громко ударяется об асфальт. Затем она перепрыгивает через поручни балкона и повисает на руках. Отпускает руки и падает вниз. Поднимается. Она растрепана. Платье на ней порвано. Слышны крики, в комнате зажигается свет.

Отец. Бася, я здесь!

Бася. Папуля! Ты меня дождался! Не отдавай меня им.

Они бегут навстречу друг другу и обнимаются.

Отец. Мы убежим, мы тебя спрячем, у нас в доме тебя не найдут. Ты его убила?

Бася. Не знаю. Бежим же!

Отец. А вот Мари, Маша, она все понимает, она хорошая, ты не думай, она добрая. Ну чего же ты, Маша, скажи, что ты не сердишься.

Мать отступает от них.
Профессор и Бася, взявшись за руки, рывками двигаются прочь от дома. Широко распахивается дверь на балкон, и в ней виден силуэт автоматчика. Распахивается входная дверь, по лестнице сбегает Пец. В руке револьвер. Профессор и Бася убежали уже на край сцены, но Маша стоит.

Отец. Маша, ну чего же ты!

Бася. Скорее! Ты ничего не понимаешь!

Отец. А как же Маша?!

Бася. Твою Машу никто не тронет. А меня убьют. Ты понимаешь — меня убьют!

Теперь она вырывает руку у профессора и бежит прочь. Профессор за ней. И тут оживает мать.

Мать. Они вон туда побежали! Она его уводит! Вот она!

Сверху с балкона автоматчик стреляет по беглецам. Пец бежит за беглецами. Мать за ним.
Потом, уже на краю сцены, Пец останавливается, прицеливается и стреляет. Профессор и Бася лежат у кулис, может быть, мы их и не видим — видна только рука Баси.
Остальные медленно подходят к телам.
Автоматчик ногой пробует, жива ли Бася.

Мать. Ну как же так? Я же просила — ее. Только ее. А зачем вы его убили?

Автоматчик. А ты не бегай.

Конец

КРОКОДИЛ НА ДВОРЕ

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Квартира № 1

Колюшкин Семен Семеныч. Средних лет упитанный некрасивый мужчина.

Квартира № 2

Кресс Эдуард Борисович. Ихтиолог. Одержимый человек.

Кресс Галина Платоновна. Директор рыбного магазина. Крупная, красивая, внешне веселая дама.

Квартира № 3

Мухина Елена Ивановна. Миловидная добрая женщина лет пятидесяти, работает счетоводом. В жизни ей мало везло, и она хочет, чтобы повезло другим.

Мухин Саша. Сын Елены Ивановны, бывший дальнобойщик, теперь таксист, уставший от ответственности и безнадежности.

Геня. Невеста Саши, найденная им в лесной речке. Русалка. Разумеется, неграмотная, смотрит сериалы, капризна, сама не знает, чего желает.

Квартира № 4

Плошкин Николай Лукьянович. Пенсионер. За шестьдесят, еще крепкий мужчина, не прочь жениться, изъясняется скучно и казенно, служил в армии, выше майора не поднялся.

Доктор

Местный житель

Спектакль идет с двумя занавесами. Первый занавес изображает нижние этажи стандартной панельной башни с подъездом в центре. Когда он раздвигается, то внутренний занавес представляет собой лестничную площадку с лифтом и двумя парами квартир по сторонам. Слева квартиры 1 и 2, справа — 3 и 4.

Когда действие переносится в одну из квартир, то раскрывается та часть внутреннего занавеса, что несет на себе изображение соответствующей двери, так что зритель догадывается, в какую из квартир мы вошли.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь, в стороне горит фонарь. По звукам проезжающих автомобилей можно догадаться, что недалеко пролегает улица.

Картина совершенно мирная.

И вдруг тишину прорезает отчаянный кошачий визг, словно сошлись коты в мартовской драке. Потом визг переходит в странный звук, в котором смешались хруст и чавканье... Все стихло. Лишь слышен отдаленный мерный гул. Из подъезда выбегает Колюшкин с хлыстом в руке. Подобно Карабасу Барабасу, он хлещет кнутом по асфальту. Потом кидается направо. С другой стороны медленно идет тень громадного крокодила. Крокодил исчезает за углом башни. Следом за крокодилом шагает Кресс с фонариком в руке. Лучом фонарика он елозит по земле, разыскивая следы. И уходит следом за крокодилом за угол дома. Дверь в подъезд приоткрывается. Возвращается крокодил. Он уверенно входит в приоткрытую дверь. Дверь хлопает. Возвращается Колюшкин. Тоже входит в дверь. Тишина. Наконец вернулся и Кресс. Он прячет фонарик и идет домой.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Следующий день. К вечеру. Солнце заходит. На скамейке у подъезда сидит Кресс. Он прислушивается: сверху из открытого окна доносится репортаж о футбольном матче. Рядом с Крессом на скамейке стоит желтый портфель. Взрыв шума на стадионе, крик комментатора. Кресс вскакивает, задирает голову. Он готов взобраться на скамейку. Подъезд открывается, и выходит Плошкин с большим ведром в руке. Ведро тяжелое, оттягивает руку.

Плошкин смотрит на Кресса с подозрением. Он на всех так смотрит.

Кресс. Здравствуйте.

Плошкин. А вы что здесь делаете?

Кресс. Вообще-то я живу здесь. Но ключи дома оставил. Специально в институте отпросился, а ключи оставил. И Галины дома нет. У вас какой телевизор?

Плошкин. Нет у меня телевизора. Вредно телевизор смотреть.

Кресс. Жалко. А я уж надеялся.

Плошкин. Да если бы и был, разве я пустил бы к себе чужого человека? У меня ценности дома!

Кресс. А может, ваш ключ к моей квартире подойдет?

Плошкин. У меня ключ по спецзаказу, норвежский рыболовный. На такие замки склады с лососиной запирают.

Плошкин уходит, вода плещется в ведре, оттуда выпрыгивает рыбка. Кресс кидается за рыбкой. Плошкин оборачивается, они сталкиваются.

Плошкин оказывается проворнее. Он кидает рыбку обратно в ведро.

Кресс. Любопытно, откуда она у вас?

Плошкин. В аквариум несу, племяннику.

Кресс. Откуда, откуда, откуда?

Плошкин. В зоомагазине купил — откуда еще?

Кресс. Адрес магазина?! *(Как привязанный, он шагает за Плошкиным, а Плошкин все ускоряет шаг.)* Сколько стоит?

Плошкин не отвечает, переходит на бег. Но умудряется не врезаться в Галину Кресс. Зато ее муж с ней сталкивается.

Галина. Ты куда? Разве у тебя футбол кончился?

Кресс. Ты ключ принесла! Спасибо...

Он хочет бежать дальше за Плошкиным, но тот уже исчез.

Ну что же ты его не задержала?

Галина. Ты футбол хотел смотреть?

Кресс. Футбол? Конечно, футбол. А знаешь, что у него в ведре было?

Галина. Вода.

Кресс. Принус симбиозис. Правда, меня смущает окраска. Лиловые полосы на жабрах.

Галина. Ты бы спросил.

Кресс. А он не хотел отвечать. Бежал быстрее лани.

Галина. На лань он непохож. Пошли домой?

Из подъезда выходит Елена Ивановна.

Елена Ивановна. Здравствуйте. Я в магазин собралась. Может, вам чего купить?

Галина. Ну зачем же так? Теперь продуктов всем хватит.

Кресс вырывает у нее ключи и скрывается в подъезде.

Елена Ивановна. Не знаю, не знаю. Раньше я сто двадцать получала. И Саша приносил. Ни в чем себе не отказывали.

Галина. Что в магазине дали, в том и не отказывали.

Елена Ивановна. А в чем отказывать? Даже на отпуск оставалось. Каждый год в Крым. А теперь — где Крым? Подарили.

Галина. А ваш сын работает или учится?

Елена Ивановна. Поздно ему учиться. Тридцать лет. А он в институт поступал, но тут Геня появилась. И сразу наше материальное положение пошатнулось.

Они замолкают, и слышно, как мерно доносится отдаленный шум.

Это у Плошкина в квартире.

Галина. Мне кажется, у него станок стоит, может быть, трикотажный.

Елена Ивановна. Не думаю.

Галина. У вас он рядом. Наверное, спать мешает?

Елена Ивановна. Мы привыкли.

Из подъезда выходит Колюшкин. Ведет на цепочке крупного кота. Второй высовывается из-за пазухи.

Галина. Моцион?

Колюшкин. Добрый вечер. В воспитании живых существ главное — режим, питание и свежий воздух.

Один из котов издает угрожающее мяуканье.

Он у меня любого пса разорвет. Большая внутренняя ярость заложена в этом небольшом хищнике.

Елена Ивановна. Вы вроде раньше их просто выпускали.

Колюшкин. До вчерашнего дня. Но сегодня ночью имела место трагедия. Кто-то разорвал на куски, буквально на куски Барсика. Лучшего бойцового кота, можно сказать, прирожденного киллера.

Елена Ивановна. На каждого киллера найдется антикиллер.

Колюшкин. И я его найду. И растерзаю. *(Уходит.)*

Елена Ивановна. Он мне неприятен. Он жестокий человек.

Галина. А я думаю, что он обыкновенный мужчина, который нашел свое дело. Любимое дело. Как и мой Эдик, он поглощен своим любимым делом без остатка.

Елена Ивановна. И все-таки трудно любить такое дело — разводить котов-киллеров. В этом есть что-то противоестественное. А ваш супруг кто по специальности?

Галина. Эдуард — ихтиолог. Вернее, даже ветеринар по болезням рыб. Но он увлечен другими проблемами, как бы вторичными.

К дому подходит Саша. Он несет абажур.

Саша. Здравствуйте.

Елена Ивановна. Ты что, премию получил?

Саша. Нет, у Юры Митина занял.

Елена Ивановна. Ну сколько можно испытывать человеческую снисходительность? Пошли, пошли. До свидания, Галина Платоновна.

Все они входят в подъезд. Внешний занавес поднимается. Следом за ним раскрывается внутренний занавес в той части, где нарисована дверь к Мухиным — в третью квартиру.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка в квартире Мухиных бедная, вещи остались большей частью тех времен, когда был жив муж Елены Ивановны. А вот новых вещей почти нет. Даже лампа над столом в бумажном абажуре.

Саша. Геня, смотри, что я купил!

Елена Ивановна. Наверное, дорогой?

Саша. Умеренно. Геня, ты не утонула?

Геня наконец появляется в комнате. Она в халатике, волосы распущены, она производит впечатление больной, несчастной девушки, притом жалеет себя и подчеркивает свое состояние. Ей нравится, что Елена Ивановна и Саша постоянно чувствуют себя перед ней виноватыми.

Геня. Мне сегодня нездоровится. Здесь першит... А ты что принес?

Саша. Вот, абажур. Ты жаловалась, что тебе без абажура неуютно. Видишь, я его здесь повешу.

Геня. Ты с ума сошел! Он же оранжевый! Неужели ты не знаешь, что оранжевый цвет меня как бы раздражает. У меня от него глаза болят. Скажи, ты нарочно купил такой абажур, чтобы меня мучить?

Саша. Геня, не волнуйся. Ну не будем мы вешать этот абажур.

Геня. И купим другой?

Саша. И купим другой. Голубой. Хочешь голубой?

Геня. И откуда же у тебя деньги на голубой? Что, снова Юра Митин даст?

Саша. Извини. Я этот сдам и возьму голубой. Я ведь хотел теплее цвет, чтобы уютней, понимаешь? Но сменим. Завтра пойду и сменю. Я чек сохранил.

Геня. Я иногда поражаюсь твоему легкомыслию. У меня как бы нет купальной шапочки, халат еле держится, даже шлепанцы старенькие. Ты видишь? А он покупает абажур. Наверное, иностранный.

Саша. Турецкий. Дешевый.

Геня. Вот видишь, дешевый! А знаешь, что говорила моя мама? Мама всегда говорила: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи.

Елена Ивановна. Генечка, не волнуйся, тебе вредно волноваться.

Саша. И врать не стоит — твоя мама кинула тебя в воду и забыла о тебе. Как она могла тебе советы давать?

Геня. Глупый, мы с ней потом встретились, она мне столько всего интересного рассказывала. А потом ее убили... Из нашей кожи сумки делают. *(Картинно рыдает и убегает из комнаты.)*

Елена Ивановна. Зря ты так девочку обидел. Она же нервная.

Саша. Иногда ее фантазии меня достают... ведь это все ее выдумки.

Елена Ивановна. Девочка росла без матери, и конечно же, у нее появились фантазии. Любому ребенку нужна семья, а что у нее было?

Саша подходит к двери в другую комнату и стучит.

Саша. Геня, открой, я прошу прощения. Извини меня.

Геня. Не открою. Ты уже тысячу раз прощения просил. *(Заходится в кашле.)*

Елена Ивановна. Надо срочно вызывать доктора. Не нравится мне этот бронхит.

Саша. Может быть, платного?

Елена Ивановна. У нас свой, участковый, говорят, неплохой.

Саша. А вдруг он заметит что-нибудь в ее организме? Ведь мы так старались, мама...

Елена Ивановна. Мы не можем рисковать здоровьем Гени.

Геня *(выходит к ним)*. Вам все равно, какое у меня здоровье. Мне надо на свежий воздух, к воде.

Елена Ивановна. Где ее найдешь? Еще апрель, вода холодная.

Геня. А вы меня на Черное море отвезите. Или на Кипр. По телевизору такая реклама. Кипр! Там все отдыхают.

Елена Ивановна. Ты же знаешь, у нас пока денег нет.

Геня. Заработайте, украдите, в конце концов! Я что, просила меня в Москву привозить?

Саша. Ты бы померла.

Геня. Это твоя теория. Может, ты притворился, что мне так плохо, чтобы утащить и соблазнить.

Саша. И до сих пор не соблазнил?

Геня. А я не хотела.

Елена Ивановна. Дети, дети, зачем ссориться? Все будет хорошо. Ты весну у нас поживешь, а вот летом мы тебе найдем место. Чистое.

Геня. Снова в лес хотите меня отправить? Чтобы я в глуши погибла? Вы же так сделали, что я к телевизору привыкла. Саша обещал меня в вечернюю школу устроить. А теперь все — убирайся в свой лес? Я на вас в суд подам.

Саша. Ну что я могу поделать! Ты же сама мне не хочешь помочь! Тебе телевизор зачем нужен?

Геня. Чтобы смотреть.

Саша. Что смотреть? Конкретно, что?

Геня. Сейчас сериал начинается.

Саша. Это зрелище для кошек, а не для людей. Там ни одной мысли нет. А ты хоть одну разумную передачу посмотрела? Учебную?

Геня. Перестань меня травить. Лучше я умру! Да, конечно, я скоро умру, и вы от меня избавитесь.

Елена Ивановна. Вряд ли Саша хотел от тебя избавиться, когда тащил из речки.

Геня. Я уже ничего не знаю! И никому не верю. Может, вы меня съесть хотите? Известны такие случаи.

Саша. Неизвестны такие случаи. А вот один Отелло задушил одну Дездемону, потому что она надоела ему своим глупым нытьем.

Геня. Она была русалкой?

Саша. История об этом умалчивает.

Геня. А что сделали с Отеллой?

Саша. Книги надо читать.

Геня. А по телевизору про него показывали?

Елена Ивановна. Может, ты покушаешь немножко? Я картошки поджарила на подсолнечном масле.

Геня. У меня нет аппетита. А что сделали с Отеллой?

Саша. Его посадили в тюрьму.

Геня. Всего-то? Он Дездемону задушил из-за пустяка, а его только в тюрьму. Я бы его тоже задушила. Нельзя русалок уничтожать. Им место в Красной книге.

Елена Ивановна. А может, ты хочешь погулять?

Геня. Наверное, дождик начинается.

Елена Ивановна. Погуляешь, аппетит нагуляешь. А Саша пока обед подогреет.

Геня. А ветра нет?

Саша. Ты же молодая! А всего боишься.

Геня. Всего! А ты не способен к жалости. Пошли, баба Лена. И когда умру, ему станет стыдно.

Саша. А ты куртку надень. А то продует.

Геня. Вот назло тебе не надену.

Сама берет с полки куртку и натягивает. Она первой идет к двери. Уверенно, будто сомнения покинули ее.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Елена Ивановна с Геней выходят на улицу. Вечереет.

Елена Ивановна Куда пойдем? Хочешь, в сквере погуляем? Или на пруд?

Геня. Пойдем куда-нибудь, только недалеко.

Они едва успевают дойти до угла дома, как навстречу им шагает Кресс, который несет сумку с пивом.

Кресс. Наши выиграли. Вы слышали?

Елена Ивановна. Поздравляю. Вы, наверное, очень рады?

Кресс. Не то слово.

Елена Ивановна. А это Геня. Геня, это Эдуард Борисович. Наш сосед. Ихтиолог по пресноводным болезням рыб.

Кресс. Просто Эдуард, просто. Называйте меня просто Эдуардом. Что-то вы такая бледненькая.

Геня. Я не бледненькая. Я буквально как бы зеленая. Эта жизнь не для меня.

Елена Ивановна. Геня родом с севера, привыкла жить на свежем воздухе, а у нас, в Москве, сами понимаете, разве это воздух.

Кресс. Экологическая катастрофа. Вот именно. Только пивом и спасаюсь. Вы любите пиво?

Геня. Не выношу!

Кресс. Я тоже. А волосы вы красите?

Геня. Я такой родилась.

Кресс. Вот именно. Такой родилась.

Он идет к дому.

Елена Ивановна. Может, домой вернемся?

Геня. Не хочу домой. Пошли на рынок.

Елена Ивановна. Но Сашенька будет с обедом ждать.

Геня. Подождет. А мы *всякой зелени* купим.

Елена Ивановна. Погоди тогда здесь, я кошелек возьму. *(Возвращается в подъезд.)*

Идет с прогулки Колюшкин. Один кот на поводке, второй за пазухой. Геня пугается, вскакивает с ногами на скамейку.

Колюшкин. Вот чудачка, мои зверюшки людей не трогают, они на другую дичь натасканы.

Слышно злобное кошачье шипение.

Ну, маленькие мои, ну крошки, это девушка! Не трожь, тебе говорю!

Геня. Саша!

Но из дома выбегает не Саша, а Кресс. В руке старинная книга в кожаном переплете.

Кресс. Я из окна увидал. А ну, уберите своих зверей! Видите, девушка боится.

Колюшкин. Я лучше знаю, кого убирать, а кого оставлять! Мои коты без приказа ни на кого не кидаются.

Кресс. Так дайте им приказ ползти домой, а то я им ноги обломаю!

Колюшкин. Ты что вдруг взъярился? Таких, как она, на любом перекрестке — ложкой можно хлебать.

Кресс. Что вы понимаете! Эта девушка, возможно, занесена в Красную книгу!

Геня осторожно спрыгивает со скамейки, и тут ей навстречу выходит Елена Ивановна.

Елена Ивановна. Что случилось? Кто тебя обидел?

Геня. Эти животные хотели меня сожрать!

Колюшкин. Чепуха, Елена Ивановна. Вы же меня знаете! Разве мой кот хоть кого-нибудь сожрал или даже поцарапал?

Елена Ивановна. Бог вас знает. Но люди и собаки вокруг исчезают и некоторые на вас думают.

Колюшкин тянет своих зверей к подъезду.

Колюшкин. За такую клевету я вас знаете куда упеку?

Кресс. Учтите, что я свидетель того, как вы натравливали животных на детей.

Колюшкин. Еще чего не хватало. Уж с котом не выйдешь погулять! А вы знаете, что этой ночью я недосчитался одного сиамца? Жуткой преданности мне был кот. Возможно, предотвратил покушение. У меня на него были выгодные предложения! *(Уходит.)*

Кресс. Опасный человек. Я бы на вашем месте не выпускал девушку одну.

Он подходит к Гене — само внимание.

Ты так запыхалась. Ты вообще кошек не любишь?

Геня. И волков не люблю. А людей просто ненавижу.

Кресс. У тебя было трудное детство?

Геня. Детство как детство.

Кресс. А твои родители?

Геня. Мои родители, как и все родители, как бы наметали икру и снова кинулись к своим играм и хороводам. Вы же понимаете!

Из подъезда выходит Саша.

Елена Ивановна. Ты куда?

Саша. С ребятами в кинга сыграем.

Елена Ивановна. Генечка, пошли домой, уже вечереет. Ты можешь простудиться. Видишь, как ты кашляешь. Вы, Эдуард Борисович, не обращайте внимания, у девочки жар. Я даже доктора вызвала. Районного. Обещал до восьми быть.

Кресс. Правильно. Совершенно правильно! Доктор необходим таким существам, как ваша Геня. Совершенно необходим. И если понадобятся лекарства или, может быть, диетическое питание, вы не стесняйтесь, по-соседски я ради Гени на многое пойду.

Елена Ивановна. Спасибо большое, но мы оба с Сашей работаем, нам хватает.

Геня. Хватает, но не всегда. Мне, например, так хочется ананаса, а никто мне как бы не покупает ананасов.

Елена Ивановна. Постыдись людей, Геня. Я завтра же куплю тебе ананас.

Геня. Когда после напоминания, это совсем не так сладко, как кажется.

Елена Ивановна уводит Геню. Геня оборачивается и смотрит на Кресса. Видно, с ней еще не говорили так мягко, так заискивающе.

Кресс. Неужели? Неужели такое счастье? И так близко от собственного дома? Такого везения не бывает... и я должен все проверить...

Кресс усаживается на скамейку, потом поднимается, начинает мерить шагами площадку перед домом. Он садится, раскрывает большую старинную книгу и читает, водя пальцем по страницам.

Вот именно! Именно так! *(Смотрит на часы.)* Безобразие. Наша медицина никуда не годится. Где ваша пунктуальность, господин доктор?

Идет доктор. Совсем иного сложения и внешности мужчина, нежели Кресс. Кресс отступает с его дороги, но доктор обращается к нему.

Доктор. Скажите, пожалуйста, это дом шесть корпус два?
Кресс. Может быть. Я не здешний.
Доктор. Ага, вон написано! Видите — дом шесть корпус два.

Направляется к подъезду. Он входит в подъезд. Кресс за ним.

Кресс. А вы — доктор?
Доктор. Я участковый врач. Направляюсь по вызову в квартиру номер три.
Кресс. Совершенно верно.

Он входит в подъезд следом за доктором.
Вечер. Уже тихо, только слышно, как работает какой-то станок у Плошкина. Потом из подъезда доносится короткий крик.

Доктор. Как вы смеете... прекратите...

Тишина.
Внешний занавес раскрывается. Лестничная площадка. Доктор связан, во рту кляп. Он засунут в щель между лифтом и распределительным шкафом. Кресс в белом халате, с саквояжем звонит в третью квартиру. Дверь раскрывается. Его встречает Елена Ивановна.
Кресс входит. Мы видим, что он в рыжем парике, темных очках. Совсем непохож на себя.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Мухиных.

Кресс *(стараясь говорить низким голосом)*. Где наша больная?
Елена Ивановна. Руки здесь мыть — на кухне.
Кресс. Руки? Я сегодня уже мыл. Давайте, давайте, мне некогда с вами прохлаждаться.
Елена Ивановна. Геня, ты уже в ванну успела залезть! Ну зла

на тебя не хватает. Ты же знала, что доктор пойдет. Зачем в ванну залезла? Доктор, садитесь. Может, чаю хотите?
Кресс. Чаю я не хочу. Я хочу больную.
Елена Ивановна. Кого же вы мне напоминаете? Я вас раньше не встречала?
Кресс. Может быть, уже вызывали?
Елена Ивановна. А вы не помните?
Кресс. Вас много, гражданка.

Входит Геня. Опять в халатике, волосы по плечам.

Геня. Ну иду, иду, зачем меня вызывали?
Елена Ивановна. К тебе доктор пришел.
Геня. Вижу. Вы ко мне?
Кресс. Что вас беспокоит?
Елена Ивановна. Хронический бронхит.
Кресс. Тогда давайте для начала заполним историю болезни. *(Открывает портфель доктора и начинает в нем копаться, на пол падает стетоскоп, тонометр, бумаги, разлетаются рецепты.)* Так, дайте мне лист бумаги! Что, у вас бумаги дома не найдется?

Геня с Еленой Ивановной собирают содержимое портфеля. Кресс не смотрит на них. Он начал писать.

Больная, год и место рождения?
Геня. Примерно лет восемнадцать назад, а может, двадцать.
Кресс. Точнее.
Геня. Куда уж точнее.
Елена Ивановна. Геня происходит из глухой деревни, ее родители скончались, и поэтому не сохранилось документов!
Кресс. И где же эта таинственная деревня?
Елена Ивановна. Вологодская область, Великогуслярский район. На реке Гусь.
Кресс. Чем болела в детстве?
Геня. Чесоткой. У нас многие чесоткой болели. Потом кожа стала облезать.
Кресс. И какой вам поставили диагноз?
Геня. А кому ставить-то? Но я понимаю теперь — интоксикация организма. Как бы отравление. Там химкомбинат по производству стирального порошка поставили. От этого порошка весь район как бы вымер. Зато, говорят, порошок был исключительный. Смешно, правда? У меня мама померла и все тетки.
Кресс. А ваш отец?
Геня. А кто их, мужиков, у нас помнит?
Кресс. Типичный случай. Я об этом неоднократно читал в специальной литературе. А Магнус Великолепный специально указывает. И на что жалуетесь?

Елена Ивановна. Кашель. Бронхит. Я же сказала!

Кресс. А с вами, гражданка, никто не разговаривает. Помолчите. Я пришел к больной, а не к вам.

Геня. Правильно. А то они все время меня как бы учат и учат.

Кресс. Давайте вас послушаем.

Геня. Давайте.

Кресс. Разденьтесь до пояса.

Геня. Зачем?

Кресс. А то как же я буду вас слушать.

Геня. Я буду говорить, а вы слушайте.

Елена Ивановна. Может, в следующий раз?

Кресс. Следующего раза не будет. Если станете сопротивляться, я вызову «Скорую помощь». Кстати, психиатрическую. Это вам что-нибудь говорит?

Елена Ивановна. А за что? Что мы сделали?

Кресс. А вот это мы посмотрим. Раздевайтесь.

Елена Ивановна. Делай, раз велят.

Геня скидывает халат и остается в трусиках и лифчике. Кресс жестом велит ей снять лифчик. Геня оглядывается на Елену Ивановну, та только руками разводит. Доктор отыскивает в портфеле стетоскоп и не очень ловко начинает слушать Геню.

Кресс. Дышите. А теперь не дышите. Снова дышите. А вот здесь не дышите.

Геня. Ой, щекотно!

Кресс. Забудьте о щекотке.

Геня. Я ваши руки как бы знаю.

Кресс. Помолчи, мое солнышко.

Геня. Я устала дышать.

Елена Ивановна. А ты отдохни. Доктор, ну пожалейте Генечку. Ей трудно, пускай отдохнет.

Кресс. Пускай отдохнет. А теперь дай-ка я твою головку осмотрю.

Елена Ивановна. Не надо! Там все в порядке.

Кресс. Открой рот и скажи «А»!

Геня. Аааа.

Кресс. Еще раз.

Елена Ивановна. Что у нас?

Кресс. Пока сказать не могу.

Он берет руками голову Гени и начинает прощупывать кожу за ушами девушки.

А ну-ка, что у нас за ушками? Вдохните! И подышите ушками.

Елена Ивановна. Она совершенно нормальная.

Кресс. Мамаша, попрошу не притворяться. У вашей девочки совершенно нормальные жабры. Скажите на милость, откуда у русского ребенка могут получиться жабры?

Елена Ивановна. Ума не приложу. Но знаю, что у Гени бронхит, и вы должны дать лекарство от бронхита.

Кресс. От бронхита, говорите? Ха-ха-ха.

Елена Ивановна. И не надо над нами издеваться. Мы простые люди, и если что не так, то лучше объясните, чем издеваться.

Геня. Мне за ушами как бы щекотно.

Кресс. Еще бы, воздух сушит. А вы в ванночке любите лежать?

Геня. Кто не любит!

Кресс. Любите?

Геня. А где еще лежать?

Кресс. На кровати.

Геня. В ванне лучше.

Елена Ивановна. Генечка у нас и на кровати спит, вы не думайте.

Кресс. А что же я думаю?

Елена Ивановна. Бог вас знает.

Кресс. Кто отец ребенка?

Геня. Она — моя бабушка.

Кресс. Гражданка Мухина, покажите мне свои уши.

Елена Ивановна. Еще чего не хватало. Я совершенно нормальная женщина.

Кресс. Значит, ваша Геня ненормальная?

Елена Ивановна. Вот уж этого я не говорила.

Кресс ощупывает голову Елены Ивановны. Та вырывается. Кресс удовлетворен.

Кресс. Так кто же отец ребенка?

Елена Ивановна. Не помню.

Кресс. Вот ответ, достойный советской женщины. А вы, Геня, раздевайтесь дальше.

Геня. Совсем?

Кресс. Ладно, оставьте трусики... пока.

Елена Ивановна. Может быть, не стоит...

Геня. Ничего, пускай смотрит.

Кресс *(негромко)*. Я готов смотреть всегда. Согните ножку в колене.

Геня садится перед ним и протягивает ногу, кладя пятку на колено доктору.

Вот именно этого я ожидал. Чем выводите чешую с ног?

Геня. Пятновыводителем «Триумф», вы знаете его? Показать?

Кресс. Это же опасно! Можно такую экзему заработать!

Геня. А вы что посоветуете?

Кресс. Я посоветую прежде всего не идти против природы! При-

рода наградила вас чешуей на ногах и берегите ее! Чешуя, девушка, дается человеку однажды.

Геня. Но я ведь не человек!

Кресс. Чепуха. Вы относитесь к человеческому племени, хоть и редкой его разновидности. Мы с вами можем дать потомство.

Геня. Мы с вами?

Кресс. Я в переносном смысле.

Геня. Вы думаете, не надо было чешую сводить?

Кресс. Я в этом убежден.

Их разговор постепенно приобретает интимный характер, как будто Елены Ивановны в комнате нет. Той становится неприятно, и она вмешивается.

Елена Ивановна. Геня шутит. Какая еще может быть чешуя на ногах!

Кресс отрывает от икры девушки нечто маленькое, как блестка, и показывает Елене Ивановне.

Кресс. И как это называется?

Геня. Мне холодно.

Кресс. Гражданка, ваша внучка, без всяких сомнений, русалка.

Геня. И что в этом плохого?

Кресс. Ничего плохого. И среди русалок встречаются приличные люди. У меня долгое время были подозрения, что моя собственная жена русалка, но в последние годы я вынужден был отказаться от своих подозрений.

Елена Ивановна. Значит, русалкам можно замуж за человека выходить?

Кресс. Все равно что узбечкам.

Елена Ивановна. И дети будут?

Кресс. Как пишет Магнус Великолепный в своем труде, изданном впервые в 1576 году и ныне забытом, русалки могут размножаться как люди, то есть, простите, традиционным способом.

Геня. Вы мне расскажете потом?

Кресс. А в экологически трудные моменты или в периоды стихийных бедствий русалки порой переходят к рыбному способу, то есть мечут икру.

Елена Ивановна. Какой ужас!

Геня. Не бойтесь, со мной этого не случится.

Елена Ивановна. Вы выпишете нам лекарства?

Кресс. Я сам принесу. Куплю и принесу. Потому что я против того, чтобы привлекать к Гене излишнее внимание других людей. Это может стать опасным.

Елена Ивановна. Спасибо, доктор.

Кресс. Я завтра приду. После шести.

Елена Ивановна. А что пока посоветуете?

Кресс. Беречься от простуды и больше фруктов.

Отчаянный звонок в дверь.

У вас окно без решеток?

Елена Ивановна. Разумеется, без решеток. Что у нас воровать?

Звонок звенит без перерыва. Затем в дверь начинают молотить. Кресс старается открыть окно. Геня заливается смехом. Елена Ивановна бросается к ней, опасаясь, что она не в себе. Наконец Кressу удается раскрыть окно и он выпрыгивает наружу. Черные очки остаются на полу, затем халат влетает снаружи в комнату, как птица. Елена Ивановна в полной растерянности бежит к двери. В комнату врывается доктор, сидевший связанным у лифта.

Доктор. Где он? Где этот мерзавец и грабитель? Где этот убийца? Скорее дайте мне телефон, я позвоню в милицию.

Тут он видит на столе свой чемоданчик и кидается к нему. Начинает проверять, все ли на месте. Потом бежит к окну.

Тут невысоко. Но, надеюсь, он сломал ногу. И халат мой помял, даже испачкал. Нет, вы посмотрите, он его испачкал! *(Натягивает халат.)*

Елена Ивановна. Зачем ему это понадобилось?

Доктор. А вы вещи проверяли? Телевизор, радиолу? Под видом врачей порой работают обычные грабители.

Геня. А он не грабитель. Я его узнала.

Елена Ивановна. Что? Он местный? Откуда ты его узнала?

Доктор. Немедленно звоним в больницу.

Геня. Нет, не звоним. *(Она уже оделась. Снова в халатике.)*

Елена Ивановна. Вы руки мыть будете?

Доктор. И на что жалуемся?

Елена Ивановна. У нас бронхит.

Доктор. У вас тоже?

Елена Ивановна. Только у Гени.

Доктор. Вот с ней я и поговорю. На что жалуетесь?

Геня. Кашель, слабость, печальные мысли и чешуя на ногах.

Доктор. Раздевайтесь... нет, не вся. Только до пояса. Покашляйте. Все ясно. Купите в аптеке бальзам Биттнера. И спросите там каких-нибудь капель от кашля.

Елена Ивановна. Что-нибудь серьезное?

Доктор. Ничего серьезного. Сезон неудачный, весна.

Геня. А ноги смотреть будете?

Доктор. Зачем?

Геня. Чешуя.

Елена Ивановна. Доктор пришел по поводу бронхита.

Геня. Правильно. По поводу бронхита.

Доктор. На визиты надо теперь выезжать с автоматчиками. Тебя могут убить в подъезде.

Елена Ивановна. Значит, ничего опасного?

Доктор. Обычные недомогания молодости. Все пройдет, как с летних пам-пам дым.

Геня. Доктор, я русалка, и мне очень трудно жить в городе.

Доктор. Смешно. У вас и жабры есть?

Геня. За ушами.

Елена Ивановна. Генечка, не надо так переживать. У тебя, наверное, температура поднялась.

Доктор. Я понимаю шутки. Понимаю, понимаю! Счастливо оставаться. У меня еще четыре визита. И кого только не встретишь в моей профессии. Я тут позавчера одну старушку осматривал, даже трудно ее старушкой назвать, отлично сохранилась. Представляете, оказалась привидением. А ее мучает артрит, она ничего не может поделать, привидение с артритом. Ха-ха.

Геня. Сказки. Привидений не бывает.

Доктор. Русалок тоже.

Геня. А тот, первый, доктор сказал, что я отношусь к тому же виду, что сухопутные люди.

Доктор. А вы лучше проверьте, что из вещей пропало.

Геня. Он был хороший. У него руки мягкие.

Доктор делает Елене Ивановне знак, чтобы она отошла с ним к двери. У дверей, понизив голос, он говорит.

Доктор. Русалка или привидение, но дело серьезное. Боюсь, что она долго не протянет. Серьезный случай.

Елена Ивановна. Но ведь есть лекарства?

Доктор. Говорят, в Японии что-то изобрели. Но у них, как вы знаете, одни саламандры остались, русалок давно уже всех перебили. Они из них пирожки делали.

Елена Ивановна. Какой ужас!

Доктор. Жаль девушку. Мне всех жаль.

Геня *(кричит из комнаты)*. Баба Лена, что он там тебе говорит? Что я скоро умру, да?

Елена Ивановна. Если дорого, мы постараемся денег занять.

Доктор уходит.

(Сразу оборачивается к Гене). Кто был тот первый доктор? Ты его откуда знаешь?

Геня. Я пошутила. *(Уходит в ванну, на ходу отбрасывая халатик.)*

Елена Ивановна берет сумку, надевает плащ.

Елена Ивановна. Я дойду до рынка, пока не закрылся, у нас на завтра даже молока нет. И хлеб кончился.

Геня не отвечает.

Никому не открывай.

Она уходит, и слышно лишь, как мерно работает какая-то машина в квартире Плошкина. Потом раздается звонок в дверь. Геня вынуждена вновь надеть халатик на мокрое тело и открыть дверь. За дверью Кресс. Он в парике, но без очков.

Геня. Привет. Вы чего? Бабы Лены дома нет.

Кресс. А я к тебе. Лекарства принес.

Геня. Как обещали? Ну заходите, заходите и рассказывайте, зачем вы хулиганили?

Кресс. Мне хотелось на вас как следует посмотреть.

Геня. И понравилась?

Кресс. А как догадалась?

Геня. Руки не изменить. Руки у вас те же самые.

Кресс. Старый наивный дурак! Как я мог дать такую промашку! И Елена Ивановна тоже заметила?

Геня. Нет, она испугалась, а я не испугалась. А какие вы мне лекарства принесли? Вкусные?

Кресс достает коробку конфет.

Кресс. Шоколадные конфеты уважаете?

Геня. Разве можно уважать конфеты? Конфеты надо есть.

Кресс. Тогда ешь.

Геня. А можно я не буду их бабе Лене показывать?

Кресс. Не показывай.

Геня. А можно я их Саше не покажу?

Кресс. Не показывай.

Сам Кресс при этом ходит вокруг Гени, осматривает ее, трогает и даже пощипывает. Геня не обращает внимания, она занята своими мыслями.

Геня. Щекотно... Я Саше не покажу, потому что Саше это не понравится. Он как будто мой хозяин, а я его любимец. Вы знаете, что такое любимец? Это домашнее животное. Почему вы там меня трогаете? Мне там щекотно.

Кресс. Только щекотно?

Геня. Нет, не только.

Кресс. А ты расскажи мне, как ты сюда попала.

Геня. А вы знаете, что это тайна?

Кресс. От меня у тебя не будет тайн.

Геня. Почему?

Кресс. Потому что я тебе нравлюсь.

Геня. Какая глупость! Вы старый и совсем некрасивый.

Кресс. А еще?

Геня. А еще вы умеете командовать и люди вас слушаются. Я никого не слушаюсь, а вас слушаюсь.

Кресс. Вот видишь. Это выгодно выделяет меня среди твоих поклонников.

Геня. У меня нет поклонников. У меня только Саша, а он мне надоел. Знаешь почему?

Кресс. Почему?

Геня. Он слишком часто говорит слово «извини». Как будто всегда передо мной виноват. А это раздражает. Тебя бы тоже раздражало. А как тебя зовут?

Кресс. Эдуардом Борисовичем.

Геня. Эдик, а чего тебе от меня надо?

Кресс. Пока сам не знаю. Сначала ты расскажи, как здесь оказалась, а потом посмотрим.

Геня. Мы вологодские. А эти сволочи химкомбинат построили на Потьме. Пока вы совещались, как сохранить животный мир — это я тоже животный мир! — мы и вымерли. Не первый и не последний случай.

Кресс. А потом?

Геня. Сашок тогда дальнобойщиком работал. По мостику переезжал и увидел меня у самого берега в бессознательном состоянии. Вытащил, откачал. Еще мое счастье, что я двоякодышащая. И живучая как кошка.

Кресс. Это тебе потом рассказали?

Геня. Елена Ивановна. Она меня воспитывает и хочет сделать человеком. Только побаивается, что я ее любимого Сашеньку заграбастаю. Ну какая из меня жена! Чуть что — в ванну, не читаю, не стираю, хозяйство не веду.

Кресс. Вам нужен состоятельный ответственный мужчина. Чтобы мог о вас заботиться, вывозить вас к морю...

Геня. К морю...

Кресс. На песчаный пляж...

Кресс держит Геню за руку, привлекает ее к себе. Геня покорно приближается к нему.

Перед нами открывается широкая дорога к жизни.

Слышно, как звякает звоночек — предупредительно...

Геня. Саша!

Кресс. Увидимся, моя прекрасная леди!

Он кидается к тому же окну, сквозь которое вылезал недавно. Входит Саша. В руке у него голубой абажур.

Саша. Что случилось? На тебе лица нет.

Геня. Ничего... жарко...

Саша. Это только кажется, что жарко, а на улице гадчайшая погода. *(Подходит к окну и выглядывает.)* Любопытно, кто это весь газон под окном вытоптал, словно стадо слонов резвилось. Надо будет решетки на окна поставить. Точно, надо поставить решетки.

Геня. А меня ты спросил?

Саша. Почему я должен тебя спрашивать?

Геня. Очень просто. Я не хочу жить в тюрьме. Может быть, я захочу убежать. Как мне убежать, если ты хочешь сделать настоящую тюрьму. Тебе-то легко, ты не знаешь свободы. Вы, люди, только по тюрьмам и привыкли жить. Как я тоскую по воле! Наверное, я готова к любому убежать, кто мне свободу пообещает.

Саша. Ты свободная. Ты живешь у нас потому, что пока еще тебе некуда деваться. Как только я как следует заработаю...

Геня. Я это уже полгода слышу!

Саша. И еще услышишь. А если ты хочешь попасть в зоопарк или в институт, где тебя разберут на молекулы, — добро пожаловать!

Геня. Какой ты жестокий.

Саша. Я не жестокий, я терпеливый.

Геня. Ты ждешь, когда мне исполнится восемнадцать лет, чтобы надо мной надругаться, да? Ты хочешь сделать меня своей сексуальной рабыней!

Саша. Откуда ты этого бреда нахваталась?

Геня. Откуда все нахватываются. Я днем популярные передачи смотрю. Ты даже не подозреваешь, сколько интересных вещей нам, пленницам мужского шовинизма, рассказывают.

Саша. Хочешь — уходи! Дверь открыта, окно открыто.

Геня. Я бы ушла, но Елена Ивановна этого не переживет.

Саша. Ну хорошо, хорошо, извини меня. Я не прав. Скажи, как тебе этот абажур?

Геня. А что в этом абажуре?

Саша. Ты же хотела голубой.

Геня. В самом деле?

Саша. Ты забыла?

Геня. Я ничего не забываю. Просто это сейчас уже несущественно. Как ты умеешь подменять важные проблемы спорами по пустякам!

Саша. Я просто надеюсь, что когда-то в один прекрасный день ты меня полюбишь. Может, не так, как я тебя, может, просто как друга...

Геня. Учти, я никогда тебя не полюблю. Во-первых, я всегда ощущаю непреодолимую разницу в возрасте.

Саша. Где ты так говорить научилась?

Геня. Все там же. И пожалуйста, не прячься в кусты и раз в жизни дослушай меня. Ты фактически вдвое старше меня. Ты мне почти что в отцы годишься.

Саша. А во-вторых?

Геня. А во-вторых, ты мне неприятен физически. Ты меня поцеловал, и оказалось, что у тебя очень невкусные слюни!

Саша. Вот уж никогда не думал... и мне об этом никто не говорил.

Геня. А я сказала. И я живу до лета. Летом буду искать себе чистый водоем. Понял?

Саша. Понял.

Геня. Ты куда?

Саша. Пойду погуляю. Дома не хочется сидеть.

Геня. Если ты сейчас уйдешь, ты рискуешь меня не застать, когда вернешься.

Саша. Извини. Делай как знаешь.

Он уходит.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Саша выходит из квартиры, и внутренний занавес опускается. Затем опускается внешний занавес, и Саша оказывается перед подъездом. Уже стемнело и загорелся фонарь. Саша садится на скамейку и закуривает. Появляется его мать.

Елена Ивановна. Сынок, ты почему здесь?

Саша. Видишь, курю.

Елена Ивановна. А я думала, что ты бросил. Ты же говорил, что бросил.

Саша. Из экономии бросил.

Елена Ивановна садится с ним рядом.

Елена Ивановна. Снова с Генечкой поссорился?

Саша кивает.

Будь к ней терпимей. Подумай, какая она одинокая. Ведь она никому не верит.

Саша. Мы достаточно для нее сделали.

Елена Ивановна. Это тебе так кажется, а она об этом не думает. Хуже нет — сделал благодеяние на пятак, а требуешь на рубль благодарности.

Саша. Я ничего не требую.

Елена Ивановна. Требуешь. Любви, внимания — ты хочешь, чтобы она была по твоему образу и подобию.

Саша. Пойду погуляю.

Елена Ивановна. Не стоит, пошли домой, чайку попьем. Представь себе: сидит наша Генечка совсем одна на всем белом свете, и некуда ей деваться. Пошли, Сашенька.

Саша. Сейчас докурю, и пойдем.

Елена Ивановна. Вот и хорошо. А у меня знаешь, что случилось?

Саша. Что?

Елена Ивановна. Иду я по рынку, уже поздно, скоро он закрывается, захожу в рыбный ряд и вдруг — кого, ты думаешь, я вижу?

Саша. Колюшкин котами торгует.

Елена Ивановна. Еще смешнее... а может, и не смешнее. Я вижу нашего Плошкина. Продает раков, крупные такие раки. Зеленые. По полсотни штука, представляешь себе?

Саша. Значит, в нашем пруду выследил. Крупные, говоришь?

Елена Ивановна. Вот такие.

Саша. Вот и молодец. Пенсионер, а старается, подрабатывает.

Елена Ивановна. Вот это меня и смущает. Он же майор в отставке. Он такой гордый по части денег, и, видно, достало его, что он стал раками торговать. А я сдуру автоматически поздоровалась. Знаешь, что случилось? Он под прилавок присел — так ему стыдно стало. А я, старая дура, думаю: ну зачем так человека смутила?

Саша. Обойдется. Торгуешь — торгуй. У нас любой труд почетен.

Елена Ивановна. *Я-то это понимаю, но для него травма.* Что теперь делать, не представляю.

Саша *(поднимаясь)*. Только, мать, не вздумай у него прощения просить. Ты не виновата в его делах.

Елена Ивановна. И зачем я только поздоровалась?!

Саша. Я пошел, а ты задержись.

Елена Ивановна. Почему же?

Саша. Вон твой торговец идет.

Саша скрывается в подъезде.
Елена Ивановна оглядывается и видит Плошкина с пустым ведром.

Плошкин. Хорошо, что я вас встретил.

Елена Ивановна. Вы только не думайте, что я нарочно вас выслеживала или осуждаю.

Плошкин. Я совершил неправильный поступок и раскаиваюсь.

Елена Ивановна. Ну зачем вы так!

Плошкин. У меня появились возможности несколько подкрепить свою пенсию. И я пошел на рынок, но для меня это занятие настолько мучительное. Вы не представляете, я чуть было не убежал, но потом люди стали покупать моих раков, и я был вынужден остаться. И тут вы идете! Это было крушением.

Елена Ивановна. Ну почему же крушением? Я вас не осуждаю.

Плошкин. А я сам себя осуждаю. Я воспитан в строгих традициях. Военный человек торговлей не занимается. Советский офицер.

Елена Ивановна. Но ведь вы в отставке.

Плошкин. Это меня не оправдывает.

Елена Ивановна. А пенсия у вас большая?

Плошкин. Почему это вас интересует?

Елена Ивановна. Меня это, честно говоря, не интересует.

Я знаю, что пенсии у военных небольшие, и хотела сочувствие проявить.

Плошкин. Спасибо за сочувствие. Мне его от вас особенно приятно слышать. Может, я на другого жильца и внимания не обратил бы, но в ваших глазах так не хочется ронять себя.

Елена Ивановна. А вы и не роняете.

Плошкин. Нет, роняю. Я же за вами полгода произвожу наблюдение, с тех пор как сюда въехал. Вы женщина с чувством собственного достоинства и при наличии положительных качеств. Можно сказать, идеальный спутник жизни для одинокого пожилого мужчины.

Елена Ивановна. Видно, не идеальный, если мой-то благоверный меня покинул с младенцем на руках.

Плошкин. Если бы я встретил его, то обязательно вызвал бы на дуэль. А может быть, наоборот, — проникся бы к нему сожалением. Да, именно так! Он погубил свою жизнь. Отказаться от счастья, что может быть ужасней!

Елена Ивановна. Вы что-то в философию ударились. Не рано ли?

Плошкин. Это не философия. Я прожил жизнь в одиночестве и казню себя за это. Долгие годы жилищные и прочие условия были неблагоприятные, и некоторые женщины, которые вызывали во мне симпатию, не желали связывать судьбу с армейским офицером, которого судьба кидала по гарнизонам. А потом жизнь подошла к пенсионному возрасту. И оказалось, что я не свил себе перманентного гнезда.

Елена Ивановна. Но это еще не страшно. Мужчина вы крепкий, не очень старый, еще найдется вам спутница жизни. Вы поглядите вокруг, сколько пожилых и средних лет женщин, которые будут рады связать с вами жизнь.

Плошкин. А какую попало мне не надо. Я же консерватор, я приглядываюсь, присматриваюсь. Я могу месяцами наблюдать, пока приму решение.

Елена Ивановна. Вот и присматривайтесь. Тем более что у вас теперь и пенсия есть, жилплощадь. Так что за вас любая пойдет.

Плошкин. Что касается благосостояния, то с недавних пор я обнаружил источник доходов, который пока дает мне лишние деньги. Только я не могу никак сообразить, как им должным образом воспользоваться, и посоветоваться не с кем.

Елена Ивановна. А вы поговорите с Эдуардом Борисовичем. Он человек образованный, в институте работает.

Плошкин. Образованность еще не определяет качеств человека. Можно быть простым армейским майором в отставке и превосходить качествами профессора, вот именно!

Елена Ивановна. Наверняка вы найдете себе советчика.

Плошкин. В вашем лице!

Елена Ивановна. Ну я-то при чем?

Плошкин. Потому что я имею к вам расположение. Потому что я симпатизирую вам, как только может мужчина симпатизировать женщине вашего возраста.

Елена Ивановна. Ну как же так можно! Мы с вами почти незнакомы.

Плошкин. Неправда. Я вас уже полгода наблюдаю. Именно так. И знаю все о вашем семейном положении и трудностях, связанных с проживанием на вашей жилплощади девушки Гени, привезенной вашим сыном Александром так легкомысленно.

Елена Ивановна. Давайте не будем его осуждать?

Плошкин. Осуждать надо всегда, в этом есть гражданская позиция. И если поступки даже вашего сына вызывают во мне протест, я буду его крепко критиковать.

Елена Ивановна. Ну вот еще один критикан. И почему же людям так интересно, что происходит у соседей?

Плошкин. Вам же интересно! Меня сегодня Галина из второй квартиры спрашивала: а что это у вас в квартире шуршит? Ну скажите, какое ее дело до того, что шуршит у меня в квартире? А не занимаетесь ли вы кустарным промыслом? Нет, не занимаюсь, и не ваше это дело! Человек ищет счастье, он нашел дорогу к нему. И знаете, что такое счастье?

Елена Ивановна. Я так и не узнала.

Плошкин. Счастье — это свобода делать что хочешь. Всю жизнь я делал то, что мне велели. Всю жизнь мне давали за это пайку. Жри и молчи. Но если мне подарили небольшую свободу, маленькое счастье — почему я должен таиться и врать?

Елена Ивановна. А может быть, и не стоит?

Плошкин. Хорошо советовать тому, кто не имеет представления. А я ломаю голову, потому что мне дали счастье, мне дали свободу, но мне никто не рассказал, что делать дальше. И я знаю, что мое счастье — это, простите, государственная тайна и, возможно, связанная с происками западных держав. Но мне плевать на западные державы. Я жду, когда отнимут. И успею ли я что-то сделать!

Елена Ивановна. Но вы меня просто запутали. Голова идет кругом. Ну как я могу вам помочь при полном моем сочувствии?

Плошкин. Вы сможете, если я решусь вам открыться. Но мне трудно это сделать. Где гарантия, что вы та, за кого себя выдаете? Может, здесь многие специально подселены, чтобы выслеживать меня?

Елена Ивановна. Ну, господь с вами, не надо так волноваться.

Плошкин. Вы думаете, конечно, что я сошел с ума и у меня развивается мания преследования. Это не так. И я вам докажу.

Елена Ивановна. А пока я домой пойду, хорошо?

Плошкин. Идите, идите. Я тоже должен подумать. Надо принять решение и поделиться свободой. А можно ли поделиться свободой? Это вопрос философского характера.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Елена Ивановна и Плошкин входят в подъезд. Перед квартирами на лестничной площадке они останавливаются.

Плошкин. Разрешите, я к вам загляну. Мне еще надо поговорить.

Елена Ивановна. Если можно, в следующий раз. Мне еще надо к соседям зайти. Мне Галина Платоновна один рецепт обещала. Хочу завтра моих угостить. Воскресенье ведь.

Плошкин. И вы надолго?

Елена Ивановна. Не знаю, честное слово, не знаю.

Плошкин идет к себе. Он открывает дверь, и шум в его квартире становится отчетливей. Он проскальзывает внутрь и закрывает дверь. Елена Ивановна оглядывается, потом звонит к Крессам. Ей открывает Галина.

Галина. А я думала, что Эдик.

Елена Ивановна. Простите, вы мне как-то обещали рецепт галушек.

Галина. Да вы заходите, заходите.

Мы впервые в квартире Крессов. Оказывается, это морской музей. Там есть и аквариум, и чучела рыб, и картины, их изображающие.

Елена Ивановна. Это ваш супруг занимается?

Галина. Он увлеченный человек. Да вы садитесь, садитесь, в ногах правды нет.

Елена Ивановна. Все говорят — и вы говорите, увлеченный, а чем, если не секрет?

Галина. И не поверите. Мой Эдик изучает все, что касается русалок. Он, понимаете, вбил себе в голову, что русалки еще сохранились. Вычитал о них всякую чепуху в труде Магнуса Великолепного, хотите, покажу? *(Снимает с полки тяжелый том в кожаном переплете.)* Здесь все, что только возможно. И даже картинки есть.

Она кладет книжку на журнальный столик, и Елена Ивановна осторожно начинает ее листать. Порой она перестает слушать Галину, потому что засматривается или даже зачитывается какими-то строчками.

Вам чаю сделать?

Елена Ивановна. Нет, спасибо. Никогда я не думала, что столько можно о русалках написать.

Галина. Это книга века семнадцатого. Тут все главное собрано. Остальные, как Эдик говорит, только списывали с нее и перевирали.

Елена Ивановна. И нашел он русалку?

Галина. Все-таки я сделаю вам чаю.

Елена Ивановна. Ни в коем случае, поздно уже. Я еще должна на завтра суп сделать и второе. *(Снова листает книгу.)* И нашел ваш супруг русалку?

Галина. Он сначала думал, что нашел. В моем лице. Даже забавно. Я по лесу шла, с корзинкой. По грибы ходила. И через речку по бревну переходила. Вдруг его увидела. Испугалась от неожиданности, потеряла равновесие — и бух в речку!

Сама она приносит чашки, разливает чай по мере рассказа. Елена Ивановна продолжает читать труд о русалках.

Хорошо еще, что неглубоко было. Но вода-то холодная! Тут он меня и засек. Я бултыхаюсь, кричу, зову на помощь, а он вокруг бегает и тоже суетится, а я не понимаю, почему он меня не вытаскивает. Я только потом узнала, что он решил, будто нашел русалку. Будто я в речке жила. То есть нашел мечту своей жизни. И пришлось мне самой выкарабкиваться. И тут я в него влюбилась. Представляете? Вы пейте чай, «Ахмад», с бергамотом.

Елена Ивановна. Но вы рассказали ему, что вы не русалка?

Галина. Смешная история. Но представьте себе девушку, которой понравился взрослый мужчина. А этот мужчина ей объясняет, что ищет русалок, а если найдет русалку, то вывезет ее в Москву на исследование. А я живу в том проклятом поселке без всяких перспектив. Вернулась туда после библиотечного техникума. С ума сойти, даже мужиков настоящих нет. Хоть лешего соблазняй.

Елена Ивановна. И были у вас лешие?

Галина. Этого добра сколько хочешь. Но даже при страшном женском голоде не советую связываться.

Елена Ивановна. То есть вы не сказали ему, что вы обыкновенная?

Галина. Но я и соврала. Он меня допрашивал, за ушами копался, волосы под лупой смотрел и остался в недоумении. А чтобы меня не потерять — все лучше я, чем ничего, — решил меня увезти и жениться. Вот и живем.

Елена Ивановна. Но ведь теперь он знает?

Галина. Мужчины странно устроены. Он знает, что я не русалка, но без меня он станет совсем одиноким и несчастным. Все мы ищем счастья. Пока Эдик не отыщет настоящую русалку, он будет почти счастлив со мной. И я надеюсь, что русалок на свете нет. А вы как думаете?

Елена Ивановна закрывает книгу. Она видит на комоде оранжевый парик. Подходит. Берет парик в руки.

Елена Ивановна. А это что такое?

Галина. Мой парик. Старый парик. Я его все выбросить собиралась. А почему он здесь оказался? *(Она берет парик у Елены Ивановны и раздумывает, куда его положить.)*

Елена Ивановна. Я пойду, пожалуй? Поздно уже, а мне еще суп на завтра варить.

Галина. Конечно, конечно.

Она не замечает, как в задумчивости Елена Ивановна взяла том о русалках. Она подходит к дверям, и тут навстречу ей дверь открывается и входит Кресс.

Кресс. Добрый вечер. В гости к нам?

Елена Ивановна. Я за рецептом приходила. *(Показывает Кressу том о русалках.)*

Кресс. Ясно, ясно.

Проходит в комнату. Елена Ивановна ушла.
И вдруг Кресс соображает, что только что унесли книгу о русалках.

Кресс. Рецепт! Да вы с ума посходили!

Он кидается на лестницу. Оттуда слышен его неразборчивый голос. Галина так и стоит с париком в руке. Кресс возвращается с лестницы, прижимая к груди том о русалках.

Ты что же мою драгоценность отдаешь?

Галина. Она сама взяла. Ну как играли? На мизере не попался?

Кресс. Я не играл. Я думал.

Галина. Что произошло? Я по глазам вижу, что-то произошло.

Кресс. Я должен поделиться с тобой решающей новостью.

Галина. Может, не надо?

Кресс. Надо. Я ее нашел!

Галина. Русалку? Но ведь их не бывает!

Кресс. Когда ты со мной познакомилась, то рассуждала иначе.

Галина. И где же ты ее отыскал?

Кресс. Трудно поверить. Я чувствовал, что в нашем доме что-то неладно. Я даже ночью с фонариком обследовал окрестности. И находил странные вещи. То пилу рыбы-пилы в мусорном ящике, то тень крокодила. Что-то странное... А нашел ее совсем в самом обычном месте. В соседней квартире.

Галина. Геня?

Кресс. Вот именно.

Галина. Но она же еще совсем ребенок.

Кресс. Русалки с детства русалки. Возраст не помеха.

Галина. Тебе показалось.

Кресс. Не только жаберные щели за ушами, но рудиментарная чешуя на ногах. Представляешь! И она ее старается свести средством от волос на ногах — «Триумфом». Это же можно все загубить.

Галина. И что ты намерен делать?

Кресс. Ума не приложу. Ты же знаешь, что она нужна мне как объект исследования. Я один из последних ихтиологов на Земле, который верит в существование русалок. И теперь я ее не выпущу из моих когтей, чего бы это ни стоило.

Галина. Украдешь ее?

Кресс. Если надо, украду.

Галина. А Саша, а Елена Ивановна?

Кресс. Им придется посторониться.

Галина. А если она не захочет становиться твоим кроликом?

Кресс. Придется.

Он изменился. Если в первых картинах Кресс был чудаком-ученым, то теперь он фанатик, готовый на все.

Галина. А обо мне ты подумал?

Кресс. Интересы науки в высоком понимании этого слова важнее, чем твои личные интересы.

Галина. Но я не только жила с тобой четверть века, я не только позволяла тебе делать анализы, исследовать меня, резать и колоть...

Кресс. И все безрезультатно. Потому что с самого начала ты меня обманула. Знала, что ты не русалка, но все же навязалась мне. И вот пришло к тебе наказание. Заслуженное, учти, наказание!

Галина. Мне собирать вещи?

Кресс. Попрошу без иронии. Мы будем вести себя как цивилизованные люди. Если придется, разменяем квартиру. К тому же я буду очень богат. И не только из-за нобелевки, которую получу, но и потому, что русалочий эликсир крайне необходим людям. Человечеству. А я живу ради человечества. И жертвую ради человечества нашим с тобой бытом.

Галина. Ах, ты меня ради человечества хочешь бросить? А если бы Геня не была молоденькой и хорошенькой, то ты, педофил, также бы за ней кинулся?

Кресс. Какая наивность. Да открой ты Русалочью книгу и найди на шестьдесят четвертой странице самую главную ценность русалочьего племени для людей. И это к возрасту русалок имеет лишь самое отдаленное отношение.

Галина. Плевала я на твою книгу!

Кресс. А зря! Иначе бы ты знала то, о чем давно пора бы тебе догадаться. Кровь русалок несет в себе неизвестный науке гормон сиренофорин, дающий не только омолаживающий эффект, но и, по сведениям античных авторов, дарующий бессмертие. И я в шаге от славы и сказочного богатства!

Галина. Я сейчас же звоню в милицию!

Кресс. И что же ты намерена сообщить милиции? Что твой муж хочет пить кровь молодой соседки? Или что соседка — русалка? Да ты первой загремишь в психушку.

Галина. Я немедленно уезжаю!

Кресс. К маме, в Замухранск? Оставайся пока здесь. Я привык к тебе. Может быть, ты мне будешь помощницей.

Галина. Свечку вам держать?

Кресс. Мы договоримся. Ты ведь не чужой мне человек.

Галина. Я убью тебя. Я говорю это совершенно серьезно.

Кресс. Не посмеешь. У тебя нет руководящей идеи. А вот я могу убить всякого, кто станет на моем пути, потому что я человек идеи! Путеводной звезды!

Галина. Ты человек своего кармана.

Кресс. Не упрощай. Ты прожила со мной много лет и знаешь, что я всегда искал свою русалку. И раз мне улыбнулось счастье, я буду за него бороться. Каждый человек в нашем доме стремится к своему счастью. Мне оно улыбнулось. Так надо схватить его, пока улыбка не исчезла с лица.

Галина. Ты хочешь построить свое счастье на горе других?

Кресс. А разве бывает иначе? Разве Ленин строил счастье пролетариев не на крови других пролетариев?

Галина. Иди спать, может, к утру развеется?

Кресс. Еще чего не хватало... У меня есть одна идея.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На лестнице. Кресс быстро выходит из дома на лестницу. Звонит в дверь к Колюшкину. Тот встречает его с котом в руках.

Кресс. Вы еще не спали?

Колюшкин. Ко мне нельзя, животные отдыхают.

Кресс. Я на минутку. Скажите, вы принимаете заказы на убийство?

Колюшкин. Да вы с ума сошли. Я в жизни никого не убил. И даже не повредил.

Кресс. А ваши коты?

Колюшкин. Коты — другое дело. Коты твари неразумные. Как я их натренирую, так и будут себя вести. А что, есть идеи?

Кресс. Мне надо незаметно убрать человека.

Колюшкин. Незаметно не получится, обычно от моих кошек много крови остается. Но мы постараемся. Учтите, это дорого стоит.

Кресс. Я за ценой не постою.

Колюшкин. Что, у жены хахаль появился? Она баба складная.

Кресс. При чем тут моя жена? Мне нужно ликвидировать одно препятствие внутри нашего дома.

Колюшкин. Внутри нашего дома заказов не принимаю. Не плюй в колодец.

Кресс. Я плачу вдвое.

Колюшкин. Чего мы на лестнице стоим? Заходите, гостем будете. Это же не телефонный разговор.

Они уходят в квартиру Колюшкина.

Из своей квартиры выходит Плошкин. Подходит к двери третьей квартиры. Открывает Елена Ивановна.

Елена Ивановна. Что-нибудь случилось?

Плошкин. Надо поговорить.

Елена Ивановна. Так заходите, заходите, не стесняйтесь.

Плошкин. Нет уж, это вы выходите.

Елена Ивановна *(выходит на лестницу)*. Вы иногда меня пугаете.

Плошкин закрывает за ее спиной дверь и влечет ее к своей двери.

Что вы мне хотите показать?

Плошкин. Сейчас вы ознакомитесь с моим счастьем, с моей свободой, перед которой я остаюсь в недоумении. Не знаю, как мне себя вести, и не с кем поделиться. Поймите, то, что вы сейчас увидите в моей квартире, — абсолютная тайна для всех, кроме вас.

Елена Ивановна. Может, не стоит?

Плошкин. Каждый человек должен иметь друга. Должен иметь доверчивую душу рядом. Иначе одиночество становится невыносимым. Пошли со мной, я хочу вам открыться. В знак полного доверия. *(Он открывает дверь, и шум становится громким.)* Не бойтесь и не стесняйтесь.

Они уходят в квартиру Плошкина. Открывается дверь напротив. Выходит Кресс. Колюшкин молча стоит в дверях.

Колюшкин. Нет, нехорошее дело мы с вами запланировали.

Кресс. Другого выхода нет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Мухиных. Утро. Мухины завтракают.

Саша. Ты что, мама, сама не своя?

Елена Ивановна. Есть причины.

Саша. Что-то связанное с Геней?

Елена Ивановна. Как ни странно, нет.

Геня тоже пьет чай.

Геня. Она вчера к соседу ходила, у которого шум за стеной. А вернулась как неживая. Ты не видел, ты спать лег.

Саша. И что ты там, мама, увидала?

Елена Ивановна. И не говори. Мне доверились, и я сказать ничего не могу.

Саша. Странно. Такой человечек, а у него тоже тайны есть. Вчера доктор рецепты выписал? Давай мне, я после работы выкуплю.

Геня. Он потом лекарства принес. В смысле витамины.

Саша. И где же они?

Геня. Я их съела.

Елена Ивановна. Что ты говоришь. Это же опасно!

Саша. Странный доктор.

Елена Ивановна. Очень странный доктор. Ты доел, Сашенька, я тебя провожу.

Саша. Зачем меня провожать?

Елена Ивановна. Я сама до булочной дойду. А Геня пока посуду вымоет.

Когда Геня остается одна, слышен стук в стекло. Геня бежит к окну и открывает его. Видна голова Кресса.

Кресс. Привет. С добрым утром, красавица!

Геня. Здравствуйте. Вы соскучились?

Кресс. Очень соскучился. Протяните вашу ручку. Какая красивая ручка! Я жду не дождусь того дня, когда мы с вами будем вместе и уедем отсюда на далекие острова.

Геня. Ой, не говорите так, а то Саша услышит.

Кресс. Зачем он тебе нужен? Он ничего не понимает. А я все понимаю.

Геня. Про жизнь?

Кресс. Про то, что нужно красивой русалке. Ведь это великое умение и даже талант — ухаживать за русалкой, угождать ей, ласкать ее... разве этот молодой бездельник сможет обеспечить тебе достойную жизнь?

Геня. А вы сможете?

Кресс. Более того — ты станешь богатейшей русалкой в мире! У тебя будет своя яхта.

Геня. И я буду с нее нырять?

Кресс. Позволь мне твою руку. Я поцелую ее.

Геня. Пожалуйста, только осторожно.

Кресс. Это будет щекотно.

Геня. Ой! Больно же!

Кресс. Потерпи чуть-чуть. Капелька крови... от тебя не убудет. Возьми ватку, приложи.

Геня. Я вас боюсь. Вы обещали яхту, а сами палец укололи.

Кресс. Мы должны обследовать тебя, чтобы ты была здоровой. Ты помнишь, что я доктор? Дай другой пальчик.

Внутренний занавес закрывается, и мы оказываемся на лестничной площадке. Елена Ивановна разговаривает с сыном.

Елена Ивановна. И тут я посмотрела на комод, а там лежит

рыжий парик! Тот самый парик, который на фальшивом докторе был. А если поискать, то и черные очки найдутся...

Саша. Значит, получается, что он не только занимается русалками, но и знает уже, что Геня — русалка. Что же делать?

Елена Ивановна. А что мы можем поделать?

Саша. Надо уезжать. Если он врачом и прикидывался, значит, у него какие-то планы. Подумать только — плохие планы. Но куда денешься — если квартиру менять, он успеет ее отнять у нас.

Елена Ивановна. Почему ты думаешь, что он отнимет ее?

Саша. Он ихтиолог — это его работа, его карьера, она же для него не человек! Она рыба!

Елена Ивановна. Ну что ты говоришь!

Саша. Они ее исследовать будут, кровь брать... они ее убьют!

Елена Ивановна. Некуда бежать...

Саша. Собираем вещи и бежим. Куда угодно! Найдем работу, не помрем.

Елена Ивановна. Некуда бежать... Сашенька, скажи, пожалуйста, а человек может иметь лес? Поляну?

Саша. Почему нет? Если он богатый.

Елена Ивановна. Есть одно место, но я сказать об этом не имею права. Я слово дала.

Саша. Так не скажешь?

Елена Ивановна. Надо подумать.

Саша. Ну ладно, я пошел. Боюсь, как бы он не уговорил Геню. Она же доверчивая. *(Уходит.)*

Елена Ивановна колеблется. Она делает шаг к двери Плошкина. Неожиданно дверь распахивается, и Плошкин выходит на лестничную площадку.

Елена Ивановна. А я как раз хотела к вам позвонить.

Плошкин. Вы никому не сказали?

Елена Ивановна. Ни боже мой. Я хотела только поделиться с вами.

Плошкин. Потом поделимся. У меня произошло неожиданное событие. Скончалась тетя Феня в Симферополе. Я вылетаю туда.

Елена Ивановна. Какое горе! Примите мои соболезнования.

Плошкин. Пустое. Я, простите за выражение, с тетей Феней в жизни не встречался.

Елена Ивановна. А почему же вы туда летите?

Плошкин. Проще простого. У нее приватизированная половина домика, комната с кухней.

Елена Ивановна. И что же?

Плошкин. Если я не прилечу туда к похоронам, то ее симферопольские племянницы все оттяпают себе.

Елена Ивановна. Вы простите меня, конечно, но зачем вам

половина домика в Симферополе, если у вас есть квартира в Москве? И в ней дополнение.

Плошкин. Не сравнивайте, Елена Ивановна. Домик в Симферополе — это законная реальность. Как бы синица в руках. А журавли — они могут улететь в любую минуту. Бывает добыча по чину, а бывает не по чину, что загадочно. Я мою здешнюю собственность берегу, а не знаю, зачем берегу. Я, может, и вас туда приглашал, потому что нет сил больше носить все в своем сердце. И когда мне телеграмма пришла из Симферополя: прилетай, спасай добро стоимостью четыре тысячи долларов, я понял — лечу! Потому что это понятное счастье, человеческого масштаба. А вас я оставляю моей хранительницей. Хранительницей тайны, потому что жизнь неожиданно сложила из нас с вами некую геометрическую фигуру, какую-то ось, которая может вскоре перерасти в союз, при условии, конечно, что вы оправдаете мои надежды.

Елена Ивановна. Вы так сложно говорите, что я не все поняла.

Плошкин. Не важно. Вот ключи. Это от верхнего замка, а это от нижнего. А это финский замок от большой комнаты, вы меня понимаете? И никому ни слова.

Елена Ивановна. Но зачем мне? Не надо.

Плошкин. Я не знаю, что может случиться. Протечка, засорение трубы, милиция придет... не дай бог! Мало ли зачем понадобится ваше участие.

Он заставляет Елену Ивановну взять ключи.

Елена Ивановна. А погулять у вас там можно?

Плошкин. Ну как вы не понимаете — вам все можно! Все! Я вам полностью доверяю.

Елена Ивановна. У меня тут возникла идея, вы меня, конечно, простите...

Плошкин. Ни в коем случае! Доверие надо хранить, а не нарушать. Я вернусь через два дня, и мы поговорим, хорошо?

Елена Ивановна. Хорошо.

Плошкин. Помните — этот от верхнего замка, а этот от нижнего. *(Уходит.)*

Елена Ивановна возвращается к себе в квартиру.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В квартире Мухиных. Саша стоит у окна. Закрывает его.

Саша. Опять окно распахнула. Для тебя это наверняка простуда.

Геня. Пускай свежий воздух будет.

Саша. Дай лобик. *(Хочет потрогать лоб, Геня отшатывается.)*

Геня. Не трогай меня. Твои прикосновения мне неприятны.

Саша. С каких это пор?

Геня. С самого начала. Я бы, может, тебя полюбила, а у тебя слюни противные.

Саша. Что ты несешь?

Геня. Ты старый и бедный. Ты отвезешь меня на Канарские острова?

Саша. В ближайшие годы не отвезу.

Геня. А есть люди, которые готовы это сделать.

Саша. Почему же?

Геня. Из-за моей сказочной красоты.

Елена Ивановна слушает эту перепалку в дверях и не вмешивается.

Саша. Насчет сказочной красоты — это преувеличение.

Геня. Вот ты ее не замечаешь и поэтому не любишь меня.

Саша. Неправда, я тебя люблю.

Геня. Я этого совершенно не вижу. Ты меня не покоряешь, в тебе нет никакой романтики. А девушке, оторванной от жизни и заключенной в твоей семье, так нужна свобода! Ты даже не представляешь, на что я готова пойти ради свободы.

Саша. А этот гипотетический принц, он, конечно, предлагал тебе и Канарские острова, и Гватемалу.

Геня. Да! И даже Хургаду!

Саша. Это еще что такое?

Геня. Я не знаю, но сказочное место для влюбленных. Там есть конкурс красоты, на котором я наверняка завоюю первое место.

Саша. И это он тебе успел рассказать? Как? Когда?

Елена Ивановна. А я знаю — когда. Когда он к нам в рыжем парике под видом доктора приходил.

Геня. И без рыжего парика тоже.

Елена Ивановна. Но он вдвое старше Саши. И у него жена есть.

Геня. Возраст нас с ним не пугает.

Саша. Значит, он — Эдуард Кресс. Ихтиолог по русалкам.

Геня. Он меня будет беречь, потому что он знает, как спасать русалок.

Саша. Интересно, жене он все это объяснил?

Елена Ивановна. Если и объяснил, то наврал.

Саша. Разумеется, и я сильно сомневаюсь в том, что он полюбил нашу Геню. Больше похоже на то, что ему выгодно. Это его карьера, это его открытие, ты — его добыча.

Геня. Пока что я — твоя добыча. И ты держишь меня в норе, как крот.

Саша. Это еще откуда?

Геня. А мне баба Лена сказку Андерсена читала. Там русалочку

толстый крот держит в подземной темной норе, чтобы она ослепла и подохла.

Елена Ивановна. Ты все перепутала.

Геня. Я смысл не перепутала.

Саша. Извини, но я не умею воевать с кротами. Они под землей живут.

Геня. А может, крот — это ты? А он орел, который поднимет меня в небо.

Саша. Орлы сначала поднимают, а потом бросают на скалы.

Геня. Не смей клеветать. Ты же не можешь мне подарить воздух, берег, море, даже прудик.

Саша. Ты пойми — надо потерпеть. Я в июне получу повышение, и мы с тобой уедем.

Елена Ивановна. Боже мой, а он хочет полдомика в Симферополе.

Саша. Ты о Плошкине?

Елена Ивановна. Счастье должно быть по размеру. Каждому человеку Господь дает по размеру. И если тебе счастье велико или мало, то лучше от него отказаться.

Саша. Мама, ты что-то заговариваешься.

Елена Ивановна. Я не заговариваюсь. Я раз в жизни хочу задуматься о том, зачем мы живем.

Саша. И зачем же?

Елена Ивановна. Мы бежим за счастьем. А счастье бежит от нас. И когда мы его догоняем, оказывается, что такое счастье нам не нужно. Геня, пойдем со мной, я хочу тебе показать одну вещь.

Геня. Далеко идти? А то ко мне гость собирался. Вернее, даже не гость, а человек, который обещает мне дать счастье.

Елена Ивановна. Видишь, она тоже говорит об этом.

Саша. А ты ему поверила?

Геня. Почему нет? Ты мне всегда говоришь — жди, жди, учись, ничего не обещаешь. А Эдик сразу пообещал, и я хочу этого. А мне нужно обещание счастья. Это почти счастье.

Елена Ивановна. Пошли, миленький. Если тебе не понравится, вернешься.

Саша. Мама, вы куда?

Елена Ивановна. Я совершаю преступление. И поэтому я не хочу тебе говорить, куда мы идем. Мне человек доверился, а я его обманываю. Пошли, Геня...

Саша. Вы скоро?

Елена Ивановна. Как получится. *(Уводит Геню.)*

В квартире тихо.
Саша раскрывает журнал.
Окно медленно раскрывается и раздается громкий шепот.

Кресс. Ты здесь, моя любовь?

Саша медленно и неслышно подходит к окну. Он протягивает руку и резким усилием втаскивает в комнату Кресса. Тот переваливается через подоконник.

Саша. Воришку поймали.

Кресс. Не смейте так со мной говорить. Я к вам не лазил. Я хотел поговорить с живущей у вас русалкой, которую я изучаю в научных целях.

Саша. О чем же поговорить?

Кресс. О смысле жизни. О счастье, например. Каждый человек имеет право на счастье, и по нашей Конституции вы не имеете права держать взаперти свободного человека.

Саша. Вы обманываете девушку. Пользуетесь ее наивностью.

Кресс. А вы держите ее взаперти и внушаете ей всякие глупости. Я открываю перед Ангелиной жизнь. Я покажу ей дальние дороги и дорогие отели.

Саша. Признайтесь, зачем она вам понадобилась на самом деле?

Кресс. Я люблю ее!

Саша. Вранье. Вы ее до вчерашнего дня и не видели.

Кресс. Я полюбил с первого взгляда и готов выкупить ее у вас.

Саша. То есть как выкупить?

Кресс. За деньги. За американские доллары, за евро, за фунты стерлингов, наконец!

Саша. Вы же себе противоречите! Если она свободная, зачем вам ее покупать?

Кресс. Вы тратились на ее проживание. Вы простые, небогатые люди, я должен вам помочь, и чтобы потом претензий не было.

Саша. Сколько стоит русалка на рынке?

Кресс. Не в этом дело.

Саша. Сколько вы платите за молодую, хорошенькую девственную русалку?

Кресс. Тысячу долларов!

Саша. Торги открыты. Кто больше?

Кресс. Тише! Нас могут услышать.

Саша. Сто тысяч. Русалки теперь стоят по сто тысяч.

Кресс. Вы с ума сошли! Таких цен не бывает.

Саша. И ни копейкой меньше!

Кресс. Позовите ее, и спросим в упор: кого она предпочтет?

Саша. Давайте спросим, предпочитает ли она того, кто ее спас и полгода выхаживал, или молодца, который вчера ее увидел и стал соблазнять.

Кресс. Я не боюсь конкуренции. Зовите девушку!

Саша. Ее нет дома.

Кресс. Врете! Она не выходила. Она где-то здесь.

Кресс мечется по квартире, Саша ему не мешает.

Вы ее спрятали! Вы ее увезли. Куда вы ее дели? Где вы ее прячете? В каком подземелье? Тысячу долларов за указание места, в котором ее прячут.

Кресс намерен выбежать на лестничную площадку, но Саша его останавливает.

Саша. Выход там же, где вход.

Он показывает Крессу на окно. Кресс выбирается из дома. Саша подходит к окну.

Давай, беги, ищи! Тысяча долларов! И откуда такие деньги у старшего научного работника?

И тут Саша отшатывается от окна с криком.

Это еще что такое? Отцепись ты от меня!

Он с кем-то борется, раздается кошачий крик. Елена Ивановна входит в комнату.

Елена Ивановна. Что с тобой?!

Саша *(оборачивается от окна, лицо в крови, руки в крови)*. Какой-то сумасшедший кот на меня прыгнул. Даже не понимаю, откуда — с дерева, что ли?

Елена Ивановна. Надо окна закрывать. *(Подходит к окну.)* Это, наверно, Колюшкина кот. У него коты дикие, он их для кошачьих боев выращивает. Коты-убийцы, коты-киллеры.

Саша. Вот он чуть меня и не растерзал.

Снаружи раздается голос Колюшкина.

Колюшкин. Простите, вы моего кота не видели?

Елена Ивановна. А ваши коты не имеют дурной привычки на людей кидаться?

Колюшкин. Мои коты — киллеры, но по своим возможностям они могут растерзать лишь курицу или гуся. Однажды втроем они даже одолели пекинеса. Но вряд ли человека... вряд ли.

Саша. Чего же он на меня кинулся?

Колюшкин. А мне хорошо заплатили. Вот я и принял заказ.

Елена Ивановна. Какой заказ?

Колюшкин. Заказ убить сына вашего, Сашу.

Елена Ивановна. И вы приняли заказ?

Колюшкин. А почему бы и не принять? Я же знаю, что вашему Саше вреда не будет, а деньги большие.

Саша. Неужели тысяча долларов?

Колюшкин. Нет, так он не раскачался. Сто двадцать. За такие деньги только курицу и можно растерзать!

Елена Ивановна. А если у Саши начнется заражение крови?

Колюшкин. Все расходы беру на себя. И лекарства, и больницу. А знаете, почему я не волнуюсь? Потому что я своим котам когти карболкой протираю, борной кислотой зубы чищу.

Саша. Тогда отдавайте деньги.

Колюшкин. Какие деньги?

Саша. Сто двадцать долларов.

Колюшкин. Так дело не пойдет. Мне животных кормить нужно. Я заказ выполнил.

Саша перепрыгивает через подоконник и исчезает. Слышны вопли котов и крики Колюшкина.

Вы не смеете! Я их честно заработал! Чем я кормить зверюшек буду?

Елена Ивановна *(уходит от окна)*. Зверюшки! Скажет тоже.

Саша *(возвращается в комнату)*. Возьми, мама, это плата за мою кровь. Купишь Гене, что там надо.

Елена Ивановна. Я ей новые туфельки куплю и купальник. Лето надвигается.

Колюшкин *(из-за окна)*. Я буду жаловаться! Я эти деньги заработал.

Елена Ивановна закрывает окно.

Саша. А где Геня? Ты где ее оставила?

Елена Ивановна. Геня не жалуется.

Саша. Она у Плошкина?

Елена Ивановна. Она там еще побудет, до обеда.

Саша. Мама, говори правду, что ты придумала?

Елена Ивановна. Не хочется мне говорить.

Саша. Мама!

Елена Ивановна. Ну пойдем, пойдем, я тебе покажу, что она делает, и сразу вернешься обратно. Хорошо?

Саша. Там посмотрим.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опускается внутренний занавес, и на лестничную площадку выходят Елена Ивановна и Саша. Они проходят к двери в квартиру Плошкина. Когда дверь туда открывается, слышны удары — могучий станок совсем рядом. Как только они скрываются, в подъезд входит, прихрамывая, Колюшкин. Он открывает дверь к себе, и слышно по мяуканью, что его коты спешат домой.

И тут же с улицы входит Кресс.

Кресс. Ну и что? Удалось?

Колюшкин. Лучше не подходи, а то киллеров на тебя спущу.

Кресс. Что случилось?

Колюшкин. Он у меня деньги отнял.

Кресс. Почему? Если твои коты его растерзали, как он мог деньги отнять?

Колюшкин. Да отстаньте вы все от меня.

Он уходит к себе. Дверь закрывается.
Кресс стоит в задумчивости. Затем он подходит к двери Мухиных и начинает подслушивать. Ничего не слышит.
Шум из квартиры Плошкина привлекает его внимание. Кресс подходит к той двери и толкает ее. Дверь приоткрывается. Кресс не успевает войти, как навстречу ему выходят Саша с матерью и направляются к своей квартире. Они продолжают разговор, начатый у Плошкина.

Саша. Чепуха, чепуха, чепуховина. Так не бывает, потому что так не может быть никогда.

Елена Ивановна. Я тоже сначала не поверила, но потом задумалась, если Гене это полезно, почему я должна лишать ее маленького счастья?

Саша. Дело не в этом, а в самой невозможности этого!

Елена Ивановна. Если он будет сердиться, я ему так и скажу — делайте что хотите, я виновата, только не обижайте девочку.

Саша. Но это может быть опасным. Любое неизвестное явление может стать опасным.

Елена Ивановна. Пока хорошо, пускай будет хорошо.

Саша. Я вернусь туда, лучше я буду рядом с ней.

Елена Ивановна. Сашенька, не делай этого, пожалей меня. Ведь если я нарушила обещание из-за Гени, это еще можно простить, а если тут и ты замешан, то это для меня непростительно. Тогда я тут же иду туда и забираю Геню.

Саша. Ну ладно, ладно, но через полчаса я вернусь.

Елена Ивановна. Я сама вернусь.

Кресс выходит из-за лифта, где он прятался. Подходит к двери в квартиру Плошкина и слушает. Потом толкает дверь. Оказывается, Елена Ивановна не заперла ее. Он исчезает за дверью.
Пауза. Приходит домой Галина. Она захотела было зайти к Мухиным, но передумала. Заходит к себе. И тут из квартиры Плошкина быстро выходит Кресс. Он хватается за голову.

Кресс. Какой ужас! Это невероятно! Это может погубить все мои планы. Что делать?

И тут из квартиры Плошкина выбегает Геня.

Геня. А я вас увидела. Вы заглянули, побегали вокруг и исчезли. Зачем вы туда ходили?

Кресс. Я искал тебя.

Геня. Зачем?

Кресс. Все, что ты там видела, — это фантом, это только кажется! Ни в коем случае этому нельзя верить. И вообще следует принять меры.

Геня. А сами говорили мне, что увезете.

Кресс. Я реалист — я предлагал тебе руку и сердце, совместную жизнь. А не фокусы.

Геня. А я с вами не согласна, Эдуард Борисович. Потому что я вас насквозь вижу. Я вообще всех мужчин насквозь вижу. А почему ваши обещания лучше, чем плошкинские фокусы?

Кресс. Вот ты как заговорила! Это и есть дурное влияние. И мне ничего не остается, как поставить тебя перед выбором: или ты со мной, или я принимаю меры и тебя перевезут ко мне силой.

Геня. Ах так! Ну и прощайте!

Она поворачивается и уходит снова к Плошкину.
Кресс вынимает из кармана сотовый телефон. Он набирает номер.

Кресс. Милиция? Дежурный? Я говорю от квартиры четыре дома шесть по Второй Неопалимовской. Здесь протечка канализации. Прошу срочно прислать бригаду. Квартира четыре... Нет, я не квартиросъемщик. Квартиросъемщик уехал куда-то, может, его и в Москве нет. Как я догадался? А так — проливается в нижние квартиры... Номер четыре. Что? Ну, конечно же, на первом этаже. Почему я псих? Не вешайте трубку. *(Снова набирает номер.)* Диспетчерская? Я хочу сообщить — трубу прорвало в доме шесть по Второй Неопалимовской. В квартире четыре. На каком этаже? Да на пятом! Не все ли равно. Пришлите слесарей.

Галина выходит из квартиры и неожиданно отбирает у мужа мобильник.

Галина. Хватит. Что ты интригами занимаешься? Какой потоп, какая протечка? Что тебе надо, авантюрист проклятый, охотник за девочками. Где твоя пассия?

Перед таким напором Кресс несколько скисает. Он показывает пальцем на квартиру Плошкина.

Она хоть знает, зачем тебе понадобилась?

Кресс. Я полюбил ее!

Галина. От старости не спасешься, даже если твой Магнус Великолепный триста лет врет про сказочные превращения.

Кресс. Научные факты требуют проверки.

Галина. Вот ты и проговорился.

Кресс. Нет! Главное не в этом. Главное в том, что я полюбил ее.

Галина. И кинулся звонить в милицию. Что же там такое случилось, что ты перепугался? Ты испугался, что потеряешь ее. И я хочу понять почему.

Кресс. Тебе там нечего делать. Я все равно ее верну. Без нее мне нет жизни. Если человеку достается счастье и оно хочет убежать от него — что остается делать?

Галина. И что же?

Кресс. Держать его. Несмотря ни на что! Другой возможности не будет.

Галина. И плевать на остальных?

Кресс. Что я могу поделать с самим собой? Это болезнь. Любовь — всегда болезнь. Это как маленький хищник вот здесь, в животе. Он рвет мне внутренности.

Галина. Я должна увидеть.

Кресс. Ты этим ничего не спасешь.

Галина уходит в квартиру Плошкина. Кресс после секундного колебания идет за ней. Появляется Колюшкин. Он выходит из дома одновременно с Плошкиным, который вошел в подъезд. Он наблюдает, как Плошкин звонит к Мухиным. Елена Ивановна открывает дверь.

Елена Ивановна. Ой, что случилось? Вы не уехали?

Плошкин. Не уехал. И не поеду.

Елена Ивановна. Почему же? Да вы заходите, заходите.

Плошкин. Я не буду заходить. Вы мне ключи верните.

Елена Ивановна. Конечно, конечно. Но что случилось?

Плошкин стоит, протянув вперед руку.

Плошкин. А скажите, пожалуйста, на что мне эти полдомика с кухней в Симферополе, если я имею... если у меня есть!.. *(Он показывает на свою дверь.)*

Елена Ивановна. Но вы же сами недавно мне доказывали, что счастье должно быть по размеру человеку. А теперь вы себе противоречите!

Плошкин. Я думал. На кой черт синицы, даже целая стая? У меня возникли некоторые идеи касательно использования имеющейся площади. И если хотите, я вам покажу.

Ключи были в руке у Елены Ивановны. Она их протягивает Плошкину, но не отдает.

Елена Ивановна. Я должна признаться, что нарушила слово.

Плошкин. Вы кому-то рассказали? Я этого и боялся! Женщинам нельзя доверять. Ни в коем случае нельзя! Отдайте ключ! Кого вы пустили ко мне?

Елена Ивановна. Вы же знаете, как у Гени со здоровьем. И я подумала, что ей будет полезно побывать у вас.

Плошкин. При чем тут Геня? Заводите сами у себя...

Саша *(выходя на шум)*. И как же вы предлагаете завести у себя такую штуку?

Плошкин. А ты помолчи.

Он кидается к своей двери. Начинает вертеть ключом в скважине. А дверь открывается.

Даже не заперла! Провокаторы!

Он врывается к себе. За ним движутся Мухины. А замыкает эту процессию Колюшкин с котом на руках. Открывается первая дверь — в коридор. Шум громче. И страннее. Плошкин распахивает дверь в комнату. Занавес стремительно раскрывается, и весь зрительный зал, а возможно, и весь город заливает ослепительное тропическое солнце.

Комната Плошкина не имеет ни стен, ни потолка — это берег моря! Пологий берег спускается к полоске прибоя, в стороне растут пальмы, и дальнейший вид теряется в легкой дымке. Именно море шумит, накатываясь на берег, и даже удивительно, что мы с самого начала об этом не догадались.

Величие зрелища потрясает настолько, что люди становятся тише и сдержанней.

Они здесь... Все здесь. Сбежались, паразиты!

Для него открытие тайны — крушение надежд. Он оборачивается к Елене Ивановне.

А сказала, что только Геня.

Елена Ивановна. Недосмотрела. Остальные сами пришли. Я их не звала.

Кресс с женой стоят ниже по берегу и смотрят вниз, где от воды к ним поднимается Геня. Они слышат разговор сверху и поворачиваются к Плошкину.

Плошкин. Немедленно покиньте мою территорию! Вас никто сюда не приглашал. Долой, долой!

Кресс. Это почему? Вы что, купили море?

Плошкин. Оно у меня в квартире, а не у вас. Значит, оно мое.

Кресс. Еще надо проверить, возможна ли собственность на море в Российской Федерации.

Плошкин. Я его приватизирую. Я уже документы подготовил.

Кресс. Вот сюда придут работники органов и строго вас спросят — где вы сперли целое море!

Плошкин *(обращаясь к Саше Мухину)*. Ну что он говорит!

Саша. Он говорит дело. Случай беспрецедентный, и мы совершенно не представляем, какое это море и почему оно сюда проникло.

Плошкин. Как так — какое?

Саша. А на Земле оно или, может, это космическое море на другой планете. В фантастике предусмотрены такие катаклизмы. И это

море в любой момент может исчезнуть или придут его настоящие хозяева.

Плошкин. Какие еще хозяева?

Саша. Которые здесь живут.

Плошкин. Оно у меня уже второй месяц, и никого я не видел.

Саша. И что — само образовалось? Вы не колдовали и не делали опытов?

Плошкин. Я проснулся утром — шумит, открыл дверь — оно здесь. Сначала я принял решение, что сошел с ума, но вскоре привык и понял: если мне дали море, значит, я его достоин. Я сорок лет прослужил в армии, дослужился до майорского чина, побывал в черт знает каких дырах. Должна же быть компенсация!

Кресс. Ага, в виде моря. И как вы его используете?

Плошкин. В этом проблема. Сначала я ловил рыбу, раков и крабов таскал, но я же понимаю, что это пустяки. Здесь крокодил живет, все норовит сбежать, а так ничего, мирный.

Колюшкин. Надо фирму создавать.

Саша. И какую же фирму?

Колюшкин. Привлекать капитал.

Плошкин. И не мечтай!

Колюшкин. А почему не мечтать? Мы все на этом этаже имеем право на море. Поглядите: тем концом оно как раз под квартиру Мухиных залезло, а дальше под меня. Все мы имеем право. И я что предлагаю — пока еще не решено, в какой форме мы будем эксплуатировать море, надо разделить его на участки. По числу квартир. Четыре квартиры, четыре участка. Вон от тех пальм до склада сетей будет мой участок.

Саша. Надо шагами отмерить.

Колюшкин. Зачем?

Саша. Чтобы точно было. Двести погонных метров берега — разве это не идеальное решение? По числу душ!

Колюшкин. Никаких душ!

Он отправляется к хижине Плошкина и ищет там палку.
Плошкин собирался было помешать ему, но машет рукой.

Плошкин. Все погибло. Так старался, благоустраивал, планы были развития, и все коту под хвост.

Саша. Колюшкиному коту-убийце.

Колюшкин слышит и откликается.

Колюшкин. Попрошу без шуток, иначе буду вынужден вас наказать.

Саша. Это как же?

Колюшкин. Путем уменьшения вашего земельного участка. На что имею право как председатель кооператива.

Саша. Вашей следующей задачей будет дележ участков на Луне. Справитесь?

Колюшкин не отвечает.

Елена Ивановна *(спрашивает Сашу)*. И ты думаешь, это долго продлится? *(Она показывает на море.)*

Саша *(обращается к Плошкину)*. А тут всегда отличная погода или меняется?

Плошкин. А тебе какое дело?

Саша. Если погода меняется, значит, похоже, что море настоящее, а если погода одинаковая, то, вернее всего, это виртуальное море. Не существующее нигде, кроме нашего воображения.

Кресс *(тащит пилу рыбы-пилы)*. Вот сейчас врежу тебе виртуальной пилой.

Саша. Не исключено, что и мы с вами жертвы виртуальной реальности. Под стать морю.

Елена Ивановна. Сынок, я тебя не понимаю.

Саша. И никогда не видели местных жителей?

Плошкин. Нет их здесь.

Саша. И следов Пятницы не видели на пляже?

Плошкин. Какая еще пятница?

Елена Ивановна. Погляди, сынок, там не облако надвигается?

Саша. А что, похоже, что и здесь бывают бури.

Налетает порыв ветра.

Елена Ивановна. Ге-е-еня! Вылезай из воды, буря идет.

Темнеет. Саша спускается вниз, за Геней. Кресс идет следом.

Кресс. И в самом деле, Геня, пора на берег. Мало ли какие там акулы водятся? Вот про крокодила говорили.

Геня стоит перед мужчинами.

Геня. Зачем вы меня делите?

Саша. Я тебя не делю.

Геня. Неправда. Вы оба думаете, что я кому-то из вас принадлежу. Но не потому, чтобы сделать мне хорошо, а все для себя самих. Я вам не игрушка, я вольная русалка.

Кресс. Ты не понимаешь — я тебя осчастливлю! Ты будешь царицей мира!

Геня. А ты, Сашенька, что обещаешь?

Саша. Ничего. Я люблю тебя.

Геня. Как мало нового! Это я от тебя уже слыхала.

Кресс. У меня есть большие средства и будут еще больше.

Геня. Ты мне обещал море. А у меня есть море и без тебя.

Кресс. Это ненадежное море. Оно может исчезнуть в любую минуту.

Геня. А какое другое не может исчезнуть?

Кресс. Я даю тебе гарантию.

Геня. Лучше я сама себе дам гарантию.

Она идет к воде не оборачиваясь.

Саша. Геня!

Елена Ивановна. Геня, так нельзя.

Геня. Спасибо вам, баба Лена, но у меня своя жизнь.

Кресс. Вы с ума сошли! Ты не имеешь права!

Кресс бежит за Геней. Геня ныряет в воду и плывет прочь от берега. Кресс кидается за ней, забыв раздеться. Геня ныряет и исчезает из виду. Кресс начинает захлебываться, его подхватывает приливная волна, небо все темнеет.

Спаси-и-и-те!

Саша быстро раздевается.

Елена Ивановна. Не надо, сынок!

Саша кидается в море. Он вытаскивает Кресса, Плошкин с Галиной помогают выволочить ихтиолога на берег. Тот садится.

Кресс. А где Геня? Неужели вы дали ей уплыть!

Стало совсем темно, буря ревет, такое впечатление, что молнии разрывают небо.

Она же утонет!

Галина. Она русалка, она не может утонуть.

Галина ведет мужа с берега к двери, что стоит рамой на берегу.
Колюшкин видит, как его кот бежит к выходу.

Колюшкин. Котик, киска, подожди меня!

Плошкин. Елена Ивановна, не пойти ли нам ко мне на кухню, чайку попьем, переждем непогоду, а там и решим.

Елена Ивановна. Поумнел, что ли, сосед?

Плошкин. Погоди, я корзину возьму, я в нее ракушек красивых набрал, можно будет на вернисаже продать.

Они уходят.
Елена Ивановна от двери оборачивается и перекрикивает шум ливня и ветра.

Елена Ивановна. Ты, сынок, не засиживайся, простудишься!

Саша. Не беспокойся, мама.

Плошкин. Не вернется она.

Елена Ивановна. И я так думаю.

Саша остается на берегу один.
По берегу идет местный житель. Его внешний вид полностью остается на усмотрение режиссера. Он может быть папуасом, инопланетянином или же английским полицейским.

Местный житель. Я вам не советую здесь сидеть. Берег скоро закрывается. Можете не успеть.

Саша. Жду русалку.

Местный житель. Нет более глупого занятия.

Уходит дальше.
А по краю воды идет тень крокодила.

Занавес

ИМЕНИНЫ ГОСПОЖИ ВОРЧАЛКИНОЙ

Комедия в двух действиях с эпилогом

ОБЪЯСНЕНИЕ

В 1771 году русская императрица Екатерина попала в Ярославле в чумной карантин. За недели вынужденного бездействия она написала несколько пьес. Сегодня эти пьесы трудно читать и вряд ли возможно поставить на сцене. И хоть во многом они превосходили творения русских драматургов XV века, за пределами своего времени они не существуют. Я прочел одну из этих пьес — «Именины госпожи Ворчалкиной» и, сохранив название, изобретателя, двух дочерей и мысль об отмене свадеб, написал новую пьесу. Императрица благосклонно согласилась на мое соавторство, а также на появление в пьесе исторических персон, о которых в 1771 году она и представления не имела.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ворчалкина Акулина Панкратьевна. Вдовая помещица средней руки, сорока с лишним лет, блюстительница обычаев. Бережлива и порой скаредна. Себе на уме.

Христина. Старшая дочь Ворчалкиной. Резка в движениях, быстра в походке. Предпочитает конную езду и охоту мужскому обществу. Туманно мечтает о судьбе амазонки.

Прелеста. Младшая дочь Ворчалкиной. Существо нежное, трепетное и влюбленное в бедного солдата Гавриила Романовича Державина.

Державин Гавриил Романович. Солдат Преображенского полка на побывке по болезни у своего дядюшки Дремова. Влюблен в Прелесту и мечтает о близости с Евтерпой. Армейская карьера его не привлекает, хотя на вид он брав и воинственен.

Радищев Саша. Юноша шестнадцати лет, родственник Ворчалкиной, пребывающий у нее на время семейных неурядиц дома. Склонен к радикальному образу мыслей.

Некопейкин Сидор Иванович. Разорившийся купец, прожектер, слоняется по господским усадьбам, а уж на именинах хоть и нежеланный, но первый гость.

Дремов Серафим Пантелеевич. Дядя Гавриила Державина, сосед Ворчалкиной и давнишний ее приятель. Резонер и добряк.

Фентифлюшин Амадей Семенович. Сосед Ворчалкиной. Уверяет, что получил титул маркиза от неаполитанского короля за таинственные заслуги. Почти разорен, но скрывает свое прискорбное состояние.

Гремыхин Константин Игнатьевич. Помещик. Надеется поправить дела с помощью приданого дочери Ворчалкиной.

Петрова Анна Петровна. Молодая женщина приятной внешности и обхождения. Жертва печальных обстоятельств.

Матрена Даниловна. Ее тетка, статная, как императрица. Сопровождает племянницу в путешествии.

Граф Владимир Орлов. Министр. Друг императрицы. Вернулся из Лейпцига, где изучал право.

Слуги, челядь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Ворчалкиной. Просторно, но небогато. Судя по окнам, этот барский дом недалеко ушел от большой избы.

За окном вечер, снег.

Прелеста стоит у окна, вглядывается в синеву. Саша сидит на диване в изящной позе и читает книгу.

Прелеста. Показалось. Я думала, что дремовский колокольчик узнала. Ты меня слышишь?

Саша. Я тебя не слушаю. Хоть ты мне и кузина, но девушка неумная и влюбленная.

Прелеста. Ты ужасный нахал, Саша. Но скажи мне искренне, есть ли на свете настоящая чистая любовь?

Саша. Ты не знаешь жизни, Прелеста. На смену векам идеальным пришло время холодного расчета и корыстолюбия. Как я жалею иногда, что поздно родился! Все революции позади, все великие люди померли.

Прелеста. А ты?

Саша. Мне уже шестнадцать, а я еще ни одного подвига не совершил.

Прелеста. Саш, а Саш, скажи, бывает чистая любовь?

Саша. Ты хочешь спросить, бывает ли чистая любовь у солдата к помещичьей дочке?

Прелеста. Гаврила не солдат, а капрал.

Саша. Все равно — народная косточка, обреченная всю жизнь тянуть лямку бедняка. Может ли солдат думать о любви!

Прелеста. А он такой умный и такой красивый...

Входит Христина в костюме для верховой езды с хлыстом в руке.

Христина. Это кто у нас красивый?

Саша. Она о Гавриле переживает.

Христина. Выбирать себе мужчину по красоте безнравственно. Ведь ты, сестра, надеюсь, не коня выбираешь!

Прелеста. Христя, как можно возлюбленного мужчину с конем равнять?!

Христина. Конь — благородное животное. А любой мужчина — жалкий обманщик. Ему бы плод сорвать, нашим сладким соком упиться, а потом шкурку на помойку выкинуть.

Саша. Браво, Христя!

Христина. А ты не думай, Саша, что отличаешься от остальных мужчин чем-то, кроме возраста. Еще год-два, и станешь таким же, как Гремыхин.

Саша. Только не это!

Прелеста *(снова вглядывается в синеву за окном)*. Ну почему они не едут?

Христина. Погода прегадкая! Метель надвигается.

Прелеста. Значит, мне за Гаврилу не выйти?

Саша. И не надейся. Пока твоя мамаша старшую дочку, Христину, с рук не скинет, о свадьбе не мечтай. Не положено младшую поперед старшей отдавать.

Прелеста. Христя, выйди замуж, а?

Христина. За кого мне в этой глуши выйти? За Фентифлюшина? Пуркуа па, экскьюзе муа! Или за Гремыхина — подать мне кабана на ужин! Нет, лучше уж я буду в одиночестве скакать по полям.

Прелеста достает платочек, вытирает глаза.

Саша. Твой Гаврила нищий солдат. И не быть ему генералом, потому что для генерала ему не хватает батюшки генерала.

Прелеста. Лучше в девках помру, чем от Гаврилы откажусь.

Христина. А я бы желала выйти за девушку, которая верхом умеет скакать, речку переплывает и из пистолета белке в глаз попадает.

Саша. Белку-то зачем убивать?

Христина. Начнем с белки, а кончим мужчинами!

Прелеста *(кидается к окну)*. Едут!

Христина *(тоже смотрит в окно)*. Вроде бы Фентифлюшин.

Саша. Маркиз самозваный. Лучший жених в этих краях. Теперь не почитаешь.

Христина. А ты чем зачитался?

Саша. Плутарх. Читала?

Христина. Только время задаром терять.

Христина и Саша уходят. Прелеста возвращается к окну. С одной стороны входит Фентифлюшин, скидывает шубу на руки слуге, с другой появляется госпожа Ворчалкина. Фентифлюшин целует ей ручку.

Фентифлюшин. Не опоздал ли я? Чай, вы уже обедаете?

Ворчалкина. Ну как же без вас за стол садиться?

Фентифлюшин. Ваш дом — сокровище, право! Никогда не опоздаешь! Как он мил! Ма фуа, как он мил! Как ни придешь, все вовремя. А во мне такая истома — сейчас бы за стол сесть.

Ворчалкина. Что же такая усталость вас, батюшка, одолела?

Фентифлюшин. Вчера всю ночь в карты играли. Лег я ме куше в шестом часу апре минют. А сегодня такая мигрень, так в носу грустно, что сказать не можно.

Ворчалкина. Может, проследуете за мной принять рюмочку настойки?

Фентифлюшин. О, экселлант! Ваша настойка на всю губернию имеет славу.

Уходят. На пустую сцену выходит Некопейкин. Под мышкой он держит амбарную книгу.

Некопейкин проходит к столику у дивана, на котором стоит ваза с печеньем. Берет печенье, оглядывается, высыпает в карман несколько штук. За этим занятием его и застает Прелеста.

Прелеста. Вы меня удивляете, Сидор Иванович. Зачем себя на позор выставляете? Вас же на именины не звали, а вы явились!

Некопейкин. А скажи мне, Прелеста, чем я хуже всех этих деревенских маркизов? Они все голь перекатная, а я человек выдающийся. Меня могут сенатором назначить, а твой Гаврила все будет в капралах лямку тянуть.

Прелеста. Неправда, Гаврила скоро будет полковником! Он тогда вас выпороть велит!

Некопейкин. Меня пороть нельзя, я лицо купеческого звания.

Прелеста. Купец — так и торгуйте! *(А сама снова к окну бежит. Посмотреть.)*

Некопейкин. В любом деле людей много. Толкаются, локтями друг дружку под дых колотят. А у меня профессия особенная. Такого второго нет.

Прелеста. Почему же все говорят, что вы пустой человек?

Некопейкин. А из зависти! Половина злых дел на свете от зависти происходит. У меня, Прелеста, и батюшка был такой же идеалист. Он скончался с честью, хоть и в долговой тюрьме. Меня тоже было в полицию забрали, но по малолетству отпустили. И стал я свободен, правда, безденежен. И нашел в себе особенный талант — составлять проекты. Ты себе представить не можешь, как чист и волен человек, когда пуст карман и кошелек. Да я готов теперь все государ-

ство осчастливить, а отдельного человека и подавно! Хочешь, я тебе наугад проект прочту?

Прелеста. Извольте.

Некопейкин *(читает)*. Об употреблении крысьих хвостов с пользой.

Прелеста. Ах, какой ужас!

Некопейкин. В этом проекте я доказываю, что крысьи хвосты можно с пользою употреблять на кораблях вместо тонких веревок. Для длины надобно их свивать с пенькой. А прочность их из того видна, что хвост крысий вдесятеро против толстоты тягость держать может. Случалось ли вам держать крысу за хвост? Она ведь гораздо толще своего хвоста, однако он никогда не оторвется. .....

Прелеста. Ну хватит, хватит, я поняла.

Некопейкин. А вот государственного значения ты не поняла. Ведь я предвижу великую пользу городу Петербургу от моего проекта. Ловкие люди, чтобы разбогатеть, ударятся в охоту на крыс, которые в результате довольно уменьшатся и меньше пакостей в домах делать будут.

Прелеста. А вы можете проекты о любви делать?

Некопейкин. Проще простого!

Прелеста. Так осчастливьте меня.

Некопейкин. Не могу, так как женат на Марфе Дмитриевне, которая хоть и живет со мной в разлуке, считается законной женой. Несмотря на вашу прелестную красоту, увольте!

Прелеста. Да как вы могли о себе такие надежды иметь! Я люблю Гаврилу Романовича и буду верна ему по гроб жизни. Поэтому я намерена выйти замуж за предмет моей страсти.

Некопейкин. Так он же солдат, без гроша в кармане. Ваша мать никогда не позволит такого мезальянса.

Прелеста. К тому же я младшая сестра. И у меня последняя надежда на ваш проект. Вон сколько их у вас в папке лежит. Поищите для меня спасение!

Некопейкин *(открывает папку и думает)*. Разумеется, такой проект у меня быть должен. Где же он... А что я с этого буду иметь?

Прелеста. Я приданое получу. Копейка с рубля будет ваша.

Некопейкин. Копейка с полтинника.

Прелеста. Вы проект отыщите.

Слышен звук колокольчика. Прелеста снова несется к окну.

Ой, это Гремыхин. Видеть его не желаю. *(Убегает из комнаты.)*

В сенях слышны голоса. В гостиной появляется Ворчалкина. Гремыхин, дородный мужчина средних лет, топчется в дверях, оббивая нагайкой сапоги от снега.

Гремыхин. Поздравляю дорогую хозяюшку!

Ворчалкина. Как погода, как доехали?

Гремыхин. Метет, Акулина Панкратьевна. Метет, людей снегом заметает, люди по степи блуждают, по лесу блуждают, готовы богу душу отдать. Я, можно сказать, спас госпожу Петрову, они с пути сбились и чуть волкам на зуб не попали. *(Жестом приглашает в комнату двух замерзших дам.)*

Петрова. Простите нас, ради бога, но если бы не этот мужественный господин, вернее всего мы попали бы на корм волкам.

Ворчалкина. Господь с вами, что вы говорите! Да вы раздевайтесь, грейтесь, пошли в столовую, наливочки моей попробуете. У меня нынче именины, гостями будете.

Матрена Даниловна. Беда какая! А у нас ни подарочка для вас, ничего нету. Мы налегке путешествуем, из Ярославля, там карантин по поводу чумы. Так что мы собрались в Петербург.

Ворчалкина. У вас там имение будет?

Петрова. Имение наше под Ярославлем, но дела требуют нашего присутствия в столице.

Ворчалкина *(уводя гостей)*. И что же за дела, позвольте полюбопытствовать?

Петрова. Тяжба у нас из-за наследства...

Гремыхин следует за женщинами. На сцену выбегает Некопейкин.

Некопейкин. Саша, Сашенька, куда ты запропастился?

Саша. К вашим услугам.

Некопейкин. Серьезное дело наклевывается. У меня есть заказ на проект, а я такого проекта в своей папке найти не могу.

Саша. А я чем могу помочь?

Некопейкин. Треть прибыли твоя.

Саша. Половина. При условии, что дело благородное.

Некопейкин. Треть и ни копейки больше, потому что дело благородное.

Саша. А сколько в этой трети будет?

Некопейкин. Я сам по копейке с рубля получу, а приданое Прелесты, как всем известно, пятнадцать тысяч серебром. Мне — сто пятьдесят целковых, а тебе пятьдесят рублей.

Саша. Мало.

Некопейкин. Ты не торгуйся, может, и помощи от тебя не дождусь.

Саша. Выкладывайте.

Некопейкин. Задача: как устроить Прелесте счастье в жизни? Как ее отдать за Гаврилу?

Саша. Ничего не выйдет.

Некопейкин. За такой пессимистический проект ты и полушки не получишь.

Саша. Гаврила тоже ничего не получит. Потому что в нашем го-

сударстве бедность — препона на пути к счастью. Бедному человеку пути нет!

Некопейкин. А Михаил Ломоносов? Он же академиком стал!

Саша. А где второй Ломоносов?

Некопейкин. Значит, отказываешься помочь?

Саша. Наоборот. Я в шесть лет дал себе клятву — посвятить жизнь освобождению русского народа от гнета помещиков и знати. И для этого потребуются немалые средства.

Некопейкин. И какой твой проект?

Саша. Украсть невесту и опорочить. Потом тайно обвенчать ее с Гаврилой в соседней деревне.

Некопейкин. Ничего из этого не выйдет. Гаврила скорее убьет нас с тобой, чем посмеет покуситься на репутацию Прелесты. Нет, не так он воспитан!

Саша. Тогда мою тетку Ворчалкину придется убить.

Некопейкин. Зачем?

Саша. Есть человек — есть проблема, нет Ворчалкиной — нет проблемы.

Некопейкин. А кто ее убивать будет?

Саша. Ты и убьешь.

Некопейкин. Славно ты устроился. Меня на виселицу поведут, а ты мой гонорариум получишь?

Саша. Надо подумать. Я тебе вечером сообщу о своем решении.

Некопейкин. Ох, незадача.

За окном слышен колокольчик. Значит, приехали гости. Саша уходит. В гостиную входят Гавриил с дядей Дремовым. Их встречает Ворчалкина.

Ворчалкина. А вот и самые дорогие гости! Серафим Пантелеевич, неужели собрался почтить вниманием старую каргу?

Дремов. Ну как можно, Акулина! Разве мы с тобой не вчера только босиком по лугам бегали? Жизнь к закату катится, теперь вся она в наших детях... Поздравляем тебя!

Ворчалкина. Что касается детей, то у тебя, старого греховодника, их отродясь не было.

Дремов. Мне Гаврила вместо сына.

Ворчалкина. Не весьма удачный сын.

Дремов. А ты послушай, какие он стихи пишет. На твои именины написал.

Ворчалкина. Ах, мне эти солдатские вирши ни к чему! Пускай твой племянник своим делом занимается. Глядишь, и в офицеры произведут.

Державин. Разрешите, Акулина Панкратьевна! Это короткие стихи.

Ворчалкина. Потом, потом, у меня на кухне пироги вот-вот

подгорят. Повар новый, ненадежный. А ты, Серафимушка, отведай наливочки с мороза.

Ворчалкина уводит Дремова, а Державин остается в недоумении с бумажкой в руке. От другой двери его рассматривает Анна Петровна.

Анна. И что же за стихи пишет наш капрал?

Державин. Ах, это безделица.

Анна. Впервые вижу солдата, который пишет стихи.

Державин. Они недостойны вашего внимания.

Анна. Я неравнодушна к современному стихосложению. Однако предпочитаю французскую поэзию нашей, которая, по мне, слишком тяжеловесна и дидактична. Ни Михаил Васильевич Ломоносов, ни Сумароков не вызывают во мне душевного волнения.

Державин. Я вас понимаю. Пора менять российский стих. Надо приблизить язык поэзии к языку обыденному. Ведь мы с вами говорим просто и понятно.

Анна. Как я вас понимаю!

Входит Прелеста.

Прелеста. Гавриил Романович, я вас заждалась. Как вы могли, приехавши, меня не посетить?

Державин. Любезная моя Прелеста, когда бы мне успеть, если я пять минут как вошел в этот дом?

Прелеста. Ты должен был сломя голову ко мне бежать. Неизвестно, сколько мне осталось жить на этом свете!

Державин. Что случилось? Беда? Болезнь?

Прелеста. Не будь глупеньким! Все куда проще. Как только нас разлучат, я покончу с собой.

Державин. Только не это. Я тут же последую за тобой!

Анна. Молодые люди, вы разрываете мне сердце своими стенаниями. Расскажите, что приключилось? Что за горе вас гложет?

Прелеста. Простите, но я вам не представлена.

Анна. Зовут меня Анной Петровной, я владею имением под Ярославлем, но отправляюсь в Петербург по делам. Едет со мной Матрена Даниловна, моя наперсница и компаньонка.

Матрена Даниловна *(вплывает в гостиную с блюдцем, на котором лежит яблоко)*. Откушай, Анюта.

Анна *(берет яблоко)*. А ваша фамилия?

Державин. Капрал Преображенского полка Державин, на побывке у дядюшки. Вскоре возвращаюсь в полк.

Анна. Стихи попрошу! *(Она произносит эти слова так властно, что Державин покоряется.)*

Прелеста. Это мне?

Державин. Это поздравление твоей мамаше, которое она принять от меня и даже выслушать не пожелала. Потому что я беден.

Входит Саша Радищев.

Саша. Я подтверждаю слова этого бедного солдата. Злонамеренные родители готовы торговать счастьем своих детей ради выгоды и своего благополучия. Вот пример этих голубков. Они ведь могут погибнуть, не расцветши. Нет справедливости в государстве Российском!

Матрена Даниловна. Это что еще за Цицерон?

Прелеста. Это Сашенька, наш кузен. Он у нас после пансиона живет.

Матрена Даниловна *(похлопывает Сашу по щеке)*. А что, он очень мил! Анечка, возьми его себе в пажи.

Саша. Я уже паж Христины и верен своей прекрасной даме.

Анна. Вот какова моя соперница!

Тут и входит Христина в костюме амазонки.

Христина. Кто звал меня?

Матрена Даниловна. Еще одно чудо красоты. Ты откуда, дитя?

Христина. Я на конюшню ходила. Что-то лошади волнуются. Метели боятся.

Матрена Даниловна. И охота была тебе на мороз выходить? Что, у вас дворовых нету?

Христина. Что они понимают? Это же мужчины!

Анна. Браво! В вашем тоне я услышала благородное презрение к мужскому племени.

Христина. Разве это племя заслуживает лучшего отношения?

Анна протягивает ей руку.

Анна. Я и получаса в этом доме не нахожусь, а стала обзаводиться друзьями и единомышленниками. Должна признаться, что и сама плохо отношусь к мужскому полу. Потому что я им оскорблена.

Матрена Даниловна. Вот именно. Да будь моя воля, я бы ему руки-ноги оторвала! Такой вертопрах, простите за выражение! А так увлекал, так увлекал...

Анна. Все! Забыли о тяжелом прошлом! Теперь у меня в жизни иная задача. Я должна посвятить себя борьбе за права угнетенных и оскорбленных женщин. Я должна помогать другим людям найти свое счастье!

Саша. И кстати, не забудьте о миллионах бедняков, которые питаются редькой и квасом и служат рабами пресыщенным боярам.

Анна. Браво! Как это смело! Но боюсь, что в Петербурге такая вольность мыслей не будет иметь успеха.

Входит Некопейкин.

Некопейкин *(видит только Сашу. Идет на него, как статуя Командора из пьесы «Дон Хуан»)*. Есть проект! Я придумал. Отойди, выслушай меня.

Саша. Я занят нужным разговором.

Некопейкин. Неужели тебе неинтересно?

Саша. В данный момент нет.

Некопейкин. И пятьдесят целковых тебе не нужны?

Саша. Нет, нет, нет! Принципы не продаются!

Анна. Что это за господин такого странного облика?

Некопейкин. Бывший купец второй гильдии Некопейкин, однако сейчас первый в мире составитель проектов.

Христина намеревается уйти. Анна догоняет ее, хватает за руку, привлекает к себе, обнимает за плечи.

Анна. Не торопись, амазонка. *(Оборачивается к Некопейкину.)* Продолжайте, сударь.

Некопейкин. В этой амбарной книге сложены дюжины важнейших проектов. Разрешите огласить?

Христина. Он забавный, право.

Некопейкин. «О действии морем или морским путем против зингорцев». Нет, не то...

Анна. Вы уж простите мою женскую темноту. Кто же такие зингорцы?

Некопейкин. А бог их знает. Вот интересный проект: «Об извозе зимой в степных местах на куропатках, где их много, а лошадей мало».

Матрена Даниловна. Так ты дурак, батюшка?!

Некопейкин. Ни в коем разе! Ценный проект на первый взгляд неучу может показаться неубедительным. На деле же следует заглянуть в его нутро. И вам откроется государственный интерес. Например: «О построении секретного флота».

Саша. Секретного флота? Это что-то мудреное.

Христина. А пользы, как всегда, никакой.

Матрена Даниловна. А ты, божий человек, своими словами нам расскажи да покороче.

Некопейкин. Во-первых, надлежит с крайним секретом и поспешением построить две тысячи линейных стопущечных кораблей. За казенный счет.

Саша. А народ пусть голодает?

Христина. Саша, помолчи. Не старайся быть глупее Некопейкина.

Некопейкин. Ехать на тех кораблях на неизвестные острова, которых в океане чрезвычайно много, и там променять весь товар на черно-бурых лисиц, коих на тех островах, конечно же, бессчетное множество. Привезши же эти лисицы сюда, отправить их в Англию,

где в них недостаток, и получить более семидесяти миллионов рублей чистого барыша.

Анна. Спасибо, дурак. Мы обязательно еще с тобой поговорим. Ты свободен.

Некопейкин. Нет, я не свободен, потому что должен поделиться одним своим проектом с Сашей.

Саша. *Говори при всех. У меня здесь нет секретов.*

Некопейкин. Как Гавриилу Романовичу добиться руки Прелесты?

Прелеста. Говори, Некопейкин.

Державин подходит к возлюбленной, и они стоят перед Некопейкиным, взявшись за руки.

Некопейкин. Если на одну невесту отыщется два и более женихов, то лучшего из них следует выбирать на дуэли. Я признаю, что это средство жестокое, приводящее к кровопролитию, но, если ограничить себя гуманными мерами, то отвергнутые женихи, оставшись в живых, будут оглашать округу горестными воплями и никакого покоя в мире не будет. А так со смертью каждого второго жениха у невест сомнений не останется.

Прелеста. А если моего Гаврилу убьют?

Некопейкин. Это риск, как в любом новом деле. Но лучше пускай второй, нежеланный, останется, чем никакого.

Матрена Даниловна. А ты дурак, дурак, да хитрый.

Некопейкин. В этом моя беда. Завистники сразу чувствуют величие скромной персоны и кидаются на меня, как стервятники.

Входит Ворчалкина.

Ворчалкина. Дорогих гостей просим в столовую на ужин.

Анна. Акулина Панкратьевна, я тут прочла стихи, написанные по случаю ваших именин достойным молодым человеком, и нашла их заслуживающими внимания. Подарите минуту поэту!

Ворчалкина. Какое там минуту! Пироги стынут!

Анна. Гавриил Романович, прочитайте, сделайте милость!

Остальные издают возгласы в пользу этих слов, и Ворчалкиной приходится подчиниться.

Державин *(приняв из руки Анны Петровны листок, читает).*

Живущая в кругах небес
У существа существ всех сущих,
Кто свет из вечной тьмы вознес
И твердь воздвиг из бездн борющих,
Дщерь мудрости, душа богов!
На глас моей звенящей лиры

Оставь гремящие эфиры
И стань среди моих стихов!

Пауза. Потом раздаются аплодисменты. Аплодируют Анна, Матрена Даниловна, хлопает в ладошки Прелеста, аплодируют Христина и Саша. Некопейкин хотел было захлопать, но перехватил грозный взгляд Ворчалкиной и замер с протянутыми вперед руками.

Ворчалкина. Ну что ж, спасибо, опозорил при всем народе! Такие подлые слова подобрал, такие слова... Как я людям в глаза смотреть буду!

Ворчалкина уходит в столовую. Остальные постепенно тянутся за ней.

Прелеста. Не расстраивайся, Гаврюша. Эта мадам Петрова нарочно заставила тебя стихи читать, чтобы маму раззадорить. Может, она и не желает нашего счастья, а, наоборот, хочет нас погубить!

Анна. Милая девочка, твои слова — полная чепуха. Когда я просила твоего кавалера прочесть стихи, я была уверена, что ледяное сердце мадам Ворчалкиной оттает.

Христина. Наша мама не понимает поэзии. Я тоже не понимаю, но не кричу из-за этого на моих гостей. Может, потом придет какой-нибудь поэт, и мы все начнем стихи читать, а то и писать. Но нам с вами до такого светлого дня не дожить.

Прелеста. Лучше бы ты, Гаврюша, бросил это занятие. Вот и мамочку обидел. И еще многих людей наобижаешь своими виршами. И тебе никогда офицерского чина не получить.

Анна. Ах, нет пророка в своем Отечестве! Вы — люди деревенские, неотесанные и того не понимаете, что, может, уже грядет на Руси свой первый поэт! Вот этот юноша со взором горящим, может, и есть наш мессия!

Прелеста. Не дай бог! Вы же не понимаете, Анна Петровна, что такие дикие слова ему, как елей на рану! Он ведь спит и видит, как бы мундир скинуть да опозорить себя и свой род фиглярством. Вы что, хотите, чтобы он приживалкой при богатом барине жил? А я так и ссохлась бы в постылом девичестве?

Анна. Господин Ломоносов в Петербурге академиком стал. Даже Тредиаковского в академики выбрали. А чем Гавриил Романович хуже?

Прелеста. Он лучше, клянусь, лучше! А как поскачет впереди своего полка на боевом коне, все женщины России от зависти ко мне полопаются! Я люблю мужчину, а не поэта!

Анна. А ты что думаешь, Гаврила?

Державин. Мне любовь Прелесты всех стихов дороже! Конечно, я буду стремиться к военной карьере. Потерплю. Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами. Где должно действовать с умом, он только хлопает ушами. Это я о себе самом сочинил.

Анна. Ну неужели никто здесь не видит, что рождается гений?

Саша. Анна Петровна, не ждите от своих родственников и знакомых понимания великих истин. Не доросли они до этого! Пока Россия сохраняет крепостничество, она останется в стороне от столбовой дороги прогресса, помяните мои слова!

Анна. Ты мне нравишься, паж! Так бы и выпорола тебя!

Прелеста *(тянет Державина к дверям столовой)*. Пойдем, пойдем, ты ее не слушай. Она же не понимает, каково нам в провинции жить. И если я тебя себе добуду, то не с ее помощью, а супротив ее желаний, потому что не верю я ей, как ягненок не должен верить волку.

Державин *(уходя следом за возлюбленной)*.

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой!
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

Анна. И что ты думаешь, Матрена?

Матрена Даниловна. По всем статьям подходит, по всем буквально статьям, я даже и не ожидала. Однако проверить в действии не представляется возможным.

Анна. Глупая моя, проверять можно, когда он сам попросит.

Они уходят в столовую следом за остальными.
И когда все скрываются в столовой, свет в гостиной становится слабее, а из-за дверей доносится пение скрипки и голоса пирующих. Слышен чей-то голос: «За здоровье именинницы мужчины пьют стоя! Ура!» Кто-то запевает, перебивая скрипку, звенит посуда, разбился бокал. Создается ощущение того, что гостей куда больше, чем на самом деле.
На просцениум выходят Фентифлюшин с Гремыхиным.

Фентифлюшин. Се террибль! Такая, простите, жара немыслимая.

Гремыхин. Послушай, Фентифлюшин, долго тому быть, что я не могу с тебя долг получить? Ты ведаешь, что играл я с тобой честно, что ты проиграл мне немало, и я на половине выигрыша с тобой примирился? Ну когда ты намерен деньги мне отдать?

Фентифлюшин. Я, право, тебе заплачу.

Гремыхин. Слышали мы эти слова! А денег-то не вижу. Весьма бессовестно ты со мной поступаешь.

Фентифлюшин. Правда! Как ты прав, Гремыхин. Будь я мерзавец, если через неделю не верну все до копейки. Даже если придется отцовский дом продать и пойти нищим с котомкой, пуркуа па, по ля авеню.

Гремыхин. Ты меня образованием не дави. И мерзавцем ты себя уже называл, а с тех пор много месяцев прошло.

Фентифлюшин. Слушай, а что, если ты меня публично назо-

вешь плутом и лжецом? Тебе легче станет? А хочешь сукиным сыном меня назвать?

Гремыхин. Ой и назову! Еще как назову! Потому что не верю ни единому твоему слову.

Фентифлюшин. Будь я проклят! Давай я тебе сейчас напишу письменное дозволение называть меня обманщиком, если за неделю я с тобой не разминусь *(достает блокнот и пишет карандашом)*.

Гремыхин в растерянности принимает вексель.

Гремыхин. Такого векселя я еще не встречал.

Фентифлюшин. Я тебе больше скажу — мне скоро большие деньги привалят. Некопейкин обещал проект провернуть. Ты же знаешь, у него особая папка есть.

Гремыхин. А я о Некопейкине ни единого доброго слова не слышал...

Фентифлюшин. Завистники! Замучили человека, а нам без него не обойтись.

Гремыхин. Раньше обходились и сейчас переживем.

Фентифлюшин. Все-таки беда с необразованными людьми разговаривать. Вы в жизни изящества не понимаете. Я знаю, мон ами, где деньги лежат, а он нам подскажет своим проектом, как их оттуда вынуть и обратить в нашу пользу. Ты иди, пируй, там гуся несут. А я с Некопейкиным антре ну побеседую. Позови его.

Гремыхин уходит, а Фентифлюшин доволен собой, проходит несколько па в танце.
Появляется Некопейкин. В одной руке папка, в другой баранья кость, которую он обгрызает.

Некопейкин. Поесть не дадут. А я, может, с утра не емши.

Фентифлюшин. Мне нужен твой проект. А я готов с тобой деньгами поделиться.

Некопейкин. Откуда же у вас могут быть деньги? У вас если чего заводится, вы сразу же в карты просаживаете. У вас челядь босая ходит, а по кухне тараканы бегают да от голода с потолка падают.

Фентифлюшин. Вот это лишнее, мон пейзан! У меня тараканов на кухне испокон века не было.

Некопейкин. Значит, давно голодаете.

Фентифлюшин. Ты, холоп, меня оскорбляешь!

Некопейкин. Мы из купеческого звания.

Фентифлюшин. Тогда и служи нам, столбовому дворянству. Знаешь ли ты, что по королевству Неаполитанскому мой отец получил звание маркиза со всеми вытекающими последствиями. Стой!

Некопейкин. Стою.

Фентифлюшин. Велю тебе немедля предъявить проект, направленный к моему обогащению.

Некопейкин. А я не желаю! Я не слуга тебе, маркиз неаполитанский!

Фентифлюшин. Копейку с каждого рубля!

Некопейкин. А рубль где?

Фентифлюшин. Вот раскрывай папку и ищи!

Некопейкин раскрывает папку и начинает листать проекты.

Некопейкин. Вот есть у меня проект, как в городе Кяхте учредить морской порт, первейший и самый безопасный в мире.

Фентифлюшин. А где эта Кяхта?

Некопейкин. В бурятских землях.

Фентифлюшин. Так сколько оттуда до моря скакать?

Некопейкин. Недели три или четыре. Если лошади хорошие.

Фентифлюшин. Так как же там морской порт устроить, если моря нет?

Некопейкин. Безопасный порт. Попробуй его отыщи!

Фентифлюшин. Забудем о чепухе. Найди проект, как мне разбогатеть, и я тебя озолочу.

Некопейкин просматривает проекты.

Некопейкин. Вот проект, совсем свежий. Сделан по заказу господина Гавриила Державина.

Фентифлюшин. За какие же деньги этот нищий солдат тебя нанял?

Некопейкин. Я думаю с приданого процент взять.

Фентифлюшин. За кем же он приданое получит?

Некопейкин. За Прелестей.

Фентифлюшин. Кто же за него Прелесту отдаст? Она ведь младшая. Пока Ворчалкина Христину не сбудет, сидеть Прелесте в девках.

Некопейкин. Вот поэтому он и согласен за мой проект большие деньги платить.

Фентифлюшин. И что ты придумал?

Некопейкин. А придумал я, чтобы Гаврила Романович всех других женихов Прелесты на дуэль вызывал, а как он есть мужчина сильный и фехтовальщик славный, то он наверняка других женихов перебьет. И госпоже Ворчалкиной ничего не останется, как за него Прелесту выдать.

Фентифлюшин. Какой макабр! Какое оскорбление здравого смысла! Эту фантазию ты сейчас придумал?

Некопейкин. Не знаю, как с точки зрения макабра, но я сам видал, как Гаврила Романович свою шпагу за сараем точил!

Фентифлюшин. О, мон дье! А пре муа а ла луж!

Некопейкин. Может, вам тоже жениться?

Фентифлюшин. Не раньше, чем ваш солдат отбудет к своему полку.

Входит Державин. Он никого не видит, идет к окну и что-то шепчет. Фентифлюшин бросается прочь, сбивает Некопейкина. Немая сцена. Затем Державин оборачивается к ним и, уперев палец в грудь дрожащего Фентифлюшина, читает.

Державин.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб!
Я червь — я Бог!

И последние слова звучат так грозно, что Фентифлюшин прячется за портьеру. В дверях появляется Анна, за ней Матрена. Анна хлопает в ладоши. Державин, смутившись, уходит.

Анна. Солнце русской поэзии взошло!

Матрена Даниловна. А какой мужик! Какой мужчина! Так бы и затащила его в уголок и высосала всю кровь по капельке.

Анна. Ты что, паучиха, что ли?

Матрена Даниловна. Хуже. Я баба. Причем с большим жизненным опытом. Чего и тебе, Аннушка, желаю.

Анна. Неужели ты еще не поняла, что жизненный опыт любви только помеха. Каждая твоя встреча начинается с пустого места, растет, как младенец в колыбели, и потом принимается тебя душить. И ты тянешься к возлюбленному, а он ускользает к другой, потому что она моложе тебя, слаще и глупее. Скажи, на что женщине ум?

Матрена Даниловна. Он дан нам в наказание. И тому примеров я могу привести множество. Покойная Клеопатра через своих мужиков смерть от гадюки приняла. Большого ума была женщина! Не нам чета.

Анна. А ты не сравнивай. В любви каждая из нас Клеопатра. Мужики одинаковы. Мы для них — легион, а для нас каждый из них — царь и господин.

Матрена Даниловна. И раб при этом. Потому что если его в рабстве не держать, он радости от любви не получит. Радость для раба — обладать королевой.

Анна. А потом отметить ей с молоденькой служанкой. Знаешь, Матрена, я тут подумала, что княжнам изменяют с герцогинями, герцогиням изменяют с девками-чернавками.

Матрена Даниловна. И как тебе этот Гаврила?

Анна. Уступаю его тебе, моя славная наперсница.

Матрена Даниловна. А Прелесту нам с тобой не жалко?

Анна. Ты не поняла меня, Матрена. Я вижу в этой девушке воплощение всего лучшего, что таилось во мне десять лет назад.

Матрена Даниловна. Пятнадцать.

Анна. Пять лет назад! Никому не позволю Прелесту обидеть! Ни один волосок не упадет с ее головки. И я сделаю все, чтобы она получила своего Гаврилу. Гаврила должен быть счастлив, судьба русской поэзии висит на волоске.

Матрена Даниловна. А чего ты мне насоветовала?

Анна. Я тебе насоветовала подарить поэту клочок счастья. Тело такой женщины, как ты, должно быть телом музы. А у поэта может быть несколько муз.

Матрена Даниловна. А не может так статься, что ты в его лице мстишь всем мужчинам и в первую очередь обидевшему тебя?

Анна. Матрена, не старайся показаться умнее себя самой. Это опасно.

Матрена Даниловна. Значит, твоего интереса в нем нет?

Анна. Нет и не будет. Меня интересует только поэзия. Слова «ямб» и «хорей» заставляют меня пускать слюни. Но бог не дал мне настоящего дара. А ему, Гаврюше, дал! Милый ты мой мальчик, талантливый ты мой. *(Кружится в танце.)*

Матрена Даниловна. Нет, пожалуй, не стоит мне соблазнять этого солдатика. Поэзия поэзией, а постель постелью. Может быть, утешится моя девочка?

Анна. А Христину я так понимаю, так понимаю! Нет мужчины, который бы превзошел красотой и верностью обычного коня. Слышала, как он сказал: «Я царь — я раб! Я червь — я Бог!» Столетия пройдут, наши имена забудутся, а на углах улиц, на площадях русские люди будут эти чеканные строки повторять.

Саша выглядывает из столовой.

Саша. Куда вы пропали! Сейчас уже сладкое подавать будут.

Анна. Спасибо, мой мальчик. *(Обнимает его за плечи, на ходу поворачивается к Матрене Даниловне.)* Присмотрись к этому мальчику. Он далеко пойдет.

Матрена Даниловна. Чего мне смотреть, Анюта, мое дело свечу держать, а уж амурными ласками пускай ваше молодое поколение занимается.

Они уходят, а из-за занавески появляется Фентифлюшин. Фентифлюшин подкрадывается к двери в столовую и машет рукой. Из залы появляется Гремыхин.

Гремыхин. Ну и что? Нашел проект, чтобы нам разбогатеть?

Фентифлюшин. Сначала он сказал, что нам надо жениться.

Гремыхин. Правильно. Хорошо сказал. А ты чего ответил?

Фентифлюшин. Я спросил, врет он или деньги нам заплатит?

Гремыхин. А он что?

Фентифлюшин. А он меня чуть не убил. С помощью своего друга Гаврилы Державина. Который по Прелесте исстрадался.

Гремыхин. Опасный человек!

Фентифлюшин. Он ему проект подсказал, что нужно всех женихов на дуэлях перебить, а самому остаться.

Гремыхин. А ты чего?

Фентифлюшин. А я ему говорю: «Стой!»

Гремыхин. А он?

Фентифлюшин. А он как закричит: «Я царь — а ты раб!» Представляешь, это он мне, наследному маркизу неаполитанскому? Он, видите ли, царь, а я для него раб!

Гремыхин. Позор! Такого солдата батогами надо! Ты мне его завези на конюшню, а я прикажу его батогами!

Фентифлюшин. Серый ты человек, а того не понимаешь, что у нас с тобой теперь один путь — жениться на сестрах Ворчалкиных, прежде чем Державин нас с тобой перебьет и сам женится.

Гремыхин. Эх, давно я об этом подумывал, да медленно. А ты теперь меня как бы под зад коленкой подтолкнул. Мне без их приданого дальше жить нелегко.

Фентифлюшин. Бон, екселлант, что ты мне в этом признался, сосед. Я без их приданого вообще по миру пойду.

Гремыхин. Где Некопейкин?

Фентифлюшин заглядывает в столовую и вытаскивает в гостиную Некопейкина. На этот раз он с куском торта в руке и измазан кремом.

Фентифлюшин. Мы обдумали твое предложение и решили — копейка с рубля приданого будет твоей.

Некопейкин. И все такие щедрые. С ума можно сойти. А если у меня подходящего проекта нет?

Фентифлюшин. Придумаешь, апре муа а ля луж. То есть после меня как бы лужа. Нам надо сделать так, чтобы госпожа Ворчалкина своих дочек за нас в одночасье отдала.

Некопейкин. Не отдаст. Народ вы несолидный, а приданое немалое.

Гремыхин. Вот и думай. Если с проектом выйдет, быть тебе тоже небедным.

Некопейкин. Ты чудак-человек, неужели не понимаешь, что Ворчалкина вам дочек не отдаст, даже если небо на землю упадет!

Гремыхин. А ты небо на землю не роняй, это лишнее. Много народу подавит.

Фентифлюшин. Подумай о своей спокойной старости.

Некопейкин. А если откажусь?

Гремыхин. Не советую, кончишь дни у меня на конюшне. Мои люди тебя из-под земли выкопают.

Фентифлюшин. Делай, как велят.

Они уходят в столовую, а Некопейкин начинает расхаживать по гостиной и думать, потом кричит.

Некопейкин. Саша! Сашок! Иди сюда, дело есть!

Саша. Ты вызывал меня, дух изгнанья?

Некопейкин. Не болтай чепухи! Нам с тобой нужен проект. Как жениться на сестрах Ворчалкиных.

Саша. Так мы же его придумали! Державин вот-вот шпагой проколет всех соперников.

Некопейкин. А соперники нам вдвое больше отстегнут.

Саша. Дай-ка я попробую угадать, кто же с тобой говорил! Неужто это Гремыхин и один неаполитанский маркиз?

Некопейкин. Так ты же знал!

Саша. Нет, это у меня такая метода преступления раскрывать. Называется дедукция. Тебе такого слова вовек не выучить.

Некопейкин. А я и не стремлюсь.

Саша. Значит, что мы имеем? Мы имеем двух дураков помещиков, которые, конечно, не лучшие женихи, но и не чета нашему Державину — все же знать волостная.

Некопейкин. И оба в разорении, так что за деньги готовы душу продать. Невест с приданым — раз-два и обчелся. Ворчалкины — лучшая добыча, да их мамаша не спешит с дочками расстаться. Ждет достойных женихов.

Саша. Правильно, мой друг. Значит, единственный выход для наших женихов — поторопить Ворчалкину.

Некопейкин. Как так поторопить?

Саша. Госпожа Ворчалкина должна сообразить, что ей нужно срочно отделаться от дочерей. Иначе случится неприятность.

Некопейкин. Что же может произойти? Неужели землетрясение?

Саша. Вот ты изобретатель, надежда науки российской, собственный Невтон и Платон. Придумай такую катастрофу.

Некопейкин. Что ж, задача достойная меня!

Они уходят. Появляются Дремов и Ворчалкина.

Дремов. Но будь справедлива! Ведь ты же бесприданницей была, твой покойный бригадир тебя за прекрасные глаза взял.

Ворчалкина. А разве я ему плохой женой была? Разве я ему хозяйство не поставила, доходы не преумножила, пока он германцев бил, разве я ему красавиц не вырастила?

Дремов. А раз так, не стой на пути их счастья.

Ворчалкина. Счастье, мой друг, понятие относительное. Я когда за одноглазого бригадира замуж шла, все подушки искусала. И ты знаешь почему. Из-за тебя, дурачина!

Дремов. А что я мог сделать?

Ворчалкина. Я думала, руки на себя наложу. Я мечтала знаешь о чем? Чтобы ты прискакал на вороном коне, увез меня в лес и сделал со мной, что пожелаешь... Как мне плохо было! Я ж тебе больше двадцати лет об этом не говорила. У нас все мирно, все как у людей.

Дремов. Вот видишь!

Ворчалкина. Ничего не вижу. И видеть не желаю. И знаешь, почему я дочкам свою судьбу желаю? Потому что когда я пообвыкла да смирилась, стала домашней животиной, то поняла: ничего бабе не нужно, как выйти замуж за богача, жить в большой усадьбе, растить детей и кушать вкусные яства. Я — лентяйка.

Дремов. А ведь ты картинки рисовала, мы с тобой ходили звезды считать, созвездия угадывать.

Ворчалкина. Ты, мой возлюбленный дурак, не понимал, что и картинки эти, и созвездия были моими тебе подарками.

Дремов. Мы могли быть счастливы.

Ворчалкина. И я бы всю жизнь лямку тянула, в бедной избе жила. Одно слово, что господский дом, а в земле на три венца. Да и мясо только по воскресеньям — сплошной пост. И дети наши пошли бы в солдаты, как твой племянник Гаврила. Но бог миловал, избавил от жизни с любимым мужчиной. Избавил!

Дремов. Ты решила оставить Прелесту в расстроенных чувствах?

Ворчалкина. Чтобы потом она воспряла и забыла о солдатике, от которого никакой пользы, только вирши и драки на шпагах.

Дремов. И кого же ты ей в женихи прочишь?

Ворчалкина. Посмотрим, поглядим...

Дремов. Болтуна Фентифлюшина? Пропойцу Гремыхина?

Ворчалкина. Нет, им-то мои дочки не достанутся. Я дождусь настоящих вельмож. Спешки нет, девки мои еще молодые. Найдутся, прибегут. Сначала Христину охомутаем, потом за Прелесту возьмемся.

Дремов. Акулина, я тебя нашей бывшей любовью заклинаю!

Ворчалкина. Тоже мне, ворожея выискалась! Не хочу, чтобы из-за любви моя дочь всю жизнь в бедности прозябала. Или ты думаешь, они приданое с тобой за компанию проедать будут?

Анна выглядывает из столовой. Она слушает разговор. Она вообще мастер слушать чужие разговоры.

Анна. Простите, конечно, что я вмешиваюсь, но мне кажется, что молодой человек, о котором идет речь, имеет возможности достичь в будущем значительных успехов в карьере и особенно в стихотворчестве.

Ворчалкина. Ну вот, советчица явилась! Если такая прозорливая, вы бы, мадам, сами и выходили за Гаврилу замуж! Или тоже ищете себе мужа побогаче?

Анна. Какая это пошлость, госпожа Ворчалкина! Мой муж, скончавшись, оставил мне значительное состояние, которое позволяет мне не думать о новом замужестве.

Ворчалкина. Утешайте себя, утешайте!

Анна. Если бы я захотела, то очередь женихов к моей опочивальне выстроилась бы версты на три.

Ворчалкина. Ну и репутация у вас, милочка! Все сбегутся!

Анна. К сожалению, я не могу вызвать вас на дуэль.

Ворчалкина. Почему же — на скалках! Славный получится бой.

Анна. Мой учитель словесности советовал: если ты в расстройстве чувств или в нервном состоянии духа, начинай считать. Считай до ста. Один-два-три-четыре-пять-шесть...

Ворчалкина. Не отдам я Прелесту за вашего Гаврилу. Не отдам, и дело с концом!

Анна. Подождите одно мгновение, Акулина Панкратьевна. Послушайте строки, принадлежащие перу Гаврилы Романовича. Неужели они не вызовут отклика в вашем сердце?

Она разворачивает листок, а из раскрывшегося веера выпадает серебряная ложечка, чего Анна и не замечает. Но Ворчалкина смотрит на ложку, как легавая на дичь.

Как их ланитами златыми
Иль из кристальных вод купален между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев...

Ах, какая божественная музыка звучит в этих строках!

Ворчалкина поднимает ложку и рассматривает ее.

Ворчалкина. Тут мой герб, кабан под ракитой. Откуда это у вас?

Анна. Наверное, пирожное кушала и рассеянно в веер сунула. А что?

Ворчалкина. А то, что давно у нас ложек серебряных не воровали.

Анна. Господи, какая серость! Какая глубокая провинциальная серость! Дворяне не крадут ложек.

Ворчалкина. А я не обвиняю. Я только увидела, вот и все. Так что могу вам дать совет. Как рассветет да метель уляжется, я бы на вашем месте наш дом покинула.

Анна. Не собираюсь злоупотреблять вашим гостеприимством.

Ворчалкина. Уже злоупотребили.

Анна. Если бы не непогода, тотчас бы вас покинула.

Ворчалкина. Никто вас не неволит...

Анна возмущенно уходит. Ворчалкина рассматривает ложку.

Она мне с самого начала не понравилась.

Некопейкин входит, на ходу записывая в амбарную книгу свои мысли.

Некопейкин. Вы что сказали?

Ворчалкина. Скажи, Некопейкин, есть ли у тебя проект, чтобы серебряные ложки не воровали?

Некопейкин. Такого проекта в записи нет, потому что он мне в голове известен.

Ворчалкина. Ну говори!

Некопейкин. Думал я об этом, потому что воровство ложек — наша национальная трагедия. И я пришел к выводу, что к каждой ложке надо прикреплять по колокольчику. И чем крупнее ложка, тем больше колокольчик. А уж на уполовник коровий колокол повесим.

Ворчалкина. Ну и дурак же ты, сосед! Как это можно вытерпеть? Ты представляешь ли себе, каково будет эти ложки мыть? Какой звон из кухни пойдет! Да и колокольчики подороже ложек окажутся.

Некопейкин. Ваша правда, немного недодумал...

Ворчалкина. А жаль. У меня как раз рубль завалялся...

Некопейкин. Акулина Панкратьевна, остановите неразумные шаги свои! Настоящее решение уже близко! Сейчас... сейчас...

Ворчалкина. Ну ты меня уморишь! Ну прямо наседка, яйцо несущая. Смотри, в штаны чего не урони.

Некопейкин. Догадался! Давайте сюда целковый. Надо во всех ложках дырки просверлить. Тогда их воровать перестанут. Кому нужна ложка с дыркой?

Ворчалкина. И в самом деле — кому? А мне, хозяйке, она на что?

Некопейкин. А вы, когда употребляете, будете снизу пальчиком затыкать! Дайте ложечку, я покажу! *(Берет ложку и показывает, как затыкать дырочку.)*

Ворчалкина. Ну насмешил ты меня. Но целкового не получишь, ты же не с первого раза придумал.

Некопейкин. А я и не ждал благодарности. *(Печально уходит.)*

Ворчалкина. Чего-то не хватает. Рубль здесь... Ложка! Ложку во второй раз украли! *(Бежит за Некопейкиным и кричит.)* Отдай ложку! Отдай немедленно!

На сцену выходит Саша.

Саша. Кажется, решение близко... Где мой далекий наперсник? Посмеемся над отсталостью и жадностью угнетательских слоев нашего общества. Они не заслуживают другой участи.

Некопейкин выбегает с другой стороны.

Некопейкин. Сашка! Какое счастье! Держи и спрячь. (*Протягивает ему ложку.)*

Саша. Что это?

Некопейкин. Мой гонорариум за последний проект!

Саша. А если меня с ним поймают, то решат, что я у тетки ложки ворую. *(Возвращает ложку Некопейкину.)* Мне кажется, что я решил задачку с нашими женихами. И проект этот гениален.

Некопейкин. Все мои проекты гениальные.

Саша. А ты здесь при чем?

Некопейкин. А чей же это проект?

Саша. Мой.

Некопейкин. Так ведь все знают, что изобретатель проектов — я! Ты же не можешь прийти к тетке или перед народом стать и сказать: «Я изобретатель проектов!»

Саша. Ты послушай. Значит, наша с тобой задача напугать мою тетку Акулину, женщину жадную и суеверную. Губернатором ее пугать — дело пустое. Губернатора она не испугается. Значит, надо пугать ее самим Петербургом.

Некопейкин. Правильно, и я так думал.

Саша. Должен быть императорский указ.

Некопейкин. Правильно! О чем?

Саша. О запрещении жениться.

Некопейкин. Как?

Саша. О запрещении жениться на... десять лет!

Некопейкин. Почему?

Саша. А потому что в России слишком много населения развелось, уже лошадей на всех не хватает, реки обмелели, рыбы почти не осталось, зубры в лесах попрятались — беда от перенаселения.

Некопейкин. Именно беда!

Саша. Значит, императрица подписала указ о том, что на ближайшие десять лет свадьбы запрещаются и новые дети рождаться не будут. А если кто родит, то топить ребеночка в реке, как кутенка, а мать с отцом на костер! *(Саша вошел в раж, стоит в позе трибуна, а Некопейкин уже верит ему и ужасается.)* Указ этот входит в силу с Рождества, то есть через две недели. И если кто не успел пожениться, сидеть ему и куковать. Все!

Некопейкин. Ну не может быть! Чтобы наша матушка-императрица на такую жестокую меру против собственного народа пошла, я не поверю!

Саша. А кто тебя просит верить? Главное, чтобы Ворчалкина поверила.

Некопейкин. Что... Ах ты стервец, ах ты шалун! Ах ты светлая голова! Быть тебе губернатором!

Саша. Нет, я буду великим бунтовщиком, меня будут тираны опасаться, а от моих слов троны станут шататься и падать в разные стороны. А пока что пойдем получать свои деньги.

Некопейкин. Ничего нам не получить, пока приданое они не добудут.

Саша. Никуда они от нас не денутся. Попробуют только сжульничать, вот весь свет и узнает, какой ценой они себе невест получили.

Некопейкин. А что же дальше делать?

Саша. Дальше каждый из нас станет этот слух распространять. Но не как случайный слух, что по небу носится, а как верное известие, чтобы не было сомнений.

Некопейкин. Вот именно! Возьми, я тебе ложку дарю.

Саша. Нас, борцов за счастье человечества, не купишь! Пошли страшную новость людям нашептывать.

Некопейкин. А ну как не поверят? Уж очень глупый проект, глупее, чем про крысьи хвосты.

Саша. Еще как поверят. Людям чем нелепее ложь, чем страшнее, тем легче они попадаются на удочку, потому что сами этого желают. И учти, из исторических сочинений следует, что великие люди приходили к власти на лжи грубой, а потому привлекательной. И мы перевернем этот мир легким нажатием пальца.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же гостиная через полчаса или чуть более. Именины госпожи Ворчалкиной продолжаются. Играет маленький оркестрик, начались танцы. Танцующие пары, меняясь партнерами, выплывают из широких дверей в гостиную, делают круги, затем снова уплывают в столовую. По мере движения танцоры обмениваются репликами.

Гремыхин. Вы слышали новость?

Матрена Даниловна. Неужели турки снова шалят?

Гремыхин. Указ вышел. Уже подписан императрицей Екатериной Алексеевной. На десять лет все браки в государстве запрещены.

Матрена Даниловна. Это еще почему?

Гремыхин. А потому что слишком много народу развелось. Скоро жрать будет нечего.

Матрена Даниловна. Нет, быть такого не может!

В танце Матрену Даниловну подхватывает Саша.

Ну и чепуху он мелет!

Саша. Кто мелет?

Матрена Даниловна. Да этот громила ваш местный.

Саша. Гремыхин. И что же он сказал?

Матрена Даниловна. Будто вышел указ, чтобы десять лет свадеб не играть.

Саша. Чепуха, чепуха... А вчера к нам фельдъегерь заезжал, говорил, что не десять, а восемь лет. Ну кому верить?

Матрена Даниловна. Какой еще фельдъегерь? Ой!

Саша. Что случилось, простите?

Матрена Даниловна. А то, что ты меня за зад ущипнул. Где это видано, чтобы отрок шестнадцати лет взрослую женщину за зад щипал?!

Саша. Вы обиделись? Вам больно? Вам неприятно?

Матрена Даниловна. Не в этом дело, а в разнице в возрасте.

Саша. Мы скроем ото всех наш возраст.

Матрена Даниловна. Ох и далеко пойдешь, паж!

Следующей с Сашей танцует Христина.

Христина. Беда, Сашок! Не знаю, что и делать!

Саша. Что случилось?

Христина. Указ вышел! Я погибла.

Саша. Объясни, не рыдай, моя повелительница.

Христина. Эта старая идиотка — наша царица — велела все свадьбы запретить.

Саша. Так радуйся. Ты же сама мне говорила, что скорее за коня выйдешь, чем за мужчину.

Христина. Как ты не понимаешь, мой паж, что теперь моя мать с перепугу нас поспешит замуж вытолкать. И стану я... Даже страшно подумать! Стану я повелительницей Топких Лужков, славного имения господина Гремыхина.

Они расстаются. Следующим с Христиной танцует Державин.

Державин. У меня нет слов. Я ухожу на войну с чеченцами, чтобы живым не возвращаться.

Христина. Возьми меня с собой. Я буду биться рядом и вместе с тобой упаду на камни.

Державин. Тебя никто не пустит. Тебя завтра замуж отдадут. Теперь уж твоя мамаша ждать не будет. Ей надо, чтобы через две недели вы были пристроены.

Христина. Но как проверить — может, это ложный указ?

Державин. В нашем государстве императорские указы не проверяются. Один мальчик проверил — и где он висит?

Христина. Ты хоть в такой момент можешь обойтись без шуточек?

Державин. Мне и самому не до шуток...

Пары снова меняются, и дальше Державин танцует с Прелестой.

Расстаешься ты со мной...

Прелеста. Надо что-то делать!

Державин. Это неизбежный рок!

Прелеста. Неизбежного рока не бывает.

Державин. Во стенании жестоком... Вот именно — во стенании жестоком!

Прелеста. Ты сошел с ума от горя! Но я тебя не отдам им на поругание, я разрушу их злодейские планы! Укради меня, пока не поздно!

Державин. Скорби не могу снести. Послушай, как получается:

Неизбежным уже роком
Расстаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Я прощаюся с тобой!

Прелеста. Как тебе не стыдно! Ты наши с тобой муки превращаешь в рифмы! *(Она отталкивает Державина от себя.)*

Танец кончается, музыканты настраивают инструменты. Ворчалкина в стороне разговаривает с Дремовым.

Ворчалкина. Ну скажи, это злая шутка?

Дремов. Я убежден в этом. Кому-то не нравится мой Гаврила.

Ворчалкина. А если это не шутка?

Дремов. Шутка, шутка.

Ворчалкина. Тогда я погибла. Через десять лет им будет по тридцать. Пожилые женщины. Тридцатилетних перестарков мне не сбыть. Но выбора-то нет!

Дремов. Есть выбор — мой Гаврила.

Ворчалкина. Чтобы больше этого имени в моем присутствии не произносить! Забыли и забыли!

Фентифлюшин. Разрешите выразить вам, Акулина Панкратьевна, мое искреннее сочувствие, экскюзе муа, так сказать.

Ворчалкина. Ну ладно, ладно, чего пришел?

Фентифлюшин. Чтобы протянуть руку помощи.

Ворчалкина. Мне не до твоей помощи, маркиз. У меня семейное несчастье.

Фентифлюшин. Неужто? Так я по этой части и приблизился к вам, тещенька дорогая.

Ворчалкина. Ты как меня обзываешь?!

Фентифлюшин. В надеждах, Акулина Панкратьевна. В сладких надеждах на получение руки вашей дочери.

Ворчалкина. Какой такой дочери?

Фентифлюшин. Да любой!

Ворчалкина. Ну ты, видно, совсем рехнулся! А любовь?

Фентифлюшин. Они мне обе любы. Да и какая может быть любовь, если на десять лет все свадьбы под запрет пошли.

Ворчалкина. Вранье все это! Кто нам такую глупость мог принести? Неужто эта Анька и ее тетка-кабаниха Матрена?

Фентифлюшин. Верно, есть такой указ. Только я молчал о нем, не смел вас огорчать.

Ворчалкина. Ох, не верится! Наверное, ты, как и я, только что об этом услыхал. А кто же мне первым сказал? Дай бог памяти...

Фентифлюшин. Я свое предложение сделал. Подумайте, Акулина Панкратьевна.

Ворчалкина. У меня их две, а ты, маркиз, один.

Фентифлюшин. Будет и второй.

Делает знак Гремыхину, который уже готов к подходу.
Тем временем гости оттанцевались, разошлись по гостиной и занялись разговорами.

Гремыхин. Уважаемая Акулина Панкратьевна, желаю сделать вам официальное предложение.

Ворчалкина. От тебя толку еще никто не видел. Ты же первый в уезде бездельник.

Гремыхин. Я много думал в последнее время, ночами не спал, ворочался...

Ворчалкина. И много у вас клопов?

Гремыхин. Клопы, конечно, клопами, но я мыслил.

Ворчалкина. Час от часу не легче. О чем мыслил?

Гремыхин. Жениться пора, остепениться желаю.

Ворчалкина. На ком же, если не секрет, жениться?

Гремыхин. Конечно, желательно на Прелесте, она послушнее, но если есть сомнения, возьму и Христю. Она по хозяйству полезней.

Фентифлюшин. Один плюс один равняется два. Два жениха, обе дочки пристроены, императорский указ мы выполним, но сначала поженимся. Это ля манифик!

Ворчалкина. Нет, никогда! Ни при каких обстоятельствах!

Фентифлюшин. Указ вступает в силу через две недели. А за две недели надо платья пошить, флердоранж изготовить, одна фата чего стоит! Нет, можем не успеть!

Гремыхин. Успеем, точно успеем. Как приданое посчитаем, так и за дело.

Ворчалкина. Какое еще приданое? Какое может быть приданое у бедной вдовы?

Фентифлюшин. Какое будет, такое будет. Нам много не нужно, лужок да лесок, речка да две печки, очень интересан!

Ворчалкина. Я в полном недоумении...

Дремов. Я в жизни немало чепухи слыхал. Если верить всему, с ума сойдешь.

Ворчалкина. Не скажи. Я тоже жизнь прожила, и у меня так получалось, что если весть плохая, если она против людей направлена, то скорее всего это и есть правда.

Дремов. Чепуха!

Ворчалкина. А вот когда умные и неумные люди начинают кричать, что это чепуха, то тем более следует насторожиться. Против чепухи у нас громко кричать не принято. А вот если это правда...

Дремов. Что же тогда будет?

Ворчалкина. Если это правда, то бывать в нашем доме двум свадьбам!

Некопейкин *(услышав эти слова)*. А я разбогатею. Наконец-то судьба ко мне повернулась.

Анна. Мне сказали, что вы, Акулина Панкратьевна, ложным слухам поверили. Так вот, я вас заверяю: это не более как слухи. Я вам слово даю!

Ворчалкина *(уходя)*. Спасибо. Еще как спасибо. И если у меня оставались сомнения, то теперь, после слов этой змеи, их нет. Вы поглядите на нее — ни кожи ни рожи. Не удивлюсь, если она окажется просто старой девой с претензиями.

Анна тем временем подбегает к Державину, который стоит рядом со своим дядей и Прелестой. Неподалеку Христина.

Анна. Действуй, Гаврила. Я ждала, думала, утрясется, уляжется, ан нет — ничего не утряслось!

Державин. Я готов действовать.

Анна. Я велю запрячь наши сани. Тут, должно быть, есть какая-нибудь деревня с церковью, где вас тайно обвенчают.

Прелеста. Ах, как романтично! Такая деревня есть, верст двадцать за лесом. Нас обвенчают, Гаврила!

Дремов. Это денег стоит.

Фентифлюшин *(который подслушивал)*. И позора на все семейство. Я полагаю, мон ами, своим долгом обратить внимание хозяйки дома на то, какие заговоры зреют за ее спиной.

Дремов. Пойдите вы отсюда подальше, маркиз.

Фентифлюшин. Пойду, пойду, церковная крыса. И тебе не удастся твой злодейский план.

Когда он уходит, остальными овладевает уныние. Они смотрят, как Фентифлюшин наушничает хозяйке дома, и та в гневе оборачивается к Анне.

Ворчалкина *(громко, чтобы в любом конце гостиной было слышно)*. Ну доберусь я до нее! Начала с ложек, а теперь и до моей дочки добралась!

Анна. Ваше злодейство будет отомщено. Вы так жестоки к собственным дочерям, словно отдаете их на растерзание львам на римском ристалище, чтобы посмотреть, выживут или погибнут.

Ворчалкина. Для их блага, истинно для их блага.

Она удаляется победительницей, за ней Фентифлюшин, изгибается, как в танце. В дверях Ворчалкина останавливается и говорит, обращаясь к несчастным жертвам своих решений.

Пошлите за портным в Переяславль! Заказываем подвенечные платья.

В гостиной остаются Анна, Матрена, Державин, Дремов, Христина и Саша. Их разговор слышен и Некопейкину, который им незаметен.

Матрена Даниловна. Не следует ли нам, Анечка, после таких слов покинуть этот дом?

Анна. Ни в коем случае и по двум причинам. Первая, на дворе ночь, в лесу волки, в степи метель и мороз. Вторая, я не дам в обиду моих новых друзей. Мы должны придумать, как их спасти. Притом срочно. Где Некопейкин?

В это время Некопейкин с Гремыхиным выходят на авансцену сбоку. Они слышат этот призыв, но пока остаются невидимыми.

Некопейкин. Может, пойти, помочь людям?

Гремыхин. А вот это тебе, лисий хвост, невыгодно. Ты им поможешь, нашу свадьбу расстроишь и никогда своего состояния не получишь. А получишь по шее. Хорошенько подумай, рабская душа, стоит ли тебе бежать на крик той просвистелки и лишиться расположения не только моего, но и госпожи Ворчалкиной. Эта Петровна приедет и уедет, а тебе с нами оставаться.

Некопейкин. Как справедливо, ой как справедливо!

Он поворачивается и уходит. За ним, удовлетворенно улыбаясь, следует Гремыхин. Не докричавшись Некопейкина, Анна обращается к Саше.

Анна. Может, тебе придет в голову умная мысль?

Саша. А стоит ли? Я вовсе не уверен, что вами владеет забота о счастье Прелесты.

Анна. Не спеши, мой паж. Я преклоняюсь перед талантом и перед любовью. Причем не знаю, что меня влечет более. Я сама человек несчастный, глубоко обиженный мужским обманом. Поэтому цель моей жизни — покровительствовать тем молодым людям, чье счастье находится под угрозой.

Саша. Вот видите, на самом деле вас не интересует личность солдата Державина, а только его талант. А то, что он мучается от социальной несправедливости, вы об этом задумались?

Анна. Александр, не говори красиво. Это может тебя в жизни на каторгу привести. Не все люди так же либеральны и терпимы, как наша нынешняя императрица.

Саша. Вы знаете, как задеть мужчину!

Анна. Ой знаю! Только в конце концов мужчины оказываются сильнее меня. И знаешь почему? В душе женщины живет наслаждение пораженья. Мы готовы сдаться еще в самом начале боя. И лишь очень глупые мужчины ставят на нашу силу и пытаются нас ублажить. Нас не ублажать, а пороть надобно! Так что давай, мальчик, борись с несправедливостью, освобождай крестьянство от нашего помещичьего гнета, а мне оставь поэзию и любовь.

Державин. Разумеется, вы, Анна, как всегда правы. Позвольте прочесть вам отрывок из стансов, который показался мне удачным.

Руки, грудь, уста и очи
Я целую у тебя,
Не имею больше мочи
Разделить с тобой себя.

Анна. И все-таки Гаврила — настоящий талант и, может, даже завтрашний день русской поэзии. Забудут обо всех, включая меня, а его имя будет золотом гореть на мраморных скрижалях.

Саша. Если вы так считаете и если вы бескорыстны, то и спасайте его.

Анна. Но как? Моего женского умишки на такие экзерцисы не хватает. Матрена, ты ведь в интригах всю жизнь провела...

Матрена Даниловна. Что ты, Аннушка, мои интриги то на конюшне, то на скотном дворе.

Анна. На скотном дворе, а уж тем более на конюшне, страсти кипят не хуже, чем при дворе Клеопатровом. Помнишь, как кучер Еремей Семена оглоблей забил?

Матрена Даниловна. Как же, как же!

Анна. Никто не желает помочь Гавриле с Прелестой. Никто...

Матрена Даниловна. Да как же указ императорский отменить?

Анна. А что, если и не отменять его? Пускай себе указ указом. Но ведь в каждом указе есть исключения. Например, пишет наш губернатор указ, чтобы собак на базарную площадь без поводков не впускать. А потом полицмейстер пишет к нему разъяснение. Собак не пускать, а глубокоуважаемого пса господина губернатора не только пускать, но и поощрять к испражнениям.

Саша. А в этом что-то есть. Что-то...

Державин. В испражнениях?

Саша. В исключении из указа.

Анна. Молчи. Дай самой догадаться!

Саша. Правильно, Анна!

Матрена Даниловна *(будто уже прочла мысль своей Аннушки)*. Гаврила, у тебя почерк хороший?

Державин. А почему я?

Прелеста. Ах, ты не хочешь на мне жениться? Не могу же я писать, как курица лапой.

Матрена Даниловна. Ясно все, как день. Гаврила Романович, садись и пиши. Саша, неси чернила и бумагу, да получше, зеленевую с водяным знаком, а то попадемся, еще и в полицию угодим.

Саша. Уже бегу. Одна нога здесь, другая там.

Матрена Даниловна. Начинаем сочинять!

Все сближают головы и шепчутся. Входит Фентифлюшин.

Фентифлюшин. Пуркуа па? Что здесь имеет место быть?

Державин делает два шага к нему.

Державин. Дуэли захотел, маркиз? Так ты дуэль у меня получишь.

Фентифлюшин. Ну какая может быть дуэль? *(Отступает.)*

Державин возвращается к группе заговорщиков. И не замечает, как через некоторое время на месте Фентифлюшина появляется Некопейкин. Подслушивает.

С другой стороны вбегает Саша с листом бумаги и чернильницей. Матрена Даниловна смотрит на свет, ищет водяной знак. Лист раскладывают на столе. Державин садится за стол.

Анна. Указ будет сокращенный, потому что не для высоких особ. Так что пиши: Мы, Божьей милостью Екатерина Алексеевна, императрица всея Руси Великия, Малыя и Белыя, повелеваем...

Голос Анны крепнет, и мы можем здесь почувствовать, как она входит в роль императрицы.

Повелеваем. Во изменение нашего предыдущего указа о запрещении в государстве Российском всех свадеб на десять лет... Нет, вы только подумайте, бред сивой кобылы...

Державин. Это писать?

Анна. Да ты с ума сошел! Это я для истории... На десять лет. Написал? Разрешаю в виде исключения сыграть немедля свадьбу между Гавриилом Романовичем Державиным, капралом моего Преображенского гвардейского полка, и дворянской девицей Прелестой Ворчалкиной. Теперь, отступя, внизу: место для росписи и число. Дано в Санкт-Петербурге декабря 6-го числа 1771 года от Рождества Христова. Написал? Отлично!

Саша. Красиво. Тебе не стихи, а указы писать.

Матрена Даниловна. Все будет, дайте только срок. *(Игриво щиплет Державина, тот даже подпрыгивает.)*

Прелеста. Если у вас всех в Ярославле такие нравы, то мы без ваших услуг обойдемся.

Анна. Не обойдетесь. Давай мне сюда перо. Окуни поглубже, только таракана из чернильницы не зацепи.

Анна садится за столик, примеривается гусиным пером...

Саша. Анна Петровна, погодите. Вы же не знаете, как Екатерина Алексеевна расписывается.

Анна. А кому до этого дело? Ты думаешь, что Акулина когда-нибудь видала настоящую подпись?

Она уверенно расписывается. Подпись длинная, с завитушками.

Державин. Славно. Сама твоя подпись, Анна, совершенна!

Некопейкин слышал весь этот разговор. Незамеченный, он отступает из комнаты. Саша дует на лист и сворачивает его трубочкой.

Анна. Кто понесет, господа? Мне нельзя, я у хозяйки не пользуюсь доверием. Она полагает, что я у нее ложки таскаю.

Прелеста. Наверное, я понесу. Мама думает, что я глупенькая.

Саша. А откуда, скажешь, ты указ взяла?

Прелеста. Нарочный привез.

Матрена Даниловна. А вот и ваша мамаша идет. Давайте отойдем в сторонку.

Входит Ворчалкина.

Прелеста. Маменька, тебе письмо!

Ворчалкина. Это еще откуда?

Прелеста. Может, с именинами поздравляют?

Ворчалкина. Чтобы кто-то у нас на бумагу потратился? Быть того не может. Откуда эта бумага появилась?

Прелеста. А разве ты, мама, не слыхала, как сани подъезжали? А в санях фельдъегерь.

Ворчалкина. Кто в санях?

Прелеста. Фельдъегерь в мундире. Он бумагу отдал, а сам дальше умчался. У него дела срочные.

Ворчалкина. Чудеса, да и только. И без конверта? И без сургучной печати? *(Рассматривает бумагу. Читает по складам.)* Мы, Божьей милостью... А ну, кто у нас самый грамотный? Дремов, пойди сюда. Читай, только медленно. Тут поздравление мне с именинами.

Дремов. Мы, Божьей милостью Екатерина Алексеевна, императрица и самодержица всея Руси Великия, Малыя и Белыя, повелеваем во изменение нашего предыдущего указа о запрещении в государстве Российском всех свадеб сроком на десять лет, разрешаю в виде исключения сыграть немедля свадьбу между Гаврилой Романовичем Державиным, капралом моего Преображенского гвардейского полка, и дворянской девицей Прелестой Ворчалкиной. Число и подпись...

Ворчалкина. Ты, небось, шутишь, чтобы племяннику своему помочь! Ах ты, старый плут!

Дремов. Да разве вы подпись нашей божественной императрицы не распознаете?

Ворчалкина. Подписи я не знаю... Прелеста, скажи еще раз, откуда эта бумага к нам в дом попала?

Прелеста. Менее получаса назад перед нашим домом остановились сани, в них сидел фельдъегерь, он велел передать письмо... Да вы, наверное, слыхали, как он подъезжал!

Дремов. А что, не исключено, что и подъезжал!

Ворчалкина. У меня голова идет кругом, со всех сторон заговоры и интриги. Хоть кто-нибудь бы мне помог!

Фентифлюшин. Я готов, я здесь!

Ворчалкина. Тогда читай. А то я Дремову не доверяю.

Фентифлюшин. Вы же знаете, ма шер, что я куда лучше по-

французски могу читать, чем на этом террибль варварском языке московитов.

Ворчалкина протягивает ему письмо. Фентифлюшин, шевеля губами, читает его. Подходит и Гремыхин, тоже смотрит.

О, нон, это инкредибль. Такого указа быть не может!

Прелеста. Но ведь он есть. И подпись настоящая!

Гремыхин. А вот с этим надо будет серьезно разобраться.

Ворчалкина. Нет от вас никакого толка! И вы не можете мне сказать, настоящий это указ или подделка.

Гремыхин и Фентифлюшин *(вместе)*. Подделка!

Дремов. Да откуда вам знать? Я-то сам думаю, что ваш указ про десять лет запрета на свадьбу втрое хуже подделка. Никто того указа и в глаза не видел.

Фентифлюшин. Был тот указ. В этом же написано: «во изменение». Во изменение того указа! А если бы того указа не было, что тогда изменять?

Ворчалкина. Идите все прочь! Все мне надоели. Я же портного уже хотела заказать! Так все славно выходило... А тут полное безобразие.

Все уходят, а вместо них появляется Некопейкин.

Некопейкин. Уважаемая Акулина Панкратьевна, у вас не найдется взаймы ста рублей?

Ворчалкина. И этот туда же!

Некопейкин. Соглашусь и на червонец, но ни копейки меньше. Вы же нас, Некопейкиных, знаете. Мы доходим до последней черты, а потом твердо так произносим: «Ни шагу назад, ни копейкой меньше!»

Ворчалкина. Я же сказала всем уйти! Я переживать буду!

Некопейкин. Только этот листок, умоляю, не порвите и не сожгите.

Ворчалкина. С чего же я должна его рвать?

Некопейкин. Берегите его! Он большой доход вам принесет в суде!

Ворчалкина. А почему в суде?

Некопейкин отводит ее в сторону.

Некопейкин. Потому что я видел, как этот указ писали. Да еще над вами надсмехались.

Ворчалкина. Кто писал?

Некопейкин. Ну хоть червонец!

Ворчалкина. Неделю бесплатно на кухне будешь жрать до отвала.

Некопейкин. А вы не забудете?

Ворчалкина. Говори, зачем пришел?

Некопейкин. Этот указ придумала Анна Петровна. И диктовала его Державину. Он и написал — его рука!

Ворчалкина. Вот мерзавец! А как они подпись императрицы раздобыли?

Некопейкин. А за царицу Петровна и расписалась.

Ворчалкина. Так... Иначе я и не думала. Начала с ложек, потом решила весь мой дом ограбить. Ну она у меня в холодной посидит! Ну она клопов в уездной тюрьме покормит!

Некопейкин. Она же дворянского звания!

Ворчалкина. Когда такое тяжкое преступление, как подделка царской росписи, совершилось, то не жить этой гадюке на белом свете! Это же бунт! Правую руку долой! Левую ногу долой! Левую руку долой — голову отрубили!

Некопейкин. Зачем же так строго?! Ну отрубили бы голову — и дело с концом. А то руки-ноги... Может, они пошутили?

Ворчалкина. Пошутили с целью меня ограбить? Моих дочерей обесчестить? Нет, не выйдет! Эй, Фентифлюшин, Гремыхин, все сюда!

Гремыхин и Фентифлюшин словно за дверью ждали призыва — тут же вбежали в гостиную.

Я торжественно подтверждаю, что отдаю вам руки моих дочерей, моих кровинушек. Но и вы защитите честь моего дома! Велю вам — схватите и закуйте в железа помещицу Петрову Анну за бунт против меня!

Фентифлюшин. Это рискованно, Акулина Панкратьевна. За нее Державин вступится, а у него шпага и пистолет.

Гремыхин. Не переживайте, мамаша, будет сделано. Мы сейчас наших кучеров позовем и вместе с народом скрутим этих... Их двоих надо скрутить — она же здесь вместе с теткой.

Фентифлюшин. А как с Державиным быть? Он буйный.

Ворчалкина. Не посмеет он закону перечить. Все же солдат, а не генерал. К тому же я Дремова предупрежу, он человек тихий, понимающий. Увидите его, зовите ко мне.

Фентифлюшин с Гремыхиным уходят широкими шагами государственных людей.

Все, кончились твои игрушки, Анна Петровна. На кого руку подняла? На порядок, на обычаи русской земли! Можно сказать, на самое святое! *(Хочет разорвать указ, но потом спохватывается.)* Бумага хорошая, пригодится еще.

Входит Дремов.

Дремов. Что за шум? Куда твои женихи побежали? Дворовых кличут, словно на войну.

Ворчалкина. Подошло время действий, и мне нужно, чтобы ты понял, на чьей ты стороне. На стороне ли русского народа или вместе с его врагами-басурманами?

Дремов. А в чем между ними различие?

Ворчалкина. Наши люди всегда правы, а ихние всегда виноваты. Больше разницы и ненадобно.

Дремов. А я тут при чем?

Ворчалкина. Сейчас люди Гремыхина и Фентифлюшина, которые есть мои союзники, будут хватать и заковывать в железа подлую бабу Анну Петровну и ее спутницу Матрену. А я тем временем посылаю человека в уезд, чтобы прислали воинскую команду и взяли этих баб куда надо — слово и дело государево.

Дремов. Чем же они тебе не угодили?

Ворчалкина. Мало, что она ложки ворует. А уж что она государевы указы подделывает, тому нет прощения.

Дремов. Может быть, с благородной целью?

Ворчалкина. Ах ты, старый сводник! Думаешь, твоему Гавриле моя Прелеста достанется? Чепуха! Я тебя и позвала, чтобы ты внушил этому недорослю хорошее поведение. Кинется на помощь преступницам — я добьюсь, чтобы и он в кутузку угодил. Ты мое слово знаешь.

Дремов. Окстись, подруга! Разве так счастье устраивают?

Ворчалкина. Счастье не устраивают. Счастье вручают, как ключи от рая. А ну иди, передай Гавриле мое приказание — пусть сидит ниже травы, тише воды.

Дремов. Ох, пожалеешь ты об этом, Акулина.

Ворчалкина. Никогда! Те, кто приказывает, об этом не жалеют.

Дремов уходит. Через сцену пробегает Анна, за ней Матрена, потом Гремыхин, Фентифлюшин и слуги.

Ату их!

Кидается наперерез, сталкивается с Матреной, и они падают на диван. Тут Фентифлюшин догоняет Анну.

Схватка, крики.

В дверь лезет Державин, на нем виснут дядя Дремов и Прелеста. Саша появляется в других дверях и кричит.

Саша. Как вам не стыдно, сатрапы! Вы подняли руку на беззащитных женщин, вся вина которых заключалась в борьбе за права обездоленных! Руки прочь!

Ворчалкина. Помолчи, тебя еще здесь не хватало. Розги по тебе плачут!

Саша. Вот единственный ответ, до которого снисходят тираны. Но недолго вам пользоваться плодами нашего бесправия!

Ворчалкина в гневе топает ногой, и Саша отступает в тень. Гостьи Ворчалкиной стоят перед ней растрепанные, избитые, помятые, красные. Гремыхин с Фентифлюшиным горды собой. Руки пленниц связаны за спиной. На сцене появляется Некопейкин. Но не спешит подходить.

Матрена Даниловна. Немедленно освободите нас! Вы руку подняли на столбовых дворянок.

Ворчалкина. На столбовых воровок!

Фентифлюшин. На столбовых фальшивомонетчиц!

Гремыхин. Я думаю, что холодный подпол — лучшее место для них.

Некопейкин *(вдруг решает вмешаться в этот хор и петушком, петушком выскакивает на передний план)*. Вы только посмотрите — ну точно мокрые курицы! И как их только в приличный дом допустили! Если под юбками поглядеть, там не только ложки, там и подносы могут быть спрятаны или даже самовар, который на той неделе распаялся.

Гремыхин. А это надо поглядеть! *(Счастливо хохочет. Он вообще много и счастливо хохочет.)* Позволь, Акулина Панкратьевна, я под юбками поищу.

Матрена Даниловна. Одумайся, мерзавец! Когда я до тебя доберусь, судьба твоя будет ужасна.

Гремыхин. И в чем же ее ужас?

Матрена Даниловна. А есть у меня особый ножичек, я им быков и дураков оскопляю!

Анна *(останавливает ее жестом и обращается к Ворчалкиной)*. Вы еще не удосужились объяснить, в чем же нас обвиняют?

Ворчалкина. Вас, голубушка, обвиняют в государственном преступлении. В корыстных целях и в сговоре с солдатом Державиным вы подделали государственный указ и даже изобразили, господи прости, подпись государыни. За это четвертуют!

Анна. Неужели?

Матрена Даниловна. Я не желаю больше этого терпеть!

Анна. Погоди, тетушка. Может, это и есть настоящее жизненное испытание. Ведь человек открывается лучше всего, когда над ним висит дамоклов меч смерти или иная угроза. Мы сейчас все узнаем. *(Она оборачивается к Ворчалкиной.)* Надеюсь, вы понимаете, госпожа Ворчалкина, что в подпол нас посадить вы не посмеете. Это может вам большим горем обернуться. Подумайте: если губернатор узнает, что его родственницу в подвале держат? И смертью угрожают?

Ворчалкина *(без особого убеждения в голосе)*. Не знаешь ты никакого губернатора! Все это выдумки! Может, вы даже и не дворянки!

Анна. А вот доказывать это мы будем не здесь и не сейчас.

Ворчалкина. Да не собиралась я вас в подпол сажать. Что же мы — дикие турки, людей в подвале держать? Нет, я вас просто выгоню на мороз — и поминай как звали. Вот именно так я и сделаю!

Некопейкин. Нет, мало этого! Вы их сначала разденьте догола, а потом выгоняйте. Волки вам спасибо скажут.

Матрена Даниловна. А твою поганую рожу я тоже запомню.

Некопейкин. Видите, видите, до чего распустилась! Сам бы разорвал!

Матрена Даниловна. Да руки коротки.

Анна. Хорошо, мы уходим. Велите сани запрягать. Но хочу задать вопрос: нет ли среди вас людей, кто желал бы разделить с нами трудности пути и невзгоды? Подумайте, две слабые женщины скоро окажутся в диком лесу и некому их защитить. Неужели на Руси перевелись витязи?

Саша. Почему перевелись? А я?

Христина. Ты — мой паж, и без меня никуда не двинешься.

Саша. Нет, двинусь!

Христина. Дурачок, я и без тебя знаю, что двинешься, потому что сзади меня на коня сядешь. Мы вместе поскачем, только не упади. Мальчишка. Я пошла — буду ждать верхом возле ваших саней.

Ворчалкина. Если посмеешь так поступить — ты не дочь мне!

Христина. Знаю и иду на такое решение, мамаша, потому что жить человеку надо с собственной совестью, а не с Фентифлюшиным.

Христина хочет уйти, но Анна ее останавливает.

Анна. Погоди, Христя, дай я тебя поцелую. И знай, что отныне ты сестра мне.

Фентифлюшин. Не смей мою невесту целовать!

Христина уходит из комнаты и, проходя мимо жениха, так стегает его хлыстом, что тот, съежившись, чуть не падает.

Это мизерабль! Саваж, да, именно саваж!

Саша идет за Христиной.

Ворчалкина. Сашка, если ты так сделаешь, завтра же к матери тебя верну!

Саша. Мы, революционеры, сами решаем свою судьбу и судьбу Отечества.

Державин. Простите, Анна Петровна, что я не первым свое решение высказываю, но мне требовалось время, чтобы обдумать. Ведь я предан справедливости и не терплю унижения других людей. Но притом я не свободен, и не исключено, что Прелеста может неправильно понять мое решение сопровождать вас в темный лес.

Прелеста. Я все правильно поняла, не бойся, мой возлюбленный. Не останусь же я в этом паршивом отчем доме на растерзание Гремыхину, когда ты в лесу с Анной Петровной будешь амурами заниматься. Ты думаешь, я не вижу, что ее вовсе не поэзия интересует, а твое прекрасное тело!

Анна. Чепуха, чепуха и еще раз чепуха! Ты, Прелеста, не знаешь о поэзии ничего достойного. И это тебя оправдывает.

Прелеста. Зато я о жизни много знаю. У нас конюх Матвей три раза по ягоды с Дарьей ходил. А теперь Дарью Тимофей из дома выгнал. Так что раз верхом я не могу скакать, ищите мне место в ваших санях, госпожа Петрова.

Дремов. Но вы можете с Гаврилой в моей кибитке уместиться.

Прелеста. Но там же свечки нет! Темно...

Гремыхин. О чем речь, не понимаю! Какая кибитка? Куда моя невеста собралась?

Анна. Есть еще желающие разделить со мной мою участь?

Некопейкин. На меня можете не пялиться! Я остаюсь на стороне народа и справедливости. Да здравствует здоровый домострой, долой распутство!

Анна направляется к дверям, но тут Ворчалкина не выдерживает.

Ворчалкина. Хватит! Ты меня, змея подколодная, вообще без дочерей оставить хочешь? А я тебя жалела! Я тебя на волю отпустила после такого преступления! В подпол ее! Безжалостно! И утром, прежде чем отправить в уезд, выпороть обеих — по сто плетей, чтобы месяц не сели и не встали.

Гремыхин с Фентифлюшиным и слугами хотят увести пленниц.

Державин *(вытащив шпагу)*. Только через мой хладный труп!

Саша *(отламывает ножку у стола)*. Я рядом с тобой до конца!

Они вдвоем встают на пути женихов.

Ворчалкина. Люди! Все сюда! Никакой пощады!

Слуги хватают спасителей, а Гремыхин с Фентифлюшиным тянут женщин из комнаты.

И тут все замирают, потому что издали, быстро набирая силу и становясь все звонче, слышен переклик бубенчиков, отдаленные крики и пронзительный вой трубы.

Дремов. Это что такое?

Некопейкин. Вернее всего, это полиция из Переяславля скачет, чтобы этих поганых преступниц в уездную тюрьму препроводить.

Он идет навстречу грохоту и музыкальной буре. Распахивает двери.

Добро пожаловать!

Сметая его с пути, в комнату врываются несколько кавалергардов в сверкающих шлемах, с шашками и палашами наголо. Они образуют коридор по направлению к связанным Анне и Матрене Даниловне. И по этому коридору от двери шагает невероятной красоты и роскоши кавалергард в шлеме со страусиными перьями и золотой кирасе. Он делает несколько шагов вперед и медленно опускается на одно колено.

Граф Владимир Орлов. Прости нас, матушка государыня Екатерина Алексеевна, что не успели вовремя. Сначала инкогнито твое берегли, а потом в метели с дороги сбились.

Анна. А я и не серчаю. Зато мы такое приключение испытали, в жизни не было ничего смешнее! Велите меня развязать...

Затемнение

ЭПИЛОГ

Та же гостиная в доме Ворчалкиной.

Прошло некоторое время, может, час или два. По крайней мере императрица успела переодеться и привести в порядок прическу. Она стоит в стороне, рядом с ней Владимир Орлов, возможно, сменивший наряд на более скромный. По гостиной проходят, пробегают придворные, слуги и прочие мелкие чины. В дверях стоят часовые — кавалергарды.

Во время беседы Екатерины с Орловым к ней подходит доктор и нащупывает ее пульс. Ассистент доктора стоит рядом и держит песочные часы, с которыми доктор и сверяет свои наблюдения.

Орлов. Но ведь Вольтер, государыня, писал, что предательство следует карать сильнее, чем подлость или воровство, потому что оно опаснее для судеб государства, чем вторжение Тамерлана.

Екатерина. Так ли, граф? Мне Вольтер писал иначе. Он полагал, что предателя можно использовать, если он полезен. Ведь знание его подлой души уже делает его почти безопасным.

Орлов. Не вижу примера в твоем окружении. Ты же сама, государыня, сказала, что твои друзья тебя не подвели и ты этим довольна.

Екатерина. А сейчас увидишь и недруга. Приведите ко мне Некопейкина!

По комнатам, по господскому дому несется с перехватами клич: «Некопейкина... Некопейкина...»

Некопейкин появляется в сопровождении кавалергарда. При виде императрицы Некопейкин падает на колени и пытается вжаться в пол, что ему не удается. Он ползет к ногам императрицы.

Екатерина. Вот это и есть тот мелкий предатель, о котором я тебе, граф, говорила. Он умудрился предать меня в самый опасный

момент, и, если бы не твое своевременное появление, я могла бы из-за него лишиться жизни.

Некопейкин. Никогда! Она бы не посмела! А я бы измыслил проект, как вас спасти.

Екатерина. Он лишился разума от корысти.

Орлов. Разреши его заковать?

Екатерина. А что, я думаю, он заслуживает каторги.

Некопейкин. Прости, матушка. Клянусь, что в последний раз!

Орлов. Может, ему сразу голову отрубить? Чего на такого кормежку тратить?

Екатерина. Погоди, посмотрим, может ли от него быть польза. Если ты, Некопейкин, сейчас здесь измыслишь проект, который окажет помощь в фискальном сыске и моем благополучии, может быть, я тебе сохраню жизнь. Ну, вставай и излагай.

Некопейкин *(с трудом поднимается, потом опять падает на колени)*. Государыня, я лучше так постою...

Орлов. Изобретай проект, а то время не ждет.

Некопейкин. На благо империи Российской я предлагаю такой проект. В каждый дом поставить ящик с дыркой впереди. В ящик посадить особо обученного и верного человека. Как пробьет шесть часов и обыватели придут домой с полей или из установления, этот человек будет открывать задвижку в ящике, высовывать изнутри морду и рассказывать правильным голосом все нужные новости, как внутренние, так и иностранные. Чтобы все обыватели слушали одни и те же вести и никаких сомнений не имели. В этих новостях...

Постепенно Некопейкин входит в раж, встает с колен и начинает помогать себе жестами.

Образ твоего величества, императрица, должен быть воспет благожелательно и, возможно, стихами в изображении Гаврилы Державина. Потом же, закончив говорить новости, специальный человек закроет дырку в ящике, оставив небольшую щель, и продолжит свое наблюдение за обитателями того дома с тем, чтобы вовремя и достойным случаю языком изложить доклад главному фискалу государства...

Долгая пауза.

Орлов. Ящик, морда в ящике... А где мы найдем столько фискалов?

Екатерина. А вот это твоя забота, ты у нас министр юстиции.

Орлов. А что с этим делать?

Екатерина. Наказать, как и намеревались. Ибо он есть ничтожный червь, поднявший руку на императрицу, которая хоть и добра, но никому ничего не забывает.

Орлов. Увести негодяя!

Некопейкин. Голубушка императрица! Я те каждый день по

проекту буду представлять! О путешествии вокруг Земли с залетом на Марс в ракете, подобной фейерверковой. О достижении морских глубин в железном снаряде...

Он бьется в дверях, стараясь докричаться до императрицы.

О постройке железной дороги между Петербургом и Москвой, чтобы кареты на ней тащил паровой котел братьев Черепановых!

Некопейкина уводят.

Екатерина. Посмотри, когда будут пороть, чтобы ничего ему не повредили. В Петербурге выбери его в члены-корреспонденты Академии наук, а затем засекреть, словно Железную Маску во Франции. И пусть каждый день по проекту представляет и думает, что покупает себе этим жизнь.

Орлов. Мудра ты, матушка, но недобра.

Екатерина. У меня было тяжелое детство, игрушки к полу прибивали. Кто у нас следующий?

Орлов. Женихи, матушка, которые тебя ловили и терзали.

По его сигналу вводят Гремыхина и Фентифлюшина.

Екатерина. Ну, каково вам, герои?

Они кидаются к ее ногам и воют.

Герои, воистину герои! Думаю, что на каторгу их за нападение на особу царских кровей посылать не будем. Каторгу жалко. Даже не знаю, какое бы им наказание придумать? Да помолчите, герои! Как бедную женщину мучить — вы тут как тут, а как отвечать за свои паскудные деяния, так вас нет как нет.

Входит Матрена Даниловна. Становится позади императрицы.

Отдадим-ка вас в солдаты заместо Гаврилы Романовича, чтобы наша армия не обезлюдела. Ну как?

Матрена Даниловна. Только разреши мне, матушка, вот этого Гремыхина к себе в возок на дорогу в Петербург взять. Пускай греет старую бабку.

Фентифлюшин. Я тоже хочу!

Матрена Даниловна. Ты, немощный, не мешай.

Гремыхин. Я вам готов служить с утра до вечера, как прикажете.

Матрена Даниловна. Дурак, мне с вечера до утра служить положено. Не знаешь ты, зачем я при государыне состою?

Гремыхин. А зачем?

Матрена Даниловна. А для испытания вашего брата на мужскую силу.

Она уводит Гремыхина, Фентифлюшин плетется сзади, а Екатерина оборачивается к Орлову.

Екатерина. Ох, не подозревает этот дурак, что его ждет! Хочешь на спор — до Петербурга ему живым не добраться.

Орлов. Принимаю твое пари, государыня. Считаю, что доберется, но импотентом.

Екатерина. Послушай, граф, я тебя больше за границу отпускать не буду. Откуда ты таких диких слов нахватался? Что это такое «импотент»?

Орлов. Это по-европейски значит — видит око, да зуб неймет в женском вопросе.

Входит Христина.

Христина. Государыня, моя мать просится к вам в ноги пасть.

Екатерина. А стоит ли?

Христина. Ни в коем случае не стоит! Будет она околесицу плести, только наше с вами время отнимать.

Екатерина. Быть по-твоему. Пускай Акулина сидит у себя в имении и носа наружу не кажет.

Христина. Мне коня моего дозвольте взять?

Екатерина. И не думай! Я тебе белого аргамака в Петербурге подарю.

Христина. И не мечтала о таком.

Екатерина. А я ничего без пользы и смысла не делаю. Будешь ты у меня капитаншей амазонской роты. Дело серьезное.

Христина. Не обману!

Екатерина. Знаю, а сейчас, когда поедем, будешь за сестрой присматривать. Я ей счастье обеспечила, жениха достала, сама чуть через это голову не потеряла и не хочу теперь, чтобы она глупостями себе прекрасную головку засоряла.

Христина. Но вы слово сдержите?

Екатерина. Вот вы все такие! Чуть к человеку привяжешься, он сразу начинает сомнения выказывать. Я, как обещала, дом новобрачным подарю рядом с моим летним дворцом и, может, даже соединю их крытым переходом.

Христина. Это еще зачем?

Екатерина. А вдруг мне захочется стихи послушать, о рифмах поговорить с умным человеком, с талантливым русским поэтом?

Христина. А свадьба скоро?

Екатерина. Не торгуйся, капитан амазонской роты! Помолчи лучше.

Прелеста стоит в дверях и слушает.

(Заметив девушку). Подойди сюда, дитя мое.

Прелеста *(подходя и целуя протянутую ей руку).* Спасибо, ваше

величество, за заботу и подарки. Только можно я с Гаврилой в кибитке в Петербург поеду?

Екатерина. И не мечтай. Мы будем о высоких материях разговаривать. Время пролетит незаметно.

Прелеста. Тогда можно мы с ним здесь останемся?

Екатерина. Я порой не понимаю людей. Где Державин? Немедля сюда!

Державин уже стоит, ждет своей очереди.

Гаврила, тебе мое общество приятно?

Державин. Как никакое другое, ваше величество.

Екатерина. Согласен ли ты до Петербурга со мной в кибитке ехать?

Державин. Почту за честь, государыня.

Екатерина. А вот твоя невеста Прелеста возражает и даже хочет, чтобы ты здесь остался.

Державин. Здесь?

Екатерина. И от свадьбы на весь Петербург отказался, и от дворца на Фонтанке отказался, и от полковничьего чина, и от тысячи душ крепостных, и от собрания сочинений в кожаных переплетах. И остался здесь в глуши, в бедности, и растили бы вы с Прелестой полдюжины золотушных детишек и ездили в гости к твоему дяде Дремову...

Дремов. Я бы тебе не посоветовал такой жизни.

Державин. Ты на самом деле, Прелеста, желаешь моей гибели ради любви к тебе?

Прелеста. Я уж и не знаю, чего желаю. Только желаю тебя, милый, сохранить.

Екатерина. Не съем я его. Учти разницу между благодеяниями и любовью. Я действую в интересах государства. И твой Гаврила теперь не только наш с тобой, но и государственная собственность.

Прелеста *(тихо рыдая)*. Поехали, милый, в Петербург, поехали скорее. Только со мной в одном возке.

Христина. Нет, сестренка, поедешь со мной вместе, будем с тобой обсуждать твою супружескую жизнь в столице.

Екатерина. Где Саша, где мой верный паж?

Саша. Я здесь.

Екатерина. Познакомьтесь. Это Саша Радищев, юный радикал, а это граф Орлов. Он только что из Лейпцига, изучал там право и поднабрался непонятных слов. Ты, Саша, знаешь, кто такой импотент?

Саша. Знать не знаю и быть импотентом не желаю, потому что вернее всего это представитель эксплуататоров и угнетателей трудового народа.

Екатерина. Замечание, не лишенное смысла. Так вот, граф Орлов тебя приспособит в Пажеский корпус, а после отправишься в

Германию изучать философию. И чтобы, когда вернулся в Россию, всей этой глупости по поводу освобождения крестьян у тебя в голове не водилось. Обещаешь, мой мальчик?

Саша. Ничего я не могу обещать, потому что у меня есть принципы.

Екатерина. Ничего, обломаем твои принципы. Сядешь в кибитку с графом и будешь с ним разговаривать о мировой философии. Иди, иди... И все идите. Наша история чудесно закончилась, теперь впереди дорога и целая жизнь впереди. И будем мы все любить друг друга, и будет в России справедливость. А ты, Прелеста, кончай реветь! Не люблю, когда глупые девчонки ревут. Умей отстоять своего кавалера, и тогда я тебя буду уважать.

Прелеста. А как?

Екатерина. Подсказки не будет.

Екатерина уплывает со сцены.
На опустевшую сцену выходит растрепанная, несчастная Ворчалкина. Видит Прелесту.

Ворчалкина. Спеши, дочка, за своим призрачным счастьем. Ведь вся эта история крутилась вокруг твоих интересов. Вот и докрутилась.

К Ворчалкиной подходит Дремов.

Дремов. Считай, тебе повезло, что императрица тебя помиловала.

За окнами начинает играть оркестр. Через гостиную проходят уже одетые в шубы или зипуны все герои.
Сначала проплывает Екатерина. За ней Матрена Даниловна, которая ведет на цепи Гремыхина. Фентифлюшина ведут два кавалергарда, он в солдатской шинели и гренадерке.
Державин ведет под руку Прелесту. Христина сзади подгоняет сестру плеткой.
Граф Орлов с Сашей горячо обсуждают проблемы народной свободы. Некопейкин с трудом тащит свои кандалы.

Ворчалкина. Слава богу, что все так хорошо кончилось. И мы на свободе.

Звенят бубенцы. Гаснет свет.

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Так начинаются наводнения . . . 7
Хоккей Толи Гусева . . . 14
Когда вымерли динозавры? . . . 17
Поломка на линии . . . 27
Поделись со мной... . . . 38
Освящение храма Ананда . . . 47
Я вас первым обнаружил! . . . 59
Такан для детей Земли . . . 69
Сказки . . . 75
Можно попросить Нину? . . . 99
О страхе . . . 108
Пустой дом . . . 122
Коралловый замок . . . 132
Монументы Марса . . . 143
Снегурочка . . . 147
Красный олень — белый олень . . . 155
Загадка Химеры . . . 164
Корона профессора Козарина . . . 169
Терпение и труд . . . 181
Глаз . . . 191
Если бы не Михаил... . . . 205
Выбор . . . 215
Первый слой памяти . . . 224
Богатый старик . . . 247
Трудный ребенок . . . 271
Сказка о репе . . . 286
Чечако в пустыне . . . 298
Усилия любви . . . 310
Мутант . . . 321
Детективная история . . . 329
...Хоть потоп! . . . 341
Обозримое будущее . . . 352
Письма разных лет . . . 360
Кому это нужно? . . . 373
Покушение на рассвете . . . 378
Другая поляна . . . 388
Цветы . . . 397
Летнее утро . . . 401
Шкаф неземной красоты . . . 409
Вячик, не двигай вещи! . . . 421

Шум за стеной . . . 430
Из жизни дантистов . . . 443
Петушок . . . 449
Протест . . . 467
Один мальчик наступил на рамокали . . . 477
Хочешь улететь со мной? . . . 485
Садовник в ссылке . . . 497
Пора спать! . . . 507
О возмездии . . . 512
Юбилей «200» . . . 519
Разум для кота . . . 532
Альтернатива . . . 537
Единая воля советского народа . . . 540
Показания Оли Н. . . . 550
Мой пес Полкан . . . 566
Встреча тиранов под Ровно . . . 582
Звенящий кирпич . . . 588
Диалог об Атлантиде . . . 592
Столпотворение . . . 595
Значительные города . . . 598
Дискуссия о звездах . . . 604
Апология . . . 614
Спасите Галю! . . . 618
Слышал? . . . 635
Последние сто минут . . . 639
Первый день раскопок . . . 647
Старенький Иванов . . . 652
Тебе, простой марсианин! . . . 659
Тревога! Тревога! Тревога! . . . 668
Утешение . . . 675
Морские течения . . . 685
Час полночный . . . 689
Одна ночь . . . 698
Котел . . . 713
Киллер . . . 721
Будущее начинается сегодня . . . 737

ПЬЕСЫ

Осечка-67 . . . 751
Товарищ Д . . . 807
Ночь в награду . . . 859
Крокодил на дворе . . . 901
Именины госпожи Ворчалкиной . . . 946